

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

АРХИВЪ

ЮГО-ЗАПАДНОЙ РОССИИ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

ВРЕМЕННОЮ КОММИССІЕЮ

ДЛЯ

РАЗБОРА ДРЕВНИХЪ АКТОВЪ,

ВЫСОЧАЙШЕ УЧРЕЖДЕННУЮ

п р и

Кіевскомъ, Подольскомъ и Волынскомъ

ГЕНЕРАЛЪ-ГУБЕРНАТОРЪ.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ.

АКТЫ ОБЪ ЭКОНОМИЧЕСКИХЪ И ЮРИДИЧЕСКИХЪ ОТНОШЕНІЯХЪ КРЕСТЬЯНЪ ВЪ XVI—XVIII ВѢКѢ.

(1498—1795).

Томъ I

(Съ Приложеніемъ въ особой книгѣ.)

КІЕВЪ

Въ университетской типографіи (І. Завадзкаго).

1876.

АРХИВЪ

ЮГО-ЗАПАДНОЙ РОССИИ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

ВРЕМЕННОЮ КОММИССІЕЮ

ДЛЯ

РАЗБОРА ДРЕВНИХЪ АКТОВЪ,

ВЫСОЧАЙШЕ УЧРЕЖДЕННУЮ

ПРИ

Кіевскомъ, Подольскомъ и Волыскомъ

ГЕНЕРАЛЪ-ГУБЕРНАТОРЪ.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ.

АКТЫ ОБЪ ЭКОНОМИЧЕСКИХЪ И ЮРИДИЧЕСКИХЪ ОТНОШЕНІЯХЪ КРЕСТЬЯНЪ ВЪ XVI—XVIII ВѢКЪ.

(1498—1795).

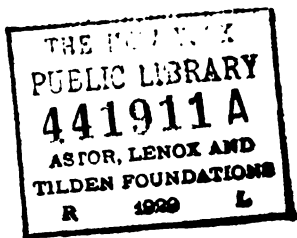
Томъ I.

(Съ Приложеніемъ въ особой книгѣ.)

КІЕВЪ.

Въ университетской типографіи (И. Завадзкаго).

1876.

Печатать разрешается. 17 июня 1876 года.

Председатель Комиссии тайный совѣтникъ *М. Юзефовичъ.*

ХОУ ВАР
СЛУЖ
ВРАЖЕ!

СОДЕРЖАНІЕ АКТОВЪ О КРЕСТЬЯНАХЪ.

I.

Общественно-бытовое устройство Литовско-Русскаго великаго княжества въ періодъ до изданія Статута.

Общественное устройство Западно-Русскихъ областей, вошедшихъ въ составъ великаго княжества Литовскаго, сословныя подраздѣленія, права и обязанности каждаго сословія, отношенія ихъ между собою и къ власти государственной,—все это въ XV и XVI вѣкахъ подвергалось медленному, постепенному, но радикальному измѣненію, при сильномъ вліяніи порядковъ, сложившихся въ Польшѣ, съ которою княжество это вступало все въ болѣе и болѣе тѣсныя связи, пока наконецъ не слилось съ нею въ одно государство. Люблинская унія, представляющая собою весьма важный моментъ сознанія и признанія совершавшагося переворота, не была однако ни его исходной точкой, ни полнымъ завершеніемъ, какъ ее нерѣдко изображаютъ. Отклоненія отъ господствовавшихъ первоначально въ Литовскомъ княжествѣ древне-Русскихъ началъ общественнаго быта замѣчаются гораздо раньше, и уже первый опытъ общей кодификаціи существовавшихъ отношеній, Статутъ 1529 года,

во многомъ съ ними расходится. Параллели, проводимыя обыкновенно между этимъ памятникомъ и Русскою Правдою, страдаютъ по большей части тѣмъ недостаткомъ, что въ нихъ обращается вниманіе почти исключительно на черты сходства обоихъ кодексовъ, оставляя въ сторонѣ различія, тогда какъ послѣднія-то, частію накопившіяся путемъ самостоятельнаго послѣдовательнаго развитія, частію составляющія послѣдствіе внѣшняго вліянія, именно и заключаютъ въ себѣ результаты пятивѣковой исторической жизни Западно-Русскаго народа.

Положеніе крестьянскаго сословія, опредѣлившееся послѣднею редакціею Статута въ формѣ полнѣйшаго безправія, до того времени подвергалось, на ряду со всѣми прочими сословіями, значительнымъ модификаціямъ, постоянно клонившимся не въ его пользу—и мало по малу доводившимъ его права до минимума. Приписывать такое ограниченіе правъ крестьянства исключительно одному лишь Польскому вліянію было-бы неосновательно, такъ какъ оно обусловливалось и многими другими причинами, вызывавшими аналогическія явленія, и притомъ почти въ то же самое время, въ Россіи Восточной, вліянію этому не подчинившейся. Польскіе порядки отразились лишь на тѣхъ *окончательныхъ формахъ*, въ какія сложился общественный бытъ Западной Руси, и которыя рѣзко отличались отъ бытового уклада Московскаго государства, въ свою очередь подвергавшагося нѣкоторымъ чуждымъ вліяніямъ совершенно иного характера. Время, когда все съ большею силою стали обнаруживаться и развиваться различія въ положеніи и правахъ крестьянскаго населенія обѣихъ половинъ Россіи, были XV и XVI вѣкъ, которые по этому и послужатъ исходною точкою настоящаго изслѣдованія, тѣмъ болѣе, что отъ предшествующей эпохи въ источникахъ, которыми мы располагаемъ, не имѣется почти никакихъ данныхъ, относящихся спеціально къ Западной Россіи. Даже и XV столѣтіе не представ-

иметь намъ достаточно матеріаловъ, по которымъ бы можно прослѣдить исторически измѣненія въ положеніи крестьянъ въ этотъ періодъ, такъ что мы должны ограничиться общимъ сводомъ отрывочныхъ указаній памятниковъ за все почти время, предшествовавшее изданію Статута.

Сословное дѣленіе Западно-Русскаго населенія въ эту эпоху и въ эпоху крайняго развитія шляхетскаго господства представляетъ одну сходную черту: какъ тамъ, такъ и здѣсь мы находимъ два главныхъ подраздѣленія жителей—на свободныхъ и несвободныхъ. Но громаднѣйшее различіе заключается, во-первыхъ, въ численномъ отношеніи обѣихъ категорій, и во-вторыхъ, въ дальнѣйшемъ ихъ развѣтвленіи: тогда какъ шляхтичи, единственно полноправные, считались въ эпоху своего господства, т. е. послѣ Люблинской уніи, вполне равными между собою по закону, а всѣ остальные сословія принадлежали къ числу болѣе или менѣе зависимыхъ,—въ XV столѣтіи было совершенно наоборотъ. Тогда существовало весьма немногочисленное—на сколько можно заключать по дошедшимъ до насъ памятникамъ того времени—сословіе вполне безправныхъ рабовъ, но въ то же время лица свободного состоянія далеко не пользовались равноправностію, а распадалась на множество разрядовъ, стоявшихъ на самыхъ разнообразныхъ ступеняхъ общественной лѣстницы, отъ живущаго на чужой землѣ крестьянина и кончая владѣтельными князьями, причемъ отношенія между сопредѣльными разрядами были почти тождественны и носили въ извѣстной степени феодальный характеръ.

Эта послѣдняя черта, то-есть феодальный оттънокъ во взаимныхъ отношеніяхъ различныхъ классовъ населенія, многими признается непосредственнымъ результатомъ соприкосновенія Литовскаго княжества съ сосѣдями Нѣмцами и ихъ бытомъ ¹⁾. Но едва ли не вѣрнѣе будетъ объяснять ее преимст-

1). Напримѣръ: «Весь строй государственнаго устройства, об-

веннымъ развитіемъ тѣхъ бытовыхъ условій, какія существовали уже раньше во всѣхъ Русскихъ земляхъ; Литовскіе завоеватели находили въ прибрѣтеніи областей Западной Руси не одну только безформенную экономическую или боевую силу, которую они могли безпрепятственно организовать по любому предвзятому образцу. Они встрѣчали здѣсь и извѣстную силу культурно-общественную, во всякомъ случаѣ высшую степени ихъ собственнаго развитія, а потому не только имъ не подчинявшуюся, но даже покорявшую ихъ своему вліянію. Весьма трудно было бы допустить даже а priori, чтобы Западная Русь, послужившая для Литвы первымъ источникомъ христіанства, письменности, многихъ правовыхъ понятій, терминовъ и учрежденій, въ то же время могла бы подвергнуться радикальному измѣненію въ бытѣ общественномъ, и притомъ безъ всякой борьбы, на которую мы не имѣемъ ни малѣйшихъ, хотя бы даже самыхъ отдаленныхъ указаній. Но кромѣ этихъ общихъ соображеній, мы имѣемъ болѣе прямое свидѣтельство въ замѣчательномъ параллелизмѣ государственнаго устройства

разовавшійся въ Литвѣ, основанъ исключительно на военномъ началѣ» (Антоновичъ, изслѣдованіе о городахъ, 3). «Военное устройство новозавоеванныхъ земель и извлеченіе изъ нихъ возможнаго количества боевыхъ силъ, вотъ задача, господствовавшая по преимуществу при первоначальномъ устройствѣ великаго Литовско Русскаго княжества; общественное устройство этого княжества и должно было сложиться подѣ вліяніемъ этой необходимости. Форма, представлявшаяся при этомъ сама собою, вытекавшая изъ господствовавшихъ въ то время понятій натурально хозяйственнаго государственнаго устройства, образецъ которой въ возможномъ совершенствѣ былъ на лицо въ устройствѣ нѣмецкихъ государствъ, — форма феодальная была примѣнена литвинами» (его же, изслѣд. о крестьянахъ, 9). «Такимъ образомъ въ Литвѣ образуется *самостоятельный* феодальный строй жизни». (Изслѣд. о городахъ, 4).

Руси Западной и Восточной, въ періодъ до болѣе тѣснаго сближенія первой изъ нихъ съ Польшею и до полнаго объединенія второй подъ властью князей Московскихъ. Такой параллелизмъ могъ возникнуть только вслѣдствіе общности происхожденія.

Изъ двухъ главныхъ факторовъ древне-Русскаго общественнаго быта, связь одного изъ нихъ, именно общины со многими позднѣйшими явленіями Западно-Русской жизни, которая этимъ только путемъ и могутъ быть объяснены, достаточно уже въ настоящее время доказана; но точно также не исчезъ внезапно и безслѣдно и другой элементъ, — опирающаяся на дружину княжеская власть, — а продолжалъ существовать въ обѣихъ половинахъ Русской земли, постепенно лишь измѣняясь въ объемѣ и формахъ, современемъ весьма далеко разошедшихся тамъ и здѣсь, подъ вліяніемъ различія историческихъ обстоятельствъ.

Упроченіе удѣловъ за извѣстными отраслями княжескаго рода естественно вызывало стремленіе князей придать территориальный характеръ и своимъ дружинамъ, находившимся до той поры въ услуженіи какъ бы лично. Главнымъ средствомъ къ достиженію этого послужила, въ концѣ удѣльнаго періода, постепенная замѣна выдававшейся дружинникамъ въ вознагражденіе платы — пожалованіемъ имъ собственности поземельной, которую князья считали себя вправѣ раздавать, — безразлично, были ли то земли пустыя или уже вошедшія въ составъ округа той или другой общины ¹⁾. Вся разница могла заключать-

¹⁾ Болѣе подробное изложеніе этого предмета см. у г. Сергѣевича, „*Въче и Князь*“, стр. 410-411. — Слѣды замѣны земельнымъ жалованьемъ денежнаго можно видѣть въ Литовскій періодъ въ тѣхъ пожалованьяхъ, когда имѣніе записывалось въ извѣстной суммѣ, съ правомъ окупа ее княземъ. Акты Зап. Рос. I, №№ 22, 32, — Ав. Южн. и Зап. Рос., I, № 17, 20,

ся лишь въ томъ, что при пожалованіи земли общинной подразумѣвалось первоначально отчужденіе въ частную собствен- ность не самой земли, а тѣхъ правъ на нее князя, которыя выражались въ обязанности населенія уплачивать князю часть произведеній своей земли, въ формѣ различнаго рода даней или своего личнаго труда, т. е. натуральныхъ повинностей ¹⁾. Такія именно раздачи и послужили источникомъ *русскаго* фео- дализма, выразившагося въ Московскомъ государствѣ въ по- мѣстной системѣ, въ Литвѣ,—еще съ большей послѣдователь- ностью и опредѣленностью, но уже съ замѣтною узурпаціей правъ низшихъ сословій,—узаконеннаго было первымъ Стату- томъ, но впоследствии, подъ преобладающимъ вліяніемъ Польш- ши, замѣненнаго полною частною собственностью, какъ ее по- нимаетъ римское право.

Еще однимъ весьма важнымъ доказательствомъ аналогіи и общаго происхожденія феодальной собственности въ Литвѣ съ помѣстной системою Руси Восточной служитъ Русь Галиц- кая, перешедшая непосредственно во владѣніе Поляковъ, за- ставшихъ и здѣсь тѣ же отношенія, но конечно, возникшія помимо всякаго Литовскаго вліянія, и довольно быстро усту- пившія мѣсто порядку Польскому ²⁾.

¹⁾ Слѣды именно такого возрѣнія на *объемъ* пожалованій въ Литовскій уже періодъ заключаются въ тѣхъ грамотахъ на отдачу людей съ ихъ землями, многія изъ которыхъ цитируются г. Авто- новичемъ въ его Исслѣдованіи о крестьянахъ, стр. 16.

²⁾ См. объ этомъ у Шараневича: *Rus wewnętrznych stosunków Galicyi wschodniej w drugiej połowie XV wieku*, Львовъ, стр. 56—68, гдѣ приведены указанія на слѣды феодализма въ Галиціи въ XIV и въ XV вѣкѣ, хотя въ коренной Польшѣ тогда господствовала уже соб- ственность частная.—Ср. жалованную грамоту на вѣнне въ *Пере- мышльскомъ* повѣтѣ съ *обязанностью службы*, 1408 года. Акт. Юж. и Зап. Рос., I, № 10.—Тавое же пожалованіе въ *Смятинской волос- ти*. Тамже, № 15.

Русскій феодализмъ получилъ наибольшее развитіе въ государствѣ Литовскомъ, такъ какъ эта форма общественныхъ отношеній имѣла здѣсь, сравнительно съ другими частями Руси, еще одно существенное основаніе—именно право завоеванія, а отчасти, быть можетъ, въ томъ же направленіи дѣйствовало и соприсношеніе съ Нѣмцами. Во всякомъ случаѣ, здѣсь феодализмъ развился въ цѣльную законченную систему, проникавшую всѣ общественныя отношенія, начиная съ землевладѣнія, которое здѣсь не имѣло почти вовсе вотчинной формы, столь затрудняющей его пониманіе въ Восточной Руси. Въ Литвѣ всѣ почти княжескія пожалованія условны, несутъ на себѣ не только служебную, но и податныя повинности, а княжеское право на всѣ земли *de jure* сохраняется даже до второй половины XVI вѣка, когда, въ виду подготовлявшейся уніи съ Польшею, отрекся отъ него Жигомонтъ—Августъ ¹⁾.—Пожалованія на Литовско-Русскомъ правѣ имѣли все значеніе двухстороннихъ обязательствъ и иногда даже принимали вполне ихъ форму, сопровождаясь записью на вѣрность службы ²⁾; въ этомъ ихъ значеніи кроется и источникъ происхожденія многочисленныхъ подтвердительныхъ грамотъ на имѣнія, выдававшихся тѣмъ

¹⁾ Существуютъ однако указанія, что нѣкоторыя земли составляли частную собственность; по всей вѣроятности, онѣ были таковыми еще въ эпоху до Литовскаго завоеванія и названы въ грамотахъ землями боярскими, въ смыслѣ обільныхъ, въ отличіе отъ земель тяглыхъ, т. е. несущихъ государственныя повинности. См. грамоты Казимира о пожалованіи Ходкевичу четырехъ человекъ, и другую, Богдану Вояковичу, на село Привередовъ: «и перво сего за бояры бывали тыя люди; •тое имѣнье *изъ вѣка боярское, а не тялое*». Акты Зап. Рос. 1, стр. 58, 72. Въ этихъ и нѣсколькихъ другихъ грамотахъ пожалованія не обусловлены служебною повинностью.

²⁾ Авт. Зап. Рос. I, стр. 67.

же лицамъ новыми государями, или отъ того же государя наследникамъ прежняго владѣльца. Отсюда же вытекли и постановленія Статута о неотчуждаемости земскихъ имѣній безъ разрѣшенія государя, ни путемъ продажи, ни черезъ завѣщаніе ¹⁾.

Точно въ такомъ же отношеніи, какъ большіе поземельные собственники (отчасти еще удѣльные князья) стояли къ государямъ,—такъ же и къ нимъ относились жившіе въ ихъ имѣніяхъ второстепенные князья и бояре. Лица, получившія отъ великаго князя обширныя волости, въ свою очередь раздавали части ихъ отъ себя уже, и такимъ образомъ имѣли этихъ болѣе мелкихъ владѣльцевъ подъ своею рукою на тѣхъ же феодалныхъ началахъ. Такъ напримѣръ, внукъ Ольгерда, князь Андрей Владиміровичъ, завѣщавая въ 1446 году свои имѣнія (свою отчину и свою выслугу) женѣ и дѣтямъ, говоритъ между прочимъ: «а что есмь подалъ имѣнія боярамъ своимъ, хто всхочетъ женѣ моей и дѣтемъ моимъ служить, и они служатъ съ тѣхъ имѣній женѣ моей и дѣтемъ моимъ; а хто не всхочетъ женѣ моей и дѣтемъ моимъ служить, и азъ тые имѣнія далъ женѣ моей и дѣтемъ моимъ» ²⁾. Въ 1483 году вдова Слуцкаго князя Михаила Александровича, княгиня Анна, жаловалась королю Казимиру, что нѣкоторые изъ «еѣ» князей и бояръ не хотятъ служить ей со своихъ имѣній, поэтому Казиміръ подтвердилъ «тымъ княземъ, и боярамъ, и слугамъ, изъ ихъ имѣній ей служить и послушными быти, какъ князю Михайлу служили и послушны были» ³⁾. Первый изъ только что приведенныхъ документовъ показываетъ, что обя-

¹⁾ Первой редакціи раздѣлъ I, артикуль 15 и 17; второй ред. III, 2 и 36, VII, 3 и 5.

²⁾ Акты Зап. Рос., I, стр. 59.

³⁾ Тамъ же стр. 104.

занность службы прямо зависѣла отъ пользованія землею, т. е. отъ желанія лица, получившаго имѣніе, удерживать его за собою; кто изъ бояръ захочетъ, говорить завѣщатель, тѣ и будутъ служить; имѣнія будутъ отняты только у тѣхъ, кто откажется отъ службы; но онъ вовсе не предоставляетъ своимъ наследникамъ права отнимать земли по своему произволу, пока условія пожалованія выполнялись другою стороною исправно. Иногда, въ случаѣ пожалованія великимъ княземъ кому либо земель, на которыхъ уже жили бояре, такая условная неприкосновенность владѣній послѣднихъ прямо охранялась властью государя. Такъ на примѣръ, это всего яснѣе выражено въ жалованной грамотѣ в. кн. Александра князю Михаилу Жеславскому на Мстиславль и Мглинь, 1499 года; опредѣляя обязанность тамошнихъ бояръ служить со своихъ имѣній новому «вотчинному» владѣльцу¹⁾, грамота добавляетъ однако: «а онъ ихъ безъ вины не маеть рушати;..... а которые бы бояре зъ нихъ не хотѣли ему служить, ино имъ ѣхати прочь вольно со всеми своими статки, куды хотять, а имѣнья оставивъ»²⁾. Изъ этихъ данныхъ мы видимъ, что отношенія бояръ, жившихъ на владѣльческихъ земляхъ, къ своимъ князьямъ были вполне аналогичны съ отношеніями послѣднихъ къ великому князю. Они также пользовались и правомъ отчужденія недвижимой собственности, съ разрѣшенія своего князя, какъ это мы видимъ

1) Хотя въ грамотѣ пожалованіе названо «вотчиною», но изъ того самого, что она только подтверждаетъ Михаилу Жеславскому право на имѣнія, находившіяся въ «держаньи» его предковъ, скорѣе можно признать это пожалованіемъ лепнымъ.

2) Акты Зап. Рос., I, № 172. Заслуживаютъ вниманія слова этой грамоты:.. «дали есмо ему (такія то имѣнія) со всеми людьми и зъ ихъ землями..., и со всеми бояры и зъ ихъ имѣнни», т. е. и относительно бояръ употреблена та же формула, какая обычно употреблялась говоря о крестьянахъ, чѣмъ и подтверждается высказанное выше замѣчаніе о ея значеніи.

изъ разрѣшенія, даннаго Слуцкимъ княземъ Михаиломъ Александровичемъ своему боярину Царю на покупку и отчужденіе въ пользу церкви »дворца«, т. е. мызы ¹⁾.

Относительно городскихъ жителей мы не знаемъ порядка и ограниченій, какимъ они должны были подвергаться при отчужденіи имѣній; собственно въ городахъ мѣщане могли свободно распоряжаться своей недвижимостью и пользовались правомъ перехода ²⁾; но въ достатутный періодъ они владѣли также и землями внѣгородскими, селами, имѣніями земскими или боярскими, а потому, по всей вѣроятности, пользовались въ отношеніи землевладѣнія одинаковыми правами какъ и бояре. Ограниченія правъ мѣщанъ на приобрѣтеніе земель появились только въ концѣ XV вѣка; до тѣхъ же поръ такое владѣніе даже подтверждалось великими князьями. Такъ уставная грамота Полоцку (1499 года), хотя уже и пользовавшемуся магдебургскимъ правомъ, опредѣляетъ однако порядокъ судопроизводства »о земляномъ правѣ« между мѣщанами и боярами или путниками, подчиняя тавія дѣла не войтовскому суду, но »на мѣстнику съ старшими бояры«, т. е. по боярской подсудности; въ той же грамотѣ упоминается о селлахъ и земляхъ, купленныхъ боярами у мѣщанъ и обратно ³⁾. То же мы находимъ и въ другой Полоцкой грамотѣ, съ тѣмъ важнымъ поясненіемъ, что мѣщане владѣли и заселенными имѣніями: »мають имѣнья свои и люди и земли сполна держати по давному« ⁴⁾. Кромѣ по-

1) Акт. Зап. Рос. I, № 56.—Ср. постановленія перваго статута объ имѣніяхъ, выслуженныхъ на князьяхъ или на панахъ; разд. III, арт. 15.

2) Акт. Зап. Рос. I, стр. 145, 351; II, стр. 90.

3) Тамъ же I, стр. 199.

4) Акт. Зап. Рос. I, стр. 215.

купки, мѣщане пользовались тѣмъ же самымъ средствомъ пріобрѣтенія, что и бояре: у нихъ тоже были свои *выслуги* 1).

Но уже въ 1502 году, на просьбу городенскихъ мѣщанъ о подтвержденіи ихъ поземельныхъ правъ, король Александръ, подтверждая эти права, вмѣстѣ съ тѣмъ воспретилъ имъ на будущее время покупку земель безъ особаго разрѣшенія 2). Это одна изъ первыхъ извѣстныхъ намъ попытокъ выдѣленія городского сословія изъ пользованія тѣми правами, какія были ему предоставлены въ 1457 году королемъ Казиміромъ наравнѣ съ шляхтичами-боярами 3). Но мѣщанское землевладѣніе повидимому было настолько еще сильно и распространено въ XVI вѣкѣ, что даже Статутъ 1566 года упоминаетъ о немъ, обязывая военною службою мѣщанъ, владѣющихъ земскими имѣніями 4). Конечно, при окончательномъ объединеніи Литовско-

1) Акт. Зап. Рос. I, стр. 353 (Danikowicz. Skarbiec diplomatów, II, стр. 230).

2) Тамъ же. I, стр. 346. Дозволено, впрочемъ, мѣщанамъ принимать земли княжескихъ людей въ заставу, «не на вѣчность купувати».

3) Działyński. Zbiór praw Litewskich, I, стр. 23. Необходимо однако имѣть въ виду, что «мѣщане» въ эту эпоху включали въ себя не всѣхъ городскихъ жителей; это, повидимому, были только «лучшіе» изъ горожанъ, остальные составляли городское «поспольштво».

4) Разд. II, арт. 1:.... «Каждый князь и панъ духовный, и тежъ дворянинъ, бояринъ, кождые иные станы, и татарове наши, тежъ мѣщане мѣстъ нашихъ, маючи земское имѣнье, ввнни будутъ войну служити.... то есть зъ имѣней и людей, яко отчывныхъ и похожыхъ, выслужонныхъ и купленыхъ». Эту обязанность службы по владѣнію не слѣдуетъ, конечно, смѣшивать съ такой же повинностью, лежавшей на всѣхъ вообще мѣщанахъ въ качествѣ городского сословія. О послѣдней см. Антоновичъ, Исслѣдованіе о городахъ, въ Архивѣ югозападной Россіи, ч. V, т. I.

русскихъ сословій съ польскими, это явленіе исчезло незамѣтно, путемъ включенія мѣщанъ-землевладѣльцевъ въ разрядъ шляхты, на основаніи самаго факта землевладѣнія.

Спускаясь еще ниже въ сословной іерархіи, къ сельскому земледѣльческому населенію, мы не только не находимъ какихъ либо особыхъ ограниченій относительно поземельныхъ правъ этого населенія, но скорѣе имѣемъ основаніе заключать, что права эти ничѣмъ не отличались отъ такихъ же правъ высшихъ сословій ¹⁾. Сельскіе жители, въ разсматриваемую эпоху чаще всего именуемые «людьми», независимо отъ множества частныхъ разнообразныхъ названій, основанныхъ на ихъ спеціальныхъ повинностяхъ, на экономическихъ отношеніяхъ къ землевладѣльцу, и т. п., распадались на двѣ главныя группы, крестьянъ на княжескихъ земляхъ и на владѣльческихъ. Относительно послѣднихъ источники, къ сожалѣнію, скуднѣе всего; и объ условіяхъ ихъ быта мы можемъ заключить преимущественно лишь по той тождественности, какая замѣчается въ устройствѣ княжескихъ и частныхъ имѣній нѣсколько позже, а также изъ самаго отсутствія какихъ либо особыхъ установленій для частныхъ владѣній: князья жаловали ихъ съ тѣми самыми правами и на тѣхъ самыхъ основаніяхъ, на какихъ сами владѣли ими, шляхетское же сословіе тогда еще не организовалось и не сплотилось настолько, чтобы взять на себя починъ въ измѣненіи общественно-экономическихъ отношеній, какъ оно это сдѣлало въ половинѣ XVI вѣка. Съ другой стороны, мы имѣемъ прямыя указанія, что—помимо землевладѣнія—въ отношеніи другихъ гражданскихъ правъ не дѣлалось вообще никакого различія между крестьянами на земляхъ господарскихъ и боярскими.

¹⁾ Здѣсь разумѣется, конечно, только свободное сельское населеніе, о челяди же невольной и о закладняхъ будетъ упомянуто ниже.

Поселенцы на княжескихъ земляхъ, «люди господарскіе», «волостные» или «тяглые», иногда не раздѣляемые отъ княжескихъ «слугъ», какъ напримѣръ путники ¹⁾, владѣли земельной собственностью тоже съ обязанностью службы, но только самая служба ихъ отбывалась въ иной формѣ. Такъ путная служба соответствовала ямской повинности въ восточной Россіи и состояла въ обязанности поставлять для княжескихъ пословъ и гонцовъ лошадей, а ѣздили съ послами городскіе дворяне ²⁾; люди *прионные*, иногда отождествляемые съ сельскими путниками ³⁾, обязаны были издѣльной повинностью на потребу князя ⁴⁾. Но вмѣстѣ съ тѣмъ они пользовались и правомъ отчужденія своихъ земель, съ тѣмъ только, чтобы новый владѣлецъ отбывалъ ту же, приуроченную къ извѣстному земельному участку, повинность путную или пригонную ⁵⁾. Равно они могли покупать и земли у бояръ и мѣщанъ ⁶⁾. Отчужденіе земель путниками постороннимъ лицамъ происходило на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и у бояръ, т. е. съ разрѣшенія князя или его намѣстника ⁷⁾, и при соблюденіи этого условія признавалось верховною властью вполне законнымъ. Такъ напримѣръ, даже еще въ 1499 году, когда нѣсколько путниковъ Полоцкаго повѣта, села Митковичъ, жаловались на сына

1) Они называются также путными *людьми*, сельскими путниками и путными *слугами*, а позже является и названіе путные *бояре*.

2) Акт. Зап. Рос., I, стр. 199; III, стр. 93.—Памятники, т. II, отд. II, стр. 227.

3) Тоже, стр. 214.

4) Пригонные люди съ тѣми же повинностями упоминаются и частныхъ лицъ. Тамже, I, стр. 357.

5) Тамже, I, стр. 215, 346.

6) Акт. зап. Рос., I, стр. 199.

7) Примѣръ такого разрѣшенія у Даниловича, Skarbiec diplomatów, I, стр. 296.

Полоцкаго епископа Луки о томъ, что онъ незаконно владѣеть ихъ «отчиною и дѣдиною», то епископскій сынъ заявилъ, что земля куплена имъ у нихъ «объль вѣчно, зъ дозволеньемъ намѣстника Полоцкаго пана Юрья Пацовича», и король Александръ на этомъ основаніи оставилъ землю за нимъ ¹⁾.

Что крестьяне, поселенные на земляхъ частныхъ лицъ, имѣли такое же право отчужденія земли, по разрѣшенію владѣльца и съ передачею повинностей, мы видимъ изъ выданной владѣльцемъ грамоты, 1421 г., которою онъ утверждаетъ продажу дворища однимъ крестьяниномъ другому, «на вѣкы вѣчнѣ, ему и потомкомъ», добавляя при этомъ, что покупатель «имаеть изъ того дворища платити чиншь и роботы поступати»²⁾. Есть даже указаніе, что люди, поселенные на земляхъ мѣщанъ магдебургскаго права, могли вести тяжбы о земляхъ между собою подобно мѣщанамъ, но подсудность уже измѣнена, сравнительно съ болѣе раннею грамотой, изъ общей земской въ войтовскую ³⁾. Но и послѣднее постановленіе указываетъ между прочимъ на признаніе за мѣщанскими людьми одинаковыхъ гражданскихъ правъ съ мѣщанами, такъ какъ и тѣ и другіе подчинены одному и тому же присуду ⁴⁾. Однимъ изъ признаковъ самосто-

1) Авт. зап. Рос., I, № 173, стр. 197.

2) Тамже, I, № 29, стр. 41.

3) «Которому мѣщанину будетъ которое дѣло до мѣщанина, або мѣщанскому чоловѣку до мѣщанскаго чоловѣка о *землемъ дѣль*». Авт. зап. Рос., I, стр. 215.—Ср. тамже, стр. 199: здѣсь упомянуты также живущіе въ городѣ боярскіе люди на отчизныхъ и на *купленныхъ* земляхъ.

4) Ср. тамже стр. 180, гдѣ магдебургское право распространено на всѣхъ живущихъ «въ селѣхъ мѣщанскихъ», причемъ боярскіе люди, живущіе въ городѣ, категорически изъяты отъ зависимости своимъ владѣльцамъ (стр. 181).

ательности въ поземельномъ отношеніи можетъ служить также право имѣть экономически зависимыхъ *отъ себя* людей, и мы видимъ, что и крестьяне, сидящіе на жеребьевомъ участкѣ земли, имѣли право держать у себя закладней ¹⁾.

Изъ вышеизложенныхъ данныхъ можно съ достовѣрностью заключить, что въ достатутуовый періодъ землевладѣніе, будучи одинаково условнымъ для всѣхъ частныхъ лицъ безъ исключенія, не составляло вмѣстѣ съ тѣмъ ничьей привилегіи ²⁾; что всѣ свободныя сословія, а слѣдовательно и самое многочисленное изъ нихъ, крестьяне, пользовались въ этомъ отношеніи одинаковыми правами; что всѣ земли, на основаніи признанія суверенной власти на нихъ великаго князя, были обложены въ пользу его повинностями, разнообразіе формъ которыхъ повело къ рѣзкому опредѣленію сословныхъ границъ лишь впоследствии, а въ разсматриваемую эпоху служило только ближайшею причиною передачи князьями своихъ правъ на повинности отдѣльнымъ лицамъ, въ видахъ, такъ сказать, концентраціи этихъ повинностей и приведенія ихъ въ такую именно форму, какая наиболѣе соотвѣтствовала удовлетворенію потребностей государства въ данный моментъ ³⁾.

¹⁾ Годъ 1479: «на которомъ жеребьи одинъ чловѣкъ сидеть, а держать за собою закладни». Акты Зап. Рос., I, стр. 88.

²⁾ Г. Леонтовичъ («Крестьяне югозападной Россіи», стр. 35) считая его шляхетскою привилегіею по литовскимъ законамъ, ошибочно распространяетъ положенія Статута, притомъ же въ отношеніи шѣщанъ непослѣдовательныя, и на болѣе раннее время, что у него замѣчается и въ другихъ случаяхъ. Замѣтимъ къ слову, что княжескими имѣніями могли владѣть даже и евреи. См. напр. Акт. Зап. Рос., I, № 151.—Ср. Статутъ 1566 г., разд. XII, арт. 5.

³⁾ Для лучшаго доказательства, что формула пожалованія *модей съ ихъ землями* имѣетъ только такое значеніе, кромѣ приведенныхъ выше соображеній, укажемъ еще, что даже при порученія из-

Чтобы судить, до какой степени подобный строй поземельно-сословныхъ отношеній въ *Литовскомъ* государствѣ былъ аналогиченъ съ бытомъ Руси восточной, — что и доказываетъ общность происхожденія этихъ отношеній, — достаточно будетъ привести слова великорусскаго изслѣдователя того же предмета и за тотъ же періодъ, такъ какъ сдѣланная имъ характеристика, за самымъ ничтожнымъ измѣненіемъ въ терминахъ, могла бы быть вполнѣ приложена и къ Руси Литовской. Вотъ что говоритъ г. Чичеринъ: «Сверху былъ князь — верховный землевладѣлецъ, затѣмъ бояринъ имѣвшій право суда и дани, затѣмъ монастырь, распорядившійся землею какъ собственностью; затѣмъ сынъ боярскій, владѣвшій ею временно подъ условіемъ службы, наконецъ крестьянинъ, платившій съ нея оброкъ. *На одной и той же землѣ лежало право цѣлой іерархической лиціи, и всѣ держали ее одинъ надъ другимъ*»¹⁾.

Такимъ образомъ поземельная собственность, какъ мы старались доказать, не можетъ служить точнымъ признакомъ сословныхъ правъ въ Литовскорусскомъ государствѣ XIV—XV вѣка, а слѣдовательно ею не опредѣляются и права сословія крестьянскаго. Намъ остается разсмотрѣть, на сколько они могутъ быть опредѣлены другими существенными признаками, то есть родомъ повинностей и подсудностью.

Что касается подсудности, то она въ XIV—XV вѣкѣ является крайне неопредѣленною, такъ какъ нерѣдко жители различныхъ мѣстностей, находящіеся совершенно въ одинаковомъ по-

вѣстному лицу временно управленія какимъ нибудь округомъ княжескихъ земель, происходило *увязанье*, т. е. ввѣдъ этого лица во владѣніе всѣми мѣстными жителями, въ томъ числѣ и боярами. См. Акты Южн. и Зап. Рос., I, № 39.

¹⁾ Чичеринъ. Опыты по исторіи русскаго права, стр. 84.

женіи во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, различаются по подсудности. Послѣднія въ ту эпоху понимались вовсе не какъ функція государства, а преимущественно какъ регалія въ финансовомъ смыслѣ, которая, по этому самому, могла подлежать пожалованію и другого рода отчужденію; чаще всего она отчуждалась какъ одна изъ принадлежностей права землевладѣнія или, точнѣе говоря, какъ часть общаго права на доходы съ земледѣльческаго населенія. Необходимо впрочемъ замѣтить, что такое совпаденіе подсудности съ поземельнымъ владѣніемъ можетъ быть точно доказано только относительно земель высшихъ сословій, получившихъ ихъ непосредственно отъ великаго князя, и частію у монастырей. Что касается населенныхъ земель, принадлежавшихъ городскимъ общинамъ или отдѣльнымъ членамъ этихъ общинъ, то жители таковыхъ, подчинявшіеся прежде общему присуду, стали судиться на основаніи землевладѣльческаго отношенія только съ пожалованіемъ городамъ нѣмецкаго права, которому подлежали и жители мѣщанскихъ селъ, подчиняясь суду войтовскаго уряда, но не суду отдѣльныхъ землевладѣльцевъ ¹⁾. Измѣненія въ правѣ подсудности начались вообще гораздо раньше, чѣмъ въ правахъ землевладѣнія, а потому уже въ XIV и XV вѣкахъ начинаютъ встрѣчаться здѣсь отклоненія отъ общаго всему населенію суда, основанныя на сословныхъ различіяхъ; отклоненія эти, вызванныя соединеніемъ съ католическою Польшею, относятся первоначально къ однимъ католическимъ членамъ сословія, въ видѣ привилегіи, и составляютъ, въ сущности, начало тѣхъ измѣненій общественнаго быта, которыя постепенно привели къ объединенію Ли-

¹⁾ Замѣчательно, что въ Полоцкой землѣ, по грамотѣ 1511 (sic) года, мѣщане пользовались *личнымъ* правомъ суда своими *сѣбрами*, наравнѣ съ боярами, судившими своихъ людей. Акты Зап. Рос., II, стр. 87.

товскихъ сословій съ Польскими. Такъ уже Владиславъ Ягелло, во второмъ земскомъ привилеѣ 1387 года, освобождаетъ отъ общаго суда и «дѣтскихъ» имѣній, пожалованныя въ Литвѣ католическому духовенству, а въ Городельской привилегіи 1413 г. права церковныхъ католическихъ имѣній вообще уравниваются съ польскими, равно какъ и права Литовскихъ пановъ и благородныхъ бояръ, исповѣдующихъ католицизмъ и получившихъ шляхетскіе гербы. Одновременно съ тѣмъ начинается и разложение общей подсудности городовъ: Вильно получаетъ магдебургское право въ 1387 г., а въ 1432 г. оно дается и Луцку; омончательно жители Вильна освобождены отъ подчиненія воеводскому суду тоже въ 1432 году, причемъ суду войтовскому предоставлено и право смертной казни. Въ теченіе XV вѣка обособленіе городской юрисдикціи распространилось уже на всѣ главнѣйшіе города западной Руси, причемъ прежніе отдѣльные разряды городскихъ жителей—бояре, мѣщане, городскіе дворяне и посольство, за исключеніемъ перваго изъ нихъ, объединены въ одно мѣщанское сословіе и вмѣстѣ съ тѣмъ рѣзко отдѣлены отъ жителей повѣтовъ и волостей въ отношеніи порядка управленія и суда. Ходъ этого обособленія горожанъ и возникшей впоследствии борьбы между старостинскою властью и городскимъ самоуправленіемъ подробно изложено въ изслѣдованіяхъ гг. Антоновича и Владимірскаго-Буданова ¹⁾, изъ которыхъ видно, что пожалованіе городамъ магдебургскаго права вызывалось необходимостью охранить по возможности города отъ печальныхъ послѣдствій начавшагося уже разложения ихъ общиннаго быта, вслѣдствіе выдѣленія бояръ и мѣстичей, путемъ приобрѣтенія земскихъ имѣній, въ высшее служилое сословіе; это послѣднее явленіе сопровождалось и неразрывно съ нимъ связаннымъ ограниченіемъ само-

¹⁾ Изслѣдованіе о городахъ въ «Архивѣ югован. Рос.», ч. V, т. I.—Нѣмецкое право въ Польшѣ и Литвѣ. Кіевъ. 1869.

суда сельских жителей, по сколько занимаемым ими земли перешли во владѣніе бояръ. Въ этомъ отношеніи особенно важное значеніе имѣетъ жалованная грамота короля Казимира 1457 г., всему Литовско-русскому дворянству, которою жители шляхетскихъ имѣній изъемяются отъ присуда княжескихъ урядниковъ¹⁾, — первая общая мѣра, которою вызывалось выдѣленіе крестьянскаго сословія въ одну, а шляхетскаго въ другую сторону. На переходной въ этомъ отношеніи характеръ эпохи указываетъ, между прочимъ, и то обстоятельство, что изъятіе отъ подсудности княжескихъ судамъ и отъ требованія къ суду черезъ дѣтскихъ здѣсь еще не безусловно, а грамотою только опредѣляется, что ему должно предшествовать требованіе отъ владѣльца удовлетворенія путемъ представленія виновнаго въ судъ; такимъ образомъ, привилегію землевладѣльца составляло пока только перенесеніе на его лицо правительственной судебной функціи дѣцкаго²⁾, представлявшее финансовую выгоду, каковою была также и передача владѣльцу права на полученіе присужденнаго взыскація; но самая юрисдикція, опредѣленіе вины, оставлена пока за судомъ. Десять лѣтъ спустя, въ судебникѣ 1468 года, судъ опредѣлялся уже по принадлежности виновнаго къ числу людей господарскихъ или же боярскихъ, причемъ въ послѣднемъ случаѣ владѣльцу предоставлялось не одно представленіе виновнаго на судъ, но и постановленіе приговора³⁾. Въ видѣ отдѣльныхъ изъятій, право суда, въ боль-

1) Акт. зап. Рос., I, № 61, стр. 76; Działyński, Zb. pr. Lit., I, 28—35.

2) Въ землѣ Кіевской порядокъ этотъ сохранился даже еще и въ XVI вѣкѣ. См. уставную грамоту Жигмонта I, 1507 года. Акт. Зап. Рос. II, стр. 34.

3) «А коли бы нашъ человекъ вину далъ князьскому или паньскому или боярьскому человеку, ино нашему намѣстнику а любовнику *обослати*, изъ бы нашему человеку стало ся право; а пакъ ли *ухочеть* на обчий судъ, ино ихъ на обчий судъ пустить и ровъ дати. — А будутъ ли на нашемъ человекѣ князьскимъ или паньскимъ

шемъ или меньшемъ объемѣ, жаловалось землевладѣцамъ и передавалось ими еще въ болѣе раннее время; первый примѣръ этого предшествуетъ упомянутой грамотѣ Ягелла и относится еще къ 1375 году, когда князь Александръ Боріатовичъ, жалуя землю Смотричскимъ *доминиканамъ* и дозволяя заселять ее людьми, говоритъ: «тые люди дали есмо имъ со всѣмъ правомъ»; въ позднѣйшее время право суда упоминается и у духовенства православнаго, причемъ судятъ иногда совмѣстно съ сельскими «старцами» ¹⁾, и у лицъ свѣтскихъ. Но окончательное установленіе владѣльческаго присуда, не въ качествѣ льготной привилегіи только, а какъ неотъемлемой принадлежности землевладѣнія, относится къ самымъ послѣднимъ годамъ XV и къ началу XVI вѣка. Такъ въ 1495 г. по жалобѣ Путивльскаго намѣстника князя Богдана Федоровича Глинскаго на намѣстника Черкаскаго, Кмиту Александровича, о привлеченіи имъ къ своему присуду живущихъ въ Черкасахъ слугъ и людей Глинскаго, король Александръ напоминаетъ Кмитѣ: «ино вѣдь мы на то вамъ право нашо дали, всей земли Кіевской ²⁾,

или боярскими люди чого искати: ино тому судъ и право передъ нашими намѣстники и тивуны, а нашимъ урядникомъ дати право на обѣ сторонѣ.—А которому чловѣку князьскому или паньскому или боярскому до князьскихъ и до паньскихъ или до боярскихъ людей дѣло: ино хто ищетъ на комъ, ѣхати ему *искати правоъ предъ осподаремъ его; а не удѣлаетъ ли права, ино обчій судъ*, рокъ положивъ со обу сторонъ; паъ ли будетъ нѣкоторый *отводити*, ино намъ *дати дѣшко*». Акт. Зап. Рос., I, № 67; другіе списки: там же и Danłowicz, Statut Kazimierza Jagiellończyka, Wilno, 1826, перепечатанъ у Дзялынскаго, Zbiór praw Lit., I, 36—55.

¹⁾ Акт. зап. Рос., I, стр. 198.

²⁾ Упоминаемая здѣсь грамота Александра Кіевской землѣ, очевидно уставная, до насъ не дошла, и это о ней единственное извѣстіе. Г. Чарнецкій (Исторія Лит. статута и проч., стр. 87), исчисляя издаваемые Александромъ областные привилеи, пропустилъ упомянутый здѣсь Кіевскій, одновременный, вѣроятно, съ наданьемъ городу Кіеву магдебургскаго права въ 1494—1497 году.

што врядникъ нашъ не маєть слугъ и людей князьскихъ и паньскихъ и боярьскихъ ни судити, ни радѣти, а ни винъ и ни пересудовъ на нихъ брати; нижьли, коли зъ нашимъ чоловѣкомъ пригодиться князьскому або паньскому чоловѣку, а либо боярьскому право мѣть, ино тогда *вряднику нашому судити* его чоловѣка *зъ его судьбою*: а коли будетъ нашъ чоловѣкъ виненъ, ино съ него намъ вина: а коли князьскій або паньскій чоловѣкъ а либо боярьскій чоловѣкъ будетъ виненъ, ино вина тому чій чоловѣкъ» ¹⁾. Такимъ образомъ здѣсь нормальнымъ судомъ по дѣламъ между людьми государскими и владѣльческими считается судъ смѣшанный; но нѣсколько позже, въ 1501 году, право суда, по уставной грамотѣ Волынской землѣ, предоставлено владѣльцамъ исключительно: «Били намъ чоломъ и жаловали (вся шляхта Волынского земли), и жъ староста и намѣстники наши вины и заруки ихъ берутъ и на ихъ людей, и людей ихъ судять и радятъ; ино мы имъ и тое отпустили, старостѣ и намѣстникомъ нашимъ винъ и зарукъ на нихъ самыхъ и на ихъ людяхъ не брати, а людей ихъ не судити и не радѣти, *судити иль самымъ люди свои* и вины брати каждому -зъ своего чоловѣка». За великокняжескимъ урядомъ остается только право суда по важнѣйшимъ уголовнымъ преступленіямъ: «а далей старостѣ на замку нашомъ судити князьскихъ и паньскихъ и землянскихъ людей што ся дотычетъ розбою приличного (т. е. при *лиць*, поличномъ), вгвалтъ и всилство панское и паней, шляхецкая рана, пожога»; но вмѣстѣ съ тѣмъ отмѣнено вниманіе *чоловцины* съ владѣльца, въ случаѣ совершеннаго его крестьяниномъ убійства ²⁾. Волынская уставная грамота, устраняя отъ княжескаго

¹⁾ Акты Зап. Рос., I, № 130, стр. 152. Подсудность крестьянъ исключительно своимъ землевладѣльцамъ подтверждена вновь уставной грамотою Кіевской землѣ 1529 года. Тамъ же II, стр. 211.

²⁾ Акты Южной и Зап. Рос., I, № 36, стр. 27.

суда владѣльческихъ крестьянъ и подчиня ихъ самимъ владѣльцамъ, изъемятъ въ то же время и послѣднихъ отъ подсудности старостѣ, требуя, для законности его рѣшенія, участія въ судѣ шляхтичей: «а князя и пана и землянина старостѣ и намѣстнику нашему одному ихъ не судити, маеть при собѣ посадити князей и пановъ и землянъ, тоже маеть его зъ ними судити»¹⁾).

Такъ постепенно, вмѣстѣ съ фактическимъ землевладѣнiемъ, ускользала въ XV—XVI вѣкѣ изъ рукъ верховной власти и юрисдикція, переходя къ тому же сословію, которому досталась и большая часть княжескихъ земель²⁾. Переходъ судебной власти успѣлъ совершиться даже быстрѣе, чѣмъ превращеніе землевладѣнiя въ сословную привиллегію; подсудность, бывшая прежде общою для всего населенія, еще въ достатутуовый періодъ обособилась въ четырехъ различныхъ формахъ: 1) земляне стали подчинены лишь непосредственному суду государя, а предъ назначенными отъ него чиновниками судилить только съ участіемъ лицъ своего сословія, вскорѣ замѣненныхъ выборными изъ среды себя судьями; 2) выдѣленные изъ земской жизни,

¹⁾ Тамъ же, стр. 28.—Ср. Уставную грамоту землѣ Кіевской 1507 года. Акт. Зап. Рос. II. стр. 36.

²⁾ Оба явленія тѣсно связаны между собою, такъ какъ юрисдикція первоначально имѣла важность преимущественно своею финансовою стороною и въ этомъ смыслѣ могла быть понимаема какъ естественный атрибутъ землевладѣнiя. До какой степени подсудность находилась въ зависимости отъ экономическихъ отношеній, видно на примѣръ изъ того, что закладни подлежали суду тѣхъ лицъ, кому они были должны. «А хто воли челоувѣка держитъ въ пѣнязехъ, тые бы сами тыхъ своихъ людей судили и рядили, а околничіе бы и ишіе вриадники Смоленскіе въ тое ся не вступовали». Уставная грамота Смоленской землѣ 1505 года. Акты Зап. Рос., I, № 213, стр. 362.

замкнутыя въ самыхъ тѣсныхъ предѣлахъ и разобщенныя между собою городскія общины судились по создавшемуся въ совершенно иныхъ условіяхъ кодексу, занесенному извнѣ, не имѣвшему исторической почвы, а потому и не могшему принести городамъ никакой существенной пользы; 3) прежній общій судъ, княжескій, отправляемый назначенными государственною властью урядниками, сохранялся еще въ предѣлахъ неотчужденныхъ государственныхъ земель, съ подчиненіемъ ему крестьянъ и тѣхъ пограничныхъ, междусословныхъ рядовъ населенія, которые, какъ путные слуги и мелкіе бояре, выдѣлялись надъ общей массой, но не могли примкнуть ни къ горожанамъ, ни къ усиливавшемуся земскому сословію; наконецъ 4) крестьяне, живущіе на земляхъ частныхъ лицъ, приблизились постепенно къ потерѣ всякой гарантіи со стороны закона, все болѣе и болѣе подчиняясь—хотя еще и не формулированному—произволу землевладѣльцевъ.

Существовала несомнѣнно и еще одна судебная форма, самая древняя, но не опредѣлившаяся пока письменнымъ закономъ и даже почти не нашедшая себѣ мѣста въ извѣстныхъ намъ памятникахъ XIV—XV вѣка ¹⁾,—именно судебная власть

1) Замѣчательно, что копные суды, о которыхъ Статутъ говорить, что они «на Руси и инде здавна бывали» (третьей редакціи, XIV, 9), пока не могутъ быть прослѣжены вглубь достатучной эпохи; едва ли не единственный слѣдъ ихъ въ XV вѣкѣ сохранился въ судной грамотѣ 1499 года по спору Смоленскаго епископа Іосифа съ князьями Горскими объ имѣніи Чуриловичахъ, гдѣ упоминается объ обязанности околныхъ землевладѣльцевъ высылать своихъ людей, для разслѣдованія дѣлъ о воровствѣ, на «совѣ», (терминъ Русской Правды, соответствующій позднѣйшему «опыту»); при этомъ буквально приводится положеніе копнаго права, по которому невыходъ платитъ шкodu: «а хто не выидеть, тотъ безъ суда виновать, а шкodu маеть платити». Ак. Зап. Рос., I, стр. 169—170.

общины, многократно узурпированная, съ удивительно живучестью выдержавшая впоследствии жестока преслѣдованія и донесшая многіе остатки своихъ возрѣній до самаго поздняго времени, но мы рѣшительно не въ состояніи опредѣлить ея роль для характеристики крестьянъ *какъ сословія*, въ ту эпоху, когда самыя сословныя дѣленія въ Литовской Руси только что вырабатывались и не успѣли еще получить рѣзко опредѣленныхъ формъ.

Въ западнорусскихъ памятникахъ XIV—XV вѣговъ находятся прямыя указанія на то, что повинности, въ смыслѣ государственныхъ налоговъ, въ древнѣйшее время не составляли обязанности одного какого нибудь разряда населенія, а въ одинаковой мѣрѣ падали на всѣхъ, сообразно достатку и экономическимъ занятіямъ каждаго. Вообще, на сколько можно систематизировать факты развивающейся исключительно практическимъ путемъ жизни, — однимъ изъ коренныхъ началъ Литовскорусскаго права было приуроченіе всякаго рода повинностей не къ личности, а къ землѣ: одному и тому же лицу могли принадлежать земли различныхъ разрядовъ, какъ свободныя отъ налоговъ, такъ и подабжащія имъ; съ другой стороны, земли, обложенныя извѣстною повинностью, могли принадлежать лицамъ различныхъ сословій, и тогда эти лица отбывали повинности не по своему лично-общественному положенію, а по свойству принадлежащей имъ недвижимой собственности. Примеры этого мы видимъ въ боярскихъ имѣніяхъ, хотя сравнительно и немногочисленныхъ, свободныхъ отъ обязанности служить за нихъ, хотя владѣющіе ими бояре и были обязаны службой съ другихъ имѣній; точно также боярскія отчины были свободны и отъ налоговъ денежныхъ, хотя бы были приобретены путемъ покупки; но если князь жаловалъ боярину имѣніе, до того уже обложенное денежнымъ сборомъ, то сборъ этотъ

падалъ и на новаго владѣльца; исключеніе составляли только земли, впервые расчищенные изъ подъ лѣсу ¹⁾. Точно также мѣщане, независимо своихъ городскихъ повинностей, служили военную или путную службу, если ими приобрѣтены были имѣнія отъ бояръ или путниковъ. Бояре, жившіе въ городахъ, обязаны были участвовать и въ городскихъ повинностяхъ, хотя въ XV вѣкѣ и замѣтны уже попытки ихъ уклониться отъ этого; такъ около 1456 года жители Полоцка, «мѣщане и дворяне и черные люди и все посполство» жаловались великому князю, что мѣстные бояре «мало помочи имъ даютъ», когда господарь требуетъ таковой помощи отъ города Полоцкаго, а между тѣмъ они къ этому обязываются установленіями прежнихъ великихъ князей, начиная съ Витовта. По разсмотрѣніи дѣла, король Казимиръ призналъ законность требованій Полоцкихъ горожанъ и вновь обязалъ бояръ принимать участіе въ платежѣ налоговъ на государственныя надобности «на потребу земскую», а завѣдываніе денежными суммами возложилъ на особыхъ выборныхъ, по два человѣка отъ каждаго сословія: отъ бояръ, мѣщанъ, городскихъ дворянъ и отъ посполитыхъ людей, такъ что каждое сословіе имѣло свой особый ключъ отъ общей для всѣхъ ихъ казны (сѣрины) ²⁾.

Было весьма естественно, что классъ населенія, къ которому шагъ за шагомъ переходила главная масса поземельной

¹⁾ См. Записъ о Смоленской посполитѣ 1453 года, въ Ак. Зап. Рос. I, № 55 (Zbiór praw Lit., стр. 55; Daniłowicz Statut Kazimierza Jagellończyka, стр. 34).—Чарнецкій (Ист. Лит. Стат.) совершенно справедливо замѣчаетъ, что хотя постановленіе это и озаглавлено мѣстнымъ, но содержаніе его указываетъ на его общность, и вѣроятно, только найденный списокъ предназначенъ для руководства Смоленской области.—Ср. также Акты Виленской Археогр. Комиссіи, I, предисловіе, стр. 16.

²⁾ Акт. Зап. Рос., I, № 60, стр. 72.

собственности, стремился окончательно обложить ее отъ всякихъ платежей въ пользу государства; примѣръ сосѣдней Польши, гдѣ предшественникъ Ягелла, Людовикъ Венгерскій, именно этою цѣною приобрѣлъ корону, подавалъ надежду на успѣхъ¹⁾. Польскіе совѣтники Ягелла надѣялись именно на эту мѣру для распространенія въ Литвѣ католицизма и для упроченія связи ея съ Польшею; первая же привиллегія его Литвѣ въ 1387 году освобождаетъ бояръ католиковъ отъ государственнаго тягла (*labores*); имѣнія католическаго духовенства освобождены отъ серебщизны, дякла и всякихъ другихъ платежей и повинностей (*angaria et perangaria*); въ 1432 году такое же освобожденіе дано всему дворянству Луцкой земли, уже безъ различія исповѣданій²⁾, и т. под. Но Западная Русь слишкомъ мало еще была тогда подготовлена къ усвоенію Польскихъ порядковъ, привиллегіи Ягелла не вошли въ жизнь и мало по малу пришли въ забвеніе; уклоненіе боярства отъ платежа общегосударственныхъ повинностей развивается только къ концу XV вѣка, и на Волини узаконено только уставной грамотою 1501 года, а «воловщина» взымалась до 1509 года³⁾; въ Смоленскѣ владѣльческіе люди платили наравнѣ съ горожанами сторожовщину и отбывали подводную повинность еще въ 1505 г.⁴⁾; въ Брацлавской землѣ подымщина съ землянскихъ имѣній отиѣнена лишь

1) См. Будинскую привиллегію Людовика у *Vandtkie, Jus Polonicum*, стр. 156.—Горемыкинъ. Очерки исторіи крестьянъ въ Польшѣ. Спб. 1869, стр. 59—70.

2) *Zbiór pr. Lit.*, стр. 1. 48.— Архивъ Югозап. Рос., ч. V., т. I, № 1. По Городельской привиллегіи 1413 года шляхта обязана была однако, кромѣ военной службы, участвовать въ постройкѣ замковъ и платить подати (*tributa dare*). *Volumina legum*, изд. 1859 г., I, стр. 68.

3) Акт. Южн. и Зап. Р. I, стр. 28; тамъ же, II, стр. 65.

4) Акт. Зап. Рос., I, № 213, стр. 362.

въ 1507 году ¹⁾, а въ Киевской она вималась даже до 1529 года ²⁾, и т. д.

По отношенію къ крестьянамъ, жившимъ на владѣльческихъ земляхъ, эти льготы и освобожденія имѣли единственно тотъ смыслъ, что виманіе якобы отмѣняемой подати въ сущности было только перенесеніемъ права на нее съ государства на частнаго владѣльца, ставя крестьянина тѣмъ въ большую зависимость отъ послѣдняго; при этомъ являлся просторъ и для произвольнаго увеличенія подати, уже не регулируемой общимъ законодательствомъ. Лучшимъ примѣромъ въ этомъ отношеніи можетъ служить указанная отмѣна Брацлавской подымщины; памятники позволяютъ прослѣдить, какъ эта отмѣна повела къ обоюдной выгодѣ фиска и землевладѣльцевъ, а потерпѣли отъ нея только низшія сословія, мѣщане и крестьяне. Уничтожая подымщину, король выговорилъ въ свою пользу отъ землянъ уступку права торговли напѣтками, которымъ они на самомъ дѣлѣ пользовались далеко не вполне, такъ какъ этою торговлею занимались здѣсь и мѣщане. Заручившись же фиктивнымъ правомъ отъ землянъ на монополію питейной торговли, король немедленно ввелъ въ Брацлавѣ, по примѣру другихъ городовъ, налогъ извѣстный подъ именемъ канщизны, въ размѣрѣ пятидесяти копъ ежегоднаго платежа, тогда какъ отмѣненная подымщина доставляла казнѣ не болѣе тридцати копъ даже еще передъ Татарскимъ разореньемъ 1497 года; съ своей стороны, земляне, получивши льготу отъ подымщины въ видахъ привлеченія переселенцевъ, которыхъ, по словамъ землянъ, отпугивала высота налоговъ, стали вимать ее по прежнему, но уже въ свою пользу и въ увеличенномъ размѣрѣ ³⁾.

1) Акт. Зап. Рос., II, стр. 28.

2) Тамъ же. стр. 210.

3) Акт. Зап. Рос., II, стр. 28; Архивъ Югозап. Рос., ч. V, т. I,

Переходъ налогового права къ землевладѣльцамъ завершился только въ XVI вѣкѣ, ранѣе же этого времени замѣчается только постепенное движеніе въ этомъ направленіи, такъ что положеніе крестьянъ въ достатуттовую эпоху есть очевидно переходное, когда они не вполне еще утратили право землевладѣнія, считались гражданами государства, взимавшаго съ нихъ налоги, и только отчасти лишились своихъ правъ на общую подсудность. Вообще въ періодъ до изданія статута мы не находимъ ни строго опредѣленныхъ замкнутыхъ сословій, ни того нивелированного *de jure* положенія, какое замѣчается внутри каждаго изъ нихъ въ послѣдующее время. Князья, паны, земляне, бояре—настолько еще не считались равными между собою, что послѣдніе, при окончательной установкѣ общественныхъ отношеній въ Литвѣ, могли одинаково попадать и попадали на обѣ крайнія ступени сословной іерархіи; принадлежность земель, на которыхъ жили крестьяне, не такъ рѣзко опредѣляла сословныя права послѣднихъ, чтобы они не смѣшивались какъ между собою, такъ напримѣръ и съ городскимъ сословіемъ¹⁾; повсюду, до послѣднихъ даже лѣтъ XV столѣтія,

стр. 530. •О тую подымцину поведили (земляне Брацлавскіе въ 1545 году), икъ то есть доходъ зъ людей панихъ насъ самыхъ, пановъ; а кромъ того иныхъ некоторыхъ пожитковъ зъ людей панихъ не маемъ, зъ того есть якъ поживленіе, такъ и одежда пана •. См. № VIII, стр. 24.

¹⁾ По уставной грамотѣ Кіеву, 1503 года, къ мѣщанскому обществу (хотя только въ податномъ отношеніи) причислены: люди бискупьи, и митрополчьи, и воеводины, и архимапдричьи, и князьскіи, и панскіи, и землянскіи, и инши прихожиіи люди, и тежь ремесники, которіе люди *въ мѣстѣ Кіевскомъ и по селамъ торомъ ся обыходять*. Акт. Зап. Рос., I, № 207, стр. 355.—Ср. также уставную грамоту Полоцку, того же года, тамъ же, № 210, стр. 358. Но по грамотѣ 1529 года владѣльческіе люди въ Кіевѣ уже освобождены отъ мѣстскихъ поборовъ. Акты Зап. Рос., II, стр. 211. Г.ъ Полоцкѣ владычніе и монастырскіе закладни, если занимались тор-

замѣчаются еще хоть слабыя слѣды того бытового устройства удѣльно-вѣчеваго порядка, когда появляются еще только первые зародыши сословій, когда »все населеніе представляло единообразную массу, разные слои которой отличались одинъ отъ другого —достоинствомъ, а не правами; когда различій по занятіямъ не существовало: отъ князя до послѣдняго свободнаго всякій могъ быть воиномъ, имѣть поземельную собственность, заниматься торговлей и промыслами«¹⁾. Два вѣка исторической жизни Западной Руси въ соединеніи съ Литвою въ концѣ концовъ повліяли на радикальное измѣненіе подобныхъ бытовыхъ условій, а усиливавшееся вліяніе Польши и однажды данный толчокъ неуклонно вели къ ихъ полному отрицанію и уничтоженію. Законодательныя реформы эпохи Сигизмундовъ, выразившіяся въ изданіи Статутовъ, и отчасти уже начатыя при Александрѣ, составляютъ такимъ образомъ не формулировку установившихся общественныхъ отношеній, не кодификацію *обычаю* права, а напротивъ, въ нихъ слѣдуетъ видѣть только отдѣльные фазисы той ломки, какой подвергались послѣдніе остатки старины, и попытку организовать дальнѣйшую историческую жизнь на новыхъ началахъ, несостоятельность которыхъ доказалъ печальный опытъ послѣдующихъ вѣковъ.

Въ XVI вѣкѣ, рядомъ съ ограниченіемъ юридическихъ правъ крестьянскаго сословія, шло все большее и большее стѣсненіе его и въ отношеніи экономическомъ. Поэтому, обзору законодательныхъ реформъ этой эпохи, мы должны предпослать краткій очеркъ тѣхъ условій, которыми опредѣлялось экономическое положеніе крестьянства въ различныхъ мѣстностяхъ Западной Руси, и затѣмъ будемъ разсматривать измѣненія въ томъ и другомъ отношеніи параллельно.

говлею, платили серебщицну и ордыницну наравнѣ съ мѣщанами. Акт. Зап. Рос., II, стр. 88.

¹⁾ Сергѣевичъ. Вѣче и Князь. Стр. 31.

Побѣды Гедимины и его ближайшихъ преемниковъ надъ Татарами передали въ руки Литовскихъ князей богатый край, заселенный сравнительно скудно, простирившійся до самаго Чернаго моря, включая въ себѣ такимъ образомъ Волинь, Подолію, Украину, или нынѣшнія Юго-Западная губерніи съ Малороссією, и «Дикія Поля», т. е. Новороссійскія степи. Записка о границахъ великаго княжества Литовскаго на югѣ и востокѣ, составленная около 1540 года по показаніямъ старожилыхъ Кіевъ. Черкашапъ и Капевцевъ, такъ опредѣляетъ эти границы: отъ впаденія Мурахвы въ Днѣстръ мимо Тегиню къ устью Днѣстра, лиманомъ мимо Очакова къ устью Днѣпра, оттуда до Тавани, потомъ къ Овечьимъ Водамъ, Овечьими водами до верховья, оттуда къ верховьямъ Самары и Оргѣя, до самаго Донца, а отъ Донца по Тихую Сосну. Это обозначеніе границъ было произведено въ началѣ второй половины XV вѣка, при Кіевскомъ князѣ Семенѣ Александровичѣ (1454--1471): «А на тые грапицы князь Семень Олельковичъ высылалъ намѣстника своего Свиридова, который отъ него Черкасы держалъ, и тотъ по тымъ мѣстцомъ розѣздчалъ и по тымъ урочищамъ границы клалъ, яко съ землею Татарскою, такъ и зъ Бѣлымъ-Городомъ, такъ тежъ и зъ землею Волоскою»¹⁾. Что такъ далеко простирались не одиѣ голословныя претензіи Литвы и Польши, а и фактическое владѣніе, видно между прочимъ изъ спора между извѣстными магнатами Язловецкими, владѣльцами гавани Кочубей, потомъ Хаджибей (нынѣшняя Одесса), и Польскимъ правительствомъ о принадлежности вновь образовавшихся въ этомъ мѣстѣ береговыхъ наносовъ; по этому спору состоялось рѣшеніе короля Владислава Ягеллона (Варненчика) въ 1442 году, въ которомъ упоминается, что поводомъ

1) Акты Западной Россіи, Т. I, стр. 362.

къ спору было воспрещеніе Язловецкими постройби на прибрежныхъ наносахъ пограничныхъ постовъ 1).

Такимъ образомъ въ составъ Литовскаго княжества въ XIV—XVI вѣкахъ входили самыя разнообразныя по естественнымъ условіямъ мѣстности, начиная отъ непроходимыхъ Литовскихъ и Бѣлорусскихъ пущъ и боровъ, съ песчаной или болотистой почвой, до благодатной Подоліи, Побережья и безконечныхъ степей Новороссіи. Сѣверная лѣсисто-болотистая часть государства была заселена гуще, сравнительно съ представляемыми ею средствами къ жизни, чѣмъ переходная полоса Волинии и особенно южнѣ лежація земли. Не слѣдуетъ однако думать, что Подолія, Брацлавщина и стенная Украина представляли собою совершенно обезлюдѣвшую пустыню: и здѣсь существовало уцѣлѣвшее отъ Татарскаго погрома земледѣльческо-поселеніе, правда, немногочисленное, раскиданное на громаднѣхъ пространствахъ, неимѣющее никакой государственной организаціи, а разбитое на отдѣльныя общины, управляемыя атаманами, и платившее дань Татарамъ. Лѣтописецъ, говоря о пораженіи княземъ Ольгердомъ Татаръ на Синихъ Водахъ и объ отдачѣ имъ затѣмъ Подоліи въ ленъ князьямъ Коріатовичамъ, изображаетъ тогдашнее состояніе этой страны слѣдующимъ образомъ;... »Си три брата Татарскіе князи (т. е. побѣжденные Литовцами) отчичи и дедичи Подольской земли, а отъ нихъ завѣдали ватамани; а боскаки, приездячи отъ нихъ, у атамановъ имывали изъ Подольской земли дань... И тогда въ Подольской земли не былъ ни одинъ городъ, ни деревомъ рубленого, ани каменемъ будованого« 2). Естественно, что съ под-

1) На этотъ документъ ссылается Чацкій, имѣнный случай видѣть его въ подлинникѣ Литовской метрики.—См. O Litewskich i Polskich prawach, Т. II, стр. 185, примѣчаніе 1543.—Ср. у Длугоша, подъ 1415 годомъ.

2) Daniłowicz. Latopisiec Litwy i kronika Ruska. стр. 50.—Ср. Архивъ Ю.-З. Россіи, ч. III, Т. I, предисловіе, стр. XI.

чиненіемъ Подоліи власти Литовцевъ (а потомъ частію Поляковъ), между населеніемъ великаго княжества возникло стремленіе переселяться на новыя земли, представлявшія гораздо большія богатства природы, а правительство, изъ видовъ политическихъ, чтобы прочнѣе закрѣпить за собою новопріобрѣтенную страну, всячески покровительствовало такого рода колонизаціи.

Подольская земля, вскорѣ раздѣлившаяся на собственно Подолію и Брацлавщину, производила своими богатствами чрезвычайно сильное впечатлѣніе на жителей болѣе сѣверныхъ областей, давшихъ ей имя страны »текущей медомъ и млеко́мъ«. Необыкновенное плодородіе представлялось имъ самою характеристическою ея чертой, какъ это можно видѣть, папримѣръ, изъ описанія Гванъини, или вѣрнѣе говоря, служившаго ему анонимнымъ источникомъ Стрыйковскаго: »Страна эта, говоритъ онъ, чрезвычайно плодородна и изобильна всякими произрастеніями; пахарь кое-какъ зарываетъ въ землю зерно и всегда получаетъ урожай сторицею; степь и луга покрыты роскошною травою, столь высокою, что изъ нея едва видны рога пасущихся быковъ; почва такъ тяжела, что приходится впрягать въ плугъ по двѣнадцати воловъ, и все таки они едва могутъ его тащить; лѣса изобильны пасѣнками, всюду видны ульи и выдолбленные пни съ пчелами; по степямъ ходятъ многочисленные стада скота и табуны лошадей, стаи дикихъ птицъ и множество различныхъ звѣрей«¹⁾. Даже строго официальный актъ, описаніе Брацлавскаго замка, выражается о принадлежащихъ тамошнимъ мѣщанамъ пасѣнкахъ такимъ же образомъ: »суть иныи пасѣнки, ижъ я три селяща за одну пасѣнку не сто́ять: тамъ же у него пашня, ставы спустныи, пчоль мно-

¹⁾ Gwagnin. Sarmacya Europeyska.

ство, звѣрь всякій, сады и огороды овощные роскошные и всякій иишій пожитокъ»¹⁾).

Стремленіе колонизировать эти привольныя пустоши, естественно возникшее въ населеніи сосѣднихъ мѣстностей, встрѣчало и прямое и косвенное поощреніе со стороны правительства. Первымъ дѣломъ князей Коріатовичей, получившихъ отъ Ольгерда въ удѣлъ Подолю, было возстановленіе разрушенныхъ при Батыевомъ и послѣдующихъ Татарскихъ нашествіяхъ городовъ, или основаніе новыхъ, съ возведеніемъ въ нихъ оборонныхъ замковъ; такъ уже въ теченіе XIV вѣка упоминаются, какъ вновь укрѣпленные, города: Каменецъ, Бакота, Смотричъ, Червень, Скала, Звенигородъ, Межибожь, Черноостровъ, Винница, Брацлавъ²⁾. Одновременно съ основаніемъ княжескихъ замковъ шла раздача »пустовщинъ« землянамъ, частію членамъ княжеской дружины, частію же, по всей вѣроятности, вліятельнѣйшимъ и храбрѣйшимъ членамъ туземныхъ общинъ; такъ мало по малу образовалось и здѣсь, на мѣсто »атамановъ« времени Татарскаго управленія, землевладѣльческое сословіе, превратившееся современемъ въ шляхту; нерѣдко къ ней примыкали и разныя личности сомнительнаго происхожденія, завладѣвшія селищами въ смутное время и присвоивавшія себѣ потомъ дворянскія права³⁾. Жалованныхъ грамотъ на земли въ этомъ краѣ издано до сихъ поръ сравнительно немного⁴⁾, и

1) № VIII, стр. 26.—Архивъ Ю.-З. Рос. ч. V, т. I, стр. 532.

2) Daniłowicz, l. c.—Baliński i Lipiński, Starożytna Polska, т. II, стр. 954, 965, 977, 988, 994, 1003, 1008, 1338, 1364.

3) № VIII, стр. 25—26.

4) Акты Зап. Рос., т. I, стр. 22, 32, 48, 58, 151, 152, 178.—Грамоты вел. кн. Литовскихъ, стр. 5, 6, 19, 32, 33, 34, 38, 42, 43, 44, 56, 58, 61, 67, 82, 90, 91, 148, 156, 160.—Baliński i Lipiński, Star. Polska, т. II, стр. 949, 955, 959, 965, 969, 970, 971, 973, 1010, 1016, 1031, 1042, 1052, 1359, 1365, 1377.

тѣ относятся по большей части къ XVI вѣку; но изъ упоминаній въ нихъ видно, что пожалованія здѣсь начались еще со времени Ольгерда, Витовта и Свидригайла. Земли раздавались обыкновенно съ условіемъ военной службы, и даже пожалованія въ пользу монастырей были обусловлены замковыми повинностями. Такъ князь Александръ Коріатовичъ, подтверждая, въ 1375 году, жалованную грамоту брата своего Юрія въ пользу Смотричскаго доминиканскаго монастыря на мельницу съ землями и угодьями, говоритъ: »а кого коли испрячють людій къ себѣ у томъ мѣстѣ, у млина, тые люди дали есмо имъ со всимъ правомъ,—аь то, што жъ коли вси бояре и земляне будутъ городъ твердить, тогда тѣи люди такожь имають твердити городъ Смотричъ; и тожь, штожь коли вси земляне имуть давати дань у Татары, то серебро имають такожь тѣе люди дати«¹⁾. Въ жалованныхъ грамотахъ само собою подразумѣвалось право заселять жалуемая земли; иногда это право оговаривалось положительно²⁾, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ колонизація ставилась даже въ число условій пожалованія³⁾.

Для привлеченія колонистовъ, какъ князья, такъ и частныя лица предоставляли имъ различныя льготы и привилегіи, какъ-то: освобожденіе на извѣстное число лѣтъ отъ всѣхъ или нѣкоторыхъ повинностей, перечисленіе заселяемой мѣстности изъ разряда сельскихъ поселеній въ городскія, съ установленіемъ торговъ и ярмарокъ, предоставленіе извѣстнаго само-

¹⁾ М. Grabowski i Malinowski. Zródła do dziejów Polskich, т. I, стр. 139.—Акты Зап. Р. т. I, стр. 21.

²⁾ Такъ напримѣръ въ 1383 г., вел. кн. Витовтъ разрѣшаетъ Василю Карачевскому осадить надъ р. Морахвой, въ Каменецкомъ повѣтѣ, село Княжью Луку. Акт. Зап. Р. т. I, стр. 22.

³⁾ Напримѣръ въ жалованной грамотѣ Сигизмунда-Августа, 1558 года, Федору Каменецкому на пустое селище Петрову-Луку. Грам. в. кн. Лит., стр. 85.

управленія и самосуда по саксонскому праву и т. под. Цѣль всѣхъ подобныхъ льготъ -- способствовать возможно быстрому заселенію мѣстности—обыкновенно прямо высказывается, въ сѣ- нихъ жалованныхъ грамотахъ¹⁾.

¹⁾ Такъ въ 1374 г. князь Юрій Коріатовичъ, желая скорѣе заселить Каменецъ, отвелъ для города двѣсти лановъ земли, съ освобожденіемъ поселенцевъ въ продолженіе двадцати лѣтъ отъ платежа податей за эту землю и съ назначеніемъ на дальнѣйшее время оклада по двадцати шврокихъ грошей съ лана; предоставилъ право самосуда передъ радцами; въ случаѣ спора между княземъ, землицомъ или дворяниномъ съ одной стороны, и мѣщаниномъ съ другой,—назначался судъ смѣсный, изъ воеводы и войта; въ пользу войта шла только третья часть судебныхъ пошлинъ и штрафовъ, а остальныя двѣ трети обращались на удовлетвореніе нуждъ города, равно какъ доходы съ лавокъ суконныхъ, сапожныхъ, хлѣбныхъ, мясныхъ, и съ бапъ.—Въ 1448 г. получили магдебургское право города Смотричъ и Хмельникъ; при возстановленіи въ первомъ изъ нихъ замка, въ 1518 г., жителямъ была предоставлена двухлѣтняя льгота отъ податей.—Около того же времени, между 1442 и 1450 г., получили магдебургское право городъ Летичевъ, подтвержденное въ 1537 году, причемъ въ городѣ установлены двѣ ярмарки и ежегодные торги, а въ 1553 году, послѣ разоренія Летичева Татарами, жителямъ дано десять лѣтъ льготы отъ податей.—Въ 1510 г. городъ Скала получилъ свободу отъ чиншей на четыре года, отъ пчельной десятины на два года, а отъ даванія подводъ и новыхъ, могущихъ быть установленными, податей на восемь лѣтъ; въ 1518 г. подтверждено было городу магдебургское право, ярмарка и ежегодный торгъ, а по случаю отягощенія мѣщанъ перестройкою замка, они освобождены на два года отъ городскихъ податей; послѣ сожженія города Волохами, жители вновь были освобождены въ 1539 г. на годъ отъ чиншей и подводъ.—Въ томъ же 1510 году получило магдебургское право мѣстечко Подфилиппе, и тогда же даны нѣкоторыя права владѣльцамъ м. Шаравки, а въ 1546 г. въ послѣднемъ установленъ торгъ и двѣ ярмарки; Шаравка пользовалась и магдебургскимъ правомъ, по о времени его пожалованія точныхъ свѣдѣній не имѣемъ.—Торгъ и двѣ годовыя ярмарки въ Кудринцахъ были учреждены въ 1518 году, равно какъ и въ Ягельницѣ, въ которой впослѣдствіи, въ 1531 году, былъ установленъ еще второй недѣльный торгъ.—Въ 1519 и 1523 гг. установленъ былъ торгъ и три ярмарки въ Язловцѣ и двѣ ярмарки въ Чернокозин-

Изъ приведеннаго въ примѣчаніи обширнаго перечня мѣстностей одной только Подольской земли, получившихъ городскія права и различныя преимущества въ XV и XVI вѣкахъ, видно, что подобныя мѣры для привлеченія колонистовъ были въ то время въ большомъ употребленіи. Необходимо замѣтить, что хотя магдебургское право по отношенію къ древнерусскому са-

цахъ; послѣднему мѣстечку въ 1578 году дано было магдебургское право.—Въ тридцатыхъ годахъ XVI вѣка переименована была изъ селенія въ мѣстечко Балина.—М. Сатановъ въ 1532 году было освобождено отъ платежа шосовой, чоповой и прочихъ податей на восемь лѣтъ.—Въ 1538 году отстроены были королевою Боною сожженный еще въ 1452 году Татарами замокъ и городъ Ровъ, съ переименованіемъ его въ Баръ, съ освобожденіемъ колонистовъ на шестнадцать лѣтъ отъ всякихъ податей, чиншей, пошливъ и повинностей, съ учрежденіемъ трехъ ярмарокъ и торгова дважды въ недѣлю; въ 1540 и слѣдующихъ годахъ жителямъ Бара было пожаловано магдебургское право и различныя другія льготы.—Въ 1543 году дано было магдебургское право мѣстечку Сенявѣ, при самомъ его основаніи, вмѣстѣ съ пятнадцатилѣтней льготой отъ податей, учрежденіемъ торгова и двухъ ярмарокъ, а въ 1558 году, по случаю Татарскаго разоренія, вновь дана льгота отъ податей.—Въ 1546 году получилъ магдебургское право Ялушковъ.—Въ 1552 году дано было такое же право строящемуся городу Уланову, съ двухлѣтней льготой отъ чоповой подати, а отъ всѣхъ прочихъ на пятнадцать лѣтъ, съ установленіемъ торгова и двухъ ярмарокъ; изъ люстраціи же 1570 г. видно, что жители имѣли еще десять лѣтъ свободы; послѣ разоренія этого города въ 1606 году, ему снова была предоставлена двадцатилѣтняя льгота отъ чиншей, пошливъ и поволощизны, а отъ прочихъ податей и даней на четыре года, причемъ жители получили и магдебургское право.—Въ 1556 году село Черный-Островъ переименовано въ городъ, получило магдебургское право, двѣ ярмарки, еженедѣльный торгъ и пятнадцать лѣтъ свободы отъ всѣхъ податей, кромѣ чоповой, отъ которой дана льгота только на одинъ годъ.—Винница въ 1558 г. получила право безпошлинной торговли.—Въ 1559 г. дано магдебургское право, торгъ и три ярмарки Гусятину, при переименованіи его въ городъ.—Въ 1571 году установлены были въ м. Тлустомъ торгъ и двѣ ярмарки, а въ 1580 г. еще двѣ ярмарки.—Въ 1578 г. переименованы были въ города Лятинъ и Пłosкировъ, съ установленіемъ въ нихъ еже-

мостоятельно-общинному укладу имѣло значеніе попреимуществу отрицательное ¹⁾, но сравнительно съ тѣмъ безправнымъ, воплѣ подчиненнымъ произволу положеніемъ, въ какомъ постепенно очутились помѣщичьи крестьяне относительно своихъ владѣльцевъ, а крестьяне королевскихъ имѣній относительно старостъ и державцевъ,—право это было все-таки шагомъ впередъ, предоставляя извѣстное, хотя и ограниченное, самоуправленіе и самосудъ Жители очень хорошо понимали это,

недѣльныхъ торговъ и въ первомъ двухъ, а въ послѣднемъ трехъ ярмарокъ.—Тогда же заведены двѣ ярмарки въ м. Черчемъ, и пожаловано жителямъ этого мѣстечка магдебургское право.—Въ 1579 г. основанъ Шаргородъ, жители котораго освобождены на двадцать лѣтъ отъ податей и повинностей, а въ 1588 году получили магдебургское право, торгъ, три ярмарки, освобожденіе отъ торговыхъ пошлинъ и обязательную продажу иногородними купцами провозимыхъ черезъ городъ восточныхъ товаровъ.—Въ 1584 году село Доброшаны переименовано въ городъ Фельштынъ, которому дано магдебургское право, торгъ и три ярмарки.—Въ 1591 году переименованъ въ городъ Межировъ, и въ немъ заведенъ торгъ, а въ 1613 г. установлены три ярмарки, и жители получили право свободной торговли напитками.—Въ 1592 г. переименованы въ городъ Дунаевцы, съ предоставленіемъ магдебургскаго права, еженедѣльнаго торга и двухъ ярмарокъ, а въ 1605 году число ярмарокъ увеличено до четырехъ.—Въ 1598 году обращена въ городъ Деражня, получившая въ 1614 году и магдебургское право.—Въ 1600 году право это пожаловано было мѣстечку Новому-Константинову, вмѣстѣ съ двумя еженедѣльными торгами, тремя ярмарками, съ свободной торговлей напитками и освобожденіемъ отъ платежа торговыхъ пошлинъ на всемъ пространствѣ государства. Staroż. Polska. II, 938, 957, 961, 962, 966, 969, 971, 973, 980, 984, 985, 987, 988, 991, 992, 998, 1005, 1008, 1010, 1016, 1020, 1024, 1027, 1028, 1033, 1041, 1053.—Czaski, I. c., I, стр. 201, примѣч. 1048.—Акты Ю. в Зап. Р. I, № 160.—Арх. Ю.-Зап. Рос. ч. V, т. I, стр. 5, 80.—Акты Зап. Рос. I, № 4, стр. 21.

¹⁾ Это достаточно разъяснено г. Антоновичемъ, въ его Изслѣдованіи о городахъ Югозападной Руси Арх. Ю.-Зап. Рос. ч. V, т. I.—См. также: Владимірскій-Будановъ. Нѣмецкое право въ Польшѣ и Литвѣ. К. 1869.

и во многих грамотах, жалующих нѣмецкое право тому или другому мѣсту, прямо говорится, что оно дается по просьбѣ жителей или для привлеченія переселенцевъ ¹⁾).

Что касается собственно сельскаго населенія, составляющаго, конечно, главную массу колонистовъ, то для привлеченія его употреблялась также такъ-называемая »воля« или »слобода«, т. е. освобожденіе переселенцевъ на извѣстное число лѣтъ отъ всѣхъ или нѣкоторыхъ платежей и повинностей въ пользу владѣльца. Такое освобожденіе, какъ ненуждавшееся въ правительственномъ утвержденіи, по этому самому лишь очень рѣдко бывало предметомъ особаго письменнаго документа; къ тому же акты книги Кіевскія, Брацлавскія и Винницкія дошли до насъ только со второй половины XVII вѣка, и о срокахъ предоставлявшихся владѣльцами льготъ или о степени распространенности такой мѣры въ XV и XVI столѣтіяхъ мы можемъ заключать только по аналогіи съ другими мѣстностями и съ позднѣйшимъ временемъ, когда »слобода« составляла необходимую принадлежность каждаго вновь основываемаго поселенія. Въ настоящемъ томѣ помѣщенъ одинъ изъ немногихъ документовъ этого рода, относящихся къ XVI вѣку, именно инвентарь имѣнія пановъ Тышкевичей, лежавшаго въ южной части Кіевского воеводства, на границѣ Брацлавщины ²⁾. Изъ него мы видимъ, что огромное имѣніе это, почти равное по размѣрамъ нынѣшнему уѣзду, все сплошь состояло изъ слободъ, пользовавшихся двѣнадцатилѣтнею льготою отъ повинностей, вполнѣдствіи продолженною, по причинѣ разоренія многихъ сель окрестными владѣльцами. Иногда, впрочемъ и

¹⁾ Такъ наприимѣръ, мѣщане Шаравки »*abi porządniey osiedzicz, szie mogli u lepiej, thedi proszieli o prawo niemieckie*«. Изъ юстраціи 1570 года. *Staroż Polska*, II, 1029.

²⁾ № LXXVII, стр. 223—232.

правительство принимало болѣе общія мѣры, касавшіяся сельскихъ переселенцевъ; такъ на примѣръ, въ 1493 году, вслѣдствіе Татарскаго разоренья, жители Волыни были освобождены на двѣнадцать лѣтъ отъ платежа воловщины, а десять лѣтъ спустя эта льгота была продолжена на другой такой же періодъ времени ¹⁾. Въ 1507 году былъ отмѣненъ во всей Брацлавщинѣ платежъ подымной подати, именно съцѣлію привлечь колонистовъ; земляне Брацлавскіе, писалъ король тамошнему на мѣстнику князю Михайлу Васильевичу Збаражскому, били челомъ, »штожь имѣнья ихъ опустошены и накорень скажоны отъ непріятелей, и людей за собою вельми мало мають; а хоти бы и хотѣли которые люди за нихъ прійти зъ заграничья або отынуть откуля, ино дей для того не смеють прійти, штожь подымщину нашу платять; и били намъ челомъ, абыхмо имъ тую подымщину зъ ихъ людей отпустили. Ино мы за ихъ вѣрную службу и тежь для сказы именій ихъ тую подымщину имъ есмо вѣчно отпустили« ²⁾.

Другимъ средствомъ привлеченія колонистовъ было укрѣпленіе селъ замками, и особенно снабженіе жителей оружіемъ. Такъ въ 1599 году Станиславъ Жолкевскій, объѣзжая Подолію, писалъ къ коронному канцлеру Яну Замойскому, владѣльцу Шаргорода: »Хорошо сдѣлаешь ваша милость, если пришлешь въ Шаргородъ оружія, особенно гаковницъ (крѣпостныхъ пицалей) штукъ сто, или и больше, такъ какъ простонародіе видятъ въ этомъ важнѣйшій залогъ своей безопасности, за то оно и станеть селиться гораздо быстрѣе« ³⁾. Устройство, укрѣ-

¹⁾ Акты Зап. Рос I, стр. 350.—Danilowicz. Skarbiec dipl. II, стр. 272.

²⁾ Акты Зап. Рос. II, стр. 28.

³⁾ Listy Stanisława Żółkiewskiego, стр. 97.

пленіе и вооруженіе замковъ—хотя значеніе послѣднихъ въ исторіи колонизаціи нерѣдко и преувеличивается, особенно Польскими писателями,—было, какъ видно, все таки весьма важнымъ дѣломъ для переселенцевъ въ виду постоянной опасности отъ Татаръ; поэтому-то укрѣпляли не только города и другія значительныя поселенія, но даже села и мелкія деревни.

Богатая производительность страны, во связи со льготными условіями поселенія и сравнительной безопасностью, конечно, повели бы за собою быструю колонизацію Подолія, Брацлавщины и степной Украины, если бы колонизація эта не встрѣтила на первыхъ же порахъ весьма сильнаго препятствія въ неблагопріятныхъ политическихъ обстоятельствахъ.

Пораженіе Татаръ на Синихъ Водахъ, походы Ольгерда въ Брынь и Витовта къ Азову, сокрушеніе могущества Золотой Орды на Куликовомъ полѣ,—все это нѣсколько обезпечило спокойствіе отдаленной отъ Волжскихъ улусовъ Югозападной Руси, но ненадолго. Уже въ концѣ XIV вѣка, послѣ неудачи Витовта надъ Ворскломъ, Едигей разрушаетъ Житомиръ, а въ 1416 году Кіевъ. Затѣмъ слѣдуетъ около полустолѣтія сравнительной тишины, хотя набѣги Татаръ и Ногайцевъ на Югозападную Русь возобновляются послѣ 1453 года, т. е. со взятія Турками Константинополя; они особенно усиливаются послѣ смерти Хаджигирея (1467), поддерживавшаго дружественныя отношенія съ Литовцами, и наслѣдникъ его Менглигирей, признавъ надъ собою верховную власть султана (1475), вскорѣ затѣмъ, въ 1478 г., опустошаетъ Брацлавъ, а въ 1482 году—Кіевъ. Съ этой поры начинается длинный рядъ Татарскихъ набѣговъ, повторявшихся почти изъ году въ годъ, въ большихъ или меньшихъ размѣрахъ; въ 1495 году страдаетъ отъ Татаръ Владиміръ-Волынскій, въ томъ же и въ 1497 гг. снова разоренъ Брацлавъ, въ 1498 г. Черниговъ, 1516 годъ ознаменованъ побѣдою надъ Татарами князя Константина Ивановича Острожскаго подъ Виш-

невдомъ на Волини, и т. д.; значительнѣйшіе набѣги Татаръ въ XVI вѣкѣ упоминаются еще подъ годами: 1532, 1537, 1538, 1550, 1556, 1558, 1566, 1593 и проч.¹⁾

Какъ велики бывали иногда опустошенія городовъ и сѣлъ при набѣгахъ Татаръ, можемъ видѣть изъ нѣсколькихъ актовъ XVII вѣка, помѣщенныхъ въ настоящемъ томѣ: въ 1617 году встрѣчаемъ заявленіе Краковскаго каштеляна, князя Януша Острожскаго, о разореніи Татарами имѣній его въ Острожской волости, и возный доноситъ объ осмотрѣ имъ двѣнадцати разграбленныхъ и сожженныхъ сѣлъ, жители которыхъ по большей части взяты въ Орду въ ясырь; въ 1618 г. панъ Фасчъ заноситъ объявленіе объ опустошеніи имѣнія его Великаго Волчинца, причемъ взято въ полонъ пятьдесятъ крестьянскихъ семействъ, и сожжены всѣ постройки до тла; въ 1619 г. обращены въ пепелъ цѣлыя волости въ имѣніяхъ княгини Порицкой и князей Острожскихъ, и т. д.²⁾; особенно характеренъ актъ 1601 года, въ которомъ возные Луцкаго повѣта показываютъ, что послѣ опустошенія Татарами за восемь лѣтъ назадъ, т. е. въ 1593 году, остается еще въ этомъ повѣтѣ разрушенныхъ *двѣсти шестдесятъ девять* мѣстечекъ, сѣлъ и деревень, »и до того часу пусты есть, и людей въ нихъ немашь«³⁾.

Такое запустѣніе, несмотря на его распространенность, едва ли однако бывало совершенно полнымъ и продолжительнымъ:

1) Бантынь-Камепскій, Источники для Малорос. исторіи, стр. 22, 29, 32, 79, 80, 104, 118.—Staroż. Polska, II, стр. 961, 962, 964, 971, 989, 999, 1003, 1033, 1339.—Акты Зап. Рос., I, стр. 125, 148, 151, 173, 179, 210, 212.

2) № XCIX, стр. 310; № CXVI, стр. 380; № CXXV, стр. 412; № CXXVI, стр. 413; № CXXVIII, стр. 415 и № CXXIX, стр. 417.—Новицкій, Матеріалы для ист. засел. Кіев. губ., стр. 88.

3) № XCIII, стр. 289.

жители-поселяне и даже новые поземельные владѣльцы, земляне, при первой возможности возвращались на старыя пепелища. Хотя мы и имѣемъ мало указаній на подобный возвратъ, относящихся къ началу Татарскихъ набѣговъ, но нѣсколько позже, въ XVI и XVII вѣкахъ, такіе факты не составляютъ рѣдкости. Нападеніямъ Татаръ подвергался тогда постоянно весь Югозападъ Руси, такъ что во всей странѣ могли бы быть примѣнены слова современника Сарницкаго относительно Бѣлой Церкви, куда, по его выраженію, Татары заглядывали столь же часто, какъ собаки на кухню¹⁾, и несмотря на это, преемственность населенія, не только земледѣльческаго, но и шляхетскаго, сохранялась непрерывно во многихъ мѣстностяхъ; едва ли будетъ ошибкою думать, что и тамъ, гдѣ мы не можемъ точно и достовѣрно прослѣдить этой преемственности, — причины этого заключаются по большей части лишь въ скудости матеріаловъ. Но мы видимъ также, что взятые въ ясырь крестьяне, успѣвши убѣжать изъ плѣна, идутъ прямо на прежнія мѣста жительства; такъ возный говоритъ, что осматривая опустошенныя Татарами имѣнія князя Януша Острожскаго, онъ нашелъ уже въ нѣкоторыхъ селахъ вернувшихся бѣглецовъ²⁾. Точно также возвращались на старыя мѣста и плѣнники, выкупленные или бѣжавшіе изъ Турецкой и Татарской неволи³⁾. Города и мѣстечка селились нерѣдко на самыхъ опасныхъ мѣстахъ, на »Татарскихъ шляхахъ«, какъ мы это знаемъ, на примѣръ, относительно городовъ: Василева (Василькова), Романова, Лысянки, Корсуня, Уланова, Хмѣльника, Торговицы, сель Кобыльни, Лановець и другихъ⁴⁾. Едва ли не убѣдительнѣйшимъ доказательствомъ

1) »Saepe huc Scythae visuntur, ut canes spectantes in culinam«.

2) № CXVI, стр. 382

3) Ambroży Grabowski, «Starożytności Polskie», II, стр. 501.

4) Star. Polska, II, стр. 510, 525, 1017, 1021, 1362, 1396.—

того, что часть жителей возвращалась на прежнія селища, мочь служить неизмѣнность громаднаго количества названій гвѣсть съ XIV—XVI столѣтій, а многія сохранили свои имена еще отъ временъ Кіевской до—татарской Руси. Трудно предположить, чтобы одни лишь преданія могли донести до нашихъ временъ имена—не говоримъ городовъ—но часто весьма мелкихъ поселеній, хотя временное запустѣніе ихъ, наряду со всѣми ихъ окрестностями, извѣстно достоверно и, конечно, оказывало громадное вліяніе на общій ходъ колонизаціи, а тѣмъ самымъ и на возникновеніе или развитіе такихъ или иныхъ формъ общественно-экономическаго быта.

Одновременно съ вліяніемъ Татарскихъ набѣговъ, выступаетъ и быстро усиливается новый факторъ, столь же, если еще не болѣе, важный въ указанномъ отношеніи. Этой силою было козачество. Возникши въ концѣ XV столѣтія, оно скоро уже успѣло организовать и приобрести важное политическое значеніе, и какъ военная сила Литовско-Польскаго государства въ его виѣшнихъ войнахъ, и какъ лично-свободное военное сословіе, не пользовавшееся однако дворянскими правами а потому незамѣнутое, отрывавшее свои ряды для всякаго желающаго и пользовавшееся вслѣдствіе этого живѣйшимъ сочувствіемъ несвободнаго крестьянскаго населенія.

Козачество укоренилось преимущественно въ Украинѣ обоихъ береговъ Днѣпра, въ Кіевскомъ, Брацлавскомъ и Черниговскомъ воеводствахъ, а также въ Динихъ Поляхъ, на Низу, и здѣсь-то, благодаря общей слабости въ этихъ мѣстахъ шляхетскаго элемента, слагался новый или вѣрнѣе—видоизмѣнялся общинный древлерусскій общественный и экономическій

Архивъ Ю.-З. Россіи, ч. V, т. I, стр. 540.—Авты Зап. Рос. I, стр. 368; тамъ же, III, стр. 309.

строй, рѣзко отличавшійся отъ порядковъ Польши, Сѣверо-западной и Червонной Руси и даже Волыни.

Вліяніе всѣхъ вышеизложенныхъ обстоятельствъ на относительную степень заселенности помѣщичьихъ земель въ различныхъ мѣстностяхъ Югозападной Россіи и на зависѣвшія отъ этого экономическія отношенія владѣльцевъ къ крестьянамъ сказывалось, въ общемъ итогѣ, почти въ одномъ и томъ же направленіи: обиліе пустыхъ мѣстъ и нужда въ рабочихъ рукахъ побуждали владѣльцевъ предоставлять колонистамъ, для привлеченія ихъ въ свои имѣнія, болѣе льготныя условія на Югѣ и Юговостокѣ государства, чѣмъ въ гущѣ заселенныхъ мѣстностяхъ Полѣсья; близость къ Татарамъ и постоянныя опасности отъ ихъ набѣговъ заставляли увеличивать эти льготы, такъ какъ иначе трудно бы было удержать населеніе на мѣстѣ; и, наконецъ, непосредственное сосѣдство свободнаго козацкаго населенія еще болѣе ослабляло зависимость крестьянъ отъ владѣльцевъ, облегчая имъ возможность безнаказаннаго бѣгства въ случаѣ какихъ либо притѣсненій.

Результатомъ совокупной дѣятельности всѣхъ этихъ условій была очень большая неравномѣрность крестьянскихъ повинностей въ разныхъ мѣстностяхъ: чѣмъ дальше въ степь, чѣмъ ближе къ Татарамъ и къ козакамъ, тѣмъ повинности эти были легче, и наоборотъ, тяжесть ихъ увеличивалась съ углубленіемъ въ Полѣсье. Такое заключеніе, естественно вытекающее изъ указанныхъ общихъ причинъ, вполне подтверждается, какъ увидимъ ниже, и тѣми фактическими данными, какія заключаются въ настоящихъ актахъ.

II

Постановленія Статутовъ о крестьянахъ и измѣненія въ юридическомъ положеніи послѣднихъ въ теченіи XVI вѣка.—Примѣненіе статутаго законодательства въ послѣдующую эпоху ¹⁾.

Первый Литовскій статутъ, изданный Жигимонтомъ I въ 1529 году, объединилъ въ систему и формулировалъ сложившійся въ предшествовавшую эпоху феодальный порядокъ, преимущественно въ отношеніи высшихъ сословій, но въ то же время провелъ уже довольно рѣзкую грань между ними и сословіями непривилегированными, окончательно опредѣлившуюся законодательствомъ послѣдующаго времени въ теченіи пяти—шести десятковъ лѣтъ.

¹⁾ Хотя положеніе крестьянскаго сословія въ XVI вѣкѣ было уже предметомъ особаго изслѣдованія г. Леонтовича («Крестьяне Югозападной Россіи по Литовскому праву XV и XVI столѣтій». К. 1863), но, къ сожалѣнію, авторъ придавъ этому труду характеръ болѣе догматическаго изложенія, чѣмъ изслѣдованія историческаго, и, вслѣдствіе такой постановки своей задачи, нерѣдко впадаетъ въ анахронизмы, такъ какъ, по употребляемому имъ выраженію «эпоха Статутовъ» есть — время законодательныхъ реформъ, и потому не представляетъ собою чего либо цѣльнаго, а самые Статуты 1529, 1566 и 1588 годовъ заключаютъ въ себѣ столько разногласій, что могутъ быть почитаемы не столько за послѣдовательныя редакціи одного и того же памятника, а скорѣе за болѣе или менѣе самостоятельные кодексы.

Феодальное устройство государства выразилось въ первомъ Статутѣ въ слѣдующихъ главныхъ чертахъ: здѣсь мы находимъ самую обстоятельную регламентацію военной службы, какою были обязаны всѣ владѣльцы земскихъ имѣній ¹⁾; находимъ ограниченіе права отчужденія этихъ имѣній, путемъ-ли продажи, браковъ или завѣщаній, съ полнымъ, воспрещеніемъ приобрѣтенія имѣній иностранцами ²⁾; что касается княжескихъ и панскихъ слугъ, владѣющихъ имѣніями отъ своихъ пановъ на помѣстномъ правѣ, то имъ гарантирована полная свобода перехода, оставляя, конечно, имѣнія; при этомъ зависимость ихъ непосредственно отъ государства является болѣе сильною, чѣмъ отъ владѣльца земли ³⁾, и т. под. Но рядомъ съ этимъ встрѣчаются постановленія, представляющія собою остатокъ прежняго времени. Такъ наименованія *шляхты* и *бояръ* то отождествляются или замѣняются одно другимъ, то бояре сближаются съ мѣщанами; слово *панъ*, получившее нѣсколько позже значеніе очень высокое, здѣсь относится еще иногда къ лицамъ, не имѣвшимъ ни одного крестьянина; мѣщане еще не выдѣлены изъ числа земскихъ людей, владѣютъ населенными имѣніями и обязаны личною повинностью военной службы; даже названіе *подданныхъ* имѣеть еще настолько неопредѣленное значеніе, что прилагается и къ шляхтѣ, зависимой отъ частныхъ лицъ ⁴⁾

Обратимся теперь къ разсмотрѣнію тѣхъ условій, въ ка-

¹⁾ Раздѣлъ II, *passim*.

²⁾ Разд. I, арт. 16, 17; разд. IV *passim*; V, 12, 17 и др.

³⁾ Бо время войны слуги обязаны были являться подъ хоругвь своего пана, но если они владѣли также имѣніемъ выслуженнымъ или купленнымъ «подъ господаремъ», то и служить должны были подъ хоругвью господарскою. Разд. III, арт. 15; II, 2.

⁴⁾ Разд. III, арт. 11, 8; II, 1; I, 22; III, 27; VI, 27.

кія ставить Статуть сословіе земледѣльческое, крестьянское. Хотя уже и проведена демаркаціонная линія между шляхтою и остальнымъ населеніемъ, вообще простыми людьми, которыхъ госнодарь обязывается »не повышать надъ шляхту,« и хотя »хлопъ«¹⁾ противополагается шляхтичу¹⁾, но полного объединенія не находимъ еще и здѣсь. Статуть признаеть различныя степени зависимости земледѣльца и вообще работниина отъ другого частнаго лица: начиная съ невольничества, потомъ закупничество или временную кабалу, отчизныхъ т. е. прикрѣпленныхъ къ землѣ людей, и наконецъ людей похожихъ, пользующихся правомъ свободнаго перехода.

Полное рабство, подвергавшееся въ XVI вѣкѣ постепеннымъ ограниченіямъ, существовало издавна, и потому для лучшаго объясненія правнѣ Статута по этому предмету необходимо обратиться и къ памятникамъ болѣе древняго времени. Невольники, — называемые также холопами, челядью, челядью невольною или дворною, паробками, — по Статуту могли попадать въ это состояніе по слѣдующимъ причинамъ: военноплѣнные, рожденные отъ рабовъ, выданные по суду истцу за преступленіе, и вступившіе въ бракъ завѣдомо съ лицомъ, состоящимъ въ рабствѣ²⁾. Первый Статуть уже нѣсколько ограничиваетъ распространеніе рабства; такъ онъ опредѣляетъ, что выданные люди не должны оставаться въ неволѣ вѣчно, а лишь до тѣхъ поръ, пока не отработаютъ суммы, за которую были выданы; воспрещается продажа въ неволю крѣпостного, а также самого себя или своихъ дѣтей въ голодное время; въ обоихъ этихъ

6) Разд. III, арт. 10; VIII, 17.

1) Разд. XI, арт. 13, Ср. Акты Зап. Рос. I, 352, о выдачѣ за воровство; годъ 1503. По Статуту же выдача именно за воровство воспрещена. Л. с.

случаяхъ опредѣлена и такса годичнаго отработка ¹⁾). Запрещено Евреямъ и Татарамъ имѣть въ рабствѣ христіанъ, которые обязаны были прослужить имъ за свое освобожденіе только семь лѣтъ. Точно такъ же постановлено, что невольники, прогнанные своимъ владѣльцемъ во время голода, бывшаго тогда явленіемъ неурядицъ, становятся свободными ²⁾). Но вмѣстѣ съ тѣмъ, законъ обезпечиваетъ владѣніе рабами путемъ наказанія тѣхъ лицъ, которые бы оказывали содѣйствіе бѣглымъ, передерживали ихъ у себя, или сами бы ихъ украли; наказанія эти отличались строгостью, и за кражу челяди опредѣлялась кара какъ вообще за воровство, т. е. смертная казнь ³⁾). Сами же невольники, какъ люди неспособные, за незначительную кражу въ первый разъ подвергались только тѣлесному наказанію; изъ той же статьи видно, что они владѣли движимою собственностью ⁴⁾), а другіе памятники указываютъ, что нѣкоторые изъ нихъ имѣли отдѣльные жилища и пользо-

1) Для получившаго участокъ полевой земли—12 грошей, а для не получившихъ—мужчинѣ полкопы, а женщинѣ 12 грошей. Разд. XI, арт. 7, 11.

2) Разд. XI, арт. 6, 12.

3) Разд. XI, арт. 9, 10; XII, 7, 8.

4) Разд. XIII, арт. 1. Статья эта представляетъ собою почти буквальное повтореніе статьи Судебника 1468 г.—А. Зап. Рос., I, стр. 82. Страшно, что въ послѣднее время нѣкоторые изслѣдователи снова относятъ Судебникъ Казимира, согласно съ Дзялыпскимъ, въ 1492 году, и даже укоряютъ СПетербургскую Археографическую Комиссію въ ошибочномъ опредѣленіи 1468 года. См. И. Сливовъ. Иезуиты въ Литвѣ. Рус. Вѣстн. 1875, № 7, стр. 29.—Акты Вилеп. Археогр. Комиссіи, т. I, предисловіе, стр. 16. Между тѣмъ, основанія Спб. Арх. Комиссіи изложены ею въ томъ же томѣ, примѣчаніе 53, и до сихъ поръ ничѣмъ не опровергнуты. Сверхъ того, въ обоихъ названныхъ изданіяхъ указывается мнимый пропускъ въ Акт. Зап. Рос. дополнительныхъ статей къ Судебнику, о Смоленской посощинѣ, тогда какъ эти статьи помѣщены тамъ же, т. I, № 55, стр. 69, а различіе датъ показываетъ, что онѣ и изданы отдѣльно отъ Судебника.

вались земельными участками. 1) Поэтому-то Статутъ считаетъ ихъ не въ числѣ движимаго имущества владѣльца, а принадлежностью самаго имѣнія, наравнѣ съ хозяйственными орудіями и инвентаремъ 2). Содержались невольники или съ отведенныхъ имъ участковъ или же — преимущественно въ королевскихъ имѣніяхъ — получали мѣсячину 3). Судъ надъ ними принадлежалъ ихъ владѣльцамъ; но Статутъ не даетъ указаній, допускались ли они сами въ качествѣ свидѣтелей, когда слѣдовало «вести сокъ», подобно тому какъ это было въ прежнее время 4). Относительно послѣдняго указанія, изъ котораго видно, что *паробки*, въ случаѣ воровства неизвѣстнымъ лицомъ, должны были являться на *сокъ* наравнѣ съ *людьми*, равно какъ и на основаніи тѣхъ мѣстъ памятниковъ, гдѣ упоминается о движимомъ имуществѣ невольниковъ («бонда»), съ употребленіемъ того же термина *паробки*, можно высказать слѣдующее замѣчаніе: указанныя права паробковъ, нигдѣ не относимыя къ *челяди*, *холопамъ*, *рабамъ* (о нихъ прямо даже говорится, что «холопу и робѣ вѣры не няти» 5), а также и самая этимологія слова *паробокъ* 6), даютъ нѣкоторое право заключать, что этимъ именемъ не обозначались лично обращенные въ рабство, а только близкіе къ нимъ по состоянію люди, всего вѣроятнѣе потомки рабовъ; если такое предположеніе

1) А. Зап. Рос., II, № 159. — Также настоящій томъ, № VII, стр. 11—12.

2) Разд. IV, арт. 1.

3) № VII, стр. 11-12. — Виленск. Археогр. Сб., т I, стр. 147, 149.

4) Акты Зап. Рос., I, стр. 169; годъ 1497.

5) Ак. Зап. Рос., I, стр. 352 и мн. др.

6) Префиксъ *na* вообще заключаетъ въ себѣ выраженіе уменьшительности и какъ бы неподлинности предмета, обозначаемого словомъ, въ которомъ онъ приставленъ; ср. напримѣръ слова: *пасынокъ*, *падчерница*, *пакленъ*, *паростокъ*, *паколь*, *падубъ*, *павѣтье*, *пависель*, *пашеровъ*, *парой*, и проч. См. Miklosish lexicon palaealovenico—grae-

справедливо, то въ паробкахъ можно бы видѣть связующее звено между невольниками въ тѣсномъ смыслѣ и отчичами, крѣпостными, съ которыми они и слились въ послѣдствіи?

Другой классъ зависимыхъ людей, весьма близкій къ невольникамъ и послужившій обильнымъ источникомъ для умноженія числа крѣпостныхъ, представляли собою закупни или закладни, соответствующіе кабалнымъ холопамъ Восточной Россіи, т. е. люди, постунавшіе во временное рабство въ уплату долга. Несомнѣнно, что въ ту эпоху неурядиць, отсутствія правильно устроенной власти и господства права сильного, число лицъ, закладывавшихся за кого либо съ главною цѣлью пріобрѣсть себѣ защиту и покровительство, было весьма значительно. По закону они считались лично свободными, какъ это можно заключать изъ того, что при пожалованіи въ 1500 году Полоцку магдебургскаго права, таковое было распространено и на нихъ ¹⁾. Но въ дѣйствительности, закладни находились въ зависимости весьма строгой, такъ какъ они подлежали даже, какъ было уже упомянуто выше, суду своихъ кредиторовъ. Статутъ вообще говоритъ о закупняхъ очень мало, очевидно потому, что условія закупничества опредѣлялись въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ взаимнымъ договоромъ; онъ и опредѣляетъ цифру годичнаго отработка долга только на случай отсутствія договора ²⁾; изъ другаго мѣста видно, что въ за-

co—latinum, стр. 550.—Его же: Vergleichende Grammatik der slawischen Sprachen, стр. 226.

¹⁾ Акт. Зап. Рос., I, 215.

²⁾ Разд. XI, арт. 8: «Тезъ уставуемъ, ежели бы хто закуна закупилъ мужика або жонку, а съ нимъ бы не вмовилъ, што маєть му присевати або пенезей выпускати; тогда маєть съ пенезей отручно быти мужику на лето пятнадцать грошей, а жонце десеть грошей. Замѣчательно, что годичный отработокъ закупня опредѣленъ значительно ниже, чѣмъ отработокъ челоуѣка, выданнаго въ рабство (см. выше, стр. 48, прим. 1).

Относительно приводимыхъ цитатъ изъ Статута 1529 года не-

купъ отдавались также земли, потому и было запрещено закупать землю частнаго крестьянина безъ разрѣшенія его помещика, равно и закупать чужихъ людей ¹⁾. (см. на слѣд. стр.)

обходимо замѣтить слѣдующее: при изданіи этого кодекса во «Временникѣ» Моск. Общ. Ист. и Др. (кн. 18) была принята за основаніе рукопись снятая со списка XVI вѣка въ Вильнѣ, а въ примѣчаніяхъ приведены варианты и разнорѣчія по изданію Дзялынскаго («Zbiąg praw Litewskich») имѣвшего, кромѣ собственнаго, еще два списка: Фирлеевскій и Слуцкій, наиболѣе сходный съ Виленскимъ. Редакція «Временника» находитъ послѣдніе два списка древнѣйшими и замѣчаетъ, что «въ нихъ древній русскій языкъ Статута менѣе подвергся вліянію польской рѣчи, нежели въ рукописяхъ Дзялынскаго и Фирлея, очевидно писанныхъ въ тѣхъ областяхъ Литвы, въ которыхъ сильно преобладала польская рѣчь». Однакоже внимательное изученіе Статута приводитъ къ выводамъ совершенно противоположнымъ. Что списки Дзялынскаго и Фирлея древнѣе, доказываетъ слѣдующими соображеніями: 1) Они короче Виленскаго и Слуцкаго; нѣкоторыхъ статей въ нихъ нѣтъ вовсе, другія изложены не столь подробно или не имѣютъ дополнительныхъ разъясненій; такъ въ нихъ вовсе недостаетъ: разд. I, арт. 27; IV, 1, 16, 17; V, 14, 15; VI, 1, 9, 28, 29, 30, 31, 35, 36; VIII, 5, 6, IX, 18, 19, 20; X, 11, 12; XI, 14, 15; XII, 8, 10; XIII, 25, 26, 27, 28,—всего двадцати-девяти статей; изложены менѣе полно по существу: разд. III, арт. 16; IV, 7, V, 11, 13; VI, 4, 11, 13, 14, 18, 22, 32; VII, 17, 19, 23; VIII, 7, 19; XII, 2, 5, 13, и проч.—2) Во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ въ Виленскомъ и Слуцкомъ спискахъ сказано «король», «королевскій» и т. под.,—у Дзялынскаго и Фирлея стоятъ терминны болѣе древніе: «господарь», «господарскій».—3) Нѣкоторыя мѣста Виленскаго и Слуцкаго списковъ совершенно непонятны вслѣдствіе искаженія, тогда какъ вариантами Дзялынскаго и Фирлея эти мѣста разъясняются вполне.—4) Вообще языкъ тѣхъ и другихъ списковъ носитъ слѣды польскаго вліянія, но такимъ образомъ, что одинъ разъ полонизмъ попадается у Дзялынскаго и Фирлея, въ другой—въ Виленскомъ и Слуцкомъ спискахъ, такъ что замѣчаніе «Временника» о болѣе чистой языкѣ послѣднихъ лишено надлежащихъ основаній.

Поэтому—то, цитируя положенія Статута, мы приводили ихъ по изданію «Временника», который на этотъ разъ пользовался; но во всѣхъ сомнительныхъ, искаженныхъ или неполныхъ мѣстахъ, дополняли или видоизмѣняли ихъ вариантами Дзялынскаго и Фирлея, внося ихъ непосредственно въ текстъ законоположеній; отмѣчать это каждый разъ особо мы не считали необходимымъ, такъ какъ изслѣ-

Крестьяне, поселенные на землях королевских или частного владѣнія, носятъ въ Статутѣ частію прежнее названіе людей, частью же называются подданными, мужиками, селянами. При этомъ почти не различаются такъ называемые отчичи отъ людей вольныхъ или похожихъ, законъ говоритъ по большей части о чьихъ нибудь людяхъ или мужикахъ вообще; да и въ дѣйствительности, разница между тѣми и другимъ разрядомъ крестьянъ была весьма незначительна: она заключалась едва ли не исключительно въ правѣ перехода; вольный человекъ, прослуживши своему землевладѣльцу столько же времени, сколько онъ прожилъ на льготѣ, или расплатившись съ нимъ по 6 грошей за каждую неотработанную недѣлю, былъ властенъ *de jure* перейти въ другое имѣніе ¹⁾, тогда какъ отчичъ ни при какихъ условіяхъ не могъ получить этого права ²⁾. Въ

дованіе собственно Статута далеко вышло бы изъ предѣловъ настоящей статьи. Замѣтимъ только для изслѣдователей старинной Западно-русской библиографіи, что, судя по нѣкоторымъ указаніямъ, не только одинъ третій, но и *первый* (а потому возможно—и второй) Статутъ былъ напечатанъ. Кромѣ указа Жигимонта I, 1522 г. (Dziatyński, Zb. pr. Lit., стр. 121.—Рѣдвинъ. Юридич. Записки, т. I, стр. 14), гдѣ онъ заявляетъ только намѣреніе напечатать Статутъ, встрѣчаемъ въ актѣ 1552 года (Описаніе Житомирскаго замка) слѣдующее выраженіе: «Пожитки замковые: Випа и пересудъ водлугъ *Статуту друкованого*» (см. Новицкій. Матеріалы для исторіи заселенія Киевской губерніи, стр. 82. Изъ актовъ книги Киев. Центр. Архива № 209, листъ 896 на об. и слѣд.). Значительная распространенность Статута ранѣе 1588 года видна изъ ссылокъ на него въ актахъ доминиальной юрисдикціи и даже вопныхъ судовъ. См. напр. въ настоящемъ томѣ, № XXVIII, стр. 73; № LVIII, стр. 155.—Виленскій «Археографическій Сборникъ», т. I, № 58, стр. 166.

¹⁾ Разд. VIII, арт. 21.—Ср. о закупаньи земель въ Акт. Зап. Рос., I, 346.

²⁾ Разд. VIII, арт. 20.

³⁾ Нѣкоторые, какъ напримѣръ г. Антоновичъ (Изслѣдованіе о крестьянахъ, стр. 11 и 14), выдѣляютъ *данниковъ* какъ особый разрядъ крестьянъ, но едва ли это вѣрно. Различныя наименованія крестьянъ въ актахъ XV—XVI вѣва имѣютъ двойной характеръ:

другихъ отношеніяхъ Статутъ ничемъ не отличаетъ похожихъ людей отъ отчичей, отчасти вѣроятно по той же причинѣ, по какой онъ очень скупъ на указанія относительно закупней, т. е. вслѣдствіе существованія и въ этомъ случаѣ обоюднаго договора. Изъ указаній другого памятника видно, что слободичи старались селиться по преимуществу на условіяхъ платежа денежнаго оброка, а потому ихъ отношенія къ землевладѣльцу были гораздо менѣе сложны ¹⁾.

Изъ постановленій Статута можно заключать, что права крестьянъ на находящіяся въ ихъ владѣніи земли—если не въ силу положительнаго закона, то по обычаю—были болѣе или менѣе обезпечены и прочны; такъ арт. 7 разд. IX предусматриваетъ случай отчужденія крестьянами бортныхъ деревьевъ не только своимъ односельцамъ, но даже жителямъ другого села и другого владѣнія, путемъ продажи или отдачи въ приданое, и о подобныхъ случаяхъ говорится даже, какъ о весь-

одни опредѣляютъ степень ихъ правоспособности (невольная челядь, завладни, отчичи, люди похожіе), другія же только указываютъ *видъ повинностей*, отбываемыхъ ими въ пользу владѣльца; эти послѣднія названія различались по тому, состояла ли повинность въ платежѣ деньгами, въ дани медомъ или хлѣбомъ, или же въ исполненіи известнаго рода специальной службы. Отсюда названія: серебряники, куничники, черноуницы, данники, бортники, рыболовы, стрѣльцы, путники, осочники, коюжи, копокормицы, бобровники, гаевники, разнаго рода ремесленники, и т. под. См. Акты Археогр. Эксп. I, № 48.—Ав. Юж. и Зап. Р., I, стр. 29.—Ак. Зап. Рос., I, 365, 53, 351, 214 350, 225 и мн. др.—Статутъ 1529 г., разд. XI. арт. 12. Это ясное еще доказывается тѣмъ, что данники, въ большинствѣ случаевъ упоминаемые какъ отчичи, иногда опредѣлительно называются вольными (Ак. Зап. Рос., I, 196), а иногда невольниками (Тамже, 113, 76, 163, и проч.)—Крестьяне, обязанные барщиною, называются по преимуществу людьми тяглыми или пригонными, иногда вельскими путниками. Тамже, 150, 186, 192, 350, 362, 365, 214, 215.—Ав. Юж. и Зап. Рос. 12, 19, 20, 35, 37, 38, 40, 43, и проч.

¹⁾ См. уставъ о похожихъ людяхъ въ «Памятникахъ» Кіев. Комиссін, т. I, отд. II, стр. 8.

ма перѣднихъ ¹⁾. Въ настоящемъ томѣ помѣщенъ весьма замѣчательный документъ, показывающій, что подобный взглядъ на обычное право крестьянъ на свои «отчины» сохранялся до весьма поздняго времени, и притомъ не между крестьянами только, а и среди ихъ владѣльцевъ ²⁾.—Опредѣленію пеней за нарушение поземельнаго владѣнія между крестьянами посвящено нѣсколько указаній Статута, причемъ штрафы вообще положены значительно мевшіе, чѣмъ за подобныя же нарушенія между шляхтичами; такъ за переоръ межи шляхтичу платится три рубли, а между мужиками одинъ; за порубку лѣса шляхтичъ получаетъ 12 рублей, а мужикъ 3 рубля, п т. под. ³⁾. Выше было уже упомянуто, что крестьяне считали себя вправѣ отдавать свои земли въ закупъ, т. е. распоряжаться ими такимъ образомъ, какъ это мы видимъ и до настоящаго времени въ Малороссіи, въ формѣ такъ называемой заставы.

Въ отношеніи повинностей Статутъ освобождаетъ крестьянъ частныхъ владѣльцевъ отъ всякихъ податей, даней, отъ обязанности возить камень, лѣсъ, дрова, косить сѣно и другихъ работъ, кромѣ содержанія въ исправности дорогъ, мостовъ и замковъ ⁴⁾. Такимъ образомъ повинностное право цѣликомъ перешло уже въ руки владѣльцевъ, подчинилось частію обычаю, а еще болѣе произволу, и потому въ Статутѣ не находимъ ни-

¹⁾ «Яко то много ся здаеть межи мужиковъ, ижъ пчолы для недостатку дани продаеть, або по дочце дасть дерево со ичолами зятю въ чужое село, а тотъ па тыя пчолы знамена свои наложить».

²⁾ Приложение, № LX стр. 209—217; годъ 1691.

³⁾ Разд. № III, арт. 9; IX, 18.

⁴⁾ «Одъ кождое дани плаченья и податву серебницною званаго и тежъ дяколь и отъ всякихъ беремень повозовыхъ, которые подводами зовуть, и отъ везенья камня, дерева, або дровъ ку паленю плиты и вапна на города наши, отъ кошенья сена и отъ нашихъ справедливыхъ работъ».

какихъ опредѣленій крестьянскихъ платежей или отбываемыхъ ими въ дѣйствительности работъ; послѣднія даже вовсе не упоминаются; въ двухъ только статьяхъ говорится о чиншахъ или даняхъ медовыхъ и денежныхъ, серебщинахъ, и притомъ какъ о главныхъ доходныхъ статьяхъ имѣній. ¹⁾

Судъ надъ крестьянами, какъ мы видѣли выше, перешолъ въ руки землевладѣльцевъ еще ранѣе изданія Статута; Статутъ только опредѣлительнѣе указываетъ случаи, когда крестьяне могутъ быть требуемы предъ общій судъ, урядъ, а именно если панъ отказался взыскать съ обжалованнаго крестьянина на дважды повторенную просьбу о томъ; при этомъ искъ за нарушение поземельнаго владѣнія должны были и предъявляться непосредственно къ самому пану; даже при обвиненіи въ воровствѣ, подкрѣпляемомъ явными уликами, виновный крестьянинъ не былъ представляемъ въ судъ, а къ своему пану; если воровство было учинено во время ярмарки, то виновнаго слѣдовало представлять мѣстному владѣльцу для заарестованія, а послѣдній долженъ былъ извѣстить помѣщика, которому принадлежалъ крестьянинъ и, въ случаѣ троекратнаго отказа владѣльца «учинить справедливость», самъ получалъ право суда надъ обвиняемымъ, съ участіемъ стороннихъ людей ²⁾. Грабежъ, въ смыслѣ самоправнаго вознагражденія себя за убытки или взысканія долга, по отношенію къ крестьянамъ былъ положительно запрещенъ, не только мѣщанамъ, но и шляхтѣ ³⁾. Всего же важнѣе было то постановленіе, по которому совмѣстные владѣльцы нераздѣльныхъ имѣній получали право суда надъ крестьянами не только сообща, но и каждый въ отдѣльности, и притомъ какъ по жалобамъ третьихъ лицъ, такъ даже и въ тѣхъ случаяхъ,

¹⁾ Разд. V, арт. 7, 8.

¹⁾ Разд. VI, арт. 4, 6, 10; XIII, 4, 5.

²⁾ Разд. XII, арт. 5, 11.

когда обвинителемъ или истцомъ являлся тотъ именно изъ участниковъ общаго владѣнія, которому предстояло творить судъ и расправу ¹⁾). Вѣны, т. е. штрафы за уголовныя проступки и преступленія, и пересуды, т. е. судебныя пошлины по частнымъ искамъ, упоминаются въ числѣ доходныхъ статей имѣній и принадлежали владѣльцу даже въ такомъ случаѣ, если вслѣдствіе его отказа отъ суда, крестьянинъ былъ судимъ урядомъ ²⁾). Такимъ образомъ произволу владѣльца, который въ одно и то же время являлся и заинтересованною въ дѣлѣ стороною, и судьей, и представителемъ власти исполнительной, предоставлялся полнѣйшій просторъ, а крестьянинъ, лишенный всякой гарантіи и покровительства закона, тѣмъ самымъ приближался къ положенію раба, хотя сословія эти еще и различались законодательствомъ.

Существенное отличіе ихъ по отношенію къ суду заключалось въ томъ, что крестьянинъ не былъ лишонъ права свидѣтельства и даже активнаго участія въ разбирательствѣ из-

1) Разд. VI, арт. 32: «Коли бы было братья колко делное обо неделное, або которые коиве иные сяброве мели которые люди суместные нерозделные, данники або сумежники, тогда каждый съ тыхъ братья або сябровъ повиненъ будетъ, особливе каждому соседу и инымъ чловѣкомъ суместнымъ, справедливость чинити, неотклядываючи до братья ани до сябровъ. *А естли бы самому отъ такового чловека сталося што кривда, тогда моционъ будетъ право и судъ на немъ осадити а каждое винности правомъ на немъ искати, хотя безъ братья своей або безъ сябровъ преречныхъ.*»

2) Разд. VIII, арт. 9; IX, 18; VI, 10: ... „Маегъ (истецъ) тамъ права доводити передъ повѣтовымъ судьєю. Естли жъ оный подданный панскій зостанеть виненъ тому, хто на немъ ищетъ, тогда иного ничего не маеть платити, толко тое, въ чомъ зостанеть виненъ, а тому децвому, который по него ездилъ, децвованое. *А што ся дотычетъ вины, хотя бы онъ вшоль у вину прометную, або бы заказаная вина на немъ была, тогда не маеть его никто тою виною карати, толко его власный панъ.*“

вѣстнаго рода дѣлъ, каковое участіе, въ силу обычая, оказывалось нерѣдко довольно значительнымъ и выходило за предѣлы, очерченные для него писаннымъ правомъ. Крестьяне являлись свидѣтелями главнымъ образомъ въ двухъ случаяхъ: если на чей-либо домъ былъ сдѣланъ наѣздъ съ грабежомъ и нанесеніемъ другихъ убытковъ, то при недостаткѣ явныхъ уликъ, самый фактъ насилія подтверждался присягою истца, а количество понесенныхъ при этомъ убытковъ доназывалось показаніями крестьянъ ¹⁾. Во—вторыхъ, крестьянское свидѣтельство, какъ это вполне естественно, имѣло важное значеніе въ спорахъ о земельныхъ границахъ; въ раздѣлѣ VIII, арт. 4, встрѣчаемъ даже такое постановленіе, по которому показанія крестьянъ—сосѣдей предпочитались въ подобнаго рода дѣлахъ свидѣтельству шляхтичей, если послѣдніе не были помещиками спорныхъ имѣній. ²⁾.

Что касается самостоятельнаго участія въ разборѣ дѣлъ, т. е. такъ называемыхъ копныхъ судовъ, то роль ихъ и значеніе достаточно уже полно разобраны въ извѣстномъ изслѣдованіи покойнаго Н. Д. Иванничева («О древнихъ сельскихъ общинахъ въ югозападной Россіи»), и для нашей цѣли здѣсь довольно будетъ указать послѣдовательное измѣненіе постановлений Статутовъ объ этомъ предметѣ. Первый Статутъ говоритъ о копныхъ судахъ сравнительно немного; подъ словомъ «копа» онъ разумѣетъ вообще такое разбирательство, которое требуетъ присутствія судей на спорномъ мѣстѣ, безъ различія, будетъ

1) Разд. VII, арт. 19:.... «Если доводу не будетъ, маеть самъ на вгвалту присягати, а на шкодахъ и на грабежахъ люди его.»

2)..... «А веджо не таковые мають розумети светки, штобы была шляхта, але тые светки шляхта и люди добрые не подозреные, которые будутъ суседы близкие и сумежники, тые годнейшые будутъ у сведецтве, нижли тые шляхта, которые не граничники и не сумежники.»

ли это разбирательство производится околичными людьми или судьями урядовыми ¹⁾. Кромѣ граничныхъ споровъ, копѣ, по первому Статуту, подлежатъ также разборы дѣлъ о потравахъ и порубкахъ, а также о «пограбленьи» порубщиковъ въ пущахъ ²⁾. Что же касается розысковъ о воровствѣ, которые подлежали также копамъ, нерѣдко даже вмѣстѣ съ судомъ, то о нихъ Статутъ употребляетъ другія выраженія: «сокъ вестнѣ», «гнать слѣдъ ³⁾, и т. д.

Статутъ 1566 года не только внесъ большую опредѣлительность въ законодательныя постановленія, не только регулировалъ юридически нормы отношеній во многихъ случаяхъ, первымъ Статутомъ не предусмотрѣнныхъ, но представляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ измѣненія и въ самомъ государственномъ строѣ, весьма быстро развивавшіяся въ ту эпоху подъ вліяніемъ болѣе тѣснаго сближенія съ Польшею, подъ вліяніемъ тамошнихъ идей о равноправности—въ сущности фиктивной—всей шляхты между собою, а равно и объ ея первенствующей роли въ государствѣ, въ виду которой постепенно блѣднѣла и ступовывалась монархическая власть Литовскаго великаго князя съ его ближайшими совѣтниками, «панамъ—радами».

Такъ, хотя повинность военной службы, общая для всѣхъ владѣльцевъ земскихъ имѣній осталась въ прежней силѣ, но самое опредѣленіе случаевъ, когда въ такой службѣ предстояла необходимость, предоставлено самой же шляхтѣ, а не власти верховной; запрещеніе отчуждать земскія имѣнія отиѣнено или въ иныхъ случаяхъ значительно ослаблено, т. е. земля изъ государственной переходитъ въ полную частную собственность; въ

¹⁾ Разд. VIII, арт. 6, 8; VI, 22.

²⁾ Разд. IX, 6; XII, 2.

³⁾ Разд. XIII, арт. 2, 5.

новомельныхъ спорахъ государь принимаетъ на себя обязательство подчиняться тѣмъ же самымъ правиламъ, какъ и частныя лица, и т. д. ¹⁾). Соотвѣтственно тому, какъ шляхта узурпировала права верховной власти, старалась она и отдѣлиться возможно рѣзче и прочнѣе отъ прочихъ сословій, возможно полнѣе подчинить ихъ себѣ и возвысить собственное почетное достоинство. Права остального населенія признаны и гарантированы лишь на столько, чтобы вопервыхъ не вызвать внезапную ломкою какого-либо общаго потрясенія, а вовторыхъ, насколько это вызывалось требованіями крайней необходимости или практическими удобствами въ интересахъ самого господствующаго сословія. Мы встрѣчаемъ во второмъ Статутѣ цѣлый рядъ постановленій «о вольностяхъ шляхецкихъ» (раздѣлъ III), о доказательствахъ шляхецкаго званія, объ ограниченіяхъ въ пользованіи шляхетствомъ, которымъ подвергался всякій занимавшійся ремесломъ или торговлею ²⁾, и о различныхъ преимуществавъ шляхты передъ простыми людьми. Укажемъ изъ послѣднихъ важнѣйшія въ сферѣ уголовного права, гдѣ, казалось бы, сословныя различія должны бы проявляться всего слабѣе. Въ этомъ отношеніи мы находимъ, что не только преступленіе противъ личности шляхтича или убытокъ, нанесенный его имуществу, наказывались гораздо строже, чѣмъ подобныя же дѣйствія во вредъ простому человѣку,—но что и за совершенно однородныя преступленія, и притомъ даже за

¹⁾ Разд. II, арт. 2; III, 33; VII, 1, 3, 4, 5; I, 16. Статьи о правѣ свободнаго распоряженія имѣніями нѣсколько противорѣчивы между собой: одна изъ нихъ (разд. VII, арт. 4) содержитъ въ себѣ ограниченіе, что продать можно только третью часть имѣнія, а остальные двѣ трети только заставить; въ прочихъ же разрѣшается продажа имѣній въ ихъ полномъ составѣ.

²⁾ Разд. III, арт. 16:.... »Только бы ремесломъ, а ни шывкомъ се не живили и ловтями не мѣрили.

такія, какъ воровство и убійство, шляхтичъ подвергался наказанію болѣе легкому и имѣлъ несравненно большую вѣроятность избѣгнуть его вовсе. Такъ при обвиненіи въ воровствѣ шляхтича, не подтвержденномъ уликами, ему достаточно было присягнуть самому для доказательства своей невинности; если возникало противъ него новое такое же обвиненіе, — онъ присягалъ совместно съ двумя своими свидѣтелями, въ третій разъ — съ шестью, и только въ четвертый разъ подвергался осужденію; простой же человѣкъ уже на первый разъ долженъ былъ присягать втроемъ, и былъ осуждаемъ при обвиненіи вторичномъ ¹⁾. Если возникло обвиненіе на сельскаго урядника изъ оговора осужденными на смерть преступниками, то урядникъ — шляхтичъ пользовался и здѣсь тѣмъ же широкимъ правомъ очистительной присяги; нешляхтичъ даже и въ первый разъ долженъ былъ вознаграждать за происшедшіе отъ преступленія убытки, а при вторичномъ обвиненіи подвергался смертной казни ²⁾. Кража, совершенная несовершеннолѣтнимъ не считалась вообще уголовнымъ преступленіемъ: родители виновнаго вознаграждали убытокъ, а самъ онъ долженъ былъ отслужить такую же сумму; но и здѣсь, если дѣло касалось лица простого сословія, судъ могъ подвергать его наказанію по своему усмотрѣнію ³⁾. Въ случаѣ убійства шляхтича, происшедшаго въ драгѣ, виновный, кромѣ платежа головщины, подвергался еще довольно продолжительному тюремному заключенію, тогда какъ за хлопа наказаніе ограничивалось однимъ только денежнымъ взысканіемъ ⁴⁾. Если въ убійствѣ шляхтича было обвинено нѣсколько человѣкъ шляхтичей-же, то казни подвергался только

1) Разд. XIV, арт. 7, 17.

2) Тамъ же, арт. 16.

3) Тамъ же, арт. 8: «Врядъ маєт карати водле зданья своего».

4) Разд. XI, арт. 26.

одинъ изъ нихъ, а наказаніе остальныхъ ограничивалось платою головщины и тюремнымъ заключеніемъ; если же виновные были хлопы, то ихъ казнили всѣхъ, не свыше однако семи человѣкъ ¹⁾. Такихъ и тому подобныхъ узаконеній весьма много въ статутъ 1566 г., и тенденція ихъ: возвысить возможно больше шляхетскія привилегіи и вмѣстѣ съ тѣмъ гарантировать ихъ строгими карами отъ всякой попытки нарушенія — очевидно.

Измѣненія, внесенныя вторымъ Статутомъ въ опредѣленія юридическихъ условій быта низшихъ сословій, хотя и немногочисленны, но за то нерѣдко имѣютъ весьма существенное значеніе.

Что касается невольниковъ, то Статутъ 1566 г., повторяя прежнія ограниченія относительно обращенія въ рабство людей »выданныхъ«, недѣйствительности продажи въ неволю самого себя или дѣтей вовемя голода, и т. д., прибавляетъ, что невольникъ, купленный не-христіаниномъ, становится свободнымъ немедленно, безъ требовавшейся первымъ Статутомъ семилѣтней выслуги ²⁾. Другое важное постановленіе относительно смягченія рабства находимъ въ той статьѣ, по которой невольники — слуги не могли быть свидѣтелями въ пользу своихъ пановъ или противъ нихъ ³⁾: отсюда мы вправѣ заключать, что по отношенію къ постороннимъ лицамъ дворная челядь въ это время уже пользовалась правомъ свидѣтельства, наравнѣ съ другими людьми простого званія. Но рядомъ съ этимъ встрѣчаются правила, имѣющія на первый взглядъ про-

¹⁾ Въ статутъ 1529 г. о такомъ различіи въ мѣрѣ наказанія ничего не упомянуто. См. разд. VII, арт. 8.

²⁾ Разд. XII, арт. 5:.... »Естьлибы который зъ нихъ (жидъ, татаринъ и каждый бесурмянинъ) христіанина купилъ у вѣчную неволю, таковой пенези тратитъ, а тотъ христіанинъ маєть воленъ быти«.

³⁾ Разд. IV, арт. 53.

тивуположное стремление—обставить положеніе невольниковъ болѣе строгими условіями; такое видимое противорѣчіе позволяетъ съ полною достовѣрностію заключать, что эти послѣднія узаконенія не представляютъ собою въ сущности чего либо новаго, а только формулируютъ существовавшіе въ дѣйствительности и раньше обычай. Такъ за невольниками не признается права на ихъ движимое имущество, которое они поэтому не могутъ и завѣщать ¹⁾; на этомъ же основаніи они не могли быть и свидѣтелями чужихъ завѣщаній; равнымъ образомъ и владѣлецъ невольника не имѣлъ права оставить что либо изъ движимости по завѣщанію въ его пользу иначе, какъ предварительно отпустивши его тѣмъ же завѣщаніемъ на свободу ²⁾. Относительно выдачи бѣжавшихъ въ города невольниковъ опредѣлено, что на нихъ десятилѣтняя земская давность не распространяется ³⁾. Правила перваго Статута относительно увоза и передержательства чужихъ невольниковъ, а равно и относительно ихъ выдачи законному владѣльцу—остались въ своей силѣ, съ распространеніемъ и на нихъ постановленія о бѣглыхъ крестьянахъ, по которому передержатель уплачивалъ владѣльцу вознагражденіе за каждую потерянную для него недѣлю не-

¹⁾ Разд. VII, арт. I: »Ижъ подлѣ права не мають ничего вольного, для того тестаментомъ никому ничего одати немогутъ.«

²⁾ Тамъ же арт. 4, 5: »Невольнику своему, не вчинивши его напередъ вольнымъ, ничего тестаментомъ записати не можетъ, абы (ажъ бы) его первой вольнымъ учнилъ.«

³⁾ П опервому Статуту, изъ сопостановленія разд. VII, арт. 28, и разд. XI, арт. 9, можно бы думать, что къ невольнику относились тѣ же правила, что и къ засидѣлому крестьянину. Во второмъ же Статутѣ, разд. III, арт. 29, сказано: »Што се дотычетъ челяди невольное, которые бы пришли до мѣсть нашихъ, тымъ ани права майдеборского принятье, ани оселость, ани тежъ заседене десети лѣтъ ку помочы быти не маеть, и повинны будутъ войтове и державцы и врядники наши имъ выдавати.«

вольничьяго или крѣпостного труда. Въ этомъ отношеніи нелишены интереса цифровыя нормы, установленныя Статутомъ 1566 года: упомянутое только что вознагражденіе опредѣлялось по 6 грошей въ недѣлю, тогда какъ вознагражденіе отъ владѣльца лицу, задержавшему бѣглыхъ, за ихъ содержаніе, полагалось въ недѣлю только по 2 гроша, т. е. трудъ невольнаго человѣка оцѣнивался второе выше того, что стоило хозяину содержать его ¹⁾).

О закупняхъ въ Статутъ 1566 г. упоминается только вскользь, что они, наравнѣ съ выданными людьми, должны отработывать свой долгъ, при чемъ сумма годичнаго «выпуска» опредѣлена одинаковая для тѣхъ и для другихъ: мужчинѣ полтина въ годъ, а женщинѣ полкопы, значительно больше прежняго, что объясняется общимъ возвышеніемъ цѣнъ въ этотъ промежутокъ времени ²⁾).

Положеніе собственно крестьянскаго сословія въ тѣсномъ смыслѣ получило также нѣсколько новыхъ законодательныхъ опредѣленій, касающихся частію имущественныхъ правъ крестьянъ, частію же степени значенія ихъ свидѣтельства на судѣ общемъ или участія въ копныхъ разбирательствахъ. Относительно имущества, Статутъ 1566 г. гарантируетъ за крестьянами право на движимость и дозволяетъ даже отчуждать по завѣщанію третью часть ея въ постороннія руки, помимо собственныхъ дѣтей; дѣти, или, при неимѣніи ихъ, землевладѣлецъ, сохраняли право на остальныя двѣ трети движимости, »ку слу-

¹⁾ Разд. IV, арт. 22; XIV, 29; XII, 10; XIII, 5.

²⁾ Разд. XII, арт. 7. Въ статьѣ этой сказано, что дѣти лицъ, не успѣвшихъ отработать долга до самой своей смерти, не обязаны уже отслуживаться за своихъ родителей; но изъ дальнѣйшаго смысла самой статьи, а также изъ сопоставленія ея съ соответствующими статьями перваго и третьяго Статутовъ видно, что здѣсь частіца не составляетъ ошибку—или рукописи, или редакціи «Временника». См.—1529 г., разд. XI, арт. 7.—1588 г., разд. XII, арт. II.

жбѣ оного пана на чьей земли сѣдять»; но если дѣти умершаго крестьянина были по происхожденію вольными, а не отчичами, то они пользовались правомъ ухода со всеѣмъ движимымъ имуществомъ, оставляя пану только постройкі и хлѣбныя посѣвы¹⁾. Опредѣляя такимъ образомъ права крестьянъ относительно движимости, законъ въ то же время начинаеть строго преслѣдовать всякую попытку съ ихъ стороны получить участіе и въ землевладѣніи, которое и дѣлается только теперь, по выраженію г. Леонтовича, шляхетскою привилегіею. Такъ, повторыя почти буквально положеніе перваго Статута относительно опредѣленія права собственности на бортныя деревья, проданныя или отданныя крестьяниномъ въ приданное въ чужое село, Статутъ 1566 года добавляетъ слѣдующія знаменательныя слова: »И вжо *отъ того часу* хто бы съ подданныхъ нашихъ, князскихъ, папскихъ и землянскихъ дерево бортное за границу пановъ своихъ отдавалъ, даровалъ и якимъ кольвегъ обычаемъ въ чужіе руки заводилъ, *таковый маеть горломъ каранъ быти.*«²⁾.

Въ качествѣ свидѣтелей крестьяне допускались въ довольно многихъ случаяхъ, какъ по дѣламъ имущественнымъ, такъ и по уголовнымъ. Кромѣ свидѣтельства въ дѣлахъ, возникающихъ изъ споровъ о границахъ имѣній, о потравахъ, порубкахъ и т. под., сопоставленіе 1, 5 и 3 артикуловъ VIII раздѣла приводитъ къ заключенію, что крестьяне не были лишены и права быть свидѣтелями завѣщаній, совершаемыхъ шляхтичами. Крестьяне и вообще не поименованы въ числѣ лицъ недопускаемыхъ къ свидѣтельству, такъ что они могли даже быть свидѣтелями за и противъ своихъ владѣльцевъ³⁾; если

¹⁾ Разд. VIII, арт. 5: «Только землю мають пану своему подати и съ жытомъ засѣянымъ, и съ хоромами, съ тымъ всеѣмъ, съ чымъ будетъ тую землю пана своего на службу взялъ.»

²⁾ Разд. X, арт. 6.

³⁾ Разд. IV, арт. 53.

которая либо сторона отводила свидѣтелей противника, подѣ предлогомъ ихъ недобросовѣстности, но такое обвиненіе оказывалось несостоятельнымъ, то свидѣтель крестьянинъ имѣлъ право, такъ же какъ и шляхтичъ, получить отъ своего обвинителя вознагражденіе, навязку, такъ какъ будто бы онъ былъ раненъ ¹⁾. Крестьянъ дозволялось приглашать и въ качествѣ «сторонны, людей добрыхъ», т. е. понятыхъ, при осмотрѣ слѣдствъ наѣзда или другихъ насилій, не исключая убійства, если не случалось на тотъ разъ шляхтичей ²⁾.

Копному суду и во второмъ Статутѣ придается то же преимущественное значеніе разбирательства на мѣстѣ (*condescensio, iudicium condescensoriale* ³⁾), но область дѣйствій его нѣсколько расширена, сравнительно со Статутомъ 1529 г. Такъ, кромѣ присужденія убытковъ за порубни и потравы, копѣ подчинено разбирательство о воровствѣ пчолѣ, причомъ ей предоставлено вора, пойманнаго съ поличнымъ, присуждать къ смертной казни ⁴⁾.—Если виновный не платилъ присужденнаго копою взысканія за убытки, то урядъ обязанъ былъ взыскать съ него вдвое ⁵⁾.—Въ случаѣ кражи скота и т. под., если можно было прослѣдить взятое воровъ направленіе, копа отправлялась по слѣду, а жители тѣхъ мѣстъ, куда приводилъ слѣдъ, обязаны были отводить его дальше; если же они отъ этого отказывались, то копа присуждала ихъ къ уплатѣ ею же оцѣнен-

¹⁾ Разд. IX, арт. 4.

²⁾ Разд. XI, арт. 2: «Квалтъ и того забитого.... въ недостатку шляхты, ино оволичнымъ сосѣдомъ своимъ, хотя и не шляхтѣ, только людемъ добрымъ вѣры годнымъ маеть оказати.»

³⁾ См. разд. IX, арт. 2: «Рокъ ку граниченю и всякой копѣ судомъ положонный»; тамже, арт. 8: «копу вести о грунтъ земный».

⁴⁾ Разд. X, арт. 14.

⁵⁾ Разд. XIII, арт. 2.

ныхъ убытковъ ¹⁾.—Наконецъ копѣ же поручалось и разслѣдованіе о найденныхъ убитыми неизвѣстныхъ людяхъ; въ подобныхъ случаяхъ, если не открывалось никакихъ слѣдовъ преступленія, копа собиралась вторично, а въ третій разъ, на »присяжной копѣ«, всѣ члены копнаго суда обязаны были присягать, что они и сами невиноваты въ убійствѣ, и преступникъ имъ неизвѣстенъ; если же представители котораго нибудь села не являлись на присяжную копу или отказывались принять очистительную присягу, то должны были сами платить головщину за убитаго. ²⁾).

Постановленія о подсудности самихъ крестьянъ, о порядкѣ требованія ихъ въ суду, взысканій и проч. остались и во второмъ Статутѣ безъ измѣненій, равно какъ и законъ о крестьянскихъ повинностяхъ. Изъ новыхъ заслуживаетъ вниманія только то правило, по которому обремененіе крестьянъ излишними поборами считалось равносильнымъ разоренію имѣнія ³⁾.

Между прочими »людьми простого стану« во второмъ Статутѣ является разрядъ, ранѣе неупоминаемый, именно »панцырные слуги« или, по другимъ памятникамъ, »панцырные бояре«; цифра головщины показываетъ, что они считались выше всѣхъ другихъ простыхъ зависимыхъ людей ⁴⁾. Статутъ же даетъ возможность объяснить и ихъ происхожденіе. При раздачѣ великими князьями шляхтѣ населенныхъ имѣній, производившейся Жигимонтами Старымъ и Августомъ весьма щедрою рукою,

¹⁾ Разд. XIV, арт. 6.

²⁾ Разд. XI, арт. 31.

³⁾ Разд. V, арт. 10. »А вѣдь же утрата отъ нее (т. е. вдовы, владѣющей имѣніемъ своихъ дѣтей) на именьяхъ иная не можетъ ее показовати, одно естли бы непобожными податками, винами, серебрящизнами людей у въ оныхъ именьяхъ обтяжала, гумна и иные статки домовые неряднѣ роспрашала«, и т. д.

⁴⁾ Разд. XII, арт. 1.

случалось нерѣдко, что въ числѣ жителей этихъ имѣній были мелкіе, но самостоятельные, феодальные землевладѣльцы, бояре, иногда даже получившіе королевское подтвержденіе на земли, т. е. подтвержденіе шляхетскаго ихъ званія. Новый владѣлецъ, которому жаловалось такое имѣніе, естественно считалъ себя исключительнымъ собственникомъ всей земли, игнорируя права фактическихъ ея владѣльцевъ; если послѣдніе были шляхтичи и имѣли королевскія жалованныя грамоты на землю, то съ ними или приходилось вступать въ соглашенія, или же, дѣйствуя силою, навивать хлопотливые и дорого стоющіе процессы. Вѣроятно, эти то неудобства, въ соединеніи съ принципиальнымъ стремленіемъ шляхты обезпечить гдѣ только возможно достоинство своего сословія, и побудили шляхтичей заявить требованіе, чтобы король отказался отъ права раздавать имѣнія, въ которыхъ живутъ бояре—шляхта; требованіе это было удовлетворено, однако съ оговоркой, что королевскій отказъ не касается тѣхъ имѣній, живущіе въ которыхъ бояре, хотя и выслужили свои земли отъ прежнихъ державцевъ, но не получили на нихъ подтвержденія отъ господаря ¹⁾. Вотъ этотъ-то разрядъ населенія, попадая, путемъ пожалованія, подъ власть частнаго лица, терялъ вмѣстѣ съ правомъ землевладѣнія и личную независимость и, будучи еще недавно равноправенъ съ своимъ новымъ паномъ, мало по малу обращался въ его крѣпостныхъ, сохраненіе за которыми имени бояръ и сопряженныхъ съ нимъ преимуществъ зависѣло на будущее время только отъ благоусмотрѣнія владѣльца. Разложеніе феодальнаго строя Литовской Руси и оближеніе ея съ Польшею, знавшей только два сословія, шляхту и нешляхту, неминуемо должно было провести новую пограничную черту, такъ сказать, по живому тѣлу

¹⁾ Разд. III, арт. 4.

среднихъ разрядовъ населенія, и тяжеде всего, конечно, отозвалось на тѣхъ, кого обстоятельства и случай бросили внизу отъ этой черты.

Въ промежутокъ времени между изданіемъ второго и третьяго Статута утверждено наконецъ юридически полное объединеніе Литовской Руси съ Польшею, причемъ нынѣшняя Юго-западная Россія причислена къ послѣдней, сохранивши впрочемъ за собою право судиться по законамъ Литвы; на законодательство это Люблинская унія оказала мало вліянія, такъ какъ оно раньше уже видоизмѣнилось въ томъ же направленіи, и потому Статутъ 1588 г. содержитъ менѣе существенныхъ различій отъ предъидущаго, чѣмъ этотъ послѣдній отъ кодекса 1529 года; онъ скорѣе представляетъ только дальнѣйшее развитіе тѣхъ же самыхъ началъ, какія были уже проведены и во второмъ Статутѣ. Поэтому мы и ограничимся здѣсь однимъ указаніемъ важнѣйшихъ постановленій, вносившихъ что либо новое въ бытъ низшихъ сословій.

Сословія эти—оставляя въ сторонѣ мѣщанъ городовъ съ магдебургскимъ правомъ—настолько уже объединились въ своемъ подчиненномъ и малоправномъ положеніи, что выдѣлять изъ среды ихъ еще болѣе безправный классъ невольниковъ не представлялось никакой надобности; это обстоятельство, а частію также, безъ сомнѣнія, и поверхностное вліяніе европейскихъ идей той эпохи, побудило шляхту исключить изъ своихъ законовъ самое имя невольниковъ, оставляя его только въ примѣненіи къ военноплѣннымъ, которыхъ впрочемъ третій Статутъ тоже предпочитаетъ называть »полонениками«. Но отмѣняя названіе, законъ нисколько не измѣнилъ сущности дѣла: всѣ прежнія постановленія о невольной челяди, теперь называемой

уже «дворною», остались въ своей силѣ; все такъ же челядники лишены права завѣщать или получать по завѣщанію какую либо движимость, не могутъ быть свидѣтелями, и подлежатъ тому же порядку выдачи въ случаѣ бѣгства ¹⁾). Конечно, тѣ изъ этихъ правилъ, которыя составляли отличіе невольниковъ отъ отчичей, пользовавшихся, напримѣръ, правомъ завѣщанія части движимости, правомъ свидѣтельства въ нѣкоторыхъ дѣлахъ и т. под., должны были постепенно выйти изъ употребленія, такъ какъ на будущее время челядь зачисляется въ разрядъ крестьянъ отчичей, съ поселеніемъ ея на земельныхъ участкахъ ²⁾). Отсюда видно, что главной характеристической чертой быта отчичей и вообще «подданныхъ», было приуроченіе ихъ къ земледѣлію и пользованіе полевыми угодьями ³⁾). Естественно, что и отчужденіе ихъ происходило только вмѣстѣ съ землею, и ошибочно мнѣніе тѣхъ, кто полагаетъ, что уже въ ту эпоху допускалась продажа крестьянъ безъ земли; явнѣ всего это доказывается запрещеніемъ передавать даже невольную челядь отдѣльно отъ имѣнія, котораго она считалась неотъемлемою принадлежностью; продажа людей безъ земли могла установиться никакъ не ранѣе конца XVI столѣтія, когда крестьяне, слитые

¹⁾ Разд. XIV, арт. 36: «Ижь што людей и челядь, которые предѣтъмъ невольниками были званы, отъменено назвиско и поменено а написано ихъ челедью дворною або полонениками, тогда тое *отмене-ненье назвиска ихъ*, часу права, на каждомъ вряде, кгда бы хто сво-своей челяди невольное поискивалъ, никому съ подданныхъ нашихъ до ужыванья и до важенья справедливости *ничого шкодити и перешкажати не маеть*». См. также разд. IX, арт. 78; VIII, 1, 5, 8; XII, 14—20

²⁾ Разд. XII, арт. 21: «Челядь невольная и тежь дети потомьки полонениковъ *мають быти осаживаны на земляхъ и розумены быти за отчичовъ*».

³⁾ Иногда челядь пользовалась землями и въ болѣе раннюю эпоху. См. настоящій томъ № VII, стр. 11—12, годъ 1542.—Авгъ Зап. Рос., II, № 159, годъ 1529.

почти всё въ одинъ безправный разрядъ, окончательно подчинены частному праву владѣльцевъ 1).

1) Г. Леонтовичъ, «Крестьяне югозападной Россіи» стр. 15, говоритъ, что «въ послѣднемъ Статутѣ встрѣчаемъ дозволеніе продажи безъ земли бѣглыхъ людей, откуда вообще развилось право продажи крестьянъ не только съ землею, но и безъ земли». Но разд. XII, арт. 14, на который онъ ссылается, говоритъ вовсе не о продажѣ, а только о томъ случаѣ, когда пребываніе бѣглыхъ въ чьемъ либо имѣніи было доказано, но во времени суда ихъ не оказывалось на лицо; тогда владѣлецъ этого имѣнія обязывался заплатить истцу, кромѣ убытковъ, еще и головщину за бѣглецовъ, а самъ получалъ право разыскивать ихъ, какъ своихъ, и владѣть ими; вотъ въ этомъ—то случаѣ первоначальный владѣлецъ бѣжавшихъ людей имѣлъ право, до истеченія четырехлѣтняго срока, возвратить полученную за нихъ головщину, а ихъ взять обратно къ себѣ.—Далѣе г. Леонтовичъ приводитъ выраженія перваго Статута о пожалованіи, присвоеніи и отчужденіи людей *или* земель (тамъ же, и стр. 25) и замѣчаетъ: «Здѣсь говорится, очевидно, о приобрѣтеніи людей отдѣльно отъ земли». Но внимательное изслѣдованіе памятниковъ показываетъ съ гораздо большей очевидностію, что подъ словомъ *люди* именно подразумѣвалась обыкновенно и занимаемая ими земля, и что такое выраженіе употреблялось для отличія отъ земель незаселенныхъ «пустовскихъ». Такъ, при пожалованіяхъ людей безъ упоминанія о землѣ, нерѣдко говорится объ ихъ дани, особенно медовой, что указываетъ на пользованіе ихъ земельными угодьями. См. напр. Акты Зап. Рос., I, стр. 133.—Настоящій томъ, № I, стр. 1, № IX, в), стр. 6. Слово *люди* употреблялось иногда какъ синонимъ земли (заселенной): см. напр. въ Статутѣ 1566 г., разд. VI, арт. 8, гдѣ въ заголовкѣ сказано «*имѣнье або землю*», а въ самомъ текстѣ—«*имѣнье або люди*».—О неотчужденіи безъ земли *челяди* см. первый Статутъ, разд. IV, арт. 1, гдѣ дозволяется мужу записывать женѣ въ вѣно только третью часть дворной челяди, «*бо то не есть рѣчь рухомая, але при имѣнни лежатое*». То же и въ Статутѣ 1566 г., разд. V, арт. 2; Ст. 1588 г. V, 8. Право продажи безъ земли скорѣе можно видѣть въ законѣ о продажѣ въ голодное время: 1529 года, арт. XI, разд. 11.—1566 г., XII, 11.—А Статутъ 1588 г., XII, 19, расширяетъ такое право на продажу вообще: «*хто челядь свою невольную будь въ голодъ, або зъ якихъ кольвекъ причинъ продасть, дле продажи маеть вѣчне держана быти*».

Положеніе закупней и людей выданныхъ третьимъ Статутомъ нѣсколько облегчено: постановлено, что «выслуга» ихъ у нехристіанъ не можетъ продолжаться болѣе семи лѣтъ, въ какой бы суммѣ у нихъ не заложились или были выданы; что касается христіанъ, то у нихъ нужно было отработываться до конца, но если закладень умиралъ ранѣе окончательнаго расчета съ кредиторомъ, то дѣти его обязаны были служить за него тоже не долѣе семилѣтняго срока; въ обоихъ случаяхъ кредиторы обязаны были давать закупнямъ одежду и пищу ¹⁾.

Въ отношеніи собственно крестьянскаго сословія, въ составъ котораго теперь прямо зачисляются и бояре, какъ путные, такъ и панцырные, произошли также нѣкоторыя измѣненія. Законъ, стремясь все къ большому изолированію шляхты отъ простыхъ людей, ввелъ новыя гарантіи сохраненія землевладѣнія исключительно за нею; опредѣляя, что на выкупъ заставленнаго имѣнія давности нѣтъ, онъ постановляетъ также, что если бы человѣку простого званія случилось приобрести землю, принадлежавшую прежде шляхтичу, то подобное же правило распространяется и на нее, т. е. родственники прежняго владѣльца могутъ ее выкупить по опредѣленнымъ въ Статутѣ цѣнамъ и не взирая на земскую давность ²⁾. Правило о запрещеніи закупать земли крестьянъ распространено и на боярскіе участки, и снова подтверждено запрещеніе крестьянамъ отчуждать какимъ бы то ни было образомъ бортныя деревья ³⁾.

¹⁾ Разд. XII, арт. 9, 11. Годичный отработокъ положенъ въ рубль мужинѣ, и копу грошей женчинѣ; но для выданныхъ за навязку малозначительнаго воровства онъ опредѣленъ нѣсколько меньше, именно мужинѣ въ копу, а женчинѣ въ 50 грошей. разд. XIV, арт. 7.

²⁾ Разд. VII, арт. 12.—III, 26.

³⁾ Разд. IX, арт. 27.—X, 6.

Исключительное право на пользование повинностями крестьянъ утверждено за шляхтою еще въ большей мѣрѣ чѣмъ прежде: сверхъ предоставленныхъ ранѣ льготъ, Статутъ 1588 года освобождаетъ крестьянъ частнаго владѣнія и отъ тѣхъ повинностей въ пользу государства, какія лежали еще на нихъ по первымъ двумъ Статутамъ, т. е. отъ обязанности удерживать и подчинять мосты, поддерживать и возобновлять замки, давать посламъ и королевскимъ гонцамъ «стаціи» и т. под. ¹⁾.

Подсудность крестьянъ законъ все болѣе устраняетъ отъ себя, такъ что наконецъ они теряютъ всякое право самостоятельнаго дѣйствія въ судѣ, гдѣ представителемъ ихъ являлся одинъ только владѣлецъ; по Статуту позы должны были быть писаны непременно отъ имени послѣдняго, хотя крестьяне могли въ менѣ важныхъ дѣлахъ участвовать въ разбирательствѣ и сами; позднѣе отмѣнено и это право, и крестьяне могли являться въ судъ не иначе, какъ «cum assistentia» своего пана. — Наказаніе за продажу въ чужое село бортей, за что по второму Статуту полагалась смертная казнь, теперь предоставлено усмотрѣнію самого владѣльца ²⁾. — Въ пользу крестьянъ влонится, по крайней мѣрѣ въ принципѣ, одно важное постановленіе, по которому шляхтичъ въ извѣстныхъ случаяхъ могъ быть казненъ смертью за убійство крестьянина; но самая редакція этого закона, исполненная оговорокъ, и условія, какими обставлена была возможность его примѣненія, должны были парализировать его силу и дѣлать выполнение его если не совсемъ невозможнымъ, то до крайности затруднительнымъ такъ что въ извѣстныхъ намъ до сихъ поръ памятныхъ не находимъ ни одного подобнаго примѣра ³⁾.

¹⁾ Разд. III, арт. 29.

²⁾ Разд. IV, арт. 102. — X, 6: „Маеть панъ его карати водлугъ важности выступу“.

³⁾ Разд. XII, арт. 1: „Повстегаючи своволюства и зурфальства

А рядомъ съ этимъ шло новое увеличеніе строгости наказаній за убійство шляхтича простыми людьми: казни подвергались, въ случаѣ преднамереннаго убійства, не семь только человекъ изъ числа многихъ виновныхъ, а *ося*, какъ бы велико ни было ихъ число ¹⁾).

Въ отношеніи права крестьянъ быть свидѣтелями, введены два ограниченія: во первыхъ, крестьянамъ, какъ прежде невольникамъ, запрещено свидѣтельствовать за или противъ своихъ пановъ; и во вторыхъ, постановлено, что свидѣтелями шляхетскаго завѣщанія, даже совершаемаго въ дорогѣ или во время военнаго похода, должны быть непременно шляхтичи же ²⁾).

Судебная власть общины, въ формѣ коннаго разбирательства, не только не расширилась, но замѣтно даже противоположное стремленіе—свести ее на простое производство дозна-

людские,.... уставуемъ, если бы который шляхтичъ *зъ зухвалства, зъ отиалства, и безъ данья причины, своевольне, умыслне* легче поймаючи право посполитое, а паствечися надъ створеньемъ божимъ, чюловека простого стану не шляхтича забилъ, а *быль бы пойманъ на ярчломъ учинку*, таковой шляхтичъ *за слушимымъ доводомъ* маеть быти горломъ каранъ кромъ головщизны. Ведъже доводъ на шляхтича въ такой речи не инашій быти маеть, толко если его сторона жалобная при забитомъ *зъ шестыма светками* зъ людьми добрыми веры годными и не подозреными *самъ семь поприсланеть*, межъ которыми *шестыма светки мають быти два шляхтичи* веры годные и не подозреные“. При недостаткѣ котораго либо изъ указанныхъ условій, шляхтичъ могъ принять очистительную присягу съ *тремя* свидѣтелями, *хотя бы и нешляхтою*, и тогда платилъ только головщину; если же онъ присягалъ въ томъ, что убитый самъ первый началъ драку, то *совершенно освобождался отъ суда*.

¹⁾ Разд. XI, арт. 39: „Естлибы *люди простого стану*, бояре пандерные, путные, мещане або люди тяглые, забилы шляхтича або шляхтанку, тогда *како ихъ будетъ обвинено, мають вси горломъ карамъ быти*“. Исключеніе сдѣлано для убійства въ обоюдной дракѣ, за которое подвергается казни не свыше трехъ человекъ.

²⁾ Разд. IV, арт. 78: „Не мають свечити слуги и подданные за пановъ, ани тежъ противъ пановъ“.—VIII, 4.

ніа или разслѣдованія и вмѣстѣ съ тѣмъ подчинить ее вмѣшательству правительственныхъ властей. Такъ въ третьемъ Статутѣ вовсе не упоминается о правѣ коны опредѣлять наказаніе за воровство; на присяжную кону по дѣлу о найденномъ убитымъ неизвѣстномъ человѣкѣ представителя окрестныхъ поселеній выбирались по назначенію уряда и призывались черезъ вознаго или шли по приказанію владѣльцевъ ¹⁾. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, находя въ копахъ удобный и дешевый судебный органъ, Статутъ расширяетъ область ихъ дѣйствія въ территоріальномъ отношеніи, вводя ихъ и въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ передъ тѣмъ онѣ не были въ употребленіи ²⁾. Ниже мы увидимъ, что на самомъ дѣлѣ община постоянно стремилась выйти—и выходила—изъ той узкой сферы дѣйствій въ области суда, какую опредѣлялъ для нея законъ.

Приравнивая дворную челядь къ отчичамъ, положеніе которыхъ понизилось къ тому времени почти до того же уровня, шляхта, въ своихъ нивелизаторскихъ стремленіяхъ, не могла не обратить вниманія на средства привести къ тому же знаменателю и прочіе разряды простыхъ людей, стоявшіе выше. Мы уже видѣли, какииъ путемъ попали въ частную зависимость земліе бояре, которыхъ третій Статутъ помѣщаетъ уже въ чи-

¹⁾ Разд. VI, арт. 26: „Третью кону присяжную *маеть орядъ собрати....., а орядъ маеть зъ местечокъ и зъ сель околичныхъ по три человекъ старшихъ, яко войтовъ, лавниковъ и иныхъ мужовъ добрыхъ вѣры годныхъ до присяги обрати*“.

²⁾ „Разд. XIV, арт. 9: „На Руси и инде, где здавна коны бывае, тамъ мають быти и теперъ коны отправованы на старыхъ коповицахъ, тымъ обычаемъ, яко первей того бывало.—Где до сихъ мѣсть коны не бывали, коповица каждый поджморий въ поветс своемъ назначити и села тыхъ, хто ся тамъ становити будѣтъ, описати маеть.—Где досель коны не бывали, таковымъ же порядкомъ и поступкомъ коны збираны и отправованы быти мають, яко ся на Руси заховывало и заховуеть“.

слѣ отчизннхъ людей, т. е. крѣпостныхъ ¹⁾. Оставался затѣмъ классъ людей вольныхъ, похожихъ, вѣроятно въ то время еще многочисленный, и къ его постепенному закрѣпощенію были приняты слѣдующія мѣры: постановлено, что если похожій проживалъ въ имѣніи одного и того же владѣльца десятилѣтній срокъ, то онъ лишался права свободнаго выхода, а долженъ былъ, кромѣ возврата полученной при первоначальномъ поселеніи ссуды, откупиться еще отъ службы десятью копами грошей, т. е. уплатить сумму, равную половинѣ стоимости, по Статуту, «службы людей», т. е. крестьянскаго хозяйства съ находящимися въ его пользованіи землями. Если принять во вниманіе такую непомерную высоту окупа, а съ другой стороны распространенность обычая брать «запоможенье» для перваго обзаведенія ²⁾, и то наконецъ обстоятельство, что крестьянинъ не могъ и помышлять о выходѣ, пока не отработалъ пану столько же времени, сколько просидѣлъ на волѣ, — а послѣдняя очень часто превышала пятилѣтній срокъ, — то станетъ вполнѣ понятно, что закрѣпощеніе посредствомъ давности поселенія должно было сильно и быстро повліять на сокращеніе числа вольныхъ людей, которые въ болѣе позднее время упоминаются уже только въ рѣдкихъ случаяхъ ³⁾.

Такимъ образомъ, съ Люблинской уніей и изданіемъ Статута 1588 года, завершилось почти окончательно объединеніе правъ, съ одной стороны шляхтичей между собою, съ другой — различныхъ разрядовъ крестьянъ, — если только условія быта, въ какія были поставлены послѣдніе, могутъ быть названы безъ ироніи *правами*. Дальнѣйшій ходъ законодательства о крестьянахъ касался ихъ уже только какъ шляхетскаго имущества,

¹⁾ Разд. XII, арт. 12; ср. IV, 31, 48; IX, 28.

²⁾ Вил. Арх. Сб., т. I, стр. 45, 149.

³⁾ Разд. XII, арт. 13—VII, 8—IX, 29.

опредѣляя подробности судопроизводства о выдачѣ бѣглыхъ, взысканій по этому предмету, и т. под. Содержаніе этихъ постановленій, до самого конца XVII вѣка, съ достаточной подробностью изложено г. Антоновичемъ, а потому и приводить ихъ здѣсь не будемъ ¹⁾.

Разсмотрѣвши здѣсь содержаніе постановленій Статутовъ о крестьянахъ, въ ихъ послѣдовательномъ развитіи, въ заключеніе находимъ необходимымъ, чтобы показать *относительное* значеніе простыхъ людей разнаго наименованія, *по взглядамъ самой шляхты*, привести цифры головщины, опредѣляемой за нихъ каждымъ Статутомъ ²⁾.

	1529 г.	1566 г.	1588 г.
Панцирный слуга или бояринъ —		50 копѣ	60 копѣ
Путный - - - - - 12 рубл.		30 к.	50 к.
Бортникъ - - - - - 8 р.		25 к.	40 к.
Тивунъ, ключникъ и т. под. 12 р.		40 к.	40 к.
Тоже, изъ невольниковъ 10 копѣ		20 к.	20 к.
Ремесл. вольный или невольн. 12 р.		20 и 30 к., смотря по ремеслу 30 к.	
Тяглый крестьянинъ - - 10 копѣ		20 к.	25 к.
Невольникъ или челядникъ 5 к.		10 к.	20 к.
Невольница - - - - - 5 к.		20 к.	?
Мѣщане въ гор. съ нѣм. правомъ:			
Войтъ, бурмистръ, лавн. и писарь — —			50 к.
Заурядный мѣщанинъ - - - — —			30 к.

¹⁾ См. Антоновичъ, Исслѣдованіе о крестьянахъ, стр. 27—29, въ Архивѣ Ю.—З. Россіи, ч. VI, т. II.

²⁾ Статутъ 1529 г. разд. XI, арт. 1—4.—1566 года, разд. XII, арт. 1—3, 6.—1588 года, разд. XII, арт. 3—6, 10.—Ср. также цифры „навязовъ“. Лицамъ женскаго пола, кромѣ шинкаровъ, какъ головщина, такъ и навязки опредѣлялись *сошито*,—т. е. вдвое противъ мужчинъ того же званія.

Въ неприволжск. город. урядникъ	—	30 к.
Простой мѣщанинъ - - - —	—	24 к.
Шинкарка - - - - - —	—	20 к.
Невоенный татаринъ- - - —	12 копъ	12 к.

Обратимся теперь къ дѣйствительной жизни, и постараемся опредѣлить, — на сколько позволяютъ помѣщенныя въ настоящемъ томѣ акты, въ какой мѣрѣ выполнялись на дѣлѣ теоретическія требованія Статутоваго законодательства. При этомъ, въ виду продолжительности подлежащей разсмотрѣнію эпохи, необходимо для ясности изложенія обозначить какой-либо разграничительный предѣлъ внутри ея, какимъ предѣломъ, по нашему мнѣнію, можетъ служить половина XVIII столѣтія, эпохи возстаній, оказавшихъ въ концѣ концовъ громадное вліяніе на всѣ стороны быта Польскаго государства и на его дальнѣйшую политическую судьбу.

Въ настоящемъ томѣ ¹⁾ находимъ примѣры жалованныхъ грамотъ частныхъ владѣльцевъ въ пользу своихъ слугъ и даже крестьянъ, переименовываемыхъ въ бояре, на поземельное владѣніе. Грамоты эти совершенно сходны съ такими же пожалованіями государей нѣсколько болѣе ранняго времени, когда они, сохраняя еще за собою право общаго землевладѣнія и дорожа имъ, оставляли за собою и право выкупа жалуемыхъ земель; точно также, когда землевладѣніе всецѣло перешло къ шляхтѣ, она, употребляя тотъ же приемъ для вознагражденія своихъ слугъ, ревностно заботилась о сохраненіи недвижимой собственности въ своихъ рукахъ. Сходство это выступаетъ еще яснѣе въ тѣхъ случаяхъ, когда пожалованіемъ обуслов-

1) Изобиліе матеріала заставляетъ насъ ограничиться на этотъ разъ почти исключительно обзоромъ однихъ только нынѣ издаваемыхъ актовъ.

ливалась и повинность военной службы ¹⁾; иногда пожалованіе представляет собою только подтвержденіе права на владѣніе, доставшееся по наслѣдству ²⁾; при надѣленіи боярскою землею, получающій ее освобождается отъ всякихъ иныхъ повинностей, кромѣ собственно боярской: ѣздить съ паномъ и возить его письма; такимъ образомъ и здѣсь проявляется намѣченный нами выше (стр. 24—25) принципъ приуроченія повинности къ землѣ, а не къ лицу ³⁾. Приведенныя пожалованія, съ гарантіею прочности владѣнія, обезпеченіемъ уплаты вознагражденія за ихъ отнятіе и оговореннымъ правомъ свободного перехода, — относятся исключительно къ лицамъ свободного состоянія; что же касается зависимыхъ крестьянъ, то ихъ пользованіе землею не было обезпечено нисколько, и даже обычай, поддерживавшій нѣсколько его прочность, постепенно терялъ свою силу; такъ уже въ 1592 г. встрѣчаемъ примѣръ крайне произвольнаго распоряженія крестьянскими землями. Князь Григорій Сангушко отдалъ въ заставу имѣнія свои во Владимирскомъ повѣтѣ, Мѣзово, Ворокомлю и другія, Луцкому епископу Кирилу Терлецкому; это не мѣшало ему вмѣшиваться во внутренній бытъ этихъ селъ черезъ посредство своего арендатора еврея Песаха, которому онъ и выдалъ довѣренность на право суда надъ крестьянами означенныхъ имѣній; Песахъ, между прочими дѣлами, разбиралъ споры и о земляхъ, отнялъ у одной вдовы ея участокъ и отдалъ его другимъ крестьянамъ, взявши съ нихъ взятку, а князь Сангушко подтвердилъ его рѣшеніе ⁴⁾

¹⁾ См. № LXII, стр. 166

²⁾ № XXII, стр. 55.

³⁾ № XXXIV. стр. 91.

⁴⁾ «Крунтъ мой увесь, съ чого семи по смерги мужа своего служила и платъ платила, отъ мене поотнималъ и другимъ людемъ,

Привлекая и удерживая при себѣ слугъ свободнаго состоянія посредствомъ различныхъ милостей, паны, особенно болѣе могущественные, не прочь были подчасъ и совѣшь закрѣпить ихъ за собою. Такъ напримѣръ, князь Янушь Острожскій, Браковскій каштелянъ, нанявши въ свою службу отрядъ Литовскихъ Татаръ, по окончаніи срока службы хотѣлъ оставить ихъ навсегда за собою, и съ этой, вѣроятно, цѣлью замѣшалъ ихъ въ какой-то процессъ, который онъ завелъ съ родственникомъ своимъ, княземъ Павломъ—Янушемъ. »Насъ княжа его милость отпустить не хотель, жалуются наконецъ, по чьему-то совѣту, Татары на судѣ, — *хотечи насъ, людей волныхъ себе заневолитъ*; намъ тежь, яко людямъ волнымъ, вдаватися въ неволю не годило.» Но привела ли жалоба къ благоприятнымъ для Татаръ послѣдствіямъ, — мы не знаемъ ¹⁾. Въ другомъ случаѣ помѣщикъ, продавая имѣніе, включаетъ кстатѣ въ списокъ брестьянъ и живущаго по сосѣдству королевскаго боярина, которому только съ большимъ трудомъ удается избѣгнуть закрѣпощенія ²⁾.

Выдача за преступленіе, какъ источникъ зависимаго состоянія, встрѣчается сравнительно рѣдко; въ настоящихъ {актахъ мы имѣемъ только одинъ примѣръ выдачи еврею няхетскаго слуги, не имѣвшаго чѣмъ заплатить навязки за напесенную имъ рану ³⁾. Рядомъ съ этимъ является весьма интересная форма сдѣлки между виновными и истцомъ, основанной очевидно на обычаяхъ, такъ какъ писанное право ничего подобнаго не устанавливаетъ, и она даже ему отчасти противрѣчать. Помѣщичій крестьянинъ, пойманный на мѣстѣ воров-

суседомъ моимъ, *зі поклономъ* поотдавать, и зъ мастности рухомой зобраць мя. № LXXV, стр. 219.

¹⁾ № СХХІ, стр. 397.

²⁾ № LXXI, стр. 208.

³⁾ № ЖІІ, стр. 106.

ства, былъ отвѣденъ въ судъ и, конечно, подвергнулся бы смертной казни, если бы его не отпросили у истца какія-то почетныя лица (люди зацные); тогда воръ, вмѣстѣ со своимъ отчимошъ, сдѣлали на судѣ заявленіе, что они обязываются не нарушать ни въ чомъ интересовъ истца, а если бы случился какой либо вредъ самому истцу или его крестьянамъ по ихъ винѣ или въ связи съ высказанными ими угрозами, то они предоставляютъ истцу право казнить ихъ безъ суда и вознаграждать убытки изъ ихъ имущества, причемъ они отказываются напередъ отъ права прибѣгнуть къ защитѣ своего помѣщика. Подобныя записи, которыми одно лицо предоставляетъ другому право жизни и смерти надъ собою въ случаѣ совершенія извѣстнаго поступка, не противорѣчатъ, положимъ, общему духу законодательства, основаннаго на частномъ правѣ; но по буквальному смыслу закона онѣ непремѣнно должны были считаться ничтожными, если воспрещалось и менѣе широкое распоряженіе своею личностью, какъ отдача самого себя въ вѣчное рабство (актъ относится къ 1587 году); съ другой стороны, здѣсь крестьяне совершаютъ такое важное обязательство сами отъ себя, безъ вѣдома помѣщика, тогда какъ законъ не позволялъ имъ «закупиться» или же заставить клочокъ земли безъ этого условія; наконецъ, тѣ же крестьяне присвоиваютъ себѣ право арбитражно отстранить возможное въ будущемъ вмѣшательство въ ихъ дѣло помѣщика. Вліяніе въ данномъ случаѣ *обычнаго* права станетъ еще яснѣе, если обратимъ вниманіе, что истецъ на этотъ разъ принадлежалъ къ числу околичныхъ шляхтичей (Щеніевскій), которые и въ гораздо болѣе позднее время руководились чаще обычаями, чѣмъ официально утвержденнымъ закономъ ¹⁾.

1) № LX, стр. 158.

Точно такъ же несогласно со Статутами рѣшались иногда и дѣла объ убійствѣ крестьянами шляхтича или обратно; жизнь и здѣсь смягчала суровость закона. Такъ, въ одномъ случаѣ, помѣщичьи крестьяне, убившіе шляхтича и изранившіе другого слугу, не были казнены, а наказаны только платежѣмъ головщины и навозки, очевидно по заступничеству своихъ владѣльцевъ, на имя которыхъ и совершена мировая сдѣлка по этому предмету ¹⁾; въ другомъ случаѣ панскій слуга убилъ мужика, который самъ подстерегалъ его съ дурною цѣлью на дорогѣ (въ засащце); между убійцею и женою убитаго состоялось соглашеніе, по которому она получила 12 копѣй головщины (Статутъ опредѣляетъ 25 копѣй), и сверхъ того убійца обязался выполнять за нее всѣ обязанности въ пользу владѣльца, въ теченіе четырехъ лѣтъ ²⁾.

Право суда надъ крестьянами, въ качествѣ доходной статьи-служило нерѣдко предметомъ спора или самовольнаго захвата, а равно и временнаго отчужденія, при отдачѣ имѣній въ заставу или аренду. Такъ, записывая своему слугѣ шляхтичу во владѣніе населенное имѣніе, владѣлецъ оставляетъ однако за собою право суда надъ этимъ самымъ слугою; городскіе старостинскіе уряды присвоиваютъ себѣ силою право суда надъ неподвѣдомственными имъ городскими жителями, напр. крестьянами, подаренными помѣщикомъ въ пользу богадѣльни, но съ сохраненіемъ за собою права суда; точно такъ же поступаютъ въ другихъ случаяхъ и городовые магистраты магдебургскаго права; городскіе мѣщане пытались иногда судиться сами, по старому обычаю, копнымъ судомъ, но урядъ не признавалъ законности подобныхъ рѣшеній, такъ какъ они нарушали права его собственной юрисдикціи;

¹⁾ LIX, стр. 156, годъ 1586.

²⁾ «Панщизну вишлякую отпирововати, чинвшъ, и што ено пану належати будетъ, ровъ отъ року, на лѣтъ чтыри повиненъ есть и будетъ». № CXI, стр. 361, годъ 1611.

иногда владѣлецъ, заставивши имѣніе съ правомъ суда, вмѣшивался потомъ въ разбирательство и производилъ взысканія съ крестьянъ; при отдачѣ имѣнія въ аренду или заставу, передавалось обыкновенно и право суда, причемъ иногда добавлялось и дозволеніе казнить виновныхъ смертию ¹⁾; въ нѣкоторыхъ случаяхъ владѣлецъ опредѣлялъ, что въ случаѣ совершенія крестьянами важнаго преступленія, арендаторъ обязанъ собрать судъ на мѣстѣ (*prawo tameszne osadzić*), но не производить наказанія иначе, какъ по соглашенію съ владѣльцемъ ²⁾.

Право вносить иски и вообще дѣлать заявленія на судѣ самостоятельно отъ себя не признано Статутомъ за крестьянами; на практикѣ оно иногда допускалось, не только относительно королевскихъ, но и владѣльческихъ крестьянъ: такъ въ 1605 г. находимъ жалобу сельскихъ урядниковъ, атамана и осадцы, отъ имени всѣхъ жителей королевскихъ селъ Михалкова и Соколова о наѣздѣ на нихъ пана Воронича и повѣшеніи имъ нѣсколькихъ человекъ; въ другой разъ, уже въ 1640 г., помѣщичьи крестьяне жалуются на двухъ шляхтичей, прервавшихъ своими угрозами копный судъ надъ воромъ, вслѣдствіе чего послѣдній воспользовался отсрочкой разбирательства и бѣжалъ изъ тюрьмы. Иногда шляхтичъ, чтобы отдѣлаться

¹⁾ Въ Статутахъ нигдѣ не выражено прямо право владѣльцевъ казнить крестьянъ смертию; его можно выводить только косвенно изъ опредѣленія смертной казни за извѣстныя преступленія и изъ предоставленія суда по тѣмъ же преступленіямъ помѣщикамъ — Въ Польшѣ подобное право опредѣлено закономъ 1557 года. *Volum. legum.* изд. 1859 г. т. II, стр. 12, § 15.

²⁾ № XIX, стр. 47; № XXX, стр. 78; № L, стр. 133; № LVIII, стр. 155; № LXI, стр. 162; № LXII, стр. 168—169; № LXVI, стр. 191; № LXXIV, стр. 217; № LXXV, стр. 219; № LXXVIII, стр. 235; № LXXXVII, стр. 265, 268; № XCII, стр. 286; № CXIII, стр. 369—370.

отъ названнаго его къ суду королевскаго боярина, но признавалъ за нимъ этого званія и называлъ его помѣщичьимъ крестьяниномъ, т. е. лишеннымъ права иска; если истецъ представлялъ достаточно вѣскія доказательства своего званія, то рѣшеніе такого преюдиціального вопроса восходило на рѣшеніе трибунала ¹⁾.

Что касается самой юрисдикціи надъ крестьянами, т. е. судебного разбирательства и постановленія приговора, то она практиковалась въ двухъ главныхъ формахъ: какъ судъ собственно помѣщичій, или какъ общинный, коиный. Помѣщики, смотря по важности дѣла, судили одни или же приглашали къ участию постороннихъ шляхтичей, и при такомъ, болѣе формальномъ, разбирательствѣ обыкновенно присутствовалъ возный, представлявшій потомъ приговоръ для внесенія въ актовыя книги. Въ одномъ случаѣ къ участию въ судѣ были приглашены и почетныя лица изъ мѣщанъ сосѣдняго города; вѣроятно это было сдѣлано потому, что преступникъ оговаривалъ и нѣкоторыхъ горожанъ, какъ участниковъ воровства, за которое его судили ²⁾.

За маловажные проступки, которые обыкновенно помѣщикъ судилъ безъ участія постороннихъ лицъ, употребительнѣйшимъ наказаніемъ были штрафы, для взысканія которыхъ примѣнялся грабежъ, т. е. конфискація или севестръ какой-нибудь движимости, преимущественно скота. Мы находимъ грабежъ воловъ за «выступокъ» безъ болѣе подробнаго его опредѣленія; за неотдачу въ орокъ оброчной платы за землю; грабили для уплаты *навязки* крестьянину за раны и соотвѣтственной *вины* въ пользу владѣльца ³⁾. Иногда помѣщикъ, отдавая въ аренду имѣніе, опре-

¹⁾ № XCVII, стр. 302—308; № CLXIII, стр. 532—533; № LXXI, стр. 208—211.

²⁾ № LXXII, стр. 214—214.

³⁾ № XV, стр. 39; № XXXVI, стр. 94—96; № LXXIV, стр. 117—219.

дѣлялъ цифру штрафа съ крестьянина, невышедшаго на работу и предоставлялъ арендатору грабить его въ соответственномъ размѣрѣ ¹⁾).

Судъ съ участіемъ постороннихъ лицъ, такъ называемый судъ пріятельскій ²⁾, былъ собираемъ по болѣе важнымъ преступленіямъ, какъ воровство, поджогъ, отравленіе и т. под.; ему подлежали и собственные крестьяне владѣльца, и состоящіе у него въ услуженіи безземельные шляхтичи, и крестьяне постороннихъ лицъ, совершившіе преступленіе въ его имѣніи и пойманные съ поличнымъ. Число постороннихъ судей простиралось отъ трехъ до пяти; иногда при судѣ присутствовали и сосѣдніе крестьяне ³⁾. Судьи болѣе или менѣе руководствовались Статутомъ, о чемъ упоминается и въ самыхъ приговорахъ ⁴⁾. Встрѣчаются, впрочемъ, и произвольныя отступленія, зависѣвшія отъ снисхожденія истца; такъ на примѣръ, слуга пана Бабинскаго, неосѣдлый шляхтичъ Пяновскій былъ обвиненъ въ поджогъ крестьянской усадьбы; Бабинскій хотѣлъ отослать его въ замковый урядъ, но потомъ согласился на его просьбу—судить его домашнимъ судомъ; приглашенные судьи постановили, чтобы обвиняемый выполнилъ очистительную присягу

1) № CLXX, стр. 551.—«А если бы ся люди огурили, або который бы человекъ зъ нихъ улечы (не?) хотѣлъ, а на живно не пошоль, tedy (маеть) войтъ мой такихъ людей моихъ Белевскихъ каждого за кожды день пограбити такъ, яко бы за два гроши Литовскихъ стояло, и пану (арендатору) або враднику его Дѣковскому тотъ грабежъ отдати, поколь або отожнуть, або двома грошми за кожды день грабежъ выкупить». № L, стр. 133.

2) № CVI, стр. 348.

3) № XXXIX, стр. 102.

4) «Ино мы, межи себе сполне обновивши, права писаного Статуту породившися, ... сказали ссмо» № XXVIII стр. 73, годъ 1570. Отсюда видна значительная распространенность Статута, едва ли возможная, если бы онъ тогда существовать только въ рукописи.

съ своей женой и постороннимъ свидѣтелемъ шляхтичемъ; представленный имъ свидѣтель оказался челоуѣкомъ простаго званія, но Бабинскій, бывшій въ этомъ дѣлѣ и судьей и истцомъ, допускалъ его къ присягѣ; и только когда самъ свидѣтель отказался отъ ея выполненія, дѣло было доведено до свѣдѣнія градскаго суда ¹⁾.—Для разслѣдованія истины доминальные суды, подобно всякимъ другимъ судамъ того времени употребляли между прочимъ пытку; это средство примѣнялось особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда обвиняемый оговаривалъ другихъ лицъ въ сообщничествѣ съ нимъ или въ какихъ либо самостоятельныхъ преступленіяхъ, или самъ былъ подозрѣваемъ въ таковыхъ; въ подобныхъ случаяхъ судьи, если не желали сами присутствовать при пыткѣ, посылали туда своихъ довѣренныхъ слугъ ²⁾: пытка, для производства которой призывался палачъ изъ ближайшаго города, состояла обыкновенно во вздергиваньи на дыбу («мистръ взявши на ключи, тянулъ разъ и два»), а иногда, въ случаѣ разпорѣчія показаній, употреблялась еще и пытка огнемъ «огню до боку приложилъ» ³⁾; если пытаемый не бралъ назадъ своего оговора, то его, послѣ пытки, допрашивали о томъ же еще разъ «добровольно», и снова, когда онъ всходилъ уже на висѣлицу. Оговоръ, подтвержденный «на шибеници сидячи», «на остатномъ стопню», считался и по Статуту достаточнымъ поводомъ къ начатию судебного преслѣдованія противъ оговоренныхъ ⁴⁾.

1) № CVI, стр. 347—349.

2) № XXVIII, стр. 73.

3) Ср. изъ осмотра вознымъ пытаннаго крестьянина: «въ котор(го)мъ видѣль обадва боки выпаленые, такъ же и подъ обема рукама выпалено» № XXV, стр. 65.

4) Кромѣ указанныхъ выше, см. еще № LXXII, стр. 211—214; № CXXXIX, стр. 448—451; стр. 453—455.—Автъ подъ № 139 1624 года, кромѣ юридическаго, представляетъ и бытовой интересъ:

Смертная казнь за преступления применялась довольно часто. Но нужно заметить при этомъ, что относительно *собственныхъ* крестьянъ, по весьма понятнымъ побужденіямъ личнаго интереса, паны нерѣдко старались отклонить примѣненіе подобной мѣры, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда преступленіе не касалось ихъ самихъ, а случайный его характеръ позволялъ отнестись безъ особеннаго недовѣрія къ будущему поведенію преступника. Выше мы привели примѣръ освобожденія крестьянъ отъ казни за убійство шляхтича, по заступничеству ихъ пановъ; въ другомъ случаѣ шляхтичъ произноситъ угрозы противъ копы, если она будетъ судить «о горло» обвиняемаго, вѣроятно принадлежащаго къ числу его крестьянъ; иногда владѣлецъ освобождалъ силою своихъ крестьянъ, схваченныхъ въ его жемчужинѣ на мѣстѣ преступленія, если жемчужинѣ это находилось на ту пору во временномъ владѣніи другихъ лицъ, какъ поступилъ однажды князь (Іоакимъ) Корецкій, отнявшій четырехъ человекъ, виновныхъ въ поджогѣ и грабежѣ ¹⁾. Но яснѣе всего выступаетъ чисто экономическая подкладка подобнаго заступничества владѣльцевъ въ одномъ актѣ 1640 года, когда крестьянскія волненія, носившія прежде характеръ личныхъ счетовъ съ владѣльцами, стали принимать болѣе общій, соціально-политическій и частію религиозный характеръ. Крестьяне жемчужин пана Людвика Олизара-Волчковича, жемчужинка Коростышева, подгулявши на святой недѣлѣ, вздумали вдругъ «бить Ляховъ»; сначала досталось нѣсколькимъ жемчужнымъ жителямъ-шляхтичамъ, а послѣ попался крестьянамъ проѣзжій панъ Калусовскій, управлявшійся на сеймъ и въ Люблинскій трибуналъ съ дѣлами коронаго стражника, которымъ былъ тогда Самуилъ Лаць, знаменитый даже и въ ту эпоху своимъ самоуправствомъ и не-это слѣдствіе объ отравѣ посредствомъ кодовства, заключающее въ себѣ нѣсколько указаній на суевѣрія той эпохи.

¹⁾ № СLXIII, стр. 532; № СXXXVI, стр. 443—445.

признаніемъ никакихъ властей ¹⁾. Избивши и ограбивши слугу Калусовскаго, крестьяне напали и на него самого съ'ругательствами и врикомъ: «бйймо, забйймо того собаку Ляха, зъ его челядю: позабйявши, разомъ одбудемо! такъ что мѣстныи управляющій едва успѣлъ увести Калусовскаго отъ разъяренной толпы; послѣдняя осаждала всю ночь квартиру Калусовскаго который бѣжалъ оттуда тайкомъ при помощи мѣстнаго ксендза. Крестьяне при этомъ высказывали, вѣроятно на основаніи преждебывшихъ случаевъ, твердую увѣренность въ заступничество своего владѣльца: »Нашъ панъ Олизаръ насъ не одступитъ, а мы заплатимъ, бо есть чымъ, а жадному олизарчикуви, который есть его милости подданный, шию не утнуть, и онъ хъ не выдастъ». На утро Калусовскій отправился съ жалобою къ Олизару въ другое его имѣніе Студеную Воду, гдѣ жилъ онъ въ то время, такъ какъ Коростышевъ былъ имъ отданъ въ заставу пану Вильгѣ. Встрѣтившій его на дорогѣ Олизаръ поѣхалъ съ нимъ въ Коростышевъ, разузналъ подробности дѣла и—несмотря на опасность нажать себѣ врага въ патронѣ Калусовскаго, Лащѣ,—далъ такой отвѣтъ: «Кажу тые луны и забраня речей поверочать, учинивши инквизицію, але о збите челядника и зневаги протестантовой чинити не могу, для тыхъ причинъ, жетую маетность заставилъ; а до того, кгды быхъ мель справедливость, ретельну учинити, муселъ быхъ тыхъ хлоповъ всихъ выстинать, *чого учинити не могу, бо быхъ маетность спустошилъ, которую протко выкуплю*». Явившійся :на судъ въ качествѣ свидѣтеля возный передаетъ отвѣтъ Олизара нѣсколько подробнѣе и иными словами. «Ачъ мой добрый пріятель, говорилъ онъ о Калусовскомъ, але я для него всего места выстинать не важу; а же здоровъ зосталъ,—нехай Пану Богу дякуеть» ²⁾.

¹⁾ № CLIX, стр. 515.

²⁾ № CLXI, стр. 522—529.

Судъ, происходившій съ соблюденіемъ упомянутыхъ формальностей, считался окончательнымъ, и приговоръ его немедленно приводился въ исполненіе; это былъ судъ правильный не только по закону, но и по общему сознанию населенія: ибо, хотя Статутъ предоставилъ владѣльцамъ, а слѣдовательно и довѣреннымъ отъ нихъ лицамъ, право самостоятельнаго суда надъ крестьянами, но сила обычая требовала извѣстной гарантіи отъ произвола, заключающейся въ участіи въ судѣ постороннихъ лицъ. Когда урядникъ одного имѣнія повѣсилъ своею личною властью вора, пойманнаго съ поличнымъ, а потомъ самъ попалъ на судъ въ качествѣ обвиняемаго, то его упрекали между прочимъ и въ томъ, зачѣмъ онъ повѣсилъ этого вора *безъ права*? И самъ онъ не пытался оправдывать своего поступка, а только старался свалить вину на другихъ ¹⁾. Впрочемъ, иные паны, опираясь на свое право по закону или еще проще на свою силу, творили подобіе суда самоправно, пытая безъ повода чужихъ крестьянъ, заставляя ихъ пыткой взводить на себя преступленія, предавая казни невиновныхъ обвиняемыхъ или попросту въшая безъ суда чужихъ подданныхъ изъ-за какого-нибудь сосѣдскаго спора, съ оставленіемъ при этомъ висѣлицъ по дорогамъ и селамъ, въ видѣ предупрежденія и угрозы жителямъ послѣднихъ, не исключая и ихъ владѣльцевъ ²⁾. Подобныя дѣйствія съ такою незамѣтной постепенностью сливаются съ наѣздами, грабежами, убійствами и всякими насиліями вообще, что имъ невозможно придавать какое либо юридическое значеніе. Самоуправству шляхты относительно чужихъ даже крестьянъ прямо покровительствовалъ законъ объ исключительно денежной от-

¹⁾ № XXIV, стр. 61.

²⁾ № XXXV, стр. 64—66; № XXXII стр. 88—89; № CXXXVII, стр. 446; № CLXXVII, стр. 571—572; № LXIV, стр. 175—188; № XCVII, стр. 302—308; № XCVIII, стр. 308—310; № CXXXIII, стр. 427—438; № CXIX, стр. 390—393; № CXXXV, стр. 440—442.

вѣтственности въ подобныхъ случаяхъ; это позволило панамъ отвѣчать иногда даже съ оттѣнкомъ шутки на упреки въ самоуправствѣ: «И панъ Михаилъ Ласко отвѣчалъ: кто безвинно велѣлъ умертвить боярина Евхима, тотъ за него хорошо заплатитъ; а велѣлъ я его повѣсить потому, что онъ былъ въ то время моимъ крестьяниномъ» ¹⁾. Княгиня Настасья Козечина, на вопросъ о безвинномъ истязаніи ею на пытѣхъ крестьянина князя Романа Сангушка, отвѣчаетъ съ такимъ же цинизмомъ: «Я его казала змучити, я жъ его и заплачу» ²⁾.

Юрисдикція копныхъ судовъ простиралась почти на всѣ тѣ же проступки и преступленія, какіе вѣдалъ и судъ доминальный, а также и на нѣкоторые споры гражданскаго характера. Въ случаяхъ послѣдняго рода къ копамъ обращались безразлично лица разныхъ сословій, особенно если въ нанесеніи какого-либо убытка не замѣчалось злонамѣренности; въ дѣлахъ же уголовныхъ копный судъ собирали преимущественно въ тѣхъ случаяхъ, когда виновникъ преступленія не былъ извѣстенъ, а потому оставалось надѣяться на раскрытіе истины посредствомъ *опыта*, т. е. распроса присутствующихъ на копѣ мѣстныхъ и сосѣднихъ жителей; чаще всего къ этому способу разбирательства обращались люди простаго званія, а также и близкіе къ нимъ по быту околичныя шляхтичи ³⁾.

Со времени отдѣльнаго изданія цитированнаго выше изслѣдованія Иванишева (1863 г.) обнародовано уже довольно значительное число актовъ ⁴⁾, которые даютъ возможность нѣсколько

¹⁾ Иванишевъ. О древнихъ сельскихъ общинахъ въ Югозападной Россіи, стр. 31; годъ 1573.

²⁾ № XXV; стр. 65; годъ 1568.

³⁾ О послѣднихъ см. изслѣдованіе г. Антоновича: «О происхожденіи шляхетскихъ родовъ Югозападной Россіи», въ «Архивѣ Югозападной Россіи», ч. IV, т. I, стр. 43—48.

⁴⁾ Кромѣ указаннаго тома «Архива», см. также: Виленскій

дополнить это излѣдованіе, а равно и прослѣдить судьбу общиннаго суда до гораздо болѣе поздняго времени.

Территоріальное распространеніе обычая судить копою было весьма велико; кромѣ Югозападной Руси, онъ былъ въ большомъ распространеніи и на Сѣверозападѣ; замѣчательнѣе всего, что въ мѣстностяхъ по границѣ между Литовскимъ великимъ княжествомъ и собственно Польшею, какъ ее тогда называли — «Коруною», на коны сходились жители обоихъ государствъ и разбирали взаимныя претензіи на опредѣленныхъ урочищахъ, лежащихъ на самой границѣ, у какого-нибудь брода, кургана, болота и т. под. Въ опредѣленіи границъ Литвы и Польши 1546 года находимъ указанія на десять такихъ коповищъ, начиная съ Брестскаго и Кобринскаго повѣтовъ, потомъ на Волини и въ воеводствѣ Кіевскомъ ¹⁾. Отсутствіе указаній на существованіе копныхъ судовъ въ болѣе южныхъ мѣстностяхъ нашего края объясняется истребленіемъ древнѣйшихъ книгъ Брацлавскаго воеводства (едва уцѣлѣло *три* актовыхъ книги XVII вѣка), что же касается Подоліи, то ея древнѣйшіе акты до сихъ поръ почти не тронуты, да и въ нихъ, вслѣдствіе очень ранняго подчиненія Подоліи Польшѣ и ея законодательству, едва ли удастся отыскать слѣды суда обычнаго, народнаго.—Точно также, какъ область распространенія, вновь изданными документами расширяется и *время* существованія копныхъ судовъ: древнѣйшій актъ съ упоминаніемъ о нихъ относится къ 1553 году ²⁾, а мы указали уже выше слѣды ихъ существованія и въ XV вѣ-
 Археографическій Сборникъ т. I и III; «Акты» Виленской Арх. Комиссіи, т. VI; настоящій томъ и приложение къ нему.

¹⁾ Виленскій Арх. Сб., I, стр. 50, 53, 101, 106, 110, 115 (три коповища), 117, 122.—Еще одно пограничное коповище упоминается въ Акт. Вилен. Ком., т. VI, стр. 146. Росписаніе коповищъ въ Трокскомъ воеводствѣ, см. въ Акт. Вилен. Ком., VI, предисловіе, стр. VI.

²⁾ Вилен. Арх. Сб., I, стр. 129.

гѣ ¹⁾; съ другой стороны, въ настоящемъ томѣ помѣщенъ приговоръ копнаго суда 1712 года ²⁾, а наиболѣе поздній документъ этого рода, изъ Руси Сѣверозападной, относится даже къ 1773 году ³⁾. Такъ живуча оказалась эта форма народнаго суда, несмотря на всѣ стѣсненія и преслѣдованія, каковымъ она подвергалась уже съ конца XVII столѣтія.

Кромѣ десяти копныхъ судебныхъ округовъ на Волини, псчисленныхъ у Иванишева, и двухъ въ Овручскомъ Полѣсьи, указанныхъ г. Антоновичемъ, въ настоящихъ актахъ находимъ еще подобныя же юридическія общины: во Владимірскомъ повѣтѣ: 1) изъ селеній Твердыня, Осмиговичъ, Сенявки и Моговичъ; 2) сюда входили села Сыново-Ратепское, Сыново-Монастырское, Соловеевъ, Дороготичи, Зарѣчье, Грдковичи, Шайно, Мезовъ, Сереховичи, Березовъ, Грабовъ (кажется также Бучищ, Миговъ и Секунь), имѣвшія опредѣленное мѣсто для судебныхъ собраній, урочище Андрееву-Гору; ⁴⁾ въ Луцкомъ повѣтѣ: 3) королевское село Колчищ и владѣльческія: Тростянци, Рука, Любче и Володковщина ⁵⁾; 4) села: Годимичи, Лище, Старый Колтъ, Ситница, Омелно, Холпневъ, Островъ, Трестенець, Лычки, Домашовъ и другой Островъ; въ Овручскомъ повѣтѣ встрѣчаемъ 5) слѣды общины, лежавшей въ низовьяхъ Припети, въ составъ которой входили между прочимъ: мѣстечко Волчковъ, села Си-

¹⁾ Стр. 23, примѣчаніе.

²⁾ Приложение, № СХХХІІ, стр. 414.

³⁾ Вил. Арх. Сб. III, стр. 239. Замѣчательно, что послѣдній документъ содержащій въ себѣ смертный приговоръ за кражу пчоль, относится къ тому уже времени, когда право уголовного суда надъ крестьянами было отнято у шляхты, по конституціи 1768 года. Впрочемъ, на дѣлѣ примѣненіе права меча встрѣчаются и позже; такъ папр. Потемкинъ, купивши Сѣвлинскіе публіе, напелъ тамъ по всѣмъ селамъ вѣсѣлицы, которыхъ онъ и приказалъ уничтожить. Рус. Арх. 1872 г., № 8.

⁴⁾ № СХІІІ, стр. 460; Приложение, № ХХІV, стр. 71.

⁵⁾ № ХСІ, стр. 282. Эта община отчасти совпадаетъ съ одною изъ указанныхъ Иванишевымъ, (стр. 4, примѣчаніе) въ составъ ко-

доровка, Бобръ и другія мѣстности по сосѣдству мѣстечка Хабного ¹⁾. Кромѣ того, въ силу уже не закона, а обычая, копные суды собирались и въ городахъ надѣленныхъ магдебургскимъ правомъ, какъ Житомиръ и Овручъ. Мы выше привели уже примѣръ отиѣны старостою копнаго приговора мѣщанъ перваго изъ этихъ городовъ по дѣлу между мѣщанами же города Слуцка; но позже снова встрѣчаемъ копу въ Житомирѣ, въ которой участвовали и крестьяне сосѣдняго королевскаго села Вересовъ. Въ Овручѣ еще въ XVIII вѣкѣ составлялись копные суды изъ однихъ горожанъ, для суда, что особенно замѣчательно, надъ околичными шляхтичами, по ихъ обвиненіямъ между собою; къ подчиненію такой подсудности шляхту побуждало, по всей вѣроятности, размноженіе населенія отдѣльныхъ околицъ, которое, будучи связано родственными связями, а по большей части и единствомъ происхожденія, было болѣе расположено всѣми правдами и неправдами защищать своего односельца, родича и однофамильца, чѣмъ разбирать безпристрастно предъявляемыя къ нему претензіи ²⁾. Такимъ образомъ въ составъ копныхъ судовъ входили лица различныхъ сословій; въ одномъ случаѣ, по дѣлу о потравѣ, убытокъ опредѣляли одни шляхтичи, но донесеніе свое объ ихъ рѣшеніи возный называетъ „копнымъ квитомъ“. т. е. слову копа здѣсь придается то же общее значеніе, что и въ Статутахъ ³⁾.

Землевладѣльцы однако нерѣдко отрицали компетентность копныхъ судовъ, которые были бессильны приводить свои рѣшительныя входы между прочимъ м. Рожница и с. Козинъ; споръ между ихъ жителями копа разбирала въ нашемъ актѣ; Рука и Любче переислены и у Иванішева (Рудка и Любечъ), но остальные мѣстности въ обоихъ актахъ различны.

¹⁾ № ХСVI, стр. 296—297; Приложение №СХХII, стр. 366—367

²⁾ № LVIII, стр. 155—156, годъ 1586; № CV, стр. 345—347, годъ 1609; Приложение: № СХХIII, стр. 368—379; годъ 1733 № СХХХII, стр. 414—417, годъ 1742.

³⁾ Вилен. Арх. Сб., I, стр. 166.

шенія въ исполненіе; такъ еще въ 1553 году, на требованіе вѣжа взыскать съ крестьянъ присужденное съ нихъ копою вознагражденіе за кражу лошадей, землянинъ Тихно Совичъ отвѣчаетъ иронически: «хто будетъ пану вашему на людехъ моихъ тую десять копъ грошей присудилъ, тые судьи нехай и отъ праву чинять». — Нерѣдко паны прогоняли копниковъ отъ своего села, если туда приводилъ слѣдъ вора, не пускали на копу своихъ крестьянъ или разгоняли собравшійся судъ, отказывали и сами въ судѣ надъ своими виновными крестьянами и т. под., при чемъ отвѣты ихъ направлены не противъ самого права копы, а просто выражаютъ нежеланіе ей подчиниться ¹⁾. Необходимо впрочемъ по справедливости замѣтить, что въ ту эпоху точно такъ же относились паны и къ общимъ судамъ, болѣе властнымъ, чѣмъ копыны, — если чувствовали за собою достаточно собственной силы или поддержки родныхъ и друзей. Но съ конца XVII вѣка выступаетъ новый мотивъ преслѣдованія копыныхъ судовъ, соціально-политическій: въ 1687 г. одинъ шляхтичъ жалуется на другихъ между прочимъ: о томъ, что они «вопреки положительному закону, конституціямъ и статутамъ короннымъ, собирали немалочисленную копу разнаго званія людей, что служитъ поводомъ къ началю хлопскихъ бунтовъ; въ 1713 году панъ Выговскій позываетъ околичнаго шляхтича къ суду «за собраніе запрещеннаго закономъ копнаго суда» ²⁾. Суды стали и сами по себѣ преслѣдовать копы: такъ по дѣлу

¹⁾ Арх. Ю.-З Рос., ч. IV, т. I стр. 233; тамже, стр. 375.

²⁾ См. № LXXXIII стр. 243—№ CV, стр. 346.—№ CXL стр. 532: «Ежели его будете на горло судити, теды васъ всихъ и ката позабываю». — Приложение, № XVIII, стр. 56 «Sprawiedliwości uszynie nie chce, niech mnie prawem patrzy». — Акты Вил. Ком., VI, стр. 93: «На копу не пойду, ани пошлю». — Иванішевъ, стр. 44: «Я на голое слово мужицкое врьднику своему платити не кажу». Ср. тамъ же, стр. 33.

о разныхъ претензіяхъ между шляхтичами Барановскими, градскій судъ, откладывая рѣшеніе по существу до разслѣдованія дѣла, присуждаетъ отвѣтчиковъ къ двухнедѣльному тюремному заключенію за то одно, что они, «во вредъ шляхетскому сословію, осмѣлились для суда падъ равнымъ себѣ шляхтичемъ собирать хлоповъ и велѣли его судить, изъ каковыхъ своеволій (quibus licentiis) возникаютъ хлопскіе бунты»; нужно замѣтить, что истецъ не касался въ своей жалобѣ законности коннаго суда вообще, а жаловался только на неправильность, вслѣдствіе несоблюденія обычныхъ формальностей, состоявшагося противъ него приговора копы ¹⁾. Постепенное исчезновеніе общинныхъ судовъ именно и зависѣло, кромѣ упроченія помѣщичьей власти, отъ преслѣдованія ихъ со стороны политической неблагонадежности; и если на Сѣверозападѣ существованіе ихъ замѣтно еще и во второй половинѣ XVIII вѣка, то только вслѣдствіе почти полного отсутствія здѣсь поводовъ къ подобному заподозриванію. Населеніе здѣсь, по изложеннымъ выше (въ концѣ первой главы) мѣстнымъ обстоятельствамъ, гораздо раньше подпало подъ власть шляхты и, не видя себѣ ни отбуда поддержки и исхода, утратило энергію и пребывало въ пассивномъ повиновеніи шляхтѣ. Самая мѣстность, лѣса и болота которой крайне затрудняли сообщенія, а также вліяніе введеннаго здѣсь еще съ начала XVI вѣка волочнаго хозяйства, при которомъ каждый крестьянинъ живетъ совершенно врозь отъ сосѣдей, препятствовали возникновенію какой-либо общей реакціи со стороны крестьянъ. Для характеристики ихъ приниженаго положенія, ими самими сознаваемаго, но безынтересель актъ коннаго суда 1589 года. У землянина Костюшка, въ повѣтѣ Берестейскомъ, былъ украденъ изъ кладовой сундучокъ, въ которомъ храни-

¹⁾ Приложение, № LIV, стр. 163.

лись наличныя деньги, цѣнныя вещи и различные документы, денежныя и на пѣнія. Костюшко собралъ для раскрытія дѣла копу, въ которой участвовали представители всѣхъ сельской судебной общины ¹⁾, а также и находящихся въ ея округѣ помѣщичьихъ дворовъ, что составляетъ, очевидно, остатокъ стариннаго обычая, въ актахъ нашего края уже не встрѣчаемаго. Не явился только и не прислалъ никого отъ себя панъ Дмитръ Здетовецкій. Какъ улыба, была представлена Костюшконъ копѣ рукавица, найденная на мѣстѣ воровства, которую опознали за принадлежащую шляхтичу Мочульскому, гостившему у Здетовецкаго; послѣ повторенныхъ нѣскольکو разъ вызововъ, явился наконецъ и послѣдній, въ сопровожденіи многихъ лицъ, въ томъ числѣ Мочульскаго, который, признавъ свою вещь, давалъ неудовлетворительныя объясненія относительно ея пропажи у него. Копя замѣтила: «коли вже до рукавицы признаесе, то вжо и дѣло его». Вслѣдствіе отказа Здетовецкаго взять обвиняемаго на поруки и вообще вступиться въ его защиту, Костюшко потребовалъ, чтобы судъ поступилъ согласно обычному праву, т. е. приказалъ пытать подсудимаго. Но копя не рѣшилась взять на себя отвѣтственность за подобную мѣру въ отношеніи шляхтича, что и выразила такимъ отвѣтомъ: «Пане Костюшку! Естли бы то былъ нашъ братъ мужикъ, теды бы сьмо его поймали и на неньку посадили, а по грошу або по два скинули: естли бы сьмо его не допыталисе, мы бы сьмо его навезали; а теперь домышляйсе ваша милость, а его поймай, а до ураду отвези» ²⁾. Въ Югозападной Руси мы не встрѣчаемъ подобныхъ примѣровъ перенесенія дѣла въ урядъ вслѣдствіе отказа конныхъ судовъ отъ своихъ правъ.

¹⁾ Села: Дремлевъ, Степанки, Хавки, Блышино, Матіевичи, Бакново, Грындевичи, Семеновцы, Сехновичи.

²⁾ Акты Вил. Ком., VI, стр. 35—38, 41—42.

Въ помѣщенныхъ въ настоящемъ томѣ копныхъ актахъ находимъ, между прочимъ, слѣдующія заслуживающія вниманія данныя: коша иногда разбирала дѣла объ увозѣ (*выкоченъи*) вѣрстьянъ, и ея признаніе считалось достаточнымъ доказательствомъ факта ¹⁾; пытать, кромѣ прежняго обычая, т. е. розогъ и огня, стали впоследствии и посредствомъ дыбы, почему при копѣ присутствовалъ иногда и палачъ ²⁾, а самая пытка подчасъ принимала характеръ самоуправнаго истязанія со стороны истца, несмотря на протесты со стороны копниковъ ³⁾. Въ наиболѣе позднихъ актахъ копныхъ судовъ встрѣчаемъ замѣчательное смягченіе наказанія за воровство: вмѣсто смертной казни или тѣлеснаго наказанія, опредѣляется только денежное взысканіе вдвое противъ понесенныхъ убытковъ; при этомъ, на случай неуплаты, дозволяется истцамъ грабить имущество виновныхъ; въ одномъ случаѣ является новая форма наказанія, — публичное посраженіе: шляхтичу, виновному въ кражѣ пчель. вѣшаютъ на шею коробку, въ какія подбираютъ медъ, и лезиво, т. е. особаго рода веревку изъ ремня или лыка, съ помощью которой бортники взбираются на деревья, и въ такомъ видѣ трижды обводятъ вокругъ городской ратуши ⁴⁾. Подобный приѣмъ сохранился до нашего времени и теперь еще примѣняется иногда волостными судами ⁵⁾.

¹⁾ № СХL, стр. 163.

²⁾ «Катъ», мистръ: «оправца». № СХLII, стр. 456—461; годъ 1625; № СLXIII, стр. 532—533 годъ 1640.—Ср. Вил. Арх. Сб., I, стр. 292—294, годъ 1632.

³⁾ Приложение, № СХХII, стр. 366—368, годъ 1733.—Ср. Иванишевъ, стр. 35—39.

⁴⁾ Приложение, № СХХIII, стр. 368—370; № СХХХII, стр. 414—417.—Ср. Арх. Ю.-З. Р. ч. IV, т. I, стр. 109—111; № L, стр. 169—171.

⁵⁾ Труды экспед. И. Р. Геогр. Общ. для изслѣд. Ю.-З. края, т. VI; рѣшенія волостныхъ судовъ.

III

*Подати и повинности крестьянъ въ XVI вѣкѣ.—Уставъ о со-
локахъ.—Уставъ о похожихъ людяхъ.—Обзоръ инвентарей.*

Прежде чѣмъ приступить къ разсмотрѣнію актовъ, опредѣляющихъ величину крестьянскихъ повинностей въ различныхъ мѣстностяхъ и постепенныя измѣненія этой величины, необходимо упомянуть вкратцѣ о системѣ налоговъ въ Литовско-Русскомъ княжествѣ и объ ихъ болѣе употребительныхъ наименованіяхъ, многочисленность которыхъ можетъ возбуждать недоразумѣнія, вслѣдствіе нерѣдко встрѣчающейся синонимичности этихъ названій. Выше были уже указаны тѣ постановленія Статутовъ, которыми земледѣльческое населеніе шляхетскихъ имѣній освобождалось отъ платежей и повинностей въ пользу государства, т. е. которыми верховная власть уступала землевладѣльцамъ право взиманія этихъ сборовъ; такимъ образомъ, податныя тягости крестьянъ въ пользу владѣльцевъ первоначально соответствовали ихъ прежнимъ государственнымъ повинностямъ, и только впоследствии, съ развитіемъ крѣпостнаго права, стали возникать новые поборы, падавшіе и на новые предметы обложенія.

Главнымъ предметомъ обложения всегда являлась земля, а за единицу его, до распространения волочной системы хозяйства и обусловленнаго ею измѣренія обработанныхъ участковъ, принималось самостоятельное земледѣльческое хозяйство ¹⁾ или заключавшееся въ послѣднемъ количество рабочаго скота. Дани взиались частью деньгами, частью различными продуктами; издѣльная повинность хотя и существовала издавна, но упоминается сравнительно гораздо рѣже; во всеобщее употребленіе она вошла уже въ XVI вѣкѣ, когда особенно сильно развилась вывозная торговля хлѣбомъ, сплавлявшимся по Вислѣ въ Гданскъ, и скотомъ, сбытъ котораго шелъ преимущественно черезъ Силезію. Денежная дань, пока она еще поступала въ пользу государства, носила общее названіе *серебряной дани* а позже это названіе измѣнилось въ *серебщизну*, и оба имени употребляются иногда синонимически въ одномъ и томъ же актѣ ²⁾. Въ частности она получала еще различныя наименованія по мѣстностямъ; *посоцины* въ Сѣверо-Западной Руси, *подымщины* въ Юго-Западной; позже, съ переходомъ налогового права къ землевладѣльцамъ, являются названія *прошовый платъ* и *чиншъ* или *чиншъ*; въ употребленіи этихъ терминовъ постепенно выработалось различіе: серебщизною стали называть только подать государственную, размѣръ которой опредѣлялся каждый разъ особымъ повелѣніемъ князя, потомъ постановленіями сейма, и налогъ этотъ позже получилъ имя подымнаго, сохранившееся за нимъ до позднѣйшаго времени; чиншъ обозначалъ спеціально, оброкъ въ пользу владѣльца, въ какомъ смыслѣ слово это удержалось и до сихъ поръ.

Раскладка этихъ податей была одна и та же, — по хозяй-

¹⁾ «Зъ дѣлу таковаго, въ которомъ земли своей и особнаго хлѣба уживають», *Ак. Зап. Рос.*, III, стр. 95.

²⁾ См. напр. *Ак. Зап. Рос.*, I стр. 43, 82.

ствамъ или числу скота въ нихъ, что и доказываетъ одинаковое ихъ значеніе. Такъ серебрящина раскладывалась по *сохамъ*; въ 1507 году, напримѣръ, Виленскимъ сеймомъ определено взимать ее по 6 грошей съ воловой сохи, по 3 гроша съ конной, по столько же и съ тѣхъ земледѣльцевъ, которые хотя и не имѣютъ своего скота или лошадей, но владѣютъ землею и съ нея получаютъ пропитаніе ¹⁾. Въ 1550 г., съ сохи взималось серебрящины по 5 грошей ²⁾. Посощина, самое имя которой указываетъ предметъ обложенія, раскладывалась однако также и по дворамъ или дымамъ ³⁾, тогда какъ въ Московскомъ государствѣ соха какъ податная единица принималась въ значеніи извѣстной единицы земли; подымная же система примѣнялась въ пограничныхъ мѣстностяхъ, платившихъ дани на обѣ стороны, какова была напримѣръ «Ржевская дань» частью денежная, частью натуральная, распределявшаяся не только между князьями Восточной и Западной Руси, но еще съ участіемъ въ пользованіи ею Новгородскихъ бояръ и особливо тамошняго владыки ⁴⁾. Тождество подымщины съ серебрящиною и посощиною замѣтилъ еще Чацкий ⁵⁾, и оно доказываетъ также тѣмъ, что эти названія упоминаются только въ различ-

1) Ак. Зап. Рос., II, стр. 9. Однако королевскій универсалъ того же года о сборѣ серебрящины назначаетъ ее въ значительно высшемъ размѣрѣ: съ воловой сохи по 15 грошей, съ конной по 7½ гр.; съ земледѣльцевъ не имѣющихъ сохъ по 6 грошей, съ огородниковъ по 3. Тамже, стр. 12.—Ср. Czacki, o Litew. i Pol. prawach, т. I, стр. 202.—№ XXIII, стр. 58.

2) Strykowski, Kronika Polska, Litewska, Żmudzka, etc., по изд. 1582 г. стр. 750.

3) Запись о Смоленской посощинѣ опредѣляетъ, что если кто посадить челоуѣва на *такой земль*, съ которой „хаживала посощина,—съ того челоуѣва дасть посощину«. Ак. Зап. Рос., I, стр. 69.

4) Ак. Зап. Рос., I, стр. 87.

5) O lit. i polskich prawach, т. II, примѣч. 1049.

441911A

нѣхъ мѣстностяхъ, а иногда въ одной и той же ¹⁾). Въ со-
отвѣтствіе сохъ, какъ единицъ пахатной земли, съ бортовых
угодій дань опредѣлялась съ *льзюва* ²⁾).

Иногда подъ тѣми же именами, кромѣ дани денежной,
подразумѣвалась и натуральная, какъ въ дани Ржевской, или
въ Брацлавской подымщинѣ, гдѣ сверхъ денегъ вѣзился еще
овесъ, хлѣбъ, куры ³⁾; но чаще подобные сборы натурою на-
зывались даями или подачками; онѣ бывали: *медовыя*, *кунич-*
ныя, *осыпныя*, дякольные или *дякла* и т. д.; послѣдніе два тер-
мина почти однозначаци, хотя послѣдній нѣсколько шире, такъ
какъ онъ означалъ иногда не только сборъ зерновымъ хлѣбомъ,
т. е. собственно осыпъ, но и сборъ другихъ продуктовъ, напр-
ома и т. под. Тѣ же самые сборы, если они не составляли по-
стояннаго налога, а вѣзались только временно, по случаю про-
ѣзда князя, туземныхъ или чужестранныхъ пословъ, гонцовъ
и проч., назывались *стаціями*; въслѣдствіи этимъ именемъ
называлась по преимуществу поставка продовольствія для войскъ,
обыкновенно превращавшихъ сборъ стацій въ открытый и си-
стематическій грабёжъ, нерѣдко опустошавшій цѣлыя мѣст-

1) Обложеніе податью земледѣльческаго хозяйства, какъ еди-
ница, подъ именемъ ли дыма или сохи, ведетъ свое начало изъ
древнѣйшаго періода Русской исторіи; эту податную систему, и при
томъ съ употребленіемъ какъ того, такъ и другою термина, встрѣ-
чаемъ еще въ первомъ времени образованія русскаго государства;
такъ лѣтопись говоритъ подъ 859 годомъ, что Козары брали дань
съ Полянъ, Сѣверянъ и Вятичей «по бѣлѣ и вѣверицѣ *отъ дыма*»;
въ 964 г. Вятичи говорятъ Святославу: «Козаремъ по шлягу *отъ*
рама даемъ»; подъ 981 г. читаемъ: «Владиміръ Вятичи побѣди и
възюжи нань даръ *отъ плуга*, яко же и отецъ его имаше». Лав-
рентьевская лѣтопись, по отд. изданію 1864 г., стр. 9, 34, 44; ср.
тамъ же стр. 11, 45.

2) Ав. З. Р., III, стр. 95.—Памятники, т. II, отд. 2, стр.

3) № VIII, стр. 24.

сти. Въ памятникахъ встрѣчается еще множество названій разнаго рода поборовъ частію денежныхъ, частію натуральныхъ, но они по большей части варьировались не только по мѣстностямъ, но даже по отдѣльнымъ имѣніямъ, не составляя общепринятаго обычая ¹⁾.

Натуральныя повинности работою носили названіе *приюка*, *работизны*, потомъ *панцизны*; сверхъ того были еще *толоки*, т. е. барщина съ владѣльческимъ кормомъ и пивомъ, *шарварки* (иногда *валты*)—работы на плотинахъ, и т. под. Общеупотребительна была также повинность извозная, *подводы*, раньше называвшіяся *повозомъ*.

Размѣры повинностей натурою были неодинаковы не только въ различныхъ мѣстностяхъ и въ разное время, но даже въ одномъ и томъ же имѣніи одни крестьяне давали больше, другіе меньше, смотря по количеству обрабатываемой ими землицы, числу скота, а иногда принималось во вниманіе и число работниковъ въ семьѣ. Пока населеніе было рѣдко, и потому значительныя пространства оставались необработанными, величина крестьянской запашки зависѣла главнымъ образомъ отъ количества рабочихъ силъ хозяйства. Мало по малу, рядомъ съ упроченіемъ шляхетскаго порядка, шло регулированіе размѣровъ крестьянскаго хозяйства, причемъ оно подводилось къ извѣстнымъ опредѣленнымъ нормамъ; такая, признаваемая за нормальную, средняя величина владѣнія носила неодинаковое

1) Поборы эти получали названіе то по предмету обложенія, какъ «роговое, очковое, прилазь, воловщина и т. д.», куда относятся и разнаго рода пошлины: торговое, вѣсочное, или ваговое, помѣрное, погребельное и проч., то по назначенію собираемыхъ денегъ, напримѣръ, клаковщина, сторожовщина, пороховое. Исчисленіе и объясненіе всѣхъ подобныхъ сборовъ могло бы составить предметъ особаго довольно обширнаго изслѣдованія.

названіе въ различныхъ мѣстностяхъ: въ Литвѣ называлась она *службою*, на Волынѣ и въ Полѣсьи *дворищемъ*, въ Украинѣ *осподлымъ дымомъ*; термины эти нельзя считать за однозначущіе по размѣру; такъ напримѣръ, Литовская служба была больше Волынскаго дворища; по словамъ Волынскихъ дворянъ, которыя впрочемъ, легко заподозрить въ преувеличеніи по самой ихъ цѣли, даже и два дворища не стоили одной службы ¹⁾; дворища Полѣскія были значительно больше, заключаая въ себѣ по нѣскольку отдѣльныхъ хозяйствъ или дымовъ ²⁾. Вообще размѣръ хозяйствъ при этой системѣ дѣленія, т. е. равнѣ измѣренія земель, могъ быть опредѣляемъ только приблизительно, по глазомѣру, и значительныя колебанія его доказываются различною цифрою чиншей, платимыхъ съ разныхъ дворищъ въ одномъ и томъ же имѣніи ³⁾. Въ настоящемъ томѣ находится актъ, опредѣляющій размѣръ одного дворища, на какихъ помѣщалось по два крестьянскихъ хозяйства: здѣсь перечислены земли, составлявшіе дворище, по счету на дни, т. е. по тому количеству времени, какое нужно для вспашки извѣстнаго пространства; точно такъ же величина сѣнокосовъ опредѣлялась по числу *косарей*, какое нужно для ихъ уборки въ одинъ день косьбы. Въ упомянутомъ актѣ количество земли одного дворища показано: пахатной въ нѣсколькихъ мѣстахъ болѣе 76 дней, сѣнокосовъ на 26 косарей и свободный вѣздъ въ лѣса ⁴⁾. Счетъ земли на дни и на косарей сохранился во многихъ мѣстностяхъ Южной Руси до настоящаго времени, и обѣимъ этимъ величинамъ придается одно и тоже значеніе, при-

1) Памятники, т. IV, отд. 2, стр. 50

2) Памятники, т. III, отд. 2, стр. 158 и слѣд.

3) Тамже, стр. 19—56.

4) № VI, стр. 10; годъ 1526.

близительно около трех четвертей десятины. По этому расчету оказывается, что въ данномъ случаѣ къ дворищу принадлежало около 60 десятинъ пахатной и около 20 дес. сѣнокосной земли; очевидно, что хотя на такихъ дворищахъ помѣщалось и по два хозяйства, обезпеченіе ихъ земельными угодьями слѣдуетъ считать весьма достаточнымъ. Это благоприятное условіе стало измѣняться со введеніемъ и постепеннымъ распространеніемъ волочной системы хозяйства, при которой лучшіе участки земли выдѣлялись для устройства *фольварка*, помѣщичьей фермы, а остальные раздѣлялись на *волоки*, заключавшія въ себѣ около 19 нынѣшнихъ десятинъ каждая, а на этихъ-то участкахъ, естественно меньшихъ прежней величины крестьянской запашки, помѣщикъ селилъ по одному, а впоследствии по два и даже болѣе крестьянскихъ хозяйствъ, смотря по количеству ихъ рабочихъ силъ, а также и по тому отношенію, какое существовало въ данномъ имѣніи между числомъ населенія и пространствомъ обработанныхъ земель. Это расселеніе крестьянъ по отдѣльнымъ участкамъ было главною причиною сохранившейся до сихъ поръ въ Сѣверозападной Руси и на Полѣсьи дробности поселеній, нерѣдко состоящихъ изъ двухъ—трехъ дворовъ, которую иные современные изслѣдователи напрасно объясняютъ исключительно условіями мѣстности или особенностью народнаго характера Бѣлорусовъ и Полѣщуконъ, скорѣе всего—слонившагося именно подъ вліяніемъ указанныхъ историческихъ условій ¹⁾.

Такимъ образомъ въ Западной Руси существовало одновременно три системы крестьянскаго пользованія землею:

¹⁾ См. въ журналѣ «Знаніе» за 1875 г., кн. 5, библиографическую статью г. Вейдемана. Къ сожалѣнію, не имѣя теперь подъ рукою этой книги, не можемъ сдѣлать болѣе точной ссылки.

1) Древнѣйшая изъ нихъ, обусловливавшаяся сравнительной рѣдкостью населенія и обиліемъ незанятыхъ земель, основывалась исключительно на фактѣ перваго займа, внѣ всякаго вмѣшательства и контроля; ранѣе всего она должна была исчезнуть въ болѣе спокойныхъ и сравнительно гуще заселенныхъ мѣстностяхъ Сѣверозапада; самыя позднія указанія относительно признанія здѣсь права на земли на основаніи факта расчистки ихъ изъ подъ лѣса относятся еще къ XV вѣку ¹⁾. Но въ Юговосточной части государства такая форма пользованія удерживалась гораздо дольше; такъ еще въ половинѣ XVI вѣка мѣщане Житомирскіе пахали городскую землю «гдѣ хотѣли», точно также какъ жители Канева, Черкасъ, Чигирина, Корсуня, Звенигородки, Брацлава и другихъ южныхъ городовъ, территоріи которыхъ были раскинуты на огромныхъ пространствахъ незанятыхъ земель ²⁾; въ помѣщичьихъ имѣніяхъ этой мѣстности точное опредѣленіе крестьянскихъ земель начало вводиться лишь съ конца XVI столѣтія ³⁾.

2) Постепенное утилизиrowаніе годныхъ къ обработкѣ земель естественно вело къ упроченію пользованія ими за отдѣльными лицами и ихъ потомствомъ; тому же отчасти способствовало и вмѣшательство землевладѣльцевъ; такимъ образомъ возникло крестьянское землевладѣніе по службамъ, дворищамъ или дымамъ, дольше всего державшееся въ переходной полосѣ—на Волыни и частью въ полѣсьи ⁴⁾.

3) Позже всего введена система волочная, заимствованная

¹⁾ Ак. Южн. и Зап. Рос., I № 47.

²⁾ Новицкій, Мат. для ист. заселенія Кіев. губ. стр. 82 Арх. Ю.-З. Р., ч. IV т. I, в. № 21, 24, 32, 212, 213; 216, 317.—настоящій томъ № VIII.—Описаніе замковъ Каневского и Черкаскаго Рук Кіев. Арх. Комиссіи).

³⁾ № LXXVII, стр. 223—232.

⁴⁾ См. паур., № LXXV, стр. 32; № XXXVI, стр. 37; № XLIII, стр. 108; № XLIV, стр. 110; № XLV, стр. 111—116; № XLVII, стр. 117—126; № LXIII, стр. 200—202; № LXXXI, стр. 244—253.

отъ западныхъ сосѣдей и несоотвѣтственная вообще прежнему способу поселенія большимъ или меньшимъ общинами въ одномъ мѣстѣ. Система эта, представлявшаяся въ то время возможной высшей формой хозяйства съ точки зрѣнія помещиковъ, раньше всего привилась въ Сѣверозападной Руси, особенно въ тѣхъ ея частяхъ, которыя отошли къ Польшѣ, въ земляхъ Бѣльскою и Дрогичскою; изъ устной Бѣльской грамоты 1501 года можно заключать, что здѣсь дѣленіе земли на волоки существовало уже во времена Витовта ¹⁾; наиболее ранніе инвентари XVI вѣка въ этой мѣстности основаны уже на волочной единицѣ ²⁾. Но въ Руси Юго-западной волочная система встрѣчается лишь къ концу XVI вѣка ³⁾, а такъ какъ здѣсь она вводилась иногда въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ до тѣхъ поръ господствовало вполне свободное пользованіе землей, и не успѣла еще развиться даже переходная система подворнаго пользованія, — то населеніе относилось здѣсь къ ней особенно враждебно. — Мы находимъ указанія, что крестьяне не соглашались на ея введеніе и составленіе инвентарей, грозя въ такомъ случаѣ бросить землю и уйти всею массою въ другія мѣстности, такъ какъ по ихъ понятіямъ волоки и инвентари именно и составляли сущность закрѣпощенія ⁴⁾. Подобное сопротивленіе вре-

¹⁾ - Часу Витовта, когда у сакенно кмѣтвое были везавы, тогда вшекій кмѣтъ зъ волоки робить» *Ак. Зап. Рос.*, I, стр. 225.

²⁾ *Вил. Ар. Сб.* I, № 22, стр. 31; годъ 1536. — *Наст. томъ* № X, стр. 30; годъ 1552.

³⁾ № LXX, стр. 203 — 207; годъ 1590. — *Памятники*, т III, отд. 2, стр. 60—158; годъ 1598.

⁴⁾ „Wszyscy gromada krzykneli temi słowy: „Boże tego ucho-
way, aby my mieli włokami grunt sobie rozbiierać y w registr ple-
mienia swoje wpisać dali;... czego oycowie nasi y my
zami mieszkając już postarżeli się, a tego iako y nie-
tylko widzieli, ale o tym y nie słyszeli, abyśmy tak wymyślnie wło-“

стьянъ не всегда однако достигало цѣли, и нѣсколько позже въ той же самой мѣстности земли оказываются разнѣренными уже на волоки ¹⁾).

Значеніе этихъ трехъ различныхъ хозяйственныхъ формъ въ отношеніи къ экономическому состоянію крестьянъ въ такой мѣрѣ ясно изъ ихъ вышеуказанныхъ особенностей, что степень зависимости крестьянъ отъ землевладѣльца въ той или другой мѣстности не требуетъ даже сопоставленія абсолютныхъ величинъ повинностей, — достаточно знать, какая въ данномъ случаѣ практиковалась система крестьянскаго пользованія землею; сравненіе необходимо — да только тамъ оно и возможно, — гдѣ существовала одна и та же система. Первыя двѣ изъ этихъ системъ не требуютъ особыхъ объясненій: одна по своей первобытной простотѣ, основанной (послѣ раздачи земель шляхтѣ) на желаніи владѣльцевъ привлечь въ свое имѣніе колонистовъ, и потому мало видоизмѣнявшейся отбываніемъ въ годъ нѣсколькихъ рабочихъ дней на *толокахъ*, имѣвшихъ видъ скорѣе одолженія чѣмъ обязанности; вторая — по своей неопредѣленности, вытекавшей изъ фактическаго неравенства бытовыхъ условій каждаго земледѣльца, неодинаковости его рабочихъ силъ — человеческихъ и инвентаря, — а потому и разной величины запашки и сѣнокоса; крайности этихъ неравенствъ вызвали со стороны землевладѣльцевъ дѣленіе крестьянъ на разряды, на дворицныхъ, полудворицныхъ и огородниковъ, которые иногда были

kami mieć mieli; a to my zaraz, iako ludzie wolne, dawszy jego-
mości panu naszemu terazniejszemu, który nas trzyma, po groszy
dwadzieścia, wychodzim, i dokąd chcem przyidziem, a tu mieszkać
niebędziemy“...Taki rozruch między sobą uczyniwszy, a wszystkie po-
czeli się buntować“. № LXXVII, стр. 225; годъ 1593.

¹⁾ № CXIV, стр. 373.

и землепашцам¹⁾, а распределение повинностей дѣлалось уже сообразно этимъ дѣлениямъ, т. е. только съ приблизительнымъ соответствіемъ земельному надѣлу, а слѣдовательно и состоятельности. Что же касается системы волочной, то она, какъ наиболее искусственная и представляющая собою высшую степень землевладѣльческой регламентаціи крестьянскаго хозяйства, представляетъ болѣе цѣльности и послѣдовательности, а рядомъ съ тѣмъ отразилась и въ большемъ числѣ памятникѣ, такъ какъ требовала разнаго рода инструкцій и разъясненій.

Важнѣйшею изъ подобныхъ инструкцій является несомнѣнно «Устава на волоки господаря его милости у во всемъ великомъ князстве Литовскомъ», 1557 года, которою мы и воспользуемся для характеристики волочной системы²⁾. Нужно замѣтить впрочемъ, что у владѣльцевъ частныхъ, хотя основанія были и тѣ же, но подробности измѣнялись, обыкновенно не къ выгодѣ крестьянъ, какъ увидимъ это изъ инвентарей волочныхъ имѣній.

Существенныя особенности волочной системы состояли въ точномъ измѣреніи земель и разбивкѣ ихъ на участки одинаковой величины, въ раздѣленіи крестьянъ на разряды, съ надѣломъ членовъ каждаго разряда поровну и съ обложеніемъ ихъ поэтому одинаковыми повинностями. За единицу мѣры принималась волока и моргъ, составлявшій одну тридцать третью

1) № XLVII, стр. 123 — двадцать загородниковъ, которые ку огородомъ своимъ и роли мають».

2) Напечатана одновременно въ „Памятникахъ“ Киев. Ком. т. II, отд. 2, и въ Ак. Зап. Рос., т. III, № 19, стр. 72—95; хотя оба изданія располагали не однимъ и тѣми же списками, но различія ихъ ничтожны; для удобства проѣрки, наши ссылки сдѣланы не на страницы котораго либо изданія, а на статьи самаго устава.

часть ея; въ нынѣшнихъ мѣрахъ волока составить около 19 десятинъ, а моргъ—около 1400 кв. сажень. Такимъ образомъ крестьянское хозяйство, поселенное на волокъ, имѣло гораздо меньше земли, чѣмъ когда оно владѣло дворникомъ или хотъ половиною ея. Волоки, по мѣрѣ возможности, отмѣривались отрубными кусками, дѣлились на три смѣны по 11 морговъ каждая, и въ средней смѣнѣ опредѣлялось мѣсто для селѣдбы крестьянъ (ст. 36).

Земельные участки раздѣлялись на служебные, осадные и тяглые, сообразно роду повинностей, лежавшихъ на пользовавшихся ими крестьянахъ. Служебные люди подраздѣлялись еще по ихъ спеціальнымъ обязанностямъ на нѣсколько разрядовъ, а именно:

Путные бояре, избиравшіеся исключительно изъ старинныхъ поселенцевъ того же званія, обязаны были отирать подводную повинность, въ случаяхъ особеннаго требованія на нее; если же такого требованія не было, то они платили за землю чиншъ въ такомъ же размѣрѣ, какъ осадники. Изъ этихъ бояръ выбиралось нѣсколько *служекъ*, которые состояли постоянно при «дворахъ» для развозки писемъ посылокъ, денегъ и т. под., и земли ихъ были свободны отъ повинностей. Тѣ и другіе получали въ надѣлъ по двѣ волоки (ст. 1).

Бортники получали тоже по двѣ волоки, и на нихъ лежала обязанность военной службы; въ мирное время они платили повинности какъ осадники и мостили въ опредѣленныхъ мѣстахъ мосты; въ случаѣ высылки ихъ на мостовую работу сверхъ указанной, таковая засчитывалась имъ въ платѣжи (ст. 2).

Конюхи, состоя на службѣ, пользовались двумя волоками безплатно и бромъ того получали еще по четыре копы въ годъ (около 18 рублей нынѣшнихъ); свободные отъ службы платили за волоки подобно осадникамъ (ст. 3).

Третьльцы, обязанные являться на ловы и на войну, пользовались бесплатно двумя волоками; по желанію, могли брать еще и третью, съ платежемъ осадническаго чинша (ст. 4).

Дворные слуги находились на такомъ же положеніи какъ конюхи, кромѣ жалованья; тѣ изъ нихъ, которые состарились на службѣ, могли по особому разрѣшенію получать двѣ волоки бесплатно (ст. 5).

Осочники, т. е. полѣсовщики, обязанные оберегать пущи и участвовать въ ловахъ, пользовались двумя волоками безъ всякихъ повинностей (ст. 6).

Сельские войты исполняли обязанности прикащиковъ и ближайшей полицейской власти; присматривали за работами, за обозами, доносили уряду о всякихъ происшествіяхъ, смотрѣли за цѣлостью межевыхъ знаковъ и границъ; мѣстный урядъ, хотя и судилъ ихъ за проступки, но отрѣшала ихъ отъ должности только ревизоры, назначая новаго войта съ согласіемъ самихъ крестьянъ; въ нѣкоторыхъ случаяхъ имъ принадлежала и власть судебная: такъ по межевымъ спорамъ между крестьянами, они собирали кону, участвовали въ рѣшеніи дѣла и приводили его въ исполненіе. Каждому войту поручался участокъ около ста волокъ. За свою службу они получали одну волоку бесплатно, могли брать и другую за осадный чиншъ (ст. 7).

Лавники исполняли обязанность сельскихъ вижей, т. е. производили судебные осмотры и освидѣтельствванія, но волока ихъ не освобождалась отъ повинностей, а вознагражденіе получали по грошу «оглядного отъ шкеры» (ст. 8); слѣдовательно они, хотя и исполняли служебную обязанность, но въ сущности причислялись къ общей массѣ крестьянъ, которую составляли осадники и тяглые.

Осадниками назывались крестьяне, состоящие на оброкъ; при введеніи волочного хозяйства въ известной мѣстности, опредѣлялось число хозяйствъ, необходимое для обработки издѣльщиною фольварочной запашки; остальные затѣмъ облагались оброкомъ, платя съ волокн по 30 грошей чинша, и по бочкѣ жита или еще по 10 грошей; они обязаны были также отбывать 12 «толокъ» или заплатить за нихъ 12 грошей и убирать половину фольварковыхъ сѣнокосовъ (ст. 16).

Тяглые крестьяне, которыхъ было всего больше, получая по волокѣ, платили чиншъ и отбывали барщину. Величина чинша зависѣла отъ качества доставшейся крестьянину земли, которой принималось три разряда, обложенные по 91, по 12 и по 8 грошей, по 2 бочки овса, съ худшей земли по одной, или вмѣсто каждой 10 грошей (5 за хлѣбъ и 5 за отвозку), по возу сѣна или 5 грошей (3 сѣно и 2 отвозка), по гусю или 1½ гроша, по 2 курицы или 16 пѣнязей, по 20 яицъ или 4 пѣпязя, по 2 гроша «на неводы» и по 2½ «за стацию». Съ самыхъ плохихъ, песчаныхъ или болотистыхъ земель чиншъ полагался только по 6 грошей, и не вималось ни сѣна, ни овса. Барщины полагалась съ волокн по 2 дня въ недѣлю, и 4 дня толоки лѣтомъ; три недѣли въ году, на Рождество, мясопустъ и Пасху, были свободны, такъ что рабочихъ дней въ году выходитъ 102, а платежей и даней, по качеству земли, 53, 44, 30 и даже 13 грошей, т. е. почти по 4 р., 3 р. 30 к., 2 р. 25 к. и по 1 р. на наши деньги, — въ сущности гораздо больше сообразно тогдашней мѣновой пѣнности денегъ. Выражая все повинности въ рабочихъ дняхъ, получимъ, что за волоку тобывалось 128, 124, 117 и 108 дней въ году при 19-ти десятиномъ надѣлѣ (ст. 15, 16, 24-78).

Порядокъ отбыванія барщины былъ такой: по воскреснымъ днямъ войтъ объявлялъ крестьянамъ, въ какой день недѣли

назначена работа и какая именно: крестьяне должны были работать съ восхода и до заката солнца, при чемъ въ длинные лѣтніе дни трижды давался отдыхъ, тяглымъ по часу, а пѣшимъ по полчаса: передъ обѣдомъ, въ полдень и передъ вечеромъ. Невышедшій на работу въ назначенное время долженъ былъ отбыть свои дни послѣ и сверхъ того на первый разъ платилъ грошь штрафу (огурного), на второй давалъ барана, на третій подвергался тѣлесному наказанію «бичемъ на лавцѣ». Если невыходъ имѣлъ уважительную причину, то слѣдовало извѣстить о томъ войта, и тогда виновный освобождался отъ взысканія, а только отработывалъ прогулы (ст. 20, 22).

Крестьяне, поселенные на волокахъ, были, конечно, «тяглыми» и въ нынѣшнемъ смыслѣ этого слова, т. е. владѣли рабочимъ скотомъ; кромѣ ихъ при «дворахъ» существовали еще такъ называемые *огородники*, пользовавшіеся лишь небольшими участками въ 3 морга ($\frac{1}{2}$ волоки, $\frac{1}{4}$ десятины); они отбывали по одному дню въ недѣлю пѣшей барщины съ участка и кромѣ того шесть дней женской работы въ лѣто для жатвы или полотья огородовъ, что равняется 26-ти тяглымъ днямъ въ годъ, т. е. несравненно для нихъ дороже чѣмъ крестьянъ—пахарей. Впрочемъ, и денежная плата стояла гораздо выше за пользованіе мелкими участками, какіе оставались по границамъ дачъ въ отрѣзкахъ отъ цѣлыхъ волокъ (ст. 16, 17).

Изъ этого обзора видно, что вообще въ *королевскихъ* волостяхъ волочное хозяйство не представляло особенныхъ тягостей для крестьянъ. Нѣкоторыя стороны этого устройства были весьма рациональны и не лишены интереса даже и для настоящаго времени: повинности соразмѣрялись не только съ количествомъ, но и съ качествомъ земли; затѣмъ слѣдуетъ упомянуть о весьма благопріятномъ отношеніи между величиною крестьянской и фольварковой запашки: постановлялось,

чтобы на каждую волоку послѣдней приходилось не менѣе семи волокъ, находящихся въ пользованіи крестьянъ, которые состоятъ на барщинѣ ¹⁾. Слѣдуетъ, наконецъ, обратить вниманіе на нѣкоторыя особенности взыскапія платежей и даней: срокъ взноса ихъ былъ опредѣленъ осенью отъ св. Михаила до дня св. Мартина, т. е. съ 29 сентября по 11 ноября; въ это время приостанавливались всякія частныя взыскапія съ крестьянъ, и никто не могъ требовать съ нихъ долговъ. Въ случаѣ неуплаты до крайняго срока, урядъ производилъ разслѣдованіе о ея причинахъ, и если онѣ оказывались уважительными, то платежъ былъ слагаемъ; уважительными причинами признавались: пожаръ, смерть или тяжкая болѣзнь рабочихъ членовъ семьи, голодъ, градобітіе и вообще бѣдность (убожество). Если неплательщикъ, имѣя средства, не платилъ по своему «недбалъству», то его подвергали аресту впредь до уплаты. Рабочій скотъ признавался неотчуждаемымъ не только за долгъ или иное взыскапіе, но даже и за повинности (ст. 31, 32).

Волочный уставъ королевскихъ имѣній, разобранный нами для лучшаго уясненія этой системы хозяйства вообще, едва ли былъ въ употребленіи въ Югозападной Руси въ такомъ именно его видѣ: частныя владѣльцы, вводя волочную систему въ своихъ имѣніяхъ, очень часто и уменьшали крестьянскій надѣлъ, и увеличивали повинности: королевскія же имѣнія здѣсь были большею частью розданы въ частное владѣніе еще до изданія устава, а оставшіяся считались приписанными къ замкамъ, въ пользу старостъ которыхъ и шли почти всѣ повинности:

1) Ст. 24: «На зрѣбленіе пашни на каждую волоку абы было оставлено по семи волокъ осѣлныхъ подданныхъ пашныхъ, зъ колы и зъ клачами, поблизъ двора и пашни, которые по два дни въ тыждень служити мають, съ чимъ урядъ роскажетъ».

последнія были обратно пропорціональны той пользѣ, какую получало съ приписныхъ къ замкамъ сель собственнаго государства: гдѣ продолжала еще существовать обязанность военной службы, поддержки укрѣплений, полевой стражи и т. под., тамъ частныя повинности въ пользу старостъ были слабѣе, и наоборотъ. Для доказательства этого рассмотримъ повинности жителей въ отношеніи девяти замковъ Югозападной Руси, описанія которыхъ, составленныя также въ половинѣ XVI вѣка, въ 1545 и 1552 годахъ, извѣстны намъ по настоящее время ¹⁾. При этомъ разсмотрѣніи будемъ держаться географическаго порядка, съ Сѣверозапада на Юговостокъ, последовательно укажемъ характеръ и размѣръ повинностей съ жителей, приписанныхъ къ Владимиру, Луцку, Бременцу, Овручу, Житомиру, Кіеву, Каневу, Черкассамъ и Брацлаву.

Юридическія и бытовыя условія, въ какихъ находились различные замки, были неодинаковы. Замки Волынской земли въ значительной степени утратили свое государственное значеніе и представляли собой только безопасное мѣсто для сохраненія имущества пановъ на случай Татарскаго набѣга. Замки эти, хотя и содержавшіеся исправнѣе Поднѣпровскихъ, были однако же бѣднѣе ихъ: послѣдніе сохранили еще за собою значительную долю приписанныхъ къ нимъ королевскихъ имѣній, доставлявшихъ и доходы и военную силу, тогда какъ на Волыни почти всѣ замковыя имущества были розданы князьямъ, панамъ и землянамъ, а о военной службѣ мѣщанъ или припис-

¹⁾ Описаніе Волыпскихъ замковъ въ «Памятникахъ» Кіев. Ком., т. IV, отд. 2.—Овручъ—въ Арх. Ю.-З. Р., ч. IV, т. I.—Житомиръ—въ Матер. для ист. засел. Кіев. губ.—Кіевъ, Каневъ и Черкасы, въ неизданной еще копіи изъ книгъ Лит. Метрики, спятой членомъ Комиссіи г. Лебединцевымъ.—Брацлавъ—въ наст. томѣ, № VIII.

ныхъ волостей нѣтъ даже и помину; здѣсь выступаетъ на первый планъ сословіе землевладѣльческое; пользуясь своей многочисленностью и силою, оно уже успѣло скинуть съ себя бремя замковыхъ повинностей, неся ихъ лишь настолько, насколько это казалось необходимымъ каждому отдѣльному лицу для укрѣпленія принадлежащей ему замковой башни или городни. Постоянные платежи или дани въ пользу замка съ землянскихъ имѣній болѣе не существуютъ, а устанавливаются лишь временно, въ случаѣ крайней нужды въ перестройкахъ, и то въ самыхъ незначительныхъ размѣрахъ ¹⁾. Тягости, лежащія на горожанъ и крестьянахъ возрастаютъ, такъ какъ при пожалованіи кому-либо приписныхъ къ замку селъ, новые владѣльцы перестаютъ выполнять лежавшія прежде на этихъ селлахъ повинности, падающія теперь на однихъ горожанъ и на оставшіяся села; жалобы податного сословія, подтверждаемыя грамотами прежняго времени, не ведутъ ни къ чему; могущественные магнаты не хотятъ даже давать объясненій по этимъ жалобамъ, какъ поступили, напримѣръ, князья Чарторыйскіе, когда королевскій ревизоръ захотѣлъ разсмотрѣть требованія Владимирскихъ мѣщанъ о повинностяхъ съ имѣнія Литовижа, принадлежавшаго къ *Владимирскому* замку, а потомъ пожалованнаго Чарторыйскимъ ²⁾. Единственная оставшаяся къ половинѣ XVI вѣка при этомъ замкѣ волость, Смединская, подвергается разоренію отъ другого магната, Ковельскаго и Выжевскаго владѣльца, Семашка, захватывающаго Смединскіе поля, луга и грабящаго крестьянъ, такъ, что, по выраженію Владимирскихъ мѣщанъ, если не будетъ имъ обороны, то «оная волость на

¹⁾ Съ десяти человекъ по одному бусу и по работнику; съ 20 человекъ мѣра муки. Памятники, т. IV, отд. 2, стр. 20.

²⁾ Памятники, т. IV, отд. 2, стр. 62, 65.

конецъ згинеть, и люди розойдутся, и замокъ Володимерскій безъ той волости не будетъ ни за что стоять». Слова эти почти вполнѣ оправдались вполсѣдствіи, когда новый владѣлецъ Ковля, князь Курбскій, окончательно разорилъ Смединскую волость, прямо заявляя Смединцамъ, что за сопротивленіе онъ будетъ ихъ вѣшать ¹⁾. Между тѣмъ на мѣщанахъ, какъ упомянуто выше, лежали всѣ прежнія повинности: они платили и серебщицу, и ордынщину, да кромѣ того на нихъ же переложена обязанность доставлять продовольствіе при проѣздѣ пословъ, лежавшая прежде на приписныхъ волостяхъ, а частью выполнявшаяся посредствомъ пошлиннаго сбора. Всѣ эти налоги дѣлались еще тяжелѣе оттого, что въ нихъ принимали участіе не всѣ мѣщане: тѣ, которые поселились въ городѣ на землянскихъ участкахъ, упорно отказывались отбывать какія бы то ни было повинности и не хотѣли даже починять городской стѣны.

Въ *Луцкѣ* были не лучше, порядки и мѣстные земляне, хотя еще не вполнѣ сравненные въ правахъ съ Польскою шляхтою, мало уступали ей въ своеволіи, самоуправствѣ и неповиновеніи верховной власти; замокъ въ неисправности, постройки дѣлаются непрочны, хотя къ одной городнѣ приписано по семи и по восьми пановъ, а къ самымъ меньшимъ по четыре и по пяти, «просто немашь на што глядити и хвалити»; деревянныя укрѣпленія растаскиваютъ на дрова, а присмотрѣть некому, «каждый собѣ старшій, и за тымъ жадное рядности и sprawy доброе нѣтъ»; стража у воротъ замка не приноситъ никакой пользы, ибо сторожей бьютъ и врываются

¹⁾ Жизнь кн. Курбскаго въ Литвѣ и на Волыни, т. I, стр. 5: «Если ся будутъ Смединцы у кругнъ мой Вижовскій вступовать, тогда ихъ кажу имать и вѣшать».

силою, «сторожа одного князь Буремльскій по шны тьялъ самъ своею рукою, за малымъ ему шны не впала». И тѣ же самыя земляне, самовольствуя въ городѣ, не даютъ ничего со своихъ людей, живущихъ въ Луцкѣ, захватываютъ мѣщанскія земли, берутъ съ нихъ по дорогамъ большія проѣзжія пошлины, вопреки великокняжескимъ и королевскимъ грамотамъ, и т. под. При Луцкомъ замкѣ, лежавшемъ далѣе Владимира отъ границъ Польши, и въ Полѣсья, уцѣлѣло еще значительное число приписныхъ имѣній, всего 30 деревень и въ нихъ 124 дворища крестьянъ, кромѣ того 11 рыбаковъ и 3 огородника. Повинности крестьянъ въ пользу замка были различныя, но вообще имѣли значеніе исключительно хозяйственное: изъ тридцати деревень только въ двухъ еще были замковые слуги, обязанныя конною службою, всего одиннадцать дворищъ. Остальные крестьяне должны были возить дерево, косить сѣно, поставлять желѣзо съ рудни, давать подводы на потребности старосты и ключника, и почти всѣ ходили на барщину во все весеннее и лѣтнее время, пользуясь впрочемъ въ зимнее время льготою ¹⁾. Когда Луцкимъ державцей былъ князь Константинъ Острожскій, то ввелъ для двухъ селъ новую повинность: прокармливать всю зиму содержимыи въ одномъ изъ замковыхъ имѣній скоть. Такимъ образомъ мы видимъ, какъ княжескіе намѣстники, державцы или старосты, вмѣсто прежняго своего назначенія — быть представителями верховной власти и начальниками военныхъ силъ повѣта, превращались постепенно во временныхъ помѣщиковъ, владѣльцевъ бенефицій, изъ которыхъ они старались извлекать только доходы въ свою пользу, къ ущербу земли, городовъ и даже фиска: не прошло еще и двадцати лѣтъ съ изданія Си-

¹⁾ Памятники, т. IV. отд. 2, стр. 161—167

гизунда I устава для своихъ державцевъ и урядниковъ въ Литвѣ, которымъ оны предоставлялъ имъ только третью часть доходовъ, и то далеко не всѣхъ ¹⁾, а между тѣмъ въ Луцкѣ находимъ такое отношеніе: съ приписныхъ къ замку сель и людей приходится въ годъ господарю денежной дани 1 копа 36 грошей, староста же получалъ деньгами 19 копъ 40 грошей, да сверхъ того большія количества ржи, овса, куръ, яицъ, бѣлаго и чорнаго хлѣба, пряжи и нитокъ, лисицу и 30 бѣлокъ, доходъ съ пашни и другіе «мелкіе» приходы. Старосты, при составленіи описаній замковъ, многіе доходы скрывали, вовсе о нихъ не упоминая; такъ Владимирскій староста перечислялъ изъ замковыхъ доходовъ всѣхъ сборовъ только на 130 копъ грошей, а комиссары стороною узнали о нѣкоторыхъ пропущенныхъ статьяхъ, приносящихъ старостѣ болѣе 250 копъ въ годъ, что составляетъ, по количеству чистаго металла около 1100 нынѣшнихъ серебряныхъ рублей, но по мѣнковой цѣнности того времени несравненно больше.

Кременецъ и его повѣтъ, еще не вполне оправившійся отъ Татарскихъ разореній въ концѣ XV вѣка, находился въ нѣсколько исключительномъ положеніи, такъ какъ здѣсь самымъ крупнымъ землевладѣльцемъ была королева Бона, и потому здѣсь сохранилось еще довольно имѣній, тянувшихъ къ замку. Въ восемнадцати замковыхъ селахъ было 275 дворовъ, изъ коихъ 31 отбывали конную службу, а остальные сидѣли на тягѣ; повинности послѣднихъ были сравнительно очень легки, такъ какъ барщины они работали всего по шести дней въ годъ со двора, а дани натурою были самыя ничтожныя.

Изъ замковъ земли Кіевской, въ *Оаручь* повинности были также не велики; горожане, неизвѣстно по какой причинѣ,

¹⁾ № VII, стр. 11.— Акты Зап. Рес., т. II, № 159, стр. 195.

были съ нѣкотораго времени вовсе освобождены отъ барщины; за то на нихъ лежало, вмѣстѣ съ другими сословіями, содержаніе полевой сторожи; обязанность военной службы тоже лежала въ одинаковой степени на мѣстныхъ землянахъ, боярахъ, путныхъ слугахъ и мѣщанахъ. Замковые доходы заключались преимущественно въ торговыхъ, судебныхъ и питейныхъ пошлинахъ, подымщину по грошу съ дома платили всѣ жители города одинаково, безъ различія сословій. Ордынскіе слуги и мѣщане палевицкіе (?), при нѣкоторыхъ другихъ повинностяхъ, ѣздили при гонцахъ въ Орду и тоже служили конемъ; военная служба падала даже и на волощанъ, т. е. на врестьянъ, приписанныхъ къ замку, другіе давали денежные и медовыя дани, но о барщинѣ вовсе не упоминается.

Въ *Житомирѣ* также путные слуги и мѣщане должны были ѣздить на войну при старостѣ или его намѣстникѣ, обязанность же давать подводы и стациі вознаграждалась для нихъ безошлинной питейной торговлей. Пахатною землею горожане пользовались бесплатно на милю отъ замка, но земьяне или ихъ крестьяне за пользованіе замковыми землями должны были давать десятину. О барщинѣ нѣтъ упоминаній и здѣсь, волощане давали только извѣстные платы и дани, притомъ безъ различія сословій.

Повинности *Кіевскихъ* мѣщанъ заключались исключительно въ военной службѣ, содержаніи стражи при замкѣ и починкѣ городской ограды; ремесленники должны были давать воеводѣ дань натурою, преимущесвенно предметами одежды и вооруженія — луки, стрѣлы, топоры, сапоги. Изъ жителей замковыхъ селъ нѣкоторые должны были ѣздить при воеводѣ на службу и на ловы, другіе доставляли на замокъ дрова, сѣно, медъ, и кромѣ того работали по три дня въ годъ барщины. При описаніи замка они заявили жалобу, что воевода, князь Фридрихъ

Пряскій, вводитъ имъ «повяну», —заставляетъ работать больше прежняго и собираетъ куры и яйца. Всего при замкѣ считается 10 селъ, да кромѣ того 19, принадлежащихъ монастырю Печерскому, но дающихъ дань на замокъ, и 12 митрополичьихъ, жители которыхъ должны были отбывать военную службу. Землянскихъ имѣній въ повѣтѣ вовсе не упомянуто.

Жители *Канева* и его округа всѣ одинаково участвовали въ постройкѣ городской ограды, содержаніи стражи и военной повинности; одинаково и бояре, и мѣщане, и крестьяне давали также подводы и стациа для пословъ или гонцовъ; заслуживаетъ вниманія то обстоятельство, что работать на замокъ обязаны были одни бозаки, упоминаемые или какъ временно пребывающіе въ городѣ зимою пришельцы изъ степи, или какъ наемные работники у другихъ горожанъ. Пахатныя земли и пашьки замковыхъ людей были свободны отъ повинностей, но при ревизіи заявлена жалоба, что князь Дмитрій Путивльскій сталъ требовать десятины въ свою пользу. Тѣ же повинности, какія выполняли горожане, должны были отбывать и крестьяне земленскіе, постоянно или временно живущіе при замкѣ, не исключая и военной службы. Въ пользованіи городскихъ жителей находилось множество разнаго рода угодій, — пашьки, бобровыхъ гоней, рыбныхъ озеръ и т. под., раскиданныхъ на огромномъ пространствѣ, по Днѣпру, Роси, Сулѣ, Удаю, Пселу и другимъ рѣкамъ, даже на Самари; за пользованіе этими угодьями жители давали часть получаемыхъ доходовъ натурою или платили небольшую денежную аренду.

Такими же привольями пользовались и жители двухъ южныхъ замковъ, *Черкасъ* и *Брацлава*, съ тою лишь разницею, что въ округѣ послѣдняго города, лежащаго ближъ къ Польшѣ, существовало, хотя и немногочисленное, населеніе землянъ, почти отсутствовавшее въ Черкасахъ. Земельныя угодья были оди-

наково богаты; Черкасскіе мѣщане пахали, «гдѣ хотятъ», «уходы» ихъ простирались отъ Тясмина, Ворскла и Орели до Днѣпровскихъ пороговъ, Самари и Тавани. О богатствѣ Брацлавскихъ мѣщанскихъ пасѣкъ, простиравшихся нерѣдко «на три мили», упомянуто уже выше, равно какъ и о томъ, что здѣсь захватывали земли разныя личности неизвѣстнаго происхожденія именовавшія себя землянами, но самыя имена которыхъ мало подтверждаютъ такое завѣреніе ¹⁾).

Мы изложили существенныя черты экономическаго быта городовъ Югозападной Руси, съ приписнымъ къ нимъ сельскимъ населеніемъ, въ послѣдовательности отъ Сѣверозапада къ Днѣпръ-Полямъ, и видимъ, что мѣстныя различія вполне согласуются съ изложенными выше общими замѣчаніями: чѣмъ дальше къ Югу и Востоку, тѣмъ слабѣе преобладаніе земель, тѣмъ меньше различій между сословіями, просторнѣе и привольнѣе житье, а виѣстѣ съ тѣмъ легче и повинности. То же самое повторяется и позднѣе, когда шляхетское сословіе стало усиливаться и въ Украинѣ, но нивогда здѣсь экономическій гнетъ его не доходилъ до такой степени, какъ въ Полѣсьи и даже на Воляни.

Изъ помѣщичьихъ имѣній наиболѣе ранніе инвентари, т. е. уставныя грамоты, соответствующія волочному уставу имѣній королевскихъ, дошли до насъ только со второй половины XVI вѣка, по крайней мѣрѣ въ Югозападной Россіи. Въ нихъ, конечно, встрѣчается только организація подворищная или волочная, такъ какъ самое составленіе инвентаря служитъ доказательствомъ, что свободное пользованіе землею уже прекратилось.

¹⁾ Напримѣръ; Мормули, Кудрепки, Козары, Мишко Чоргъ, Хруць, Митко Золотарь, Комары, Дмитръ Звенигородецъ и т. под. см. № VIII, стр 26.

Древнѣйшій инвентарь Югозападной Руси относится къ Заборольскому имѣнію въ Луцкомъ повѣтѣ и къ 1566 г. ¹⁾; въ немъ нѣтъ еще ни дѣленія земель на опредѣленные участки, ни дѣленія крестьянъ на разряды, ни точнаго опредѣленія повинностей, а только перечислены крестьяне и количество ихъ рабочаго скота: это заставляетъ насъ видѣть въ немъ инвентарь такъ сказать первобытный, вопреки мнѣнію Иванисева, объяснявшаго его особенности только тѣмъ, что Заборолье было населено исключительно людьми отчизными; объ этомъ нѣтъ прямого указація въ актѣ, и почтеннаго изслѣдователя очевидно ввело въ заблужденіе упоминаніе инвентаря, что крестьяне «на роботу повинни слухати, якъ роскажуть»; кромѣ того они давали дань—по мацѣ овса *отъ вола*, что равно указываетъ на недостатокъ регулированія поземельныхъ отношеній. Судя по количеству скота, Заборольскіе крестьяне хотя и не отличались особенной зажиточностью, но не терпѣли и нужды: на 62 хозяйства было 46 лошадей и 94 вола, т. е. 140 штукъ рабочаго скота.—Заборольскій инвентарь единственный изъ извѣстныхъ намъ по своей первобытной неопредѣленности ²⁾.

Инвентари подворищные XVI вѣка, помѣщенные въ настоящемъ томѣ, а равно и изданные раньше, относятся почти исключительно къ Волинскому воеводству, и притомъ только къ повѣтамъ Владимирскому и Луцкому, что объясняется неразобранностью древнихъ книгъ повѣта Кременецкаго, по боль-

¹⁾ Памятники, т. III, отд. 2, стр. 1—16.

²⁾ Иванисевъ указываетъ содержаніе еще четырехъ «подобныхъ» инвентарей имѣній, населенныхъ, по его выраженію, вотчинными людьми; но упоминаніе въ нихъ дворницъ и соотвѣтственный приемъ обложения повинностями—указываютъ на начавшуюся уже регуляцію хозяйства. Памятники, т. III, предисловіе, стр. IX.

шей части разбитыхъ и полуистлѣвшихъ. Кромѣ одного такого инвентаря, воищеннаго въ «Памятникахъ • Кіевской Коммисіи (III, отд. 2, стр. 17—59), теперь издаются еще нѣсколько, которые здѣсь и перечислимъ по мѣстностямъ, а тогда сдѣлаемъ изъ нихъ общіе выводы. Инвентарь Вышкова въ Луцк. повѣтъ, 1572 г., Цева, Луцк. пов., 1573 г., Григоровичъ, Луцк. пов., 1582 г., Конюховъ, Завидова и проч., Влад. пов., 1582 г., Житановъ, Влад. пов., 1585 г., и Верховъ, Луцк. п., 1589 г. ¹⁾).

Дворища въ нѣкоторыхъ случаяхъ бывають здѣсь неодинаковой величины, сообразно съ чѣмъ измѣняется и платежъ за нихъ; но по большей части дворище принимается за извѣстную опредѣленную единицу, обложенную налогомъ одинаковымъ для всѣхъ, а поселенные на нихъ крестьяне получали названіе подворищныхъ, позднѣе тяглыхъ. Иногда, вслѣдствіе постепеннаго уменьшенія крестьянскихъ надѣловъ, встрѣчаются уже крестьяне, поселенные на дворищахъ по двое, причемъ они считаются за одно общее хозяйство, или владѣющіе отдѣльно половиною дворища; первымъ дается названіе потужныхъ, а послѣднимъ полудворищныхъ. Въ нѣкоторыхъ селахъ упоминаются еще бояре, огородники, подсуѣдки, халупники и вольники. Вотъ ихъ повинности съ дворища, съ оцѣнкою по Статуту 1588 г. и съ передоженіемъ платы въ рабочіе дни; цѣну рабочаго дня мы принимаемъ въ 2 гроша, сообразно одному указанію 1583 года ²⁾).

Въ Черногородскомъ имѣніи, состоявшемъ изъ 15 селъ, дворища и платежи были весьма разнообразной величины; раз-

¹⁾ См. № XXXV, стр. 92—93; № XXXVII, стр. 97; № XLIII, стр. 108—109; № XLV, стр. 111; № LV, стр. 148—149; № LXVIII, стр. 200—202.

²⁾ № L, стр. 133.

мѣръ барщины не былъ точно опредѣленъ; кромѣ того медовая дань опредѣлялась общемою цифрою со всего села, такъ что этотъ инвентарь не можетъ служить для точнаго опредѣленія повинностей.

Въ Вышковѣ (годъ 1572) 5 дворищъ было занято 8-ю крестьянами, съ которыхъ шла «боярская служба» состоявшая частью и въ денежномъ платежѣ; остальные 6 дворищъ были заняты 13 крестьянами, состоявшими на барщинѣ, но размѣръ ея не указанъ. Огородники въ числѣ 7, названы здѣсь подсу-сѣдками и одинъ въ избѣ (халупѣ) безъ огорода.

Въ Цевовѣ (годъ 1573) было 10 подворищныхъ крестьянъ, обязанныхъ ходить на работу ежедневно; какъ видно изъ другого акта, такая работа была въ сущности полудневною ¹⁾. Кромѣ того съ дворища давали по 6 грошей, по 8 мацъ овса (76 гр.) и по 2 курицы (4 гр.). Это все вмѣстѣ составить по указанному расчету 190 рабочихъ дней.

Въ Григоровичахъ (годъ 1582) работали крестьяне съ дворища по 5 дней въ недѣлю, кромѣ того пахали на парь и на ярину по 4 дня; давали по 4 мацы овса, по 6 грошей, по 3 курицы, по возу сѣна, что все равняется 279 днямъ работы. Огородники работали по 3 дня лѣтомъ и по 2 зимою, давали по 3 гроша и по курицѣ; все это составить 127 дней.

Въ Конюхахъ (годъ 1582) 8 крестьянъ владѣли полными дворищами, а 4 половинами; съ дворища шло по 8 мацъ овса, по полкопы деньгами, по 2 курицы; работать обязаны были по приказанію; дополнительныя повинности равны 55 рабочимъ днямъ. Огородники, работая по 2 дня; давали по 6 грошей и по курицѣ,—всего на 102 дня. Въ другихъ селахъ того же имѣнія повинности были почти тѣ же, а именно: въ Млыновѣ.

¹⁾ № XLIV, стр. 110.

(1 полное двориче и 11 половинъ) тоже.—Въ Бѣлопольѣ (8 двор. и 19 полудвор.)—тоже; съ 4 огородниковъ на 103 дня, съ 12 подсуѣдговъ на 49 дней.—Въ Кутахъ дополнительная повинность равнялась 50 днямъ, огородничья—тоже 103. Въ Деречинѣ дани не превышали стоимости 15 дней.—Въ Занидовѣ онѣ стоили 60 дней.

Въ Житанахъ (годъ 1585), гдѣ на каждомъ дворичѣ жило по 2 и даже по 3 крѣстьянина, вся повинность съ дворича простиралась до 207 дней, причемъ здѣсь являются и новыя названія платежей, какъ «сторожевые», «орѣховые»; съ огородниковъ приходилось по 101 дню.

Наконецъ въ Верховѣ (годъ 1589) кромѣ сторожевого упоминается еще «пороховое», и вимались еще налоги, не поддающіеся оцѣнкѣ,—десятина со свиней, овецъ и пчель; овесъ вимался по четверику отъ вола; остальные дани и собственно барщина не превышали 160 дней.

Изъ приведенныхъ данныхъ видно, что повинность огородниковъ была равномѣриѣ, около 100 дней, или, по тогдашней стоимости работы, около 8 рублей на наши деньги; повинность же подворичныхъ колебалась—вѣроятно, сообразно удобствамъ имѣнія, между 190 и 290 днями, или по оцѣнкѣ между 15 и 23 нынѣшними рублями съ дворича. Сопоставляя, для большей ясности, тогдашнюю цѣну труда съ цѣною хлѣба, именно ржи, получимъ, что огородникъ отработывалъ и отдавалъ стоимость 27 нынѣшнихъ четвертей ржи, а подворичный отъ 55 до 81 четверти. Это сопоставленіе цифръ приводитъ насъ къ весьма интересному выводу; что впродлженіи послѣднихъ 300 лѣтъ цѣность хлѣба возрастала несравненно быстрѣе, чѣмъ цѣнность труда, т. е. что теперь отношеніе между этими цѣностями гораздо менѣе выгодно для рабочаго, чѣмъ было въ концѣ XVI в. Конечно, подобный выводъ, сдѣланный нами только мимоходомъ

и приблизительно, имѣетъ пока только проблематическое значеніе и нуждается въ болѣе обстоятельной проверкѣ путемъ изслѣдованія измѣненія цѣнностей вообще.

Замѣчательно, что ни въ одномъ изъ печатаемыхъ нынѣ инвентарей подворищныхъ имѣній не упоминаются прихожіе люди или вольники; повидимому ихъ отталкивала существовавшая здѣсь въ значительныхъ размѣрахъ барщина, такъ какъ вообще крестьяне предпочитали даже и тяжелые платежи отбыванію издѣльной повинности. Такъ мы находимъ упоминаніе, что крестьяне упрашивали своихъ владѣльцевъ «осадить ихъ на чиншѣ, а отъ работы своею вызволить» ¹⁾. Съ другой стороны, землевладѣльцы, находя для себя гораздо болѣе выгоднымъ имѣть барщипниковъ, чѣмъ арендаторовъ земли за деньги, составляли даже формальныя стачки противъ вольниковъ и опредѣляли большія денежные взысканія противъ шляхтичей, которые примутъ къ себѣ поселенцевъ на условіяхъ денежнаго платежа. Въ этомъ отношеніи особенно интересенъ «уставъ о похожихъ людяхъ» составленный и принятый на сеймѣ дворянствомъ воеводства Полоцкаго и Витебскаго въ 1551 году. Постановляя условія, какихъ однообразно должны держаться всѣ землевладѣльцы при поселеніи у нихъ вольныхъ людей, шляхтичи обязались взаимно перевести на то же положеніе и всѣхъ тѣхъ слободичей, какіе живутъ у нихъ на ту пору; для нарушителей же своего устава опредѣляютъ штрафъ въ 500 копъ или въ двѣ слишкомъ тысячи нынѣшнихъ рублей въ пользу господаря. Условія, на которыхъ постановлено принимать вольниковъ, заключались въ слѣдующемъ:

Поселенецъ долженъ былъ отдавать владѣльцу четвертую часть всего урожая, смолотить эту часть подъ надзоромъ

¹⁾ № XXXVI, стр. 94.

владѣльческаго посланнаго, корми при этомъ послѣдняго, и свезти ее владѣльцу; меду долженъ былъ отдавать половину. Сверхъ того онъ обязанъ былъ четыре раза въ годъ работать по два дня на барщинѣ, отработать восемь дней «толоки» и ходить на ловы. Если бы онъ не захотѣлъ принять этихъ условій и предпочелъ перейти вполнѣ на барщину, то долженъ былъ работать по два дня въ недѣлю и 8 дней толоки. т. е. 106 дней въ годъ. Дальнѣйшія постановленія опредѣляютъ порядокъ выхода вольнаго человѣка изъ имѣнія, условія льготы для поселяющихся «на сыромъ корени», т. е. въ нераспаханной пустоши, и т. д. ¹⁾ Два года спустя дворяне вошли съ представленіемъ къ королю о томъ, что на его земляхъ условія поселенія болѣе льготныя, а потому прихожіе люди бѣгутъ изъ частныхъ имѣній въ королевскія, и король согласился ввести тотъ же уставъ и въ своихъ имѣніяхъ ²⁾.

Естественно, что съ постепеннымъ и довольно быстрымъ распространеніемъ тяжелыхъ условій крѣпостнаго права съ Сѣверо-запада на Полѣсье и Волинь, прихожіе люди стремились далѣе въ Украинскія воеводства, гдѣ еще въ концѣ XVI вѣка условія поселенія были гораздо легче. Въ настоящемъ томѣ находится нѣсколько инвентарей того времени, относящихся къ сосѣднимъ даже съ Волинью мѣстностямъ Кіевского воеводства, и ни въ одномъ изъ нихъ о панщинѣ вовсе не упоминается; за то здѣсь часто встрѣчаются поселенія слободъ съ продолжительными льготами отъ всякихъ повинностей. Такъ въ спискѣ крестьянъ м. Ловкова и с. Мократичъ, 1582 г., находимъ, что здѣсь было 7 крестьянъ отчичей или засѣдѣлыхъ, 6 данниковъ давали всего 8 ведеръ меду, а остальные 15 названы

¹⁾ Памятники, т. 1, отд. 2, стр. 8—14.

²⁾ Тамже, стр. 15—19.

людьми куничными, т. е. свободными поселенцами за плату ¹⁾. Въ 1585 г. панъ Тышкевичъ, отдавши въ аренду свое имѣніе Пулины, тѣмъ не менѣе объявилъ желающимъ тамъ селиться двадцатилѣтнюю льготу, причемъ упоминается и о вропаномъ «водлугъ обычаю» столбѣ ²⁾. Когда составлялся въ 1599 г. первый инвентарь Слободищскаго имѣнія, то оказалось, что только 70 жителей города Старыхъ Слободищъ платили по 20 грошей и работали было по 3 дня *въ годъ*, но и это было съ нихъ сложено владѣльцемъ; въ прочихъ же 22 мѣстностяхъ этого огромнаго и многоземельнаго имѣнія, въ которыхъ было 857 дворовъ, никто не платилъ никакихъ повинностей; мѣщане г. Кюдни объясняли при этомъ, что они помогаютъ иногда въ уборъ ѣ хлѣба, но только по своей доброй волѣ, за угощеніе, и то не больше одного дня ³⁾. Въ томъ же актѣ упоминается и о дани съ вышеупомянутаго села Пулинъ въ Полѣсьи: съ 50 дворовъ этого села шло всего 10 конь грошей да 14 ведеръ меду ⁴⁾. Даже въ Полѣсьи Овручскомъ, въ инвентарѣ обширной Веледницкой волости, 1595 г. заключается только списокъ крестьянъ, но о повинностяхъ не упоминается ⁵⁾. Въ послѣднихъ годахъ XVI вѣка Кіевскій бискупъ Верещинскій селилъ слободы на обширныхъ пространствахъ Хвастова и Дорогинки ⁶⁾.

Неудивительно, что здѣсь и крестьянская состоятельность была гораздо выше; въ Житомирскомъ повѣтѣ крестьяне впрягали въ плуги по десяти быковъ ⁷⁾, а еще южнѣе, въ Брацлавскомъ воеводствѣ, стоимость имущества 26 крестьянскихъ

1) № XLVI, стр. 116—117.

2) № LIV, стр. 146.

3) № LXXVII, стр. 223—232

4) Стр. 226.

5) № LXXXI, стр. 244—253.

6) № LXXXVI, стр. 261—262.

7) № LXIV, стр. 179.

семействъ показана свыше 4000 копъ, т. е. 12000 рублей. — сумма по тому времени огромная ¹⁾.

Волоочная система въ XVI вѣкѣ едва еще только начинала проникать въ предѣлы Волыни; мы встрѣтили ее только въ двухъ сѣверныхъ мѣстностяхъ этого края, и повинности оказываются здѣсь выше, чѣмъ въ имѣніяхъ подворищныхъ. Такъ въ Мытищахъ Луцкаго повѣта съ волоки работали полдня ежедневно, давали полкопы и гурицу, что все составляетъ 163 дня ²⁾. Далѣе къ Сѣверозападу, въ Койленскомъ имѣніи Владимирскаго повѣта, панщина и стоимость повинностей доходила даже до 233 дней ³⁾. Для сравненія высоты этихъ повинностей съ приведенными выше подворищными, не слѣдуетъ упускать изъ виду, что волока было четверо меньше, чѣмъ двориче.

1) № XLVII, стр. 117—126.

2) № XLIV, стр. 110.

3) № LXX, стр. 203—207.

IV.

*XVII вѣкъ.—Инвентари въ первой половинѣ столѣтія.—Возста-
ніе Хмельницкаго.—Вліяніе козацкихъ войскъ на бытъ крестьян-
скаго сословія.*

Девять актовъ настоящаго тома, поясняющихъ повинности крестьянъ въ первой половинѣ XVII вѣка, за исключеніемъ одного только, всѣ относятся къ Волини, и именно къ двумъ сѣвернымъ ея повѣтамъ. Изъ нихъ мы видимъ, что волоочная система получила здѣсь уже полное преобладаніе. Обложеніе по дворищамъ встрѣчаемъ только въ одномъ инвентарѣ 1626 г., относящемся къ селу Горюдку Владимирскаго повѣта ¹⁾. По-видимому и здѣсь оно сохранилось только потому, что это имѣніе принадлежало не частному лицу, а Владимирской соборной Богородицкой церкви; это отразилось и на нѣкоторыхъ оговоркахъ инвентаря въ пользу крестьянъ, такъ какъ онъ былъ составленъ при отдачѣ имѣнія въ аренду шляхтичу Линевскому. Здѣсь обращаетъ также на себя вниманіе сравнительно высокое отношеніе числа крестьянъ, владѣющихъ полными дворищами, къ числу загородниковъ: первыхъ было 13, а послѣднихъ

¹⁾ № CXLIII, стр. 462—465.

только 6, полудворищныхъ совсѣмъ не было, тогда какъ въ частныхъ имѣніяхъ отношенія эти совсѣмъ другія. Подворищные работали каждый день, т. е. по одному работнику съ дворища, а загородники по три дня въ недѣлю; при э омъ оговорено, чтобы въ праздничные дни крестьяне не были принуждаемы къ работамъ; о толокахъ говорится, что ихъ должно быть въ годъ не болѣе десяти, тоже не въ праздники, и притомъ собираемыхъ безъ насилія и съ оставленіемъ необходимаго числа людей въ домахъ ¹⁾. Ко всѣмъ крестьянамъ относится еще и такая общая оговорка относительно самага производства работъ: «А подданные вси вгды одну роботу роблять, другое работы не повинни робити, то есть: коли пойдетъ зъ косою—зъ серпомъ не повинень, albo зъ плугомъ—зъ цепомъ не повинень; такъ же иншихъ работъ, одну отираючи, другое не повинни». И если, несмотря на такую видимую мягкость отношеній, повинности оказываются и здѣсь все таки выше, чѣмъ онѣ были въ XVI вѣкѣ даже у частныхъ владѣльцевъ, то это доказываетъ только, съ какою быстротою возрастала въ ту эпоху экономическая зависимость крестьянъ, и какъ легко укоренялось въ общественномъ мнѣніи сознаніе неизбежности такого возрастанія. Именно, по даннымъ XVI вѣка мы получили среднюю повинность съ дворища около 240 дней, здѣсь она опредѣляется въ 304 дня; для загородниковъ тамъ было около 105,—здѣсь 157 дней; вдобавокъ повинности села Городка были тѣмъ тяжелѣе, что въ составъ ихъ не входятъ какія либо дани, а онѣ во всей полнотѣ отбывались личнымъ трудомъ.

Въ имѣніяхъ, принадлежавшихъ Владимирской же униатской епископії, находимъ въ 1633 г. уже систему волочную, причемъ и рабочія силы крестьянскихъ хозяйствъ были весьма

¹⁾ „Наболшей толко десеть толокъ быти маеть, однакъ не квалтомъ и на голову всихъ вкланати, зоставуючи челяди и поданымъ на ихъ власную работу и потребу домовую“.

слабы: такъ въ селѣ Петиднахъ 10 хозяевъ могли выставить только два плуга (т. е. 8 воловъ ¹⁾, въ Хрипаличахъ 2 плуга принадлежали 15 хозяевамъ, и въ Микуличахъ у 17 хозяевъ было 18 штукъ скота. Въ какомъ размѣрѣ крестьяне этихъ селъ были надѣлены землею, т. е. сколько изъ нихъ имѣли по волоку, и сколько по полволоку, изъ акта не видно. Повинности опредѣлены такія: съ волоки должны были работать по 5 дней въ недѣлю, а во время жатвы по 5 дней вдвоемъ; кромѣ того платили золотой чиншу и давали разныя дани, которыхъ мы теперь уже не будемъ приводить подробно, такъ какъ не имѣемъ руководящихъ данныхъ для опредѣленія ихъ цѣнности въ то время сравнительно съ цѣною на трудъ; съ полуволоку все взымалось въ половинномъ размѣрѣ. Самую же главную тягостью являются здѣсь толоки, которыя собирались еженедѣльно, т. е. отнимали у крестьянина его единственный свободный день, съ тѣмъ еще вдобавокъ, что въ этотъ день должна была итти на работу и вся его семья ²⁾.

Изъ третьяго инвентаря Владимирскаго повѣта, относящагося къ частному и мелкопомѣстному имѣнью, мы видимъ, что здѣсь повинности сильно возрасли уже въ болѣе раннее время: въ селѣ Ружинѣ, еще съ 1606 года, когда было произведено измѣреніе земель, ни одинъ крестьянинъ не владѣлъ полной волокой, такъ что и за единицу обложенія принята была полуволока. Съ этого то участка отбывали барщины по 4 дня въ недѣлю, а въ жнива по пяти, сверхъ того 5 толокъ, платили по 12 грошей, давали рожь, куръ и яйца, пряли на 3 локтя холста и обязаны были ѣздить за 10 миль въ подводу ³⁾.

¹⁾ № СХХ, стр. 395.

²⁾ № СLII, стр. 488—491.

³⁾ № СI, стр. 337.

Въ числѣ инвентарей Луцкаго повѣта одинъ, 1606 года, выдается тѣмъ, что въ немъ барщинная и подводная повинность были замѣнены денежнымъ платежемъ; высота послѣдняго, въ сравненіи съ прочими повинностями, показываетъ, что владѣльцы больше всего дорожили именно даровой работой. Въ селѣ Витковичахъ взаимнѣ работы и подводъ платилось по восьми золотыхъ съ волоки, а чинша только по 10 грошей; кромѣ того крестьяне давали десятину со свиней, сѣно, ленъ, пеньгу, куръ, яицы, медъ и даже жолуди, замѣняемые, въ неурожайные на нихъ годы, половиннымъ количествомъ ржи ¹⁾.

Остальные инвентари Луцкаго повѣта представляютъ главную общую черту, именно ежедневную работу съ волоки, измѣняются только предметы и разиѣръ остальныхъ даней; въ въ одномъ инвентарѣ, села Бѣлаго Стока (годъ 1619), требовался между прочимъ еще денежный платежъ по ползолото ²⁾; по другому, села Шпакова (годъ 1631), крестьяне обязаны были пахать 8 дней въ году не въ счетъ ежедневной барщины; въ послѣднемъ наконецъ, села Богурина (годъ 1631), упоминается о повинности бояръ—вздить конемъ по приказанію за 4 мили, или ходить пѣшкомъ не далѣе одной мили, сельскіе ремесленники обязаны были работать безъ вознагражденія, имъ давались только матеріалы и кормъ во время работы; въ числѣ зависимаго населенія этого села находимъ и нѣсколькихъ безземельныхъ шляхтичей, повинностью которыхъ было стеречь лѣсъ; а равно являться къ началу и концу работъ по полевой уборкѣ: здѣсь мы въ первый разъ встрѣчаемъ въ инвентарѣ названія: закоски, обкоски, зажинки, обжинки ⁴⁾. Необходимо еще замѣ-

1) № СII, стр. 337—338

2) № СXX, стр. 395.

3) № СXLXI стр. 479—481.

4) № CL, стр. 481—486.

тять, что во всѣхъ этихъ имѣніяхъ крестьяне на волокахъ обладали значительнымъ количествомъ скота, въ чемъ, очевидно, при ежедневной барщинѣ заключался прямой интересъ владѣльцевъ.

Въ эту раннюю эпоху появляется, въ числѣ прочихъ доходовъ землевладѣльцевъ, и такъ называемое право пропинаціи, состоявшее не только въ исключительномъ правѣ торговли напитками, но и въ запрещеніи своимъ крестьянамъ покупать ихъ гдѣ либо на сторонѣ; вмѣстѣ съ пропинаціею владѣльцы монополизировали и помолъ. Отдавая оба эти права въ аренду, они устанавливали значительные штрафы за ихъ нарушеніе ¹⁾.

Возрастаніе повинностей населенія въ пользу шляхты замѣчается и въ направленіи территоріальномъ: единственный известный намъ инвентарь этой эпохи изъ Кіевскаго воеводства, именно города Бердичева и селъ Быстрика и Жидовець, 1611 года, показываетъ, что не прошло еще и двадцати лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ здѣшнее населеніе такъ энергически протестовало противъ введенія инвентарей и измѣренія земель, — а волочная система успѣла уже проникнуть и сюда. Конечно, повинности здѣсь были пока очень легки, а сравнительно съ Волынью ничтожны, и барщины еще не было. Такъ въ Бердичевѣ съ волоки платили копу деньгами, по мѣркѣ жита и овса, по шести возовъ сѣна, по гусю и двѣ курицы, и обязаны были сходить въ извозъ до Львова или Западнаго Буга. Невладѣвшіе пахатной землею давали отъ дыму по полтора злотаго и по 4 курицы ²⁾.

Недостатокъ данныхъ не позволяетъ намъ прослѣдить, насколько далеко вглубь Украины успѣла проникнуть волочная

¹⁾ № CIV, стр. 343; годъ 1607.

²⁾ № CXIV, стр. 373.

система, хотя бы и въ такой смягченной формѣ. Но шляхта разселялась въ эти годы уже и по Заднѣпровью, захватывая огромныя пространства земель, мирясь вначалѣ со свободой земледѣльческаго населенія, чтобы потомъ, усилившись и окрѣпнувъ на мѣстѣ, мало по малу узурпировать эту свободу. Здѣшнія земли, на которыя еще не распространилось право владѣнія шляхты, считались, по ея взгляду, пустыми, т. е. подлежащими раздачѣ. Такъ въ 1632 г. король жалуетъ своему скарбовому писарю Филону—Петру Мировицкому два городища надъ рѣкою Ворсклою, и грамота выражается о нихъ такимъ образомъ: два *пустыя* городища, называемыя Глинскѣ и Бѣльскѣ, лежащія на Украинѣ, въ воеводство Кіевскомъ, за рѣкою Ворсклою, подлѣ могилы, называемой у Skorobора ¹⁾. И одиько далѣе, въ той же грамотѣ, въ перечисленіи угодій этихъ «пустыхъ» городищъ, упоминаются «мельницы и корчмы». — Въ 1639 году король жалуетъ полковнику Станиславу Потоцкому имѣніе за Днѣпромъ: «Максимовку съ городищемъ и съ слободами, граничащую съ рѣчками Пивами, Германомъ, Іорданкой, и озерами; Бурославомъ и Бѣлозеромъ да къ тому слободки Бужинъ и Вороновку, граничащія съ озерами Кривымъ и Домановкой, по рѣку Быстрикъ, по Старецъ, Стрѣльниковъ перевозъ, и по Савиночи, со всѣми прочими слободами, островами, уходами, селами, теперъ существующими или имѣющими основаться въ будущемъ, крестьянами (poddanemi), и т. д. ²⁾. Изъ акта 1640 г. видимъ, что Домонтовымъ, Песчаной и Золотоношею владѣлъ въ ту пору коронный стражникъ Самуилъ Лащъ-

¹⁾ Horodyszczą puste dwie, Hlinską y Bielską nazwane, wyżej Połtawy nad rzeką Worskłem, podle mogiły, u Skorobora nazwaney, za rzeką Psłem, na Ukrainie, w woiewodztwie Kiiowskim leżące». № CLI, стр. 487.

²⁾ № CLXXX, стр. 513—515.

Тузанскій ¹⁾. Въ 1646 г. панъ Гурскій жалуется, что какіе-то хлопы Омелянъ Ивановичъ и Радко Васильевичъ незаконно присвоили себѣ право распорядиться его имѣніемъ надъ рѣкою Ворсклою у Шандбарова перевоза ²⁾. Подъ 1647 годомъ находимъ арендный листъ князя Іереміи Вишневецкаго на отдачу города Лубенъ коронному стражнику Александру Замойскому, гдѣ упоминается и монастырь бернардиновъ въ Лубнахъ. Изъ акта видно, что здѣшніе жители не только не несли почти никакихъ повинностей, но даже нѣкоторые пошлины, какъ мостовое и ваговое, шли въ пользу мѣщанъ ³⁾.

Вотъ это-то распространеніе шляхетской власти въ степи Украины, гораздо болѣе чѣмъ угнетеніе ею крестьянъ, сюда еще не достигшее, и было главною причиною всеобщаго возстанія при Хмельницкомъ: крестьянство Волыни и Полѣся было на столько уже задавлено постепенно возрастающимъ гнетомъ, что не представляло активнаго отпора или ограничивалось частными вспышками, а главнымъ образомъ искало спасенія въ бѣгствѣ. Эта бѣжавшая, наиболѣе энергическая часть населенія, не могла сносить самого присутствія въ своей средѣ шляхты, отъ которой именно она бѣжала, потерпѣвшись вдоволь. И дѣйствительно, мы видимъ, что наиболѣе живую поддержку Хмельницкій нашелъ не среди сильно страдавшаго Волынскаго крестьянства, а напротивъ, въ тѣхъ именно мѣстностяхъ, гдѣ шляхетскій элементъ не успѣлъ еще пустить крѣпкихъ корней и вполне выказалъ свои истинныя стремленія: дѣло въ томъ, что эти стремленія были достаточно близка знакомы здѣшнему населенію—по старой памяти.

Что касается вліянія на крестьянъ возстанія 1648 года,

1) № CLX, стр. 520—521.

2) № CLXVII, стр. 543—545.

3) № CLXX, стр. 549—551.

то возстаніе это приняло характеръ крестьянскаго движенія самой силою вещей, безъ всякаго предвзятаго плана. Главный козацкій предводитель, по крайней мѣрѣ въ первое время возстанія, относился къ крестьянамъ даже очень несочувственно, преслѣдуя цѣли національныя, религіозныя, отчасти даже личныя, но никакъ не соціальныя. Это лучше всего доказывается знаменитымъ универсаломъ Хмельницкаго, отъ 20 сентября 1650 года, гдѣ онъ строго предписываетъ крестьянамъ находиться въ послушаніи у пановъ, а панамъ позволяетъ «жебы сами панове, вспомявъ съ полковниками нашими, Белоцерковскимъ або Киевскимъ (тыхъ свовольниковъ) сурово, бы и на горле, карали; а тые зась, которые кровь невинную пролили и покой нарушили, горловаго караня не уйдуть, якожь и Тутъ за тое не одного на горло скарали есмо» ¹⁾. Такое именно отношеніе его къ крестьянскому движенію и было причиною того, что народъ приписалъ свои бѣдствія отъ Татаръ въ 1653 г. именно Хмельницкому и до сихъ поръ проклинаетъ въ пѣснѣ «Хмеля» за то, что онъ велѣлъ Ордѣ брать въ ясырь дѣвушекъ и женщинъ ²⁾.

Возстанія временъ Хмельницкаго и послѣдующія усобицы отразились на крестьянахъ двоякимъ образомъ: въ частныхъ случаяхъ они вызвали насилія, убійства, грабежи иногда даже самоправную расправу съ сосѣдями крестьянами же ³⁾. Но болѣе общее и повсемѣстное вліяніе войнъ заключалось въ возбужденіи въ народныхъ массахъ сильнаго движенія въ смыслѣ территориальнономъ: одни убѣгали отъ козаковъ, другіе шли къ

¹⁾ № CLXXVIII, стр. 573—574 — Памятники, т. II, отд. 3, стр. 57—63

²⁾ Антоновичъ и Драгомановъ, Ист. пѣсни малор. нар., т. II, стр. 116—118.

³⁾ См. напр. № CLXXIV, стр. 565—567.

нимъ, третьи вообще пользовались случаемъ перемѣнить мѣстожительства, иногда очень неудачно. Такъ въ концѣ 1649 г. около 500 крестьянскихъ семействъ изъ Звягольской волости Луцкаго повѣта бѣжали въ повѣтъ Житомирскій въ мѣстечко Вильскъ, но здѣсь были ограблены доглад мѣстнымъ арендаторомъ, шляхтичемъ Цеглинскимъ, и потомъ выгнаны вонъ ¹⁾. Сильное передвиженіе населенія доказывается появленіемъ именно съ этого самаго времени въ актовыхъ книгахъ многочисленныхъ заявленій о бѣгствѣ крестьянъ и даже о запусѣннн цѣльныхъ сель, въ примѣръ чего можно привести заявленіе Кіевскаго подкоморія Юрія Немирича о числѣ бѣжавшихъ изъ его Лугинскаго имѣнія. Оказывается, что изъ города Лугинъ и сель: Тесновки, Глуховой, Тереховъ и Дывлина ушло 275 крестьянскихъ семействъ, а въ то же время прибыло 80 новыхъ поселенцевъ ²⁾. Въ актовой книгѣ Житомирскаго градскаго суда за 1650 годъ находится семьдесятъ девять такого рода документовъ ³⁾. Въ Павлочской волости изъ 68 мѣстностей, бывшихъ прежде заселенными, въ 1683 году, подъ вліяніемъ козацкихъ войнъ, жители остались только въ двухъ мѣстечкахъ, въ числѣ 76 дворовъ ⁴⁾. Въ Иванковской волости, лежавшей ближе къ Польсью, изъ 22 мѣстностей заселенными оказалось только 5, и въ нихъ дворовъ 133 ⁵⁾.

Не касаясь того вліянія, какое военныя дѣйствія, постоянные переходы войскъ и самое это шатаніе населенія — должны были имѣть на благосостояніе крестьянъ вообще, — слѣдуетъ

1) № СLXXII стр. 558—562.

2) № СLXXX, стр. 576—579.

3) По списку Центрального Архива—№ впаги 19.—Подробная выборка изъ этихъ документовъ въ Мат. для ист. заселен. Кіев. губ. стр. 20—27

4) Приложение, № LIИ, стр. 152—154.

5) Приложение, № LIИ, стр. 154—156.

упомянуть, какъ отразилось все это собственно на величинѣ крестьянскихъ повинностей. Инвентарей южныхъ воеводствъ здѣсь снова недостаетъ, такъ какъ здѣсь и не было въ ту пору никакой надобности въ ихъ составленіи. Во Владимирскомъ повѣтѣ въ селѣ Житанахъ (годъ 1661) повинность опредѣлена съ волоки въ 6 дней лѣтомъ и въ 3 зимою, всего въ 234 дня, кромѣ того по 3 четверти овса и по $7\frac{1}{2}$ грошей съ хозяина ¹⁾. Въ селѣ Русновѣ (годъ 1667) работали съ полуволоки по 3 дня тяглыхъ и 1 день пѣшихъ; при этомъ изъ 17 хозяевъ только 4 хмѣли по полуволокѣ, остальные 13—всего по четверти ²⁾. Въ Дюбрятинѣ и Букойнѣ (годъ 1671) оказывается между крестьянами очень много прихожихъ, поэтому повинности здѣсь не высоки, не превосходятъ 3 дней, а большинство работало только по 1 дню въ недѣлю ³⁾. Несовсѣмъ таковы были повинности въ Луцкомъ повѣтѣ: въ Пашовѣ (годъ 1655) работали съ полуволоки по 1, по 2 и по 3 дня; но здѣсь замѣчательно неречисленіе инвентаря крестьянъ: почти о каждомъ говорится, что у него нѣтъ ничего, даже яйца перестали давать, потому что нѣтъ и курей; объ одномъ хозяйствѣ сказано: сидѣлъ на полуволокѣ, но какъ теперь у него ничего нѣтъ, то и на зиму ничего не посѣялъ ⁴⁾. Въ Каменной Горѣ (годъ 1655) повинности отличались высотой и разнообразіемъ: здѣсь работали по 6 дней въ недѣлю и седьмой день женскій, чинша платили по 2 злотыхъ и 3 гроша; сверхъ того давали полмацы хмѣлю, гуся, 2 каплуна, 12 связокъ (пезисомъ) прядева, 100 грибовъ, 20 яицъ, полмацы жолудей и 2 ложки червеца ⁵⁾. Одна бар-

¹⁾ Прил. № XXIII, стр. 69—70.

²⁾ Прил. № XXXVII, стр. 103—105.

³⁾ Прил. № XXXIX, стр. 107—115.

⁴⁾ Прил. № II стр. 5—8.

⁵⁾ Прил. № III, стр. 8—10.

щина, не считая всѣхъ этихъ даной, составляетъ 356 рабочихъ дней. Къ сожалѣнію не указана величина надѣла.—Въ единственномъ изъ оврученныхъ инвентарей означено по 2 и по 3 дня работы въ недѣлю ¹⁾).

На первый взглядъ, приведенныя данныя противорѣчатъ другъ другу и не могутъ служить ни для какого общаго вывода. Но это кажущееся противорѣчіе легко объясняется. Во все предыдущее время мы замѣчали стремленіе повинностей къ повышенію; понятно, что въ тѣхъ мѣстностяхъ, на которыя военныя дѣйствія до извѣстнаго времени почему либо не оказали своего вліянія,—они продолжали повышаться. Наоборотъ, въ мѣстностяхъ, пострадавшихъ вліяніемъ событій, хотя бы и косвенно, повинности, въ виду уменьшенія числа и потому вздорожанія рабочихъ рукъ, въ виду появленія заочныхъ рабочихъ и стремленія удержать ихъ,—должны были нѣсколько понизиться. Такое пониженіе, или вѣрнѣе задержка повышенія повинностей и была главнымъ общимъ результатомъ босачихъ войнъ. На сколько впрочемъ она, въ связи съ обусловившими ее событіями, могла способствовать благосостоянію крестьянъ,—это другой вопросъ, на который едва ли можно отвѣчать положительно, тѣмъ болѣе, что самая задержка была очень кратковременна: уже въ самомъ началѣ XVIII вѣка замѣчается довольно высокая норма повинностей, повышающаяся и дальше, какъ это изложено уже въ изслѣдованіи г. Антоновича, составляющаго вступленіе къ слѣдующему (II) тому настоящей VI части «Архива Югозападной Россіи» ²⁾.

¹⁾ Прил. № XVI, стр. 37—40, годъ 1664.

²⁾ И отдѣльною брошюрою, подъ заглавіемъ: „Исслѣдованіе о крестьянахъ въ Юго-Западной Россіи по актамъ 1700—1798 г.“. К. 1870.

V.

Злоупотребленія владѣльцевъ, — вліяніе аренды и заставы. — Реакція со стороны крестьянъ: быство и постоянные переходы; открытые бунты и аграрныя преступленія.

Если изложенныя выше условія быта крестьянъ, признававшіяся за нормальныя дѣйствующимъ законодательствомъ или установившимся обычаемъ, были очень тягостны, — то дѣйствительность, очень часто несоотвѣтствовавшая ни закону, ни обычаю, оказывалась еще тяжелѣе. Къ сожалѣнію, мы не можемъ имѣть данныхъ для точнаго опредѣнія *среднихъ* условій этой дѣйствительности, такъ какъ признаніе помѣщичьяго полновластія надъ крестьянами и лишеніе послѣднихъ права самостоятельной жалобы на владѣльцевъ, не только узаконяли произволъ и отнимали у судебной власти всякій поводъ къ вмѣшательству въ экономическое устройство и доминіальную юрисдикцію помѣщиковъ, но даже не допускали возможности сохраненія въ актовыхъ книгахъ какихъ либо рѣзче выдающихся фактовъ помѣщичьяго самоуправства, если таковое падало всею своею тяжестью исключительно на крестьянъ. Факты такого рода дѣлались достояніемъ судебной хроникки только въ тѣхъ случаяхъ, когда въ нихъ стали являлись интересы двухъ или нѣсколькихъ лицъ привилегированнаго сословія, и ктонибудь

изъ нихъ, ради своихъ личныхъ выгодъ, долженъ былъ косвенно защищать и входившіе съ ними въ такую или иную коллизію интересы крестьянъ. Мы не можемъ, конечно, включать сюда тѣхъ случаевъ, когда владѣлецъ являлся заступникомъ крестьянъ вслѣдствіе причиненныхъ имъ совершенно постороннимъ лицомъ убытковъ или насилій, такъ какъ эти случаи, хотя и весьма важные для характеристити нравовъ и быта извѣстнаго общества, оказывавшіе, по своей обыденности, весьма значительное вліяніе на положеніе крестьянъ, были все же только проявленіями ни на чемъ не основаннаго произвола. Гораздо важнѣе въ данномъ отношеніи тѣ случаи, когда интересы крестьянъ и шляхтичей соприкасались на основаніи какой либо юридической сдѣлки шляхтичей между собою, т. е. когда фактическое владѣніе крестьянамъ временно переходило изъ рукъ собственника къ другому лицу, какъ напр. при отдачѣ имѣній въ аренду или заставу. Оба эти способа пользованія были весьма распространены въ Польшѣ; застава представляла собою особый видъ залога недвижимости, доселѣ сохранившійся въ Малороссіи между козаками и крестьянами подъ тѣмъ же названіемъ, при которомъ имущество находилось во владѣніи не заемщика, а кредитора, пользуяшагося доходами имѣнія въ уплату процентовъ на занятую сумму. Застава, какъ и аренда, чаще всего дѣдалась на три года, но невыкупъ имѣнія не имѣлъ послѣдствіемъ его потери, а только время выкупа отдалялось снова на тотъ же трехлѣтній срокъ, и т. д., такъ что въ сущности застава была залогомъ безсрочнымъ. Распространенности ея способствовала какъ мѣстная осѣдлость шляхетскихъ родовъ вообще, съ ихъ традиціонной привязанностію къ своимъ «гнѣздамъ»¹⁾, такъ еще

¹⁾ Этимъ именемъ, *gniazdo*, польскіе историки и генеалоги обыкновенно называютъ первоначальное родовое имѣніе какой либо фа-

болѣе зависимость нѣкоторыхъ политическихъ и гражданскихъ правъ отъ землевладѣнія: занимать какія либо должности по мѣстному управленію могли только шляхтичъ осѣдлый (*beneficiarius et possessionarius*) шляхетское *habeas corpus* (*non in captivabimus, nisi jure victum*) распространялось тоже только на нихъ, тогда какъ безземельные шляхтичи, привлеченные къ суду, должны были представлять поручителя, а иначе могли подвергаться и предварительному заключенію. Подъ вліяніемъ такихъ законовъ, владѣльцы предпочитали заставу отчужденію имѣній, такъ какъ она сохраняла за ними хотя юридическую фикцію землевладѣнія, на самомъ дѣлѣ имъ не принадлежавшаго иногда уже въ продолженіе нѣсколькихъ поколѣній.

Основаніемъ для опредѣленія какъ арендной платы, такъ и даваемой подъ залогъ имѣнія суммы, служилъ обыкновенно инвентарь, содержащій въ себѣ исчисленіе и оцѣнку крестьянскихъ повинностей и даней; къ общей ихъ стоимости прибавлялся еще доходъ съ корчемъ и мельницъ, гдѣ онѣ были, и полученный итогъ составлялъ годичную плату аренды, при заставѣ же стоимость имѣнія опредѣлялась по капитализаціи указаннаго дохода изъ десяти процентовъ. Такимъ образомъ, въ обоихъ случаяхъ угоды и доходы собственно съ хозяйства не

миліи давней иногда ему названіе, а еще чаще—отъ него происшедшей. Примеры перваго случая: Новый Верещинъ, Н. Ружинъ—отъ Верещинскихъ, Ружинскихъ, и т. д.; фамиліи то прямо производились отъ названія мѣстности, какъ Острожскіе, Ружинскіе, Заславскіе, Порицкіе—влязья, или Буковскіе, Лещинскіе, Трипольскіе и проч., то имя производное отъ мѣстности присоединялось къ первоначальному родовому для различенія отраслей рода, а потомъ иногда и совсѣмъ вытѣснило первое имя, напр. Гавсовичи—Кукольскіе и Гавсовичи—Шостаковскіе, Гулевичи—Вокитинскіе и Гулевичи Перекальскіе, Кисели—Дорожняцкіе и Кисели—Низкиницкіе; Оранскіе—первоначально Войны—Оранскіе, Боротинскіе—перв. Вороны-Боротинскіе, и т. д.

принимались въ расчетъ, а чистымъ доходомъ считался только даровой трудъ крестьянъ и платимыя ими дани въ формѣ прямыхъ или косвенныхъ (прѣпинаціи, помощь) налоговъ. Попятно, что въ правильности составленія и выполненія инвентаря были заинтересованы и крестьяне; и обѣ договаривающіяся стороны; нерѣдко однако возникали злоупотребленія той или другой изъ нихъ; и настоящій томъ заключаетъ довольно много документовъ, касающихся подобнаго рода дѣлъ. Общая черта всѣхъ ихъ—это угнетенное положеніе крестьянъ, но источникъ этого угнетенія бывалъ различенъ: оно исходило то отъ вотчинныхъ владѣльцевъ, преимущественно въ случаяхъ заставы, то—при арендѣ—чаще отъ владѣльцевъ временныхъ. Сравнительно рѣже документы, касающіеся злоупотребленій со стороны управляющихъ или опекуновъ имѣній ¹⁾. При отдачѣ имѣній въ заставу, владѣльцамъ было выгодно исчислять доходъ возможно въ болшемъ размѣрѣ; поэтому они обозначали въ инвентаряхъ не только всѣ дѣйствительно отбываемыя повинности, но и прибавляли новыя, никогда несуществовавшія; заставный владѣлецъ, конечно, требовалъ отъ крестьянъ отбыванія всего согласно инвентарю, причемъ иногда оказывалось, что крестьяне не имѣютъ къ этому даже и физической возможности. Такъ мы встрѣчаемъ ложное показаніе барщины въ двойномъ размѣрѣ, обозначеніе числа крестьянскаго рабочаго скота болѣе существующаго, и т. под. невѣрности ²⁾. Нерѣдко, заставивши имѣніе, т. е. выручивъ приблизительную стоимость его, самъ же владѣлецъ начиналъ разорять и угнетать крестьянъ, нямало не

¹⁾ Приложение, № XXVIII, стр. 82, вымогательства управляющаго и насилія надъ женщинами; № С, стр. 319, лстванія крестьянъ; № LXII, стр. 218, разореніе имѣнія опекунами.

²⁾ Приложение, № СL, стр. 481; № СLVII, стр. 495; № СLXIII, стр. 518; № СLXVIII, стр. 532.

заботясь, что это может послужить причиною разброда послѣднихъ; одинъ актъ передаетъ намъ таковой отвѣтъ подобнаго владѣльца обижаемымъ имъ же крестьянамъ: «Ступайте, куда хотите,—и васъ и ваше имущество я спрятавъ уже въ сундукъ»¹⁾. Что касается «заставныхъ владѣльцевъ», залогодержателей, то отъ нихъ чаще всего доставалось крестьянамъ къ концу срока заставы, когда предвидѣлся скорый выкупъ имѣнія вотчинниками, такъ что послѣдніе нерѣдко получали имѣніе въ разоренномъ видѣ и съ значительно уменьшившимся населеніемъ, вслѣдствіе ухода крестьянъ²⁾. При отдачахъ имѣній въ аренду, злоупотребленія владѣльцевъ были сравнительно рѣже, чѣмъ угнетенія со стороны арендаторовъ; они имѣли мѣсто преимущественно въ тѣхъ случаяхъ, когда владѣлецъ, оставивъ часть имѣнія за собою, селился въ ней самъ и заставлялъ работать здѣсь и тѣхъ крестьянъ, которые были заарендованы другому лицу, при чемъ, конечно, не послѣдняя роль принадлежала угрозамъ жестокой расправы по истеченіи срока аренды, а иногда такія угрозы и немедленно приводились въ исполненіе³⁾. Что касается угнетенія крестьянъ арендато-

2) Житомирскій мечникъ Михайль Прушянскій отдалъ свое имѣніе въ заставу и потомъ „*poddanym swoim woły pozabierawszy, na kuchnię swoją porznać kazał, przez co pańszczyzny odbywać iakoż u siebie robić nie mają czym, y iuż na zimę nie sieli, y tylko z duszami siedzą, y quis scit—ieżeli precz nie pobydą obwinionego przymuszaniem, ponieważ inculpatus, ażeby precz poszli, varios adinvent modos, haec formalia enucleando, że wy idzcie precz, ia iuż was y waszą chudobę mam w szkatule!*“ Прил. ж. ит. № CX, стр. 342.

2) № XCV, стр. 395; Приложение, V V, стр. 12; № XLV, стр. 126; № IC, стр. 317; № CLVIII, стр. 499; № CLXVII стр. 530; № CLXXIV, стр. 551.

3) Такъ помѣщикъ говорить заарендованнымъ крестьянамъ: «*Ja to tu pan, a nie kto inny, so zechę, to uczynie z wami!*»; Прилож. № CLXV, стр. 525.—Хюпе, выниидеть ар на.—буду тебе уметь карать и не одного на шибеницю пошлю»; № CVIII, стр. 352.—Трохъ подданныхъ, южъ въ посессіи протестантовъ будучихъ, жоны

рами, то такое представляло явление самое обыкновенное, и о нем упоминается во множествѣ актовъ, дающихъ возможность, хотя косвенно, опредѣлять, насколько фактическое положеніе крестьянъ отличалось отъ нормъ, выработанныхъ закономъ или установленныхъ обычаями. Такъ мы видимъ, что арендаторы, вопреки правилу, принуждали крестьянъ работать по праздникамъ, неисключая даже перваго дня пасхи ¹⁾; заставляли отбывать крестьянскія повинности сельскихъ священниковъ ²⁾; высылали иногда крестьянъ на работы въ оковахъ, а кому это оказывалось не по силамъ, — ставили на его счетъ наемнаго рабочаго ³⁾; принуждали оставшихся крестьянъ отбывать повинности за бѣжавшихъ ⁴⁾, и т. под. Приведемъ нѣсколько примѣровъ, показывающихъ, до какой степени доходила въ нѣкоторыхъ случаяхъ тягость повинностей у арендаторовъ: такъ мы встрѣчаемъ возвышеніе барщины въ шесть разъ противъ обозначенной инвентаремъ нормы; так. обр. вмѣсто работы по

ихъ забравши и до везеня своего прыватного, до двору Турчыанъ, осадивши, и муками albo торгурами ихъ страпачи, одпудили: Прилож. № XXVI, стр. 76.-Ср. № СХХII, стр. 393; Приложение № XCIV, стр. 308.

¹⁾ - Въ неделю и въ свята ивше, которые суть интерцизою варованые, наостатокъ и въ самый день Великои Ночи работи розказуегъ и примушаегъ; а вгды хлопъ прочъ для незноснои кривды идеть, теды, што бы мель оного шукать, и овшемъ другимъ мовить: вси идьте, я и квиты вамъ дамъ“. № СXLVII, стр. 474; годъ 1683.

²⁾ „Pora do swych posłuszeństw przyniewolają i przyniewolili“. № CLXXXII, стр. 581. Замѣчательно, что этотъ фактъ относится ко времени разгара козацкихъ войнъ, при Хмельницкомъ. — 1652 г.

³⁾ „Jeżeli by który z poddanych rozkazaniu dosyć nie uczynił, takowy swoją lubo karę lubo winę odniósł, w ostatku y w kaydanu zakowywano dla nieposłuszeństwa, nad zwyczaj w kaydanach robienie, a niewydołaiącemu do robienia robotnika, — co musieli“. Приложение, № XIII, стр. 41.

⁴⁾ „Poddanych dwóch wypędził, ale y teraz ostatniego poddanego, pociągając do nienależytey pańszczyzny za tych dwóch zbiegłych, do ucieczki przymusił“. Приложение, № LXXXVIII, стр. 296. Ср. тамъ же, № XCIV, стр. 309.

три дня въ недѣлю съ хозяйства, высылали на работу по три души со двора ежедневно ¹⁾; въ такой же степени отягощались крестьяне и другими повинностями; въ одномъ актѣ 1619 г. крестьяне заарендованнаго имѣнія изображаютъ свое положеніе, принудившее часть ихъ къ бѣгству, такимъ образомъ: при своемъ панѣ мы не работали такъ, какъ теперь работаемъ: зимою по два челоуѣка съ волоки каждый день, лѣтомъ и по трое, съ полуволоки зимой работаемъ ежедневно, а лѣтомъ и по двое, такъ что для себя некогда посѣять и убрать хлѣбъ; дрова возимъ за нѣсколько миль безъ зачета въ барщину; сторожу прежде отбывали одни только лѣшіе загородники, поочередно и съ зачетомъ дней, а теперь требуютъ со всѣхъ по очереди два сторожа каждый день, помимо барщины; въ извозъ посылають за пять-шесть миль безъ зачета; дадутъ смолоть мѣру хлѣба, а требуютъ съ нея полторы мѣры муки; когда ѣздили во Львовъ съ хлѣбомъ, должны были платить пошлину изъ своихъ денегъ, а продавши по разнымъ цѣнамъ, должны были внести деньги сообразно самой дорогой продажѣ; и хотъ были мы въ ту пору въ извозѣ, а барщина за насъ отбывалась, и т. д. ²⁾. Злоупотребленія арендаторовъ

¹⁾ „Въ инвентару повинность тыхъ подданныхъ—робити въ тыждню по дний три, а онъ што день въ тыждень по трое выгощеть, же собе небожата робити коли и поживенья взити откуль. презъ тяжкие роботы не мають, которые... прочъ пошла“. № СXXX, стр. 420; годъ 1620. Ср. № СXLVI, стр. 473; № CLXVI, стр. 538, и мн. др.

²⁾ „Пыталъ подданныхъ, што бы за причина была и за тежарь одъ арендаторовъ, же ихъ двадцать и килка прочъ пошло? Когорые хлопы съ плачомъ поведили, же тая причина, ижъ зъ волоки и зиме по двое робитъ, лете зъ волоки и по трое, а съ полвлочка зиме и теперъ счо день робимо, а лете по двое,—немашь собе коли ани засеяти, а ни хлеба уробити, а передъ тымъ, за пана своего, теды есмо такъ не робляли; до того дрыва за билка миль безъ дня возили есмо; сторожу, которую передъ тымъ загородники тилко,

въ экономической сферѣ были, судя по количеству документовъ этого рода, весьма обыкновенны, сопровождаясь нерѣдко разнаго рода насиліями, самоуправствомъ, жестокими истязаніями и даже казнями подъ видомъ доминиальнаго суда или просто въ видѣ проявленія грубой силы ¹⁾).

Весьма естественно, что фактический гнетъ, испытываемый крестьянами въ далеко большей мѣрѣ, чѣмъ этого можно бы ожидать по существовавшимъ законодательнымъ и обычнымъ опредѣленіямъ, — вызывалъ, конечно, энергическое стремленіе освободиться отъ подобныхъ условій, выражавшееся то пассивно — въ бѣгствѣ поодиночкѣ, семьями и даже цѣлыми селами, то иногда и активно — въ формѣ крестьянскихъ волненій и преступленій противъ владѣльцевъ или ихъ довѣренныхъ лицъ.

што кони не ймили, и одправовали, и то колеєю, а коли одправовали, теды дни не робили, а панове арендарове погнали и подданныхъ, потягли колеєю, зачимъ хопъ пансчизна пряпала, предсе стеры казаю по два сторожи, тые жъ сторожи въ ноци стерегли, а въ день пасти, што передь тымъ пастухове одправовали; подводу за пять, шесть миль безъ дня до того, и то съ тежаромъ; мацу жыта дано зъ двора на метене, а пувторы мацы муки съ тое мацы казано отдавати; коля и хворосту нивгды дармо на огорожене урубати не позволено, ажъ мусель килкоро куръ дати; фуру попелную мусели не отпраовати, которое передь тымъ не бывало; до Лвова зе збожемъ коли ездили, мыта муселисны давати, а пристава при насъ не было; што есмо дали померного, нехотено ириняти, яко то венць быраеть, же не однаково на торгу ценять, мусели и продати: теды, яко который найвысшую цену продалъ, такъ вси мусели платити; и хотя есмо въ подводе были, предсе пансчизну мусили есмо робити; безъ пансчизны робене кросень, робене полотень и прядива накидали, наветь и гуси занявши мужицкие, пани Кганецкая подсеубовати казала. За такими тежарами пошли прочъ, але было ли бы такъ должей, — и остатокъ пойдеть", № СХХІV, стр. 409 — 411.

¹⁾ См. напр. № XXV, стр. 64; № XXVI, стр. 66; № XXIX, стр. 74; № XXXII, стр. 88; № LXXIV, стр. 217; № XCV, стр. 295; № CVIII, стр. 353; № СХХІІ, стр. 398, и многіе другіе.

Бѣгство крестьянъ, обуславливавшееся въ значительной степени неравномѣрностью повинностей и силы помѣщичьей власти въ разныхъ частяхъ Польскаго государства, существованіемъ на юговосточной его окраинѣ пустынныхъ стеней, а потомъ сравнительно льготныхъ условій въ Заднѣпровской Малороссіи, вызываемое наконецъ иногда случайно-иѣстными причинами, въ родѣ нападений сосѣдей, разореніемъ отъ Татаръ или туземныхъ и союзныхъ войскъ, — было въ продолженіе слишкомъ двухъ вѣковъ хроническою болѣзью Рѣчи-Посполитой, пережившей и ее самое на довольно долгое время. О разбродѣ крестьянъ вслѣдствіе притѣсненій вотчинныхъ или временныхъ владѣльцевъ упоминается почти въ каждомъ изъ цитированныхъ выше актовъ, и злоупотребленія владѣльцевъ чаще всего являются причиною бѣгства, по словамъ самихъ бѣглецовъ. Направленіе, въ какомъ шли бѣжавшіе крестьяне, бывало, конечно, различно, опредѣляясь случайными и иѣстными условіями, но чаще всего, вслѣдствіе зависимости этихъ условій отъ болѣе постоянныхъ и общихъ причинъ, переселенцы направлялись къ югу и востоку; во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ переходы совершались на болѣе или менѣе далекое разстояніе, изъ одного повѣта въ другой, указанное направленіе обнаруживается вполнѣ ясно. Такъ въ настоящемъ томѣ находимъ примѣры бѣгства: изъ Владимирскаго повѣта, с. Моковичъ, въ Луцкій, — сс. Биселинъ и Твердынь ¹⁾; оттуда же, с. Балусова, на Подоле, къ Каменцу ²⁾; изъ Пинскаго повѣта, с. Цминь, въ Луцкій, с. Березницу ³⁾; изъ Рѣчицкаго повѣта — въ Кіевъ ⁴⁾; изъ Корецкой волости Луцкаго повѣта, — въ повѣты Житомир-

¹⁾ № XIII, стр. 36.

²⁾ Приложеніе, № XCIII, стр. 305.

³⁾ № C, стр. 311.

⁴⁾ № LXXIX стр. 240.

ский (Бараши, Вильскъ) и Кремене-кій (Острополь, Любартовъ ¹⁾; изъ Звягольской волости того же повѣта, — въ Житомирскій ²⁾; изъ Овручскаго пов., с. Ноздриша, въ м. Бѣлогородку Кіевск. пов. ³⁾, и т. д. Единственный примѣръ переселенія въ противоположномъ направленіи, изъ Овручскаго повѣта въ предѣлы великаго княжества Литовскаго, нисколько не противорѣчитъ общему ходу бѣгства и колонизаціи, такъ какъ самое переселеніе въ этомъ случаѣ произошло насильственнымъ путемъ ⁴⁾. Размѣры бѣгства бывали очень значительны, — иногда уходили всѣ жители села, — и оно не носило характера бездомнаго бродячества, а имѣло видъ полного переселенія, по возможности со всѣмъ имуществомъ. Понятно, что подобныя передвиженія не могли производиться внезапно, подъ вліяніемъ минуты, — крестьяне дѣлали заблаговременныя къ нимъ приготовленія, вывозя по немногу изъ дому свои пожитки, особенно хлѣбъ, представлявшій наиболѣе затрудненій при перевозкѣ. Это обстоятельство вызывало необходимость пріисканія сообщниковъ въ сосѣднихъ мѣстностяхъ, гдѣ чаще всего бѣглецы и скрывались нѣкоторое время, пока продолжались розыски со стороны владѣльца, и не утихала опасность погони. Пособничество къ бѣгству нерѣдко выражалось личнымъ участіемъ въ вывозѣ крестьянскаго имущества, сопровожденіи ихъ до новаго мѣста и даже въ вооруженной защитѣ ихъ отъ преслѣдователей. Случалось нерѣдко, что такое пособничество превращалось въ своего рода промыселъ, которымъ и занимались спеціально такъ называемые выкотцы, хотя это имя придавалось и всякому,

1) № LXVII, стр. 152.

2) № CLXXII, стр. 558.

3) № LXV, стр. 188.

4) Приложение, № CXXXVIII, стр. 440.

кто чѣмъ бы то ни было способствовалъ побѣгу. Что такой промыселъ имѣлъ значительные размѣры и нѣкоторую организацію, видно изъ обширнаго района, на какой распространялись дѣйствія выkotцевъ; такъ на примѣръ, они забирались съ Украины въ довольно дачевія мѣстности Волини, къ Межирѣчу Борецкому и т. д. ¹⁾. Нередко въ роли выkotцевъ выступали сами помѣщики, владѣвшіе имѣніями въ различныхъ мѣстностяхъ: они сманивали льготами крестьянъ сосѣднихъ владѣльцевъ и давали имъ средства къ переходу въ свои отдаленныя имѣнія. Для характеристики самыхъ пріемовъ переселенія и образа дѣйствій выkotцевъ могутъ служить слѣдующіе два случая ²⁾:

Брестскій чашникъ Янъ Куровицкій владѣлъ имѣніями въ Подоліи, а также и во Владимирскомъ повѣтѣ, гдѣ ему принадлежало село Замличи; отсюда-то онъ снаряжалъ переселенцевъ изъ числа сосѣднихъ крестьянъ. Однажды владѣлецъ недалекаго села Калусова, Кіевскій чашникъ Вацлавъ Стецкій, желая распросить поутру своего прикащика (dozorca) о назначенныхъ на тотъ день хозяйственныхъ работахъ, съ удивленіемъ увидѣлъ, что ни въ усадьбѣ, ни въ селѣ нѣтъ ни гдѣ ни души, и «не съ кѣмъ даже перемолвить слова»: и прислуга, и крестьяне бѣжали поголовно, не захвативъ однако же ничего изъ помѣщичьяго имущества,—фактъ повторяющійся и въ большинствѣ другихъ подобныхъ случаевъ. Обратившись за помощію къ сосѣдямъ, Стецкій разослалъ погоню въ разныя стороны, особенно къ юговосточномъ направленіи, къ переправамъ черезъ рѣку Стырь, но бѣглецы не отыскивались; на об-

¹⁾ № СХХХІV, стр. 438.

²⁾ Ср. также о выkotцахъ у Антоновича, Изслѣд. о крестьянахъ, стр. 32—37.

ратномъ пути, проѣзжая черезъ лѣсъ и замѣтивъ въ сторонѣ дымъ, одинъ изъ преслѣдователей завернулъ туда и наткнулся на бѣжавшихъ крестьянъ, скрывавшихся здѣсь со своими семействами и имуществомъ. При видѣ погони, они бросились въ разсыпную, такъ что были захвачены только двѣ женщины съ дѣтьми, показавшія, что часть бѣглецовъ въ Замлечахъ, перемалываютъ въ тамошней мельницѣ хлѣбъ, вывезенный заранѣе и хранившійся въ господскомъ амбарѣ, а крестьянскій скотъ находится тоже во дворѣ Куровицкаго. Изъ мельницы бѣглецы успѣли скрыться, а въ это время мѣстные крестьяне успѣли захватить и припрятать ихъ имущество, находившееся на взятыхъ въ лѣсу возахъ, такъ что Стецкому удалось выручить только часть крестьянскаго скота; Куровицкій же, передерживавшій бѣглецовъ съ ихъ имуществомъ, указавшій безопасное мѣсто въ лѣсу и дѣлавшій имъ предостереженія относительно погони, притворился какъ бы ничего не замѣчающимъ и, прибывъ домой какъ разъ къ сценѣ обыска и отобранія скота,—молча, надвинувъ шапку, отѣхалъ прочь ¹⁾).

Въ другомъ случаѣ выготца дѣйствовалъ напрямѣе и откровеннѣе. Управляющій Лабунскимъ имѣніемъ графа Любомирскаго, шляхтичъ Гржибовскій, ночью послалъ вооруженный отрядъ изъ тридцати человекъ надворной милиціи въ имѣніе Бугшинъ, откуда они увезли нѣсколько зажиточныхъ крестьянскихъ семействъ со всѣмъ ихъ скотомъ и движимостью, согласно заранѣе сдѣланному уговору; бѣглецы уходили не скрываясь, но какъ бы отступая предъ непріателемъ, такъ что даже былъ устроенъ изъ возовъ, по козацкому обычаю, таборъ, а нѣсколько человекъ изъ отряда прикрывали отступление; догнанные преслѣдовавшимъ бѣглецовъ владѣльцемъ, они навели его на

¹⁾ Приложение, № ХСШ, стр. 305—308.

таборъ, откуда погоня была встрѣчена ружейнымъ огнемъ и обращена въ бѣгство, причемъ многіе изъ преслѣдователей были жестоко избиты, изранены и ограблены, такъ что возвращаться имъ пришлось буквально въ нагомъ видѣ, не ниѣя даже, какъ говорить жалоба, «чѣмъ прикрыть стыдъ человѣческой» ¹⁾).

Разсказанные примѣры относятся уже къ первымъ годамъ XVIII столѣтія, но акты о бѣгствѣ крестьянъ тянутся непрерывно, начиная со второй половины XVI вѣка, ранѣе даже Люблинской уніи, а выкопцевъ и вооруженныя стычки бѣглецовъ съ преслѣдователями встрѣчаемъ какъ тогда же, такъ и въ первой половинѣ XVII вѣка ²⁾. Увозъ и препровожденіе крестьянъ, какъ предметъ промысла, должны были прекратиться только со времени возврата Югозападнаго края въ составъ Русскаго государства въ концѣ прошлаго вѣка, равно какъ и самое бѣгство должно было измѣнить свой характеръ, изъ переселенія оно превратилось въ бродяжество, продолжавшееся почти до самой отмѣны брѣпостного права. Не подлежитъ сомнѣнію, что введеніе русскаго законодательства и административнаго порядка, облегчивъ зависимость крестьянъ отъ помѣщиковъ въ отношеніи подсудности по уголовнымъ дѣламъ и ограничивъ предѣлы доминальной юрисдикціи вообще, въ то же самое время стѣснило свободу переселеній посредствомъ примѣненія ревизскихъ сказокъ, паспортной системы и, главное, возложеніемъ на управительственныя власти той заботы по преслѣдованію бѣглецовъ, которая прежде всецѣло падала на средства самихъ владѣльцевъ.

¹⁾ Тамже, № LXXVI, стр. 261—265.

²⁾ № XX, стр. 49; № XXXIII, стр. 89; № LXIV, стр. 170; № XC, стр. 274; № CIX, стр. 355; № CXXXIV, стр. 438; № CXL, стр. 451. № CLXXII, стр. 558, и т. д.—Мат. для ист. засел. Киев. губ., стр. 14—20.

Все это въ сложности усиливало временно фактическое подчинение крестьянъ, особенно въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ прежде переходы были легки и обыкновенны; Польское законодательство, съ его господствомъ частнаго права, предоставляло каждому отстаивать свои интересы собственными усиліями, тѣмъ болѣе, что крайняя слабость исполнительной власти дѣлала невозможнымъ дѣятельное вмѣшательство съ ея стороны; необходимое упорядоченіе края и регламентація государствомъ сословныхъ отношеній вели къ тому, что въ Россіи права, передвиженіе и мѣсто жительства каждаго отдѣльнаго лица должны были разсматриваться также не съ частной, а съ государственной точки зрѣнія, и нарушители законодательныхъ постановленій по этому предмету подвергались преслѣдованію со стороны властей, хотя бы они не причиняли при этомъ никакого вреда частнымъ лицамъ Историческое безпристрастіе требуетъ признать, что соблюденіе указанныхъ требованій отзывалось очень тягостно въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаяхъ на крестьянахъ, иногда вовсе этого не ожидавшихъ и даже неподозрѣвавшихъ повода къ преслѣдованію. Не слѣдуетъ забывать однако, что только введеніе строгой государственной регламентаціи взаимныхъ отношеній крестьянъ и помѣщиковъ и одинаково неуклонн е требованіе повиновенія предписаніямъ закона съ обѣихъ сторонъ — одно и могло, хотя бы и цѣною многочисленныхъ жертвъ, привести въ концѣ концовъ къ отиѣннѣ вѣрностнаго права путемъ мирной реформы, а не кровавой революціи, какія потрясали край въ теченіе ста слишкомъ лѣтъ безъ всякаго прочнаго результата, тогда какъ организованная реформа, начавшись введеніемъ инвентарныхъ правилъ 1846 года, провозглашена черезъ пятнадцать лѣтъ, 19 февраля 1861 года, во всей ея полнотѣ.

и наконецъ завершена Высочайшимъ повелѣніемъ 30 іюля 1863 года объ обязательномъ выкупѣ ¹⁾).

(¹ Для уясненія нашихъ замѣчаній о вліяніи Русскаго законодательства и административныхъ порядковъ прежняго времени на свободу передвиженій крестьянъ, за недостаткомъ соответственныхъ данныхъ изъ послѣднихъ лѣтъ прошлаго столѣтія, находимъ нужнымъ привести примѣры изъ судебной практики болѣе поздняго времени, извлеченные нами изъ мѣстныхъ архивовъ и представляющіе факты уголовного преслѣдованія крестьянъ въ такихъ случаяхъ, когда интересы ихъ владѣльцевъ и вообще частныхъ лицъ вовсе того не требовали.

I. Крестьянинъ Киевской губерніи, м. Кугарыца, владѣніи помещика Троицкаго, Яковъ Юрченко, вслѣдствіе притѣсненій со стороны приказчика, по его показанію, бѣжалъ съ цѣлью „искать лучшей жизни“. Придя въ Москву, онъ прожилъ здѣсь на работѣ два года, потомъ ушелъ въ Казань и наконецъ въ Тобольскую губернію, гдѣ и проживалъ до 1833 года. Задержанный въ Курганскѣ за неимѣніе письменнаго вида, онъ былъ посаженъ въ острогъ, гдѣ содержался около года, а тѣмъ временемъ, на основаніи его показаній о словѣ происхожденія, возбужденъ была о немъ черепыска съ Богуславскимъ земскимъ судомъ. Мѣстныя власти, недожидаясь отвѣта, рѣшились освободить Юрченка изъ заключенія, и онъ былъ даже опредѣленъ въ ночные дежурствія по городу; воспользовавшись этимъ обстоятельствомъ, онъ ушелъ изъ Курганска, намѣреваясь возвратиться на родину, гдѣ у него были жена и сынъ, оставленный еще ребенкомъ. Въ Троицкомъ уѣздѣ Оренбургской губерніи Юрченко былъ задержанъ вторично и отправленъ по стану въ Кіевъ. При производствѣ здѣсь дѣла о немъ, никакихъ подозрѣній въ совершенія имъ какого либо преступленія никѣмъ заявлено не было; бывшими своими односельцами онъ также былъ одобренъ въ поведеніи, но такъ какъ помещикъ не изъявилъ согласія принять его обратно, то Юрченко и былъ судимъ какъ бродяга. Архивъ Киевскаго уѣзднаго суда; по описи № I дѣло № 957, годъ 1836.

II. Въ двадцатыхъ годахъ настоящаго столѣтія Ржищевское имѣніе, въ Киевскомъ уѣздѣ, принадлежало графинѣ Дзильнской, а въ составъ его входило и с. Липовый Рогъ. Крестьянка м. Ржищева, Марьяна Буркаливна, вышедши замужъ за крестьянина с. Липоваго Рога, Ведмеденка, жила здѣсь до 1829 года, а около этого

Противодѣйствіе прещяныя непомярному гнету и злоупотребленіямъ—не всегда ограничивалось такою чисто пассивною мѣрой, какъ переселеніе; въ нѣкоторыхъ случаяхъ реакція вы-

времени, оставшись совершенно одна, вслѣдствіе бѣгства ея мужа, возвратилась на родину, отстоящую всего въ 7—8 верстахъ, гдѣ и жила до 1836 г. Тѣмъ временемъ с. Липовый Рогъ перешло во владѣніе помѣщичьи Ротермунль, и поэтому Ведмеденкова, оказавшаяся живущею въ чужомъ владѣніи, въ ноябрѣ 1836 г. была арестована въ м. Ржищевѣ за неимѣніе письменнаго вида, препровождена по этапу въ Кіевскій земскій судъ и судима за бродяжество. Судъ приговорилъ ее къ наказанію пятью ударами розогъ при полиціи и отослалъ подъ карауломъ для подворенія „на мѣстѣ жительства“ т. е. въ с. Липовомъ Рогѣ. Это постановленіе послужило поводомъ къ злоупотребленію со стороны мѣстнаго шляхтича—управляющаго.—Въ началѣ января 1837 г. священникъ с. Липоваго Рога донесъ рапортомъ Кіевскому земскому суду, что въ это село была прислана за карауломъ находившаяся „въ бѣгахъ“ вральщица Буркаливна, сужденная и наказанная въ Кіевѣ за бродяжество; хотя въ предписаніи земскаго суда, при которомъ она была препровождена, было сказано, по словамъ священника, что такъ какъ Буркаливна уже наказана, то затѣмъ никакому вторичному наказанію подвергаться не слѣдуетъ, тѣмъ не менѣе эконокъ, однодворецъ Франць Гавсевичъ, приказалъ ее жестоко высѣчь передъ корчмою, а на другой день вторично, въ присутствіи крестьянъ, работавшихъ на господскомъ гумнѣ. Вслѣдствіе этихъ истязаній, Буркаливна получила надучую болѣзнь и лишилась разсудка, почему и отправлена въ больницу въ м. Ржищевѣ,—то есть, въ то самое мѣсто, гдѣ она родилась, прожила теперь нѣсколько лѣтъ, и откуда именно была взята за неимѣніе письменнаго вида. При производствѣ слѣдствія по этому дѣлу, Гавсевичъ, не отрицая наказанія имъ дважды Буркаливны, „для общаго посрамленія“, объяснялъ, что сдѣлать такое распоряженіе, не распечатавъ даже, за отсутствіемъ аренднаго владѣльца, бумаги, при которой она была прислана; но послѣ наказанія Буркаливны прочелъ однако „изъ любопытства“ предписаніе земскаго суда, не дождавшись возвращенія арендатора, и увидя, что судъ не велитъ ей наказывать, раскаявался, что не прочелъ бумаги раньше“. Въ находящемся однако при дѣлѣ подлинномъ (?) предписаніи суда не только нѣтъ этого требованія, но даже вовсе не упоминается объ осужденіи и наказаніи Буркаливны.

ражалась болѣе прямо—возстаніями или аграрными преступленіями отдѣльныхъ личностей, не находившихъ болѣе законнаго исхода изъ своего невыносимаго положенія и срывавшихъ справедливо накипѣвшую злобу на владѣльцѣ, управляющемъ или арендаторѣ. Не касаясь возстаній, принимавшихъ болѣе или менѣе общій народный характеръ и осложнявшихся поэтому, кромѣ соціально-экономическаго, еще національно-политическимъ и религіознымъ элементомъ, мы ограничимся изложеніемъ нѣсколькихъ болѣе частныхъ фактовъ, передаваемыхъ документами настоящаго тома

Заслуживаетъ вниманія то обстоятельство, что наиболѣе ранніе по времени случаи самоуправства со стороны крестьянъ, о которыхъ дошли до насъ свидѣтельства актовъ, не имѣютъ ничего общаго съ первыми козацкими возстаніями въ XVI вѣнѣ и даже значительно имъ предшествуютъ, совпадая съ эпохою передѣлки перваго статута, влотившейся къ большому стѣсненію крестьянъ, и съ порою подготовки Люблинской уніи, приведшей къ тѣмъ же результатамъ. Такъ уже въ 1563 г. возстаютъ въ Бременецкомъ повѣтѣ крестьяне мѣстечка Лиховець и селъ Войнегова, Янкова, Кащинець и Вариводинець противъ своего помѣщика, пана Матвѣя Сенюты; напавши на

Такъ какъ самый фактъ истязаній былъ достаточно выясненъ свидѣтельскими показаніями, то Кіевскій уѣздный судъ постановилъ: удалить Гавсевича отъ должности эконома, выдержать его подъ карауломъ въ городскомъ острогѣ и обязать подпискою воздерживаться впередъ отъ подобныхъ наказаній. Тотъ же Архивъ, по описи № 1 дѣло 1349; годъ 1837.

Приведенные случаи, имѣющіе множество аналогій, достаточно, надѣмся, поясняютъ, какія невыгодныя для крестьянъ послѣдствія имѣло признаніе за бѣгствомъ характера не одного только частнаго правонарушенія, но и преступленія противъ государства, подлежащаго уголовному наказанію помимо даже частнаго обвиненія.

дверь, они вломилась въ свѣтлицу (комору), гдѣ находился владѣлецъ, и убили его, а сами въ ту же ночь неизвѣстно куда бѣжали со своими семействами и всѣмъ имуществомъ; въ числѣ бѣжавшихъ были и «атаманы» всѣхъ названныхъ селъ ¹⁾, а это даетъ поводъ думать, что преступленіе было вызвано жестокостями самого Сенюты.—Еще болѣе вѣроятія заслуживаетъ такое объясненіе по отношенію къ нѣкому папу Матысу Харковскому, которому князь Марко Сокольскій уступилъ въ владѣніе село Кобче въ Луцкомъ повѣтѣ, и котораго не разъ поджигали то свои же крестьяне, то ихъ сосѣди, Рожищане. Тѣмъ онъ жалуется въ концѣ 1582 г., что въ его отсутствіе челоуѣкъ пятнадцать крестьянъ пришли въ его дворъ, заперли старужи комору, гдѣ были его жена и дѣти, а прислугу по се избивъ, и тогда подожгли дворъ; хотя люди и успѣли спастись, но всѣ постройки и имущество погибли, а поджигатели тѣмъ временемъ ушли съ имуществомъ и семьями, въ числѣ нѣсколькихъ десятковъ душъ, такъ что сельцо совсѣмъ опустѣло; бѣглецы захватили также съ собою часть скота Харковского, а жители и урядники мѣстечка Рожищъ не только пропустили ихъ черезъ свой мостъ на р. Стырѣ, но еще и провожали болѣе мила, за что получили подарки ²⁾. Едва успѣлъ Харьковскій кое какъ обстроиться вновь, какъ черезъ мѣсяць съ небольшимъ его снова подожгли, и это, по его словамъ, былъ уже пятый поджогъ, и въ пятый разъ сгорала усадьба; собиравшаяся по этому дѣлу копа «вела слѣдъ», по которому и пришла до принадлежащаго къ Рожищскому имѣнію сельца Синюхъ, гдѣ жили пастухи (чабаны); но ни тамошніе жители, ни Рожищане вообще—на копу не вышли, ни слѣда дальше не отвели, почему и было копоу присуждено взыскать съ нихъ

¹⁾ № XVIII, стр. 45.

²⁾ № XLIX, стр. 128.

убытки ¹⁾.— Съ развитіємъ возстаній козацкихъ, стали чаще бунтовать и крестьяне на Волини, гдѣ они не подымались однако цѣлыми массами, какъ на Украинѣ и въ Подоліи. Тамъ въ 1664 г. крестьяне с. Пекалова, около Дубна, вмѣстѣ исполненія приказаній арендныхъ владѣльцевъ, открыто собрались переселиться въ Украину, а когда экономя хотѣлъ вернуть ихъ,—обезоружили его и дали ему до сѣтн палочныхъ ударовъ, грозя тѣмъ же и вмѣшавшейся въ дѣло женѣ арендатора ²⁾.—Возвратившійся послѣ ухода козаковъ и Русскихъ войскъ заставный владѣлецъ с. Котова Луцкаго повѣта, шляхтичъ Кубарский, былъ схваченъ своими крестьянами, ограбленъ и выданъ козакамъ, а ими уже отданъ въ плѣнъ русскимъ ³⁾. Въ 1707 г. нѣсколько крестьянъ с. Матыекъ, Луцкаго повѣта, окружили въ лѣсу управляющаго имѣніемъ Баховскаго, подъ предлогомъ какой-то просьбы, стащили съ лошади, изрубили топоромъ и здѣсь же зарыли трупъ, засадивъ могилу мелкимъ соснякомъ и верескомъ, въ надеждѣ уничтожить всякій слѣдъ преступленія, подробности котораго отличаются особеннымъ звѣрствомъ ⁴⁾. Подобнымъ же

¹⁾ Иванипевъ. О древн. сельск общинахъ, стр. 45.

²⁾ Приложение, № XVII, стр. 52.

³⁾ Приложение, № XXI, стр. 63.

⁴⁾ Приложение, № LXXXV, стр. 284—288:.... „Rękę prawą obuchem przetręcili, tandem zwłokszy z konia, wszyscy do siekier rzuciwszy się, na ziemi rąbali, głowę z mózgiem tymiż siekierami na sztuki roznieśli, piersi pogruchotali obuchami, aż po śmierci gdy się piersi palcem kto dotknął, kości za skurą iako orzechy rozsypane odzywali się, że zaś za gardło znać dusili, szyja wszystka y gardło iak węgiel czarne zostało; co sprawiwszy, złomawszy go y zwinowszy wedwoie, z plec głowe do błóg przywiwszy, iamę w tymże lesie wykopali y tego trupa rozsiekanego, wedwoie zwinionego, w te iamę storczma wepchali, y na tey mogile, żeby nie znać było, choiny młodey y wrzосу nasadziwszy, odeszli; co zaś ci zabóycy za okrucieństwo czynili, iako dokazywali,—groza słuhać, iak sami teraz przed ludźmi głoszą y iako się meztwem swoim zalecaią.

характеромъ отличалось и убійство шляхтича Погребецкаго, задержаннаго было бѣглыхъ крестьянъ изъ с. Костюховки¹⁾.

Заключеніе.

Резюмируя вкратцѣ все изложенное, мы приходимъ къ слѣдующимъ выводамъ относительно судьбы крестьянскаго сословія Юго-западной Россіи подъ Литовскимъ и потомъ Польскимъ владычествомъ:

1. Феодалная система Литовско-Русскаго великаго княжества обязана своимъ происхожденіемъ не столько заимствованію, а развилась главнымъ образомъ изъ отношеній князей къ дружинникамъ, путемъ замѣны жалованья денежнаго—земельнымъ, т. е. имѣеть аналогическое происхожденіе съ помѣстной системою Руси Восточной, хотя въ дальнѣйшемъ развитіи совершенно съ нею расходится;

2. Подъ вліяніемъ этой системы, въ періодъ ея господства, междусословныя отношенія не были точно опредѣлены, большинство земледѣльческаго населенія сохраняло личную свободу, подчинялось общему суду или пользовалось судомъ общиннымъ, несло податныя тягости въ пользу государства и не было лишено права землевладѣнія, одинаково впрочемъ условнаго для него, какъ и для выше стоящихъ классовъ;

3. Экономическія условія быта крестьянъ были обратно пропорціональны степени заселенности страны и оказывались тѣмъ тяжелѣе, чѣмъ болѣе возрастало населеніе въ той или другой области государства, и потому въ каждую данную эпоху были легче въ его юговосточной части, подъ вліяніемъ обилия незаселенныхъ земель, сосѣдства Татаръ и козаковъ, и продолжавшейся колонизаціи лѣваго берега Днѣпра;

¹⁾ Приложение, № LXXXIX, стр. 297—299.

4. Ограниченіе правъ крестьянъ началось прежде всего съ суда, потомъ выразилось въ переходѣ къ землевладѣльцамъ налогового права и наконецъ въ отрицаніи крестьянскаго права землевладѣнія и личной свободы;

5. Указанныя ограниченія замѣчаются со второй половины XV вѣка и особенно развиваются въ слѣдующемъ столѣтіи, въ эпоху общихъ законодательныхъ реформъ, и окончательно опредѣляются третьимъ Статутомъ, уничтожившимъ по имени рабство, на дѣлѣ же обратившимъ въ несвободное состояніе весь земледѣльческій классъ, тогда какъ землевладѣльцы съ этой именно поры получили равноправность между собою и всю государственную власть;

6. Вслѣдъ за окончательнымъ закрѣпощеніемъ началось постоянное возвышеніе крестьянскихъ повинностей, особенно являвшееся тягостнымъ подъ вліяніемъ временныхъ владѣльцевъ, арендаторовъ и заставниковъ, что вызывало въ свою очередь усиленное бѣгство крестьянъ и аграрныя преступленія;

7. Общая реакція крестьянскаго сословія въ видѣ открытыхъ возстаній проявлялась преимущественно не въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ положеніе этого сословія было болѣе тяжолымъ, а именно тамъ, гдѣ оно представляло большій просторъ для самостоятельнаго развитія народной жизни и состоятельности земледѣльцевъ;

8. Крестьянскія возстанія XVII вѣка дали болѣе или менѣе прочные результаты только для тѣхъ мѣстностей, которыя вслѣдствіе ихъ отошли къ Русскому государству; въ предѣлахъ же Польши, послѣ многократныхъ разореній страны съ 1648 по 1720 годъ, возникли снова прежнія условія, и повинности крестьянъ стали снова и постоянно возвышаться;

9. Наконецъ, съ возвращеніемъ края въ Россію, помѣщичья власть была ограничена въ своихъ размѣрахъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ получила въ оставленныхъ ей предѣлахъ большую противъ прежняго обезпеченность, вслѣдствіе обязательнаго содѣйствія ей со стороны исполнительной власти; и только общее развитіе Русской государственной жизни повлекло за собою ея дальнѣйшія ограниченія и наконецъ совершенную отміну.

Ив. Новицкій.

Примѣчаніе. Акты первой книги настоящаго тома и начальныя 14 листовъ «Приложенія» отпечатаны подъ редакціею члена комиссіи Б. Е. Бозловскаго, нынѣ умершаго; редактированіе же остальной части Приложенія, а равно составленіе вступительной статьи и указателей къ обѣимъ книгамъ, выполнено И. П. Новицкимъ.

1.

Сознаніе Овручскаго намѣстника, Сенка Полозовича, о томъ, что дѣйствительно умершій панъ Левъ Тышкевичъ при жизни записалъ Николо-Пустынскому Кіевскому монастырю четырехъ данниковъ, изъ имѣнія Скороднаго. 1498—1513 г., іюня 6 дня.

Я Сенко Полозовичъ, намѣстникъ Вруцкий, визнаваю симъ моимъ листомъ о томъ, штожь воторыхъ людей своихъ, у Скородномъ, описалъ по своей души небожчикъ панъ Левъ Тышкевичъ, четырехъ человекъ данниковъ, на имя Павла Шпила Цигачевича, а Павла Михѣевича Рожка, а Иванца Марковича, а Мишка Илинича Семяновича, на великого светого Николу Пустынскаго, игумену и всей же о Христѣ брати старцомъ монастыря Пустынскаго,—и по его животѣ братъ его, панъ Василей Тышкевичъ въ тѣ люди не вступался, и потому жъ ихъ подаль великому светому Николѣ въ рудѣ игумена и всей брати старцомъ Пустынскаго монастыря вѣчно и на вѣки, подлугъ запису брата своего, небожчика пана Льва Тышкевича, вже на потомъ въ тѣ выше писанны люди самъ панъ Василей Тышкевичъ и его брата, и ихъ ближнии, на вѣки не мають уступатись. И просили мене старца Пустынскии, абыхъ я имъ на то свой вызнаный листъ далъ; и я на ихъ жедане и прозбу сесь мой вызнаный листъ на то есмь имъ далъ за мою печать. Псанъ во Вручомъ, іюнь 6 день, индикъ 1.

М. П.

Настоящій актъ въ подлинникъ хранится въ собраніи документовъ, принадлежащихъ Временной Коммиссіи для разбора древнихъ актовъ, подъ № 11.

II.

Инвентарь города Житомира, съ исчисленіемъ приписанныхъ къ нему селъ и земель, а также крестьянскихъ повинностей и даней. (1504) г.

Stanisław August, z Bożey łaski krol Polski, wielki xiąże Litewski, Ruski, Pruski, Mazowiecki, Żmudzki, Kijowski, Wołyński, Podolski, Podlaski, Inflantski, Smolenski, Siewierski y Czerniechowski. Oznaymujemy tym listem extractkem naszym komu to wiedzieć należy, iż w księgach metriki kancelaryi naszej wielkiej—wielkiego Xięstwa Litewskiego znajduje się inwentarz miasta Żytomirza, w wojewodztwie kijowskim, za najjasniejszego predecessora naszego, krola, jego miłości, Polskiego y wielkiego xiążęcia Litewskiego, Alexandra, uczyniony; y supplikowano nam jest przez panow rad y urzędnikow, przy boku naszym rezydujących, abyśmy ten inwentarz, z tych że ksiąg metriki kancelaryi naszej wielkiej wielkiego xięstwa litewskiego, per extractum authenticie wydac pozwolili, który słowo do słowa, z raskiego wypisuiąc, tak się w sobie ma: «Kazimierz. Horod Żytomir, a na horodi czotyri puszki welikich, a piat taranic; a czeladi—dwa parobki, a dwie żonce, a troje diety małych, a wołow 15, husy y kyryie; sieenoie paszni dosyt po odnom pluzie, a po tołoce po odnoi. U Żytomiri, u mieste, korczom dwadcat, a i (s) tych korczom na hod idet z nich po kopie hroszey płatu, a myta po osm kop hroszey pryidet koli tycho,—a i to polowica na cerkow kapłanu idet. U Żytomiri słuh piatnadcat, iż holtiai, a dwa czołoweka tiahłych,—podymszczynu dajut. K Żytomiru seło Romanowo, a w tom sele dwadcat i sem dannikow, szto dani daiut, a tyie danniki daiut dani desiat kołod medu; a inoie lud nowjie, a tyie daiut koli sia med rodit, a i tut most czyniwali, a dwie kołode medu i półtretia wedra medu. U pustowskich zemlach, a tyie wsi ludi podymszczynu daiut; a w tom że sele dewet polanic, szto zeml ne derzat, a podymszczynu daiut, a słuba oden, podymszczynu ne dajet; a wsi tyie ludi danniki y polanicy bołkowszczynu daiut—z wola po tri hroszy; a s tych że ludej so wsich idet osm kołod owsa na horod; a kluczniku idet ot dani kopa hroszey, a s tych że zeml danych idet 24 kunicy. K Żytomiru seło Łowkow; a w tom sele desiat dannikow, a dani dajut tri kołode medu i wedro, a dwie kołode medu na pustowych zemlach dawno zapustelo; a nedannych ludej, szto podle paszut, osmnadcat czołoweka,—tyie wsi podymszczynu dajut; a tut że czoło-

weki tri, szto podymaszczynu ne dajut, a łowcow piat, szto w łowy chodiat, tyie podymaszczynu ne daiut. K Żytomiru seło Kposznaia; a w tom sele danników tri, a dani daiut kołodu medu bez dwie weder; a dwa wedra medu salehło na pustowskoi zemli, a polnych dey dwadcat czołoweka,—tyie wsi podymaszczynu daiut, szto ozle paszut; a tut że łowcow cztyri, a piat słuł—podymaszczyny daiut. K Żytomiru dwor s paszneiu Koszateszowe; (w) dwore sześć czeladi, a osm wołow, a żyto seienoho, a jar; a k tomu dworcuzi dwa nadcat czołoweka, a piat dannikow,—dani daiut kołodu medu i dwie wedre, a łowcow cztyri czołoweki, a dwa słułi,—a s tych so wsich ludei cztyri czołoweki podymaszczynu daiut,—a dwie zemli pusty leżat; a dani s nich szto cztyri wedry meda z dawna, a na tołoku chodiat; i Okolniaia seło,—a chleb y med hosudarskiy. K Żytomiru seło Kotelnia; a w tom sele nowyie ludi dwadcat i cztyri czołoweki; inyie ludi wysedeli, a inyie ne wysedeli; a kotoryie wolu wysedeli tyie podymaszczynu daiut, s toporom i s kosoiu chodiat. K Żytomiru seło Bordikow; a w tom sele cztyri słułi, troie so sznikow, nowyie ludi, ieszcze woli ne wysedeli; a koli wolu wysediat, oni maiut słułyzi, a jesaczniki imut tiahły tiahnuti kak i inyie ludi. K Żytomiru z seło Rudniki; a w tom sele dewiat czołoweka, a wse nowyie ludi, tiahłyie, ieszcze woli ne wysedeli; a kak wolu wysediat i oni budut podymaszczynu dawati i na tołoku budut choditi. K Żytomiru z seliszczu Zerdeneu; a w tom seliszczy tri czołowieki, wse słułi. K Żytomiru z seło Iwanowo; a w tom sele deciat słuł na woynu chodiat, a inoho niczoho ne znaiut; a cztyri czołoweki tiahłych na tołoku chodiat, a podymaszczynu daiut. K Żytomiru z seło Zwiniaczeie; a w tom sele cztyri słułi, a piaty tiahłyi podymaszczynu daiet. Hrezany dwor; a w tom dwore szest czołoweka, a osm wołow, cztyri korowy, a tri nazimki, semero swinei, a husei dwadcat; a pasznia jest żyto; a w tom sele u dwori ludei jest piat, a holtiaiew dwa, szto zemlu nederżat, na imia Juczyniu, Paszcioł, a dannikow sem: Tywun Chodyka, zemlu derżyt Lazorewszczynu, a s toie zemli dani dajet kopu hroszei, a poludija dwie kunicy; Olisey zemlu derżyt Filipowszczynu, a s toie zemli dani dajet tridcat hroszey, a wedro medu, a dwie kunicy poludija; Ihnat derżyt zemlu Ontonowszczynu, a daiet s toie zemli 30 hroszey, a poludija wedro medu, a dwie kunicy; Paweł derżyt dwie zemli danych, dajet s tych zeml kopu hroszey, a poludnogo dwie wedre medu, cztyri kunicy; Małofei zemlu derżyt Trybesowszczynu, a s toje zemli dajet cztyri wedra medu, a poludija wedro medo, a dwie kunicy, a łowczemu cztyri hroszy, bobrowniku tri hroszy; Zewon derżyt zemlu Rałokowszczynu, a s toje zemli chożywało sem weder medu, a poludija wedro medu, a dwie

kunicy, a łowczemu czotyri hroszy, bobrowniku tri hroszy; ino taja zemla mnoho let zalehła pusta, niczoho z neje nechożywało,—wsiiż hod Lewonu dali, iż tretinu dań dawati, szto by taja zemla pusta ne leżała; Hryń derżył zemlu Tyszczyński, a s toje zemli chożywało czotyri wedra medu, a połudnoho wedro medu, a tri kunicy, a łowczemu czotyri hroszei, a bobrowniku tri hroszy; ino taja zemla dawno zapustieła, niczoho znieie nechożywało,—wsiiż hod Hrinu dali, iż tretinu dań dawaty, szto by taja zemla pusta neleżała; Wasyl zemlu derżył Suprunowszczy, a s toje zemli chożywało tridcat' hroszei i wedro medu, połudnoho dwe kunicy, a łowczemu czotyri hroszy, a bobrowniku piat hroszei, a nainaczy toho neispołniajet, za niuz priholtiajewel; ktomuż dworu, k Rezanom, prisałok Chłapincy, a w tom sele tri czołoweki; Chodor zemlu derżył Zerolewszczy, a dani dajet desiet weder medu, a połudija dwa wedra medu, a dwe kunicy, a łowczemu kunica, a bobrowniku piat hroszei, a piat woskow; Iwan zemlu derżył Belewskuju, a dań jdet s toje zemli czotyri wedra, a połudja wedro medu, a dwe kunicy, łowczemu czotyri hroszy; Łuka zemlu derżył Chłupiyskuju, a s toje zemli dań jdet piat weder medu, a połudija dwe wedre medu, a dwe kunicy, a łowczemu kunica, a bobrowniku piat hroszey, a piat weder. K Hrezanom prisałok Sołodyr, a w tom sele dey odin słuha, a tri danniki: Timosz derżył zemlu Saładyrew, a s toje zemli dani dajet kopu hroszey, a połudija dwe kunicy, a dwe wedry medu, a łowczemu kunica, a bobrowniku piat' hroszey, a piat woskow; Jakim kuzneć zemlu derżył Lisowszczy, a s toje zemli dani jdet sorok hroszey, a połudija dwe wedre medu, a dwe kunicy, a łowczemu kunica, a bobrowniku piat hroszey, a tych woskow; Iwan zemlu derżył Weprewszczy. a s toje zemli dani chożywało czotyri nadcat weder medu, a połudija dwe kunicy, a dwe wedre medu, a łowczemu kunica, a bobrowniku desiat hroszey, piat woskow; a taja zemlia pusta leżała, wsiiż hod dali Iwanu na treti dani dawati, szto by taja zemla pusta neleżała. K Hrezanom prisałok Szuszkowicy, a w tom prisałku czotyri czołoweki: Olisey zemlu derżył Matfejewszczy, a s toje zemli dajet desiet weder medu dani, a połudija dwe weder medu, a dwe kunicy, a łowczemu czotyri hroszy, a bobrowniku piat woskow; Rusin zemlu derżył Tymowszczy. a s toje zemli dani idet tri wedra medu, a połudija dwe wedre, a dwe kunicy, a łowczemu czotyri hroszy, a bobrowniku hrosz; Paweł zemlu derżył Hłazowszczy. a s toje zemli chożywało dey izdawna kołoda medu; ino taja zemla welmi dawno zapustieła buła; ino jeszcz Hreżanskiy Fedko dał jemu na połukopi,—on toje dajet. W tom ze prisałku zemla pustaja Michonowszczy, połazom jeje łarjat, (sic) a tut ze druhaja zemla

pustaja, połączom że łariat, a oczycz mał welmi, a s toje zemli zdawna cho-
 żywało dwadcat' hroszey izdawna. A jeszcze k Hrezanom prisełok Motolo-
 wiczy, w tom sele tri słuhi, a czetyri danniki: Ihnat derżyt zemlu Wasy-
 lewszczynu, a s toje zemli dajet sorok hroszey, a poludija dwe wedre medu,
 a dwe kunicy, a łowczomu desiat hroszey, a bobrowniku piat hroszey, a
 piat woskow, a tiwunszczyny wedro medu; Beznos derżyt zemlu Zanejew-
 szczynu, a s toje zemli dani dajet połkopi hroszey; Juczkowy diety otczynu
 swoju derżat, a dani dajut sorok hroszey i piat hroszey, a poludija dwe
 wedre medu, a dwe kunicy, a łowczomu kunica, a bobrowniku piat hroszey,
 a piat woskow; Hawryło derżyt cerkownuju zemlu, a dani dajet cerkwi
 ośm weder, a służbu służyti na dwor.» My tedy, krol, do pomienioney suppliki
 łaskawie się skłoniwszy, zwyż wyrażony inwentarz z ksiąg przereczonych
 metryki kancellaryi naszej wielkiej wielkiego xięstwa Litewskiego ekstraktem
 stronie potrzebuiącey wydać, y dla więksey wagi pieczęć wielkiego xięstwa
 Litewskiego przycisnąć, roskazaliśmy. Dan w kancellaryi naszej wiel-
 kiego xięstwa Litewskiego, dnia 22 miesiāca Aprila, roku pańskiego
 M.D.C.C.L.X.X.VIII, panowania naszego 25 roku. Za sprawā jasniewiel-
 moźnego imci pana Joachima na Szczorsach, Ziembinie y Wiszniewie, Hrabi
 Littawora Chreptowicza, podkanclerzego wielkiego xięstwa Litewskiego. Or-
 száńskiego, Zosleńskiego etc. starosty. Grzegorz Kaczanowski, Metrikant
 wielkiego xięstwa litewskiego.

M. II.

*Настоящій актъ въ подлинникъ хранится въ собраніи до-
 кументовъ, принадлежащихъ Временной Комиссiи для разбора
 древнихъ актовъ, № 20.*

III.

Запись Щастнаго Федоровича Полозовича Николо-Пустынскому Кіевскому монастырю на данника съ землею и данью грошевою и медовою.

Привиллегія короля Сигизмунда, подтверждающая означенную запись Щастнаго Полозовича. 1514—1529 года, октября 15 дня.

а) Я Щастный Федоровичъ Полозовича, будучи въ полномъ разуми а въ цѣломъ смыслѣ, записываю на великаго светого Николу Пустыпского по своемъ животѣ данника своего отчинного, дѣлнаго, у Тимошевичохъ, Уруцкого повѣта, на имя Яковца Хомичича, и зъ его дядкевичи, зъ даню грошевою и медовою, и зъ землю ихъ бортною и съ пашною на вѣки; а хто бы то хотѣлъ зрушити зъ братьи моеи, а либо и съ сестрь моихъ, а либо изъ ближнихъ моихъ, тотъ ся розсудитъ со мною передъ милостивымъ Богомъ на ономъ свѣте. А при томъ были люди добрыи, мещане Мозырскіи: Елхимъ, а Карпъ, а Пашко Кобызевичъ, а братъ его Пахомъ Кобызевичъ. А писалъ сесь листь попъ Мозырскій, великого светого Николы, Василей. А на твердость сего моего листа печать есми свою приложилъ къ сему моему листу, и мещанина мозырскаго Елхима просилъ есми, што бы онъ приложилъ печать свою къ сему моему листу.

М. П.

М. П.

б) Самъ Живгимонтъ, Божю милостю король Полскій, великий князь Литовскій, Русвій, князя Прусское, Жомойтскій и иныхъ. Воеводѣ Кіевскому, подчашому нашему, намѣстнику Мозырскому и Вруцкому, пану Юрью Миколаевичу Радивиловича и инымъ воеводамъ нашимъ, хто и на потомъ будетъ отъ насъ Кіевъ держати. Билъ намъ чоломъ игумень и вси старцы монастыря светого Николы Пустынскаго съ Кіева, и повелили передъ нами, штожь дворянинъ нашъ, небожчикъ Щастный Полозовичъ, далъ и записалъ на тую цер-

ковъ святого Николы данника своего, во Врудномъ повете, въ Тимошевичохъ, на имя Яковца Хомина, изъ его дядьовичи, и на то запись его передъ нами вказывали и били намъ челомъ, абыхмо имъ на то дали нашъ листъ и подтвердили быхмо то имъ нашимъ листомъ. Ино мы имъ на то дали сесь нашъ листъ и подтверждаемъ то имъ симъ нашимъ листомъ: нехай они того данника Яковца, изъ его дядьовичи, и зъ ихъ землю пашною и бортною, и зъ даню грошовою и медовою, въ той церкви святого Николы держать, подлугъ данины и запису небожчика Щастнаго Полозовича. Псанъ у Вильни, октября 15 дня, индикеть 2-й.

Документы эти въ подлинникъ хранятся въ собраніи документовъ, принадлежащихъ Временной Комиссіи для разбора древнихъ актовъ, № № 17 и 36.

IV.

Запись отъ Ивана Немирича Николо-Пустынскому Кіевскому монастырю на человека Алексѣя и земли. 1514—1529—1543 г., Ноября 17 дня.

Я Иванъ Немиричъ чиню явно симъ моимъ листомъ каждому доброму, кому потреба будетъ ведати, або чтучи слышити. Записалъ есмь человека своего, выслуженного на господари моемъ, на имя Олексѣя и зъ братею его, Узивьской волости, зъ Меленевиць, посполито живеть, зъ его землю бортною, и зъ нивами, и сеножатми и со всімъ на все, какъ ся тая очизна у собѣ маеть, ничего на томъ собѣ не оставляючи, Светому Николе на монастырь Пустынский по души своей, и листы на того человека твердости свои, казаль есмь его милости, игумену Светого Николы, Герасиму, дати вечно и непорушно. При томъ были и тому добре свѣдомы, панъ Федоръ Елецъ, а панъ Салтанъ Стецкевичъ, а панъ Станиславъ

Суринъ; а о приложене печатей къ сему моему листу просить есми ихъ милость, вышписаныхъ пановъ, о печать, и ихъ милость на мою просьбу то вчинили и печати свои приложили къ сему моему листу,—и я Иванъ Немиричъ и свою есми печать приложилъ къ сему моему листу. Писанъ у Волевску, месяца Ноября 17 дня, Индиктъ 2.

М. П.

М. П.

М. П.

Настоящій актъ хранится въ подлинникъ въ собраніи документовъ, принадлежащихъ Временной Коммисіи для разбора древнихъ актовъ, № 37.

 V.

Листъ старосты Луцкаго, князя Федора Михайловича Чорторійскаго четыремъ мужамъ господарскимъ, Подгаецкимъ, объявляющій имъ, что «зъ розказаия господарскаго» они вмѣстѣ съ ихъ дворами и повинностями отдаются пану Ивану Подолянину. 1526 г. Марта 1 дня.

Рову тисеча шестсотъ тридцать перваго, мѣсяца іюня двадцать шостаго дня.

На вряде вгородскомъ, въ замку его королевское милости Луцкомъ, передо мною Александромъ Малиновскимъ, буреграбимъ и наместникомъ подстароства Луцкаго, постановившисе очевисто урзожонный панъ Вацлавъ Зубъцевскій, городничій Луцкій, для вписана до книгъ нинешнихъ вгородскихъ, Луцкихъ, подалъ перъ облятамъ листъ отъ князя Федора Михайловича Чорторійскаго, старосты Луцкаго, рускимъ писмомъ въ тые слова писаный: »Отъ Князя Федора Михайловича Чорторійскаго, старосты Луцкаго, мужамъ господарскимъ, Подгаецкимъ, Олишку, а Василине, а Андрейцу, а Редцу. Даемъ вамъ ведать о томъ, што жъ есмо зъ розказаия господар-

сего дали два дворяна ваши и васъ, а третее пустовнее дворяне, пану Ивану Подоляину, и казали есмо его въ тие въ три дворяна и въ васъ увязати ключнику нашему Луцкому, пану Богушу Мордвиновичу, и вы бы о томъ ведали и пана Ивана были бысте во всемъ послушны, яко то пана своего. Писанъ въ Селцы, мартъ первый день, року Божого тисеча пятсотъ двадцать шестого. У того листу печать одна притисеная. Который же то листъ, за поданемъ я прозбою вышъ менованое особы, а за принятемъ моимъ урядовымъ, увесь спочатку ажъ до конца до книгъ нынешныхъ вгородскихъ, Луцкихъ, есть уписанъ.

Книга вродская Луцкая, записовая и поточная 1631 г. № 2144, л. 978.

VI.

Листъ Луцкаго ключника Богуша Мордвиновича и Василя Шунки, опредѣляющій количество земель, слѣдующихъ къ одному изъ дворянъ с. Подгаецъ, пожалованныхъ королемъ въ вотчинное владѣнiе пану Ивану Подоляину. 1528 г., сентября 21.

Року тисеча шестсотъ тридцать первого, мѣсяца июня двадцать шестого дня.

На вряде вгородскомъ, въ замку его королевское милости Луцкомъ, передо мною Александромъ Малиновскимъ, буреграбимъ и наместникомъ подстароства Луцкаго, постановивши се очевисто урочный его милость панъ Вацлавъ Зубцевскій, городничий Луцкій, для вписаня до книгъ нынешныхъ вгородскихъ, Луцкихъ, подалъ перъ облытамъ листъ Богуша Мордвиновича, ключника Луцкаго, и Василя Шунки, русскимъ писмомъ писанный, въ тие слова: Я Богушъ Мордвиновичъ, ключникъ Луцкій, а я Василей Шунко, ознаймемъ всимъ посполите, штожь которые дворяна три въ Подгай-

пахъ, отъ господара короля данныи суть пану Ивану Подолянину въ отчизну, а ино онъ отъ подданныхъ господарскихъ менилъ себе втыскъ въ поляхъ и сеножатехъ и въ гаяхъ; тожь пахъ за росказанемъ господара, короля его милости, князь его милость Федоръ Михайловичъ Чорторыйский, староста Луцвій, сослалъ насъ, што жъ бы есмо разсмотрели—маеть ли въ чомъ кривду пахъ Иванъ и штобъ ему отделили што на него слушно. Тогда мы тымъ обычаемъ постановили: подданные его мають по старыне держати, якъ хто держоваль, бо онъ поведиль, штожь дей подданные мое некоторой кривды не мають, толко я въ томъ третемъ пустовномъ дворысчы кривду маю,—бо таеъ поля, таеъ сеножати, якъ то пустовные, разобраны суть; ино мы роспытавши ся мужей Подгаецкихъ, и тие нивы, которые разобраны отъ того дворысча, вышукавши, пану Ивану есмо жъ до уживаня вечистого подали, и наменовите и тие, которые давно держаль, и тие, которые есмо жъ у подданныхъ господарскихъ вышуквали, въ сесь листь нашъ вписали, штобъ онъ тое дворысче суполна мель,—на першемъ въ томъ поли, на которомъ село сидеть, нивъ чотыри, которыхъ кажьдую за три дни плугомъ зорати можетъ, а за гостинцемъ, который съ Крупои до Луцка идетъ, нивъ тры, которыхъ кажьдую за два дни плугомъ зорать можетъ, а за гостинцемъ, который идетъ съ Крупои въ Теремному, тамъ ему поля нивъ шесть, которые таеже кажьдую за три дни зорать можетъ; а за гостинцемъ, который идетъ зъ Мастча (?) до Теремного, тамъ ему поля нивъ чотыри великихъ, въ которыхъ есть нивъ по десяти день и болшь; а сеножать ему противъ Дубовицы на десять косаровъ, а другая, подле Микалины гати, на шестнадцать косаровъ; а въ гай липовый и въ дуброву волный ему въездъ по дрова, какъ жо и подданнымъ господарскимъ, и въ дуброве и на болоте, што прикопаеъ поля и протеребитъ сеножати, тое супокойное держати маеть; а мужеве господарские не мають ему вжо жадного втыску чинить. А мы ему на то сесь листь дали и печати свое привклали. Писанъ у Подгайцохъ, подъ лето Божого Нарожения тисеча пятьсотъ двадцать осмого, мѣсяца сентебра двадцать первый день, индиктъ шеснадцатый. У того листу печатей притисненыхъ дви. Который же то листь, за поданемъ и прозбою вышменованое особы, а

за принятѣмъ моимъ урядовымъ, увесь спочатку ажъ до конца до книгъ нынешнихъ вгородскихъ, Луцкихъ, есть уписанъ.

Книга городская Луцкая, записовая и поточная 1631 г., № 2144, л. 977.

VII.

Уставъ короля Сигизмунда I, данный державцамъ и урядникамъ королевскихъ имѣній, находящихся въ Виленскомъ и Троцкомъ повѣтахъ, съ изложеніемъ правъ и обязанностей ихъ относительно управленія этими имѣніями, а также сбора и распределенія доходовъ, и съ исчисленіемъ повинностей поданныхъ и взимаемыхъ съ нихъ поборовъ. 1542 года, между 27 мая и 15 июня.

Устава дворовъ нашихъ у великомъ князствѣ Литовскомъ, такъ у Виленскомъ какъ у Троцкомъ повете, яко ся державцы и владовники захвати мають. На первой державца дворовъ нашихъ, въ каждомъ дворе особно доведавшыся, колько есть бочекъ жыта потреба на насенье пришлого лета, только тымъ часы отложить копъ жыта на сторону въ гумнекъ дворовъ нашихъ, а тое жыто роздавать людямъ на весну у въ отсопъ въ осени на насенье, а за каждую копу бочку дворную жыта брать, и тымъ жытомъ засевать, а кожного лета такъ жыта у въ отсопъ давати.

Гумна дворовъ нашихъ всимъ тымъ способомъ мають быти захованы скоро по жънивѣ, абы десятины костельныя, где суть повинныя, спольна абы были отдаваны; потомъ жыто на насенье лета пришлого, которое маеть быти въ отсопъ давано, на сторону отложить только много конъ въ личьбу, колько нашии лета пришлого на насенье жыта будетъ надобе.

Потомъ челяди невольной месечына маеть быти въ копахъ на сторону отложона, а другая отмолочона, которую месечыну тымъ способомъ уставуемъ, абы челяди невольной, которыи мають прироб-

ки свои а бонды, по полторы копы жыта на оддано водле старого обычая; а тымъ иншимъ невольникомъ, котормы обыходовъ и домовъ своихъ не мають, тымъ мѣсячна давати чотыры разы до году по бочце жыта, то есть невѣяное, водле обычая давнаго; а то жыто не веяное маеть быти въ есени, по жниве, на сторону отмолочено.

Потомъ того жыта, што застанеть копъ, отправившы тьи речи, вышей писаные,—две части на насъ и къ пожитку нашому оставямы, а третья часть жыта державцамъ нашимъ къ ихъ пожитку и къ живностямъ, а то маеть быти передъ писаремъ нашими откладывано; а къ тому што възнете ярынъ, яко: овса, пшеницы, ячменю, гречыхи, гороху, ярыцы и инъшихъ, того скоро по жниве мають державцы наши намъ на несепе и тежъ ку пожитку три части на сторону отложыти, а собе четвертую часть ку живности и пожитку мають обернути.

Жыта наши, котормы въ гумнехъ дворовъ наши зоставуть, тьи мають бытъ на весну подданымъ нашимъ, або хто будетъ потребоваль, копами на пенези роздаваны на долъгъ, за слушнымъ рукоемство заплатити, котормы пенезы тьи долъжники платити будутъ повинни на светый Мартынь; а тьи пенезы заты жыта державцы наши будутъ повинны до скарбу нашего давати.

Потомъ то уставуемъ, абы державцы наши и ихъ вранники, при роздаванью жыта нашего такъ отсопного, такъ тежъ вгды на пенезы будетъ давано жыто, жадныхъ великихъ поклоновъ отъ подданныхъ нашихъ не брали, одно по полугрошью, або по курыцы. Потомъ речи вси въ небытности вашей мають зупольне вживати, и ку своему пожитку обращати державцы дворовъ нашихъ; а на приеханье наше къ великому князству Литовскому будутъ повинны до кухни наше речый огородныхъ достатовъ нашъ дати, водле шацунку и уставы кождога двора особно.

Потомъ абы льну каждый державца такъ достатовъ сеяль, яко бы отъ кождо жонки, котормы месечыну маеть брати, даль поставъ полотна на кождый годъ; а если бы котормый державца нашъ въ томъ пильности не мель, а льну ку работе челяди не выдалъ, отъ кождо жонки повиненъ будетъ дати пятьдесятъ грошей, або поставъ полотно пятьдесятъ локоть.

Тежъ абы бочки въ одну меру уроблены, а подь цехомъ нашимъ и железнымъ обручомъ збиты, которыми зъ гумна и зъ свирна на кождый расходъ и на несенье абы было меропо; тыми жъ бочками отсопъ жытныи ку насеню отбирано.

Потомъ жита наши даньныи и овсы, то есть дякла, державцы наши бы спольна до городничого нашего отдавали, а съ подьданныхъ нашихъ маеть быти о светомъ Шымоне Юуде выбирано, которое жыто и овесь городничии наши въ каждомъ повете кождого году водле торгу маеть продавати, а пенезы до скарбу нашего отдавати.

Тежъ што продакле суть даннии куры и яйца, то zostавуемъ на кухню нашу, а въ небытности нашей мають подданныи наши пенезми платити, то есть за десать яецъ и за курыцу—одинъ грошъ, а то мають державцы наши до скарбу нашего отдавати.

Потомъ за сена дякольные подданныи наши кождого году будутъ повиньни пенезми платити, то есть за возъ сена по тры грошы; а тии пенези мають быти до скарбу нашего отдаваны, а пенезы подьявольныи понтичныи дровныи, то маеть на врадъ замъковый подстаростему городничому.

Также мезлевы, которми съ подданныхъ нашихъ на кождый годъ приходять, то абы державцы наши пенезми отбирали, то есть: за яловицу трыдцать грошей, за вепра двадцать грошей, за барана чотыры грошы, за кура, а за десеть яецъ одинъ грошъ,—а тии пенези мають быти отданы до скарбу нашего.

По всимъ подданнымъ нашимъ, которми суть повиньни службу вставичне служити, то есть люди тягмые, то zostавляемъ для работъ нашихъ дворовъ, яко нашихъ, подводы, по старому обычаю мають служити черезъ лето, начавши отъ весны, вгды на ярь почынають орати, ажъ до светого Шымона, черезъ зиму, державцы дворовъ нашихъ, zostавивши люди дворную потребу то, што котормый дворъ потребуеть, а остатокъ людей тяглыхъ ку пожитку нашему осадити, то есть на бочце пьницы, або вепра, будетъ повинень подданныи кождый осаженого до двора нашего ку пожитку нашему дати, а то въ небытности нашей, державцы продавшы, повинень то будетъ до скарбу нашего отдавати. Тежъ боярове наши путные, осочники, которми зъ стародавна повиньни войну служити, сена восити, такъ же тежъ

рыболове, бортники, ковали и иншии подданыи дворовъ нашихъ, которые тяглое службы не служатъ, ты будутъ повинни дванадцать дни на тологу въ годъ до дворовъ нашихъ служыти, то есть три дни на паренину орати, три дни на жито, три дни жито зъ серпомъ жати, а три дни ярыны а сено косити, по старому, которые отъ инъшыхъ послугъ мають быти вольны; а на каждый годъ до скарбу нашего, на день светого Мартина осаднаго, повинни будутъ платити по копе грошей; а вшакъ же съ тыхъ же подданныхъ нашихъ, яко осочниковъ, рыболововъ, ковали на дворную потребу, по кольбу службу оставившы, те жъ земли пусты повинни будутъ державцы дворовъ нашихъ, ку пожитку нашему, наймовати на пенези, альбо на меду, а то все до скарбу нашего отдавати.

Потомъ въ которыхъ ачь кольбекъ дворехъ нашихъ суть озера, на которыхъ зиме неводы ходять, ты рыбы мають быти продаваны за пенези за две части ку пожитку нашему; державца повиненъ пенези до скарбу нашего отдати, а третью часть себе маеть взяти; тежъ при которомъ кольбекъ дворе нашомъ суть пожитки въ куповъ, въ лесы, то есть: смоль, ванчосы, попелы, вленки, то зупелно на насъ оставуемъ.

Потомъ абы каждый державца двory наши будоваль, оправоваль, огородилъ, ставы, млыны, где могутъ быти, абы были роблены, а овшеки въ есени, где не маешь инъшихъ работъ.

Тежъ абы жадный державца подданныхъ а людей дворовъ нашихъ къ работамъ, альбо будованья дво(ровъ) своихъ отчизныхъ, не брали, а ни въ жадныи подводы въ речахъ своихъ; а овшеки, цо ся тькло, яки купли воженья, то есть: соли, жита, сева и овса и иныхъ речей.

Про тожъ а жадный державца абы винъ, зарукъ, або тежъ прометовъ великихъ не бралъ, а ни тежъ слугъ своихъ въ таковыхъ винахъ въ доми подданныхъ нашихъ не всызали, а ни лежни клани, але абы то было черезъ писары наши врейстровано ку пожитку нашему; а каждая вина, которая есть большая надъ нятдесять грошей, то до скарбу нашего ма быти, а державцамъ нашимъ до нятдесять грошей.

Тежъ вгды подданныи нашъ озметъ державцу на спорщину на-

кую ку суженью о землю або о сеножать, тогда маеть подданный, вины который застанеть, заплатити яловцу або полконы грошей, а вранники дей державцы выведеть—десять грошей; а коли подна-
месничокъ, або тивонъ выедеть—тогда пять грошей.

Также пересудъ на державцу зоставуемъ, то есть десятый грошъ; але пересудъ нема бытъ брань отъ тыхъ людей, который ся потвары оттяжутъ; потомъ децкованье то ма бытъ передъ держав-
цы нашими водле статута земского, то есть поминное.

Тежъ вины битья мужыкъ зъ мужыкомъ, кгда ся побьеть, а тому будетъ доводъ, то маеть быти державцы пятьдесятъ грошей; а естли ся передъ правомъ згодять, державца ма взяти дванадцать грошей.

Также въ которомъ бы кольвекъ дворе были пенези, або ста-
родавна доходы, яко мыта речныи, перевозки, капъцизны, млыны, гуничныи отъ домовъ где пиво не варать, то все абы было брано ку рецы пожитку нашому а къ скарбу нашому отдавано.

Тежъ где бы кольвекъ были меды данъныи стародавныи, также и бобры и куницы и иныи, то все зоставуемъ ку пожитку нашому.

Такъ жо въ мествъ маыхъ и великихъ торговое и по бочное, мяс-
не и инъшое, то все на державцу зоставуемъ, окромъ мытъ ста-
родавнихъ, который идуть до скарбу нашего.

Потомъ кгда мужыкъ на заказанье державцы нашего, або вра-
дника его, на работу не выидеть день одинъ, альбо непослушеньъ
будеть, ма бытъ мернымъ грабсжомъ каранъ, а ницъ венъцей, ено
барана; а естли будетъ въ чомъ болшыи впорный надъ росказане
державцы нашего, ма бытъ, яко впорникъ, плетю або бичомъ каранъ,
а не виною.

Тежъ абы вси доходы пеняжныи и пожитки дворовъ нашихъ
на одинъ часъ были выбраны и отдаваны ку скарбу нашому, то естъ
на светый Мартинъ.

Потомъ, где бы кольвекъ было стадо въ дворе нашомъ, пови-
ненъ державца въ доброй опатрности, яко бы отъ голоду, альбо от
звмна жоробятя, або сверены, отъ голоду не здыхали; а где жъ
вольвекъ за его неопатрностью што вмерло, повиненъ то будетъ
платити водле уставы земское; а къ тому каждая сверена и жеребя

мети въ рейстре на ймя шерсть, а того рейстру списокъ конюшый маеть мети у ведомости въ каждомъ стаде каждого двора; и тежь, што ся которого году примножить, такъ же тежь мети цильность о кони стадныи, абы были добре хованы, а оброкъ стадному коню на две недели бочка овса, а конюшы абы того досмотрель.

Тежь абы каждый державца каждого двора, где есть челядь невольная, животины у дворехъ нашихъ мяль досыть, и овшени сохи дворныи, абы челядь невольная дворными сохами робили ку розмноженью пашни и дворовъ нашихъ. Тежь вси державцы дворовъ нашихъ, таь повету Виленьского яко и Троцого, повинъни будуть два разы году, то есть одинъ разъ въ есени, а другой разъ на веспу зъ гумна личбу чынити зупелне, и со всихъ тыхъ пожытковъ нашихъ, два разы каждого году писанныхъ, которые есмо ку своей руде и пожыткку скарбу нашего zostавили, передъ писарми нашими, которые будутъ одъ насъ ку слуханью личбы дворовъ нашихъ два разы каждого году посланные.

Тежь абы замковые вранники, таь замеу Виленьского яко и Троцого и иныхъ, до дворовъ нашихъ не слали децвого своего, бо то есть великая сказа подданныхъ нашихъ и замешванье усихъ дворовъ, а овшеки же то большей чынять для своихъ пожытковъ а не для отправки замковой; а того досмотреть, чога который замокъ потребуеть, а въ томъ жебы замковый вранникъ ма завжды порозуменье а розмову зъ уранники альбо державцами тыхъ дворовъ, которые повинны службы до замковъ службы повинъни, того большей стерегучы, якобы подданыи наши лупежствомъ непотребнымъ не были втиснены, а оправы замковые, за згодою вранниковъ, были справнены.

Тежь абы державца дворовъ нашихъ, вранники дворныи, яко: заказники, старцы, тивунове, приставы, сорочники, гуменики обирали што лепшыи мужы верныи, а которые бы большей стерегли работы пашни и иныхъ, ни жили лупежства, альбо откупованья отъ повинныхъ работъ.

Тежь абы державца дворовъ нашихъ, кгда ся трафятъ подводы ку потребе нашей, жадныхъ откуповъ не брали и своихъ уранниковъ дворныхъ отъ того гамовали, яко бы подданыи были въ

въ томъ захованы въ каждомъ дворе а чергами на подводы ходили, тогда жадному кривды не будетъ.

Тежъ уставуемъ и грозно приказуемъ, абы панове воеводы, такъ тежъ старосты и вси державцы наши, черезъ то, нпкому, какого будь стану, не смели пустовьскихъ земель давати, яко у воеводствахъ, такъ у старостахъ, такъ тежъ у дворехъ нашихъ, всихъ до нашей воли господарской, а то всимъ вамъ приказуемъ подь ласкою нашою. А хто бы за таковымъ даньемъ отъ пановъ и за листомъ ихъ который земли наши пустовскии держалъ, а на то бы въ себе инсту нашего данины не мель, казали есмо тымъ писаремъ нашимъ, въ таковыхъ тыи земли наши отобрати, и зась къ тому двору нашему привлащати, въ которомъ дворе тыи земли будутъ найдены.

Тежъ которые суть капщызны пнези по местомъ и дворомъ нашимъ: ино какъ будемъ дворанъ нашихъ посылати, тыхъ капщызныхъ пенезей выбирати, мають тыи дворане наши, подь сведомъ державецъ нашихъ и тыхъ писаровъ нашихъ, отъ насъ на тыи дворы въставенныхъ, тыи пенязи капщызными выбирати и отдавати до скарбу нашего, а то для того, ижъ бы въ томъ намъ некоторой шкоды не было. А обромъ тыхъ капщызныхъ пенезей, и иныхъ всякихъ платъ наши пенезными, цыншовыми, поборными, куничными, мытными, отъ жыть и отъ мезлевь прибавенны, отъ пустовскихъ земель бранны, и отъ осадъ людей, и зъ винъ, и иныхъ вси доходы и платы, што суть намъ къ помытѣу нашему привлащоны, мають державцы наши выбирати, а писари наши мають то въ книги свои записывати, и черезъ руки державецъ нашихъ, при тыхъ писарехъ нашихъ, масть то все давано быти до скарбу нашего, на рокъ, на светый, Мартинъ *).

Копія этого акта хранится въ собраніи документовъ, принадлежащихъ Временной Коммисіи для разбора древнихъ актовъ, и значится по дополнительной описи подь № 101; самый же подлинникъ находится въ метрическихъ актахъ, состоящихъ при 3 Департаментъ Правительствующаю Сената, въ Книжъ Судныхъ Дѣлъ, № 6, стр. 227—232.

**) Примѣчаніе.* Настоящій уставъ, въ нѣскольکو измѣненной формѣ, издавъ былъ еще за 13 лѣтъ назадъ, именно въ началѣ 1529 г, какъ это видно изъ Актовъ Завад. Рос. т. II, № 159. Изъ примѣчанія, сдѣланнаго къ нему, оказывается, что онъ помѣщенъ въ VII кн. Литовской метрики, стр. 500—501, тогда какъ этотъ уставъ, какъ выше сказано, находится въ книгѣ VI, стр. 227—232.

VIII.

Опись Брацлавскаго замка, съ исчисленіемъ приписанныхъ къ нему селъ и земель, а равно земянъ, бояръ и мѣщанъ, и съ указаніемъ на повинности, отправляемыя ими въ пользу замка. 1545 г., Августа 21 дня.

Roku tysiąc siedmset piędziesiąt ósmego, miesiąca Nowembris dwudziestego dziewiątego dnia.

Przed urzędem y aktami ninieyszemi, y przedemną Tomaszem Morzyckim, namiesnikiem burgrabstwa grodzkim Winnickim, comparens personaliter urodzony jego mość, Jakub Dawnarowicz, ten ekstrakt inwentarza Braclawskiego z metryki wielkiej wielkiego księstwa Litewskiego, przy pieczęci tey że wielkiej wielkiego księstwa Litewskiego, wydany, racione intro contentorum, ad acta castrensia, capitanealia, Winnicensia, per oblatam podał de tenore tali: August trzeci, z Bożey łaski król Polski, wielki książę Litewski, Ruski, Pruski, Żmudski, Mazowiecki, Kijowski, Wołyński, Podolski, Podlaski, Inflandski, Smoleński, Siewierski y Czerniechowski, a dziedziczny książę Saski y elector. Oznajmujemy tym listem ekstraktem naszym, komu to wiedzieć należy, iż w księgach metryki kancellaryi naszej wielkiej wielkiego księstwa Litewskiego znajduje się inwentarz zamku Braclawskiego za najjasniejszego predecessora naszego, króla jego mości Polskiego y wielkiego księcia Litewskiego, Zygmunta Awgusta, w roku tysięcznym pięćsetnym czterdziestym piątym, miesiąca Awgusta dwudziestego pierwszego dnia, zporządzony, y suplikowano nam jest przez panow rad y urzędnikow, przy boku naszym rezydujących, abyśmy ten inwentarz z tych że książ metryki kancellaryi naszej wielkiej wielkiego księstwa Litewskiego per extractum authentice wydać pozwolili; który słowo do słowa, z ruskiego wypisując, tak się w sobie ma: »Meseca Awgusta dwadziat perwoho dnia, indykta tretoho, popys zamku Braclawskoho, aby była wedoma gospodaru, jeho myłosti, o robote zamku Braclawskoho. Powedyły wsi ziemiane szlachta y mieszczane, jż przed tym, za panowania sławnoje pamiaty Alexandra korola, jeho myłosty, sam, jeho myłost', personoju swojeju, gospodarskoju, so wseju zemljeju Litowskoju raczył tut do Braclawa przydzżaty, y onyi zamok swoim nakładom y ludmy Litowskimy, kotorych z soboju pryweł, pry sebe zarobyty, i poczał od tych czasow bolszey na piatdesiat let tot zamok stojat Potom, za derżania kniazia Ilyi Konstantynowicza, gospodar, jeho my-

łość, rozkazał onyj zamok zasiawu (sic.) zarobyty swojemu penezny, y dana desiatu robotu kniaziu Ilei z skarbu jeho myłosti semsot kop groszay; to pak dey on, pobrawszy penezy, y dwie czasty toho zamku swojmy ludmy zarobił, a tretiuju czast na zemian y meszczan zdeszných gwałtom zakinuł, katorye museli, za newoleju y za welykim karaniem, horodni y weży zarobyty; ktoruju czast horoden y weż kniaz Ilyia robył, a szto też ziemiane y meszczane za muszenyjem zarobyly, ja toho wseho ohladał y dostateczney w sem registry opisał, — y tak sia z poczatku onyj zamok Braclawski w sobi majet: nayperwey most, kotorym do zamku jezdet, powynni robyty wsi ziemiane y meszczane, katorye robyty onoho zamku ne wymowlajutsia, y chotiat joho y wpered zawždy wsi pospoł robyty; a do uzwodu y worot zamkowych tesli—Miteska i kolko ich budet, powynny derewo wyrobyty, a ziemiane i meszczane majut wywezy, y tyjeż tesli powynny onym derewom, jako uzwod, tak y worota, wrobyty, jakb jż za kniazia Ilyi y za kniazia Pronskoho onyi tesli tot uzwod y worota urobyły z drewa jch pospolitoho.. A wezu nad woroty, z fundamentu aż do werchu, zarobyły wsi ziemiane pospolite ludmy swoimy y pobili, a ganok y stołbu, y w seredynie onoje weży swetlyciu sprawił, powedajut, kniaz Pronski, za penezii krolewskiyi. Za toju wezoju, iduczy w zamok, po lewoi ruce horodni idut; pierwuju horodnju urobyły ziemiane: Isay Żabokrycki, Jwan Koszczyć, Bohdan Stupicza; podle tojej horodni urobyły horodnju Roman Krasnosielski, a Szeszkowyczy, a Todor Korotkowicz z bratem; za toju horodneju tretuju urobyły Wasyley Romanowicz, a ludy kniazia Fedorowy Czetwertynskoho y jch potuzniki; czetwertuju horodniu urobyły: Kleszczowski, Szemiaszkowaja, Ziałowski, Buszynski; piatuju horodnju urobyły ziemiane na jmia: Chruć, a Kordysz, a Skindyr, a Kozan, Iwaszko Koputerynski, Deszko Nadzkowicz, Miska Berezowskaja, Komar Borys, Andrey Szandyrowskiy y z brateiu, Kostia Kozar, Szeszko Kudrenko; szostuiiu horodnju urobyły Mormuli y z swojmy potuzniki. Za toiu horodneiu weża dluhaja, ktoruju robył kniaz Ilyia; podle tojej weży horodnju urobyły: Serhey Oratowski, a Mysko Demidowski, Andryas Janczynski a Radnowski; za toju horodneju czotyry horodni pospoł urobyły meszczane wsi Braclawskiyi; za meszczanskimy horodnjany ostatocznaja horodnja ku weży pryszła,—tuju horodnju y wezu, y jeszcze czotyrynaciat horodeń y trzy weży, od mesta urobił kniaz Ilyia; a wseho toho zamku robył kniaz Ilyia piatnaciat horodeń i czotyry weży, a ziemiane y meszczane urobyły odynaciat horodeń a dwie weży, bolszey niżli tretiuju czast. A summa wsich horodeń y weż zamku Braclawskoho dwadciat y szest horodeń, a weż szest. A toje roboty knia-

zia Ilyi dorobliwał kniaź Proński,—w czotyrech weżach werchow prybaw-
 lał y pokrył; niżli tyje weży wsi, jako roboty kniazia Ilyi, tak y ziemian-
 skyi, wsi ne obmazany y horodni też jnszyi ne mazany, a kotory i byli
 omazany, ino welmi płocho, a wże y taja hłyna opadała, a na jnszych
 weżach pomostow y wschodow nett, y podzabityia dobroho ne uczyneno, y
 fundamenty y strelba zemnaja, kotoraja udełana, tyi strelby zemnyi pes-
 kom ne nasypany y werchy ne pobyty, doszcz na nych idet, y hnyjut, y
 pomostow y stołb, kotoryi byli w zamku y koło wsich horodeń y dwerey
 u inszych horodniach ne masz, to dey wsie obeschli za perwych starostw,
 kotoryi meszkali na mesce kniazia Pronskoko, y też żołnery. A tak to
 vse potrebuje oprawy, bo za tym niedostatkom, jako obrony dobroje byty
 nemożet, tak i schowania w onych horodniach ziemiane y meszczane ne
 mohut mety. O storyży y kłykuny pytałom,—powedyły kniaz starosta y
 meszczane y ziemiane, jz ne odnoho storozha ani kłykuna net, a nemajut od
 kul mety, y też na czom chowaty, bo dey zdawna z tych seł bywało, ko-
 toryi rozdany; ino wsi tyi seła spusteły y taja straża zhynuła,—odno pod-
 starosty naimajet dwoch słuh po kope hroszy, kotoryi worot sterehut y u
 zwodu osmotrajut a ne kłyczut, na szto potreba jest osmotrenyia i łaski
 hospodarskoje. Wody też u zamku net, kotoraja studnia poczła buła wy-
 bywaty y nemało newybiła pułdesiata saźnia, y doszkami operena; ino
 jeszcze do wody niedoszli, a wymerali jesmo, iż tolko wseho kopaty czotyry
 saźni y łokot do wody,—na to potreba jest penezey, a remesnyk w Zen-
 kowie meszkajet; y to też dali znaty, jż czasu pryhody y obleżenia od
 mocnych nepryjateley, z toje jedroje studni ne budet dostatku wody. A k
 tomu potreba jest most do zamku czerez Puczewku reczku y bakasty na
 toj hore, kotoraja od zamku wyszła, y ne jest od nepryjatela b. pieczna,
 bo możet po ney na horu zamkowuju dobytysia; a koli bakszta budet na
 toj hore sprawłena i bojnicy wczyniany, tohdy żadnoho prystupu ne do-
 pustyt; a most dla toje pryczyny potreba, jż tym meszczanom, kotoryi za
 Pucowkoju meszkajut, welmi trudny wschod peszym do zamku, a wozom y
 konem żadnoju meroju ne możet wziechaty, a też kruhom, jakoby wełykaja
 czwert myli, do zamku wozy jezdiat. y wodu tudyż woziat; czasu pryhody
 ne mohut sia tak dałeko ku zamku ludy z statky swojmy pospisyty y sami
 w ruki nepryjatela uwojduť. a hdy na tom mestiu za łaskoju hospodar-
 skoju most sprawen budet, tohdy jańko wbeżyszczce pospeshno y swoje y
 ludem do zamku, tak y woda bliższaja prybudet. Y też potrebuje miło-
 serdia hospodarskoho o prybawłenyi zamku zdesznoho, Bracławskoho, bo
 zamok welmi jest mały, ne według dostatku hudey,—netolko połowica ich,

ale y tretiaja czaść statki swojemi, czasu pryhody, ne mohut sia umestyti; hde ja sam tomu zrozumiał y plac wymerył, jz mozet jeho prybawyty bol-
 my nizli teperyszni, -- a nakład ne wełyky na to wyidet, bo pry tom zamku
 jarachy hłybokiy z obu storon przszli, -- z odnoje storony od Buha, a z dru-
 hoje storony od Buewki, mezy kotoremi jaruhami toho plecu od mesta,
 hde potrzeba jest, derewom zarobyty tolko szesdesiat y dewiat sazeń, a bol-
 szey derewa ne wyidet -- odno na dwadciat y try horodni, to jest po try
 saźni w horodniu; a od tych jaruch derewom horodeń ne potrzeba robyty,
 powedajet kniaz starota, jz mozet bez derewnych horodeń pletenem mocno
 mezy stolpia opletszy, y hlynoju tołsto obmazawszy, y werchy oblanko-
 wawszy, tohdy dosyć twerdosty budet; a krom nakładu skarbu gospodar-
 skogo mohut tuju robotu od tych jaruh ziemiane y meszczane soboku za-
 robity y obmazaty, y row wykopaty u toje storony od mesta, hde majet
 derewom robleno byty, acz kolwiek ony toho na sebe ne podnimalisia; niźli
 mne obaczywszy majetność jch, tak sia wydił, a wedzo vse to jest na woli
 y na łasce hospodarskoj, -- a to sut': bronney reczy zamku Braclawskoho
 dwa deła wełykych, a czotyry deła polnych; hakownic dwadciat y osim dob-
 rych y ku strelbe hotowych; nizli loża wo wsiech deł łychyi, a jnszy deła
 derawi. os y kołesa płochi sut, y szyny rospadłysia, treba oprawy, a jnszy
 deła znowu perelity, a rucznicze ne jednoi net, odna z staro-
 sweckich, kotoryi mozet perelit y, złucywszy w odno mesto z temi kiy (sic)
 kotoryi sut u wernici piat deł, budet deło dobroje. Porocho delnoho, hoto-
 woho, dwie boczki polnych a tretiaja ne mnoho polna, w kotorych boczkach
 mozet byty w tych polnych po piaty kameney, a w toy ne polnoy czotyry
 kameni, wseho toho czotyryndciat kameney; a hakownicznoho porocho
 mozet buty z puł kamienia; salitry dwie boczki polnych, a tretoi boczki bol-
 szoy połowica, w kotorych mozet buty po szesty kameney, a w toy nepoł-
 ney try kameni; wsioho toho piatnadcat kameney. Swincu sztuka, na podo-
 benstwo piat kameney. Serky mozet buty połtora kamienia. Kul wełykich
 kamennych k wełykim dełom piatdesiat, a k małym dełom, polnym, kul
 ołowianych dweste. Porochownyc desiat form delnych y hakownicznych de-
 wiat. Puzskarey try: Zawryn, Hawryło a Hryń, kotorym służba jdet z skarbu
 po szesty kop hroszey a po suknu łunskomu, -- wsioho toho osimnatciat
 kop hroszey a try sukna; niźli tych puzskarey mało jest, treba jeszcze trech
 y deł też bolsze nadobe; w ktoroho Zawryna jest syny dwa nauczonych,
 jestli budet łaska y roskazanyie hospodarskoje, mimo nich, inszych ne pot-
 reba iskaty; tyi puzskary poroch robliat y saletru umiejut robyty, niźli
 destatku kotłow. koryt, kadey, najmytow nie majut; a mestia, potrebniy

na saletru, powedajut, jest welmi dobry,—a wedze y to by ne szkodyło, koliby mezy tych ruskich puszkarey—oden był Lach, albo Czech, nauczony puszkar, dla lepszoje y pewneyszoje sprawy y strelby zamkowej; a sto sia dotyczek na spizowania zamkowego, toho żadnoho zernity net, a nemajut odkul mety,—bo ne tolko folwarku, ale y paszni ku zamku, a ni odnoho czlowieka, ne masz.—okrom młyn na Buhu, z toho tylko rownoje pożywene możet byty, powedajut, bolsze stojt, niżly melet. A hołoho płatu na starostu prychodyt z myta piatdesiat kop hroszey, a z korczom kapszczyny druhaja piatdesiat kop hroszy; a czerez to ni odnoho penezia ne powidajet, o czom weliko czołom bijut gospodaru, joho myłosty, wsi ziemiane y meszczane, aby jeho myłost raczył kazat tot zamok naspiżowaty dla wsiakych pryhod od nepriatelja. Za tym czyniły jeśmy pytanja około moszczenia mostu welykoho na Buhu; jno ziemiane y meszczane powidyły, jż przed tym, za kniazia Konstantyna y za kniazia Ilyi, toho mostu ne było; bywał dey porom, a czasem w brod jezdźywali; niżli za kniazia Pronskoho wsi ony, jako ziemiane tak y meszczane, zwoliwszysia, tot most pod czas tey zarobyli, y na przed toje roboty mostoweje ne wimowlajutsia; a jnszych mostow nihde pod Brasławem, a ni w powete Braclawskom, ne powidajut,—odno oden mostok na Potuszy żydowe najmajut robyty, aby jm wolno było jezdyty z kuplami swojemy; a staw na Buhu tak ze oni wsi pospołu, jako ziemianskie ludy, tak y meszczane, powinny robyty y hatyty melyncu y naopusty derewo wozyty y stawyty; a szczo sia tycze dwoch stawkow na redce na Pucowce, pod samym mestom, odyn stawok y mlyneć, niż my powedajut, jż wsi pospoł zasypały y młyn sprawiły, y na przed poprawowaty y robyty jeho ne wyłamujutsia; niżli kotory stawok y mlyneć na tey ze redce wyżey jest, powiediły, jako kniz Konstantyn dozwoлил odnomu meszczanynu, na jmia Paszku Carnodolinskomu, na starom stawiszczy zasypaty y mlyneć urobity, y on dey urobiwszy, derżał jako wyżey petnaciat let, a potym, ne mohuczy ieho derżaty, zaprodał żydu Ostrowskomu, y tot żyd umer, a onyi staw teper ni wsich tych, ktoroho ziemiane y meszczane robyty ne chotiat; też szto sia tyczet dawanja podwod, ino ziemiane, pospoł z meszczanami, powynny podwody dawaty do Wennyci, a daley, toho powedajut, jako przed tym ne dawaly tak i teper ne chotiat dawaty; a toju dorohoju do Kijowa, y do Czerkas, y Kanewa pytałom, kudy przed tym a na kotoryi uroczyszczta y dobryi a lychyi leta podwody chożowały prostey niezajmujuczy Wennyci; y oni powiediły, poczon od Braclawia po sełam, kotoryi przed tym bywali, a teper wsi od pohanstwa zpusteli, ktoruju dorohoju podwody wsie nie możut chodyty,—odno na Wennicu; a wet że, powedajut,

wse by sia to mohło naprawyty, odno by za łaskoju Bożeju y wołeju hospodarskoju zamok Zwinchorodski mogł zaroblen byty; dla czoboz nado wsi jnszy potreby prosiat łaski hospodarskoi y ustawiczoje meszkanyje ludey peneznych, aby lete y zime byli chowany, bo teper nepriatel ne boitsia; nišli skoro ludy peniaznyi oto idut, tohdy tatarowe prychodiat y szkodou czyniat; a hdyby ludy peneznyi zawždy obecne meszkaly, tohdy jak zamok onyi Zwinchorodski mozet bezpieczne zabudowan byty, tak y seła mohut osesty y starosta y uradnyki jeho od zdesznych protivnikow budet bezpechny, y kozaki też ne smely budut w zemlu Turceckuju wchodyty y zaczepok delaty, y teper by dey kozakow nemoh uniaty, keły by ludy peneznyi ne meszkaly; y nadto, hdyby tyi seła osiły, tohdy y płat na zamok mozet prybyty. Klykowszczyna y storozowszczyna tak jako w Wennicy, y seła łankowyi, y wsi jnszy pozytki mohut znaytisia y wyiskany byty, z czoho by wse starosta moh pozywłenie mety, y na tom by skarb hospodarski neszkodowal; a tych czasow ne znaty hde hospodarskoje, a hde jest zemianskoje, — wsi seliszcza y pozytki za zemiany, y meszczany, y za kozaki sut; nišli zakryty, y chotiaby ne wem kaki pozytok stoho sobe brały, odnak że, powidajut, niczoho ne majem y powynnostey zamkowych ne choczut tiachnuty, y wse w puste mianujut, a pred sia swoiat: tam nasze a tam brata naszoho, a hospodarskohe nihde ne kazut, y lystow twerdostey na to ukazowaty ne chotiat. A odnakeż ja, wypelniajucz y rozkazanie hospodarskoje, dowedywalsia jeśmi w meszczan zdesznych, czto by peredytym ku zamku seł y pozytkow tiahnuło, — y oni mne dali regestr, opisawszy kotoryi dochody, y pozytki, y seła ku zamku byli derżanyi; a chto jch teper majet y używajet, to jest na jmia: Bobrow seliszcze ku zamku prysłychało, a teper derżyt Jsay Żabokrycki; Sawran seliszcze było zamkowoje, a teper derżyt Kozar; Kałaur seliszcze pered tym horodowoje, a teper derżyt Hryćko; Czeczyl na Berdýszczy seliszcze Nokiczyni zdawna było zamkowoje, a tych czasow derżyt Steżurowski; Skawuszyn seliszcze na woyta bywało, a teper derżyt tot że Czeczyl; woytowey też na woytu bywało, derżyt Wasyl Romanowicz; Aysyn seliszcze na zamku bywało, a teper derżat kniazi Sokolinsky; Ostolepow seliszcze było horodowoje, derżyt Mysko Stepanowicz; Stawy seliszcze y łowy zamkowyi było, derżyt Iwan Ilgowski, a druhuju połowynu tych staw Juchno Krasnosielski derżyt; Jassy seliszcze horodowoje było, teper derżyt Żizalowski po žone; Udyckoje ustie Czernoje zdawna było zamkowoje, teper derżyt Iwan Koszczyc; a powedajut, jż za kniazia Konstantina y za kniazia Ilyi, y za kniazia Pronskoho zawedal toje ustie na zamok; nišli dey tak hod kniaź Pronski jemu postupił, a krom toho inszych ozer

ani stawow na zamok net; a tot Iwan Koszczyc powedajet, sztoż na toje ozero majet prywila łysty potwierzenie hospodarskoje; a meszczane sornawali, chotia dey on zaocznie prywila y łysty sobe brał, niżli toho nikoli niewżywał, bo jest z wełykoju szkodoju zamku hospodarskoho, jż dej krom toho ozera na usty ne masz nihde inde na zamok ryb włowity; też powedily, jż podymyszczyna z ludey ziemianskich na zamok buwała: z každoho dymu po dwanatciat hroszey y po merce owsa, po chlebu, a po kureti, a kozaki, kotoryi za ziemiany bywali, y z kozakow podymyszczyny na zamok byrano, y myto też na zamok chożywało: od soroka hroszey hrosz, z medu y z inszych rzeczy, a od konia myła czotyri hroszey, od swiry py—dwa hroszy, od woła—hrosz, od korowy—puł hrosza; a teper dey toho niczoho nit, o czom jesmy zemian zdesznych napominał, jesliby na tyie wyszey mennenyi pożytki zamkowyi, kotoroje obdarowanie y łasku hospodarskaju meli, aby ich ukazali; ino szto sia dotyczet tych seliszcz menowanych oni powedili, iż derżat to za przywilei y łysty hospodarskiemy, y radbychmo na tot czas ich pokazaty, niżli gdy kniazi y panowe, wsia zemla Wołynskaja, meszkajuczy na supokoinych imenach, na toje pokładanie łystow ne przyzwoliły, i my dey, buduczy ukrainey słuhy hospodarskyi, tych przywilew y łystow naszych, kotorye u sebe na to majem, na tot czas pokładaty ich ne możem a nabley, jż ich pry sobe ne majem, a derżym ich w Kamenciu Podolskim, w Ostroze, y na inszych storonach u pryjateley naszych; wedże koły wsia zemla Wołynskaja zwolat prywila i łysty swoi pred hospodarem pokładaty, y my też na on czas położyty ich ne odmowlajem; a o tuju podymyszczynu powedily, jż to jest dochod z ludej naszych nas samych, panow; a krom toho jnszych niekotorych pożytkow z ludej naszych ne majem, z toho jest jako pożywłenyie, tak y odeża nasza; a k tomu, o ktoruju stacyiu meszczane hospodarskyi żałowaly na zemian, jż oni posłow y honcow cudzozemców, y też posłancow hospodarskich, kotoryi w sprawach przyjeżdżajut zdese, ludem swoim z nimi pospoł podnimat nakażut; ino ziemiane, niewdajuczysia z nemy w żadnoje prawa, tuju stacyju z ludey swoich dawaty przyzwoliły do tych czasow, poki u mesce budut meszkaty. Niżli prosyły kniazia starosty y mene, słuhu hospodarskoho, abychmo dozwoły im osoblywoho wojta nad ludmy swojemy, ziemianskiemy, ustanowyty, żeby lude jch u prawe wojta hospodarskoho nebyły; jno my, oaczaczy tuju prozbu jch slusznaju, jż takowu obyczaj wezde po inszym mestom hospodarskim sachowywajetsia, a nabley rozumajuczy po tey jch perwoy protywnosti, żeby na tom toho ne było jż szto by ludy szlachecky ku jch woli y dozwoleństwu ne prystawaly, a

byli za odno z pany swojemy, toho jeśmy im dozwołyły, —majut ony nad ludmy swojemy osobliwoho woyta swojoho mety, kotory majet wsimy ludmy ich ziemianskymy sprawowaty, y koli potreba ukazet z ludej ich ktoroje roboty, abo stacii, podwod mety, wedle ich powynnosty, tohdy woyt hospodarskyi majet onoho woyta ich obosłaty a w toj reczy dat znaty; a tot woyt ich powynen budet w tych potrebach ludem ich rozkazowaty, y władność nad nymy mety; a woyt hospodarskyj czeres to vse ludmy ich ziemianskiemy ne majet sprawowaty, y żadnoho rozkazania nad nymy mety. Jakoż ja, dla mnohych potrzebnych pryczyn, chotiaczy wedomosc hospodarar joho myłosty uczynity, kazałem wsich bojar y ludej ich, y meszczan hospodarskich, domami každoho ich, kotoryi y pry tom zamku meszkajut, spytaty. A tak, wedle popisu mojoho, znaszłosia: domów bojarskich y wdow w meste Bracławskim trytciat y try, a ludej ich, z popowskimy ludmy, sto y szestdesiat, a meszczan hospodarskich dweste y dwatciat y dewiat, dymow a pasek pod niemy dwatciat y sem, — to iest wsich domow obywatelcy zdesznich, Bracławskich, ne sumujuczy hołow ich samych kolko u ktorom domu jest, ale odno domow, trysta y dewianosto wsich, a to dla toho, aby wedał hospodar jeho myłost kak majut bojare zdesznie z ludmy swojemy, y też meszczane hospodarskyi ku posłucham jeho myłosty hospodarskim zachowywatysia bo powedajut, jż przed tym, za nebożczyka kniazia Konstantyna, bojare, kotoryi ludej swoich majut, powynny zo wsimy ludmy swojimy na posłuhu hospodarskuju, koły potreba ukazet, jzdyty, a meszczane, chto paseki pod soboju derżyt, powynowaty byli każdy od dwo koń, w zbroi, na posłuhu hospodarskuju stanowytysia; a teper wże sia to zmeszało: ne tylko u meszczan, ale u jnszoho y bojaryna na posłuhu hospodarskuju konia net, y prawe tak daremne pry zamku hospodarskim meszkajut; a inszi, ne buduczy urożonym bojarynom szlachtoju, y net wedomo od kol przszedłszy, bojarynom nazywajutsia, y seliszcza, bez daniny hospodarskoje, pod soboju derżat, y użytkow używajut, za kotoryi seliszcza y pożytki y sam inszyj, z posłuhaju swojeju, ne stoit; czoho jest potreba wedaty ato ustanowyty, kak by meli po staromu służyty, y ten koło zabrania seliszcz, nechay by była wedomość, chto zacyz derżyt, a hoden li jest derżaty, y na czom by meł zamek hospodarski zachowan byty, — bo sia takowym z liskow na zamek mnoho znaydet, kotoryi z liski tolko słowom za nich zaszli, a twerdostey żadnych ne okażetsia, — a potrzebne budet ku zamku ich mety; niżli samych inszych bojar, z kotorych ni pomoczy, a ni posłuchy zamkowoje nemasz, dla czoho y skarb hospodarski szkodujet, mohły jnszyje potreby zamkowyi, ne ruszajuczy skarbu hospodarskoho z tamecznych seliszcz stanta od

byty. Hde ja nemeney słuha y posłanec jeho myłosti, obaczajuczy takowuju szkodę hospodarskuju, musiałom panow ziemian tamecznich w tom ruszyty chto kotoroho stanu jest, a kotoryi seliszcza na jmia pod soboju derżat; ino starszyi ziemiane, menszym osobem nesterpewszy, dały sebe každy na registr znaty. Ja, wedle toho rejestru, ich musiałem to vse w registr moy hospodaru jeho myłosti opysaty; na perwey osoby starszych ziemian, to est: Iwan Koszka z bratem Andřejem, Isay Żabokrycki, syn jeho Wasyley, Roman Krasnosielski, Serhey Oratowski, Bohdan Słupicza, Szandyrewski, Kłeszczowski, Iwan Ilgowski, Juchno Krasnosielski, Petr Bratkowicz, Procko Buczynski, Dmytr Buczynski, Iuchno Kopewski, Basyłey Romanowicz, Mytko Dełkowicz, ziemianka Uliana Skindyrycha, Zgalowski, Kuniiecki, Ostafey Szeszkowicz, ziemianka Mytka, Fedora Semiaszkowna,—tych ziemian starszych dwatciat y try. A to sut ziemiane, kotorych ony bratyeju sobe nemenujut a ne znajut odkol jest: Marko a Mysko Mormuli, derżat seliszcze Żerdenowci, a Ziałkowci, a Kuzminci na Buhu; Rachmowski derżyt seliszcza Rachmow a Karpow—otczyzna na sobe; Kudrenki derżyt seliszczą Folitowiy a Orynniczy, jeduczy z Dniestra; Kozar derżyt Romanowci, Demkowci, Jakubowci na Uhorskim Zekiczu, a ne wedomo kto jest; Miszko Czorf, kotory prec z chodnimy ludmy wywodilsia, derżyt seliszczo Jermolincy za Selnicuju a Michałkowci za soboju po żone; Chruć derżyt seliszczo na Kamenyci Chrucowey; Noskowic derżyt seliszczo Noskowci na Murachwe; Mitko Zołotar derżyt seliszczo Moszuruwu z Wynyhorodszczyzny; Danko Kopystyrenski s Kaydaczom derżyt seliszczo Kopysteryn; Szczerowski derżyt seliszcza Szczeruowu a Drownoje; Hrycko Czeczyl derżyt seliszcza Kałaur na Dnestre, a Skawuczyn na Buhu, a Koszczynci; Komary derżat Streleşanci na Buhu; Kozar derżyt na Sawrani seliszczo Paszkowcy a les Sawranski na Buhu, a Karaczowci na Murachwe; a Dmytr Zwinohorodec derżyt seliszczo Sokołków, a Mytkowe,—a tych podlejszych czo-tyrnatciat, a dworyszcz pod niemy dwatciat y osim, tak też y lasek mesczczanskich nepotreba jest menszy seliszcz ważyty sut, y jnszyi paseki, jż y try seliszcza za odnu paseku ne stojat; pry kotoryi jest na mylu zemli, a w naymenszeje na poł myli; tamże u nioho pasznia, stawy spustny, pczoł mnożstwa, zwer wsiaki, sady y ohorody, y owoszczowiy roskoszny, y wsiaki inszy pożytok; kotory pasiky y w semli, y senožaty y dubrowy, szto k nej prysłuchajet, netolko newolno jest nikomu wchodow, a w trawy stebła niko darom wziaty ne mozet, y pożytkow nektorych mety, aże y drowna i les vse za pokłonom; a z toho ni hospodaru, a ni zamku, nikotoroho pożytku y posłuhu net, y net wedoma od koho takowiy udeły osobny majut, a

kto im zawodył y hranyczył, naszto sobi mohły y desiat jnszych obyjtysia, y gospodaru jeho myłosty posłużyty. A predże, takowiy paseki majuczy, mestckich zeml osobliwe używajut, y paszni paszut, o czom jnszyi meszczane welyko oteżajut, y rozsudku hospodarskoho potrebut. A wedle mojego ubohoho baczenia ne szkodyło by z tych pasek, kotoryj płat položyty, kotorym by płatom mohły puszkary oboich zamkow y też naymytow, kotorych oni ku robote saetry potrebut, odbyty, a ostatkom zamki, szto by sia hde naruszyło, poprawowaty, a ne chotiaczyl peniaźnoho płatu na nich pokładaty; ino by na spiżowanie zamkowej z nych wymysłyty, bo toho nikomu jnszomu, odno jm że w czas pryhody potreba; a żeby ne na wsem na tom skarb hospodarsky szkodował, bo po jnszym zamkom tamosznym, ukrainym, jako w Bare kroweey jeje miłosty, tak y w Mezyboży, dowedałom sia czto z z meszczan y ludey płaty ne małyi prychodiat, a tut ni gospodaru a ni staroste niczoho net; a wedze to vse jest na łasce y rozsudku hospodarskim. My tedy, Krol, do pomienioney supliki łaskawie się skłoniwszy, zwyż wyrażony inwentarz Braclawski z xiąg przereczonych metryki kancellaryi naszey wielkiej wielkiego xięstwa Litewskiego ekstraktum stronie potrzebujacey wydać, y dla większey wagi pieczęć wielkiego xięstwa Litewskiego przycisnąć, roskazališmy. Dan w kancellaryi naszey wielkiego xięstwa Litewskiego, dnia dwudziestego drugiego, roku pańskiego tysiąc siedmset pięćdziesiątego drugiego, dico numero ecclesiastico M.D.C.C.LII. panowania naszego dwudziestego roku. U tego ekstraktu podpisy, przy pieczenci wielkiej wielkiego xięstwa Litewskiego, w te słowa: Michał, xiąże Czartoryski, Kanclerz wielki wielkiego xięstwa Litewskiego (locus sigilli magnus ducatus Lituaniae). Za sprawą jasnioświeconego xięcia jego mości, pana Michała na Klewaniu y Żukowie Czartoryiskego, kanclerza wielkiego xięstwa Litewskiego, Łuckiego, Chełmskiego, Żurbowskiego, Usniackiego, Podusniackiego etc. starosty. Jozef Mikłaszewicz metrykę wielkiego xięstwa Litewskiego manu propria. Extrakt inwentarza Braclawskiego in anno millesimo quingentesimo quadragesimo quinto sporządzonego. Który to ekstrakt słowo w słowo, tak jak się w sobie ma, do xiąg niniejszych grodzkich, Winnickich, jest ingrossowany; z kórey y ten wypis, pod pieczęcią grodzką, Winnicką, jest wydany. Pisany w Winnicy. Correxo Popławski, manu propria.

M. П.

Настоящий актъ хранится въ подлинникъ въ собраніи документовъ, принадлежащихъ Временной Комиссіи для разбора древнихъ актовъ, и значится по дополнительной описи подъ № 102.

IX.

Уставная грамота Луцкаго епископа Юрія Фальчевскаго, опредѣляющая повинности крестьянъ Витебскаго костела (соразмѣрно съ повинностями другихъ крестьянъ Полоцкаго повѣта): денежные, хлѣбомъ и другими продуктами, и издѣльные, а также и платежъ въ пользу урядника, съ тѣмъ однако, чтобы послѣдній не судилъ старцевъ и мужей, и чтобы всякіе вины назначались съ ихъ вѣдома. 1547, сентября 8.

Ierzy Chwalczewski, z Bozei łaski biskup Łuczki, wszisthkiem, ktorim iesth thego potrzeba wiedziecz, sliszecz y czytaiącz nynieyszim y będączim czyniemy iawnosc. My maięci w poruczenstwie od jego krolewskiey moszczi plebanią Witepską, y wydzącz mali bicz požitek kościelny is podanich thei to plebanij rzeczonich Lieplan y Borowlian, thak w danij miodowej, y alie thesz y owsianey, gdzie nycz więczey nam nie dawali miodu dannego, thilko szeszdziessianth pudow, kazdi w sobie maięci czterzi bezmieny, a owsa korczikow osmdziessianth, ktorich się w czwierz Połoczka pięncz wsypie; chcącz tedi coszczelny požitek rozmnozicz, zniącz to, ze dań tak mała nie iesth yem any była, wedlie żadnego prawa albo listow od przodkow naszich, wstawiona, thilko od onych samich wymisliona y do thich czasow bywała wypelniana, na ktorei tez do danij my do thich czasow przez liath niemalo od wzięcia tei to plebanij Witepskiey przestawali, zachowiwaiącz to do przijazdu thu do włosci naszego, zebi takowie danij swiadcztwo iakie listowane okazali. Kturego gdi niemogli okazacz, y my tho do włosci przijachawszi Lieplenskiy, a wziąwszy dostateczną sprawą o them, ze poddanij okolicznij powiatu Połoczskiego (ku ktoremu themu thesz y nasz poddanij Lieplanie y Borawlianie przisluchaia), tak krolewszi, xiążęci, iako thesz y boiarszi, y ynszych sthanow swieczkich y duchownych, panom swoym dol daia, to iesth kazdei rzeczi cząsz czwartą, ku ktorei doli płaczenyu podle tey ustawi y sposobu zamku głównego krolewskiego, swe poddani Lieplany y Borawliane prawem powiatowim, azbysmy słusznie y sprawiedliwie prziwiesz mogli, y na them ye postanowicz, zeby ia nam dawali. A wszakosz pana Boga sia y sumnienia swego obawiacz, a w tim y im milosierdzie cziniać, aby yakiego płaczu nie mieli na nas, z ych uthney powieszczi doznavszi, ze kupie y targy wszeliakie, wedlie miari Połoczkiey sprawuya, łaskawieźmi s nymi pod tim obyczaiem postanowili, na czo y samy dobrowolnie przizwolili, tak: yszt nam banda przeczeczenij poddanij, Lieplanie y Borawlianie, na koźdi rok, począwszy od liata Bozego thisiącznego pięczsethnego czterdziestego y osmega, az do zywota naszego, albo dokąd byśmy

plebanij Witepskij nye spuszcili, szesczdziesianth pudow miodu, wagy Poloczkiei, dawacz; ktemu szesczdziesianth czwierci owsa, miari Poloczkiei, ktora tak wielka ma bycz, iako polbecki Wilenski nadto bądą. Thesz powynny szesczdziesianth wozow syana dawacz gdi do wlosci konie nasze na liezą przisliemi, thedi iuz syano maia y bądą powinny dacz. Jaczi miod a owies wiszei mianowanego postanowienia y tho wszisthko maia y bądą powynny same do Wilna odwiescz. I te, wedlie starodawnego zwiczaiu, bądą powynny na kazdi rok, gdyby była tego pothrzeba, czterzi przigony wypelnicz, po czterzi niedziele kazdi, nycz swiath anij dnij niepohodniech nie licząc, jedno czobi sia dnij trzidziesci wipelniło robothami. A gdi by przigony, ktorego nie hyła potrzeba, thedi y bądą powynny zaplaczicz, wedlie starego zwiczaiu, pięcz kop groszy szerokich za kazdi, telekzocz ilie by ych niebyła potrzeba robotami wipelniacz. A s przigony liethniego są y bądą powynni, wedle starego obyczaju, tham Witepsku czterzech dziesiathnikow dla wybyrania dziesiacziny zostawowacz, ktorzi tam tak dlugo maia trwacz, dokonthbi zboze spolya nie biło sprzanthniono it (?) piędzdzich kunicznych groszy kop dwanaszcie szerokich, kurow szesczdziesianth, wosku na pierwszy rok dwa kamienia, a na drugi trzi kamienye, chmielu pud ieden, luu zmieny szesczseth, a na swiece do S. Troicze do Witepska bieznian wosku, wedlie starego zwiczaju, są y bądą powinny dacz; ite ku lowienyu ryb y dzianyu niewodu na kazdi rok, wedle starego zwiczaiu, szesczdziesianth sązni. A bylalyby potrzeba na Lepłu zamku tudowacz, ku themu budowanu, y grobel supanyu, stawow zastawowanu, gdzie by była thego pothrzeba, bądą zawsze tho powinny wypelnycz, i w podwodi, widlie starego zwiczaiu, chodzicz. A na przyazd nasz do wlosci, albo słuzobnikow naszych, od nas poslanich, stacia bądą powinny dacz, thakże y urzędnikowi, wedlie starego zwiczaju, powynny dawacz, ktore zadnego s poddanych aby starczow y muzow nie sądził roskazuiey, abi wyny wszisthkie bili za wiadomoscia starczow y muzow; jusze wszisthkie podaczki powinności, wedlie starego dawnego zwiczaju, czale ku wipelnianu zachowuiemy. A dla lepszego swiadeczstwa tego postanowienya naszego dalizmi yem listh pod pieczencia naszą. Dan na Liepliu, we czwartek zwiętho narodzenia panny Marii, roku od narodzenia Bozego thisiącznego pięczsethnego czterdziestego y siodmego.

Копія на тоячаго акта хранится въ собраніи документовъ, принадлежащихъ Временной Коммиссіи для разбора древнихъ актовъ, и значится по дополнительной описи подъ № 100.

X.

Уставъ о волокахъ чиншовыхъ и тяглыхъ, данный для имѣній королевы, находящихся въ великомъ княжествѣ Литовскомъ. 1552 года, между 12-мъ августа и 5 сентября.

Устава королевое ея милости на волоки выйменяхъ ея милости, у великомъ князстве Литовскомъ, мераные. А на передъ - на волоки *чиншовые*. Зъ волоки доброго кгрунту цыншу готовою пѣнажного маеть плачено быти по копне грошей литовскихъ, а солянку жита за десять грошей, две солянки овса по пяти грошей; того всего учинить осмьдесятъ грошей. Зъ волоки середнего кгрунту готового плату за солянку жита а за две овса пятьдесятъ и пять грошей. Зъ волоки подлого а не доброго кгрунту—также готового плату за солянку жита, а за две овса маеть плачено быти по сороку грошей; а съ таковыхъ волокъ цыншовыхъ не мають большей робити, только шесть толокъ въ рокъ, щимъ имъ розказано будетъ, а сторожу дворъную черъгою зъ людьми тяглыми. Устава на волоки *тяглые*. Зъ волоки доброго кгрунту плату готовою и за две солянки овса, по пяти грошей, маеть плачено быти по сороку грошей литовскихъ за все. Зъволоки середнею кгрунту готового плату и за две солянки овса маеть плачено быти по тридцати грошей за все. Зъ волоки подлого а не доброго кгрунту готового плату и за две солянки овса, маеть плачено быти по двадцати и по два грошей за все. А жито и овесъ дякольный не маеть зо всихъ подданныхъ збожьемъ выбирать быти, ажъ бы за особливымъ листомъ королевое ея милости, ку власной потребе ея милости. А коли бы збожья не потреба, тогды за солянку жита по десяти грошей, а за солянку овса по пяти грошей урадницы съ нихъ брати мають. А тые люди, которые на волокахъ тяглыхъ сядятъ, повинни суть у кождый тыждень два дни робити, съ чимъ розказано будетъ, и сторожу дворъную черъгою обходитьи, въ подводу тежь черъгою миль за три,

за чотыри, на далей за пять пойти. Тежъ, колибы потреба ввазывала стацею для короля его милости выбирати, тогды съ каждое волоки мають готовыми пенязьми по два гроши лятвовськихъ платити, по одному курчату, по пяти яецъ, а съ пяти волокъ по одной солянцѣ овса и по одной гуси давати со всихъ подданныхъ. А жито и овесъ дявельныи не маеть зъ нихъ збожьемъ выбранъ быти, ажъ бы за особливымъ листомъ королевое се милости ку вьласной потребе ее милости. А коли бы збожья не потреба, тогды за солянку жита по десяти грошей а за солянку овса по пяти грошей урядницы съ нихъ брати мають

Копія этого акта находится въ собраніи документовъ, принадлежащихъ Временной Коммисіи для разбора древнихъ актовъ и значится по дополнительной описи подъ № 104. Самый же подлинникъ— въ метрическихъ актахъ состоящихъ при 3 Департаментъ Правительствующаго Сената, въ книгъ записей подъ № 33, на страницахъ 115 и 116.

XL

Предъявленіе панією Ириной Болбасовой закладной записи умершаго мужа своего, Проконя Матвѣевича Угриновскаго, на вѣнцѣ и крестьянъ, въ селахъ Котчицахъ и Велавску. 1554 г., Октября 10 дня.

Року 1561, месяца генвара второго дня.

Пришодчи и постановившисе обличье въ замку Луцкомъ, передъ нами Гавриломъ Василевичомъ Бокиемъ, судею повету Луцкого, а Борисомъ Ивановичомъ Совою, подстаростимъ Луцкимъ, веменинъ господарьскій, панъ Янушъ Прокоповичъ Угриновскій, оповедалъ и сознавалъ тымъ обычаемъ: ижъ што зъ розсудву вряду здешняго, замку Луцкого, присужоно было мачосе моеи, паней Ориие Болбасовне, вѣна отъ небожыва отца моего, не описаного, тридцатъ

копъ грошей, и къ тому третюю часть въ людехъ, въ поляхъ, въ сеножатехъ и во всихъ пожиткахъ имени моего, Вгриновского, до тыхъ часовъ поколь замужъ пойдетъ. Ино вже есмо съ павею мачохою моею въ томъ промежку себе приятельскимъ а вгодливимъ обычаемъ застановивши, ижъ вжо пани мачоха моя, взявши отъ мене нѣкоторую суму пенезей, третюю часть имени Вгриновского, што мела до часу слушного держати, мнѣ въ держане мое дала и поступила, и вкле въ то личимъ вступовати не маеть. А што ся дотычетъ именей моихъ отчизныхъ, въ повѣте Овруцкомъ, Котчища и Велавска, што небожчикъ отецъ мой въ двоухъ сотъ копахъ грошей заставилъ и листомъ своимъ описалъ, ино пани мачоха моя тыхъ именей зо всеми пожитки держати и вживати и летъ (sic) до зуполное ее милость отъ мене заплати оное сумы, двоухъ сотъ копъ грошей. А не отдавши ей тыхъ пенезей сумы помененое, я самъ, сестры и никто зъ близкихъ моихъ въ тые имена вступовати и которое переказы за держаня ее чинити не маемъ, и ни въ чомъ листу небожчика отца моего не нарушаючи, але овпемъ его при моцы zostавуючи, заховатися маемъ. Где жъ тутъ же ставши очевисто мачоха его, пани Орина Болбасовна, такимъ же способомъ вызнала, ижъ промежку себе на томъ застановили, И показала листъ записный малжонка своего, подъ печатми людей добрыхъ, на тые имена, вышей помененые, и былъ вычитанъ съ початку ажъ до конца; который листъ такъ ся въ себе маеть: »я Провопъ Матфѣевичъ Угриновскій, визнаваю самъ на себе сямъ моимъ листомъ кому будетъ потреба того вѣдати, або чтучи его слышати, нинешнимъ и на потомъ будучимъ, ижъ позычилъ есмы у жоны моее, пании Орины Болбасовны, ку потребе моей двѣсте копъ грошей литовское личбы, личачы по десяти пенезей у грошъ, и въ той суми пенезий заставилъ есмы жоне моей имени мое, отчиное, никому ни въ чомъ невинное, село Котчища часть мого, люди на ймя: Павла Отамана, Якима Малца, Занца Полуяна; а въ другомъ селе моемъ, у Велавску, человека моего моее части, на ймя Евдокима, и зо всеми съ тыми людьми, съ ихъ землями бортными, полми, сеножатми, зъ дубровами, съ пушами, зъ реками, зъ озерами, зъ бобровыми гоны, зо всеми платы грошовыми и данми медовыми, зо всеми тымъ якъ ся тое

имене у собе маеть, ничего на себе не оставуючи. Маеть жона моя, лани Орина, тое имене держати и его вживати, такъ якъ самъ держать. А не отложивши тое сумы пенезей, верху писаное, въ жоны мое, пани Орины, я самъ, дѣти и близкие мои того имени и людей зъ рукъ ее брати не маемъ до тыхъ часовъ, пока я самъ, дѣти, або близкие мои тую суму пенезей ей заплатимъ. А если быхъ самъ, дѣти, або близкие мои тое имене въ жоны моей зъ рукъ взяли, а не отложивши сумы пенезей, або чимъ колвекъ нарушили, тогда маемъ заруки заплатити: пану воеводе Киевскому сто копъ грошей, а жоне моей, Орине, другую сто копъ грошей. А заплативши заруку, предъ ся жона моя тое имене и люди держати маеть до тыхъ часовъ, пока отъ мене самого, отъ детей, або отъ близкихъ моихъ ей зуполная заплата станеть. А если бы который человекъ мой отчезный съ того имени, за держаня жоны моей, прочъ где пошолъ, тогда я самъ, дѣти и близкие мои, того на жоне моей поискивати не маемъ. А при томъ были и того добре сведомы ихъ милость: князь Дмитрій Александровичъ Буремскій, панъ Романъ Ивановичъ Белоостоцкій, а панъ Андрей Ивановичъ Колпытовскій, а панъ Иляшъ Несвецкій, а панъ Дахно Александровичъ Мушата Охлоповскій, а панъ Еско Олехновичъ Грушвицкій. И просилъ есми ихъ милость о приложене печатей; и ихъ милость то на прозьбу мою вчинили, и печати свои къ сему моему листу приложили, и для лепшей твердости я самъ печать мою приложилъ, и руку мою властную подписалъ, и сесь мой листъ на то жоне моей, Орине, я даль, подъ печатми ихъ милости пановъ, верху писаныхъ, и подъ моею печатью, и съ подписомъ руки моее. Писанъ въ Пашовѣ, лѣта Божого нароченя тисеча пятсотъ пятьдесятъ четвертого, месеца октебра десятого дня. А по вычтеню листа, просилъ панъ Янушъ Вгриновскій, абы то было записано. А такъ мы очевистое сознание добровольное оповедане ихъ, и листъ небожчика Вгриновскаго, до книгъ замковыхъ записати казали.

Книга Луцкая замковая, записовая и поточная, № 2035, годъ 1561, листъ 23 на оборотъ.

XII.

Привиллегія короля Сигизмунда Августа князю Александру Фелоревичу Чорторыйскому на право заводить въ имѣніяхъ его—Столовичахъ и Хиновичахъ мѣстечка, съ установленіемъ въ нихъ по одному торговому ланю въ недѣлю, съ тѣмъ однако условіемъ, чтобы эти мѣстечка заселялись людьми вольными, похожими, а не отчичами и не невольниками. 1561 г., іюня 15 дня.

Лѣта Божого нароженя 1593, месеца декабря 11 дня.

На рочкахъ судовыхъ, вгородскихъ, Кремянецкихъ, отъ дня сего месеца декабря, въ рову звышъ написаномъ припалыхъ и судовне отпраовати зачатыхъ, передъ нами Томашомъ Белецкимъ, подстаростимъ, а Львомъ зе Збаража Вороницкимъ, судею, врадниками вгородскими, Кремянецкими, облично постановившихся у суду велможные панове, ихъ милость княжата Юрей и Михайло Михайловичи Чорторыские, показавши привелей небожчика славное паметы, короля Живгимонта Августа, съ подъ печатю его королевское милости зависистою и съ подписомъ руки его королевское милости, небожчику славное паметы, княжати Александру Федоровичу Чорторыскому, на осажене мечь въ Столовичахъ и въ Хиновичахъ, на торги, на ярмарки и на бране зъ нихъ мыть, даный, яво ширей тотъ привелей его королевское милости околоточъ въ себе обмовляетъ. И положивши его ихъ милости княжата Чорторыские, передъ нами, на вrade, просили, абы до ведомости урядовое принять, вычитанъ и въ книги вгородские, Кремянецкие, уписанъ былъ. Котораго мы, до ведомости своее вradeовое и для вписованя до книгъ приймаючи, передъ собою читати казали, и такъ се въ себе маеть: „Живгимонтъ Августъ, Божю милостю король Полский, великий князь Литовский; Руский, Пруский, Жомойский, Мазовецкий и иныхъ, ознаймуемъ симъ нашимъ листомъ всѣмъ посполите и кому будетъ потреба того, ведати, нинешнимъ и на потомъ будучимъ. Просиль насъ князь Александро Федоровичъ Чорторыский, абыхмо ласку нашу господарскую вделади, ему въ именяхъ его, Столовичахъ, а другомъ имену замку Чорторыского, въ Хиночахъ, мечьча садити и торги въ нихъ

дали и допустили мети; а тые дей местечка и торги тамъ не будутъ на жадной шкоде и переказе мѣстомъ и торгомъ нашимъ, господарскимъ, за тымъ, ижъ не близко мѣсть нашихъ. А такъ, если тые местечка и торги, въ именныхъ Столовичахъ и другомъ въ Хиничахъ, яко князи Чорторьские намъ справу дали, не будетъ бу шкоде мѣстамъ и торгамъ нашимъ, а одалъ есть отъ нашихъ мѣсть, господарскихъ, мы зъ ласки наше, господарское, на прозбу князя Чорторьского то есмо учинили: въ тыхъ именныхъ его, вышешененыхъ, на власномъ кгрунте его, местечка садити и въ нихъ корчмы и торги мети, ему даемъ и позволяеть симъ нашимъ листомъ. Маеть онъ въ тыхъ именныхъ своихъ, Столовичахъ и въ Хиночахъ, оныи местечка людьми волными похожими, и не отчичи и не невольниками, ипшихъ доброволне садити, корчмы съ капщизною на себе мети, и по одному дню торговому на каждую неделю установити, который день онъ самъ себе обереть и похочеть. Ведже то все таковымъ обычаемъ чиниты и дни торговые уставити маеть, якобы тые местечка и дни въ нихъ торговые, черезъ него обравые и встановленные, не были бу жадной шкоде и переказе мѣстомъ а торгомъ и пожиткомъ нашимъ, господарскимъ. А осадивши князь Чорторьский за симъ дозволенемъ и листомъ нашимъ тые местечка, маеть самъ, жона, дети и потомъки его тое вечно уживати, и пожитокъ себе въ торгахъ и въ капщизнахъ мети, а отътоль привлацати, а дней торговыхъ судити, радити во всемъ потому, яко ипшие князи, панове, въ панстве нашемъ отчизномъ, великомъ князстве Литовскомъ, зъ местечокъ своихъ пожитокъ, а дней торговыхъ и въ суде волность, водле права и статуту земского, мають. Нижли мы то головное, такъ яко и въ ипшихъ мѣстехъ князскихъ и панскихъ, при насъ и потомкахъ нашихъ, великихъ князехъ Литовскихъ, zostавуемъ; до того князь Чорторьский самъ и его потомки не мають мети ничого. И на то есмо ему дали сесь нашъ листъ, до которого печать нашу привесити казали. Писанъ у Вилни, лета Божого парожения тисеча пять сотъ шестдесятъ перваго, месяца июня пятогонадцеть дни». У того листу печать его королевской милости завесистая, а подпись руки въ тые слова: *Zigismundus Augustus, rex*; Янъ Шимъковичъ, маршалокъ, писарь. Который то листъ его королевское милости передъ нами, черезъ ихъ милость

князятъ Чорторыскихъ, у суду покладавый, за прозбою ихъ милости князятъ Чорторыскихъ, увесь, слово отъ слова, до книгъ вгородскихъ, Кременецкихъ, записати казали, и есть записано.

Отрывокъ изъ Кременецкихъ городскихъ и земскихъ книгъ, 1593—1597 г., хранящийся въ Временной Коммиссiи для разбора древнихъ актовъ, № 449, листъ 66 на об.

XIII.

Сознанiе вижа предъ урядомъ въ томъ, что онъ производилъ дознанiе по дѣлу о пяти крестьянскихъ семействахъ, бѣжавшихъ изъ имѣнiя пана Николая Дубровскаго, Моковичъ, въ имѣнiя пана Петра Кирдея; Киселино и Твердыню, при чемъ вижъ объявляетъ, что на требованiе его о выдачѣ этихъ крестьянъ, урядникъ Киселинскаго имѣнiя отказался исполнить оное. 1561 г., iюля 11 дня.

Рову 1561, месеца iюля 11 дня.

Казано записати въ небытности пана Бориса Ивановича Совы, подстаростего Луцъого, наместцы его Василей Дешковскый, писарь замку Луцъого. Писаль и присылаль до мене земенинъ господарскый его милость, панъ Миколай Дубровскый, восположь зъ малжонкою своею, панею Жданую, оповедаючи тымъ обычаемъ, ижъ дей тыхъ часовъ, на веснѣ, подданные ихъ отчизные повтекали зъ имениа ихъ милости, Моковичъ; и, маючи о нихъ певную ведомость где оны збегу мешкають, просилъ о вижа, при которомъ бы тыхъ людей а збеговъ своихъ застати мель. Ино я зъ уряду замку Луцъого даваль есми его милости вижомъ Яна Ясенского, который, тамъ бывши и оттоля приехавши, ставши передо мною тыми словы созвалъ: ижъ панъ Миколай Дубровскый посылаль служебника своего, Мацея Ланевского, за мною, вижемъ, и зъ людьми сторонними—Панасомъ и Маварцомъ, поддапыми пановъ Болобановъ, до имениа его

милости пана Петра Бирдея, Мылского; и вгды есмо до Киселина приехали, служебникъ пана Дубровского оповедалъ вриаднику пана Бирдееву, Киселинскому, Матысу, ижъ подданыи а властивыи отчичи пана Дубровского и паней малжонки его милости, люди Мововские, повтекавши зъ Мововичъ, и мешкають въ Киселинѣ и въ Твердыни, а просиль вриадника о вижа. То пакъ вриадникъ Киселинский вижа ему не далъ, поведаячи, ижъ тыхъ людей во ймену пана моего не машъ, а ни дей о нихъ ведаю. А тотъ служебникъ пана Дубровского, оповедившия ему, ехалъ зъ нами на село, и засталъ тамъ пяти чоловековъ, Мововскихъ, подданныхъ пана своего, на ймя: Стецка Ровгалу зъ жоною и зъ детми, Мартишка Лапу зъ жоною зъ детми, Бориса Жолю зъ жоною зъ детми, Павлюка Масловича зъ жоною и зъ детми, Янца Сирпика зъ жоною зъ детми. И пыталъ ихъ служебникъ пана Дубровского, кимъ бы ся озывали?—они поведили, ижъ вышли зъ имения пана Дубровского, а теперечи дей тутъ мешкаемъ подъ моцю его милости, пана Бирдея, въ Киселинѣ и Твердыни. Тогда оный служебникъ, повторе ехавши до двора, просиль вриадника Киселинского, абы ему тыхъ людей, збѣговъ пана его, выдалъ,—онъ ихъ выдати не хотель, поведаячи, же на то розказана пана своего не маеть. А онъ ему тыхъ людей приповедалъ и приручилъ на замокъ господарьский Луцей въ двоухъ сотъ копахъ, а на Володимерский—въ сту копахъ грошей, абы ихъ зъ имения не спущалъ, а то, осветчивши нами, ехалъ прочъ. И просиль служебникъ пана Дубровского, именемъ его милости пана своего, абы то было записано. А такъ я тое оповеданье и вижово сознание въ книги вгородские, замковые, записати базалъ.

*Книга Луцкая замковая, записовая и поточная, годъ 1561,
№ 2035, листъ 166 на оборотъ.*

XIV.

Объявленіе землянина Романа Гулевича о бѣжавшихъ въ имѣніе княгини Любецкой его крестьянахъ. Урядъ посылалъ вижа вмѣстѣ съ урядникомъ Радошинскаго имѣнія, принадлежащаго Гулевичу, съ требованіемъ отъ Любецкой о выдачѣ бѣжавшихъ крестьянъ; но урядникъ Любецкаго замка отказался исполнить таковое требованіе. 1562 г., генваря 26 дня.

Лѣта Божого нароженя 1562, мѣсяца генваря 26 дня.

Въ небытности старосты Луцкаго, Браславскаго и Вѣницкаго, князя Богуша его милости Федоровича Корецкого, на тотъ часъ на мѣстцы его милости, Матфѣй Василевичъ Четвертенскій, справца староства Луцкаго. Прислалъ до мене землянинъ господарскій, панъ Романъ его милость Гулевичъ, оповедаючи, ижъ дей тыхъ часовъ, недавно прошлыхъ, мѣсяца генваря сегонадцать дня, зъ суботы на недѣлю, подданные его, Радошинские, на имя: Селивонъ Зицевичъ, Федко Борисовичъ и Стецко Малаховичъ, зъ жонами, зъ детьми и зъ всеми маестностями своими, зъ именея его милости, Радошина, повтекали; а перво дей того часовъ минулыхъ, съ того жъ именея его, Радошина, колконадцать господаровъ а влюстивыхъ отчичовъ, Радошинскихъ, повтекали; а зъ другого дей именея, Погрушовна, такжъ два господарѣ втевли, на имя: Хоня вдова, зъ сыномъ и зъ дочкою, а Мотрона съ тремя сыны. И маючи панъ Гулевичъ о нихъ певную вѣдомость, ижъ тые всѣ збѣги его мешкають въ имену Любецкомъ, просилъ о вижа, при которомъ бы тыхъ збеговъ своихъ застати и и приручиты мель. Ино я зъ ураду замку Луцкого давалъ есми на то вижомъ боярина господарьскаго, Красноселскаго, Михна Павловича, который вижъ, тамъ бывши и оттоля приехавши, ставши передо мною, тыми словы созналъ: ижъ тыхъ часовъ, въ недѣлю прошлую, мѣсяца генваря двадцать пятого дни, врадникъ пана Романовъ, Радошинскій, Станиславъ Слава, при мне, вижу врадовымъ, маючи при себе людей стороннихъ, схавши до именея панее Николаево Юревича Остиковое, старостиное Кревское, Резотинское и Люценское,

внѣжны Ганны ея милости Романовны Любецкое, на Волицы Любецкой, знашолъ и засталъ тыхъ всихъ збеговъ, вышей менованыхъ, и иншихъ поданныхъ пана своего дванадцати господаровъ, которые были перво повтевали, — ты тамъ, вси зобравшись, мешкають. А пототъ ехали есмо въ замокъ Любецкій и, знашодши тамъ, въ замку, врадника ея милости, Любецкого, Станислава, поведаль ему, ижъ засталъ въ имену ея милости збеговъ пана своего, на Волицы, и просилъ того врадника ижъ бы ему ихъ выдалъ. А врадникъ Любецкій самъ ся къ тому призналъ, ижъ не одно тые люди, которые дей теперь пришли, але и иншие поданные пана твоего колконадцать сподаровъ (sic), и вжо дей отъ колка летъ въ имену ея милости, панее моее, мешкають; нижли дей я ихъ выдать, ани права на нихъ дать, кромъ росказаня панее своее, не могу. Тогда врадникъ Родопинскій, пана Гулевичовъ, приручилъ тыхъ всихъ збеговъ панскихъ въ заруце господарской подъ трема сты копами грошей, штобы тыхъ людей зъ именя княгини Любецкой до права не спущалъ. И просилъ панъ Романъ Гулевичъ, абы то было записано. А такъ я тое оповедане его милости и вижово сознане до внигъ замковыхъ записать казалъ.

Книга Луцкая замковая, записоная и поточная 1562 г., № 2036, л. 27.

XV.

Жалоба земьнки Анны Койленской на пана Михайла Ощовскаго за насильное отнятіе двухъ воловъ, которые по распоряженію жалобщицы были заграблены у двухъ крестьянъ ея «за выстунокъ» 1562 г., июня 8 дня.

Лѣто Божего Нарожена 1562, месяца июня 8 дня.

На тотъ часъ, на местцы его, Иванъ Хребтовичъ Богуринскій, царь замку Луцкого. Присылала до мене земьнка господарская,

пани Ждановая Томовича Койлѣнская, пани Ганна Михайловна Хреннищеаго, жалуючи и оповедаючи на пана Михайла Ивановича Ощовского, иже дей тыхъ часовъ, безъ бытности малжонка своего, пана Коиленвого, посылала боярипа своего, Оздютицеаго, Германа Пилата, и подданого своего, Иляшца, грабити за выступокъ подданныхъ своихъ, Ощовскихъ, Микиту а Нестера. Они дей тамъ схавши, взяли въ нихъ два волы; и кгда ихъ гнали до Оздютичъ, месяца июня 1 дня, въ понедѣлокъ, тогда дей панъ Михайло Ощовскій, черезъ заруку описаную (sic), пославши за ними врядника своего, Яроша, слугъ и подданныхъ своихъ, на имя Ивана Москвити (на) тивона, и зъ иными помочниками до доброволной дорозе, подъ Туримъ Полемъ, того боярина, Германа Пилата, и подданого пана Коиленского, Иляшца, зсоротили и бити хотели, и тые волы, вгвалтомъ въ нихъ отневши, до двора пана Ощовского отогнали. О што дей они того жъ часу въ следъ за нимъ до Ощова ехали, просячи пана Ощовского, жебы тые волы поворочаль; онъ дей тыхъ воловъ не вернулъ и еще того Пилата словы невчтивыми зъ соротилъ и бити хотель. И просила пани Коиленская, абы то было записано. А такъ я тую жалобу и оповедане панее Коиленской до книгъ замвовыхъ записати казалъ.

Книга Луцкая, замковая записовая и поточная, № 2036, годъ 1562, листъ 115.

XVI.

Закладная отъ Михаила Ивановича Ощовскаго и жены его Маріи пану Гостирадовскому и женѣ его Аннѣ на крестьянъ имѣнія Ощова. 1562 г., декабря 24 д.

Лѣта Божего нароженя 1562, месяца декабря 24 дня.

Пришодчи и постановившиися очевисто въ замбу Луцкомъ, передомною Борисомъ Ивановичемъ Совою, подстаростимъ Луцкимъ,

сынъ земенна господарьского, пана Михайла Ивановича Ощовского, Михайло, оповедалъ и сознавалъ тымъ обычаемъ: ижъ дей отецъ мой, панъ Михайло Ощовскій, восполокъ зъ жоною Маркою Томковною, взяли и позычили ку своей пильной потребе у пана Серафима Кюстирадковского и въ жоны его Анны девяностъ копъ грошей, личбы и монеты литовское, и въ той суме грошей заставили ему людей своихъ, Ощовскихъ, девяти чоловекоевъ, на зуполныхъ дворицахъ, а десятого огородника, съ полми, сеножатми и съ дубровами, што ширей а достаточней на листе отца моего вызнаномъ есть доложоно; на што и копею, зъ листу списаную, подъ печатю отца своего, а съ подписю властное руки своей, передомною показовалъ, и была вычитана съ початку ажъ до конца. Который листъ, во дугъ тое копей, такъ ся въ себе маеть: -Я Михайло Ивановичъ Ощовскій, восполокъ изъ жоною своею, Маркою Томковною, зознаемъ сами на себе тымъ нашимъ листомъ, ижъ есмо взяли ку своей пильной потребе въ пана Серафима Кюстирадковского и въ жоны его, Анны, девяностъ копъ грошей, личбы и монеты литовское, и въ той суме грошей заставили есмо людей своихъ, Ощовскихъ, власныхъ, нивому не пенныи, девять чоловека подворостыхъ, которми на зуполныхъ дворицахъ седять, а десятого огородника, съ полми, сеножатми, зъ дубровами, на ймя: Ивана Москвитина, Панаса, дядушков сынъ, Радивона Нивоновой зятя, Лазора а Ивана Тешлушчиловъ, Васка Сипка, Лазора, Юхновой зятя, Явтуха, Коваловой сына, Олешка Копытца, а Ленца, а огородника Мойсея. Тыи люди, выше описаныи, мають служити пану Серафиму такъ, яко и мне служивали и податки чиншовыи, воловизны и выряды военныи мають пану Серафиму давати, яко и мне давали; а панъ Серафинъ за тые люди не маеть войны служити, одно я, або сынове мои. А при тыхъ людехъ можъ, въ той же суме, въ девяностъ копахъ грошей, заставили есмо поля нашего, дворного, на двадцать дней, въ тыхъ островехъ отъ Волговныи на весну, а на зиму въ середныхъ поляхъ такъ же веле (sic) на двадцать дней. А если бы съ тыхъ подданныхъ, верху описаныхъ, пошолъ который прочъ, тогда я того и жона моя, и дети мои, на пану Серафиму и на жоне его не маемъ посылвати, але на тое местце маю ему поступити чоловека, которого

онъ себе обереть, такъ въ добрымъ дворницемъ. А елибе жъ я, Михайло Ощовскій, або жона моя, або дети мои, не отдавши тыхъ грошей, вступовалися въ тыи люди, которые есми пану Серафину и жоне его заставили, тогда маемъ заплатити: господарю королю сто копъ грошей, на старосту Луцкого пятьдесятъ копъ грошей, а пану Серафину, есмь бы онъ мне о то мель до суда позывати, безъ жадной придеги, оджо на приречене слова его и жоны его, штобы оны одно наложили, вси шноды и наклады совито платити буду, абы тыи люди, верху описаныи, маю пану Серафину и жоне его неступити на день светого Николы зимнего, которое свято маеть быти въ року Божежь, тисеча пятьсотъ шестдесять второго, ажъ до другого року, до дня тогожь светого Николы, которое свято маеть быти въ року Божежь, тисеча пятьсотъ шестдесять третьего. А ели же быхъ я, або жона моя, або дети мои, тыхъ грошей, верху написаныхъ, не отдали, тогда панъ Серафинъ и жона его мають держати тыи подданыи и тыи воля, двадцать дней на весну а двадцать дней на зиму, до третего року, въ той же суме и въ той же оправе, которое маеть быти въ року тисеча пятьсотъ шестдесять четвертого. А потомъ, ели жъ быхъ я, Михайло Ощовскій, або жона моя, або дети мои, не выкупили, тогда ровъ отъ року маеть панъ Серафинъ и жона его мають держати, а межи роками не мають выкуповати. А воли я, або жона моя, або дети мои, гроши будемо давати пану Серафину, або жони его, вигде инде не мають отдавати, одво на Волувци. А при томъ были люди добрыи: панъ Ивашъ Шимковичъ Сьленскій, а панъ Яковъ Колпытовскій, а панъ Олехно Оливаровскій. Яко жъ для лепшой веры просили о печати тыхъ, верху написаныхъ, пановъ; ихъ милость для мене тое вчинили и печати свои приложили въ тому моему вызнаному листу. Ку тому тежь листу я свою печать приложу и съ подписомъ руки моее власное. Писанъ у Вошове.

Книга Луцкая замковая, записовая и поточная, № 2036, годъ 1562, листъ 194 на оборотъ.

XVII.

Жалоба землянина Михаила Лабунскаго отъ себя и отъ имени брата своего Криштофа, на Кремянецкаго старосту, князя Николая Андреевича Збаражскаго, о томъ, что онъ дѣлаетъ наѣзды на ихъ имѣнія и разоряетъ ихъ, и, наконецъ, наслалъ вооруженную толпу людей въ нѣсколько сотъ человекъ, которые сожгли дворъ со всѣми постройками въ имѣніи жадобщиковъ, Микулинѣ, разорили мельницу, и затѣмъ опустошили села Микулино и Исачково, при чемъ захвачены были изъ этихъ сель крестьяне съ ихъ семействами и имуществомъ. Жалоба подтверждается свидѣтельствомъ урядоваго вижа. 1563 г., февраля 24 дня.

Рожу 1563, мѣсяца февраля 24 дня.

Прислалъ до мене Бориса Ивановича Сова, подстаростего Луцкаго, земенивъ господарьскій, панъ Михайло Богухваловичъ Любувскій, жалуючи самъ о себе и отъ брата своего, Криштофа, на князя Миколая его милости Андреевича Збаражскаго, старосту Кремянецкаго, оюведаючи тымъ обычаемъ, ижъ дей его милость дворомъ и именамъ ихъ квалты, насзды, шкody непомерныя, кривды и втиски великыя, здавна чинить, а имена и кгрунтъ ихъ властивые, мощно, квалтомъ въ нихъ отыймуючи, поседаеть и подъ себе забираеть. А теперешнихъ дей часовъ, на Стретеніе Господне, мѣсяца февраля втораго дня, князь Миколай его милость Збаразскій, староста Кремянецкій, наславши мощно, квалтомъ, урядника своего Грицовскаго, на ймя *) зъ многими людьми, зъ бояры, зъ слугами и съ подданными своими, о колъо сотъ человековъ, збройно, зъ ручницами, зъ сагайдаки, зъ мечи, и зъ рогатинами, и зъ иными бронями на дворець, имене ихъ милости, Микулино, дворника и дворничку зъ двора выбили и челядь дворную прочъ розогнали. А потомъ дей, побравши маетность дворную, быдлю, кони и ишые вшелявие рѣчи, тотъ дворець запалили; такъ же дей ввесь дворъ зъ будованемъ,

*) Въ подлинникѣ пропускъ.

и гумномъ, со збожемъ, на корень выжгли и попалили. И скоро дей дворъ и гумно спаливши, того жъ часу заразомъ ударили на село Микулинское, такъ же дей заразомъ все село спустошили, и што дей было въ томъ селѣ господаровъ, тыхъ всихъ зъ жонами, зъ детьми, поймали, и всю маетность ихъ отъ мала и до велика забрали. И того жъ дей часу, приехавши до млына ихъ Микулинского, греблю роскопали, млынъ порубали, кола поломали и вси железа млыновне побрали. И еще дей на томъ мало маючи, того жъ дня тотъ урядникъ Грицовский, зо всеми тыми людьми, едучи зъ Микулина, приехавши мощно, квалтомъ, на другое имене ихъ, Исачковъ, такъ же всихъ людей ихъ милости, Исачковскихъ, зъ жонами, зъ детьми, самихъ поймали, а быдло, вонн, овцы и всю маетность ихъ отъ мала и до велика побрали, великие а незносные шведы поделали, которыхъ усихъ шведъ, на тотъ часъ поделанныхъ, рейстра, меновите написанные, панъ Михайло Лабунский въ себе быти менить; што дей того жъ часу обаполнымъ суседомъ своимъ о поведаць. А тые наезды, пожогу и спустошенея тыхъ именей своихъ людьми добрыми сторонними обводиль и осветчалъ, и то заразомъ на вряде здешнимъ ожаловаль. Яко жъ на обвожене и на огледане тыхъ всихъ шведъ поделанныхъ браль у мене вижомъ зъ уряду замку Луцкого боярина господарьского, Красноселского, Богдана Гордуновича; который вижъ тамъ былъ, тыхъ всихъ шведъ огледаць, и, оттоля приехавши, ставши передомною въ замку Луцкомъ, до книгъ тыми словы созвалъ: ижъ будучи мне у пана Михайла Лабунского и, маючи при себе людей стороннихъ, за обвоженемъ его, были есмо у Микулине, огледаючи шкодъ и спустошеня, и виделъ есми тамъ дворець Микулинский зо всимъ будованемъ, и гумно, со збожемъ того жъ дворца, на корень выпалено, и все село Микулинское спустошено, ижъ у тридцати хатахъ жадное души не толко человека, але ни которого быдляти не машъ. И тамъ же, въ Микулине, виделъ есми млынъ зопсовано, кола и всю снасть млиновую поламано, порубано, железа побрано и греблю роскопано. А потомъ дей оттоля заразомъ ездил есмо до другого именя пановъ Лабунскихъ, Исачкова, и тамъ есми виделъ все село спустошено, такъ же въ двадцати хатахъ жадного человека а ни быдляти не zostало, толко дома цусты стоять.

И поведиъ вамъ панъ Михайло Лубунский, ижъ тыи вси шкеры и спустошени, за расказанемъ князя Николая Збарзскаго, старосты Кремьянецкого, черезъ вранника, слугъ и подданныхъ его починены. И просиъ панъ Михайло Лубунский, самъ отъ себе и именовъ брата своего, абы то было записано. А такъ я тую жалобу оповедане его милости, и выжово сознание, въ книги замбовые записати казаль.

Книга Луцкая замковая, записовая и поточная, № 2037, юдъ 1563, листъ 38.

XVIII.

Объявление вдовы пана Матфея Сениюты и донесение уряду вижа о томъ, что крестьяне Сениюты, забунтовавшись, убили его, и сами съ семействами и имуществомъ убѣжали. 1563 г., июля 7 дня.

Року 1563, месяца июля 7 дня.

Прислала до мене Бориса Ивановича Сова, подстаростего Луцкого, пани Матфѣева Сенютина Ляховицкая, пани Богумила Ивановна, хоружанка повѣту Новгородского, оповедаячи и жалующи водлугъ первопи жалобы и оповедания своего, яко жалобу и оповедане чинила въ замку господарскомъ, Кремьянцу, на што и выпишь съ книгъ замку Кремьянецкого до мене на вранъ замку Луцкого прислала, который выпишь такъ ся въ себе маеть: лѣта Божего нарочения тысяча пятсотъ шестдесать третего, месеца июня третего дня, въ четвергъ. Писала и прислала до мене Алекшого Бѣлецкого, подстаростего Кремьянецкого, пани Матфѣева Сенютина Ляховицкая, пани Богумила Ивановна, хоружанка повѣту Новгородского, оповедаячи о томъ, што жъ дей поехала была сама до Кремьянца, хотячи на вране въ замку господарскомъ, Кремьянскомъ, оповедати жалъ свой и забите небожчика пана малжонка своего, пана Матфея Сениюты. Ино дей скоро ее милость зъ Ляховець

выехала, тогда дей на дорозе у великую форобу пошла, ледве дей живую ее назадъ тамъ привезли; которую дей форобу ее тамъ видель вижь, отъ вряду паней Григоровой Сенютиной Ляховецкои даннй, и иншие люди добрые, шляхта, которые на тотъ часъ тамъ были. И присла мене, абыхъ якого человека доброго, веры годного, для огледаня форобы ее послалъ. А такъ я за прозбою ее послалъ тамъ вижомъ служебника пана моего, князя Миколая его милости Збараского, старосты Кремянецкого, Вахантого Беловодского, который вижь, тамъ бывши и оттолъ приехавши, передомною до книгъ ео-зналъ: ижъ вчорашного дня, въ пятницу, июня четвертого дня, въ замку въ Ляховцохъ былъ и панейоу Матфѣевскую Сенютиную Ляховецкую, панкою Богумилу, велми хорую, на постели лежачую, видель. И поведила мне, вижови, пани Матфеевая Сенютина, пани Богумила Ивановна, ижъ прошлыхъ часовъ передъ семюю суботою, съ четверга на пятницу, мая двадцать осмого дня, въ ноци, хлопн збунтовавшися, то есть: атаманъ Войнеговскій зъ сыномъ, а люди Войнеговские: Климко зъ сынми, Тишь зъ сынми и съ пасынками, седелникъ зъ наймитами, Васечко зъ наймитомъ, Дмитръ изъ сынми, Прысь изъ сынми и зъ наймитами, другий Климко зъ сыномъ, а Янковичи Любовка изъ сынми, Чорнышь изъ сынми; а люди села Каминець атаманъ зъ сынми; а зъ Бариводинець атаманъ съ сынми; а зъ Ляховець Хома Савчичъ, принодчи на дворъ зъ розмаитыми бровами, въ комору ся вломивши, самого пана Матфея Сенюту, мужа ея, до смерти забили и замордовали, а сами тое жъ ноци зъ жонами, изъ детми и зъ маестностями своими повтевали прочъ. А иншого дей ниекого тамъ, кроме тыхъ людей, не было и нихто инний въ томъ забитью пана моего не виненъ: бо кроме тыхъ людей ниекого есме тамъ не видела и не слышала. И то дей оиоведамъ и визнаваю, ижъ по животе небожчика пана малжонка моего, мешкаючи при панейоу матце пана малжонка моего, при пани Григоровой Сенютиной, и при сыну ея милости, шалу Федору Сенюте, въ Ляховцахъ, висотрое трудности и втиску не маю, толко на всемъ, якобы во властномъ дому своемъ, при ихъ милости мешкаю. Яко жъ дей и сама есме то оиоведати и визнавати къ ураду господарьскому была поехала, нижли дей на дорози зафорала. Ку тому оиоведала

мне, вихови, нани Григоревая Семютина Ляховецкая, пани Милда Патрикеевна, изъ тыхъ всихъ имей, на чомъ небожчикъ, панъ Матфей Семюта, сынъ мой а мужъ ее, справу ей вчинилъ, мешкати и вживати ей же борону. А въ тотъ дей часъ при мне, вижу, быи земляве господарские: панъ Михайло Дяуса, а Лпъ Воровский. И кросила, абы то въ вниги было записано. Я тое оповедане и жалобу ее милости, и вихово сознане, въ книги замковыя записати казати, и выпись съ книгъ подъ печатю моею паней Матфѣевской Семютиной Ляховицкой на то даль. Писавъ въ Кремляны. И просилъ пани Богумила Матфеевая Семютина Ляховецкая, абы то было и тутъ на вrade въ замку господарскомъ, Луцкомъ, до книгъ записано. А такъ я тую жалобу и оповедане ее милости, водле вивису Бременецкого, въ книги замковыя записати казати.

Книга Луцкая замковая, записовая и поточная, № 2037, годъ 1563, листъ 105

XIX.

Жалоба отъ имени вани Федоры Загоровской ко подстаросту Владимирского, Василя Гулевича, о томъ, что онъ не законно присвоилъ себѣ право суда надъ крестьянами, данными отъ мужа Загоровской на Владимирскую богадельню, сажаетъ въ тюрьму и притѣсняетъ ихъ. 1565 г., мая 2 д.

Лѣто Божого нароженя 1565, месяца мая 2 дня.

Писала и прислала до мене Войтеха Красовского, воротного замку Луцкого, въ тотъ часъ будущого на местцу пана Андрея Ивановича Русина, подстаростего Луцкого, велможная пани ее милость, пани Петрова Богдановича Загоровского, маршалковая господарская, княжна Федора Федоровна Сангушковна, жадуючи и оповедаячи на пана Василя Гулевича, подстаростею Володимирьского, о томъ, штожь дей окъ тыхъ часовъ, у великий постъ, безъ бытности

пана малжонка ее милости, пана Петра Загоровскаго, ижъ отекалъ до двору сго королевское милости, до Петрова, не ведати для которое причины, мощно, кгвалтомъ, подданныхъ пана малжонка ее милости, пана Петра Загоровскаго, на передмѣстю Володимерскомъ, Засмоцкихъ, которыхъ было его милость, за власные гроши свои купивши, на шпиталь Володимерскую надалъ; нижли ихъ завше у въ опеце, обороне и въ присуде своемъ мѣть, — зъ мощи и держаня его милости отнемши, въ мощъ и послушенство свое привернулъ, тыхъ подданныхъ пана малжонка ее милости, пана маршалковыхъ, судить, радить, до вежи замковое у везене сажаеть, и вины съ нихъ беретъ, въ чомъ себе пани Петрова Загоровская отъ пана Василя Гулевича, подстаростею Володимерскаго, жалъ, кривду и шводу не малую быти менить. И хотячи ее милость, пани маршалковая, о томъ до пана Василя Гулевича, подстаростею Володимерскаго, слати, брала въ мене вижомъ зъ уряду замку Луцкаго боярина господарьскаго, Красноселскаго, Кунаша Макаровича, который вижъ тамъ бывши, оттоля приехалъ, и, ставши передо мною, до книгъ замковыхъ теми словы созналъ: ижъ тыхъ часовъ, у субботу прошлую, месеца априля двадцать осмого дня, ее милость пани Загоровская посылала зо мною, вижомъ, и зъ людьми сторонними служебника своего, Федора Городицкаго, до пана Василя Гулевича, подстаростею Володимерскаго, и, знашодчи его у Володимери, пыталъ его именеъ его милости пана своего, пана Петра Загоровскаго, для которое причины имене, або людей панскихъ на предместю Володимерскомъ, Засмоцкихъ, мощно, кгвалтомъ отнемши, въ мощъ и послушенство свое привернулъ? На то ему панъ Василей Гулевичъ отказалъ, ижъ дей я нигде имене панскихъ не бралъ, а ни ся въ нихъ уступую; а што ся дей дотычетъ тыхъ людей Засмоцкихъ, то естъ шпиталщины, которыхъ мнѣ его милость князь Константинъ Константиновичъ Острозский, воевода Киевский, маршалокъ земли Волинское, староста Володимерский, у въ опеце и обороне замковой мети розказалъ, где жъ дей и они сами ся доброволне мнѣ въ мощъ мою поддали, тыхъ дей я дужо боронити и въ держаню своемъ мети хочу, водле науки и розказаня княжати его милости, — нехай ся дей панъ Загоровский а нислу ги его въ то ничимъ не вступують. Мы, слышачи таковыи от-

казъ пана Василя Гулевича, подстаростего Володимерскаго, съ тымъ отъ него поехали. А потомъ заѣхали есмо до войта шпиталнаго, Герасима, пытаючи его; естли бы ся онъ зъ людьми шпитальными доброволе въ моць и въ присудокъ подстаростему Володимерскому, пану Гулевичу, поддали? Тогда Герасимъ, войтъ шпитальный, поведаль тыми словы, ижъ дей насъ панъ Василей Гулевичъ, поневоле до вежи сажючи и боемъ грозячи, до моцы и послушеньства своего егвалтомъ привернулъ; еще дей не толко намъ пана Петра Загоровскаго, або и посланцовъ его милости послушнымъ быти завазаль, але дей и озыватися намъ паномъ Загоровскимъ срого загрозиль. Што все служебникъ его милости пана Загоровскаго, Федоръ, мною, вижомъ вядовымъ, и людьми сторонними осветчиль. И просила ее милость пани Петрова Загоровская, княжна Федора Федоровна Сангушковна, абы то было запасано. А таеъ я тую жалобу, оповедане и вижово сознане въ книги замковые записати казаль.

Книга Луцкая замковая, записовая и поточная, № 2039, годъ 1565, листъ 85 на оборотъ.

XX.

Жалоба отъ имени ротмистра Мишки Варковскаго на княгиню Анцу Збаражскую о томъ, что по ея распоряженію, урядникъ ея, Станиславъ Усь, ночью сѣлалъ наѣздъ на имѣніе жалобщика, Серники, въ которомъ захвативъ пять крестьянскихъ семействъ, со всѣмъ ихъ имуществомъ, переселилъ въ имѣніе Збаражской, Берестце; а затѣмъ, когда былъ посланъ къ уряднику Усу слуги Мишки Варковскаго съ требованіемъ о выдачѣ бѣжавшихъ крестьянъ, то былъ избитъ, заключенъ въ оковы и посаженъ въ тюрьму. 1565 г., июня 6 д.

Лѣта Божого нарочена 1565, месеца юня шестого дня.

Писаль и прислалъ до мене Андрея Ивановича Русина, подстаростего Луцкого, его милость панъ Михайло Мишка Варковский,

ротмистръ его королевское милости, жалючи и оповедаючи на ее милость княгиню Николаевую Андреевича Збарзскую, старостиню Бременецкую, княгиню Ганну Деспотовну, о томъ, штожь дей часовъ не давно минулыхъ, безъ бытности моее, якожь былъ при дворе его королевское милости, врядникъ княгини Николаевое Збарзское, Бересцкій, Станиславъ Усь, зобравшися съ подданными княгини ее милости, Бересцкими, на имя: Радивономъ, Гацкомъ а Петрокомъ, изъ иными помочниками своими, приехавши, мощно, кгвалтомъ, почнымъ обычаемъ, на именье мое, Серники, властныхъ отчичовъ моихъ тамошныхъ пяти чоловековъ, зъ жонами, зъ детми, зъ быдломъ, съ конми и зо всею маетностю ихъ побравши, за розказанемъ княгини ее милости, панее своее, до Бересцка отпровадилъ; которыхъ дей всѣхъ подданныхъ моихъ, Серницкихъ, врядникъ мой, Серницкій, Матысь Малиновскій, зъ людьми сторонними въ Бересцду засталъ. А потомъ дей малжонка моя посылала зъ листомъ товариша и служебника моего, почтывого шляхтича, Ивана Козарина, до того врядника Берестского, Станислава Уса, просячи его, абы тыхъ подданныхъ а властныхъ отчичовъ моихъ, Серницкихъ, выдалъ; то паць дей тотъ врядникъ княгини Збарзское, Бересцкій, Станиславъ Усь, не толко абы тыхъ подданныхъ, властныхъ отчичовъ моихъ, выдати мель, але дей еще, змовившися зъ мещаны Бересцскими, того товариша и служебника моего, Ивана Козарина, безвинне збывши, змордовавши и обобравши, до везеня посадилъ и, мало на томъ маючи, еце дей его, въ ланцухи оковавши, до Локать отпровадилъ, а тамъ дей его въ замку Локачскомъ ее милость княгиня Николаева Збарзская ажъ до сихъ часовъ окрутнымъ везенемъ мордовати кажетъ; въ чомъ себе его милость панъ Михайло Мышка жалъ, кривду и шкоды не малне быти менить. И хотечи его милость панъ Михайло Мышка о томъ до ее милости княгини Николаевое Збарзское слати, на врядника и на подданныхъ Бересцкихъ жаловати и права прохати, такъ тежь того товариша и служебника своего, Ивана Козарина, на поруку вяти, бралъ у мене вижомъ зъ уряду замку господарьского, Луцкого, служебника его милости, князя старостина, Павла Невишского; который выжь тамъ бывши, оттоля приехалъ, и, ставши передо мною, до книгъ

замковыхъ тымъ словы созналъ: нжъ его милость панъ Михайло Мышка, упросивши людей зацныхъ пановъ а приятель своихъ, то есть пана Бартожа Витвиньского, пана Ивана Козинского, пана Андрея Омыковского, посылаъ зо мною, вижомъ вядовымъ, и людьми сторонними до ее милости кнегини Миколасвое Збараское, старостиное Кремянецкое, и кгда есмо приехали до Локать, пытали есмо мешанъ и жидовъ Локачцкихъ, которые ишли до замку кънегини Збараской, где бы была?—они намъ поведили, же княгиня есть у замку,—мы дей до ее милости идемъ, бо намъ до себе прийти казала. Также дей мы, знашодчи въ месте Гануса Барбера, который передъ тымъ у Володимери мешвалъ, просили его о то, абы онъ до кнегини въ замокъ пошолъ и насъ ее милости ознаймилъ. Такъ же есмо за нимъ сами до замку были пошли, хотячи ее милости отъ пана Михайла Мышки на вядника Берестецкого, Станислава Уса, и на подданныхъ Бересцкихъ, о побране людей Серницкихъ, о кривды и о шкобы, такъ тежъ о збитъе, змордоване, и о невинное везене товарища и служебника его милости пана Мышчина, Ивана Козарна, жалобу вчинити, просячи его на поруку. Кгда-жъ есмо первыхъ воротъ пригородковыхъ пришли, тогда насъ сторожа у пригородокъ не пустили и великимъ протесемъ ворота завалили, поведючи, ижъ дей намъ кнегиня жадного человека, который бы толко былъ отъ пана Мыши, въ пригородокъ и въ замокъ пушати не казала. А потомъ вядникъ Локачкий, Федоръ, выслаъ до насъ Гануса Барбера, поведючи, же кнегиня ее милость въ замокъ насъ до себе пустить не кажетъ, а я дей, безволи ее милости кнегини панее своее, того иначе вчинити не смъю. Што все панъ Андрей Омыковский а служебникъ его милости пана Мышчинъ, паномъ Бартожомъ Витвинскимъ, а паномъ Иваномъ Коринскимъ и мною, вижомъ вядовымъ, осветчивши, ни съ чимъ зъ Локать ехати мусълн. И просилъ его милость панъ Михайло Мышка Варковский, ротмистръ его королевское милости, абы то было записано. А такъ а тую жалобу и оповедане, и вижово сознане, въ книги замковыя записати казаль.

Книга Луцкая, замковая, записовая и поточная, № 2039, годъ 1565, листъ 136 на оборотъ.

XXI.

Жалоба землянъ Креминецкаго появта Еловицкихъ на князей Михаила, Максима и Александра Вышневецкихъ за самовольное устройство на ихъ земляхъ четырехъ селеній, разореніе ихъ имѣнія, набѣздъ, сдѣланный княземъ Александромъ Вышневецкимъ на села, принадлежащія жалобщикамъ, Лановцы, Забужаны и Орѣшковцы, при чемъ крестьяне этихъ селъ были избиты и изувѣченны, одни изъ нихъ, въ числѣ семи человекъ, были захвачены и уведены Вышневецкимъ, другіе же разбѣжались, а крестьянское имущество было ограблено. 1565 г., июня 10 дня.

Лѣта Божого нароженя 1565, месяца юня десятого дня.

Пришодчи на врьдъ его королевское милости до мене Андрея Ивановича Русина, подстаростею Луцкого, земляне господарские, повѣту Креминецкаго, панъ Дмитръ а панъ Савинъ Гневошовичы Еловицкіе, жаловали обтежливѣе и оповедали сами отъ себе и отъ брата своего старшого, пана Антона Гневошовича Еловицкаго, о томъ, ижъ дей будучи намъ лѣтъ не дорослыми, яко еще пани матка наша, будучи во вдовстве, имене Лановицы держала, а братъ нашъ старшій, панъ Антонъ, на тотъ часъ, маючи лѣта, на послугу его королевское милости, до Инфлянтъ, отежалъ, тогда князь Михайло, а князь Максимъ, князь Александро, ихъ милость Александровичы Вышневецкіе, на властномъ кгрунте нашомъ, Лановецькомъ, чотыри имения, напервей Кусковцы, вже то осмый рокъ, еще при початку воины Ифлянтское, надъ ставомъ нашимъ Жураковскимъ, себе посадили; а потомъ дей въ року шестдѣсятъ второмъ село Корначовку, надъ Орешковцами; а въ року шестдѣсятъ третомъ, село Новоселку, надъ ставомъ Лановецькимъ; а потомъ въ року шестдѣсятъ четвертомъ село Заруде, на другой стороне ставу нашего Жиравовского посадили и вставичне себе въ ставу Лановецькомъ и въ Жиравовскомъ рыбы ловлевали. А теперчи дей не давнихъ часовъ, въ року теперешнемъ шестдѣсятъ пятомъ, месеца мая тридцать первого дня, подъ часомъ послуги его королевское милости теперешнее земское

военное, князь Александр его милость Александровичъ Вишневецкий, самъ особю своею, зобравшись зъ многими бояры, слугами, людьми и помочники своими, наехавши мощно, егвалтомъ, на имене наше Лановцы, Забужане и Орешковцы, людей позбивали и помордовали, а семи человекъ, то есть на имя: Андрея, Васка, Климыка, Гарасима, Клима Кулея, Федца и Андрейца, тыхъ поймавши, зъ собою повели; а сорокъ человекъ, на службахъ особно осѣлыхъ, съ тыхъ сель розогнали и зъ домовъ статки, и маетность ихъ, и гроши готовые, а къ тому череду, кони, быдло, воли, коровы, яловицы, овцы, козы, свиньи, гуси, утки, куры и иныи всякие статки, речн домовые, отъ мала и до велика побрали и многие шкоды починили; которыхъ дей всѣхъ шкодъ, рейстръ меновите написаныхъ, въ себе мають и часу потребы на праве его оказати хочуть. И еще дей надто два стави наши, Жиравовский а Лановецкий, поросеповаляи и рыбы зловили, и до тыхъ дей часовъ оныхъ ставовъ заняты не допускають. Къ тому дей нивы, яко ихъ самыхъ властные, дворные, и подданныхъ ихъ, подьсамыми селы Лановцами, Орешковцами и Забужаны, подданные князей Вишневецкихъ поорали, а сеножати покосили и въ дуброве дерево порубали, а подданнымъ дей нашимъ того вживати, поль орати, пахати, и сень по властивыхъ земляхъ нашихъ косити забороняють и не допускають. Якожь на обвоженье тыхъ егвалтовныхъ знаковъ и на огледане шкодъ поделанныхъ, брали въ мене панове Еловицкие, зъ уряду замку господарьского, Луцкого, вижомъ служебника моего, на имя Кохана Василевича; который вижь тамъ бывши, оттоля приехалъ, и ставши передо мною, до князь замковыхъ тми словы созналъ: ижь тыхъ часовъ будучи мене во имену пановъ Еловицкихъ, въ Лановцахъ, а въ тотъ часъ при мни были вижь замку господарьского, Володимерского, служебникъ его милости князя Костентина Костентиновича Острозского, воеводы Киевского, маршалка земли Волинское, старосты Володимерскаго, Богданъ Оলেখновичъ Детиницкий, а другий вижь зъ уряду замку господарьского, Кремянецкого, служебникъ его милости князя Николая Андреевича Збаразского, старосты Кремянецкаго, Матей Кгорецкий, а къ тому тежь земляне господарьские: панъ Степанъ Опарипеский, панъ Федоръ Исерентский, а панъ Фурсъ Боро-

нищивъ; тамъ же огледали и видели есмо, за окаянствомъ вриданковъ Лановецкихъ, село Новоселку надъ ставомъ Лановецкимъ, другое село Кусовцы надъ ставомъ Жираковскимъ, село Зарудье на другой стороне ставу Жираковского, а четвертое село Корчачовку надъ Орешковцами. И поведели намъ, изъ тые села ихъ милость князи Вишневецкие, вже по животе отца пановъ Еловицкихъ, на владномъ вгрунте ихъ, Лановецкомъ, посадили. Бъ тому тежъ выдали есмо ишия села пановъ Еловицкихъ, Лановцы, Забужаны, а Орешковцы, велики спустошонные, два ставы Жираковский а Лановицкий роскопаны и спустошонны, а поля, промежку сель Лановець, Забужанъ и Орешковецъ, поораны и вбожемъ новасеваны, сенощати покошонны и сено стоить въ копѣцахъ, которого може то быти о сорокъ вошь надъ ставомъ Жираковецкимъ и Лановецкимъ; ву тому тежъ оказывали намъ дуброву вырубаную и спустошоную. И поведили намъ вриданки, изъ люди князей Вишневецкихъ тыхъ сель, на вгрунтахъ пановъ Яловицкихъ осажонныхъ, тые поля поорали, вбожемъ новасѣвали, сенощати покосили и дуброву спустошили. И видели есмо въ тыхъ имениахъ пановъ Яловицкихъ около десять пустоць, съ которыхъ поведили намъ, изъ за частыми наездами отъ князя Александра Вишневецкого, жде прочъ розышлася, а вриданкъ дей семя чоловіковъ, съ тыхъ хать пойманни, за горло зъ собомъ повели, и тамъ дей шведы въ тотъ часъ, при токъ вгвалтовномъ наеханю, не малю сѣ стали, которыхъ всѣхъ шведъ рейстръ меновите манисаны и въ себе мають и часу потреби на ираве его проложити кочуть. И просили панове Еловицкие, абы то было записано. А такъ я туу жалобу, оспоредане ихъ, и вишомо, созмале въ динки замковые записати казати,

Книга Луцкая замковал, записовая и поточная, № 2089, годъ 1565, листъ 149.

LXXI.

Запись отъ князя Александра Андреевича Сангушко-Коширскаго слугѣ своему, Перевѣскому, на имѣніе и крестьянъ, въ благодарность за верную его службу, оказанную семейству кн. Сангушко-Коширскихъ. 1565 г., октября 2 д.

Лѣта Божого нарожена 1565, месеца октебра 8 дня.

Постановившися очевидно передо мною Андреемъ Ивановичемъ Русинюмъ, подстаростимъ Луцкимъ, его милость князь Александро Андреевичъ Сангушковичъ Коширскій, маршалекъ его королевские милости, оповедалъ и добровольне созналъ тымъ обычаемъ: изъ деи я, дознавши къ себе верные а цнотливые послуги служебника моего старого, Ивана Перевѣского, который мне служилъ въ молодости лѣтъ своихъ верне а сприязливе, яко небожчику отцу моему, князю Андрею Сангушковичу, старосте Луцкому, такъ тежъ и мне самому, ажъ до сивизны своее, а такъ я, нагорбжаючи ему тые верные и почтивые службы его, зъ ласки моее далъ, даровать и записать есми ему во имѣню своемъ отчизномъ, въ Перевѣсью, которое отедъ ихъ у предковъ моихъ выслужилъ, двѣ части кгрунту земеного дворного, полъ и сеножатеи дворныхъ, и тые огороды дворные, и садъ, што подле колодезя по дорогу, по улицу, которая идетъ жиню дворъ старый отца ихъ до ставка, и зъ ган его властными, зъ лѣсы, зъ дубинами, зъ речками, ставу и илына три части, и шесть чоловековъ, въ листе моемъ меновите описаныхъ, тыхъ которые мели прийти братанце его, а дочце небожчика Грицца Перевѣского, По лаги,—бомъ я за тые люди далъ ей отмину въ Мари овичохъ. А тые люди, водле первое данни моее, Ивану Перевѣскому далъ, даровать и записать есми ихъ зъ дворищами, зъ роботами, службами и зо всякими подачками, и землями, съ полми, сеножатми, то есть половицу всего кгрунту селского, Перевѣского, а другие люди мои въ Тупалехъ и въ Залесью, въ листе моемъ меновите описаные, такъ же съ кгрунтомъ и зо всими пожитки малыми и великими, далъ, даровать и записать есми тому жъ слуге моему старому, Ивану

Перевѣскому, у двоихъ сотъ копахъ грошей лѣтѣ литовское. Маеть то онъ самъ, жона, дети и потомки ихъ вѣчне держати и вживати, и кому хотячи то въ той же сумѣ заставити, и тѣ пенези ку своему налѣпному а пожиточнейшему оборочати, яко самъ на лѣпей розумеючи,—што дей ширей а достаточней на лѣстѣ моемъ, за писномъ, есть описано и доложено. Яко жъ и лѣсть свой подъ печатю и съ подписомъ властное руки своее, на то ему отъ себе даный, его милость князь Александро Кошерский, передо мною покладаль, жадаючи, абы былъ вычитанъ и въ книги замѣовые записанъ. Который лѣсть такъ ся въ себе маеть: «я Александръ Андреевичъ Сангушковича Коширский, маршалокъ его королевское милости, чиню явно и визнаваю тымъ моимъ листомъ чиненнымъ и на потомъ будучимъ, кому будетъ потреба того вѣдати, альбо чтучи его слышати, што жъ узнавши есми до себе верные а цюотливые нослуги слуги моего старого, Ивана Перевѣского, нжъ онъ служилъ зъ молодости летъ своихъ верне, сприязливѣ, яко небожчику отцу моему, князю Андрею Сангушковичу, старостѣ Луцкому, такъ тежъ и мне самому, ажъ до сивизны своее, а такъ я Александро Кошерский, нагорожаючи ему тѣ нослуги его, зъ ласки моее даю, дарую и записую ему во йменю моемъ отчизномъ, въ Перевѣсью, которое отецъ ихъ у предковъ моихъ выслужилъ, двѣ части вгрунту земеного, дворного, поль и сеножатеи дворныхъ, и тѣ огороды дворные и садъ, што подлѣ колодезя по дороге, по улицу, которая идетъ мимо дворъ старый отца ихъ до ставка, и зъ гай его властными, зъ лѣсы, зъ дубинами, зъ речками, ставу и млына три части, и шесть чоловѣковъ въ Перевѣсью, то есть на ймя: Ивашка а Левка Бегановичовъ, а Малюту Панковича, Запка а Стася Мишечкевичовъ, Васка Шимчича, которые мели прийти братанце его, дочке небожчика Грицка Перевеского, Палагѣи, за тѣи люди даль ей отмену у Марковичохъ. А тѣи люди, вышей мененые, ведлѣ первое данины моее, Ивану Перевѣскому дарую и записую, и зъ ихъ дворищами, зъ роботами, службами и зо всякими податками, и зъ землями, съ полями, сеножатми, половицу всего вгрунту селского, Перевеского, лихого и доброгго; а въ другомъ именю моемъ, въ Тупалехъ, люди: Юцкевичи Михаль а сынъ его Верешко, Петровъ, Матеецъ, Тимошъ,

а въ Залесью: люди Машлаевичы Раско а Гриць, Мицковичи Макарь и зъ сынами, Богушъ Матфеевъчъ, Супрунь Макарьцовъ сынъ, Фединавая вдовица и зъ сынами; тые люди такъ же зъ дворицами, зъ роботами, службами и зо всеми подачками, третью часть вгрунту всякого въ Тушалехъ и въ Залесью, доброго и лихого, зъ лесы, зъ дубровами, зъ речками, тые люди и вгрунты вышей мененые дарую и запиую слуге моему старому, Ивану Перевескому, у двохъ сотъ копахъ грошей литовское личбы, по шестидесятъ грошей у копу. Маеть то онъ самъ, жона, дети и потомки ихъ вечне держати и вживати, прибавити, и кому хотя воставити, и ку своему лепшому пожиточному обернути, яко самъ налепей розумеочы. А сынъ мой, князь Левъ, и потомки его, а никто зъ близвнихъ напшихъ, тыхъ именей и вгрунтовъ земенныхъ, вышей описаныхъ, отнимати въ нихъ не мають. Первей мають отдать имъ двѣсте копъ грошей литовскихъ, тотъ тые именей къ рукамъ своимъ отъ нихъ взати мають; а они, взявши тую двѣсте копъ грошей литовскихъ, добровольне зо всеми кастностями и статки домовыми, съ пашнями, и што будетъ въ гумнехъ и на полхъ засеяно; и будоване дворное побравши, або продавши кому хотячи, зо всимъ пойти и кому хотя служить. А сынъ мой а никто зъ близвнихъ жонихъ и въ найменшой речи ни въ чомъ ихъ гамовати не мають. А если имъ тое сумы пенезей не отдадутъ, тогда онъ самъ, жона, и дети, и потомки ихъ, тые именья, и люди и вгрунты, вышей мененые, держати и вживати мають на вечные часы. И на то даломъ Ивану Перевескому тотъ мой листъ зъ моею печатью и съ подписомъ руки моее властное. Писанъ въ Конопсехъ, подъ летъ Божего нарожению тысяча пять сотъ шестидесятъ пятого, месяца овтябра второго дня. А такъ я тое очевидное оюведанье добровольное сознане и листъ его милости князя Александра Санврушювича Кошерского, слово отъ слова, съ печатью ажъ до коньца, въ вниги замбовые записати каваль.

*Книга Луцкая залювая, записовая и поточная, годъ 1565,
№ 2039, мѣстъ 328 на оборотъ.*

XXIII.

Объявленіе земанина Ивана Леневаго о томъ, что панъ Иванъ Чапличъ Шпановскій, получивъ съ него подать «серебщину», слѣдуюмую съ имѣній Линева, Цевова, Серхова и Колпытова не возвратилъ ему оной, какъ бы слѣдовадо на основаніи королевскаго листа, по которому повелѣно «серебщину» не взимать, а брать вмѣсто нея «поголовшину». 1566 г., мая 21 д.

Року 1566, месяца мая 21 дня.

Прислалъ на врьдъ его королевское милости до мене Войтъха Красовскаго, воротного замку Луцкаго, въ тотъ часъ будущого на местцу пана Андрея Ивановича Русина, подстаростего Луцкаго, земенинъ господарскій, панъ Иванъ Леневаскій, оповедаючи тымъ обыемъ: ижъ дей зимы минулое, року прошлого шестьдесятъ пятаго, зъ имения своего Линева, зъ имения пасынка своего Ивана Ощовского, съ Цевова и Серхова, и зъ имения подчерицы своее, Колпытова, такъ тежъ и съ части малжонки свое, въ тыхъ же именахъ, серебщину его королевское милости отъ двадцати и девяти сохъ и отъ одного вола, зъ сохи по полъ копы грошей, а отъ десяти огородниковъ, съ каждого огородника по пяти грошей, отдалъ былъ тому господарскому пану Ивану Чапличу Шпановскому, на што и квить пана Ивана Чапличовъ панъ Иванъ Линеваскій у себе маючи, до мене на врьдъ замковъ прислалъ, и былъ у весь вычитанъ, который квить такъ ся въ себе мае: «Року тисеча пятсотъ шестьдесятъ пятаго, месяца декабря пятнадцатъ дня. Я Иванъ Чапличъ Шпановскій, безъ бытности товариша моего, пана Василя Загоровского, взялъ есми серебщину господарскую у пана Ивана Линеваского, зъ имения его, Линева, зъ имения пасынка его Ивана Ощовского, съ Цевова и Серхова, и зъ имения подчерицы его, Колпытова, такъ тежъ и съ части малжонки его, въ тыхъ же именахъ, отъ двадцати девяти сохъ и отъ вола а отъ десяти огородниковъ, отъ сохи по полкопы, отъ огородника по пяти грошей; на томъ далъ пану Ивану Линеваскому тотъ мой квить зъ моего печатю». Бъ тому тежъ пове-

далъ панъ Лиевскій, ижъ дей по отданю тое серебщины господарское, вынесены листы его королевское милости, абы вже серебщины не давано, толко поголовщину. Где жъ дей вже панъ Иванъ Лиевскій не пооднократъ пана Ивана Чаплича просилъ и напоминалъ, абы ему тую серебщину отдалъ, хотячи тые пенези, водле росказаня его королевское милости, за поголовщину бирчимъ господарскимъ дати; то павъ дей панъ Иванъ Чапличъ ему и до сихъ часовъ тое серебщины отдати не хочеть. Въ чомъ себе панъ Иванъ Лиевскій отъ него кривду и шводу быти менить, и постерегаючи того, абы на немъ и на именяхъ его того плату господарского, поголовного, зъ децвованемъ не отпраовано, просилъ, абы то было записано. А такъ я тое оповедане его и квити пана Ивана Чапличовъ, слово отъ слова, съ початку ажъ до конца, въ книги замковые записати казаль.

Книга Луцкая замковая и городская, записовая и поточная, годъ 1566, № 2040, листъ 162 на оборотъ.

XXIV.

Рѣшеніе коннаго суда по дѣлу о воровствѣ, произведеномъ у крестьянъ имѣніи Любча, принадлежащаго подканцлеру великаго княжества Литовскаго, Евстафію Воловичу и женѣ его Аннѣ. Кона для разслѣдованія этого дѣла собиралось три раза, и приговорила оказавшихся виновными въ воровствѣ: Любечскаго урядника, Яна Нетецкаго, жену его Анну, а также Лаврика, изъ Богушовки,—къ повѣщенію. 1568 г., марта 6 дня *)

Року 1568, месяца марта 6 дня.

Присылаъ на врьдъ его королевское милости, до мене Петра Хомека, подстаростего Луцкого, врьдникъ велможного пана его ми-

*) Мѣста этого акта, означенныя точками, въ актовомъ книгѣ, изъ которой онъ выписанъ, совершенно истлѣли.

лости, пана Остафья Воловича, подканцлерова великого князства литовского, маршалка дворного, старосты Берестейского и Кобринского, Любецкий, панъ Валентый Тваровский, просячи о возного повитового для прислухана права вопъного о починене шмодъ поддаными его милости пана подканцлерова, и ее милости князю Иванове Любецкое. А такъ я, въ небытности на тотъ часъ на вряде возного, придалъ есмь ему, у мисто возного, вижемъ боярина господарского, Краснобелского, Михна Павловича, который вѣшь, тако бывши, отътоля приехалъ и, ставши передомною во споловъ съ паномъ Иваномъ Путощинскимъ, вознымъ повиту Луцкого, до книгъ кгородскихъ тыми словы едностайне сезънали: на первой вижъ, зъ уряду приданый, Михно Павловичъ, повѣдалъ, ижъ вгды есмь приехалъ до Дюбча, мѣсяца февраля двадцать семого дня, а на тотъ часъ маючи при себе сторону людей добрыхъ, тогда была зобраза копа о злодейство, што было покрадено подданого его милости, пана подканцлерова, Мартина Достеревица, а князю Иванове Любецкое подданому Ивану Леневичу и е иные мноде шмоды; то пакъ копа повидила, ижъ урядникъ панее Николаево Остиковое, княжны Ганны Романовны Любецкое, Любецкий, Янъ Нетецкий, нитъ видома для чого на копахъ минулыхъ самъ ся не-статовиль, и Степана Москвитина не видати для чого обвесилъ штобы не вызналъ—съ кимъ бы бурсовалъ въ томъ крадеже. То пакъ копа вся посылала мене, ви-жа врядового, Михна Павловича, зъ людми добрыми, сторонними, до жоны Яна Нетецкого, Ганны, вряднички Любецкое, отъ ее милости панее Остиковое, пытаючи где бы мужъ ее Янъ поехалъ, для чого на копахъ не бываетъ, и Москвитина Степана и Марка, чловека прихажого, на копахъ не становить, на которыхъ же коли жъ уси урядники Любецкии зъ вами завжди бывають? Она поведила тыми словы: ижъ мужъ мой поехалъ вся отложила была на четвергъ пятницу, абы они, зшедши о злодей тыхъ шмодъ, которые се стали Мартину Дегте-ревичу, Ивану Леневичу. То пакъ жонка Ганна Крамратова, ко-

торая служила на тотъ часъ уряднику, Яну, и жоне его, Ганге, пришедши сама добровольно, по своей доброй воли вызнала и поведала, ижъ для тыхъ шлодѣ, отъ злодейства, учиненныхъ, о што ся копа вже сходитъ третій разъ, Янъ, урядникъ нашъ, поехалъ прочь и жона его хочеть ночью утечи за нимъ, але пойдите до коморы, где она словане свое маєтъ, найдете у нее у коморе тые речи, што похвращены у подданныхъ тыхъ, вышеймененныхъ, бо я зъ нею вже билася ятровки моее, которую жъ познала на ней, што вкрадено въ ятровки моее. Панъ Валянтый Тваровскій, вриадникъ Любецкий, не хотючи того чинити, але, довидавшися, же тотъ Янъ Нетецкий вже зъезжалъ, хоронечися, взывши мене, вима ярадового, Михна Павловича, а при мне сторону людей добрыхъ, гонилъ того Яна Нетецкого, которого, потонивши въ сале Любитове, пана Занка Белостоцкого, земенина господарского, и поведиль ему, абы ся вернулъ назадъ до копы, а справился о што жалуютъ на копѣ. И приехавши зъ нимъ до Любча въ неделю, месеца феврала двадцать девятого дня, при мнѣ Михну Павловичу, вилу ярадовомъ, и вже на тотъ часъ приехалъ тежъ былъ возный земский, повѣту Луцкого, панъ Иванъ Путошинский, и людѣ добрые, сторонныя, италъ панъ Тваровскій того Яна Нетецкого передъ нами—для чого бы прочь зъезжалъ, а на копахъ ся не становилъ, и того Москвитина Степана для чого безъ права обесилъ? Янъ Нетецкий поведиль передъ нами, ижъ онъ не былъ на тотъ часъ коли мещане Озерецкие его повесили, то пакъ у понеделокъ, месеца марта первого дня. Панъ Тваровскій передо мною Михномъ Павловичомъ, Иваномъ Путошинскимъ, зобравши кону людей Любецкихъ вслѣхъ чотырохъ частей, при которой копѣ было людей задныхъ шляхты и винныхъ людей сторонныхъ, вери годныхъ, не мало, италъ панъ Тваровскій на первой Яна Нетецкого: естли бы што, малъ речей вкраденыхъ у себе, о што подданыя вышейпомещеныя жалуютъ? Янъ поведиль, якъ я о жадной речи краденой не видаю, такъ а нимъ былъ на тотъ часъ, коли Москвитина мещане Озерецкие обесили, а на кону мнѣ самому, такъ тежъ и людѣ своимъ ее милость пани ходити забавала. Яко жъ войтъ Богутевскій и тивонъ Любецкий ее милость пансе Сержутиное,

передъ нами вызнали, ижъ николи ея милость пани намъ не заказовала, абысмо на копу не смели ходити, бо если бы который зъ насъ на копу не пошолъ, тогда копа насъ у тую шкоду уложитъ, о што будетъ на копе жаловано. А потомъ, вгды есмо пришгли до избы, где тотъ врьдникъ и зъ жоною своею мешъкане меля, пытали жоны его, Ганны, если бы што краденыхъ речей у дому своемъ мела за ведомостю и за ключомъ своимъ? Она поведила, же я жадныхъ речей краденыхъ не выдаю а ни ихъ въ себе маю; а што пытаете о Москвитине, того Москвитина мещане Озерецкие, безъ мужа моего, обесили. Тутъ же стоячи войтъ Озерецкий и зъ мещаны Озерецкими поведили и вызнали, ижъ мы посланца нашего прислали до тебе, ясне даючи знати, же Москвитина поймали у клети зъ лицомъ; ты тогожь часу, приехавъши до Озерянъ, Москвитина безъ жадного права обесилъ еси его у неделю, еще не далъ еси намъ и обѣдовъ зъести, коли есь его вешалъ. А потомъ познали на хлопцу панее Остиковое, Яцку, сорочку, которая была вкрадена у подданого вьнегини Ивановое, Ивана Леневица; хлопецъ поведилъ, же я тую сорочку маю отъ уряднички Ганны Яное. Она ся отъ тое сорочки прела (sic) ани признавала, абы ея тому хлопцу, Яцку, давати мела, и поведила, пжъ я вамъ панове схованя своего боронити трести не буду, и сама доброволне до коморы отомкнула. Вгды дей коморы отомкнула, въ коморе, за влючемъ ея, знашли въ корыте рантухъ, а въ хмели, у коробци, знашли полтретъ скуръ зъ шерстю выправеныхъ, козиныхъ, а пять скуръ баранихъ, вычненыхъ, подъ скрынею, въ которой нашъня была, толстокъ две, — одну черчатую, одну синюю, ветхую, и инышихъ речей не мало. А съ тымъ лицомъ Янъ и зъ жоною своею, Ганною, были ведены на копу, на которой копе войты и тивуны усихъ чотырохъ частей Любецкихъ поведили Яну и жоне его, Ганне: ижъ вы, ведаючи какую шкоду, о которую школу, черезъ злодейство учиненое, уже копа не одынъ разъ была, на которыхъ копахъ пытали, абы каждый отъ себе зъ особна о зьлодеи выводыватися, если бы въ кого явие речи даны, або положоны до захованя, абы на копи не сталъ, — але ты, Яне, и зъ жоною своею, ани самъ на копе не бывалъ и тыхъ речей, съ которыми васъ теперь привели, у себе маючи, пе-

редъ копою не повидали, а е еще, мало маючи на томъ, и Москви-
тина, злодея приличного, безправне обесилъ. Съ тыхъ причинъ, при
тыхъ речахъ, съ которыми есте теперь передъ насъ приведены, ска-
зуемъ васъ обоихъ на шибеницу, водлугъ права нашего копногю.
Подданне Мартинъ Дегтеревичъ а Иванъ Леневищъ, принявши
всказане копное, пытали у Яна и въ жоны, Ганны, где бы иншия
речи подели, которые въ нихъ были покрадены, што и жонка ихъ,
Ганна, поведила, же до Брошевиши перину, подушки двѣ, кожухъ
сермягу чэрную, жона твоя отвезла. Копа вся пытали межи собою,
абы тыхъ речей не таили—у кого бы Янъ, або жона его, Ганна,
положила, абы тутъ на копѣ положили; нижли ни хто ся не хотель
озрати. Мартинъ Дегтеревичъ поведиль, же сынъ Грицковъ, Васко,
возиль тую Яновую до Богушевки, а такъ абы тутъ на копѣ сталъ
передъ вами, поведиль, што возиль зъ нею. Грицко, стоячи на ко-
пѣ, поведиль, ижъ я за сына своего хочю въ отказе быти, и што зо-
стану съ розъсудбу вашого виненъ, терпеть хочю,—и вызналъ тими
слова передъ нами, на копѣ стоячи: ижъ сынъ мой, на тотъ часъ
воли ее везъ до Богушовки, знапомъ вже коня запряженогю, якожъ
твонъ пании Остиковое, Павелъ, вызналъ, же конь запряжонъ и
возъ наложонъ полонъ речей, не ведаю якихъ.
Сынъ мой, привезши ее до Богушовки, у домъ Лавриковъ, самъ
пошолъ до Карпа, зятя войтова, отдаваючи повъгроша, што ему
былъ виненъ, и пришедши до Лаврикова дому, положонне въ возъ
речи, съ него выбраны; нижли сынъ мой не ведалъ, што въ возѣ
за речи были на тотъ
часъ, будучи присланными и при людехъ сто-
роннихъ, пытали того Лаврика разъ и три: естлибы што мель поло-
женогю въ домъ своемъ отъ вриадника, або уряднички ее милости
павее Серпутиное, Любецкос? Лавринъ не хотель передъ копою
зватися до жадныхъ речей. Копа надъ право разъ и колко пытала
Лаврика, абы не таилъ речей краденыхъ, припоминаючи ему о тые
речи, ижъ мы на копу ся збираемъ вже третий рязъ, а ты, быва-
ючи зъ нами на копѣ, о тое злодейство, што теперь у тебе быти
поведають, предъ ся таишь,—мы, не хотечи такогю злодейства межи
собою мети, тебзъ всказуемъ на тую жъ шибеницу, якъ Яна и жону

его. А такъ ты пане Тваровскій о то маєшь: злодеа абысь его сказалъ скарать такъ яко злодеа, што бы ся десятці, на тое гледети, казалъ. Тая Ганна, жона врядника, идучи на пыбевницю, после споведи, вызнала, ижъ скрынку и две подушкы, кожухъ и сермагу черную, то все дала въ заховане Лаврику и онъ того есть свѣдомъ злодейства нашего. Якожъ всказана копного они за плату, водже заслуги своее, взяли. И просилъ панъ Тваровскій, абы то было записано. А такъ я тое возного и вижа сознане до книгъ вгородскихъ записати казалъ.

Книга Луцкая городская, поточная, годъ 1868, № 2042, л. 68.

XIV.

Донесеніе возного о томъ, что онъ вмѣстѣ съ урядникомъ князя Романа Сангушка, священникомъ Іоакимомъ, вѣдали въ имѣніи княгини Настасіи Козиквиной, гдѣ удостовѣрился, что дѣйствительно княгиня Козики велѣла схватить принадлежащаго Сангушкѣ крестьянина, Богдана, посадить въ тюрьму и предать его пыткѣ, при чемъ ограблены были приходившіеся при немъ деньги. 1868., мая 1 д.

Лѣта Божого нарожена 1568, месеца мая 1 дня, въ субботу.

Постановившися обличне на вряде замку господарьского, Володимерского, передо мною Михайломъ Павловичемъ, подетаростымъ Володимерскимъ, возный повету Володимерского, Иванъ Летинскій, теми словы до книгъ вызналъ: ижъ будучи мнѣ отъ тебе зъ уряду замкового, за листомъ твоимъ, вряднику князя Романа его милости Федоровича Сангушка, воеводи Браславского и Веніцого, старости Житомирского, Турійскому священнику спасвому, Якимю, за пробою его приданымъ, до виегини Андреевон Козъчиной, виегини Настасіи Кирдзевны, о поймане подданого князя его милости, пана его, человека Бовбовского, Богдана, которого дай яко бы виегиня Ко-

вчина на добровольной дорозе безвинне поймати, увезене всадити и змучити казала, пытаючи ее, для которое причины то вчинала, и што бы того подданого зъ везеня выпустити велела,—ездилемъ вчора въ пятницю, мѣсяца апреля тридцатого дня, зъ врядникомъ князя Романа его милости, Турійскимъ, священникомъ спаскимъ, Якимъемъ, до кнегини Анѣдреевое Козѣчиное, до двора ее до имени Мокрецького. Тамъ же въ дворе застали есмо того подданого князя Романа его милости, Бовбольского, Богдана, у грядни подле колоды седячого, велии змучоного, въ которомъ видель обадва боки выпаленные, такъ же и подъ обема рувами выпалено, съ которого змученыя не ведати если живъ будетъ ли. Поведаль мне, возному, тотъ Богданъ: «якъ дей дня вчорашнего, въ четвергъ, две недели минуло якъ дей есми яшоль въ день зъ дому моего, зъ Бовболь, дорогою добровольною до имени князей Курцевичовъ, Ягодна, вола купити собе на роботу, маючи при собе за пазухою семьдесятъ грошей Литовскихъ на вола, а особливе въ мошне шесть грошей Литовскихъ; и ягдымъ дей приходиль до села Мокреца, такъ же дей мене подданный кнегини Козечиное, Мокрецький, на ймя Федець Будникъ, съ товаришомъ и помочникомъ своимъ, человекомъ Мокрицимъ же, на добровольной дорозе, въ перегороды села Мокрецького, безъ винне, не маючи до мене ни которое причины, за росказанемъ кнегини Козечиное, паней своеи, поймалъ и до двора привель: Кнегиня Козечиная дей казала мя у везене всадити, и зъ везеня беручи, три кротъ мучити, огнемъ палити, якъ дей и самъ тые знаки на мне видишь. И въ тотъ дей часъ, якъ мене тотъ подданный ее, Федець, съ товаришомъ и помочникомъ своимъ поймалъ, такъ же тые семьдесятъ грошей Литовскихъ, которые дей есми мель при себе за пазухою на куплене вола, въ мене отнялъ; а тые дей шесть грошей Литовскихъ, которые есми особливе въ мошне мель, тивонъ Мокрецький, Гацео, вже якъ дей мя до двора привели, въ мене вьзялъ». И пыталъ тотъ врядникъ князя Романа его милости, Турійский, Якимей, передо мною, вознымъ, кнегини Козѣчиное, для которое дей еси причины того подданого князя его милости, пана моего, Богдана, безъ винне поймати, у везене всадити и змучити казала? Кнегиня Козечиная поведила: «я его казала змучити, а жъ его и заплачу». Што все

врядникъ Туринскій мною вознигъ и стороною, подданимъ панее Яннииское, Туропинскимъ, Тишкеомъ, который на тотъ часъ тамъ въ нами былъ, осветчилъ; и за тымъ есмо оттолъ прочъ поѣхали, а тотъ подданный князя Романа его милости, змучоний Богданъ, таки тамъ въ дворе княгини Козециное zostалъ. При которомъ же выданню своемъ вознигъ, перво помелекий, и тотъ листъ мой, за договоримъ на тую потребу ездилъ, передо мною показалъ; и просилъ мене вриадникъ князя Романа его милости, Туринскій, священникъ спаский, Якимей, черезъ писане листу и посланца своего, абы тое выданне возного въ книги замковые было записано. Я то въ вкати замковые записати казалъ.

Листъ Владимирская градская, записовая и поточная, № 935, годъ 1568, листъ 45.

XXVI

Жалоба пана Николая Харлинскаго на княгиню Анну Соколинскую о томъ, что она въ половинѣ имѣнія Любча, вуплевномъ Харлинскимъ, притѣсняла и грабила крестьянъ, вслѣдствіе чего многіе изъ нихъ разбѣжались. Жалоба подтверждается свидѣтельствомъ вознаго. 1568 г., ноября 14 д.

Рокъ 1568, месеца ноября 14 дня *).

Што первой сего передо мною Петромъ Хомякомъ, подстаростымъ Луцкимъ, панъ Миколоай Харлинскій самъ себе и отъ малжонки своее, княгини Ганны Богдановны Любецкаго, жаловалъ и оповедалъ не ее милость княгиню Павловую Соколинскую, подю-

*) Мѣста, означенныя въ настоящемъ актѣ точками, въ актовой книгѣ совершенно истлѣли.

морную Витовскую, воегину Гаяну Любецкую, тымъ обичаетъ: нѣтъ
 дѣй ее мѣстѣ, не ведомо за якимъ правомъ, помощиу Любча,
 часть небожничя князя Богуша Любецкаго, которую я купилъ въ
 небожничя пана Малхера Яслювского и въ малжонки его, панен
 Фенны Дмитровны княжны Любецкое, сестры. мал-
 жонки свое, — то какъ дѣй она, доведавши о томъ, же я тую по-
 ловицу Любча, зо всеми селы и приселы купилъ, тымъ подданымъ
 великие кривды и втиски, беручи подачки великие, чинечи грабежи
 не померные, велии много подданныхъ зъ местечва Любецкаго и зо
 всиъ сель и приселковъ, въ нему прислухаючихъ, прочъ розогнали
 и вынщили Панъ Харлинскій, для огледана и освет-
 ченя таковыхъ кривдъ поделанныхъ, бралъ у мене зъ уряду замку
 господарского, Луцкаго, возмога поветового, Ивана Путошнскаго,
 который возный томъ бывши оттоля приехалъ и, ставши предо мною,
 до книгъ вградскихъ тыми словы созвалъ: нѣтъ тыхъ часовъ, недав-
 но минулыхъ, року теперь идучого шестдесять осмого, месяца ноября
 пяттого дня, маючи я при себе сторону людей добрыхъ: служебника
 пана Федора Сенюти, Яна Поплавского, и служебника пана Василя
 Ощовского, Павла Янковскаго, будучи мне въ Любчу, тамъ ошове-
 далъ мне, возному, и шляхте людямъ добрымъ панъ Миколай Хар-
 линскій и вси подданные тое части Богушовское: нѣтъ дѣй воегини
 Павлова Соколинская, воегиня Гаяна Любецкаго, нетъ ведомо за
 якимъ правомъ, будучи теперь въ держаню тое части небожничя
 князя половицы Любча и всиъ сель и приселковъ, въ
 Любчу привалежачихъ, беручи въ нихъ великие подачки и чинечи
 нѣтъ непомерные грабежи, людей прочъ розогнала. А той дѣй есть
 на первой, которые пошли прочъ Си-
 юрь зъ жоною, Матысь зять съ жоною, Матфей зъ жо-
 ною Мартинъ Дегтеревичъ зъ жоною, зъ сы-
 номъ зъ жоною зъ жо-
 ною и зъ дочкою. Зъ села Ставаа пошли прочъ на имя: Иванъ зъ
 жоною зъ двема сынами и зо всею маестностыю, Стецво Вилиничъ зъ
 жоною зъ двема сынами, Мартинъ Бородинъ зъ жоною и съ трема
 сынами, Кирдей а Васко Савиччи зъ двема дочками, Ярмоль Тиш-
 ковничъ зъ жоною зъ двема дочками и зъ сыномъ, Гриць

зъ жоною, зъ двема дочками и зъ сыномъ. Зъ села Любча: Михно
 зъ жоною, зъ двема сынами, Лаврушко Жуковичъ зъ жоною, зъ сы-
 номъ и зъ дочкою, Лавро зъ жоною, зъ трема сынами и зъ дочкою,
 Романко зъ братею самотреть, и зъ сестрою, Гривко Третаць зъ
 жоною и зъ двема дочками. Зъ села зъ жо-
 ною, зъ сыномъ а зъ дочкою, Дмитрикъ зъ жоною и зъ дочкою,
 Федко зъ жоною, зъ двема сынами и зъ дочкою, Ясюкъ
 зъ жоною, зъ сыномъ и зъ дочкою, Хихунъ зъ жоною, зъ двема
 дочками. Зъ села Невольного: Андриецъ зъ жоною
 Миско зъ жоною и зъ двема сынами, Савко Ворожковичъ зъ жоною
 и зъ двема сынами, Грицко зъ жоною и зъ сыномъ, Ониско зъ жо-
 ною, зъ дочкою зъ жоною, съ трема сынами и зъ двема
 дочками. Зъ села Лоловича, Тонко зъ жоною и зъ сыномъ. Яко жъ
 за обвоженьемъ нана Харлинскаго я огледалъ и виделъ есми халуны
 пустыє таць въ местечку Любчу, яко и во всихъ селахъ, вышпо-
 мененыхъ, съ которыхъ тые ся люди розишли. Оповедалъ тежъ панъ
 Харлинскій, што въ которую подданю коней быдла и грошами . .
 Соболинская, за держанья своего, побрала, то есть: у Кухни
 сверепу Княлка сверепу и пять копъ грошей взяла,
 у Сидоровича сверепу жеребца, у Юшка Калковца
 коня, у Головки пять копъ грошей, у Дороша две копы грошей, у
 Хомы две копы грошей, въ Лавруша две копе грошей, у Стеца
 две копе грошей, въ Иляша две копе грошей, въ Гордея две копе
 грошей, у Труша две копе грошей, у Яцка две копы грошей. .
 две копе грошей, въ Левка копу грошей, у мещанъ Любец-
 вихъ: две копе грошей, въ Сенка две копе гро-
 шей, въ две копе грошей, въ Павлюка две копе грошей,
 у Петрока две копы грошей, у Масюка две копе грошей, въ Гаца
 две копе грошей, у Коваля
 две копе грошей, у Мартина две копе грошей, у Дмитрия
 две копе грошей, въ Шимка две копе грошей, у Радка две
 копе грошей, въ Якуба две копе грошей, въ Харка две копе грошей
 Зъ села
 Залесець: у Грица две копе грошей,
 две копе грошей,

. троухъ брати сорокъ копъ
 грошей. Зъ села Соловина:
 две копе грошей, у Хома две копы грошей, въ Павлюка две копе
 грошей, въ Сенка две копы грошей, въ Олексы две копе грошей.
 Зъ села зъ Ставка: въ Куприяна две копе грошей, у Андрейца две
 копе грошей, въ Стедка две копе грошей, у Вашка две копе гро-
 шей, въ Ена две копе грошей. Зъ села Неволного: у войта пять
 воуъ грошей, у Волоса две копе грошей, у Савки две копе грошей,
 въ Степана две копе грошей, въ Гаврила две копе грошей, у во
 Ивана две копе грошей, у въ Андрея две копе грошей,
 две копе грошей, въ Миска две копе грошей, въ Корнея Енети копу гро-
 шей, у во Ивана две копе грошей,—то дей все кнегиня Соболинская
 тыхъ подданныхъ, верхумененыхъ, одного году въ нихъ
 взяла У тыхъ же подданныхъ, верхумене-
 ныхъ, рассказала быдла побраты и за собою до Литвы погнать; ко-
 терого дей быдла взято рогатого, то есть сто
 и тридцать воловъ а сто и семьдесятъ коровъ, овецъ пять сотъ; а
 десять чловека, вземши мощно, вгвалтомъ, то есть части
 съ жонами, зъ детми и зо всеми ихъ статками на
 своей части, которую она здавна Любчо держитъ, посадила,—въ чомъ
 и подданнымъ своимъ панъ Харлинский жалъ, врибду и шкоду не
 малую быти менить. И хочечи о то мовити, просилъ, абы то было
 записано. А такъ и тое возного сознанье до книгъ вгородскихъ за-
 писати казати.

*Книга Луцкая вродская и поточная, № 2042, годъ 1568, листъ
 374 на оборотъ.*

XXVII.

Жалоба отъ имени пановъ Войтеха и Яна Каменецкихъ на Кремянецкаго старосту, князя Михаила Збаражскаго, о томъ, что онъ, вопреки заключенному съ жалобщиками условію, выдавалъ бѣжавшихъ отъ Каменецкихъ въ его имѣніе 50 крестьянъ, задержалъ жонъ и дѣтей, а также и ихъ имущество; и когда крестьяне возвратились за своими семьями и имуществомъ, то Збаражскій и ихъ задержалъ, отпустивъ только изъ нихъ 18, самыхъ бѣднѣйшихъ, при чемъ взыскъ у нихъ по волю и по копѣ грошей Литовскихъ съ каждаго, и отнял у нихъ послѣднее имущество. 1570 г., апрѣля 2 дня.

Лѣта Божого вароженя, тисеча пятьсотъ семьдесятого, месяца апрѣля 2 дня.

Писалъ и прислалъ на вѣдѣ ево королевское милости, до мене Ивана Хребтовича Вогуринскаго, подстаростега Луцкаго, подстаростий Залозецкій, панъ Вавринецъ Ледъницкій, боярина пановъ своихъ, ихъ милости пана Войтеха а пана Яна Каменецкихъ, на Каменцу и Залозцахъ дедичовъ, на ймя Петра Михайловича Поднамена, оповедючи и обтежливе жалуючи именемъ ихъ милости пановъ своихъ, вышеймененныхъ, на ево милость князя Николая Андреевича Збаражскаго, старосту Кремянецкаго, тымъ обычаемъ: изъ дей ево милость, князь Николай Збаражскій, учинилъ былъ певное постановене зъ ихъ милостями, паны моими, о кривды межи подданными зобѣюхъ сторонъ, такъ тежъ и люди збегн свои зъ именеи князя Збаражскаго, то есть зъ Збаража и зъ ѡцншихъ сель, ку Збаражу належачихъ, и староства ево милости, Кремянецкаго, а ихъ милость пановъ Каменецкихъ, зъ Залозецъ, зъ Олеска, и съ подъ Камснѣ и сель, ку тымъ именямъ, ихъ милости належачихъ,— которые постановене ихъ милость учинили при приятелехъ своихъ, презъ ево милости, пана Григорѣя Болбаса Ростоцкаго, писара земскаго, Кремянецкаго. Яко жъ панъ Болбасъ тое постановене ихъ милости, обеюмъ сторонамъ написавши, съ печатю и съ подписомъ руки своее далъ; дей ихъ милость, обоя сторона, тое постановене, подъ

добримъ словомъ своимъ задержати на што и руки межъ себе . . . князь тому досыть чинити мели Панове Каменецкие, чинечи досыть постановеню и приреченю и рукоданю своему, тому досыть учинили, яко справедливость, такъ и отпаву съ подданныхъ своихъ учинили,—а подданныхъ, которыхъ на рейстре своемъ князь Збаражскій подалъ, выдали. Где жъ потомъ, егда ихъ милость послали того жъ врядника своего, Залозецкого, пана Вавринца Ледницкого, до его милости князя Збаражского,—его милость князь Збаражскій, ачь былъ петдесять некоторыхъ подданныхъ пановъ моихъ выдалъ, и то безъ жонъ, детей и маестности ихъ; одно жъ дей за ся, егда они тамъ, где менъкали, по жоны, и по дети и по маестности свои пошли, князь Збаражскій ихъ загамовалъ, одно жъ осмънадцать пустилъ, што наубогшихъ, и въ тыхъ по волу и по бопе грошей Литовскихъ взялъ; и егда ся они попровалили зъ остаткомъ маестности своее, и туо князь староста у нихъ побрати казалъ надъ запись, и постановене и дане руки своее. Где жъ засъ ихъ милость, панове мои, послали тогожъ врядника своего, Залозецкого, до его милости князя Збаражского, до Кремянца, зъ людьми добрыми, сторонними, въ року теперъ идучомъ, семъдесятомъ, месяца марта десятого, дня, егда тамъ панъ Ледницкій просилъ князя, старосты Кремянецкого, абы его милость яко выдалъ ихъ милости паномъ Каменецкимъ пятдесять отчичовъ, которыхъ засъ загамовалъ, доброволне ихъ пустилъ зъ жонами, и зъ маестностю,—а тыхъ которыхъ пустилъ и маестность ихъ побралъ, абы имъ все вцеле поворочано, и къ тому, которыи люди отчичи въ старостве Кремянецкомъ суть, абы и тыхъ также зо всею маестностю ихъ отдалъ. А князь староста тыхъ людей выдати загамовалъ, такъ и тымъ маестности ихъ вернути, а тыхъ, которыхъ еще (зъ) староства своего, Кремянецкого, не выдалъ и выдати не хотель, и ничего на постановене, и приречени слова рыцерского, и рукодана своего, не дбалъ. А такъ панъ Ледницкій просилъ его милости князя старосты о возного, и ку тому, абы то было до книгъ вгродскихъ записано. Его милость, князь староста, яко самъ зъ уряду своего возного, такъ и панъ подстаростый его, Кремянецкій, придати не хотели. Где жъ и до пана

писара вгородского, Кремянецкого, о той справе ходитъ, абы то до книгъ вгородскихъ было записано; яко жъ и панъ писарь его поведеть, ижъ ему князь староста того оповедама пана Мединицкого записати не велель, а такъ того безправя и великое кривды ихъ милости паномъ моимъ, которые ся стали отъ его милости князя, старости Кремянецкого, записати не хотель. И хочечи ихъ милость, панове Каменецкие, о тыхъ кривдахъ, о невыдане подданныхъ ихъ милости, и о побране маестности подданныхъ, такъ тежъ о не придане вонного до справъ ихъ милости, и о не записане до книгъ тамошнихъ, Кремянецкихъ, и о всемъ томъ мовити, просиль именовемъ ихъ милости, пановъ своихъ, посланецъ вродника Залозецкого, Петръ Михайловичъ, абы то было до книгъ вгородскихъ тутейшихъ, Луцкихъ, записано. А такъ я тую жалобу и оповедане его до книгъ вгородскихъ записати казатъ.

Книга Луцкая вродская, записовалъ и поточная, 1570 года, №. 2044, мствъ 174.

XXVIII.

Приговоръ къ повѣшенію крестьянина Волинскаго воеводы князя Александра Чарторыйскаго, Куца, за воровство рогатого скота; казнь сопровождалась цыткой, на которой онъ указалъ на сообщниковъ въ этомъ воровствѣ. 1570 г., апрѣля 19 дня.

Рокъ тысяча пять сотъ семьдесятого, месяца апрѣля 22 дня.

Приемлять на вродъ его королевское милости, до мене Ивана Хребтовича Богуринскаго, подстаростего Луцкого, панъ Иванъ Борзобогатовичъ Красенский, мостовничий Луцкий, просечи именовемъ боарина его милости, пана Дуваша, воеводы Познаньскаго, Мильолевскаго, Петра Заячинскаго, абы листъ судовый, подъ печатми людей добрыхъ, былъ вычитанъ, и въ книги вгородские уписать; ко-

торый слово въ слово такъ ся въ себе маеть: »я Томило Ворона,
 Иванъ Красенский Борзобогатовичъ, а Богданъ Перекладовский, а
 Олехво Томиловичъ Ворона, сознаваемъ симъ панимъ листомъ, кому
 бы того была потреба ведати, ижъ будучи намъ дни пняешнего на
 справе у дворе его ясневелможное милости, князя Александра Чор-
 торыйского, воеводи Волынского, жаловаль передъ нами бояринъ
 Миколаевский, подданный его милости, пана воеводи Познанского,
 Петръ Заечковский, на подданого его милости князя воеводина,
 Куца, съ Кланятичъ, поведаючи, ижъ онъ зъ бурсники (sic) своими
 укразъ въ него и у брата его скота деватеро: воловъ три, быковъ
 два, коровъ чотыри; который менованный Куць, стоячи очевидно пе-
 редъ нами, а при немъ скота того четверо—быковъ два, коровъ две,
 поведиль на то: »я тамъ къ нему по скотъ не ходилъ красти, але
 мелникъ Кланятицкий, Гринец поведиль то быти
 скотъ блудяши, у зо мною посполу побравши, тыхъ четверо скота
 и пятого робочого вола отогналъ зо мною въ Тополою, который
 скотъ продали есмо были Грицву, корчмиту Буремецкому, за две
 копе и за пять грошей». Ино мы, межъ себе есполне обьмовивши,
 права писаного статуту порадовивши, яко злодея приличного на
 шибеницу сказали есмо. Которого тамъ провадити и пытати при ско-
 ванн, посылали есмо служебниковъ своихъ: я, Томило Ворона,
 Климеа, а Иванъ Борзобогатовичъ Красенский, Прокон Угорицкого,
 а я, Богданъ Перекладовский, въ тому вранникъ Мстишинский, его
 милости князя воеводинъ, панъ Семень, посылаъ дьяка своего, Ива-
 ва, вторые при конаню у шибеницы того менованого осужаного,
 Куца, бывши, намъ отказали, ижъ на муде и при сконаню, вже на
 шибеницы седячи, поведиль, ижъ мелникъ Кланятицкий, Гриць, зъ
 обори своее тыхъ помененыхъ пятеро скота на продажу зъ нимъ,
 яко блудныхъ, на Тополое, и Буремцу, погпаль, а двое скота тое жъ
 животны — у Олехверца, человека князя Богдана Масалского, у
 Волничакъ, а еше другихъ двое скота, тое жъ краденое животны,
 при мелнигу поведиль, и то оповедиль, ижъ Олехверецъ менова-
 ный о томъ ведалъ, же то былъ скотъ краденый. И просли наеъ
 служебники его милости, пана воеводи Познанского, панъ Рад-
 лясский, а панъ Коренский, вторые ку тому праву приежчали,

абыхмо имъ тоє справы дали съ печатми нашими сознаве. Писанъ у Мъстинине, году семьдесятого, месяца априля девятоннадцатъ дня. А такъ я тотъ листъ судовый слово отъ слова, съ початву ажъ до конца, въ книги вгородские записати казаль.

*Книга Луцкая вродская, записовая и поточная, 1570 года,
№ 2044, листъ 211 на оборотъ.*

XXIX.

Донесеніе возного о томъ, что онъ былъ въ имѣніяхъ Сѣрадскаго воеводы, Альбрехта Ласкаго, въ селахъ Постойномъ, Чудлѣ и Бармакахъ, бывшихъ прежде во временномъ владѣніи пановъ Федора и Яцка Гурковъ — Омелянскихъ, при чемъ мужи и подданные означенныхъ селъ объявили, что Гурки, узнавъ о предстоявшемъ переходѣ этихъ селъ къ Ласскому, отогнали въ свое имѣніе, Омеленое, скотъ и лошади, и захватили разное имущество. Кромѣ того мужи и подданные заявили жалобу, что Гурки дѣлали имъ притѣсненія и грибежи, вслѣдствіе чего они пришли въ бѣдность и разореніе. 1570 г., апрѣля 22 дня.

Року тисеча пятсотъ семьдесятого, месяца априля 22 дня.

Пришедши до мене Ивана Хребтовича Богуринскаго, подстаростого Луцкого, на врьдъ его кролевское милости, замокъ Луцкий, возный повету Луцкаго, панъ Дахъно Гуляницкий, оповедать и теми словы до книгъ вгородскихъ визналь: ижъ дей будучи мне приданнымъ зъ уряду господарьского, Луцкого, на справы его милости, вельможного пана, Олбрыхъта Ласкаго, воеводы Сирацкаго, за посланемъ пана Анѣтона Кювскаго, старосты Островскаго, маючи дей при себе шляхту людей добрыхъ, пана Василя Радовицаго а пана Михайла Гуляницкаго, приехали дей есмо две године на день зъ некоторыми земьяны его милости, пана воеводы Сирацкаго, и зъ служебнымъ пана старосты Островскаго, паномъ Мартиномъ Лешневскимъ, у

середе, пятого дня апреля, до села Постойна, и, созвавши деи всихъ мужовъ съ Постойна, пошли есмо до двора въ Постоини, который черезъ нѣкоторый часъ съ тими подданными, Постоенскими, были въ заведеню и вживаню пановъ Федора а Яска Гурковъ, Омелянскихъ; и вшодчи доброволне у ворота, отворонии у двора, и пыталъ папъ Мартынъ Лешневский, именовемъ его милости, пана старосты Островского, пана своего, при мне, возпомъ, и шляхте: естли бы панове Гуркове были у дворе, або вридниъ, або слуга, который ихъ? А такъ жаденъ ся не озвалъ,—одно одинъ сторожъ у дворе, на имя Федко Борода, который передъ нами такъ отказалъ: «идъ деи панове Гуркове, коли тое слышали, же тыи именовъ, Постоино, отойти отъ нихъ мело, тогда деи сами поѣхали, и болшей того а ни сами а ни тежъ урядники ихъ бывали, и жаденъ слуга не бывалъ,—бо заразомъ што было, тогда все зъ двора, до найменшей речи, вывозили до именовъ своего, Омеляное, побрала же, и мне хлеба яко не стало». Панъ Лешневский просилъ, абы по мужовъ всихъ до другого села, што тежъ панове Гуркове держали, на имя Чюдля, послано. И кгда се подданные съ Чюдля зошли вси, яко Постоенские, такъ Чудельские мужи, въ Постоине, светчили мною, вознымъ, и шляхтою, верху помененою, папъ Лешневскый, ижъ деи за певными причинами а не послушенствомъ пановъ Гурковъ дано въ Луцку пану Федору и Яску Гуркомъ—Омелянскимъ, листъ упоминальный, увяжъчий, съ придани возного замку Луцкого, пана Ивана Путошинского, што у книги урядовые, Луцкие, записано естъ,—абы деи отъ подани опого листу зъ именовъ его милости, пана воеводы Сирацкого, Постойна и Чудля, за недель шесть, всю маетность свою вырумовали, и тыхъ именовъ поступили. Яко жъ деи они, взявши тотъ листъ отъ возного, загамовали, и были того року на вырумоване сведоми, ижъ сами того не ждали теперъ а ни подавати очевисто хотѣли; тогда то все для грабежовъ, которые незносные и великие подданнымъ его милости пана, воеводы Сирацкого, вчинили, же се даячи, ижъ тыхъ именовъ одержати не могли въ Постоине и въ Чудли, и оволоко деи десять вичъ и воловъ, такъ иное животныи, нелютостве черезъ слуги свои въ домахъ што было, погубивши, до именовъ своего, Омеляное, отогнали. Яко жъ вси люди: въ

онихъ сель, Постойна и Чудля, светчили намъ великимъ, плачливымъ
 дей голосомъ, поведиаш, ижъ дей всю маестность панове Гуркове: воли,
 быдло и инныхъ речей, которыхъ рейстръ въ себе менили бити,
 забрали и до Омеленое отогнали, и сами просили мене, возного, и
 инляхты, абы то намъ ведомо было, ижъ дей ми подъ послушенство
 его милости, пана воеводы Сирацкого, пана нашего прирожоного,
 добровольне себе поддаемо, ижъ тымъ паюмъ, што насъ всихъ во-
 брали и невинные зрашии, дадей бити не хочемъ послушны, а в аист-
 ныхъ кгрунтовъ Постоенскихъ, за держаня съ предки своими, нед-
 балостю дей своею, на волю миль ку кгрунтовъ именеи панове
 обалоныхъ, упустили и вписали ихъ. Яко паяъ Лешневский при насъ
 и при стороне замку Острозьского въ рейстръ вихъ, и шкоды ихъ
 каждого зособна. А кгда есмо пошли до избы въ дворе, тамъ одво
 дей котэ есмо знашли, а коморы, клетя, сталя, обора, гумно
 все пусту,—одно углы порожние; што паяъ Лешневский осветчиль,
 ижъ того увязанья, яко села, такъ въ подданые, и въ дворныхъ, то
 ему не борониль, а ижъ у дворе ничего згола не засталъ. И кгда
 ижъ панове Гуркове для тыхъ кривдъ и грабежовъ, што подданымъ
 очинили, а ни сами быи и ни вого ку поданю тыхъ именеи его
 милости, ку замку Острозьскому приверненныхъ, послать нехотѣи,
 то все нами осветчивъ. И потомъ на завтрее рано, месяца априли
 шостого дня, у четвергъ, съ Постойна поехали дей есмо до дру-
 того именея, Бармаковъ, которые дей тако жъ, ижъ панове Гуркове
 и явобы за певными причинами и непослушенствомъ противьку
 его милости великежного пана, воеводы Сирацкого, уступити были
 повинни, за обнесениемъ листу увязьчого черезъ возного Лудкого,
 пана Ивана Путешинского,—абы тако жъ, отъ подана листу оного
 за шесть недель, съ того именея его милости, Бормакъ, и въ двору
 са вырумовали и выехали; второй листъ для ведомости тамъ зага-
 мовали. А приказавши намъ передъ вечоромъ того жъ дня, у четвергъ,
 въ село Бармаки, возаши есмо всихъ мужовъ людей того села, абы
 шли до двора въ намъ; которые вси пошли тамъ, несъзнали есмо
 шкого въ дворе толко такожъ ничего; одво мужове поведали, ижъ
 дей панове Гуркове отъ тыждня а ни сами были, ни зрядника и
 слуги не посилали; бо дей яко о томъ ведомость взяли, же тое

имене мело отъ нихъ отыйти, тогда дей пани матка ихъ, побравши все отвелика до малого, до имени вятя своего, до папа Богуша, до Дядковичъ, повезла и ничего тутъ не оставила,—только дей тутъ панъ старый ся разболель, зъ стани выйти не могъ, тотъ зосталь, худой вельми, олжъ которого соломою кормили. А такъ панъ Лешневский, взявши и мепе, возного, и шляхту, яко до издобъ, гридни, сеней, коморъ, клетей, стайни, гумпа, оборы, пошоль, тамъ же нашли есмо въ сепе заменено, и не застали ничего, толко углы пустые и безъ защипокъ у дверей, а того дей худого, а безногого, а скоратого коня, тисавого, дрыганта, которого при насъ, тымъ же сторожомъ, панъ Лешневский до Омеженой послаль до пановъ Гурковъ. Тое жъ годины а мужове и подданые, тогда ся доброволне въ рейстръ уписавыши, припоминали такъ же некоторые кривды отъ пановъ Гурковъ, и на рейстръ меновите вписано,—а ото на болшей старжили, ижъ дей паны Гуркове, держачи тое имене съ проджи своими, не мало дей кгрунтовныхъ, за ихъ недбалствомъ, панъ Иванъ, подскарбей, поотнималь, а они о то не хотъли николи ничего чинити на сгубу того имени а на спротство наше, же не маемъ на томъ хлеба робити. А такъ панъ Лешневский мною, вознымъ, осветчиль, яко жъ такъ было: ижъ отъ пановъ Гурковъ, яко въ Постоиждъ, въ Чудлю, такъ и тамъ въ Бармакахъ, ни кого не было, и жадень того узязаня не бороняль, и такъ дей въ покою панъ Лешневский, але пусто, привернулъ ку замку Острозскому его милости, пана воеводи Сирацкого, за послалемъ и порученемъ пана Антона Кловешаго, старосты Острозского. А такъ я, припустивши тое все ку ведомости врядовой, што возний, панъ Дахно Гумалницый, до книгъ оживовныхъ записати казалъ.

Книга Луцкая городская, записовая и поточная, 1570 г., № 2044, листъ 215.

XXX.

Листъ короля Сигизмунда-Августа Луцкому магистрату, предписывающій ему не нарушать прежнихъ привилегій, на основаніи которыхъ, подданные, принадлежащіе главному Луцкому костелу, изъяты изъ подъ его юрисдикціи. 1570 г., іюня 26.

Лета Божого нарожена 1571, мѣсяца марта 25 дня.

Постановившися очевидно въ замку господарскомъ, Луцкомъ, середо мною Казимеромъ Ледницкимъ, подстаростимъ Луцкимъ, возный повету Луцкого, Семень Подгаецкий, до внигъ вгродскихъ бу записоваю тыми словы созналъ: ижъ дня нинешнього, въ понедемокъ, даты вышейписанос, маючи я при себе шляхту людей добрыхъ, то естъ: Яна Шабанского а Собествяна Витипского, даль есми копею, подъ печатю моею, зъ листу его королевское милости бурмистру, радцамъ и мещаномъ Луцкимъ, который листъ его королевское милости въ справе викариевъ каплановъ костела головного, Луцкого, светое Троицы, до пана Михайла его милости Еловича Малинского, маршалка его королевское милости, войта Луцкого, и тежъ до бурмистровъ, радцовъ и лавниковъ места Луцкого писанъ; который листъ такъ ся въ себе маеть: »Жиегимонтъ Августъ, Божю милостю король Полский, великий князь Литовский, Руский, Пруский, Жомоитский, Мазовецкий, Инфлянтский, панъ и дедичъ. Шляхетнымъ и славетнымъ Михайлови Малинскому, войтови Луцкому, и ишимъ на потомъ булучимъ бурмистромъ, радцомъ, лавникомъ места нашего, Луцкого, верне намъ милымъ, ласку нашу кролевскую. Верне вамъ миле! Писалъ и прислалъ до васъ князь Викторипъ Вербицкий, бискупъ Луцкий, ижъ вы, ниць не дбаючи на листы наши, которые мы предъ тымъ до васъ посылали, абысте ся не вдавали въ юрисдикцію подданныхъ костельныхъ святое Троицы, которыхъ мы якосмы звыкли размножати, службу Божю фундовати, и привилеи съ подписомъ руки нашео дали, и на вечные часы зъ волностями на тотъ костель записали, такъ дома, риболовы, млыны, огороды и

корчмы, што ихъ привилей достаточней обмавать (sic); такъ же тежъ и домъ, который на насъ леннымъ правомъ по жидовцы хрищеной припаль, на органисту до того жъ костела зъ волностями отдали, и на вечные часы записали, на што жъ мы тежъ и привилей особливый съ подписомъ руки нашею дали; которому то костелови и подданнымъ ихъ въ томъ привилею и волности дамълете, податки местские выбираючи, сажаячи, волности местские забороняючи и въ свою юрисдикцию одыимуючи, въ чомъ ся уближене костелови Божему и кривда, швода великая, презъ васъ дееть; што мы, не рады слышачи, не вдяче отъ васъ приймаемъ. Про то жъ мы, видячи слышныя причины и кривды того костела Божого, росказуемъ вамъ сродзетымъ листомъ нашимъ, подъ двема тысячами золотыхъ чирвоныхъ, которыхъ зъ добръ вашихъ властныхъ нястыкаторъ нашъ вытегать на васъ будетъ, абысте тому костелови привилей во вшиткихъ пунктехъ и артикулахъ, также волности вшитыи заховали, подданныхъ того костела венцей не судили а ни сажали, а тымъ же подданнымъ костелнымъ куповать, продавать, питя вшелякого шинковать албо варить не бранили, привилей а юрисдикций ни въ чомъ не нарушаючи ани отимуючи,—а иначе абысте не чинили для ласки нашею и вины, вышейнаписаное. Данъ на сойме валномъ, Варшавскомъ, дня двадцать шостого, мѣсяца червца, року папского тисеча пятсоты семдесятого, кролевства нашего чотырдесять первого. Францискъ Красницкий, короны Полское подканцлерий, на властное росказане короля его милости. А такъ я тое очевистое сознание возного и листъ его королевское милости слово отъ слова до книгъ вгородскихъ записати казаль.

Видна Луцкая городская, записовая и поточная, № 2045, 1574 года, л. 87.

XXXI.

Актъ продажи земляной въ Владимірскаго повѣта, Тихномъ Васильевичемъ Радовичскимъ и женою его, Екатериною, дворянину Станиславу Красескому части имѣнія Радовичъ. Въ числѣ документовъ, приведенныхъ въ этотъ актъ, включена, между прочимъ, привиллегія короля Владислава отъ 1444 года, данная Лементію Тириму-Русину на село Родовичъ. 1570 года, июля 1 д.

Лѣта Божого нароженя 1570 года, месеца октября 26 дня.

Постановившисе обличше передо мною Павломъ Григоревичомъ Оранскимъ, на тотъ часъ будущимъ подстаростимъ Володимерскимъ, а передо мною Иваномъ Петровичомъ Калусовскимъ, судею кгородскимъ, Володимерскимъ, земелинъ господарьскій, повету Володимерского, Тихно Васильевичъ Радовичскій, восполокъ зъ женою своею, Материною Славскою, не будучи ни отъ кого ни чимъ принужонъ, самъ добровольне а устне выспалъ тымъ словы: ижъ штомъ нервей всего, будучи въ Луцку, часть именья своего отчизного, въ Радовичахъ, во всемъ, якъ ся въ себе масть, и спадки, если бы ся которые на потомъ показали, того всего, ничого на себе, на потомка и братю и на которые близкие кровные мои не оставуючи, съ пришиемъ певныиъ пану Станиславу Красескому, дворянину его королевское милости, за певную суму пенезей, за тисечу копъ грошей, Литовское лѣчбы, на вечность продалъ и заплату всю сполна въ его милости взялъ, а тую часть именья моего заразъ поступилъ, и все право свое на его милость влилъ. И тую продажу свою на рокъ чевный, на день светого Или, света прошлого, въ року теперь чдучомъ семдесятомъ, на вrade кгородскомъ, Луцкомъ, до книгъ вызнати привилія твердости листы на тое именье, Радовичи, припадежачие, отдати, и малжонку мою на онъ же часъ на то привести меть,—же она на тую продажу мою призволяти и вепа своего на той части, отъ мене ей описаного, уступити мела. Якъ же на тую продажу мою и на тые всѣ речи, первопомененные, и листъ мой

вызванный подъ печатью моею и съ подписомъ власное руки моею, и тежъ подъ сведомьемъ и печатмъ людей добрыхъ, пану Кграевскому подъ збрукми писанный, данъ, на которомъ ширей а достаточней меновите есть описано и делозно. Иномъ, про хоробу мою, тому поставовенью и запису моему досыть учинити на роль, въ листе моемъ описанный, и тутъ очевисте, а устие передъ вами, яко передъ урядомъ, поменонный вызванный на день светого Или, на вряде вгородскомъ, Луцкомъ, до вингъ вызвати привилеювъ, твердостей, листовъ отдати, и малжонки своея на онъ часть на то привести, — же бы она на тую продажу мою приводити, и ввнвошого на той части, отъ мене ей описаного, уступити мѣло, — не могъ, за чимъ дей ровницы промежку насъ съ паномъ Кграевскимъ были уросли; алѣ ижъ те ся все вжо за ровознавьемъ принталскимъ поедвало и за то досыть учинио. А такъ я, водже ономъ продажи тое части именья моего и спадковъ, чинечи запису своему досыть, передъ вами, яко передъ урядомъ тутошнимъ, вгородскимъ тую продажу мою пану Станиславу Кграевскому вызнавашъ, привидѣи, твердостей, листи на тое именье, Радовичи, належачне, отдаю. Яко же передъ вами привилеювъ принвисетою печатью, на паритамеше по латыне писанный, продву его и брати его Радовичицкихъ, Дементѣю Тириву — Русину, на тое именье, Радовичи, даный отъ короля Полского, светое и славое именети Владислава, и винки земли пана и дедичи, яко титулъ его королевское милости увесъ достаточне на томъ привилею есть описанъ. А притомъ привилею листъ небожчика князя Андрея Александровича Сани вгущковича, старосты Володимерского, граничный, што его милость граничить промежку пановъ Ляховскихъ, Андрея а Семена, а пановъ Радовичицкихъ, Дениса а Петра, межк именей ихъ — Ляховичицкихъ, Ляхова, а Радовичицкихъ, Радовичъ А. другой листъ небожчика князя Александра Федоровича Збарзского, такъ же граничный, што граничить съ Денисомъ Радовичицкимъ промежку имения своего, Поряцка, а Радовичцаго. — Радовичъ, пану Кграевскому отдавъ, а малжонка его, Катерина Славская, тутъ же стоечи, очевисте, сама доброволне а устие, не будучи ни отъ вого ни чимъ принушена, то вызнава, ижъ на тую продажу вечистую малжонка своего части именья его, Радовичцаго, зъволила, и вена своего, на той части отъ мал-

жовна еее ей оповского; уступила. При которомъ добровольномъ а
утокномъ признаню самого Тихва Радовицкого и олдани твердосей;
привилежь, листовъ, и тежь признаню малюшки его, панъ Станиславъ
Кираевский листъ вучный на тую продажу ему отъ Тихва Радовиц-
кого въ Луцку дашый, передъ нами положилъ, иже оный привилей
вардья Владислава, тежь листъ граничяне, первопомешены; и листъ
вучный на тую продажу отъ Тихва Радовицкого пану Кираевскому
дашый, передъ нами читаны были. А же привилей полатыне писанъ,
тедь на Полюский ячьжь теми словы выладаногъ: **Войске Пянке** стан-
ся. Мы Владиславъ, въ ласки Божей врозь Полюский, Венгерский,
Делиацкий и Бронцкий и тежь земь: Краковский, Сондомирский, Сми-
рацкий, Ленчицкий, Куявский, князь Литовске, тежь всеже даймо-
ше: Поморске и Руске, панъ и дедичъ. На тий реди памецъ вечной
овнаймуемы писанемъ: нинейшимъ, вторымъ бы потреба вездецъ, вилемъ
вобщъ терзцейнимъ и на потымъ бондонцымъ, нивейшо рати вад-
домости мець: иже збо обачаюць вдеанный верности, иже случа-
бы, ивореме шалетный Деметий Тирикъ Русикъ, иамъ верный, ас-
шному мансату се: приподобалъ; и еце, пригнажкоюць омыности,
верности ево, иже заце приподобалъ: се, на лотымъ тежь, ево
вмендежь: завлукъ, хцонць онево до послукъ: нашихъ унницъ,
тымъ вецей правдыево ему, тежь ево потомкомъ и дзедзидомъ,
весь: наше, Радомиче, въ земляхъ нашихъ: Русикъ, въ повеце: Влод-
зимерскимъ: лежонцо, зе вшитыми и особными теи: же: вемъ позлатъ
наше, отъ цнцями, въ доходами, въ ролми, въ лоткамъ, въ полми,
отловляни, въ пашамн, въ ласы, вгягн, въ хрсты, въ заросляни, впу-
стамн, въ борки, въ барци, въ дубровани, въ лави евергнени и штатни-
ми, въ рёламн, въ потовамн, въ блоти, въ ствамн, въ еверамн, въ ло-
веньемъ рыбъ, въ водами, въ плываемъ водъ, въ мянни, въ вы-
мляни, и ниници вшитыми пожитками: валежонцыми, привилежон-
цими и припадками, вшитыми, вторымъ бы: колверъ ижонъ: вобо-
нашисками: были: наведе, до причоний: вси: Радомичъ прислу-
шайцими и привилежонцыми, ниць права: вадования и власности на
наше и на наше: потомъ въ тий же вси не захоуюць: давами,
даруами: к потвердами дарованымъ вечнымъ и не одзванымъ презъ
теи: листъ, презъ онево Деметива Тирика, мець, тримецъ, вжи:

лицъ съ половець, предлицъ, зимениць, отдалницъ, воставиць и на томъ
 листи ево и съвои дзедзирь и потомьковъ дашникъ, пушодобаниць,
 и вэдлуръ доброй волнъ своей оброщиць вечнымъ и вѣкувстни чини.
 Которому листу на свидѣство печенць наша законна естѣ: Даша
 се то на виспе, въ мѣстечку нашиць, Ковинько (sic), естѣ. мѣце (sic),
 дни недѣльного по свидѣ сьентого Станислава, въ тыхъ рѣку пинь-
 сьвиць тисенцьвиль чтерста чтердзесци и чвартомъ, при бытности
 вельбюгого, вельможныхъ и можныхъ пановъ: Миколая Лана, дзескии
 Брановскего, Лукаша зъ Кюргии Нознаньскего, Рокко съ Иоморани
 Подолского воеводи, Миколай зъ Алазеса, дворьскего на тѣмъ чѣстъ
 маршалка, Петра Санотуль, Павла Сепца и Кюслава Войшика зъ
 Война, радъ нашиць и пиньиль, вѣри згодныхъ, светловъ, при той
 дашине, вишпей написаныи. Данъ презъ ренце вельможныхъ Яна зъ
 Кожедиоля, ванцлера, Петра зъ Щелогина, подканцлерьскего врозь-
 ства нашего Польскего, намъ верне мѣшкы, на рѣлицю тѣмъгожъ
 вельможнего Петра зъ Щелогина, крулевства нашего Польскего под-
 канцлерьскего. А рускии листи такъ ся въ себе мають: и Андрей
 Александровичъ Савлушовича, староста Володимирский, смотрели
 ещо того дѣла: просили мене зъ оби сторонъ нашихъ Ляховские,
 Андрей а Семекъ, а панове Радовицкие, Денисъ а Петръ, иже быхъ
 промежи ими справедливости досмотрель о землю. И ямъ на туе
 землю ишкель, и панове Радовицкие повели насъ берегъ лѣса и
 привели зъ ставу Щенютинскому, а отголя повели насъе Ляхов-
 ские по другой стороне тогожъ леса, и привели зъ дороже Жав-
 вонской, и такъ есмо вытали: которое свидомье наше, иже бы то
 была земля наша, покель естѣ насъ обводили? И они съ обу сторонъ
 свидомья не мели. Нишли Радовицкие дали приягу Ляховскимъ,
 иже бы приагли на томъ нашъ справне завели, и Ляховские за при-
 сѣгу ся нишли. А на тотомъ зъ обу сторонъ пришли на згуду, и
 ми промежи ими знашли—паномъ Ляховскимъ якъ бы третья часть
 того лѣса, а который же они промежи себе шоръ мели, а ланомъ
 Радовицкимъ яко бы две доли. И казали есмо грани положити и за-
 копы закопати, почопши отъ Щенютинского ставу, перный законъ
 на березе оволо березки, а другой законъ оvole дороги; а отъ тыхъ
 здопоявъ грани въ ядци; а отъ тыхъ границъ просто черезъ лѣсъ ижъ

могили, которая жь могла под лесомъ; а отъ тое мѣглы, промажи
лѣса и поля, черезъ дуброву, просто къ дорожѣ Радовичской, а черезъ
дорогу къ межѣ старой, которую жь мѣли между предки здавна про-
межи себе; а тою межею ажъ до дороги Жасковской, а тая дорога
Жасковская делить ихъ—по леву Радовичскимъ, а по праву Ляхов-
скимъ, ажъ до границы князи Федѣя Порыцкаго. А въ ставу Ще-
нютинскомъ паномъ Радовичскимъ уступу вѣтъ нѣтъ, нѣколы вода
завѣтъ; а што будетъ сухого болота, то имъ по полювнѣ. И которымъ
границы есмо положили и законы законали. А хто бы зъ нихъ хотѣлъ
тѣмъ грани або законы рушити, тотъ жь вѣтъ заплатити братъ брату
десѣтъ копѣ грошей, а тѣмъ грани за ся вѣтъ поправити. А при
томъ были: князь Александро Федковичъ Порыцкй, а панъ Якимъ
Жасковский, а панъ Бокей, а панъ Сенюта, городничй Володимир-
ский, а панъ Иваншо Яковичий, а панъ Федко, а панъ Мяхшо Лас-
ковичи, а панъ Будинъ Дривиньский, а панъ Князский. А про леп-
шую справедливость, я князь Андрей Александровичъ, староста Во-
лодимерский, а князь Александро Федковичъ; а панъ Якимъ Жас-
ковский, а панъ Бокей, печати есмо свои приложили къ сему на-
шему листу. Писанъ у Володимера. Мая первый день, индѣтъ тре-
тий. Я Александро Федоровичъ Збаражский, визнаваю симъ моимъ
листомъ, кому того будетъ потреба ведѣти, або чьтучи его слышати,
нынѣшнимъ и потомъ будущимъ. Вѣтъ есмо сами прожежку себе
вгору съ паномъ Денисомъ Радовичскимъ въ землякъ нашихъ отчиз-
ныхъ, межѣ его имени, Радовичъ, а межѣ моего имени, Порыцка,
по своей доброй воли грани положили и законы законали, почонши
то есть отъ урочнѣца Тристанца, отъ границы пана Федора Жасков-
ского, дорогою старою, которая идетъ отъ Жасковичъ въ Ляхову,
копѣцы копали по обема сторонамъ дороги и черезъ дорогу, которая
идетъ отъ Порыцка до Володимера, ажъ до границы, которую я маю
съ паномъ Ляховскимъ,—по лѣвой руке—мое поле, а по праву—дуб-
рова пана Дениса Радовичского. И вѣтъ маемъ, по тѣмъ грани и коп-
цы, держати на вечные часы, и потомки наши и на жимъ зъ
нихъ, одинъ черезъ другого, землю не переступати. А если
быкъ чимъ водвѣкъ того листу нашего выступили, тогда сто-
рона стороне вѣтъ заплатити сто вѣтъ грошей. И на то есмо

пану Радовицкому, Денису, даль есжо листъ въ моею печатю: И для лепкое твердосты просилъ есми пана Федора Якимовича Жасковскаго а пана Семена Ляховскаго о печати, — и ихъ милость на все чолемьбите то учинили, и печати свое приложили въ сему моему листу. Писанъ у Порыцку, подъ летъ Божого нарожени тисечъ пятсотъ чтыредесятого року, месяца мая двадцать пятый день, индкта тринадцатого. Я Тихно Василевичъ Радовицкий, земенникъ повету Володимерскаго, визнаваю симъ моимъ листомъ каждому, кому будетъ того потреба ведати, або чтучи его слышати, ижъ дознавшися въ немалыхъ потребахъ и долегостяхъ своихъ великую хутъ и ласкавый рауноуль отъ его милости пана Станислава Кграевскаго, дворянина короля его милости, што приходило не малымъ коштомъ и накладомъ его милости, ижемъ по братехъ своихъ и крвныхъ приятелей такавой учинности не дозналъ, ино нагоражаючи я такую ласкавую учинность его милости, продалемъ за певную суму пенезей, за тисечу копъ грошей Литовскихъ, въ каждый грошъ по десети пенезей белыхъ личачы, часть свою именя моего, въ Родовичахъ лежаюе, въ повете Володимерскомъ, што правомъ прирожонитъ на мене прислудаеть, во всими спадъви и всею вляеностю, такъ долго и широко, яко ся тое имене въ себе маєт, волное и никому не ценное, въ границахъ сусѣдновъ обополныхъ, то есть отъ именей князей Порыцкихъ, Порыцка, а отъ Ляхова и Щенютина зъ одной стороны, а отъ дворищъ и Жасковичъ зъ другое стороны, въ границахъ и въ обзедехъ певныхъ, яко ся здавна то имене въ себе маєт, вечно и на вѣки обеля непорушино пану Станиславу Кграевскому и потомкамъ его милости снустилемъ. Яко жъ заразомъ, водне змовы и постановеня нашего спелного, ввляомъ въ его милости, въ пана Станислава Кграевскаго, вуполную заплату, и суму пенезей всю поднесль есми власне и въ руви свои ввляъ; съ которое заплати я Тихно Василевичъ Радовицкий его милости пана Кграевскаго, и потомковъ его милости, ввитуую вечныи часы, и того права прирожоняго съ того именья и части свои въ Родовичахъ, и спадковъ, и зовскихъ властностей, нігобы ся напотомъ оказало и припало, уступую, а на пана Кграевскаго и на потомки его милости вечныи часы ввляю. Волно будетъ его милости пану Кграевскому тымъ име-

немъ и продаженю моею и спадками, яко уже власныи отичеть и до-
 дитъ имени того, запродавъ воево, замещитъ, даровать и жу своему
 лепшому обернуть, яко съ его милости и повошею налицей до-
 добати будетъ, — а я то, яко самъ отъ себе и отъ брата своего, бли-
 нихъ и кровныхъ, отпущю и отдаю вечными часы. Можехъ ево
 милость панъ Кйграевский, съ потомки своимъ, або кому то право
 спустити покоевъ, того имени вкляти за всеми должностями, або
 съ подланными тяглыми и подсудьбей, и ихъ плати и циннами, до-
 ходами и повинностями, съ полми, нивами и съ ланною, которая въ
 тихъ доляхъ и нивахъ поселяна есть, и въ сндожатни, въ дубровахъ,
 запустями, въ бортиною землю, гайми, въ лесъ, боры и въ хородами,
 проробами, ставы, млынами, лужками, овердами, водками, (яко), и во
 всякъ впринтомъ, яко съ тая часть имени моего, въ Радовичахъ, што на
 потомъ принадлежитъ, въ себе масть, такъ ижъ менованое неменованому,
 а менованое менованому ничою щодати не масть. А я заравомъ того
 имени ево милости поступую и вечно даю, и тую продажу а вечное по-
 становенье мое на граде ево королевское милости записати и оновдати
 оновати маю на день света светого Или, въ раку говорениемъ сем-
 десятомъ, месеца июля двадцатого дня, або яко нариклией быти
 можетъ, въ Дунду, на граде вгородскомъ, вынати маю. А ево милость
 паць Кйграевский и потомковъ ево милости власны будутъ тотъ за-
 писъ перенести до книгъ судовыхъ, земскихъ, повету Володимирского,
 хотя безъ мене, — а то будетъ тавъ важно, яко быхъ я самъ вы-
 нати повторе меля. А если бы было того потреба, тогда обещю
 пану Станиславу Кйграевскому и потомкамъ ево милости буду ви-
 ненъ самъ ехати на первые земские ровы, и тую продажу свою ве-
 чную до книгъ земскихъ вынати и записать. А если быхъ я съ не-
 томки, або на потомъ хто въ близкихъ могахъ, тие вечное постановене
 мое нарушити меля, або же быхъ въ чомъ тому записови не доситъ ста-
 ло во всехъ артукулахъ, яко вышей описано стоитъ, догды толко разовъ
 кождо быхъ съ того постановеня моего, съ потомками и близкими своимъ
 выступити, и того нарушити меля, на граде ево королевское милости,
 Володимирский, земский, чотыреста конъ грошей, а пану Станиславу и
 потомкомъ ево милости другую чотыреста конъ грошей Литовскихъ,
 задати буду повявечи, и до запаленю верути, тогда кажди

судъ и каждый владѣицъ маеть запись мою при мощи воставити вечныи часы. А если быхъ се я въ потомънами своими и близкими его милости панъ Кграевскѣго и потомковъ его милости о якую жъ колъекъ речъ тое властное его милости, штожь течне и обель, продать, позвати мель, тогда не будетъ повиненъ его милость, ни съ потомънами, отказывати, амъ перей другѣе заруки заплатимо, то есть: вряду земьскому, Володимѣрскому, пять сотъ копъ грошей Литовскихъ, а его милости пану Станиславу Кграевскому и потомковъ его другую пѣтьсотъ копъ грошей Литовскихъ; а по заплаченю заруки тотъ запись мой маеть быти вхованъ мощно въ каждого права. А которое привезя, твердости, листы наше на тое имѣнне, Радовичи, я въ себе маю, и на тотъ же часъ ихъ на вридѣ Луцкомъ, вродскомъ, при ономъ же вызнаню моемъ его милости пану Станиславу Кграевскому подати ихъ маю. А если быхъ я на тотъ часъ подати ихъ не хотель, тогда я маю заруки заплатати, яко вышей описано есть; а заплативши тые заруки, предъ си панъ Кграевскѣи тую продажу мою вечными часы держати маеть. А што ся дотычетъ о вѣно малжонку моею, панее Катерины Славское, Радовицкое, што жъ я ее напередъ продажи моею вечностю оправимъ и выдасаю, тогда въ той оправе и запису моему на той справе вечные продажи мои, ничего мети не маеть вечными часы; а малжонку мою, панкою Катерину Радовицкую, маю и буду повиненъ привести, же и на тотъ запись добровольный мой приводити маеть, и того вѣна своего уступити маеть вечными часы его милости пану Станиславу Кграевскому и потомкомъ его милости, подъ заруками другими и третими, въ семь листе вицепомененне. И на томъ даль его милости пану Станиславу Кграевскому, сееъ мой листъ подъ печатю моею и съ подписомъ власное руки моею. А притомъ были и того добре сведомы ихъ милость: князь Дмитръ Козека, а панъ Иванъ Семеновичъ Ляховский, а панъ Василий Василевичъ Радовицкий; ихъ милость на очевистую прозбу мою печатю своимъ до сего листу моего приложити рачили. Писанъ въ Луцку, лѣта Бжого нароженья тысяча пятсотъ семдесяторо, мѣсца икля первого дни, Тихно Радовицкий, власною рукою подписася. И просили насъ панъ Тихно Радовицкий и жена его, Катерина Славская, абимю тое добровольное а устное вызнанне

ихъ, тамъ тежь привидей славное памети короля его милости Владислава, и листы граничные, первопомененные, на то имене, Радовичи, належачие, и пану Кграевскому отданые, и передъ нами читаные, и листъ купчий на продажу вечистую части ихъ имени, Радовицкое, пану Станиславу Кграевскому даный, и отъ пана Кграевского передъ нами положонный и читаный, въ вѣсти вгородские записати казали и выпись съ книгъ подъ печатми нашими пану Станиславу Кграевскому дали. Мы, за прозбою пана Тихна Радовицкого и жены его, пани Катерины Славское, тое добровольное а устное выванье ихъ, и привидей славное памети короля его милости, Владислава, и листы граничные, первопомененные, на тое имене, Радовичи, належачие, и пану Кграевскому отданые и передъ нами читаные, и листъ купчий отъ пана Тихна Радовицкого на продажу вечистую части ихъ имени, Радовицкое, пану Станиславу Кграевскому даный, и отъ пана Кграевского передъ нами положонный и читаный, слово отъ слова въ книги вгородские записати казали.

Книга Владимирская вродская, записовая и помочная, № 966, годъ 1570, листъ 314.

XXXII.

Донесение возного по дѣлу о женщинѣ Ульяѣ, обвиняемой въ покушеніи на отравленіе пана Андрея Добринскаго и жены его. Обвиняемая объявила возному, что она звела на себя это преступленіе въздѣствие истязаній и пытокъ, которой подвергнулъ ее Добринскій: 1571 года, июня 12 дня.

Лѣта Божьего нароженя 1571, мѣсяца июня 12 дня.

Передо мною Иваномъ Хребтовичомъ Богуринскимъ, подстаростымъ Луцкимъ, ставши очевидцо возный совету Луцкого, Богданъ Кнегвиницскій, до книгъ вгородскихъ ку записаню теми словами совола:

нѣтъ дѣя иишеишего; дати иишеишеае; маючи при себе шляху людей добрыхъ, то естъ Валентога Жоравского а Щасного Велнского; пугать семи невесты, на ние Улиса; у везеньи въ велинъ замковой седлчов; которую дѣя панъ Андрей Добринский до везеньи посадити дѣя: естан же бн она отруту, абы зелье явое отъ панее Настасьи Джусельяи Горанное Тесовское брала и за прозбою, абы за росказань ее; пану Андрею Добринскому и жене его, хотечи икъ (ихъ) погрутити, давала? Котораи невеста; Улиса; поведила: икъ дѣя я пк-коли ни явое отрути и зелья отъ панее Тесовское не брала, и пану Андрею Добринскому и жене его не давала а ни ми пани Тесовская рсказовала;—жадного ми слова о то ииволи не поведила; а штокъ вызнавала, явобиъ мела отъ панси Тесовское отруту и зеле брати; а пану Добринскому и жене его давати, тогда дѣя мусиламъ поновомъ совнати; бо ми панъ Андрей Добринский бияъ маючи въ рукахъ своихъ, мордовалъ, и мовиль (sic), и што хотель; то надо мною чинилъ, и кату въ руки давалъ, который мя мучилъ. А такъ я тое очевидное сознание возного до бнѣтъ вродскихъ зависати казалъ.

Книга вродская Луцкая, записовая и поточная, 1571 г., № 2045, л. 182 на оборотъ.

XXXIII.

Жалоба отъ имени стольника великаго княжества Литовскаго, Николая Дорогостайскаго, на подкомораго Владимирскаго, Александра Семашка и жену его Варвару о томъ, что они переселили въ свое имѣние, Коблино, два приналежащія жалобцику крестьянскіе семейства. 1572 г., апрѣля 16 д.

Лѣто Божого нароженя 1572, месеца апреля 16 дня.

Пришодчи на врьдъ господарский, въ замовъ Луцкий, до мене Ивана Хреутовича Богуринского, подгарястего Луцкого, наместань

велможного пана его милости пана Миколая Дорогостайского, столника его королевское милости великого князства Литовского, старосты Веленскаго, державцы Островскаго, тивона Кгондиньскаго, Дорогостайский, панъ Войтехъ Рыжницкій, жаловалъ и оповедаль тымъ обычаемъ: имъ дей тыхъ часовъ, недавно минулыхъ, року теперешнего семдесятъ второго, месеца априля шостого дня, на великъ-день, зъ недѣли на понеделокъ, панъ Александро Семашко, подкоморый Володимирский, восполозь зъ малжонкою своею, панею Барбарою Александровною, съ Порицка, подданымъ своимъ, Коблинскимъ, росказаль ночнымъ а злодейскимъ обычаемъ выкотить двоухъ подданныхъ его милости пана моего, Дорогостайскихъ, зъ Дорогостай, на ймя: Олишва Андреевича зъ жоною и съ трема сынами: Грицкомъ, а зъ Романцемъ, зъ жонами и зъ дѣтми, а съ третимъ сыномъ, Микитою, и зо всею маетностю ихъ, а Барната зъ жоною, зъ детми, и такъ же зо всею маетностю его, — которихъ же дей подданныхъ его милости пана моего, вышей менованныхъ, подданные пана Семашковы и малжонки его, Коблинские, за росказаньемъ ихъ, злодейскимъ обычаемъ выкотили. Где жъ дей и заразомъ зъ стороною, людьми добрими, слѣдъ привель есми былъ до йменя пана Семашкова и малжонки его, до Ужинца, и просилъ войта Ужинского, абы ми слѣдъ зъ села вывелъ. Тогда войтъ Ужинский слѣду зъ села вывести не хотель и тотъ слѣдъ съ подданными Ужинскими затерь; которые жъ дей подданные пана моего, вышей менованные, и теперь въ Коблине мешкають, а панъ дей Семашко зъ малжонкою своею ихъ выдати не хочеть. И просилъ панъ Войтехъ Рыжницкій, абы то было записано. А такъ я тую жалобу и оповедане до книгъ кгродскихъ, Луцкихъ, записати казалъ.

Книга Луцкая гродская, записовая и поточная, № 2046, годъ 1572, листъ 226.

XXXIV.

Дарственная запись отъ Холмскаго каштеляна Николая Лысаковского боярину Карпу Вакуличу на Супруновское дворище, съ освобожденіемъ его отъ всякихъ иныхъ повинностей и работъ, кромѣ одной боярской службы. 1572 г., июля 10 дня.

Року 1596, месеца марта 18 дня.

Преодо мною Богушомъ Гулевичомъ Воютинскимъ, будучимъ на мѣстцу пана Федора Загоровскаго, подѣстаростега Володимерскаго, ставши обличне Карпъ Вакуличъ, бояринъ зъ села Вербое, повладалъ листъ его милости зошлого небожчика пана Миколая Лысаковского, каштеляна Холмскаго, подѣ печатъми и съ подписомъ руки его милости, просечи, абы до книгъ былъ вписанъ, который такъ се въ себе маеть: »Всимъ вобецъ и каждому зособна, кому то видати належить тецерь и на потомъ завжды. Ознаймуюемъ, ижъ я, дознавши служебъ вирныхъ по служи моемъ, Карпу Вакуличу, который мни вирне а зычливе одъ немалого часу завжды отдавалъ, далемъ ему дворище Супруновское, боярское, зовсимъ, што до него належить, и зъ боромъ медовымъ, съ которого ми жадное иншое повинности а ни работъ nebudeтъ повинень, одно зо мною ездити а где его зъ листы пошлю. А жебы былъ хотлившии до служебъ моихъ, тецы ему записую на немъ десетъ копъ Литовскихъ; которое дворище, вгды бы ему потомкови мои отнати хотели, тецы не могутъ того учинити, не отдавши ему первой тое сумы пенезей. А вгды бы ему ся служить або потомкомъ моимъ не подобало, тецы ему вольно тое дворище кому хотечи спустити, и пенези тые зъ него взяти, и кому хотечи себе за пана мати. А тамъ, за держана того дворища въ маестности моей, въ жадное подданство отъ потомковъ моихъ не можетъ быти притяганъ. И на томъ ему далъ тотъ мой листъ, у Вербое, десятого июля, року тисеча пятьсотъ семдесятъ второго«. У того листу печать одна, а подпись руки тыми словы: Миколай Лысаковский, каштелянъ Холмский, рукою. А такъ

я тотъ выше менованый листъ, за прозбою помененого Карпа, до книгъ вгородскихъ, Володимерскихъ, записати казати,

Книга Владимірская вродская, записовая, поточная и декретовая, № 950, годъ 1596, листъ 111-й.

XXXV.

Инвентарь имѣніи Вышковскаго, съ исчисленіемъ бояръ и крестьянъ, а также ихъ дворовъ и огородовъ. 1572 г., октября 11 дня.

Рокѹ 1572, месеца октября 11 дня.

Передо мною Петромъ Хоменкомъ, подстаростимъ Луцкимъ, отъ его милости князя Богуша Корецкого, воеводы земель Волынскихъ, старосты Луцкого, Браславского и Вѣницкого, ставши очевисто возный повету Луцкого, Левъ Верховский, теми словы до книгъ вгородскихъ, Луцкихъ, вызнати: ижъ дей дня нинешнего, даты выше писаное, при мне, возномъ, панъ Александро Семашко, подкоморій Володимерский, подалъ въ мощь, держане и уживане, въ суме пенезей получетверту стѹ копахъ грошей Литовскихъ, пану Валентому Понятовскому и малжонце его, паней Марине Звѣровне, имене свое, Вышковъ, зъ дворомъ, зъ быдломъ, зъ огородомъ и зо всими потребами домовыми, ролею дворною, таъ тежъ бояры и людми Вышковскими, подворищными и подсосудками. Што все по'достатку а меновито списавши на рейстръ панъ Александро Семашко по полску, а припечатавши печатю и подписавши рукою своею, тотъ рейстръ пану Понятовскому при мне отдать. На которомъ рейстре таъ есть написано: Рейстръ списаня и поданя имена и двора Вышковского отъ мене Александра Семашка, подкоморого Володимерского, пану Валентому Понятовскому, року панского тисеча пятьсотъ семдесятъ второго, месеца сентебра второнадцать дня. Дворъ зо всимъ Вышковский; на передь: светлицъ две съ прибовами, коморами; зъ сеней-коморъ две, сини и вганокъ, оболонъ чотыри,—въ одной светлицы оловомъ вправяныхъ и оконницъ въоболъ на завесахъ; съ тое жъ светлицы въ пребоку две обольне, оловомъ вправленныхъ, и оконницы на завесахъ; светлица другая безъ

оболонь, только оконницы на завесехъ; въ тихъ светлицахъ печи по-
ливаные, зеленые, три столы простыхъ, спижарень три, две изъ замъ-
ками а третя безъ замка; пивницъ две, одна зъ замкомъ, а другая
безъ замка, а пекарня зъ сенни и съ коморою; светлица старая, въ
ей оконницы на завесехъ и двери. Спрятъ домовый: напередъ бочокъ
пивныхъ семь, стуговъ капустныхъ шесть, стуга лубеная великая,
што збоже сыплють, кадолбъ липовый одинъ—на муку, стуга зъ
огурцами, великая, другая съ огурцами, малая; кошель великий въ
пивницы, муки иржаное маца, проса польмацы, жита польмацы.
Быдло: быдла жъ и съ коровами посполитого десетеро, свиней поспо-
литыхъ четвернацатеро. Ужитки огородные, напередъ: капусты шест-
десять градъ, постарнаву, репы, моревы, огурковъ—огородъ. Люди,
съ которыхъ боярская служба, напередъ: Тишко на дворищу, Гасюта
на полдворища, Иванъ Сычъ зъ сыномъ своимъ на одномъ дворищу
живуть, Высоцкий на полдворищу живетъ, Богданъ Понасець, Васко
Игнатовичъ—одно дворище держать, такъ же Малиновский платить
будеть яко ииши бояре у Вышкове,—за которого я самъ платити буду.
Люди потужные, напередъ: Куликъ зъ Мивитою одно дворище держать,
Олекса зъ Быбикомъ одно дворище держать, Васко зъ Равакотою одно
дворище держать, Васко Чорнышевичъ зъ двѣма удовами—Кузминою и
Третячихою, одно дворище держать, Савчичъ Федець держитъ пол-
дворища, Харитоновичъ зъ Рачкомъ и зъ Юскомъ одно дворище
держать, Олекса, сынъ Сычовъ, на полдворищи. Подсосудки, напродъ:
Юско Пичюковичъ на огороде, Дудка на огороде, Дерликъ на ого-
роде, Пивоваръ на огороде, Рачко на огороде, Микита на огороде,
Коропчена на огороде, Иванъ Шитвовичъ живетъ въ халупе безъ
огорода. Паренины дворное не ралено на тридцать маць. На што
я Александро Семашко, подкоморый Володимерский, далемъ тотъ
мой рейстръ пану Валентому Понятовскому съ печатю и съ подпи-
сомъ руки своее. Александро Семашко, власною рукою. А такъ я
тое очевистое сознане и рейстръ пана Семашковъ пану Понятовскому
данный, слово въ слово до книгъ вгородскихъ, Луцкихъ, записати ка-
заль.

*Книга Луцкая городская, записовая и поточная, № 2046, годъ
1572, листъ 532.*

XXXVI.

Донесеніе вознаго о томъ, что панъ Марко Борейко не допустилъ грабить крестьянъ священника Луцкаго, Герасима, за неотдачу «поседельного». 1572 г., декабря 24 д.

Рокъ 1572, месеца декабря 24 дни.

Передо мною Львомъ Лесотою, подвоеводимъ Луцкимъ, будучимъ на сесь часъ на местцу пана Петра Хомека, подстаростего Луцкаго, отъ его милости князя Богуша Корецкаго, воеводы земли Волинское, старосты Луцкаго, Браславьскаго и Веницкаго, ставши очевисто возный повету Луцкаго, Юрей Рогачовский, тыми словы до книгъ, ку записовану, вызналъ: што жъ дей будучи мне зъ уряду отъ его милости князя Богуша Корецкаго, воеводы земли Волинское, старосты Луцкаго, Браславьскаго и Веницкаго, приданымъ на справу священника Троецкаго, Луцкаго, Герасима, то есть где жъ я, за приданемъ его милости а посланьемъ отъ отца Троицкаго, ездилъ есмы съ приятелемъ его, Лавриномъ, до села Кнерута, дня вчорашнего, месеца декабря двадцать третего дня, и вгды есмо тамъ приехали, на первой пришли есмо до подданого Троецкаго, на ймя Занка Дѣдовича, второму приятель священника Троецкаго, Лавринъ, мовиль ему тымъ обычаемъ: «для которое дей причины вы, будучи подданными священника Троецкаго, послушенства ему отъ часу недавного чинити есте не почали и тежъ поседеного, на чомъ есте сами зъ нимъ доброволне постановили, за рокъ теперъ прошлый, по две копе грошей а по двесте прядива, не отдасте?» Тотъ подданный, Зенко Дѣдовичъ, поведиль: «одну дей душу маю, а то правда, же есмы были священника Троецкаго сами упросили и на томъ есмо зъ нимъ застановили, абы насъ на чиншу грошовомъ осадилъ а отъ работы всее свое насъ вызволилъ, а мы мели есмо дати ему поседеного по две копы грошей Литовскихъ, а по одному сту прядива на день светого Никола, свята недавно минулого; яво жъ дей есмо на тотъ помененный рокъ усъ чотыри: Марко, Луканъ, Омелянъ и

я съ тымъ поседенымъ до Троецкого ехати хотели; нижли панъ Богданъ Борейко, приславши до всѣхъ насъ чотырохъ, срозде намъ заказалъ, абыхмо того поседѣного, што есмо вже заседили, священнику Троецкому и посланцу его не давали, и въ послушенстве его не были. И отъ того дей часу панъ Богданъ Борейко почалъ насъ на работу до двора своего гонити и нами замышляты. Хотя быхмо дей и теперь тое поседѣльное священнику Троецкому, водлугъ постановеня нашего, отдали и въ томъ ся зыстыли, — нижли товариши мои до Дубровицы поехали съ солю, набиваючи пенезей и хотечи Троецкому тое поседѣное отдати, — а такъ я самъ, безъ тыхъ троухъ товаришовъ моихъ, оного поседѣного, што на мене приходять, отдати не смѣю, але дей, коли хочете, онъ вамъ воли и статокъ мой, — вы за тое поседѣное мене грабѣте, што воля ваша, а я ни въ чомъ противко васъ противитиса нехочу, а ни буду, и того грабежу не бороню*. А потомъ пошли есмо до другого подданого Троецкого, на ймя Лукяна, и вгды есмо пришли до того Лукяна, самого его въ дому не застали, одно жону его, и тамъ тежъ есмо застали брата пана Богдана Борейкова, Марка, зъ слугами и иншими подданными пана Борейковыми, которые мѣли при себе кождый съ нихъ бороню, то есть: шаблю, сокѣрки, кие и инше брони. Тогда Лавринъ мовиль жоне того помененого Лукяна: »чому дей вы пана своего, священника Троецкого, не послушни и поседѣного, водлугъ постановеня вашего, на рокъ постановлений, и до сего часу есте не отдали? — а такъ дей онъ мене до васъ прислалъ, а быхъ я васъ за тое поседеное, для не послушенства вашего, пограбиль*. Яко жъ, порвавшия братъ пана Богдана Борейковъ, Марко, и съ слугами и подданными своими, которыхъ при себе мелъ, и такъ мовиль: »о то дей я вамъ, за розказаньемъ брата своего, пана Богдана Борейка, ни одного подданого тутъ, у Кнеруте, грабити не дамъ и боронити буду, — бо дей тутъ, у Кнеруте, нетъ ни одного подданого Троецкого, только все суть подданые брата моего; а коли ся не вгамуете, а грабити подданныхъ Троецкого, бо дей которыхъ вы повидаете, будете, тогда ся дей вьнетъ же будуть падати съ тебе, возный, кожушъкий колпачки (sic)*. И вгды есмо пошли до обору, хотечи тежъ въ того Лукяна два воли за поседѣное взяты, и они намъ

дорогу заступили; и грабити того подданого Троецкого не допустили, поведаячи то: »радишь дей вамъ, абысте отсаль, съ Бнерута, въ целости, повуль другому кожухъ еще не напранъ (sic), прочь ѣхали, и многими иными словы неучтивыми и похтыivosti моеи детели-выжи на мене, возного, и шляхту, которая при мне была, слуги пана Борейкова торгали мне, фолегуючи здоровью моему,—и слышачи отъ нихъ таковыя погрозки; мусили есмо прочь пойти. А потомъ пришли есмо до двора пана Борейкова; где жъ малжонка пана Борейкова намъ тыми словы поведила: »для чего дей вы, панове, по имени пана моего ездечи, подданыхъ грабите? Я возный такъ мовилъ: »жъ я же приехалъ подданыхъ пана твоего грабити, одно подданыхъ Троецкого, чотырохъ чоловековъ, то есть на имя: Марка, Шмеляна, Лувяна а Запка, за поседѣное, што они ему винни; толеботыхъ чотырохъ чоловековъ хогель пограбити, чого намъ братъ пана твоего, Марко, зъ слугами и поддаными вашими, грабити не допустилъ. Она поведила: »нѣтъ дей тутъ подданого Троецкого ни одного, одно всѣ подданые мужа моего, и вже тое имене все въ цѣлости отъ року мужъ мой держитъ. Потомъ до третего подданого Троецкого, Марка, пришли есмо, и, за пытачьемъ Лавриновымъ, оный Марко поведить и доброволне визнавалъ въ тые жъ слова, слово въ слово якъ и первый подданный Троецкого, Запка Дедовичъ, визнавалъ, и грабити ся тежъ и тотъ за поседеное допуссалъ. Мы, вгды жъ есмо отъ первшого и другого грабежу отогнаны и отстрашены были, и тому Марковы дали есмо покой. Што все, яко ся делало, и што подданые Троецкого визна и мною, вознымъ, и шляхтою, которая на тотъ часъ при мне была, то есть паномъ Степаномъ Безсокирскимъ и паномъ Живгимонтомъ Калиновскимъ, Лавринъ дей Яновичъ освѣтчалъ и оповѣдалъ. А такъ я тое очевистое а устное сознанье возного до книгъ крродскихъ, Луцкихъ, записати казалъ.

Книга Луцкая городская, записовая и поточная, № 2046, годъ 1572, листъ 688 на оборотѣ.

XXXVII.

Закладная на десять крестьянъ отъ земанина Луцкого повѣта, Ивана Ивановича Ощовскаго, старость Звиняцкому, Леонарду Якубовскому. Въ закладной исчислены повинности этихъ крестьянъ, а также дани, съ нихъ взимаемыя. 1573 г., мая 7 дня.

Року 1573, месеца мая 7 дня.

Пришедши на врьдъ кгродский, въ замокъ Луцкий, передъ мене Петра Хомяка, подстаростега Луцкого, отъ его милости князя Богуща Корецкого, воеводы земли Волынской, старосты Луцкого, Брагславского и Виницкого, земенинъ земли Волынской, повѣту Луцкого, панъ Иванъ Ивановичъ Ощовский, доброволне до книгъ кгродскихъ, Луцкихъ, вызналъ тыми словы: изъ дей взялъ и позычилъ есми у его милости пана Ленарта Якубовского, старосты Звиняцкого, въ своей великой а пыльной потребе, своими власными руками, сто копъ грошей, личьбы монеты Литовское, личечи по десети пенезей бѣлыхъ у грошъ. А въ тыхъ сту копахъ грошей поступилъ есми его милости, пану Ленарту Якубовскому, старосте Звиняцкому, въ именую своемъ, Цевовскомъ, десеть человекъ подворицныхъ, съ полъми, и сеножатми и зо всими пожитками ихъ, нивому ни въ чомъ не заведенныхъ, зо всими пожитками и повинностями, которы повинни на роботу што дня ходиты, съ чимъ вольвекъ роскаже; а чиншу готового повинни давати въ рокъ по шести грошей Литовскихъ, по осми маць овьса зъ дворища, куръ по две, — то есть на ймя: Янъ Кравецъ, Иванъ Савчичъ, Федя Денисчяя, Васько Кузьмичичъ, Евъхимъ Козъ, Матфей Петряковичъ, Ильяшъ Поповичъ, Евъхимъ Демидовичъ, Сенко Солнецъковичъ, Сенко Харевичъ. Маеть его милость панъ Ленартъ Якубовский тую десеть чоловѣка, зо всими пожитками, што повинни полнити, въ моци своей держати и въживати, росказовати, што повинность ихъ есть, таъ власне, яко я самъ, ими маеть владати, почонъши року теперъ идучого, семьдесеть третего, месеца мая девятого дня, тоестъ отъ семое суботы, ажъ до другого року, до семое суботы, которое свято маеть быти въ року прийдучомъ, семьдесять четвертомъ. А я маю его милости пану Ле-

нарту Якубовскому, старосте Звняцкому, тую сто копъ грошей, личбы и монеты Литовское, личбы и монеты десети пенезей белыхъ у грошь, маю заплатити на рокъ певный, вышей описаный, о семой суботе, которое свято маеть быти въ року прийдучомъ, семдесять четвертьтомъ. А если быхъ на тотъ рокъ его милости пану Ленарту Якубовскому тыхъ ста копъ грошей, личбы и монеты Литовское, на тотъ рокъ, вышей помененый, о семой суботе, не отдасть, а однимъ днемъ похибиль, водле року описаного, тогда его милость панъ Ленартъ Якубовский маеть тую десеть человекъ, вышей меновите описаныхъ въ томъ листе, маеть держати и взывати и расказовати рокъ отъ року, тотъ семое суботы до семое суботы, ажъ тую сто копъ грошей, личбы и монеты Литовское, его милости пану Ленарту Якубовскому заплатити, — а я, Иванъ Ивановичъ Оцковский, не отдавши и не заплативши той суми пенезей пану Ленарту Якубовскому, въ тую десеть человекъ вступовати ся не маемъ. А пачь — ли бы тежь, за держаньемъ пана Якубовского тыхъ людей, который въ тыхъ людей пошолъ прочь, тогда я не маю на пана Якубовскому поискивати. А если бы тежь въ тие люди вступовати ся мель и (до) шочи своей прыворочамъ, не заплативши тоѣ суми пенезей, тогда маю его милости пану Ленарту Якубовскому совито заплатити, то есть десеть копъ грошей Литовскихъ, кромъ швадного права и позыванья. А чого тежь уловай на мене смерти предъ тимъ ровомъ, — ино жена моя, Ганна Вольчьевова, маеть заплатити, а близкие мои, которые тое жмене мое, Цевовъ, держати будуть. А чого, Боже уловай, на пана Ленарта Якубовского смерти, ино тую сто копъ грошей, личбы и монеты Литовское, маю заплатити тому, кому пачь Ленартъ Якубовский на тестаменте своемъ поручилъ. И просилъ пачь Иванъ Ивановичъ Оцковский, абы то было записано. А таиъ я тое добровольное очевидное сознание его до книгъ вгородскихъ, Луцкихъ, записати казаль.

Книга Луцкая городская, записочная и поточная, № 2047, годъ 1578, листъ 119-й.

XXXVIII

Донесеніе вознаго о томъ, что онъ производилъ дознание по дѣлу о нападѣ, произведенномъ паномъ Малкеремъ Еронимовичемъ Крупскимъ на Бортновское имѣніе, принадлежащее Холмскому каштеляну, Никлаю Лысаковскому; при чемъ оказалось, что во время наезда, Крупскій захватилъ съ собою одного панцырнаго боярина и отрубилъ ему голову, а также избилъ и изувѣчилъ крестьянъ, одного изъ нихъ заключилъ въ тюрьму, а имущество ихъ ограбилъ. 1577 г., генваря 11 дня.

Дѣта по нароженію Исуса Христа сына Божого тисеча, пять сотъ семдесятъ сегого, месеца генваря, первогадцать дня.

Постановившіеся обличче на вряде кпродскемъ, Володимерскомъ, передо мѣною Павломъ Оранскимъ, будучи мие за злецаемъ его возможное милости князя Костентина Острожского, воеводы Киевского, маршалаа земли Волыньской, старосты Володимерского, на мѣстцу врядовомъ у Володимери, возный земський совету Володимерского, Демьянъ Мовренъскій, до инигъ вгородскихъ выдалъ теми словы: ижъ, за придаемъ твоимъ врядовымъ, и, маючъ при себе цлахту Яна Брововелаго а Степана, боярина его милости князя Цорницкого, зъ Гржевичъ, року тисеча пятьсотъ семдесятъ сегого, месеца генваря девятого дня, быломъ на потребе его милости пана Миколая Лысаковського, каштеляна Холмского, тутъ при вряде, у Володимери, при востелѣ светое Тройцы, за оказавемъ врядыаа его милости, Устилужского, пана Ивана Бережецкого, видель есмн у труни труна лежачого, которому голова стята; шта оноведаль тогъ врядыаа его милости, ижъ дей то естъ труць подданого его милости пана моего, Бортновского, Михала Марковича, слуги панцерьвого. Которого дей Михала року прошлого, тисеча пятьсотъ семдесятъ шостого, месеца декабрия двадцать осмого дня, съ пятъницы на субботу, въ ночи, его милость панъ Малхеръ Еронимовичъ Крупскій, за властнымъ росказаньемъ его милости пана Еронима Круцкого, подстолего Холмьского, отца своего, и тежъ за роска-

заньемъ пана Галены Крупское, матери своее, зобравшия зъ многими помочниками и слугами, бояры и съ подданными отца и матери своей, и своими, то есть меновите помочники: Станиславомъ Пашьковскимъ, а Станиславомъ Хилинскимъ, вриадникомъ его милости князя Александра Вышневецкого, Езовскимъ, и слугами своими Андреемъ Уминскимъ, Станиславомъ маршалкомъ, и зъ Яномъ Выриковскимъ, и подданными Лучкою и Олекшимъ и иными многими помочниками, слугами, бояры и подданными своими, наехавши силою, мощно, егвалтомъ въ часть имения его милости, Бортновского, на домъ боярина пана моего, слуги панцерного, Марка, его дей самого и иншихъ сыновъ его, доставши въ дому, егвалтовне позбывалъ и помордовалъ и поранилъ и маетность дей ихъ съ коморъ побралъ; а то дей сына его, Михаила, которого то трупъ лежать у труни, поймавши, звезалъ и до двора своего, Устилузского, приведши, подле подобана воли своей, стати кавалъ. И того же тежь часу, тое ночи, тамъ же, въ Бортнове, такъже егвалтовне съ тыми помочниками, слугами, бояры и подданными своими, наехавши на домъ подданого пана моего, Васка Винника, такъже егвалтовне зъ дому добывши, звезалъ и до двора своего, Устилузского, отвелъ, и теперь его у везенью держитъ. Року теперешнего жъ, тисеча пятьсотъ семьдесятъ сегого, месеца генваря десятого дня, на завтрее въ четвергъ, маючи я при себе шляхту пана Собестияна Олшевского, служебника его милости пана старосты Городелского, а пана Яна Ланевскаго, вриадника его милости князя Збаражского, Устилузского, ездилъ есми въ часть имения его милости, Бортновского, въ домъ боярина его милости, слуги панцерного, Марка, съ тыми шляхтичами, и, за оказанемъ того Марка, въ дому его видель есми знаки егвалту на дверяхъ сѣнныхъ и коморныхъ, двери побитые и порубаные, а на самомъ томъ боярине, Марку, видель есми надъ левимъ окомъ рану кривавую, киемъ удареною; а потомъ въ сына его, Станислава, видель есми на лѣвомъ боку рану кривавую, совирую тятую, съ которой, яко кашелнетъ, то ажъ духъ идетъ раною; у того жъ Станислава видель есми на руце левой рану, такъ же сокирою тятую, вышэй запястья, и не ведаю дей будуль живъ; а въ другого сына его, Яна, видель есми на руце левой, на локтю, рана синяя, спухлая, а на палцахъ той жъ

руки, подле великого палца, рана, такъже спухлая, отъ которое ажъ и палець опухъ. А шкодъ своихъ менилъ быти побрано: до комори замокъ отбивши и скрыню отлупивши, взялъ дей сорокъ копь грошей Литовскихъ, сукмановъ файлюндишовыхъ, чорьныхъ, и зъ шнурами, которые дей коштовали десеть копь грошей Литовскихъ, а на жерьди сукмановъ шарихъ, Муравскихъ, два, которые дей коштовали пять копь грошей; жонинныхъ сукней две—одна чорьная, влоская, которая дей коштовала чтыри копы грошей Литовскихъ, а другая сукня маковая шведединская, которая дей коштовала две копе грошей Литовскихъ, шапка оксамитная, кунницами подпитая, которая дей коштовала три копе грошей Литовскихъ; кожухъ новый бараний, который дей коштовалъ копу грошей Литовскихъ, а другой кожухъ кроликовый, который дей коштовалъ полторы копы грошей. Што оповедалъ тотъ Марко, ижъ дей тое побите и порубане дверей, о збытѣ и зраненѣ мне и сыномъ моимъ и побранѣ маетности моей стало отъ его милости пана Малхера Крупского и помочниковъ его, слугъ, бояръ и подданныхъ его, за кгвалтовнымъ наеханемъ его на домъ мой. Видель тежъ есми въ дому подданого его милости, Васка Винника, тамъ же, до сѣней двери побитые и порубаные; которого дей то Васка Винника панъ Малхеръ Крупский поймалъ и, звязавши, и зъ собою до Устилуга повель. Въ томъ часе, при огледанью моемъ, ледве живо пришоль до дому своего, который ся передо мною и передъ шляхтою оповедалъ, ижъ дей панъ Малхеръ Крупский, якъ наежчатъ тутъ на имене его милости пана моего, тутъ на наши дома, подданныхъ его милости, въ тотъ дей часъ кгвалтовне добившись въ домъ мой, мене дей самого поймалъ и, звезавши, до двора своего, Устилузского, повель, и увезенью дей мене, большей нижъ полторы недеи, ажъ до того часу держалъ, везалъ и мордовалъ;—съ которого дей везенъя и мордованъя руки и ноги мве попухли, и долго къ себе прийти не могу. А теперь дей сего дня вранникъ Устилузский пана Крупского, Собко, мене зъ везенъя пустилъ, мовечи: »подъ дей, хлопе, до дому, бо тебе панъ мой пустити казалъ«,—яко жъ видель есми руки и ноги барзо попухлые. И въ тотъ дей часъ, за кгвалтовнымъ наеханемъ его на домъ мой, маетность мою побралъ; напервей дей взялъ ми зъ бодъ-

ни чѣтыри копы грошей Литовскихъ, сущию сумму, Лувскую, которая дей коштвала три копы гроше Литовскихъ, возжухъ дей новий, бараний, который дей коштвалъ копу грошей, горельни кварць сорокъ. Которое жъ я вынане возного, за прозбою вриадника его милости пана Миколая Лысаковского, каштальна Хелмсого, Услузского, Ивана Бережецкого, въ книги вгородские записати казавъ.

Книга Владимірская городская, записовая и поточная, № 939, годъ 1577, листъ 4.

XXXIX.

Донесеніе возного, о томъ, что онъ присутствовалъ при повѣшеніи крестьянина Васка, обвиненнаго въ воровствѣ и напиреніи сжечь дворъ судьи земскаго, Владимірскаго, Богдана Костюшковича. 1577 г., августа 1 д.

Лѣта по нароженю Исуса Христа сына Божого тисеча пятьсотъ семдесятъ сегого, месяца августа первого дня.

Постановившися обличне на вриде вгородскомъ, Володимерскомъ, передо мною Павломъ Оранскимъ, будучи мне; за зледевомъ его великое милости князя Костентина Острожского, воеводы Клевского, маршалка земли Волынской, старости Володимерского, на местю его милости старостинскомъ у Володимери, возный земский повету Володимерского, Демянъ Мовренский, до книгъ вгородскихъ визналь теми словы: ижъ дей року теперешнего тисеча пятьсотъ семдесятъ сегого, месяца июля девятого дня, былемъ на потреби его милости пана Богдана Костюшковича Хоболтовского, суди земскаго, Володимерского, въ Хоболтове, тамъ же передо мною, вознымъ, Васко, безъ муки, самъ доброволне знался, ижъ дей я зъ Сенкомъ Зеленею и зъ Яскомъ, пасынкомъ Сенковымъ, приехали есмо въ Затурецъ умыслне въ гай Хоболтовский, хотечи комору выкрасы Хаца Панковича. И

воли дей есмо приехали у волторокъ, мѣсяца июля второго дня, у гай Хоболтовскій, и Сенко дей, дождавшись ночи, и пошоль дей къ езу Хоболтовскому до подданого пана Петрова, Радва Горбина, и бывши дей въ него, и съ тымъ Горбиномъ до насъ у гай пришоль и хлѣба намъ принесть, зъ нами ся оволо того радилъ тотъ Горбикъ, якъ бы намъ тую комору Хацеву выграсты. И Горбикъ дей поведалъ: теперъ дей сее ночи не маете по тому часу, але завтра, въ среду, мусате тутъ еще передновати, — бо дей завтра пана судины люде за деревомъ до места поедутъ и ночоватимуть; а я дей доведюся, если ночовати будутъ, вамъ знати дамъ. И мы дей тое ночи, зъ олторка на среду, въ гай ночовали. И на завтра Горбикъ у день намъ хлеба принесть; а потомъ въ среду, у вечери, Горбикъ до насъ у гай пришоль, рекъ: »о то жъ дей маете часть теперъ до коморы Хацевы, бо дей Хоць до Володимера зъ деревомъ поехали и ночовати будетъ». А такъ дей мы всѣ три, зъ Горбиною радою и приводомъ, тое ночи комору Хацеву выкрали: сукмановъ одинъ Люньскій, муский, а Шведбинскій, женскій, полотна семь своевъ, толстокъ три, сорочокъ семь, платевъ два, сермягу. И съ тымъ дей речей сукманы два и сермягу дали есмо подданнымъ пана Станислава Хмелевского, Подгаецкимъ, Жуку Макаровичу а Ивану брату Тимошикову за то, жъ бы о насъ ни кому не поведали. Тотъ же Горбикъ радилъ намъ, абымо погребъ Васка Крота выкрали: есть дей тамъ мяса и всего много; тотъ же дей Горбикъ радилъ намъ, абымо воли въ Пашка Сала, подданого пана Петрова, покрали, а мы дей сами, кромъ рады Горбиной, умыслили были зъ дворомъ нана судю спалити. Яко жъ и въ Затурцахъ иредъ мною, вознимъ, коли его навъ войскій пану суди выдалъ, до всего ся того зналъ, и его милость князь Дмитрей Булыга на тотъ часъ былъ. Вже тежъ, будучи на муце, вызывалъ, и жъ дей тотъ же Горбикъ зъ Гавриломъ, винникомъ, коты германцы, на Смоляни, у Стаса Олейника покралъ; вызывалъ тежъ, и жъ дей сермягу вкралъ у Винрейка Хомовича, за ведомостю Кирила Дули, и ему жъ дей ее за два гроши продалъ. А первой дей сего тотъ Сенко, што со мною комору покралъ, въ того жъ Горбина две ночи ночовалъ, а вранникъ дей пана Петровъ, Яромонъ, честовалъ Сенка въ гай горелкою. А на тотъ часъ шляхта

были: Федоръ Семеновичъ, а Войтехъ, мещанинъ зъ Володимера, а Остапко, врядниъ пана Сенютинъ, а Анхимъ, а Грицко Козечва. И на остатний ступень, идучи на шибеницу, тыми жъ словы потвердилъ. Которое жъ я вызнане возного, за прозбою пана Богдана Костиушковича, Хоболтовского, суди земского, Володимерского, въ книги вгородские записати казалъ.

Книга Владимирская городская, записовая и поточная, № 939, оодъ 1577, листъ 92.

XL.

Королевскій листъ, освобождающій крестьянъ князя Константина Острожского, въ опустошенныхъ татарами его имѣннй, находящихса въ Киевскомъ, Луцкомъ и Кременецкомъ повѣтатахъ, отъ всякихъ поборовъ и податковъ на восемь лѣтъ. 1578 г., марта 27 д.

Року 1583, месяца сентября 25 дня.

Прислалъ на врьдъ вгородскій, Луцкйй, до мене Стефана Кнегининского, будучого на местцу подстаростого Луцкого, панъ Якубъ Мошенскйй, служебникъ его милости велможного пана Костентина княжати Острожского, маршалка земли Волинское, служебника своего Сапара, татарина, зъ листомъ его королевское милости о вольность подданныхъ его милости княжати Острожского, воеводы Киевского, отъ татаръ спустошонныхъ, выданнымъ, просячи черезъ писане свое, абы тотъ листъ до книгъ вгородскихъ, Луцкихъ, былъ уписанъ. Которого я уписати казалъ,—и такъ ся въ собѣ маеть: » Стефанъ, Божю милостию король Полскйй, великйй князь Литовскйй, Рускйй, Прускйй, Мазовецкйй, Жомойтскйй, Киевскйй, Волинскйй, Подляшскйй, Ифлянтскйй и Седмикгородскйй. Ознаймемы тымъ листомъ нашимъ всемъ вобецъ и вьждому зособна кому то ведать належитъ, ижъ мы, маючи възглядъ на великое спустошене и попалене именовъ подданныхъ велможного князя Костентина Острожского, воеводы Киевского, мар-

шалка земля Волинское, старосты нашего Володимерского, который ся, за вторгненемъ неприятеля нашего въ панства наши, такъ въ року недавно прошломъ, яко и теперешнемъ, отъ татаровъ стало, и хочети тые имена и подданныхъ его спустошанныхъ и забранныхъ ку якому споможению привести и способити, зъ ласки наше, господарское, дали есмы волность, яко жъ и тымъ листомъ нашимъ даемъ тымъ всемъ подданнымъ его, доторые черезъ татаровъ спустошене и шкоды подняли, во всихъ именахъ его, въ поветехъ Киевскомъ, Луцкомъ и Кремянецкомъ лежачихъ, отъ поборовъ и податковъ вшелягихъ, такъ на сойме нынешнемъ, Варшавскомъ, уфаленыхъ и постановенныхъ, яко и тыхъ всихъ, которые потомъ на припльхъ соймехъ уфалены и постановены будутъ, отъ того часу, яко ся тое спустошене стало—до осми лѣтъ. Што всямъ и кождому, кому то ведать належи, а зваща поборцамъ нашимъ повѣтовъ Киевского, Луцкого и Кремянецкого, теперешнимъ и на потомъ будучимъ и отъ насъ постановенымъ, ку вѣдомости приведечи, розказуемъ, абы есте съ тыхъ всихъ подданныхъ именей его, въ поветехъ вышей мененыхъ, доторые бы отъ татаровъ спустошене и шкоды подняли, побору, на сойме нынешнемъ Варшавскомъ уфаленого и постановеного, и тотъ, который бы на припльхъ соймехъ потомъ уфаленъ и постановенъ былъ, не брали а ни вытегали брать, а ни вытегать не казали, а трудности имъ въ томъ некоторое не задавали; овшемъ ихъ при томъ листе нашомъ и волности отъ насъ, до часу выптъя тое волности, осми леть, ихъ заховали, иначе подъ ласкою нашою абысте не чинили. Данъ въ Варшаве, дня двадцать сегого месяца марца, року по нароженю сына Божего тисеча пятьсотъ семдесятъ осмомъ, а кролевана нашего року второмъ. Stephanus Rex. Yoachim Wyzoczki.

Книга Луцкая городская, записовая, № 2062, годъ 1583, листъ 325.

XII.

Рѣшеніе Гродскаго суда, присуждающее слугу пана Холоневскаго, Долмата, причинившаго побои и раны Владимірскому еврею, Хаиму Зетицу Хакову, къ уплатѣ послѣднему «навезки»—30 копѣ грошей Литовскихъ; но такъ какъ Долмать относительно этой уплаты оказался несостоятельнымъ, то, приговоромъ этимъ, онъ долженъ быть выданъ на выслугу еврею, на основаніи арт. 7. розд. 12. Литов. Стат. 1578 г., апрѣля 21 дня.

Лѣта Божого нароженя тиссча пятьсотъ семьдесятъ осмого, месеца апрѣля 21 дня.

Передъ нами Василемъ Павловичомъ, подстаростимъ, а Лазаромъ Иваницкимъ, судею, —врядники вгродскими, Володимерскими, а въ тотъ часъ былъ при насъ панъ Василій Холоневскій, на вряде вгродскомъ, въ замку его королевское милости, жаловаль жидъ Володимерскій, на ймя Ханмъ Зетицъ Хаковъ, на Долмата, служебника пана Василя Холоневскаго, о томъ, ижъ дей тотъ Долмать, не маючи до мене ни которого дела, року теперъ идучого, семьдесятъ осмого, месеца марца двадцать шестого дня, набравшия своволное мысли своее, знашодши дей мене въ рынку тутъ у Володимери, на яткахъ месныхъ седачого, збилъ, змордовалъ и шкродливе зранилъ. А служебникъ его милости пана Холоневскаго, Долмать, тутъ же будучи, очевисто, доброволне признался: «якомъ дей первой передъ вознымъ поведаль, ижъ того жида Хаима ранилъ, такъ и теперъ того ся не пруже его ранилъ». Мы питали его: «што бы того за причина была и естли же што бы ему въ томъ жидъ былъ инень?» Онъ жадное вины до жида быти не поведаль. А такъ мы, водле доброволного сознанья того Долмата, сказали и присудили есмо жиду навезки тридцать копѣ грошей Литовскихъ, водле артикулу третегонадцать, въ розделе первомънадцать. Кгды жъ то жидъ показаль и довелъ зранене свое шкродливое въ голове, съ которое раны кости браны, и, водле привилевъ ихъ милости, имъ наданыхъ, въ которыхъ пишеть, абы ймъ навезка была всказована шляхетская; а ижъ оный Долмать неоселый, питали есмо его: естли бы тую тридцать копѣ грошей

мель чимъ жиду заплатити, або если бы хто за него заплатити под-
 валь? Онъ поведаль: »ижъ яко самъ не маю чимъ платити, такъ и
 потому приятеля мети не могу, хто бы за мене заплатити подваль.«
 А жидъ просиль, абы былъ захованъ водле артикулу сегого, въ
 родеде второнадцать, где пишеть, »ижъ чоловікъ волный за жад-
 ный выступокъ въ неволю вечную выданъ быти не маеть; если бы
 въ суме не великой былъ выданъ, маеть съ тое сумы выробитися;
 а выпуску мужику на кождый годъ—полтина грошей«. Такъ же и
 мы, видечи то, ижъ тотъ Долмать не мель чимъ платити, а жидъ
 ему въ томъ верити не хотель, выдали есмо его жиду Ханму въ
 той суме пенезей, въ тридцати копахъ грошей, съ которыхъ маеть
 ся выробляти; а выпуску ему на кождый рокъ по полтине грошей,
 а другое можетъ ли способити пенези, чого не отслужить, теды и
 готовыми отдати и заплатити волно. А потомъ докторъ жидовский
 и внише жидова Володимерские жаловали на того жъ Долмата, ижъ
 дей онъ въ томъ же року и того жъ месяца марта двадцать пятого
 дня, пришедши до школы жидовское, где никого на тотъ часъ въ
 школе не было, дверни защипки посекъ, покололъ,—до чого Долмать
 не знался, а жидова тежъ на то доводу не показали,—съ того есмо
 Долмата волнымъ учинили. И то все для памети до книгъ вгрод-
 скихъ записати велели.

*Книга Владимірская вродская, записовая и поточная, № 940,
 годъ 1578, листъ 56 на оборотъ.*

XIII.

Объявление пана Мартина Жулинского о томъ, что онъ освобождаетъ
 отъ крѣпостной зависимости своего крестьянина »отчича«, Хведка Павловича,
 такъ какъ послѣдній далъ ему за себя окупъ. 1579 г., марта 24 д.

Лѣта Божого нарoжена 1579, месяца марта 24 дня.

Пришедши на врьдъ вгродский, Володимерский, до мене Василя
 Павловича, подстаростего Володимерского, панъ Мартинъ Жулинский,

зъ Жулина и Горишова, самъ добровольне а устне ку записаню до книгъ вгородскихъ вызнать тыми словы: ижъ дей отчичъ мой зъ Горишова Руского, державы моее, Хведко Павловичъ, хотечи бытъ волнымъ, такъ отъ мене самого, яко всихъ повиноватыхъ моихъ, даль ми за себе окупъ. Ино ижъ онъ мне за себе досыть учинилъ, я его, отъ себе самого и всихъ близкихъ, повиноватыхъ моихъ, волнымъ чиню,—же я самъ, а ни жадеиъ повиноватый слуга и поддапые мой, на вшелъкомъ местцу такъ въ местехъ, местечкахъ, яво и по селахъ, не маеть его гамовать, яко человека волного. И просилъ менс панъ Мартинъ Жулинский, абы тое добровольное сознание его до книгъ вгородскихъ было записано; и выпишь съ книгъ подъ печатю мою тому Хведу Павловичу дано. А такъ я тое добровольное его вызнание, передо мною на вряде учиненое, за прозбою его до книгъ вгородскихъ записати казаль.

Книга Владимірская вродская, записовая и поточная, № 941, годъ 1579, листъ 101 на оборотъ.

XLIII.

Актъ ввода подстолия Волынского, Гаврила Прусиновскаго, во владѣніе иштѣнемъ Григоровичами, съ исчисленьемъ крестьянъ этого иштѣнія, а равно ихъ повинностей и даней. 1582 г., генвара 13 д.

Року 1582, мѣсяца генвара 13 дня.

Приходчи на врьдъ вгородский, Луцкий, передъ мене Войтеха Ветеского, на тотъ часъ будучаго на местцу пана Ставислава Петровскаго, подстаростего Луцкаго, отъ его велможное милости пана Александра Пронскаго, столника великаго князства Литовскаго, старосты Луцкаго, возный повету Луцкаго, Григорій Вербский, очевиство, ку заисованю до книгъ, созналъ тыми словы: ижъ дей року теперѣшнего осмѣдсать второго, мѣсяца генвара первогоднадцать дня былемъ у Григоровичахъ, тамже передо мною, вознымъ, служебникъ

панее Яцъковое Шибенское панее Зоффи Кперанки, Войтехъ Шумовский, именовъ панее своее поступилъ добровольне увязанье въ томъ имению, Григоровичохъ, его милости пану Кгабриелю Прусиновскому, подъястолему Волынскому, въ суме пепезей петисотъ золотыхъ Полскихъ, и за тымъ правомъ, которое на то отъ его милости князя Матуша Войничя Вороницъкого и малжонки его милости, панес Настаси Гулевичовны, мела. Яко жъ я, возный, за таковымъ добровольнымъ поступленемъ отъ панее Шибенское, увязаломъ его милость пана Кгабриеля Прусиновского въ тое именье, Григоровичи, въ дворець того имения, также въ люди вси, зъ ихъ всеми повинностями, зъ засевкомъ того двора всѣмъ, зъ гумномъ, а въ гумне стога жита, а въ другомъ стогу съ пять копъ можетъ быти, овса полтора стога, гороху стурта; а въ дворце пекарня зъ сенни и вомора, стайня. А тыхъ подданныхъ тутъ именьи списаломъ, то есть напервей люди подворищные: Иванъ Жукъ, Стецко Олексѣвичъ, Грицко Чутко, Тарасъ Олексѣвичъ, Мануйло Жуковичъ, Павлюкъ—а то огородники: Марко, Макаръ Олексѣвичъ, Васко, Останчиха вдова, Васковая вдова, тивунъ. А повинность тыхъ людей, то есть подворищные люди: съ вождаго дворища по чотыри мацы овса дають, грошей по шести, курь по трое, по возу сѣна, орутъ на паренину по чотыри дни, а на весну также по чотыри дни; роботы въ вождый тыждень по дней пяти, повозъ—где потреба; а огородники: съ вождаго огорода по три дни лете въ тыждень робити повинни, а у въ осень и зиме—по два дни, по грошей три плату, по курицы одной давати повинни. А подавши его милости пану Прусиновскому тое имене, Григоровичи, въ моць и въ держане, за правомъ панее Шибенское, за которымъ она отъ князя Матуша Вороницъкого и малжонки его милости мела, и тымже рокомъ маеть его милость держати, яко пани Шибенская отъ князя Вороницъкого держала,—и одѣхаломъ тамъ, въ спокойномъ держаню служебника его милости пана Прусиновского, Миколая Слатковича, (зоставивши). А при мне, возномъ, были шляхта панъ: Янъ Спядловский а Войтехъ Кглуховский. Которое очевистое сознание возного въ книги вгородские, Луцкие, есть записано.

Книга Луцкая городская, поточная, 1582 г., № 2061, л. 32.

XLIV.

Актъ ввода пана Александра Вороны Боротинскаго во владѣніе селомъ Мытицами. Въ актѣ этомъ исчислены крестьяне этого села и ихъ повинности. 1582 г., генваря 30 д.

Року 1582, мѣсяца генвара 30 дня.

Передо мною Станиславомъ Петровскимъ, подстаростимъ Луцкимъ, отъ его великое милости пана Александра Провского, столника великого князства Литовского, старосты Луцкого, ставши очевисто возный повету Луцкого, Григорей Вербский, ку записовану до книгъ кгородскихъ, Луцкихъ, вызналъ теми словы: изъ дей дня сегодняшнего, даты вышеписаное, былъ есми на потребе пана Александра Вороны Боротинскаго, увезалъ есми его въ имѣнье Мытица, которое ему поступилъ панъ Юрей Тишковский, — якожь дей есми люде того села, на рейстръ списавши, пану Вороне подалъ. Якожь и реестръ съ печатью и съ подписомъ руки своее передомною на вряде покладать; который тамъ ся въ собѣ маеть: Реестръ всѣхъ подданныхъ тяглыхъ въ селѣ пана Тишковского, Мытицахъ, которые на волокахъ живутъ: Ивашко на волоце, Панасъ на волоце, Василь на волоце, Богданъ на волоце, Степанъ на волоце, Евѣтухъ на волоце, Чернецъ на волоце, Яцко на волоце, Кузма на волоце, Мисъ на волоце, Кость на волоце, Войтко на волоце, Федчунъ на волоце, Олексей на волоце; подсусѣдки: Русинъ, который гаю стережетъ, Мивитка, который тивономъ, пастухъ Федко. Повинность тыхъ людей: робота штоденная отъ полудня або по обѣде; чиншъ по полъ копы зъ волоки, по двое куръ, подвода — где потреба. Водлугъ которого реестру и записного листу, я Григорей Вербский, возный повету Луцкого, пану Александру Вороне Боротинскому именье, село Мытица, подалъ, увезалъ въ моць и въ держанье; подалъ въ року теперешнемъ осмьдесятъ второмъ, мѣсяца генвара двадцать четвертого дня. Григорий Вербский рукою власною. Которое я сознана возного и тотъ менованный реестръ до книгъ кгородскихъ, Луцкихъ, записати казалъ.

Книга Луцкия кродская, поточная, 1582 г., № 2061, л. 100.

XLV.

Инвентарь имѣній: Колюховъ, Млынова, Белополя, Куть, Деречина и Завидова, съ перечисленіемъ крестьянъ, ихъ повинностей и даней. 1582 г., Марта 19 д.

1582 того жъ мѣсеца 16 (sic) дня.

Пришедши на врадъ городскій, Володимерскій, передъ насъ Александръ Курцевича, подстаростего, а Лазара Иваницкого, судю, враниковъ судовыхъ вгородскихъ, Володимерскихъ, возный повету Володимерьского, Жданъ Чирскій, очевисте до книгъ вызнать, ижъ дей за приданемъ врадовымъ, маючи при собе сторону пана Богуща Древинскаго а пана Станислава Порванецкаго, ездиломъ на потребу ихъ милостей ясне вельможного вкскати Костентина Острозскаго, крайчого великаго князства Литовскаго, старосты Володимерскаго, его милости пана Миколая Жолкевскаго, хорунжаго Львовскаго, его милости пана Амброжего Лаща а пана Андрея Романовскаго, писара вгородскаго, Володимерскаго, опекуновъ малжонки детей и маестности небожчика пана Кгабриеля Прусиновскаго, подстолего Волинскаго, въ тестаменте описанныхъ и уставленныхъ, рову теперешнего, вышейписанаго, мѣсяца марца осмогонадесять (sic) дня, — наперве былемъ: въ Колюхахъ, у Млынове, въ Беломполю, въ Кутехъ, въ Деречинѣ, въ Завидове, въ которыхъ всихъ именахъ люде, зъ ихъ повинностями, также статки речи рухомые, быдло, кони, рыпштунки, цыну, медь, ставы, млыны, корчмы и все, отъ мала до велика, на рейстръ списавши, подъ печатю и съ подписомъ руки своей, также подъ печатми людей добрыхъ, которые при мне на тотъ часъ стороною быля, пана Богуща Древинскаго а пана Станислава Порванецкаго, ихъ милости паномъ опекуномъ, вышейпомененымъ, даломъ. Якожъ, и тотъ рейстръ подъ печатю и съ подписомъ руки своей, также подъ печатми оныхъ людей добрыхъ, при мне въ тотъ часъ будучихъ, намъ до рукъ отдалъ; который мы, передъ собою вчитать давши, въ книги вгородские, Володимерские, вписати казали, и такъ ся въ себе маеть:

Рейстръ списаня людей, также быдла, коней и всея маестности, зосталое по смерти небожчика пана Кгабриели Прусиновского, подстолего Волинского, засталое по смерти его, черезъ мене Ждама Чирского, возного повету Володимерского, зъ ураду на то приданого, и шляхту пана Богуша Древинского а пана Станислава Порванецкого, и поданя въ мощь, въ опеку и оборону опекуновъ, которыхъ на тестаменте своємъ небожчикъ панъ Прусиновский молжонце и детемъ своимъ назначилъ: его милости яспевельможному князати Кюстентину Острозскому, крайчому великого князства Литовскаго, старосте Володимерскому, его милости папу Миколаю Жолкевскому, хорунжому Лвовскому, его милости папу Амьброжему Лашу а папу Аньдрею Романовскому, писару кгородскому, Володимерскому. Напервей приехали есмо до имени заставного, до Конюхъ, року теперепняго тысяча пятьсотъ осмьдесятъ второго, мѣсяца марца осмогонадцеть дня. Напервей обора: воловъ робочихъ семнадцеть, воловъ кормныхъ три, коровъ двадцеть чотыри, бугай оденъ, озимковъ петнадцеть, свиней носполитыхъ двадцеть чотыри, вепровъ кормныхъ пять, гусей тридцеть, каплуновъ чотыри, куровъ осмьпадцеть, клячь трое, жеребя одно, речи вси рухомые, золото, серебро, ланцухи, шаты, кони ездные, также рышштункъ военный, розделивши пополовицы, сынове небожчика пана Прусиновского, панъ Адамъ и панъ Касперъ, передъ ихъ милостю паны опекуны, и часть свою панъ Адамъ Прусиновский до рукъ и влады своей взялъ, а часть молодшого сына, пана Касира, при матце его, паней Прусиновской, также и часть девки, паней Ядвижки, при матце ихъ, паней Прусиновской, зостали, — до летъ ихъ дохованы быти мають. Што все межи собою, на рейстръ списавши, подъ печатю одинъ другому рейстра дали. Скринка зъ листами въ коморе Конюской была, за печатю небожчика пана Прусиновского, за двема замьками, въ которой видели есмо листы на на имени заставные и на суммы позычонные; то есть на первой: листы записы на суму пенезей на шестсотъ копъ грошей, на имене Лавровъ и Мытища; листы и вся справа на имене Кушное, Золочовку; листы и вся справа на имене заставное, Липую, на которой сума чотыри тисечи пятсотъ и деведсятъ золотыхъ Полскихъ; листы и вся справа на имене заставное, Смоляву, на которой сума две

тисчи золотникъ Полонскій; листы справа вся на имени: Кожухи съ привадами, въ нему малочашии, на вторыхъ сума три тисчи и четыреста копей грошей Литовскихъ; листы и вся справа на имени заставные, Завидовъ и Деревяца, на вторыхъ сума две тисчи копей грошей Литовскихъ; листы и вся справа на длицъ, купленъ въ зачку Кудомъ; листы записъ цана Юра Тишковскаго на пятесть золотникъ Полскакъ; записъ наеле Казерини Прусиновское отъ небожчина наизъ Кудриела Прусиновскаго, малчонна ея, на тисчу копей грошей Литовскихъ данный, которую сума мензеей на имени Завидове ея описъ. Въ коморе Кожиуской панцерова семь, бектерозъ два, прилициъ двенадцать, шипаконъ шесть, ручеицъ семь, мисъ циневихъ двадцать, полмисновъ десеть, талерей тузиновъ три, котловъ кухенныхъ шесть. Подданне Кожиуские, подварициные: Яцко Полеска—дворице, Няко—дворице, Жданъ—дворице, Левко—дворице, Манько—дворице, Сенко Михновичъ—дворице, Назаръ—дворице, Федоръ зъ Васкомъ—дворице; поддворициные: Яцко—поддворица, Труць Хилковичъ—поддворица, Иванъ Бабонко—поддворица, Жданко—поддворица, — работа коли досажуть, — въ рокъ по полькони грошей, по осми шацъ оса, но двое куръ давати повинни; огородники: Вакула огородникъ, Грицко Кухта огородникъ, Мойсей Гоша огородникъ, Хомица огородникъ, Трохамъ огородникъ, Иванъ Кудевичъ огородникъ, Андрей Милновичъ огородникъ, Андрей Пюберезникъ огородникъ, Миско Мочевичъ огородникъ, Грицко зъ зятемъ огородникъ, Мойсей огородникъ, Иванъ Сурмачъ огородникъ, Миско огородникъ, Иванъ Шамрай огородникъ, Дмитрикъ огородникъ, Иванъ Зеленко огородникъ, Миско Зеленко огородникъ, Павелъ огородникъ, Садоръ огородникъ, Яцко шонъ, Васко зъ Савкою огородникъ, Миско Лоскотка огородникъ, — работи повинни по два дни въ тыдъень, въ рокъ—по шести грошей въ ко вурати; подсуседекъ: Яцко подсуседекъ, Хома подсуседекъ, Кожио подсуседекъ, Романъ Чижъ подсуседекъ, — работи повинни одень день въ тыдъень; боярове: Каленикъ бояринъ, Гринецъ бояринъ, Иванъ Проскурничичъ бояринъ, Миско Проскурничичъ бояринъ, Гаврило Проскурничичъ бояринъ, Миско Матачъ бояринъ, Жданъ Вреденя бояринъ, Едикко Поповичъ бояринъ, Шинца бояринъ, Антонъ бояринъ, Юско Поклава бояринъ, Иванъ Шихичо бояринъ, Юзефъ Козека бояринъ, — по-

мыши давати въ рокъ по семи золотыхъ Полскихъ и за пять миль свати;
 Хацео мельникъ. Село Млчновъ. Люди подворищные: Левко—дворище,
 Нерхий зъ братомъ—дворище, Левко зъ Занвомъ—дворище, Мисво
 зъ Ескомъ—дворище, Охримъ зъ Ерешевомъ—дворище, Стецео зъ
 Мартинномъ дворище, Иванъ Галоновичъ—полдворища,—повинность
 такая жъ яко и въ Конюхахъ вся; ставовъ спустныхъ два въ Коню-
 хахъ, которимъ спустъ принадлежитъ въ року осмидесятъ четвертомъ,
 за которые первой былъ спустъ за двесте копъ; корма Конюская,
 въ Купехъ и въ Беломъ Полю на мынове, зъ двема волми мы-
 новыми, Конюскими, и съ коломъ однимъ въ Кутехъ, чинять до року
 золотыхъ осмидесятъ Полскихъ. Село Белополе. Подворищные: Сидоръ
 —дворище, Иванъ Мартиновичъ—дворище, Левко Клецкий—дворище,
 Грицео Тишковичъ—дворище, Степанъ—дворище, Андрей—дворище;
 Маско Микитеня—дворище, Пащениа—дворище; полдворищные: Сенво
 —полдворища, Васко—полдворища, Павлюкъ—полдворища, Сенво
 Озимокъ—полдворища, Давидиха—полдворища, Омелянъ—полдвори-
 ща, Мартинъ—полдворища, Левко—полдворища, Василь—полдво-
 рища, Янко—полдворища, Савва Свинць—полдворища, Евхимъ—пол-
 дворища, Войтко—полдворища, Климео—полдворища, Маркованъ—
 полдворища, Карпъ—полдворища, Якимъ—полдворища, Костюкъ—
 полдворища, Марко—полдворища,—повинность таковая жъ яко и въ
 Конюхахъ вся; огородники: Грицкова огородничка, Занко огородникъ,
 Бурила огородникъ, Малошъ огородникъ,—повинни робити по два дни
 въ тыдень, въ рокъ по осми грошей и по курети; подсосудья: Сень
 подсосудокъ, Омелянъ подсосудокъ, Гаврило подсосудокъ, Назаръ
 подсосудокъ, Антисво подсосудокъ, Яцео Смианъ подсосудокъ, Яцео
 Тютва подсосудокъ, Сацео Полешко подсосудокъ, Тимошъ, Ванюкъ
 тивонъ, Ванюкъ Кравецъ, Ванюкъ,—робити по одному дню въ ты-
 день повинни. Село Куты. Люди подворищные: Кондрать—дворище,
 Остапъ Боботовичъ—дворище, Федко—дворище; Юрко—дворище,
 Бартошъ—дворище, Грицео—дворище, Манко—дворище, Данило—
 дворище,—повинни давати въ рокъ по полкопы грошей, по шести
 маць овьса, по двое куръ, работа коли роскажутъ; огородники: Левко
 огородникъ, Иванъ Губка огородникъ, Яцубъ огородникъ, Зѣць ого-
 родникъ, Грицео огородникъ, Хилко огородникъ, Васко огородникъ,

Мѣята огородникъ, Иванко огородникъ, Оначко огородникъ, Мико-
 май огородникъ, — повинни давати въ рокъ по польосма гроша, робити
 въ два дни. Приехали есмо до имени Деречина и Завидова, мѣсяца
 марта девятогонадцать дня. Дворъ Деречинскій: напервей корова
 одна, свиней тридцеть, венръ одень, гусей двадцеть, каплуновъ шест-
 дцать, куровъ двадцеть, качокъ четверо. Село Деречинъ. Люди по-
 дворичьные: Паць—дворище, Прокопъ—дворище, Иванъ Грединъ—
 дворище, Яченята—дворище, Гриць Корецкий—дворище, Гадинка—
 дворище, Якубенята—дворище, Миць зъ Ветошкою—дворище, Ти-
 монъ Бризь—дворище, Панась—дворище, Макаръ—дворище, — по-
 винни робити коли роскажуть, въ рокъ по две гачы овса, по ше-
 сти грошей и по двое куръ давати повинни; огородники: Мартинъ
 Дудка огородникъ, Юрко огородникъ, Гриць огородникъ, Демянъ
 огородникъ, Скрабанъ огородникъ, Субекъ огородникъ, Васко Юха
 огородникъ, — робити въ тыдень по два дни, по три гроши и по курети.
 Село Завидовъ. Люди подворищные: Петранъ—дворище, Грицько—
 дворище, Лавринъ Жидченя—дворище, Гриць Лычичъ—дворище, Ва-
 вула—дворище, Лежака—дворище, Довойтько—дворище, Омелянъ—
 дворище, Матей—дворище, Олешко—дворище, Иванъ Сычъ—двори-
 ще, Сергей—дворище, Кошчъ—дворище, Демянецъ—дворище, Гриць
 зъ братомъ—дворище, Федоръ Верещалка—дворище, Логвинъ—дво-
 рище, Иванъ Квачъ—дворище, Петрапъ—дворище; полдворищные:
 Иванъ Погибло—полдворища, Сенчина—полдворища, Соловей—пол-
 дворища, Стець зъ Себестьянцемъ—полдворища, Савька Линчичъ—
 полдворища, Демидъ Поповичъ—полдворища, Иванъ Кривоший—пол-
 дворища, Кудинъ—полдворища, Ланчикъ—полдворища, Семень—
 полдворища, Елобъ зъ Яцькомъ—полдворища, Федко Поценья—пол-
 дворища, Иванъ Римаръ—полдворища, Евхимъ—полдворища, Левченя
 —полдворища, Иванъ Лычко—полдворища, Радко—полдворища, Пол-
 зунъ—полдворища, Андрѣй Ивановичъ—полдворища, Васко зъ бра-
 томъ—полдворища, Левко Шянкарь—полдворища, Сацикъ—полдво-
 рища, Супрунъ—полдворища, — повинность ихъ зъ дворища по сту
 грошей цышу, за барана по дванадцати грошей, куровъ по осми, робо-
 та коли роскажуть, и въ подводу—где потреба; огородники: Ляпа ого-
 родникъ, Сворахъ огородникъ, Федко Ножка огородникъ, Петръ Заецъ

втородникъ, Грѣць Лядяникъ огородникъ, Марѣь огородникъ, Сивинъ огородникъ, Клязьма огородникъ, Ялубъ огородникъ, Пеструкъ огородникъ,—робити по два дни въ тиждень, цѣншу по грошеи дванадцати, за барана по три гроши; борчма, до которой въ двора сиведи дають вышновать; воль три млыновыхъ, вешняковъ. И на толь и Жданъ Чирскій, возный повету Володимирского, того сивсана всль речей, яко се вышей на семь рейстре поменяло, и подана въ мору, въ оборону и въ опеку ихъ милостямъ паномъ опекуномъ, въ тесаменте описанымъ и на семь рейстре на початку комененымъ, даля ихъ милостямъ сесь рейстръ, поль печатю и съ подписомъ руки моеи и подъ печатми тыхъ людей добрыхъ, которые на толь часъ при мнѣ были. Писанъ у Деречине, року тисеча пятьсотъ осмьдесятъ второго, мѣсяца марта девятоговадцать дня (чис). Жданъ Чирскій, рука власная. Станиславъ Порванецкий, рука власная.

Книга Владимірская городская, записовая и поточная, 1582 г., № 960, л. 112 на об.,

XLVI.

Списокъ крестьянъ «засѣлыхъ» и «данныхъ», гереуступленыхъ паномъ Станиславомъ Вороничемъ пану Богдану Стрибылю. 1582., марта 20.

Року тисеча семьсотъ тринадцатого, месеца декаврия первого дня.

На уряде вгородскомъ, въ замъку его королевское милости Житомерскомъ, przedemną Bazylim z Wyhowa Wyhowskim, skarbnikiem ziemskim, namiesnikiem starostwa, regentem grodzkim Żytomirskim y zięgami ninieyszemi grodzkimi, Żytomirskimi, comparens personaliter urodzony jego mość pan Michał Strybył, dla zapisania do xiąg ninieyszych grodzkich, Żytomirskich, registr podania chłopow, od urodzonego niegdy jego mości pana Stanisława Woronicza, urodzonemu niegdy jego

meni pana Bohdanowi Strybylowi, z podpisem ręki y pieczęcią swyazanią, per abblalem podał, prosząc mnie urzędu, aby do akt niniejszych przyjęty y wpisany był. Którego affektacyey ja, urząd, niżej inserowany registr ad acticandum przymniąc, czytałem, który iest Ruskim pismem pisany y tak się w sobie pisany ma: »Registr podania poddanych odemnie, Stanisława Woronicza, iżem podał Panu Bohdanowi Jwanowiczu Strybylowi poddanych swoich oyczynnych y nowo przychożych, w Lowkowie y Mokratyczach, przy liscie swoim zapisnym, to iest mianowicie każdego poddanego spisawszy etc.; to iest ludźie oyczynne y zasiedziałe: Iwan Hanka, Hrycko Prockowicz, Trochym Tomiło Huszczenko, Hrycko Huszczenko, Hryszko; w Mokratyczach: Swiryd, danych ludzi szesć człowieka, z ktarych dani idzie ośm wiader miodu; to iest ludźie kuniezne: Artinich z synami swemi, Dacko z synami swemi, Hrycko, Innat Koc, Sawka Bohdan Dubinenko, Miszko, Damiło, Senko, Iwaasko, Ewłasz, Prokop, Klim, Nester, Ostapko, Hrycko,—y na tom dał Panu Bohdanu Iwanowiczu Strybylowi ten moy registr pod pieczęcią moją y podpisem własney ręki moiey po polskim. Pisan w Lowkowie, miesiąca marca dwudziestego czwartego dnia, tysiąc pięćset osmdziesiąt wtorego roku. U tego rejestru na pieczęci podpis ręki temi słowy: Stanisław Woronicz, ręką swą własną (manu propria)«. Który to regeatr, za podaniem y oczewistą prozbą wyszmianowanego jego mosci podawaiącego, a za moim urzędowym przyjęciem, do xiąg niniejszych iest wpisany.

Книга Житомирская городская, записовая, 1704—1713 года, № 188, листъ 507.

XLVII.

Жалоба писаря земскаго воеводства Брацлавскаго, Северина Судимонтовича Кропивницкаго, на старосту Брацлавскаго и Винницкаго, Юрія Струся, о томъ, что онъ, съ вооруженнымъ отрядомъ въ числѣ 2000 человекъ, напавъ на принадлежащее ему село Скуринцы, выгналъ изъ него жалобника, причинилъ побои женѣ его, ограбилъ имущество, и деньги »поборовые,« собранные съ обывателей Брацлавскаго воеводства, убилъ слугу жалобника, и зятѣмъ помянутое село Скуринцы, съ крестьянами тяглыми и огородниками, присоединилъ къ Брацлавскому староству. 1882., марта 20 д.

Дата божого нароженя 1882, мѣсяца марта 20 дня.

Пришедши на врьдъ вгородскій, въ замокъ господарський, Луцкій, передъ мене Войтеха Ветесвого, будущого на мѣстцу пана

Станислава Петровского, подстаростого Луцкого, отъ его величїе милости пана Александра Пронского, столника великого княжества Литовского, старосты Луцкого, писарь земскїи воеводства Браславского, урожонный панъ Северинъ Судимонтовичъ Кропивницкїи, оповедать и обтежливе жаловаль самъ отъ себе и именеъ малжонки своей, панее Овдоти Коптевны, о томъ, ижъ дей его милость панъ Юрей Струсь съ Коморова, староста Браславскїи и Винницкїи, зваснившись на мене человека спокойного, правомъ посполитымъ обезпечоного, торгаючи се на ме словы непристойными, ущипливыми, отповедь словную на здоровье мое, хвалечисе на мене на смерть забити и маетность мою отнати передъ комисарни его королевское милости, передъ его милостью потомъ Иваномъ Чапличомъ, войскимъ Луцкимъ, и передъ паномъ Станиславомъ Бекгановскимъ, дворяниномъ его королевское милости, чинилъ. Которой чинечи досить, сего жъ року, верхупомененого, и мѣсяца теперь идучого марта осмого дня, у четвергъ, могло дей быти годинъ три до вечера, еге милость панъ Струсь, староста Браславскїи и Винницкїи, препомневши боязни Божее и суровости права посполитого, и розсудку правного, справедливого, наполнявшись воли и злого умыслу своего, хотечи умыслне мене замордовати, самъ особю своею и, собравшись зъ войскомъ людей, гуфомъ не малымъ, зъ староства своего Браславского и Винницкого, и зо всеми товариши жолнери роты своей, которую ведеть и подъ справою своею держить за пѣвези его королевское милости и речи посполитое, (съ) слугами, съ пашолами, зъ гайдуки и зъ многими помочниками своими, маючи зъ собою около двухъ тисечей людей, а меновите: съ паномъ Иваномъ Красноселскимъ, съ паномъ Семеномъ Яцковскимъ, съ паномъ Матѣемъ Лащомъ, съ паномъ Богданомъ и Андриемъ Дешковскими, съ паномъ Юремъ Кгорецкимъ, подстаростимъ Винницкимъ, съ паномъ Матушомъ Шандыревскимъ, съ паномъ Михайломъ Ласкомъ, съ паномъ Семеномъ Сабаровскимъ и съ Федоромъ Братковскимъ, возпими Браславскими, съ паномъ Василемъ Цурковскимъ, зъ войтомъ и зъ мещаны его королевское милости, Винницкими, и съ подьданными волости Винницкое, зъ селъ зъ Мезякова и Хижинець, конно, збройно, зъ разнымъ оружьемъ, войне належачимъ,

всѣмъ и спровадиши стрѣльбу его королевское милости зъ зѣмкѣ Вѣницкого: дѣла, гавовѣды, пулгави, ручниці; въ обычай валки неврытѣтское, съ трубами, наехаль мощно, квалтомъ, на йменье мое, на село Скуринцы, и съ тыми дей всѣми людьми, зъ войскомъ ксмалымъ, яко ся вышей поменило, напервей на село, потомъ и на домъ мой шляхетскій, голосомъ рознымъ, яко одны татарове, окрикъ учивавши, у трубы трубачи и у бубны бѣючи, зъ дѣль, зъ гавовѣдъ и зъ рушницъ стрѣльбу пустивши, штурмовали до дому, воротъ и острогъ выбили, съ которой дей стрѣльбы пострелили и на смерть забили слугу моего, Павла Ивановича, и затымъ ся дей у дворъ вламали, ижъ дей я ся черезъ гумно въ лѣсъ ледво утекъ. Яко жъ дей за мною гонили людъ его ниший, гайдуки, ажъ до самое ночи зъ ручницами, и куды бы дей ночь не зашла, певне бы мене на смерть забили. А жону дей мою, Овдою Коптьевъну, у дворъ въ дому поймали, збили, зшарпали, словы неучтивыми зсоромотили, шубку дей зъ нее белковую зняли и перстенковъ зочотыхъ чотыри зъ руки ей левой, съ палцовъ, позрывали, которые дей перстенги коштовали по чотыри золотыхъ чрвонныхъ,—его милость панъ Юрей Струсь словы неучтивыми зсоромотивши, биль, торгаль и у шию пхаль, мощно, квалтомъ зъ дому и зъ двора выпхаль, и прочъ дей зъ села выгнать, поведаючи тыми словы: «ижъ дей тое село Скуринцы, за даниною его королевское милости мужеви твоему, и за листомъ его королевское милости на подане того села, до мене писанымъ, я поступилъ и въ него былъ есми мужа твоего увезаль черезъ подстаростею моею, Вѣницкого, Юря Кгорецкого; але ижъ дей мужъ твой мне не служить и противко мене есть,—я дей тое село Скуринцы и дворъ въ рукамъ своимъ, до староства моего, беру,—нехай же дей мене мужъ твой до короля его милости позываетъ; ижъ ли дей зыщеть,—проездится.» За которымъ дей збитьемъ, выпханемъ и выгнанемъ, жона моя пехотою ажъ до Вѣниці, збита, зшарпана, скривавена, ледво жива пришла. А въ томъ дей дворъ и въ селѣ Скуринцахъ самъ особю своего, его милость панъ староста зо всимъ тымъ войскомъ своимъ zostаль; въ которомъ дей дворъ всю маетность мою и жоны моей, речи рухомне у кѣбе, въ светлицы, въ коморахъ, гроши готовые, золото, серебро,

манна, цинну, мёдъ; у стайки монн и быдио рогатое, и въ камере
 збожье молодое, также стагоны и сирать домашнй, также дей скринку
 въ вощи его королевское милости, въ реестранн. и съ квати по-
 боровни въ воеводства Брабавского, за рокъ осмидесятъ первый
 избранни, все, отъ великой до малейшое речн, пограбилъ и не-
 бралъ. А то есть меновите: въ томъ дому Скурникскомъ, у светла-
 цн, взялъ дей скринку малеванду въ грошнн, въ реестранн и съ
 квати поборовни, въ которой дей было пенезей его королевское
 милости, поборовныхъ, штеча золотныхъ Польскихъ; которые дей не-
 кезе, приехавши мне въ войну отъ Пскова, послалъ есмн былъ че-
 резъ слугбннн своего, Андрея Белехого, до Варшавы, на рату у
 универсале опасную, на новое лѣто; выжалъ дей тотъ службнннхъ
 мой, ровнемогшисе на дорозе, на Волвию, у Берестечку, лежалъ,—
 занимъ дей ажъ неборздо съ хоробы обнемогшисе, до Варшавы на
 новомъ лѣте приехалъ. Где жъ дей аю его милости пана подскар-
 бего, а ни его милости пана шафера, у Варшаве не засталъ, тамъ
 протестацию на уряде вгродскомъ, Варшавскомъ, учинивши, во мне
 наладъ тые пенези привезъ и мне ихъ до тое скринки въ заповане
 отдалъ; квати и реистра поборовни зо всего воеводства Брабав-
 ского, такъ зъ мечь, яко и зъ сель, которые рахуньномъ чинити
 побору его королевское милости, за рокъ осмидесятъ первый, есмн
 сотъ копъ грошей Литовскихъ, то есть две тисече золотныхъ Поль-
 скихъ, и листъ вызнанный поборшннн пана Ивана Шамплевича, сто-
 нннн Брабавского, подъ печатю и съ подписомъ руки его, кото-
 рый мне на то далъ—отъ которого часу ченогое у воедстве Бра-
 бавскомъ мне пустилъ. Другую дей скринку мою въ грошнн и въ
 речн моннн и жонн моее взялъ, въ которой дей было монхъ власт-
 ныхъ пенезей готовыхъ, то есть: золотныхъ червонныхъ двадцать и
 семь, талировъ старыхъ твдцать, золотовыхъ талировъ сероныхъ,
 монеты пядесятъ копъ грошей Литовскихъ; речн жонн моее, то
 есть: ланцухъ золотый, въ которомъ было золотныхъ червонныхъ
 пядесятъ, перстней золотныхъ съ камешнн дорезннн пять,—одинъ
 перстень съ камешемъ дннментомъ, вшитовыхъ золотныхъ червонныхъ
 шесть, другнй перстень съ камешемъ шмаралгомъ, робешннннн
 пядцомъ белнмъ и червоннмъ, коштанннн золотныхъ червонныхъ

десять; третий перстень съ каменемъ рубинномъ, коштоваль золотыхъ чирвоныхъ чотыри; четвертый перстень съ каменемъ туркусомъ, коштоваль золотыхъ чирвоныхъ два, а пятый перстень съ каменемъ жабинцомъ, коштоваль золотыхъ чирвоныхъ три; поясъ обручь сребрный, позлотистый, который коштоваль семь копъ грошей Литовскихъ; кошулекъ золотыхъ шитыхъ три, которые коштовали по чотыри копы грошей Литовскихъ; кошулка перлами сажаная съ фереты золотыми, коштовала двадцать копъ грошей Литовскихъ; бразка перловая съ фереты золотыми и съ каменемъ дорогимъ, коштовала тридцать и двѣ копе грошей Литовскихъ; кошулекъ шолкомъ чорнымъ шитыхъ осмь, коштовали осмь копъ грошей Литовскихъ,—а иншихъ дей хустъ белыхъ, мужскихъ и жоночкихъ, и полотна нимало, которые шадуемъ себе двадцать копъ грошей Литовскихъ; ложокъ сребрныхъ семь, въ которыхъ было сребра гривень чотыри; ченцовъ золотыхъ два, купленые по семи золотыхъ Полскихъ; рантуховъ Флямскихъ три, купленые по шести золотыхъ Полскихъ; рантуховъ Красноставскихъ чотыри, купленые по копе грошей Литовскихъ. Въ той же дей свитлицы за шафою былъ цынь: мисъ великихъ ценовыхъ пять, полмисковъ шесть, приставокъ две, талировъ дванадцать; въ коморе была скриня великая зъ шатами, въ которой дей была джуга (sic) моя шарлатовая съ петлицами, атласомъ жолтымъ подшитан, которая коштовала осмьнадцать копъ грошей Литовскихъ; кафьтанъ атласу чиръвоного, прешиваный, зъ кгузиками золотыми, который коштоваль дванадцать копъ грошей Литовскихъ; футро кунее, которое коштовало копъ одинадцать и грошей дванадцать Литовскихъ; футро лисее, купленое за чотыри копы и за грошей сорокъ и осмь Литовскихъ; шаблю и сагайдакъ, сребромъ оправные, позлотистые, на которыхъ было сребра гривень пять; шаты жоны моее, то есть: летникъ адамашковый, бурнатный, съ петма брамами у долу, зъ аксамиту чорного, который коштоваль чотырнадцать копъ грошей Литовскихъ; сукна шарлату чирвоною, въ долу деветь брамовъ злоголавовыхъ, и кштальт злоголавовый, который коштоваль двадцать две копе грошей Литовскихъ; летникъ оксамиту чорного, гладкого, который коштоваль осмнадцать копъ грошей Литовскихъ; летникъ мухоеру шарого, въ долу чотыри

браны овсамиту черного, который коитоваль десять копъ грошей Литовскихъ; шубка куння, адамашвою шарою крытая, коштовала двадцать и осмь копъ грошей Литовскихъ; шубка белохъ черныхъ, купленная за чотыри копы грошей Литовскихъ; шапка овсамиту черного, собольми подшитая, зъ бобромъ чернымъ, коштовала осмь копъ грошей Литовскихъ; постель коленская вся отъ мала до велика; подушки китайкою чирвоною обкладаны; колдра адамашвою чорною и шарою крыта, которая дей постель со всимъ коштовала дванадцать копъ грошей Литовскихъ. Въ той же дей коморе взяли: сѣдель мовхъ, сафьяномъ крытыхъ, малеваныхъ, чотыри, купленныхъ по три копы грошей Литовскихъ; панцировъ пять,—одинъ панцирь, купленный за дванадцать копъ грошей Литовскихъ, а чотыри панцири, купленные по чотыри копы грошей Литовскихъ; сагайдаковъ пахолчихъ, барвеныхъ, зъ луками и зъ стрелами, пять, которые коштовали осмь копъ грошей Литовскихъ; шабель пахолчихъ, барвеныхъ, пять, роботы Вѣницкое, купленные по сороку и осми грошей Литовскихъ; котловъ горилчаныхъ чотыри, съ трубами и съ притрубками, купленные по две копе грошей Литовскихъ; котель великий, пивный, позыченный мѣть отъ пана Ободенского, который дей купленный за пять копъ грошей Литовскихъ. У стайни дей взяли коней мовхъ чотыри: два половыхъ, купленные по шести копъ грошей Литовскихъ; конь воронный, купленный за дванадцать копъ грошей Литовскихъ; конь вноходниехъ сивый, купленный за осмь копъ грошей Литовскихъ. У другой коморе взяли дей збожа молоченого: пшеицы третинниковъ десять, которую на торгу купують, третинникъ по двадцати и по чотыри грошей Литовскихъ; жита третинниковъ патнадцатъ, которое на торгу купують по петнадцатъ грошей Литовскихъ; солоду пшеичного третинниковъ чотыри; солоду ячмевного третинниковъ шесть; овса третинниковъ двадцать, который на торгу купують по осми грошей Литовскихъ; проса третинниковъ пять; пшона полтретинника. У пивницы дей было: меду сичоного бочка, пива двѣ бочка, горилки бочка, въ которой дей было шестсотъ квартъ. У въ оборѣ дей взяли: воловъ мовхъ шесть, веровъ пять, свиней великихъ двадцать, вепровъ чотыри, подсвинковъ десять, гусей тридцать, куръ пятьдесятъ, вапуновъ кормныхъ

дванадцать, — то дей все есмь былъ до Скуринецъ зъ другого именнѣцу моего, Коморовского, припривадиъ. И къ тому дей начине статокъ домовый, што одно потреба въ той домъ дей есмь увесъ былъ покупиъ, который дей мне коштовалъ осмъ копъ грошей Литовскихъ, то дей все его милость панъ Юрей Струсь и съ тыми помочниками своими въ дворе и въ дому моемъ, Скуринскомъ, мощно, кгвалтомъ, пограбилъ и къ рукамъ своимъ побралъ. И заразъ дей мощно, кгвалтомъ, зобравши все село подданныхъ Скуринскихъ зо всимъ на все къ себе у громаду, биячи и до весена сажаячи, подданныхъ отъ мене и отъ малжонви моей отнемши, и въ послушенство свое привернулъ двадцать и шесть служебъ людей тяглыхъ, Скуринскихъ, которые дей плугами своими власными орутъ и роботу на дворъ Скуринский робливалъ, дань грошевую и осмъ збожье давать повинни были; а дванадцать загородниковъ, которые ку огородомъ своими и роли мають, къ тому млынъ о дву воллахъ, съ которого на кождый тыждень вымеру приходило збожья вшелякого по чотыри третинники, мѣры Вѣницкое, и ставовъ три, на реще Чапли, кгвалтовне у мене и у жоны моей отялъ. А меновите подданные села Скуринскою, люди тяглые, (съ) которыхъ служба целаа приходитъ: удову Скуриную съ трема сынами Ярошемъ, Романомъ и Вакулою и зо всю маестностью, которая дей стоитъ троухъ сотъ копъ грошей Литовскихъ; Ждана Берендина зъ жоною, съ трема сынами, зъ двема дочками и зо всю маестностью, которая стоитъ пяти сотъ копъ грошей Литовскихъ; Лехна Конченка зъ двема сынами Андреемъ и Федоромъ и зо всю маестностью, которая стоитъ троухъ сотъ копъ грошей Литовскихъ; Харка Баланденка зъ жоною, зъ сыномъ, зъ двема дочками и зо всю маестностью, которая стоитъ двоухъ сотъ копъ грошей Литовскихъ; Каленика и Федора Четвертненковъ зъ жонами и зъ детми и зо всю маестностью ихъ, которая стоитъ ста копъ грошей Литовскихъ; Игната Скуренка зъ жоною и зъ детми и зо всю маестностью его, которая стоитъ ста копъ грошей Литовскихъ; Чорнату (sic) Силенка зъ жоною и зъ детми и зо всю маестностью, которая стоитъ пятдесять копъ грошей Литовскихъ; Васка Тонченка и Артема Паненка зъ жонами и зъ детми и зо всю маестностью ихъ,

которая стоитъ двохъ сотъ копъ грошей Литовскихъ; Ивана Полторана зъ жоною и зъ детми и зо всею маетностью, которая стоитъ семи сотъ копъ грошей Литовскихъ; Протоса Полтороновича зъ жоною и зъ детми и зо всею маетностью его, которая стоитъ ста копъ грошей Литовскихъ; Лехна Четвертню зъ жоною и зъ детми и зо всею маетностью его, которая стоитъ трохъ сотъ копъ грошей Литовскихъ; Бакума зъ жоною и зъ детми и зо всею маетностью его, которая стоитъ трохъ сотъ копъ грошей Литовскихъ; Мишва зъ жоною и зъ детми и зо всею маетностью, которая стоитъ трохъ сотъ копъ грошей Литовскихъ; Васка Кончченка зъ жоною и зъ детми и зо всею маетностью его, которая стоитъ ста копъ грошей Литовскихъ; Трухона Кончченка зъ жоною и зъ детми и зо всею маетностью его, которая стоитъ сорока копъ грошей Литовскихъ; Протаса Баладенка зъ жоною и зъ детми и зо всею маетностью его, которая стоитъ тридцать копъ грошей Литовскихъ; Сахна Скуренка зъ жоною и зъ детми и зо всею маетностью, которая стоитъ пятидесять копъ грошей Литовскихъ; Андрѣя Хоненка зъ жоною и зъ детми и зо всею маетностью его, которая стоитъ тридцати копъ грошей Литовскихъ; Ивана Козиву а Ивана Ковала зъ жопами и зъ детми и зо всею маетностью ихъ, которая стоитъ сорока копъ грошей Литовскихъ; Стецка а Гарасюка зъ жопами и зъ детми и зо всею маетностью ихъ, которая стоитъ осмидесять копъ грошей Литовскихъ; Ивана дяка зъ жоною и зъ детми и зо всею маетностью его, которая стоитъ ста копъ грошей Литовскихъ; проскурницу удову зъ детми и зо всею маетностью ее, которая стоитъ пятидесять копъ грошей Литовскихъ; Кирила мельника зъ жоною и зъ детми и зо всею маетностью его, которая стоитъ тридцати копъ грошей Литовскихъ; Наума зъ жоною и зъ детми и зо всею маетностью его, которая стоитъ осмидесять копъ грошей Литовскихъ, — тые всѣ своими власными плугами орутъ. Огородники того села Скуринецъ: Федоръ Чорный зъ жоною и зъ детми и зо всею маетностью его; Андрей зъ жоною зъ детми и зо всею маетностью; Матиша зъ жоною, зъ детми и зо всею маетностью; Марка, Хому и Макара зъ жопами, зъ детми и зо всею маетностью; Остапа, Ясюка, Куриля, Стецка и Ивана зъ жо-

нами, зъ детми и зо всею маетностью; Параску вдову зъ детми и зо всею маетностью, — то все, яко ся звышъ поменило, его милость панъ Юрей Струсь, староста Браславскій, зъ уряду своего старостинского наехавши, тое именѣ, Скуриньцы, зъ людьми, зъ вгрунты, зъ землями и зо всими пожитыи, обыходы и границы, яко мне и жоне моеи, водлугъ данины и привилія его королевское милости, за годные и поцтивые послуги мои зъ ласки господарской есть дано, съ того всего мене и жону мою зъ спокойного держанья и уживанья нашего квалтовне выбилъ и къ рукамъ своимъ, до староства своего, привернулъ; жону мою збилъ, зшарьпаль и зранилъ; слугу моего на смерть забилъ и замордовалъ и тѣло его нѣтъ ведома где поделъ; пенези его королевское милости, поборовые, реестра и квиты и маетность мою всю, яко есть звышъ поменено, отъ велика до наменшого речи, квалтовне пограбилъ и побралъ. Яко жъ дей скоро по ономъ квалтовномъ выбитью, а тое квалтовное выбите свое суседомъ своимъ околичнымъ, людямъ зацнымъ, шляхте, оповедать; а потомъ дей есми десятого дня мѣсяца марта тую жалобу, достаточне на термине написавши, ку записованю до книгъ вгородскихъ, Браславскихъ, оповедаячи, посылая, которое жалобы, на термине написаное, и оповеданя моего оный урядъ ку ведомости своей приняти и до книгъ записати не хотѣлъ. А ижъ дей тое жалобы и оповеданя моего у Браслави не записано, — я дей, чинечи досыть праву посполитому, послаломъ былъ посланца своего до Ляточова, до вгроду близшого, хотечи, ижъ бы тамъ тую жалобу и оповедане мое было записано; нижли, за росказанемъ его милости нана старосты Браславского, подстаростий Вѣницкий, нанъ Кгорецкий, черезъ слугъ своихъ, которыхъ по дорозе позасажалъ, и оного посланца моего, не допущаячи до села Дешковецъ, на дорозе поймалъ, и тые справы, жалобы и рейстры шкодъ, штомъ былъ списавши послалъ, у того посланца моего отнялъ, и везде, чигаючи и стоечи на здорове мое, его милость нанъ староста слугъ и помощниковъ своихъ по дорогахъ позасажалъ и понаправовалъ. Я, не будучи безпечонтъ здорови своего, зъ великою утратою своею, маючи при себе о колкодесять человека, оттуль се самъ зъ здоровемъ своимъ ледве выпроводилъ, которые мене провадили зъ великою

осторожностью зъ Немирова (до) Прилука, а съ Прилука до Пирова. И просилъ панъ Северинъ Судимонтовичъ Кропивницкій, писарь земскій воеводства Браславского, самъ отъ себе и именемъ малжонки своей, паней Овдоти Копътевны, изъ бы тая жалоба и оповедане ихъ спомечная до книгъ вгородскихъ, Луцкихъ, записана была. Штомъ записати казатъ.

Книга Луцкая вродская, поточная, 1582 г., № 2061, л. 225.

XLVIII.

Указъ короля Стефана Боторя о томъ, что-бы старосты Кременецкій, Владимірскій и Луцкій, ополчивъ шляхту всего воеводства Волинскаго, вооруженною рукою произвели взыскаііе съ Адама, Станислава, Мартина и Яна Лашовъ Стремелецкихъ для удовлетворенія князя Александра Пронскаго. 1582 г., іюня 9 дня.

Року 1583, месяца іюня 4 д.

Прислалъ на враль вгородскій, Луцкій, до мене Станислава Петровського, подстаростего Луцкого, вельможный его милость панъ Александеръ Пронскій, столникъ великаго князства Литовскаго, староста Луцкій, листъ его королевское милости подъ печатью коронною, просачи, абы былъ до книгъ вгородскихъ, Луцкихъ, висавъ; котораго я огледавши и вычитавши слово отъ слова, до книгъ вгородскихъ, Луцкихъ, записати велелъ, и тотъ листъ короля его милости такъ ся въ себе маеть: «Стефанъ, Болю милостью король Польскій, великій князь Литовскій, Русскій, Прусскій, Мазовецкій, Жомойтскій, Киевскій, Волинскій, Ифланскій, княжа Седмигъродское и инныхъ Вельможнымъ и урожоннымъ Янушу Збаразьскому, воеводе Брацлавскому, старосте Кременецькому и Пинскому, Константину княжати Островькому, крайчому великаго князства Литовскаго, старосте нашему Володимерьскому, упріиме верне намъ милымъ, а въ небытности князя, воеводы Браславского, въ Кременьцѣхъ, а

книжати Бостенътина у Володимера, вряду ихъ вгородскимъ, тамошнимъ, также и вряду вгородскому, Луцкому, отъ вельможного князя Александра Пронского, столъника великого князства Литовского, старости Луцкого, засажоному, ласку нашу королевскую. Вельможные и урожонные уприме и веръне намъ милые! Озънаймуемъ, ижъ егды показано передъ нами отъ вельможного Александра Пронского, столъника великого князства Литовского, старости Луцкого, справу судовую, листъ декрету, позвы и весь поступокъ правий, такъ же листъ отвороний до насъ писанъ отъ вряду вгородскаго, Луцкого, што черезъ декрета помененого суду вгородского сказано есть пану столънику увезанье въ вгрунтъ его, прозываемое Сушкову Смугу и Меръвеньский, въ воеводстве Волинъскомъ, въ повете Луцкомъ, лежащие, зъ которихъ его урожонне Адамъ, Станиславъ, Мартинъ а Янъ Лаши Стримелецкие зъ спокойного держанья были; также и на отправу сумы пинезей на тыхъ же вгрунтъ, порядкомъ звычайемъ статуту права посполитого чиненого, за перышимъ декретомъ возъному и шляхте, зъ уряду посланому, едъ Лащовъ недопуcono, а за другимъ зъ рушеньемъ повету урожонному Станиславу Петровскому, подстаростему Луцкому, забороненому, то есть: егды урядъ тотъ, чинечи досить повинности своее, обославши листомъ врядовымъ шляхту повету Луцкаго, и, зъехавшиися имъ часть п местце певное, року теперъ идучого тисеча пятьсотъ осмьдесять второго, месяца февраля шостогонадцать дни, на тую справу, и зъ служебникомъ пана столниковымъ, Лувашомъ Циминъскимъ и некоторою шляхтою, ездылъ, и будучи у тыхъ вгрунтъ помененныхъ, тамъ Янъ Лащъ зъ многимъ зобраньемъ людей, приятель, слугъ и подданныхъ стрия и брати своее Адама, Станислава, Мартина Лащовъ Стримелецкихъ, въ той вгрунтъ, звышъ помененый, увязанья не допустилъ и моцно заборонилъ. Где жъ дей урядъ и возънымъ, шляхтою, до Яна Лаща посылалъ, ознаймуючи декретъ судовой противно юго, также стрия и брати его выданный, напоминаючи, абы ся зверхности наше, врядовое, черезъ возного ничого дбаты не хотель, увязанья не поступилъ, моцно заборонилъ (sic). За которимъ таковымъ упорнымъ сиротивеньемъ праву и зверхности нашей, врядъ вгородский, Луцкий, всю тую справу зъ постыпкомъ, въ дальшому выконаньемъ

и учиненю отправки; ведле права, до насъ отослалъ; на которой то все справе, а на зовънаню возныхъ и на листе, до насъ писаномъ, то все меновите и достаточне описано есть. Тогда мы, въ тую справу вглянувши, и юй ся присмотревши, а таковую ведомость зъ уряду вгородского, Луцъкого, черезъ листъ отворонный маючи, и, хочечи то срокгостью статуту права посполитого отправить, где пишеть, ижъ листъ съ канцлерии нашею на пойманье за горло тавовыхъ упорныхъ выдавши, и еъзекуция, въ речи осужоной, зъ рушеньемъ повету чинена быти маеть,—листы, универсалы съ канцлерии нашею, коронное, ведле того статуту, противъ Адама, Станислава, Марьтина а Яна Лащовъ Стримелецкихъ, яко упорныхъ, выдати есмо рассказали. Про то хочемъ мети и приказуемъ вамъ заховали (sic), рушивъши всю шляхту тихъ поветовъ земли Волинское, юрисъдицию своихъ збройню, яко на войну, на пойманю за горло помененыхъ Лащъ, на учиненье отправки, въ речи осужоной, ехали, того зъ належности своею пошрамы, и такъ дали зъ ними самими и въ отправе, речи осужоное, поступовано, и еъзекуция skuteczna на добрахъ, подлугъ декрету суду вгородского, Луцкого, чинена быти маеть, яко о томъ права посполитые, статутъ, ухвалы соймовые учать; а то бысте для ласки нашею и повинности врядовъ своихъ иначей не чинили конечно. Писанъ въ Гродъне, дня девятого юня, року тисеча пятьсотъ осмьдесятъ второго, а королевана нашего року семого.

Книга Луцкая вродская, записовая, № 2062, годъ 1583, листъ 490.

XLX.

Объявленіе слуги князя Марка Сокольскаго, пана Матыса Хорковскаго, о томъ, что крестьяне села Кобча, ночью, заперевъ его жену, дѣтей а также челядь дворовую въ коморахъ и избахъ, сожгли дворъ при чемъ сгорѣло его имущество, но семейство Хорковскаго и челядь спаслись,—сами же крестьяне, въ числѣ пятнадцати семействъ, со всѣмъ своимъ имуществомъ бѣжали. 1582 г., ноября 4 д.

Року Божого нароженя 1582, мѣсяца ноября 4 дня.

Пришедши передъ мене Фалелея Бережецкаго, будучи на мѣстцу пана Станислава Петровскаго, подстаростего Луцкого, шляхетъ-

ниі Матисъ Хорьковский оповедалъ и жаловалъ тими словы: што первой сего, въ небытности моее въ дому моемъ, жона моя, именемъ Марья, будучи сфрасованю и перестрашена огнемъ, оповедала и плачѣливе жаловала его милости, и тая жалоба отъ его великой милости княжати Марка Солтановича Сокольского, пана моего милостивого, до вряду вгородского, Лудьего, неомешкана есть донесена. А такъ, взявши певную ведомость у жоны моее обо всеемъ шкодо моее немалое, которая ми стала отъ всихъ подданныхъ моихъ, Кобецкихъ, и отъ помочниковъ ихъ, суседовъ близскихъ, Рожищанъ: Жданца и Павѣла, а меновите моихъ: отъ Мыхна Гречаника, отъ Стецка Бондаровича, зятя жоны Гречаниковой, отъ Ивана Седья и Сеняка, братанчиковъ Гречаниковыхъ, отъ Федка Шевка, кума Гречаникова, отъ Ивашка и Мыхна Ходоровичовъ, пасынковъ Гречаниковыхъ, отъ Хфедка Павловича Шепеля, отъ Сенка и Матфейца, сыновъ Шостаковыхъ,—тые дей вси съ паробки своими, зъ жонами зъ детьми своими, такъ тежъ зъ суседами своими Рожищаны: Жданцемъ Пинчуломъ и Павѣломъ Куликомъ, бондаромъ, нарадившихся зъ нами въ небытности дей моеи часу недавно прошлаго, року теперь идучого осмьдесять второго, мѣсяца окътебра семогонадцать дни, змовившихся и набравшихся рады и воли своее, и умыслу своего злого наполнивыпися, нагадавши, прочъ вся, презъ бытности мое, пришедши дей до двора моего, Кобезького, ночью, праве у перьвоспы, зъ середи на четъвергъ, и, заперши дей жону и дети мои у коморе и челядь мою у въ изьбахъ, и заваливши всехъ, дворъ и маетьность мою зо всихъ сторонъ огнемъ запалили, хотечи дей, абы тамъ вси погорели, съ тыхъ причинъ, абы не было дати кимъ знати до двора его милости княжати, пану моему милостивому, для погони. Кгды жъ дей Богъ сотворитель нашъ зъ особливое ласки своее и съ презрѣня своего святого,—съ того гуку огненого, великого, жона моя очутившихся и, не ведаючи ни о чомъ ничего щого ся такой огонь великий взялъ, порвавъшихся зо страху великого, зъ дверей заледво ся добыла, а тамъ детокъ своихъ отбегла, кричачи на сельце ратунку,—нико не было никого. За тымъ дей челядь очутивъшихся выбегла, а вжо огонь обгорнулъ великий кругомъ весь верхъ, бо дей хоромы вси соломою покрыты были А такъ вжды, за помочю Божю, сама жона

и съ челедю деточы мои заледво выратовали, але до маѣтности своее жаднымъ обычаемъ прийти не могла, — не было съ нимъ ратовати. Што дей одно было рипштунку моего: зброи, седла, серебра, золота, шаты, гроши, котлы, горьщцы меденые, пановки, ручницы и ившыя речей, вшелякое живности — муки ржаные, пшеничныя а гречныя, крупы ячмыне, пшона, проса, горохи, полтыя мяса, сала, сыри, масла, сувьна простыне и полотна, отъ мала до многа, што дочиста — все погорело. А такъ дей на томъ шкoduю яво на пятьсотъ конь грошей Литовскихъ. А тыхъ дей мужиковъ моихъ было парсунъ ихъ самыхъ презъ пятнадцатъ, а зъ жонами и зъ детьми ихъ болкодесять дунь, што зобравшися дей зо всимъ жытломъ своимъ, и зо всею маѣтностью, и зо всимъ статкомъ своимъ, оставивши дей селце тое, Кобъче, спустошавши именячко мое, учинивши пусто, и загорнувъши дей часть моего статку межи свое, прилучивши кони, волю, коровы, бычьи, овцы, и побравши дей возы мои властные, зо всимъ тымъ прочь втекли. И коли дей шли черезъ Рожища на местечко Рожищское, тогда войта Рожищского, Яна Топаховского, и мытника Омеляна а Яцка коновала, Олексу бондара, Иванька Толстику, Стася, Панка, Васка, Сенка, Володимерьца, просили самитакъ черезъ Жданца Пичука и Павьла Кулба, абы ихъ черезъ мость Рожищский перепустить; то накъ дей панъ войтъ Рожищский, Янъ Топаховский, съ тыми всеми мещаны Рожищскими, вышей помечеными и зъ бышыми, самъ особую своею, взявши отъ нихъ подарки и поклоны, тыхъ всякъ збеговъ моихъ пропустили, и черезъ мость свой, Рожищский, провадили, и въ дорогу сами милю або две пропровожили. А такъ дей я тое спалене двора и маѣтности своее ни отъ кого иншого не маю и шкoды не поношу не толко отъ тыхъ збеговъ моихъ, подданныхъ Кобецькихъ, але и отъ помочниковъ ихъ, звышъ помеченыхъ, которые ихъ ночью презъ Рожища пропустили и пропровожили въ дорогу. Явожь я на огледане шкoды первой ему возного повету Луцкого придалъ Матфея Витвиньского, который тамъ бывъши и всего того спаленя и шкoды огледавши, пришедши поредъ мене, очевидно постановившише, того жъ дня четвертого ноября, до книгъ кградскихъ, Луцкихъ, тотъ возный, Матфей Витвинский, бу записано, тыми словы созналъ: ижъ дей я року теперъ идучого осмьдесятъ второго, мѣсяца

октября двадцеть третего дня, будучи я зъ уряду приданымъ и, маючи дей я при себе двоухъ шляхтычовъ Адама Закревьского а Яна Несоветьского, былъ еми на справе у служебника князя Марька Союзского, пана Матуса Хорковского, въ ыменичку его, Кобьчи, — тамъ же — съ ми виделъ дворъ его, все будованье попалено, то есть: светлицу, векарню, коморъ две, стайню; на которой пожезе двора его видели есми: панцеровъ згорелыхъ три, шинакъ одинъ, прибиць три, стримень отъ седелъ турецьвихъ паръ три, ручьяницъ три, рогатинъ две, пановокъ две, рукавиць паньцерныхъ паръ три, острогъ гусарьскихъ паръ три, горьцъковъ мидяныхъ три, котловъ два, шабель пять, биндасовъ два, пиль дѣс, свердловъ два, мяшихъ речей железныхъ, дробныхъ, немало, замки, косы, грошей готовыхъ, съ попелу выгребеныхъ, коло копъ, а седце тое, Кобьче, все пустое. А такъ я тое оповедане пана Матуса Хорковского и сознанье возного до внигъ кгродскихъ, Луцкихъ, записати казаль.

Книга Луцкая кгродская, поточная, 1582 г., № 2061, л. 1143.

L.

Закладная отъ князя Юрія Чорторыйскаго пану Валентию Понатовскому и женѣ его, Марынтѣ, на ижкѣ Дѣковъ. 1583 г., апрѣля 5 д.

Рову 1583, месяца апрѣля 6 дня.

Передо мною Александромъ Пронскимъ, столникомъ великого кнества Литовского, старостою Луцкимъ, постановившиме обличне на яриде въ замку господарскомъ, Луцкомъ, его милость князь Юрей Ивановичъ Чорторыйскій, добровольне визналь, водлугъ листу запису своего, который отъ себе, подъ печатми людей добрыхъ, пану Валентому Понатовскому и малжонце его милости, паксе Марине Тишавичовне Зверовне, на суму пеневей тысячю копъ грошей Ли-

товскихъ, которую въ нихъ зошли братъ его милости, князь Иванъ Чорторыскій, былъ позмычль, и на заставу въ той менованой суме пенезей имени его милости, Дякова, зо всеми позытками, даль, и тотъ листъ записный, положивши передо мною, просилъ, абы вычитанъ и въ книги справъ судовыхъ вгродскихъ, Луцкихъ, уписанъ былъ. Которого я огледавши и, для вписована до книгъ прямуючи, передъ собою читати казалъ, и такъ ся въ себе маеть: Я Юрей Ивановичъ Чорторыскій визнаваю и явно чиню тымъ моимъ листомъ всемъ посполите зособна, кому будетъ потреба того ведати, албо чтучи его слышети, нынешнимъ и на потомъ будущимъ,— ижъ што возъеханю моему до чужихъ сторонъ, братъ мой, небожчикъ князь Ивановичъ Чорторыскій, и малжонка его милости, княжна Ева Бурки Лабовна, позмычили у его милости пана Вацентаго Понятовского и малжонки его милости, панее Маринны Тишкевичовны Зверовны, готовыхъ руководаныхъ певную суму пенезей тисечу кошь грошей монеты и личбы Литовское; а въ той суме пенезей заставили были мене, местечко Белевъ, рокомъ певнымъ, почавши отъ дня светого Петра въ году прошломъ тисеча пятьсотъ осмьдесатомъ, месяца июня двадцать девятого дня, на двѣ лете рокъ отъ року, ажъ до выкупена,— яко то все меновите а достаточне на листе записе ихъ милости естъ описано и варовано; за которымъ правомъ панъ Понятовскій зъ малжонкою своею оного всего имени моего, местечка Белева, въ спокойномъ держаню и уживаню ажъ до року нынешнего, тисеча пятьсотъ осмьдесать третего, были. А такъ и, приехавши зъ Влохъ, выдачи то быти зъ шкодою и ублаженемъ права своего приржонного, же набожчикъ панъ братъ мой, князь Иванъ Чорторыскій, безъ ведомости и позволеня моего то былъ учинилъ, и тое мене наше сполное, отчизное, не розделное въ той суме завель, тогда есмо, за радою пановъ приятелей своихъ, за правомъ своимъ приржоннымъ, въ половицу помененого имени, местечка Белова, въехалъ и въ моцъ свою зъ держаня пана Понятовского и малжонки его милости взялъ, а отъ пана Понятовского и малжонки его милости то до права позванъ былъ. Одно жъ, за вложенемъ ся въ то межи насъ сполныхъ пановъ приятелей нашихъ, не вдаючися въ право, такъ есмо то межи собою застановили

и помирювали: изъ на тую суму пенезей тисечу копъ грошей Литовскихъ, которую его милость панъ Понятовский и малжонка его на местечку Белеве, за записомъ пана брата моего, мели, на ймене мое власное, ни чимъ ни кому не заведеное а ни пенное, Дѣвовъ, которое такъ же отъ того жъ пана брата моего заведены были, а я его власными пенезия своими обкупилъ и освободилъ, перенесъ есмо и симъ листомъ, добровольнымъ записомъ моимъ, перенешу, и оное имене мое, Дековъ, варазь въ моцъ, въ держане, и спокойное живане ихъ милости поступую зо всимъ, яко си тое имене само въ себе, въ границахъ и обыкодахъ своихъ, здавна мело и теперъ маеть, зъ дерошь (sic), зо всими грунты, зъ пнгомъ (sic), зъ млынномъ, зъ вышелкомъ, зъ бояры, съ полми, зъ людьми тяглыми и зъ огородинни и зъ огородами, ихъ роботами, зъ сады, зъ сеножатми, а меновите и съ тыми сеножатми на тсену (sic) Белевскомъ, зъ дубровами, зъ пустами, зъ гаешъ, деревомъ бортнымъ, съ корчмою, съ чыншами и зъ данми всякими, зъ винами, пересуды, и тежъ зъ уздомъ волнымъ въ боры, дубровы, требу (sic) именя Дѣвовского..... сторону, и зо всими зъгола пожитками и належностями, ничего на себе не оставляючи, на три лѣта зуполныхъ по себе идучие, который рокъ початися маеть бнзко пришлого дня первшого по неделка, по велицемъ дни, въ року теперешнемъ, тисеча пятьсотъ осмьдесятъ третемъ, месяца апреля первогоднацать дна, а кончатся мають чрезъ три лети, въ року пришломъ, тисеча пятьсотъ осмьдесятъ шостомъ. Къ тому, зъ именя моего, местечка Белевского, зо всихъ людей, яко то они здавна звыкли на кождый рокъ, поколь то панъ Понятовский и малжопка его Дековъ дѣржати будуть, две токи на жниво до Дѣкова давати маю на тотъ часъ, коли того панъ Понятовский, або вранниъ его, Дѣковский, потребовати будетъ. А если бы ся людей огурили, абы который бы колвекъ чоловекъ зъ нихъ улечы хотѣлъ, а на жниво не пополь, теды войтъ мой, Белевский, заразомъ листы такихъ людей моихъ, Белевскихъ, каждого за кожды день пограбити таъ, яко бы за два гроши Литовскихъ стояю, и пану Понятовскому, або враннику его, Дѣковскому, тотъ грабежъ отдати, поколы або отожнуть, або двома грошми за кожды день гребежъ выкупить. А коли придуть на

жидво, тады панъ Понятовскій иншоё роботы вми робити не масть, если бы жата чого не было. Которого имена, вышей помешенного Дѣкова, а самъ и потомки жаднымъ способомъ безъ року спуповати не маю и мочи не буду; але они и потомковѣ ихъ мають тое имене спокойне держати и уживати до року вышей назначеного. А если быхъ на тотъ рокъ, выше выраженный, по вынтью трехъ леть, оного не выкупили, тогда имена отъ его милости пана Понятовского и малжонки его и потомковъ ихъ не выкупили (sic), тогда вжо ихъ милость не до трехъ леть, але до одного году, то есть отъ часу вышей назначеного, и такъ рокъ отъ року, ажъ до выкупеня, то держати и такъ же спокойне уживати мають. А которого року скочу имене окупати, тогда передъ тымъ ровомъ, за осмъ недель, пану Понятовскому и малжонце его милости, albo потомковъ ихъ, о выкупене для вырумованя маю дати знати. Которого имена ихъ милость зо всеми тыми жъ подданными мовми выпровадитися, а тое имене, зъ засевокъ и зъ людми, котори колвекъ въ немъ востануть, поступити мають, взявши отъ мене вси пенези свои сполна тысячу конъ грошей на вrade вгродскомъ, Луцкомъ, на свенченю року отъстатнего дня, которые я и потомки мои до рувъ ихъ милости и потомковъ ихъ отдать будемъ повинни, тольо зъ двора и зъ имена ни которого будованя и халупъ на сторону не вывожати, ставу, который межъ Дѣкова и Голышова—по половици, водле давнего звичаю, уживати, имене: который одъ Декова—къ Дѣкову, а который одъ Голышова—къ Голышову, уживати и греблю по половици направовати. А где бы въ томъ часе, поволь панъ Понятовскій и малжонка его милости то держати будутъ, въ ономъ имению, Дѣкове, уховай Боже, якого колвекъ спустошенье въ розептью подданныхъ изъ якихъ колвекъ причинъ стало, тогда при выкупене и по выкупене того имена на пану Понятовскомъ и малжонце его милости, и на потомкахъ ихъ, жадныхъ шеодъ повскавати, а ни пенезей на вrade ни зъ якихъ причинъ арестовати мочи не будемъ,—одно, одавши сполна, водле сего запису моего, тысячу конъ грошей Литовскихъ, пенезами готовыми, съ тымъ съ чимъ мие оное имене поступати, взяти будемъ повинни. А особливо то вараю, если бы самъ, albo помененая пани Бралова, такъ же дети,

потомки небожчина князя Ивана, брата моего, и тежь зъ сестрь, приятелей, повинныхъ моихъ, albo хто жъ колвекъ зъ стороны якую переказу и шкodu въ держаню и уживаню ихъ милости, такъ же и въ пожиткахъ того имени чинилъ, до права позывалъ, у трудность задавалъ, тогда панъ Понятовский о каждой таковой трудности маеть мне означити, а если бы позовъ былъ, тогда его до мене одослати маеть; а я самъ и потомки мои, за таковымъ ознаменемъ ихъ, маемъ, повинни будемъ отъ шпелякихъ трудности, шкоды и переказы, пана Понятовского и малжонку его милости, и потомковъ ихъ, своимъ властнымъ коштомъ и накладомъ боронити, и у каждого права заступовати, такъ яко бы ихъ милости съ потомками своимъ на мней николи ни въ чомъ жадное шкodu не повосили. Где бы тежь который зъ боярь тамошнихъ, Дѣковскихъ, службы и повинности звыклое, на которой седать, пану Понятовскому, его малжонце и потомкомъ ихъ, яко мне, полнити не хотели, тогда волю будетъ ихъ милости каждого такового стану того имени, Дякова, зъ игрунту прочъ выслати, а тотъ бояринъ маеть все тое будоване, въ которомъ мешкалъ, тамъ оставивши, толко засевокъ рочный себе взяти, а оттолъ ити. А если бы я самъ, такъ же и потомки мои, не отдавши пану Понятовскому и малжонце его милости, або потомкомъ ихъ, тое вышей помененое сумы пенезей, оное имене, Дѣковъ, зъ руць и владности ихъ милости взяли, до права позывали и трудность задавали, albo якую колвекъ переказу чинили, такъ же отъ тяхъ всякъ, которые бы, яко са вышей поменило, трудность якую пану Понятовскому задавали, у права не заступовали и не боронили, и чимъ колвекъ и колку кротъ сесь запись мой нарушили и зъ него выступили, толко кротъ повинни будемъ заплатити заруки его милости, пану Понятовскому, малжонце его милости, або потомкомъ ихъ милости, тисечу копъ грошей Литовскихъ, а на урядъ тотъ, до которого быхмо о то позыванн были, пятисотъ копъ грошей Литовскихъ, и вся шкоды и наклады, кромъ доводу и присеги, толко на голось речене слова пана Понятовского, малжонки его милости, потомковъ, або умоцованого ихъ, нагородити, заплатити и досеть учинити; а заплативши тые заруки, шкоды и наклады нагородивши, предъ—ся сесь за-

пись мой во всемъ, въ каждого права, въ моцы своей захованъ и держанъ быти маеть. О которые вси речи, и о вождую зособна, где бы ся тому всему, водле сего опису моего, въ чомъ досыть не деало, волно будеть пану Понятовскому, малжонце его милости и потомкомъ ихъ, мене самого и потомковъ моихъ до суду передъ его королевскую милость, и до которого колвекъ повету вряду и права, рокомъ завитымъ позвати,—тогда я и потомки мои на першомъ року, яко на завитомъ, маемъ и повинни будемъ, не вымовляючися службою короля его милости и земскою, соймомъ, повѣтремъ, поссоластвомъ, хоробою, болшою справою, илимитацьею, и ни которыми всеми иными причинами, правными и неправными, стати, а не борачи ничимъ року и позву неналежность, а не зополность суду, яко на року завитомъ, усправедливитися, и тому всему, яко колвекъ декретъ врядовый на мене выдетъ, подлечи и досыть чинити будемъ повинни, по килъ бы при животъ и по животъ моемъ тое имене, Дѣково, черезъ право первное, або послѣднешее, декретомъ и яко жъ колвекъ отъ пана Понятовского, малжонки его и потомковъ ихъ, одышло,—тогда пану Понятовскому и малжонце его, и потомкомъ ихъ, все право, которое на Белевъ отъ небожника пана брата мели, вцеле, зо всеми варунками, зостати маеть. А хотя жъ тотъ листъ запись брата моего, головный, панъ Понятовский, подписавши рукою своею власною, вернулъ, ведже, вземши выпись, зъ уписанемъ листу пана брата моего, съ книгъ земськихъ и вгородскихъ, Луцкихъ, волно будеть пану Понятовскому самому, малжонце его милости и потомкомъ ихъ, не позываючи мене о то до права зъ вознымъ повитовимъ, доброволе уехати и увезатися во имене мое, Белевъ, и во вси пожитки, къ нему належачие; съ которого увезаня я самъ и никто иный боронити, и по увазаню ни которое переказы чинити не маю и мочи не буду, подъ заруками, вышей описанными. А где бы въ томъ часе трапится служба господарски земская, военная, тогда я самъ властнымъ коштомъ своимъ съ того именя, Дѣкова, служити и заступовати маю и повиненъ буду. И въ тому тежъ, если бы въ томъ часе пану Понятовскому и малжонце его милости, або потомкамъ ихъ, была потреба пенезей, тогда будеть волно ихъ милости тое имене мое, Дѣково, въ такой суме пенезей, на таковый же рокъ, яко опись мой

..... заставите; противъ котораго, на богу отъ ихъ милости тое право влято будетъ, во всемъ, подлугъ сего опису моего и вартуновъ, въ немъ описанныхъ, будемъ. И на томъ далъ его милости пану Валентому Понятовскому и паней малжонце его милости, преречовой, и потомъ имъ, сесь мой листъ, въ моею печатю и съ подписомъ власное руки моее. А при томъ были и того добре суть вѣдоми, а за уствою и очевистою прозбою моею печати свои къ сему моему листу приложили рачили панове а приятели мои, ихъ милость: князь Якимъ Корецкий, воеводичъ Волынский, панъ Григорей Гулевичъ, хоружий земли Волынское, панъ Иванъ Шпаковский, панъ Даниель Палуцкий. Писанъ въ Луцку, лѣта Божого нароженя тисеча пятьсотъ осмьдесятъ третего, месяца априля пятого дня. Юрей Чорторыский, власною рукою. А такъ я тотъ листъ запись его милости князя Юрея Чорторыского, за прозбою его милости, слово въ слово, съ початю ажъ до конца, до книгъ справъ судовыхъ вгродскихъ, Луцкихъ, записати казаль.

Книга Луцкая вродская, записовая, 1583 года, № 2062, листъ 165 на оборотъ.

III.

Указъ короля Стефана Баторія о томъ, чтобы старосты Кременецкий, Владимирский и Луцкий, ополчивъ шляхту всего воеводства Волынского, двинулись въ имѣніе князя Михаила Жаславскаго и вооруженную рукою произвели взысканіе съ него для удовлетворенія пана Яна Комницкаго и жены его, Екатерины, у которыхъ Жаславский отнялъ имѣніе Оженино, и кромѣ того, когда, вслѣдствіе невыполненія судебного приговора объ удовлетвореніи Комницкихъ, двинулась, вмѣстѣ съ Луцкимъ намѣстникомъ, повѣтоваа шляхта, то Жаславский выстрѣлами отразилъ ее. 1583 г., іюня 20 дня.

Року 1583, месяца августа 12 дня.

Передо мною Александромъ Пронскимъ, столникомъ великаго князства Литовскаго, старостою Луцкимъ, ставши очевисто угрожаемый панъ Янъ Комъницкий, покладавъ передо мною листъ его королевское милости до трехъ старость и урядовъ: Луцкого, Воло-

димерскаго и Кремянецкаго писанный, котораго я читать вазалъ и такъ се въ себе маеть: »Стефанъ, Божою милостью воруль Полскій, великий князь Литовскій, Русскій, Прускій, Мазовецкій, Жомойтскій, Ифлянтскій, княжа Седмигродское и иныхъ. Вельможнымъ: Янушу княжати Збараскому, воеводе Браславскому, старосте Кремянецкому и Пинскому, Костентину княжати Острозскому, крайчому нашему великаго князства Литовскаго, старосте Володимерскому, Александру Пронскому, столнику нашему великаго князства Литовскаго, старосте Луцкому, уприме и верне намъ милымъ, ласку нашу королевскую, а въ небытности въ земли Волинской, въ номеныхъ старостахъ, ихъ вриадникомъ. Уприме и верне намъ милые! Ознаймуемъ вашимъ верностямъ, ижъ тыхъ часовъ верность твоя, пану столнику, даць намъ знать листомъ своимъ, што за переводомъ права отъ шляхетнаго Яна Комницкаго и жоны его, Батерины Сенутянки, противъ князя Михайла Жаславскаго, о выбите ихъ зъ спокойнаго держанья, имени Оженина, которое у нихъ, за записомъ того князя Жаславскаго, въ певной суме пенезей въ заставе было, свазана естъ, черезъ декрета суду вгородскаго, Луцкого, на менованомъ князю Михайлу Жаславскомъ, за оное выбите, Комницкому и жоне его певная сума пенезей, то естъ всего сумою польшоснадцать тисечи копъ, двѣсти копъ и грошей двадцать Литовскихъ, а на насъ—поль семи тисечи копъ и грошей двадцать Литовскихъ; которая вся сума, водле права посполитаго, до выкована звезекуцый, зъ рушеньемъ повѣту, на добрахъ именихъ его присутона; за которымъ дей то переводомъ, панъ столникъ, обославши шляхту повѣту Луцкого, и, назначивши месце и часъ ву збираню, ижъ самъ на тотъ часъ прибыти не могъ, на месце свое, вврядовое, зъ шляхтою наместника своего, Луцкого, Фалелия Бережецькаго, на отправу тое вѣсее суммы до князя Михайла Жаславскаго, имение его Верхова и Оженина, посылавъ. Але дей князь Жаславскій, не дбаючи ничога на сровгость права посполитаго и зверхность нашу, такъ тое сумы пенезей, черезъ декрета сказаное, не заплатилъ, яко и вѣвязанья въ менованые имена свои не поступилъ, а, стреляючи зъ гаковницъ и зъ ручницъ, моцно заборонилъ; за чимъ, яко спротивникъ, до насъ отосланъ естъ. Яво жъ теперь, тутъ будучи и сто-

рона поводовая, Янъ Компицкый, запись князя Михайла Жаславського на заставу Оженина показываль, а выписами врядовыми выбитя своего сповойного съ того имения и у весь тотъ переводъ права, деретами суду вгородского, Луцкого, — однимъ, ижъ на першомъ року тое именье и шкоды, за не станьемъ Жаславського, ему и жоне его сугъ присужоны, а другимъ, егда за тою связью князь Жаславский увязанья возному не поступилъ, и, будучи припозванъ, также на рокъ не сталъ, присуженье заруки (sic), зачимъ рушене повету было, которому спротивенья отъ того жъ князя Жаславского выписомъ съ книгъ вгородскихъ, Луцкихъ, сознаьемъ возного, доводилъ, — где на томъ поступку правомъ вся тая справа меновите а ширей есть описана. А таеъ мы, маючи о той справе таковую ведомость и писанье отъ уряду нашего староства Луцкого, и, хотечи то сровгостю статуту права посполитого отправить, где пишеть, ижъ листы съ канцлерии наше на пойманье таковыхъ упорныхъ выдаваны, а речи осужонны на именьяхъ ихъ, зъ рушеньемъ повету, мощно отправованы быти мають, о чомъ есмо листы, универсалы наши противъ князя Михайла Жаславского выдати рассказали. Про то хочемъ мѣти и приказуемъ вамъ, абысте ваши верности, водле обычаю права посполитого и статуту, въ томъ се заховали, а за тыми листы, универсалы нашими, рушивши всю шляхту земли Волинское, поветовъ: Кремьнецкого, Володимерского и Луцкого, юрисдыцье своее збройно ехали, яко на войну, князя Михайла Жаславского имали и отправу на добрахъ его, въ речи осужоной, чинили; а то все въ skutovъ свой, ажъ до конца, яко вамъ належить, приводили, и таеъ далей въ томъ всемъ постуцовано быти маеть, яко право посполитое учить, — того абысте иначей не чинили для ласки наше, королевское и подъ ви нами, въ праве посполитомъ, противъ недбалымъ урядникомъ нашимъ, описаными, конечно. Писанъ у Кракове, дня двадцатого месяца июня, року тисеча пятьсотъ осмдесятъ третего, а королеванья нашего року осмого. И просилъ панъ Янъ Компицкый, абы тотъ листъ его королевское милости до книгъ вгородскихъ, Луцкихъ, записанъ былъ. Што-мъ я, выслушавши слово отъ слова, записати казалъ.

Книга Луцкая вродская, записовая, 1583 года, № 2062, листъ 261 на оборотъ.

Ш.

Донесеніе вознаго о томъ, что онъ производилъ дознаніе по дѣлу о нападеніи на жолнѣровъ, сдѣланномъ урядникомъ мѣстечка Березнаго, Парфеномъ Новоселецкимъ, священникомъ Березнинскимъ, Григоріемъ, а равно крестьянами мѣстечка Березнаго и села Холоповъ, при чемъ оказалось, что одинъ изъ жолнѣровъ былъ убитъ, а нѣсколько слугъ были изранены. 1584 г., марта 15 д.

Рову 1584, месеца марта 15 дня.

Пришедши передъ мене Стефана Кнегининского, будущога на местцу подстаростега Луцкога, возный повету Луцкога, Фронць Бромѣрьскій, ву записованю до книгъ вгородскихъ тыми словы созналъ: ижъ будучи мне приданымъ зъ уряду вгородского, Луцкога, на справу пана Стефану Старскому, ротмистрови его королевское милости, поручникови и товаришомъ его, то есть на огледане слугъ побитыхъ, пораненыхъ, постреляныхъ, таеъ тежъ и воней постреляныхъ,—яво жъ я дня оногѣдашнѣго месеца марта 13 дня, року теперъ идучога 1584, маючи при себе двоухъ шляхтичовъ, былъ есми во йменю се милости панее Ярофиевой Чоскѣ, у местечку ее въ Крупой; тамъ же панъ Филипъ Русецкій, поручникъ его милости пана Стефана Старейского, ротмистра его королевское милости, посполъ съ товарищами своими всѣми, мне возному и шляхте, при мне будучой, оповедалъ тыми словы: ижъ року теперъ идучога 1584, маючи мы приставство у князя Андрея Головни Острожецкога и у пана Анѣдрея Халецкога, суди земского, Речицкога, въ ийменахъ и селахъ ихъ, то есть у пана Анѣдрея Халецкога, въ ийменю его—въ Холопахъ, то пакъ, коли товариши наши приехали до йменя князя Головни Острожецкога, местечка Березней, тамъ же, збунтовавшися подданне князя Анѣдрея Головни Острожецкога, зъ властного розказаня его, врадникъ Березненскій, на ймя Парфенъ Новоселецкій и зъ Григоріемъ попомъ, зъ Лазаромъ Федоровичомъ старцемъ и Елитухомъ Козавомъ, арандаромъ, заволавши вгвалту на вси подданне пана сво-

его и на помочники свои, товарища нашего, шляхтича учтивого, словоинного, отъ нихъ убезпечного, нашедши на господу, мощно, квалтомъ, оного товарища нашего, пана Яна Рокгалинскаго, спящего у господе, добывши, збивъши, зморьдовавши, зранивши, устрелявши, ледъве живого тотъ верху помененый вранднѣзь, Парфень Новоселецкий, Григорей попь, Лазарь старецъ и Ельтухъ, арандарь, узявши его збитого, зморьдованого зъ господы, и, приведши до реки Случи, утопили, я ври немъ што нашли—усе побрали, погърабили,—што ширей на томъ оповеданю князя Головни описано и доложено есть. Маючи мне и взыавши певную ведомость о забитю и заморьдованю товарища нашего, небожчика пана Яна Рокгалинскаго, которого вранднѣзь князя Анѣдрея Головни Острожецкого; Березненский, на имя Парфень Новоселецкий, съ попомъ Березненскимъ, на имя Григоремъ и Лазаромъ Федоровичомъ въ имену пана своего, въ местечку Березно, крвалтовне а умыслне забилъ, замордовалъ и у реву у Случу утонилъ, поехали были килка товарищовъ до имени князя Головнина, местечка Березное, для выведованя певнешого около оного забийства и замордованья того товарища своего, небожчика Яна Рокгалинскаго и для отысканя тела небожчиковскаго. Ино скоро дейсмь приехали до имени пана Анѣдрея Халецкого, Холопъ, то пакъ старецъ Холопский, Луць Василевичъ, маючи власное росказанье пана своего, закликавши и заволавши квалту на подданные пана своего, Холопские, и на иящие и околечные села и суседы свое, которые одъ нихъ неподалеку мешкають, на помочниковъ своихъ, то есть: на врандника Березецкого, на имя Парфена Новоселецкого, на попа, на имя Григоря, на Лазаря Федоровича, старца, на Ельтуха Бозака, арандара, на всихъ подданныхъ Березненскихъ, за которымъ квалтовнымъ заволаньемъ его, заразомъ о килка сотъ чоловека зъ ручницами, зъ луками, зъ рогатинами и зъ ыншими бронями, войне належачими, зобрались и, заступивши онимъ товаришомъ нашимъ, въ селе Холопахъ, на добровольной дорозе, зъ ручницъ и зъ луковъ на оные товариши наши и паходьки, такъ же и кони ихъ, и до Березно имъ черезъ село Холопы ехать не допустили. За которымъ квалтовнымъ недопущеньемъ, ажъ се оные товариши наши мусели назадъ вернути. При которомъ квалте, шкоды се намъ стали и по-

ранене, постреляне пахолковъ. На первой показовалъ передо мною и при мѣне будущей шляхте панъ поручникъ: виделъ есми пахолка, пана Станислава Ваковеского, постреленого, на ѿме Анѣдрея Госоицеого, — въ персяи впала пуля подь правую паху; у того жъ видедемъ рану постреленую въ руку правую, а у пахолка пана Станислава Кгвниинского, Войтеха Водуского, виделъ есми подле уха правого зъ луку пострелено; пану Яну Вивковскому виделъ есми коня белого застрелили, который заравъ здохъ, за которого далъ двадцать золотыхъ Полскихъ; тамъ же показовалъ панъ Янъ Речицкий коня гнедого постреленого, виделъ есми въ левую ногу переднюю, за которого далъ семьдесятъ золотыхъ Полскихъ. И поведилъ ми тежъ панъ поручникъ, ижъ естъ тутъ подданный пана Халецеого, которого, воли позвали, возналъ добровольне подданный пана Холецкого, зъ Холоповъ, на ѿме Анѣтонъ Лувашовичъ, безъ примушена випелявого, ижъ вгды жолпире приехали до Березней, тогда обещали были стацию дати и мовили: рачте ваша милость оставить одного албо килка, — толко на ихъ слово оставили панове осми; тамъ вгды другие одехали, они потыхъ и почали до нихъ стреляти. Потымъ, вгды попь рекъ небожичику пану Рокгалинскому: же ся не бой, едь самъ до мене, — онъ не уфалъ ему; попь поведилъ: ижъ се на мое слова ваша милость спусти; онъ, вгды до него хотель приехати, и приежчалъ. Потомъ хлопъ съ плота пострелилъ его, — онъ спалъ съ коня, и порвали его, и вволокли на плоть и наврили соломою. Потомъ, вгды одехали жолнере, они его вволокли до избы, до пуски, и тамъ его обрали зо всего што на немъ было. И посылалъ урядникъ зъ Березное до Холопъ, имени пана Халецеого, же бы на помочъ были, же бы стациѣ недавати, просечи старца; тамъ насъ послалъ старецъ, же быхмо шли, — и шли есмо. Которое жъ я сознане возного до внигъ вгродскихъ, Луцкихъ, записати казаль.

Книга Луцкая вгродская, записовая и поточная, № 2066, годъ 1584, листъ 192 на оборотъ.

LIII.

Жалоба хорунжаго земли Кіевской, Григорія Бутовича, на судича земскаго Кіевскаго, Матвѣя Немирича, о томъ, что Немиричъ, собравъ своихъ слугъ и крестьянъ изъ имѣнія Чернеховскаго, вооруженныхъ разнымъ оружіемъ, съ двумя гаковницами, наѣхалъ ночью на имѣніе жены жалобщика, мѣстечко Топорище, въ которомъ сжегъ фольварки и гумна, причеиъ многіе крестьяне были убиты, одному крестьянину отрублены руки, имѣніе же было ограблено. 1584 г., сентября 16 дня.

Рову 1584, месяца сентября 16 дня.

Писалъ и присылалъ до замку господарского, Житомерского, до мене Миколая Каменского, подстаростего Житомерского, отъ его милости пана Семена Дениска Матфеевскаго уставленого, земенинъ господарскій, повету воеводства Киевского, панъ Григорій Бутовичъ, хоружичъ земли Киевское, жалуючи и оповедаючи самъ отъ себе, и именемъ малжонки своее, панее Еввы Раевны, о томъ, ижъ дей року теперъ идучого тисеча пятьсотъ осмьдесятъ четвертого, месяца сентября, съ поправки календара римского, пѣтогонадцать дня, панъ Матфей Немиричъ, судичъ земскій, Киевскій, самъ особю своею, зъ многими слугами и помочниками своими и зъ подданными Чернеховскими, и зъ во всею волостю, зъ дели, зъ гаковницами и зъ ручницами, и зъ иншею многою стрелбою и оружемъ, войне належачой, конно и збройно, не смотречи на пана Бога всехъмогущаго и на зверхъность правную, наехавши мощно, квалтомъ, на имене жоны моее, на местечко Топорища, ночнымъ обычаемъ, зъ субботы на неделю, зъ дель, зъ гаковницъ стреляли, обложивши вколо место, фольварки, гумна таеъ панее малжонки моее, таеъ и подданныхъ, попалили и попустошили,—подданныхъ Топоривскихъ на смерть позабивали, помордовали, а иншихъ поймали и тыхъ, позабыванныхъ, тѣла зъ собою побрали, а меновите то естъ Мивиту и Ивана; а нивоторыхъ, поймавши на поли, то естъ Павла Гречаника поймавши, руки ему пообтиналъ, а другога, Грицка Боржва, пой-

мавши, поставивши на поли, до него зъ гаковницъ и зъ дела стрелялъ и иные мордерства незносные чинилъ, и шهودы не малы, то есть маетность и статьи, которые были переждъ местомъ у фолваркѣ, въ гумнехъ и на поли, такъ речи рухомые, яко и збоже, кони и быдло, рогатое и не рогатое, малое и великое,—то дей все побралъ, попалилъ, попустишилъ, яко одни татары побурили. А меновите то есть: на передъ, прибегши до дворца, маетность мою, то есть быдло рогатое и не рогатое, зъ дворца побрали, то есть напередъ: воловъ двадцать чотыри, кождый купленъ копь по две и полъ кони грошей, дойныхъ коровъ тридцать пять, каждая куплена по две копе грошей, телятъ тридцать пять, яловиць пятнадцать, каждая коштовала по полторы кони грошей, оземковъ десять, быковъ неуконъ дванадцать, овецъ триста, барановъ осмдесятъ, свиней сто, вепровъ кормныхъ тридцать, некормныхъ вепровъ семдесятъ, поросятъ шестьдесятъ, гуси, куры, — тое все побили: гусей сто, куръ полтора, сыровъ копь сорокъ, масла цибриковъ сорокъ. А кгда дей тое побравши, зъ оногo дворца выгнавши быдло, и тые сыры яко и масло, складши на возы, отвезши отъ дворца, и потомъ зась дворець и гумно зовсимъ запалили; въ которомъ гумне было жита не молоченого, въ стогахъ, копь триста шестерныхъ,—тое дей спалено,—пшеници копь полтора спалено, овса копь двесте спалено, ячменю копь девятдесятъ спалено, ярици копь шестдесятъ спалено, проса копь семдесятъ спалено, гречки копь девяносто спалено, а помолоченого збожа, и зъ собою на возы побрали, то есть: мерокъ жита десять, пшеници мерокъ пять, овса мерокъ дванадцать. А на поли коней моихъ власныхъ занято сорокъ, то есть: возниковъ цуговъ два, гнедые, почворные, за которые дано копь пятьдесятъ; други тисавы, за которого дано копь сорокъ и шесть грошей Литовскихъ; почтовыхъ коней три валаховъ кождый купленъ копь по двадцати грошей Литовскихъ; подездковъ тринадцать размаитою шерстю, кождый купленъ по семи копь грошей Литовскихъ; влячь десеть робочихъ зъ розмаитою шерстю, кождая купленая копь по пяти грошей Литовскихъ; находниковъ два, плесивый, за которого дано копь осмъ, а другий вороний, звезда въ челе, дано за него копь десеть грошей Литовскихъ; ступаковъ два,

дано копь пятнадцать грошей Литовскихъ; свиней сто и пятьдесятъ, ведровъ шестьдесятъ; вепронъ, (въ) засаде кормныхъ, взято сорокъ; поросать сто. А у Карача дей взято передъ местожь, у фолвареу, коня рижого, за которого дано копь осмь; кобыла гиедая, за которую дано копь пять грошей Литовскихъ,—а зъ него самого взято: сугманъ Лунский, который коштовалъ копь три грошей Литовскихъ; сармагу белую, которая коштовала польвоны грошей Литовскихъ; на гумне жита молоченого мерку, гречки маць две; колеса, за которые дано грошей дванадцать; хомуть зъ набедриками, за которого дано грошей дванадцать Литовскихъ; радно, за которое дано грошей пятнадцать; другое радно— дано за него грошей дванадцать,— то дей все панъ Матфей Немричь, судичъ земский, Киевский, двалтовне побравши и пограбавши, до селища пана отца своего, до места Черняхова, отнесъ, отвель, одогналъ и отпровадиль.

Книга Житомирская гродская, поточная, 1582—1588, № 8, листъ 41 на оборотѣ.

LV.

Жалоба Звегодьскаго намѣстника, Василя Богдановича Ильинскаго и войта Корецкаго, Томила Манцевича, на Берестейскаго воеводича, Фридриха Тышкевича, о томъ, что онъ переманиваетъ къ себѣ изъ имѣнія Пудинъ крестьянъ, на условіяхъ двадцатилѣтней льготы отъ повинностей. 1585 г., марта дня.

Року по нароженю Сына Божого 1585, мѣсяца марта *) дня.

Писали и вписали до вряду замку господарского, Житомирского, до мене Дахна Василевича, на тотъ часъ будущого подста-

*) Число, подъ которымъ этотъ актъ состоялся, въ актовъ книгѣ не означено.

ростего Житомирского, панъ Василей Богдановичъ Илинскій, намесникъ Звеголскій, а панъ Томпю Манъцевичъ, войтъ Корецкій, жалючи и оповедаючи на его милость вельможного пана Фридриха Тишкевича Логойского, воеводича Берестейского, о томъ, ижъ дей его милость на имене свое, въ повѣте Клевскомъ лежачое, прозываемое Пуляны, зо всіми кгрунты, къ нему належачими, зо всіми пожитками, ничого на себе не зоставуючи, подъ зарукою описавшися чотырма сотъ копами грошей Литовскихъ на врьдъ его королевское милости кгородскій, Киевскій, а на насъ—другими чотырма сотъ копами грошей Литовскихъ, и всіми шкодами, на слово речене, такъ тежъ и отъ всихъ повинныхъ, кровныхъ и обчихъ, отъ всѣхъ кривдъ, хто бы одно въ томъ имену чинилъ, боронити обещавъ, в тымъ же листомъ своимъ, доброволнымъ описомъ, описалъ, такъ же подъ заруками на врьдъ кгородскій, Киевскій, и на насъ,—што дей шпирей и достаточней на томъ описе его милости описано и доложено есть. То пакъ дей въ роу прошломъ, тисеча пятьсотъ осмьдесятъ третемъ, его милость князь Александро Пронскій, стольникъ его королевское милости, староста Луцкій, то въ кгрунту часть немалую, и дерева бортного, такъ тежъ и збожей засѣяныхъ потоптати, а ивное пожати, побрати, и сеножати покосити росказати рачилъ,—о чомъ дей есмо его милости пану воеводичу Берестейскому, черезъ писанье свое, давали знать. Нижли его милость до насъ толко писанемъ своимъ отписать рачилъ, обещаючи ся справедливости себе правне доводити и намъ то зась привернуть; нижли дей и до сего часу права не доводити, и намъ не привернулъ; а вамъ дей въ томъ надъ описъ его милости отъ его милости школа немалая дѣеть водлугъ листу своего, въ заруку въ чотыриста вопъ грошей Литовскихъ, и въ шкоды и наклады на слово реченье намъ попалъ. А потомъ дей, на томъ мало маючи, приехавши въ тое село наше, вышейписаное, Пуляны, самъ особою своею, и не паметаючи, ао пробачивши опису своего, намъ даного, на тое именье, Пуляны, зъ многими слугами своимъ, которыхъ самъ лепей знаетъ и имена ихъ вѣдаеть, въ томъ дей селе нашомъ волю закликати на двадцать летъ и столпъ, водлугъ обычаю, вкupati, и въ Житомиру тутъ на рынку на волю зикликати дей казалъ,—и тымъ дей намъ переказу вчи-

нять, а самъ въ другую заруку чотыриста копъ грошей Литовскихъ
 и во вси шкоды и наклады на слово реченъе попалъ. Еще дей тежъ
 надто, за власнымъ росказанъемъ его милости пана воеводича Бе-
 рестейского, въ року прошломъ осмъдсятъ четъвертомъ и тепе-
 решнемъ осмъдсятъ пятомъ, пани малжонка его милости подданныхъ
 его милости князяти, воеводы Киевского: Грица, Евхима и Романа
 и иншихъ подданныхъ (зъ) Щерницы, зъ быдломъ, овцами и козами, за
 квитами своими, и за листомъ до атамана нашего Пулинъского, Суп-
 руна, писанымъ, такъ тежъ и земена его милости князя, воеводы
 Киевского, пана Василя Кулива, съ подданными его, Несоленскими,
 за листомъ и квитомъ своимъ отъворонимъ, до тыхъ лесовъ и
 егрунтовъ нашихъ, до которыхъ ничого не маеть, за заулатою
 впусти казаль и позволила, и пожитовъ себе прибавили и при-
 влащуютъ, — а намъ тымъ переказу чинять, и тотъ листъ свой
 нарушили, а намъ третій разъ въ заруки чотыриста копъ гро-
 шей Литовскихъ и во вси шкоды и наклады, водлугъ листу опису
 своего, намъ на Пулины даного, попалъ; о чомъ дей есмо не разъ
 его милости давали черезъ писани наши знать о тыхъ шкодахъ и
 переказахъ нашихъ, не хотечи его милость въ томъ славити, до вряду
 записоватъ, и ву шкоде приводить; але ижъ его милость въ томъ
 славити, до вряду записоватъ и ку шкоде приводить. Але ижъ
 его милость, не жалуючи шкоды ничое, а насъ спокойне, водле
 опису своего, заховатъ и боронити, а чимъ далей тымъ насъ въ
 большую шкоду приводить, и толко дей насъ отъписами своими
 отъпровадить рачиль. Которые листы его милости пана воеводича,
 отписи до пана Василя, старосты Звеголского и пана Василя Ко-
 рецкого, такъ тежъ и атамана ихъ Пулинского, до Супруна, отъ
 ее милости писаныи, показовали, въ которомъ пишеть, росказуючи
 ему, абы подданныхъ чихъ колвекъ впускалъ а пожитъки, хочъ грош-
 ми або быдломъ, на его милость браль, приятель пана Василевъ,
 панъ Янъ Сломинский, а отъ пана войта Корецкого, панъ Федоръ
 Олшерский, съ подписомъ власное руки его милости, и подъ печатью
 его милости, передо мною тутъ, на вряде, теперъ показовали и часу
 права показатъ мають и хочуть, и того дей слушне довести. И про-
 сли приятели его милости пана Василя Ильинъского, старосты Зве-

гелского, а пана Томила Матъцевича, войта Борецкого, панъ Янъ Слюминский а панъ Федоръ Олшевский, имеютъ ихъ милости, абы тоѣ оповѣданье ихъ въ книги замѣбовые записано было. Питоуъ записати казаль.

*Книга Житомирская городская, поточная, 1582—1588 года,
№ 8, листъ 80.*

LIV.

Списокъ крестьянъ Житанскаго имѣнія, находящагося въ Владимірскомъ повѣтѣ, съ исчисленіемъ крестьянскихъ повинностей и даней, 1585 г., мая 26 дня.

Рову 1585, месяца мая 26 дня.

Постановившиися очевидно на вярде вгородскомъ, въ замку господарскомъ, Володимерскомъ, передъ Адамомъ Драпнскимъ, на тотъ часъ будучимъ на месцу пана Андрея Романовского, подъяростего Володимерского, возный повету Володимерского, Демьянъ Мокренский, ку записано до книгъ вгородскихъ визналь тыми словами: ижъ рову теперешнего, тисеча пятьсотъ осмдесять пятого, месеца мая двадцать шостого дня, и, маючи я при себе шляхту пана Василя Иваницкого а пана Яна Забрвского, за приданемъ вradoвымъ, былемъ на потребе вельможной паней еи милости, вневгнии Михайловой Чорторыской, старостиной Житомирской, вневгнии Зофеи Ходкевичовны, и тауъ на потребе служебника еи милости, шляхетного пана Матфея Андреевича, во ймени еи милости, въ повете Володимерскомъ лежачомъ, названомъ въ Житанахъ,—тамъ же вранибъ еи милости, Селецкий, Матусъ Кгурский, и служебникъ еи милости вневгнии, панъ Костентинъ Шпраский, именемъ еи милости вневгнии, паней своей, зобравши всихъ подданныхъ еи милости того имени Житанского, и, оповѣдавши имъ волю еи милости вневгнии

панен свои, за листомъ добровольнымъ описомъ еи милости кне-
гини, всихъ подданныхъ Житанскихъ списавши на рестры, и тому
служебнику еи милости, пану Матфею Андреевичу, въ певной суме
пенной, въ пятисотъ золотыхъ Полскихъ, заставнымъ обычаемъ,
подле листу еи милости, въ мощь, держане и владность передо
мною подали и поступили, и заразы противку пану Матфею послу-
шенство чинити рассказали. А то есть подданные меновите, на пер-
вей бояре: Левко Величко—на полуланку, Грицко Ясковичъ—на по-
луланку,—тыхъ боярь повинность конемъ служити, ехати—где рос-
кажутъ. Люди тяглин: Сенець Остиленя—на полуланку, Потапъ зъ
Левкомъ—на полуланку, Грицко Ескевичъ—на полуланку, Провопъ
зъ Галивономъ—на полуланку, Демидъ зъ Лавриномъ—на полу-
ланку, Мартинъ зъ Свиридомъ—на полуланку, Опанась Гостяловичъ—
на полуланку, Павлюкъ Олешновичъ—на полуланку, Михайло Бычко—
на полуланку, Иванъ Волошинъ—на полуланку, Гриць, Охремъ—на
полуланку, Антонъ, Романъ, Сенко,—на полуланку, Проконъ Кур-
нлю—на полуланку, Матфей Мадубъ—на полуланку, Иванъ Морозъ—
на полуланку; полуланокъ Мозолевский пустый. Тыхъ людей повин-
ность: работы въ тыждень пять дней, въ подводу ехати—где роска-
жутъ; съ каждого полуланку—по двадцати грошей Латовскихъ, сто-
рошовыхъ грошей по два гроши, орековыхъ—по два гроши, единцу
всыного съ вождого полуланку по три мады овса и куръ по трое.
Огородники: Васко Волосъ огородникъ, Кунахъ, Юско, Хома, настухъ
Лубанъ, Мозелевичъ Левко, Сенко Павлюкъ, Луска, — повинность
тыхъ огородниковъ въ каждый тыждень по два дни работы, а гро-
шей съ каждого огорода по три гроши и по курицы. А такъ и
тоє очевидное совнание везного до книгъ игродскихъ записати на-
жалъ.

*Книга Владимірская городская, записовая и поточная, 1585
г., № 943, листъ 211 на оборотъ.*

LVI.

Жалоба поповичей Луки и Ивана, из мѣстечка Межирича, принадлежащаго Троцкому воеводѣ, князю Стефану Корыбутовичу Збаразскому, о томъ, что когда они возвращались вмѣстѣ съ своими семействами домой из Волини, гдѣ они находились на службѣ, то по приказанію пана Григорія Колмовскаго, войтъ принадлежащаго послѣднему ииблия Серкизова задержалъ ихъ со всѣмъ имуществомъ. 1585 г., іюля 12 д.

Рову 1585, месяца іюля 12 дня.

Приходили на врьдѣ кгородскій, Володимерскій, до меше Адама Дралинскаго, на тотъ часъ будучаго на местцу его милости пана Андрея Романовскаго, подстаростега Володимерскаго, подданные державы его милости князя Стефана Корыбутовича Збаразскаго, воеводы Троцкаго, поповичи зъ мѣста Межирича, Лукашъ а Иванъ, жалуючи и оповѣдаючи тымъ способомъ: ижъ будучи они людѣми волными вышли были зъ отъчизны своее для службы на Волинь, и, бавечыся имъ по службамъ на Волини часы не малые, поженилися; а потомъ, намыслившись зась до домовъ своихъ, шли зъ жонами, зъ детьми и зъ маестностями своими зась до отъчизны своее, до державы его милости, до Межирича. То павъ дей служебникъ пана Григорія Колмовскаго, Матушъ Ланевскій, а войтъ его Серкизовскій, Иванъ Лядвичъ, зъ росказанія властнаго пана своего, поговивыши ихъ на добровольной дорозе подъ селомъ ихъ милости пановъ Лысаковскихъ, Могилномъ, зъ ыными слугами и подданныи пана своего, Серкизовскими, рову теперъ идучаго осмѣдсать пятого, месяца іюня двадцать девятого дня, ихъ самыхъ одъ жонъ, и детей и всихъ маестностей ихъ поотбивавъши, вси маестности ихъ власное, зъ жонами, зъ детьми, пограбили и побрали, и до двора вашей(sic) милости, Серкизовскаго, отъпровадили. А то есть меновите взяли и пограбили въ нихъ: у Лукаша взяли коня сивого, за котораго дей онъ даль осмъ копъ грошей Литовскихъ; возъ, который коштоваль сорокъ грошей Литовскихъ; хомуть зъ набедрыками, который его коштоваль

полконы грошей Литовскихъ; воловъ шесть, которые коштовали его по две копе грошей Литовскихъ; коровъ дойныхъ чотыри, которые коштовали его по две копе грошей Литовскихъ; ермякъ голубый, Лунский, который коштовалъ три копы грошей Литовскихъ; другой ермякъ Муравский, который коштовалъ сто грошей Литовскихъ; сальъ Влосвий, зеленый, который коштовалъ чотыри копы грошей Литовскихъ; козюхъ Турецкий, который коштовалъ пять золотыхъ Польскихъ; козюхъ кроликовый, который коштовалъ осмьдесятъ грошей; скринка съ хуствами белыми, въ которой было платовъ осмь тонкихъ, которые коштовали по десети грошей Литовскихъ; кошулець шесть тьдцкихъ, которые коштовали по шестнадцать грошей Литовскихъ; сорочокъ пять тонкихъ, которые коштовали по двадцати грошей Литовскихъ. Другую скринку взяли, въ которой было грошей готовыхъ конъ двадцать чотыри Литовскихъ; а у вози взяли: шаблю, которая коштовала сорокъ грошей Литовскихъ; сагайдакъ, который коштовалъ полконы грошей Литовскихъ; сокеръ две, которые коштовали по семи грошей Литовскихъ; сковорода железная, которая коштовала пять грошей Литовскихъ. А у Ивана взяли и пограбили, то есть: коня сивого, который коштовалъ осмь конъ грошей Литовскихъ; возъ, который коштовалъ сорокъ грошей Литовскихъ; хомутъ съ набедриками, который коштовалъ полконы грошей Литовскихъ; воловъ три, которые коштовали по три копы грошей Литовскихъ; коровъ три дойныхъ, которые коштовали по две копе грошей Литовскихъ; яловиць три, которые коштовали по полторы копы грошей Литовскихъ; масла дежка и коновъ, которое стояло осмьдесятъ грошей Литовскихъ; сыровъ две копе, которые стояли по грошу Литовскому; вепровъ семь кормныхъ, которые коштовали по пятьдесятъ грошей Литовскихъ; мяса полтевъ два, которые коштовали по золотому; саль три, которые коштовали по шестнадцать грошей Литовскихъ; жупанъ Муравский, который коштовалъ сто грошей Литовскихъ; козюхъ бараний, который коштовалъ копу грошей Литовскихъ; сукня оболочная съ оксамитомъ, голубая, которая коштовала три копы грошей Литовскихъ; шапка оксамитная, которая коштовала копу грошей Литовскихъ; перинъ две, которые коштовали по сороку грошей Литовскихъ; подушокъ чотыри, которые коштовали по десети грошей

Литовскихъ; скрию съ хустиами Белими, въ которой было вошло три тонкихъ, которые коштывали по двенадцати грошей Литовскихъ; раутуховъ три, которые коштывали по пятнадцати грошей Литовскихъ; серванковъ два крапныхъ, которые коштывали по двенадцати грошей Литовскихъ; коць, который коштывалъ двадцать грошей Литовскихъ; баня горелчаная зъ рурами и зъ шалкою, которая коштывала пять золотыхъ и грошей осмнадцать Литовскихъ; грошей готовыхъ коць три Литовскихъ. И просили тые подданые его милости князя воеводины, абы тое оповедане ихъ было до книгъ занисано. Што и занисати казати.

Книга Владимирская градская, записовая и поточная, № 943, годъ 1585, листъ 398-й.

LVII

Жалоба отъ имени воеводича Волинскаго, князя Иоакима Богусевича Корецкаго, на войта и урядника имени Вильска, принадлежащаго князю Константину Острожскому, о томъ, что когда бояре, гайдуки и слуги Корецкаго препровождали черезъ Вильско бѣжавшихъ отъ Корецкаго въ имѣніе Острожскаго крестьянъ, то упомянутые войтъ и урядникъ, съ Вильскими мѣщанами, перебили, утопили, а другихъ въ этихъ боярѣ и слугѣ Корецкаго изувѣчили, — находившееся же при нихъ оружіе и лошади были ограблены. 1586 года, юля 21 дн.

Лета Божего нароченія тысяча шістсотъ осмьдесять шестого, месяца юля двадцать первого дн.

Писать и присылать до вриду замку господарского, Житомирского, до мене Андрыя Стефановича Пилиповского, подстаростого Житомирскаго, служебниѣ вельможного пана его милости, князя Якова Богусевича Корецкаго, воеводича Волинскаго, панъ Матеи Ковнарский, жалуючи и оповѣдаючи писемъ его милости князя

пана своего о томъ, ижъ дѣй вельможный панъ его милость князь Костентинъ Костентиновичъ Острожскій, воевода Киевскій, захочуи покой и приязнь добрую изъ его милостю паномъ моимъ и, не хотечи се изъ его милостю заходити, приятельски въ руку теверъ идучомъ, осмьдесять шостомъ, месяца іюля пятнадцеть днѣ, писати его милость рачилъ зъ Острога до всихъ урядниковъ своихъ, яко Острозского, Острополского, Любартовского, Звягоского, Берездовского, Вилского, Барашовского, для выдана всихъ подданныхъ зъбеговъ его милости княжати, пана моего, которые розными часы зъ имѣней его милости, пана моего, Корецкихъ, и зъ имѣней слугъ его милости повтевали и перемешкиваютъ во именяхъ его милости, высшеі помененныхъ; при которыхъ листехъ, для певности, послалъ его милость князь, воевода Киевскій, служебника своего, пана Прокопа Литинского, где бы колвекъ которые збеги, власные подданные пана моего, показали, абы онъ зъ урядникомъ мощно, яко самыхъ, зъ жонами, зъ детми и зо всею маетностю, его милости пану моему выдавали. Яко жъ тотъ служебникъ его милости князя, воеводинъ, панъ Литинскій, чинечи досыть розказано его милости пана своего, посполу зъ урядникомъ Вилскимъ, паномъ Кристофомъ Винарскимъ, ехавши до села Зорокова, власныхъ збеговъ подданныхъ его милости выдали зъ жонами, зъ детми и зо всеми маетностями, а меновите мещанъ Килиевскихъ: Михалѣ зъ жоною, зъ детми и зъ маетностю; Наума зъ жоною, зъ детми, зъ маетностю; Карпа Савлука зъ жоною, зъ детми и зъ маетностю; Грица Сива зъ жоною, зъ детми, зъ маетностю; Павла Дорошовича зъ жоною, зъ детми, зъ маетностю; а зъ села Печибодъ: Мирона Горкавича зъ жоною, сынами, и зъ невестками и зо всеми маетностями; Климуху удову зъ невестками, и зъ детми ихъ и зо всеми маетностями ихъ; Ждана зъ сынами и зо всеми маетностми; Сидора зъ жоною, зъ сынами и зо всею маетностю; Дмитра зъ жоною, зъ детми и зо всею маетностю; Ивана Дегтера зъ жоною, зъ детми и зо всею маетностю; Иляша зъ жоною, зъ детми и зо всею маетностю; Ивана Котелника зъ жоною, зъ детми и зо всею маетностю; Савлу Клинка зъ жоною, зъ детми и зо всею маетностю; Остапа зъ жоною, зъ детми и зо всею маетностю; а зъ села Под-

дубиць Малихъ: Ядка Бобренка зъ жоною, зъ детми и зо всю маестностю; Провопа зъ жоною, зъ детми и зъ маестностю; зъ села Богдановицканы: Олексу Малошенка зъ жоною, зъ детми и зъ маестностю; Левка Терешковича зъ жоною, зъ детми и зъ маестностю; Сенка Хоровца зъ жоною, детми и зъ маестностю; зъ Брибова: Гаврила Маиштареля зъ жоною, зъ детми и зъ маестностю; зъ села Косенева: Лесотина Гаврила зъ жоною и зъ маестностю, — тыхъ всихъ подданныхъ зъ села Зорокова, зо всимъ на все повывадали, яко жъ и сами тые подданные пошли были доброволне. И, едучи доброволною дорогою черезъ мѣсто Вилско, то пакъ дей дня вчорайшого въ недѣлю, мѣсяца іюля двадцатого дня, панъ Криштофъ Винарскій самъ особою своею, зъ войтомъ Вилскимъ, Кондратомъ, и мещаны Вилскимъ, збунтовавшися, маючи при собе колко сотъ людей, умыслне перепомневши напередъ боязни Божей и срывости права посропитого, розказавши ворота мещкые позамыкати, тыхъ всѣхъ боярь, слугъ и гайдуковъ его милости, которые тыхъ подданныхъ провадили, моцно, квалтомъ побили и на смерть позамордовали и цотопили; а меновите: Пархвея Яна, Брезинского Нойтеха, Олшевского Миколая, подъ которыми кони побрали, зъ седлами, зъ полгаками, зъ шаблями, пограбили, и при оныхъ шести бояриновъ, шляхтичовъ уцтивыхъ, оберучне збили, змордовали, которые не ведати если живы будутъ, — то есть меновите: Степана Григоревича, Хому Олазаровича, Станислава Парфея, Труша Тишка, Мойсея Оношковича, и коней подъ ними шесть, и зъ седлами, зъ полгаками, и зъ шаблями пограбили и до замку Вилского отпровадили. А тыхъ подданныхъ, которыхъ самъ же панъ Винарскій повывадалъ, зъ войтомъ мещкымъ и мещаны Вилскимъ, отъ нихъ, слугъ его милости, отбывци, зъ жонами, зъ детми и зо всеми маестностями ихъ до себе побреть и пограбиль, шацуючи каждого зъ нихъ по чотырста конъ грошей. И просиль панъ Матысь Кевнарскій, служебникъ его владѣцкое милости, воеводича Волинского, именемъ князя пана своего, абы тое оповедане въ книги замковые, Житомирскые, записано было. Што записати казаль.

Книга Житомирская градская, поточная, 1582—1588 г., № 8, листъ 171 на оборотъ.

LVIII.

Рѣшеніе гродского суда, приостанавливающее исполненіе приговора копы, составленной изъ Житомирскихъ мѣщанъ, по дѣлу Василя Случанина съ Федоромъ Лукашевичемъ Случаниномъ о воровствѣ первымъ у послѣдняго денегъ. Урядъ постановляетъ это рѣшеніе на томъ основаніи, что право суда по этому дѣлу, по силѣ Литовского статута, принадлежитъ ему, уряду, а не копѣ. 1586 г., августа 24.

Рокъ 1586; мѣсяца августа 24 дня.

Передо мною Семеновъ Денискомъ Матфеевскимъ, старостою Житомирскимъ, ставши очевисто Василией Пронкевичъ Случанинъ, жаловаль о томъ, ижъ дей што дня оногдашнего, мѣсяца августа деветнадцатого, въ рокъ теперешнемъ тисеча пятьсотъ осмьдесятъ шостомъ, мещане господарьские, Житомирские, то есть: Климы Усь, Кузма Бобруенко, Махно Елтуховичъ, Антонъ Гребенниковичъ, Чорнышъ, и иные мещане, вся копа места Житомирского, судили мене зъ Федоромъ Лукашевичомъ Случаниномъ о покрадене грошей моихъ, то есть копъ петнадцети и грошей двадцать пять, въ господѣ его, въ дому пана Прежовского, и за жалофою моею, знашедши его виновнымъ, и присудили мене на немъ тые гроши, которые въ мене покрадены,—на што и декретъ мнѣ выдали. Который декретъ Василией Пронкевичъ Случанинъ передо мною покладаль и просилъ, абы ему, водлугъ того декрету, отправа сталася на Федору Случанину. Яко жъ я, казавши тотъ декретъ передъ собою вычитати, и, обачивши то, ижъ тые мещане, выламуются съ присуду моего, то судили копынымъ правомъ, чого не мели судити и не есть волны,—кды жъ они копыного права не užívаютъ, толко я, а въ небытности моее намѣстникъ мой, и не водлугъ права, того Федора судили копынымъ правомъ и артыкуломъ шостымъ, розделу чотырнадцатого, въ статутѣ описаннымъ, а тотъ артыкулъ до того не належитъ, одно належитъ о гоненѣ следомъ. Такъ же тежъ тотъ Федоръ Случанинъ брался ку отводу, яко будучи человекомъ не подозреннымъ,—оние мещане ему того не допустили. Ку тому тежъ, ижъ не имъ тотъ судъ належалъ судить, а те

мне, або наместникови моему. Яко жемь тотъ судъ, неслушный и не належный, скасовавши, и всказаломъ Василю Проньевичу на мещанехъ, звышменованныхъ, и всей копе места Житомирского, которые шкodu его, которая се ему стала въ покраденю, то есть копъ петнацать и грошей двадцать и пять, мають зашлатити а себе винного исвати. И зложиломъ ровъ заплате отъ сего дня, мѣсяца августа двадцать четвертого, за две недели. Што для памяти въ книги замковые, Житомирские, записано есть.

Книга Житомирская городская, поточная, 1582-1588 г., № 8, листъ 182-й.

ЛХ.

Объявление пана Мартина Межинского о томъ, что крестьяне села Колытowa, убившіе урядника Озерецкаго мѣшнѣя, принадлежащаго Межинскому, Мартина Витковскаго, и причинившіе раны слугѣ Межинскаго, Григорію Костинскому, уплатили брѣвьямъ Витковскаго головщину, а потому и возникшее по поводу этого убійства дѣло—прекращается. 1586 г., сентября 24 дня.

Року 1586, мѣсяца сентября 24 дня.

Въ рочкахъ судовыхъ кгродскихъ, Володимерскихъ, одъ дни осмогоднацать, того жъ мѣсяца сентября припалыхъ и судовнѣ от правовати зачатыхъ, передо мною Костентиномъ вняжатеиъ Острозскимъ, крайчимъ великаго князства Литовскаго, старостою Володимерскимъ, ставши очевисто панъ Мартинъ Межинский созналъ и подалъ термину признанья своего, съ подписомъ власное руки свое, которую подалъ до вряду, чинечи пана Семена Козинскаго, пана Костентина и Остафья Колпытовскихъ, а пана Ивана Холоневскаго волными, ижъ южъ се досить стало за голову забитаго Мартина Витковскаго, такъ тежъ за зраненье слуги пана Межинскаго, Григорія Костинскаго, и за шкodu при забитю и зраненью поделаны; яко ширей въ той термине тая справа доложена есть. И просилъ

панъ Межинскій, абы тая термина вызнанье его была до книгъ вгородскихъ записана. Которую я слово отъ слова записати казалъ, и такъ ся въ себе маеть: « Я Мартинъ Межинскій сознаваю и чиню явно симъ моимъ вызнаньемъ кождому, кому бы то вѣдати належаю теперь и напотомъ завжды, што я, всполекъ съ паномъ Валентимъ а съ паномъ Якубомъ Витковскими, повывалъ есмы позвы вгородскими, Володимерскими, на роки теперешние, вгородские, дня оногдашнего, въ четвергъ, мѣсяца сентебра осмогонадцать дня, припалые и сужоные, ихъ милостей пана Семена Козинского, а пана Остафья и пана Костентина Колпытовскихъ, а пана Ивана Холоневского, о забите враника моего Озерецкого, Мартина Витковского, брата тыхъ верхуменованныхъ пана Валентого а Якуба Витковскихъ, и о зранене другого слуги моего, Григоря Костинского,—которое забийство и зранене сталося отъ подданныхъ ихъ милости, Колпытовскихъ, въ сели Колпытове, и о шкоды при томъ забийстве и зраненю починеные, — яко ширей на тыхъ позвехъ описано и доложено есть. А такъ на сесь часъ, не допускаючи мы обедве стороне того на разсудокъ правный, алесмо о то о все зъ собою приятелски погодили, и за голову того забитого Мартина Витковского подданые ихъ милости села Колпытова приреченымъ паномъ Витковскимъ заплатили, и досеть учинили. А такъ, варючи ихъ милостямъ пану Козинскому, и паномъ Колпытовскимъ и пану Холоневскому покой, абы ни хто иный напотомъ тое головщины на нихъ самыхъ и на подданныхъ ихъ милостей не поискавалъ, симъ листомъ моимъ доброволнымъ за менованныхъ пановъ Витковскихъ и за всихъ иныхъ, братю и повинныхъ ихъ, пану Козинскому, и паномъ Колпытовскимъ и пану Холоневскому описую и обовезую и ручуся: жъ яко тые панове Валентий а Якубъ Витковские, такъ и ни хто иный съ повинныхъ ихъ, о тую головщину повторе ихъ милостей позывати, а ни справедливости на подданныхъ ихъ милостей, Колпытовскихъ, просити не мають. А если бы хто жъ кольвекъ, будь (съ) стороны, або тые жъ сами панове Витковские о тую жъ голову ихъ милости позвалъ, або справедливости на подданныхъ ихъ милости, Колпытовскихъ, просилъ, тогда я ихъ милость въ кождого права, ведле ознаймения мнѣ отъ ихъ милости, заступовати, и такъ то самъ очисчати маю, яко бы ихъ ми-

лестъ ни яко трудности и шкоды не приимовали. Чого если быхъ, водлугъ сего листу моего, не вчинилъ, тогда ихъ милостамъ и потомкомъ ихъ милости заруки сто гривень грошей Польскихъ запла- тити маю, и о то все въ каждого права и суду, до которого коль- векъ быхъ былъ отъ ихъ милости позванъ, на першомъ року, яко на завитомъ, усправедливиться маю и повиненъ буду.

Книга Владимірская городская, записовая и поточная, 1586 г., № 965, листъ 55В.

LX

Подписка, данная крестьянами землянина Богдана Ивановича Стри- была, Санковичемъ и его сыномъ Антономъ Марковичемъ, землянину Богдану Щеніевскому въ томъ, что, въ благодарность за освобождение послѣднимъ Санковича отъ смертной казни, которой онъ подлежалъ за воровство у Щеніевского жеребца, они общають на будущее время не дѣлать зла ни Щеніевскому, ни его пріятелямъ, ни крестьянамъ его, отдавая себя, въ случаѣ нарушенія этой подписки, въ полное распоряженіе и власть Щеніевского. 1587 г., марта 19 дня.

Року по нароженью сына Божого 1587, месяца марта девят- натцатого дня.

Постановившіся на вrade въ замку господарскомъ, Житомир- скомъ, передо мною Андреемъ Стефановичемъ Пилиповскимъ, под- старостемъ Житомирскимъ, подданные пана Богдана Ивановича Стри- была, изъ села Ловка, то есть на имя: Войтько Санковичъ, а пасы- нокъ его Антонъ Марковичъ, передо мною на вrade добровольно визнали тыми' слова, ижъ дей'т'ю тыхъ часовъ, не давно прош- лыхъ, въ року теперешнемъ осмъдесять семомъ, панъ Богданъ Се- меновичъ Щеніевскій, земенинъ земли Киевское, поймалъ былъ мене, Антона Марковича, во именью своемъ, Щеніеве, у въ обуре, зъ

жеребцем своимъ власнымъ, которого есмы былъ увралъ у пана Щениевского, и привелъ былъ мене сей де до владу замку господарского; Житомирского, зъ лицемъ, и хотель на мене фондровати, яко на злодея, и далей, водже права, постуновать, яко на злодея своего. Нижьли, за прозбою някихъ людей зацныхъ, панъ Богданъ Щениевскій мене, зъ ласки своее, горломъ даровалъ и на мене нястигивалъ. А такъ я, Войтъко Санкевичъ, а я, пасынокъ его, Антонъ Марковичъ, подданные пана Богдана Стрибыля, обовязуемося и шлюбуюемо: противьку пану Богдану Щениевскому, ему самому, приятеломъ и подданнымъ его милости, не мститися и злого не мыслити, а ни красти, а ни огнемъ, а ни якими жъ колвекъ злыми учинками на здорове его милости, приятелей и подданныхъ, на маетность, а ни отповедей и пофалокъ, чинити на маемъ вечными часы. А если бы, чога Боже уховай, пану Богдану Щениевскому, ему самому, приятеломъ и подданнымъ его милости, за пофалками, або за учинкомъ нашимъ, шкода якая жъ колвекъ его милости самому, и приятеломъ, на маетность его, отъ насъ самыхъ, и отъ кого колвекъ стать бы се мела, тогда волно будетъ пану Богдану Щениевскому насъ самыхъ, за горлы наши поймати, на насъ самыхъ и на маетностяхъ нашихъ тое шкоды своее смотрети; а мы сами не маемо и не будемо мочи его милости пану Щениевскому жадными причинами вымовляти и, не беручи себе на помочъ ни якихъ причинъ, и не щитячися паномъ своимъ, паномъ Стрибылемъ, а ни тымъ, подъ еоторымъ быхъмо на тотъ часъ были, але волно будетъ пану Щениевскому, где колвекъ насъ надъбавши, яко шкодниковъ своихъ, за горла поймати, и маетность нашу всю побрати, насъ самыхъ у своемъ везеню держати, albo где хочечи подети, водже воли и подобана своего; а мы сами въ томъ пану Щениевскому а ни рукою, а ни правомъ паномъ своимъ закриватися и боронити не маемъ, и вечными часы мочи не можемъ. Яко жъ слышачи панъ Богданъ Щениевскій тыхъ подданныхъ пана Стрибылевыхъ, Войтъка Санкевича а пасынка Антона Марковича, добровольное сознане, просилъ абы то было въ книги замковые, Житомирские, записано. Штомъ записати казалъ.

Книга Житомирская городская, поточная, 1582—1588 г., № 8, л. 224.

LXI.

Закладная старосты Луцкого, князя Александра Пронскаго, данная князю Янушу Жаславскому на мѣстечко Жуковъ съ селами, къ нему принадлежащими, съ передачею Жаславскому права судить и казнить крестьянъ.
1587 г., апрѣля 13 дня.

Рову тисеча пятсотъ осмѣдсѣать семого, мѣсяца апреля пятого-надцѣть дня.

Ставши очевисто передъ урядомъ и книгами нинейшими кгродскими, Луцкими, въ замку господарскомъ, Луцкомъ, то есть передо мною Савиномъ Яловицкимъ, подсудкомъ земскимъ, Кремянецкимъ, отъ вельможного пана его милости пана Александра Пронскаго, столника великого князства Литовского, старосты Луцкого, для принятя запису нижеписаного, на мѣстцу его милости пана старосты Луцкого засажонимъ, субъделекгованымъ, и передъ нами: Стефапомъ Кнегининскимъ, наместникомъ староства Луцкого, Остафьемъ Еловичемъ Малинскимъ, судею, а Адамомъ Букосмьскимъ, писаромъ, кгродскими Луцкими урядниками присеглыми, велможный помененый его милость панъ Александеръ Пронский, столникъ великого князства Литовского староста Луцкий, доброволне вызналъ, водлугъ листу запису своего, на себе подъ печатю и съ подписомъ руки свое и тежъ подъ печатми и съ подписы рукъ людей зацныхъ вельможному пану его милости княжати Янушови Жаславскому, на суму пенезей чотыри тысячи копъ грошей Литовское личъбы, которую суму пенезей, вышейменованую, на ймену своемъ, Жукове, и приселвахъ, къ немъ належащихъ, его милости княжати Жаславскому выйстилъ, варовалъ и описалъ,—даного; въ которомъ записе ширей обовязки есть доложоны. Который передъ нами положивъши, просиль его милость панъ староста Луцкий, абы такъ тое доброволное сознание его милости, яво и тотъ листъ его милости княжати Жаславскому отъ его милости данный, принять и до книгъ кгродскихъ, Луцкихъ, вписанъ былъ. Которого мы видячи во всемъ целого и неподейзаного, и водле права сира-

веного, передь собою читать казавъши, приняхмы и до книгъ кгродскихъ, Луцкихъ, вписати казали, и такъ ся въ себе маеть: »Я Александеръ Пронскій, столникъ великого княвства Литовьского, староста Луцкий, визнаваю и явно чиню тымъ моимъ листомъ, записомъ доброволнымъ, всѣмъ посполите и кождому особливе, кому бы о томъ ведати належало, нинешнимъ и напотомъ будучого веку людемъ, ижъ ку пилной потребе моей взялъ и позычилъ есми у вельможного пана его милости княжати Януша Янушевича Жаславского готовыхъ рукоданныхъ пенезей сумы чотырохъ тысячий копъ грошей Литовское личьбы, личачи въ кождую копу по шестьдесятъ грошей Литовьскихъ, а въ грошу— по десети пенезей белыхъ, и въ той суме пенезей, въ чотырохъ тысячий копахъ грошей Литовьскихъ, завель и заставиль есми, и заразомъ въ моцъ, въ держане, владзу и росказованье поступиль есми, и тымъ листомъ моимъ завожу и поступую имена мои властны, дедичны, не пенъны и никому передь тымъ жадными записами отъ мене не заведенные, дворъ съ копьцемъ (sic) и местечко Жуковъ зъ приселками всѣми, до него здавна належачими, то естъ: зъ селомъ Новосельками, зъ селомъ Новоставомъ, зъ селомъ старымъ Жуковымъ, зъ селомъ Суховцами, а на Полешю (sic) части мои, на мене здавна приналежащие, всѣ въ селахъ: Жебрине, Довшне, Кгрухахъ, Волце, въ Чорной и въ Чудвахъ въ повете Луцкомъ, воеводства Волиньского, лежачие, тежъ съ церквами, костелами, вляшторами, монастырами и ихъ вжываньемъ и подаваньемъ, зъ бояры тыхъ именей и до тыхъ именей здавна належачими, а меновите: зъ Рошъкою, Гуменниками, Шавъдаровщиною, путными и непутными, зъ людми тяглыми и нетяглыми, роботными, съ цыншами, дяклами, серебизнами, зъ десятинами: бчолными, свинными, овечими, съ пересудами, куницами, зъ винами великими и малыми, зъ данью медовою и зъ иными вшелякими подачьками и роботами, зъ вгрунты и землями тыхъ именей фольварковыми, боярьскими и подданныхъ, въ тыхъ именахъ мешкающихъ, такъ пустыми яко и оселыми, оремыми и не оремыми, зъ ихъ селищбами, зъ сеножатми, пастевниками, зъ ставами спустными и неспустными, зъ млынами и зъ вымельками, зъ нихъ приходячими, съ корчмами, зъ дворами и селищами, зъ огородами, зъ садами, зъ виноградными, сажавками, зъ будованьемъ дворнымъ и сельскимъ, зъ

дубровами, гаями, лесеми, борами, зарослями, зъ мытами, съ подводами, и зо всѣми иными тыхъ именей пожитками, доходами и приходами, съ тыхъ именей здавна и теперъ приходачими, жадныхъ не выймуочи, ани на себе и на свои потомки не заховываючи, всѣ пожитки посполитостю завираючи, такъ ижъ посполитость особливости а особливость посполитости ничого уймовати не маеть, и зо всѣми належностями и принадлежностями, до тыхъ именей здавна прислухаючи, и зо всѣмъ правомъ, панованьемъ, уживаньемъ и власностью, ничого права, влады, росказованья и впелявяхъ пожитковъ на себе а ни на свои потомки, ажъ до выкупна, не оставуючи;—але, якоъ я самъ держалъ и уживалъ, яко ся тые имена въ межахъ своихъ границахъ и обеходехъ здавна мають, такъ помененый его милость княжа Янушъ Жаславский съ потомъками своими, и каждый иный, на кого бы ся тое право запису моего нынешнего стагало, маеть и мають держати, мети, уживати и пожитковъ въ тыхъ именяхъ, водлугъ воли и уподобаня своего, себе причиняти, подданныхъ судячи и справуючи, выступныхъ и винныхъ караючи,—маеть цело и спокойне тые имена мои, вышейпомененые, съ потомъками своими держати рокомъ певнымъ, почавши отъ дня сегоднешнего на дате нижей у того листу написаной помененого, ажъ до середи первое по святкахъ, въ року тысяча пятсотъ девятыдесятомъ, водлугъ римского календара прийдучихъ, то есть до троухъ летъ зуполныхъ, по себе идучихъ, невыкупне. А если быхъ на тотъ часъ, то есть на день первное середи по святкахъ, въ року тисеча пятсотъ девятьдесятомъ, тыхъ именей зъ рукъ его милости княжати Януша Жаславьского, албо потомъковъ его милости, и каждого тые добра мои отъ его милости тымъ же правомъ держачого, не выкупилъ, и тое сумы пенезей чотырохъ тысячъ копъ грошей Литовское личьбы сполна не отдагъ и не заплатилъ, тогда отъ оногo часу до другихъ трехъ летъ, то есть до первное середи по святкахъ, водлугъ календара римьского, въ року тисеча пятсотъ девятьдесять третего прийдучого, и такъ завжды отъ троухъ летъ до троухъ летъ, обычаемъ заставьнымъ, ажъ до выкупна и зуполного заплаченья черезъ мене, албо потомки мои, тое все сумы пенезей чотырохъ тысячъ копъ грошей Литовскихъ; и южъ я отъ того часу допусчаю его милости княжати Янушеви Жаславьскому

добровольного убойства и увязанья въ тые добра, на тотъ часъ, и нешнимъ листомъ монимъ его милости черезъ мене, въ суме помененой чотырохъ тысячь копъ грошей Литовскихъ заставленне, черезъ возного и сторонную шляхту котрого жъ колвецъ повету, безъ вшеякого придаванья урядового на то взятыхъ. А особливе его милости князати Янушеви Жаславскому и потомькамъ его милости, и каждому тые добра отъ его милости держачому, варуючи, ихъ волю будетъ его милости съ потомками его милости тые добра мои, албо жъ вторую колвецъ часть ихъ, въ той же албо въ меньшей суме, кому хочати, за тымъ же правомъ завести и заставить, албо ихъ тежъ заарендовати; а межи реками тыхъ именей зъ руць его милости и потомьковъ его милости и каждого оныя имена мои отъ его милости держачого окуповати не маю, и съ потомками своими не буду мочи, але овьшнемъ войну съ тыхъ именей за его милость служити, и въ томъ его милость съ потомками его милости повиненъ буду и потомкове мои повинни будутъ заступовати. А если бы тежъ, чога Боже уховай, за держанья его милости князати Жаславского и потомковъ его милости, албо каждого тые добра отъ его милости держачого, подданные се прочъ съ тыхъ именей моихъ разошли, и тые именья мои черезъ огонь, албо неприятеля, и иный який же колвецъ способъ спустошели бы, тогда я съ потомками своими и самъ зособна, при выкупне, ничего себе съ тое сумы пенезей за то вытручати, и оныхъ пенезей гамовати не маю, але лео при выкупне, таеъ и по выкупне, того всего на его милости, на потомькахъ его милости, и на кождомъ тые добра отъ его милости держачомъ, позысковати и до права о то его милость потягати не мало и не буду мочи, и потомкове мои не будутъ мочи вечными часы,—съ чимъ бы ми его милость, албо отъ его милости держачий отдакъ, буду повиненъ приняти. Ктому тежъ, я съ потомками свои повиненъ буду его милости князати Янушеви Жаславскому, албо потомькомъ его милости, и каждому тые добра отъ его милости держачому, передъ выкупномъ, вгды буду мети его милость съ тое заставы выкупити, я самъ и потомкове мои дати знати въ томъ же имено дворе, Жукове, его милости самому, албо врядникови его милости, недѣль за пятнадцать, толко врядовне че-

резъ возного и двоухъ оселыхъ шляхтичовъ въ повете Кремянецкомъ, тежъ черезъ листъ мой отвористый, подъ печатью моею и съ подписомъ власное руки моее, давши его перве, передъ посланьемъ возного и листу того менованого до книгъ урядовыхъ вгородскихъ, Кремянецкихъ, або якие подъ онимъ часомъ, будь за панованя королей ихъ милости пановъ нашихъ, або въ безкорольстве, суды и роки были бы постановенные, аетьковати. За которымъ таковымъ урядовымъ обвещеньемъ, где бымъ тыхъ добръ я самъ, або потомкове мои, зъ руць его милости, або потомьвовъ его милости и каждого держачого не выкушилъ, тогда въ заруку двоухъ сотъ копъ грошей личьбы Литовское попаду, и потомкове мои попасти мають. Въ которыхъ же то добръ и именей, вышейменованыхъ, на тотъ часъ черезъ мене его милости княжати Янушу Жаславскому въ суме чотырохъ тысячахъ копахъ грошей Литовское личьбы заставленыхъ, и спокойномъ держанью и уживанью, я съ потомьвами своими не маю и не буду мочи, самъ черезъ себе, а ни черезъ иньшыя способные особы, жадное переказы чинити,—овшемъ съ потомьвами своими повиненъ буду, якожь ся нинешнимъ листомъ, записомъ моимъ добровольнымъ, на тыхъ же всѣхъ добрахъ моихъ, вышейпомененыхъ, обовезую его милость княжа Януша Жаславского и потомьки его милости, и кождого тые добра мои отъ его милости держачого, отъ вшелякихъ кривдъ, шкодъ и пренагабана тыхъ именей въ вгрунтахъ, такъ правного яко и вгвалтовного, всѣхъ и кождыхъ особъ стану и коньдыцы якое жъ колвекъ, будучихъ близкихъ и далекихъ, отъ записовъ первшихъ и последнейшихъ, отъ позвовъ, приповвовъ, зысковъ, презысковъ на тыхъ добрахъ, зъ якое колвекъ причины будучихъ, боронити, заступовати и высвобожати коштомъ и накладомъ своимъ, черезъ увесь часъ держанья его милости и потомьвовъ его милости, также и кождого держачого, за вядовнымъ правнымъ ознайменьемъ мне черезъ его милость, або потомьки его милости и каждого держачого тое все выполнити маю, подъ заруками або завладомъ суме истной подобнымъ чотырохъ тысячий копъ грошей Литовскихъ на сторону его милости княжати Жаславского, и подъ шбодами на голое реченье слова его милости, або потомьвовъ его милости, и каждого тые добра мои отъ его милости держачого; ко-

терые жъ то заклады и шкоды на тые жъ всё добра мои добровольно вношу и приймаю. О которые жъ то заруки албо заклады, также и о шкоды на голое реченье слова, кромъ устного доводу, телесное присяги ошачованные, для недосыть учиненья записови моему нинешнему, во всемъ, албо въ меньшей части его, и для незыщенья, албо невыполненя которой колвекъ коньдыщныи, клаузулы и артикулу, въ томъ листе моемъ помененыхъ, если бымъ ся я съ потомъками своими позвати допустить, — тогда волно будетъ, и даю моцъ его милости и потомъкомъ его милости, и каждому тые добра мои отъ его милости держачому, позвати мене рокомъ, явнымъ похочеть и похочуть, черезъ возного якого жъ колвекъ повету, хотя жъ и безъ сторонной шляхты, до которого колвекъ права суду и уряду земьского, вгородского, албо тежъ подъ часомъ безкорольства, чого Боже уховай, каштурового, которой колвекъ землѣ и повѣту въ землѣ Волинской, въ великомъ князстве Литовскомъ, въ короне Полской и въ наньствахъ, до нее належачихъ, албо тежъ до трибуналу тажъ короны Полское, яко и великого князства Литовского, а воеводства Волинского, и до короля его милости на сеймъ, албо и за дворомъ, вгде жъ колвекъ схочуть. А я на первомъ позванью, яко на завитомъ року, бы тежъ и передъ одною особою судовою, хотя судъ незаполный будетъ, часу вшеляеого, не чекаючи рововъ, буду повиненъ и потомъкове мои повинъни будутъ за позвомъ стати и скутечне усправедливитися, то есть заруки, шкоды и то все, о што быхъ одно, водлугъ того листу моего, былъ позванъ, готовыми грошъми заплатити. А заплативши заруки и шкоды, предся тому записови моему нинешнему во всемъ досыть учинить тольокротъ, волю бы того потреба была, не закрываючися жадными причинами правъными, въ статутехъ и коньстытуцныхъ описаными. А которые зъ звычайу давного звыкълися у права захывати, не щитаючися тежъ жадными ухвалями, а ни декретами короля его милости, не закладаючися хоробою, соймомъ, поветриемъ, войною, послугою господарское и речи посполитое, поламанемъ мостовъ, занянемъ водъ, ваканцями, болшою справою, евитами, устанемъ року, давностями, року и позву ничимъ не бурячи, и отъ сказни не апелюючи, а ни присягою и ничимъ згола и жадными

инъшими причинами, которые бы одно такъ съ права, яко и зъ довьстицу людского вынайлены быти могли, жадныхъ тежъ недостатковъ тому записови моему не задаваючи, и овшемъ, што бытъ себе ку помочи противъ тому записови брати хотеть, тымъ самымъ въ речи своей упадать маю, и за то заруки особливне, вышешменованнымъ подобны, препадать (sic), и (съ) потомъками своимъ маю и буду повиненъ. А судъ и врьдъ впелякий нейначей, одно водлугъ того листу моего, сказанье и отправу сумы сказаное, безъ погладованья роковъ статutowыхъ, на добрахъ моихъ тыхъ же заразы, зъ рушеньемъ повету, учинити маеть. И на то дагъ есмь его милости князати Янушеви Жаславскому тотъ листъ, запись мой добровольный, подъ моею печатью и съ подыписомъ власное руки моее по Полску. А при томъ были и того добре сведоми, и за устною а очевистою прозбою моею печати свои до того моего листу приложити и руки свои подписать рачили ихъ милости панове а приятели мои: его милость панъ Янъ Харлинъскый, подкоморный Луцкый; панъ Федоръ Кадянъ Чапличъ, судя земскый, Луцкый, а панъ Федоръ Загоровскый. Писанъ въ Луцку, року по нароженью Христа Сына Божого тисеча пятьсотъ осмъдесять семого, мѣсяца апреля третегонадцать дня. Въ того листу печатей чотыри и подпись рукъ въ тые слова: Alexander Proinsky, stolnik wielkiego księstwa Litewskiego у starosta Luczky ręka swą. Jan Charlinsky, podkomorzy Luczky. Федоръ Чапличъ, судья земскый, Луцкый, властною рукою. Федоръ Загоровскый властная рука.

Книга Луцкая вродская, поточная, 1587 г., № 2069, л. 34.

LXII.

Запись князя Станислава Радивиля слугъ своему Яну Горайну, на село Дубищи, два острова и восемь волокъ. 1587 г., апрѣля 14 дня.

Року тисеча пятьсотъ осмъдесять семого, месеца апреля пятогонадцать дня.

Постановившия очевисто на врьде вгородскомъ, въ замѣу господарскомъ, Луцкомъ, передъ нами Стефаномъ Кнегининъскимъ, на

местникомъ староста Лудкого, а Остафиемъ Малипскимъ, судею, вельможный его милость панъ Станиславъ Радвиль, княжа на Олице и Несвѣже, явне, доброволне есть визналь, водлугъ листу запису своего, подъ печатю и съ подписомъ руки своее власное, и тежъ подъ печатми людей задныхъ, на записованье имени своего власного, въ повете Лудкомъ лежачого, Добищъ и Острова, служебникови своему, шляхетному пану Яну Горанну, даного, и передъ нами на вриде повладаного, просачи, абы якъ тое доброволное визнаенье, такъ и тотъ листъ его милости былъ до книгъ вгродскихъ, Луцкихъ, вписати. Которого мы передъ собою огледавши, и его вычитати давши, слово отъ слова до книгъ вписати есмо казали, и такъ ся въ себе маеть: »Станиславъ Радвиль, на Олице и Несвѣже княже. Ознаймемо симъ нашимъ листомъ всѣмъ вовець и каждому зособна, кому то ведати потреба будетъ, винешиимъ и напотомъ будущимъ, якъ мы, маючи възглядъ и полное баченье на верные, цюотливые и учтивые послуги служебника нашего, Яна Горанна, которые онъ здавна въ дому нашомъ звыкъ показовати, и еще намъ показовати и чинити не переставаетъ,—и, хочечи мы то ему ласкою и вдячностью нашею нагороджати, и его тымъ хутливѣшимъ и охотнейшимъ до послугъ нашихъ способити, дали есмо и симъ листомъ нашимъ даемо ему самому, жоне и потомькомъ его именье нашо, у волости Олицкой, у повете Луцкомъ, лежачее, на име село Дубища, такъ же и островъ, на которомъ дворъ его подъ местомъ нашимъ Олицкимъ, прозываемый Буряковщина, и другой островъ, тутъ же подъ местомъ нашимъ Олицкимъ, прозываемый Момотовщина, и зъ болотомъ, которое есть подъ дворомъ его, такъ же и волокъ осмь, которые небожчикъ отецъ его и по смерти отца его, матеа его, скупили, и заставою держали у мещанъ нашихъ Олицкихъ, тутъ же подъ местомъ нашимъ, Олицкимъ, лежачие, отъ вшелякий повинности, намъ и месту нашому належачихъ, его вызволяемъ и волнимъ отъ всего чинимъ. Которое именье нашо, вышейпоменное Дубища, и съ тымъ вышейпомененыи дмема островами, зъ крунты, съ полми, зъ землями оремymi и не оремymi, и съ тымъ осма волоками, вышейпомененыи, подъ местомъ нашимъ Олицкимъ лежачими, зъ мужиками, зъ сеножатми, зъ гайми, зъ лесы, зъ дубровами, зъ подда-

ными отчизными и прихожими, зъ огородниками, зъ ихъ чиншами, подачками, роботами и всякими повинностями, и зъ иншими всякими пожитки, якимъ кольвекъ способомъ названными, якие и теперь суть и якие на потомъ будутъ, довестипомъ и вгосподарствомъ его причиненныи, прибавленные, и яко оное именье до сего часу держалъ, яко небожичику отцу его милости, пана воеводы Вилневского, отца моего, дано было, ничого съ того именья на себе а ни на малжонку, которую намъ панъ Богъ дастъ, а ни на потомковъ кровныхъ, близкихъ нашихъ незоставуючи,—а то до животовъ его самого, жоны и потомковъ его властныхъ. А хочечи тежь то ему показати, абы онъ зъ жоною и потомками своими, за свои учтивые послуги, отъ насъ и потомковъ нашихъ на потомъ контентъ былъ, у тое учтивое выслуги своей безопасно зажити могъ, зъ особливое ласки наше на томъ же именью, звышь помененомъ Дубицахъ, и тыхъ двохъ островахъ и осми волокахъ, дали есмо, даровали и записали, и симъ листомъ нашимъ даемо, даруемо и записуемо ему самому, жоне и потомкомъ его певную суму пенезей, то есть триста золотыхъ Польскихъ, въ каждый золотый личачи по тридцати грошей Польскихъ, а то тымъ же способомъ и обычаемъ: ижь, если быхмо мы сами, або по насъ малжонка наша, которую намъ панъ Богъ дастъ, або потомкове кровные, близские братья и приятели наши, або тотъ, кому бы тое именье по насъ, якимъ кольвекъ правомъ приржоннымъ, спадкомъ и набытымъ, припасти мело, зъ якое кольвекъ причины припало, тое именье, Дубица, и два острова и осми волокъ отъ его самого, жоны и потомковъ его, або отъ того, кому бы то онъ тестаментомъ злецилъ и отказалъ, або у той же суме пенезей завель, отняти хотели,—тогда первей будемо повинни тую суму, звышьпомененую, триста золотыхъ Польскихъ, и надъ то, што бы кольвекъ на будованье дворное и на иное значное вгосподарство, ку розшираню пожитковъ, наложилъ, подлугъ шацунку ревьзоровъ нашихъ, або людей добрыхъ, ему и потомкомъ его отложить и нагородити, тожь тое именье до рукъ своихъ взяты могутъ. Съ которого именья, звышьпомененого, Янъ Горайнъ повиненъ будетъ службу земскую, военную, яко иншая шляхта наша, Олицкая, коньно, збройно, служити и подъ владзєю и юрисдыцыею

нашею завсегда быти маеть. Такъ же, по зестью зъ сего свѣта, потомкове его, або тотъ, кому то онъ тое тестаментомъ откажетъ и запишетъ, або заведеть, намъ и потомкомъ нашимъ зъ того жъ имения службу земскую, военъную, яко инъшая шляхта наша, Олыцкая, служити и подъ владзею и юрисдыцьею нашею завсегда быти маеть и повинъни будутъ. Такъ же тежъ, вгды бы потреба того вразовала, до замку нашего Олыцкого, до будованья валу, або и дерева, до патренья замку, теды тые жъ подданные Дубицские мають допомогати, и повинъни будутъ, такъ яко имъ на делницы розделено будетъ, для прибѣжища зъ стороны неприятеля, яко тежъ и инъшая шляхта, которые маестности свои подъ нами мають, досыть чинять, и полвать, — чинити мають и будутъ повинни. А для лепшое вѣры и певности того, дали есмо Яну Горзину, жоне и потомкомъ его, сесь нашъ листъ, подъ нашою печатю и съ подписомъ руки нашею властное, письмомъ Полскимъ. А при томъ были и того добре сведомы ихъ милости панове а приятели мои, которые за очевистою прозбою моею печати свои въ сему моему листу притиснуты рачили: панъ Криштофъ Цалуцкий, подчаший земли Волинское, панъ Макаръ Лѣдоховский, писарь земский Кремянский, а панъ Микалъ Комаръ. Писанъ въ Луцку, року Вождого нарочена тысяча пятсотъ осмьдесятъ самого, месеца апреля четвертогонадесятъ дня. У того листу печатей чотари, а подишеъ рукъ въ тые слова: Stanisław Radziwił, ręką własną.

Книга Луцкая городская, поточная, № 2089, годъ 1587, листъ 556 на оборотъ.

LXIII.

Жалоба отъ имени землянина земли Киевской, Василя Сурина, на воеводу Волынского, князя Януша Острожскаго, и на князя Михаила Евстафьевича Ружинскаго, поссессора имѣнія Острожскаго, села Рублевки, о томъ, что Острожскій наслалъ Ружинскаго съ большимъ числомъ вооруженныхъ бояръ и крестьянъ на имѣние Колодежное, принадлежащее Константину и Федоръ Шауламъ, находящееся въ опеку у Сурина, которые выстрѣлами изранили Сурина и слугъ его, при чемъ произвели грабежъ и, захвативъ двадцать четыре семейства крестьянъ, перевели ихъ со всѣмъ имуществомъ въ село Сапогово. 1587 г., апрѣля 29 д.

Рокъ по нароженю Иисуса Христа сына Божого 1587., месяца апрѣля 29 дня.

Писалъ и прислалъ на врьдъ замку Житомирского, до мене Андрея Стефановича Филиповского, подстаростего Житомирского, будучого отъ его милости пана Семена Дениска Матфеевского, старосты Житомирского, землянина земли Киевское, панъ Василей Суринъ, служебника своего, шляхетного Федора Кобринского, оповедаючи и обтяжливе жалуючи на велможного его милость княжата Януша Острожскаго, воеводу Волынского, а на служебника его милости, уроженого князя Михайла Остафьевича Ружиньскаго, держачого подъ его милостию вьяземъ, воеводою Волынскимъ, дворъ и село Рублеву, у волости Чудновской, въ томъ, ижъ дей его милость панъ воевода Волынский, хотечи влское дедицтво сестренковъ мочкъ рожонныхъ, у въ опеце моей будучихъ, пана Костентина и панны Федоры Шауль, потомковъ зошлого небожчика пана Михайла Манцевича Шаулы, имене Колодежнуо, въ земли Киевской, межи именами его милости пана воеводиними, Полонимъ и Чудновомъ, надъ рекою Случю, въ границахъ стародавнихъ, звечистыхъ, лежачое, на себе осягнуть в къ помененымъ именамъ своимъ привернути, а мене, опекуна прироженого, который тое имене Колодеженское правомъ опекунскимъ сповойне держу, прочъ вытиснуты,—року теперь идучого, тисеча пятьсотъ осмьдесятъ семого, месяца апрѣля двадцать осмого,

дня вчорапнего, зъ овторку на середу, наславъ мощно, вгвалтомъ, службника своего, вышейпомененого князя Михайла Ружинского, зъ многими бояры и поддаными, Сапоговскими и Рублевскими, а зъ рознымъ оружьемъ, войне належачимъ, преречное имене, село Колодежную, на власный дворъ и на село помененыхъ сестриньковъ моихъ, пановъ Шауль, тамъ же, за власнымъ вгвалтовнымъ насланемъ его милости князя, воеводы Волинского, службникъ его милости, помененный князь Михайло Ружинский, маючи помочниками зъ собою боярь и подданныхъ его милости, Сапоговскихъ и Рублевскихъ, около сотъ, а особливе своихъ козаковъ, людей незнаемыхъ, гультаевъ люзныхъ, которыхъ право посполитое ховать боронить, а онъ ихъ при себе обещне переховываетъ, около десять человекъ, съ тыми жъ дей всеми, боязни Божой и сробгости права посполитого запомневши, и, наехавши мощно, вгвалтомъ, на тое имене, Колодеженское, на власный дворъ шляхетский, сестриньковъ моихъ, пановъ Шауль, въ котормъ я на тотъ часъ, будучи шляхтичъ, повоемъ посполитымъ убезпечонный, зъ жоною, зъ детьми и зо всею маетностью моею безпечне мешвалъ, и тое имене Колодеженское правомъ опеунскимъ спокойно держалъ,— мене самого и слугъ моихъ пострелялъ, побилъ, поранилъ, и же быхъ помененое опеки сестриньковъ моихъ отбелъ, а имене Колодежную имъ, што бы осягнуть было ладней, побинулъ, мало не о горло не приправилъ. И при томъ же заразы мощно, вгвалтомъ, побралъ и пограбилъ: влячь моихъ стадныхъ, жеребачихъ, десять, а быдла моего дворного воловъ оремыхъ а быковъ стадниковъ петдесать и одинъ, быковъ неуовъ сорокъ пять, коровъ дойныхъ сорокъ две, яловиць двадцать пять, озимковъ тридцать, овецъ двесте, барановъ петдесать, ягнятъ сто сорокъ, возловъ двадцать, возъ тридцать, козенятъ двадцать семеро, свиней тридцать пятеро,— которое быдло и влячи я шацую себе, подлугъ статуу великого княжества Литовского. На чомъ дей тотъ князь Михайло Ружинский самъ и съ помочниками своими, которыхъ я не знаю, але онъ ихъ самъ знаетъ и о нихъ ведаеть, на тотъ же часъ, впершися въ дома подданныхъ Колодежанскихъ, дворницъ тяглыхъ двадцать чотыри, зъ жонами, зъ детьми и ихъ всеми на есе маетностями, то есть, на имя: Дашка зъ жоною его, и зъ сынами чотырма, и зъ ихъ жонами, детьми,

котороу я шацую на тисечу копь грошей Литовскихъ; Семка
 Гоконевича зъ сынами двема и зъ жонами ихъ, котороу я шацую
 на триста копь грошей Литовскихъ; Ивана Дашкевича зъ жоною,
 зъ сынами чотырма, зъ дочками двема, котороу я шацую на пять-
 сотъ копь грошей Литовскихъ; Федора Пиляя зъ жоною, зъ сынами
 трема, котороу я шацую на чотыриста копь грошей Литовскихъ;
 Ивана Гребелина зъ жоною, зъ сынами двема, котороу я шацую на
 двесте копь грошей Литовскихъ; Степана Глизу зъ жоною, зъ сы-
 нами трема, зъ дочками двема, котороу я шацую на двесте копь
 грошей Литовскихъ; Демка Бота зъ жоною, зъ сынами петма, котороу я
 шацую на триста копь грошей Литовскихъ; Ивана Гнилицу зъ жоною,
 зъ сынами двема, зъ дочкою одною, котороу я шацую на пять-
 сотъ грошей Литовскихъ; Яцка Гнилицу зъ сыномъ однимъ, зъ
 дочкою одною, котороу я шацую на семьсотъ копь грошей Ли-
 товскихъ; Дениса Дашкевича зъ жоною, зъ сынами двема, котороу
 я шацую на полтораства копь грошей Литовскихъ; Федора а Семена
 зъ жонами, зъ сынами ихъ чотырма, которыхъ я шацую на двесте
 копь грошей Литовскихъ; Лаврина Медведа зъ жоною, зъ сынами
 трема, зъ дочкою одною, котороу я шацую на полтораства копь
 грошей Литовскихъ; Ждана Каличича зъ жоною, зъ сыномъ од-
 нымъ, зъ дочками двема, котороу я шацую на двесте копь гро-
 шей Литовскихъ; Ивана Лычича зъ жоною, зъ сынами трема, зъ
 дочками двема, котороу я шацую на чотыриста копь грошей Ли-
 товскихъ; Першка Десятника зъ жоною, зъ сынами трема, зъ доч-
 ками двема, котороу я шацую на триста копь грошей Литовскихъ;
 Павла Шойкола зъ жоною, зъ сынами двема, котороу я шацую на
 полтораства копь грошей Литовскихъ; Тишка Серковича зъ жоною,
 котороу я шацую на двесте копь грошей Литовскихъ; Романа Сер-
 ковича, зъ жоною, зъ сынами двема, зъ дочками трема, котороу я
 шацую на чотыриста копь грошей Литовскихъ; Гаврала Дудку зъ
 жоною, котороу я шацую на сто копь грошей Литовскихъ; Сте-
 вана Пиляя зъ жоною, зъ сынами трема, котороу я шацую на
 триста копь грошей Литовскихъ; Оманаса Дуплю зъ жоною, зъ сы-
 нами шестма, котороу я шацую на шестсотъ копь грошей Ли-
 товскихъ; Левка Велентя зъ жоною, зъ сынами двема, котороу

и шацую на сто конь грошей Литовскихъ; Яцка Криволяса зъ жоною, зъ сынами петма, которого я шацую на триста конь грошей Литовскихъ; Мартина Якубовича зъ жоною, зъ сынами двема, зъ дочкою одною, которотѣ я шацую на полтораста конь грошей Литовскихъ. Которыхъ всихъ помененыхъ подданныхъ зъ жонами, зъ детьми, зъ грошии готовыми, зъ речами рухомими, съ конми, съ клачами, зъ волми, съ моровами, и зо всеми на все, зъ домошь, ихъ маестностями, до имени его милости княжата, воеводы Волинского, до села Сапогова отпровадиль, и тамъ ихъ маеть, а отътуль ихъ— не ведаю куда обернуть. О который дей наездъ егвалтовный, або о зранене и о побране подданныхъ и вси шкоды, за тымъ идучие, я Василей Суринъ, заровно обудвумъ однакову вину, то есть: его милости княжати, воеводе Волинскому, изъ князя Ружинского, служебника своего, зъ бояры и съ подданными своими, Сапоговскими и Рублевскими, зъ ыменей своихъ на имени Колодежную мощно, егвалтомъ, насылать, а князю Михайлу Ружинскому, изъ онъ, будучи шляхтичомъ, а кгоvoli его милости пану воеводе Волинскому, на ме паездчалъ, егвалтъ, бой, раны, шкоды и грабежи починиль. На што панъ Суринъ просиль у мене, враду, о возного на обводъ помененного егвалту, въ дворе и въ селе Колодежномъ стаого, и на огледане ранъ и шкодъ учиненыхъ. А я на то зъ уряду староства Житомирского придалемъ ему до двора Колодежного возного земли Киевское, шляхетного Яна Войтъковского, который тамъ бывши и отъ туль приехавши, передо мною до книгъ враду Житомирского тыми словы созналъ очевисто, и тое сознание свое на писме подъ печатью и съ подписомъ руки свое подалъ: Я Янъ Войтъковский, возный земли Киевское, вызнаваю на томъ квите моемъ, изъ року тецерь идучого, тисеча пятьсотъ осмъдесятъ семого, месяца априля тридцатого дня, будучи мне зъ ураду замку Житомирского отъ пана Андрея Пилиповского, подстаростего Житомирского, пану Василю Сурину на обводъ егвалту, у дворе и въ селе Колодежномъ стаого, и на огледане ранъ и шкодъ починеныхъ, приданому, а тамъ, будучи въ дворе Колодеженскомъ, а маючи при себе шляхту людей добрыхъ, пана Матяша Витинского а пана Бартоша Сулковского, за обводомъ и оказанемъ пана Василя Сурина, виделъ на нимъ са-

мымъ на левомъ боку рану кривавую и жупанъ противъ того мѣста
 знать простреленый, а на руке левой, ниже локтя, у того жъ пана
 Сурина видель. синевыхъ, а на служебнику его, шляхетномъ
 Павле Поплавскомъ, видель за плечима ранъ синевыхъ три, кото-
 рые панъ Суринъ менилъ, ижъ бы за власнымъ насланемъ его ми-
 лости княжати, воеводы Волинского, отъ князя Михайла Ружин-
 ского, служебника его милости, а отъ боярь и подданныхъ его ми-
 лости пана воеводиныхъ, Сапоговскихъ и Рублевскихъ, за бгвал-
 товнымъ ихъ на дворъ и село Колодежную наеханемъ, тые раны и
 при томъ многие грабежи, зъ овторка на середу, въ ноци, ему ста-
 лися, которые мне, возному, оповедаль я меновите до книгъ запи-
 санее быти менилъ. И тамъ же, въ селе Колодежной, двадцать чотыри
 хаты пустыхъ обводилъ и оказываль, оповедаючи на его милость
 княжати, воеводу Волинского, ижъ съ тыхъ хатъ князь Михайло
 Ружинский, за власнымъ насланемъ его милости, подданныхъ Колоде-
 жинскихъ, людей отчизныхъ тяглыхъ, на цѣлыхъ дворщахъ седа-
 чихъ, зъ жонами, зъ детми, и зо всимъ на все ихъ маетностями,
 господарей двадцать чотыри, мощно, бгвалтомъ, побраль и до села
 Сапогова, имена его милости княжати, воеводы Волинского, отпро-
 вадилъ,—о чомъ ширей на оповеданю жалоба его, до книгъ вчине-
 ная, обмовляетъ. И на томъ даль сее вызване мое до книгъ замку
 Житомирского, подъ моею печатью и съ подписомъ власное руки
 моее. Писанъ въ Житомиру, року тисеча пять сотъ осмьдесятъ се-
 мого, месяца мая первого дня. Янъ Войтъковский, возный земли
 Киевское, рука власная. И просилъ панъ Васлей Суринъ, абы тая
 жалоба и оповедане его, такъ тежъ и очевистое сознане возного,
 въ книги замковые, Житомирские, записано было. Штомъ записати
 казалъ.

*Книга Житомирская городская, поточная, 1582—1588 года,
 № 8, листъ 227 на оборотъ.*

LXIV.

Жалоба от имени воеводы Берестейскаго, Гаврила Горностая, на воеводича Берейстейскаго, Фридриха Тышкевича, о томъ, что онъ, собравъ толпу своихъ слугъ и крестьянъ, въ числѣ около шестисотъ человекъ, вооруженныхъ разнымъ оружіемъ, напалъ на имѣніе Горностая, истопталъ лошадыми и возами хлѣбъ на полѣ, былъ и увѣчилъ крестьянъ, однихъ въшалъ, другихъ утопилъ, нѣсколько же крестьянъ пропало безъ вѣсти. При жалобѣ находится свидѣтельство вознаго отъ 4 августа, удостоверяющее справедливость оной. 1587 г., августа 1 дня.

Року по нароженію Сына Божого 1587, мѣсяца августа первого дня.

Пришедши и ставши очевисто на враде замку господарскомъ, Житомирскомъ, врадныкъ Тулинскій вельможнаго пана его милости, пана Гаврила Горностая, воеводы Берестейскаго, старосты Менскаго; державцы Каменецкаго, панъ Романъ Борисовичъ Максимовскій, обтежливе на враде жаловалъ и оповедалъ на его милость пана Фридриха Тышкевича Логойскаго, воеводича Берестейскаго, о томъ, ижъ дей его милость, препомнявши боязны Божее и сроkgости, зрушивши покой посполитый подъ часомъ теперешнимъ въ убезкоролевстве, подъ застановленіемъ и уфалою каптура на зъезде у Житомиру отъ всего рипарства, року теперь идучого тисеча пятьсотъ осмъдесятъ сего, мѣсяца іюля тридцать первого, дня вчорашного, въ пятницу; водлугъ поправы календару римскаго, самъ панъ Фридрихъ Тышкевичъ Логойскій, воеводичъ Берестейскій, особою своею, зъ многими слугами, подданными и помощниками своими, а меновите: зъ Яномъ Венцковичомъ Войтковскимъ, Станиславомъ Купою, Юзефомъ Яблонскимъ, Яномъ Вороничомъ а Войтехомъ Красницкимъ, могло дей ихъ быти о шестъсотъ, конно и збройно, зъ оружемъ, войне належакомъ, зъ гаковницами, и зъ ручницами, и зъ иншимъ многимъ оружемъ, наехавши дей мощно, кгвалтомъ, на имена его милости пана

моего, воеводы Берестейского, то есть: найпервей—подъ место Тулины, и тамъ же, подъ местомъ Тулинскимъ, на власномъ вгрунте его милости пана моего, на поли, почонши отъ тое дороги, которая идетъ съ Кудни до Тулинъ, папню побили, потоптали конми, и возами и пешо, то есть: жыта, пшеницм, ячмены, овсы, просо, гречки, горохи, ярицы, маки, прадива, конопля и вшелякне збожя, ажъ до села его милости пана моего, Песокъ, и тамъ же, въ селе Пескахъ, подданныхъ его милости пана моего, въ домохъ ихъ власныхъ вгвалтовне ихъ самыхъ побивши, помордовавши и поранивши, жены, дети розгонявши, и маетности ихъ побрали и пограбили; а меновите то есть: У Тимошка, отамана Песецекого, въ дому его власномъ его самого хотели поймати, нижли дей онъ самъ утекъ,—взяли и пограбили въ него: въ комори, розбивши скриню, грошей готовыхъ побору нансвого копъ двадцать личбы Литовское, а отамановыхъ власныхъ грошей копъ десять личбы Литовское, ермяковъ два Люнскихъ, блакитныхъ, которые коштовали каждый по три копы грошей Литовскихъ; чинтокоръ две едwabныхъ, которые каждая коштовала по копе грошей; волпаковъ лисихъ, зеленымъ сувномъ утерфитовымъ братыхъ, два, которые коштовали по осмъдесять грошей; плахотъ наповныхъ съ черцемъ тъканыхъ осмъ, которые коштовали каждая зъ нихъ по золотому; слугу атажанова, найми Федора, съ коня збили и коня взяли шерстю плевсвого, лисого, за которого дано копъ семь; у Семена Кислявовича взяли кони шерстю вореного, белокопытого, вторый коштовалъ копъ шесть, — а самъ ажъ въ реку утекъ; у Романа Кислява въ дому взято, розбивши бедню, плахотъ наповныхъ дванадцать, которые стоили каждая зъ нихъ по золотому; полотна тонвого осмъдесять локоть, каждый локоть стоялъ по два осмази; наметокъ нерозрешиванныхъ серогъ локоть, каждый локоть стоялъ по два гроши; ченцовъ тъканыхъ двадцать, каждый зъ нихъ стоялъ по полшрети гроша; возуховъ два баранихъ, за которые зъ нихъ кождого дано по осмъдесять грошей; лезиве ремное, которое коштовало грошей петдесать; у Яцка Цоволуна въ дому, розбивши скриню, взяли: грошей копъ десеть; ермяковъ два Люнскихъ—одны блакитный а другий синий, кождый зъ нихъ коштовалъ по три копы и по двадцати грошей; жупать синий Луиский,

у которого жупана было пугавиць серебряныхъ двадцать и четыре, который жупанъ съ серебромъ коштовалъ копъ осмъ грошей личбы Литовское, плахоть черчатыхъ шесть, которые каждая коштовала по золотому, полотна тонкого сто локоть, каждый локоть стоялъ по полтрета гроша, кошуль женскихъ полотна ткацкаго шесть, за которые кождую дано по золотому, кошуль мужскихъ четыре, которые каждая коштовала по дванадцать грошей, колпавъ лисий, сукномъ чирвонымъ Лунскимъ критый, сагайдакъ съ лукомъ и съ стрелами, у которомъ было стрель три десятки; у Василя Роговича взяли въ дому ярмаковъ два Лунскихъ, блавитныхъ, который кождый съ нихъ коштовалъ по три копы грошей и по двадцати грошей, съ бодни взяли грошей готовыхъ осмъ копъ, полотна бужелного локоть петдесать, кождый локоть стоилъ по два гроши, наметовъ нерозрезываныхъ локоть сорокъ, кождый локоть коштовалъ по полтрета гроша, коць белый, за которого дано полкопы грошей, сермягъ две—одна черная а другая белая, за кождую съ нихъ дано по полкопы грошей, плахоть черчатыхъ четыре, кожда съ нихъ коштовала по золотому. На селе, потравивши удову, на имя Мелаху, зняли знее сермягу новую, которая куплена за полчетверпядесять грошей, плахту полную съ черцемъ, которая коштовала двадцать грошей, поясъ съ ыгольникомъ, у въ ыгольнику дей было грошей полкопы, намету, которая коштовала пять грошей,—только ее у одной кошули пустили. У Дашка Волошина у дому взяли жупанъ Лунский синий, который коштовалъ две копе и двадцать грошей, ярмаковъ два Лунскихъ—одинъ синий а другой блавитный, которые кождый съ нихъ коштовалъ по три копы и по двадцати грошей; у Ермолы въ дому взяли ложниковъ два, которые кождый коштовали по сороку грошей, плахоть четыре на цолы съ черцемъ, которые кожда коштовали по двадцати и по два грошей, полотна тонкого локоть сорокъ, кождый локоть стоялъ по два гроши, кошуль женскихъ шесть, кожда коштовала по дванадцать грошей, кошуль мужскихъ четыре, кожда съ нихъ коштовала по осмъ грошей, кожухъ бараний, за которого дано полъсемадесать грошей; у Саветва въ дому взяли ярячвовъ два Лунскихъ—одинъ блавитный а другой синий, кождый съ нихъ коштовалъ по три копы

и по двадцати грошей; розбивши бодню, взяли въ той бодни копь шесть грошей, полотна тонкого кужельного суюевъ пять, въ которыхъ суюяхъ было локоть сто и сорокъ, кождый локоть стоялъ по полтретя гроша, плахоть шесть черчатыхъ, кожда стояла по золотому, лезиво ремяное, которое коштowało полчетвертадесять грошей. Петра Ивановича тамъ же въ селе, въ дому его, самого збили, змордовали и зранили, маестности его побрали, то есть: ярмяковъ три взяли—два Лунскихъ, одинъ синій а другой блавитный, которые коштovali кождый по три копы и по полчетвертадесять грошей, а третій Муравский, который коштowałъ две копе грошей, грошей готовыхъ въ коморе, розбивши скриню, взяли копь девять, полотна локоть осмьдесятъ, кождый локоть стоялъ по полтретя гроша, ложниковъ два—одинъ цвѣткованый, а другой серый, которые коштovali по петдѣсять грошей, сермяхъ две, которые коштovali по сороку грошей, плахоть добрыхъ черленыхъ пять, кожда зъ нихъ стояла по петдѣсять грошей, кошуль женскихъ товнѣхъ шесть, кожда зъ нихъ стояла по петнадцать грошей, наметокъ нерозрезываныхъ локоть сорокъ, кождый локоть стоялъ по три гроши. Игната Ковалевича, въ дому его власномъ, его самого збили, змордовали и зранили, и маестности его побрали зъ дому его власного, то есть взяли: ярмяковъ три Лунскихъ—два блавитныхъ, которые кождый коштovali по три копы и по двадцати грошей, а третій синій, который коштowałъ полчварты копы грошей, кожухъ заечій, суюномъ Лунскимъ синимъ критый, который коштowałъ полпяти копы; розбивши бодню, взяли зъ нее грошей готовыхъ копь дванадцать, полотна локоть семдѣсятъ, кождый локоть стоялъ по два гроши, плахоть добрыхъ черленыхъ девять, кожда зъ нихъ стояла по сороку грошей, кошуль жонскихъ десеть, кожда зъ нихъ стояла по шеснадцати грошей кошуль мужскихъ шесть, кожда зъ нихъ стояла по дванадцати грошей, кожухъ чабанский, за которого даво осмьдесятъ грошей, полгаеъ съ пороховницею и зъ гамалеєю. Тызъ подданныхъ звышъменованныхъ обохъ, Петра и Игната, збивши и поранивши ихъ, и маестности ихъ побравши, повязавши ихъ, зъ собою до Кюдни побралъ, и приведши до Кюдни, держалъ у везеню два дни; кды третій день пришлоъ, казалъ ихъ повешати, ажъ се обадва

мусели окупить—Игнать далъ за себе копь шесть грошей, жебы его не казалъ повесети, а Петръ мусель дати копь пять грошей, также абы его не казалъ повесити. Въ тотъ же часъ, егда чинили егвалтъ, въ селе Пескахъ поймалъ человекъ девять,—поймавши и повязавши, зъ собою до Кюдни побралъ, которыхъ людей и до сихъ часовъ немаєшь,—нетъ ведома где ихъ подевалъ, то есть: одного Еста, другого Магара, третего Евтуха, четвертого Бориса, пятого Якина, шостого Ивана, семого Каленика, осмого Гришка, девятого Кюстя. Чинивши егвалтъ въ селе Пескахъ, и поехалъ зъ села, и выехалъ на толоку Песоцкую и Луцкую, занялъ череду, и съ тое череды выбралъ воловъ што лепшихъ осмъдесять, коней ездныхъ тридцать и осмъ, которые волю коштовали кождый купленный по две копе грошей личбы Литовские, а кони кождый зъ нихъ купленный по шести копь грошей личбы Литовское. Тамъ же, на той же толоце, побрали волю съ плуговъ и кони, которые были при плугохъ: у Тимоша взяла плугъ воловъ, въ томъ плузе было воловъ десеть, пять съ тыхъ воловъ за кождого зъ нихъ дано по полтрети копы грошей, за другую пять воловъ по две копы грошей, железа плуговые, за которые дано золотый соверу, за которую (дано) грошей десеть, кони два—одинъ вороный, за которого дано копь полсема, а другой гнедый зъ седломъ, за которого дано полшесты копы грошей, за седло копу грошей, ручницу и съ пороховницю, за которую дано полсемадесять грошей, рогатину, за которую дано дванадцать грошей; у Левка Лисинского а у Аврама Мокея взяли, плугъ воловъ, въ томъ плугу было воловъ десять, пять съ тыхъ воловъ—за кождого зъ нихъ дано по две копы и по сорку грошей, а за другую пять воловъ—по две копы и по десети грошей, железа плуговые, за которые дано золотый, совиру, за которую дано грошей дванадцать, кони два—одинъ серый, за которого дано копь шесть грошей, другой гнедый, за которого дано полъосмы копы грошей, ручницъ две и съ пороховницами, за которые кождую дано по копе грошей; у Евтуха, а у Василя и у Мирона взяли плугъ воловъ, въ которомъ плузе было воловъ десеть, пять съ тыхъ воловъ за кождого зъ нихъ дано по три копы и петдесети грошей, а за другую пять дано, за кождого зъ нихъ, по две копы грошей, железа плуговые, за которые дано двадцать и шесть грошей, собира,

за которую дано дванадцать грошей, кони два, одинъ вороный, за второго дано семь копъ и дванадцать грошей, другой серый, за которого дано полшести копъ грошей, сагайдакъ въ лукомъ и съ стреламе, въ которомъ сагайдаку было стрелъ три десятка, который сагайдакъ зо всемъ коштовалъ конь три, кордъ, за который дано сорокъ грошей. Побравши, пограбивши тые вси воли и кони помененные на власнымъ вгрунте его милости пана Гаврила Горностая, воеводы Берестейского, старосты Менского, державцы Каменецкого, моего милостивого пана, отослалъ до Кодни, а самъ ехалъ до Житомира. И кгда се вернулъ зъ Житомира, на завтрешний день въ субботу, на власномъ вгрунте Тулинскомъ наехалъ двоухъ подданныхъ пана моего милостиваго, зъ села Песокъ, косячи сено, на йма одного Федора а другого Савку,—наехавши, тыхъ то звышъменованныхъ, одного, на йма Савку, збилъ и зранилъ, а другого, Федора, збивши, змордовавши и повесилъ на березе, которого Янко Венцковичъ Войтковский змиловавнися, оттятъ. У тыхъ то двоухъ звышъпомененныхъ подданныхъ пана моего на тотъ часъ самъ особою своею побралъ: у Федора клячу гнедую изъ возомъ, косу и сермягу,—за клячу дано копъ пять грошей, за косу дано грошей девять, а за сермягу дано грошей сорокъ; а у другого, Савки, взялъ сермягу, за которую дано грошей полчетвертадесять, косу, за которую дано грошей десять, ручницу, за которую дано грошей петдесать, сокиру, за которую дано грошей осмь. Шлюды тые, которые починилъ его милость панъ воеводичъ Берестейский, кгда наехалъ вгвалтовне на власный крунтъ Тулинский, подъ место Тулины, на поле мещаномъ Тулинскимъ, двя вышъменованого, месеца юля тридцать первого дня, то есть: у Стеца Микитича потоптали и въ ни во што обернули жита ниву, на которой передъ тымъ нажиналъ копъ тридцать, ячменю ниву, на которой нажиналъ копъ сорокъ; у Артюха ниву гречки, на которой нажиналъ передъ тымъ копъ петдесать, овса ниву, на которой нажиналъ копъ сорокъ; у Степана Олизаровича ниву овса, на которой передъ тымъ нажиналъ копъ петдесать, гречки ниву, на которой нажиналъ копъ петдесать; у Ивана ниву овса, на которой передъ тымъ нажиналъ копъ сорокъ; у Мариа ниву овса, на которой нажиналъ копъ сорокъ; у Трохиша ниву овса, на которой нажиналъ

копъ петдесятъ; у Явима ниву гречки, на которой нажиналъ копъ сорокъ; у Устиана Чоботаря две ниве гречки, на которыхъ нажиналъ копъ сто и тридцать; у Яцеа Волошина две нивы гречки, на которыхъ нажиналъ копъ сто и сорокъ; у Макара Нестеревица ниву проса, на которой нажиналъ копъ сорокъ; у Пархома Нестеренка ниву овса, на которой нажиналъ копъ тридцать, ниву гороху, на которой накошивалъ возъ тридцать; у Васка Ковалевича ниву жита, на которой нажиналъ копъ осмдесятъ, гречки ниву, на которой нажиналъ копъ осмдесятъ, прядива ниву, на которой бы былъ набралъ копъ десять, гороху нива, на которой накошивалъ возъ тридцать; у Антона Гордеевича ниву овса, на которой нажиналъ копъ сорокъ; у Якуба Гончера две ниве овса, на которыхъ нажиналъ копъ сто и тридцать; у Кузмы Влашиновича две ниве овса, на которыхъ нажиналъ копъ сто, гречки ниву, на которой нажиналъ копъ петдесятъ; у Сидора ниву гречки, на которой нажиналъ копъ сорокъ, конопель польнивы, на которой набралъ бы былъ копъ шесть; у Семена Низоцкого две ниве овса, на которыхъ нажиналъ копъ сто и тридцать, ячменю ниву, на которой нажиналъ копъ шестьдесятъ, проса ниву, на которой бы былъ нажалъ копъ сорокъ; у Макара Низоцкого овса две нивы, на которыхъ нажиналъ копъ шестьдесятъ, проса ниву, на которой бы былъ нажалъ копъ шестьдесятъ; у Сергея ланъ жита, на которомъ нажиналъ копъ сто и сорокъ; у Ивана попа две ниве овса, на которыхъ нажиналъ копъ сто и тридцать; у Михна ниву гречки, на которой нажиналъ копъ шестьдесятъ, овса ниву, на которой нажиналъ копъ пятьдесятъ. А збожя его милости цана моего, власного, дворного: жита лановъ два, на которыхъ нажиналося копъ двесте и сорокъ, пшеици лановъ два, на которыхъ нажиналося копъ сто и десять, овса ланъ, на которомъ нажиналося копъ осмдесятъ. А зъ села Лещина збожя вичельякого подоптали и жи во што обернули, то есть: у Гапона овса нивъ три, на которыхъ нивахъ нажиналъ копъ сто и сорокъ, гречки нивъ три, на которыхъ нажиналъ копъ шестьдесятъ, гороху нива, на которой накошивалъ копъ двадцать, прядива нива, на которой набралъ бы былъ копъ пять; у Павла Мишновича гречки нивъ три, на которыхъ нажиналъ копъ осмдесятъ; у Ивана ниву ячменю, на которой нажиналъ копъ сорокъ, прядива

нивка, на которой бы былъ набралъ копь четыре; у Антона Тимошевича нивъ две овса, на которыхъ нажиналъ копь петдесятъ; у Федора Скоробогатва овса нивъ три, на которыхъ нажиналъ копь сто и сорокъ, гречки нивъ две, на которыхъ нажиналъ копь полъ-петадесять, гороху нива, на которой навошивалъ копь пятдесятъ; у Конона Гриневича жита нивъ две, на которыхъ нажиналъ копь осмъ-десятъ, гречки нивъ три, на которыхъ нажиналъ копь сто; у Опанаса Губки гречки нивъ чотыри, на которыхъ нажиналъ копь полтораства; у во Йвана Брегица ниву овса, на которой нажиналъ копь петдесятъ; у Савки Леляковича ниву ячменю, на которой нажиналъ копь тридцать, гречки ниву, на которой нажиналъ копь сорокъ; у Стаса Тенетиловича овса нивъ две, на которыхъ нажиналъ копь сорокъ, гречки ниву, на которой нажиналъ копь полтретядцать, прадива нивва, на которой набралъ бы былъ копь шесть; у Антона Ивановича жита нивъ две, на которыхъ нажиналъ копь петдесятъ, овса ниву, на которой нажиналъ копь тридцать, гречки ниву, на которой нажиналъ копь тридцать; у Аврама маку ниву, на которой натрасъ бы володъ чотыри меры Тулинское, прадива ниву, на которой набралъ бы былъ копь семь; у Романа Гомона шпеници нивъ две, на которыхъ нажиналъ копь осмъ-десятъ, ячменю нивъ две, на которыхъ нажиналъ копь сорокъ, маку нива, на которой натрасъ бы былъ володъ три меры Тулинское, прадива нивку, на которой набралъ бы былъ копь пять, конопель ниву, на которой набралъ бы былъ копь чотыри; у Каленика Подолянина овса нивъ три, на которыхъ нажиналъ копь шестьдесятъ, гречки нивъ две, на которыхъ нажиналъ копь сорокъ; у Семена Уса гречки нивъ две, на которыхъ нажиналъ копь тридцать; у Митѣ Савосткевича овса нивъ две, на которыхъ нажиналъ копь сто; у Куряна Савича овса нивъ две, на которыхъ нажиналъ копь шестьдесятъ; у Грицка ниву овса, на которой нажиналъ копь двадцать, гречки ниву—нажиналъ копь полтретядцать; у Каленика Даниловича гречки ланъ, на которомъ нажиналъ копь шестьдесятъ; у Евсея Даниловича ячменю ниву, на которой нажиналъ копь сорокъ, овса ниву, на которой нажиналъ копь сорокъ; у въ Омельяна овса нивъ две, на которыхъ нажиналъ копь тридцать, гречки ниву, на которой нажиналъ копь полчвертадесять; у Ждана Ковалевича гречки

ниву, на которой нажиналъ копь тридцать; у Богдана Федоровича пшеницы ланъ, на которомъ нажиналъ копь сто и десять; у Логвина десятника гречки ниву, на которой нажиналъ копь тридцать; у Дениса Дудчеча ниву гречки, на которой нажиналъ копь двадцать; у Антона Берebtчича ниву гречки, на которой нажиналъ копь полтредцать; у во Йвана Снежка овса ниву, на которой нажиналъ копь тридцать; у Лукаша ланъ овса, на которомъ нажиналъ копь петдесять; у Вакулы Сорочича гречки ниву, на которой нажиналъ копь полтредцать. А на Луцкомъ поли потоптали збожя и ни вошто обернули, то есть: у Федора, атамана Луцкого, нивъ три жита, на которыхъ нажиналъ копь полтора; у Петра Омеляновича жита нивъ две, на которыхъ нажиналъ копь сто и тридцать, гречки ниву, на которой нажиналъ копь петдесять; у Федора Патрикевича гречки две ниве, на которыхъ нажиналъ копь осмъдесять, овса нивъ две, на которыхъ нажиналъ копь сто; у Ивана Василевича ячменю ниву, на которой нажиналъ копь осмъдесять, овса ниву, на которой нажиналъ копь петдесять, гречки нивъ две, на которыхъ нажиналъ копь сто; у Матфея Михалевича жита нивъ две, на которыхъ нажиналъ копь сто, гречки нивъ две, на которыхъ нажиналъ копь осмъдесять, овса нивъ две, на которыхъ нажиналъ копь деведсять; у Мивиты жита нивъ две, на которыхъ нажиналъ копь осмъдесять, ячменю ниву, на которой нажиналъ копь осмъдесять, прадива ниву, на которой бы было копь осмъ, конопель нива, на которой бы былъ набралъ копь деветь; у Терешка Першковича жита ниву, на которой нажиналъ копь осмъдесять, проса ниву, на которой бы былъ нажалъ копь петдесять, прадива ниву, на которой бы былъ набралъ копь шесть; у Нестера жита ниву, на которой нажиналъ копь семдесять; у Филипа Корнеевича проса нивъ две, на которыхъ нажалъ бы былъ копь тридцать, гречки ниву, на которой нажиналъ копь двадцать; у Гришка Подлеска ниву жита, на которой нажиналъ копь сорокъ; у Мишка Деревоеда жита нивъ две, на которыхъ нажиналъ копь пятдесять, ячменю нива, на которой нажиналъ копь двадцать, гороху нива, на которой нажошивалъ копь двадцать, мау нива, на которой натрасъ бы былъ колюдь три меры Тулинское; у Семена Телсвча гречки нивъ две, на которыхъ наживалъ копь сорокъ; у Мой-

сая Межирецкого гречки ниву, на которой нажиналъ копь тридцать; у Радивона Першиовича ниву гречки, на которой нажиналъ копь сорокъ; у Карпа Корнесича проса ниву, на которой нажалъ бы былъ копь петдесять; у во Ивана Кушнера прадива ниву, на которой набралъ бы былъ копь чотыри; у Павла гречки нивъ две, на которыхъ нажиналъ копь петдесять; у Яцеа Костюковича жита нивъ три, на которыхъ нажиналъ копь петдесять, проса ниву, на которой нажалъ бы былъ копь двадцать; у Ярофея Голуба овса ниву, на которой нажиналъ копь полтредцать; гречки ниву, на которой нажиналъ копь полтредцать; у Опанаса жита нивъ три, на которыхъ нажиналъ копь сто и десять, овса нивъ две, на которыхъ нажиналъ копь петдесять, гречки ниву, на которой нажиналъ копь тридцать, гороху ниву, на которой накошивалъ копь сорокъ; у въ Ильи ниву жита, на которой нажиналъ копь тридцать; у Лувана Яромовича жита ниву, на которой нажиналъ копь двадцать, гречки ниву, на которой нажиналъ копь тридцать; у Кузми Брагинца жита ниву, на которой нажиналъ копь двадцать, овса ниву, на которой нажиналъ копь сорокъ, проса ниву, на которой нажалъ бы былъ копь петдесять, гречки ниву, на которой нажиналъ копь тридцать; у Андрея жита нивъ две, на которыхъ нажиналъ копь пятдесять; у Максима Кожи гречки ниву, на которой нажиналъ копь тридцать; у Яроша гречки нивъ две, на которыхъ нажиналъ копь пятдесять, проса ниву, на которой нажалъ бы былъ копь двадцать, овса ниву, на которой нажиналъ копь тридцать, жита ниву, на которой нажиналъ копь дватцать; у Кондрата Ходоровича жита нивъ две, на которыхъ нажиналъ копь тридцать, проса ниву, на которой нажалъ бы былъ копь тридцать. А на цели Среднего села збожя подоптали и въ ни вошто обернули, то есть: у Ждана Роевича овса ниву, на которой нажиналъ копь тридцать, гречки ниву, на которой нажиналъ копь двадцать, ярицы ниву, на которой нажиналъ копь двадцать; у Богдана Короткого овса лань, на которомъ нажиналъ копь сто, гречки лань, на которомъ нажиналъ копь петдесять; у Ждана Черепеги гречки лань, на которомъ нажиналъ копь семдесять, гороху ниву, на которой накошивалъ копь десеть, овса ниву, на которой нажиналъ копь петдесять, ячменю ниву, на которой нажи-

наль копъ сорокъ, маку ниву, на которой натрасъ бы былъ ко-
ладъ две меры Туминское, жита ниву, на которой нажиналь копъ
тридцать; у Мариа Протасовича жита ниву, на которой нажиналь
копъ двадцать, овса ниву, на которой нажиналь копъ тридцать; у
Ондreja Толстого овса ниву, на которой нажиналь копъ шестьдесятъ,
ячменю ниву, на которой нажиналь копъ десеть, прадива ильгнны,
на которой набралъ бы былъ копъ пять; у Васка Мельника гречки
ниву, на которой нажиналь копъ двадцать, жита ниву, на которой
нажиналь копъ тридцать. На поля села Песецкого потоптали збожи
и въ нивошто обернули, то есть: у Тимошка, отамана Песецкого,
овса ланъ, на которомъ нажиналь копъ семьдесятъ, гречки ланъ, на
которомъ нажиналь копъ полъосмьдесятъ, конопель ниву, на ко-
торой набралъ бы былъ копъ семь; у Еремея овса ниву, на кото-
рой нажиналь копъ тридцать; у Вавули гречки ниву, на которой
нажиналь копъ полъгредцать; у Семена Кисляченва жита нивъ
два, на которыхъ нажиналь копъ петдесать, пшеницы ниву, на ко-
торой нажиналь копъ тридцать; у Василя нивъ три жита—одну,
на которой нажиналь копъ двадцать овса, другую ниву, на кото-
рой нажиналь копъ двадцать пшеницы, третую ниву, на которой
нажиналь копъ полъгредцать; у Яцеа Цовотуна жита ланъ, на ко-
торомъ нажиналь копъ семьдесятъ, гречки лановъ два, на которыхъ
нажиналь копъ петдесать, овса лановъ два, на которыхъ нажиналь
копъ осмьдесятъ; у Петра Ивановича жита нивъ две, на которыхъ
нажиналь копъ тридцать, овса нивъ две, на которыхъ нажиналь
копъ сорокъ, проса ниву, на которой бы былъ нажалъ копъ двад-
цать, гречки нивъ две, на которыхъ нажиналь копъ полъгредцать;
у Игната Чорьтка пшеницы ниву, на которой нажиналь копъ
тридцать, жита ниву, на которой нажиналь копъ сорокъ, овса ниву,
на которой нажиналь копъ двадцать; у Савки овса ниву, на кото-
рой нажиналь копъ тридцать; у въ Андрея Процевича гречки ниву,
на которой нажиналь копъ двадцать; у Федора жита ниву, на ко-
торой нажиналь копъ тридцать, гречки нивъ две, на которыхъ на-
жиналь копъ петдесать; у Васка Мельника гречки ниву, на кото-
рой нажиналь копъ двадцать, жита ниву, на которой нажиналь
копъ тридцать; у Ониска жита ниву, на которой нажиналь копъ

двадцать, гречки нивъ две, на которыхъ нажиналъ копъ сорокъ; у Грицка Чорного жита нивъ две, на которыхъ нажиналъ копъ двадцать, проса нивъ две, на которыхъ нажиналъ копъ сорокъ, гречки нивъ две, на которыхъ нажиналъ копъ петдесятъ, овса ниву, на которой нажиналъ копъ тридцать. У Давила Протасовича ниву пшеницы, на которой нажиналъ копъ тридцать, овса ниву, на которой нажиналъ копъ двадцать; у Романа Кисляка пшеницы ниву, на которой нажиналъ копъ сорокъ, жита ниву, на которой нажиналъ копъ тридцать; у Тишка Гири жита ниву, на которой нажиналъ копъ тридцать; у Левка пшеницы ниву, на которой нажиналъ копъ петдесятъ, овса ниву, на которой нажиналъ копъ тридцать. Также тежъ и всѣ сеножати на поляхъ: Тулинскихъ, Луцкихъ, села Середного и села Пѣсовъ, на которыхъ сеножатехъ укошувано стирть (sic) три тысячи, въ которыхъ стиртахъ въ каждую стирту кладувано и скидувано возовъ по осмѣдсать, — то дей все его милость панъ Фридрихъ Тишкевичъ Логойскій, воеводичъ Берестейскій, дня звышъмененого, самъ особою своею и съ помощниками своими, вышъменоваными, тые всѣ шкоды поменены починивши, за наеханемъ кгвалтовнымъ, побравши и пограбивши, и до имени своего, до мѣста Кудни, такъ товары, яко кони и маетности и самыхъ подданныхъ вышъменованныхъ отвезли, отнекли, отвель, отогнали и отпровадилы, а иншихъ дей побилы, поранили, помордовали, жоны, дети розогнали, яко ся вышей поменило. И просилъ вридниъ Тулинскій велможного пана его милости, пана Гаврила Горностая, воеводы Берестейского, старосты Менского, державцы Каменецкого, панъ Романъ Борисовичъ Максимовскій, о придане возного на огледане того кгвалтовного наеханя и починеня шкодъ въ збожахъ, и о побите и пораненя подданныхъ пана его, и о побране и пограбене маетностей ихъ. Ямъ ему зъ уряду придалъ возного земли Киевское, шляхетного Ждана Щениевского, который возный, тамъ бывши и того всего огледавши, и постановившися передо мною, на вриде, въ року теперь идучомъ осмѣдсать семомъ, месяца августа четвертого дня, очевисто, ку записованю до книгъ, тыми словы созналъ и тое сознание свое на письме, съ подѣписомъ руки своее, подалъ: Я Жданъ Щениевскій, возный земли Киевское, визнаваю

тымъ моиѣмъ квитомъ, ву записованю до внигъ замку господарского, Житомирского, ижъ будучи мне приданый зъ уряду замку господарского, Житомирского, на справы вельможного пана его милости, пана Гаврила Горностая, воеводы Берестейского, старосты Менского, державцы Каменецкого, во именахъ его милости, лежачихъ у повете Киевскомъ, то естъ: въ мѣсте въ Тулинахъ, въ селе въ Луце, въ Среднемъ, въ сели въ Заставью и въ селе Песвахъ, тамъ же, за оказанемъ и обвоженемъ вриадника его милости, Тулинского, пана Романа Борисовича, року теперь идучого тысеча пятьсотъ осмьдесятъ сего, месяца августа третего дня, видель есми подъ местомъ Тулинскимъ, на власномъ кгрунте его милости пана воеводы Берестейского, на поли, почонши отъ тое дороги, которая идетъ съ Кудни до Тулинъ, пашню побитую, потоптаную, покошеную и шляхъ великий по пашнѣ, — знать же конные и возами и пешие, — потоптано жита, пшеницы, ячменя, овса, проса, гречки, гороху, ярицы, маки, прядива, конопли, и вшелявые збожа, который тотъ слѣдъ одъ мѣста Тулинъ попелъ пашнею ажъ до села Пѣсокъ; тамъ же, въ томъ селѣ, видиль есми и слыпалъ крикъ людей немалыхъ, нарекане и плачь; видель тежъ есми у пяти дворахъ двери сѣнешные повырбуваные, стрелами постреляны, и зъ рушницъ попробиваны. Тамъ же, за оказанемъ, видель есми на подданомъ его милости, на ймя на Петру Ивановичу, ранъ кровавыхъ, рубаныхъ, шкодливыхъ чотыри у голове, съ которыхъ ранъ — не вѣдати будетъ ли живъ; а на Игнату Ковалевичу видель есми ранъ шкодливыхъ две въ головѣ, рубаныхъ, кровавыхъ; а на Савцы Омеляновичу видиломъ на чолѣ, на рогу, рану тятую, кровавую, и коса (sic) перетята, которую се дей былъ зложилъ тое збыте и зранене подданые его милости, звышъменованые, шкody себе менили бы отъ пана Фридриха Тишкевича Логойского, воеводича Берестейского, — же дей самъ особою своею, зъ многими слугами, подданными и помошниками своими, а меновите: зъ Янкомъ Венцковичомъ Войтковскимъ, Станиславомъ Купою, Юзефомъ Яблонскимъ, — могло дей ихъ бытъ о шестьсотъ, — коньно и збройно, злоружемъ, войне належачимъ, зъ гаковницами, и зъ рушницами и зъ ыншимъ многимъ оружемъ, часу не давно минулого, у пятницу, месяца юля тридцать первого дня, въ року теперепнемъ осмьдесятъ сего, наехалъ мощно, вгвалтомъ,

на имени его милости пана воеводы Берестейского, предъреченныя, подданыхъ дей побилъ, помордовалъ, поранилъ, внишихъ потопилъ, а внишихъ повѣсивши и поотгиналъ, а внишихъ дей не вѣдати где подевалъ, а меновите то есть: Есифа, Макара, Евтуха, Бориса, Ивана Ивана, Каленика, Гришка, Костя, и тыхъ дей и до сего часу вѣдомости о нихъ мети не могутъ,—чи потопилъ, чи ихъ зъ собою перабралъ. Въ тотъ же дей часъ шводи немалые починили, яко есть ширей меловите и достаточне на омоведаню вѣрдовомъ написано и доложено, што те все мною, вознымъ, осветчили и поведили и оказали. Тамъ же, зъ села выехавши, видель есми шляхъ не малый пополь до Кюдни, збожя розмантого и сеножатея травы потоптаую вдоль на милоу, а вширь на польмили. А при мне, возномъ, на той всей справе были стороною шляхта: панъ Матей Заремба а панъ Иванъ Дмитровичъ. И на томъ я, возный, звышъменованый, ку записованью до книги замку господарского, Житомирского, далъ сей мой квити съ подписомъ руки моее власное. Писалъ въ Житомиру, року восемьдесятъ сегого; месяца августа четвертого дня. Которое очевистое совнание и квити возного у книги замку господарского, Житомирского, записати казалъ. Што есть записано.

Книга Житомирская вродская, поточная, 1582—1588 г., № 3, листъ 254.

LXV.

Сознаніе возного по дѣлу о крестьянахъ пана Андрея Слягура изъ села Ноздрыша, ушедшихъ въ имѣніе князя Константина Острожского, мѣстечко Бѣлогородку. Одинъ изъ нихъ показалъ возному, что дѣйствительно, онъ, вмѣстѣ съ другими четырьмя крестьянами, угодилъ въ мѣстечко Бѣлогородку, но возвратился оттуда, такъ какъ тамъ пашутъ плугами и для него, по его бѣдности, это было отяготительно; подкоморій же Кіевскій, Харлинскій, ихъ не презывалъ, и въ имѣніе его, Хабенское, они не заходили, а даже миновали его ночью, изъ опасенія, чтобы съ нихъ не взяли мимоходчины. 1587 г., ноября 13 дня.

Року 1587, месяца ноября 13 дня.

Постановившия очевисто на вряде господарскомъ, Житомирскомъ, передо мною Войтехомъ Жолтинскимъ, подстаростимъ

Литомарсвиць, возный воеводства Киевского, Янъ Вотъковскій, ку записаню до книгъ вридовыхъ созналъ тыми словы: ижъ дей року теперь идучого, тисеча пятсотъ осемьдесятъ сегого, месяца октября девятого дня, былъ есми на справе и потребе его милости, пана Щасного Харлинскаго, подвоморого земле Киевское,—ездилъ есми до имени пана Андрея Синьгура, до Ноздришъ, лежачого въ повете Киевскомъ, съ приятелемъ его милости пана Харлинскаго, съ паномъ Стефаномъ Родкевичомъ; а на тотъ часъ при насъ была сторона люди добрые: панъ Флорианъ Павловскій, а панъ Собестьянъ Воменскій. Кгды есмо были у томъ селе Ноздриши, прѣхали есмо до дому подданого пана Синьгурового, на имя Ивана, тогда иптагъ панъ Родкевичъ того Ивана передо мною, вознымъ, и я передъ шляхтою, звышъпомененою, тыми словы: ижъ панъ твой, панъ Синьгуръ, его милость пана Щасного Харлинскаго, подвоморого земли Киевское, о тебе и о Гришка до каптуру позываетъ. Онъ на то поведиль, ижъ насъ пять съ того имени пана Андрея Синьгура, Ноздришъ, прочъ было пошло, и были есмо во имену его велижное милости княжати Константина Острозскаго, воеводы Киевскаго, маршалка земли Волинское, у Белогородцы; ишли, ижъ я Иванъ и Гришко назадъ есмо ся тутъ, до Ноздришъ, вернули, для тое причины, же не мели ся есмо чимъ живити, кгды жъ тамъ на насъ была тяжкая работа, бо плугами робять, а насъ два не мели статю, чимъ бы ся мели поживити. А тамъ, въ Белогородци, трей ся зостали, то есть: Федко, а Федоръ Годуновичъ, а Андрей Ширневичъ,—бо статокъ мають, и тымъ ся тамъ зостали; а што панъ нашъ его милость пана Харлинскаго о насъ позываетъ, тогда вождому волно позывати. Ино, кгды есмо шли зъ Ноздриша прочъ, не бачили есмо вридика Хабенскаго, а не жадного человека, подданного его милости пана Харлинскаго; и шли есмо гостинцемъ велижомъ Киевскомъ, не бываючи у Хабномъ, але, перешедши мость чрезъ Упу, шли есмо ночью подле острога Хабенскаго, коло места, абы насъ никто не видалъ, и мимоходщины абы на насъ не взо; и нигде въ селахъ Хабенскихъ есмо не были и не стояли, и невинне дей панъ нашъ о насъ позываетъ, бо дей о томъ никто не видалъ, и насъ не вычочоваль, але дей мы, по доброй воли своей;

пошли были есмо прочь. А такъ я тое очевистое сознаие возного до книгъ вродовыхъ записати есми казалъ.

Книга Житомирская вродская, поточная, годъ 1582-1588, № 8, листъ 302-й.

LXVI.

Закладная подстолия Волынской земли, Криштофа Витвинского и жены его Александры, пану Максиму Ивановичу Лудовичу на имѣніе Хреново, съ передачею ему права казнить крестьянъ смертию. 1588 г., февраля 9 дня.

Року 1588, месяца февраля первогоднацать дни.

На вряде вродскомъ, въ замку господарскомъ, Володимерскомъ, передъ нами Анѣдреемъ Романовскимъ, подстаростимъ, а Федоромъ Курцевичомъ, судею, вродники вродскими, Володимерскими, ставши очевисто ихъ милость панъ Криштофъ Витвинскій, подстолий земли Волынской, и малжонка его милости, пани Александра Боговитиновна Кутенского, ку записаню до книгъ сознали, водле листу своего заставного, на заставу имения своего, Хренова, въ суме пенезей двохъ тисечей золотыхъ Полскихъ, пану Максиму Лудовичу, подъ печатми своими и съ подписомъ рукъ своихъ, такъ тежь подъ печатми и съ подписомъ рукъ людей добрыхъ даного, и тотъ листъ передъ нами повладали, просечи, абы былъ до книгъ вродскихъ вписанъ. Которого мы принявши, и его передъ собою вычитать казавши, за прозбою ихъ милости, слово отъ слова, до книгъ вписати есмо казали, и такъ ся въ себе маеть: «Я Криштофъ Витвинскій, подстолий земли Волынской, а я Александра Боговитиновна Кутенского, малжонка его милости, обое яко одно, а одно яко обое, чинимъ явно и визнаваемъ то симъ нашимъ добровольнымъ записнымъ листомъ кождому, кому бы того теперь и на потомъ потреба была

ведати, ижь маючи мы имене свое властное, ни кому ни чимъ не пенное а ни заведеное, въ повете Володимерскомъ лежачое, все зуполное село Хреновъ, зъ дворомъ, людьми, кгрунты, всеми принадлежностями и пожитки, я, Криштофъ Витвинский, вечностью, правомъ прирожонимъ и спадковымъ и набытымъ купленнымъ, а я, Александра, малжонка его милости, маючи отъ его милости пана малжонка моего, на половицы того именя, Хренова, суму пенезей две тисечи золотыхъ Полскихъ записаныхъ, а будучи обое мы пилене потребны сумы пенезей, и позывивши а сполными руками нашими узавъвши у пана Магъсыма Ивановича Лудовича суму певную пенезей две тисечи золотыхъ Полскихъ, въ которой суме пенезей, въ тыхъ двоухъ тисечахъ золотыхъ Полскихъ, заставили и заразы въ моць, владность, въ держане и уживане, вядовне при возномъ, зъ уряду кгородского, Володимерского, на то приданымъ, Исакию Долматскомъ и шляхте, при немъ будучой, поступили и подали есмо впередъ менованому пану Магъсиму тое имене паше, звышьпомененое, Хреновъ, все зъ доймою, то есть: зъ дворомъ, и зо всимъ будованемъ, и зъ садбишемъ дворнымъ, огородами, полми засеянными и не засеянными, зъ сеножатми, до того двора належачими, зъ ставомъ, млыномъ, корчмою, зъ дубровами, гаями, запустами, зарослями, зъ людьми подворищными, тяглыми, огородниками, съ цыншами грошовыми и овсяными, платы, доходы, пожитки, службами, работами и зо всеми повинностями, зъ нихъ приходячими, и зъ присудомъ тыхъ людей, Хреновскихъ, во всякихъ выступехъ, бранемъ пересудовъ, куницъ змерныхъ, винъ, и съ каранемъ таковымъ, которое хочъ бы ся и горла дотыкало, и тежь куницами и сорочками поемными, зъ дворищи пустыми и со всимъ на все, яко се тое имене, Хреново, само въ себе, пожитковъ и границахъ и обыходехъ своихъ маеть, яко за отца моего Криштофа, небожчика пана Бартоша Витвинского, держано было, и якъ мы сами держали, ничего на себе, на дети наши, братью и сестръ моихъ, Криштофовыхъ, и ни которыхъ близвяхъ, кривныхъ, повиноватыхъ насъ обойга, и ни на кого иншого съ того именя, Хренова, и пожитковъ въсякихъ, малыхъ и великихъ, якимъ колвекъ именемъ або прозвискомъ названыхъ и въ семъ листе нашомъ помененыхъ и не помененыхъ, въ

тому имену, Хренову, належащихъ, не выѣмучи а ни заставляючи,— которое имене Хреново, все, зъ доймоу, зо воѣмъ на все, заставили еемо пану Максиму рокомъ певнымъ, то есть меновите почавши отъ месеца теперешнего феврала девятого дня, въ року теперь идучомъ тысяча пятьсотъ осмьдесятъ осмомъ, до светого Мартина света Римского, которое свето маеть быти въ томъ же року теперешнемъ осмьдесятъ осмомъ, месеца ноябра первоенадцать дня. Маеть панъ Максимъ, або и тотъ, хто бы потомъ тое имене, Хреново, держалъ, зо всѣмъ на все, яко ся звышь поменяю, што ся не поменяю, вгды жъ мы симъ занисомъ нашимъ то варуемъ: какъ помененое не помененому, а не помененое помененому, ничого шкодити и переказати не маеть, до того року, въ семъ листе нашимъ описаного,— на себе держати и вживати, и все съ того имена нашего, Хренова, въ пожитокъ свой, водле воли и подобана своего, якъ самъ належаи розумеючи, собе привлащати и подданныхъ, отъ насъ заставленныхъ, людей Хреновскихъ, судити, радити, пересудъ, кувници змерные и вины зъ нихъ брати, и каждого выступного, водле заслуги, карати. А мы всю суму пенезей, две тисечи золотыхъ Полскихъ, грошми готовыми, талярми старыми, або чирвоными золотыми Угорскими, справедливыми, добре важными, а не жадными фанты, на рокъ, звышьпомененый, на местцу певномъ, въ замку господарскомъ, Володимирскомъ, отдать маемъ. А если быхмо на тотъ рокъ, въ семъ листе нашимъ описаный, на день светого Мартина, на местцу менованомъ, въ замку Володимирскомъ, пану Максиму, або тому, кому сесь листъ нашъ записный служити будетъ, тое сумы пенезей, двохъ тисечей золотыхъ Полскихъ, не отдали, а того именья нашего, Хренова, не окупили, тогда маеть панъ Максимъ, або тотъ, у кого сесь листъ нашъ будетъ, отъ того тамъ часу, одъ дня светого Мартина, до святого Юря света Греческого, которое будетъ въ року панскомъ, тисеча пятьсотъ девятьдесятъ первомъ,—а въ не отдано и на тотъ рокъ тое сумы пенезей, отъ оного часу и дня светого Юря до трохъ летъ суполныхъ, и такъ одъ трохъ годъ—до трохъ годъ, ажъ до отданя тое всее сумы пенезей, двохъ тисечей золотыхъ Полскихъ, съ такими жъ кондыцями и обовязки нашими, въ семъ листе нашимъ поменеными, и вторые нижей будутъ поменя-

ными, тое имене, Хреново, во всѣмъ тымъ, съ чимъ есмо заставили, на себе держати и уживати. А мы, промежку роковъ, то есть, кромѣ року описаного, и ознаймения врядового, того именя, Хренова, окуповати не маемъ и мочи не будемъ; але, егда бысмы на роуъ описанный, на светого Юря, тую суму пенезей отдати а имене Хреново окупити хотели, маемо обое и каждое зъ насъ пану Максиму, або на онъ часъ держачому, о томъ выкупе за шесть недель зуполныхъ передъ рокомъ черезъ возного ознаймити. А по отдаю отъ насъ грошей и выкупеню оногo именя, панъ Максимъ, або кому бы за часомъ тое право належало, оное имене, Хреново, другую шесть недель, для румацыи, або выпроваженья маетностей своихъ тыми жъ людьми Хреновскими, спокойне держати маеть, — а мы и нивоторые зъ насъ, и ни хто иный того боронити, и затрудненья въ томъ нивого делати, а поготову, не отдавши тое все сумы пенезей на роуъ описанный, въ тое имене, Хреново, и пожитки къ нему належачие, ни чимъ ся вступовати и нивоторое переказы въ держанью и уживаню того именя, сами черезъ себе и детей нашихъ, братю и сестръ моихъ, Крыштофовыхъ, и ни воторыхъ близкыхъ, кривныхъ, повинноватыхъ насъ обойга, такъ же врядниковъ, слугъ, бояръ и подданныхъ нашихъ, и ни черезъ вого иншого, пану Максиму и тому, хто бы тое имене держалъ, чинити и трудности задавати не маемъ, и тые, звышъпомененые, не мають, подъ закладомъ въ семь листе нашомъ нижеописанымъ. А где бы въ неотданю отъ насъ пану Максиму, або тому, въ вого сесь листъ напъ будетъ, тое всее сумы пенезей позычоное, и некупеню того именя нашего, на воторое зъ насъ панъ Богъ допустилъ смерть, тогда, хто зъ насъ живъ зостанеть, не на инший, одно на тотъ же роуъ, въ семь листе нашомъ описанный, тую всю суму пенезей позычоную, пану Максиму, або тому, у вого тое право будетъ, отдати, а тое имене наше, Хреново, окупити, и во всемъ ся, водлугъ сего листу нашего, заховати маеть. Такъ тежъ, где бы и на обое насъ, въ неотданю тое сумы пенезей и некупеню того именя нашего, панъ Богъ допустилъ смерть, тогда дети наши, братя, сестры мои, Крыштофовы, кривные, повинноватые насъ обеюхъ и вождаго зъ насъ, або ють, кому бы то колвезъ по насъ належало, тую всю суму пене-

зей позычоную, маюць и повинни будуть пану Максиму, або тому, кому тое право належати будеть, такъ же не на иншый, одно на тотъ же ровъ, звышъпомененый и въ семь листе нашомъ описаный, отдати, а тое имене окупити, и во всемъ ся по тому, яко быхмо и мы сами, заховати, водлугъ сего листу запису нашего, маюць. А не отдавши тое всее сумы пенезей, на ровъ описаный, ни чимъ ся въ тое имене и пожитыя, ку нему належачие, вступовати, зъ моцы и держаня пана Максимова и того, хто бы колвекъ тое имене держаль, выймовати, и нивоторое переказы въ держаню и вживаню чинити, и трудности задавати не маюць и мочи не будутъ. А если бы, за держаня пана Максимова, або того, хто бы тое имене держаль, съ того имена, Хренова, которые люди прочъ ся розыйшли, або, чого Боже уховай, згореня двора, млына, ворчмы и села, и чого колвекъ, такъ же и въ чомъ иншомъ якая бы ся шкода стала, тогда мы, и нивоторые зъ насъ, при отдаваню тое сумы пенезей, и выкупеню того имена нашего, съ тое сумы пенезей позычоное, за все тое ничого вытручати, и по выкупеню того имена, николи ни чимъ—такъ розыйшти людей, яко пожоги и нивоторыхъ иншихъ шкодъ, на пану Максиму и на томъ, хто бы колвекъ тое имене наше держаль, на ихъ самыхъ, жонахъ, дѣтехъ и потомкахъ ихъ, пойскивати не маемъ и мочи не будемъ, а по насъ дѣти и потомки наши, брата и сестры мои, Крыштофовы, и нивоторые близкие, кривные и повиноватые насъ обойга, не маюць и мочи не будутъ. А если бы ся пану Максиму, або тому, хто бы тое имене держаль, за держанья ихъ отъ насъ и второе колвекъ особы, або отъ детей нашихъ, брата и сестръ моихъ, Крыштофовыхъ, и о нѣкоторыхъ близкихъ, кривныхъ и повиноватыхъ насъ обоихъ, и отъ кого жъ колвекъ въ егрунтехъ земельныхъ, подданныхъ и въ позываню до права о тое имене, Хреново, и въ чомъ же колвекъ въ томъ именью, Хренове, якая кривда и шкода, трудность десяти мела, тогда мы, за ознайменьемъ намъ отъ пана Максима, або отъ того, кому тое право служити будеть, маемо своимъ всимъ коштомъ нашимъ имъ то очищати, и передъ кождымъ правомъ ихъ заступовати, и боронити маемъ, и будемъ повинни, такъ обое сполне, яко и кождое зъ насъ особно, а по насъ дети, потомки наши, брата и сестры мои, Крыштофовы,

близкие, кровные, повинчатые насъ обуюхъ и кожного въ насъ,— сами ни въ чомъ имъ въ той заставе кривды и переказы не чинити, ото всякъ иншихъ кривдъ, шкюдъ, кгвалтовъ, права, позываня, записовъ першихъ и последнихъ, правъ прирожонныхъ и якихъ колвекъ, отъ того бы ся колвекъ, што сему записови противно показати могло, боронити, успокоати, тые добра волные учинити и во всемъ ся, водлугъ сего листу запису нашего, заховати маемъ, дети, потомки наши будутъ повинни. А што ся дотычетъ службы господарское и земское военное въ стое заставы наше, за держанья ихъ, тогда мы тую службу за нихъ, не беручи въ подданныхъ Хреновскихъ выреду никого, своимъ власнымъ накладомъ и коштомъ служити, и ихъ въ томъ заступовати маемъ и будемъ повинни, а по насъ дети, потомки наши мають и будутъ повинни, а панъ Максимъ и тотъ, хто бы за часомъ тое имене держаль, маеть быти съ того волень. А што бы панъ Максимъ, або хто бы на онъ часъ тое имене держаль, за держанья своего, у дворе, або въ чомъ же колвекъ прибудоваль, гребли поправиль, тогда мы, и каждое въ насъ, при заплаченью тое сумы пенезей и выкупенью тое заставы, за таковое будованье и поправление гребли, ведле реестру и реченья слова доброго, отложити и заплатити маемъ и будемъ повинни, а по насъ, дети и потомки наши, або тотъ, кому бы выкупно тое заставы належало, мають и будутъ повинни, таеъ яко бы панъ Максимъ, або держачий того именя, кривды и шкюды въ томъ себе не мелъ. Таеъ тежъ, што бы при выкупенью тое заставы, въ томъ дворе и гумне пашни спрятаное, жита, пшеници и иного явого збожья, сѣна, бядла и иншихъ речей стату и спрату домового быдла, тогда те все панъ Максимъ, або тотъ, хто бы тое имене держаль, доброволне, яко свое власное, побрати маеть. А што ся дотычетъ збожья на поляхъ дворныхъ, або и пустовныхъ и якихъ же колвекъ того именя, Хреновского, засѣяного болше, нижели мы при заставе того именя засевку подали, то волно пану Максиму, або тому, хто на тотъ часъ тое имене держати будетъ, яко свое власное позати и побрати. А где бы тежъ панъ Максимъ, будучи потребень сумы пенезей, тое право свое и имене Хреново въ той же суме пенезей кому иншому пустивъ и заставляль, то его милости волно будетъ вчинити, и тые вси обязанности,

въ семь листе нашоу, вышей и нижей написаные, таковому кождому держачому того имени, Хренова, яко самому пану Максиму служити и во всемь моцни быти противъ насъ обойга сполне и кождого зособна, або порозну, такъ же детей и потомковъ нашихъ мають. А если быхмо мы сами, або по насъ дети, потомки наши, брата и сестры мои, Крыштофовы, близкие, кривные, повиноватые насъ обеюхъ, тую заставу въ пана Максима, або въ того, кому бы панъ Максимъ тымъ правомъ своимъ зъ рубъ своихъ пустель, и кому бы колвекъ тое право служило, безъ рову описаного, то есть промежку рововъ и безъ ознаймения урядового окуповати хотели, и оное румации шести недель выдержати не дали, або и якое затруднене уделали и хто жъ колвекъ уделалъ, або, не отдавши тое сумы пенезей на ровъ описанный, въ тую заставу чимъ же колвекъ уступовати и якую переказу и трудность въ держаню и уживаню задавати, и шкроду чинити мели, и въ чомъ колвекъ, водле сего листу, въ артикулахъ и понетехъ вышей и нижей въ семь листе описаныхъ, не заховали, и въ якой же колвекъ речи надъ сесь запись выступили и его не выполнили, тогда мы обое и кождое зъ насъ повинни будемо, а по насъ кождый потомокъ нашъ повиненъ будетъ, толко кротъ, колко бы въ чомъ выступилъ, заруки таковую жъ суму пенезей, другую две тисечи золотыхъ Полское личбы, пану Максиму, або тому, кому бы тое право за часомъ служило и належало, заплатити шкроды и наклады на речене слова стороне уверившоной, кромъ всякого доводу и присяги,—отложити и нагородити маемъ и мають. О што все даемо волность на себе пану Максиму и таковому, въ кого бы тая заставка наша была, дети и потомки наши, а по зештю нашоу, на братю и сестръ моихъ, Крыштофовыхъ, близкихъ, кривныхъ и повиноватыхъ насъ обеюхъ и кождого выступного, хто бы въ той заставе переказу и трудность чинилъ, до которого колвекъ права суду кгородского, яко и земского, Володимерского, и до якого колвекъ иншого повету и суду позвати. И будучи позвани, и которого колвекъ зъ насъ позвано, будь слушне або и не слушне, ровомъ хотъ и наблизшимъ, тогда мы сами обое, або которое колвекъ зъ насъ, отступючи права повету и суду земского, не вышюляючися одно другимъ, а по насъ кождый выступный, отъ того бы хто въ чомъ

колвекъ кривду и шкюду въ той заставе собе быти менилъ, не за-
 кладяючися хоробю и службою господарьскою, земскою, соймомъ,
 войною, поветриемъ, и въ иныхъ поветехъ болшими справами маючими,
 и некоторыми инъшими причинами, правными и не правными, отъ людей
 вымышленными и не вымовляючися, за першимъ позвоомъ и на першомъ
 року, яко на завитомъ, першого дня передъ судомъ або вридомъ,
 хотя не зуполнымъ и однимъ наместникомъ подстаростего, безъ ро-
 вовъ за кождымъ позванымъ стати. А ставши року и позву хоть бы
 и четвертого дня передъ рокомъ не правне положонъ былъ, ни чимъ
 не збиваючи до повету своего належного, и ни до которого иншого
 вриду, права и суду не отзывати, кгда жъ мы обое и кожды зъ
 насъ, съ призволенемъ одинъ другому въ той справе правъ и по-
 ветовъ нашихъ, власне, доброволпе отступуемъ, а повету въязды и
 зверхности вриду гродского, Володимерскаго, и кождого, до которого
 быхмо мы, або потомки наши позвани были, насъ самыхъ, потомковъ на-
 шихъ и вси добра, маетности наши, лежачие и рухомые, где колвекъ бу-
 дучие, поддаемъ, втеляемъ и подвезуемъ; также а ни до самого его коро-
 левское милости, пана звирхнего, апелевати не маемъ,—чого всего сами
 доброволпе одступуемъ, одно передъ тымъ вридомъ, до которого быхмо
 мы, або хто колвекъ выступный, позвани были, хоть бы и не зуполный
 вридъ былъ, наконецъ ся усправедливити маемъ и повинни будемъ, а по
 насъ дети наши, братья и сестры мои, Крыштофовы, близкие, вревные и
 повиноватые насъ обоохъ, и хто колвекъ о то будучи позванъ, успра-
 ведливитиси мають и повинны будутъ. А хоть же быхмо мы сами,
 а по насъ хто колвекъ о то будучи позвани, будь стали або не
 стали, тогда вридъ, углянувши въ сесь листь запись нашъ, маеть
 и будетъ мети моць то все заруки, наклады и шкюды, кромъ вся-
 кого доводу и присеги, на голое речене слова самого пана Максима,
 або того, хто тое имене держати, и кому тое право служити будетъ, и
 суму позычоную всказати и не по рокомъ заплаче, въ статуте опи-
 санымъ, заразь на всихъ добрахъ и маетностяхъ нашихъ, где ихъ
 колвекъ мети будетъ и будутъ, лежачихъ и рухомыхъ, моцно отправити;
 а мы, въ той отправе, вриду и стороне ничамъ ся спротивляти, апе-
 левати, и оный всказъ, або переводъ права, чинити, и ни якое труд-
 ности вридови и стороне задавати не маемъ и мочи не будемъ, подъ

заруками таеъ великое тое все сумы пенезей, которая зъ уряду всеазана будетъ и оправованемъ накладовъ и шкюдъ, которые бы наклады и шкюды, за спротивеньемъ нашимъ, а по насъ каждого противника у въ отправе речи осужоной, сторона укрыв- жоная себе быти менила на голое речене слова, и подъ всеми обовязки, вышейпоменеными, водлугъ сего листу вызнания нашо- го, которые ажъ до досить учиненя всимъ обовязкомъ, въ немъ описанымъ, и покулъ въ рукахъ самаго пана Максима, або въ того, кому панъ Максимъ тое право свое пустилъ, и кому колвецъ нале- жати и служити будетъ, при зуполной моцы зостати маеть. А хотя быхмо мы, або потомки наши въ той справе урядъ або сторону о што до суду его королевское милости або якого колвецъ позвали, то намъ и потомкомъ нашимъ николи ити а ни приймовано быти, и хотя бы принято, ничего важити, намъ помогати, а сторове про- тивной шкюдити не маеть; але еще мы обое, и каждое зъ насъ и потомковъ нашихъ, закладъ и шкюды и обовязки зо всехъ добръ нашихъ заразъ, за такимъ позванымъ, поносити, платити маемъ и мають. И на то есми пану Максиму Ивановичу Луловичу дали сесь нашъ листъ вызнанный, зъ нашими печатми и съ подписми рукъ на- нихъ. При томъ были и того добре будучи сведомы, и за очевистыми а устными прозбами нашими печатати, руками своими его подписати рачили ихъ милость панове а приятели наши: панъ Богданъ Тумин- ский, подсудокъ земский, Берестейский, а панъ Юрей Василевичъ Калусовский. Писанъ у Хренове, року по нароженю Исуса Христа сына Божого тисеча пятьсотъ осмъдесать осмого, месяца февгала девятого дня. Krzysztof Witwinsky, podstoly Wołynsky, ręka swa; Ale- xandra Witwinska, ręka; Богданъ Туминский, подсудокъ земский Бе- рестейский, власною рукою за устною прозбою ихъ милости до сего листу подписалъ; Григорей Кисель, рукою властною; Юрей Калусов- ский, рукою власною.

Книги Владимірская іродская, зависовая, поточная и декре- товая, № 964, годъ 1588, листъ 64.

LXVII.

Объявленіе сборщика чоповой подати, Якуба Лысаковского, о томъ, что вслѣдствіе наѣзда войскаго Луцкаго, Яна Журавницкаго, на мѣстечко Свинюхи, жители оногo разбѣжались и мѣстечко опустѣло, почему и полатъ чоповая не можетъ быть съ означенныхъ жителей собрана. 1588 г., сентября 5 д.

Донесеніе вознаго по этому же дѣлу. 1588 г., сентября 5 дня:

а) Рокy 1588, месяца сентября 5 дня

Передо мною Андреемъ Романовскимъ, подстаростимъ Володимерскимъ, ставши очевисто его милость панъ Якубъ Лысаковский, оповедаль тыми словы: ижъ што которая шкода черезъ наездъ пана Яна Журавницкаго, войскаго Луцкаго, стала ся въ местечку Свинюхахъ, за котормъ наездомъ и месчане тамошние всѣ разбеглися, и тые, котормъ то отъ насъ зълеца (sic) выбирати, поуехали, и пенези чоповые занесли, чога всего шкодую скарбу короля его милости на полтораста золотыхъ Полскихъ. И за доведенъемъ ся певнымъ и спустошенемъ того местечка, посылаемъ умыслне возного повету Володимерскаго, Михайла Шабая, намъ до справъ чопового того отъ короля его милости приданого, на огледане того спустошеня; который при томъ оповеданю моемъ реляцію вашей милости отдасть. И просилъ панъ Лысаковский, абы тое оповедане его до книгъ вгородскихъ было записано. Што я записати казалъ.

б) Рокy 1588, месяца сентября 5 дня.

Пришодчи на врьдъ вгородский, Володимерский, до мене Андрея Романовскаго, подстаростега Володимерскаго, Михайлю Гноенский, возный повету Володимерскаго, ву записаню до книгъ вгородскихъ вызналъ тыми словы: ижъ за приданемъ его королевское милости паномъ поборцамъ чопового въ земли Волынской, на вшеля-

вие справы побору чопового, року теперешнего тисеча пятсотъ осмдесять осмого, месяца августа пятогонадцать дня, за посланьемъ его милости пана Яеуба Лысаговского, поборцы чопового Волынского, маючи я при- собе шляхту людей добрыхъ, пана Кристофа Рославского а пана Станислава Олевинского, ездилъ есми до местечка Свинюхъ; тамъ будучи вгдымъ жадного человека, такъ зъ жидовъ, яко и съ хрестянь, не видель, одно врадника тамошного, Свинюского, пана Демяна Денисовича, а пана Войтеха Кгрыбовского засталъ, которыхъ пыталомъ: где бы жидове, которые чоповое держали отъ поборцы и иншие жидове и хрестяне были? Вряднигъ помененый, Свинюский, и панъ Кгрыбовский поведили: ижъ жидове, такъ тые, которые чоповое тутъ, въ Свинюхахъ, и въ приселкахъ ихъ отъ пана поборцы выбирали, яко инные всѣ, и хрестяне, повтекали недавно, то есть дня двадцать семого месяца июля, дн наяздовъ частокротныхъ пана Яна Жоравницкого, войского Луцкого, на Свинюхи,—а где ся розбегли—ведать не можемъ. Которое жъ я очевистое сознание возного до книгъ вгородскихъ записати казалъ.

Книга Владимірская городская, записовая, поточная и декретовая, № 964, годъ 1588, листъ 571.

LXVIII.

Инвентарь имѣнія Верхова, съ исчисленіемъ крестьянь, ихъ повинностей и даней. 1589 г., сентября 7 дня.

Рокъ 1589 г., месяца сентября 12 дня.

Передо мною Щестнымъ Кгалечскимъ, наместъникомъ сурогаторскимъ, отъ его милости велможного пана Александра Семаша, кашпалана Браславского, сурогатора его королевское милости, старства Луцкого, ставши очевисто возный повету Луцкого, Гаврило

Дашковскій, теми слови до книгъ вгородскихъ, суржгаторскихъ, ку записованью вызнать: ижъ року теперь идучого тысеча пятсотъ осмьдесять девятого, месеца сентября девятого дня, былъ есми на справе его милости пана Криштофа Риминского, у во йменю его милости, Верхове, тамъ же есми, ведле рейстру, по достатку списаного, люде села Верховскаго, за приданьемъ уридовымъ отъ его милости пана Криштофа Риминьского, пану Петру Ивановичу Пересецкому, малжонце его, Марине, и сыну ихъ, пану Андрею Пересецкому, завель и подаль. Который реестръ покладалъ передо мною на вриде, съ печатью и съ подписомъ руки его милости пана Криштофа Риминьского, и съ печатью и съ подписомъ руки возного повету Луцкого, Гаврила Дашковского, который такъ ся въ себе маеть:

»Року тысеча пятсотъ осмьдесять девятого, месеца сентебра семого дня. Рейстръ списана и подана людей села Верховьского отъ мене, Криштофа Риминского, пану Петру Пересецкому, малжонце и сынови ихъ, заставою въ шестисотъ золотыхъ червонныхъ, на три лета заставленныхъ и поступленныхъ черезъ шляхетного пана Гаврила Дашковского, возного Луцкого, меновите то есть людей отъ конца гребли, подле корчмы мешкаючие: Павелъ Кгилюнъ—дворище одно; Богдаль Чорнушичъ—дворище одно; Федоръ—дворище одно; Игнатъ Чорнушичъ—дворище одно; а то корчма, въ форосту плетеная, въ ней пекаренъ черныхъ две, пивница походнею. А то людей, надъ ставомъ Верховскимъ мешкаючие: Дронъ бояринъ—дворище одно; Тимошь—дворище одно; Левко Ширайчичъ—дворище одно; Макарь бояринъ—дворище одно; Серьгий бояринъ—дворище одно; Степанъ Левковичъ—дворище одно; Самойло Довбенчичъ—дворище одно; Миско зъ Макаромъ—дворище одно; Гривецъ Безлепица—дворище одно; Хронъ Пшончичъ—дворище одно; Иванъ Аньтипена—дворище одно; Аврамъ Нестеревичъ—дворище одно; Кондрать зъ братаничомъ—дворище одно; Охремъ Короткей—дворище одно; Прийма—дворище одно; Мартынъ—дворище одно; Месъ—дворище одно. А то огородники при тыхъ людехъ: Малюшена Павелъ, Федоръ Матфиевичъ, Полишко, Максимъ Кропивникъ, Мартинъ Кропивниковъ, Максимъ Сорока, Охремъ Чорнышевичъ, Васко Жукъ, Перышковая вдова. Повинность тыхъ людей дворичныхъ: цынъшу въ рокъ по дванадцать грошей Литовскихъ; поро-

хового и сторожевого по два гроши Литовскихъ; овса зъ вола по четвертинънику; по двое куръ на рокъ; по гуся одно зъ дому; подвода далекая и близкая—ведле часу потребы; десетина отъ свиней, отъ овецъ и пчолъ; яловица одна; зо всимъ селомъ робить въ тыйденъ по три дни, съ чимъ роскажутъ. А подсосудки, то есть огородники: зъ дыму порохового и сторожевого по грошу одному, а цынъшу по грошей шести; робить около огородовъ—што треба, а зими клячами дворными дрова возити по дню въ тыйденъ. При тыхъ людехъ и при корьчме броваръ, зъ форосту роблений, солодовня, озница и виньница, ставокъ и мынокъ нижный, въ немъ коло одно мучное. А такъ я, Криштофъ Рыминьскый, то все, штомъ пану Пересецкому заставилъ, на сесь рейстръ списалъ, который далемъ подъ моею печатю и съ подписомъ власное руки моее, и тежъ подъ печатю и съ подписомъ руки шляхетного пана Гаврила Дашковскаго, возного повету Луцкого. Писанъ у Верхове, дати вышпейписаное. Krzysztof Ryminski, genka swa; Гаврило Дашковскый, возный повету Луцкого, рука власная. И за прозбою его милости пана Криштофа Рыминского и созване возного до книгъ вродскихъ, сурокгаторьскихъ, есть записано.

Книга Луцкая вродская и земская, записовая, поточная и декретовая, № 2098, годъ 1584—1598, листъ 219 на оборотъ.

LXIX.

Объявленіе пана Кирилла Зубцовскаго о бѣгствѣ священника изъ принадлежащаго ему имѣнія Подгайцовъ, Василя Владычки, который при этомъ захватилъ съ собою евангеліе, ризы и другія церковныя принадлежности; кромѣ того, увелъ съ собою урядника Подгаецкаго имѣнія съ его семействомъ. 1590 г., генваря 4 дня.

Року Божого нарожена 1590, месеца генваря 4 дня.

Писалъ и присыдалъ до мене Щасного Кгалезского, наместника сурокгаторского, будущого отъ его милости велможного пана

Александра Симашка, Кашталяна Браславского, сурогатора его королевское милости, старосты Луцкого, панъ Кирило Зубцовский, городничий Луцкий, оповедаючи тымъ обычаемъ: ижъ року теперешнего девятдесятого, месяца генвара четвертого дня, зъ именея моего, съ Подъгаецъ, утекъ попъ, на ймя Василей, прозвище Владыча, покрадши цервовъ въ имену моемъ, Подъгаецкомъ, книгъ дванадцать, то есть: евангеліе и иныши книги, оправные серебромъ: позлотистые, ризы и весь уборъ поповъскій, цервовный, и сосуды цервовные и инышихъ справъ цервовныхъ не мало, — што мне коштвало копъ осмьдесять грошей личбы Литовское. Который попъ помененый и вридика моего, Подъгаецкого жъ, на ймя Кашпора, зъ жоною и зъ детми выкотиъ зъ собою; у которого вридика на рукахъ, въ заведеню его, были речи мое вшелякие, которыхъ речей побралъ не мало, и гумно вымолотивши попродавалъ и гроши зъ собою побралъ; што себе шацую шкодъ черезъ тыхъ збеговъ моихъ, попа и уридика, почыненные, на триста копъ грошей личбы Литовское; такъ же и у слугъ моихъ и въкоторыхъ тотъ вридикъ речей побралъ не мало, которые были у того вридика въ захованю. И просилъ, абы то было записано. А такъ я тое оповедаче его до книгъ вгородскихъ, сурогаторскихъ, записати казаль.

Книга Луцкая городская и поточная, № 2070, годъ 1590, листъ 6 на оборотъ.

LXX.

Инвентаръ имѣній Коильна, Свочойва, села Волицы и двора, находящагося во Владимирѣ, съ исчисленіемъ крестьянъ, ихъ повинностей и ланей. 1590 г., февраля 12 дня.

Року 1590, месяца февраля 12 дня.

На вриде вгородскомъ, въ замбу господарскомъ, Володимерскомъ, передо мною Собестияномъ Глебовичомъ, будучимъ на местцу пана Романа Белгорского, подстаростего Володимерьского, постановившише очевидно возный повету Володимерского, Михайло Гноенский, ву

записованю до книгъ сознать тими словы: изъ деи року тепереш-
 него тисеча пятсотъ девятдесятого, мѣсяца февралья пятого дня,
 маючи я при себе шляхту людей добрыхъ, то есть пана Адама Ре-
 тоновского а пана Матяша Бочевского, былъ есмь на справе его
 милости пана Яцка Бутовича, хоружого земли Киевское, то есть на
 увезанье и въезане во ймена и мастьность по малжонце его милости вош-
 лой, паней Яцковой Бутовичовой, хоружжиной Киевской, пане Ганне
 Михайловне Хребницкого, zostалыс, водле тестаменту небожыци
 панее хоружиное, до леть внучки ее, панны Евы Матфеевны Ма-
 лянское. И егдымъ на первой до двора именья Коилна приехалъ,
 тамъ же, яко дворъ зъ будованемъ, такъже и то, што есмь тамъ
 засталъ, и люди, подданые тамошние, на реестръ списалъ. А то деи
 меновите, на первый: дворъ Коиленьскый, острогомъ огорожанъ, во-
 рота и кганокъ кгантами побиты. Будоване въ томъ дворе: домъ
 великый, кгантами побитый; светлицъ на противко собе две, зъ обо-
 лонами шелаными и съ печами полываными, зелеными; межи тими
 светлицами сени и сковане на горе, въ которомъ нашли есмо мяса
 свиного полтей три и салъ шесть. Въ томъ же дому зъ светлицы
 великое комора для скованя, въ которой ничего нить; пивница со-
 ломою покрыта, въ которой две бочки меду сыченого, а порож-
 ныхъ бочокъ шесть; домокъ малый, то есть светличка зъ сенми и
 коморка; на противко комора рубленая на столпи, кгантами по-
 бита, въ которой свердловъ комажныхъ три, пила и винчакъ; стай-
 ня малая, соломою крыта; пивница, а на пивници спижарня; у
 пивницы капусты двѣ стагвы, а третее немного; угурковъ половица
 стаговки; рыжкувъ дѣжичка, якобы изъ ведро; бочокъ две и съ ква-
 сомъ, а третья пивная бочка у спижарни; корытъ три; лезель двѣ
 раменныхъ, а третее лычаное; сырникувъ два, — одинъ соломою по-
 крытый, а другой драницами побитый; пекарня, сѣни, такъ же и
 кухня у пекарни, лавъ три, столъ одинъ; стая великая, соломою
 покрытая; подле стани коморокъ две соломою навриты; обора и
 лавъ лѣсеная; а у обора быдла усого сорокъ пять, а два волы
 вармыныхъ, телать трое малыхъ, свиной осмеро, гусей двадцатеро,
 куръ четверо, кошекъ десеть; стада усого поголовья полъосмадесать.
 Гумне, — у гумна клуна, у клуни корыто порожное, — а збожа у

гумны: ячменю стога, жита стога, овса полстога—може бытъ у нюмъ копь двадцать; суржицы стога—копь тридцать; жита полстога—може быти копь двадцать; гречки стожокъ—можегъ быти копь двадцать; проса копь пять; гороху возовъ зо два; броварь, драпцами покрытый, котель у бровари, кадей две, квасникъ малый; садъ подле бровара, а другой садъ за ставомъ; огородовъ дворныхъ два. Церковь заложена светого Михайла; накладка церковный: евангеліе, злочоловомъ крытое, серебромъ оправное, бляхъ пять, келихъ цинный, образъ, звонъ. А при церкви попъ, который понь маеть две волоци подь собою, съ вторыхъ волокъ повинности жадное не чинить, одно справы церковные отправуетъ. А то есть подданные: Явхимъ на волоци—клячъ две, воловъ два; Веленти на волоци—кляча одна, воловъ—два; Жукъ на волоци—кляча одна, воль одинъ; Андрей Шишло на волоци—кляча и вуль; Хванъ на волоци—кляча одна, воловъ два; Супрунь на волоци—воловъ два; Федко на волоци—кляча одна, воловъ два; Жувъ на волоци—кляча одна, воловъ два; Сакъ и Ювхимъ на волоци—клячъ две. Яско на волоци—воловъ два; Никонъ на волоци—кляча, воловъ два; Прокучъ на полъ волоки; Грицко на волоци; Мартинъ на волоци—клячъ две и воловъ два; Микита на волоци—клячу, воловъ два; Столя на волоци—клячъ две, воловъ два; Пашко на полъ волоки; Куць и Федко на волоци—кляча, воловъ два; Нестеръ на волоци—воловъ два; Петрашъ на волоци—кляча, воловъ два; Чаць и Ювхимъ на волоци—воловъ два; Миць Сила на волоци—кляча, воловъ два; Яцьковая на волоци—вола одного; Ювхима Трохимовая на волоци—воловъ два. Тые подданные съ воздомъ волоки по три дни, а лѣте по чотыри дни робити повинни; а податку дають по шести грошей, овса по чотыри мацы, по два каплуны, по гусяти,—а у подводу—где роскажутъ. Омелянъ бортникъ на волоци—тотъ ни робить а ни податку не даеть, одно бору плавуетъ. У Койни бчоль у вуляхъ осмъ. Огородники: Левко на огороде, Грицко на огороде, Ювко Бакый на огороде, Капиха удована егороде; повинностый—не два дни робать и по каплуну дають; Стась на волоци, который жадное повинности не чинить, одно послугомъ дворною забавляетъ. Корчма, съ вогорон оранды на роць семнадцать кошь грошей Литовскихъ дають. Боморники: Игнатъ Семеновъ,

Ярушъ Данило Влохъ,—тые оба два послугуютъ и съ паномъ ездятъ. А посеяно дей у Коилъни: пшеницы маць семь, жита маць тридцать три. Потомъ того жъ дня, въ понеделокъ, месяца февраля пятого дня, ездилъ есми съ тою жъ шляхтою до йменья Свочойва, въ которомъ также дворъ, люди и все меновите, штомъ тамъ засталъ, на рейстръ списавши, его милости нану хоружому подалъ. На первой: дворъ одылованный, ворота, кгонтами побиты; домъ великий, кгонтами побитый; светлица отъ воротъ: лавъ чотыри, столъ одинъ, оболонъ пять скляныхъ, пѣчь поливаная, сини; на противку тое светлицы другая светлица, въ которой лавъ чотыри, столъ малый, оболонъ двѣ скляныхъ; и съ той светлицы комора, а съ комори комурка потребная; пивница, а въ пивници капуста двѣ стагвы, бочка и съ свеклою, угурковъ устаговци немного; на пивници комора, кгонтами побитая; домъ великий, драаницами покритый, сѣни, пекарня;—у пекарни столъ, лавъ чотыри. На противку другая изба черная, лавъ три, сирникъ, кгонтами побитый, стайня соломою покритая, коморъ две,—соломою покриты,— у въ одной корить три,—у въ одномъ корити жита две мацы, у другомъ муки маца, а у третемъ проса маца; володязъ, домокъ малый; светлочка,—лавъ три, оболонъ три скляныхъ, печь поливаная. На противку тое светлочки комурка, въ той комурки ничего нить, а тотъ домокъ побить кгонтами. Подле того дому огорождъ, у тумъ огороде ульевъ осмъ изъ пчолами; курникъ рубленый,—у нюмъ: куръ чотыри, гусей семьнадцать, павъ три молодыхъ, качокъ пятнадцать. Обора дилевана, а у нюмъ: быдла трое, овецъ деветьдесять и трое, возъ семь; гумно, клуня, а у гумни проса копъ осмъ; броваръ, а у бровари котель, корыть две; лазня, драаницами побитая; мынокъ вешнякъ; корчма,—аренды зъ нее копъ семьнадцать. Севбы посеяно: жита тридцать и две мацы, пшеницы две мацы. А то есть подданные въ томъ селе: Пилинь Коворка на волоци—клячъ две, воловъ пять; Трохимъ на волоци—воловъ два, Протасъ на волоци—кляча, воловъ три; Олешко на волоци—клячъ две, воловъ два; Занко на волоци—кляча, воловъ два; Мицъ на волоци—клячъ две, воловъ чотыри; Сенко на волоци—воловъ два; Яруль на волоци—воловъ два; Борисъ на волоци—воловъ чотыри; Мойсей на волоци—кляча, воловъ три; Мартянъ на волоци—кляча, воловъ три; Левко на волоци—кля-

ча, воловъ три; Дорошъ на волоци—кляча, воловъ два. Миско на волоци—кляча, воловъ два; Матушъ на волице—кляча, воловъ три; Грицко на волоци—кляча, воловъ три. Того жъ дня, приехавши есми съ тою жъ шляхтою до селца Своичовского, Волицы, въ второмъ такъ же люди на реестръ списавши, его милости пану хоружому Киевскому подаль, то есть меновите село Волица: Пронецъ на волицы—кляча, воловъ два; Андрей коваль на волицы; Гриць на волицы—клячу, воловъ три; Занко на волицы—клячъ две, воловъ три; Харко на волицы—воловъ чотыря; Кондрать на волицы—клячу, воловъ два,—тая жъ повинность яко и въ Своичове податъки. Миско бортникъ; бчоль на бору сорокъ. А потомъ, на завтрее въ олторокъ, месяца февраля шостого дня, приехавши есмо съ тою жъ шляхтою до двора, въ месте Володимирскомъ будучого, который яко зъ будованемъ, такъ и съ поддаными, при томъ дворе будучими, въ держанье его милости пану хоружому Киевскому подаль есми,—на первей: дворъ, тыномъ огорожено и ворота чимъ зачиняти дворъ; домъ вгонтами побитый, сини, светлица; а у светлицы: лавъ чотыри, столъ одинъ, оболонъ скляныхъ три, але барзо плохи; печъ поливаная, такъ же плоха; комора исъ светлицы; напротивъ тое светлицы изба,—лавъ три, столъ одинъ; пивница, на пивницы комора; стая, драицами покрыта; броваръ, а въ бровари вотель, кадий двс; а у дому дворникъ Матысь изъ жоною. У томъ же дворе домикувъ три малыхъ; а каждый господаръ даеть у рокъ двадцать чотыри грошей Литовскихъ, а по два дни жать ходатъ до Коилъна. Которое жъ я совнанье возного до книгъ вгородскихъ записати казалъ.

Книга Владимірская городская, записовая, поточная и декретовая, № 945, годъ 1590, листъ 132 на оборотъ.

LXXI.

Рѣшеніе гродскаго суда по дѣлу о бояринѣ Савѣ, жаловавшемся на пана Ивана Волинца Чернѣчицкаго о томъ, что послѣдній причинилъ ему небои, присвоилъ себѣ его имущество и заключилъ жалобщика въ тюрьму. Судъ, выслушавъ показанія пана Ивана Волинца Чернѣчицкаго, отрицавшаго за бояриномъ Сакомъ право иска, тотъ какъ онъ собственный его крестьянинъ, а равно и возраженія на это уполномоченнаго отъ упомянутаго боярина, опредѣлили передать дѣло на рѣшеніе Люблинскаго трибунала. 1590 г., августа 14 дня.

Року 1590, месяца августа 14 дня.

На рочкохъ вгродскихъ, Луцкихъ, дня девятого месеца августа, въ року теперешнемъ, вышейменованомъ, припалыхъ и судовне отправованыхъ, передо мною Александромъ Семашкомъ, каштеляномъ Браславскимъ, старостою Луцкимъ, постановившише очевисто бояринъ его королевское милости, Красеньский, Сакъ, далъ и злецилъ мощъ зуполную за позвоомъ своимъ мовити шляхетному пану Григору Котелницкому, который умоцованый панъ Григорій Котелницкій, поднесши позовъ вгродскій, Луцкій, жаловаль съ того позову на пана Ивана Волинца Чернѣчицкаго о томъ, и жъ дей панъ Иванъ Волинецъ въ року прошломъ осмѣдсять девятомъ, нашедши мощно, квалтомъ на домъ его, въ Чернѣчицахъ, помененого Сава збилъ и до везеня своего узаль, и часъ не малый держаль, и маетность его всю забраль, яко то есть ширей на томъ доложено. А повычитаню того позову, панъ Иванъ Волинецъ Чернѣчицкій на жалобу Сакову поведиль, и жъ дей не могъ мене тотъ Сакъ о то позывати, бо дей то есть мой власный подданный, которого дей я у суди вгродского, Слонимского, пана Богуша Тушовецкаго, и въ малжоньи его милости, княжны Марини Головнянни Острожецкаго, купиль, который за мною колко летъ мешваль и отъ мене дей утекъ, зашеодивши мне не мало, и просиль, абы ему былъ выданъ, яко его збегъ. Яко жъ и листъ купчий передо мною показаль подъ датою року осмѣдсять шостого, месеца октебря девятого дня, съ печатъми ихъ

и техъ съ печати людей задныхъ, въ которомъ панъ Богущъ Тушовицкй и въ малжонкою своею совнавають, ижъ продали дворець, фолварокъ свой на Чернѣчицахъ зъ людьми, до того фолварку принадлежащими, яко ширей а достаточней въ томъ листе описано есть. Потому покладалъ выпись съ книгъ земскихъ, Луцкихъ, и реестръ издана черезъ возного, яко въ посесью одного фолварку вополь, подъ датою року осмьдесять шостого, месяца октебра первоонадцать дня, яко ширей въ томъ выписе и реестре описано есть. Водлугъ которого листу купчого и реестру, просилъ панъ Волянецъ, абы ему тотъ Сава, яко властный подданный его, збегъ, былъ выданъ, выведети то, ижъ дей то подданный мой есть и не можетъ дей мене о то позывать. Противъ которыхъ листовъ и выводовъ, отъ пана Волянца покладанныхъ, умоцованный Саковъ, панъ Григорий Хотелницкй, поведилъ, ижъ дей панъ Богущъ Тушовицкй и малжонка его, яко такое мощи не мели, такъ и николи того Сава, яко человека волного, пану Волянцу не продавали, такъ его и передъ урадомъ земскимъ, Луцкимъ, вольнымъ учинили, и положилъ выпись съ книгъ земскихъ, Луцкихъ, подъ датою року осмьдесять шостого, месяца октебра второнадцать дня, въ которомъ выписе есть описано, ижъ пани Тушовицкая, ставши передъ урадомъ земскимъ, Луцкимъ, визнала, ижъ того Сава, яко волного человека, пану Волянцу не продавала, а ни черезъ возного въ посесью его пану Волянцу не давала. При которомъ признанью панее Тушовицкое въ томъ же выписе есть описано, ижъ возный тотъ, который тоо именье пану Волянцу отъ панее Тушовицкое подавалъ, совнаваетъ, же того Сава пану Волянцу отъ панее Тушовицкое не подавалъ. Водле которыхъ листовъ, што панъ Волянецъ покладаетъ, то се значи, же пани Тушовицкая того Сава не продавала, бо дей его въ листе томъ продажномъ меновите не описала, а естли тамъ на реестре, яко панъ Волянецъ менить и оказуетъ, же возный въ реестре меновите, при подаью именья, того Сава описалъ, тотъ реестръ за слушный не маеть быти узнанъ, вгды жъ посполите при возномъ во всякихъ справахъ поточныхъ бывають два шляхтичове поветовые, при подаью именя, при томъ возномъ, мели бы быти два шляхтичове, люди добрые, которые бы тотъ реестръ мели при возного печати, своими печатями запе-

чатовать и руки подписать,-- чого ижъ при томъ реестре се не показуеть, толко чорная печать одна возного, которая не есть важна а ни значна, а къ тому вже тотъ возный умеръ, и одною своею печатю мели бы человека доброго, волного, въ неволю вдать. Слушно дей, абьсь ваша милость того боярина его королевское милости отъ пана Волинца волный учинилъ, а на бою и грабежохъ ку долшому доводу абьсь его ваша милость рачилъ припустить. А если пану Волинцу видить се быть кривда, теды ее не мають отъ того Сага, але отъ панее Тушовицкое, бо бы и такъ была, жебы продавши зась, зъ моцы его отъ пана Волинца взяла, теды панъ Волинецъ не мель жадное справы до того боярина его королевское милости, але, маючи запись панее Тушовицкое въ рукахъ, которымъ се пану Волинцу описала подъ заруками не вступовать и переказы жадное въ держанью того имения пану Волинцу не чинить, который запись ижъ нарушила, о то съ панею Тушовицкою панъ Волинецъ, за записомъ оное, нехай правомъ чинить. Кгды жъ и въ праве посполитомъ, еще то справе артикуль чотырнадцатый, въ разделе второмънадцать, есть подобный: »если бы хто приказалъ до кого слугу, а тотъ слуга отъ того пана будъ зашкродивши, албо тежъ и не зашкродивши, прочъ отошоль, теды тотъ панъ не маеть оного слуги, збега своего, патрить, але того, хто его до него приказалъ, и на томъ своее шеоды доходить«. Съ тыхъ причинъ слушне, абь панъ Волинецъ не зъ бояриномъ его королевское милости чинилъ, але съ панею Тушовицкою, яко съ тою, которая запись свой, яко панъ Волинецъ поведаетъ, чого я не признавамъ, жебы нарушить мела. А што себе панъ Волинецъ, менечи его быть збегомъ, поведаетъ, же его о то позывать, тотъ се грабежъ тому Сагу и тая продажа пану Волинцу не теперь се стала, але еще въ року осмъдесять шостомъ, а тотъ Сагъ нигде индеи не мешкалъ, толко тутъ, кгды его менять быти збегомъ, чому о то а ни господаря короля, а ни старосты-тутешнего, Луцкого, не позывалъ, то се значить, же не есть збегъ, одно яко дей бачу, уходечи на собе всказу бою и грабежовъ,—тымъ се панъ Волинецъ боронить, а зъ стороны прост оты, яко панъ Волинецъ менишь, же есть хлопъ простый, его, яко шляхтича, позывать не може, теды не маеть его розумети такъ, яко се ему подобаеть, бо ест

бояриномъ его королевское милости, а не хлопъ тяглый; а къ тому ижъ есть укывжонный, теды слушне съ паномъ Волынцомъ о то чинить можеть, кгда турцы, татарове поганы и жидове неверные тавне волности межи нами заживають, же тавъ малыхъ, яко и великихъ а зацныхъ становъ людей до права позывають, и справедливости себе доводить,—поготову хрестиянинъ цравдывый, фалца Бога всемогущого, слушне можеть о кривду свою чинить,—и панъ Волынецъ слушне такихъ обмовъ заживать можеть,—и просилъ, абы тотъ бояринъ его королевское милости ку доводу былъ припушонъ. А такъ я, припатривши се добре праву Волынцовому, передо мною покладаному, купли его, и тежъ выпису отъ Сака покладаному, ижъ его волнымъ учинено, бачечи тежъ то, ижъ тотъ самъ мне на инвентару черезъ дворянина его королевское милости при старосте Луцкомъ подаль, и зрозумевши съ тыхъ листовъ, въ обудву сторонъ покладаныхъ, видечи, ижъ суть себе противными, тавъ видечи до тое справы тотъ артикуль чотырнадцатый, въ розделе второнадцать, отъ умоцованого помененого боярина его королевское милости повазыванный, быти подобный на сесь часъ, не вончечи тое справы, симъ декретомъ моимъ отсылаю тую справу на декретъ трибунальский, который сужонъ быти маеть въ Люблине, въ року прошломъ (sic) деветьдесятъ первомъ; который декретъ панъ Волынецъ принялъ. Што я для памяти до книгъ записати казаль.

Книга Луцкая уродская, поточная, № 2070, годъ 1590, листъ 457.

LXXII.

Приговоръ къ повѣшенію крестьянина князя Константина Острожскаго, Ювка, за покупку завѣдомо краденой лошади, принадлежащей крестьянину имѣнія Суходольскаго, Гацу Борисовичу. Въ судѣ участвовали кромѣ шляхты, «вѣрные», мѣсчане Владимирскіе. 1590 г., ноября 18 дня.

Рову 1590, месеца ноября 18 дня.

Передо мною Якимомъ Стривюзскимъ, будущимъ на местцу пана Романа Вилгорскаго, подстаростего Володимерскаго, ставши оче-

висто возный коронный епераль повету Городелского и Белаского, Григорей Косовский, ку записаню до книгъ вгородскихъ визналъ тыми словы: изъ мне будучи на потребе вродника ее милости панне Василевое Загоровское, кашталанное Браславское, княжны Катерины Чорторыского, пана Сидора Засядловича, у Суходолехъ, въ дворе ее милости, Суходолскомъ, року тисеча пятьсотъ девятдесятого, месеца ноября третегонадцать дня, а при мне на тогъ часъ были люде добрые, шляхтичи, то естъ якъ милость: панъ Янъ а панъ Тимофей Оранские, панъ Каленикъ Парчичъ, вродникъ его милости князя Дмитра Булыги, Новоселецкий, и верные зъ мяста его королевское милости, зъ Володимера, на ймя: панъ Юрнъ а панъ Дорошъ, месчяне Володимерские, которые их милость заседали при мне, возному, за уживаньемъ и прозбою одного вродника, Сидора, и усей громады мужовъ, подданныхъ Суходолскихъ, ее милости панен Загоровской прислухиваючися, жалобы подданого панен Загоровское, Суходолского, на ймя Гаца Борисовича, и всее громады мужовъ Суходолскихъ, который то Гацъ жалобу чинилъ и истыгивалъ на Ювка, который ся менилъ быть подданнымъ его милости князати Костентина Островского, воеводы Киевского, маршалка земли Волынского, старосты Володимерского, зъ именья его милости, зъ Держана. При которому тому Ювку лице было передо мною, вознымъ, и передъ тыми людьми добрыми: вунъ съ плеснива строкатый одного Гаца Борисовича, который былъ украденъ зъ иными конями Суходолскими, у Суходолехъ. Которого того Ювка тые шляхта при мне, возномъ, пытали тыми словы: где ты, Ювку, того коня Гацева Борисовича взялъ? Тотъ Ювко поведалъ: ямъ дей, панове, того коня купилъ въ дому месчанина Володимерского, въ Нестера, у коморника его, у Федка Венцка, у вечери; далъ дей есми тому Венцку три золотыхъ, а троухъ золотыхъ медь мне ждати до пущеня; алемъ дей я ведалъ, изъ конь былъ краденый и купилъ есми его, и тотъ Нестеръ при той купли былъ, и ведалъ дей, же то конь былъ краденый, и седла мне позичилъ, и тамъ же дей былъ приятель и товаришъ ихъ Романъ, зъ Устилога, который дей тотъ же Романъ на завтрне до свѣта отъ того Нестера и Федка Венцка зо мною поскалъ до Грнца,—я на тумъ кони а Романъ на влячи во-

роной Суходождкой подданого панее Загоровское, Андрея Кгошко-вича, которая съ тымъ же дей вонемъ была уврадена. И тамъ же дей тотъ Романъ при мне у Гошеви проминалъ Андрею Зеленку на вожухъ бараний,—и придалъ же дей тотъ же Зеленко тому Роману двадцать грошей, а яжъ дей былъ того коня Гацева продать месчанину Коденскому, на ймя Денису, которого того коня у того месчанна Коденского позналъ бояринъ ее милости панее Загоровское, Семень Чикало; который дей тотъ Денись, мене поймавши, ставши, яко заводцу, оному Семену Чикалу и тому Гацу Борисовичу, чий те есть конь. А я тамъ же, на уряде въ Кодни, браюмъ соби до заводци своего, до Володимера, на йме того Федка Венца и до того Нестера, который мне седла былъ позычилъ, при той купли былъ у вечери, вѣдалъ, же то конь краденый, приятель и товарищъ ихъ зъ Устилога, Романъ, который на завтрее до свита отъ нихъ зо мною до Гущи поехалъ; тамъ же дей былъ зъ нами подданный ее милости панее Загоровское (?). Гаць Борисовичъ, оному Ювку поведилъ на тые слова его: ижъ ся тотъ, пане возный и панове шляхто, тотъ Ювко визнавасть, же вонъ ведалъ, ижъ конь былъ краденый, а купилъ его у вечери, ночнымъ обычаемъ, я никого иншого не знаю, толко тотъ истый Ювко шкодца мой власный,—готовъ есми его, яко шкодника своего, водлугъ права поприсягнути. Яко жъ тые шляхта люди добрые, звышъпоменены, зрозумевши его не слушний выводъ, ижъ ся самъ призналъ, же ведалъ, ижъ то конь былъ краденый, а купилъ того коня неслухне, не такъ яко ся межи людьми добрыми заховуетъ, сказали оному Гацу того Ювка, которого менилъ шкодникомъ своимъ, абы его поприсягъ. Который Гаць тамъ же, передо мною вознымъ, и передъ тыми людьми добрыми поприсягнулъ; и кгда того Ювка поприсягъ, сказали его на пробу. Которого потомъ сказу декрету мистръ пробовалъ, и поведилъ тотъ же Ювко на пробе, жемъ дей я, панове, ведалъ, ижъ то былъ конь краденый, и купилъ есми его неслухне у того Федка Венца, и тотъ дей Нестеръ ведалъ, ижъ то кунь былъ краденый, и седла позычилъ мне, але того не ведаю: естли тотъ Нестеръ зъ ни ми кравъ або не кравъ. Тамъ же, на той пробе, пыталъ того Ювка: есчи есче где тутъ маешъ товаришовъ? Онъ поведилъ: я тутъ това-

ришовъ въ томъ краю не маю, окромъ тыхъ; есть у Подгородной подданный паней Семеновое Подгороденское, Васко Козакъ, давний товаришь мой, и тотъ Васко се весны минувое укравъ былъ коня вороного въ Коснидахъ, и мне былъ продалъ товарскимъ обычаемъ. Яко жь тые шляхта и при нихъ люди добрые, обчие, которые тамъ на тотъ часъ были, сказали его по той пробе, абы былъ горломъ каранъ, водлугъ словъ учинковъ вызнаня его. Который тотъ же Ювко, будучи на остатнимъ ступню, на шибеници, идучи на тотъ свѣтъ, волавъ оного Федка Венцка, и Нестера, и того Романа Устилузского: нехай дей тую жь заплату возмутъ, якую я беру, — ачь не ведаю о того Нестера, если зъ ними вравъ; але о томъ кони ведавъ, што я у того Венцка купилъ, же то былъ кунь краденый, и седла ми тотъ Нестеръ позычилъ; о што дей и повторе всихъ васъ прошу рачте слышати, же ихъ волаю, абы тые помененые Федко Венцко, и Нестеръ, а Романъ такъ же были на пробе и горломъ карани, — бо тые дей болшей о шкодахъ вапихъ поведать и власные то шкодники вапи, Суходолские, а я дей теперъ перший разъ въ томъ краю товаришти зъ ними былъ почаль, кони ми краденые купилъ, але въ ыньшихъ краяхъ тымъ ся дей есми зъдавна пораль. Што мною, вознымъ, и тыми людьми добрыми вранникъ панее Загоровское, панъ Сидоръ, и тотъ Гаць и вся громада мужове Суходолские светчили. Што я, возный, слышалъ и виделъ, то до книгъ кгородскихъ, Володимерскихъ, сознавамъ, што и тыми панами верными места Володимерского, на ймя Юря Яцынича а паномъ Дорошомъ Василевичомъ, светчили. Которое жь я очевистое сознанье помененого возного до книгъ кгородскихъ записати казалъ.

Книга Житомирская гродская, записовая, поточная и декретовая, № 945, годъ 1590, листъ 643 на оборотъ.

LXXIII.

Показаніе крестьянъ сель: Порцка, Жмучи, воли Жмуцкой и др. по дѣлу, возникшему между панами Василиемъ Еловичемъ Малинскимъ и Павломъ Вышинскимъ о спорной нивѣ, находящейся въ урочищѣ Бабыя-Крыница; крестьяне, между прочимъ, указываютъ на то, что за нѣсколько лѣтъ назадъ, была собираема громада изъ околичныхъ сель, которая производила «опытъ» по дѣлу о воровствѣ на этой нивѣ рѣпы и пшеницы. 1591 года, ноября 20 дня,

Року тисеча пятсотъ девятьдесятъ первого, месяца ноября двадцатого дня.

Передо мною Щаснымъ Кгалезскимъ, подстаростимъ Лудкимъ, постановившимся очевисто въ замку господарскомъ, Лудкомъ, возный енераль воеводства Волинского и иныхъ воеводствъ, короне принадлежащихъ, шляхетный панъ Валентый Тучаницкий, ку записованью до книгъ теми словы созвалъ: ижъ дей року теперешнего тисеча пятсотъ девятьдесятъ первого, месяца октября тринадцатого дня, маючи я при себе шляхту людей добрыхъ, пана Яна Кгорицкого а пана Петра Доминика, былъ есми на справе его милости пана Василия Еловича Малинского, которую мель съ постановенья словного съ паномъ Павломъ Вышинскимъ, на ниве урочища Бабий Крыницы, надъ рекою Стохотомъ,—тамъ же, на помененой ниве, зъ обохъ рукъ полюбовне панове приятели, ихъ милость: панъ Миколай Семашко, кашталяновичъ Браславский, панъ Прокопъ Хреницкий, панъ Янъ Кгличинский, панъ Остафей Коровай, панъ Василей Копоть, панъ Иванъ Гулевичъ а панъ Янъ Быстрыковский, пытали зъ околичныхъ сель старцовъ и иныхъ людей добрыхъ: если бы были сведому чия то копанъ и чые уживанье тая помененая нива? Тогда зъ села Порцка подданные его милости пана Федора Загоровского: Олешко Ивановичъ старецъ, Тимошъ Ивановичъ, Андрей Лобко; зъ села Жмучи подданные его милости пана Миколая Семашка: Станиславъ старецъ а Яцко Кузмичъ; зъ Воли Жмуцкое—Панасъ Белохвощъ; зъ Мельницы: Иванъ Гудинъ, Федоръ Бубновичъ; зъ селца пана Остафея Ко-

ровая: Мойсей Прокоповичъ, Андрей Колинко; зъ селца подданые пана Анѣдрея Коровая: Гарасимъ Кузмичъ старецъ, Евтухъ Шафрановичъ, Иванъ Полошко; зъ селца подданые ея милости пенее Матѣевое Малинское: Санць Малоедъ; зъ села Угловъ: Мартинъ Горячка старецъ, Богданъ Жданченя; зъ села Подлесъ подданые пана Василя Коптя: Иванъ старецъ а Буць Соболевичъ,—тыми словы, подъ сумненьемъ своимъ, сознали: ижъ дей отъ часу не малого, можетъ дей тому быти зо дванадцать летъ, егда на той ниве покрадено было репу его милости пана Остафья Малинского, тогда, водлугъ давного звичаю, зобравшиися зъ околичныхъ сель громада, и, делаючи справедливость, опыть чинила, и того ликомъ дошедши, же отъ села Брехова стала ся шеода, и до того жъ помененого Брехова приложивши вину, вся громада взгодне всказала на селе Брехове его милости пану Малинскому осмъ маць репы, на што и памятное есмо взяли. А потомъ дей, за держанья его милости пана Василя Еловяча Малинского, вже тому волю лѣтъ, на той же ниве покрадено чотыри копы пшеницы; тогда тавимъ же способомъ зобравшиися громада, опыть чинила, и того ликомъ дошедши, следъ до Брехова подъ самымъ селомъ—вилка сноповъ тое жъ пшеницы нашли, а они следу не вывели; и приложивши вину, всказали есми на всемъ сель Брехове осмъ копъ пшеницы, на што и памятное есмо взяли. Што его милость панъ Василей Еловичъ Малинский мною, вознымъ, и звышъ менованою шляктою светчилъ. Которое сознание возного помененого до книгъ егородскихъ, Луцкихъ, естъ записано.

Книга Луцкая городская, записовая и поточная, № 2073, годъ 1591-1592, листъ 46 на оборотъ.

LXXIV.

Жалоба отъ имени Епископа Луцкаго и Острожскаго, Кирилла Терлецкаго, на князя Григорія Сангушка Коширскаго о томъ, что онъ насильно Каменецкаго арендатора, еврея Песаха, на находящеяся у Терлецкаго въ залогъ отъ Сангушка Коширскаго село Ворокомлю, который арендаторъ, находясь въ этомъ селѣ нѣсколько дней, грабилъ у крестьянъ деньги будто бы за раны, причиненныя одному изъ крестьянъ Ворокомльскихъ. 1592 г., октября 25 дня.

Року 92 мѣсяца, октября двадцатьпятаго дня.

Присылаю на вѣрь вгородский, Володимерский, до мене Григоря Обуха Воцатиньскаго, наместника Володимерскаго, его милость въ Бозе велебный отецъ Кириль Терлецкий, епископъ Луцкий и Острозский, жалуючи и оповедаючи на его милость князя Григоря Сангушка Коширскаго о томъ, штожь дей его милость, заставивши мене имена свои, въ повете Володимерскомъ лежащие, Мезово, Ворокомле, съ иными приселками, къ нимъ належачими, въ певной сумѣ пенезей до часу выкупна самъ черезъ себе а ни черезъ кого иного, ни чимъ въ тые именья вступоватисе, переказы чинити и трудности некоторое задавати не мель, подъ заруками и всѣми обовязками, въ листѣ записе его милости, мене даномъ, описаными, — то пакъ року тецерь идучого деветдесять второго, мѣсяца октября двадцать третего дня, умыслне чинечи его милость мене въ держанью тыхъ именей переказу надъ листъ записъ свой, наславши жидя своего, арендара Каменьскаго, Пѣсаха, до села Ворокомля, бромъ ведомости и позволеня моего, яко держачого, который же то жидъ, за росказаньемъ его милости, приехавши до того именья моего заставного, и, зобравши всихъ людей Ворокомскихъ передъ себе, заразомъ, мимо мене держачого, оказавши толко имъ листъ князя Коширскаго, пана своего, надъ ихъ повинность, зграбили ихъ и пенези, за примушеньемъ, съ кождого подданого выбираючи съ нихъ за некое зраненье тамошнего жъ подданого моего, Верекомьскаго,

сына Манюва, до себе побралъ, и людей всихъ, такииъ свовольныиъ наеханьемъ, зграбленьемъ и выбираньемъ зъ нихъ незвыклыхъ винъ, потревожилъ. За которымъ розрухомъ мне, пану своему, послушенства и плату одъ нихъ повинного и службы нивоторое нѣтъ; на чомъ дей полтораста копъ грошей личбы Литовское собе быти шедую, ку великой кривде и нарушенью запису мне, отъ князя Коширскаго даного, — што дей заразъ и вознымъ поветовымъ обвожено и оказано. Яко жъ и возный земский енераль воеводства Воломынского, врожонный Тимофей Брантский, до книгъ вгородскихъ, Володымерскихъ, вызвалъ тыми словы: ижъ року теперъ идучого деведьдесятъ второго, мѣсеца октебра двадцать четвертого дня, маючи при собе стороною двохъ шляхтичовъ, пана Федора Высоцкого а пана Василя Красовскаго, былъ есми на справе и потребе велебного его милости отца Кирила Терлецкаго, епископа Луцкаго и Острозскаго, во именью его милости, Ворокомлю; тамже видель есми, въ томъ селе Ворокомлю, великий плачь и сквиръзъ (sic) подданныхъ тамошныхъ, которымъ арендаръ Каменский, Пѣсахъ, жидъ, грабежѣ немалые починилъ и гроши нявнесъ зъ нихъ, при мне, возномъ, выбиралъ; и яко ми подданые того села поведили, же дей южъ тотъ жидъ Пѣсахъ, отъ вилка дний въ томъ селе мешкаючи, людьми колотити, грабити ажаеть (sic), выбираючи зъ нихъ съ вождаго гроши, не ведати за якое зраненье якобы тамошняго жъ подданого, поведючи ижъ дей за розказаньемъ виежати то все чинить надъ ними. И егды врандникъ владыки его милости того села, Ворокомский, Федоръ Мордачевичъ, передо'мною, вознымъ, и передъ стороною того жиды, Пѣсаха, арендара Каменскаго, пыталъ: для которе бы причины таеъ часто приежджаючи до того именья пана его, отца владыки Луцкаго, шедоды и кривды подданнымъ чинилъ и зъ моцы и послушенства тыхъ людей Ворокомскихъ его милости владыке выймовалъ, и тые гроши, черезъ грабежъ на нихъ, брати ваялся, — оный жидъ Пѣсахъ поведилъ на то вранднику владыки его милости, Ворокомскому, передо мною, вознымъ: ижъ дей я есми тутъ приехалъ до Ворокомля, теды не свовольне, и выбираю пенези на подданныхъ не ку своему позитку, одно за розказаньемъ и писанемъ виежати его милости Коширскаго, пана моего, который ластъ

князя Коширского, до него писанный, передо мною, вознымъ, оному вряднику Ворокомъскому, Федору Мордачу, до рукъ отдалъ, абы его въ томъ самого невиновано. Што все врядникъ его милости отца владыки Луцкого, Ворокомъский, Федоръ Мордачъ, мною, вознымъ, светчялъ, изъ дей княжа Кошерское таковое безправье и переказу въ спокойномъ держанью и уживанью его милости отцу владыце, пану моему, надъ листь запись свой вжо не подновротъ чинить и до шкоды его милости невингъне приправуетъ. Которое оповедане и возного сознание до книгъ вгородскихъ, Володимерскихъ, записати есми казалъ.

Книга Владимірская городская, записовая и поточная, 1592 года, № 947, листъ 698.

LXXV.

Жалоба отъ имени епископа Луцкого и Острожскаго, Кирилла Терлецкаго, на князя Григорія Сангушка Коширскаго о томъ, что онъ наслалъ своего Каменецкаго арендатора, еврея Песиха, на находящееся въ залогъ у Терлецкаго село Ворокомлю, который еврей въ этомъ селѣ производилъ судъ надъ крестьянами, отобралъ у одной вдовы крестьянки землю и отдалъ ее другимъ крестьянамъ. 1592 г., ноября 15 дня.

Року 92, мѣсяца ноября пятогонадцать дня.

Прислалъ на врядъ вгородский, Володимерский, до мене Григорья Обуха Воцатинского, наместника Володимерскаго, его милость въ Бозе велебный отецъ Кириль Терлецкий, епископъ Луцкий и Острожский, жалуючи и оповедаячи на его милость князя Григорья Санъгушъва Коширського о томъ, што дей его милость, заставивши мнѣ именья свои, въ повете Володимерскомъ лежащие, Мѣзово, Ворокомле, зъ иными присельями, къ нимъ належачими, въ певной сумѣ пенезей, до часу выкупна самъ черезъ себе и ни черезъ кого инышого ничимъ въ тые именьня вступоватисе, переказы чинити и

трудности некоторое задавати не мѣлъ, подъ заруками и всѣми обобязьбами, въ листе записе его милости мѣѣ даномъ описанными, — то накъ року теперъ идучого тисеча пятьсотъ девѣдѣсѣтъ второго, мѣсяца ноября первогоднадцѣтъ дни, умыслѣне чинечи его милость князь Коширьскій мѣе въ держачю тыхъ именей переказу, не помнечи на листъ записъ свой, прислалъ жида своего, оренѣдара Каменьскаго, Песаха, до села моего Ворокомля, кромѣ ведомости моее, которой жидъ Цѣсахъ мимо мене, держачого того имения, чинячи переказу въ держачю моему, казавши передъ себе прийти подданнымъ моимъ того села, вступовалъсе въ ненадежность свою, упорне судилъ подданныхъ, то есть вдову по смерти мужа ее, Ивана Тышковича, съ подданными того жъ села Ворокомьскаго, Федькомъ Сажькою а Симономъ Земькомъ, — зобравши всехъ людей на тотъ судъ свой, и поотбиравши вгрунты въ тое вдовы, расудькомъ своимъ другимъ подданнымъ поодавалъ, который судъ помененого жида, оренѣдара своего, его милость князь Коширьскій листомъ своимъ подтвердилъ, чинячи дей то все ку великой кривде и шкѣде моеи. Для которого спустошенья и свовольного всмланья, чиненьемъ переказы, и неслуженьемъ службы, и неотданьемъ плату и повинности подданныхъ, шкѣдоу себе на сто копъ грошей личбы Литовское, — которое безъправное укривженье отъ князя Коширьскаго заравомъ осведчено есть и оказано возному поветовому. Якожъ и возный емералъ воеводства Волыньскаго, врожоный Тимофей Браньскій, ку записанью до книгъ вгородскихъ, Володимерскихъ, вызналъ тими словы: изъ року теперъ идучого тисеча пятьсотъ девѣдѣсѣтъ второго, мѣсяца ноября третегонадцѣтъ дни, маючи а при себе сторону двоухъ шляхтичовъ, пана Авькгуштѣйна Черевскаго а пана Яна Поплавьскаго, былъ еси на сарае и потребе его милости отца Кирила Терьлецкаго, епископа Луцкаго и Острозьскаго, въ имену его милости, у Ворокомлю, также подданаго его милости отца владыки Луцкаго, Ворокомльскаго, на имя Ивановая Тышковичоваго, передо мною, вознымъ, плачьливѣ и жалосне оповѣдала, изъ дей жидъ, оренѣдаръ Каменьскій, Цѣсахъ, приехавши отъ князя его милости Коширьскаго, съ Камени, днѣ огодашнего тутъ до села Ворокомля, вгрунтъ мой увесъ, съ чого еси до смерти мужа своего его милости отцу владыке Луцкому служилъ

и платъ платила, отъ мене, убогое вдовы, поодѣнцмалъ и другимъ людемъ, суседомъ моимъ, за поклономъ поутдавалъ, и къ маестности рухомой зобралъ мя, за чимъ теперъ а ни службы служити а ни подачокъ давати немаю съ чого. Што все врадникъ владыи его милости, Ворокомъский, Федоръ Морьдачь, мною, вознымъ осветчиль, изъ дей княжа Кошеръское таковое безъправье и переказу въ споконномъ держанью и вживанью его милости отъцу владыце, пану моему, надъ листъ свой вже непооднокротъ чинить, подданныхъ убожить и до шкоды его милости отца владыку невинное приправуетъ. Которое оповеданье и возного сознанье до книгъ вгородскихъ, Володимерскихъ, записати есми казати.

Книга Владимірская вродская, записоная и поточная, 1592 г., № 947, л. 711 на об.

LXXVI.

Записъ землянина Павла Тимофеевича Пузовскаго, которую онъ освобождаетъ отъ крѣпостной зависимости своего крестьянина Федора Даниловича. 1693 г., марта 15 дня.

Року 1593, месеца марта 12 дня.

Передо мною Федоромъ Загоровскимъ, подстаростимъ Володимерскимъ, на вrade вгородскомъ, Володимерскомъ, ставши очевидно панъ Павелъ Тимофеевичъ Пузовскій, добровольне вызналъ, водле листу запису своего, Федору Данилевичу на вызволенье его съ подданства, подъ печатю своею и съ подписомъ руки своее, такъ же подъ печатми и съ подписомъ рукъ приятелей своихъ, даного, которого передо мною покладалъ и просилъ, абы до книгъ былъ уписанъ. Я его огледавши и, видечи бытъ во всемъ зуполного, для удисовая до книгъ принялъ и передъ собою читати казаль. Который слово отъ слова былъ читанъ и такъ ся въ себе маеть: »Я Павелъ

Тимофеевичъ Пузовскій, земенникъ земли Волинское, повету Володимирского, чиню явно и визнаваю самъ на себе тымъ моимъ добровольнымъ листомъ, кому будетъ потреба (того) ведати, або чтучи сесь мой листъ слышати, ижъ што который человекъ мой отчизный, Пузовскій, на йме Федоръ Данилевичъ, зосталъ мне вечно на делу ровномъ отъ брата моего рожиное, пана Михайла а пана Карпа Тимофеевичовъ Пузовскихъ, — што есть межи нами листы, записы нашими утвержено и на вrade его господарскомъ, для ветьного права, везнано. А такъ я, Павелъ Пузовскій, паметаючи на уцтивые службы того подданого моего, Федора Данилевича, которые онъ мне, пану своему, зъ молодыхъ летъ своихъ чинилъ, а теперъ еще хотечи его ку себе зычлившимъ учинити, абы онъ на то пометаючи, за мене пана Бога просилъ, а жоне моей и деткамъ моимъ зычливость зъ себе показовалъ, — tedy я того Федора Данилевича съ послушенства своего его вызволяю и волнымъ его чиню на вечные часы подъ такимъ обычаемъ: ижъ яко я самъ, Павелъ Пузовскій, такъ малжонка и детка мои, его себе за отчича почитати и его поискивать нигде не маемъ, але вже волно ему будетъ кому хотечи служити, такъ тежъ и въ местехъ господарскихъ где хотечи оселость себе принявши, або купивши, мешкати, на вечные часы. А панове брата, такъ рожиные яко и близкие мои, до его некоторого дела мети не мають и пренагабана некоторого ему нехай не чинять. А где быхъ я сего листа моего пробачивши, самъ, або ктожъ колвекъ въ томъ его пренагабалъ, и якую переказу ему въ чомъ колвекъ, зъвлаща менуючи, або поискиваючи его за отчича, чинили, тогда я и кождый таковой повиненъ будетъ заруки на вrade Володимирский, вгородский, заплатити двадцать копъ грошей; а заплативши предъ се сесь листъ мой при моци захованъ въ кожного права маеть быти. Яко жъ на тую мою добровольную хуть и волю, на то самъ есмь тотъ листъ мой на вrade вгородскомъ, Воюдимирскомъ, призналъ, и на то есмь ему далъ сесь мой листъ зъ моею печатью и съ подписомъ руки моею. А при томъ были и того добре свѣдомы, а за очевидною а усною прозбою моею печати свои приложити и руки свои подписати рачили ихъ милость: панъ Богданъ Богушевичъ Пузовскій, подсудокъ земский, Берестецкий, а панъ Абрамъ

Богушевичъ Пузовскій же. Писанъ у Пузове, лѣта Божего наро-
женя тисеча пятсотъ деведсать третего, месеца марта пятогонад-
цать дня. Павелъ Пузовскій, власною рукою подписалъ; Богданъ Пу-
зовскій, власною рукою подписалъ; Абрамъ Пузовскій, власною ру-
кою. Которое жъ я сознанье добровольное пана Павла Пузовского и
тотъ листъ запись его, звышъменованый, слово отъ слова до книгъ
кгородскихъ записатьи казаль.

*Книга Владимірская городская, записовая, поточная и декре-
тоная, № 948, годъ 1593, листъ 198.*

LXXVII.

Инвентарь имѣній принадлежащихъ панамъ Евстафію, Юрію, Петру
и Александру Тышкевичамъ Логойскимъ, находящихся въ Житомирскомъ
повѣтѣ, Кіевскаго воеводства, съ исчисленіемъ крестьянъ и мѣщанъ и ихъ
повинностей. 1593 года, Октября 7 дня.

*Feria quinta post Dominicam sexagesima proxima, anno Domini mille-
simo septingentesimo trigesimo sexto.*

Ad iudicium actaque praesentia, terrestria, camenecensia Podoliae po-
sitionis iudicialiae actorum terrestrium palatinatus ejusque personaliter
veniens generosus Alexander Żdanowski, obtulit eidem iudicio et ad actican-
dum porrexit revisionem bonorum, in palatinatu Kiiowiae existentium, illu-
strium magnificorum Tyszkiewiczów haeriditariorum, per generosos commis-
sarios in anno millesimo quingentesimo tertio, die septima mensis octobris
expeditam, manibus eorundem commissariorum propriis subscriptam et si-
gilis binis communitam, introcontentam tenoris ejusdem: Roku tysiącznego
pięćsetnego dziewiędziesiątego trzeciego, miesiąca octobris siódmego. Rewi-
dowanie majątności ich mościów panów woiewodzciców Brzeskich przezemnie,
Jana Machewicza, za mocą, którą mnie dali ich mość panowie Ostafian,
sekretarz jego królewskiej mości, y bracia ich mość młodsza: pan Jerzy,
pan Piotr, pan Alexander Jurewiczowie Tyszkiewiczowie Łohoyskie, w wo-
jewodztwie Kijowskim a powiecie Żytomirskim leżące, Słobodyszczca, którą

na ten czas pan brat ich mościów panów starszy, pan Fedor Tyszkiewicz Łohoysky, trzyma za postąpieniem ich mościów, według listów obliżów, między ich mościami z obuch stron danych, o rowny dział. Naprzód początek majątności ich mościów panów: z obuch stron miasto Słobodyaszca stare, w którym miasteczku zamek, w położeniu iest nad rzeką Piat, wielką; około zamku ta rzeka Piat wkoło obeszła; a mianowicie w tym zamku budowanie: izb białych pięć, horodeń czternaście, piekarnia podle bramy, kuchnia podle piekarni, wieża iedna, pod którą wieżę iego mość pan Fedor świetelkie zbudował; strzelby dział cztery, a trzy, które jego mość pan Fedor powiedział, że z Łohoyska, dla obrony przeciwko nieprzyjacielowi, prowadził, a czwarte, które jego mość pan Kaleniecki, stryi ich mościów, po śmierci swoiey, zostawił; hakownic dziesięć, rucznic zamkowych dwadzieścia, prochu widziałem beczek dwie, kul działowych ośmdziesiąt, hakowniczych kul dwie kopie. Miasteczko stare, które jego mość po śmierci pana Kalenickego zostało, w którym domów osiadłych siedmdziesiąt; początek tego miasteczka, staro Słobodyiskiego, co jego mości panu bratu Fedorowi ich mościom panom czyniło, mianowicie: z każdego domu na rok płaty dawali każdy mieszczanin po groszy Litewskich dwadzieścia a, powinność tych mieszczan—roboty w rok po trzy dni, każdy z nich robi—dzień orać, a drugi dzień—ząć, a trzeci dzień—siano kosić. Których mieszczan pytałem: iesliby iakowe powinności albo podatki jego mości panu Fedorowi nadto więcey z siebie nieczynili, albo w podwoide iesliby powinni jezdzić? Tedy powiedzieli przedemną: że za nieboszczyka jego mości pana Kalenickego, jego mości panu y jego mości pan swemu przed tym, iako się wyż pomienilo, wypełniali; ale nam jego mość pan Fedor, pan nasz, to wszystko otpuscił, bośmy bardzo ukrzywdzone są od pierwszego pana wojewody Wołyńskiego, a terazniejszego pana Krakowskiego, który nam gumna popalił y grunta pod miastem, za groblą, współpanem Harmiejskim, oiechawszy, odjoł y dałnam jego mość, cośmy od pana Krakowskiego ogniem spaleni, wolność do lat pięciu, która nam poczeła się od roku tysiącznego piętsetnego dziewiędziesiątego pierwszego, iako według nadania jego mości wynidzie żadney powinności czynić nie będziemy. Miasto drugie Słobodyyszce nowe, po drugiey stronie siedzi zamku, na gurce od rzeki Kūzminki, które jego mość pan Fedor niedawno, już po śmierci nieboszczyka pana Kalenickego, wziowszy do rąk y władzy, własnym kosztem y nakładem zwoim osadził. W tym mieście nowo osiadłych domów sto czterdzieści y osiem; iakoż pytałem tych mieszczan: iesli iakową powinność jego mości panu Fedorowi, bratu ich mościów, groszowo albo daną czynią? Tedy odpowiedzieli przedemną: każdy

z nas powinności jego mości nieczynimy, iako wolne ludzie, z różnych stron przyzedszy do tego miasta, Słobodyskiego, na łasce jego mości mieszkamy. J pokazywali mi list iego mości pana Fedora, iż jego mość dał im pierwszy włą do lat dwunastu; a potym, gdy oni mu się (sic) od pana Krakowskiego domy były popalone, nadał onym jeszcze nadto lat kilkanaście, y puki nam, według nadania listu jego mości pana naszego, wola wytrzymana będzie, z siebie żadney powinności niepowinni. Pod tym że miastem y na tey że rzece grobla zasypana ko iednemu brzegowi do gruntu pana Harmińskiego, Somowskiego, a drugemu brzegowi od miasta do gruntu Słobodyskiego, y młyn zbudowany, w którym koł starych, co panu Kalenieckiemu zostawili; a co pan Fedor przybudował,—koł trzy iest teraz, koł mącznych trzy, czwartę —stepne, a piątę—fołuszy. Jam pytał mieszczan Słobodyiskich: »coby za pożytek z tego mlyna czynił? Oni powiedzieli: »iż z tego mlyna arędarz tuteyszy bywszy, gdy się Słobodyszcze jego mości panu naszemu dostali, arędy płacywał żyd wszystkiego kop pięć, a teraz, gdy juz jego mość Listowce osadził, tedy arędy płaci kop dziesięć na rok folwarczny jego mość pan Fedor, niepodaleko od miasta Słobodyszcz, w który paszy bardzo troche było, y to iego mość pan powiedział, ze te pasznie, za własne pieniądze swoe u sługi swego Krypa Prussaka kupił, y bydło rogate y inazy statek dorówny. Jego mości dworny a potym znowu jego mość mieszczan, tak starego miasteczka Słobodyszcz, iako też y nowego, wszystkich zebrawszy w gromade, mowilem onym, aby do pomieszczenia gruntow na włoki szli y sobie włokami, kazdy z nich rozebrawszy, mieszkał, y w ten regestr sam z dziećmi y wszystką majątnością swoją mianowicie wypisał. Które wszyscy gromadą krzykneli temi słowy: »Boże tego uchoway, Boże tego uchoway, aby my mieli to uczynić, a włokami grunt sobie rozbierać y w regestr plemienia swoje wpisać dali, gdyż to wszystkim kraiom niezachowuie, aby panowie nasi mieli nas, dzieci nasze y majątności nasze, iako ludzi wolnych, popisować, y u siebie w niewoli bydź,—czego oycowi nasi y my sami mieszkając już postarżeli się, a tego iako y nietylko widzieli, ale o tym y niesłyszeli abyśmy tak wymyślnie włokami mieć mieli, a to my zaraz, iako ludzie wolne, dawszy jego mości panu naszemu teraznieyszemu, który nas trzyma, po groszy dwadzieścia, wychodzimi, do kąd chcemi przyjdziem, a tu mieszkać nie będziemy, imion naszych spysywać wam niedamy, y, będąc wolnemi ludzmi, w niewoli bydź niechcemy. A gdy jego mość pan Fedor onym pre demną rozkazał, aby wszystkiego tego niezabanieli, tedy widzialem to dobrze po nich, iż taki rozruch między sobą uczyniwszy, a wszystkie poezeli się bunto(wać). Przecz ia, obaczywszy to,

musiałem mierzeniu gruntu na włoki, y spisować kleynich (sic) w regestr, dla pokoju, (dać pokój) a jego mość pan Fedor, brat jego mości, nie będąc przeciwny listem y obligiem swoim, którym się jego mość o pomierzenie gruntow, jako też y pomiarkowania na równe części wszelkich pożytkow, mnie, iako umocowanemu ich mością wszystkim, według potrzeby rewidowania, dopuszczał. Jakoż na ten czas, mając jego mość przy sobie generała woznego ziemi Kyiowskiej, szlchetnego Hryhorego Ulanickiego, y szlachty ludzi postronnych, pana Bohdana Anachowskiego a pana Wawrina Staruchę, przydawszy mnie od siebie sługę swego, pana Jana Woronicza, we wszystkich imieniach, do Słobodyszcz należących, rewidowania postąpił; za którym ja postąpieniem, z tym pomienionym służebnikiem jego mości, spisawszy naprzód wszelkie pożytki y przychody w mieście Słobodyiskim, tak starym iako y nowym, potym przyzwaawszy do siebie starych mieszczan Słobodyiskych człowieka kilku, którzy byli świadomy majątności nieboszczyka pana Kalenieckiego, stryja jego mości, y przy nich także człowieka starego, który za nieboszczyka pana Kalenieckiego horodniczym w Słobodyszczach był, pytałem ich, aby mi powiedzieli prawdziwie pod sumieniem, ieśliby iaka majątność ruchoma, to iest: koni, bydło, stado, iako to sieroty po śmierci nieboszczykowskiej, w zamku Słobodyiskim zostało? Oni mi powiedzieli: iż żadney majątności po nieboszczyku panu Kalenickiemu tu, w Słobodyszczach, nie zostało, krom działka iednego, a majątności, od mała do wiela, ieszcze za żywota jej mości ztąd do Litwy sprowadzoną do imienia Truszowieckiego. Potym pytałem woitya y mieszczanina starego miasta Słobodyiskiego: iiesli by iakie wsi byli dawne, stare, nieboszczyka pana Kalenieckiego osiadłe, do Słobodyszcz należące? Którén mi powiedział: iż więcey wsi niemasz, oprócz iednego sioła starego Puliny, za Żytomirzem w pięciu milach, na Polesiu, w których było poddanych domow osiadłych osimnaście, a nową za jego mości pana Fedora osiadłych domow trzydziesci dwa; z tych poddanych powinność taka na jego mości idzie: czynszow gotowych pieniędzy kop dziesięć, miodu prasnego dani dają wiader Żytomirskich cztyrnaście, to iest kadzi trzy bez iednego wiadra; z arędy od młynka y karczmy y wszelkiego napoju na rok arendy płaci pieniędzy kop dwadziescia; na to też poddani powinni iechać w podwode na rok ieden raz za dziesięć mil, — więcey nic. Sieliszcze puste pod Żytomirzem, nad rzeką Teterką leżące, przewyiające się Sielec, z którego przedtym dawał mieszczanin Żytomirski miodu prasnego dani wiader dwie, a z pola wszelkiej paszni, według urodzaju dziesiątą kopę też mieszczanie Żytomirskie dawali, a teraz już od dziesięciu lat, iako to pan starosta Żytomirski przez mieszczan króla jego mości, Żytomirskich,

ten grunt do miasta pociągnowszy, tak danie jako y dziesięć odtąd y na siebie bierze. Wieś Rayki, którą sługa jego mości, pan Woronicz, nowo osadził, niepodaleku od Słobodyszcz, w położeniu nad rzeką Piętą wielką, a na koniec tej wsi Horodyszcz pustego; około tego Horodyszcz wał stary sypany; w tej wsi Raykach podymia osiadłego sześćdziesiąt, a powinności żadney z niego niemasz jego mości panu Fedorowi. Wieś Hołotki, tenże jego mość pan Woronicz swoim kosztem y nakładem osadził niepodal Słobodyszcz, w położeniu nad rzeką małym Piatem; na tej rzece groblą zasypał, y staw zajął, y młyn zbudował; w którym młynie koł mącznych dwie, a stępne koło trzecie; który to młyn na swoją potrzebę trzyma, y mienił sobie pan Woronicz jego mość ten młyn kosztuie, nim go zbudował według potrzeby, złotych dwieście; a z poddanych tej wsi Hołotkow niżadney powinności niemasz, bo na woli siedzą. Niepodaleku tych że Słobodyszcz sielce alias wieś Zbrzyłowka, w położeniu nad rzeką Piatem, które sługa jego mości, pan Krzysztof Kozicki, niedawno swoim własnym kosztem y nakładem poddanemi osadził; w której to wsi podymia osiadłego dwanaście, a powinności z niego jego mości panu Fedorowi Tyszkiewiczowi ni żadney niemasz, bo ieszcze wola niewyszła, według nadania jego mości. Wieś Olizkowcy, które sługa jego mości, pan Krzysztof Prusak, trzyma, tę nową osiadł; w którym podymia siedem, y było więcej, niżli jego mość pan Krakowski, nasławszy tatarów swoich, poddanych rospędził a domy popalił; z tej wsi powinności żadney niemasz. Sieliszcz Kaszczyńskie, powyżej Olizkowców, nad rudą Białą, na którym był osiadł Kornio Boiarzju, to tedy pan Krakowski, nasławszy tatarów swoich na dwor jego, majątności wszystko od mała do wiela pobrał, y jego samego w więzieniu kilka niedziel trzymał, z którego ledwo uciekł, a budowanie jego popalić kazał, które teraz w pustu leży. Miasto nowoosiadłe Berdyczow, w położeniu nad rzeką Piatem wielkim, od Słobodyszcz we dwóch milach w górę Piate, które jego mość niedawno swoim własnym kosztem y nakładem osadził; w którym podymia osiadłego sto czterdzieści, z których żadney powinności niemasz, według nadania wolności za listem jegomościym, iako to w tym liście nadanym wolnościach onych szyrzey opisuie. W tymże miasteczku zamek, na Horodyszczu, poczęty budować; w którym zamku budowanie: naprzód wieża nad wroty zbudowana, w teyże wieży swietlica, w scienie swietelki cztery, horodeń sześć, na gorce sala zbudowana wielka, piekarnia, sieni, swietelka, na przeciwko—swietelki dwie, sieni y komora; w bok sieni naprzeciwko wieży poczęto budować y niedobudowaną; a na ostatek Horodyszcz ostrogiem obstawioną, w koło zameczku przygrodęk, ost-

rogiem obwarowaną. Pod zamkiem, na rzece Piatu, grobla zasypana, staw zaięty y młyn zbudowany, w którym młynie koł cztery,—dwie mącznych, trzecie stępnę, a czwarty folusz; który młyn teraz pierwszy raz tego—roku tyśiącznego pięćsetnego dziewiędziesiątego dziewiątego (sic) jego mość tydowi zaarędował, z mytem pogrobelnym,—od woza nakładnego po grosza, za sto kop na rok; a inszego pożytku y przychodu więcey niemasz nieczego; szynków miasteczku od wszelakiey (sic) wolny; jakoż y list nadania wolności na dwanaście lat, od jego mości dany, pokazywali mnie, z którego do jego mości y kopię przezemie dali; folwarku do tego zamku y miasteczka Berdyczowa na jego mości niemasz. Wyżey Berdyczowa, na wsi Bystryka wpadywa Bystryk, w rzekę Piat, wieś sługi jego mości pana Kroswiekiego, przezywaiące Bystryk, które on swoim własnym kosztem y nakładem zprowadzając osadził; w tej wsi podymia trzydzieści, z tych poddanych pożytku żadnego nieczyni. W teyże wsi Bystryku, na pomienioney rzece, pod wsią, grobla zasypana, stawek zaięty y młynek zbudowany; który to młynek ten pomieniony sługa jego mości na potrzebę swoją własną trzyma; a w nim koło mączne iedne. Wyżey tej wsi Bystryka, wierzchu rzeczki tegoż Bystryka, wioska Markuszowcy, które był osadził sługa jego mość Uhrya Mikłasz, w którym było podymia dziewięć, które tatarowie popalili, ludzi pobrali terazniejszego roku tyśiącznego pięćsetnego dziewiędziesiątego trzeciego, teraz spustoszało,—nikogo niemasz. Sieliszczce, przezywaiące się Hazyne, nad rzeką Piatem wielkim leżące, wierzch k szlaku, które sługa jego mość pan Szczęsny Mioduski swoim własnym kosztem y nakładem, ludzi zwodząc z różnych stron, osadził; w którym podymia osiadłego człowieka dwadziessia pięć; z tej wsi pożytku jego mości żadnego niemasz, ani temu pomienionemu słuźebnikowi jego mości,—bo niedawno ich osadził. Na teyże rzece Piatu wielkim, wierzch, sieliszczce przezywaiące Machnowskie, które także puste stoi. Sielce sługi jego mości pana Nizgorskiego niedawne, nad rzeką Bernawą, osadził, w nim poddanych podymia pięć; z tego sielca pożytku tak jego mości panu Fedorowi, iako też y temu słuźebnikowi jego mości ni żadnego niemasz. Sielce nowe osiadłe na rudzie Płoskiej, które słuźebnik Semen Biełokrynski trzyma; w nim podymia człowieka cztery, z którego żadnego pożytku niemasz, bo onego niedawno osadziwać poczoł, iedno drugi rok te wszystkie wsi, sieliszczca, horodyszczca puste, iako się wyżey pomieniło, do miasteczka Słobodyszczca y do miasteczka Berdyczowa należy. W Słobodyszczach z iednego boku od Czudnowa granicy niemasz, choć była ale dawnych czasow, lat więcey niżli od trzydziestu zepsowana y granicy wszystkie od Słobodyszcz; według przywileju Słobodyjskiego przodkom jego mości od kniana

Swiatryła (sic) nadanego, jego mość pan Krakowski gwałtownie od Wroszyna kilka mil posiadał, sieliszcz różnych kilkadziesiąt osadziwszy, listami y wstamy na siebie trzyma y używa, y grunt, aż pod same miasto Słobodyszcz, po trakt Słobedyiski, odioł, y poddanym za staw ku Piacie nogą wystąpić niewolno,—iakoż poddani Słobodyiskie niemałe krzywdy, sekody, grabieży nieznosne, ustawiczne od pana Krakowskiego sobie bydz, przedemną mianowali. W koło tych że Słobodyszcz y Berdyczowa granicy doskonałej niemasz, ekrom od Kodni, od Ułanowa, od Winnicy, od Lichnalkowa szlak czarny tatarski dzieci, któredy tatarowie z ordą w ziemie króla jego mości pana naszego ehożdziłi. Grunt Białopolski, który na ten czas jego mość pan Fedor, nie lawno trzymając, osadził; na nim miasteczko, nad Hujewką, poczowszy osadziwać, y na Orodyszczenuk zameczek założył, w którym zameczku zbudowana wieża jedna, a druga wieża poczęta budować y niedobudowana; jedna piekarnia, na niey strzelby w nim niemasz nic. Orodyszczenko zastawione palami; w tym że miasteczku podymia poddaniami osiadłego omdziąsiąt; powinności żadnych z nich nic niemasz,—bo niedawno poczęto osadzać, w roku przeszłym tysięcznym pięćsetnym dziewięćdziesiątym drugim. Pod miasteczkiem, na rzece Hujewce, zaięta grobelka na rudzie Orodyszczca, która ruda z pola w staw w Hujewkę wpadła; grobla nowo wysypana cwićć mili od miasteczka na rzece Hujewce zaięto, y młynek zabudowano, w niem jedno koło mączne, y ten młynek na wyżywienie studze swemu jego mość pan Fedor postąpił. Pożytku tam z tego miasteczka, iako y z tego mlyna, nie niemasz; do tego miasteczka folwarku niemasz ani wsi osadzonych. O który to grunt Białopolski jego mość pan Fedor Tyszkiewicz wielko zasie z kniazem Kyrykem Rużyńskim ma y prawo z nim wiedzieć; który grunt Białopolski, kniaz Rużyński mieni bydz swoim własnym Bernawskim, y tam; gdy był pierwey tego, jego mość pan Fedor na tymże Orodyszczenuku zameczek założył y miasto osadziwać poczęł, [nasławszy kniaz Rużyński, zameczek spalił, y co nowo na miasteczku poddanych pobudowało się było, popalił, ludzi pobiwszy, reszcie rozpedził y pustki uczynił był; którego gruntu Białopolskiego granicy doskonałej niemasz gdzie kniaz Rużyński to bydz miem swoim, a jego mość pan swoim, y oto z obudwuch stron u prawa za pozwy staia; jakoż sobie jego mość pan Fedor mienił bydz szkodę niemało w tym, strony gruntu Białopolskiego z kniazem Rużyńskim, wiedząc na kilka tysięcy złotych stało. Miasto Kodnia, zamek Kodzeński, w położeniu nad rzeką Kodnią, we dwóch milach od Słobodyszcz; a to iest zamek na Orodyszczu poczęty budować, w którym zbudowaną, swietelki dwie przeciwko wrut y komora, małych swietliczek

niewielkich pod wałem dwie, y też kuchenka od stawu y z piekarnią niewielka podle kuchni y zrębów, co było poczeto zamek budować, pić w których człowieka w zimie zbudowano; (sic) piwnica z lochem, na piwnicy chłodnik postawiony, wedle chłodnika niepodaleku komorka, którądy z miasta do zamku chodzą, brama poczęta była robić, iedno tylko wrota przyrobione a na wierzchu, nad wrotami, zrąb niewielki; obapoł tey bramy z iednego boku komorek dwie, z drugiego boku drugie dwie w scienie, na wale budować poczęte byli y nie dobudowane. Koło Orodyszczca, na którym budowanie stoi, y wałów staroświeckich dwa; w koło tych wałów Orodyszczca zastawiono od miasta palami. W zamku strzelby niemasz; miasto w którym podymia osiadłego pułtrzeciasta; jako iem pytał mieszczan: co by za pożytek y powinność jego mości była? którzy powiedzieli: iż my powinności żadney z siebie jego mości czynić niepowinni, bośmy tu niedawno za jego mości osiedli, — temu lat osim; a mamy list o wolności, y według tego listu, mamy od jego mości pana naszego nadane na dwadziescia lat słobody. W tym miescie Kodni żyd mostowe y myta płaci jego mości pieniędzy kop trzydziesci; folwark jego mości przeciwko zamku za stawem: naprzód gumno, a w gumnie paszni wszelkiew mogło bydz kop tysiã, którą pasznie pytałem tak jego mości samego, iako też y mieszczan tamecznych, Kodeńskich, iakim sposobem one pasznią? tedy mi jego mość sam a też mieszczanie powiedzieli: iż to jego mość swoim własnym pługiem paszą, y pasznie swoje sieie, a gdy żać przydzie, tedy za dobrej woli, za strawą pańską, y za piciem, możem y dzień posłuchać, a więcey nic nadto, gdy nie naymie za grosz, to robić nie będzie. We dworze bydła rogatego pospolitego iest niemało, tylko jego mość powiedział: że to iest bydło moje własne, do którego jego mość panowie bracia do dzielenia wstępu ni żadnego nie maia, bo gdyż moy przypłodek własny. Niżey tego miasta Kodeńskiego grobla, na rzecie Kodni zasypana, staw zaięty y młyn zbudowany, w którym młynie koł mącznych dwie, a trzecie stępną, czwarte koło foluszy. We wsi Jankowcach w stawu nad rzeką Kodnią, które służy jego mości Jankoscy y Growieckie, niedawno osadziwszy, trzymaia; w nim podymia osiadłego dwadziescia, z tego powinności panu Fedorowi niemasz, okrom iesli się trafi gdzie po potrzebach z listem posłać. Wieś Wertykijowcy, tam że niepodaleku wsi Jankowiec, przestaw za rzeką Kodnią, które służy jego mości, osadziwszy swoim własnym kosztem y nakładem, pan Stanisław Kupa, trzyma w nim podymia człowieka dziesięć, z tey wsi jego mości panu Fedorowi powinności żadney niemasz; w tey wsi na rudzie groble tenże służy jego mości stawek zaiół y młynek zbudował swoim własnym kosztem y nakładem, y

na wychowanie swoje do dworu trzyma. Wieś Sielidzbecy, nad rzeką Kodnią, które sługa jego mości Olekszyc, sprowadziwszy poddanych swoich własnych z Wołynia, osadził, y trzyma w nim podymia osiadłego człowieka dziesięć, z tego powinności żadney niema. Drugie tamże niepodaleku od tych Salnice (sic) wieś Dederkały, które tenże sługa jego mości pan Semen Olekszyc trzyma, y także swoim własnym kosztem osiadłych poddanych zwiodł; w nim podymia człowieka pięć,—ta wioska wpołożeniu nad rzeką Kodnią, z niey powinności żadney niemasz. Wieś Sołotwin, które słuha jego mości pan Jozef Jabłonski, zwodząc poddanych swoich własnym kosztem y nakładem; w nim poddanych podymia dwadziescia; na wsi dwor swoy ma, po de dworem na rudzie grobelką zasypał starą, y młynek zbudował; w nim koło iedne mączne, y ten młynek na wychowanie do dworu swego trzyma; powinności z tey wsi niemasz, okrom ten sługa jego mości pan Jabłonski koniem służy. Wieś Żurbince, które sługa jego mości pan Anton Żurbiński swoim własnym kosztem y nakładem, zwodząc poddanych, osadził; w nim poddanych podymia sześć, powinności żadney niemasz, krom, według możności, koniem służyć powinien. Wieś Sielce, gdzie służy jego mości ni mieszkaia: Zabłocky, Jwan Hołyc, maia poddanych w siebie, których swoim kosztem y nakładem zwiodszy, osadzili podymia dziesięć; z tego powinności żadney niemasz, okrom możności koniem służyć. Wioska Siemaszkowcy, które trzyma sługa jego mości pan Tokarski; w tym poddanych dymów osiadłych człowieka pięć, powinności żadney niemasz, iedno koniem, według możności, służyć. Sielce, które sługa jego mość Połowicki poczoł osadziwać; w nim już podymia człowieka sześć; powinności z niego żadney niemasz, y służby koniem niemasz. Sieliszcze puste Ozirańskie, które sobie sługa, jego mości pan Moszkowski uprosił y natym jeden sam mieszka; poddanych niema. W tymże sieliszczu Ozirańskich folwark poddanych kniazia Kiryka Rużyńskiego, z Kotelnicy, kilkanaście osadsoną, zachodząc przez granice grunt gwałtem. Te wszystkie wsi sieliszca, iako zwyż pomieniło, do miasta Kodni należą. A granica tego imienia. Kodeńskiego, od Pięty do Pięty, tak się opisuię: Naypierwiey, poczowszy poniżey miasta Kodeńskiego, od rzeki Kodni, na uście błota Mułowiszcze wierzch, trzymaiąc na wschod słońca—po prawey stronie grunt Kodeński y do Kodni, a po lewicy stronie grunt pana Przeżowskiego, Horodyszczu Trzybeszowskiego, do Pryżowa, błotem wierzch, do gaju brzozowego, gdzie się schodzi grunt Kodeński z gruntem Tryniskim y Leszczyńskim, imieniem pana Hornastaiowym. Od gaju brzezowego, do kopca starego, także polem do wierzchu Czerewienki po rudę Czerewenkę, wniz, aż do gróntu Wołosowskiego u Bojarkę, a stamtąd, wierzch Boiarki,

widząc Boiarką, aż do Wilczego Rogu, gdzie się poczyna granica z gróntem Ozirańskim, a od Wilczego Rogu do Lipników rzeczki, a Lipnicką w Niechworosną, rzeczkę, a z Niechworosney rzeczki wierzch po Niechworosną, dokąd rudy w rudą ku Koleni rudzie, aż do wału, wałem do Goscince Białocerkiewskiego, a goscincem Białocerkiewskim, trzymając grónt Kodeński po prawey ręce, a Słobodyisky grónt po lewey ręce do Sierzbiszowa Kołodzieza, a od tego Kołodzieza rudką do rzeki Kodeńki, a wziawszy hore Kodenską do rowku, a rowkiem do jeziora Krubłego, a od tego jeziora do wierzchu Bobryka, a Bobrykiem do borku, do gruntu pana Woynina Troianowskiego; a od tego Borku gajem, dolami, do Moczychwosta, a Moczychwostem wniść do pasieki prawcem na pôle do Kamienca, a od tego Kamienca polem do drugiego Kamienca, do dworu pana Woronicza, do rudki Staweckiey, kopcami do wierzchu rudy, a tą rudą y kopcami wysypanemi do rzeki Horodney, a rzeką Kodnią, wniść do uścia rudki wyżey pomienioney błota Mułowisza, wedle którego kopcy obopuł wysypane y granica wiekuista z imieniem Pryżewskiego uczyniona; iakoż jego mość pan Feder tę Kodnie y sieliszcze Ozierany, ze wszystkimi temi wsiami pomienionemi, z tey granicy wypisanej leżące, wymienił sobie bydź kupioną sobie wiekuistą od nieboszczyka pana Preżewskiego, ziemianina wojewodztwa Kyowskiego, y na to prawo, czasu działu równego, gdy rok przypadnie, ich mościom panom braćiom swoim pokazać obiecał; a ja, Jan Machewicz, iako umocowany, y na rewidowanie od ich mościow będąc posłany, y tę maigtność wszystką w szyrakosci oney, iako się sama w sobie ma, dostatecznie zrewidowawszy, y na ten inwentarz wszystkie przychody y pożytki spisawszy, y ten inwentarz pod moją pieczęcią y z podpisem własney ręki moiey, pod pieczęcią pomienionego Hrehorego woznego Ulanickiego, y pod pieczęćmi y z podpisem rąk szlachty tey, przy woznym będącey, jego mości pana Fiedorowi Tyszkiewiczowi bratu ich mościow dał, a drugi taki że własny, słowo w słowo spisany, pod pieczęcią y z podpisem ręki jego mości własney z pieczęcią swoią, y z podpisem ręki moiey, także z pieczęćmi onego y szlachty pomienioney, ich mościom panem Tyszkiewiczom wzięłem. Pisan w Słobodyszczach. Jan Machewicz, pieczęć przyłożył y ręką podpisał; Seweryu Bartycky, ręką własną pieczęć przyłożył. y ręką podpisał; Bohdan Kosakowski, ręką własną; Jerzy Ulanicki, generał wojewodztwa, ręką własną podpisał. *Locus sigillorum binorum. Post copiationem et ad acta praesentia introductionem, originale ejusdem idem offerens, praevia iudicii praesentis quietatione, recepit.*

Книга Каменец-Подольская и Летицкая, земная, записовая и помечная, годъ 1722-1736, № 3705, листа 542.

LXXVIII.

Запись отъ князя Петра Владиславовича Збаражскаго пану Николаю Вонсовичу и еврею Новозбаражскому, Евфраиму, на отдачу имъ въ арендное содержаніе мѣстечка Нового Збаражя и сель, къ нему принадлежащихъ 1583 года, декабря 27 дня.

Лета Божего нароженія 1594, месяца августа 2 дня.

На вряде кгородскомъ, Кремянецкомъ, передо мною Томашемъ Белецкимъ, подстаростимъ Кремянецкимъ, облично постановившися велможный панъ его милость княжа Петръ Владиславовичъ Збаразский ку записовано до книгъ кгородскихъ, Кремянецкихъ, тыми словы созналъ: ижъ дей я имене державы моее, въ опеце у мене будучие, въ повете Кремянецкомъ лежачие, меновите: место Новое и Старое, Новый Збаражъ, Колесецъ, зо всѣми селы и приселви, до тыхъ именеи моихъ належачими, земляны, бояры, зъ мещаны и поддаными тыхъ мествъ и сель, зъ ихъ вшелявыми послушенствы, повинностями и подачками, зъ арендами, съ корчмами, зъ мытами, зъ ставы, ихъ спусты, зъ млыны и ихъ вымелвами, съ пасеками, съ фолварки, зъ боярь, мещанъ—подданныхъ тыхъ именеи вшелявыми десятинами, пожиття и приходы всѣми тыхъ имѣній, арендовалъ есми пану Николаю Вонсовичу а Евфраимови, жиду Новозбаразскому, за певную суму пенезей деветь тысячей золотыхъ, сто золотыхъ, личбы и монеты Поляское, на три лѣта; на што далъ есми имъ листъ свой арендовный, на которомъ ширей.

Который тоестъ листъ свой арендовный его милость князь Петръ Збаразский передо мною на вряде положивши, просиль, абы вычитанъ и въ книги кгородские, Кремянецкие, при томъ его устномъ сознанью вписанъ былъ. Который я для ведомости своее врядовое приймуочи, передъ собою читати казалъ, и тые суть его слова: »Ja Piotr Władisławowicza książę Zbarażskie, oznajmuje komu do należy wiedzieć tem listem moim, iż ja, z dobrei wolei swej, z dobrym rozmysłem, umienie dzierzawy mey, w opiece mey, w powiecie Krze-

mienieckiem leżące, to jest mianowicie: połowice miasta Nowego Zbaraża, z połowicą wsztikich, pożytkow, przichodow, z niego pochodzącemi, a to jest: z połowicą arendy miestkiey, s połowicą czynszow, ospi (sic), ynych wszeliakich przichodow, z dawna s tego miasta przichodzącemi, z wierzchnością y pośluszenstwem wsztikich, w niem mieszkającemi, nicz na mnie nie zostawując, jako na mnie brano y jakom ja używał, do tego jesze miasto Starze przy zamku wsztiko, ze wsztikimi jego pożytkami, y przedmieście też wsztiko, nicz na nas nie zostawując, także też te wsi, mienowicie do tego miasta Nowego Zbaraża należące: Białozorki, Wierzchnia y Srzednia Hołdowce, w Koszliakach dwa poddanych, Jachnowce, Sobolowke, Węrobiewke, Poczapince, Miodusowke, ze wsztikimi prziliegłosciami, przichodami y pożytkami, z tych sioł, wyszey pomionionych, pochodzątemi; to jest mianowicie: s pholwarkami y w nich budowaniem y zawsiewkami na ten rok ozimną, z liudzi tiahłemi, z zagrodnikami, y z nich z robotami y podwodami, wedle dawnego zwyczaiu, z czynszami pieniężnymi, z ospią (sic), z dziesięciną, z winną, a połowica dziesięciny pszołney z miasta Nowego Zbaraża wsztikich pomienionych y od ziemian, boiar naszich poddanych, z dawna bracz zwykley, . . . połowice dziesiętyny z sioł naszich, które Juda żyd od nas arendą na ten rok trzyma, a na nas ją zostawioną,—te połowice . . . arendarze, niżej pomienieny, w jednym roku bracz małą, z powinnościami poddanych, ziemian y boiar naszych, wiedle srarodawnego zwyczaiu y ich samych, wyjąwszy tych, którzy s przodkow naszich y od nas samych wolności małą, ci przy wolnościach swych zachowani becz małą, z arendami, z karczmami y w nich szinkowaniem wszeliakiego picia, z młynami z nich wymiarami, s pasieką Miakostupowską nazwaną, do której będe powinien dać na wiosne prziszłą pięćdziesiąt uliow z pczołami, y wszeliakimi ich powinnościami, z winami, przesądami y ze wsztikimi tak jako się to ymienie, wyszey pomienione, samo w sobie, w pożytkach, w granicach, obchodziech zdawna miało y teraz ma, y jakom ja go w opiece swey miał y używał, ze wsztiką władzą y zwierzchnością, której nicz nie zostawujemy sobie, tilko to sobie zostawujemy: na wsztiki trzi liata, niżej w tey arendzie opisane, a mienowicie to zamek Nowozbarażski ze wsztikim jako się w sobie ma, pholwarek na przedmieściu pod zamkiem, ze wsztikim jego budowaniem, z polmi, co może pługiem dwornym naoracz y z sianozęciami, co może na potrzebe moie ukosicz, połowice zasiewku, teraz na zime zasianego, a połowica tem arendarzom, niżej pomienionym; w tem pholwarku pasieke pod zamkiem y sad zostawuie też sobie; dąbrowy y zaroslie wsztikie w tem ymieniu moiem, wyszey pomienionem, będące,

któremi ja władacz mam y komu chciecz ie zliciecz; a wszakże arendarzom, niżey pomienionym, na potrzebe ich samych własną y do dworców, wolnoszcz w nich na potrzeby swe rąbacz, zostawuie gumna
. wszitkich pholwarkach napelnione zbożem sobie
zosta bracz kiedy wolia moia będzie. Zostawuie też sobie
. na posługi swe, wedlie powinności ich, a mienowicie:
. Wąsowicza, Mikołaiia Mińskiego, Stanisława Skarbińskiego,
Kozaka Basaraba, Hawratinskich, Jana Szabaliowskiego, Jakubowskiego, Po-
pławskiego y pienskiego; pobor jego krolia mości, jeśliby był uchwalion
w którym kolwiek roku, przez tego, komu ja to zliciecz, wybieran y do skarbu
jego krolia mości oddawan becz ma. A ine wszitkie požitki pomienione, y
które zwyczajem bracz zwykłe, tak jakośmy ich uzywali sami, wedlie inwen-
tarza, od nas im danego, arendarze bracz y zachować się maią. A to aren-
dowałem to ymienie, wyszey pomienione, moje, szlachetnie urodzonemu panu
Mikołaiowi Wąsowiczowi y Efraimowi Dawidowiczu, żidowi Nowozbara-
skiemu, na ieden rok, który się pocznie od nowego liata roku pańskiego
tysiąc pięczset dziewięczdziesiąt czwartego, aż do takiegoż nowego liata,
które będzie w roku tysiąc pięczset dziewięczdziesiąt piątym. A po wyściu
tego pierszego roku arendy, tedy tem ze, wyszey pomienionem arendarzom
moim, panu Mikołaiowi Wąsowiczowi y Efraimowi Dawidowiczowi, żidowi,
arendowałem y arenduje też ymienie moje y drugie ymienie moje, albo wsi,
które Juda, żid, arendą ode mnie trzymał, to jest mianowicie: miasto No-
wozbaraż, stare miasto y przedmieście, wsi, do tego miasta Nowego Zba-
raża należące: Białożorki, Wierzchnią y Srzednią, Hołodkowce, w Koslia-
kach dwa poddanych, Jachnowce, Sobolowke, Worobowke, Poczapince, Mio-
dusowke, Kolieszcze, Hnilice, Srzednią, Wierzchnią, Miałową, Szibieną y Sczes-
nowce. Które wsi od Judy, żyda, gdy
odebrane, y tym arendarzom, wyszey pomienionym, ze wszitkim, jakośmy
jemu arendowali, podane bycz maią, ze wszitkimi požitkami y przichodami,
s tego Nowego Zbaraża miasta y z sioł k niemu należących, pochodzącemi,
to jest mianowicie: z arendą zupełną mieszcżą, z danią miodową wszitką,
tak z miasta, jako y z sioł pomienionych przichodzoną, z wierzchnością
y posłuszenstwem wszitkich poddanych tych wsi y boiar, ziemian naszych,
z których to ziemian y boiar wszitkich, okrom tych, którzy wolności od
przodków naszych y ode mnie maią, ci wolni maią becz zostawieni; dzie-
sięcine psczełną y ine wszeliakie powinności i od poddanych ich, ci wyszey
pomienieni arendarze każdego roku bracz maią; z pholwarkami y w nich
ze wszitkim budowaniem, z zasiewkami, z pasiekami, s tą, którąm ja im

podał, Miekostupowską, w której ma becz pięćdziesiąt pszczoł z ulami y s tą
 pasieką, którą Juda od nas trzymał, która to pasieka y pszczoły od nas jemu
 w arende dane, których pszczoł ma becz pułtorosta. Ma ten pomieniony Juda,
 żid, po wyściu roku arendy swey, także zasiewki i yne wszeliakie rzeczi,
 tak jako mu jest odemnie podano, wedlie inwentarza, do rąk y dzierzemia
 wyszey pomienionym arendarzom moim, panu Mikolaiowi Wąsowiczowi y
 Efraimowi, żidowi, podacz,—z robotami poddanych tych wsi pomienionych,
 s polmi y sieniożęczeni, z dziesięcinami swinnemi, y z ynemi wszeliakimi
 przichodami, tak jako się wyszey w tem że teraznieyszem liście mojem aren-
 dy pomieniło y opisało, jakom ja trzymał y uziwał, i jako sie to . . .
 mey wyszey pomienione samo w sobie, w pożyczkach,
 granicach, obchodziech z dawna miało y teraz ma, ze wszitką władzą y
 zwierzchnością . . . to sobie zostawu. . . . y w tich dwu lieciech
 arendy, akoż wyszey w tem że teraznieyszem liście arendy w pierszim roku
 zostawił; arendowałem też ze wszitkimi stawami y stawkami, w tim ymie-
 niu moiem pomienionem, tak przy mieście Nowym Zbarażu, około miasta y
 przy wszitkich wsiach pomienionych będące, zadnego nie wyimuiącz, a ni na sie
 nie zostawuiącz, krórc acz są teraz spuszczone przez Jude, żida, y nie zastawione,
 alie, po zastawieniu ich, przypada im spust po wyściu arendy ich w roku tysi-
 ącz pięczset dziewięćdziesiąt siodmem. K temu jeszcze, są stawy pięcz, to jest
 mianowicie: Poczapinsky, Sobolecki, Nowykoliesiecky, tam że nizni staw Ko-
 liesiecki, na którym jest młyn, przedane przed tem od Judy, żida, Abraamowi
 żidowi, y zapłacone, y piąty staw Mioduszowsky też przedany od pana Wą-
 sowicza Mikolaiia, te stawy pomienione, ci, którzy ie kupili, spuszczi-
 c maia w roku tysi-
 ącz pięczset dziewięćdziesiąt czwartem przyszłem; a po zasta-
 wieniu ich, przypada im spust w roku tysi-
 ącz pięczset dziewięćdziesiąt osmem.
 Krórc to wszitkie stawy, żadnego na nas niezostawuiącz, chociaz arenda
 wynidzie, przedsie, po wyściu arendy, ci, wyszey pomienieni arendarze, maia te
 stawy sami spuszczi-
 c, albo komu one przedacz na spust, bez wszeliakiey trud-
 ności, a ja im tego bronicz niemam i owszem, podwody pod ryby tych stawow
 odwiecz y na potrzeby, wedlie zwyczajui dawnego, dacz będe powinien. A to
 wszitko ymienie moie, wyszey pomienione, iako to dostatecznie
 wyszey opisało, przerzeczonum panu Mikolaiowi Wąsowiczowi y Efraimowi Da-
 widowiczowi, żidowi, po wyściu pierszego roku, arendowałem y arenduie znowu
 na dwie liście, po sobie ydące, który rok poczniesie od nowego lata roku
 tysi-
 ącz pięczset dziewięćdziesiąt piątego, a stoczi sie ta arenda takiego z
 nowego liata roku tysi-
 ącz pięczset dziewięćdziesiąt siodmego. Za które
 arende ymion moich, wyszey pomienionych, za wszitkie trzy liata przerze-

czeni arendarze powinni mnie będą dacz summe pewną, to jest dziewięć
 tysięcy y sto złotych monety y liczby Polskiej, w każdy złoty licząc po
 trzidziesci groszey Polskich, iako ż nam iuż na te sume dali cztiri tysięca
 szesz set y szesz złotych monety y liczby Polskiej, s których ich kwi-
 uiemy y wolnemi czyniemy; a jescze mnie zostaią cztyry tysięca cztyrysta
 dziewięczdziesiąt y cztyry złote monety i liczby Polskiej; którą summe powinni
 będą oddawacz y mnie placicz na rathy, to jest: pirszą rathe na święty Mikołay
 w roku tysięcz pięczset dziewięczdziesiąt piątem cztyrysta dziewięczdziesiąt
 y cztyry złotych monety y liczby Polskiej, drugą rathe—w roku tysięcz pięcz-
 seth dziewięczdziesiąth szosstem, na dzień y świętho świętey Jagnieski, tysięcz
 złotych monety y liczby Polskiej; a na dzień y święto świętego Piotra
 tegoz roku tysięcz złotych monety y liczby Polskiej; a przy wyszcziu
 trzeciego y ostatniego roku arendy dwa tysięca złotych monety y
 liczby Polskiej. A po wyszcziu tych trzech liat arendy i po zapłaceniu
 summy pomienioney z arende. , toż
 ymienie wszitko, wyszey pomienione, z iego
 pożyczkami tim że arendarzom naszym dacz. trzimacz
 ośm niedziel, za to, yż Juda, žid, wedle arendy swey, przetrzymał, a po wyszcziu
 liath y po naddaniu osmi niedziel, przerzczeni:
 pan Mikołay Wąsowicz y Efrain, žid, arendarze y potomkowie ich powini
 będą, iakosz mnie na to osobliwy list swoy dali, i na ine rzeczi, w ty
 arendzie opisane, tho imienie nasze arendowne ze wszitkim, tak, iak jest
 podane, wedle inwentarza, calie y zupełnie oddacz,—tego dokładaiając, iż
 iesliby przerzczeni arendarze, albo który z nich, czasu dzierzenia arendy,
 poddanemu albo poddanem, w czim kolwiek y iakim kolwiek sposobem,
 krziwde y bezprawie uczynił, tedy to sądzicz, uznawacz, a sprawiedliwosc
 czinicz z ludzmi dobremi z arendarzow, ia, a nie kto inszy, ma, y to sobie
 zostawuie. A iesliby którzy poddanni swowolnie pouciekali za dzierzawy ich,
 tego ja na arendarzach poiskiwacz nimam, i na potomkach ich, a ni do prawa
 pozywacz, y trudnosci zadawacz. Także zboża w gumniech złożonego a na
 poliu zasianego, a ni żadney rzeczi ich własny, ie hamowacz nimam, alie to
 wszitko, po wyszcziu arendy trzech liat y ośm niedziel naddanych, ieszcze dwa-
 naszcie niedziel rumaciej daie y pozwoliłem temiż poddanemi pożycz, zmłocicz
 y zwozicz we ich y pripro-
 wadzicz swoje tam, gdzie im będzie potrzeba. A iesli by kto za dzierzania
 kolwiek pożyczki tego ymienia następował,
 albo w gruncie przekaze czynił, albo kolwek pozywał, okrom
 ich wystempku własnego, za oznaymieniem ich, kosztem y

nakładem swem w tem zastępowacz, y to ymienie oczyszczacz, tak, iako by oni ni w czem szkody nie mieli, będe powinien, y moje potomkowie. Także też służbe rzeczy pospolitey woiennej, iesli by za dzierzania ich przypadła, ia sam, ilie krocż tego potrzeba ukaże, służicz mam. A iesli by w dzierzaniu arendy tey, w którym kolwiek roku arendy, to ymienie moje arendowne od tych arendarzow, z dzierzania ich, kto kolwiek mocą y iakim kolwiek sposobem, gwałtownie, albo przez prawo, odiącz chciał, od takowego każdego bronicz mam y powinien będe. A iesli bym bronicz nie chciał, albo nie mógł, abo ode mnie iakim kolwek sposobem odeszło, tedy będe powinien, okrom wszeliakiego pozwu y prawa, tegoż czasu, skoro dadzą znacz, ymienie nasze oycziste, własne, miasteczko Włocziszce, ze wszitkimy wsiami, do niego zdawna należącemi, obyczaiem arendy, w sumie niewytrzymanei puszcżicz. Które ż to ymienie maia trzymacz aż do wytrzymania summy. To też ieszcze waruie, iesliby w którym kolwiek roku arendy przez nieprzyiaciela coroniego: albo z dopuszczenia Bóżego, przez powietrze morowe, albo przez żołnierza spustoszenie sie stało, albo stawow, tedy tym arendarzem ludzi dobrych, albo summy arendowney wytrączicz, albo przy wyszcżiu arendy dacz nadtrzymacz, obiecuie. A to na ymieniu moiem, iesli by odeszło odemnie Nowozbarozkie, na Wołocziszczach y na wsiach, do niego należących, z stawami, młynami y ze wszitkimi pożytkami, przichodami, nicz na nas nie zostawuiącz; to też tem arendarzom obiecuie y opisuiie sie, na prziszle roki ziemskie, Krzemienieckie, iachawszy, ten zapis arendowny do xiąg zeznacz y wwiescz; tam że też jey moścż xiężne Jewe Wiszniewiecką, panią małżonke moie, postawicz będe powinien, ku pozwolieniu y zeznaniu oczewistemu, przed tem że sądem, na ten zapis moy arendowny, y na wszitkie condycie w nim opisane. A to wszitką y każdą rzecz zosobna w tey arendzie opisana. ninieyszym listem moiem o wespołek z jey moścżią księżną Jewą Wiszniewiecką, panią małżonką moią, y s potomkami moimi, zyszczicz y wypełnicz, pod zakładem sześcią tysięcy złotych monety y liczby Polskiej; o który zakład, gdy bym sie ia sam, albo potomkowie moy, przerzeczonym arendarzom moim dał pozwacz do urzędżu y sądu grodzkiego, ziemskiego, dwornego jego krońewskiej mośczi, tzybunalskiego, tak w koronie Polskiej, iako y w wielkiem xięztwie Litewskim, tedy, odstąpiwszy prawa, wolności swey y statutu, dobrowolnie poddawam sie y obowiezię sie za kożdem pozewem, przed kożdem urzędżem, y sądem, do którego będe pozwan, stacz y, niczim roku y pozwu nie zbywaiącz, a ni sie nie wymaiącz nie któremi prziczinami, prawnymi y nie prawnymi, posługą hospodarską, rzeczy pospo-

litey, wojną, seymem, poselstwem, ruszeniem powiatowym
 w ynszim powiecie, chorobą, morowem powietrzem, nie bierąc
 sobie na pomocz ni których obron prawnych, w sthatucie y constituciach
 uphalionych, opisanych, pierszego dnia, iako na roku zawitem, stacz, y, wedlie
 tego listu mego, we wszitkim sie usprawedliwicz. Który to sąd, albo urząd.
 wolien y mocen będzie na mnie samem, y na potomkach moich, wszitkie obo-
 wiązky, w tem liscie opisane, krom żadnych dowodow, od sądu albo urzę-
 du nie odstępując, dosicz uczynicz mam y powinien być. A po zapła-
 czeniu wszitkich szkod ten moy list przy zupełney mocy we wszitkich artikuliech
 zachowan bezz ma. A ieslibem, będączpозwany, nie stał, albo, stawszy,
 usprawedliwicz sie nie chciał, tedy ten sąd wolien na wszitkych dobrach
 y maietnoszcziach moich, gdzie kolwiek będących, mocną odprawę uczynicz
 y we wszitkim wedlie postępowacz; a ja przeciwko
 tey ni wczem przeciwny bezz nimam pod takim że drugim
 zakładem, w tem liscie moiem zapisanym. Y na to smy tem arendarzom
 dali ten list nasz, s przilożeniem pieczęci y s podpisem ręki naszey,
 y s przilożeniem pieczęci y s podpisem rąk, za oczewistą prozbą moią, ich
 mościow panow: pana Macieja Ludzickiego, pana Stanisława Kulie, pana
 Wawrzinca Liubiszewskiego. Pisan w Nowem Zbarażu, dnia dwadziestego
 siodmego miesiąca decembra, roku pańskiego tysiąc pięcz set dziewięcz-
 dziesiąt trzeciego. У того листу печатей чотыри, а подпись рукъ въ
 тые слова: Piotr Zbarazky, ręką swą; Stanisław Kulia, manu propria;
 za oczewistą prozbą jego mości xiążenia Piotra Zbarazkiego pieczęcz przilo-
 żyłem y własną ręką podpisał: Maciey Ludzicky; Wawrziniecz Liubiszew-
 sky, ręką swą. А такъ я тое устное а добровольное сознание его милости
 князя Петра Збаразкого, такъ же и тотъ листь арендовный запись,
 за прозьбою его, увесь слово отъ слова до книгъ вгородскихъ записати
 казаль.

*Отрывокъ изъ Кременскихъ городскихъ и земскихъ книгъ, хра-
 нящийся въ Временной Коммиссии для разбора древнихъ актовъ,
 № 449, листъ 24 на об.*

LXXIX.

Листъ воеводы Киевскаго, князя Константина Острожскаго, митрополиту Киевскому и Галицкому, Михайлу Рогозѣ, о томъ, чтобы онъ явился къ суду по дѣлу о бѣжавшихъ отъ маршалка Рѣчицкаго повѣта, Андрея Халецкаго, трехъ крестьянскихъ семействахъ, поселенныхъ въ Киевѣ, на горѣ, возлѣ церкви св. Софїи. 1594 г., февраля 25 дня.

Костентинъ, княже Острозское, воевода Киевскій, маршалокъ земли Волинское, староста Володимерскій, велебному отцу его милости, отцу Михайлу Рагозе, митрополиту Киевскому, Галицкому и всея Руси. Жаловаль у суду нашего вгородского, Киевскаго, маршалокъ повету Речицкого, панъ Андрей Халецкий, о томъ, ижъ дейвъ року прошломъ тисеча пятсотъ деветдесять первомъ, подданные его власные, отчичи, непохожие, зъ села Старыхъ Степовъ, на йме: Семень, другий Симонъ Сидоровичи, а третій Иванъ Курмазъ, зъ села Узноги, зъ жонами, зъ детми, зъ маестностями немалыми прочь поутекали, и теперъ мепкають на горе, неподалеко церкви мурованое светое Софей, противъ замку Киевскаго; а ваша милость оныхъ подданныхъ его милости выдать не хочешъ ку великой кривде и шкде его,—которыхъ подданныхъ шацуетъ себе панъ Халецкий, водлугъ констытуцїи, зъ нихъ по пятсотъ гривень Полсвихъ, и о томъ зъ вашею милостю у суду нашего Киевскаго, вгородского, очевисто мовити хочеть. Про то приказуемъ вашей милости, абы ваша милость на рочки вгородские, Киевские, прїйдучые, которые сужоны и отправованы будутъ въ року теперъ идучомъ тисеча пятсотъ деветдесять четвертомъ, мѣсяца апреля тринадцатого дня, передъ судомъ нашимъ вгородскимъ, въ замку Киевскомъ, самъ сталь и тыхъ всихъ подданныхъ, звышменованныхъ, зъ жонами, детми и маестностями ихъ поставиль, и въ томъ се зъ его милостю росправиль. Писанъ у Києве, року отъ нароженя Христова 1500 деветдесять четвертого, мѣсяца февраля двадцать пятого дня. Року 1594, месяца февраля двадцать сегого дня. Черезъ мене Романа Овсяного, енерала воеводства Киевскаго, сесь позовъ вгородскій,

Киевскій, данъ, увоткнень у дворе, у сенехъ, по его милость велебного отца митрополита Киевского и Галицкаго, Михайла Рогову, на горе, недалеко церкви мурованое светое Софей, противно замку Киевского, где панъ Григорей Сестранъ, врадникъ его милости, Софейскій, мешкаетъ, въ жалобе его милости пана Андрея Халецкого, маршала Речыцкого, о троухъ збеговъ отчичовъ Степскихъ и Узнозскихъ, ровъ ку праву стати, въ середине въ томъ позве и доложено есть. А позовъ даломъ нескробанный, немазанный, въ дате въ титуле и во всемъ згодливый. Романъ Овсяный, енераль воеводства Киевского, рукою власною.

Настоящій актъ въ подлинникъ хранится въ собраніи документовъ, принадлежащихъ Временной Коммисіи для разбора древнихъ актовъ, и значится по дополнительной описи подъ № 105.

LXXX.

Донесеніе вознаго о томъ, что онъ производилъ дознание по дѣлу о воровствѣ разнаго имущества, сдѣланномъ въ селѣ пана Пересецакаго, Скалинѣ, крестьянами имѣнія Красносельскаго, находящагося во владѣніи пана Филона Ласка. Возный доноситъ, между прочимъ, что прежде по дѣлу о воровствѣ разныхъ вещей въ мельницѣ, находящейся въ селѣ Шепетовѣ, громада этого села дѣлала «слѣдъ», и пришла было къ дому Ласка, находящемуся въ с. Скалинѣ; но панъ Ласко сталъ гровить громадѣ, и, оскорбивъ ее бранными словами, «слѣдъ» уничтожилъ. 1594 г., сентября 1 дня.

Лѣта Божого нароженя 1594, месяца сентября 1 дня.

Передо мною Томапомъ Беленскимъ, полетаростимъ Кремянецкимъ, постановившимъ очевидно возный повесту Кремянецкаго, шляхетный Стефанъ Побосчевский, ку записованю до книгъ вгородскихъ; Кремянецкихъ, созвалъ тыми словы: влѣ року теперь идучого; ти-

сяча пятьсотъ девятьдесятъ четвертого, месяца июня двадцать сего дня, быдемъ взятимъ на справы и потребы подданныхъ пана Петра Пересецкого, Скалинскихъ, ниже менованныхъ, которымъ, яко панъ Пересецкий меноваль, рокъ праву зложилъ панъ Филонъ Ласко, державца Красносельскій, на рокъ, звышъменованный, на чинене справедливости съ подданныхъ своихъ, Красносельскихъ, то есть: зъ Дороша Клекотовича и помочъниковъ его, о скраденѣ вилку хать въ татарцину, въ забегъ, въ селе пана Пересецкого, Съкалине, и къ тому — зъ Рахны Гриневое, Ивану Дубку, о шкоду его и о покраденѣ грошей и иныхъ речей съ хижы, и о шкоду Логвина Савчича о вола и о корову. То пакъ я, возный, маючи при себе шляхту людей добрыхъ, пана Ивана Плесповского и пана Шимана, былъ того дня, о полудню, въ дому пана Ласковомъ, съ паномъ Пересецкимъ и съ тою шляхтою и зъ доводами ихъ. Ино самого пана Ласка въ дому его, то есть въ светлицы, не засталъ, только панюю малжонку его, которая поведила: ижъ панъ малжонокъ ее отъехалъ прочь. Преложивши ей речъ, поведаль: ижъ рокъ, черезъ возного зложоний, до права, ку аживаню справедливостю, пришлоъ, просечи абы зъ вышъменованныхъ справедливость учинена была. Пани Ласковая поведила и рокъ признала: «ведаю дей тое, ижъ на день сегодняшний вашей милости малжонокъ мой рокъ праву зложилъ и справедливость учинити мель, лечъ ижъ самъ отехалъ, къ тому и тыхъ людей дома нетъ, съ кого справедливость мела быти чинена, тогда на инший часъ вашей милости панъ малжопокъ мой право зложить,» — и съ тымъ насъ пани Ласковая отъправила. А панъ Пересецкий мною, вознымъ, и шляхтою тою тое невчиненѣ справедливости осведчившы, ни съ ямъ отехалъ. При томъ и того жъ дня, три мужы, люде добрые, которые ку доводу шкоды Логвина Савчича, подданого Скалинского, на тое право были пришли, то есть: Кондрать Степановичъ зъ Шепетовки, а Жданъ Куцевичъ — зъ Судилкова — подданные пана Андрея Ждярского, а Иванъ Березьскій — зъ Васковецъ, подданный панее Яноевое Клембовское, сведчили и сознали, поведаячи: ижъ у въ осень прошлую, будетъ три годы, яко се стала была шкода въ покраденю млына Шепетовского, тогды село Шепетовъе на горячомъ следу, забравши громаду, привели были тое шкоды следъ до села

Скалина; и вгда есмь до мужей Скалинскихъ о выведене следу послали и впомнели, а вони на то зезволили, тогда оные Скалинъцы тое жъ годины и часу намъ о шкоде своей, которая се имъ тое жъ ночи стала, отповедали, то естъ: ижъ у Логвина Савъчича вврадено, выведено зъ обору, вола и корову, просечи насъ на горячый и на свежий следъ, абысь мы, яко люде сторонные, зъ ними тымъ следомъ буды пойдешъ, шли. Ино мы, яко сусиды близкие, помогаючи имъ, взявши следъ отъ самое обору Логвинови, того двойга быдла, шли есмо около села Скалинъского, ажъ до гребли Скалинское, и мимо мыльнъ, черезъ греблю, на гору, дорогою, до села пана Ласкова, Краселки, подъ самый дворъ и фольфарокъ его; а тамъ, на томъ местъцу, подъ дворомъ громада ставши, послали троухъ челоувиновъ, то естъ: мене Ивана Березъского и мене Ждана, и Федора Савчича, до пана Ласка, оповедаючи ему о шкоде села Скалинского и о приведению следу до села пана Ласкова, подъ самый дворъ его, просечи, абы следъ зъ села вывести казаль. Тогда дей панъ Ласко, вышедшы зъ двора зъ слугами, зъ челядю и зъ некоторыми подданными своими, Красносельскими, не толко следу одъ села и двора вывести не казаль и не хотель, але еще намъ нафукаль, злыми словы налаяль, кьемъ грозиль, поведаячи: «ижъ въ мене быдло естъ». А тымъ дей слуги и подданные его тотъ следъ, зъ росказани его почали тратити и по немъ депътати и затирати, а насъ, громажанъ, зъ фувами и зъ погрозьками отирали. При томъ передо мною тежъ вознымъ панъ Пересецкий оповедалься на пана Ласка, ижъ онъ, маючи дворъ и гумно свое на велме крутой а высокой горе, надъ ставкомъ пана Пересецкого, Скалинскимъ, съ которое горы панъ Ласко такъ зъ гумна солому, яко и гной, кажетъ въ тотъ ставокъ зарыть и метать, ку шкоде моей а ку зашарованю, замуленю того ставку Скалинского. Яко жъ я, возный, видиль тое, ижъ отъ гумна пана Ласкова, которое надъ ставкомъ Скалинскимъ на высокой а крутой горе стоить, много соломы лежить и сточила се, або зопхнена до самого ставку Скалинского у воду. А такъ я тое очевистое возного сознане до внигъ кгродскихъ, Кремянецкихъ, записати казаль.

Отрывокъ изъ Кремянецкихъ кгродскихъ и земскихъ книгъ 1593—1597 г., хранящийся въ Временной Коммисии для разбора древнихъ актовъ, № 449, листъ 17.

LXXXI.

Инвентарь м. Веледникъ и принадлежащихъ къ нему селъ, составленный при отдачѣ этого имѣнія княгиней Богданой Филоновной Друцкой-Горской въ залогъ мужу своему, князю Юрію Друцкому-Горскому. 1595, іюня 17.

Дѣла по нароженію сына Божего тисеча пятсоць деведсѣть пятого, мѣсяца іюня ссмнадцатого дня.

Постановившия очевисто на вряде, въ замку господарскомъ, Овруцкомъ, передо мною Рафаломъ Витовскимъ, подстаростимъ Овруцкимъ, одъ его милости пана Абрама Мышки зъ Варвовичъ, старосты Овруцкого, будучи установленымъ, служебнимъ велможного пана его милости княжати Юря Друцкого Горского, панъ Балтромей Дубровский, оповедагъ, нжъ дей малжонка его милости пана моего, ее милость княгиня Юревал Друцкая Горская, княгиня Богдана Филоновна Кмитанка, воеводянка Смоленская, старостянка Оршанская, зъ милости своее малжонское, имене свое, отчизное, по смерти брата своего рожного, небожчика его милости пана Лазари Филоновича Кмиты Чорнобылского, правомъ прироженнымъ на себе припаое, на йме Веледника, въ повете Киевскомъ, недалеко замку Овруцкого, надъ ревами Нерыною и Жеревомъ вгрунты лежаче, тѣе: дворъ Веледницкій, зъ будованемъ дворнымъ и зъ огородами овощовыми, съ пашнею дворною, житомъ и яриною засеяною, зъ гумномъ того двора, и вшелянимъ збожемъ молочонымъ и немолочонымъ, съ двордемъ и зъ бидьломъ всякимъ, малымъ и великимъ, зъ ставами и въ нихъ вшеляныхъ рыбъ ловенемъ, зъ млинами пѣтъ вшеляными вымелки, зъ руднею и со всімъ начинемъ ее, зъ арандою корчмы, рудни и млыновъ, зъ бояры, мещаны, подданными, офердиннажи, и со всіми данми медовыми, грошовыми и всякими зъ нихъ пожитками, и со всіми землями, до того именя, Веледницкого, ярислужающими, у певной суме пенезей сороку тисечей копахъ грошей завела и записала, и листъ отвореный, съ печатю и съ подни-

сожь руки своее, до вридняка своего, Веледницкого, пана Яна Котовича, послати рачила, розказуючи, абы панъ Котовичъ тое имене Веледники, со всимъ на все, до моцы и влады держана его милости княжати Юря Друцкого Горского, пана моего, поступилъ и мене во вридь подаль, и для взяти оногo именя до держана своего просилъ мене, вриду, о возного. Яко же я ему возного поветового, шляхетного Костентина Мочулского, придалъ; который возный дворъ Веледницкий, за добровольнымъ поступеньемъ вридняка ее милости Веледницкого, пана Яна Котовича, взявши, дворъ зъ будованемъ дворнымъ, зъ гумномъ, дворцомъ, зъ бояры, мешаны, со всеми людьми, зъ огородами и всякими ихъ пожитками, въ рейстръ списавши, до рукъ вридняка его милости, пана Балтрома Дембровского, подаль, и тотъ реестръ подъ печатю своею и съ подписомъ руки своее ку записаво до книгъ замку господарского, Овруцкого, очевисто подаль. И просилъ панъ Дембровский, абы тотъ реестръ до книгъ былъ вписанъ. Который реестръ я, огледавши и прочитати передъ собою казавши, до книгъ записати велель; который, до книгъ уписуючи, такъ се въ себе маеть слово въ слово: »Ивентаръ списави двора Веледницкого, местечка и селъ до него калекачихъ, и подана черезъ мене, Яна Котовича, вридняка Веледницкого, до моцы, держана и живяна его милости, князя Юря Друцкого Горского, служебникови его милости пану Балтромаю Дембровскому, за записомъ сумы пенезей отъ малжонки его милости, панее Богданы Филоновны Кмитянеи, Чернобылское, воеводянки Смоленское, на всей маестности по брате ее милости рожонимъ пану Лазару Кмите Чернобылскомъ, припалье, при вознымъ земли Киевское, пану Костентину Мучолскомъ (sic), и шляхте людей добрыхъ: пану Лаврину Вилимонту, а при пану Василю Касовицкому, въ року теперь идучомъ тисеча пятсотъ деведесать пятомъ, мѣсяца июня семнадцатого дня. Навродъ дворъ, то есть: ворота узныи двойчастые, по сторонамъ—турмы две, на верхъ вежа, на ней гаквчиць чотыри и ланцугъ; по правой руке домъ великий, на подклетахъ светлицъ старыхъ две, комора одна, третия светлица новая, двери и окончицы на завесахъ железныхъ, обь огонь шиненныхъ, петнацать; печи белые три; подле того дому клетка новая; недалеко тое клетви

фортка, светлочка недалеко тое фортки зъ сенми; печь белая; об-
 лонъ шкленыхъ две; гридня съ кухнею, коморкою; пивница; зрубъ
 на столпахъ недоробленный; гридня съ кухнею; стайня великая;
 клеть, — на подъете, насередь двора, холодн(ая); столовъ у дворе
 всихъ малыхъ и великихъ деветь; зъ двора, вышодши ку ставу, лаяня
 белая; броваръ, въ немъ котель пивный одинъ. Тои два, клетки две.
 Дворецъ: Гридня зъ сенми, другая истебка зе сенми, сырница на столпы
 стайня невеликая; одрына, где было. Местечко Веледницкое:
 Томашъ Мартиновичъ, войтъ—дымъ одинъ; Гришко Матусевичъ изъ
 зятемъ своимъ, Ненадомъ—дымъ 1; Гришко сына мае одного, Сте-
 пана, Ненадъ сыновъ маеть 4: Еско, Дмитръ, Зенько, Федоръ; Анд-
 рей, Остапъ, Иванъ Трохимовичи,—дымъ 1; Степанъ Трохимовичъ—
 дымъ 1, сына маеть одного Филона; Максимъ, Велавцовъ прийма—
 дымъ 1, изъ братомъ своимъ Кондратомъ; Малышко, Денисъ, Гриш-
 ко, Иванъ Мишкевичи—дымъ 1; Федоръ Мишкевичъ—дымъ 1, сы-
 новъ маеть три: Павелъ, Василь, Богданъ; Иванъ Белько—дымъ 1,
 сына маеть одного Петра; Трохимъ Ошъманийъ—дымъ 1, сыновъ
 маеть два: Рашко а Климъ; Федко Сtryбыль—дымъ 1, сыновъ ма-
 етъ два: Андрей а Яцко; Федеръ Дегтярь—дымъ 1; Ярошъ Ива-
 новичъ—дымъ 1, сына маеть одного, Ивана; Омелянъ Скребуцъ—
 дымъ 1, сына маеть одного, Ивана; Кондратъ Поротко—дымъ 1,
 сына маеть одного, Андрея; Илья Сметаничъ—дымъ 1, сына маеть
 одного, Олешка; Нестеръ Сметаничъ — дымъ 1, сына маеть од-
 ного, Степана; Павелъ Сметаничъ, прийма,—дымъ 1, сына ма од-
 ного Степана; Иванъ, Жданишинъ прийма,—дымъ 1; Марко Поле-
 никовичъ—дымъ 1, изъ шурею своею: Лавриномъ, Анопреемъ; Сер-
 гий Коваль—дымъ 1, сыновъ маеть три: Федоръ, Васко а Рахио;
 Иванъ, Семень Климовичи—дымъ 1,—Иванъ сыновъ маеть 2: Васка
 а Ерошка; Гришко Шульжичъ—дымъ 1, сыновъ маеть 4: Конд-
 рата, Кузму, Дениса, Ждана; Олексей Гребениковичъ—дымъ 1, сына
 маеть 1, Еска; Станко Гребениковичъ зяти мае прииму, Омелян—
 дымъ 1; Паршукъ Сметаничъ — дымъ 1, маеть пасынокъ два:
 Явдрей а Гордей; Иванъ Наковжна—дымъ 1, сыновъ маеть два:
 Данило, Иванъ; Гринъ Полениковичъ—дымъ 1, сыновъ мае два:
 Мишко а Окула; у сына его Мишка сыновъ чотыри; Матфей Лукъ

яновичъ—дымъ 1, сына маеть одного—Еска; Павелъ Бороdyna—дымъ 1, сыновъ маеть: тры; Мишко а Мойсей, Борисъ; Занко Марковичъ—дымъ 1, сына одного мае Яцка, сынъ мае сына 1; Гапонъ Лычка—дымъ 1, сына мае одного Потапа, а сынъ его сына маеть 1; Яцко а Занко Братеники—дымъ 1; Гришко Чоботаръ Лиховидко—дымъ 1; Гаврило Товкунъ—дымъ 1, сына маеть одного Мишка; Яцко Пинчовский, поповичъ,—дымъ 1, Павелъ Степановичъ Русаковичъ—дымъ 1, Жданъ Скотрыкъ—дымъ 1, сыновъ маеть 4: Мартина, Омеляна, Ермакъ, Иванъ; Пилипъ Русаковичъ—дымъ 1, сыновъ мае два: Остапъ, Иванъ; Павелъ Климовичъ—дымъ 1; сыновъ мае два: Артемъ а Гришко; Опанась Климовичъ—дымъ 1, сына мае одного—Курила; Павелъ а Федоръ Будруковичи—дымъ 1,—Павелъ сына мае одного, Лазаря, а Федоръ сына тежъ мае одного, Курила; Еско а Мишко Скребуновичи—дымъ 1; Назаръ Прихожий—дымъ 1, сына мае одного, Мишка; Савостко Поленковичъ—дымъ 1, а сыновъ мае два: Левонъ а Иванъ. Иванъ Коцыленикъ, чоботаръ—дымъ одинъ; Совтанъ Безврупый—дымъ 1, сына мае одного, Ерка; Мелехъ, Тимошъ а Демехъ Гридбавичи—дымъ 1; Опанась Скородко—дымъ 1, сыновъ маеть три: Прокфъ, Васко и Иля; Семень Белкевичъ—дымъ одинъ. Огородники того жъ местечка Веледницкого: Андрей Мелникъ—дымъ одинъ; Игнатъ Былыца—дымъ одинъ; Гришко Чоботаръ—дымъ 1, сына мае одного, Лаврюка; Ярошъ Пивоваръ—дымъ 1, сына мае одного, Корнея; Куприянъ Иевовочъ—дымъ 1, сыновъ мае два: Трохимъ а Еско; Игнатъ Яцкевичъ—дымъ 1, а пасынка мае одного—Игната; Карпъ Яцкевичъ—дымъ 1, сыновъ мае три: Иванъ, Сидоръ а Федоръ; Стась Колесникъ—дымъ 1, сыновъ мае два: Микита а Иванъ; Олексей Яцкевичъ—дымъ 1, сыновъ мае три: Иванъ, а Пилипъ, Артюхъ; Копылчиха удова—дымъ 1, сына мае одного, Семена, а зятя, прийму, мае Еска; Сидоръ Бондаръ—дымъ 1, сына мае одного, Гришка; Андрей Пастухъ—дымъ 1, сыновъ мае два: Гришка а Мартина; Павелъ Прихожий—дымъ 1, сына мае одного, Прокопа; Степанъ Хомячъ—дымъ 1, сына мае одного, Себестъяна; Еско Лашко—дымъ 1, сына мае одного, Савостяна; Прокфъ Прихожий—дымъ 1; Гапонъ Середа—дымъ 1, сыновъ мае два: Ивапъ а Гришко; Миколай Прихожий—дымъ 1; Гаврило Случанинъ дымъ 1, сына мае одного, Ивана;

Васко Кухарь—дымъ 1, сыновъ мае два: Каргъ а Филонтъ; Мартинъ Кушнеръ—дымъ 1, сына мае одного, Мойсея; Пархомъ прихожый Курхай—дымъ 1, сыновъ мае два: Богданъ а Федоръ; Иванъ Грежониль—дымъ 1; Гришко Борздуха—дымъ 1, сына мае одного, Мехеда; Максимъ Опашка—дымъ 1, сыновъ мае три: Климъ, Еско а Онивей; Степанъ Прихожый—дымъ 1, сына мае одного, Давида; Аврамъ Бутромовичъ а Тихно, вравцы—дымъ 1,—Аврамъ мае сыновъ два, а Тихно мае сыновъ два; Мишко мелникъ—дымъ 1, сына мае одного; Андрей Слесаръ—дымъ 1, сыновъ мае два. Бояре того двора Веледницкого: Слободка неподалеку того двора Веледницкого Ховхолъ: Гаврило Коновать дымъ 1; Семень Безкрупый—дымъ 1, сыновъ мае два: Романъ а Хараря (sic); Яцко прихожый—дымъ 1, сына мае одного, Гришка; Ермакъ Заякевичъ—дымъ 1; Левонъ Зубковичъ—дымъ 1, сына мае одного, Михиля; Дмитръ Прихожый—дымъ 1, сына мае одного, Ивана. Бояре того жъ двора Веледницкого: Костюкъ, зять Москалевичъ—дымъ 1, сына мае одного, Александра; Еско Москалевичъ—дымъ 1; Ониско Москалевичъ—дымъ 1, сыновъ мае два: Андрей а Еско; Иванъ Сидоровичъ—дымъ 1, сыновъ мае два: Семень а Максимъ; Трохимъ Сидоровичъ—дымъ 1, сыновъ мае пять (sic): Иванъ а Мартинъ, Гришко и Олешко; Корней Сидоровичъ—дымъ 1, сыновъ мае два: Юрей а Романъ. Волость, село Юржовщина: Иванъ Красношпя—дымъ 1, сыновъ мае три: Тимошъ, Лукашъ, Евсей; Олиферъ Кисляченко—дымъ 1, сыновъ мае три: Яцко, Гаврило, Курило; Трохимъ Андросивичъ—дымъ 1, сыновъ мае два; Романъ Денесовичъ изъ при(мо)ю своимъ; Омеляномъ—дымъ 1,—Романъ мае сыновъ два: Демехъ, Васко; Данило Прига—дымъ 1; Мишко Прихожачъ—дымъ 1, сына мае одного, Мишка; Курило Зенцевичъ—дымъ 1, сыновъ мае два: Каргъ, Логвинъ; Федоръ Куриловичъ—дымъ 1, сыновъ мае два; Евхимъ Обрежевичъ—дымъ 1, сыновъ мае два: Андрей а Омелянъ; Стась Литвинъ—дымъ 1, сыновъ три: Павелъ, Григоръ, Васко; Семенко Литвинъ—дымъ, сыновъ мае два: Васко а Мойсей; Федоръ Литвинъ—дымъ 1, сына мае одного, Мартина; Максимъ Комына—дымъ 1, сына мае одного, Яцка; Данило Скребеличъ—дымъ 1, сыновъ мае два: Ермола, Андрей; Харитонъ Скребеличъ—дымъ 1,

сыновъ мае 4: Пилипъ, Максимъ, Яцко, Степанъ; Василь Прийма—
дымъ 1, сыновъ мае два: Тимошъ а Шестакъ; Кълимъ Скребеличъ—
дымъ 1, сыновъ два: Степанъ а Иванъ; Иванъ Салей—дымъ 1,
сыновъ мае два: Еско, Андрей; Мелешко Салеевичъ—дымъ 1, сына
мае одного, Ивана; Климъ Вышнековичъ—дымъ 1, сына мае одного,
Ивана; Марко Павловичъ—дымъ 1, сына мае одного, Федора; Ку-
рило Верховодъ—дымъ 1, сыновъ мае два: Матфей, Степанъ. Село
Лелеты: Давидъ Лелетовичъ—дымъ 1, сына мае одного, Самсона;
Хома Лелетовичъ—дымъ 1, сыновъ мае два: Иванъ а Василь; Ва-
силь Лелетовичъ—дымъ 1, сыновъ мае два: Бузма а Ненадъ;
Павелъ Лелетовичъ—дымъ 1, сыновъ мае два: Лукашъ а Курило;
Иванецъ Давидовичъ—дымъ 1, сыновъ мае три: Степанъ, Аврамъ а
Василь; Сенъко Карповичъ—дымъ 1, сыновъ мае два: Лазаръ а
Гришко. Село Загоричи: Анцыпоръ Козловичъ—дымъ 1, унуковъ
мае два: Яцко а Нестерь; Степанъ Козловичъ—дымъ 1, сыновъ мае
два: Дмитръ а Гаврило; Стась Козловичъ—дымъ 1, сыновъ мае
пять: Андрей, Хома, Иванъ, Мартинъ а Омелянъ; Назаръ Козло-
вичъ—дымъ 1, сыновъ шесть: Иванъ, Пилипъ, Олексей, Тимошъ,
Федоръ, Гуринъ; Паршукъ Буриловичъ—дымъ 1, сыновъ мае три:
Андрей, Иванъ а Устимъ; Олешко, Яцко, Паршукъ, Еско, Оникей,
Мартинъ Рогачевичи—дымъ 1,—Олешко сына мае одного, Гришка;
Аврамъ Рогачевичъ—дымъ 1; Васко Рогачевичъ—дымъ 1; Еремей
Рогачевичъ—дымъ 1, сыновъ мае два: Марко, Андросъ; Зенко Сер-
геевичъ—дымъ 1, сыновъ мае чотыри: Иванъ, Сенко, Самсонъ, Сидоръ;
Бузма Сергеевичъ—дымъ 1, сына мае одного, Яцка; Макошъ Брыщне-
вичъ сыновъ мае три: Иванъ, Лазаръ, Омелянъ,—дымъ 1; Тарасъ Сер-
геевичъ—дымъ 1, сына мае одного, Лукъяна; Сергей Даниловичъ—дымъ
1, сыновъ три: Мартинъ, Мишко, Борисъ; Игнатъ Сергеевичъ—дымъ 1,
сыновъ мае два: Иванъ, Евхимъ; Гаврило Крышневичъ—дымъ 1, сыновъ
мае три: Степанъ, Василь, Василь; Васко Крышневичъ—дымъ 1, сы-
новъ мае два: Талко а Еско; Назаръ Денисовичъ—дымъ 1, сыновъ мае
два: Тишко а Трохимъ; Ониско Денисовичъ—дымъ 1, сыновъ мае два:
Иванъ а Опанасъ; Лавренъ Денисовичъ—дымъ 1, сыновъ мае два:
Иванъ а Василь; Данило Черевко—дымъ 1, сыновъ мае два: Игнатъ а
Мартинъ; Микюла Тишевичъ—дымъ 1, сыновъ мае чотыри: Петръ,

Савостко, Максимъ, Иванъ; Сидоръ Черевковичъ—дымъ 1, сыновъ мае три: Еско, Иванъ а Наумъ; Гапонъ Черевковичъ—дымъ 1, сына мае одного, Василя; Захаря Черевковичъ—дымъ 1; Тарасъ Черевковичъ—дымъ 1, сыновъ мае два: Еско а Андрей; Радивонъ Черевковичъ—дымъ 1, сыновъ мае три: Сахро, Тишко, Сергей; Дмитръ Черевковичъ—дымъ 1, сыновъ мае три: Ерко, Романъ, Сергей; Сава Черевко—дымъ 1. Село Веледники: Демехъ, старецъ, изъ братомъ своимъ, Сенкомъ, дымъ 1,—Сенко маеъ сыновъ три: Пархомъ, Федоръ, Иванъ; Евтухъ Гавриловичъ—дымъ 1, сыновъ мае пять: Иванъ, Яцко, Куприянъ, Иванъ, Яцко; Трохимъ Гавриловичъ—дымъ 1, сыновъ мае шесть: Ралко, Онопрей, Исай, Иванъ, Непадъ, Пилипъ; Васко Гавриловичъ—дымъ 1, сыновъ мае три: Олешко, Федоръ, Яцко; Максимъ Гавриловичъ—дымъ 1, сыновъ два: Карпъ, Федоръ; Мирюкъ Росошичъ—дымъ 1, сына мае одного, Максима; Андросъ Росоха—дымъ 1, сыновъ мае два: Васко а Мартинъ; Потапъ Ивановичъ—дымъ 1, сына мае одного, Жадва; Хилко Гуриновичъ—дымъ 1, сыновъ мае пять: Иванъ, Миента, Остапъ, Васко; Давидъ Гринчичъ—дымъ 1, сыновъ мае чотыри: Яцко, Данило, Нечай, Иванъ; Опанасъ Онисимовичъ—дымъ 1, сыновъ мае два: Иванъ, Каленикъ; Зыновъ Гринцевичъ—дымъ 1; Курию Мозоревичъ—дымъ 1, сыновъ мае два: Васко а Рашко; Хилимовъ Гришевичъ—дымъ 1, сыновъ мае три: Евхимъ, Яцко, Грицко; Белякъ Гуриновичъ—дымъ 1, сыновъ мае два: Яцко, Хилко; Гарасимъ Гуриновичъ—дымъ 1, сыновъ мае три: Лукьянъ, Иванъ, Гаврило. Село Прибытѣя. Тишко Яцковичъ—дымъ 1, сына мае, Саска, а сынъ его сыновъ мае два: Васко, Кондратъ; Лукьянъ Пержичъ—дымъ 1, сына мае одного, Ивана; Олексей Пержичъ—дымъ 1, сыновъ мае два: Сапонъ, Каленикъ; Манътелей Пержичъ—дымъ 1, сыновъ мае три: Труханъ, Микита, Степанъ; Федоръ Кондратовичъ—дымъ 1, сына мае одного, Гришка; Гринъ Даниловичъ—дымъ 1, сына мае одного, Евсея; Федоръ Мартиновичъ—дымъ 1, сыновъ мае три: Грицко, Романъ а Андрей; Пилипъ Малынецвичъ—дымъ 1, сына мае одного, Васка; Макаръ а Миско Лубьяновичи—дымъ 1; Кузма Есковичъ—дымъ 1, сына мае одного, Илю; Яцко Есевичъ—дымъ 1, сына мас одного, Олешка; Сидоръ Пержичъ—дымъ

1, сыновъ мае три: Гаврило, Трухонъ а Федоръ; Степанъ Калени-
 вичъ—дымъ 1, сына мае одного, Трухана; Тихонъ Гриневи-
 чъ—дымъ 1, сыновъ мае два: Васко а Прокopf; Иванъ Гриневи-
 чъ—дымъ 1, сыновъ мае чотыри: Федоръ, Иванъ, Богданъ а Огей; Ни-
 чипоръ Гриневи-чъ—дымъ 1, сына мае одного, Тереха; Борисъ Су-
 пруновичъ—дымъ 1, сыновъ мае два: Иванъ, Федоръ. Павелъ Су-
 пруновичъ—дымъ 1, сына мае одного, Остапа; Максимъ Харитоно-
 вичъ—дымъ 1; Иванъ Ивашковичъ—дымъ 1, сына мае одного, Яцка.
 Село Замисловичи: Петръ, атаманъ—дымъ 1, сыновъ ма три; Яковъ
 —дымъ 1, сына ма одного; Мойсей —дымъ одинъ 1, сына мае одно-
 го; Гринь—дымъ 1, сына маесть одного; Пронко—дымъ 1, сыновъ
 мае два; Степанъ—дымъ 1, сыновъ мае три; Захаря—дымъ одинъ;
 Еремей—дымъ 1, сыновъ мае три; Петрыкей—дымъ 1, сыновъ мае
 чотыри; Тишко—дымъ 1, сыновъ мае три; Гринь—дымъ 1, сы-
 новъ мае семь; Опанась—дымъ 1, сыновъ мае два; Кузма—дымъ
 1, сыновъ мае три; Харитонъ—дымъ 1, сыновъ мае два; Наумъ—
 дымъ 1; Курило—дымъ 1; Ермола—дымъ 1, сыновъ мае два; Се-
 менъ—дымъ 1, сыновъ мае два; Микита дымъ 1, сыновъ мае семь.
 Село Суцане: Семень, атаманъ, —дымъ 1, сыновъ мае три; Карпъ—
 дымъ 1, сыновъ мае три; Кондрать—дымъ 1, сыновъ мае шести;
 Иванъ—дымъ 1; Федоръ Олесеви-чъ—дымъ 1, сыновъ мае чотыри;
 Харитонъ Магаровичъ—дымъ 1, сына мае одного; Зенько—дымъ
 1, сыновъ мае три; Романъ Гавриловичъ—дымъ 1, сыновъ мае три;
 Першко—дымъ 1; Васко Гавриловичъ—дымъ 1, сыновъ мае три;
 Степанъ—дымъ 1, сыновъ мае два; Куханъ Сергееви-чъ—дымъ 1,
 сыновъ мае чотыри; Иванъ Борисовичъ—дымъ 1, сына мае одного;
 Петръ—дымъ 1, сына мае одного; Иевъ—дымъ 1, сына мае 1; Анд-
 рей—дымъ 1, сыновъ мае два; Гарасимъ—дымъ 1; Микита—дымъ
 1, сына мае одного; Мелешко—дымъ 1, сына мае одного; Федко—
 дымъ 1, сына мае одного; Дмитръ—дымъ 1, сыновъ мае три; Уласъ
 —дымъ 1, сына мае одного; Ерошъ—дымъ 1, сыновъ мае два; Хома
 —дымъ 1, сыновъ мае три. Село Рокитное: Семень старецъ,—
 дымъ 1, сына мае одного; Иванъ Куриловичъ—дымъ 1, сыновъ
 мае два; Мартинъ Куриловичъ—дымъ 1, сына мае одного; Сенко
 Осташковичъ—дымъ 1, сына мае одного; Иевъ Осташковичъ—дымъ

1, сына мае 1; Иванъ Сезюковичъ—дымъ 1, сына мае одного; Гринь Сезюковичъ—дымъ 1, сына мае 1; Яцко Сезюковичъ—дымъ 1, сына мае 1. Село Стуговщина: Трохимъ Пашкевичъ—дымъ 1, сыновъ мае чотыри: Денись, Сенко, Миронъ, Гридко; Васко Пашкевичъ—дымъ 1, сыновъ мае три; Васко Трохимовичъ—дымъ 1, сына мае 1; Гридко Гапоновичъ—дымъ 1, сыновъ мае 2; Хома Пашкевичъ—дымъ 1; Исай Случанинъ—дымъ 1, изъ шуриномъ своимъ, Гришко—дымъ 1: Исай сына мае одного, Мартина; Василь Случанинъ—дымъ 1, сыновъ мае два: Федоръ а Федоръ; Гришко Глюбковичъ—дымъ 1, сыновъ мае два: Иванъ а Карпъ; Иванъ Дедовичъ—дымъ 1, сына мае одного; Ермола Хотяновичъ—дымъ 1, сыновъ мае два; Хотянь Ермоличъ—дымъ 1, сыновъ мае три: Василь, Федоръ а Федоръ; Мартинъ Ермоличъ—дымъ 1, сыновъ мае два: Яцко а Иванъ. Село Сорокопена: Иля Оскичъ—дымъ 1, сыновъ мае чотыри: Еско, Сенко, Евхимъ, Матфей; Евхимъ Оскичъ—дымъ 1, сына мае одного, Остапа; Мойсей Оскичъ—дымъ 1, сыновъ мае три: Богданъ, Малко, Фитонъ; Сахо Козаковичъ—дымъ 1, сыновъ мае два: Максимъ, Андрей; Кузма Случанинъ—дымъ 1, сына мае одного, Сенка; Тимошъ Кузмичъ—дымъ 1, сыновъ мае три: Иванъ, Мартинъ, Павелъ; Уласъ а Кузма Ховичи—дымъ 1, сыновъ мають чотыри: Уласовъ—Игнатъ а Федоръ, а Кузминъ—Иванъ а Мартинъ; Сенко Ивовичъ—дымъ 1, сына мае одного, Василя; Данило Олевецъ—дымъ 1, сына мае одного, Мартина; Захариа Туровець—дымъ 1, сыновъ мае два: Ивана а Рава; Тишко Харитоновичъ—дымъ 1; Сезюнь Кузмичъ—дымъ 1; Девко Артемовичъ—дымъ 1, сыновъ мае два: Костюкъ а Василь; Васко Прихожий—дымъ 1, сыновъ мае два. Село Горловщина: Тарасъ Мишковичъ—дымъ 1, сыновъ мае два: Романъ а Олексей; Назаръ а Сава Мишквичи—дымъ 1, —Назаръ сыновъ мае два
. Сава Мишкевичъ—дымъ 1, сыновъ чотыри: Кондрать, Потей, Левонъ, Мартинъ; Гришко Мишковичъ—дымъ 1, сыновъ мае два: Мишко а Лукашъ; Огей Мишкевичъ—дымъ 1; Еско а Иля Андреевичи—дымъ 1; Мелешко Сачиничъ—дымъ 1, сыновъ мае чотыри: Федоръ, Иевъ, Лавринъ а Дмитръ; Малко Сачиничъ—дымъ 1, сыновъ мае пять: Максимъ, Селивонъ, Федоръ, Гришко а Иванъ; Иванъ Сачиничъ—дымъ 1, сына мае одного, Ивана; Мелешко Сачиничъ—дымъ

1, сыновъ мае пять: Максимъ, Селивонъ, Федоръ, Гришко, Иванъ; Гордей Тарасовичъ—дымъ 1, сына мае одного, Тимоша; Онякий Паничевичъ—дымъ 1; Иванъ Сачиничъ—дымъ 1, сына мае одного, Федора; Дмитръ Вешисковичъ—дымъ 1, сына мае одного, Данила; Омелянъ а Иванъ Вешнезовичи—дымъ 1; Давыдъ Вешнезовичъ—дымъ 1, сына мае одного, Тимоша; Федоръ, Хома, Иванъ Самсоновичи—дымъ 1,—у Федора сыновъ 2; Василь Самсоновичъ—дымъ 1, сына мае одного, Гришка; Иванъ Кучиль, бояринъ,—дымъ 1; зять его, Каленикъ—дымъ 1, сыновъ мае два: Олексей а Иванъ; Лавринъ Роецкій, бояринъ,—дымъ 1, сыновъ мае два: Степанъ а Иванъ. Которое именье, Веледники, я, возный, вышейпомененный, за добровольнымъ поступеньемъ пана Яна Котовича, все подостатку списавши, тотъ реестръ съ печатю моею и съ подписомъ руки моее писмомъ рускимъ, также съ печатями землянъ короля его милости земли воеводства Киевского, которые при той справе были: панъ Василей Косовицкий а панъ Лавринъ Вилимонть, и съ подписомъ рукъ ихъ писмомъ рускимъ, ку записаню до книги замку господарского, Овруцкого, при сознаныи моемъ далъ. Писанъ, у Веледникахъ, року тисеча пятьсотъ деведьдесятъ пятого, мѣсяца июня семнадцатого дня. У того инвентару печатей притисненыхъ три, а подписи рукъ тыми словами: Костентинъ Мочулский, возный земли Киевское, рука власная; Wasyl Kiosowicki, własną ręką. При которомъ поданыи двора Веледницкого, боярь, мещанъ и людей, при возномъ господарскомъ, Киевскомъ, очевисто бывши, до него печать мою притиснулъ и моею подписалъ: Лавринъ Вилимонть, власною рукою. Которое оповедане служебника его милости кнежати Друцкого-Горского, пана Яна Котовича, и сознаные возного, и тотъ инвентаръ, съ початку ажъ до конца, слово отъ слова, въ книги замку Овруцкого есть записано, и сесь видимусь съ книги въ року теперешнемъ тисеча шестьсотъ четвертомъ, мѣсяца марца двадцать четвертого дни, подъ печатю моею мене Яроша Достоевского, подстаростего Овруцкого, его милости кнежати Горскому есть выданъ. Писанъ у Вовручомъ.

М. П. Янъ Воронецкій, писарь.

Настоящій актъ въ подлинникъ хранится въ собраніи документовъ принадлежащихъ Временной Коммиссіи для разбора древнихъ актовъ, и значится по дополнительной описи подъ № 106.

LXXXII.

Жалоба слуги князи Януша Острожскаго, Станислава Ножовскаго, на урвляющаго итвнїемъ Луцкаго градскаго судьи, Матвѣя Стемпковскаго, Чаруковийъ, Матвѣя Яроцкаго, о томъ, что онъ напалъ на Ножовскаго при проѣздѣ черезъ Чаруковъ, заключилъ въ тюрьму нѣсколькихъ крестьянъ Острожскаго, а двухъ сжегъ въ полѣ на курганѣ. 1596 г., марта 10.

Рову тисеча пятсотъ девятдесять шостого, мѣсяца марта десятиго дня.

На вrade вгродскомъ, въ замку господарскомъ, Луцкомъ, передо мною Александромъ Семашкомъ на Хупкове, кашталномъ Браславскимъ, старостою Луцкимъ, постановившимся очевисто шляхетный панъ Станиславъ Ножовскій, служебникъ вельможного князати Януша Острожскаго, каптальна Краковскаго, жалобливе оповсдалъ, изъ дей рову теперешнего девятдесять шостого, мѣсяца марта девятого дня, вгдымъ, за росказанемъ пана своего, ехалъ съ подводами зъ именя его милости, места Полоного, ве збожемъ до Буга, и трафиломи ся ехати черезъ село Чаруковъ, имене пана Матея Стемпковскаго, суди вгродскаго, Луцкаго, тамже урядникъ тамошній Чаруковскій, на имя Яроцкій Матей, зъ многими слугами помочниками и подданными Чаруковскими, которымъ имена власныя и прозвиска ихъ самъ лепей знаетъ и ведаеть, не ведати для якое причины, перенявши на добровольной дорозе, закликавши квалту въ селе Чарукове, — тамже подданныхъ его милости пана моего, на имя: Олешка, Левка, Васка, Мируту, Яцка, Ивана, поймавши, и двоухъ на имя Левка и Мируту, навлавши огонь въ поли, на могилы, п оныхъ округне а праве тиранско попалилъ, — а чотыроухъ у везене посадилъ и теперъ держитъ; а подводъ возовъ осмънадцать зо всимъ на все, зъ конми, зъ збожемъ, зъ возами побралъ и квалтовне пограбилъ, и до двора тамошнего отпровадилъ; также подданныхъ пана моего побилъ, поранилъ, и што одно колвекъ мели пенезей готовыхъ, у вупцовъ также и моихъ властныхъ вопъ десеть, полгакъ и саблю у

вѣотамана, кожухи, сермяги, и што одно колвекъ мели, отъ мала до веля, побралъ и пограбилъ и до двора тамошнего отпrowадилъ. И просилъ, абы тое оповедане его до книгъ вгородскихъ, Луцкихъ, записано было. Што я записать казалъ.

Книга вродская Луцкая, поточная, 1596 года, № 2104, л. 139 на оборотъ.

ЛХХШ.

Слѣдствие и распросъ громадъ по дѣлу объ убитомъ панцирномъ бояринѣ Бакшиѣ. Приговоръ къ уплатѣ громадами, неявишимися на кону, головщины брату убитого Бакшия. 1596 года, апреля 17 дня.

Року тысяча пятьсотъ деветдесять шостого, месяца апреля семогонадцать дня.

На вряде вгородскомъ, Луцкомъ, передо мною Александромъ Семашкомъ, на Хупкове, кашталаномъ Браславскимъ, старостою Луцкимъ, постановившимся обличче шляхетный Стефанъ Желяховичъ, подписокъ вгородский, Луцкий, на местце мое до sprawy нижеописаное зосланный и высажовый, зезналъ тыми словы: ижъ што дей въ року теперешнемъ деветдесять шостомъ, месяца апреля пятого дня, врадникъ и повинный приятель пана Бартоша Оприлковъ, панъ Янъ Русяновский, и подданные его милости, Вышковские, на вгрунте Вышвовскомъ тѣло забитого человека, переждного, и подля его коня зъ седломъ знашедны, зо всѣмъ тымъ на врядъ вгородский, Луцкий, отдали и оповедане зезнанье возного до книгъ внесли. За чимъ ваша милость, заховуючися водлугъ права посполитого, хочечи ведомость певную о того забитого взяти, листомъ своимъ врядовымъ, такъ менцанъ Луцкихъ, яко всѣхъ обывателей повѣту Луцкого, сугранъ зъ Вышвовомъ мешкающихъ, обослалъ, абы на день сегодняшней месяца апреля семогонадцать, року деветдесять пос-

того, на тамъ тое мѣстѣ, где забитый есть знайденъ, на кгрунтѣ Вышковскій, на копу, для опытаня и выведапья певного: отъ кого бы тотъ небожчикъ былъ забить, собралися, и мене его милость, на мѣстѣ свое, вядовое, тамъ же, на тотъ ровъ назначонный, выслали рачиль. И такъ я, маючи при себе возного повету Луцкого, шляхетного пана Григоря Красноселского, и сторону двохъ шляхтичовъ: Захаряина Каспоровского а Станислава Малицкого, на мѣстѣ назначонное, на кгрунтѣ Вышковскій, где забитый найденъ, выехали есми; тамъ же, кгда се людей не мало на купу зъ сель околичныхъ забрало, а меновите: панъ Янъ Русецкій съ подданными Вышковскими; подданные архимандрицтва Жидичинского, зъ Жидичина; съ Теремного — подданные владыцтва Луцкого; панъ Станиславъ Кандыба; Прокшичъ, писарь кгородскій, Володимерскій, и при нимъ бояринъ его милости, Воротневскій, Федоръ Бакшии, приповедали се: ижъ тотъ забитый есть бояринъ панцерный пана Кандыбинъ, Воротневскій, братъ того Бакшия, на ймя Герасимъ, — былъ посланный приставомъ надъ подводами, который не вѣдать якимъ обычаемъ и отъ кого есть забить, — а ижъ знайденъ на кгрунтѣ Вышковскомъ; пре то потреба, абы на первой подданные пана Опрялковы выводъ слушный и справу о себе дали: якимъ способомъ тотъ забитый на кгрунтѣ ихъ знашолсе? Яво жъ даючи о себе справу подданные Вышковские, на первой вядникъ и повинный пана Опрялковъ, панъ Янъ Русаковский, поведиль: ижъ дня прошлого въ пятницу, уже тому тыждень минуль, едучи зъ Луцка, за Окопищами надѣехаломъ того небожчика. а онъ волокси на конѣ, вельми збитый, которого, кгдамыъ виталь хто бы его билъ, ни слова ми не отповедиль, — бо вже не мовиль, — только рукою кивнуль. А потомъ на завтрее, въ субботу, подданные Вышковские знашли его на кгрунтѣ Вышковскомъ уже умерлого, — которое тѣло съ конемъ, зъ седломъ отпровадилемъ до Луцка и отдаемъ на вядь. Тое жъ и подданные Вышковские зовнавали: ижъ видели кгда тотъ небожчикъ одъ Луцка, голову звезавши, кривавый ехаль вже передъ вечеромъ, и на кгрунтѣ Вышковскомъ тугъ на томъ мѣстѣ съ коня звалися, — розумели есмо, же пьяный. А потомъ на завтрее, кгда есмо пошли гледѣти, знашли есмо вже умерлого, и заразомъ есмо то пану Русиновскому сказали, которого намъ казавши взять,

до Луцка отировали. Подданыи Жидичяевскій Ивашко, тивунъ, тое жъ зезналъ: ижъ дей въ тотъ часъ подле вгрунту Вышковского надъ розбойниками стоялъ и видель того забитого, вгды одъ Луцка ранний ехалъ а на вгрунте Вышковскомъ съ коня свалдся,—розумели есмо, же пьяный, а на завтре почули есмо, же умеръ; але хто бы его билъ, того не вѣдаемъ. Панъ Олизаровскій за державы своее именя его милости пана Ивана Гулевича, съ передместя, именяемъ подданыхъ своихъ поведиль: ижъ въ той справе ничего не вѣдаемъ. По которомъ таковомъ сведецстве панъ Кандыба поведиль: ижъ бы ся могъ опытъ лепший учинити и винный се знайти,—вгды жъ початки и сведецства певные есть отколя тотъ збитый, зъ ранами ехалъ,—тылко жъ зъ ишнихъ селъ и зъ мѣста, а меновите: зъ Яровицы, подданыхъ его милости пана воеводы Браславского; зъ дворца подданыхъ его милости пана Киевского, зъ мѣста Луцкого; зъ Окопишь а зъ Лиляня, подданыхъ владыцтва Луцкого, которые на сей часъ панъ Андрей Дахновичъ держитъ, нѣтъ,—а листомъ вядовымъ тыхъ всѣхъ обошоно и на тую копу, для опыту, бытъ ознаймено. Яко жъ и возный повету Луцкого, панъ Григорей Красносельскій, тутъ очевисто стоечи, зезналъ, ижъ въ тыхъ всѣхъ селахъ былъ и листъ вядовый, на копу зъываючи, оказовалъ, то есть: на Яровицы вяднику его милости пана воеводы Браславского, пану Поплавскому самому,—а на дворцы—вяднику его милости пана Киевского, въ месте Луцкомъ, пану Богуну Васковичу, бурмистру Луцкому, а въ Лилянахъ—дворницѣце пана Дахновичевой, которые всѣ зъ листу и съ повести моее зрозумели, на копу, для опыту, стороны того забитого выслать обецали. По которомъ таковомъ сознанию возного домовялсе панъ Кандыба, абымъ, ведлугъ права посполитого заховавши, на тыхъ, которые, маючи заказъ и обецение, на копу не стали, головщизну брату забитого, Федору Бавшию, яко за слугу нанцерного, пятьдесятъ конъ грошей сказано. А такъ а, намовившися зо всею громадою, котораи ся на тотъ часъ зобрала, заховуючися въ томъ, водлугъ звичаю копяного, въ праве посполитомъ описаного, на подданыхъ ихъ милости ясновельможныхъ пановъ: пана Януша княжати Збаравского, воеводы Браславского, старосты Кремянецкого—Яровицкихъ, на пана Ивана Чаплича Шпа-

новского, капиталана Киевского—Дворецкихъ, а на мещанахъ Луцкихъ, на Овопицу мешкающихъ, и тежъ на подданныхъ владыцтва Луцкого—Липляскихъ, которые на сей часъ панъ Андрей Дахновичъ держитъ, головщивну, за того забитого боярина панцерного, Воротневского, водлугъ статуту, конь петдесятъ грошей Литовскихъ, брату его, Федору Баляню, яко на несталыхъ и вряду не послушныхъ, всказалъ и присудилъ есми, и рокъ заплате тымъ пѣнеземъ, правный, отъ дня сегодняшного априля семогонадцать, року девятдесятъ шостого, за шесть недель зложилъ есми, заховавши однакъ тымъ нестанымъ, по заплаченю головщизны, волное чинене правное съ тымъ, отъ кого бы се тое забите стало. Который судъ конный и тое очевистое совнание пана Стефаново до вѣнигъ вгородскихъ, Луцкихъ, есть записано.

Книга Луцкая гродская, поточная, № 2104, годъ 1596, листъ 267.

LXXXIV.

Королевскій увязъ коморнику Яну Черничцкому о томъ, чтобы онъ произвелъ дознаніе по дѣлу о разореніи и сожженіи княземъ Кирилкомъ Ружинскимъ «осадъ», принадлежащихъ Киевскому епископству. 1596 г., сентабря 7 д.

Року тисеча пятсотъ девятдесятъ шостого, месеца октебра второгонадцать дня.

На вряду вгородскомъ, Луцкомъ, передо мною Юрѣемъ Кошиковскимъ, буркграбимъ и наместникомъ подстароства Луцкого, постановившимся обличне урожоный панъ Янъ Волянцъ Черничцкий, коморникъ его королевское милости, покладать листъ его королевское милости, который такъ ся въ себе маеть: »Жявгимундъ третній, Божью милостю король Полскій, великий князь Литовский, Рускій,

Прусский, Жомойтский, Мазовецкий и тежъ Шведский, Кютский, Вандапский дедичный кроль, урожоному Яну Волинцови Чернчицкому, коморникови нашому, верне намъ милому, ласка наша королевская. Дать намъ справу велебный въ Бозе его милость ксендзъ Езофъ Верещинский, бискупъ Киевский, опать Сетеховский, же въ певныхъ маестностяхъ бискупства Киевского, черезъ урожого князя Кириза Ружинского и черезъ иныхъ особъ немалые шкоды починены, а некоторые осады новые показоны и попалены,—о чомъ хочети мы, господарь, яко патронъ и оборонца найвишший добръ костелныхъ, певную и достаточную справу и ведомость мети, назначили есмо верность твою, для выведаня се о таковой шкоде и спустошеню, тамъ выслати. Яво жъ и тымъ листомъ нашимъ верности твоей росказуемъ, абысь до преречонныхъ добръ бискупства Киевского, где ся попалене и шкоды стали, зъехалъ, тамъ же о шкодахъ, яко много и отъ кого починено, доводне и достаточне выведаль и списаль, такъ же о спаленю новыхъ осадъ, якимъ способомъ, умысломъ, и для чого палено, доведавшися, намъ, господарю, обо всемъ томъ ознаймилъ,—а иначе абысь того иначе учинити не смель, подъ ласкою нашою королевскою. Писанъ у Варшаве, лѣта Божого нароженья тысяча пятьсотъ девятьдесятъ шостого, месеца сентебра семого дня, а пановаща королевствъ нашихъ—Полского девятого, а Шведского третего року. У того листу печать коронная, а подпись руки его королевское милости въ тые слова: Sigismundus rex, Florian Olesko. Который же то листъ, съ початку ажъ до конца, слово въ слово, до книгъ вгородскихъ, Луцкихъ, есть уписанъ.

Книга Луцкая городская, записовая, годъ 1595—1597, № 2102, листъ 265.

LXXXV.

Королевский указъ князю Кирику Ружинскому, состоявшийся по жалобѣ епископа Кіевскаго, Іосифа Верещинскаго, о томъ, чтобы Ружинскій сдѣлалъ надлежащее удовлетвореніе по дѣлу объ ограбленіи имущества Верещинскаго, а равно и церковныхъ вещей изъ костела въ селѣ новомъ Верещинѣ, сожженіи мѣстечка Плисова и ограбленіи крестьянъ. 1596 г., сентября 7 дня.

Року тисеча пятьсотъ деветдесять шостого, месеца октября второгонадцать дня.

Передо мною Юрьемъ Кошиковскимъ, буреграбимъ и намѣстникомъ подстароста Луцкаго, ставши очевисто урожонный панъ Янъ Волянецъ Черницкий, коморникъ его королевское милости, покладаль листь отъ его королевское милости и просилъ, абы былъ принять и въ книги кгродские, Луцкие, вписанъ. Которого я, для вписованя до книгъ приимуючи, передъ собою читати казалъ, и такъ се въ себе маеть: »Живгимонтъ третій, Божью милостю король Польский, великий князь Литовский, Прусский, Жомойтский, Мазовецкий, Лифлянтский, и тежъ Шведский, Кготский, Вандамский дедичный врьоль, урожонному князю Кирику Ружинскому, верне намъ милому, ласка наша королевская. Урожонный, верне намъ милый. Писалъ и присылалъ до насъ, обътяжливе жалуючи, велебный въ Бозе всендзь Езефъ Верещинский, бискупъ Кіевский, опать Сетеховский, на верность твою о то, ижъ верность твою, безвнѣне звазнявшисе на него, речи костельные и иные его властные, съ костела въ Новомъ Верещинѣ, изъ дому бискупего, тыхъ недавныхъ часовъ, будучи зъ войскомъ нашимъ, побрати, до того ему самому, слугамъ его, подданымъ костельнымъ, великие кривды починити, быдла и коней немало забрати и мѣстечко Плисовъ новосаженое спалити мель, зъ великою шкодою бискупства и костела Кіевскаго; за которымъ есмы прошены, абы мы ему въ томъ таковое кривды и шкоды терпѣти не допустили, и листь нашъ о томъ до верности твоей писати базали. А такъ напоминаемъ верность твою и розказуемъ, абы таковыи речи, которые не мели бы быть съ востела бранни, преречоному всендзу

бискупови, вгды по то пришетъ, вьцале zase поотдавалъ, такъ же и шкодо ему самому, слугамъ его и подданнымъ востелнымъ, невнѣне поделанне, абы нагородитъ, и подлугъ самое слушности, до чоро злща былъ еси права не мель, абысь се всендву бискупови устриведливилъ,—учинишь то верность твоя съ повинности своее и для ласки нашее королевское. Писанъ у Варшаве, лета Божого нароченя тисеча пятсотъ деветдесять шостого, месеца севѣтбра семого дня, а панована вроелвствъ нашихъ—Полского девятого, а Шведского—третего. Sigismundus rex; Florian Oleszko. Который то листъ его королевское милости до книгъ вгородскихъ, Луцкихъ, есть уписанъ.

Книга Луцкая городская, записовая, годъ 1595, 1596 и 1597, № 2102, листъ 264 на оборотъ.

LXXXVI.

Запись Киевскаго епископа Юсифа Верещинскаго пану Николю Шадурскому на урочище Дорогинку. Шадурскій этою записью назначается юсаццею и войтомъ слободы, учреждающейся на этомъ грунѣ. 1598 г., генвара 1 дня.

Року 1602, месеца марца 18 дня.

На вrade его королевское милости замку Житомирского, до мене Павла Плюского, подстаростего Житомирского, прислала ее милость пани Николаева Шадурская, черезъ приятеля своего, шляхетного пана Адама Солтеша, привелей въ бозѣ велебного всендза Езофа Верещинскаго, бискупа Киевского, менованой пани Шадурской на маетность данный, подъ печатю и съ подписомъ руки его власное, и съ подписомъ рукъ нижей менованыхъ особъ, и подъ печатю Ясевского, каноника Киевского, и съ подписомъ руки его власное, просечи, абы тотъ привелей былъ принять и до книгъ вradeвыхъ, господарскихъ, Житомирскихъ, былъ вписанъ. Которогомъ принявши, и читаного по достатку выслушавши, до книгъ вписать казаль; который слово въ слово

такъ се въ себе маеть: •W Imie Pańskie amen. Iż gróna biskupstwa Kiowskiego, przez częste najazdy y moc nieprzyiaciela krzyża świętego, sprośnych pohan Tatar, niektore puste zostały, ludzi też, przez chciwość a zazdrość bezecno sąsiad bliższych, obywatelów tutejszych, schizmatików y heretyków, są od biskupstwa odjęte, pod sie przywłaszczone; nakoniec naidują sie niektorzy takowi w tym woiewodstwie, iż czego upornie, przez gwałt, wydrzeć y przywłaszczyć sobie s tych przereczonych gróntów kościelnych nie mogą,—tego, przez zmyslione a falsziwe listeczky swoje, podstępnie dostawaią. Które, aby za staraniem y pilnością moią od każdego nieprzyiaciela ochronione, a do biskupstwa znowu recuperowane byli, y w pirwszey kluibie swey zostać sie mogli, iako sie iuż za obięciem moim, przez łaskie y danine jego królewskiej mości y Rzeczy Pospolitey, y za potwierdzeniem naywyszszego oycy świętego, Biskupa Rzymskiego, znacznie przez mie, za pomocą Bożą, poczely osadzać, y aby tym wietszą a prędszą pomoc y skutek w osadzie swey mieć mogli,—zmyśliłem te puste grunty ludziom godnym y Biskupstwu temu za czasem pożytecznym na osadzenie ich dać. Jakoż my, Jozef Wereszczyński, z łasky Bożey Biskup Kiewsky, opat Sieciechowsky, ze wszystką kapitułą Biskupstwa swego, Kiowskiego, upatrziwszy pewny grunt y uroczysko, nazwiskem Dorohinke, gdzie iuż iest znaczna osada, które uroczysko, aby tym prędzey osadzić sie mogło, przyznaliśmy iemu za osadcze pana Mikołaiia Szadurskiego, człowieka godnego, którego wiary y stateczności doznawszy, a pamietuiąc na dawne y pilne służby jego, postanowiliśmy go na tym gruncie przereczonym woitem, który to grunt, zdawna do biskupstwa Kiowskiego należący nad rzeczko Dorohinko, z obiema brzegami tey że Dorohinky, pomienionemu panu Mikołaiowi Szadurskiemu, żenie y potomkom jego daiemy, daruiemy, zapisuiemy ze wszystkimi pożytkami y przyległościami iego, z poliami, z niwami, z bory, z liasy, z dąbrowami, z łakami, sianożęciami, z łowami rybnemi y zwirzęciami, z gony bobrowemi, z drzewami bortnemi, z stawy, y inszymi pożytkami, które by sobie wymyslić mógł, do tego uroczyska, zdawna należącymi, któremu y granice pewne przez nas są naznaczone y potwierdzone, które tak sie w sobie maią: poczawszy od groble Dzedkowskiej, na rzeczce Orpieniu leżącej, drogą Dzedkowską do Czarnohorodky idąc aż do wału, który dzieli Czarnohorodke od nowego Wereszczina, a wałem samym idąc, iako naprosciy, do rzeki Orpienia *) , sobie na potym tego to, przereczonego Mikołaiia Szadurskiego, ochotnieyszego y zicliwszego mieć

*) Въ подлинникѣ пропускъ.

na tym gruncie pomienionym, na to woytowstwo iemu, żenie y potomkam jego, przez nas danym, onego y s potomkami jego przy prawie tym naszym czule y mocnie zachowuiąc, zapisaliśmy sume pewną dwieście kop groszy monety y liczby Litewskiey, w każdą kope po sześćdziesiąt groszy Litewskich licząc. Który to grunt wyszeypomieniony, przerzeczonemu Mikoławi Szadurskemu, woytowi y osadcy naszemu, y potomkom jego, ex nunc razem, ku wzywaniu y spokoinemu dzierzeniu, puszczamy; względem której daniny naszej y sumy zapisaney, powinien będzie s potomkami swoimi nam y successorom naszym, na każdą potrzebe nasze y successorow naszych, tzy konie, według potrzeby y zwyczaju woiennemu, jako najozdobniey stawić, pod utraceniem tey daniny y sumy przerzeczoney. Aby ważno y trwało było, dla wiary y swiadectwa lepszego, rękami swemi podpisaliśmy sie y pieczęci nasze zawiesić kazaliśmy. Działo sie w Nowym Weresczinie, w dzień święta nowego liata, roku pańskiego tysięcznego pięćsetnego dziewięćdziesiąt ósmego, przy bitności ludzi zacnych, obywatelów woewodstwa tutesznego, ich mości: pana Semena Butowicza, woyskiego Kiowskego; pana Bartosza Wereszczynskiego, starosty Nowoweresczyńskiego; pana Mikołaja Chalieckiego, pana Szczęsnego Szlaszińskiego; pana Jana Sułkowskiego y innych wielu ludzi, wiary godnych. Въ того привилею печатеи две, привесистыхъ, а подпись рукъ теми словы: Jozeph Wereszczynsky, z łasky Bóżeу, Biskup Kiewsky a opat Sieciechowsky, ręką swą; Ioanes Lisgrowsky, kanonik Kiowensis, manu sua propria; Krzysztofh Jazowsky, ręką swą, kanonik Kiewsky. Который то привилей слово въ слово до книгъ вradoвыхъ замку господарского, Житомирского, записанъ есгь.

Книга Житомирская городская, записовая и поточная, № 9, годъ 1590—1644, листъ 74 на оборотъ.

LXXXVII.

Запись отъ князя Яна Дмитриевича Курцевича Булыги еврею Авраму Якубовичу на отдачу ему въ арендное содержание сель: Турянь, Вербаного и Новоселокъ, съ передачею ему права казнить крестьянъ смертию. 1598 г., марта 11 дня.

Рову 1598, месеца июля, 9 дня.

На вrade вгородскомъ, въ замку его королевское милости Володимерскомъ, передо мною Григоремъ Обухомъ Вошатинскимъ, на-

мѣстникомъ подстароста Володимирскаго, постановившише очевисто
 урожоний его милость князь Янъ Дмитревичъ Курцевичъ Булыга,
 ку записанью до книгъ созналъ, водлугъ листу добровольного запису
 своего арендовного, котораго отъ себе подъ печатю и съ подпи-
 сомъ руки своее, и тежъ подъ печатми и съ подписми рукъ людей
 зацныхъ, жиду Турейскому, Авраму Якубовичу, даъ, арендуючи
 оному именья свое отчизныя, въ повете Володимирскомъ лежачие,
 то есть: дворъ и село Туричаны, дворъ и село Вербую съ присел-
 ками: Рудюю и Блаженикомъ и дворъ и село Новосюлен, зо всеми
 тыхъ именей пожитвами и прилежностями, за певную суму пенезей,
 за полдесети тисечей золотыхъ Полскихъ, на пять лѣтъ зуполнихъ,
 по себе идучихъ, яко то все ширей а меновите въ томъ листе за-
 писе его милости арендовномъ описано и доложено есть. Который
 же то листъ добровольный записъ свой его милость князь Булыга,
 передо мною на вряде положивши, и его во всемъ очевистымъ соз-
 наньемъ своимъ ствердявши, просилъ, абы принять и до книгъ упи-
 сать былъ. Я его огледавши, и для вписанья до книгъ приймаючи,
 передъ собою читати казалъ, который таеъ се въ себе маеть: «Я
 Янъ Дмитровичъ Курцевичъ Булыга визнаваю и чиню явно тымъ
 моимъ добровольнымъ арендовнымъ листомъ всѣмъ вобецъ и кож-
 дому вособна, кому бы колвекъ о томъ ведати належало, теперь
 иже потомъ завжды, ижъ будучи мне зъ братомъ моимъ, княземъ
 Константиномъ Курцевичемъ Булыгою, и зъ сестрою моею, княж-
 ною Евою Курцевичовною Булыжанкою по небожичуу славное памяти
 князю Дмитру Курцевичу Булызе, пану отцу нашимъ, позostalымъ,
 въ немалыхъ долгохъ рознымъ особамъ заведеньемъ маетности, а
 иншимъ на листы записи, презъ небожчика пана отца нашего вин-
 ныхъ, о которые заразы по смерти небожчиковской, яко и о нико-
 торые инпедимента, правные поступки, противку мене и князятъ
 брата и сестры моее, вышъпомененнымъ, а въ лѣтехъ ихъ недо-
 рослыхъ, въ опеку приржоную мне належачихъ, зашли; въ кото-
 рыхъ, яко и въ иншихъ розныхъ и немалыхъ затыгахъ правныхъ,
 не могучи зъ маетности рухомое, хотя жъ немалое, по небожичуу
 пану отцу позostalое, за побраньемъ всее презъ панюю мачоху
 нашу, ее милость панюю Галшку зъ Стуляна, теперешнюю панюю

Миколаевую Харанискую, коратовати, а ни тежь, маючи чимъ оное и при ней побраныхъ листовъ, привилевъ и розныхъ справъ на маестности отъизные, доживотные и заставные, на ее милость правия доходити, и выховантя своего мѣти, и такого жъ князю брату своему и сестре моей дати, зъ иншое меры, не видечи всѣ маестности свое и брата моего, его милость князя Крстентина Курцевича, въ опеце моей будучи, яко зо мною перозделные, въ повете Володимирскомъ лежачи, отъизные: дворъ и село Туричаны, дворъ и село Вербую съ приселками: Рудюю и Блажникомъ, и дворъ и село Новоселки, зо все, яко се въ себе мають, зъ фольварцами, зъ выгунты будовными, зъ людьми тяглыми и не тяглыми, подворничными и огородниками, зъ бояры путными и панцырными, зъ ихъ повинностями, работами, подводами, фурами, повозами, чиншами грошовыми и овсяными, и данми медовыми, съ присудами и пересудами, съ кунницами поемными, и винами вшелякыми, малыми и великими, пенежными и не пенежными, съ борчями вшелякого навою, зъ мытами и промытами, зъ млынами и зъ ихъ вымелами, зъ ставищами, и зъ гоны бобровыми, зъ озеры и зъ сажавками, и въ нихъ ловонть омиъ рыбъ, зъ садами, гаями, запустами, зъ лесами, зъ борами, зъ дубровами, съ полми, сеножатми и огороды, зъ заседами озимыми и ярынными, зъ гумнами, зъ быдломъ и вшелякими иными пожитками, меновальными и неменовальными, ничего зъ нихъ и въ нихъ себе и впередъ речоному князю, брату моему, и сестре моей, и наменное речи не выимуючи и не зоставуючи, списавши все, яко самъ до держанья ихъ пришлоъ, на инвентарь, достаточне на выпачеше долговъ и знесенъе переводовъ правныхъ, яко и немалыхъ справъ и потребъ своихъ и князя брата моего и сестры моее речоныхъ опатренъе, арендовалемъ жидови Турийскому, Авраму Язубовичу, на пять лѣтъ зуполныхъ, по себе идучихъ, отъ року теперешнего тисеча пятсотъ деведесать осмого, отъ дня великодья света Римского, ажъ до року прийдучого тисеча шестсотъ третего такого жъ дня и свята Римского великодья, за певную суму пеневай на деветь тисечей золотыхъ и за пятсотъ золотыхъ Полскихъ. Яко жъ вше заразъ на початку тое оренды, въ заплату тое суми пенезей, тотъ помененый орандарь мой, Аврамъ Язубовичъ, отдадъ

ми семь тысячей золотыхъ, шестсотъ золотыхъ и петдесятъ золотыхъ и шесть золотыхъ Полскихъ,—зъ чого оногo симъ листомъ моимъ вквитую и волнымъ чиню на вѣчныя часы. А што се тычегъ и остатка сумы пенезей осмнадцати сотъ золотыхъ, и сорокъ золотыхъ и три золотыхъ и двадцать грошей Полскихъ, то ми будетъ повинень отдать передъ выдержаньемъ аренды на светый Петръ Руское свято, въ року тисеча шестсотъ второмъ. Которые то все села, вышей менованные, во всимъ на все, яко се вышей поменило, помененный арендарь мой чрезъ тую всю пять лѣтъ маеть спокойне держати и уживати, и вридниковъ слугъ своихъ тамъ отъ себе мети, albo тежъ кому хочечи, за тымъ же правомъ, арендою пустити,—а я самъ черезъ себе, слугъ и подданныхъ своихъ и черезъ особъ направленныхъ, такъ же зъ близкихъ кривныхъ и повинныхъ своихъ, помененному арендарови самому и вождому отъ него за тымъ листомъ арендовнымъ тые села держачому, жадное перешкоды, трудности, врижды, утиску и ниякого уступу чинити не маю и мочи не буду. Але еще, где бы се тому арендарови, пану Авраму Якубовичови, самому и вождому отъ него держачому, отъ кого колвекъ и въ чомъ же колвекъ якая врижда деяти ся мела, такъ отъ суседовъ околичныхъ, въ кгрунтехъ, и въ якомъ же колвекъ пожитку, яко тежъ и отъ кого обчого, albo и отъ жолнеровъ якое жъ колвекъ перенагабанье въ чомъ же колвекъ,—теды я отъ каждого такового своимъ власнымъ коштомъ и накладомъ, на вождомъ местцу, пана Аврама Якубовича и каждого держачого боронити и заступовати, о врижду кгрунтовую, такъ же о врижды вшелякие подданныхъ своихъ, сираведливости доходити повинень буду. А где быхъ я пана Аврама Якубовича и каждого держачого не заступоваль, его отъ всѣхъ вриждъ не боронилъ и не освобожалъ, або, самъ черезъ себе, слугъ подданныхъ и повинныхъ приятелей своихъ, якую жъ колвекъ перешкоду въ той аренде учинилъ, и якиѣ колвекъ вступовъ вделалъ, а онъ бы што въ томъ шкодоваль, теды повинень буду пану Авраму Якубовичу и вождому держачому заруки заплатити полъдесети тысячей золотыхъ Полскихъ, и въ тому шкоды и наклады на голое реченье слова нагородити. А где бы тежъ за держанья пана Аврамова и каждого, подданные съ тыхъ сель розыйти се мели,

албо, чога Боже уховай, якое спустошенѣ таѣь отъ неприятеля посторонного, яко и отъ кого колвекъ и за якимъ колвекъ припадкомъ стало спаленѣ двора, млыновъ и якого жъ колвекъ будованъя, порванъя гребель на ставехъ и сажавкахъ,—теды я того на пану Авраму и на кождомъ держачомъ пойскавати и о то до права позывати, и жадное трудности о то задавати не маю и мочи не буду самъ черезъ себе и не черезъ кого, таѣь съ новинныхъ, яко и зъ обчихъ людей, подъ зарукою такою жъ вышеименованою. Если бы тежъ шло о вгрунтъ, албо о подоптанѣ збожя и о якую жъ колвекъ кривду, за чимъ бы бытности моее самого, албо слугъ для обороны было потреба, тогда я не маю на тыхъ маестностяхъ, отъ мене арендованныхъ, мешкати для того, абы якое шкгоды и трудности кождый держачий не поносилъ. А вгды бы тежъ въ держанью тое аренды въ тыхъ селахъ, зъ допущенъя Божого, въ побитю збожя черезъ градъ шкгода стала, теды я, за ошачованемъ зобополныхъ приятелей нашихъ, нагородити буду повиненъ съ тое жъ сумы пенезей, которую ми повиненъ будетъ на остатнюю платити, вытрутити, таѣь яко бы се за шкгоды досыть стало. А если бы тое сумы пенезей за тую шкводу не стало, тогда, по выштью аренды, тыхъ добръ моихъ отъ него отбирати не маю, ажъ се ему за все досыть станеть. Што се дотычетъ быдла, помененому арендарови отъ мене даного, таѣь же и будованъя дворного, то все нами особый инвентаръ списавши, межи себе есмо дали; которое быдло тое, што отъ насъ взято, при доконченю арѣнды мне отдано быти маеть, а прилодокъ увесъ при немъ зостати маеть. А если бы тежъ панъ Аврамъ Якубовичъ, за держанъя своего, въ той маестности што коштомъ своимъ прибудовалъ, албо на направу въ будованью дворномъ и въ поправенью гребель накладъ який учинилъ,—теды, за слушнымъ показаньемъ, повиненъ буду то все ему заплатити. Если бы тежъ по видержаню аренды, по выштью пяти летъ, показалъ панъ Аврамъ Якубовичъ листы, албо квиты якие, же бы перевыишало болшей на суму, вышеименованую,—теды я не маю отъ него отбирати тыхъ маестностей моихъ, вышеименованныхъ, ажъ се ему все сполна устити, и за все досыть станеть. Которые жъ то маестности наши, вышеименованные, заразомъ пустили есмо и пуцаемъ въ держанѣ и

уштанъе,—масть уже позитива всѣ на себе брати и привалати, зъ деревомъ бортиныъ, зо бчолами и безъпчолными, яко самъ налениъ нхочеть и можеть, и съ пущи нашихъ, водле потребы свое, древъ вшеляныхъ на потребу свою, где хочеть, возети; масть подданыхъ судити, вшнихъ, не послушныхъ, водлугъ вштуриковъ ихъ, карати бы тежъ и горломъ, если который заслужитъ, не допускаячи жадное апелациа до мене, а ни до папа брата моего,—а о тое я самъ а ни потомкови мои ему самому, и вождому держачому тие маестности наши, вышъпомененне, зо всеми ихъ позитивами, яко се поменило, держати и вживати масть спокойнѣ и цале до часу назначеного. Невольно тежъ пану Авраму Якубовичу дерева съ иуца нашихъ на дви комаги, иле будетъ потреба, вывезти до Устлюга албо до Боритницы въ тыхъ пяти летахъ держанья его; волно ему будетъ ошвы и дрыгавки, жерди, вгды комаги будетъ у въ Устлюгѣ мшти, албо до Боритницы, до иншихъ комагъ, на вондый годъ, иле ему будетъ потреба, вывозити. Если бы тежъ палъ Богъ въ томъ часе на него смерть допустити рачиль, тогда жена и потомки его тое аренды помененныхъ именей, водле сего занису моего, спокойнѣ держати масть; толко по выштыю аренды пяти летъ зуполныхъ, яко оя самъ, такъ и по немъ жена и потомки его, тие всѣ именья, водле инвентару; цале и зуполне до рукъ моихъ уступити будутъ повинни. А если бы по выдержанью аренды болшей засевку мель, илжали отъ мене взлалъ, теды то волно будетъ му и вождому держачому тыми жъ подданными моими зобрати; а зобравши тавъ тую нашую, яко и вшеляваю иншую маестность свою рухомую, оными жъ людьми, тамъ где воля его будетъ; отвезти и выпровадити,—на што румадни воедъ двенадцать, по выштыю аренды, ему допустити маю и буду повиненъ. Ку тому борчмы и млыни въ тыхъ маестностяхъ моихъ на пять лѣтъ по выдержанью аренды ему, безъ вшелякого плату, поступити маю. А где бы тежъ въ томъ часе на мене палъ Богъ смерти допустити рачиль, тогда, водле сего листу моего, и потомкове мои, противко пану арендарови моему и потомковъ его захвати, и то все зисити и выполнити, и всѣмъ обовязкомъ моимъ досить учинити мають и будутъ повинни, подъ закладомъ вышешописаннымъ. Недъ который себе и потомковъ своихъ зъ добри своими

поддаю и обоезую, и даю волность себе, и по мне потомковъ своихъ, повзати до суду земского и вгородского, и въ який коллежъ поветъ, и до суду головного трибунальскаго, въ которое жъ коллежъ воеводство, рокомъ и позволю, якимъ похочеть; а я самъ и каждый потомокъ мой, по мне позванный, на першомъ року, яко на завитомъ, маемъ стати, а ставши, не збываючи повзу, не беручи року, не закриваючи се жадными причинами, правными и неправными, въ статуте и конституцияхъ описанными, хоробою своею, и умоцованого своего, болшою справою, соймомъ, соймкомъ поветовымъ, поветриемъ моровымъ, послугою военною, неведомостью о року и о позве, не вымовляючи се такъ же тежъ злымъ и непоряднымъ написаньемъ и положеньемъ повзу, неналежностью права и уряду, не чекаючи третого дня,—повиненъ буду уснраведливитисе, и тому всему, што на мне. сказано будетъ, досытъ учинити буду повиненъ, и потомкове мои повинни будутъ. А где бымъ не стать, або и ставши, сказанью судовому досытъ чинити не хотель, и потомкове мои, по мне позванные, досытъ чинити не хотели, тогда то все, где судъ и врьдъ на вшеляннихъ добрахъ моихъ, яко и на тыхъ же презъ мене арендованныхъ, водле сказанья, отправу за все заразъ skutечную уделати волень и моцень будетъ,—а я тому ничимъ ся спротивляти не буду и стороне трудности то чинити съ потомки своими не маю и мочи не буду, подъ тыми жъ всѣми заклады и обовязки описанными; подъ которыми жъ тотъ листъ мой арендовный, добровольный, передъ выштемъ року его, маю и повиненъ буду на врьде вгородскомъ, Володимерскомъ, звынати и до книгъ записати дати, для лепшого утверженья его во всемъ и кондицій въ немъ выраженныхъ. И на томъ далъ пану Авраму Ялубовичу, жиуду Турейскому, сесь мой арендовный листъ подъ печатю моею и съ подписомъ власное руки моее, до второго за очевистою а устною прозбою моею, будучи того всего добре сведомы; ихъ милость, панове а приятели мое: его милость князь Федоръ Курцевичъ, его милость князь Андрей Козьва а его милость панъ Фридрихъ Подгороденский, печати свое приложити и руками власными подписати рачили. Писанъ у Туричинехъ, року Божого варожена тисеча пятсотъ девятдесать осмого, месеца марта шрестонадцать дня. У того листу печатей чотыри, а подпись руку

въ тые слова: Jan Kurczewicz Bułyha, ręka własną; Федоръ Курцевичъ, власная рука; Jendrzy Kozieka, ręka swą; Fridrich Podhorodenskiј, własną ręka. А такъ я тотъ вышеименованный листь и очевистое сознанье его милости князя Яна Булыги, за прозбою его милости, до книгъ вгородскихъ, Володимерскихъ, записати казалъ.

Книга Владимірская гродская, записовая, поточная и декретовая, № 952, годъ 1598, листъ 349-й

LXXXVIII.

Объявленіе Черничцкихъ крестьянъ о томъ, что по дѣлу о воровствѣ лошади у крестьянки Пезагея Сачковой была собираема копа, которая не постановила своего окончательнаго приговора, такъ какъ Сачкова объявила, что переносить дѣло на рѣшеніе гродскаго уряда. 1598 г., юля 6 дня.

Року тисеча пятьсотъ деветдесять осмого, месяца юля шостого дня.

На вриде вгородскомъ, въ замку господарскомъ, Луцкомъ, передо мною Миколаемъ Чарнацкимъ, наместникомъ подстароства Луцкого, постановившиися очевисто Иванъ Томиловичъ, прозвищомъ Трѣль, тивонъ Черничцкий, а Матфѣй Грибовичъ, зъ Чернѣичъ, подданные ясневелможного княжати Костептина Острозского, воеводы Киевского, маршалка земли Волынское, старосты Володимерского, а Гаскова—Куличъ, подданный пана Ивана Волынца Чернѣичького, городничого Луцкого, также съ Чернѣичъ, ку записованю до книгъ вгородскихъ, Луцкихъ, сознали тыми словы: ижъ року теперешнего деветъдесять осмого, месяца юня семогонадцать дня, за ознаменьемъ боярь, ку староству Луцкому належачихъ, Красноселскихъ, яко въ суседстве мешкаючи намъ зъ ними, были есмо на цершої

копе въ селе Красномъ, также передъ всеми людьми, на той копѣ будущими, Полагая Сачкова о сгиненѣ сверицы своее, шерстю сивое, шпакватое, на хвосте знакъ на концу бѣлый, на Савку Марковича, подданого Красноселского, жаловала тыми словами: »ижъ дня вчорашнего июня шостогонадцетъ, зъ волторка на середу, згинула ми сверепа сивая, шпакватая, которая въ полю на наши ходила; тоежъ ночи есми постерегла, же ее на той наши нѣтъ. Теды заразомъ и на завтрее рано о той згубе своей чинила есмы опытъ, и взяла ведомость, же до того Савки Марковича акийсь гость тое ночи, кгда тая вляча згинула, о четвертой године въ ночь, приехалъ,—опять засъ тое жъ ночи до дня отехалъ; которого онъ гостя своего самъ зъ братомъ своимъ черезъ Стырь перевозилъ,—и съ тое причины ни отъ кого иного шкоды себе быти не менила, толко отъ того гостя, Савки Марковича, который въ ночи приехалъ и въ ночи отехалъ«. И домовялася заразомъ Сачкова, абы Савка Марковичъ менилъ: што то у него за гость, откомы былъ и какъ его звано, и абы его ку выправованью на другой копѣ ставилъ? А Савка Марковичъ того гостя своего, найма не менючи, первой его поведилъ быти зъ городка владыки Володимерского. О которого она его пытала: якъ его зовутъ? А оный Савка Марковичъ, не поведаючи ему имени, поведилъ: же его не знаю и не ведаю где мешкаетъ,—если подъ Острогомъ албо за Острогомъ. Што видечи быти копа Савки Марковича повесть розную, знашли, абы Савка Марковичъ на другой копѣ, которой тая громада рокъ зложила, въ неделю пришлоу, месеца июня двадцать первого дня, самъ ставши и того гостя своего, ку выводу тое згубы, поставилъ; который рокъ Савка Марковичъ доброволне принявши, на другой пришлоу копѣ того гостя своего поставити обещалъ. Якожъ, кгда рокъ на зобране тое копы неделя припала, теды знову копа се была зобрана, на которой и мы есмо были; нижи Савка Марковичъ, не чинечи досытъ всказови копному, оного гостя своего не поставилъ и выводу о немъ и о себе слушного не далъ,—тылко, надъ всказъ копный, ставилъ якихъсь светковъ, трохъ чоловековъ Черничцкихъ, которыхъ она не приимовала и на сведецтво ихъ, надъ всказъ копный, не позволяючи, домовялася, абы Савка Марковичъ гостя своего ста-

вить; а боярове Красноселские сами тылко, кромѣ сторонѣ, отложивши всказъ копный на сторону, онымъ светкомъ Савчинымъ светчиги рассказали. А Сачковая, не примуючи и не слушаючи того свидетельства, до вышнѣшого ея права, то есть до его милости пана старосты, албо подстаростего его милости отзываета и бралася; а оные боярове Красноселские предъ се упоромъ своимъ оныхъ светковъ свидетельства выслушавши, рокъ третій завитый копе за две недѣли складала; которого року Сачковая не приймавала и на третью копу не позволяла, и збирати ее не подымовала, але до вышнѣшого права знову озывалася. На чимъ Полагья Сачковая, давши паметное, просила, абы тое добровольное сознание людей добрыхъ, сторонныхъ, до книгъ вгородскихъ, Луцкихъ, было записано. Што есть за прозбою ее записано.

Книга Луцкая вродская, замисовая и поточная, 1598—1600 г., № 2106, листъ 216.

LXXXIX.

Объявление судьи вродскаго Владимірскаго, Демьяна Павловича, о томъ, что слуга его, Станиславъ Доманскій, обокравъ какъ его такъ равно и другого слугу, Мартина Ястрембскаго, бѣжалъ въ Венгрію. Павловичъ проситъ о выдачѣ означеннаго Доманскаго, для совершенія надъ нимъ казни, вдушему въ Венгрію пану Лукѣ Вилковскому. 1599 г, апрѣля 27 дна.

Рокъ 1599, мѣсяца апрѣля двадцать семого дна.

На вряде вродскомъ, въ замку Володимерскомъ; передъ мною Григоремъ Обухомъ Воцатинскимъ, наместникомъ староства Володимерскаго, поставившимся очевидно его милость панъ Демьянъ Павловичъ, судья вродский, Володимерский, жаловать и оноведалъ, ку записаню до книгъ вызналъ теми словы: ижъ слуга и нахоловъ мой руводанный, который се звать Станиславомъ Доманскимъ,—отецъ его

у повете Луцкомъ въ селе Кгосоркахъ мешкаетъ, котораго вовуть, Матый Кгосорекъ, тотъ взявши передъ себе злый 'умысль, року теперешнего тисеча нятьсотъ деветдесять девятого, месеца априля шестого дня, окрадиши мене и служебника моего, Мартина Ястрембского, то есть у мене украсть: коня валаха, зъ мышата гнедого, коня реслого и выховалого, иноходника, праве доброго, за котораго ми давано шестьдесятъ таларовъ, на томъ коню пятно герба моего одъ рововъ, который, намаловавши, пану Вилковскому далемъ, до того седло мое козацкое, демидокъ, (sic) козломъ чирвонымъ крытое, седю и тебенки малованные, узду козацкую, мосязовую, до того полгакъ въ чирвономъ ложу новоосажоный, пороховницу козацкую, желтое шерсти лядунки чирвоною скурою обшитые; а у пахолка моего, Ястрембского, выламавши комору его, покрасть речи его: копенякъ новый, каразь зеленый, темный, чирвонымъ сукномъ добримъ немецкимъ подшитый, безъ ковнира, шнуркомъ зеленымъ вколо обитый, портки фалюндишь лазуровое зъ гафтками, боты возловы, черные, кошуль и хустовъ до вилку, и пенезей готовыхъ шесть золотыхъ. А его сукни такые были: жупанъ бурнатный, фалюндишовый, козацкий, который тежъ украсть и утекъ съ нимъ отъ шляхтича за Кремянцемъ, а ермакъ каразьевый, чирвоный, не новый. Онъ шаблю маеть козацкую, масязомъ оправную; самъ особую такий: зъ росту среднего, невеликъ, усъ черныи малый, мовы шепетливый, а на шии заду шрамъ тятый не малый маеть. И покравши тые вси речи, вышь менованные, съ тымъ всимъ зъ имени и двора моего, Оваднава, утекъ, и маю ведомость ихъ на службу до Венгеръ поехалъ. А ихъ тежъ тамъ до Вгоръ ехалъ добрый приятель мой, панъ Лукашъ Вилковский, котораго въ томъ ужиломъ и просиль: где бы его тамъ въ Угрехъ, або гдежъ колевекъ въ дорозе, або на местцу потрафити могъ, же бы его, яко здрайцу и злодия моего, поймати и, ведле учинку его, скарати даль, або тежъ правомъ на него попирати, и такъ о скаране такового здрайцы, ведле учинку его, яко тежъ и о тые речи, у мене и у слуги моего покраденые, домовятся,—зуполную моць его милости даю и тымъ сознаниемъ моимъ на вrade поручаю. Чого се панъ Вилковский, яко приятель мой добрый, поднялъ, и то ми все обещалъ, и тымъ мене уневнялъ,—тільки бы того здрайцу где подыбати

могъ. А такъ вашу милость моихъ милостивыхъ пановъ покорне прошу, где бы тотъ здрайца и злодей мой отъ пана Вилковского упатрень и подыбанъ былъ, рачте его ваша милость пану Вилковскому, яко мне власному, съ тыми всеми речми выдати, або скарати, яко здрайцу и злодия, дати, — вгды жъ не годенъ межи вашими милостями, людми задными и рицерскими, быти таковый здрайца и злодей, бо то южъ и не разъ людемъ почтивымъ въ краю нашомъ врежаеть, абы в тамъ инший злый карали. И просиль его милость панъ судя, абы тая жалоба, оповедане и злецене тое sprawy его милости пану Вилковскому до книгъ вгородскихъ, Володимерскихъ, записано было. Што есть записано.

Книга Владимірская городская, записовая, поточная и декретовая, № 953, годъ 1599, листъ 133.

XC.

Жалоба слуги Виленскаго ціуна Яна Паца, пана Мартина Сташкевича, на пана Вацлава Еловича Малинскаго о томъ, что урядникъ итѣннй его, Ивачковскаго, Вербята, съ боярами, слугами, цыганами и крестьянами ночью переселилъ изъ села Волицы въ итѣннй Малинскаго, Ивачково, девять крестьянскихъ семействъ, и что когда послана была за ними погони, вѣсть съ вознымъ, то Вербята вооруженною рукою отразилъ оную а означенныхъ крестьянъ ограбилъ. 1600 г., іюля 22 дня.

Року тисеча шестьсотного, месяца іюля двадцать второго дня.

Присылалъ на врьдъ его королевское милости вгородский, замку Луцкого, до мене Адама Олшамовскаго, буркграбего и наместника подстароства Луцкого, урожонный панъ Мартинъ Сташкевичъ, служебникъ вельможного пана Яна Паца, цивона Виленскаго, старосты Каменецького и Довкгалискаго, жалуючи и оповедаючи и обтежливе се протестуючи на его милость пана Вацлава Еловича Малин-

ского о томъ, што жъ дей въ року теперъ идучомъ тисеча шестсотномъ, месяца июля третеговадцать дня, съ четверга на пятницу, въ ноци, за волею и властнымъ розказанемъ своимъ, наславши на маетность мою Волицу Сухую, надъ речкою Стубломъ лежащую, урядника своего, Ивачковского, на ймя Вербату, и слугу своего Мицевского, и при нихъ бояръ, цыганъ и подданныхъ своихъ Глусскихъ и Ивачковскихъ, которыхъ его милость самъ лепей знаетъ, имена и прозвиска ихъ ведаеть, подданныхъ моихъ власныхъ, непохожихъ, ойчизныхъ, въ той маетности моей, селе Волицы, будучихъ, которые отъ его милости пана тивона Виленского отъ немалого часу заставою держу, зъ жонами, зъ детми и зо всею маетностью, семей деветь намовивши, до маетности своее, села Ивачкова, былъ отпровадилъ, а меновите: Тихна Тимошевича, Тимоша Дегтяревича, Евтуха Панчя, Ивана Головку, Марка Головчича, Куца, Тимоша, Олексу, Еремея Евтуховича. О которомъ то таковомъ учинку и шкоде своей доведавши на завтрее въ пятницу, ижъ тыхъ подданныхъ моихъ ночнымъ обичаемъ выкочено, и дома ихъ пустые и во всемъ зобраные увидевши, заразомъ утекшисе до приятелей и суседовъ моихъ о помочь, и способивши до того енерала возьного воеводства Волынского, шляхетного Мател Павезского, за ними въ погонь следомъ послать. Которыхъ, вгды следъ взяли, и въ тропы по знакахъ, вгды шли, бегли, то естъ мановцами, болотами, незвикле ихъ черезъ того вышейпомененого урядника Вербату и того то Мицевского, такъ же бояръ, цыганъ и подданныхъ его милости веденыхъ и провожныхъ, тамже, вгды ихъ у млына Ивачковьовскаго черезъ реку тамошнюю подъ Ивачковомъ отъ Глупонина идущую, човнами перепровожающихъ се, нагонили, видечи дей толко остатки, которые се уже въ селу совсимъ забрали и до насеки его милости пана Вацлава Малинского, подъ дворомъ Ивачковьскимъ, въ гайбу будучой, черезъ ровъ превопаный, впроважонныхъ и зъ жонами, зъ детми и зо всеми маетностями, съ конми, быдлами, тамъ поставеныхъ, тая погоня моя за ними жъ въ тотъ же следъ, черезъ тую реку вылавъ на конихъ переуправивши, а тыхъ збеговъ подданныхъ, яко моихъ власныхъ, въ той маетности его милости урядовне зъ возьнымъ заставши, взяти хотечи, тогда тотъ Вербата зъ оными всеми помочниками своими,

на то способными, вдаривши въ звонъ на квалтъ, тую погоню мою и емерала возного мощно, квалтомъ зъ села Ивачкова выбилъ и выгналъ, а тыхъ збеговъ моихъ взяти не допустилъ. Однакоже, тотъ емераль возный, видечи таковой поступокъ ихъ незвычайный, тыхъ подданныхъ всехъ тому урядникови, Вербяты, въ десети тисечахъзолотыхъ Полскихъ приручивъ, абы ихъ до росправы правное вцае додержалъ. И кгда вже, не могучи тому досыть учинить, абы тыхъ подданныхъ моихъ оттолъ зъ собою взяли, мне самому, черезъ посланца, ажъ до дому села моего Волицы знати дали, а сами въ селе Глушонине, маетности его милости пана Костентина Чаплича Шпановского, на на мене чекали, и тамъ заравомъ приехавши, оповедали. Въ которомъ часе тотъ Вербята отъ тыхъ менованныхъ подданныхъ моихъ видечи то, ижъ вже еъ той маетности пана своего далей ихъ переховати не могль, маетности ихъ вси отобравши, нозы потрясни, скрыни, бодни порозбавявши и полупавши, яко доброму не пристало, до двора тамошнего все отъ мала до велика сировадиль,—а тыхъ подданныхъ моихъ усилне не причомъ зоставивши, прочъ зъ селъ выгналъ и такъже дорогою незвычайю, черезъ греблю новую, которую подъ Ивачковомъ сыплють, перепровадиль. И кгдымъ вже самъ прибывши того дня, въ пятницу, съ тымъже вознымъ шляхетнымъ, Матеемъ Павевскимъ до того урядника Ивачковского, Вербяты, приехалъ, и тыхъ подданныхъ своихъ повторе застати хотелъ, теда тотъ Вербята на то поведиль: ижъ дей я никгда подданныхъ твоихъ въ маетности его милости пана своего, селе Ивачкове, не мель и ихъ съ села Волицы не выпроважалъ, и о нихъ не ведаю,—што я емераломъ вознымъ, ижъ ихъ теперь тамъ былъ засталъ, осветчивши, прочъ отехалъ. А бачачи то, ижъ вже тые подданные мои, зъ села Ивачкова обраные, выгнани и выпроважени были, тымъ же следомъ въ погоню за ними черезъ греблю новую ехалъ, и на полю Ивачковскомъ отъ Копоткова, на кгрунте пана Вацлава Малинского, стоячихъ, догналъ; которые, еще здалека мие обачивши, назадъ заравомъ вернули и о выйскане маетности свое, черезъ того урядника Ивачковского, Вербяту, побравое, просили; то естъ меновите побрано: У Михна Тимошевича, слуги моего дворного, коня моего власного, шерстью темносивого, за которого

дано золотыхъ пятьдесятъ. У Тимоша Дегтеревича—готовыхъ грошей копь Литовскихъ шестьдесятъ; коня шерстью гнедого, за которого было дано копь Литовскихъ дванадцать; вола чорного, за котораго было дано копь Литовскихъ чотыри; корову съ телямъ, рыжую, за которую было дано копь Литовскихъ три; ярякъ и жупанъ люнскій, синій, новобуробеные, которые коштовали копь осмь; убрание люнское синее, за копу грошей справеное, сукню женскую зъ оксамитомъ, люнскую, сянюю, которая коштовала копь Литовскихъ пять; шапку оксамитную, за грошей осмьдесятъ купленную, овецъ старыхъ десетеро и ягпаты десетеро; боты сафановые жовытые, новыя, которые коштовали грошей пятьдесятъ; шлыкъ лисий, чирвоный, за кону и грошей двадцать купленный; шаблю зъ мосендземъ за кону и грошей дванадцать купленную; сагайдакъ зо всимъ, который коштовалъ копь Литовскихъ две; ручницу губчастую, за которую было дано кону грошей; полотна тонкого кужелного локоть сто; плахоть черчатыхъ две; плахоть напльныхъ чотыри, синихъ две; ложнивовъ новыхъ два, которые стояли по коне и по грошей дванадцать; возуховъ два, съ которыхъ за одного дано две коне грошей, а за другого полторы коны грошей; сермягъ две, которые стояли по коне грошей. У Евтуха Панченяти—грошей готовыхъ копь тридцать; влячу, шерстью вороную, купленную за осмь копь грошей; кова строгаго, за семь копь грошей купленова; воловъ два, шерстью рыжого, а другого чорного, за которыхъ было дано копь Литовскихъ девять; коровъ съ теляты две, за полъ семи коны грошей купленныхъ; овецъ старыхъ десетеро, а молодыхъ десетеро; ярякъ и жупанъ люнскій синій, которые коштовали зо всимъ копь Литовскихъ девять; убрание каразиновое зеленое, за копу грошей справеное; шлыкъ фарбованный лисий, фалюндыномъ бурнатнымъ покрытый, который коштовалъ полторы коны грошей; сукня женская шифтуховая, бурнатная, зъ оксамитомъ, которая коштовала копь Литовскихъ семь; шубку кроликовую, сукномъ муравскимъ крытую, которая коштовала копь Литовскихъ чотыри; шапку жондкую акъсамитную, за чотыри золотыхъ справеную; полотна кужелного локоть тридцать, а жьгребного локоть тридцать пять; божухъ новый, за две коне грошей купленный; ложнивовъ два, кото-

рые стояли три копы грошей. У Ивана Головки—кожухъ, за котораго дано полторы копы грошей; шапку, лисами подшитую, за сорокъ грошей купленную. У Марья—сермягу, за пятьдесятъ грошей купленную, а готовыхъ грошей копу одну. У Куды—(грошей) готовыхъ (копъ) семьдесятъ; сермягу, за сорокъ грошей купленную; полотно локоть тридцать; овцу зъ ягнатею одну. У Тимопа—жуванъ лювский, за копу три справленный; кобылу гнедую, за копу пять купленную; овецъ зъ ягнаты трое; ручницу губчастую, за пятьдесятъ грошей купленную. У Олексы—копя плеснивого, за девять копу и двадцать грошей купленного; жуванъ шебединский, синий, за сто грошей справленный; сермягу за копу грошей купленную; саблю, которая стояла полкопы грошей. У Еремья Евѣтуховича—клячу тисавую, лысую, зъ седломъ, за которую было дано копу Литовскихъ шесть; готовыхъ грошей сорокъ. Съ которыми дей то я подданныи, на всей маестности зобранныи, тымъ же следомъ ихъ до села Ивачкова назадъ пошолъ и оныхъ попровадилъ, а тотъ урядникъ менованный, Вербята, съ тыми Мицевскими и зо всеми бояры, цыганы, такъ же и подданныи Глусскими и Ивачковскими, не маючи на томъ досыть, ижъ вже тыхъ подданныхъ на всей маестности, черезъ таковой поступокъ свой, за росказанемъ его милости пана своего, зодрали, злупили; але, повтораючи того учинку своего, на мене дей самого и на тыхъ, которые при мне, за ужитьемъ моею, были, змоцнившисе, зъ ручницъ стреляли, кийми, спускками, збивши село на квалтъ, били и зъ рукъ моихъ остатокъ маестности тыхъ подданныхъ, то есть: воловъ два, коровъ две съ телятми, овецъ десетеро зъ ягнатыми, передъ ворота пана своего двора Ивачковского отбивши, моцно, квалтомъ взявши, до двора впровадилъ. Што я, осветчивши тымъ енераломъ вознымъ и шляхтою, при немъ будучо: шляхетнымъ паномъ Мартиномъ Брестовскимъ, паномъ Михайломъ Щасновичемъ Замглинскимъ, паномъ Матисомъ Шацкимъ, а паномъ Тихономъ Мартиновскимъ, толко самыхъ подданныхъ, зо все маестности ихъ обранныхъ, взявши, до села Волицы мое, припровадилъ. И на доводъ того, передо мною, врядомъ, ставилъ очевидно того вышешпомененого енерала возного, шляхетного Матея Павезьского, который тыми словы созналъ: ижъ дей дня

оногдашнего, въ пятницу, месяца июля четвертогонадцать, въ рѣку теперь идучомъ тисеча шестсотномъ, будучи я, возный, на справе и потребе пана Мартина Сташкевича, былемъ въ маетности его, селе Волиця, где ми опознавалъ дома подданныхъ своихъ, вышей менованныхъ, пустые, маетности вси забраные; и поведиль, ижъ дей теперь ночи прошлое, съ четверга на пѣтницу, семей деветь зъ жонами, зъ детми и зо всими маетностями своими, не ведати естли за чинмъ намовенъемъ, альбо ли пакъ зволившисе, прочь пошли. Тогда я, возный, маючи при себе шляхту людей добрыхъ: пана Мартина Брестовъского, пана Михайла Щасновича Замглинского, пана Матыса Шацкого а пана Тихона Мартиновского, и зъ ыншими приятelmi его, которыхъ онъ себе на то способиль, абы тыхъ подданныхъ своихъ где колвекъ догналь, въ погоню ехали, яко есть вышей въ протестацни описано, въ селе Ивачкове, маетности его мялости пана Вацлава Малинского, преправуючихъ черезъ реку, догнали, и тамъ всихъ на око до пасеки подле двора Ивачковскаго вироважонныхъ, видели; отколь насъ урядникъ Ивачковский, Вербятя, моцно, кгвалтомъ отбил, и тыхъ подданныхъ збеговъ его, вышейменованныхъ, взяти не допустиль. А потомъ, кгды есмо отъ Ивачкова прочь отехали и въ Глушонине часъ не малый были, въ томъ часе тотъ урядникъ тыхъ подданныхъ прочь зъ села Ивачкова выгналь, надъ заруку ку десеть тисечей золотыхъ Полскихъ, черезъ мене положоною. И кгды вже повторе тамъ есмо, упоминаючи се подданныхъ, до села Ивачкова приехали, тогда тотъ Вербятя поведиль: ижъ я жадныхъ подданныхъ твоихъ въ селе Ивачкове не мелъ и зъ маетности твоее села Волиця не выкочивалъ. Што онъ мною, вознымъ, осветчивши, прочь отехалъ; лечъ претсе за тыми подданными своими въ погоню ехалъ; и кгды ихъ, на поли Ивачковскомъ стоячи, неподалеку села Ивачкова, догналь, тые подданные вси вышъпомененные о выйскане маетностей своихъ просили, и мне, возному, оповедали, ижъ маетности ихъ, яко вышей въ протестацни есть описано, черезъ врьдника Ивачковскаго, Вербятю, суть отобраны, и прочъ зъ села Ивачкова выгнаны. А кгды вже есмо съ тыми подданными назадъ пошли я до села Ивачкова приехали, тогда тотъ Вербятя, не маючи на томъ досыть, на насъ зъ ручницъ

стреляти, кийми, спустками бити почати, и тамъ, при томъ квалге, добираючи остатка маестности тыхъ подданныхъ: воловъ два, коровъ две, овецъ зъ ягняты десетеро, отбилъ и до двора Ивачковского впровадилъ. Которое жето оповедане въ жалобе пана Мартина Сташкевича, также и возного сознане до книгъ вгородскихъ, Луцкихъ, есть занисано.

Книга Луцкая городская, записовая и поточная, 1598 — 1600 года, № 2106, листъ 332.

ХСІ.

Рѣшеніе коннаго суда подѣлу о воровствѣ у мѣщанина Климъ Трушковскаго стога ржи. Копя опредѣлила: взискать убытки, понесенные Трушковскимъ отъ этого воровства, съ крестьянъ села Козина, какъ повзвѣшавшася на копу и отказавшиися вывестъ «слѣды». 1601 года, марта 10 д.

Року тисеча шестсотъ первого, месяца марта десятого дня.

Передо мною Адамомъ Олшамовскимъ, буркграбимъ и наместникомъ подстароста Луцкого, постановившимсе очевисто на вряде вгородскомъ, въ замку его королевское милости Луцкомъ, возный генераль воеводства Волинского, шляхетный Григорей Лемешовъскій, ку занисанью до книгъ вгородскихъ, Луцкихъ, созналь тыми словы: ижъ року теперешнего тисеча шестсотъ первого, месеца февраля двадцать осмого дня, за приданемъ врядовымъ, маючи при себе шляхту людей добрыхъ: пана Войцеха Свирцевскаго а пана Бартоша Насяловскаго, былъ есми на справе и потребе мещанина Рожисцкаго, славетного Климъ Трушковскаго, которому то Климови Трушковскому, въ року теперешнемъ тисеча шестсотномъ первомъ, зъ недели прошлое на понделокъ, въ ноци, покрадено збожя, жита

его власного стога въ гумне. О которой шкоде заравъ доведавшися, способивши, ведлугъ права посполитого, на копу людей добрыхъ, суседовъ околичныхъ, слѣдомъ гоняли; который слѣдъ до села Козина привели, и, ставши всею копою на границы, на кгрунте Рожицскомъ съ Козиньскимъ, съ посродку себе уся копа послышала мене, возного, и шляхту и людей постороннихъ до села Козина; и вгдымъ я, возный, зъ людьми посторонними и зъ шляхтою до Козина пришли, засталисмы въ посродку села урядника Козинского князя Павла Друцъього-Любецкого, Станислава Мысловского, и тежъ тивона, гуменъника и Яна старого, кухара, и иншихъ мужевъ Козинскихъ, которымъ мовели есмо, абы слѣдъ отъ копы зо всѣмъ селомъ Козинскимъ, взявши изъ села и зъ гуменъ и зъ земли пана своего, и зо всего села своего слѣдъ вывели ажъ до иншое границы, куда тотъ слѣдъ пойдетъ. На которое мовенъе наше тивонъ поведилъ: ижъ дей мы зо всѣмъ селомъ заравъ на копу выйдемъ. А потомъ знову копа повторе и потрете до того села Козина послали мене, возного, зъ шляхтою и зъ людьми сторонними, абы все село Козинское на копу шли и слѣдъ зъ села вывели. Теды все селяне Козинские поведели: же мы слѣду жадного не будемъ выводить. Которыхъ Козинцовъ вся копа чекала, почавши съ поранку ажъ до вечера,—вижли преречоные Козинцы, а ни сами черезъ себе, а ни черезъ посланцовъ своихъ, на копу не пришли, слѣду изъ села и зъ гуменъ своихъ до иншое границы выводить упорне не хотели, и не вывели. Што, видечи великий упоръ и непослушенство Козинцовъ, помененая копа вся мноу, вознымъ, и шляхтою осветчили, а заховуючися въ томъ, водле стародавнего звычайу, стороне поводовой, Климови Трушковскому, напротивъ усего села Козина право поднести наказали. А сторона поводовая, Климъ Трушковский, заховуючися въ томъ правне, поведилъ: ижъ дей шкода въ покраденъю стога жита, въ которомъ было копъ тридцать и семъ, ни отъ кого иного, толко отъ села Козина стала, и просилъ суду копного о выданъе роты, хотечи то присягою своею подтвердить. Судъ копный присягу Климови Трушковскому самотретему учинить наказалъ въ тую роту: »Я, Климъ Трушковский, присягаю пану Богу вседержителю на томъ, ижъ мне тая шкода въ повраденъю стога жита отъ

села Козина стала ся. А потомъ свѣтковъ два—одинъ на йме Юрей, а другой на йме Павелъ, повторяючи Трушковского присягу, въ тую жь роту присягли: нѣзъ ему стогъ жита украденъ и тая шкода стала ся ему отъ села Козина. По которомъ выконантю присяги, судъ конный всю шкodu Трушковского осумовавши истязны зъ навезкою тридцать копъ грошей, а шкодъ десеть копъ грошей, сумою сорокъ копъ грошей, до села Козина тую всю шкodu приложили и наказали, абы Козинцы тую суму Трушковскому заплатили, а собе винного шукали. Отъ которого декрету судови конному, сторона поведовая и пересудъ заплатила. Яко жь тутъ же, очевидно ставши на вrade вгородскомъ, въ замку Луцкомъ, передо мною вышъречонимъ буреграбимъ Луцкимъ, отъ всего суду конного зосланные особы, а меновите: подданные его милости княжати Януша Жаславского, воеводы Подляского, зъ села Тростянки, на йме: Карпъ Гулячъ а Миско Опалеевичъ; подданные его королевское милости, державы его милости пана Миколая Семашка, старосты и ключника Луцкого, зъ села Колчина, на йме: Рожковичъ, а Вакушь а Гриць Кобузевиць; подданный его милости княжати Григоря Сантгушка Коширского, каштеляна Браславского; зъ села Руки, Стецко Волосовичъ; подданный его милости пана Щасного Харлинского, зъ села Любча, на йме Самойло Онисковичъ; подданные урожаного пана Самойла Бриницкого, зъ села Володковщины, на йме: Омелько а Степанъ, ку записаню до внищъ вгородскихъ, Луцкихъ, въ мощъ своего конного суду, слово въ слово, яко ся вышей въ сознантю возного пирей и достаточней поменяло, сознали: нѣзъ декретомъ своимъ теперешнимъ, коннымъ, уся нопа, за покраденъе жпта, на всюмъ селе Козине, Климови Трушковскому, осумовавши всего сорокъ копъ грошей Литовскихъ, сказали и присудили за выконанъемъ само треть присяги,—а Козинцомъ собе винныхъ шукать наказали, отъ чого и пересудъ всему суду конному естъ заплачонъ. Который декретъ свой конный, именемъ всея копы, передъ вашей милостю, вядомъ, явне и ясне визнаваемъ и до вѣдомости доносимъ и пилне просимъ, абы ровъ заплате тое суми черезъ листъ вридовый былъ зложонъ. А такъ и тое очевидное сознанъе возного енерала и сознане особъ, отъ всея копы зосланныхъ, взявши, водле права, отъ стороны поведовое половицы пересудъ,

то все для памяти до книгъ вгородскихъ, Луцкихъ, записать есмь
казалъ.

*Книга Луцкая городская, поточная, № 2415, годъ 1601, листъ
138 на оборотъ.*

ХСII.

Арендный листъ князя Григорія Савгушка Коширскаго и жены его
Сесии еврейлиъ Аврану Шмойловичу Турейскому и Гецу Перцовичу Тур-
чинскому на городъ Гороховъ и села: Старый Гороховъ, Озерцы, Рачинъ,
Марковичи, Конюхи, Куты, Бѣлое Поле, м. Черемыль, села: Смолаву и
Вербыни, съ передачею этимъ евреямъ права казнить крестьянъ смертию.
1601 г., августа 29 дня.

Року тисеча шестьсотъ первого, месяца сентября третогонад-
цать дня.

На вrade вгородскомъ, въ замку его королевское милости Луц-
комъ, передъ нами Адамомъ Олшамовскимъ, бурвграбимъ и намес-
никомъ подстароства Луцкого, а Войгехомъ Станишевскимъ, писа-
ромъ вгородскимъ, Луцкимъ, постановивышимсе очевисто велможные
ихъ милость княжа Григорей Савгушко Кошѣрское, кашталанъ Бра-
славское, и малюшка его милости, княжна Зофѣя, зъ Головичча
оповедали и повладали листъ записъ арендовный добръ ихъ милости
Горуховскихъ, нижеименованныхъ, съ печатми и подписами рукъ
своихъ, также съ печатми и съ подписами рукъ людей зацныхъ,—
сваветнымъ Абрамови Шмойловичови Турискому и Клецу Перцовичу
Турчинскому, жидомъ, презъ ихъ милости данный, который передъ
нами положивши, и оный устнымъ и добровольнымъ сознаемъ сво-
имъ обоимъ милость сполне, во всѣхъ его кондыцяхъ и артику-
лахъ ствердивши и змоцнивши, просили, абы былъ принятый и
до книгъ вгородскихъ, Луцкихъ, вписанный. А такъ мы тотъ листъ

запись арендовный, за оповеданемъ и уснымъ признанемъ и стверженемъ ихъ милости, приимуючи, передъ собою читати казали,—и такъ ся въ себе маеть: »Я Григорей Санкгушко Кошѣрскій, каштелянъ Браславскій, а я, малжонка его милости, Зофѣя, княжна Головчинская, Григорьевая Санкгушъковая Кошѣрская, каштеляновая Браславская, всѣмъ посполите и каждому особливе, кому то ведати належитъ теперъ и на потомъ будучого вѣку людямъ. Ознаймуемъ и визнаваемъ сами на себе и на потомки наши симъ нашимъ арендовнымъ листомъ, записомъ добровольнымъ, ижъ для пилныхъ потребъ нашихъ власныхъ, будучи потребни пенезей, арендовали есмо имена наши, въ Луцкомъ повете лежачие, то есть: место Горуховъ, дворъ и село старый Горуховъ, дворъ и село Озерцы, село Рачинь, село Марковичы, дворъ и село Конюхи, село Куты, село Белое Поле, местечко Перемиль, дворъ и село Смоляву, дворъ и село Вербинь, а ку тому ставъ спусный, и млынъ у старомъ ставе, славетнымъ пану Абрамови Шмолувичови, жиду Турискому, а пану Кгецу Перцовичу, жиду Торчинскому, жонамъ и потомкамъ ихъ, зо всѣмъ на все, зъ фолварками, зъ кгрунты оремыми, съ полми и сеножатями, зъ ставами спусными, зъ стависчами, зъ сажалками и ловенемъ рыбъ въ нихъ, зъ млынами и ихъ вымелками, зъ мытами, промитами, съ корчмами вшелякого напою, зъ садами, зъ гаями, запустами, зъ борами, лесами, дубровами, зарослями, съ засеками, зъ деревомъ бортнымъ, такъ зо бчолами яко и безъпчолными, зъ ловы звериньными и пташими, зъ гоцы бобровыми и зо всѣми кгрунты и пожитками, яко се тые добра наши, помененыс, во всѣхъ пожиткахъ, границахъ и обыходехъ своихъ мають, кромъ замку Горуховского и гаю, который подъ тымъ замкомъ лежить; съ подданными тяглыми и нетяглыми, зъ бояры путными, зъ ихъ полми и сеножатями, роботами, подводами, повозами, подачками, чинпами пѣвнежными и непѣвнежными, и дяклами житными и овсяными, зъ данъми медовыми, зъ винами вшелякими, великими и малыми, пересудами, присудами, куницами зъмирными и поемными, и зо всѣми и вшелякими ихъ повинностями, такъ тежъ и съ пустовсчпзнами, такъ яко мы сами тыхъ именей нашихъ, помененныхъ, держали и взиwали, зо всѣми доходами, пожитками менованными и неменованными,

ничого на себе и на потомки свои не зоставуючи а ни выймуючи, толко жъ въ тыхъ именахъ нашихъ слугъ своихъ, то есть: на старомъ Горухове—Радзвигинского, зо всею его частю, на него належачою; Бартоша, зъ волокою одною; Слюсара, зъ волокою одною; въ Беломъ Поли—Круконского, съ петъми волоками; въ Смоляве Белоуса, зъ волоками трима и Матысовую, зъ волоками трима, которыхъ они держать,—зо всѣмъ тыхъ слугъ волно зоставуемъ, до которыхъ панове арендари ничого мѣти не мають,—зъ гумнами и засевами, такъ въ поляхъ засѣвными, яко и въ гумнахъ збожей зложонимъ, якимъ колвскъ именовъ названое, все огуломъ на три лѣта по себе идучихъ, почавши отъ великодня свята Руского въ року тисеча шестьсотъ второмъ, ажъ до таково жъ свята Руского великодня, въ року тисеча шестьсотъ пятомъ, за певную суму пенезей за сорокъ тисечей золотыхъ Полскихъ. Яко жъ вже заразъ отдали намъ до рукъ нашихъ спозна тридцать тисечей и полтретѣ тисечи золотыхъ Полскихъ, съ которыхъ тридцати и полтретѣ тисечи золотыхъ, мы ихъ симъ же листомъ нашимъ арендовнымъ квитуемъ и волными чинимъ вечными часы. А што се дотычетъ рещты польосми тисечи золотыхъ Полскихъ, теды мають намъ на даты платити, то есть: по выдержаню двухъ летъ аренды на великѣдень свято Руское въ року тисеча шестьсотъ четвертомъ мають намъ отдати чотыри тисечи золотыхъ Полскихъ на месцу певномъ, въ месте Горухове, въ дому пановъ арендаровъ; а при выштю аренды въ року тисеча шестьсотъ пятомъ, также о величедни Рускомъ полчварти тисечи золотыхъ Полскихъ, тамъ же, въ Горухове, мають и повинни намъ будуть отдати,—съ чого мы ихъ квитовати будемъ повинни. А тые добра наши, поменены, зо всѣмъ на все, яко се поменило, заразъ отъ даты того листу, въ моць и въ держане черезъ возного енерала, шляхетного Яна Ярмошевского, подаемъ, поступуемъ и поступили есме до выконани аренды, до року и дня вышейозначоного великодня свята Руского, въ року тисеча шестьсотъ пятомъ. А ижъ ся рокъ тое аренды отъ великодня свята Руского, яко се выше поменило, починаеть, а мы имъ заразъ теперь въ держане тые имена наши подали и поступили, теды то шкодити ничого не маеть,—бгды жъ они намъ за тое, такъ тежъ и за збоже

въ гумнѣхъ зложное, и еше на поля будучое, вшеляное, заплаты и досить уэивили, кромѣ толю гречки и лны, канопли и жакн при насъ зостати мають, съ того мы ихъ тежъ вкитуемъ на вечные часы. А по вышту аренды поменное, мають намъ панове арендари тые имена наши, во зѣмь, водле инвентару имъ отъ насъ съ печати нашими даного, поступити и подати, которые добра наши, поменные, имъ отъ насъ арендованные, заравъ они отъ насъ въ посьебю свою взявши, пожитки вшелякие на себе брати и новыхъ правлсчати, толю бы месчаномъ Горуковскимъ и Перемилскимъ волности имъ надалые ни въ чомъ не парушили, подданныхъ и бояръ судити и рядити, виновныхъ и менослушныхъ, водле выступковъ ихъ, ефрати бы тежъ и горломъ, если который заслужитъ, не допускаючи до насъ жадное апеляции. А мы сами черезъ себе, приятелей, слугъ, бояръ и подданныхъ нашихъ, и ни черезъ жадную особу имъ и потомкомъ ихъ жадное трудности перешводи и вступования чинити, и жадныхъ пожитковъ зъ моцы и влады ихъ вшловати не маемъ. Але, кгда бы се имъ одъ кого колвекъ якая кривда въ держаню аренды ихъ деяти мела, або тежъ якое колвекъ сложене въ гумнѣхъ дворыкъ мела, теды о каждую речъ отъ вшелякихъ кривдъ ихъ боронити и коштомъ своимъ у каждого права заступовати маемъ, и шкоды имъ, паномъ арендаромъ, отъ жолнеровъ починеные, за ознайменемъ ихъ, нагородити будемъ повинни, подъ заруками нижей описанными. А кгда бы, уховай пане Боже, на тые имена наши отъ неприятеля коронного якое спустошане припало, або зъ якое колвекъ мѣры, съ припадку спалени дворовъ, або тежъ съ тыхъ именей нашихъ подданные разыйти бы ся мѣли, або ставы бы ся порвали, теды мы и потомки наши на нитъ и на потомкахъ ихъ, такъ за держаня, яко и по вышту аренды, пойсывати и жадное трудности имъ задавати не маемъ, водъ заруками вышней описанными. А где бы тежъ за держаня ихъ имъ якая шкода зъ збожю стала отъ побитя граду, або тежъ, уховай пане Боже, поветрия морового, а на томъ бы они шкодовати мѣли, теды мы всѣ тые шкоды, за ошачованемъ приятелей зобополныхъ, або надъ держанемъ тыхъ же именей, нагородити будемъ повинни и заравъ, за ознайменемъ ихъ, на ошачоване шкоды приятелей выслаты маемъ,

нодь заруками нижей описаными. А если бы въ томъ часе поборъ королевский припалъ, тогда они, водле универсалу, выбралии съ подданныхъ нашихъ въ тыхъ именахъ, имъ отъ насъ арендованныхъ, а водле квитовъ поборовыхъ, до поборець короля его милости отдавати мають,—и которые квиты поборовые, на тые имена служащые, до выдержаня аренды ихъ, маемъ имъ отдать и службу земскую, военную, если бы се въ томъ часе показала, съ тыхъ именей сами заступовати будемъ повинни,—а подданне тые жь маестности вырядъ дати повинни будутъ. Кгде бы тежъ они, будучи потребни пенезей, тые добра наши кому иному на такие жь роки арендовати хотели, теда имъ то волю будетъ; а мы и потомки наши такъ прогавъ того, кому то они арендовати будутъ, во всемъ спокойне, стачечне, водле сего листу нашего, яко и претивъ ныхъ самихъ, заковати се маемъ, ни въ чомъ его не нарушаючи. А гдѣ бы тежъ хто колвекъ, будъ съ приятелей нашихъ повинныхъ и суседовъ обчихъ и инопихъ, будъ тежъ и зъ слугъ нашихъ, и хто бы колвекъ иший, якимъ колвекъ способомъ, имъ самимъ и потомкомъ ихъ якую колвекъ трудность о не держане именей земскихъ, такъ теперъ будучихъ правъ, яко и на потомъ уфаленныхъ конституций, ку праву потягати мель, albo тежъ хто бы се колвекъ, зъ явимъ колвекъ записомъ першимъ або последнейшимъ, на тии имена наши служащимъ, показалъ, и овыхъ нъ томъ правне albo якожъ колвекъ турбовалъ и трудность имъ якую задавалъ, тогда мы ихъ во всемъ повинни будемъ боронити, у каждого права коинтомъ своимъ заступовати, и такие листы записы, будъ першине albo последнейшине, если бы ся показали зносите и иные при аренде, ажъ до выдержаня, спокойне заковати маемъ, нодь заруками нижей описаными. А где быхмо мы въ державу ихъ, имъ самимъ и потомкомъ ихъ, сами черезъ себе, черезъ приятелей, слугъ, бояръ и подданныхъ своихъ, и черезъ кого колвекъ якую волю перешкоду учинили, або ся у во што уступовали, и яже пожити зъ мощи ихъ выймовали, и отъ врывдъ вшелявихъ ихъ не боронили, и у права о кождую речъ не заступовали, и шведъ починеныхъ отъ жолнбровъ, за ознайменемъ ихъ, имъ нагородити не хотили, albo о спустошени именей, спалени дворовъ и резеште подданныхъ, о зорване ставовъ и о питомъ бы казвель якую трудность

имъ задавати мели, а либо за выбите збожя отъ граду, за ошачованемъ приятельскимъ заплатити, и приятелей на ошачоване шкоды, за ознайменемъ ихъ, выслати не хотели, або отъ трудностей правныхъ о держане имсней земскихъ, если бы отъ кого мели, не заступовали, и листовъ записовъ вшелякихъ, если бы се отъ кого якие на тые имена наши показати мели, зносити не хотели, и ихъ въ томъ не заступовали, за чимъ бы они спокойне аренды додержати не могли. и въ чомъ быхмы ся колвекъ тому записови нашему спротивили, и его въ чомъ бы колвекъ нарушили, не сдержали и не выполнили,— тогда о кождую речъ таковую, о нарушене того листу нашего. повинни будемо имъ, арендаромъ нашимъ, помененымъ, и потомкомъ ихъ и кождому, кому бы тое право запису нашего винейшого служило, заруки двадцать тисечей золотыхъ Полскихъ тыле вротъ, иле вротъ быхмо тотъ записъ нашъ, въ якомъ колвекъ пунете и артыкуле его нарушити мѣли,—заплатити, и суму исную, сорокъ тисечей золотыхъ Полскихъ, имъ вернути и истотне отдати будемъ повинни. Ку тому шкоды, кромъ вшелякого доводу и присеги, одно на голое речене слова ихъ, имъ заплатити будемъ повинни; о которую заруку и суму пенежную и о шкоды, на голое речене слова ошачованные, и о кождую речъ нарушеня того листу нашего, даемо волность позвати насъ, або одного зъ насъ, и потомки наши, до которого колвекъ суду, будь земского, вгородского, Луцкого, Володимерского и Кременецкого, въ який колвекъ повесть, и до суду головного трибунальського, въ якое колвекъ воеводство Волинское, Киевское и Брацлавское, ровомъ и днемъ якимъ похочуть бы и на коротшимъ. А мы обое, або оденъ зъ насъ, будучи позвани передъ кождымъ судомъ на першомъ рову, яко на завитомъ, сами очевисто, а не черезъ умоцованого, стати маемъ; а ставши, не буречи рову и позву жадными причинами, и не завладаючи се хоробою, войною, поветриемъ моровимъ, соймомъ, сеймикомъ, болшою справою и иншими вшелякими причинами припальми, правными и не правными, усправедливитися будемъ повинни. А судъ або урядъ, до которого позвани, не слушаючи жадныхъ оборонъ нашихъ, которые быхмо себе ку помочи брати мели, одно, вглянувши въ позовъ, о што будемъ позвани, заразъ же, всказавши отправу мощно на добрахъ нашихъ вше-

ликихъ лежачихъ и рухомихъ, учинити маеть, не допускаячи намъ жадное апелации и деляци; которому декретови мы ни въ чомъ противни быти, и отправки на добрахъ нашихъ боронити, и суду о злыхъ всказъ, а стороны о злыхъ переводъ права, позывати не маемъ, подъ заруками вышей описаными. Которые заруки и шгоды, о што будемъ позвани, заплативши предъ ся арендаромъ нашимъ, помененымъ, спокойную аренду до трехъ лѣтъ здержати, исполнити маемъ, подъ заруками вышей описаными. И на то есмо дали пану Абраму Шмойловичу а пану Кгецу Перцовичу сесь нашъ арендовный листъ, зъ нашими печатми и власныхъ рукъ подписи. А при томъ были, и того будечи добре ведомы, за усною а очевидною пробкою нашею печати свои приложивши, руками власными подписати рачили ихъ милость панове а приятели наши: его милость велможный княжа Юрей Чарторыский, его милость панъ Матфей Малинский а его милость панъ Ярошь Кесинский. Писанъ въ Полоной, месяца августа двадцать девятого дня, року тисеча шестсотъ первого. У того листу арендовного печатей притисненныхъ пять, а подпись рукъ въ тие слова: Григорей Санкгушко Кошѣрскый, рукою власною; Зофѣя въ Головчина Санкгушкова Кошѣрска, рукою; Jerze księże Czartoriske, папи ргорѣа; Матьфей Еловичъ, рукою; Jarosz Kęsinski, ręka własna. Который же то вышеименованный записъ увесь, слово отъ слова, до внигъ вгородскихъ, Луцкихъ, есть уписанъ.

Книга Луцкая вродская, записовая и декретовая, № 2112, годъ 1601, листъ 484.

ХСШ.

Донесеніе возныхъ Луцкому вродскому суду объ осмотрѣ ими шас-течекъ и селъ Луцкаго повѣта, опустошенныхъ и сожженныхъ татарами; по свидѣтельству возныхъ въ этихъ поселеніяхъ жителей вовсе нѣтъ 1601 г. декабря 7.

Року тисеча шестсотъ первого, месеца декабра семого дня.

На вриде вгородскомъ, въ замку господарскомъ, Луцкомъ, передо мною Адамомъ Олшамовскимъ, бурвграбимъ и наместнякомъ подѣ-

староства Луцкаго, постановившисе очевидно возные егеральные воеводства Волынского, шляхетные Криштофъ Щука а Станиславъ Яновскій, ку записанью до книгъ вгородскихъ, Луцкихъ, тыми словы сознали: изъ року теперешнего, шестсотъ первого, месеца августа двадцать четвертого дня, будучи намъ посланнымъ отъ его милости пана Лаврина Древиньскаго, поборцы воеводства Волынского для огледанья и выведованья певнейшого именей и сель, съ которыхъ побору до него, яко до поборцы, за рокъ теперешний, шестсотъ первый, не дано, поведаячи, же для спустошенья отъ поганьства, Татаръ, которое се стало въ року прошломъ деветдесять третемъ; яко жь были есмо въ ийменьяхъ его милости велможного пана Януша княжати Острозскаго, кашталина Браковскаго, на первой у волости Полоньской: въ селе Бортникахъ, Горошевцяхъ, Стремцахъ, Новоселцахъ, Барановцахъ, Березной, Волыной, Житивцѹ, Лашковцахъ, селе Напильой, Свегрохъ, Свиной, Голубиць, Кустовцахъ, Однавовцахъ, Борисковцахъ, Глезнове, Деревичохъ, Копычинцохъ, Вышнемъ Полю, Котелевне, селе Каличинцохъ, Кахановце, Давыдовце, Решневие, Дервахъ, Решеве, Переваловцы, Сварповцахъ, Белецкой, Хрубовой, Маньдроникохъ, Жежудкахъ, Мрилевщизне, въ селе Евлуховщизне, Траволню, Яблоневце; въ селехъ волости Шульжичьской: на первой въ селе Косновцы, Марьбовьцахъ, Лавриновьцахъ, Денинцы, Линовцахъ, Кремсевьцы, Побестиевцы, Боксунахъ, Лашвовьцахъ, селе Опадавцы, селе Мицы, селе Драчи, Медьведовьцахъ, Безими, Лосковцахъ, и ку тому зь сель: Чорторияхъ, Паневцахъ и въ селе велможного пана его милости княжати Костентина Острозскаго, воеводы Киевскаго, презъ Татаръ спустошеные и спаленые, люди зь нихъ выбранные, — у волости Костенътиновской: селе Пашвовцахъ, селе Чернатине Нижней, селе Чернатине Вышнемъ, селе Мазиплице, селе Яцвовцахъ, селе Моновцахъ, селе Кольчине, въ селе другомъ Кольчине, въ селе Печищу, въ селе Грицвовцахъ, въ селе Черлевцахъ, селе Волицы, селе Сороводубехъ, селе Волицы, селе Сквородкахъ, селе Новоклицы, селе Погорелой, селе Волицы, въ селе другой Погорелой, селе Жедебной, селе Замчинцохъ, селе другомъ Замчинцохъ, селе Семеренкахъ, въ другомъ селе Семеренкахъ, въ селе третемъ Семеренкахъ, въ селе Верхоборой, Денъдахъ, селе Нинюдка, селе Демвовьцахъ,

селе Боглеевце, селе Леживе, селе Свиной, селе Сопочове, селе Красно-
 селце, селе Остривце, селе Житинцахъ, селе Сроцицахъ, селе Писа-
 ровце, Олсевъце, селе другой Демковъцахъ, селе Жобъчу, селе Ростов-
 цахъ, селе Мацевичахъ Старыхъ, селе Новыхъ Мацевичахъ, селе Шив-
 рехъ, селе другихъ Шиврехъ, селе Костенъцахъ, селе Стецьковцахъ,
 селе Куцовцахъ, селе Подавце, селе Капустинцахъ Старыхъ, селе Но-
 выхъ Капустинцахъ, селе Поповцахъ, селе Бутовцахъ, селе Волицы,
 тамъ же селе другой Волицы, селе Гребенцахъ, селе Дубицахъ, селе Во-
 лыцы, селе Молчинъцохъ, и въ другомъ селе Молчинъцохъ, селе Лаго-
 динъцохъ, селе Цеценевцахъ, селе Росоловцахъ, селе Вороновцахъ, селе
 Григоревцы, селе Ецьсиви; волости Красной: селе Яворовцы, селе Ко-
 тужинцахъ, селе Лирковцахъ, селе Писаровъце, селе Маневцахъ, селе
 Еремиевцы, селе Западнъцахъ, селе Баглоевъце, селе Социнъцахъ,
 селе Мотруевце, селе Кобыле, селе Михалковъцахъ, селе Пашугинцы,
 селе Голевце, селе Молчанове; у волости Любартовской: селе Мотылов-
 це, селе Стецьковцахъ, селе Волицы, селе Березовце, селе Гавротинце,
 селе Ремковъцахъ, селе Косковцахъ; у волости Острополской: въ селе
 Городици, селе Поповцахъ, селе Михиринъцахъ, селе Терешкохъ,
 селе Курпивохъ, селе Ленинцахъ, селе Татариновцахъ, селе Стани-
 славовце, селе Ладиве, селе Чубинцы, селе Килиновце, селе Яримн-
 чахъ, селе Ракахъ, селе Решневце, селе Воробъевце, селе Каселевце,
 селе Черневъце, селе Хижнивахъ, селе Стрелнивахъ, селе Бунихъ,
 селе Жоравциевцы, селе Ершикахъ, селе Киселехъ, въ местечку Куз-
 мине, въ местечку Краснополю, въ селе Татаровце, селе Носовце.
 Села попаленные его милости пана воеводы Волинского, Базалийские,
 меновите: въ селе Махаринъцахъ, въ другомъ селе Махаринцахъ,
 селе Клетной, селе Виндивахъ, селе Зужилинцахъ Старыхъ, селе
 Шморкахъ, селе Сокалевкахъ, селе Лыцовце, селе Юрдинъцахъ, селе
 Корчовцахъ, селе Верещанъкахъ, въ селехъ двухъ Малинныхъ, селе
 Стецковцахъ, селе Трояновце, селе Омешковцахъ, селе Волицы, селе
 Сорокодубой, селе Трибуховцахъ, селе Терешвахъ, въ селицы Тереш-
 ковской. Въ селахъ спаленныхъ его милости пана воеводы Подляского,
 у волости Жеславской: въ Судилкове, Хоневичахъ, Жилинцахъ, Се-
 нювце, Конъдыровце, Палие, Веселовцы, Мокиевце, Биливце, На-
 чоговцахъ, Кондратовичахъ, Пашкевичахъ, Чотырбовахъ, Рипвахъ,

Жубаряхъ, Личахой, Даньвовцахъ, Сахновцахъ, Топоровцахъ, Ховжичахъ, Зубовцахъ, въ новомъ селе Залуцкомъ, Красовцахъ, Никишовцахъ, Волицы, Булаевцы, у Волицы Пашковской, Голюдиновцахъ, Якимовцахъ, Пузыряхъ, Зеленой, Скормановце, Труслиловце, Криворудкахъ, Терновкахъ, Хрисповкахъ, Чаплинцахъ, Полякове, Волицы Хоецкого, Волицы Шираевце, Медведьвохъ, въ селе Волицы Хоецкого. Въ селехъ спаленыхъ пана Кристофа Лябуньского: селе Титкове, селе Микulinaхъ, селе Кисилине, селе Жажине, у Новосалицы, Краченевце, Огневце, Маледжахъ, Михайловце, Горошвахъ, Лозичной, въ местечку Судиловце, Красноселце, Березной, Балополи, Корчиловце, Ходакахъ. Села пана Хомекови помаленые: въ Городище, Папуки, Серединцы, Решневка. Села пана Темруковы: Хролинъ, Сушки. Села князя Булызыны: Свиная, Кустовцы, Ночваны, Голубье. Къ тому местечка въ року осмьдесятъ девятомъ спустошоны: местечко Збаражъ, Бадаринцы, Куцель, Плябановка, Мединъ, Стривка, Кернеховъ, Колодно,—которы местечка и села и до того часу пусты есть и людей въ нихъ немасть. Яво жь тое спустошене помещеныхъ местечковъ и сель мы, возниче, видили есьмо за посланьемъ отъ его милости пана поборцы, изъ есть пусты, и тое огледанье наше на писме до книгъ вгородскихъ сознаваемъ очевисто,—што я записати казаль.

Книга Луцкая вродская, поточная, № 2415, годъ 1601, листъ 793 на оборотъ.

XCIV.

Жалоба князя Юрія Воронежцаго на князя Матуса Воронежцаго, жеву его Настасю и зятя ихъ Ивана Болбаса о томъ, что они ограбили и разогнали крестьянъ села Щурина и самое село сожгли. 1604 г., генваря 24 дня.

Року, тисеча шестсотъ четвертого, месяца генваря двадцать четвертого дня.

На речкахъ судовыхъ вгородскихъ, Луцкихъ, дня двадцать второго месеца генваря, въ року звышъ написанномъ, припалыхъ и су-

до нас отправовавъ зачатыхъ, передъ нами Матеемъ Стемковскимъ,
 лодстаростимъ, а Остафьемъ Еловичемъ Малинскимъ, судею, врид-
 ниями судовыми вгородскими, Луцкими, ставши обличне его милость
 князь Юрей за Збараша воевода Воронежский, на Счурине, жалобливе
 а праве съ плачемъ ускаржалъ се и осветчалъ и оповедалъ на про-
 тивно урожонимъ князю Матисови за Збараша Воронежскому на
 Тристенци, и малжонце его, паней Наставни Гулевичовне Воронеж-
 кой, стриеви и стриянце своимъ, яко принципаломъ, а шляхетному
 пану Иванови Болбасови, зятеви ихъ а швакгрови своему, яко по-
 мочникови, о то, ижъ они року прошлого тисеча шестсотъ второго,
 месеца априля четвертого дня, съ четверга на пятницу, могло быти
 въ ночь гонитъ въ чотыри, не дбаючи ничего на право госполитое,
 статута и конституцне и тежъ, припомневши боязни Божое и сроя-
 гости права госполитого и милости ближнего своего и кровное по-
 винности, которую зо мною мають, не дбаючи тежъ и на то ничего,
 жемъ отца своего, его милости князя Станислава за Збараша Воро-
 нецкого въ молодости летъ своихъ, а праве детинныхъ, былемъ отъ
 кровныхъ и повинныхъ моихъ взятый, и на науку яко тежъ и на
 службы даваный, такъ тежъ и о томъ до конца не ведаючи, а отъ
 тыхъ же приятелей, которые о мне печу и старане мели, будучи
 перестережонимъ и обезпечонимъ, же поменый его милость панъ отецъ
 мой, отдаляючи отъ иншихъ брати моее роковое а намъ двема: не-
 божчяву Томашови и мне, добра Щуринъ и Ясеновку, зъ ихъ кру-
 тами и урочищами, вешне записалъ и въ посесью урядовне подалъ,
 и тые записы первой въ вгороде, а потомъ въ земстве Луцкомъ, самъ
 станувши, вризалъ, поменый теде панъ стрый мой изъ малжон-
 кою своею, яко принципалове, и панъ Иванъ Болбасъ, яко помоч-
 никъ, дня выпымененого, въ ночи, зъ немалымъ оршакомъ людей,
 которыхъ на то себе приспособили и приготвили, зъ ручницами,
 съ пулгавами, габовницами, и зъ розвыми бронями, до войны нале-
 жачими, которымъ они имени и назвиска лепей ведають и особы
 ихъ знаютъ, наехавши квалтовне на село Счуринъ, первой подда-
 ныхъ тамъ мешкающихъ зъ ихъ домовъ повыганяли, которые ажъ
 заледво повтекавши съ помененого села Счурина зъ домовъ отъ
 всея маестности своее, которую одно мели въ домахъ своихъ, по роз-

ныхъ маетностяхъ ихъ милости пановъ шляхты у приятель своихъ мешкають, а другіе же жебручи (sic), не ведати где се розишли; а потомъ маетности ихъ, яко: быдла, овцы, козы, свини, гуси, качки, въ хлевохъ и зъ оборъ повигонявши, до двора своего, Трестена, отогнали, такъ теже двери и замки поотбивавши, хусты белыя, шукни, а потомъ збожя молочонныя зъ мехами и въ воритахъ будучи, такъ же муки, полти сала и вшелякне спряты домовныя, съ тыхъ коморъ подданныхъ моихъ, Счурунскихъ, полушили и вгвалтовне заграбили,— и то все до двора своего, до Трестена, отправадили. А потомъ вразомъ обычаемъ неприятельскимъ огню наволово местцахъ заложивши, халуцы и гумна, также сады, пришъчепы, пасеки, бчолы въ улямы тыхъ подданныхъ моихъ Счурунскихъ, одны до маетности своея Трестена отправадили, а другіе спалили—праве въ попель все отъ мала до велика обернули. А потомъ, приехавши до двора тамъ бучого, и тамъ впадши зъ огнями, будоване, што колвекъ одно было, также и садъ, пасеву, спалили огнемъ и ничего на томъ месцу, где село и дворъ былъ, не зоставили,—але все сплодровали; тамъ же помененого его милости пана отца моего, яко въ летехъ зошлого и на слуху уломного, и во всемъ уже подъ онъ часъ не досконалого, до себе взяли и теперь при себе оногъ мають. Я теде теперь, пришедши до летъ и бачена сталого, ачъ быхъ тую протестацыю заразы, коли ся тотъ учинокъ сталь, не занехалъ быхъ учинити, только жъ о таковыхъ записехъ и правехъ, мне служачихъ, не до конца есми ведалъ, ажъ теперь, доставши оныхъ съ книгъ, а до того и то не меньшая, ижъ есми на право навладати для недостатковъ своихъ, чуючи того то пана стрья моего маетного, и во всемъ потужного, не мель чимъ, ажъ есми мусель и иншую маетность мою по брате моемъ, небожчику Явушу, спалую въ повете Кремянецкомъ, контрактъ зъ розными особами учинити, за чимъ быхъ могъ тое таковое кривды мое великое и незносное доходить. И просилъ помсненый князь Воронежский о придане возного на огледане того спаленя; мы ему на то возного енерала, шляхетного Мартина Дегтевскаго, придали очевисто. Которую протестацыю и оповедене до книгъ вгродскихъ, Луцкихъ, принявши, записати казали.

Книга Луцкия городская, поточная и декретовая, № 2418, годъ 1604, мѣстъ 39.

XCV.

Жалоба отъ имени Волинскаго каштеляна, Михаила Мишки Варковскаго на пана Албрехта Речицкаго о томъ, что послѣдній разорилъ находившееся въ заставномъ его владѣнн имѣнн Серники, угнеталъ крестьянъ, вслѣдствне чего они разбѣжались. 1604 г., мая 11 д.

Року тисеча шестсотъ четвертого, месеца мая первогодца днѧ.

На вряде вгородскомъ, въ замку его королевское милости Луцкѧ, передъ мною Марциномъ Олшамовскимъ, будучимъ на тотъ часъ наместникомъ подстаростна Луцкого, постановившимся очевидно урожонн панъ Самоель Криницкнй, именемъ велможного его милости пана Михайла Мишки Варковскаго, каштеляна земли Волинское, старосты Гомельскаго, жаловалъ и оповедалъ тми словы: што жъ дей его милость панъ каштелянъ Волинскнй заставилъ былъ маетность свою, дворъ и село Серники, въ повете Луцкомъ лежащн, урожонному пану Олбрыхту Речицкому, который презъ колко леть тую маетность его милости держечи, дворъ и село спустошилъ, около двора острогъ и ворота дворные забравши, до державы своее, села Смольева, и иншия речн ве двори и въ селе Серникахъ побравши, отпровадилъ, и тотъ дворъ и село Серники, маетность его милости нана Волинскаго, спустошилъ; подданныхъ обтяживши незвыклыми роботами, на сторону розогналъ, а то есть меновите: Сидора Боярча, Ивана Гулиденя, Васка Приступу, Ивана Синченя, Ситѧ Харченя, Хведора Класка, Ивана Пархомена, Павла а Ивашка Гайдука; которыхъ подданныхъ розогнавши, яко ся вышей поменило, съ халупы мешваня тыхъ подданныхъ, ннть ведома где подевалъ и въ полю збожя не заснлалъ, водле засивку ему поданого, и шводы не малые его милости пану Волинскому въ томъ селе и дворе Серникахъ починилъ, которыхъ шводъ пацуеть собе на семъ тисечей золотыхъ Полскихъ. Яко жъ дей и вознымъ поветовымъ тое спустошене и знисчене двора и села Серникъ оповедалъ, просечи. абы то было за-

писано. А такъ я тую справу его милости пана Волинского принявши, до книгъ справъ судовыхъ вгородскихъ, Луцкихъ, записати казаль, — и есть записано.

Книга Луцкая вродская, поточная и декретовая № 2418, годъ 1604, листъ 303.

ХСVI.

Копной судъ по дѣлу о воровствѣ у крестьянина села Домашева, Ивана Крачковича, коня. 1604 г., июля 8 дня.

Рокъ тысяча шестеотъ четвертого, месеца июля осмого дня.

На врьде вгородскомъ, въ замку его королевское милости Луцкомъ, передо мною Марцианомъ Олшамовскимъ, будучимъ на томъ часъ наместникомъ подстароства Луцкого, и книгами нынешними вгородскими, Луцкими, постановившимся очевисто возный енераль воеводства Волинского, шляхетный Абрамъ Давыдовский, ку записовано до книгъ вгородскихъ, Луцкихъ, созналъ тыми словы: ижъ року теперешнего, т.зеча шестсотъ четвертого, месеца июля второго дня, маючи при себе шляхту людей добрыхъ пана Миколая Кропивницкого а пана Миколая Боровского, быдемъ на справе и потребе урожного пана Григоря Ушана Куликовского, тамъ же при збраню копы зъ десяти селъ надъ речкою Грушвицею, на урочиску обчомъ, на крунте велможного его милости пана воеводы Браславского, Лицанскомъ, то есть меновите села, на той коне зобраные: село Годиичи, село Лице—велможного пана воеводы Браславского, село старий Колькъ, село Ситница—велможного его милости пана Андрея Лещинского, воеводы Брестского, село Омелно—его милости пана Михайла Кендзирского, село Холпьевъ, село Островъ—потомка пана Валцера Марцишевского, село Трестенець, село Лычки, села Дома-

шовъ и Островъ—его милости пана Григоря Ушака Куликовского; тамъ же, при мне, возномъ, и шляхте, вышеименованой, жаловалъ передъ тою копою подданный пана Куликовского зъ села Домашова, Иванъ Крачковичъ, и опытъ чинилъ, поведаячи о шкоте своей, же ему у недилу прошлую, месеца июня двадцать сегого дня, передъ вечеромъ, украдено на поли коня тисавого, за которого ему осмъ копъ грошей Литовскихъ давано; и поведилъ на той копе: же привелъ есми былъ следъ своего коня у понедилокъ рапо до Омельна; теда Омеленцы за границу свою следъ вывели и ровно зо мною привели есмо следъ до Сытницы, а Ситничане намъ следу слупного зъ своего села не вывели, толко слидъ якисъ возомъ выводили зъ села; и скоро за село завели, теда жадного следу не было знати, а за границу свою не вывели, а мы безъ воза слидъ у Ситницу въвели. И пытали есмо, если бы што ведали Ситничане о чомъ и поведали—если бы хто гостя якого у себе мель, и если бы хто кого на коню едучого видилъ, же бы поведилъ при зобраню той копы другий разъ, и выводъ слупный дали о себе. А Ситничане вся громада, выступивши передъ копою, поведили, же якъ есмо на першой копе, которая была у середу, не таили передъ вами, такъ и теперь тое жъ власне визнаваемо: коли дей Домашовцы зъ Омеленцами слидъ увели у наше село и просили насъ, абыхмо имъ слидъ вивели зъ своего вгрунъту, теда мы дей, зобравшисе уся громада, хотили есмо слидъ выводити, и нашли дей есмо въ огороде следъ у суседа своего, Маска, десятника, же зъ двора его возъ на огородъ перенонень и складанъ, и зъ огорода возъ конемъ вывезепъ и за село поехано; а далей не могли есмо слиду вывести. Тамъ же дей заразъ, при Домашовцахъ и при Омеленцахъ, жона Петрова Мерникова Маска того по виденю была, и мовила ему: »верни, злый чоловиче, тымъ добрымъ людымъ коня, бо ты его укралъ»; а онъ о тое не справлясе. А потомъ дей, кгда Крачковичъ на першю копу у середу прошлую для опыту зобралъ, и кгда есмо на копу ишли, теда суседъ нашъ подданный Ситницкый, Терешко, поведилъ намъ усъй громаде: »ижъ дей я, будучи неспособного здоровья, ночовалъ есми у клуни, подле Маска, и на свитанку не могъ есми спати, и слышалемъ же песь почаль брехати; ямъ, уставъши, гледилъ и обачиломъ, же

три человека зъ дому Маскова возъ по колесу на огорождъ за клуню паневую пустую переносиють и складють у вонопляхъ; и вгднмъ се присмогриваль, што бы за люде были, — теждъ позналь Масва и другого своего жъ суседа, Станва, а третий хтось не знакомый съ чужого села былъ; въправде коня дей есми не видяль, бо-мъ розумиль, же Масво выправляетъ паробъка зъ дровами до миста предавать; ажъ вгды сонце зышло, прибегла пероня за кошемъ, — тамъ же дей южь и азнави обачили, же возъ конемъ везенъ зъ огорода, съ коношель. До того теждъ тые Ситничане поведили передъ коною: же и гостя того не мало насъ видило, же у Станва былъ у селе, а те перъ дей и Станъка и гостя въ селе нимашь, и того жъ поранку зпинуль зъ села, Станко у понидилокъ зъ гостемъ своимъ, што былъ у него, — и сами тое видимо, же не хто инший не есть шледкою Бречковичови, толко Масво зъ Станкомъ. И теперь, идучи на кону, звали есмо зъ собою Масва, же бы шоль зъ нами и оправляль се передъ коною; а онъ поведиль, же дей я не маю во што на кону ходити, коли мне мой павъ арендаръ роскажетъ, которому я служу, итъ, — тогда я пойду; теда, о чомъ дей ведаемо, тое передъ вами, коною, оповедаемо, бо злого межи собою ведаючи, не хочемо тавти. А коца вся переде мною, вознытъ, и шляхтою вышъменованою поведла Ситничаномъ: же дей мы вамъ Масва на першой копе у сороку копахъ приручили, же бы есте его на другой копе ставали; а понаважъ есте его не ставили, мы до васъ тую шкodu на все село платити прикладаемо, и за таковыми сведецтвами и ошолчностями сказыемъ также и иншую шкodu, што теждъ тыми недавными часы у подданныхъ же цана Куликовского, у Домашовскихъ: у Клишва — клячу, у Евтуза — клячу, у Пася — клячу; а въ Лычкахъ у Лазаря — клячу; въ Острове у Мицца — клячу покрадено, и не равъ дей о тые кони копы збирали есмо, и не могли ся выведати, и на дальший оштъ отложили; а ижь теперь отъ васъ же самыхъ ведомость маемо, же у своемъ селе шкодцовъ маете, — вы будете и тые шкоды, водлугъ сказы нашего, платити выни. А Ситничане просили все копы, же бы еще на день третий, то естъ на недлю вгдл четвертый день, отложили, — а мы ся постараемо, же бысь-мы того Масва, тавъ теждъ и Станъка, вгды се явить до дому, на копе

поставили, и вагы, яко инокдцовъ выжили, выдали; а если не поставимо и сами ся осудимо, ше претивъ всказу конного трудно што мовитъ маемо, и тме все шкоды поплатимо». А копа до третого дня, водлугъ прозбы Ситничанъ, третюю копу зложили,—што все панъ Григорей Ушаъ Буликовский, будучи тежъ на той копе, прислухаючыся судови вопному, мною, вознымъ, и шляхтою, при мне будучю, светчили. А потомъ дня четвертого июля, въ недилю, на третей копе будучи мне, возному, и при мне былъ панъ Матей Крехольский, староста Четвертенъский, и панъ Валентий Тучанинъ, возный, зосланный отъ арендаровъ Колковскихъ на копу, и выжили людей добрыхъ не мало, егда ся вся копа звыштьпомежныхъ сель зобрала тамъ же на тое урочище обыче, Ситничане вси громада поставили передъ копою Маска,—а Станька дей не можемо ставити, бо ажь згнулъ въ тотъ часъ зъ гостемъ своимъ и съ пономъ Кречковичовымъ, и до тыкъ часовъ его дома не маешъ. Ставили тежъ передъ копою суседа своего Терешка, што отъ него ведомость мили, егда возъ Маско зъ дому своего въ Станкомъ и третимъ гостемъ носечи, складали на згороде. Теды копа вся того Терешка нытали: если не зъ гнаву якого тое поведаетъ на Маска? А онъ поведиль, жемъ ближний того свѣта, вижали живота, будучи человекъ летний и адоровя неспособный, иначей не было, томо видиль Маска зъ Станкомъ и третимъ гостемъ незнаемымъ, што они вси три возъ зъ дому Маскового носили черезъ огородъ и въ конопляхъ складали,—а коня не видиль, бо—мъ я того не сподивалъ, же бы они возъ складами для браденого коня,—томо розумиль, же до места Маско выправляетъ дрова; и если ни кажете, готовъ еси присегнути, што—мъ Маска видиль возъ выносечи. А Маско стоячи, поведиль, же возъ безъ ведомости моее украдено. А Терешко знову явъ мовиль Маскови: же—съ самъ зъ другими выносиль, бо егда бы у тебе возъ украденъ, теды бы дей ты заразъ объвестиль суседомъ, але и не передъ кимъ того еси не поведиль,—ажъ въ тотъ часъ коли конь нашили следъ въ конопляхъ вововный зъ огорода вышель, почаль еси поведати, же возъ украденъ. Копа вся, зрозумивши зъ евидецтва зъ Ситничанъ, того Маска и Станька винными учинили, и мовили Ситничаномъ и Старого села Колковъ

всей громаде, же бы ся ручили по Маску, жебы тую шкоду, вышь менованую, поплатилъ. А Староколковцы и Ситничане вси его на поруку брати не хотели и не взяли, мовили: што дей хочете, то зъ нымъ чините, вгдысь мы его на копе поставили и передъ вами его учинковъ не затаили, и болшей въ тое се не вступуемо, и о немъ ведати не хочемо, и присегати за него не будемо; а до того тежь Маско не есть зъ нами тяглый и жадного вгрунъту зъ нами не держать, толко жидовскимъ паробкомъ есть. Теды копа и до троухъ разъ пытала: если его на поруку берутъ? А Ситничане и Старого Колку села громада отказывали: же его на поруку брати не хочемо и присегать за него не будемо. Што вся копа, мною вознымъ и шляхтою, при мне будучою, осветчивши, а видечи то, же се Ситничане и села Старого Колку, выдавши его за винного въ той шькоде, и ручитесе по немъ и присегать за него не хотели, отдали того Маска Иванови Кречковичу, яко шкодцу его, до рузь, и отдавши, зложила вся копа рокъ третего дня, то есть шостого июля до Трестенца вьсимъ зыйтисе; и обьвестили то Ситничаномъ и Староколковцамъ, абы въ олторокъ пришьлый до Трестенца зобралися, и пану Тучаницкому о томъ же року на третий день вся копа передо мною, вознымъ, ознаймила. А потомъ знову копа и пану Тучаницкому давали того Маска на поруку; а онъ его на поруку братъ не хотель и не браль,—што все тое вся копа мною, вознымъ, и шляхтою осветчивши, розыйплисе. А потомъ зась, вгды на рокъ назначоный, на день шостый июля, въ олторокъ, зобралася вся вышьпомененая копа до Трестенца въ дому пана Куликовского, и будучи мне, возному, на тотъ же часъ назначоный при той копе и ивнихъ павовъ шляхты оволичное, тамъ же были въ Трестенцу у пана Куликовского меновите ихъ милость: панъ Матей Вгрозолсвий, староста Четвертенский, панъ Еразмусъ Поплавский, панъ Александеръ и панъ Миколой Кропивняцкие, панъ Янь Липенский, панъ Павелъ Ставский, панъ Радивонъ, войтъ Четвертенский, а панъ Валентий Тучаницкий, енераль панъ Войтехъ Залеский, съ подданными Ситнищими и Староколковскими, за присланемъ пана Станислава Сулковского, старосты Колковского и орендаровъ Колковскихъ, где подданный пана Куликовского, Иванъ Кречковичъ, ста-

вилъ тамъ же передъ копою и ихъ милостями всеми вышепомене-
 нными особами того Маска, што ему была копа до рукъ, яко вино-
 вайцу его, дала. И пыталъ вся копа пана Тучаницкого и подданныхъ
 Ситницкихъ и Староколковскихъ: если бы явнй иишнй доводъ, albo
 сведецтво на того Маска мели, albo и того Станка зъ собою при-
 вели, и если бы болшей доводу не мели, же бы ровно зъ ними
 Маска того судили? А панъ Тучаницкий и панъ Залеский и при
 нихъ подданные Ситничане и Колковские поведили, же дей жадного
 иишного доводу Ситничане не мають на Маска и то што былъ до-
 водъ на него за неслушнымъ сведецтвомъ,—бо тотъ Терешко бы
 то на него светчалъ, есть чловець подозранный, зъ лицемъ былъ
 пойманъ, и за его неслушнымъ сведецтвомъ не масть Маско быти
 каранъ,—поневажь есть чловець добрый и ни въ чомъ не подозра-
 ный и въ Ситницы оселый,—и просилъ, абы того Маска до skutеч-
 ной справедливости ему и пану Залескому на поруку дали, поневажь
 дей Ситничане следу слушного зъ своего села не вывели, теды бу-
 дуть межи собою винного шукати, же шкода подданому пана Кули-
 ковского нагородити ся мусить, и съ волъ колвецъ панъ Куликов-
 ский справедливости подданнымъ своимъ потребовати будетъ, и зо
 всего села Ситницкого не отволочная учинена будетъ, за што се я
 и обликую записомъ своимъ, посполу съ паномъ Залескимъ,—толко
 прошу, же бы намъ того Маска на поруку нашу дали. А копа вся,
 нарадившися зъ ихъ милостями паны шляхтою, на тотъ часъ при
 той копе въ дому пана Куликовского, у Трестенець, будучою, а ви-
 дечи тую не уставичность ихъ же, уходечи сами быти винны плаченя
 шкодъ помененыхъ за шестеро коней, за тое, же зъ села своего
 следу не вывели, и за всказомъ коннымъ сподеваючися быти волными,
 выдали были того Маска десятника въ винне и въ тыхъ шкодахъ, и
 зрелися вся громада его, же онъ и не есть оселымъ у Ситницы,
 толко паробкомъ жидовскимъ, чого и самъ панъ Тучаницкий, и Сит-
 ничане, и урядникъ Колковский, панъ Сулковский, подданого за Сит-
 ницкого не признавали, а теперь знову панъ Тучаницкий и панъ
 Залеский и Ситничане съ Колковцами признали того Маска быти
 подданнымъ оселымъ Ситницкимъ, и тое сведецтво, за которымъ
 сами его копе выдали, а першого сведецтва своего отступують, §

Маска отъ тыхъ шлюдь великимъ хочуть учинити,—на поруку пресясть,—тоды копа вся, вышнейпоменена, на всемъ сале Ситницкомъ, такъ того кони Кречъовичова, ява и другихъ подданныхъ пана Куликовского, поградеже клячь пятерга, водлугъ першого ведаву своего, на другой коне у пятницду прошлую сказаные, за слышнымъ доводомъ, явъ вторая кляча што коптовала, албо если доводу подданные пана Куликовского не покажутъ, водлугъ цены статutowое, платитъ всказали и пршеудили. А што се тычетъ того Маска, изъ на сказе копною перестати, а до того на поруку панъ Тучаницкай съ паномъ Залескимъ пресли, теды его на поруку пану Тучаницовому и пану Залескому дали,—што все мною, вознымъ, и шляхтоу вышнейпомененоу панъ Ушивъ Куликовский и вся копа тую всю справу осветчили. И просяль вышнейпомененый возный, абы тое его очевистое соване, такъ же и шляхты, вышнейпомененое, было принято и до книгъ записано,—што за принятемъ урядовымъ до книгъ вгородскихъ, Луцкихъ, есть записано.

Книга Луцкая городская, поточная и декретовая, № 2418, годъ 1604, листъ 610 на оборотъ.

ХСVII.

Жалоба Соколовскихъ и Михалковскихъ крестьянъ на пана Александра Воронича и жену его Влокино о томъ, что они напали сына своего Филона съ толпою вооруженныхъ людей, въ нѣсколько сотъ человекъ, который ограбилъ ихъ имущество, истязывалъ крестьянъ, повѣсилъ нѣсколько крестьянъ и бояръ, вслѣдствіе чего села Михалково и Соколово опустѣли. 1605 г., мая 9 дня.

Донесеніе возныхъ по тому же дѣлу. 1605 г., мая 13 дня.

а) Roku 1605, месеца мая 9 дня.

На вrade его королевское милости замку Житомирского, передо мною Матеушомъ Клембовскимъ, наместникомъ подотароства

Житомирского, поставившише очевидно Иллита Горездренко, осадца села Соколовского, а Яцко Отамашъ, осадца села Михалковского, жалосне оповедали и светчили такъ именемъ своимъ, яко в именемъ подданныхъ его королевское милости, Соколовскихъ и Михалковскихъ, на пана Александра Воронича и малжонву его пани Овдотю, называемую Невиданку Олычатеу, и на сына ихъ, пана Филона Воронича, яко властныхъ и умыслныхъ принципаловъ учинку нижеи описаного, о томъ, какъ року теперешнего тисеча шесть сотъ пятого, месяца мая, зъ недели на понеделокъ, то есть на день девятый, незвычайнымъ способомъ, праве о полночи, зъ многими слугами, помочившами и подданными своими, Трояновскими и Шумскими, ему леной имени знаемыми и на то приготованными, въ близку сотъ, зъ ровнымъ оружьемъ, войне належачимъ, мощно, квалтомъ, злымъ и незвычайнымъ способомъ, менованого сына своего, пана Филона Воронича, умислене, за росказанемъ своимъ, на власные крвунты его королевское милости, Житомирские, найпервей: на село Михалкова Поляна, до Житомира здавна належачое, на подданныхъ тамошнихъ, безсечныхъ, спячихъ, наехавши квалтовне на нихъ самыхъ и на дома ихъ, окрыкъ учинивши, на нихъ рушили, ихъ самыхъ зъ жонами и зъ детьми побили, а потомъ всякъ повезали, а повезавши, зъ собою побрали, дома и всю маетность ихъ, отъ мала до велика, побрали и квалтовне полупали, и село тое спустошили и вънивечъ обернули. На томъ мало маючи, оттуль того жъ часу, заравомъ тотъ же панъ Филонъ Вороничъ, за умисленнымъ росказанемъ пана Воронича и малжонки его, на другую маетность и село названное Соколовъ, у четверть миль отъ Житомира лежачое, мощно, квалтомъ наехалъ, — однихъ бояръ и подданныхъ его королевское милости повешать, а другихъ побить и зъ домовъ ихъ всякъ человека до близу десять, зъ жонами и зъ детьми зъ собою квалтовне побралъ и маетность зъ домовъ ихъ, отъ мала до велика, што одно было, полупалъ, и тое село Соколовъ спустошили и въ ни вочто обернули, повой нополитный взрушиши, право легче поважали, которымъ висячий ставъ на свей обварованъ есть. И просили на огледане и обожжене того квалдовного наезду и учинку противу особамъ менованнымъ о придане возного; амь имъ, съ повинности врядовое, Василя Сосниц-

кого, albo кого бы себе на то способили, возныхъ, придаю и придаломъ. И просили, абы то е оповедане и жалоба ихъ принята была и записана, — што есть записано.

б) Року 1605, месяца мая 13 дня.

На вrade его королевское милости замку Житомирского, передо мною Матеушомъ Клембовскимъ, наместникомъ подстароства Житомирского, постановивши е очевисто енералове возные воеводства Киевского, шляхетные Григорей Гуляницкий а Янъ Фалковский, ку записованю до книгъ сознали и, водлугъ того сознания своего, квити подъ печати своими и съ подписами рукъ, которые зъ нихъ писать умеють, писаный тыми словы подаль: «Я Григорей Гуляницкий а я Янъ Фалковский, возные енералове воеводства Киевского, сознаваемъ тымъ нашимъ квитомъ, ижъ року теперь идучого, тисеча шестсотъ пятого, месяца мая тринадцатого дня, за приданемъ уряду вгородского его милости пана Вацлава Валгорского, подвоеводого Киевского, были есмо на справе и потребе ясневелможного пана Януша княжати зъ Островга Жаславского, воеводи Волынского, старсты Житомирского, также Мартина Ждановича, войта и всихъ мещанъ его королевское милости места Житомирского, на вгрунте власномъ его королевское милости отъ Житомира въ чверти мили лежакомъ, на урочищу Соколове, также нами возными и шляхтою, при насъ будучимъ, то есть паномъ Тимофеемъ Кобылинскимъ а Криштофомъ Чижевскимъ, оповедали и обводили напередъ халупъ дванадцать, въ которыхъ менили людей бытъ оселыхъ и мешкаючихъ человека двадцати, зъ жонами, зъ детми, въ которыхъ ни одного человека не остало. Филипъ Горездренко, осадца Соколовский, мещаль: же за умыслнымъ и одностайнымъ росказанемъ, волею и ведомостю пана Александра Воронича и малжонки его милости, панее Овдоти, прозываемое Невиданки Олычанки, сынъ ихъ, панъ Филонъ Вороничъ, зъ слугами и поддаными Трояновскими и Шумскими, и зъ ышними многими помочниками, имъ самимъ лепей знаемими, ведомыми, мощно, вгвалтомъ, року помененого, месяца мая, зъ недели на понеделокъ,

то есть на день девятый месяца мая, въ ночи, на тое урочище Соколово, на власный кгрунтъ его королевское милости наехавши, также на людей силочихъ, сонныхъ, напередъ окрикъ учинивши, ударили,—одныхъ побили, поранили, а другихъ порозгоняли, а трейтихъ нетъ ведома—если зъ собою побрали, а если ихъ где подевали,—о которыхъ и до сего часу у ведомости не машъ, маетности ихъ отъ мала до веля всю побрали. Также Филипъ Горездренко, осадца Соколовский, оповедилъ: ижъ помененый панъ Филонъ Вороничъ на нисы Житомирские, за речкою Каменницею лежачие, наехавши квалтовне, где кого засталъ на ниве билъ, мордовалъ, а другихъ, то есть меновите Остапа Воробя, подданого королевского, зъ села Газынки, человека старого, сонного, зъ двойма детками малыми, съ которыми оралъ, поймавши, на городище Соколово отпрывадили, и тамъ его, при двойгу детокъ его малыхъ, на липе повесили; которого повешаня знакъ половицу повроза урезаного на липе видели и тело небожчика зъ земли отвопавши, огледали, на которомъ бачились шию около сянюю и поврозомъ обмуленую, а на заде плечи побитые; того жъ Воробя детокъ двое а при нихъ иншихъ людей, то есть: Лукаша, Федора и Семена повезавши, съ собою дей побрали, которыхъ у полтори мили попускали. И оттуль, съ того Соколова, помененый панъ Вороничъ, мало на томъ маючи, знову ехати дей до другого села его королевское милости Житомирского, на йме Михалковецъ, тамъ же того жъ часу и дня, выпшописаного, въ ночи, на людей спячихъ и покойныхъ, подданныхъ его королевское милости, ударили,—однихъ побили, поранили, а другихъ дей человекъ до вялку десять квалтовне побрали зъ собою, до маетности пана Вороны и малжонки его милости, местечка Трояновецъ, отпрывадили; съ которыхъ потомъ некоторые битые повтекали, а другие и до сего часу человека шести, на ймя: Назара, Прою, Степана, Марка, Гришка, Грица, которыхъ не ведати—если побито, албо повешано—не машъ. Тамъ же, въ томъ селе, за оказованемъ, на Сафоне видели есмо рану подъ окомъ битую, кривавую и хрибетъ увесь побитый; до того бачили есмо на девце у голове, при сторонѣ правой, рану воло пробитую, кривавую. Къ тому, маетность тыхъ людей, отъ пяти метъ оселою, въ которомъ селе хатъ деветнадцать

наличали есмо домовъ ихъ, побрали и квалтовне полушили, — то есть: въ отамана коней четверо; жеребягъ двое, кошовала каждая по осми копъ грошей Литовскихъ; хомутовъ чотыри—по золотому; плугъ, зо всею снастю, седло, которое кошовало три золотыхъ; ложниковъ два — по копе грошей Литовскихъ; овса две мерки, зъ мехами; сермягъ две—по сороку грошей Литовскихъ; возовъ два, которые кошовали по золотому; шапоъ две—по семи грошей Литовскихъ. У другого небожьщика, на име Остапа Воровя, взяли и квалтовне полушили: ложниковъ два, которые кошовали по два золотыхъ; сермягъ две—по сороку грошей Литовскихъ; зъ сына его зняли жупанъ сермяжный, за полконы купленный, и шапъку, — за пять грошей Литовскихъ; хомутовъ пять, которые кошовали по олотому; плугъ зо всею снастю; овса две мерки, зъ мехами; секиръ две, которые кошовали по петнадцати грошей; грошей готовыхъ полконы и два гроши. У третего, на име у Яцка, зняли ручницъ чотыри, кошовала каждая по копе грошей Литовскихъ; начиня слесарского всего пиль, молотовъ—за десять копъ грошей; плахоть две—по золотому кошовали; сермягъ две—кошовали по золотому; сорочокъ шесть вужелныхъ, женскихъ; полотна локоть двадцать, кошовалъ каждый локоть по грошу; покремъ зеленая, — за грошей семь; шыковъ два, кошовали по петнадцати грошей Литовскихъ; свердель—за чотыри гроши; долото—за три гроши; секира— за грошей семь; готовыхъ грошей копа Литовская. У четвертаго, на име у Сафона, зняли сермягу—за полъ копы грошей; плахту, кошовала осмъдесять грошей; секира, которая кошовала дванадцать грошей; покремъ—за шесть грошей; сковороду—за семь грошей; сорочекъ мужскихъ чотыри; хустокъ две шитыхъ—одна шолкомъ а другая белю, которые кошовали золотыи; убраней двое; чоботы новые, жоноцкие, за шесть грошей; макгерку—за шесть грошей; скатертей две—по дванадцати грошей кошовали; рогатину—за осмъ грошей Литовскихъ; готовыхъ грошей осмъдесять. У пятого, на име Кондрата, коня шерстю буланого, за чотыри копы грошей купленого; воловъ двухъ, которые кошовали по три копы грошей Литовскихъ; коровъ три съ телаты, которые кошовали по две копы грошей Литовскихъ; соверу, которая кошовала деветь грошей; сермягу, купленную за сорокъ грошей; сорочокъ две, ручницъ, грошей готовыхъ сорокъ.

У шостого, на йме Лугъяна, взяли и пограбили коней трое, которые коштывали по пяти копъ грошей Литовскихъ; воловъ двухъ, которые коштывали по три копы грошей Литовскихъ; коровъ чотыри съ телятми, каждая коштывала по полтрети копы грошей; полотно сорокъ локоть—по грошу; сорочокъ две; покремъ—за деветь грошей. У семого, на йме Демида, коней двое, которые коштывали по пяти копъ грошей; вола одного, за три копы грошей купленого; полотно локоть тридцать, каждый локоть по два гроши; сорочокъ мужскихъ дванадцать, а жоноккихъ семь; скатерть—за дванадцать грошей; наметокъ одинадцать; плахоть две—по сороку грошей; сермягъ две—по сороку грошей. У осмого, на йме Федора, коней четверо, каждый коштываль по чотыри копы грошей; воловъ чотыри, которые коштывали по три копы грошей; коровъ две, по две копы купленные; подгельковъ трое, которые коштывали по полъкопы грошей; сермягу—за сорокъ грошей; сокиру—за осмъ грошей. У девятого, на йме Гаврила, коней трое, которые коштывали по пяти копъ грошей Литовскихъ; волы два, которые коштывали по полъ чварты копы грошей; корову одну, которая куплена за три копы грошей; скатерть—за дванадцать грошей; сорочокъ две, наметокъ три, ручникъ одинъ. У десятого, на йме Яцка, взяли и полушили коня одного, который коштываль шесть копъ грошей; воловъ чотыри, которые коштывали по три копы грошей Литовскихъ; коровъ пять, каждая коштывала по две копы грошей Литовскихъ; овецъ петнадцатеро, свиной двадцатеро, сорочокъ пять мужскихъ а женскихъ чотыри, наметокъ две, убрание одно, сокера за дванадцать грошей; рядно—за осемъ грошей; поесовъ два зъ ыгольникомъ—за деветь грошей; тканокъ две—за шесть грошей. Тое все, кгвалтовне побравши и полушивши, до местечка Трояновець отпровадили и на пожитокъ свой панъ Ворона зъ малжонкою своею обернули. Который то кгвалтовный наездъ, яко се выше поменило, нами возными и шляхтою объведши, меняи бытъ сталый за власнымъ и умыслнымъ росказанемъ и насланемъ черезъ пана Ворону и малжонку его милости, черезъ сына ихъ милости, пана Филона Воронича, на власные села и кгрунты подданымъ его королевское милости. И просили насъ, абы есмо на то имъ дали сознание наше. А чому мы досыть чинечи,

съ повинности наше вридовое того квалту и боевъ подданныхъ его королевское милости огледавши, и шляху добре се припатривши, ссе наше сознание подъ печати нашими и съ подписомъ руки мене, Григоря Гуляницкого, дали. Писанъ въ Житомиру, року тиссча шестсотъ пятого, месяца мая тринадцатого дня. Григорий Гуляницкий, енераль земский воеводства Киевского, рукою власною. Которое очевидное сознание возныхъ и квить ихъ до книгъ вридовыхъ замку господарского принято и записано.

Книга Житомирская городская, записовая и поточная, № 10, годъ 1605—1606, листы 67 и 72 на оборотъ.

ХСVIII.

Донесение возного по дѣлу объ опустошеніи села Молчановского, сожженіи хуторовъ, истязаніи и ограбленіи крестьянъ; возный удостовѣряетъ, что это сдѣлано по распоряженію старосты Грегжанскаго, пана Мартина Миховского, и что, независимо всего этого, поставлены были еще на дорогѣ вистѣльницы. 1605 г., іюня 11 дня.

Року 1605, месяца іюня одинадцатого дня.

На вриде его королевское милости замку Житомирского, передо мною Матеушомъ Кглембовскимъ, наместникомъ подстароства Житомирского, постановившимъ очевидно енераль возный воеводства Киевского, шляхетный Левъ Богушевичъ, ку записованю до книгъ соввалъ и, водлугъ того сознанья своего, квить подъ печать и съ подписомъ руки свое писанный тымъ словы подалъ: Я Левъ Богушевичъ Лукошинский, возный енераль воеводства Киевского, признаю тымъ моимъ квитомъ, ижъ маючи я, возный, при себе стороною двоухъ шляхтичовъ: пана Яна Кибарта а пана Ивана Сосновского, въ року теперешнемъ 1605, месяца іюня семого дня, ездилъ семи до села селшца Молчановского, маетности его милости пана

Гаврила Гоского, хоружого земли Киевское, у воеводстве Киевскомъ лежачого, Пулинское, тамъ же, въ томъ селе, видель есми за обвоженемъ и оказанемъ осадцы того села, Васка Сахара, въ шести местцахъ, знать же хаты били, але попалены, а ишние пороскиданы и збурены, толко печи стоять; тамъ же, не подалеку того села видель есми дорогу въ колко местцахъ зарубаную и на той дорозе шибениць две поставлено. А особно подданныхъ его милости пана Гоского, Пулинскихъ, видель есми съ тою стороною шляктою хуторы въ чотырохъ местцахъ попалены,—то есть дня и року вышписаного. Въ томъ же селе селищу Молчановскомъ огледалъ есми ранъ на подданныхъ того села селища, то есть: на Васку Сахару, осадцы, видель есми на руце правой, вышей локтя, ранъ две битыхъ, синихъ, спухлыхъ, а хрыбетъ весь збитъ, синь, кровю населый; на Микуле Грицевичу видель есми въ голове рану битую, киевую, барзо шводливую; на Грицу Микуличу, на твари съ правого боку, видель есми рану битую, кровавую, на нозе левой, на голени, рану битую, синюю, спухлую; на Сенку Игнатовичу видель есми на руце левой, нижей локтя, рану битую, синюю, спухлою; въ голове, зъ левого боку, видель есми рану вьемъ пробитую, кровавую. Которое збите и зранене свое, попалене и збурене хать, зарубане дороги, поставлене шибениць, попалене хуторовъ Пулинскихъ, тые подданые Селищские менили собе быть стале отъ слугъ пана Мартина Миховского, старосты Грыжанского, и отъ подданныхъ его милости пана воеводы Бреского, Сколобовскихъ,—ижъ дей въ року теперешнемъ, тысяча щестьсотъ пятомъ, месяца июня третего дня, помененый Мартипъ Миховский, безъ бытности пана Павла Вышотравви, урядника Пулинского, на тотъ часъ въ Пулинахъ, звышменованныхъ слугъ своихъ и тежъ подданныхъ его милости пана своего, Сколобовскихъ, которымъ имена и назвиска самъ панъ Миховский ленеи знаеть и ведаеть, зъ рознымъ оружемъ, войне належачымъ, наславшы мощно, квалтомъ, на звышменованое село селище Молчановское, у воеводстве Киевскомъ лежачое, маенотъ его милости нашего пана Гаврила Гоского, хоружого Киевского, насъ самыхъ позбивати, маенотъ нашу всю у насъ побрати и пограбити, дорогу стародавнюю, съ Пулинъ до Барщовъ лежачую, зарубати, шибеницы поставляти, хуторы Пулин-

ские, попаяти,—онымъ слугамъ своимъ и поддавымъ его милости пана своего, Сколобовскимъ, росказалъ; а двоухъ дей подданныхъ, суседовъ нашихъ: Евхима Федковича и Федка Грицевича, не ведаемъ—если живыхъ зъ собою вляли, або, позабывавши, тело где позадевали,—которые дей то шведы и грабежи шыррей и подостатку на протестацы, на вrade учыненой, описаны и доложоны есть. А потомъ того жъ дня, вышъписаного, июня семого, огледалъ есми ранъ на бурмистру Пулинскомъ, въ Пулинахъ, на йме на Прокопу, которого видель есми всего, почавши зъ головы ажъ до ногъ, весь хрыбеть синь, збитъ, кровю насельи; отъ которого збитья и зраненья не ведаю если тотъ Прокопъ живъ будетъ. И менилъ передо мною, вознимъ, и передъ стороною шляхтою тое збите и зранене свое и пограбене десяти копъ грошей готовыхъ отъ слугъ пана Мартина Миховского, урядника Грежанского, и отъ подданныхъ его милости пана воеводы Бреского, Сколобовскихъ, на добровольной дорозе, которая идетъ съ Пулинъ до Барашовъ, въ року теперешнемъ, шестсотъ шятомъ, месяца июня третего дня. И на томъ я, возный, даю сесь мой квить, съ печатью моею, ку записаню до книгъ замку господарского, Житомирского. Писанъ въ Пулинахъ, року, месяца и дня звышъписаного. Которое очевистое сознание возного и квить его до книгъ вридовыхъ замку господарского, Житомирского, принято и записано есть.

Книга Житомирская городская, записовая и поточная, № 10, годъ 1605—1606, листъ 110.

СХІХ.

Объявление пановъ Щеніевскихъ о томъ, что они не могутъ внести съ своего имѣнія Щеніева опредѣленныя Варшавскимъ сеймомъ 1606 года подати съ крестьянъ, такъ какъ татары опустошили ихъ имѣніе, при чемъ одни взъ крестьянъ погибли а другіе же захвачены въ плѣнъ. 1606 года, іюля 3 дня.

Року 1606, месеца іюля 3 дня.

На вrade его королевское милости замку господарского, Житомирского, передо мною Федоромъ Щуровскимъ, подстаростимъ

Житомирскимъ, ставши очевисто панъ Федоръ Щениевскій самъ отъ себе и именемъ братя своее, пана Григоря и Павла Щениевскихъ, и пана стрья своего, пана Ивана Щениевского, оповедать о то, ижъ што водлугъ универсалу на сойме теперешнемъ валномъ Варшавскомъ, въ року шестсотъ шостомъ, уфалено поборъ съ подданныхъ давать, которую мы зъ частей своихъ села Щениева, съ певныхъ причинъ, дать не можеть, а то для великого спустошеня маестностей нашихъ, побита на смерть подданныхъ и иныхъ у неволю побрана отъ неприятеля крыжа святого, отъ татаръ, которые были въ маестности нашей, Щениевской, въ року теперешнемъ, тисеча шестсотъ шостомъ. И просилъ панъ Федоръ Щениевскій, абы тое оповедане его до книгъ замку господарьского, Житомирского, записати казалъ, — што естъ записано.

Книга Житомирская вродская, записовая и поточная, № 10, годъ 1605—1606, листъ 379.

С.

Объявленіе отъ имени пана Александра Орды о бѣгствѣ крестьянъ изъ его имѣнія Цмина въ Степанскую волость, принадлежащую князю Константину Острожскому. 1606 г., июля 12 дня.

Року тисеча шестсотъ шостого, месеца июля вгорогоднадцать дня.

На вряде вгродскомъ, въ замку его королевское милости Луцкомъ, передо мною Адамомъ Олшамовскимъ бургграбимъ и наместникомъ подстароства Луцкого, постановившимсе очевисто служебникъ его милости пана Александра Орды, Петръ Мартиновичъ Рипльницкій, подалъ жалобу пана своего на цедуле въ тые слова писаную: »Пане вряде, вгродскій, Луцвий. Вашей милости, вряду, оповедю и жалую на велможного вняжати Косгентина Косгентиновича, княжати Острозьского, воеводи Киевского, маршалка земли Волинское, старосты Володимерского, о то, ижъ року теперъ идучого, тисеча шестсотъ шостого, месеца февраля, зъ второго дня на третій день, подданный мой, давностю земьскою заседельй, Жданъ

Гриневиць Кгала, войтъ, зъ имения моего, лежачого въ повете Пинскомъ, зъ села Цминя, нощнымъ обычаемъ, зъ жоною, зъ детьми, и зо всюю маетностю прочъ пополь потаемнымъ обычаемъ, безъ воли и ведомости моей. А потомъ того жъ року, тисеча шестсотъ шостого, месеца мая двадцать шостого дня, другие подданые мое, такъ же давностю земскою заседельне: Федко Даниловичъ а Тимохъ Быковичъ, Дорофий Михъновичъ Дегтирь, а Семень Шеневецъ, такъ же съ того жъ имения моего, лежачого въ повете Пинскомъ, зъ села Цминя, нощнымъ обычаемъ, потаемне, безъ воли и ведомости моей, зъ жонами, зъ детьми и зо всеми маетностями своими прочъ пошли; а то есть меновите: жона того Федка Даниловича, на име Ануша, а дочка одна Улята, другая Овдотя, а третья Катерина; и маетность того Федка Даниловича: конь одинъ, воловъ два, коровъ две, овецъ пятеро, свиней трое и инъшое маетности не мало. А Тимохъ Быковичъ и зъ сыномъ Юскомъ, и зъ жоною Юсковою, Просимъею, а дочкою того Юска, Кулиною; а другой сынъ того Быковича Тимоха, Макаръ, и жона того Макара, Уляна, а сынъ Жданъ, а дочка одна, Просимъя, а другая Марина; а маетность ихъ того Тимоха Быковича: конь одинъ, воловъ чотыри, коровъ две, овецъ шестеро, свиней двое, козь трое, и инъшое маетности немало. А Дорофий Михъновичъ Дегтирь и жона его Ягнепа, и сынъ Трохимъ, и дочка его Палашка а другая Ранна; а маетность того Дорофия: конь одинъ, воловъ три, корова одна, козь двое, овецъ двое, свиней трое, и инъшое маетности не мало. А Семень Шеневецъ, жона его Марина, а сыны его: одинъ Себестиянъ, а другой Иванъ, а третий Матфий; а маетность того Семена Шеневца: конь одинъ, воловъ два, корова одна, овецъ шестеро, козь двое, свиней трое, и инъшихъ маетности немало. То пакъ того жъ року, тисеча шестсотъ шостого, месеца мая двадцать первого дня, такъ же подданые мои, давностю земскою заседельне: Гриць Веретинъновичъ, Сава Карновичъ, Хведко Олехновичъ, Якубъ Янушевичъ, такъ же съ того жъ имения моего, лежачого въ повете Пинскомъ, зъ села Цминя, нощнымъ обычаемъ, зъ жонами, зъ детьми и зо всюю маетностю своею прочъ пошли такъ же потаемнымъ обычаемъ, безъ воли и ведомости моей, а меновите: того Грица жона его Устима, а сынъ одинъ Мар-

кѣ, другій Нестеръ, третій Трохимъ, четвертый Романъ, а дочка того жъ Грѣца одна Докыя, другая Натала; маетность того Грѣца Веретинниковича: волъ одинъ, быкъ одинъ, корова одна, козь двое и маетности рухомое не мало; Савы Карповича жона его Овдотя, а сынъ Трохимъ, и маетность ихъ быдла: сверепа одна, коровъ две, свиней три, козь две; Хведко Олехновичъ и жона его Меланя, а сынъ Прокопъ, а дочка Мотруна; того Хведка маетность: волъ одинъ корова одна и маетности рухомое немаю; Явубъ Янушевичъ и жона его Палагья и сынъ Антъонъ; а маетность того Явуба: воловъ два, конь одинъ, коровъ две, свиней трое и тежъ рухомое маетности немало. Которые вси звышъпомененные подданые мое, яко ся верху поменило, въ часехъ звышъпомененныхъ одъ мене прочъ, безъ бытности моею въ дому моемъ, потаемъне одышпеди, яко о томъ певную ведомость маю, зо всими маетностями своими, верхупоменеными, за его милостю велможное княже Костентина Острозского, воеводы Киевского, до йминья его милости волости Степаньское, до села и вочи новозасажное, называемое Березъници, лежащее въ повете Луцкомъ, запедши, задалися и за его милостю въ тыхъ часахъ ново осели; на чомъ я одъ часу одестья ихъ одъ мене и яко за его милостю паномъ воеводую Киевскимъ осели, въ не отданью мне отъ нихъ повинности звыклое, шведую собе копъ сто грошей личбы Литовьское. И прошу вашей милости, пане вряде вгородский, Луцкий, абы тое оповеданье, жалоба моя до книгъ вгородскихъ, Луцкихъ, записана была. Што я принявши, записати казалъ,—и есть записано.

Книга Луцкая вродская, записовая и поточная, № 2421, годъ 1606, листъ 702 на оборотъ.

СІ.

Актъ измѣренія имѣнія Ружинского, съ исчисленіемъ крестьянъ и ихъ повинностей. 1606 г., августа 28 дня.

Робу тисеча шестьсотъ шостого, мѣсяца августа двадцать осмого дня.

На вряде вгородскомъ, въ замку его королевское милости Володимерскомъ, передо мною Иваномъ Шабаномъ—Гноенскимъ, буду-

чимъ на тотъ часъ на месцу его милости пана Яна Прилепського, подстаростего Володимерского, постановившисе очевисто возный енераль воеводства Волинского, шляхетный Василей Ковырский, ку записаню до книгъ явне, усне и доброволне зознать тыми словы: ижъ року тисеча шестьсотъ шостого, месеца априля двадцатого дня, былемъ на справе и потребе уроженого пана Миколая Набялка въ маестности Ружинской, въ сели Ружине, и на всемъ кгрунтѣ до того належачимъ, маючи при себе двоухъ шляхтычовъ, тоъ есть: пана Станислава Калускаго и пана Миколая Рыбалтовського, тамже видломъ всѣ кгрунты презъ волочьника Петра Станьковпча, до села Ружина належачие, померенные стенами, ведлугъ потреби обложены вючными и межами въ полю, а по сеножатахъ—колами и навертями означове достаточьне въ семь кгрунте и одъ всихъ участниковъ, што на которого належитъ, кгрунты вшелякие розобране и въ спокойное уживане подане, яко ширей въ себе тотъ списъ померу обмовляетъ. Который померъ урожений панъ Миколай Набялекъ, за моцю ему на то даною одъ всихъ участниковъ Ружинскихъ, которые участницы за декретомъ трибунальскимъ въ року тисеча шестьсотъ третемъ, мѣсеца мая двадцать третего дня, сказанымъ, на померъ села и всихъ кгрунтовъ Ружинскихъ позволили, для вписаня до книгъ презъ мене, возного, прислалъ; яко жъ тотъ померъ передо мною на вряде помененый возный побладалъ и просилъ, абы того померу списане до книгъ вгородскихъ, Володимерскихъ, было записано. Которого померу списъ я приймаючи, для вписаня до книгъ передъ собою чигати розказалъ, и такъ се въ себе маеть: Померъ села Ружинского и кгрунтовъ его и дѣль вечистый, который, зъ декрету головного трибунальского, за поводомъ пана Миколая Набялка, въ року тисеча шестьсотъ третемъ, мѣсеца мая двадцать третего дня всказанный есть, и за шесть недель одъ всихъ участниковъ Ружинскихъ позволенный и зачатый, и пану Миколаеву Набялкову въ моцъ зуполную даный одъ всихъ участниковъ, а презъ волочника докончонный и справеный въ року тисеча шестьсотъ шостомъ, мѣсеца априля двадцатого дня. Тотъ померъ справеный и розмеронный есть на три части, водлугъ трохъ давныхъ продковъ братий роженныхъ князевъ Ружинскихъ, которыхъ именами

звано: Иванъ, Василей и Ѳедоръ; по которыхъ сукцесорове внешние части свое берутъ напродъ Ивановскую часть належить и розмера на есть на чътыри розделки, т. е. першій розделокъ князю Яну, Ивану Михайловичомъ Ружинскимъ, который розделокъ за правомъ своимъ панъ Войтехъ Лыховский держить; другой князю Адаму Григоревичу Ружинскому; третий пану Семену Костюшковичу Хоболтовскому и потомкомъ его; а четвертый розделокъ пану Николаеви Набялкови належить; другая часть Василевская належить пану Семену Костюшковичу и пану Николаеви Набялкови, которое постая частка пану Костюшковичу одіделена есть, а пять частокъ пану Набялкови, а третя часть Ружина, Ѳедоровская, за правомъ одъ небожчика князя Абрама Ружинского и одъ малжонки его, Катерины Духовны, и одъ князя Ивана Стефановича, такъ же и одъ князьевъ Михайловичовъ Александра и Грегора Ружинскихъ пану Набялкови належитъ, и панее Раине Стакорскаго Болобановой, матце Александра и Грегора Ружинскихъ, съ паномъ Криштофомъ Стакорскимъ, иле каждому на ихъ часть приходитъ, тотъ вгрунътъ Ружинский, яко се въ себе маеть, помероній есть паномъ на обшары дворные а подданымъ на полланки, такъ ижъ на каждую часть третюю по осмьнадцать полланковъ и по осмьнадцать огородовъ, съ пляцами подданымъ досталоя, що въ чомъ на все село лановъ двадцать и семь, албо полланковъ пятьдесятъ и чътыри подданымъ; а попови до церкви полланковъ два,—яко о томъ тое писане ширей обмовляе. Село Ружинъ; на початку села, подле стины, которая дѣли село одъ обшару дворного Кримна, есть застѣнокъ, алтбо пляцъ немалый, где есть два дворы: еденъ дворъ пана Семена Костюшковича Хоболтовского, а другой князя Яня и Ивана Ружинскихъ, которыхъ панъ Лыховский тримаеть; тотъ застѣнокъ змѣренний есть шпуромъ волочнымъ, который шнуръ въ собѣ маеть сажонъ тридцетъ; въ которомъ застѣнку есть вгрунту вдовжъ шнуровъ семь, а вширкъ шнуровъ шесть и десеть сажний, зоставивши вгрунъту подле стены одъ Кримна, ведле двора пана Коштушковича вгрунъту на выгонъ и на дорогу до Ковля, презъ болото, сажонъ осмь, а въ затылку дворовъ тыхъ же на выгонъ и на дорогу на Затѣсе и до Клевенка полъ шнура вгрунту, который застѣнокъ вдается на часть Ивановскую и

розмероный есть на чтыри части: первая часть пану Семену Бостюшковичу Хоболтовскому шнуровъ полтора и сажний три вширь; другая часть князю Адаму Григоровичу Ружиньскому также шнуровъ полтора и сажний три; третья часть пану Набялкову шнуровъ полтора и сажний два; четвертая часть пану Лыховскому одъ князевъ Яна и Ивана Ружиньскихъ шнуривъ полтора и сажний два. А ижъ на часть Василевскую и Федоровскую не было кгрунту въ селѣ на ихъ дворы дати, теды въ поли кгрунту писковатого далоси ямъ тзвъ веле яко тотъ застѣножь въ себе маеть, т. е. на часть Василевскую далоси кгрунту на двоохъ мѣстцахъ—одна штука надъ болотомъ у Надея, а другая надъ болотомъ ку Зелонце, що также вынесю шнуровъ семь вдовжь, а вширь шесть и сажний десять; поля и болота тзвъ же на часть Федоровскую одмѣрилося штуку поля писковатого ку Зелонце, за поповымъ полемъ, вдовжь шнуровъ семь, а вширь шнуровъ шесть; пляцы и огороды подданныхъ садибные, оденъ подле другого: перший пляць съ хатою и огородъ тамъ же Грицу Литвину, подданому пана Набялковому, до полланка его; другой пляць Мавару и Охриму, на воторомъ хать две и при нихъ огородъ до полтора полланковъ ихъ подданнымъ князя Адама Ружиньского; третий пляць за дорогою одъ поля зъ хатою и зъ огородомъ до проловици полланка—подданому пана Набялковому, Климю Ланчичу; четвертый и пятый подле того Ланчича Хаць и Сенко Ванковичи—два подданныхъ пана Набяловыхъ, на пляцахъ,—хать две и огородовъ два до полланковъ двоихъ мають; шестый за тыми—Иванъ Мартиновичъ, подданный пана Набяловъ, пляць съ хатою и польогорода передъ хатою, а польогорода дано му за целомъ въ рова, шо до его полланку належить; семый подля него пуста хата съ пляцомъ Сорововскимъ пана Набялова, огородъ придано на селѣ подъ старымъ дворомъ пана Набяловымъ; осмый и девятый противко тое хаты Сорововское подданныхъ два пана Коштюшковича Хоболтовского: Иванъ Потещукъ и Гриць Приходись, — хаты свое и огородъ тамъ же мають до двоохъ полланковъ; десятый на-противко, презъ дорогу, подданаа пана Лыховскаго, Стецковая, Андрейчичъ пляць съ хатуною на своемъ полланку маеть, а огородъ ей дано подъ болотомъ у Надея до него; одинадцатый

Савчинская хата пуста князя Ивана Степановича, которая пану Набялкову належить, на полланку своемъ пляць маеть, а огородъ у Наддея надъ болотомъ и предъ Литвинемъ Грицемъ; дванадцатый — Гриць Оедичъ, подданный пана Набялковъ, одъ князя Григория Ружинскаго, на полланку своемъ хату маеть, а огородъ дано му за селомъ у рова до полланка; тринадцатый — Рухтичъ, подданный пана Набялковъ, одъ князя Александра, на полланку хату маеть, а огородъ за селомъ, у рова, до полланка; четырнадцатый, — Турчиновская хата, подданого панее Болобановой — пляць зъ огородомъ до полланка маеть на двохъ мѣстахъ, що здавна тримаеть при хатуни и презъ дорогу, на противко на другомъ мѣстцу; пятнадцатый — панъ Стакурский, на полланку своемъ домъ маеть, а огородъ у рова, за селомъ; шестнадцатый — пустый польланокъ, князя Аврама, пану Набялкову, съ хатою а огородъ до него въ двухъ месцахъ; часть подле Миска Редичъ — третина огорода, а остатокъ передъ дворомъ старымъ дадено пану Набялкову край гуцака, прогивъ Гирби; семнадцатый и осмынадцатый Бортниъ и Шишло, подданные пана Лыховского, хаты свое мають на полланку, а огородъ имъ дано до двухъ пулланковъ ихъ надъ болотомъ у Наддея; девятнадцатый, назадъ цофповъшисе за дорогу, на другую сторону — Миско Редичъ, подданный пана Лыховского, хату маеть при огороде до половици пулланка своего а за нимъ подданный пана Костюшковичовъ, Ракъ, который зъ ними половицу другую пулланка держитъ, тамже маеть польгорода и хату до половици пулланка своего; двадцатый Гурко, подданный князи Грегора Ружиньского, пану Ставорскому служить, огородъ съ хатуною маеть до пулланка своего, двадцать первый — Иваиъ, возного зитъ, подданный пана Набялковъ, хату и огородъ маеть до пулланка своего; двадцать второй — Курило Скринька, подданный пана Набялковъ, хату и огородъ посполу маеть до пулланка; двадцать третий — Якимъ Васковичъ, подданный пана Набялковъ, хату зъ огородомъ посполу маеть до пулланка; двадцать четвертый — Скорутко, подданный князя Ивана Стефановича, огородъ и хата посполу до пулланка; двадцать пятый — Плевака, подданный пана Костюшковича Хоболтовского, хата и огородъ тамже до пулланка; двадцать шостый — Лашька, подданный пана Набялковъ, и Иванъ Гурковъ, под-

данный панее Болобановое, хать дее и огородъ до пультанка мають съ полемъ; двадцать семь—Мартинъ Щечкемъ, подданный пану Набялкову, хата и огородъ до пультанька; двадцать осмый—Тубай, подданный пана Набялковъ, хату и огородъ до пультанка маеть; двадцать девятый—Момотовичъ, подданный пана Набялковъ, хату и огородъ до пультанка; тридцатый и тридцать первый—дворокъ старый пана Набялковъ, огородъ до двоухъ пультанковъ и до пустого Сороковского, яко се помещило первой; тридцать второй—Миско Шевченя зъ Остапомъ, подданный пана Набялковъ, хаты и огороды тамъ же до пультанка; тридцать третий—Омелянъ Гирка, подданный пана Набялковъ, огорода половицу съ хатою маеть, а другую половицу подъ Илькомъ, подданнымъ другимъ пана Набяковымъ, до пультанка; тридцать четвертый—Бойтъко, подданный пана Костюшковичовъ, огородъ и хата до пультанка; тридцать пятый—Тимошъ, подданный пана Лыховского, огородъ съ хатою до пультанка; тридцать шостый—Гапоновская хата и огородъ до пультанка князя Ивана Стефановича, пану Набялкову служитъ; поповипри церевя—пультанковъ два и огородъ съ халуною и за церквою огородъ въ концу его пультанковъ; тридцать семь,—Глушко, подданный пана Набялковъ, хату и огородъ, тамъ же до пультанка его; тридцать осмый—Богданъ, подданный пана Костюшковичовъ, огородъ и хату до пультанка; тридцать девятый—Зепко Литвинъ, подданный пана Набялковъ, огородъ и хату до пультанку; чотырдесятый—Поридубецъ, подданный пана Набялковъ, огородъ и хату до пультанку; сорокъ первый—Бакунъ, подданный пана Набялковъ, огородъ и хата до пультанка его; сорокъ второй—Евляхъ, подданный пана Набялковъ, огородъ и хата до пультанька; сорокъ третий—Бондаръ, подданный пана Набялковъ, огородъ и хата до пультанька при хати и за дорогою; сорокъ четвертый—Миско Лушкевичъ, подданный пана Набялковъ, огородъ и хата до пультанька тако же за хатою и передъ хатою; сорокъ пятый—Хома, подданный пана Набялковъ, такъ же огородъ и хату до пультаньку маеть; сорокъ шостый—Турибарка, подданный пана Костюшковичовъ, также огородъ и хата до пультанька; сорокъ семь—Тишко Черномысь, подданный пана Набялковъ, такъ же огородъ зъ Явимомъ до пультанка; сорокъ осмый—Кухта, подданный

пана Набялковъ, огородъ, также и хата до пультанька; сорокъ девятый—Вакула, подданный пана Костюшковичовъ, огородъ, также и хата, до пультанька, ровпо зъ межою своею подле колодки, одъ стѣны головной до стѣны одъ двора Пурдыповского; пятьдесятый—Колодзо, подданный князя Адама, хата и огородъ до своего пультанка и на своемъ тылко пультаньку ма: одъ стины съ поля до стины, одъ пастувника внязовъ Михайловичовъ, яко въ себе есть пультанекъ его; пятьдесятъ первый—Климъ Лагодичъ, также огородъ и хата до пультанка, одъ стины до стины, подданный князя Адама Ружинского, яко въ себе пультанекъ его, также и огородъ вширки; пятьдесятъ второй—Васко Лагодичъ, подданный князя Адама Ружинского, также огородъ и хату передъ своимъ пультанкомъ, одъ стины до стины; пятьдесятъ третий и пятьдесятъ четвертый—на концу села межи дорогою и стиною, одъ обшару князовъ Михайловичовъ, Александра и Грегора, пляцъ пустый до двоухъ пультаньковъ—князу Абрамовичу Ружиньскому, а огородъ до тыхъ же двоухъ пультаньковъ его за ровомъ, тамъ же подле стины бочней, противъ его двоухъ пультаньковъ. А сума хать и пляцовъ зъ огородами на подданные всехъ пановъ лчба пятьдесятъ и чтири, т. е. на часть князя Яна и Ивана Михайловичовъ Ружиньскихъ досталось пану Лыховскому огородовъ пультета зъ хатами, до пультету пультанковъ; подданнымъ на часть князя Адама Григоревича Ружиньского также до пультету пультанковъ, огородовъ зъ хатами пультята; на часть пану Семену Костюшковичу Хоболтовскому огородовъ пультосма и съ хатами подданнымъ изъ частью частва Васелевской части—до пультосу пультаньвовъ ихъ; пану Набялкови, части Василевское и части Ивановское, огородовъ съ хатами деветнадцать и пультгорода, а на часть Федоровскую пану Набялкови съ панею Болобановою и съ паномъ Ставурскимъ—огородовъ и хать осмнадцать; который Федоръ мять трехъ сыновъ: Абрама, Стефана и Александра. Сѣножати за огородами подданныхъ на полавехъ роздано на вождый пультанокъ по осми сажонъ вширь концами ку залѣсю, за ровы, якъ знаки положоны у криницъ, почавши одъ сажавки князя Александра на початку помѣру розмѣроно въ рову тисеча шесть сотъ третего, мѣсеца июля осмого дня. Перший резыкъ—князу Абрамовичу; другой резыкъ—тому жъ; тре-

тий—Кухти; четвертый—Глушкови зъ Богданомъ; пятый—Бортникови зъ Шиломъ; шостый—Гуркови; седьмой—Климу Лагодичу; осмый—Васкови Лагодичу; девятый—Колодки вѣ Северугахъ; десятый—Вакули вѣ Северугахъ; одиннадцатый—Тишкови съ Кухтою вѣ Северугахъ; дванадцатый—Турбарче вѣ Северугахъ; тринадцатый—Хомъ Папче; четырнадцатый—Мискови Лушчсвичови; пятнадцатый—Бондарови; шестнадцатый—Евлахови; семнадцатый—Бакунови; оснадцатый—Боридубчеви; девятнадцатый—Зѣнкови и Литвину; двадцатый Богданови съ Ключемъ; двадцать первый—попови, резыкъ; двадцать второй—попови, резыкъ; двадцать третий—Гапоновскому; двадцать четвертый—Тимошу Комличу; двадцать пятый—Боткови; двадцать шестый—Савченяти зъ Остапомъ; двадцать седьмой—Пубасови; двадцать осмый—пустому и пана Набялковому; двадцать девятый—пустому пана Набялковому; тридцатый—Стецкови зъ Мартиномъ; тридцать первый—Момотовичу; тридцать второй—Омельяну зъ Лапкою, тридцать третий—Бортникови зъ Шишлемъ; тридцать четвертый—Плеваче; тридцать пятый—Скрзыпче, зъ вознымъ; тридцать шостый—князю Абрамови; тридцать седьмой—пану Стакурскому; тридцать осмый—Турчиновскому; тридцать девятый—Грицу Рухтицу; сорокый—Грицу Оедичу; сорокый первый Савчинскому; сорокый второй—Стецковой Андрейчичъ; сорокый третий—Сороковскому; сорокый четвертый—Иванови Мартиновичу; сорокый пятый—Своруткови; сорокый шостый—Сенкови Васковичу; сорокый седьмой—Хацу Васковичу; сорокый осмый—Скрзыпце, съ возного зятемъ; сорокый девятый—Охриму зъ Лапкою; пятьдесятый—Грицу Приходичу; пятьдесятый первый—Мискови Ретичу; пятьдесятый другой—Явмицови; пятьдесятый третий—Омельянови Гирце; пятьдесятый четвертый—Макару Ревону; пятьдесятый пятый—Ивану Полещуку; пятьдесятый шостый—Грицови Литвинови; остатокъ тыхъ синожатей вѣ вуте за Гурвемъ дало ся тымъ подданнымъ, що огородовъ не мають своихъ, надъ синожатми, а сидятъ на своихъ поланкахъ, и що садыбами заняли—при тымъ заховани быти мають; а меновите тымъ подданнымъ: Климу Лапичу, Ивану Мартиновичу, Сороковскому, Стецкови Савчинскому, Грицу Оедичу, Рухтичу,—до одного поланка; пану Стакурскому, князю Абрамовичу, Бортникови зъ Шишлемъ, Полещуку

Иванови, Грицу Приходичу, Гяду и Сенку Васковичамъ и Мискови Ретчичу,—на сполную папу, альбо, если схочуть, то косять посполу, а внишому никому не волю, подъ зарукою троухъ рублей грошей Литовскихъ. Пулянки садибные въ Ружини передъ селомъ, за стиною головою, на первую руку, року тисеча шестьсотъ четвертого вымѣряные и розданные подданымъ, по шестнадцать сажень вширь, которые отъ стины головное починаются, а впадаютъ концами въ стависко ку Тириску: перний полланокъ одъ Крымна подле стины, до него наддатовъ, же не такъ довгий, якъ внише, тамъ же, зъ другой стороны той жъ стины, подъ ставомъ у Тириску, и другой, на подлости кгрунту псковатого, на забродю въ застѣнку,—Грину Литвину; другой польланокъ—Ивану Полищичу, подданому пана Костюшковича Хоболтовского, наддатовъ также за стиною подъ ставомъ, и другой на забродю, на подлость кгрунту и короткость польланка; третий польланокъ—Макару Ревону, подданому князя Адама Грегоровича, наддатовъ ему также за стиною надъ ставомъ, и другой на забродю, также на подлость кгрунту; четвертый—подданому Омеляну Гирце, наддатовъ тамже на подставю, и другой на забродю, также на подлость кгрунту и короткость; пятый Якимовичови подданому,—наддатовъ тамже на подставю одинъ, а другой на забродю; шостый—Миско Ретчичъ, подданный пана Лыховского, и подданому пана Коштюшковича Хоболтовскаго, Ракови, обомъ польланокъ и наддатовъ тамъ же—одинъ на подставю и на забродю другой; семый—Грицу Приходичу пана Коштюшковича Хоболтовского, польланокъ и наддатовъ одинъ на подставю, а другой на забродю, тамъ же, до того польланка коротши, а потомъ довше идутъ, короткимъ меншиє наддатки далися; осмый — Охримъ зъ Лапкою, польланокъ обомъ, наддатовъ короткий подле стины одъ Крымна, а другой на забродю, въ кутѣ, нивокъ двѣ,—обѣма на подлость кгрунту и короткость—польланка; девятый—Шкрипка—зъ возного зятемъ, польланокъ короткий тамъ же за стиною отъ Крымна, у поповой стѣнки, и другой на забродю; десятый—Хаць Васковичъ, польланокъ, а до него наддатовъ короткий, двѣ нивци подле лана одъ Крымна, а другой на забродю; одиннадцатый—Сенко Васковичъ, польланокъ, а до него наддатовъ, ко-

ротый, подле лана, а другой на забродю, зъ долинами, въ двухъ мѣстцахъ; дванадцатый—Скорутко, польланокъ, а до него наддатокъ, который подле лана, одинъ, а другой на забродю, але барзо подый;—съ тюль полѣпше польланки: тринадцатый—Иванъ Мартиновичъ, польланокъ и наддатокъ одинъ на забродю, на который придалося другого половицу подъ Ключковичи; четырнадцатый—Сорововское,—пусто, наддатокъ на забродю; пятнадцатый—Стецькова Андрийчикъ, пану Лыховскому, польланокъ и наддатокъ одинъ, тамъ же, на забродю; шестнадцатый—Савчинский, польланокъ и наддатокъ одинъ на забродю; семнадцатый Гриць Оегичъ, польланокъ и наддатокъ еденъ на забродю; осмнадцатый—Гриць Рухтичъ, польланокъ тамъ же и наддатокъ на забродю; подле того жъ деветнадцатый—Турчиновскій,—польланокъ и наддатокъ тамъ же на забродю; двадцатый—пану Стакурскому, польланокъ, и наддатокъ тамъ же, на забродю; двадцать первый—князю Абрамови, польланокъ пустый, и до него наддатокъ тамъ же на забродю; двадцать второй—Шкрипка зъ вознымъ, польланокъ, а наддатокъ тамъ же на забродю; двадцать третій—Шлевака, пана Коштюшквичовъ, польланокъ, а наддатокъ тамъ же, въ забродю; двадцать четвертый—Бортникъ зъ Шишлемъ, польланокъ, а наддатокъ въ забродю; двадцать пятый—Омелянъ зъ Лапкою, польланекъ, а наддатокъ тамъ же; двадцать шостый—Момотовичъ, польланокъ лепший, а польнадатку до него въ забродю; двадцать семь—Ческо зъ Мартиномъ, польланокъ одинъ—обома, а польнадатку въ забродю; двадцать осмый—пустый польланокъ, пану Набялкови; двадцать девятый—пустый польланокъ тому жъ, а одинъ наддатокъ до двухъ польланковъ; тридцатый—Тубай, польланокъ, и польнадатку въ забродю; тридцать первый—Савчена зъ Остапомъ, польланокъ, и польнадатку въ забродю; тридцать второй—Вуйтко, польланокъ и польнадатку въ забродю; тридцать третій—Тимошъ Кончичъ, польланокъ и польнадатка въ забродю; тридцать четвертый—Гапоновский, польланокъ добрый, не треба наддату; тридцать пятый, тридцать шостый—поповъ ланъ добрый, не треба наддату; тридцать семь—Богданъ зъ Глушкомъ, добрый польланокъ, не треба наддату; тридцать осмый—Зънъко Литванъ, добрый, не треба наддату; тридцать девятый—Поридубецъ,

добрый, не треба наддату; чотырдесятый — Бакунъ, добрый польлянокъ, безъ наддату; сорокъ первый—Евлахъ, подлѣйший польлянокъ, и коротший наддатокъ, на забродю, зъ Ничипоку; сорокъ второй—Бондарь, польлянокъ, польнаддату до него въ забродю; сорокъ третій—Миско Лушчевичъ, польлянокъ, а польнаддату до него въ забродю. Потымъ всазь (sic) коротшие польлянки, которые на северугахъ впали въ болото, на которое болото наддате дано на забродю и должшие польлянки*) сорокъ четвертый—Хома Паска, польлянокъ, и наддатокъ цилый надъ татарскою стругою; сорокъ пятый—Турибарка, польлянокъ, и наддатокъ надъ татарскою стругою; сорокъ шостый—Тишко съ Кухтою, польлянокъ, и наддатокъ тамъ же; сорокъ семый—Вавула, польлянокъ, и наддатокъ тамъ же; сорокъ осмый—Колодко, польлянокъ, и наддатокъ тамъ же; сорокъ девятый—Васко Лагодичъ, а наддатокъ тамъ же; пяддесятый—Климъ Лагодичъ, а наддатокъ тамъ же; пяддесять первый—Гурьо, польлянокъ, и наддатокъ тамъ же, у струги татарское; а потомъ польлянки добрые, безъ наддатовъ: пяддесять второй—Бортникъ зъ Шишлемъ, польлянокъ, безъ наддату; пяддесять третій—Глушко зъ Богданомъ, польлянокъ, безъ наддату; пяддесять четвертый—Кухта, польлянокъ, безъ наддату; пяддесять пятый—князю Абрамовичу, пустый поллянокъ, безъ наддату; пяддесять шостый—князю Абрамовичу, пустый польлянокъ, безъ наддату. Обшаръ дворный на тую жъ шершую руку предъ селомъ одъ дороти зъ села, ажъ до стины за дорогу розобраны въ рову тисеча шестьсотъ пятого**), на весну, на три части, который маеть въ себѣ шнуровъ надовъжъ тридцать и пять, а вширь—шнуровъ пяднацать; первая часть—Федоровская, одъ села подле стины бочней, сѣльской, пану Набялкови съ панекю Болобановою, другая часть Ивавовская, розмѣренья на чотыри роздѣлки, ведлугъ ихъ права: першый роздѣлокъ—пану Коштюшковичу Хоболтовскому, подле обшару Федоровское части; другый роздѣлокъ—пану Набялкови, подле пана Коштюшковица; третій роздѣлокъ подле того жъ—князю Адаму Грегоровичу, до которого, для долинь, наддатокъ одинъ подъ Клячковичами, подле за-

*) Въ подлинникъ пропускъ.

**) Тоже.

пусту, дано на шестнадцать сажонъ въширь; четвертый роздѣлокъ — пану Лыховскому на часть князя Яна и Ивана Михайловичовъ, одъ межи Василевской, до которого наддатовъ дано подъ Клячквичами одинъ, на шестнадцать сажонъ въширь; третья часть Василевская, одъ стины, которая идетъ въ головахъ польланковъ тыхъ, що ву Туровицкой граници концами притивають, тая часть отдана пану Набяльови, которая шостая часть приходитъ пану Семену Коштюшковичу и отдѣлена есть подле роздѣлку пана Лыховского, а пять частей пану Набяльови на концу, подле стины, на другую руку поля одъ Клячквичъ и Туровичъ, напередъ—запустъ подъ Клячквичами, межи стинами, которого есть въширь шнуровъ девятнадцать и полъ шнура, на три части роздѣлены и съ краевъ межи означоны, на першую часть одъ Клячквичъ шнуровъ шесть и полъ шнура—Ивановскую, другое часть, въ посродку шнуровъ шесть и полъ шнура—Василевская, третья часть шнуровъ полъсема—Федоровская, которой запустъ каждому маеть быти въ цѣлости захопанъ, абы ни хто рубати не важился, подъ зарукою стома вопъ грошей Лиговскихъ на сторону уеривжоную и на врьдъ Володимерскый, до которого позванъ будетъ шкодца; а коли хто кого, рубаячи въ своемъ запусти, албо на своемъ польланку, застане, волно ему поимати и на врьдъ кгородскый Володимерскый отдати, на упадъ въ рени, зъ волми албо зъ конми,—щимъ его застануть на своемъ кгрунту, рубаячого дерево, албо хворость: нехай кождый свое уживаетъ, а чужому даеть покой. Польланки подданымъ на другую руку одъ Туровицкое граници, а наддатки за запустомъ, въ Забродю, и одъ струги Татарское и одъ Клячквичъ: перший польланокъ, одъ запусту дворного—Грицу Литвину, и наддатовъ на забродю, а другого одъ Клячквичъ, на подлость кгрунту, дано полъ наддату; другой—Ивану Полещузу польланокъ, а наддатовъ ва Забродю, и на подлость кгрунту, другого одъ Клячквичъ—полъ наддату; третий польланокъ—Макаръ Ревонъ, а наддатовъ на забродю, и, на подлость кгрунту, другой одъ Клячквичъ—полъ наддату; четвертый —пану Набяльови польланокъ пустый, до него наддатовъ на Забродю, и другого, на подлость кгрунту, одъ Клячквичъ половина; пятый польланокъ—Якимцови, и до него наддатовъ подле того жъ

суда, и другого, подъ Клячковичами, на подлость вгрунту, — половца; шостый польланокъ — Мисови Ретчичъ изъ Ракомъ, и наддатовъ тамъ же на забродю, и другого, на подлость вгрунту, одъ Клячковичъ — полова; семый польланокъ — Грицу Приходичу, а наддатовъ тамъ же на забродю, и другого, на подлость вгрунту, одъ Клячковичъ — полова; осмый — Охримъ и Климъ Лапчичи, польланокъ, наддатовъ на Забродю, и польнаддату одъ Клячковичъ; девятый польланокъ — Бурило Скрыпка, зъ возного зятель, а наддатовъ на забродю одинъ: десятый — Яцио Васковичъ, польланокъ одинъ, наддатовъ на Забродю, а потомъ наддатыки подлые ву струзе Татарское; одиннадцатый — Сенво Ванковичъ, польланокъ, наддатовъ отъ струги Татарское. змый, которому придано одъ Клячковичъ польнаддату; дванадцатый — Скорутю, польланокъ, наддатовъ подлый, до которого польнаддату придано отъ Клячковичъ; третейнадцать — Иванъ Мартиновичъ, польланокъ, которому наддатовъ подлый барзо, тамъ же, а польнаддату придано одъ Клячковичъ; четвейнадцать — Скроковский, пустый польланокъ, наддатовъ тамъ же, въ струги татарское, подлый, до него придано польнаддату одъ Клячковичъ; пятыйнадцеть польланокъ — Стецкова Андрейчикъ, наддатовъ подлый у струги, а придано польнаддату тамъ же, одъ Клячковичъ; шостыйнадцеть — Савчинский, польланокъ, а наддатовъ тамъ же, у струги, а польнаддату одъ Клячковичъ; семыйнадцать — Гриць Оедъчичъ, польланокъ, которому барзо подлый наддатовъ трафилъ се, теда ему польнаддату лѣпшую одъ Клячковичъ; осмыйнадцеть — Гриць Рухътичъ, полланокъ и польнаддату одъ Клячковичъ; девятыйнадцеть — Турчиновский, польланокъ, наддатовъ одъ струги Татарское и Клиначевичъ, подъ Клячковичами; двадцатый — польланокъ пану Стакорскому, наддатовъ одъ струги татарское; двадцать первый — польланокъ князю Абрамовичу, наддатовъ подлый одъ струги, а польнаддату одъ Клячковичъ — клина половица; двадцеть вторый полланокъ — возного зятель, а наддатовъ одинъ одъ струги, одътоль скорупеть горою почела се на польланкахъ; двадцать третей полланокъ — Плеваче, до него наддатовъ одъ струги татарское, а на подлость польланка польнаддату одъ Клячковичъ; двадцать четвейтый — Бортникъ зъ Шишлемъ,

польлянокъ, надъдатокъ тамъ же, одъ струги татарское, границы Туриское, а на свуронети польнаддатеу одъ Ключковичъ; двадцать пятый — Лапка зъ Омеляпомъ, польлянокъ, надъдатокъ тамъ же, одъ струги, и поль надъдатеу одъ Ключковичъ; двадцать шостый — Цецко зъ Мартиномъ, польлянокъ, надъдатокъ тамъ же, одъ струги, и польнадъдатеу одъ Ключковичъ; двадцать седьмой — Миско Момотовичъ, польлянокъ, надъдатокъ тамъ же, одъ струги, и польнадъдатеу одъ Ключковичъ; двадцать осмый польлянокъ, пустый, пана Набялковъ, надъдатокъ одъ струги, ипольнадъдатеу одъ Ключковичъ; двадцетъ девятый поллянокъ, пустый, пана Набялковъ, надъдатеу у струги, и польнадъдатеу одъ Ключковичъ; тридцатый — Остаъ зъ Мискомъ, польлянокъ, надъдатокъ тамъ же, одъ Струги, надъдатокъ подъ Ключковичи, подлейший; тридцетъ первый — Тубай, польлянокъ, а надъдатокъ одъ дороги Туровицкое, и польнадъдатеу одъ Ключковичъ, подле Плеваки, — дотоль скорупетъ зостааетъ на польлянкахъ, — одно троха коротшие польлянки; тридцать вторый — Бутко, польлянки, надъдатокъ тамъ же, и подъ Ключковичами надъдатеу третина; тридцать третий польлянокъ — Тимошъ Колчичъ, а надъдатокъ тамъ же, и подъ Ключковичи третина наддатеу; тридцать четвертый поллянокъ — Гапоновский, а надъдатокъ тамъ же, и подъ Ключковичами надъдатеу третина; попови резовъ два и надъдатокъ въ бутъ надъ ставискемъ, въ вилахъ нивка ку Туриску, тутъ граница Туровицкая вперла; польлянки, которимъ коротко надъдатеу дано, при границы Туровицкое, одъ Сычина: тридцать пятый — Богданъ, польлянокъ, а надъдатокъ въ гостынцу Турискомъ, одъ струги, и въ Сычиню, кавелецъ писку; тридцать шостый — Зънъко Латвинъ, польлянокъ, надъдатокъ одъ струги, въ гостынца Туриского, и на Сычиню, троха писку; тридцетъ седьмой — Пориудебецъ, польлянокъ, надъдатокъ тамъ же, въ гостынца Туриского, и въ Сычиню, троха писку; тридцать осмый — Бакунъ, польлянокъ, надъдатокъ тамъ же, въ гостынца Турийского, и въ Сычиню, троха писку; тридцать девятый — Евлахъ, польлянокъ, надъдатокъ тамъ же, и въ Сычиню, троха писку; чотырдесятый — Богданъ, польлянокъ, надъдатокъ тамъ же, и въ Сычиню, троха писку; сорокъ первый — Миско Лучичевичъ, польлянокъ, надъдатокъ тамъ же; сорокъ вторый — Абрамовский —

пустый польлянокъ, надъдатокъ до него у дороги Туровицкое; сорокъ третій—Абрамовскій польлянокъ, надъдатокъ у Туровицкое дороги; сорокъ четвертій—Хома, польлянокъ, а надъдатокъ тамъ же, у гостинца Турийского; сорокъ пятый—Турибарка, польлянокъ, а наддатокъ тамъ же, у гостинца Турийского; сорокъ шостый—Тишко Черномысь, польлянокъ, а наддатокъ тамъ же; сорокъ семый—Ваула, польлянокъ, а наддатокъ тамъ же; сорокъ осмый—Колодко, польлянокъ, а наддатокъ тамъ же; сорокъ девятый—Васко Лакодичъ, польлянокъ, а надъдатокъ тамъ же; пятьдесятый—Климъ Лакодичъ, польлянокъ, а надъдатокъ тамъ же, въ гостинца Турийского; петдесять первый—Гурко, польлянокъ, а надъдатокъ у Туровицкой дороги, подъ Сыченемъ; петдесять вторый—Глушко, польлянокъ, а надъдатокъ у Туровицкой дороги, подъ Сычинемъ; петдесять третій, —Бортникъ зъ Шишломъ, польлянокъ, а надъдатокъ у Туровицкой дороги; петдесять четвертій—Кухта, польлянокъ, а надъдатокъ у Туровицкой дороги; а тутъ стена подле обшаровъ дворныхъ, въ Сычине, ажъ до границы Турийской: сеножати, на болоти за Сычинемъ, розмеронные подданымъ, до польлянокъ петдесять и чотырохъ, почавши отъ границы Туровицкой: перший ризовъ—Хоме,—противъ полю; другий—Турибарка, противъ его полю; третій—Тишкови Жорномышови, четвертій—Ваула, пятый—Колодкови, шостый—Васкови Лиховичу; семый—Климу Ляколичу; осмый—Гуркови; девятый—Глушкови; десятый—Бортникови зъ Шишломъ; одинадцатый—Кухте,—потуль противъ ихъ полю; а потомъ починають се зъ сажонъ: вторыйнадцать—Абрамовскій, третійнадцеть—Абрамовскій, четвєртыйнадцать—Мискови Лущевичовы, пятыйнадцать—Бондарови, шостыйнадцать—Евлахови, семыйнадцеть—Бакунови, осмыйнадцеть—Поридубьцови, девятыйнадцеть—Литвинови, двадцатый—Богданови, двадцать первый—Гапоновке, двадцать вторый—Тимошови Косчичови, двадцать третій—Бутькови, двадцать четвертій—Тубайцови, двадцать пятый—Остапови, двадцать шостый—пустое, пана Набялково, двадцать семый—пустое, пана Набялково, двадцать осмый—Момотовичови, двадцать девятый—Чечькови, тридцатый—Лапка зъ Омеляномъ, тридцать первый—Бортникъ зъ Шишломъ, тридцать вторый—Плеваце, тридцать третій—Скврзипка, зъ

возного зятеть, тридцать четвертый—князю Абрамовичу, тридцать пятый—пану Ставорскому, тридцать шостый—Турчиновские, тридцать семей—Рухтовичови, тридцать осмый—Грицеви Федичови, тридцать девятый—Савчинское, чотырдесятый—Стецковая Аньдreichъ, сорокъ первый—Сороковской, сорокъ вторый—Мартиновичови, сорокъ третий—Скоруткови, сорокъ четвертый—Сенку Васковичови, сорокъ пятый—Гацу Ванковичови, сорокъ шостый—Скрипка, зъ возного зятеть, сорокъ семей—Охрѣмъ зъ Лапкою, сорокъ осмый—Приходичови, сорокъ девятый—Редичу зъ Ракомъ, петдесятый—Явменетю, петдесять первый—Шивовичъ Гарка, петдесять вторый—Макаръ, петдесять третий—Ивану Полеццу, петдесять четвертый—Грицу Литвину. Обшары дворяне отъ дороги Милянское, которые тянуть се презъ Сычинъ до сеножателей хлопскихъ, до болота, на тую жъ руку; перший дѣль—Кираю, отъ польманковъ, которые концами до границы Туровицкое вдирають, которые на три части разделенные есть, которого вширь шнуровъ деветь межи стинами; на передъ: на часть Федоровскую шнуровъ три оддано; подле стины, на часть другую, то есть Ивановскую, три оддано, которая часть чотыри разделки маеть въ себе, яко въ ипшихъ: перший разделокъ князю Адамови, подле части Федоровское, другой—пану Лиховскому, третий—пану Костюшковичу а четвертый—пану Набялкови; подле части Василевское, на часть третью Василевскую, шнуровъ три оддано, которую пять частей—пану Набялкови, а шостую частку—пану Семену Костюшковичу, полшнура, подле Ивановское части, отделено; тамъ же другой дѣль, стинами обложонный, на болоню, которого есть шнуровъ осмъ, вширь концами до сеножателей хлопскихъ за Сычинъ, по болото, разделенный на три части, которое достало на кожъдую часть по два шнуры и сажней двадцать, который дѣль озиминою засѣяно въ року тисеча шестсотъ пятомъ, то есть: на часть Федоровскую—шнуровъ два и сажонъ двадцать; подле стини съ краю, на часть Василевскую—шнуровъ два и сажонъ двадцать; подле тоещъ, на часть Ивановскую—также шнуровъ два и сажонъ двадцать, которая часть чотыри разделки маеть въ себе по двадцети сажней: перший разделокъ—пану Набялкови, одъ его обшару сажинъ двадцать, где шостую частку Василевское части одъ

пана Набѣлка пану Костюшковичу Хоболтовскому одѣдано, што ему належитъ, сажный тринадцать и лоботь одинъ; пану Костюшковичу Хоболтовскому сажонъ двадцать; подле того внязю Адаму сажонъ двадцать; подле того пану Лыховскому сажонъ двадцать, отъ стены, съ краю. Третий дѣлъ тамъже, подле стены, на заѣсю, где дворъ князевъ Бурдиновичовъ—Грегора и Александра и пана Набѣлковъ, который дѣлъ на три части сами панове розделили тымъ способомъ: на передъ—на часть Федоровскую, где два князевъ Бурдиновичовъ—Александра и Грегора, подле стены подлужнее, отмероно, межи назначоно—вширь шнуровъ деветь лѣпшого поля, а вдовжь, отъ стены сельское, шнуровъ дванацать до болота великого, которое болото идетъ до границы Клевецкое, которого вдольжъ не мѣроно, бо тежъ певное границы нимажъ, а вширь также деветь шнуровъ, яко поле одмероно; а на село, въ концу того дѣлу, сѣножати подѣданнымъ отдано, на часть Ивановскую, того дѣлу, подле тое части, которая на продку островомъ и сеножати трафилася, а поля меньшей въ ней одмерилосе: мѣсто девети шнуровъ вширь—шнуровъ двенадцеть, а вдовжь шнуровъ пультринаста отъ болота великого до старой речки и до знаковъ положенныхъ; а болото великое до того жъ належитъ яко его стави есть до границы Клевецкое, а для того ширей трима шнурами тая часть пустиласе, же короткое, полемъ есть, и не доходить до стины, яко часть князевъ Бурдиновичовъ и пана Набѣлка; вшакъ же кгрунту тамъ много, и болшей вайдуетъ се въ ней, же врывды въ томъ ни маешъ, а для того до стены сельское не доходить, ижъ сеножати, подданнымъ розданы, зашли, которыхъ не годитсе имъ брать, бо безъ нихъ трудно се мають обйти, которые се имъ роздали, яко ниже написалосе, на все село. Которую часть Ивановскую розделено есть на три розделки: першій розделокъ, подле части Федоровское, вширь шнуровъ три, а вдовжь—отъ болота великого—шнуровъ пультринаста, по речку старую, и по знаки и колы затѣвненые, належитъ пану Лыховскому, отъ князевъ Яна и Ивана Михайловичовъ Ружинскихъ; другой розделокъ, также подле того, вширь шнуровъ три, ровно съ тымъ же, внязю Адаму Григоревичу Ружинскому; третій розделокъ пану Семену Костюшковичу Хоболтовскому ширей двема сажнами,

то есть шнуровъ три и два сажни, же коротши графяются по ставокъ пана Набѣлкѣвъ, и по ставокъ востаетъ, до котораго огорода Юсковскій приданъ, а пану Набѣлкову, на его четвертый розделокъ, дано не поляна три шнуры,—то есть безъ сажокъ двухъ, абы ово ставокъ въ цѣле ему востать а перешводи не мѣлъ въ нештъ, а вдоль, яко ему отмерено, одъ болота до сеножатей подданныхъ, одъ села, пока поле есть, а за полемъ сеножати подданнымъ заплел; а шель есть великая долина на части Федоровской, где вода завше стоять, изводитъ полю и сеноженецомъ, теда ярьезъ часть Ивановскую по-требный ровъ будетъ копать для усунуеня сеножатей и вошь; и коли панъ Набѣлокъ, алыбо иишій учасникъ части Федоровское будетъ хотеть копать ровъ,—нехъ то му волю будетъ, почавши отъ гара-лейшого рову, который идетъ отъ криниць, ажъ до тамъ той глу-бойей долины тымъ ровомъ, и части Ивановское, для сеножатей усунуеня великая помощь будетъ коли ровъ будетъ копанный; на третью часть Василевскую, отмерено шнуровъ десеть вгунту пес-коватого, подлейного, на которомъ обшаре дворъ есть пана Набѣ-локъ; ярьезъ тотъ же обшаръ дорога до Клевещка на гребелку его, вдоль тоешъ обшару, одъ стины до болота, шнуровъ дванадцеть, которое части розделокъ шостаая часть виделена пану Семену Кос-тошкѣвичу Хоболтавскому, на краю, противъ двора его, шнуровъ нуитора; третее поле на Крымне, обшары дворные, паномъ, а на бору польянки и мадытки, а зъ подъ Ловошъ, подданнымъ на тре-тью руку, где на маркину разобрано суть въ року тысяча шест-сотъ четвертьтомъ, месеца юня пятогонадцеть дня, тие обшари дворные подле стѣны, которая делишь одъ Крымна села, которыхъ вдоль есть шнуровъ двадцать и пять, а ширишь шну-ровъ оснадцать, и тымъ способомъ померено и розделено суть и розобране въ року тысяча шестсотъ четвертьтомъ, одъ всихъ учасни-кѣвъ на три части звыклые, то есть: подле поля, которому шнуръ одиць на церковь пясковатого вгунту одмерено отъ ставу; на часть Федоровскую, пану Набѣлкову съ панею Болобановою, пяско-ватого, отъ части иишихъ, подле того вгунту, шнуровъ шесть; подле тое части на другую часть Ивановскую дано шнуровъ шесть, которая часть на чотыри розделки розмерена есть, то есть: вер-

внѣ розделокъ, отъ межи части Федоровское, въязю Адаму Григоревичу—шнуровъ полутора; другой розделокъ пану Димковскому—шнуровъ полутора; третій розделокъ — пану Семену Костюшковичу Хоболтовскому, шнуровъ полутора; четвертый розделокъ—пану Набялькани шнуровъ полутора подле гостинца Ковелевого, на который гостинець вгрунту два сажни одъмерено; третая часть Василевская, вторая впала въ болото въ обохъ канцовъ общару, пану Набялькани отдано, до которое писковатого поля придано шнуровъ два вширь; тамъже общары надъ болотомъ, взглядомъ того же болота, впала тая часть въ обохъ концовъ и место пашу на дворъ, яко се первой поменяло, въ другую штукою вгрунту ку Зелонце, и дванадцать подь Плечковичами, теды части шоста часть одъмерена есть и отдана пану Костюшковичу Хоболтовскому. Подле межи части Ивановъское, за дворомъ пана Костюшковичовымъ, ку Клевемкой границы, коньпами, напроць: одъ общару пана Набялькани одъмерено шнуровъ семь вширь подлого барво болота на часть Василевскую пану Набялькани, по поле надъ Дай (sic), а поле на огородахъ роздано подданымъ, яко о томъ первой писаное—кому е дано при хатахъ ихъ; а потомъ, подле тоежь, на часть Ивановскую отмерено болота лѣшного и жнива поля шнуровъ польсами, которое на четыре части звѣльце розделено; на третью часть Федоровскую остатокъ того болота, барво подлого, дѣлого, далосе по стину волочнюю, и попови дано польшнура болота тогожь до церкви. Ту стиною волочнюю, одъ общаровъ Кримна, въ годовыхъ польланковъ на бору, въ тыде общаровъ дворныхъ, польланки подданымъ отмерено одъ болота Осовецкого на три части до боцной стины, до болота Селецкого, у Зелонки, резовъ петдесать и четыре, и попови въ посродку полтора реза, каждый резъ вширь по чотырнадцать сажонъ, а вдольжь шнуровъ тридцеть; которые польланки починаются одъ тыхъ общаровъ Криминскихъ, а онираются о стину на бору отъ наддатковъ: первый польланокъ на Брищине, одъ болота—Грицу Литвину, до которого тамъ же наддатокъ, на вротность польланка, надъ болотомъ отъ Совцы; другой польланокъ—Ивана Пелешукъ, до которого наддатокъ у гребля ку Тураску, въ иныю, тамъ же надъ ставискомъ; третій польланокъ Маларевую, до

второго наддатоѣ у гребли, посполу зъ нивзою у дороги, поѣ ставомъ ву Туриску; четвертый пользаноѣ—Охримъ зъ Лапчичомъ, наддатоѣ подъ ставомъ; пятый пользаноѣ—Гурѣо, до которого наддатоѣ подъ ставомъ; шостый пользаноѣ—Гацъ Васковичъ, а наддатоѣ тамъ же, подъ ставомъ; семый пользаноѣ—Сенѣо Васковичъ, а наддатоѣ тамъ же, подъ ставомъ; осмый пользаноѣ—Грицъ Приходичъ, а наддатоѣ до него тамъ же, подъ ставомъ; девятый—Иванъ Мартиновичъ, пользаноѣ, а наддатоѣ тамъ же, подъ ставомъ; десятый пользаноѣ—Сороковскый, наддатоѣ тамъ же, подъ ставомъ; одиннадцатый пользаноѣ—Стецѣовъ Андрейчичъ, наддатоѣ тамъ же, подъ ставомъ; дванадцатый—Савчинскый пользаноѣ, наддатоѣ тамъ же зъ долиною, подъ ставомъ; третиннадцеть пользаноѣ—Грицъ Федчичъ, наддатоѣ надъ болотомъ оцъ Осовца,—давна его нивза; четвертиннадцеть—Рухтичъ, пользаноѣ, а наддатоѣ другий на подставку, одъ поповое стѣнки до ставу,—бо барѣо подлмй пользаноѣ его; пятиннадцеть Турчиновскый—пану Ставорскому, пользаноѣ, а наддатоѣ тамъ же, подле Рухътича, на подставку, концомъ до поповее стѣнки; шостиннадцеть пользаноѣ — Мисѣо Редчичъ зъ Равомъ, а наддатоѣ тамъ же, подъ ставомъ, таевй же; семиннадцеть — возного зятеви пользаноѣ, а наддатоѣ тамъ же, одъ поповое стѣны, таевй же; осминнадцеть—Явимъцова пользаноѣ, а пользнаддатеку до него на подставку, короткый; девятиннадцеть—Сворутѣо, пользаноѣ, а пользнаддатеку до него тамъ же, ву стависку; двадцатый—Плевака, пользаноѣ, а наддатоѣ тамъ же целый ему, на подставку; двадцать первый—Бортниѣ зъ Шицлемъ, пользаноѣ, а пользнаддатеку ему тамъ же, на подставку; двадцать вторый—Лапѣа зъ Ивановъ, пользаноѣ, а наддатоѣ ему тамъ же; двадцать третий—Цецѣо зъ Мартиномъ, пользаноѣ, а наддатоѣ ему тамъ же; двадцать четвертый—Тубай, пользаноѣ, а наддатоѣ до него тамъ же, на подставку; двадцать пятый—Момотовичъ Мисѣо, пользаноѣ, наддатоѣ ему тамъ же; двадцать шостый пользаноѣ пустый—пана Набяловъ; двадцать семый пользаноѣ пустый—пана Набяловъ, до нихъ наддатеки два коротѣе тамъ же; двадцать осмый—Мисѣо Шевченя, пользаноѣ, наддатоѣ вороткый тамъ же; двадцать девятый—Омелинъ Гирка, пользаноѣ, наддатоѣ тамъ же короткый;

тридцатый—Бутько, польлянокъ, наддатовъ тамъ же; тридцать пер-
 вый—Тимошъ, польлянокъ тамъ же, наддатовъ на подставо; тридцать
 второй—Гапоновскій, наддатовъ барзо короткій, у поповое стены,
 надъ долиною; попови дано резовъ полтора, а на гостинець полтора
 составено подле попа, же бы не езджено по мужицкихъ пульлян-
 кахъ; тридцать третій—Иванъ Глушко, пульлянокъ, польнадатеву
 подъ Зелонкою; тридцать четвертій—Богданъ, польлянокъ, а вособ-
 на тымъ двѣма далю се нивекъ три за наддатеи до двухъ польлян-
 ковъ на концу межи болота, за Зелонкою; тридцать пятый—Зѣйко
 Литвинъ, польлянокъ, наддатовъ барзо короткій у поповое стины,
 ку Зелонце; тридцать шостый—Омельянь Поридубецъ, польлянокъ,
 наддатовъ тамъ же короткій подле попа, ку Зелонце, надъ долиною;
 тридцать семый—Бакунъ, польлянокъ короткій отъ другихъ, над-
 датовъ у Зелонки, надъ долиною; тридцать осмый—Евлахъ, польля-
 нокъ, надъдатовъ до него тамъ же, у Зелонки; тридцать девятый—
 Бондаръ, польлянокъ, до воторого наддатовъ у Зелонки; четырде-
 сятый—Миско Лущевичъ, польлянокъ, надъдатовъ подъ Ловошемъ,
 нивка съ Хомою пашни въ вугѣ на то, што впадны польлянеи, и
 нивка подъ Зелонкою; сорокъ первый—Хома Пасва, польлянокъ;
 сорокъ второй—Турабурка, польлянокъ, а наддатовъ у Зелонки;
 сорокъ третій—Черномысь, польлянокъ, а надъдатовъ у Зелонки;
 сорокъ четвертій—Кухта, пульлянокъ, а надъдатовъ тамъ же, у
 Зелонки; сорокъ пятый—Вакула, польлянокъ, а надъдатовъ тамъ
 же, у Зелонки; сорокъ шостый—Колодко, польлянокъ, до него над-
 датовъ въ вугѣ, подъ Ловошемъ; сорокъ семый—Васко Лаводичъ,
 польлянокъ, а надъдатовъ тамъ же, у гати, ку Ловошу; сорокъ ос-
 мый—Климъ Лагодичъ, польлянокъ, а надъдатовъ тамъ же, у гати,
 подъ Ловошемъ; сорокъ девятый пульлянокъ пустый—князю Абра-
 мови, а наддатовъ у гати, тамъ же; наддатовъ подле того восталъ
 на мелника, кому се достанеть; петдесятый польлянокъ—шану
 Ставорскому, а наддатовъ у гати; петдесятъ первый—Курило
 Скрипъба, польлянокъ, а наддатовъ у гати; петдесятъ второй
 —Бортникъ зъ Шиплемъ, польлянокъ, а наддатовъ у гати; пет-
 десятъ третій пустый польлянокъ,—князю Абрамови, наддатовъ у
 Зелонки одинъ; петдесятъ четвертій пустый польлянокъ,—тому жъ

князю Абрамови, на который куть поля дано и нивы надъ болотомъ томъ же, и за Зелюнкою мѣсто наддату нивы. Тамъ же за Зелюнкою болото великое одъ границы Селецкое, которого есть шнуровъ вдоль тридцать, на три части размерено, абы, хоть не пожиточное, кождый о своемъ ведалъ: въ дому—Василевская, въ сродку—Федоровская, а отъ ставу—Ивановская часть. Другое болото одъ Осовца за Брицяхю, за польманками мужицкими, змероно, которого шнуровъ двадцать и чотыри, на три части размерено: въ дому—Василевская, въ середини—Федоровская, а одъ села—Ивановская. Наддаты на бору на веѣ польманки мужицкие розданы, вочавши одъ стены первое, въ концу польманковъ, по дванадцети сажонъ где длужей, а где коротшей—по чтырнадцеть сажонъ, одъ болота до болота концами, съ хоросты, сенокатами, поданнымъ належить: першій поддатовъ—Гриць Литвинъ, съ краю, другой—Иванъ Полещуекъ, третій—Макаръ, четвертый—Охривъ зъ Лапчыкомъ, пятый—Гурко, шостый—Гандъ Васковичъ, семый—Семко Васковичъ, осмый—Гриць Приходичъ, девятый—Иванъ Мартиновичъ, десятый польмановъ—Сороковскій, одиннадцатый—Стецкова Андрейчичъ, другийнадцеть—Савчинская, третийнадцеть—Гриць Федчичъ, четвертыйнадцеть—Рухтичъ, пятыйнадцеть—Турчановское, шостыйнадцеть—Миско Редчичъ и Ракъ, семыйнадцеть—возного зять, осмыйнадцеть—Явимецъ, девятыйнадцеть—Сворутко, двадцатый—Плавана, двадцать первый—Бортникъ зъ Шипилемъ, двадцать второй—Лапья зъ Иваномъ, двадцать третій—Цецко зъ Мартиномъ, двадцать четвертый—Тубай, двадцать пятый—Момотовичъ, двадцать шостый—пустый, пана Набяльковъ, двадцать семый—пустый, пана Набяльковъ, двадцать осмый—Мисво и Останъ, двадцать девятый—Гирва, тридцатый—Бутко, тридцать первый—Тимошъ, тридцать второй—Гонцовскій, тридцать третій—Глушко, тридцать четвертый—Богданъ, тридцать пятый—Эвво Литвинъ, тридцать шостый—Поридубецъ, тридцеть семый—Бакунъ, тридцать осмый—Евлакъ, тридцать девятый—Бондаръ, чотырдесятый—Миско Лушяевичъ, сорокъ первый—Хома, сорокъ второй—Турибурка, сорокъ третій—Черномысь, сорокъ четвертый—Кухта, сорокъ пятый—Вакула, сорокъ шостый—Кукло, сорокъ семый—Васко Лакодичъ, сорокъ осмый—Климъ Лакодичъ, сорокъ де-

пятый—пустый, внязю Абрамови, петдесятый—напа Стагурского,
 петдесят первый—Курило Скрипка, петдесят второй—Бортникъ
 зъ Шишлемъ, петдесят третий—Абрамовичу, петдесят четвертый
 —Абрамовичу; тамъ же за стиною надъдатовъ одинъ zostалъ, вшаръ
 на шнуръ одинъ, для мелнива, на часть Василевскую, до Колосца.
 Тамъ же часть, где ездять до Ковля, презъ болото, которое часть
 размерено на три части, а на каждую часть шнуръ одинъ и сажень
 десеть отмерено, ведлугъ означеныхъ месць, которую часть повинни
 панове съ поддаными направовать каждый делчое свое, ведлугъ
 чомъбу, подъ заруюю трохъ рублей гроней Литовскихъ на украин-
 зовую сторону и на урядъ вгородский, Володимерский, и подъ на
 гороженъемъ шводи, хто бы се допустилъ позвати о то, о што фо-
 румъ до кгроду Володимерского и о дѣльничое на преблахъ, хто бы
 ихъ не направиль. А мостовъ тамъ же на гати, яко на вгвалтъ по-
 винни вѣс панове тамъ же на своихъ дѣльничыхъ направовати, яко
 ее размерило. Тамъ же сеножати, размероны и розданые подд-
 ными, резовъ петдесят и чотыри, на каждого по сажни чотырнад-
 цать шири: перший резокъ дано Грицу Литвину, другой—Ивану
 Целенцуку, третий—Макару, четвертый—Охриму зъ Лапчыкомъ,
 пятый—Гуркови, шостый—Гайу Ваньковичу, семый—Соньку Ванькови-
 чу, осмый—Грицу Приходичу, девятый—Ивану Мартиновичу, деся-
 тый—Сороковъскому, одинадцатый—Стецковой Андрейчичъ, двенад-
 цатый—Савчинъскому, третийнадцеть—Грицу Федчичу, четвертыйнад-
 цеть—Грицу Рухтичови, пятыйнадцеть—Турчиновскому, шостыйнад-
 цеть—Мискови Ретчичу и Ракови, семыйнадцеть—возного вятеви, ос-
 мыйнадцеть—Якимцови, девятыйнадцеть—Скорутеви, двадцатый—
 Плеваце, двадцеть вервый—Бортникови зъ Шишлемъ, двадцеть второй
 —Лауци зъ Иваномъ Гурвомъ, двадцеть третий—Цецкови зъ Марти-
 номъ, двадцать четвертый—Тубаеви, двадцеть пятый—Момотовичу
 двадцеть шостый—пустому, напа Навяльковому, двадцеть семый—пу-
 стому, напа Навяльковому, двадцать осмый—Шевчянати, двадцеть
 девятый—Гирци, тридцатый—Буткови, тридцать первый—Тимошови,
 тридцать второй—Гапововъскому, тридцать третий—Глушкови, трид-
 цать четвертый—Богдану, тридцать пятый—Зѣнкови Литвинови,
 тридцать шостый—Поридубъцеви, тридцать семый—Бакунови, трид-

цать осмый—Евлахови, тридцать девятый—Бондарови, сорок четвертый—Мискови Лупчевичу, сорок первый—Хоме Пасца, сорок второй—Турибарци, сорок третий—Черномысови, сорок четвертый—Кухъта, сорок пятый—Вакула, сорок шестой—Колодкови, сорок седьмой—Васкови Лакодичови, сорок осмый—Климу Лакодичови, сорок девятый—пустому, князю Абрамовому, петдесятый—пану Стакурскому, петдесят первый—Курилови Сригъце, петдесят второй—Бортникови зъ Шишлемъ, петдесят третий—князю Абрамовичови, петдесят четвертый—князю Абрамовичови. За тими сеножатами надъ ставомъ въ кутѣ у валькахъ, межи болоты, подъ Локотемъ, штука хворосту не малую на сполную пашу и потребу, бо тежъ тамъ вода часто побѣраеть, для того не мѣрно. За ставомъ надъ речью Турею, отъ границы Селецкое до границы Городелское, около млына, часть въгрунту, немалая штука хворосту, сеножати и поля, надлужъ по греблямъ идучи, шнуровъ шеснацеть и греблю въ то размеривши, которое размерено на три части: першая часть Ивановская, где гребля—шнуровъ пять, другая часть Василевская—шнуровъ пять, третья часть отъ Селецкое границы, Федоровская—шнуровъ шесть, которая есть не такъ широка, яко другие часты. Ставы: перший ставъ подъ Локотемъ на сполномъ въгрунте и млынъ готовый; другой старый стависко, ку Туриску, едучи зъ села—пусте, старая гребля; третее можетъ . . . стависко на дикомъ болоте у колесца, где може се збудовать ставъ, греблю приткнуть до берегу Городелского, до нивы пана Набялкови, которое тымъ способомъ розделити се мають на три части. Што се тежъ припускаеть до узнаня пановъ учасниковъ на часть Василевскую—у колесца будовати ставъ, на часть Федоровскую—старе стависко одъ Туриска, а на часть Ивановскую—ставъ готовъ и млынъ подъ Локотемъ; внакъ же то готового ставу и млына мають сполне уживати всѣ и мерками делитисе, поки своихъ ставовъ не побудуютъ, и млыновъ до шести лѣтъ, а по шести лѣтахъ только на часть Ивановскую належати маєт тотъ млынъ, подъ Локотемъ; а ижъ до части Федоровское не мало учасниковъ, и до части Василевское постую часть маєт панъ Костюшковичъ Хоболтовский,—теды всѣ мають, розмѣривши дельницы на гребляхъ, што на того

приидеть, робити, будовати, оправовати греблю, лотоки, млыны, подь зарукою сто копь грошей Литовскихъ, о которое волно будеть укривжоной стороне позвати и о шкodu свою, и до млына и до ставу каждый такий не будеть мѣти части, ажъ заруку и шкodu заплатитъ стороне, коли слушне то покаже, што шкodu его буде и што наложить робечи около ставу и млына. Повинность подданныхъ съ польманковъ на каждый ровъ, то есть: чиншу—по грошей дванадцати Литовскихъ, работы—четыри днѣ въ тыдѣнь; а рано выходити зѣмѣ на весъну и веснѣ; а коли сѣножниво, плевидло настанеть, же пѣшо робяти будутъ, теде пять дней и на тологу о хлѣби панскомъ пять разъ ве жнива прийти съ польманка; зѣмѣ—по три локъти съ паньскою прадива, куръ по двое и третее по коледе, яецъ по шеснадцати, жита по польмаце на насѣне, подводы до Буга, а на далей десеть миль другие ехати мають; инъшихъ повинностей не мають отдавати надъ тую уставу. Дерево бортное: дерева сосонъ бортныхъ есть восемьдесятъ и одна, которое на три части розделены, по двадцати и семи сосонъ досталосе, то есть: на часть Ивановскую сосонъ двадцать и семь, на часть Василевскую двадцать и семь, на часть Федоровскую сосонъ двадцать и семь; попъ тежъ маеть сосонъ шесть. Который же то помѣръ кгрунту Ружинского и сознанъе возного, за прозьбою его, до внигъ кгродскихъ, Володимерскихъ, записать казалемъ,—и есть записано.

Книга Владимирская кгродская, записовая и поточная, № 959, юдъ 1606, листъ 400.

СII.

Инвентаръ села Витковичъ, съ исчисленіемъ даней взимаемыхъ съ крестьянъ. 1606 года, сентября 21 дня.

Року тисеча шестсотъ шостого, месеца сентебра двадцать перваго дня.

На вrade кгродскомъ, въ замку его королевское милости Луцкомъ, передо мною Стефаномъ Дворецкимъ, наместникомъ подстаро-

ства Луцкого, ставши очевисто возный енераль воеводства Волинского, шляхетный Матысь Славогурский, инвентарь села Витковичъ для вписаня до книгъ вгородскихъ податьь отъ вельможного княжати Юря Чарторыского, съ подписомъ княжати его милости а съ печатомъ поменепого возного, въ тые слова писанный: напередъ дають зъ волоки за работу, за подводу—по золотыхъ осми, чиншу дають зъ волоки—по грошей десяти Литовскихъ, по три возы сина зъ волоки, по десятому прядива, по десятому коноплей, по двадцати яецъ, зъ волоки по чверти жолуди,—але вгды жолуди нимашь, по осмацн жнта, по двое куръ зъ волоки; меда данные, водлугъ островинь ихъ, десетина свиняя. У того инвентару печать возного притиснена, а подпись княжати его милости тыми словы: Jerze księże Czartorzyskie, tapani prorgia. Который же то инвентарь, за поданемъ вышъреченого возного, съ початку ажъ до конца, до книгъ вгородскихъ, Луцкихъ, есть уписанъ.

Книга Луцкая вродская, записовая и поточная, № 2421, годъ 1606, листъ 845.

СП.

Донесеніе возного о томъ, что онъ собиралъ свѣдѣнія относительно участи бѣглыхъ слугъ пана Войтеха Кгешковскаго; оказалось, что одинъ изъ нихъ, Павелъ Ложковскій, былъ пойманъ въ с. Сатыевѣ и выданъ Кгешковскому, который собралъ сосѣднихъ пановъ для суда надъ нимъ и они приговорили Ложковскаго къ смертной казни, вслѣдствіе чего онъ и былъ повѣшенъ. 1606 г., декабря 10.

Рову тисеча шестсотъ постого, месеца декабря десятого дня.

Пришедши на врьдъ вгородскій, въ замокъ его королевское милости Луцкый, передъ мене Адама Оппамовскаго, буряграбего Луцкого, возный енеральный воеводства Волинского, урядови нивешпему

добрѣ знаемый, шляхетный Янъ Рудзевскій, въ записаню до книгъ гродскихъ, Луцкихъ, созвалъ тѣми словы: якъ дей року теперешнаго, тисеча шестсотъ шестого, сего жъ мѣсяца декабря четвертого дня, маючи я при собе стороною людей добрыхъ, пана Миколая Заполскаго а пана Станислава Кгодлевскаго, былъ есми въ маестностяхъ ясневѣлможной паней Анны Костчанки въ Стембурку, княжны Александровое Острозьское, воеводиное Волинское, въ Сатыве, и Дядковичахъ, доведываючи се,—если бы тамъ явихъ пахолковъ своихъ панъ Войтехъ Кгешковскій, шеодниковъ своихъ, поймалъ. Тогда не мало мужовъ Сатывскихъ, стоячи на селе въ громаде, повелили: уже дей тому минуло два годы у великий постъ, передъ великоднемъ, якъ Ничпоръ, мельникъ Дядковскій, слышавши заповѣдь отъ пана Кгешковскаго, пахолва его одного въ грошии изъ гайдукѣми его милости пана Краковскаго, которые на тотъ часъ въ Сатыве были, неякогось Павла Ложковскаго, поймавши на гребли Дядковской, варязъ въ двора Сатывскаго до пана Бокгуцеого, который на тотъ часъ въ Сатыве урядникомъ былъ, отправадилъ; при которомъ дей найдено петдѣсятъ золотыхъ Полскихъ шелегами. Яко жемъ и мельникъ Дядковскаго, на ѣме Ничпора, въ той справѣ пыталъ, который ми доброволне поведилъ: же дей я самъ на гребли нашой, Дядковской, праве на змерваню, маючи заповѣдь о утеклыхъ пахолвахъ отъ пана Кгешковскаго, въ якомъ оденю отъ него—поткалъ, до чого прибыли гайдукѣми его милости пана Краковскаго; тогда жемъ обачилъ на томъ пахолву такое одене, якое заповѣдь была, его есми поймали и въ торбочце его грошей не мало наш и; съ которыми я заразомъ до двора Сатывскаго, до пана Бокгуцеого, врядника Сатывскаго, припровадилъ,—и перелично дей тыхъ грошей петдѣсятъ золотыхъ Полскихъ шелегами. И седелъ дей тотъ пахолкъ у двора Сатывскимъ у везеню зо две недѣли; потомъ его панъ Бокгуцкій пану Кгешковскому и съ тѣми грошии до маестности Велигора, на тотъ часъ державы его, выдалъ. А потомъ на завтреѣ, для лепшого выведываня, съ тою жъ вышеименованю шляхтою до села Велигора ехалъ; и вгды есмо тамъ приехали, тогда урядникъ тамошній, Велигорскій, на ѣме Проць, въ священникомъ тамошнимъ и не мало мужовъ Велигорскихъ доброволне поведилъ, же дей панъ

Войтехъ Кгешковскій, за выданьемъ пана Бокгуцкого, урядника Сатневского, приведши пахолка, яко шкодника своего, Павла Ложковского, тутъ до Велегоръ, уже дей тому идетъ третій рокъ, по великодни у вовторокъ, засадивши на той справе людей зацныхъ, ихъ милость пановъ приятелей своихъ: пана Федора, пана Андрея, пана Александра Велигорскихъ, пана Яцка Есеницкого а пана Яроша Гурка, зъ декрету суду ихъ, южь горло дать заслужилъ, объвесити казаль. А другого дей выростка, на йме Валка Норовского, который зъ нимъ же посполу утекъ, плате, то есть: делею, курту, шапку и убрание у форосте, на вгрунте небожника пана Ковалевского, Колоденскомъ, его милость панъ Бондзинскій, староста Ровенскій, полюючи, нашолъ; а вгды, за ознайменемъ старосты Ровенского, былломъ посланный отъ пана своего по тое плате, тогда ихъ до пана Кгешковского привезлъ власные пахолка его, Васка Норовского. Потомъ дей, за обвиненемъ пана Кгешковского о того забитого, подданный Борненъскій, невяный Струкъ, еднанымъ обычаемъ пану Кгешковскому далъ тридцать копъ грошей Литовскихъ, —и таекъ дей отъ того пана Кгешковского простъ сталъ. Боторое очевистое сознание менованого возного до книгъ вгородскихъ, Луцкихъ, записати есми казаль,—и есть записано.

Книга Луцкая вродская, записовая и поточная, № 2421, годъ 1606, листъ 1026.

CIV.

Арсадный листъ пани Александры Еловицкой Дубенскимъ евреямъ, Мошку Ицковичу и Айзику Юсковичу, на лимбне Микитичи, съ крестьянами, мельницами, ставами и корчмами. 1607 г., января 1 дня.

Рову тисеча шестсотъ одинадцатого, месяца июля двадцать девятого дня.

На вrade вгородскомъ, въ замку его королевское милости Луцкомъ, передо мною буреграбимъ и наместникомъ подстароства Луц-

кого, постановившись очевидно неверный Юско Мошкевич перъ облятамъ для вписаня до книгъ вгородскихъ, Луцкихъ, листъ записъ арендовный, съ печатью и съ подписомъ руки урожное ея милости панее Александры съ Чорторыска Еловицкое, и тежь съ печатью и съ подписы ихъ милости пановъ опекуновъ ея милости, нижей въ томъ записе имени спецификованыхъ, одъ тое то вышъреченое ея милости панее Еловицкое невернымъ Мошкови Ицковичови и Ей-знику Юсковичу, жидомъ Дубенскимъ, на аренду добръ своихъ, нижей въ записе томъ менованыхъ, даный, подалъ,—яко тотъ записъ ширей въ себе маеть; которое подавши, просилъ, абы принять и до книгъ уписанъ былъ. А такъ я оный видечи бытъ целый, зуполный, не нарушоный, за прозбою его приймаючи, читать передъ собою розсказаль есми,—и такъ ся въ себе маеть: »Я Александра съ Чорторыска Еловицкая, яко держачая добръ нижейменованыхъ, будучи пилаа сумы пенезей на оплачене долговъ по малжонку моему, небожчику пану Миколаю Еловицкому, повосталыхъ; я Явушъ зъ Острога князь Жаславский, воевода Волынский, староста Житомирский; я Александеръ зъ Острога княжа Жаславский, каштелянъ Волынский; я Гаврило Гостский, хоружий земли Биевское и я Вацлавъ Велегорский, подвоеводзий Биевский, яко опекуны, бачечы того пильную потребу, згодне позволивши арендовать, и оденъ за другого ручечи, визнаваемъ тымъ нашимъ арендовнымъ листомъ, кому того ведати будетъ належало теперъ и на потомъ, ижъ арендовали есмо село Микитиче, въ повете Кременецкомъ лежачое,—хлоповъ чотырнадцать, меновите каждого зъ нихъ: Ивашька Игнатича, Яцка Стецковича, Гаврила Литвина, Бориса, Кгреска, Олексея Гриневича, Тита—брата его, Степана—Хведцишиного зятя, Хведчичу вдову, Терешька Трохимовича, Федора Трохимовича, Васка Игнатчича; въ Туриковицахъ: Остапка Свиридовича, Хведька Кизелка,—которыхъ поддаюмъ зо всеми ихъ повинностями, опрочъ вынявши поборъ королевский и стацию жолнерскую, которую мають и повинни будуть, зъ иными подданными моими, ровно складать и отдавать, часу тежь, чого Боже уховай, егвалту, до гребли повинни бежати, водле давного звычайу,—то естъ зъ чиншами, данями, роботами, подводами—меновите каждую речъ: подводы въ року мають три фуры отпра-

вовати то есть виме две до Люблина або до Казинера, а третью летомъ о траве; такъ же въ ораню тежъ, яко на иншие фольварки мое орутъ, орати мають; иншие тежъ, которые на дворницахъ сядать, тые повинни давать по ползолотога, овса по два маци, по два кашлуны, по куру одному, прядива по десяти жменъ на каждый рокъ. Къ тому арендоваламъ и ставовъ троухъ, меновите: ставъ Понитовский, другой Туряковский, третий новый ставъ, къ горе тымъ ставомъ; которые менованные ставы повинна буду подать въ року шестсотномъ осмомъ, о Семене руского свята, а ловить мають отъ податя ажъ до самое субботы, которые припадуть въ року шестсотномъ девятомъ. А по выистю того часу и дня, повинни они будутъ съ тыхъ менованныхъ ставовъ уступитъ, въ ловеню тежъ рибъ мають ся, водля давного звичаю, заховатъ, то есть: щупаки, которые отъ головы ажъ до нерешту на пядь, повинни засъ назадъ до ставовъ выдаты; съ тыхъ же ставовъ рибу бочвовую повинна буду въ Микитичого и подводами своими, за митомъ ниже менованныхъ арендаровъ, отпровадитъ до Премышля, або до Люблина,—а не далей; такъ же они подводъ держать болшей не мають—одно черезъ три дни. При томъ же арендовали есмо вси млыны и борчмы въ маестностяхъ моихъ, въ повете Кременецкомъ лежачихъ, тымъ же арендаромъ, то есть жидомъ Дубенскимъ, Мошкови Ицковичови и Ейзаку Юсковичу, меновите: въ Каминици млынъ и борчму, на Понитве млынъ и борчму, въ Туряковичахъ и Заблоти шинковане волносе; которые помененные млыны и борчмы заразъ при поданю аренды, водлугъ потребы направленные, зъ броваромъ, зъ солодовнею и зъ винницею; къ тому и меноване арендаромъ въ Ператине, за певную суму пенезей, за три тисечи золотыхъ Полскихъ, до чотырохъ летъ вуполныхъ, по себе идучихъ; которая то сума вся спела, три тисечи золотыхъ Полскихъ, одъ тыхъ арендаровъ моихъ дошла и отдана, и тымъ листомъ моимъ арендовнымъ ихъ квитую вечными часы; которая аренда починается въ року шестсотномъ осмомъ, дня второго январия, а скончится будетъ тисеча шестсотъ одиннадцатомъ, месеца январия второго дня, до которого часу, водлугъ того листу моего арендовного, жадное перешкоды въ державю млыновъ и борчмъ чинитъ,

пожитковъ имъ належащихъ одоймовать не маемо сами на себе, а ни на кого иного, кромъ волного млева на потребу свою, дворную, во всихъ млынахъ, безъ черги и безъ мерки. А ижъ млынаръ теврешний млына Понитовского маеть суму на млыне петдесать золотыхъ Полскихъ, теды тую суму арендаръ, где бы му ся млынаръ непожиточный здакъ, оному отдавши, водлугъ угоднобана своего жеречника, ховать маеть; такъже млынаръ Ператинский суму, собе належащую, маеть на млыне золотыхъ Полскихъ тридцать,—подъ тую жъ вондицію подлегать маеть; а въ ишихъ млынехъ млынаре жадныхъ сумъ не мають—волно ихъ одменати будеть. Попови Каменичному въ каждый рокъ три маце жита, а Ператинскому две маце жита давать мають, кромъ часу спустовъ въ тыхъ ставехъ. А подданные мое вси, никого не выймучи, повинни нигде инде до млыновъ не ездить, а ни збожа въ обчихъ млынехъ молоть, такъ же пята вшелякого на потребности свои нигде инде не брать а ни привозить, кромъ корчемъ помененыхъ; а где бы котораго досведчено съ тымъ за слухнымъ доводомъ, маеть заплатитъ вины на мене и на арендара тры копы грошей Литовскихъ. Такъже пива волные въ тыхъ маестностяхъ моихъ бытъ не мають, опрочъ весель, и то за ведомостью арендаровъ, отъ которыхъ броварщизны повиненъ заплатитъ грошей дванадцать и мерку солодовую во млыне. До того волно будеть тымъ же арендаромъ моимъ дрова возити въ запустовъ моихъ, ва обязанемъ лесничихъ, подъ десеть котловъ горелчашыхъ, такъже на потребу пивную и солодовъ; до котораго аренды погребелное, такъ пенежное, ясо и солное, водлугъ давного звычайю, мыго отъ подданныхъ моихъ, который бы съ нихъ продать, профримарчить коня, вола, корову, вепра,—маеть одъ того дати грошь Литовский, а отъ барана, козла, овцы—полгроша Литовское; и волное будеть тымъ арендаромъ во всей мянованой маестности моей, ясо вышей поменяло, медомъ, пивомъ, горелеюю шинковать. А где бы въ доущося Божьего, а не съ причины ихъ, млыны, або корчмы погорели, або зорване ставовъ, такъже неприятеля коронного и поветра морового, за чимъ бы значную шкочу отлесли, на то все повинна буду взглядомъ мети, маючи, на правити, ясо ся слушне покаже, и ясо веле вавовало, такъ

велемъ и маюмъ надати. То тежъ варую: где бы жолнеры, кромъ слушной стацыи, въ аренде што колвекъ взять, пограбить, напяти мели,—такъ же посполу зъ поддаными моими приложить се маюмъ; тыхъ же арендаровъ повинна буду заступовать одъ чопового; къ тому повинна буду дати поля не ораного въ каждый рокъ по дни петнадцатъ такъ на паренину, яко и на ярину. Зособна тежъ тымъ же арендаромъ маю давать поля, якъ въ Загорцахъ, и сипожати на сорокъ косаровъ. До того, ижъ ставовъ Загорецкый былъ при першой аренде, который съ певныхъ причинъ отъ тое аренды отнято, теды, възглядомъ того, вношу и указую тымъ арендаромъ моимъ такъ великую суму, яко тамъ тотъ ставокъ хожываль, то есть двесте золотыхъ Полскихъ, на ставе моемъ Ператинскомъ, которое повинна буду часу спусту менованого ставу отдать,—што все держать, водлугъ того моего листу, кождую речъ, въ немъ описаную, повинна буду. Въ которой аренде я тымъ арендаромъ моимъ въ пожиткахъ ихъ переказы жадное чинить не маю, подъ зарукою троухъ тисечей золотыхъ Полскихъ и подъ нагорожениемъ шкодъ, на голое речене слова, о што даюмъ имъ насъ позвати до суду, уряду, которого сами схочуть,—вгородского, земского, трибуналского, въ который колвекъ поветъ и въ которое колвекъ воеводство, рокомъ завитымъ, не вымовляючисе ни якими причинами, въ праве посполитомъ описанными и припадлыми,—маю стати и усправедливитися; а судъ, до которого колвекъ буду позвана, любъ за станемъ албо нестанемъ, не слушаючи жадныхъ оборонъ, на мене всказать и на маетностяхъ, вышейменованыхъ, имъ отпрату дати маеть. То тежъ собе варую: ижъ егды припадуть спусты ставные часовъ своихъ, въ арендахъ ставныхъ назначоныхъ, ставовъ моихъ: Понитовского, Туриковского и третего, што надъ Туриковскимъ, четвертого Ператинского, пятого—надъ нимъ, шостого Милецкого и Каменицкого, за чимъ млыны ваковать мусять, теды того вакована арендаре собе въ шкоду поличать не маюмъ, и нагорожать того не повинна. Где бы панъ Богъ на мене въ томъ часе смерть допусти рачиль, теды по мне потомкове мои жадной перешкоды тымъ арендаромъ въ держаню и уживаню тое аренды чинить не маюмъ, ажъ до выдержаня водлугъ тое аренды; подъ которые заруки я

обовязки потомки и маестности мое поддаю и тымъ листомъ обовезую, по выдержаню тое аренды вшыелюкое начине, статки, маестность свою доброволне вывести мають; и если бы безъ причины, албо вытегана надъ повинность, подданный мой съ того села Микитича прочь пополь, того на арендарохъ пойскаивать не маю и мочи не буду; и на то даемъ тотъ нашъ листь съ печатми и съ подписми рукъ нашихъ. Писанъ въ Каменици, року тисеча шестьсотъ сегого, месеца януарыя первого дня. У того запису печатей пять а подпись рукъ тыми словы: Alexandra z Czartoryska Jałowicka, ręką swą; Żamławsky z Ostroga, woewoda Wołynsky, ręką swą; Alexander księże z Ostroga Żamławsky, manu propria; Гаврило Гостевый, хоружий Киевский, рукою. Который же то листь запись, за поданемъ и прозбою вышъреченого Юска Мошкевича, а за принятемъ моимъ до книгъ вгородскихъ, Лудцкихъ, есть уписанъ.

Книга Лудцкая городская, записовая, № 2119, годъ 1610—1612, листъ 462.

CV.

Довесеніе возного о томъ, что по дѣлу о воровствѣ крестьянами пана Ивана Кукольского у крестьянъ Брацлавского воеводы, Яблонецкихъ, свиней, и у крестьянъ брата Кукольского, Петра, овецъ, былъ собранъ конный судъ; но упомянутый Иванъ Кукольскій, обвиненныхъ въ этомъ воровствѣ своихъ крестьянъ на копу не поставилъ, и, кромѣ того, причинилъ Петру Кукольскому, ѣхавшему на копу, побои. 1607 года, февраля 9 дня.

Року тисеча шестьсотъ сегого, месеца феврала девятого дня.

На вярде вгородскомъ, въ замку Лудцомъ, передо мною Криштофомъ Семашкомъ, будущимъ наместникомъ подстароства Лудцкого, постановившиися очевисто возный енеральный, шляхетный Григорей Лемешовский, ку записаню до книгъ вгородскихъ, Лудцкихъ, созналъ

тими слови: иже року теперь идучого тисеча шестсотъ семого, месяца февраля осмого дня, светился тому возному въ селе Яблонке урожонный панъ Петръ Куколский на противко брату своему рождному, пану Иванову Кукольскому, о то, иже вгды въ томъ же року поддавны и слуги его дворные, Жема и Гаврило Войтышковые, Михалко и Ермакъ, повраи были у подданныхъ его милости пана воеводы Браславского, Яблонецкихъ, свиши, тавъ тежъ и у подданныхъ пана Петра Куколского, Кувольскихъ, Ониска и Терешка, свиши трое, на што, водле звычаю давного, зложили были собе часть певный, дня семого февраля, права копного, на которую копу зъ околичныхъ селъ громада старцове на местцу певномъ, подъ Яблонкою, зошлися были, где тежъ и помененый панъ Петръ Куколский съ подданными своими самъ одинъ съ хлопцемъ ехалъ, абы былъ справедливости съ тыхъ обжалованыхъ, вышейменованыхъ, а звлца, иже Гаврило Войтышчя признался былъ до того учинку, съ права копного откестъ, и для прислухана, если бы шниныхъ тотъ злочинца воловать,— вгды жъ отъ часу давного шкоды не малые ся деють. То пакъ помененый панъ Иванъ Кукольский, не дбаючи ничего на право посполитое и на звычай права копного, але ся умислене спротивляючи, тотъ рокъ назначонный копу розорвалъ, злочинцовъ тыхъ не поставилъ, але ихъ, не ведати для чого, охоронилъ; але еще на томъ мало маючи, помененого пана Петра Куколского, брата своего рождного старшого, который будучи неспособного здерова, на тую копу самъ одинъ съ хлопцемъ безпечне, никому и ему ничего невинный, и жадное неприязни зъ нимъ не маючи ехалъ, догонивши его на добровольной дорозе, у посродъ села Воля Куколское, съ пахолками и подданными своими, ему по именахъ и прозвискахъ лепей знаемыми, и съ тымъ о злодейство обвиненымъ, не маючи жадного взгляду на повинность свою братерскую, порвался на него первей до шабли, а потомъ и до помочниковъ своихъ, волаючи: «бий! забий!» — съ коня его зволовши, нелютостве въ голову и въ тварь пастю тавъ самъ, яко и его помочники били, били тавъ барзо, же цдею не може оборочати,—о што все, яко о розорване вопи тавъ и о шкоды свое, яко и о збите светился мне возному. Яко жъ и я возный: видиломъ того пана Петра Куколского, барзо хорого,

голову потлочную, спужую; ранъ синихъ три, на носѣ рана кривая, скура зодраная, на губѣ такъ же рана кривая; которые раны меновалъ себе быть отъ пана Ивана Куболского и помочниковъ его заданые; при томъ пороховницу съ порохомъ и съ пулями, которая коштовала зовсмиъ полтора золотого, съ него обирвалъ, и о тые вся шкеры, вышешменованные; шацуючи ихъ себе на двестѣ копѣ грошей Литовскихъ, овромъ ранъ. Которое то сознание возного я принявши, до книгъ записати казаль,—што естъ записано.

Книга Лучная вгородская, записовалъ, № 2422, годъ 1607, листъ 129 на оборотъ.

 CVI.

Объявление пана Бабинского о томъ, что онъ собиралъ третейскій судъ надъ слугою своимъ Станиславомъ Пяновскимъ, обвиняемымъ въ сожженіи двора крестьянина Шулгана; судъ постановилъ, чтобы Пяновскій принималъ очистительную присягу, но обвиняемый этого не выволилъ. Возный подтверждаетъ всѣ эти обстоятельства. 1609 г., января 13.

Рову тысячя шестсотъ девятого; месяца генвара третегонадцать дна:

Нисалъ и присылалъ на врьдъ вгородскій; Лучный, до мене Адама Олшановского, буркграбего и наместника подстароства Лучного, панъ Левъ Бабинскій, оповедаючи на слугу своего, на арендара Олшанского, Станислава Пяновского, тыми словы: ижъ року шестсотъ осмого; месяца ноября девятого дня, презъ малжонку свою подданого моего Олшанского, Ивана Шулгана, умислене домъ ему спалилъ, который домъ увесь згорелъ и вси речи и спратъ домовый погорали. Яко жъ, я будучи паномъ его, а до того ижъ естъ годютою,—нетъ ведома отбулъ, засадилъ есми приятелей своихъ; су-

седовъ околичныхъ, хотечи рады въ томъ зажити: если бы на замокъ его слати, або самому справедливость зъ него чинити, яко и зъ слуги своего. Тогда тотъ то Пяновскій, впадши ми въ ноги, просилъ мене, абы его, яко злочинцу, на замокъ не слать, але абы его въ дому моемъ приятели мое судили. Ямъ на тую справу приятелей высадилъ, которые то приятели вынаесли зъ розсудку своего и наказали тому то Пяновскому, и зъ жоною и зъ сведкомъ, шляхтичомъ учтивымъ, на томъ присегу выконать,—яко того подданого не спалили; которую то присегу отложили до троухъ день, явъ о томъ декретъ приятельскій тую справу ширей въ себе обмовляетъ. То пакъ Пяновскій на томъ року ставши, и, заместъ шляхтича, хлопа простого изъ Гуляницъ приведши, хотечи зъ нимъ присегнути. Коли пыталъ того сведка—если бы былъ шляхтичъ?—онъ поведилъ: же не естемъ шляхтичомъ. Вшагъ же я не дбаю о то, хочъ не былъ шляхтичомъ, припускаемъ его до присяги. Оный сведокъ о што быхъ мель присегати, поведилъ, ижъ тотъ то Пяновскій изъ жоною своею не спалилъ того то подданого; тотъ световъ поведилъ: »я на то присягать не буду и не присегну, бо я не ведаю и не тутъ мешкаю, если они палили—або нѣтъ«. Ямъ ся светчалъ вознымъ, шляхетнымъ Семеномъ Яроцькимъ, и суседни, шляхтичами учтивыми, ижъ тотъ то Пяновскій, водлугъ декрету, присяги не выконалъ. Который то возный визналъ въ тые слова: »я, Семень Яроцкий, енераль воеводства Волинского, ставши очевисто ку записаню до книгъ вгородскихъ, Луцкихъ, тыми словы созналъ: ижъ будучи мне на справе и потребе его милости пана Лва Бабинского, маючи я при себе шляхту людей добрыхъ, пана Яцка Гуляницкого а пана Карпа Гуляницкого, ижъ року шестсотъ осмого, месеца ноября двенадцатого дня, водлугъ декрету судей высажоныхъ противно служебника пана Лва Бабинского, Станислава Пяновского, которымъ декретомъ наказана была присяга тому то Пяновскому, само-третему, зъ жоною и шляхтичомъ учтивымъ,—яко не спалилъ подданого пана Бабинского, Олшанского, яко о томъ ширей декретъ тую справу въ себе обмовляетъ. И коли тотъ рокъ присяги припадъ, тогда Пяновскій изъ жоною и светкомъ третимъ, постановившися у Сернивахъ, во имену его милости пана воеводы Волинского, въ церкви, тамъ же

и его милость панъ Левъ Бабинскій, весполь изъ подданнымъ своимъ, котораго то спалено, до прислухана тое присяги становился,—тамъ же, черезъ мене возного и при немало шляхты людей добрыхъ, пыталъ панъ Бабинскій того жъ светца, который то мель присягати съ паномъ Пяновскимъ: »если былъ бы шляхтичомъ? Тогда тотъ светокъ поведилъ: »же не естемъ шляхтичомъ,—такъ мешкаю въ Гуляничкахъ«. Вшавъ же панъ Бабинскій, хочъ тотъ светокъ не былъ шляхтичомъ, припускалъ его до присяги,—нижли тотъ светокъ пыталъ того Пяновского: о што мель присягати?—поведилъ ему, ижъ того то подданого Пяновскій не спалилъ. Тогда тотъ то светокъ поведилъ: »я тутъ въ Олшанехъ не мешкаю и тебе, пане Пяновскій, не знаю, и справъ твоихъ не сведомъ, и присягати не буду и не хочу«,—и отъ церкви пошолъ прочъ. И мовилихъ мы Пяновскому, абы иншого светца ставилъ и зъ жоною своею присягалъ. Пяновскій поведилъ: ижъ я не маю где шляхтича взять и присягати не буду. Панъ Бабинскій тежъ сретчилъ мною вознымъ и шляхтою, людьми добрыми, ижъ тотъ Пяновскій, водлугъ декрету, присяги не выконалъ. И прошу, абы то до внигъ вгородскихъ, Луцкихъ, записано было; што я принявши, записать казалъ,—и есть записано.

Книга Луцкая гродская, записовая и поточная, № 2424, годъ 1609, мѣстъ 64.

CVII.

Жалоба князя Іоакима Корецкаго и жены его, княгини Анны, на князя Романа Ружинскаго и жеву его, княгиню Софію, о томъ, что они, соединившись съ другими панами и собравши шеститысячный вооруженный отрядъ, напали на имѣніе Корецкихъ, мѣсто Черемошку, взяли приступомъ тамошній замокъ, убили многихъ жителей, а остальныхъ ограбили, мѣстечко же и замокъ сожгли до тла. 1609 года, февраля 3.

Рокъ 1609, месяца февраля третего дня

Передо мною Федоромъ Щуровскимъ, подстаростимъ Житомирскимъ, поставившимся очевисто велможная ея милость пани Анна

Ходявичовна, князьва Корецкая, яко дѣдича добръ нижей описанымъ, сама очевисте жалующая, а вельможный его милость князь Якимъ Корецкий, воеводичъ Волинский, и малжоню ея милости, яко опекунъ навышей, черезъ приятеля своего, пана Григоря Кнегининского, за мѣцю зуполною, ему до тѣе справы даною, прихлячючися до протестацїи, альбо жалобы першее, черезъ зашлого Василя Мокренъского, старосту Растовицкогю, служебника своего, именемъ ихъ милости, въ нижей описанымъ учинку, противво нижей описанымъ, такъ принципалумъ, яко тежъ и помочникомъ, свѣже по тумъ учинку тутъ на вrade тутошнимъ вгородскомъ, Житомирскомъ, учиненое, которое ихъ милость сами, такъ борзо частую для не способного здорѣва, частую тыхъ для трывогъ татарскихъ, которыхъ то тѣе вси часы захолили, учинити не могли,—теперь тѣе обтажливе и жалосне оповѣдалися и жаловали на урожонны ихъ милости: князя Романа Ружинского и малжонку его милости, княгиню Романовую Ружинскую, Зофию, съ Барябчева, и на пана Криштофа Кевлича и малжонку его, паню Анну Коморовскую, яко умисляныхъ и одностайныхъ принципаловъ учинку нижей описаного. Которые то принципалове, приспособивши себе немало обчыкъ и посторонныхъ людей на помочь, отъ помочниковъ своихъ, то есть: отъ пана Адама Олизара, пана Яна Бондзынского, державцы Котеленского, князя Булыги, подстаростего Белоцервовского, князя Адама Ружинского, пана Богдана Халайка, пана Юря Завиши, пана Якуба Куцборского, урядника Котеленского, пана Варыйского, пана Калусовского, пана Станислава Пупевского, панее Зофен Криштофовое Вылженее и отъ панее Анъны Надарынское, пана Михайла Сили Новицкогю, пана Олбрыхта Бревского и отъ пана Олбрыхта Лысаковского, и зъ иншими помочниками, на учинокъ нижей описаный приспособленными, а при нихъ до того слугъ, бояръ и подданныхъ своихъ, и такъ зъ маестностей на сей часть державы своее, яко тежъ и зъ добръ усихъ, въ заставе будучихъ, а то есть меновите: Даниеля Ключкогю, старосту Паволоцкогю и Трушаносецкогю, войта Паволоцкогю и иншихъ слугъ, бояръ и подданныхъ своихъ, войско не малое, человека о шесть тисечей зобраши, которыхъ тѣе принципалове помененные имена и прозвиסקа сами лений вѣдають и ихъ

знаютъ; вторые то принцпалове, то есть: его милость князь Романъ Ружинскій, самъ передъ тымъ впередъ въ малжонкою своею на пополнене учиню, нижей описаного, згодивши, добре ся парадивши, а ее милость сама княгиня Ружинская съ паномъ Кевличомъ и нанею Кевличовою, выкониваючи раду и волю князя Ружинского, згодне, сполне и едностаине, прономневши боязни Божие и сровгости права посполитого и вниъ, въ немъ на таковыхъ егвалтовниевъ и наезниевъ описаныхъ недбаючи, въ великою гарматою, въ дѣлами, въ габовницами, въ ручницами, въ мушкетами, сагайдаками, съ копьями, рогатинами а зъ иными бронями, войне належачими, воинно, збройно и пешю, въ хорогвами, зъ бубьнами, трубами и сурьмами, обычаемъ неприятельскимъ, року теперь идучого тисеча шестьсотъ осмого (sic), месяца июня четырнадцатого дня, о године дванадцатей, на власную маетность ихъ милостей княжати Корецкого и малжонки его милости, пави Анны Ходневичовни, мистечко, названное Черемошву и на замокъ, при томъ мистечку будучий, мощно, егвалтовне и не отповедне и не сподѣване, зъ великою силою притягнувши и наваливши, ее милость княгиня Ружинская, за умыслнымъ росказавши, волею и видомостью его милости князя Ружинского, съ пререченымъ паномъ Кевличомъ и малжонкою его, который, будучи справцею того всего войска, съ преречеными помочниками своими найперви тимъ всемъ войскомъ замокъ и место вколо обьгочивши, дѣла, габовници и всю гармату до замку и до мѣста нарыхтовавши, а потомъ зъ трубы, сурьмы и бубны вдаривши, и обернъ великий справивши, зъ диль, зъ габовницъ и зъ ручницъ стрелять почали; а потомъ до штурму, таеъ до места, въ которомъ уже осело было чюдеса людей до чотырохъ сотъ, яко тежъ и до замку, до штурму припустили и оного, яко се поменило, дня того отъ додини дванадцатое ажъ до самого вечера, обычаемъ поганьскимъ и неприятельскимъ, велико и навалностью добывали. А потомъ, черезъ великий егвалтъ и силу места и замку добывъши, таеъ слугъ, шляхтичовъ почтивыхъ, яко тежъ и подданныхъ княжатъ ихъ милости Корецкихъ, въ мистечку и въ замку на тотъ часъ будучихъ, одныхъ таеъ мужьского, яко и женского стану людемъ, ничего не фольгуючи, и овшемъ безъ боязни Божее обрутне а нелютостиве зъ жонами и зъ детьми поза-

били, постреляли, посекали, помордовали и поранили, и маестности, што одно хто мети могъ, вси, отъ мала и до велика, моцно, кгвалтомъ забрали и злупили; а по томъ злупенью и спустошенью, место и замакъ обычаемъ поганскимъ и неприятельскимъ на корень спалили и вънивечь обернули. А мало на томъ маючи, по збуренью и спаленью места и замъку, не мало людей и подданныхъ княжатъ ихъ милости Корецькихъ, обрутне а нелютостве повезавши, зо всеми лупами зъ собою кгвалтовне побравши, до домовъ своихъ отпровадили; а то есть меновите: одного Герасима Тимъевича а Фадея Коваленька, Савостяна Конъдрашовича, Дмитъра Лучъника, Ивана Ковала а Гарасима Сусчича, мещанъ Черемускихъ, которые нетъ ведома—если живыхъ оставили; а иншыя раны, которыхъ зъ собою побрали, зъ ранъ поумирали, которыхъ тела нетъ ведома где подевали. Съ которого то места и замку, обычаемъ неприятельскимъ и поганскимъ огнемъ на корень спаленного, збуренного, сплендрованого и вънивечь оберненого, тотъ увесь лупъ маестности и речей рухомыхъ, таъ самыхъ ихъ милости княжатъ Корецькихъ, яко тежъ слугъ и подданныхъ тамошнихъ кгвалтовне зобравши и злупивши, до места Паволочи ее милость княгиня Ружинская, а панъ Криштофъ Кевличъ зъ малжонкою своею до места Ружина, яко принципалове, и до иншихъ местъ и маестностей слуги и помощники ихъ на пожитокъ свой отпровадивши, таъ его милости князя Ружинского обернули. И просили ихъ милость, вышейменованные особы, абы тая протестація и жалоба ихъ милости до книгъ кгородскихъ записана была.

Книга Житомирская уродская, записовая и поточная, № 11, годъ 1609, листъ 39 на оборотъ.

CVIII.

Донесеніе возного о томъ, что онъ былъ въ с. Серникахъ, принадлежашемъ пану Гулевичу и находящемся въ арендѣ у пана Идзиковскаго; здѣсь онъ засталъ и Гулевича, а Идзиковскій заявилъ ему жалобу на Гулевича, что послѣдній поселился въ имѣніи, отданномъ имъ въ аренду, неправильно пользуется разными его доходами и заставляеть крестьянъ работать на себя, троя въ противномъ случаѣ вѣшать ихъ по окончаніи срока аренды. 1607, іюля 14.

Року тисеча шестсотъ семого, месеца іюля чотырнадцатого дня.

На вряде вгородскомъ, въ замку его королевское милости Луцкомъ, передо мною, Крыштофомъ Семашкомъ, наместникомъ подстароства Луцкого, постановившимся очевисто шляхетный Миколай Гапуновскій, возный енераль воеводства Волинского, добровольне созналъ: ижъ я, будучы на справе шляхетного пана Томаша Идзиковского въ року нынешнемъ, тисеча шестсотъ семомъ, месеца іюня семого дня, маючи при себе двоухъ шляхтичовъ, Павла Булавского, Матея Порошинского, быломъ въ селе Серникахъ, въ дворе мешканя пана Идзиковского, тамъ будучого, въ повете Луцкомъ лежащихъ, которые Серники панъ Томашъ Идзиковскій зъ малжонкою своею, за правомъ арендовнымъ, отъ пана Павла Гулевича и малжонки его, Галжбеты Жабгоцянки, держить; тамъ же будучы, выдиломъ пана Павла Гулевича, и малжонку и дети его и зо всею челядю въ дому млынара Серницевого, посесыи пана Идзиковского, малжонки его, за чимъ помененый панъ Томашъ Идзиковскій зъ малжонкою своею светчили и оповедали ся, зъ великимъ жалемъ своимъ на противко пану Павлови Гулевичови, малжонце его, ижъ они, не огледаючися на записъ и обліегъ арендовный, межи ними възглядомъ села Серниць, въ року прошломъ, тисеча шестотъ четвертомъ, іюня дня осмого учиненый, а ни на заклады, въ записе описанные, яко по вси лѣта тое арендовне розными часы въ той аренде, такъ сами презъ себе, яко и слуги, и особы розные, кривдили,

такъ и въ томъ теперешнемъ року, сами особами своими приехавши тутъ до Серникъ въ року нинешнемъ, тысяча шестсотъ семомъ, месеца марта двадцать пятого дня, до млынара Серницкого, зъ жоною, зъ детьми и съ челядю впровадилися и мешкають до тыхъ часовъ, и тутъ уживають, ставу волного спокойного забороняють, ловеня рыбъ вольного въ ставе недопускають, подданныхъ до послугъ своихъ одымують, а затымъ оныхъ въ спокойномъ уживаню подданныхъ перешкожають, до двора мешканя пана Идзиковского и малжонки его слуги свое зъ одповедями насылають, перегрозовами, стрелянемъ зъ ручницъ, чого ся часто трафляеть, зъ двора выганяють, сады сами презъ себе, слуги свое, псують, подданнымъ грозять, коли чого не хочуть послушни быти, поведаячы, же, »хлопе, вынийдетъ аренда—буду тебе умель карать и не одного на шибеницу пошлю-; за которую передгрозкою теперь Даць, огородникъ, пошоль прочъ зъ села Серникъ, пану Идзиковскому, боячися збытъя пана Гулевичового, которого былъ передъ тымъ, въ року прошлымъ, збилъ, за чимъ подданные бунтують, послушенства пристойного отдавати забороняють, оныхъ самыхъ зъ покойного уживанья всего вытискають, иишие вшелякие кривды ку перешкодъ спокойное аренды до держаня сами презъ себе, и слуги, и иишие особы, на то способные, выражаютъ, о што все оферовали ся съ помененымъ паномъ Гулевичомъ и малжонкою его, часу и местца своего чинить правне; которое свидецтво, для певности лучшее, рукою своею подписалъ и печать свою приложилъ. Которое же то очевистое сознание возного, вышъмененого, я, принявши до книгъ вгородскихъ, Луцкихъ, записати казалъ,—и есть записано.

Книга Луцкая и одская, поточная, годъ 1607, № 2422, листъ 705.

СІХ.

Жалоба отъ имени Жидичинскаго архимандрита, Гедсона Балабана, о томъ, что крестьяне князей Юрія и Криштофа Збаражскихъ выселили изъ монастырскаго села Жиличина два крестьянскія семейства, при чемъ, когда были посланы за бѣглецами въ погоню шляхтичь съ тремя бояринами, то крестьяне Збаражскихъ избили ихъ и ограбили у нихъ лошадей, а равно и разное находившееся при нихъ имущество. 1609 г., марта 10 дня.

Року тисеча шестсотъ девятого, месеца марта девлтого дня.

На вряде вгородскомъ, въ замку его королевское милости Луцкомъ, передо мною, Матеемъ Стемъпковскимъ, подстаростимъ Луцкимъ, яко передъ тымъ дня шостого месеца февраля, въ року нынешнемъ, тисеча шестсотъ девятомъ, нижеименованный служебникъ архимандрита Жидичинскаго и капитулы его словное оповедане чинилъ, такъ такъ же и на сесь часъ, на писме тую протестацію подавши, жаловалъ и оповедалъ служебникъ велможного въ Бозе его милости отца Гедсона Балабана, архимандрита Жидичинскаго, шляхетный папъ Иванъ Чайковский, именемъ пана своего и именемъ всихъ крилошанъ капитулы того жъ монастыра Жидичинскаго, церкви соборное, заложена светого Николы, тыми словы: ижъ дей року теперешнего, тисеча шестсотъ девятого, месеца февраля зъ второго дня третій, то есть съ понеделка на волторокъ, въ ноци, подданные велможныхъ ихъ милости князятъ Юря и Криштофа Корибутовичовъ Збаражскихъ, воеводичовъ Браславскихъ, зъ села Воли Дедовицкое, на име Радко Долгий, Калишъ Играфшчяня, зъ отцемъ своимъ Играфкомъ, и иныне сусиды ихъ, имъ знаемые и ведомые, возовъ колконадцать, ночнымъ обычаемъ подъехавши подъ село Жидичинъ, а маючи передъ тымъ повиновацтво и знаемость съ подданными оными Жидичинскими, ниже менованными, подданныхъ Жидичинскихъ двоухъ, на име: Гарасима Лепеху, подданого монастырскаго дедичного, а Гридка Момота, зъ жонами, зъ детми, зъ быдломъ, зъ овцами и зо всею маестностю ихъ, отъ мала до велика, забрали и выкотили и

оныхъ до домовъ своихъ впривадили. А вгды на завтрее, въ овторокъ, его милость отецъ архимандритъ Жидичинскій, панъ мой, взявши ведомость отъ тивона своего, ижъ оныя подданные его милости выкочены и збегли, взяли следъ праве туръ (?) немалый ку дуброве, ку гостинцу Четвертенскому, заразомъ въ погоню выправилъ за оными збегами своими служебника своего, шляхтича учтивого Александра Рытеровского, при немъ двоихъ бояриновъ Жидичинскихъ: Анѣдрея Юху, а Ивана Бурноса и Радка Приступу, давши имъ листъ свой отъвористый, съ печатью и съ подписомъ руки свое писанный, о то, ижъ где бы они тыхъ збеговъ пристигнули, албо догонили, абы имъ везде и на кождомъ местцу вера и помочъ на заборонене и на загамоване, або и поймане оныхъ збеговъ дана была. Тамъ же оныя посланцы его милости приехали до села княжать ихъ милости Збаразскихъ, воеводичовъ Браславскихъ, до Озера, чинили опытъ и заповедъ у людей тамошнихъ: если таковыя збеги черезъ оное село ехали, або провожаны были? И възяли ведомость въ людей Озерскихъ, ижъ тые люди, за которымъ они ездять, есть во имену княжать ихъ милости Збаразскихъ, Воли Дидовицкой. Тогда они, хотечи певнейшую ведомость мети, ужили и взяли зъ собою сторону, за вежовъ, бояриновъ тамошнихъ, зъ Озера, Мартина Петровича и другого Савку, и для skutечнейшаго выведованя и певности, абы ведомость певную взяли о оныхъ збеговъ. А вгды приехали на оную менованую Волю, ставши себе господою съ конями у Лукьяна Шюды, шли въ домъ ись тыми бояры княжать ихъ милости до онога Радка Долгого, выкотъцы власного, и тамъ, въ онога Радка, на дворе застали быдло, волю, коровы, овцы, гуси и иные речи оныхъ збеговъ, подданныхъ Жидичинскихъ; осветчивши и оказавши то оному боярину Озерскому, Петровичу Мартину и Савци, отошли спокойне до господы своее, где кони мели. И пришедши, кони огледавши, а ижъ было припозно, переночевать хотели, а до пана своего одного зъ межи себе по далшую въ той справе науку послать хотели, и о вежа, абы зъ уряду княжать ихъ милости, зъ Яровицы, прошно Радко Долгий и Калишъ Играшъчя зъ отцемъ своимъ, выботцы будучи, видячи учинокъ у выкоченью своемъ, которого не переставяючи, але его skutкомъ выполняючи, зъ иными помочниками сво-

ими, ему лепей ведомыми, и далее мыслячи, яко бы тотъ учинюкъ зъ себе зложити и съ того се вызути могли, закликали егвалту на все село и тамъ сами, зъ многими суседами и помочниками своими, имени имъ ведомыми, егвалтовне нашедши на господу ихъ спокойную, тамъ же заразомъ окрыкъ егвалтовный учинивши, на домъ господы ихъ добывать и двери выбивати почали, — а они, таковой егвалтъ и насте на господу видечи, на кони повседавши, уежджать хотели; они ихъ отъ воротъ заскочивши, оныхъ съ коней позбивали и окрутне побили и поранили: шляхтича учтиваго, Александра Рытеровского, княми побито, Ивана Бурноса, боярина, и Радва Приступу такъ же побили и зранили, которые, утекомъ, заледве черезъ плоты тузь у дуброву, за село, отъ всего пешо втекли; Андрея Юху, боярина, съ коня, киемъ въ голову зарозивши и збивши съ коня, который тамъ же на дворе, въ госноде своей, передъ ними безъ памяти спалъ, а кони, которые подъ ними были, властные его милости отца архимандрита Жидичинского, пана моего, зъ стайни его властные, меновите: конъ зъ серниста вилчатый, который коштовалъ шестьдесятъ копъ грошей Литовскихъ; конъ тисавый лысый, ступаекъ, который коштовалъ копъ тридцать грошей Литовскихъ; третий конъ зъ серниста половый, который коштовалъ копъ двадцать грошей Литовскихъ; вляча гнедая, ступачька, которая коштовала копъ десеть грошей Литовскихъ; на которыхъ конехъ седелъ чотыри порядне, зъ войлоками, зъ уздами, зо всимъ нарядомъ и докладомъ властнымъ пана моего, яко належить на коня оседлати, каждое зъ нихъ по пети золотыхъ коштовало, а одъ нихъ самыхъ, што одно при нихъ было, отбили и пограбили, а меновите: у Александра Рытеровского—пулгакъ, шаблю, гамалию, зъ ладуньками, съ пороховницею и делюру брунатную, фалендышовую, зеленымъ виромъ подшитую, шапку, хустьку, которое все коштовало на десеть копъ грошей Литовскихъ; у Ивана Бурноса, боярина—полгакъ, за пять золотыхъ, шаблю, за три золотыхъ, шапку, за дванадцать грошей Литовскихъ купленную, и хустьку—отъ него пограбили и взяли; у Радва Приступы—шаблю и копенякъ белый, брежинский, и шапку, которое все коштовало три копъ грошей Литовскихъ; а у того тежь боярина, Юхи—пулгакъ, за польшоста золотыхъ, шаблю, за три золотые, опончу, за

два золотыхъ, шапку подъшитую, за двадцать грошей Литовскихъ вупленую, и грошей съ хустькою полтора золотого,—то все отъ него пограбили и взяли. А видечи они передъ собою злыи, кгвалтовный учиновъ свой, на томъ далей его пополняячи, бачечи кгвалтовное на господу ихъ настѣ, позбиване съ коней, поранене и пограбенѣ, а оного боярина Юху видечи окрутне збитого, а южь смертелного, трудно его зъ села имъ было збити, чинечи о немъ промысль и добываючи рады—яко бы се съ того злого учинку своего выйти (sic) могли и оного збыти, а набывши рады, оного боярина, Андрея Юху, видечи заледво живого, зъ великимъ згромажнемъ хлоповъ, яко бы якого злочипцу, до замку Луцкого отпрывадили и до везенъя отдали и осадили, а оные кони, съ которыхъ позбивано посланцовъ папа моего, похромивши, посаднивши, стушакони тисавому ово правое прочъ выбили, и все, што было оволо седелъ рынштунковъ, вси и нарады при себе зоставивши, наветъ и подновы съ подъ коней всихъ зо всихъ ногъ ододравши, толко коней четверо съ трома седлисками, леда якими, на врьдъ съ тымъ бояриномъ отдаи, а тотъ увесъ менованый грабежъ, и што одно при нихъ было, до домовъ своихъ отпрывадили и на пожитокъ свой обернули; а иншую маетность рухомую оныхъ збеговъ при себе въ селе, на менованой Воли Дедовицкой, задержали, а оныхъ отъ все маетности зъ села выправятъ почали, а въ томъ урядникови своему Яровицкому, пану Абраму Поплавскому, о томъ ознаймили, о раду противко своего злого учинку просили и оную маетность свою оныхъ збеговъ у себе въ селе ему сказали. А потомъ его милость панъ мой, взявши ведомость певную—которыми местъцами и где оные збегы его черезъ подданныхъ княжатъ ихъ милости, выкотьцовъ, попроважоны были, знову посланцовъ своихъ въ погоню за ними его милость панъ мой послалъ; которыхъ збеговъ оныхъ въ селахъ нашедши, одно жоны зъ детми поймали, а сами мужи ихъ, съ тыми проводниками, въ лесъ повтекали. А потомъ тые мелованне подданне манастырские, Гарасимъ и Грицко, зъ листомъ отвористымъ имъ на волное пройстѣ до маетностей украинныхъ, отъ пана Абрама Поплавского данымъ, тутъ, пере(е)дываючи папа моего, абы ихъ знову привялъ и тотъ выступокъ имъ пробачиль, дни оногдаш-

него, двадцать сегого месеца февраля, пришли,—и тамъ, вгды были пытаны—за чьимъ бы поведствомъ проважоны были, тое поведили: же за тымъ листомъ отвористымъ пана Поплавского и за певными проводцами прочь шли; едѣнакъ такую науу отъ того пана Поплавского метъ себе поведили, ижъ если бы ихъ погонитъ мело, абы тотъ листъ затратили, который они едѣнакъ до его милости пана моего зъ собою прннесли, и маетность свою всю рухомую у тыхъ вышѣменованныхъ подданныхъ княжатъ ихъ милости Збаравскихъ, въ Дедовицкой Воли оставленную, быть поведаютъ, которую, яко маемъ ведомость, преречоный панъ Поплавский до себе, яко урядникъ, забърати мель. А такъ преречоный служебникъ его милости отца архимандрита Жидичинского, панъ Иванъ Чайковский, такъ противъ преречоному пану Абраму Поплавскому, о дане такового листу, противъ праву слушности на выпроваженъе и волное проейстѣе чужимъ подданнымъ, яко тежъ и противъ тымъ вышѣменованнымъ юдданнымъ княжатъ ихъ милости Воли Дедовицкое, о выкоченъе тыхъ менованныхъ збеговъ и о побите и зранене слугъ и бояръ, вышѣменованныхъ, монастырскихъ, и о грабежи при томъ сталые, оставуючи волное чиненъе правомъ пану своему и съ тымъ съ кимъ, водлугъ права, належати будетъ. И просидъ менованный служебникъ его милости отца архимандрита Жидичинского и капитулы его, абы тое оповедане его до книгъ вгродсвихъ, Луцкихъ, принято и записано было,—што есть записано.

Книга Луцкая вродская, записовая и поточная, № 2424, годъ 1609, листъ 145.

СХ.

Объявленіе отъ имени пана Стефана Немирича о томъ, что крестьянинъ села Вересовъ, Грицко, оказался по расиросу его предъ копыиъ судомъ, невинновымъ въ покражѣ коня у ночевавшаго у него слуги Немирича, и что Немиричъ никакой претензіи объ этомъ къ нему не имѣть. 1609 г, іюля 5.

Року 1609, месяца іюля пятого дня.

Жаловаль слуга его милости пана Стефана Немирича, именовъ его милости пана своего, панъ Ярошъ Шеметь, на мещанъ его королевское милости Житомирскихъ и села Вересовъ, ижъ року теперешнего, тисеча шестьсотъ девятого, месяца іюня двадцать третего дня, подданный дей его милости пана моего, съ Троровичъ, Васко Галать, изыхаль былъ съ конемъ передъ жолнеры до приятеля своего, до маетности его королевское милости, державы пана Галчиновского, Вересовъ, Грицка; тамъ же ему ночуючы съ конемъ и зъ иишыми речами, украдено ему коня, шерстью тисавого лысого, о которого коня чинили опытъ мещане его королевское милости, войтъ изъ сотниками, и зъ иишыми мещане, и была копа въ месте Житомиру разъ и другий; нишли се на тотъ часъ никто не призналь, и о собе справу слушную давали. А вгды пришла третая копа, такъ же войтъ чиниль изъ мещаны опытъ, такъ тежъ и съ подданными пана Галчиновского, Вересовскими, и вгды пытали того приятеля Галатова, Грицка,—если бы приездчалъ до него передъ тою шкодою явий приятель, або приходиль, теды онъ поведалъ: жемъ, повяда не мель передъ тою шкодою въ дому своемъ жадного гостя и приятеля; где, тутъ же стоечи, подданный пана Бышполского, Яцко, повядалъ: я дей видель брата Грицкова съ Каменькы, который, будучи въ Вересахъ, пыталъ се до брата своего, Грицка,—если бы былъ дома. Теды южъ и онъ въ тотъ часъ поведиль, же, поведа: былъ у мене братъ мой съ Каменки и обвествиль есми его атамановой самой, бо самого не было. А воли пытали атамановое,—если бы ей Грицко

брата своего съ Каменки обвести? она поведла, же я, поведла, николи Грицка не видала, и до мене не приходилъ, и брата своего не обвещувалъ. Теди громада, менщане его королевское милости, Житомирские, которые на тотъ часъ были, съ себе выводъ уиндили, и съ тыхъ я причинъ великими чтию; а которые на тотъ часъ, такъ менщане, яко и подданные пана Галчиновского, на той коне не были, съ тыхъ себе Грицко на часы пришло право волное захуветъ. И просилъ Грицко, абы то было до книгъ замку Житомирского записано, — что есть записано.

Книга Житомирская городская, записовая и поточная, № 41, годъ 1609, листъ 477.

СХІ.

Объявленію вдовы крестьянина Грицки о томъ, что она получила головщину съ убійцы своего мужа и освобождаетъ его, поэтому, отъ всякой ответственности за убійство, съ тѣмъ однако, чтобы онъ, сверхъ уплаты головщины, выполнялъ за убитого всѣ его повинности въ теченіи четырехъ лѣтъ. 1611, февраля 24.

Рокъ 1611, мѣсяца февраля 24 дня.

Постановляющія очевидсто на уряде его королевское милости замку Житомирского, передо мною, Григоремъ Кочуровскимъ, подстаростимъ Житомирскимъ, Грицка, такъ именемъ своимъ, яко именемъ дѣтей своихъ всѣхъ, съ Прицемъ, теперь съ того свѣта зошлымъ, сложонныхъ, сознала въ тие слова: иже поневажъ, съ презрениа Божого, а за оплостью и нещастемъ своимъ, въ року теперешнемъ, тисна прещестъ первонадцать, мѣсяца февраля первонадцать дня, презъ руки, въ засажде мужа моего самотретого на Андрея Брудвинского, слугу пана Яна Галчиновского, которого естесми подданныи на сесь часъ, Вересовскимъ, часті его, (одъ) оного Анъдрея

раненъ есть разъ одень, смерти по дняхъ килку поносеть; тебѣ я сама, дѣти, брата, брвенные небожчика мужа моего, зъ угоды зъ помененымъ Андреемъ, слугою пана Галчиновского, головщизны вопъ дванадцать грошей Литовскихъ давши, которые заразъ руками своими оличиломъ и отобрала, также повинность вшелякую певнати, то есть панщивну вшелякую отправовати, чинишь и што ено пану належати будетъ, рокъ отъ року, на лѣтъ чтыри повиненъ есть и будетъ; зачимъ въ оногъ забойства мужа моего я сама, дѣти, зъ небожчивомъ сложоны, брата, брвенные и повинные небожчивовские, если бы которыхъ мѣль, также отъ головщизны возному оногъ вышменованогъ Андрея волными часъ (волнымъ вечными часъ?) чинимо и нинейшимъ зознаемъ нашимъ квитиемо, чога вечными часы никто на ономъ самомъ, жоне и потомкахъ его поискивати не маеть и не будетъ (въ) моци. При которомъ сознанию были люди удчивые, то есть Карпо, братъ умерлого, и иншихъ не мало. Которое то сознание помененой Гридиахи до книгъ замку господарского Житомирского есть записано.

Книга Житомирская городская, записовая и поточная, 1611 юда, № 12, мистъ 74.

СХІІ.

Рѣшеніе Люблянскаго тибунала, осуждающее пана Мартина Межянскаго на смертную казнь, за нападеніе на имѣніе пана Вилгорскаго с. Капустинъ, истязаніе и ограбленіе крестьянъ, разрушеніе ихъ хать, и за нападеніе потомъ въ дорогъ на самого Вилгорскаго, ограбленіе его и убійство его слуги. 1611 г., апрѣля 13.

Року тисеча шестсотъ одинадцатого, месяца мая осмого дня.

На вряде вгродскомъ, въ замку его королевское милости Лудкомъ, передо мѣною Адамомъ Олшамовскимъ, буреграбимъ и намест-

никовъ подстароста Луцкого, постановившиися очевидно шляхетный
 Николай Мрочекъ, слуга урожонного пана Александра Вилгорского,
 перъ облятамъ поведаль и покладалъ декретъ баньдци суду голов-
 ного, трибуналу Любелского, на воеводстве Волинскомъ, въ року
 теперешнемъ, шестсотъ одинадцатомъ, месяца априля тринадцатого
 дня, межъ номеновымъ урожоннымъ паномъ Александромъ Вилгор-
 скимъ, поводомъ, а урожоннымъ паномъ Мартиномъ Межинскимъ,
 позваннымъ, въ справе нижей менованой учиненый, съ печатю зем-
 скою Володимерскою и съ подписомъ рукъ ихъ милости пановъ
 депутатовъ и писарское, просечы, абы принять и до книгъ вгрод-
 скихъ, Луцкихъ, уписанъ былъ; который я, видеца бытъ целый, и
 зуполный, автентиче съ книгъ трибунальскихъ выдамый, для вилсана
 до книгъ, за афектацією прареченого Николая Мрочка, приймаючи,
 передъ собою читати казаль, и такъ ее въ себе маеть: »Выпись съ
 книгъ справъ головныхъ трибунальскихъ воеводства Волинского.
 Лета Божьего нарощена тисеча шестсотъ одинадцатого, месяца априля
 тринадцатого дня. Передъ нами, депутаты суду головного, трибу-
 налу Любелского, во всехъ воеводствахъ короны Полское на роуъ
 теперешний, вышей менованый обраными и высажонными, приточи-
 лася справа, въ реестру судового, за прыволанемъ возного опатр-
 ного Станислава Издебского, межъ урожоннымъ паномъ Алекса-
 дромъ Вилгорскимъ, поводомъ, зъ одное, а урожоннымъ пчомъ Мар-
 тиномъ Межинскимъ, позваннымъ, зъ другое стороны, за декретомъ
 суду вгродского, Луцкого, зъ рочковъ октебровыхъ, въ року тисеча
 шестсотъ девятомъ сужонныхъ, межъ вышеменованными сторонами
 учиненымъ, а то въ справе, отъ повода позваному, нижей, въ позве
 вписаномъ, меновите выражонной, всчатой, въ которой, егда поводъ
 позваного на вышеменованые рочки позвомъ позваль, тамъ судъ
 вгродский, Луцкий, по контроверсияхъ сторонъ обохъ, на афекта-
 цию умоцованого стороны позваное, позваному дяляци хоробы, до
 рочковъ, по тамьтыхъ напервей сужонныхъ, позволилъ и рокъ безъ
 приповву сторонамъ обомъ заховаль, одъ которого декрету до три-
 буналу Любелского апелеваль; судъ то ему, тое апелаций допустив-
 ши, рокъ за нею обомъ сторонамъ передъ судомъ трибунальскимъ на
 термине теперешнемъ воеводства Волинского безъ приповву, за-

ховаль, о чомъ тотъ декретъ инарей въ себе масть. На року градъ
 нинешнемъ, съ того декрету въ той справе слышше придаломъ, пр-
 водоваа сторона, очевидно ставали, призваного черезъ витьречного
 возного ку праву по три кротъ призовать дала, который, иже се
 не отозвалъ и ведомости жадное в нестанию своемъ судова и сто-
 роне не дала, онде, яко нестало, на усадъ въ выску рочи, въ
 позве менованое, зъ волнымъ одинакъ арештомъ, зъ доумена судо-
 вого, на позовъ тотъ, въ апелляции вписанный, который дала ея въ
 себе масть: Миколай Семашю на Купяеве, капиталинъ Браславскій,
 староста и ключникъ Луцкий. Урожомому Мартынову Межицкому
 зъ особы и зъ всихъ добрыхъ твоихъ, лежачихъ и рукомыхъ, и зъ сумъ
 пенезныхъ, приказуемъ владвою уряду нашего старостинского, абисъ
 передъ нами, а въ небытности нашей, — тогда передъ урядомъ на-
 шимъ вгородскимъ, Луцкимъ, въ Луцву на рочнакъ вгородскихъ, ко-
 торые се судить и отправовати зачнуть отъ дня двадцать второго
 октября, въ року нинешнемъ, тисеча шестестьдесятомъ, самъ обич-
 не и завите сталъ, на жалобу и правное поспирание урожомого пана
 Александра Вилгорского, который тебе повывасть, прикладываясь до
 протестацїи своея, противю тебе въ вгороде Луцкомъ, въ канцахъ
 вгородскихъ, Луцкихъ, урядовне учиненое, о то: какъ ты, зъсваживши
 право посполитое и повои, правомъ посполитымъ обверованный, взы-
 ши насъ на повода теперешнего, пана Вилгорского, разниши часи
 наезджаючи на село Капустинъ, державу его, бѣи, грабежи, и гвал-
 ты, подданнымъ тамошнымъ и ему самому, чиниши, и теперъ предаю,
 въ небытности его, вгды въ Луцву бѣи, на рочнакъ, которые се
 судили отъ дня тринадцатого июля, наехавши на тое жъ село Ка-
 пустинъ, зъ немало слугъ и татаровъ и иншихъ, на здорове пово-
 дово прѣспособленныхъ, халушь две подданныхъ его въ ставъ роски-
 дала, подданныхъ побилъ, а другихъ до себе взялъ, которые ажъ
 въ вилка дней одъ тебе утекли до домовъ своихъ; такъ-же белые
 головы старые две, которые не могли утечи, для старости летъ своихъ,
 казалесь на улицу съ печи выволочи и нагайками татаромъ передъ
 собою бить, череду всю подданнымъ тамошнымъ, которая при тебе
 съ поля до села того Капустина вошла, завалесь и до Русыи до
 двора загнались; о што все волное чинене себе поводи правне ииъ

Феро Феря заховуе. И на томъ ты еще мало маючи, але ваявни презъсе злий и непристойный учинювъ, адорова позбавить повода теперешняго, доведавшисе, кгда зъ Луцка, въ рочювъ выпшпомененныхъ до села того Капустина, не ведаючи ничего в той свежоѣ твоеѣ зъбродни, ехаль, дня пятого августа, въ року нынешнемъ, тисеча шестьсотъ девятомъ, ты, Мартине Межвиский, съ тыми жъ татари, такъже съ козаками и инними помочниками, такъже слугами своими, до того зъ гарматою ровнею; на учинювъ, нижеѣ выражонный и въ умислѣ добре постановлений, не мало тебе именити и наввисаки знаемыхъ, не давши первой жадное ведомости о неприязни и замысли такомъ, яко се годило, а ваявни ведомость, и маючи япекти свое, же панъ Виборский просто до Капустина ехаль,—тамъ же ты, съ тыми жъ татари а козаками, съ которыми еси первой наездчалъ на тую жъ весь Капустинъ, державу его, ку тому съ подданными Русивскими, которыхъ всихъ было до двохъ сотъ человека, дня пятого августа, засадишисе сарите; въ лисе въ гребли Русивскоѣ, кгда до гребли преречоный панъ Виборский, яко человекъ спокойный, правювъ и повоемъ посполитнымъ обварованный, толко самонность, не ведаючи о такой неприязни и засаде, приездчалъ, ты, препомнившѣ боляни Божое и пристоености шляхетское, зъ лису выпадши, оврикъ учинивши, стрелять почали; где заразъ при пану Виборскомъ шляхетного Яна Малиновского, слугу, шляхтича учтивого, въ мушкету во три палци середние у правое руки самъ особю своею пострелилъ; а другого, Матея Бранского, шляхтича учтивого, смертлене въ боже правый зъ луку неодмоведне двома стрилами на вылетъ, на котчемъ (sic) сидячого, пострелили, и окрутне забили и замордовали, и зъ живюу умерлого учинили. И такъ панъ Виборский, видечи на себе квалтъ, которому жаднымъ способомъ отвору не могъ дать, будучи на котчемъ, не на войну приготованнымъ, а зъвляща, кгда одни на коняхъ, съ пулками и зъ стрелами, а другие пехотою, то есть хлечи съ восамъ, почали силою наступовать, а овше зъ боковъ и съпереду наездчатъ, тебѣ оборонною рукою, а въпередъ ласкою Божою и опатрностью, жедве здорюве свое и остатокъ челяди, которыхъ для послуги, а не для войны, яко человекъ спокойный, зъ собою на тотъ часъ

взять былъ, до тое жъ вески Капустина (успедль?); тамъ же колясу зъ однимъ конемъ, которая не могла надолжить за вочимъ, егда поводъ оборонною рукою южъ уходилъ въ здоровьемъ своимъ, которую былъ зъ собою взять зъ живностию, обычаемъ лупу, ты, Межинский, взялся самъ, на которой колясе было тузинъ ложкобъ серебряныхъ, за сорокъ золотыхъ купленные, обрусовъ коленскихъ два, и шаблю клопца того, который тую колясу везъ, барило меду, четверть мяса яловичого, и иныхъ живель: хлеба, сыра, масла, и то все до дому своего до Русивя отпровадилесь, яко о томъ протестация противко тебе о такнй егвалтъ и заступъ на добровольной дорозе есть учинена; зачинъ въ вины, правомъ посполитымъ противко такимъ описаные, попалесь, до которыхъ на тебе всказана, тебе поводъ позываетъ. Прото, абысь на року вышъпомененомъ сталъ и тому се прислухалъ, егда(жъ) мы, або, въ небытности нашой, урядъ нашъ, срокость права посполитого и вины, въ немъ описаные, на тебе вскаже и противко тебе поступитъ конечно. Писанъ въ Лудку. Року тисеча шестсотъ девятого, месяца сентебра дванадцатого дня. Которого вадана ижъ позванный, будучи о годыне выключой до арешту черезъ того жъ возного приволяванъ, не арештовалъ и арештовати не хотель, поводъ далшого поступку на немъ домовляесе. Прото судъ нынешний, головный трибунальский, за нестанемъ позваного, а за правнымъ попартемъ поводовымъ, прихляючисе до права посполитого, въ далшомъ поступку, въ способъ зыску, декретъ суду кгородского, Луцегого, поднести, вины карани на горле позваного за таковой ексъцесь есть въ праве посполитомъ описаные, на позваномъ всказуетъ и нынешнимъ декретомъ всказалъ, на горло оного, за тотъ учинокъ его, яко егвалтовниза и нарушителя права посполитого, декретомъ нынешнимъ осудель. А ижъ позванный до суду нынешнего, для выконана и презъ судъ нынешний на немъ тое ексекуций и карани на горле, не становилъ, теда судъ нынешний на ономъ, яко права посполитого и зверхности его королевское милости противномъ, вину баниции, выволана съ панъствъ его королевское милости, короны Полское и великого княвства Литовского, всказуетъ, и, для объволана и заразь публикована тое вины баниции, возного, при суде будучого, шляхетного

Станислава Издебского, придаетъ. Который то возный, зъ росказава и придава суду нинешнего, а съ повинности уряду своего, тую баницю на позваномъ, тутъ на ратушу Любелскомъ при велю людей зацныхъ, зъ розныхъ воеводствъ згромажонныхъ и у суду справъ своихъ пильнующихъ, голосомъ вынеслымъ, до вѣдомости всямъ при-водечи, обволазъ и публиковалъ, абы, о томъ ведаючи, съ преречо-нымъ Мартиномъ Межинскимъ, яко банитомъ и выволанцомъ, и правомъ переконанымъ, жадного сполеку а ни обцована не мели, радою и помочю ему не были, и оного въ домахъ своихъ не пере-ховывали, але се зъ нимъ во всемъ, яко выволанцемъ, правомъ пе-реконанымъ, заховывали, подъ винами, въ праве посполитомъ опи-санными. О чомъ тотъ возный, же тую баницю на позваномъ пуб-ликовалъ, передъ судомъ нинешньимъ ставши, сознание свое учинилъ. По второмъ обволазю и публикованю тое вины баниций, судъ нинешньий, хочечи, абы тотъ декретъ до екзекуции пришолъ, на выконане водлугъ того декрету екзекуции и ростягненемъ (sic) на поз-ваномъ тыхъ винъ, то есть для караня онога на горле, до суду кгроц-ского, Луцкогo, если бы тамъ позванный притягненый былъ; такъ же и до вншихъ судовъ и урядовъ вшелявхъ, подъ которыхъ бы кол-векъ юриздициею позванный переменяивалъ, в презъ сторону пово-довую, албо кого колвекъ иншого, за тымъ декретомъ пристигне-ный былъ, отсылаетъ; который то судъ и врьдъ, такъ Луцкий, яко и инший кождый и вшелявий, выпеменованный, тую екзекуцию на позваномъ выконываючи, онога, яко банита и правомъ приконаного, поймати и на горле карати маеть и моць за сымъ декретомъ ни-нешньимъ мети будетъ, безъ жадное фольги; што повиненъ кождый врьдъ, за реквизиранемъ стороцы поводовое, учинити, подъ винами, въ праве посполитомъ описанными. Што все для памети до внигъ справъ головныхъ трибунальскихъ есть записано, съ которыхъ и сесь выпись есть выданъ. Писанъ въ Люблине. У того декрету трибу-нальскаго печать земская повету Володимерскаго, а подпись руць ихъ милюсти пановъ депутатовъ и писарское тыми словами: »Alexander z Ostroga Źasławsky, C. V., manu propria; Martinus Witowsky, notarius castrensis Lanc. Plichta Jan, chorąży Sochaczewsky, manu propria. Alexander Chodkewicz, wojewoda Trocki; rząką swą; Hawryło Hostsky,

chorąży Kłiowski, deputat Wołyński, ręką; Юрей Овлочимскій, писарь. Который то секретъ трибунальскій, за подаемъ пререченого Николая Мрочка, а за принятемъ моимъ, до князь есть уписанъ.

Книга Луцкая, городская, замислова, № 2119, годъ 1610—1612, листъ 300.

СХІІ.

Условіе объ отдачѣ Львовскимъ подкоморіемъ, Станиславомъ Каменецкимъ, въ аренду панамъ Гмиецкимъ своего двінія, сс. Жуковца и Горзвина. 1611, апрѣля 18.

Року тисеча шестсотъ одинадцатого, месяца апрѣля двадцатого дня.

На вриде вгородскомъ, въ замѣну его королевеске милости Луцкомъ, передо мною, Адамомъ Олиаковскимъ, буреварбимъ и заместникомъ подстароства Луцкого, станувши абличие, урожкомые Дяъ Кравецкий и паней Дорота съ Хотчей Кравецкая, малъжонковъ, обое сполне и одностайне, одступивши своей власной юрисдикции, а тутешней вгородской, Лудвой, вие што ся дотычетъ сазваня темерашнего интерцызю, печатми и рукамн якъ, такъже людей зацнмъ, подписаную и запечатованую, възглядомъ аренды фольварковъ двукъ: села Жуковца и села Горзвина, учиненую, урожкомымъ вкъ милость пану Станиславови Каменецкому, подкоморему Львовскому, и ее милости панее Богдане Семанювьне Каменецкой, подкоморини Львовской, малъжонкомъ, даную, для вписаня до книгъ вгородскихъ, Луцкихъ, подали, которую очевистимъ добровольнымъ сазвантемъ, во воли лиггажентами о ней, вмогънивши и ствердирьши, просили, абы принята и до книгъ вгородскихъ, Луцкихъ, вписана была; которую урядъ, принявши, передъ собою читать казаль, и такъ за въ себе, писмомъ полскимъ писаная, маеть: Ja Jan Ganecky, ja Dorota a Chotckey Ga-

necka, z małżonkiem swoim, zeznawamy tym listem y dobrowolnym zapisem naszym, komu by to należało wiedzieć, teraz y na potym zawždy, iż iesmy arendowali u (sic) jego mości pana Stanisława Kamienieckiego, podkomorzego ziemie Lwowskiej, y paniey Bohdanie Siemaszkownie Kamienieckiej, podkomorzyniey ziemie Lwowskiej, majątności dwóch: folwarku sióła Żukowca, folwarku y sióła Horzdwina, z młynem Horzwinskiem y z wymiołkami jego, y z stawkiem Żukowieckim y jego spustem—okrom stawu Horzwinskiego wielkiego y łowienia w nim ryb—gaiow y zarosli, na tych majątności będących, ze wszitkimi przynależnościami, niżej opisanemy, to jest: sadek Żukowiecky s chmielem, które przy majątności Sadowskiej prawem dożywotnym od jego mości xiędza biskupa Łuckiego kapituły wikariow kościoła katedralnego Łuckiego Troyce Świętey, ichmość trzymaia, a iż w tych zwysz mianowanych oboch folwarkach niemasz pługow tylko dziesięć, tedy nam pozwolili jch mość oboje małżenstwa z Sadowa na każdy rok, równo jako sobie poczną orać, pańszczyzne, pługow sześć, na dni sześć na pareninę, także na dni sześć na jarzynie, y radlic na dni sześć radeł sześci, tak tesz y dłużyć na dni sześć; do tego do żniwa ozimego powinni nam jch mość posłać z Sadowa żeńcow piędziesiąt na jeden dzień, a na jarzynie także na jeden dzień żeńcow piędziesiąt; do tego wolny wręb na wasytki trzy lata w dąbrowach Sadowskich, tylko na potrzebe domową do tych folwarkow, na opał, tak tesz y do piwa robienia, ile potrzeba ukazuje, do karczem oboch tamecznych, y do warzenia piwa na swoją potrzebę pana Ganeckiego, y na trzy kotły palenia gorzałki, obęcnie do trzech lat zupełnych, nierozdzielnie po sobie idących, która arenda począć sie ma od dnia pierwaszego maja roku terazniejszego, tisiąc sześćseth jedynastego, a konczyć sie ma w roku tisiąc sześćseth czternastem, — za pewną sumę pieniędzy: za dwa tisiaca złotych polskich, w każdy licząc po groszy trzydziestu polskich, którą sumę zaraz ich mościam dalichmy y tę majątności do posesyj y używania swego, s poddanemi ciąglami y nieciąglami, na inwentarzu, nam od ich mościow podanym y spisanim, wzieliśmy; który inwentarz, tak poddanych, jako y rzeczy ruchomych wszitkich, nam od ich mości oboiga małżenstwa iest; podany y rękoma naszymi, także też ich mości, oboiga małżenstwa, oboich stron, podpisany y zapieczętowany, y actami grodzkiemi, Łuckiemi, przyznany, w których to majątnościach wolno nam będzie pożytkow przyczyniać, wedle nalepszego pożytku y gospodarstwa swego, bez uciążenia poddanych, nie wyciągając ich nad powinności, od ich mościow na inwentarzu nam podany; winy takim sposobem, iż gdy by iaka przypadła w tych wsiach za wielkim y znacnym excesssem u poddanego którego, tedy pan Ganecky ma

prawo tamżemo dazdió; y, co sie okaze, ma sie ze namy zmitć y poro-
 nieć y hukawie skarać, za znieścieniem sobepalnym; a to dla tego, aby
 grom y harmość w nich była, także też gajow y lasow, na tych mągt-
 sciach będących, okroni gwałtu do grobli, nie pustoszyć, a ni rodawać, a
 ni: przedkawać do tego; ha: każdy rok dzierzenia swego powiniemy, wed-
 ług: łanuz: przy czynszach; podymać, na każdy święty: Marcia, wybraży
 od: tybh: poddanych; do: rąh: ich: mości, albo którego z kolwiek z ichmościow,
 także y: pobory, gdyby byli: uchwalone, oddawać do tego nasienie, według
 iawenturze: nam: od: ich: mościow podane, circa expirationem arendae, przy
 wzięciu ich: mości, tak dzim; jako y: iare, powiniemy zasiać, a co by sie
 nie: wysiało,—gotowym zbożem oddać do tego waruim to ich: mości obyga-
 małżenstwa, stawek w Żukowcu, gdy go: sobie na ryłim, spłaciszwy, przy-
 dzim: zastawie y ich: mości, circa expirationem arendae, cało: oddać; a in: dno-
 nawi: w: tym: stawku: Żukowieckim, tedy nam: powinien: jego: mość: pan: pod-
 konarzy: Lwowak; albo jej: mość: pani: podkonarzyni: Lwowska, na: każdy
 rok: dzierżawy: naszej: dawać: na: rochoch: domowy: szczak: łokietnych: na: poly
 z: zawiazkami: kop: trzy, limow: kop: dwie, karasi: kopa: jedna, płocic: z: oku-
 niami: obrow: estery; a, czego: Boże: uchoway, gwałtu: wielkiego y: nawalności
 wody: w: Horzwinie, tedy: młynarz: ma: dawać: znać, tak: ich: mościom, jako
 y: pan: Ganeckiemu, pod: strażeniem: sumy: y: młyna; a: pan: Ganecky y: mał-
 żonka: jego: poddanych: z: obuwu: wsi: dzierżawy: swej, jako: na: gwałt, w: wsi-
 kich, zamoclawszy: roboty: swej, powinia: bądziemi: posłać: do: tego: leśniczy
 ich: mości, z: sadowu, dąbrowy, lasow y: gajow, dla: pustoszenia, ha: tych: mągt-
 nościach: będących, bronić: ma, tak: od: poddanych: Horzwińskich, Żukowiec-
 kich; na: ten: czas: dzierżawy: naszej, jako: y: od: postroanych, czego: my: ich
 mościom: bronić: nie: mamy; a, czego: Boże: uchoway, na: nas: które: śmierci: w
 tym: czasie; tedy: waruim: to: ich: mościom, obygu: małżenstwa; tak: też: y:
 kturemu: kolwiek: z: ich: mości, bądź: pospołu, bądź: rozdzielnie, z: dobr: naszych:
 wsi: kich, leżących y: ruchomych, te: wsi: kic: konditia, jako: też: y: kłada:
 zesobni: z: nich: strzimać y: wypełnić, pod: zakładem: dwu: tuncy: złotych:
 polakich. Któremu: to: zapisowi y: listowi: naszemu y: wsi: kic: conditio, w:
 nim: wyrazom; tak: w: części, iako: y: we: wsi: kic, tak: obote: spólnie, iako:
 y: kładu: z: nas: osoba: pozostała, mamy y: powinia: bądziemy: s: potenkami:
 naszymi: docić: wyżyć, pod: zakładem: wyrazu: mianowajim; o: który: zakład,
 w: niedobry: ucynku: w: cayu: kolwiek: temu: dobrowdnemu: zapisowi: na-
 szemu; tak: obote: spólnie, iako: y: która: kolwiek: z: nas: osoba: pozostała, po-
 zwani; bądź: spólnie, bądź: rozdzielnie, do: którego: kolwiek: sądu, urzędu y:
 prawa, grodzkiego, odstępnie: od: powia: swego: własnego, a: temu, do:

którego byśmy byli pozwani, ziemskiego y trybunałskiego, — casusis na roku pierwszym za pozwem staważszy, y dobra swe wcielając, dilaty y appellaty waznikich w popolitości nie zastuwając, sprawować sie mamy, y potomkowie naszy, y każda z nas osoba pozostała, o wasitko będzie powinna odpowiadac, zakład wyszey mianowany, od sądu y urzędu, do którego byśmy byli, abo potomkowie naszy, pozwani, nie odchodząc, zapłacić, a zapłaciwszy, o to, o co byśmy pozwani, albo osoba która kolwiek z nas pozostała, dosyć czynić, y conditiam tym, w liscie y zapisie naszym wyrażonym, tyle kroć, yle by tego była potrzeba, dosyć czynić, y te dobra, post expirationem arendaē, wolni y nie obwiązani ich mościom, spolnie, abo ktoremu kolwiek z ich mości puścić; na co ich mości dalichmy ten dobrowolny list y zapis nasz, rękoma naszymi własnymi podpisany y pieczęciami zapieczętowany, do którego listu y zapisu naszego użylichmy ich mościow panow przyaciół naszych: jego mości pana Stanisława Oltarzowskiego, starosty Torczyńskiego; pana Jana Kiiowskiego; pana Wasila Okorskiego; którzy, bytnością swą na prośbę naszą to uczynili, pieczęci swe przycisneli y rękoma swymi sie podpisali. Dzieło sie w Lucku, dnia osmnastego miesiąca aprila, roku tysiaccznego sześćsetnego jedynastego. У тоє интерцывы печатий шесть, а подписа рукъ тыхъ словъ: Jan Ganecky, ręką swą; Dorota s Chotczy Ganecka, ręką swą; Jan Malczewsky, proszony pieczętarz, ręką swą; Stanisław Oltarzewsky, proszony pieczętarz, ręką swą; Jan Kiiewsky, proszony pieczętarz, ręką swą; Василей Окорский, рукою власною. Которая жь то интерцыва, за поданемъ и прозбою преречоныхъ сознаваючихъ, до книгъ игородскихъ, Луцкихъ, есть уписана.

Книга Луцкая иродская, записовая, № 2119, годъ 1610—1612, листъ 291.

СХІV

Арендный дядь отъ Брестскаго введовича Фридриха Тишкевича пану Григорию Чернику, на городъ Бердичевъ и села Быстрикъ и Жидовцы. 1611 г., сентября 1.

Року тисеча шестсотъ одинадцатого, мѣсяца ноября 14 дня.

На вряде его королевское милости, замку Житомирского, дереву мною, Григоремъ Кочуровскимъ, подстаростимъ Житомирскимъ, ставши очевисто велможные ихъ милости, его милость панъ Фридрихъ Тишкевичъ зъ Догойска, воєводиць Берестейский, а ее милость панъ

Зофія зъ Острога, княжна Жаславская, Фридрихова Тишкевичова, малжонкове, устне и доброволне, при листе записе своемъ, бу записаню до книгъ вгородскихъ, Житомирскихъ, въ тые словы везнали: ижъ што были арендовали имена свои власные, место Бердичовъ, въ воеводстве Къевскомъ лежащее, и села до него прислухающіе, Быстрики и Жидовце, зъ дворы, такъ въ месте, яко и въ селехъ будущими, мещаны и подданными тяглыми и зъ ихъ вшелякими повинностями, въ селехъ будущими, зъ кгрунтами оремыми и неоремыми, съ полми, сеножатями, зъ дубровами, ставами и спустами, зъ млынами и ихъ вымелками, ово згола зо всеми позитками ихъ, повинностями, ничого на себе самихъ и на потомковъ своихъ и ни на кого болвекъ не воставуючи, въ моцъ въ держане и въ сповойное уживане, черезъ возного, енералного Василя Сосницкого, урожоному пану Григорию Черниву, водлугъ запису нашего арендовного, на день светого Шимона-Юды, яко се подати и поступити повинни были, и подали и поступили особливою (sic) и водлугъ запису на признане того листу арендовного, отъ ихъ милости его милости пану Черникови даного, на ураде нинешнимъ, ставши и тотъ листъ записъ арендовный передо мною положивши и очевистымъ сознаниемъ своимъ его во всихъ пунетахъ и конъдицияхъ ствердивши, просили, абы принять и до книгъ вписанъ былъ; которого я, водлугъ права спрвленымъ быть бачечи, при томъ очевистомъ сознанию ихъ милости принявши, до книгъ слово отъ слова вписать казалъ, который такъ ся въ себе маеть: »Я, Фридрихъ Тишкевичъ зъ Логойска, воеводичъ Берестейскій, а я, Зофія, княжна зъ Острога Жаславская, малжонка преречоного его милости пана Фридриха Тишкевича, одна особа, яко обе, (и обе) особы, яко одинъ, чиними явно и сознаваемъ сами на себе и на потомки наши тымъ листомъ доброволнымъ арендовнымъ, записомъ нашимъ, кождому, хто бы о томъ ведати хотель, ижесьмо арендовали маетность нашу власную дедичную, мисто Бердичовъ, въ воеводстве Къевскомъ лежащую, зъ двема селами, до того места Бердичова прислухающими, то есть село Быстрикъ и село Жидовце, зъ дворы, люди, мещаны, бояры, подданными тяглыми, и зъ ихъ вшелякими повинностями, чиншами, подводами, полми, кгрунты, сеножатми, дубровами, ставами и ихъ спустами, зъ млынами и ихъ вымелками, ставомъ

и млыномъ новымъ, подъ местомъ Янушовкою новозбодованнымъ ово згола зо всеми доходами, ничего на себе не зоставючи яко се сами въ себе тые три маетности мають, то есть упередъ менючи и кладучи въ томъ пожитки арендарские, мимоходы, капъщины, броварщины, воскъ отъ сычѣня меду, иные всякие пожитки, менованные неменованому а неменованные менованому ничего шѣодити и оближати не мають, а пожитки то все зъ места Бердичова, то есть: (съ) каждой волоки оселой по коне грошей Литовскихъ, по мерци жита, по мерци овса, по шести возовъ сѣна, по двое куръ, по гуси одной въ рокъ, подъвода съ каждой волоки до Буга альбо до Твова, а которые волоки не мають,—по золотому зъ дыму и по двое куръ, ставовыхъ грошей съ кожного дыму по ползолотого зъ дыму и по двое куръ ставовыхъ; а въ селахъ Быстрику и Жидовцахъ пожитки такие, то есть: напередъ корчмы вшелякие, горелчаные, медовые, пивные, мыта и млыны, ставы, до того съ циншами, роботами; збожа, то есть: пульмерки ячменя и полмерки овса, по двое куръ, по гуси; надъ то въ тыхъ же маетностяхъ, Бердичове и селахъ вышъменованныхъ, вини вшелякие, пересуды, паметне, поклоны, купици, змерсне и поемые, ово згола все пожитки, ничего на себе и на потомки свои не зоставючи. А вгды бы тежъ который подданный прочъ пошолъ, теды арендаръ за то не маеть быти виненъ и ни ввоцо не маеть попадать. А стороны тыхъ то подданныхъ въ Бердичове, которые волокъ не мають, албо которые тежъ, холупъ своихъ не маючи, коморниками въ суседахъ мешкають, маеть давать въ мисте по ползолотого, а на селе по грошей шести. И тую маетность нашу вышъменованую, местечко Бердичовъ и съ тыми селами, Быстрикомъ и Жидовцами, арендовали есмо его милости пану Григорови Черникови на три лета зуполные, по собе идучие, то есть, почавши отъ часу и дня Божого Нарожѣня, свята римского, которое, дастъ Богъ, въ року нынешнимъ, тисеча шестьсотъ одинадцатомъ, ажъ до року тисеча шетсотъ чотыринадцатого, такового жъ свята и дня Божого Нарожѣня; еднакъ заразы отъ дня светыхъ Шимона Юды тое мисто Бердичовъ и село Быстрикъ въ моцъ и юрысыдкыю въ способъ аренды подати и поступити мель (sic) и зо всеми пожитками, бо намъ панъ Черникъ зъ тыхъ недель кылконадцать зособна запладилъ и досыть учинилъ. А

што се докычатъ села Жидовецъ, ажъ на сесь часть до держаня ег
 милости подати не можемъ, бо есть въ заставе, теды въ прищиди
 року, дастъ Богъ, за ознайменемъ нашимъ, масть имееше тое наше
 село Жидовецъ, у пана Кгрубьского въ заставе у дванадцати сотъ
 золотыхъ будущее, выкупити, а выкупивши, оное до держаня своего
 въ той же аренды держати и его, ажъ до выистья аренды, за всеми
 его повинностями и пожитками, яко и села Быйстрика держадя, то все
 арендовали есмо его милости пану Григореву Чернякову на три лета,
 по себе идущие, за чотыри тисечи золотыхъ Полскихъ, якожь есмо за
 равъ повѣторы тисечи золотыхъ Полскихъ отъ его милости на тую
 аренду взяли, и его милость квитуемъ, а дванадцать сотъ золотыхъ
 пану Кгрубскому за Жидовецъ, а остатокъ сумы, тринадцать сотъ зо
 лотыхъ Полскихъ, въ року третемъ отдать намъ будетъ повиненъ; а
 мы сами черезъ себе, а ни черезъ дети, потомки наше, такъ тежь а ни
 черезъ слугъ, подданныхъ нашихъ, а ни черезъ жадную иншую особу
 направленую, перешкоды чинити, а ни се въ то никакъ способомъ
 вступовати не маемъ и моцы жадное мети не можемъ, до спокойного
 выдержаня его, водлугъ часовъ вышписанныхъ. То тежь особливе
 тому арендарови нашему тымъ листомъ варуемъ, есдибы, Боже удо
 вай, спустошени тыхъ маестностей отъ неприятеля якого, альбо отъ
 огня, отъ граду, шаранца, любъ тежь зорванья ставовъ и якого колвекъ
 припадку, на чомъ бы тотъ арендаръ шкodu милъ, albo заковаде
 аренды поднялъ, теды мы, тое все упатруючи, повинны будемъ на
 то до приятелю одному высадити и, на чомъ приятеле постановать,
 то нагородити его милости пану Григореву Чернякову, жебы нами
 ни въ чомъ шкodu не милъ. Которые то вси пунъты, вондыцы, ва
 рунъки, въ томъ листе нашомъ вышписанные и менованне, мы сами
 черезъ себе и потомки наши обовезуемъ се, водлугъ того листу на
 шого, выстити и зуполне здержати, ни въ чомъ его не нарушаючи,
 а то подъ закладомъ таковое жъ сумы, яко сама истия сума де
 сеть, чотирохъ тисечей золотыхъ Полскихъ. А еси бы есмо въ чомъ
 колвекъ сесь нашъ записъ нарушили, а которое жъ колвекъ вонды
 ция не здержали, альбо перешкоду, такъ въ пожиткахъ, яко и въ
 браню у подданныхъ подводъ, збожа и иныхъ маестностей ихъ рухо
 мыхъ, и вступъ якимъже колвекъ способомъ, любъ мы сами, любъ

потомки наше, або через когожь колнесть; чинили, тогда закладъ, чотыри тисечи золотыхъ Полскихъ, его милости самому и каждому, сесь нантъ ластъ залнеъ маючому, заплатити и шкоды, на голое речене слова, кромъ присяги, нагородити маемъ и будемъ повинны; о который закладъ и шкоды даемъ вольность насъ до вшедакого права и суду; уряду, вгородского, земского и простого трибунальского, въ которое колнесть воеводство, Киевское, и Волинское, и Браславъское, въ каждый поветъ, хотъ намъ и добрамъ нашимъ неналежащий, позволю и рокомъ ланымъ хотечи бы и днама днями передъ зачатемъ роковы и рочковы, а мы, яко на року завитоги, стать, а ставши повзу и року не буречи и не збываючи, и естисещий жадныхъ и дилций правныхъ не забываючи, отъ деспесовъ судовыхъ не апелюючи, пошепеный закладъ и шкоды заплатити; и всему, што на насъ вказано будетъ, досыть чинити а подлегати маемъ, а по насъ потомки наше повинны будутъ. А если бысмо яскъ на себе одержати допустили, тогда вже який судъ и урядъ на маестностяхъ нашихъ; которме на сесь часть волные суть, skutечную отправу удилати будетъ повиненъ, которме отправы заборонять не маемъ; а если бысмо заборонили, тогда на далнюю екземуцию оный судъ и урядъ насъ на трибуналъ, на воеводство вышпомененне, отослатъ маеть и будетъ повиненъ. А што се дотычетъ браня поборовъ, которме ежми на сеймакъ валныхъ уфалены будутъ, также подимное, сторожовщины, проховщины такъ зъ миста нашого Бердичова, Янушова и всихъ селъ, до маестности тое наше прислухающихъ, мы не маемъ брати, але то все его милость панъ Черникъ выбирать, а выбрали намъ до рукъ, або кому отдать назначимъ, маеть и будетъ повиненъ. А сторожовщина и проховщина на оборону замку и места оборочена быть маеть, а то также подъ закладомъ чотырохъ тисечей золотыхъ здержати и зистити маемъ, о што форумъ на тыкъ же воеводствахъ и поветахъ себе назмачаемъ. А повинности съ подданныхъ ширей на инвентару, отъ насъ данымъ, суть описаные. А по експированю аренды румаций на недель шесть его милость панъ Черникъ мети маеть, и поупущеня тое аренды о жадне спустошеня и шкоды позыванъ черезъ насъ и потомки наши бытъ не маеть. А особляве и тое его милости варуемъ, якъ если бы што на виправу тое маеть

ности, нашею такъ будоване яко и посыпане гребель, наложилъ, тогда, водлугъ вынаязку приятельского, то его милости нагородити будемъ повинны; на што для лепшого и певнейшого утверженя тыхъ речей, вышейписанныхъ, дали есмо тому арендарови нашему, пану Григорию Черникови, тотъ нашъ арендовный листъ съ подписомъ рукъ нашихъ власныхъ и съ печатми нашими запечатованы, до которого застаню (sic) и очевистою прозбою нашею, печати свои приложивши, руками власными до того листу арендовного подписатисе рачили ихъ милости панове а приятели наши: панъ Григорей Кочуровский, подстаростий Житомирский, а панъ Теодоръ Мышенский, писарь Житомирский, а панъ Андрей Пересецкий. Писанъ въ Бердичове, року тысяча шестсотъ одиннадцатого, мѣсяца сентебра первого дня. У того листу арендовного запису печатей притисненныхъ чотыри а подпись рукъ тыми словами: Frydrich Tyszkiewicz z Lohoiska, ręką swą; Zofia z Ostroga księżna Zaslawska Tyszkiewiczowa, ręką swą; Григорей Кочуровский, власною рукою. Proszony pieczętarz od jegomości pana Frydrycha Tyszkiewicza u małżonki jegomości, Teodor Myszynsky, pisarz Żytomirski, Andrzej Peresiecki. Который же то помененый записъ арендовный, презъ подане речонныхъ особъ ихъ милостей пана Тишкевича и малжонки его милости, до внигъ врядовыхъ замку господарьского, Житомирского, есть принято и вписано.

Книга Житомирская градская, записовая и поточная, 1611 г., № 12, л. 349 на об.

СХV.

Жалоба Брестскаго воеводича, Фридриха Тишкевича, на Краковскаго каштеляна, князя Януша Острожскаго, о томъ, что Острожский наславъ вооруженный отрядъ, на земли Тишкевича, которыми онъ самовольно завладѣлъ и основалъ тамъ слободу «Новый Пыковъ», чѣмъ совершенно прегрѣдилъ всѣ выѣзды изъ города Махновки. 1611 г., октября 22.

Року 1611, мѣсяца октября 23 дня.

Писалъ и присылалъ до вряду замку его королевское милости Житомирского, до мене, Григоря Кочуровского, подстаростего Жи-

томирского, урожонный его милость панъ Фридрихъ Тишкевичъ зъ Логойска, воеводицъ Берестейский, служебника своего шляхетного Маткяша Свержевского, оповедаючи и обтежливе жалуючи на ясневелможного его милости пана Януша княжати Островского, каптеляна Краковского, Володимерского, Черкаського, Каневского, Белоцерковского и Богуславского старосту, о то, ижъ дей року теперь идучого, тисеча шестсотъ одинадцатого, мѣсяца октебра осмь-надцатого дня, наславши кгвалтовнымъ обычаемъ старостовъ своихъ зъ мѣсть украинныхъ, зъ многими людьми татаровъ, чемерисовъ, и посполитого чоловѣка о килка тисечей, его милости самому имени и назвиска лепей знаемыхъ, зъ оружиемъ, до бою належачимъ, на власный старожитный вгрунтъ, сповойное уживане его милости пана Фридриха Тишкевича, черезъ шляхъ, который делить воеводство Браславское зъ воеводствомъ Киевскимъ и имени вгрунтовъ, до нихъ належачихъ, на врочище, прозываемое Кремяный Пятъ, надъ рекою Пятою лежачий, туужъ неподалеку, подъ местомъ замку и места его милости Махновки будучое, которые то люди, привезши съ собою зъ места его милости Глиньска, водлугъ науки его милости пана Краковского, пана своего, халупъ килка на ономъ мѣстцу, на волю закликавши, поставили, и твержу або оборону на кыпталтъ замочку, валомъ осыпавши и палями оставивши, учинили, пасеки изъ бчолами, въ нихъ будучими, гумна зе збожемъ, сева, въ стиртахъ зложонные, въ поляхъ тыхъ ажъ до самого шляху стоячими, власное працы и роботы подданныхъ его милости Махновскихъ вгвалтовне и безправне зъ вгрунтовъ и урочискъ тыхъ всихъ, почавши отъ мѣсца того Кремяного Пяту, черезъ нихъ названое Новымъ Пыковомъ, съ тое слободы вгрунту на миль три вшырь и въздлужъ одыймуючи и вытискаючи; при которомъ урочищу, где тую волю садить почали, село до места Махновки будучое, Кустовци, зъ ставомъ и зъ млыномъ, подъ нимъ будучимъ, на реце Пяту, и мелница Труша кгвалтовне отнялъ и ку той же слободе, новоназваному Пыкову, привернулъ, и то все посполу злучилъ а его милости пана Тишкевича спокойного держанья и уживая такъ съ того млына, зъ ставу, зъ селка Кустовець, яко и урочища помененого Кремяного Пяту, и вишихъ урочищъ и вгрунтовъ, ажъ по самый шляхъ, яко се вышей

поменяло, отвялъ, и выбилъ, и ку пожитковъ своему то все обернути росказалъ. Которые то люди, зъ власного росказаня княжати его милости пана своего, великие а пезпосные крепды, бои, грабежи подданнымъ его милости пана Тишкевичовымъ, Махновскимъ, выстрапаючи ихъ зъ местечка, чынять, негде доброволне пропустити не хотятъ. Которые зъ великое боязни, бачечи бое, раны, грабежи на инѣшихъ суседахъ своихъ, а до того, не маючи вольного выстя зъ местечка, а ни выгнаня на поле товаровъ своихъ, за стисненемъ и утискомъ великимъ таимъ на тую волю за его милость пана Кравовского, которая квалтовне тужъ на вилка стреленя зъ лука подъ местомъ его милости, Махновскою, а то ку (звѣ)сеню и на зничене того места и сель, коло него будучихъ, осажена есть за усилованемъ тыхъ людей и старостовъ его милости задаватисе, и дома зъ места Махновки переносити таимъ на тую волю почали; котрымъ то некоторымъ подданнымъ, обавляющимъ отъ тыхъ людей, котрые, яко бы противъ неприятелеви коронному суть, до купы тутъ подъ Махновку для умшельного квалтовного отнята тыхъ кгрунтовъ, футоровъ, чыненя шкюдъ и похвалокъ таимъ противъ подданныхъ его милости, яко и его милости самому, згромажоны, абы и самого местечка и зилку Махновского, яко негды отъ вилку летъ замочокъ Горевский (?) черезъ штурмъ квалтовне знѣсти не усиловали, нечого шовити, зъ волю своею шляхетскою, для боязни квалтовъ, рядъ домовый и зверхность надъ подданными своими мающую, на сторону подъ часть боязни одложивши, улечи, а тымъ подданнымъ своимъ браня домовъ зъ места своего и переносеня ихъ на тую волю заборонити не смеетъ. Котрымъ то квалтовнымъ а праве усиленнымъ вездомъ, заложенемъ тое твержи въ способъ замку, посаженемъ воли, названное Новымъ Пыковымъ, забранемъ пасекъ, збожъ, сень его милости пана Тишкевича, почавши отъ самого шляху ажъ до самого места Махновки, квалтовне и безправне зъ тыхъ кгрунтовъ и вровичъ сповойного держанья и уживанья своего выбить и вытисненъ есть,—о што его милость панъ Тишкевичъ зъ его милостью паномъ Краковскимъ правне, але съ права приидеть, чынить офаровалсе. А бой, грабежи тымъ подданнымъ своимъ зъ росказаня его милости отъ людей розныкъ, въ томъ войску его милос-

ти будучихъ, быть стаде, оповедалъ, то есть меновите: у Ничипора Долгоненка бчоль зъ улами въ пасеци съ погребу петдесать взяли, каждый улей зо бчолами коштовалъ по пяти золотыхъ Полскихъ, телятъ трое, овса стогъ, возовъ новыхъ два, коштовали по золотому Полскому, хомуть, стоялъ полтора золотого; у Куряла, петрафивши на дорозе, кгда ехалъ изъ ярмарьку съ Прилуки, взяли и отняли готовыхъ грошей золотыхъ двадцать Полскихъ, у того жъ Куряла взяли сена возовъ петдесать; у Ивана Чорного взяли воловъ два съ плуга выпрегли, стояли золотыхъ тридцать Полскихъ; у Охрема телятъ сеголѣтнихъ двое; у Гаврила Кюки телятъ двое; у Михайла сена стирдъ две, въ каждой стирте было по сту возъ, и копиць тридцать; у Гриня сена стиртъ две,—по сту возъ было у Ивана Максименка сена две стирте и копиць тридцать; у Миска сена стирту и копиць двадцать; у Сенка взято озимѣа; у Васка Чемериса сена два стоги; у Яремы две стирде сена; у Кгреся шесть стиртъ сена, въ каждой по сту возъ сена было; у жида Абрама, арендара, во млына взяли мерку пшеницы а полмерки пшона; у Яцка взято хомуть, а въ самого зъ мешвомъ оборвали золотыхъ шесть, узду; у Абрама взяли были съ погребѣ бчолы уси, который, еднаючи жебы ему ихъ было вернено, далъ двадцать золотыхъ Полскихъ; у Дмитра взято три стирты сена, въ каждой было по сту возъ; у Степана Сторожынъского сена возовъ сорокъ; у Савы сена возъ петдесать; у Марка сена возовъ тридцать; у Семена сена возовъ сорокъ; у Ждана ковала возовъ сена сорокъ; у Яремы сена возовъ петдесать; у Ивана сена возовъ тридцать; у Семена Оценъка сена возовъ сто сорокъ; у Яцка Браиловаского сена стоговъ чотыри; у Гаврила сена возовъ сорокъ; у Васка сена стиртъ две, въ которыхъ было по сту и двадцати возъ; у Ивана Якимова сена возовъ сорокъ; у Аврама сена возовъ двадцать; у Сенъка сена стиртъ две; у Романа сена возовъ двадцать; у Сидора сена возовъ петдесать; у Евхима сена возовъ шестдесать; у Степана сена возовъ сорокъ; у Мартиша взято овецъ осмеро, каждая стояла по полъ копы грошей Литовскихъ; у Васка овецъ двадцатеро взято, каждая коштовала таже по полъ копы грошей Литовскихъ; у Ивана овецъ десятеро, по золотому каждая стояла; у Семена сена возовъ сорокъ; у Феска сена возовъ двадцать;

у Яна Вышобенка сена возовъ осмьдесятъ; у Минька сена возовъ десять; у Андрея сена возовъ двадцать; у Мацва взяли сокеру, гамалию, пороховницу,—то коштовало по полтора золотого; у Томла сена возовъ семдесятъ, има молодива взято, который стоялъ десяти золотыхъ Полскихъ, сена возовъ сорокъ; у Луца сена возовъ двадцать; у Данила сена стирту, въ которой было возовъ полтора; у Назара сена возовъ шестдесятъ; у Труша сена стыртъ две, въ каждой было по сту и по десети возъ; у Тишеа сена стыртъ две; у Сидора сена стирту одну; у Курыла стыртъ две сена; у Ивана стоговъ три сена; у Васка сена стогъ одинъ; у Деняса овецъ двое взято; у Пилипа ворову, стояла трехъ вопъ Литовскихъ; у Мартина сена возовъ петдесятъ; о што правне, чинить, иле зъ права належати будетъ его милость панъ Тишевичъ зъ его милостью паномъ Краковскимъ офероваль. И просилъ его милость панъ Тишевичъ, абы тое оповедане его милости до книгъ принято и записано было,—што есть записано.

Книга Житомирская гродская, записовая и поточная, 1611 г., № 12, л. 322 на об.

СХVI.

Объявленіе отъ имени Краковского каштеляна, князя Януша Острожского, о томъ, что во время набѣга татаръ, ими опустошены и разорены его шѣнія въ Острожской волости, а жители ихъ частію убиты, частію уведены въ плѣнъ. Донесеніе возного объ осмотрѣ опустошенныхъ шѣній. 1617 г., октября 12.

Року тисеча шестсотъ семнадцатого, месеца октобра дванадцатого дня.

На вряде вгродскомъ, въ замку его королевское милости Луцкомъ, передо мною, Теодоромъ Сосновскимъ, будущимъ на тотъ часъ наместникомъ подстароства Луцкого, поставившимся очевисто слуга

яснеосведоного пана, пана Януша княжати его милости Острозского, каштеляна Краковского, Володимерского, Белоцерковьского старосты панъ Иванъ Костенецкый, именемъ того жъ княжати его милости пана Краковского, пана своего, оповедалъ и осведчалъ, ижъ въ року теперешнемъ, тисеча шестсотъ семнадцатомъ, неприятель крижа светого, татарове, великою моццю и прудкостю впадши въ пацскава короны Полское, шлякомъ своимъ, маестности княжати его милости пана Краковского, пана моего волости Острозское, села, фолварки, гумна съ нашпею молоченою и немолченою и маестности рухомое, одны зъ вгрунту, а другие, мало што въ нихъ оставивъши, попалили, людей плти обоей, мужское и невестее, великие и малые, кони, быдла забрали и до орды запровадили, маестности понустишили, такожъ и чиншовъ, роботь, повинностей и пожитковъ наймней княжа его милость въ тыхъ маестностяхъ мети не будетъ,—што заразомъ вознымъ, шляхтнымъ Иваномъ Дешковскимъ, есть обведено и осведчено который очевисте при той протестацци стоячи, въ моцъ правдивое реляции своее, ку записаню до книгъ вгородскихъ, Луцкихъ, созпалъ тыми словы: ижъ року теперешнього, тисеча шестсотъ семнадцатого, маючи я при себе шляхту, людей добрыхъ, пана Зеляша Пуцяту а пана Демяна Словинского, за приданьемъ урядовымъ, былемъ на справе и потребе яснеосведоного пана, пана Януша, княжати его милости Острозского, каштеляна Краковского, Володимерского, Белоцерковьского старосты, въ маестностяхъ его княжецкое милости волости Острозское, презъ татаре въ року теперешнемъ, тисеча шестсотъ семнадцатомъ, въ месецу февралю дня третего, четвертого, пятого и шостого попаленыхъ и спустишопныхъ; тамъ же, въ тыхъ маестностяхъ, урожоный панъ Войтехъ Карпийский, буркграбий Острозский, слуга яснеосведоного пана, пана Януша княжати его милости Острозского, каштеляна Краковского, Володимерского, Белоцерковьского старосты, именемъ того жъ княжати его милости, пана своего, осветчалъ и оповедалъ, штомъ я возный съ помененою шляхтою, будучи въ кождому селе зособна, за осветченемъ и оказанемъ помененого пана буркграбего Острозского, такъ яко въ правде есть, и за новистю, подъ присегою людей позосталыхъ, до громады зволаныхъ, списалъ; то есть: въ селе Бродове дворъ

князю его милости, зъ гумномъ и зо всимъ домовствомъ, спалено, корчму того села спалено; въ томъ же селе дымомъ тридцать осмь спалено, зостало дымомъ только пятнадцать; въ той маестности подданныхъ однихъ до орды погнано, а другие, такъ же жоны, дети постигнано, быдла стада въ той маестности забрано и таа маестность вся сплюндрована. Село Жажулицы: съ того села усихъ подданныхъ зъ быдломъ и зо всею ихъ маестностю побрано, — только семъ подданныхъ, и то безъ жонъ и безъ маестности, зостало. Село Стадниа: дворъ и гумно все, корчму и село все до шенту спалено и хлопомъ избрано, мало ихъ што зостало. Село Краевъ: дворъ и гумно, корчму и село спалено, только вилка халупъ осмаленныхъ зостало; подданныхъ однихъ постигнано, а другихъ до орды погнано, только вилка хлопомъ безъ жонъ и безъ маестностей, которые уже отъ татаръ зъ дороги поутскали, зостало. Село Новоставцы: дворъ, гумно корчму и село спалено, маестности и подданныхъ избрано, только вилка халупъ осмаленныхъ зостало. Село Новюлки: дворъ, и гумно, село спалено, подданныхъ зъ ихъ маестностями и добытками до орды побрано, халупъ только вилка опаленныхъ зостало, а подданныхъ одъ татаръ южъ зъ дороги вилканадцать утекю. Село Хоровъ: дворъ, гумно, корчму спалено, халупъ пятнадцать спалено, стада самого князю его милости, дво быдла и всъ маестности позабрано, село тое сплюндровано. Село Грымиче: корчму, халупъ вилканадцать спалено, подданныхъ не мало побрано, а некоторыхъ тамъ же позабрано, быдла и иншия добытки позабрано, село тое сплюндровано. Село Лебеде: млыцъ и халупъ осмь спалено, подданныхъ некоторыхъ до орды побрано, быдла, воня и иншия маестности ихъ позабрано, и таа маестность сплюндрована. Село Коршовъ: тое все спалено, подданные и маестности ихъ вса позабрано. Село Вирховъ: въ томъ селе подданныхъ зъ жонами осмьдесятъ до орды побрано, село тое сплюндровано. Село Русивль: дворъ, гумно, корчму и село спалено, только вилка халупъ погорелыхъ зостало, подданные, быдло, стада и и вса маестность забрана. Што я возный, огледавши и одъ тыхъ подданныхъ останцовъ, до себе ихъ въ вождому селе до громады зобравши, подъ присягою ихъ о томъ всемъ ведомость взявши, яко се дело, сознаваю и до книгъ доношу. Которая то протестация и реляция

возного, за припятъемъ мѣмъ, до книгъ вгородскихъ, Луцкихъ, есть записано.

Книга Луцкая городская, записовая и поточная, № 2435, годъ 1617, листъ 346.

СХVII.

Жалоба отъ имени князей Константина и Януша Острожскихъ на поручика роты Тлумацкаго старосты, Яна Потоцкаго, — Росновскаго и другихъ жолнеровъ той же роты, о нападеніи на имѣніе Острожскихъ, мѣстечко Козминъ, при чемъ мѣстце тамошніе были ограблены, избиты и изранены, а два изъ нихъ убито. Донесеніе возного объ осмотрѣ имъ убитыхъ и раненыхъ. 1617 г., декабря 1.

Року тысяча шестсотъ семнадцатого, мѣсяца декабря первого дня.

На вряде вгородскомъ, въ замку его королевское милости Луцкомъ, передо мною, Александромъ Викгурою, будущимъ на тотъ часъ намѣстникомъ подстароства Луцкаго, становивши очевидно шляхетный панъ Павель Кгардлипский, слуга яснесоветныхъ Констанътого и Янута княжатъ Острожскихъ, такъ же учтивый и славетный Иванъ Книшъ, бурмистръ, а Григорей Андреевичъ, присяжный, мѣстце Козлянские, именемъ княжатъ ихъ милости Острожскихъ, пановъ своихъ, и имепемъ всея лавицы и посполства места Козляна, маестности помепеныхъ княжатъ ихъ милости Острожскихъ, жалобливѣ оповедали и осведчали се противко урожоному пану, пану Росновъскому, поручникови, або на местцу поручника на тотъ часъ будущому урожоного его милости пана Яна Потоцкаго, старосты Тлумацкаго, ротмистра короля его милости, яко принципалови, и противко товариству тое жъ роты, яко помочниковомъ, которыхъ именъ власныхъ на тотъ часъ не ведають, але въ позвехъ спецификованные будутъ, урожонымъ: Яну Винскому,

пану Рыжскому, пану Вербицкому, пану Замоискому, пану Петровскому, пану Варшавскому, пану Кгрошницкому, пану Ласку, пану Кгурвволскому, пану Ласовскому, пану Карвовскому, пану Боршецкому, пану Предборови, пану Чермицьскому, пану Басоцкому, пану Лазевичу, пану Кгродзицькому, пану Кгалензовьскому, пану Ласецкому, пану Соколницкому, пану Боруцькому, пану Кличеновскому, пану Ласковскому, и противко слугомъ и пахолкомъ ихъ, которыхъ тутъ за выраженныхъ мети хочуть, а въ дальшимъ поступку правномъ меновать ихъ будутъ, ижъ они, запомявши срокости права посполитого и вишь, на такую свою волю и насзды кгвалтовные описанныхъ, року теперешнего, тисеча шестсотъ семнадцатого, месеца ноября двадцать второго дня, рушивъшися зъ села Котова, поблизу отъ Козлина лежачое, на становиско до миста Козлина тягнули, впродъ килканадцать коней пославши, которые приехавши, месчанъ Козлинскихъ кгвалтомъ до направованя мосту, на реце Горини будучого, выгаляли, а тымъ часомъ рота, не чекаючи направи мосту, переправившисе презъ тотъ мостъ, на месчанъ, подъ самимъ замкомъ и местомъ идучихъ до направованя мосту, за брамою напали; тамъ же, будучи розгнваны о ненаправене того мосту, на месчанъ безбронныхъ ударили и людей невинныхъ, незбройныхъ, съ которыхъ жаденъ ручницы а ни брони ручное до бою не мели, окромъ двоухъ, которые, маючи брони ручные, шли для догляданя ваправы мосту, до места утекаючихъ, одъ нихъ окрутне позабияли, копиями попробияли, другихъ ганебне поранили, постреляли, до домовъ ихъ и до замку за людьми утекаючими впадали, секучи, забияючи, колючи, стреляючи; находка старосты тамошнего Козлинского, на йме Павла Садовского, шляхтича учтивого, который тую роту отъ такового предъ ся взятя и крве розлянья гамоваль и отводилъ, удеспектававши, побили, потлукли, сувню на нимъ штихомъ пробии, ажъ заледво руць ихъ ушедлъ; Петра Шевца забитого, которого кописю на выльсть пробии, до возу мертвого взели, а поброньши и крве такъ велє невинное порозливавши, отворотъ учинили, а другого забитого, Евхима Терешковича, и всихъ пораненныхъ, поколотыхъ, постреляныхъ, побравши, до замку Козлинского припровадили, съ которыхъ не вемъ, если который живъ зостанеть, о што поме-

неные, протестующи се такъ о тыхъ побитыхъ, помордованныхъ и пораненныхъ, оферующи се правомъ чинити, просили о приданье возного. Ямъ имъ придавъ возного енераля воеводство Волинского, Киевского и Браславского, шляхетного Якуба Домбровского, который, тамъ въ Козлине бывши, таковое забойство, мордеводство, поранене, пострелене и поколоте огледавши, станувши передъ урядомъ нинешнимъ, доброволне сознавъ въ тые слова: изъ въ року теперешнемъ, тисеча шестсотъ семнадцатомъ, месеца ноября двадцать пятого дня, былемъ на справе и потребе яснесведоныхъ Константого и Януша князятъ Островскихъ, въ местечку Козлине и въ замку тамошнемъ Козлинскомъ, маючи при себе шляхтичовъ двоухъ, людей добрыхъ, пана Фелицияна Стремеского а пана Андрея Жерлинского, тамъ же, за оказанемъ урожного его милости пана Станислава Бориминского, старосты Козлинского, видилемъ месчанъ Козлинскихъ побитыхъ, постреляныхъ, посечоныхъ, поколотыхъ; а меновите виделомъ: забитого Евхима Терешковича, у которого боуъ пробитый штыхомъ на левой стороне, а на правой стороне жебро, такъже штыхомъ пробитое, на голове ранъ три такъже штыховыхъ; у Олексѣя рана тятая на верху головы, шкодливая, на левой руде на локтю такъже синий разъ, у того жъ пенезей готовыхъ золотыхъ семь взято; у Клима на левой твари рана тятая, барзо шкодливая; у Ивана Тимченети на правой нозе надъ костью рана, штыхомъ пробитая, барзо шкодливая, на рогу головы по левой стороне ранъ две, а третья надъ шиєю тята, барзо шкодливая, на перси левой разъ штыховый, барзо шкодливый, отъ которого, не ведаю, если будетъ живъ, на заде разъ штыховый шкодливый, копиею пробитый, тому жъ такъже згнуло грошей двадцать съ хусткою цвилеховою; у Ониска Толстого на левомъ боку, въ затылку головы, рана тятая, барзо шкодливая, на персяхъ разъ штыховый, шкодливый; у Яна Тихона на левой нозе рана, съ пулгаву пробитая, барзо шкодливая; у Степана на ливой нозе рана надъ колиномъ, съ пулгаву пробитая, барзо шкодливая, на правой нозе, нижея колина, рана, штыхомъ пробитая, барзо шкодливая, у которого тамъже взято грошей тридцать; у Тимоша Опанасеняти на левой нозе на уде рана, съ пулгаву пробитая, ажъ навзлетъ,

съ котораго пострелу не вемъ, если будетъ живъ; у Федка Теремельского на левой стороне головы рана тятая, барзо шкодливая, на левой плечу разъ штиховый, барзо шкодливый; у Федора Филиповича надъ окомъ правымъ рана, зъ луку простреленая, шкодливая; у Тимопа на обохъ рукахъ раны штиховые, шкодливые; у Ивана Жидика у правой руки палци два подтытые, барзо шкодливе, на левой руке вси палци шкодливе подтытые, въ голове на левой рогу рана две, тятыхъ, барзо шкодливыхъ, на левой руке ниже локтя рана, тятая, барзо шкодливая; тому жъ взято золотыхъ пять, кордъ, который его коштовалъ золотыхъ пять, колпакъ зеленый, фалендишовый, бобротъ подшитый, который его коштовалъ золотыхъ два; у того жъ помененого Ивана Жидика въ дому его ворота посечено, постреляно, и оболопы повиссано; у Якуба Бойницкого въ голове раны две, барзо шкодливе, подъ плечомъ левымъ рана две штиховыхъ, барзо шкодливыхъ, на левой нозе въ уде рана штиховая, барзо шкодливая, на левой руке разъ штиховый, барзо шкодливый, на правой нозе на уде рана, съ пуляку на вылетъ пробитая, саблю взято, которая его коштовала золотыхъ пулчетверга, колпакъ фалендишовый вишневыи, купами подшитый, который его коштовалъ золотыхъ три; у Максима Гроба на правой руке надъ локтемъ рана тятая, барзо шкодливая, на той же руке подле локтя рана тятая, барзо шкодливая, колпакъ люнский, барапами подшитый, згинулъ ему, который его коштовалъ золотый, у того бокъ левый перетятый, барзо шкодливый; у Лукаша Карповича на верху головы рана тятая, барзо шкодливая, на правой руке подъ локтемъ рана, штихомъ пробитая навилетъ, барзо шкодливая. При которомъ то оповеданю и оказваню тыхъ побитыхъ и пораненыхъ и шкодахъ, при томъ се стальныхъ, помененый его милость панъ Станиславъ Боримпский, староста тамопиний Козлинский, и месчане Козлинские оповедали передо мною, вознымъ, и шляхтою вышнейпомепенною, при мне будучою, ижъ вышнейпомепенного Петра Шевца, забитого, панъ Росновский, поручникъ помененое роты, и съ товариствомъ своимъ, порвавши до воза своего, зъ собою его взяли, и не вемы, где его подела. Которое то забойства, бой, раны и лупъ оповедали бытъ стальные презъ рогу и товариство помененое его милости пана

Яна Потоцкого, старосты Тлумацкого, за поводомъ пана Росновского, поручника тое жь роты, яко принципала и приводце, безъ жадное причины, въ наезде вгвалтовномъ на помененое местечко Козлинъ—однесли; што тотъ же помененый возный, видечи и слышачи, доброволне передъ урядомъ вгородскимъ, Луцкимъ, очевидно призналъ. Просили tedy преречные протестующиеся, абы тая протестация ихъ и реляция возного была принята и до книгъ уписана, оферуючи се о таковой наездъ вгвалтовный и обрутенство правне чинить въ суде належномъ, яко будетъ водле права належало. При томъ помененые протестующиеся светчили се и одо-ведали противко урожому его милости пану Янови Потоцкому, старосте Тлумацкому, ротмистрови короля его милости, ижъ онъ противко праву, которое ротмистромъ отъ ротъ своихъ отъежджати забороняеть, и уставичне мецкати при нихъ подъ срочгими винами постановило, важдися отъ роты отехати и на такую свою волю жолнере свое безъ реементу и влады роспустить, оповедаяючисе, же о тое правне хочуть чинити въ суде належномъ, яко и кому будетъ належало; просили, абы и тая протестация ихъ была до книгъ вгородскихъ, Луцкихъ, принята и записана, — што все, за припатеиъ монь, до книгъ вгородскихъ, Луцкихъ, есть записано.

Витна Луцкая вродская, записован и вточная, № 2435, годъ 1617, листъ 595.

СХVІІІ.

Жалоба пана Василя Вороны на пана Семена Городиского о нарушении послѣднимъ контракта, по которому онъ отдалъ Воронѣ въ аренду вѣние свое Городище. Донесеніе возного о убыткахъ, понесенныхъ Вороною. 1618 г., марта 12.

Року тисеча шестьсотъ осмнадцатого, месеца марта дванадцатого дня.

Писали и присылали на врьдъ вгородскій, въ замокъ его королевское милости Луцкий, до мене Марціяна Олшамовского, отъ яснесве-

цонного пана Албрехта Станислава Радивила, княжати на Олице и Несвижу, старосты Луцкого, наместника, урожонне панъ Василей Ворона и пани Галшея Броницеого Воронина, малжонкове, шляхетного Анѣтона Вечорку, возного енерала, оповедаючи и протестуючи се противько урожонныхъ пану Семенови Городискому и паней Стефаниде Куликовского Городиское, малжонкомъ, о то, ижъ преречонне малжонкове, арендовавши протестуючимъ се маетность свою село Городисче, зо всеми пожитками и принадлежностями, на леть три, по собе идучихъ, за певную суму пенезей, а въ посесью урядовне подавши, записали се и облиговали листомъ добровольнымъ, записомъ своимъ, на тую аренду даннымъ, въ держаню тыхъ добръ жадное перешкоды не чинити и овшемъ отъ иншихъ особъ боронити, подъ обовязками въ томъ записе арендовномъ описанными, который о томъ ширей въ собе обмояеть. Которого запису своего и обовязковъ, въ немъ выражонныхъ, преречонне панъ Городиский въ малжонкою своею препомневши, частокротъ розные имъпедимента и перешкоды въ держаню тое аренды протестуючимъ се чинять, подданныхъ бунтують и до работъ своихъ неналежне примушають, грозечи ихъ биты, за чимъ подданные тамошние работъ звяклыхъ и податковъ протестуючимъ се отдавати не могутъ. До того ткача, который на инвентару есть написаный и подданный, у протестуючихъ се квалтовне зъ держаня одняли и въ гайдуцтво оногo себе обернули. А подъ часъ жнива у прошломъ року, тисеча шестьсотъ семнадцетомъ, жито, протестуючимъ се належачое до аренды, на обшарахъ дворныхъ пожали, которого ужавъши копъ шестдесать, слугомъ своимъ Крычюбскому и Козинцови поотдавали, а слуги, за розказанемъ ихъ, тое жито съ поля побравши, тамъже до Городища до мешканы своего поодпровожали и на пожитокъ свой обернули; такъже сеножать, што налепшую, на тридцать косаровъ и болшей, безъ ведомости протестуючихъ се, надъ инвентаръ, повосили и тое сено на пожитокъ свой обернули, а не мели косити, толко на двадцать восаровъ, и то тамъ, где бы се протестуючимъ се подобало и где бы указали. Садъ оденъ Пустовский, до аренды належачий, осеянъ прошлое на себе обняли и овощи розные съ того саду вси побрали, а протестуючимъ се брати овощей съ того саду квалтовне забо-

ронили и не допустили. Въ томъ же року прошломъ, тисеча шестсотъ семнадцатомъ, месяца декабря одиннадцатого дня, самъ панъ Городискій, за сполною радою и намовою зъ малжонкою своею, нашоль вгвалтомъ зъ слугами своими на винницу, которая есть протестующимъ се у аренду поданая, тамъже челядь и виннига протестующихъ се съ тое винницы выстрашивши и выгнавши, взялъ и вгвалтовне пограбилъ статковъ протестующихъ се, до палена горилки належачихъ, и прикадвовъ затеральныхъ два, трубъницъ чотыри, корито великое на чотыри сажни, для быдла напращное, и тотъ увесь грабежъ до д. Лорку мешвана своего тамъ же въ Городищу отправадилъ и на пожитовъ свой зъ малжонкою своею обернули. О што все оферуючи се зъ нами правне чинити и повъторе се панъ Ворона зъ малжонкою своею протестовалъ; тудежъ и преречоный возный Ацътонъ Вечорка, очевисто передъ урядомъ станувши, ку записаню до книгъ созналъ, ижъ онъ (въ) року близко прошломъ, тисеча шестсотъ семнадцатого, месяца сентебра первого дня, маючи при собе шляхту людей добрыхъ, пана Марка Кропиву а пана Миколая Калиновского, былъ на справе и потребе урожонныхъ пана Василя Вороны и панее Галыки Броницкогго, малжонковъ, въ селе Городищу, тамъже, за оказанемъ самого пана Вороны, видель на обшарахъ дворныхъ гречку и просо, презъ шаранчу все до щенту зъедено, же тольо соломы по невелю zostало, на которыхъ обшарахъ могло бы се ужати гречки копъ триста, проса копъ сто—меншъ албо болшъ; што все его милость панъ Ворона имъ вознимъ и шляхтою обвелъ и осветчилъ, и того жъ вышъменованого дня о той шкоче пану Городискому и малжонце его презъ приятеля своего, пана Геляша Броницкогго, панъ Ворона далъ знати; а ижъ панъ Городиский зъ малжонкою своею на опацоване тое шкочы зъ стороны своею на тотъ часъ приятеля высадити не хотель, теды панъ Ворона то все имъ вознимъ и шляхтою вышъменованною осветчилъ, оферуючи се и далей съ паномъ Городискимъ, водле запису аренды поступити. Которое оповедане и возного очевистое сознание, за припнатьемъ моимъ, до книгъ вгородскихъ, Луцкихъ, есть записано.

Книга Луцкая городская и земская, записовая, поточная и декретовая, № 2942, годъ 1600—1662, мистъ 10 на оборотн.

СХІХ.

Жалоба отъ имени пана Рафаѣла Лещинскаго на князя Януша Острожскаго о томъ, что онъ наслалъ урядника своего, Ивана Грузевича, съ толпою слугъ, бояръ и мѣщанъ Лугинскихъ, на принадлежащую жалобнику слободу Ушицу, который урядникъ, поставивъ въ слободѣ двѣ вистѣльницы, велѣлъ бывшимъ съ нимъ боярамъ таскать къ ней привязанныхъ вѣрвками за шею Ушицкихъ крестьянъ, которые здѣсь же подъ вистѣльницами подверглись жестокому истязанію; кромѣ того—имущество крестьянъ было ограблено, а сѣнокосы, поля и руды затоплены. 1618 г., июня 3 д.

Року 1618, месеца июня 3 дни.

Прислалъ на врьдъ господарскій, Житомирскій, до мене Яна Гальчиновскаго, подстаростега Житомирскаго, жалуючи и оповедаючи менемъ вельможного его милости пана Рафаѣла Лещинскаго, каштеляна Калискаго, старосты Городилскаго, урожонный панъ Юрей Шатрава, староста Грежанской волости, на его милость княжати Януша Острожскаго, воеводича Водынскаго, о то, ижъ въ року теперъ идучомъ, тисеча шестсотъ осмьнадцатомъ, месеца априля чотырнадцатого дня, доменский княжа его милость Янушъ Острожский наслалъ моцно, кгвалтомъ, врьдника своего Норинскаго и Лугинскаго, пана Иона Грузевича, зъ слугами бояры и месчанъ своими Лугинскими о двесте чловека, зъ рознымъ оружемъ, войне належачимъ, имени и назвцки его милости самому лешей ведомыми, на властный кгрунтъ его милости пана моего, на село слободу Ушицу, надъ рекою Ушею будучою, тамъ же, въ ономъ селе, тотъ врьдникъ, презъ самого себе и помочниковъ своихъ, моцно, кгвалтовце наехавши, подданныхъ Ушицкихъ побили, помордовали, въ коморахъ двери выбиваючи, маетность, которую мели, отъ мала до велвка кгвалтовце побрали, пограбили отъ тыхъ подданныхъ Ушицкихъ; а мало на томъ маючи, не контентуючи правомъ посполитымъ на възгарды (sic) и деснеетъ две шибеницы въ селе томъ поставивши, а казавши мужовъ оныхъ Ушицкихъ однимъ слугамъ я

бояромъ свдѣмъ имати, до шибеницы за шню повѣрозамъ водити,
 а покладяючи подъ шибенецею, въ чотыри кнѣ казалъ бояромъ сво-
 имъ бити, же ледве живы отъ онога битя зостали оныя подданные;
 а то естъ мѣновецъ: Ивана осадцу бито и сермягу новую знято, а
 съ коморы взято: сермягъ двѣ за грошей осмьдесятъ, сукна прос-
 того локоть тридцать за полътрѣти копы грошей, полотна тонкого
 локоть сорокъ за грошей осмьдесятъ, а товстого полотна петде-
 сять, сокирь две за грошей двадцать, мотыкъ три за грошей двад-
 цать, косу за грошей . . . хустъ белыхъ мужскихъ и жо-
 ноцкихъ за две копе грошей купленыхъ; Лепа збито, змордовано
 и маетность взято: сермягу, которая коштовала сорокъ грошей,
 кожухъ, за который дано полторы копы грошей Литовскихъ, по-
 лотна локоть тридцать, каждый локоть по грошей два Литовскихъ,
 сокирь две, коняницу и косъ две, тое коштовало кону грошей Ли-
 товскихъ, вола одного, за которого дано чотыри копы грошей Ли-
 товскихъ, хустъ белыхъ таеъ мужскихъ и жоноцкихъ, которые кош-
 товали копъ три грошей Литовскихъ; Насана збито, змордовано и
 маетность зъ дому побрано: кожуховъ два, которые коштовали три
 копы грошей Литовскихъ, сермягъ три, которые коштовали копъ
 двѣ Литовскихъ, полотна за петдесать грошей, хустъ белыхъ за
 кону грошей Литовскихъ, а до того и вола, который коштовалъ
 полъчварты копы грошей Литовскихъ; Ярмопа збито, змордовано и
 сермягу знято, которая коштовала грошей сорокъ Литовскихъ, а съ
 коморы взято: сермягъ две за грошей петдесать, и сукна локоть
 десять, которое коштовало грошей петдесать, сокиру и косу, ко-
 торое коштовало грошей двадцать чотыри Литовскихъ, кожухъ за осмь-
 десятъ (грошей) Литовскихъ купленый, полотна локоть петнадцать
 по грошей два Польскихъ купленое, вола за три копы грошей куп-
 леного; Васка збито, змордовано и сермягу знято, за которую далъ
 грошей осмь Литовскихъ, а съ коморы взято: кожухъ и сермягу,
 за которе дано две копе грошей Литовскихъ, хусты белыя и со-
 киру, которе коштовало кону грошей Литовскихъ, вола, который
 коштовалъ копъ чотыри Литовскихъ, овецъ две, которые коштовали
 кону грошей Литовскихъ; Курика збито, змордовано и сермягу
 знято, а съ коморы узято: кожухъ, который коштовалъ семдесать

грошей Литовскихъ, сермягу новую, которая коштовала грошей со-
рокъ Литовскихъ, хусты белыя музские и жоночкия, которые кош-
товали копу грошей Литовскихъ и вола, который коштовалъ копу
четыри грошей Литовскихъ,—то все тотъ урядникъ его милости,
отъ мала до велика зую всю маетность, квалтовне побраную, по-
грабилъ и до мешванья своего Лугинъ до двора вряду своего отъ-
провадилъ и на властный пожитокъ княжати его милости обернулъ.
А при томъ кгвалтовномъ наеханю на реце Кропивной, греблю за-
нявши, кгрунтъ его милости пана моего кгберегу ставомъ, поля,
сеножати и руды, где рудники руды бирали, затопилъ и до шкоди
не малой привелъ; а до того островъ, поля власное роботы под-
данныхъ Ушицкихъ, овсомъ засианую, на фолварокъ его милости, на
который мерокъ дванадцать овса засиано было, оныя месчане Бон-
даровские коньми, быдломъ, свинями вытравили и въ нивечъ обер-
нули. При которой протестацыи и оповеданю пана старосты Гре-
жаньское волости, за приданьемъ врядовымъ, енераль возный, шля-
шляхетный, тыми словы зозналъ: я, Яковъ Роско Кладневский,
енераль возный, за приданьемъ врядовымъ, былемъ на справе и
и потребе урожного пана Юря Шатравы, старости волости Гре-
жаньское, въ селе Ушицы, надъ рекою Ушею, въ року идучомъ
шестсотъ осмогоднадцать, месеца мая двадцать первого дня, тамъ
же мною се еветчилъ и оповедалъ панъ Шатрава на пана Иова
Грузевича, старосту Козиньского и Лугиньского, о кгвалтовное на-
еханье на властный кгрунтъ его милости пана Калиского село Ушицу,
о збите и змордоване подданныхъ и побране маетности тыхъ под-
данныхъ, и мною вознымъ оказалъ шибениць две въ селе Ушицы;
виделъ есми и мужовъ побитыхъ кийми: атамана осадцу, Ивана,
збитого, увесь хрыбетъ синий; у Леца хрыбетъ збитый, синие разы
и руку левую вышей локтя синий разы; у Семена хрыбетъ и боки
побитые, спухлые; Еска округне збито, хрыбетъ збито, руки и боки,
ледво живого виделомъ; Куриловича збитого увесь такъ руки, ноги
спухлые; у Гаска хрыбетъ збитый и боки,—которое округное збите
и змордоване меновали оныя подданные его милости пана Калиского
отъ пана Грузевича, старосты Норыньского и Лугинского; такъ же
и въ коморъ двери выбитые; виделъ есми у атамана осадцы и въ

его суседовъ, второе меновали тое побите двери до коморъ отъ пана Грузевича, старосты Лугиньского, и побране маестности тыхъ коморъ за власнымъ насланемъ вняжати его милости Януша Острозского. Такъ тежъ оказовалъ ми тотъ панъ, староста Грезанский, на реце Кропивной греблю, къ берегу его милости пана Жалисового завятую отъ Бондаровки ставомъ, сеножати и нивы и руду, знати где бирали рудники руду, затопили, и островъ не малый, овсомъ засянный, вытравленный. Што оный панъ староста се мною светчиль, вжъ тые кривды отъ подланныхъ вняжати его милости месчадъ Бондаровскихъ и пана Грузевича починены суть. А такъ я, ведле повинности врядове, штомъ слышалъ и виделъ, тое всее сознане при той протестацци далемъ и съ подписомъ руви моеи до книгъ господарскихъ, Житомирскихъ. Писанъ въ Житомиру. Второе жъ то очевистое возного сознане до книгъ естъ принято и записано.

Книга Житомирская городская, записовая и поточная, № 13, годъ 1617—1618, мстаъ 974.

СХХ.

Донсеніе возного о томъ, что онъ ввелъ пана Матчинского во владніе ивѣнїемъ Бѣлымъ—Стокомъ, отданымъ ему въ аренду паномъ Бястоцкимъ. 1619 г., «врала 22.

Рову тисеча шестсотъ деветнадцатого, месеца февраля двадцать второго дня.

На вряде вгородскомъ, въ замву его королевское милости Луцкомъ, передо мною, Якубомъ Овгородѣнскимъ, будучимъ на тотъ часъ наместникомъ подстароства Луцкого, и книгами нынешними вгородскими, Луцкими, станувши очевисто, шляхетный Марцианъ Ровицкий, возный енераль воеводства Волинского; ку записано до книгъ созналъ теми

словы: янъ року тысяча шестьсотъ осмнадцатого, двадцать пер-
 вого марта, о-средности римскихъ, быльи на справе и потребе,
 маючи при собе двухъ шляхтизовъ оселянъ, урожденного пана Варыса
 Бялостоцкого, а урожденного пана Андрея Хревского, тамже при мне,
 егерале, и шляхте, добровольно очевидите пресь масть уржонный его ми-
 лость панъ Александръ Бялостоцкый, яко дедичъ, подалъ и поступилъ
 заравомъ посезню ойчизное маестности своей: въ Бяломъ Стоку части
 пашное, кукувое: отъ пана Ивана Юселинскаго и малжонки его, яко
 дедичи, и части певное и кукувое отъ пана Матиса Карчаловскаго
 и малжонки его милости, Алесы, яко дедичи Бялого Стоку, съ
 полми, сеножатми, кростами и зо всеми нежитками, до тыхъ частей
 кукуныхъ власне належачыхъ, шшому передъ тымъ не заредовое и
 ни въ чомъ, въ повете Лудземъ лежаюое, уроженому пану Янови
 Матчинскому и малжонце его милости, паней Настасии Гудови-
 човне Матчинской, водлугъ добровольного листу запису сводеи, въ
 суме пенезей семисотъ золотыхъ Полскихъ, заставою, а для пожитвовъ
 видящихъ, и менжана поступилъ заравомъ дворнице пустоое, лшное,
 прозвискомъ Микитывани, яко се въ себе здавна маеть, съ сеножатю,
 и за речвою съ болотомъ, водле знаковъ; а изъ о мале вгунту,
 теды придалъ на огородъ Шимъковскый и Филиповскый, до которого
 дворисча маеть и повинень панъ Бялостоцкый заразь сини съ хижою
 заплесты съ своего хворосту, колья и влючисча зо всимъ; а до изби
 и всего будованя повинень помощи давать ведле преможени; а што
 панъ Матчинскый побудуетъ коштомъ своимъ, то есть: свѣтлиця, пе-
 карни, сини, комору, обору, теды его милость панъ Бялостоцкый
 повинень будетъ заплатитъ ведле вынадевку приятюмъ, и съ тое
 дворница не уступовать у будованя, ажъ се нагорода во всемъ ста-
 неть за все. А полъ для пожитву на три руки заравомъ поступилъ
 пресь мене, возного, и шляхту для сеяня по две волоце, на которыхъ
 маеть се высевать по осми маць мери Торчинское, а если бы не
 достало, придалъ поля, яко въ первую руку, заравомъ поступилъ
 две волоце отъ границы Садмирское, съ болота до бѣлота, съ се-
 ножатю, и придатку на полмаце: ечмеца надъ сеножатю Савинское;
 на обьшаре дворномъ надъ дороги другие двѣ волоце на парекии
 за Федоричами жу. Воютину, съ болотомъ, сеножатю, поступилъ на

зель маць Торчынскага, калі бы не дотапае вода, прыдаць маць
 тых волось, а на стэны волмаць прыдаць на Зялёвскіх поле,
 Лугага; трыма две волмаць поступнага аразага, за пана Семна Ро-
 зытннскага дварока, маць ву транцы Торчынскай, а маць сенамаць;
 а маць Бадета немань, прыдаць за тым дварыцём Качынокам на
 воскрэсь шэсьці, а маць се высеваць маць осемь; а калі не до-
 сажыць, прыдаць подле тых волось прыдаць на волмаць зямля на
 Касюць і Вектовичы; а кворосту, кола для агорожы дварыца і
 невырава, таць до онава дровь, амаць суть до лавары, даваць,
 што трыба, за посланцом дварыцём, або лесною. А подданых
 поступилъ штык авань одинь Сачыць, повинна робить што днь,
 а волось маць маць чытыри, подвода за маць педнацать оуправо-
 вать, овса чышового маць тры, чышшу въ роць ползолотога, дан-
 луновъ два; а пудворыцныхъ чытыри: Брыць, Тята Мицковичъ,
 Данилю, Курилю, котрымъ панъ Бялостоцкый маць даць—Курилови,
 Данилови по волю зараць, вьявры въ Городисча, же бы два плуги
 шовна было, а тые полдворыцныя повинны робить, даваць што дво-
 рыцныя, а маць имъ додать панъ Бялостоцкый поля ведле премо-
 жыя. А выкупно отъ троць летъ до троць летъ, почынаець се за-
 ставы отъ року тисеча шэсьсотъ осмнадцатого, отъ сародопосное
 сареды рымскае, дна двадцать першого марца, а кончыць се маць
 также о сародопосной сареды рымскай, да панъ Богъ, въ року ти-
 сеча шэсьсотъ двадцатомъ першомъ. А пенези отдаваць въ вгроде
 Луцкомъ при кынагахъ вгродскихъ, Луцкихъ, безъ жадныхъ труд-
 ностей и араштовъ, ведле вавшу и обовазковъ, въ немъ юписа-
 ныхъ. Озимны волное зобрае съ тыхъ волось а прыдаць сена-
 маць въ року тисеча шэсьсотъ двадцать первомъ, позволяець
 самымъ и потамномъ дхъ власнымъ, а привистю заснавы а трыць
 на то даць для сложайного зобрая озимны и сена. А маць даць
 маць о выкупне панъ Бялостоцкый презъ вавного на недель два-
 надцать а вавсачъ до кынаць сованне вавного третого для вавдо-
 сти; руманни недель шэсть, ведле авычаю, съ послушешствомъ аве-
 ланымъ подданыхъ за миль десеть; отъ аведакые вавное послуги
 повинномъ заступавать, вядыць дедичный панъ лоборы, подымное а
 вавное выкупаць съ подданыхъ тыхъ, а отъ аведакыхъ кравць

боронить и заступовать, ведле ванису головного, которые кондиции суть описанные и доложные, ведле тое поессни. И туа поессню панъ Бялостоцкй черезъ мше, возного, и шляхту, заравомъ съ тиньъ всемъ, яко ширей выней описано, пану Матчинскому и малжонце его милости заравомъ пустиль и уступилъ въ мощь, владзу и споконное держане и уживане тыхъ подданныхъ, во впелякоу работомъ, яко дедичному пану робили. Яко за поданемъ его милости панъ Бялостоцкогю, я, зъ шляхтоу, онымъ поданнымъ на роботу ити казаль, которые заравомъ послушество впелякое пану Матчинскому и малжонце его милости учинили, и никто того не боронилъ. Которое очевидное сознаве возного де книгъ есть записано.

Книга Луцкая гродская, поточная, годъ 1619, № 2437, мистъ 139 на оборотъ.

СХХІ.

Заявленіе поручника Бараша и другихъ служилыхъ татаръ о томъ, что князь Янушъ Острожскій, нанявши ихъ на время на свою службу, не хочетъ отпускать ихъ отъ себя и желаетъ ихъ за собою заневолить. 1619 г., апреля 2 д.

Року тисеча шестсотъ девятьнадцатого, месеца априля второго дня.

На вrade вгродскомъ, въ замку его королевское милости Луцкомъ, передо мною, Марцианомъ Олшановскимъ, буриграбимъ и наместникомъ подстароства Луцкого, постановившимсе очевидно Барашъ, поручникъ, Шауль, Асакъ, Магметъ, Шемекъ, Асланъ, Бенопъ, Ушунъ, Янухай, Шостаъ, Якубъ, Кочка, Змава, Януль, Яна, Чемерисъ, Бразвай, Ордынецъ, Корушь, Уса, Якубъ, Козакъ, Яско,—татарове великого князства Литовского, оповедали и осведчали се протѣво яснеосвеномому вняжати его милости Янушови Острозскому, каптелянови Краковскому, Володимерскому . . . старосте, въ тотъ способъ: ижъ мы, зъ давныхъ часовъ будучи обывателями а меншандцы короны Полское зъ предковъ своихъ, завше жолнерскимъ ди-

ломъ въ впесякихъ послугахъ и выправахъ речи посполитой служилыи и служимо, и ихъ милостямъ паномъ сенаторомъ, князатомъ, паномъ короны Полское и великого князства Литовского, яко люде служаные, хто насъ обичаеиъ учтивымъ и добрымъ затыгнуиъ, служилыи и служимо, одъ которыхъ завше учтыве, яко се годить, одправовалии и одправуемо; якожь и недавныхъ часовъ затыгнуи былисмо на службу одъ преречоного ясневелможного князати пана Краковского, и, дослуживши умовеного часу, зъ жолду и барвы, намъ вымовеное, не поодновротъ просилии се у князати его милости, абы насъ, яко людей волныхъ, одъ послугъ своихъ (отпустиль?), кгда жъ есмы князати его милости за умовеный жолдъ одслужили, а завше кгда се служба всее вороны Полское, которое есмо звкли нигды не омешивать, противко войску Турецкому и Татарскому, зъ которыми наступилъ былъ, въ року прошломъ, тисеча шестсотъ осмьнадцетомъ, до Волокъ Скиндеръ бана; але насъ княжа его милость, панъ Краковский, отпустити не хотель, хотечи насъ, людей волныхъ, себе занедолить; намъ тежь, яко людемъ волнымъ, вдавати се въ неволю не годило, а ни се намъ оказней службы коронной Полское отпустити хотело, — былии въ той експедиции; а ижъ княжа его милость панъ Краковский яснеспецоному пану Павлу Янушови, князати его милости Острожскому, о насъ трудность правную явлюсь, якои се доведати, задеиъ, теиъ мы, взявши першую ведомость, тое оповеданье наше до книгъ доносимо, и певторе осведчаемо се, жесми цютливе, учтыве за жолдъ и барву, намъ одъ князя его милости пана Краковского поступленную, дослужили и надслужили, и одправы у князати его милости, пана Краковского, не разъ просили, але насъ княжа его милость, панъ Краковский, одправити не хотель, и тое осведчене заравомъ учнили быиы были, але мы, яко права неуместные, не ведали есмо, же бы того потреба была. Которое же то осведчене преречовыхъ особъ, за прозкою ихъ и за принятемъ момъ урядовымъ, до книгъ вгородскихъ, Луцкихъ, естъ записано.

Книга Луцкая городская, поточная, годъ 1619, № 2437, листъ 215.

СХИ.

Жалоба пана Чолганского на пана Кашевского о нарушении его контракта, по которому она арендовала ему свое имение Острожецъ и Заболотье и о притѣсненіи его тамошнихъ крестьянъ, которые вслѣдствіе того стали разбѣгаться. 1619 г., апрѣля 24.

Року тысяча шестсотъ деветнадцатого, месеца апрѣля двадцать четвертого дня.

Письмъ и прислать на вѣдѣ вгородскій, Лудскій, да вѣдѣ Яна Вылежиского, подстаростого Лудского, слугу своего, шляхетного пана Михаила Ривевичаго, урокомъ его милости панъ Андрей Чолганскій на Камени, свидѣли се и протестуютъ притѣсненіи паней Зофи въ Дубровницѣ Янавой Кашевской о вѣдѣ ея милости, арендованиа его милости пану Чолганскому имѣнность свою, вестечю в село Острожецъ и фалваркъ Заболотѣ, во вѣдѣ, ничего себе не вѣдѣющуи, перешкоды жадное въ державу вѣдѣ ея милости, и вѣдѣмъ беронити, яко тая интерциза вѣдѣ въ себе имѣть, — место обороны, сама ея милость къ перешкоде тая робитъ, яко тежъ къ вѣдѣ подданихъ тамошнихъ, съ року тевереннѣмъ, въ мѣсѣду апрѣлю, наслала слугу своего, шляхетного Воровского, который, за роказанемъ ея милости, прѣсѣдани до тѣхъ вѣдѣнствъ, державы его милости пана Чолганского, мимо вѣдѣнствъ его милости, у подданихъ тамошнихъ, не ресентуютъ ничего на убавствѣ подданихъ, собори вѣдѣ вѣдѣмъ избирати позавни, грабскани и вѣдѣнствъ подданихъ грозени; подданихъ прохъ на Яна: Павла Войзель, Яна Мицеля и Яна Хомена выгнать, которые для грабни и грабскану прочъ пошли, и другие прочъ для того вѣдѣютъ се, въ чѣмъ его милость панъ Чолганскій, яко арендаръ, немалу шкочу одѣ ея милости поноситъ; о што все, изъ розосте подданихъ не съ причины его милости, а съ причины ея милости панее Кашевское, тудѣжъ тежъ о перешкоду свою; о закладѣ, въ интерцизе ея милости панее Кашевское описаній, и о шкочы, оферовалъ се его милость

пани Чолопановъ съ ее милости: право чинити, и повтора сведити се и прегостовати, правити, абы все его оповедане до князь игородскихъ, Луцкихъ, было принято и записано, — што есть записано.

Книга Луцкая гражданская, поточная, годъ 1619, № 437, листа 274.

СХІІІ.

Жалоба отъ имени Жидичинскаго архимандрита, Гedeона Балабана, и всей братии Жидичинскаго монастыря на князя Самуила Корецкаго о невведеніи на монастырскія имѣнія: Буремецъ, Подгайцы и Спотоувъ, и оградѣніи тамошнихъ крестьянъ. Донесеніе возвышъ, подтверждающее жалобу. 1619 г., апреля 26.

Рому писано писателю девятнадцатого, месеца апреля двадцать шестого днѣ.

На краде игородскомъ, въ заву его вероуевское милости. Луцкихъ, передо мною, Янушъ Валашинский, подстаростимъ Луцкимъ, посланованымъ се отчетисто, велебные ещиче: еромонахъ Вениаминъ Бячянский, Стефанъ Бриницкий, преевнтеръ Воскресенский, Михайло преевнтеръ Свентодуский, еромонахъ Юасафъ, Митрофанъ, еродияконъ архимандритства Жидичинского, именемъ велебного въ Бове его милости отца Гedeона Балабана, архимандрита Жидичинского, и велебныхъ кантулы, абы прилопанъ, братии своее, черницовъ монастыря Жидичинского, церкви соборное, ва+шениа сятаго Николи, обтяжливосъ, платомъ и въ велебныхъ жалобъ, оповедали и сведчили се на велебного князятя его милости Самуила Корецкаго о то: изъ князя его милости, маю на томъ маучи, же предкове и зошый, съ того света отецъ князятя, его милости велебный Юахимъ Корецкий, и пани матиа князятя его милости, велебная Аняна Ходкевичовна, одъ летъ влудесятъ, тавъ и князятя его милости, по смерти

зомшого помененного отца своего, зоставши, зъ вѣдшого ли делу, або ли одъ брата своего рожного, велможнаго Кароля Корецкаго, держачинъ места Торговици, въ повете Луцкомъ тутъ лежачого, и волости, до того места належачое, кгрунты вси церковные Жидичинские, цѣркви належачие, оремые и не оремые, сеножатные, и впелякне инѣшиє Рудлевъские, Буремецкие и Подгаецкие, архимандритству Жидичинскому зъ вековъ належачие, квалтовне забравши и осегнувши, ган, запусты, дубровы, одъ летъ вилкюдесять запушонные и зарощонные, помененое маєтности церковное, презъ мещанъ Торговицкихъ и всю волость подданные свое, дерева ровные на розные будынки згодные, яко: на клетъ, на клади, на бервно, на сохы, на ключища, на оглобли, на колье и на инѣшиє впелякне потребности домовые згодные, такъ при бытности своей еще тутъ въ отчизне, яко тежъ и вгды до земли турецкое былъ пойманый и до везеня всажонный, презъ вельможную паню матку свою и брата своего рожного, велможнаго Кароля Корецкаго, а тне засъ пани matka и братъ вельможности его милости, сами презъ се и презъ урядники свое розные, и тыхъ же мещанъ и подданныхъ волостей Торговицкихъ, боярь, козаковъ и татаръ своихъ, имени зъ насвисками самому князятю его милости, паней матце и братови его милости добре ведомыхъ и знаемыхъ, вырубавши, и праве въ живечь обернувши и выпустошивши, до помененной маєтности свое Торговицкое и места Торговици вывезли, и ку рознымъ пожиткомъ своимъ обернули, о што все противно вельможности ихъ поступи правные суть учиненные, и правне о то чинити не занежаютъ. А теперь, скоро одно вышедши зъ везеня и неволи турецкое, установивши надъ тыми запустами, гаями, дубровами, которыхъ еще до конца были не спустошили, лесничихъ своихъ, вому хочечи, за квитами своими, даючи, вси до щенту вырубати позволиль, и суть вырубанные. А надъ то, въ року теперешнемъ, тисеча шестсоть деветьнадецомъ, почавши одъ месеца генъвара дня двадцать шостого, ажъ до месеца феврала двадцатого дня, мимо право посполитое боронное, конституциями сеймовыми, которыми добра особъ становъ духовныхъ суть обварованные, не дбаючи на право посполитое и вини, въ конституцияхъ описанные и заложонные, позволеня одъ короля его милости и его милости пана гетмана не

маючи, зобравши немалый полъ и купу людей розныхъ наций, ку потребе своей, неведомыхъ справъ, свеводъ и волности людей народу короны Полское, въ земли его королевское милости, пана нашого милостивого, мешкаючихъ, то есть: гишпановъ, волоховъ, индерлянтьдовъ, французовъ, венгровъ и инъшихъ, при которыхъ и обывательвъ туточныхъ, приятель своихъ, таеъ осилыхъ, яко и неосилыхъ, взявши умислпую васъ на помененные добра церковные, монастыря Жидичинского, село Буремець и Подгайцы, въ воеводстве Волынскомъ а въ повете Луцкомъ лежачую, таеъ, яко бы се зничити и вънивичъ наконецъ обернути могль, не маючи до тое маетности жадного права и претексту, але мощно, квалтомъ, съ трубами, бубнами, сурмами, положивши тамъ людъ свой, презъ оныхъ розмаитые шкеры и крывды, пезносные и неслыханные, битя, морды, грабежи подданныхъ починилъ, а меновите зъ села Буремца подданныхъ: Грицька Волка, Стефана, Васка кравца, Демка шевца, Полициху вдову, а зъ села Подгаецъ: Васка Филченя, Дениса Шимка, Левка Кулиша, Настю Гайдуковну, Параску Лукяновую, пречъ зъ домовъ выгнали и не ведати где подела, маетность всю зъ домовъ и збоже зъ гумень ихъ, вымолотивши, заграбили, забрали, а другихъ съ тыхъ же маетностей: Радивона Стасевича, Шимка Обезяну, Ивановую Галайдиху изъ сынами Устиномъ и Вайдою, Сидора Левченъя, Мартына Долгого, Федью Яковчюю изъ сыномъ, Дениса, Васка, Кузму, — тыхъ и халупы розобравши, во всею маетностию и сирятомъ домовымъ и збожемъ зъ гумна, вымолотивши, оныхъ самыхъ—одныхъ до маетности своее села Быля, а другихъ до Подлозецъ одпроврадили и бытомъ осадили; Гасю Гайдучиху, абы о пенязяхъ поведала, сродзе збыли, которая заразы потомъ смертю съ того света зошла; другихъ белыхъ головъ и дивовъ воторыхъ, по томъ розогнаню, немашь сила, побили, прикростий рожныхъ навyreжали, сума подданныхъ осилыхъ, о воторыхъ на тотъ часъ ведомость взяли, а о другихъ еще не ведаемо, — двадцать, о воторыхъ маетностей пораховати не могутъ; тымъ розогнанемъ и квалтовнымъ наеханемъ и оныхъ забранемъ съ помененыхъ маетностей церковныхъ, зничили и спустошили, а иншимъ поданымъ, таеъ въ Буремцу, яко и въ Подгайцахъ, грабежовъ розмаитыхъ сила починили и самыхъ по-

били, поранили, а меновите, въ селе Буремцу: у Занва—пшеницы маць шесть, жита маць три, овса полпеты маци, гречки маць дви, гороху три чверти, мацу семень лняного, кононного полмацы, сина возовъ шесть, кожухъ новый за полчетверта золотого, сермягу за полтора золотого, куръ двадцать пятеро, гусей двоенадцатеро, хомутовъ два за три золотые, воровъ пять, радень дви; у Евъхима—вепра кормного за золотыхъ шесть, овса маць три, ячменю полмацы, куръ дванадцетеро овцу, ягна, кошуль невестихъ дви за золотыхъ три, музкихъ кошуль дви за золотыхъ полтора, подвичокъ чотыри за золотыхъ три; у Федка Мекитеняги—овса маць дванадцеть, пшеницы маць полторы, миса вепрового полтий, два гусей семеро, качоць четверо, куръ двадцетеро, сина возовъ шесть, въ которыхъ было копиць сорокъ; у Стася—сина возовъ шесть, въ которыхъ было копиць тридцеть шесть, пшеницы маць дви, овса маць пять, солонины полтора полтя, жита мацу, чверть муки пшеничное, куръ десетеро, кошулю музскую за ползолотого, подвигу за ползолотого, воровъ чотыри, сермягъ две за полтретя золотого; у Саска—жита маць дви, мяса вепрового полоть, гусей семеро, куръ осмеро; у Павла млынаря, роскидавши самое будоване млына, взяли стамтоль розмиру пшеницы маць осмь, овса маць дви, возъ сина, въ которомъ было копиць шесть, кошуль музкихъ дви за грошей сорокъ, куръ осмеро, кось до кошеня травы две по грошей десети, оскордовъ до млына два, веретено до кола млынового, серповъ два; у Ивана—куръ шестеронадцетеро; у Остапа Рощянки—пшеницы маць пять, жито все въ снопахъ, которого могло быть копъ до тридцети, мней albo болшей, сина возовъ шесть, въ которыхъ было копиць сорокъ, вепра кормного за золотыхъ пять, куръ шестеронадцеть, гусей четверо, наволочоць съ подушокъ дви, рантуховъ два за золотыхъ два; у Ивана Купы—овса маць десеть, пшеницы полторы мацы, сина, купленого за золотыхъ пять, гусей пятеро, куръ десетеро, сукна сермяжного локтий тридцеть, кошуль музкихъ чотыри за золотыхъ чотыри, семени кононного полмацы, гречки полмацы; у Лавришъца—сина возовъ семь, въ которыхъ копиць пятьдесятъ, хомуть зъ возомъ за золотыхъ три, пшеницы полмацы, жита полмацы, хустъ белыхъ розныхъ за золотыхъ пять; у Марущки, которая

прапа хусты, одь которыхъ сама утекла, взято хустъ за золотыхъ три, сокиру за грошей десеть, серповъ чотыри за грошей шесть; у Семеня Шяпла—жита полмацы, пшеницы увертий три, сина возовъ семь, въ которыхъ копиць соробъ пять, хомуть съ болясою за золотыхъ полтретя, мяса вепрового полоть за золотыхъ два, куръ пятеронадцеть; у Мяска—вепра кормного за полъосма золотого, пшеницы мацу, семена лянного полмацы, овса мацу, сина возъ, въ немъ копиць шесть и куръ десетеро, колясу и сани съ полкошками за золотыхъ два; у Сенюты—жита маць три, пшеницы полмацы, сина возовъ три, въ которыхъ копиць осмънадцеть, муки пшенное чверть, гречки чверть, вепра дворного за золотыхъ полтора, барана за золотый; у Касира шевца—жита маць дви, овса маць дви, пцоль двое въ улевъ выдерто, меду присного зособна за золотый, свиню одну, гусей шестеро, куръ пятеронадцеть, пшеницы полмацы, воску перепущаного за золотый, хомуть за золотый; у Миска Шимончянти — жита мацу одну, пшеницы чвертий три, сина возовъ три, въ нихъ копиць двадцеть одна, коня за золотыхъ двадцеть, куръ пятеронадцеть; у Кондрата млынара—гречки полторы мацы, жита маць три, овса чвертий три, муки пшенное мацу, пшеницы мацу, колясь дви, хомугъ за золотыхъ полчетверта, железа пинъ три за грошей петнадцать, свердловъ два за грошей осмъ, косу до кошени травы за грошей десеть, воровъ шесть, сина возовъ три, въ нихъ копиць петнадцеть; у Федора Раченянти—овса маць дви, жита полмацы, куръ семеро; у Пархома—куръ десетеро, сина возовъ два, въ которыхъ копиць дванадцеть, гусь одну, жита маць три, муки житное мацу одну; у Яцка—сина возовъ чотыри, въ которыхъ копиць двадцеть чотыри, гусь одну, овса чверть, семена лянного осмаку; у Ивана Швабского—жита мацу, куръ пятеро; у Ониска Дуба—свиню, куръ осмеро, сыровъ чотыри, горшобъ масла за грошей десеть; у Левка Литвина—сина возовъ деветь, въ которыхъ копиць петъдесятъ чотыри, мяса вепрового полтий два за золотыхъ чотыри, овецъ дви за золотыхъ два, сокиру одну за грошей десять, косу за грошей десять, муки пшенное полмацы, семена конопного чверть, жита маць три, свиню одну, хомугъ за золотыхъ полтора; у Грицка Рудого—сина возовъ пять, въ нихъ копиць тридцеть,

свиню одну, пшеницы четверть, курь осмеро, гречки маць двѣ; у Яцѣа—гусей петънадцетъ; и зась въ селе Подгайцахъ: у Яцѣа Попѣа —мяса вепрового полтѣй три, пшеницы маць полторы, гречки мацу, масла горнецъ за золотыхъ два, овецъ двѣ за золотыхъ полтретя, опончу за золотыхъ два, овса маць семь, курь двадцетеро; у Семѣна Яковчича—овса маць двѣ, пшеницы мацу, гречки мацу, полоть мяса за золотыхъ два, масла горнецъ за золотый, курь осмеронадцетъ, сыровъ десетъ; у Андѣрея Голубца—вепровъ кормныхъ два за золотыхъ чотырнадцетъ, масла, купленнаго за ползолотого, свичъ за ползолотого, возъ буюсованный за золотыхъ три, хомуть за золотыхъ полтора; у Тараса Финченята—пшеницы маць осъмъ, масла горнецъ за золотыхъ два, косу за грошей десетъ, хомуть за золотый; у Онисѣа Филченята—овса маць три, пшеницы полмацы, солонины полтора полтя за золотыхъ два, сыровъ десетъ, масла горнецъ за золотый, хомуть за золотый, серновъ два за грошей шесть, курь осмеронадцетеро; у Прокопа Клочка—овса маць чотыри, муви пшеное мацу, житное полмацы, масла горнецъ за грошей шеснадцетъ, сыровъ десетъ, курь осмеро, сало вепровое за золотыхъ полтретя, колясу съ полкошкомъ за золотыхъ полтора; у Мартина—овса маць одинадцетъ, вепровъ кормныхъ два за золотыхъ тринадцетъ, пшеницы полторы мацы, маку четверть, гороху полмацы, курь двадцетеро, сина воевъ два, въ которыхъ копиць десетъ; у Калениѣа—сина воевъ три, въ нихъ копиць осъмънадцетъ, овса маць пять, жита мацу, пшеницы полмацы, солонины полтѣй два, курь двадцетеро; у Гавриѣа Наумченята—овса маць три, пшеницы полмацы, масла горщевъ за золотый, сыровъ дванадцатъ; у Томѣа—сина воевъ семь, въ которыхъ копиць сорокъ двѣ, овса маць пять, солонины полтретя полтя за золотыхъ пять, масла горнецъ за золотый, сыровъ десетъ, курь петънадцетъ, муви пшеное четверть, железа одъ плугу за золотый, воровъ два; у Сахна Евхименята—полоть мяса за золотыхъ полтретя, курь двадцетеро, самого збито и зрапено; у Грицѣа—сина воевъ два, въ нихъ копиць дванадцетъ, пшеницы четвертѣй три, жита полмацы, овса полчетверты мацы, масла горнецъ за грошей семьнадцетъ, гречки полмацы, вепра кормного за золотыхъ шесть; у Сасѣа—овса маць шесть, сина воевъ чотыри, въ нихъ копиць двадцетъ, пшеницы полмацы,

пенезей готовыхъ шесть грошей; у Грицка Ситниченята—овець' двое за золотыхъ полтрета, вепра кормного за золотыхъ пять, овса маць деветъ, сина возовъ шесть, въ которыхъ копиць тридцетъ, куръ осмеронадцетъ, железа одъ плугу за золотый, наволочокъ съ подушекъ дви за золотый, сагайдакъ зо всімъ за золотыхъ три, шаблю за золотыхъ три; у Сенка Гайдука—овса маць двенадцетъ, гречки маць пять, жита маць дви, муки житное полмацы, на шротъ питлеганое полмацы, салъ вепровыхъ два за золотыхъ три, мяса полтий два по золотыхъ полтрета, масла горнецъ за золотыхъ полтора, овецъ четверо по золотыхъ полтора, ягнятъ четверо, сыровъ три, подсвинковъ чотыри, куръ десетеро, железа одъ плугу за грошей двадцетъ, путь железныхъ двое на кони за золотыхъ полтора, колясу и хомуть за золотыхъ полтрета, пенезей готовыхъ золотыхъ чотыри; жону его Гасюту и цорку Оганку збили, змордовали; у Панаса Наумчепята—овса маць шесть, пшеницы полмацы, солонны полтий два за золотыхъ пять, овецъ трое за золотыхъ три, готовыхъ пенезей золотыхъ чотыри, гусей десетеро, куръ двадцатеро; у Демяна Басараба—сало вепровое за золотыхъ три, солонины полоть за золотыхъ полтрета, сермягу за золотыхъ полтора, кожухъ за золотыхъ полтрета, овса маць дви, серповъ два за грошей дванадцетъ, косу за грошей десетъ, сокиру за грошей десетъ, вепря за золотыхъ три, сѣмена конопного чверть, чречки мацу, муки пшеничное полмацы, ручницу птапую за золотыхъ три. У арендаровъ зась нашихъ, Хаима Лейбовича а Давида Ицхачовича, жидовъ Дубенскихъ, которые были одъ насъ арендовали въ тыхъ же маестностяхъ нашихъ, Буремцу и Подгайцахъ, корчму на шинковане вшелякого напитоку, и што до нихъ належало, солодовню, броваръ, озницу и винницу, до робеня горелки, до того и млыны наши Буремецкие, на реце Стыру, зо всіми колы, што одно въ нихъ суть, зъ браньемъ мировъ одъ вшелякого збожа и солодовъ, за певную суму пенезей, на каждый рокъ по полчвартаста золотыхъ Полскихъ, въ которыхъ то жидовъ у шафаровъ, шинькаровъ и шинькарокъ, одъ нихъ на той аренде тамъ оставленныхъ, и будучы помененый вельможный княжа его милость Самуель Корецкий, презъ тотъ же людъ свой и тыхъ же одныхъ часовъ, пограбиль и взялъ солодовъ зготованныхъ осмъ

по золотыхъ десеть, пива, способомъ грабежу, квалтомъ выпили варовъ два за золотыхъ петънацеть, горилки за золотыхъ пятьдесятъ, готовыхъ пенезей у шинкара ихъ пограбили и взяли золотыхъ сто двадцеть пять; у жида шафара готовыхъ пенезей золотыхъ Польскихъ семъдесятъ пять, пшеницы маць осмънацеть, маца по золотыхъ пять, жита маць тридцеть пять по золотыхъ два, гречки маць дванадцеть по золотыхъ два, ячменя маць пять по золотыхъ два, яголъ мацу одну за золотыхъ семь, муки пшное маць чотыри по золотыхъ пять муки житное маць шесть по золотыхъ два, крупъ розныхъ маць три по золотыхъ два, котловъ горилчанныхъ зъ вишницы пять, по золотыхъ осмъ, овса копъ полтора, съ котораго вымолочено маць сорокъ, маца по золотыхъ два, гречки копъ осмъдесятъ, съ которое вымолочено маць двадцето, паповокъ до вареня рыбъ три за золотыхъ шесть, полнисконъ цыновыхъ пять за золотыхъ десеть, коновокъ цыновыхъ три за золотыхъ шесть, талеровъ цыновывъ пять за золотыхъ чотыри, сукню фаленъ диншовую за золотыхъ петънацеть, колясъ простыхъ три за золотыхъ три, хомутовъ три за золотыхъ чотыри, седель дви за золотыхъ чотыри, шлей три за золотыхъ два, коцовъ два за золотыхъ пять, внижокъ пабоженства жодовского пять за золотыхъ петънацеть, желизъ плуговыхъ двое за золотыхъ два, бочокъ пивныхъ съ корчмы петънацеть за золотыхъ полосма, кадий пить за золотыхъ три, лихтаровъ мосяжовыхъ два за золотыхъ полтора, фляшовъ цыновыхъ дви за золотыхъ полтора, скуру медвежую за золотыхъ пять, самого долгу готовыхъ пенезей, на подданныхъ розогнанныхъ, зграбенихъ и зпищенихъ, золотыхъ Польскихъ пятьсотъ, яко о томъ всемъ на рсестре жидовскомъ, одъ нихъ намъ поданомъ, есть описано. Тыхъ же часовъ и и дний, вышъоменсныхъ, княжа его милость, съ тыми жъ людьми своими, едучи до маестности свое, часта сета Очавичъ, въ повете Луцкомъ лежачого, презъ маестность тужъ нашу церковную, архимандрицтву Жидичинскому належачую, село Сапоговъ, одъ тамтое маестности наше, Буремца и Подгаецъ, миль чотыри або пять лежачую, презъ тотъ же людъ свой, ограбилъ и взялъ у подданныхъ тамочнихъ, меновите: у Мелешка—съ пасеки квалтовне вибито зъ улевъ шцолъ семеро, овса съ клуни маць три, сина возовъ три, въ

которыхъ копиць осмнадцать, масла горнецъ за золотыхъ полтора, куръ десетеро, рядень два, обрусъ за золотый, макгерку за ползолотого, ручниковъ два за ползолотого, готовыхъ пенезей золотыхъ Полскихъ (?), сець двадцеть, сокиру за грошей десеть, самого побили, поранили; у Галивона—овса полмацы, куръ пятеронадцеть, гусей двое, до халупы его окна повыбивали, одъ коморъ двоухъ колодки одбывш и, зъ собою взяли, пограбыли за которые грошей Полскихъ петнадцать; у Ивана Приступы—готовыхъ пенезей грошей шесть, хлеба великого осмеро за грошей петнадцать, куръ деветеро; у Ярголихи—сина возовъ три, въ которыхъ копиць петнадцать, овса полмацы, хлеба трое за грошей шесть, куръ шестеро; у Гаврилихи—овса четвертей три, сина возъ, въ которомъ копиць шесть, хлеба пятеро за грошей десеть, куръ десетеро, гусь одну; у Харка—хлеба четверо за грошей шесть, овса полчверти, куръ осмеро; у Юва—овса чверть, куръ трое, колбасъ три; у Саска—овса полмацы, хлеба четверо за грошей чотыри, куръ двос, качокъ двое; у Ониска—овса полмацы, хлеба четверо за грошей чотыри, куръ пятеронадцеть, гусь одну; у Федца—куръ двое, качокъ двое, овса чверть; у Федка—колбасъ чотыри, куръ четверо, хлеба четверо за грошей шесть; у Анъдрея Фасуна—пенезей готовыхъ грошей осмъ, хлеба двое за грошей чотыри, куръ двое; у Данила Тересченяты—овса полмацы, куръ осмеро, горнецъ масла за золотый, колодокъ дви одъ коморъ одбили, за которые грошей дванадцеть; у Мартина Костюченяты—овса чверть, хлеба семеро за грошей чотырнадцеть, масла горнецъ за золотыхъ полтора, куръ четверо, гусей двое. И тотъ увесъ грабежъ—одень на потребу самого княжатъ его милости слугъ, приятель, козаковъ, бояровъ и инъшихъ помочниковъ своихъ обернули, другий межи мещане Торговицкие и вси подданые волости Торговляцкое, водлугъ воли и уподобаня своего, яко кому хотели, роздали, а иншия леггумина, въ тыхъ грабежахъ поменныя, въ остатку—одны конми стравили, а другие сами зедли, чинячы то все ку великому знищено и зубожению тое маестности церковное, и ку незносной кривде и шкоде нашой. Не втручаючы теды въ то зубожения, розогнаня, забраня и зграбения подданныхъ тыхъ сель церковныхъ, оферуючи се ото все съ княжатемъ его милости, и, съ вимъ будемъ

розумели, помочниками, приятелы, слугами его, въ судехъ належныхъ, такъ, яко будетъ водле права палежало, правне чинить,—просили при томъ о придане возныхъ до огледаня знищена, спустошена тыхъ маестностей. Я, урядъ, осъведьченъ ихъ милости принявши, возныхъ еперальныхъ шляхетныхъ: Труша Овчину и Яна Сешкевича ихъ милости придалъ, которые, тутъ на вряде очевисто станувши, явне и доброволне сознали: же се имъ о то все его милость отецъ архимандрить съ капитулою своею, крылошаны Жндячинскими, въ року теперешнемъ, о то все, што се вышей поменило, сведчили и оповедали, и спустошене великое въ гаяхъ, заустахъ, дубровахъ, же писва трудно переличити, видели, и то все, што се вышей поменило, такъ а не иначе быти сознали; до того оповедали тежь то тые вси вышей менованые особы, же въ тотъ же часъ, при томъ списованю и обвоженю презъ возныхъ тыхъ всихъ шкодь, оповедалъ имъ урожоный панъ Станиславъ Радзимовский, арендаръ ихъ Буремецкий, за тымъ квалтовнымъ пасланемъ одъ княжати его милости Самуеля Корецкого того люду его, въ розогнаню тыхъ подданныхъ, въ недавю ему чиншовъ, въ немолоченю гумень, въ неодвезеню подвонъ (зъ) збожемъ до Бугу, въ пограбеню стырты пшеницы его власное дворное, и починеню инъшихъ ему грабежовъ, —меновалъ себе шкодь, затымъ поднятыхъ, на осмъ сотъ золотыхъ Полскихъ. И просили, абы тая жалоба и оповедане ихъ, такъ же и сознанъе возныхъ принято и до книгъ записано было,—што я, все принявши, записать имъ казалъ, и есть записано.

Книга Луцкая городская, поточная, годъ 1619, № 2437, листъ 280.

СХІV.

Донесеніе возныхъ объ осмотрѣ ими опустошеній, произведенныхъ панами Ганецкими въ имѣніи Новоселкахъ, арендуемомъ ими у Луцкаго земскаго писаря, Войтеха Станишевскаго, и объ угнетеніи ими тамошнихъ крестьянъ. 1619 г., мая 14.

Року тисеча шестсотъ деветнадцатого, месеца мая четырнадцатого дня.

На рочкахъ вгородскихъ, Луцкихъ, отъ дня девятаго месеца мая, въ року звышъ начисаномъ припалыхъ и судовне отпраовати зачатыхъ, передъ нами, Яномъ Вилежинскимъ, подстаростимъ, а Адамомъ Сопоткомъ, скарбнѣкомъ Волыцкимъ, судею, вридниками судовыми вгородскими, Луцкими, становчи очевисте шляхетныи Станиславъ Ставскій и Ваврянецъ Прибышевскій, енералове воеводства Волынского, Киевскаго и Браславскаго, урядови нинешнему добре знаемые, и шляхетный Янъ Суловскій и Станиславъ Подлескій, такъ вознове, яко и менованая шляхта, будучы одъ насъ до нижей выраженое справы очевисте приданые, въ моцъ своего правдивого зознаня, явне и доброволне зознати: ижъ дня дванадцатого теперъ идучого мая, на реквизицію урожного пана Войтеха Станишевскаго, писаря земскаго, Луцкаго, были въ фолварку и селе Новоселкахъ, тутъ въ повете Луцкомъ будучихъ, маетности помененого пана писаря, которую урожные панове Янъ Кганецкій и Дорота Хотецкаго Кганецкая, арендую, которая се кончить на святки близко приплые, тримають; тамъ же, громаду зобравши зъ сель Баворина и Новоселокъ, шляхетный Томашъ Осташевскій, слуга его милости пана писаревъ, пыталъ подданныхъ: што бы за причина была, и што за тежаръ одъ арендаровъ, же ихъ двадцать и билка прочъ пошло? Которые хлопы съ плачомъ поведили, же тая причина, ижъ зъ волоки и зиме по двое робимъ, лете зъ волоки и по трое, а съ пувлочка зиме и теперъ счо день робимо, а лете по двое,—немашь собе воли а ни засеятя, а ни хлеба уробити, а передъ тымъ, за пана

своего, теды есмо такъ не робляли; до того дрыва за вилка миль безъ дня возили есмо, не тылко до Новоселоукъ, але и до Олыка; сторожу, которую передъ тымъ загородники, тылко што кони неймили и одправовали, и то колесоу, а коли одправовали, теды дни не робили, а панове арендарове погнали, и подданныхъ потягли колесоу, за чимъ хошъ пансчизна припала, предсе стеречи казано по два сторожи; тыежъ сторожи; въ ноци стерегли, а въ день было зъ овцами оденъ наслъ, а другий стадо, што передъ тымъ постукове одправовали; подводу за пять, шесть миль безъ дня до того, и то съ тежаромт; мацу жита дапо зъ двора на мелене, а пувторы маци муки съ тое маци казано отдавати; коля и хворосту нивгды дармо на огорожене урубати не позволено, ажъ мусель килкоро куръ дати; фуру попелную мусели мы одправовати, которое передъ тымъ не бывало; до Льова зе збожемъ коли ездили, мыта муселисны давати, а пристава при насъ небыло: што емо дали померного, не хотено приняти, яко то венць бывасть, же не однаково на торгу ценаць, мусели се продати, теды, яко который найвысшую цену продаць, такъ вси мусели платити; и хотя есмо въ подводе были, предъ се пансчизну мусели есмо робити. Тамъ же се ускаржали о розныя грабежи и бое на паню Кганецкую, и тоже на нихъ и безъ пансчизны робене, вросенъ робене, полотель и придива навидала, чого передъ тымъ не бывало, бо передъ тымъ за день правовано, съ поля спрятнувши, albo пани упросыла на толоку, наветъ и гуси занявши мужицкие, пани Кганецкая подскубовати казала. За такими тежарами попили прочъ, але было либы такъ должей,—и остатокъ поидеть, якожъ хлоповъ дванадцеть рольныхъ зъ Бакорина, а зъ Новоселоукъ рольныхъ два, а загородниковъ и подуседковъ дванадцать пошло прочъ. Которые тежары помененыи слуга папа писаровъ помененыи возными и шляхтою осветчили, потомъ просиль, жебы въ поле до севбы озимое ехали; зачимъ, кгда за греблею ку пелзомъ были, тамъ севбу озимую показано намъ середнюю, межи которою обшаръ не малый новины укавоваль урядникъ, же былъ подаль паномъ арендаромъ пшеницею озимую засеяною, и пшеницею тежъ мелъ быти засеяный, на которымъ ничего а ничего всходу зъбожа не знати; пытаць подданныхъ при помененыхъ возныхъ и шляхте, если бы на томъ обшаре

што сея и?—поведал, же южь въ самые морозы, знявши просо, которое была пани Кланецкая въ парячю на той новине посеяла, посеяно шгось сурж-де. Потомъ на другую сторону, до другого объшару ехавши, указалъ збытъ позную себбу, яко поведали хлопы, же южь по Покрове сеяно, и самъ панъ писарь остатка досевалъ, коли обачиль же панове арендарове сеяти не хотели,—тое себбы позное тылко при долинахъ троха знати. Потомъ, ехавши въ ярне поля, помененый слуга съ поменеными возными и шляхтою указовалъ объшаръ великий, который поведалъ, же былъ порядне засеявши овсомъ, гречкою, ечметель, просомъ, горохомъ отдакъ, а теперь и шостое части, хочъ и двѣ плуги панские ходять, есче поль ярыхъ не засеяно,—што поменеными возными и шляхтою осведчиль. Потомъ помененымъ вознымъ и шляхте указалъ слуга помененый запусъть немалый, высечоный, при Острожецкой дорозе, въ которомъ уже дерево немалое дубовое и березовое было, а потомъ въ запусе великимъ одъ Романова и тутъ и овде по троше вырубанаго, которое вырубанае запусовъ поменеными возными осветчиль; съ которыхъ запусовъ, поведали хлопы, же не тылко до Новоселовъ возноно, але и до Олыки возноно дрыва. Потомъ, до двора ехавъши, помененый слуга помененымъ вознымъ и шляхте указалъ огорожу около двора и огородовъ опалукъ, што поменеными возными и шляхтою осветчиль и тоже огородовъ, такъ, яко подацѣ были, пани Кланецкая не засеяла. При томъ светчильсе и о то, же ставки добре нарыбеные, съ которыхъ тылко рыбъ въ посты засегати быю позволено, послуцано. Што все, счо и яко се дейло и счр. видѣли есми, осветчано, помененые возные и шляхта признали, просачы, абы тое принято и до книгъ записано было,—што есть записано.

Книга Луцкая городская, поточная, годъ 1619, № 2437, листъ 382.

СХЛ.

Объявление княгини Анны Порицкой объ опустошении татарами имѣній ея: Буглова, Охришковичъ, Плиски, Кутыщъ, Коростовы и Печорной. Довесение вознаго объ осмотрѣ имъ этихъ опустошенныхъ имѣній. 1619 г., мая 14.

Рову тысяча шестсотъ деветнадцатого, месеца мая чотыринадцатого дня.

На вриде вгородскомъ, въ замку Лудскомъ, передо мною, Яномъ Вилежинскимъ, подстаростимъ, а Адамомъ Сопоткомъ, скарбнымъ Волинскимъ, судею, вридными судовымъ, вгородскимъ, Лудскимъ, обличне становши, шляхетный панъ Андрей Доманскій, приятель ея милости павее Анны съ Тулинъ, внажны Александровое зе Збарража Порицкое, оповедать великое спустошене и погалене маестности княжати его милости Александра зе Збарража Порицкоего и княжны ея милости помененое, малжонковъ, презъ неприятеля врижа светого, татарина, подчасъ инкурсеи, въ рову прошломъ, тисега шестсотъ осмьнадцатомъ, въ осени, где помененую маестность праве внивечъ обернули, подданныхъ всихъ, албо барзо мало што зоставышы, зо всеми добытками ихъ выбрали, меновите: село Бугловъ, Охришковичы, Плиску, Кутыща, Коростову, Печорную. Которое то спустошене маестности помененое и местца погалене, помененый панъ Доманский оповедивши, тую свою протестацию объясняючы, ставилъ вознаго енерала, шляхетного Прокопа Завротинского, который передо мною ставши, въ моцъ правдивого свидетельства своего, созналъ: ижъ онъ рову процлого, тисега шестсотъ осмьнадцатого, месеца октября дня четвертого, будучы на сираве внажны ея милости Александровое Порицкое, въ маестности малжонка ея милости, въ селахъ: Буглове, Охришковичахъ, Плиске, Кутыщахъ, Коростове и Печорной, гдемъ видять великое спустошене помененое маестности презъ неприятеля врижа светого, татарина, такъ спаленемъ огня, яко побранемъ подданныхъ зовсими добытками, же праве мало што людей въ тыхъ се-

лахъ видиломъ зосталыхъ,—што такъ, а не йначей, той возный быти созналъ. И просилъ помененый панъ Доманский, абы тая протестація и возного релация принята и до книги записана была, которую я, принявши, до книги записати казалъ, и есть записано.

Книга Луцкая вродская, поточная, годъ 1619, № 2437, л. 376.

СЛХVI.

Присяжное показаніе атамановъ изъ ивѣнній жены Волынскаго воеводы, князя Острожскаго, объ опустошеніи татарами Полонской и Остропольской ея волостей. 1619 г., мая 15.

Року тысяча шестсотъ деветнадцатого, месеца мая петнадцатого дня.

На рочкахъ судовыхъ, вродскихъ, Луцкихъ, отъ дня девятого мая, въ року звышъ написаномъ, припалыхъ и судовне отъправоватъ зачатыхъ, передъ нами, Яномъ Вилежинскимъ, подѣстаросѣтимъ, а Адамомъ Сопоткомъ, скарбникомъ Волыньскимъ, судьею, вродниками судовными, вродѣскими, Луцкими, постановившимъ очевидсто урожонный панъ Самуель Тушиковский, слуга освещеное панее Анѣны зъ Шѣтемъберьку, впежъны ея милости Осѣтрозское, воеводыное Волыньское, по оданью побору его королевѣское милости, на сейме Варшавѣскомъ, въ року теперешнемъ, тисеча шестсотъ деветнадцать, уфаленого, за инѣстанѣциею урожонного его милости пана Федора Линевскаго, поборѣцы воеводства Волыньскаго, зъ селъ, до волости Остропольское належачихъ, презъ татарина спустошонныхъ, ставилъ отамановъ, нижей менованыхъ, которые, очевидсто будучы при бытности пререченого его милости пана поборѣцы, передъ нами присегу, за выданемъ роты презъ возного Станислава Суського, выѣонали въ тую роту: Я, Федоръ, отаманъ Тулинский, Иванъ, отаманъ зъ Еремичъ, Тишко зъ Борушковичъ, отаманъ Сергей зъ Волице, подѣ-

данне вельможное княжны ея милости Островское, панее воеводиное Волинское, присягаемы пану Богу всемогущему, ижъ маетьность княжны ея милости, панее паное, меновите волость Полоньская и Остропольская, презъ татарина, въ року тысяча шестсотъ осьмьнадцатомъ, спустошона, спяленая, выбъраная и въ попель оберънепая, съ которое побору приходило—ланового золотыхъ сто шестьдесятъ и пять, а чопового зъ тыхъ же волостей, то есть Полоньское и Остропольское, золотыхъ пувъторасъта; за которымъ спустошеньемъ побору и чопового до сварьбу короля его милости дати не можемъ. Который то юраментъ преречонныхъ особъ, за принятемъ нашимъ судовымъ, до книгъ вгородскихъ, Луцкихъ, есть записанъ.

Книга Луцкая вродская, поточная, годъ 1649; № 2437, листъ 408 на оборотъ.

СХХVII.

Донесение возного объ опростъ имъ пойманныхъ крестьянъ села Терешковца о причинѣ бѣгства ихъ оттуда, при чемъ крестьяне эти показали, что они ушли вслѣдствіе притѣсненій ихъ арендаторомъ, паномъ Ржичовскимъ. 1649 г., мая 15.

Року тысяча шестьсотъ деветнадцатого, месеца мая петнадцатого дня.

На рочкахъ судовыхъ, вгородскихъ, Луцкихъ, отъ дня девятого месеца мая, въ року теперешнемъ, звыше написаномъ, привалыхъ и судовне отправовать зачатыхъ, передъ нами, Яномъ Вилежинскимъ, подстаростимъ, а Адамомъ Сопоткомъ, сварбнымъ Волинскимъ, судею, вроднявами судовыми, вгородскими, Луцкими, постановившисе очевисто возный епераль воеводства Волинского, повету Луцкого, шляхетной Марко Могиленский, ку записаню до книгъ вгородскихъ, Луцкихъ, совналъ тыми словы: ижъ онъ року теперешнего, тысяча

шестьсотъ деветнадцатого, месеца мая третего дня, за ужитьемъ шляхетное пани Анны зъ Белого Стоку Матфеевое Кощиное и сыновъ ее милости Миволая и Федора Ощовскихъ, быть воименю и селе Терешковцу, при которомъ возномъ, вгды приведено подданныхъ ихъ Терешковскихъ, утекающихъ съ Терешковца на дорове подъ гаемъ Божовскимъ, на долине, и съ тыми подданными выкопцовъ, на име Ивана Мельнива изъ жоною и другого подданого зъ Бородничъ, его милости пана Михала Гулевича Воютинського, подсудга земсого Луцкого, который отъ коня и отъ вова утекъ, теды тотъ помененый возный пыталъ тыхъ помененыхъ збежовъ, где васъ поймано и въ который часъ, и для чого вси прочъ пошла? Теды передъ тымъ вознымъ и при волю людей зацныхъ признали: жесми пошла для великихъ жривдъ, которые терпимо отъ пана Ржичовского, который насъ тесперь арендою держитъ, а поймано насъ на долине надъ гаемъ Божовскимъ, въ ноци, — што все пани Коциная и сынове ее милости тымъ помещенымъ вознымъ осветчили и оповедали. Которое то возного сознапе до внигъ вгородскихъ, Луцкихъ, есть записано.

Книга Луцкая вродская, поточная, годъ 1619, № 2437, листъ 404.

СХХVIII.

Присяжное показаніе атамановъ изъ имѣній Краковскаго каштеляна, князя Януша Острожскаго, объ опустошеніи татарами его имѣній, волостей: Острожской, Дубенской, Базалійской, Красиловской и Константиновской. 1619 г. мая 18.

Року тисеча шестьсотъ деветнадцатого, месеца мая осьмнадцатого дня.

На рочкахъ судовыхъ, вгородскихъ, Луцкихъ, отъ дни девятого месеца мая, въ року звышъ написаномъ припалыхъ, и судовне от-

правоватъ зачатыхъ, передъ нами, Яномъ Влажжнскимъ, подстаростивъ, Адамомъ Сопотьомъ, скаръбнымъ Волянъскимъ, судьей, вридинками судовыми, вгродскими, Луцкими, постановившимсе очевидно слуга освещеного княжати его милости Януша Острозского, каштеляна Краковского, Володимерского, Белодерковского старосты, урожонный панъ Александеръ Собоудский, прихилиючи се до конъстытуции и права посполитого, на сейме Варшавскомъ о поргорелыхъ и презъ неприятеля крыжа светого, татарина, спустошонныхъ и попаленыхъ маестностяхъ шляхетскихъ, уфаленого, чому досить чинечи, ставиль войтовъ и отамановъ зъ маестности княжати его милости, пава своего, нижей менованыхъ, презъ того неприятеля татарина, въ року прошломъ, тисеча шестсотъ осмнадцатомъ, за прутеимъ вторгнемемъ въ край тутопъные Волянские, спустошонныхъ, попаленыхъ и вънивечъ, въ попелъ оберъненихъ, тутъ въ воеводстве Волянскомъ, а поведахъ Луцкимъ и Кременецкимъ, то есть части волости Острозское, и Дубенское, а Базалиское, Красиловское и Константиновское, зъ местами ихъ, для выконаня юраменту на спустошене и попалене тыхъ маестностей преречонныхъ, водле протестации о томъ засвежа учиненое; для которого спустошеня тыхъ маестностей, поборовъ его королевское милости, на сейме коронномъ Варшавскомъ въ року нинешнемъ, тисеча шестсотъ деветнадцатомъ, уфаленыхъ, до скарбу выдати не могль,—просиль, абы отъ подданныхъ присега выслухана была. Явожь мы, урядъ, прихилиючи се до права посполитого и конъстытуцней, о томъ ухваленихъ, присеги съ подписомъ его милости пана Федора Ливевъского, поборцы Волинского, присланой презъ возного, шляхетного Бартомея Ясликовского, за выданемъ роты отъ него, въ тые слова выслухали: Мы, Демянъ Ковориеа, войтъ Базалийский, Янъ, присяжный Красиловский, Мацко Константиновский, Яцво Балакирь, отаманъ Жеребовский, Сахно волости Дубенское, Юско волости Острозское, отаманове, подданные освещеного княжати его милости Януша Острозского, каштеляна Краковского, присегаемо пану Богу всемогущему, ижъ маестность княжати его милости пана нашего, то есть волости: часть Острозское и Дубенское а Базалийская, Красиловская и Константиновская, зъ местами ихъ, презъ татарина, въ року ти-

сеча шестьсотъ осмьнадцатомъ, въ осени, въ месецу сентебру, зъ вгругу спалены, выбраны и спустошены, а другіе презъ огонь припадковый погорелы, для втораго спустошенъя княжа его милость, панъ нашъ, сполна побору выбрать и водіе сумъ двитовъ перьшихъ отдать немогъ, то есть сумы золотыхъ семьсотъ осмъ, грошей осмъ и пенезей семь. И просилъ помененый панъ Соколскій, по выконаню присеги, абы тотъ юраментъ тыхъ отамановъ до книгъ записанъ былъ; што мы, урядъ, за выконанемъ таковой присеги передъ нами, до книгъ вгродскихъ, Луцкихъ, записати казали,—и есть записано.

Книга Луцкая вродская, поточная, годъ 1619, № 2437, л. 454.

СХХІХ.

Объявленіе отъ имени князя Януша Острожскаго объ опустошеніи татарами имѣній его въ Острожской и Березовской волостяхъ. Донесеніе воеваго объ осмогрѣ имъ этихъ опустошенныхъ имѣній. 1619 г., мая 22.

Року тисеча шестьсотъ деветнадцатого, месеца мая двадцать второго дня.

На рочвахъ судовыхъ, вгродскихъ, Луцкихъ, отъ дня девятого месеца мая, въ року звышъ написаномъ припалыхъ и судовне отправовать зачатыхъ, передъ нами, Яномъ Вилежинскимъ, подстаростымъ, а Адамомъ Сопотвомъ, скарбникомъ Волинскимъ, судею, вридиками судовыми, вгродскими, Луцкими, постановившише очевисто Андрей Фолюшевскій, слуга яснеосвецоного пана княжати его милости Януша Острожскаго, воеводича Волинскаго, именовъ княжати его милости, пана своего, передъ урядомъ оповедалъ и осветчалъ о тымъ: изъ року прошлаго, тисеча шестьсотъ осмьнадцатого, месеца сентебра двадцать девятого и тридцатого дней, татаровъ великое войско, презъ Волохи до панствъ короля его милости, до воеводствъ

Подолского, Волынского, вторгнувши, остатки маестности князятъ его милости, што было сече троха зостало хать, людей, добытка, отъ першого вторгненя татарского, которое се въ року прошломъ, тисеча шестсотъ семнадцатомъ, стало, то въ остатнемъ въ томъ вторгненю попалили, люде и добытокъ побрали и внивечъ вси села обернули, а меновите: въ волости Острозской: село и фольварокъ Борисовъ, село и фольварекъ Плужное, село Вылчинъ, села Боровичи обѣдвѣ, село Добринъ, село Долотець, село Радогосча, до местечка Суража сель три спалили; въ Берездовской волости: село Новоселки и иншия села, местечко Красный Ставъ, альбо Хлапотинъ, што было троха хать и людей зостало; теда въ томъ селе Новоселкахъ и въ Красномъ Ставе остатки спалили, людей и добытокъ забрали, также въ маестности Лабунской, Любартовской, Колодинской, што было отъ першого вторгненя зостало, то теперешнимъ вторгненемъ попалили, люде выбрали, добытокъ выгнали, толко поле и погорельска зоставили, о чомъ ширей першого спустошеня обводъ въ книгѣхъ тутошнихъ вгородскихъ Луцкихъ, и вгородскихъ Кременецкихъ, обмовляютъ. И объясняючи тое свое оповѣданье, ставиль возного емерала, шляхетного Василя Колоденьского, который, на урядѣ очевисто стоячи, сознавъ: наъ року теперешнего, месеца апрѣля четвертого дня; былъ найпервей въ волости Берездовской, тамъ же видель село Новоселку, въ дворомъ, местечко Красный Ставъ, альбо Хлапотинъ, спаленое, а въ волости Острозской: село Борисовъ, Плужное, Вылчинъ, Боровичи обѣдвѣ, село Добринъ, село Долотець, село Радогосчу, — одны до счету спаленныя, а другихъ покилку хать зостало; однакъ люде и добытокъ выбрано; также дня сегого апрѣля, будучи въ Суражу, толко видѣломъ местечко Суражъ само целое, а три села, которые до Суража належали, спаленныя и спустошенныя. А потомъ, дня десятого апрѣля; будучи въ Любартовѣ, тамъ есми въ той волости Любартовской видель вси села, до Любартова належачыя, которые въ першимъ обводѣ спустошеня менованые суть, спалены, спустошонны, безъ людей, безъ добытку, толко погорельска знать. Также дня одинадцатого тогожъ месеца апрѣля, будучи въ Лабунской волости, тамъ же вси села Лабунскыя спаленныя, спустошонныя, безъ людей и добытку, тылко самыя погорельска видѣломъ. А на остатекъ; дня чотырнадцатого

месеца априля, въ волости Колодинской и въ волости Чернеховской будучи, и тамъ виделомъ села Колодинские и Чернеховские, одни до половицы, а другіе по части спаленны, однакъ люде и добытокъ въ нихъ выбрано, такъ вжъ мало не вси пусты, безъ людей суть, и немашь зъ чого побору платить. Которое же то оповеданье и возного сознанье до книгъ вгородскихъ, Луцкихъ, есть уписано.

Книга Луцкая городская, поточная, годъ 1619, № 2437, листъ 456.

СХХХ.

Жалоба пана Адама Кукольского на пана Матиіа Тиминского о томъ, что онъ, арендовавши мѣстныя жалобничекы, село Ковачичи, притеснялъ и угнеталъ крестьянъ, вследствие чего япоте изъ нихъ разбѣжались. 1620 г., февраля 20 дни.

Рокъ тысяча шестсотъ двадцатого, февраля двадцать девятого дня.

На рочкахъ судовыхъ вгородскихъ, Луцкихъ, одъ дня двадцать сегого, месяца февраля, въ року звышъ написаномъ припалихъ и судити се зачатыхъ, передо мною, Яномъ Вылежинскимъ, подстаростимъ Луцкимъ, постановивши се очевисто угроженный панъ Адамъ Кукольский оповедалъ се и протестовалъ на угроженного пана Матиіа Тиминского о то: вжъ арендовалемъ маенность свою, заставную, въ повете Луцкомъ а въ волости Чорторыской лежачую, село Ковачичи, пререченому пану Тиминскому за певную суму пенезей за шѣстсотъ золотыхъ Полскихъ, на летъ полътретя, которые се кончити маютъ въ року, дастъ панъ Богъ, пришломъ, тысяча шестсотъ двадцать первомъ, въ день Божого нароженя свято римское, зо всими принадлежностями: зъ гумномъ и збожемъ, въ гумне зложбынымъ, на полю засеянымъ, съ поддаными и ихъ повинностями, на што мы, обедве стороне, межи себе интерцзы—такъ онъ мне съ подписами

рукъ пріятель своихъ, яво и я ему на аренду тое маестности и инвентаре, зъ обудву сторонъ, дали есмо; въ которыхъ интерцизахъ и инвентарахъ повинность и послушенство подданныхъ есть написано. однакъ и то доложено, же надъ тую повинность, которая на инвентару одъ мене пану Тиминскому подданымъ, ничего съ подданныхъ роботами не обътежаючи, о чомъ тые интерцизы и инвентаре, межи нами съ печатми и съ подписами рукъ нашихъ даные, ширей въ себе обмовляютъ. Которое интерцизы и инвентару преречонный панъ Тиминский препомневши, подданныхъ роботами не обычайными, надъ повинность ихъ, обътежаетъ и транить, вгды жъ въ инвентару повинность тыхъ подданныхъ—робити въ тыждню по дней три, а онъ што денъ въ тыждень по трое выганяетъ, же собе небожята робити коли и поживенью взяти одуль, презъ тяжкие роботы, не мають; которые, видечи великое утрапенье и незносную роботу, подданныхъ чотыри съ тое маестности прочъ пошли, одуль и шводу немалую, тольо за причиною его поношу, за чимъ въ закладъ, въ интерцизе межи нами даной, заложонный, шестьсотъ золотыхъ Полскихъ, попалъ и до шводъ мене, за тымъ тежежемъ и трапеньемъ подданныхъ, которые прочъ пошли, на тысечу золотыхъ Полскихъ приправиль. Постерегаючи я теды целости, абы и вси подданые, за причиною его, съ тое маестности прочъ не розоплися, противко преречоному пану Тиминскому осведчалъ се, а въ моцъ того осведченья своего ставиль возного енерала воеводства Волинского, шляхетного Станислава Пявовского, который очевисто передъ урядомъ вгородскимъ ставши, къ записаню до внигъ нивешнихъ вгородскихъ, Луцкихъ, созналъ тыми словы: ижъ року теперешнего, тысеча шестьсотъ двадцатого, месеца генваря дванадцатого дня, маючи я при собе шляхту, людей добрыхъ, пана Яна Брововского а пана Матея Вербовского, былемъ посланный отъ пана Адама Куволяского до маестности села Кононичъ, которую панъ Матей Тиминский арендою одъ пана Адама Куволяского, въ суме шестьсотъ золотыхъ Полскихъ, тримаеть, въ сираве преречонного пана Адама Куволяского; тамъ же я, возный, и зъ шляхтою, при мне будучою, выделемъ халушь чотыри, пустками стоячихъ, въ которыхъ знать недавно хлопци мешкали, теды пытали есмо другихъ хлопцевъ, оволо тыхъ пустыхъ халушь мешкающихъ, чому бы тые халушы пуст-

ками стояли? Которые поведили: ижъ для незносныхъ и тяжкихъ работъ, которыми насъ и ихъ панъ Тиминский трапить, тые сусиды наши прочъ пошли, а доколь панъ Тиминский тую маетность будетъ тримати, а насъ такими тяжкими работами, же надъ повинность чинити зневоляти будетъ, и вся одтоль пойдемо,—бо болшей южъ въ такой тяжкой неволи трвати не будемъ,—што я слышачи, тоею шляхтою осведчивши, съ тамтоль прочъ одехалемъ. Што такъ а не иначе, правдиве бытъ, помененый возный созналъ. И просилъ помененый панъ Адамъ Куколский, абы тая его протестация и реляция возного до книгъ принята и записана была; которая за пятьемъ урядовымъ до книгъ вгородскихъ, Луцкихъ, есть записана.

Книга Луцкая вродская, поточная, № 2439, годъ 1620, листъ 328 на оборотъ.

СXXXI.

Жалоба отъ имени Луцкаго епископа Андрея Липскаго на пановъ Юрія и Василія Микулинскихъ—Мелешковъ о томъ, что они съ жолнѣрами сѣзлали наѣздъ на принадлежащія Луцкому капитулу волости Торчинскую и Садовскую, въ которыхъ били, увѣчили и грабили крестьянъ, вслѣдствіе чего многіе изъ нихъ разбѣжались. 1620 г., апрѣля 25 дня.

Року тысяча шестсотъ двадцатого, месеца апреля двадцать пятого дня.

На вряде вгородскомъ, въ зашеу его королевское милости Луцкомъ, передо мною, Марціяномъ Олшамовскимъ, буреграбимъ и наместникомъ подстароства Луцкаго, постановивши се очевисто велебный въ Бозе ксендзъ Марцинъ Издебский, подзеканый катедры Луцкое, именемъ ясневелебного его милости ксендза Ендрея Липскаго, зъ Липого, зъ ласки Божое бискупа Луцкаго, подкандцлерого коронного, всее капитулы вибаріювъ катедры Луцкое, ускаржалъ и

оповедать се на урочныхъ Ерога, Базилега Микулинскихъ—Мелешковъ о то: ижъ они, не огледаючи се на вини, въ правѣ исполнителномъ описаные, въ року нынѣшнемъ, тысячу шестсотъ двадцатомъ, выбрали купу великую людей до двохъ сотъ коней, месеца марта тридцать первого дня, въехавши въ волость Торчинскую и Садовскую, отъ села до села, презъ дни чотыри, зо всеми людьми своими, самныи тилко имена и прозванска ведомыми и сведомыми, садяи, и по тыхъ волостяхъ, селяхъ, ходечи одъ села до села, шкоди не аносиме явными, въ гуменъ, въ коморъ, што колвекъ одно живности закованое убогие люди мели, квалтовне брали, бидныхъ подданныхъ, у вторыхъ анайдовати ничего не могли, били, мордовали и такъ вынищивши убогие подданные, а другие розогнавши зъ тыхъ волостей, одекали. За вторыми то таковыми наеханемъ квалтовными, и забранемъ зо всего тыхъ убогихъ людей, и розогнанемъ другихъ, пошло зъ волости Садовское подданныхъ: такъ зъ села Садова подданныхъ чотырнадцати, зъ села Ордзвина подданныхъ шесть, зъ села Кошова подданныхъ чотырохъ, зъ села Жуковца подданныхъ шесть, зъ села Воли Садовское подданныхъ пять зъ волости Торчинское: зъ села Литвы подданныхъ осмь, зъ села Буяны подданныхъ тринадцать, зъ села Кутовъ подданныхъ пять, зъ села Слюшлова подданныхъ чотыри, зъ села Боратина подданныхъ чотырнадцать—протъ попли зъ великою и ве ошачованю милодею ясневелебного мшанца его милости Андрея Липского, бискупа, капитулы его и викариевъ Лудскихъ. О вторые то таковыи знищени, спустошени и зобраи и побити тыхъ бидныхъ подданныхъ, а за тымъ о шкоди, которыхъ себе его милость всендзъ бискутъ съ капитулою на десеть тысячей золотыхъ Полскихъ, а ихъ милость капитула зособна зъ викариями на пять тысячей золотыхъ—шачують, такъ же и о вини, въ правѣ исполнителномъ и въ конституцияхъ описаные, въвышъ реченый велобный въ Бове всендзъ подзеканий, именовъ ихъ милости, на противно паномъ Микулинскимъ Мелешкомъ, въвышъ менованнымъ, светчиль се. Где тутъ же стоячи возный земский, енераль воеводства Волынского, Янъ Русовский, добровольне сознать тыми словы: ижъ я, будучи на справе ясневелебного его милости всендза Ендрея Липского зъ Липого, зъ ласки Божое бискупа Лудского, подканцле-

рогъ коронного, капитулы викариювъ костела катедрального Луцкаго, а то за приданемъ урядовымъ, мажоръ при себе двоухъ шляхтичювъ, пана Матяша Верцишевского, пана Вавринца Халецкого, а то въ рову нынешнемъ, тисота шестсотъ двадцатомъ, месяца апрѣля второго дня; бывшемъ въ маестности ихъ милости капитулы Луцкоя викариювъ, меновите въ волости Торчинской, въ селахъ звышъ менованныхъ, до волости Торчинское належачихъ, такъ же въ селе Садове и приселкахъ всихъ, звышъ менованныхъ, до Садова належачихъ, тамъ же будучи, виделомъ пустою не мало за розогнанемъ тыхъ то подданныхъ зъ селъ поменёныхъ презъ роты, которые его милость Ерый, Базилей Микулинские—Мелешкове провадили; тамъ же видеть всихъ подданныхъ зъ селъ вышъменованныхъ, которые вси усвѣждали се съ плечемъ на' противю тымъ же то ихъ милости паномъ Микулинскимъ, ижъ ихъ милость всю живность, которую захопаную мели, такъ же ярины, яво овси, ячмени, горохи, мяса полтовые, при томъ: плахы, плати; сермаги презъ тыхъ те жолнеровъ роты своей тымъ те подданнымъ егвалтовне брали, а не которыхъ били, мордовали; о яковне егвалтовне браня и грабеже; слуга ихъ милости капитулы мною, вознымъ енбраломъ, и шляхтою; при мне будучю, на противю ихъ милости пановъ Микулинскимъ светчили се и оповедаль, — што такъ быти а не иначею сознаваю. Которое жъ то оповедане и возного сознане до книгъ егвалтовныхъ, Луцкихъ, есть записано.

Книга Луцкая црковная, поточная, № 2439, годъ 1620, листъ 1158. на оборотъ.

СХХII.

Донесеніе вознаго о томъ, что онъ былъ въ селѣ Козлиничехъ, принадлежащемъ ипако Юрію Жаславскому, при чемъ удостовѣрился, что вслѣдствіе угнетенія и ограбленія крестьянъ со стороны подсудка Хелмскаго, Фридриха Подгороденскаго, она съ семьями и имуществомъ ушла изъ села, и оное опустѣло. 1622 г., апрѣля 14 д.

Рору тисеча шестсотъ двадцать второго, месеца апреля чотырнадцатого дня.

На вряде вгородскомъ, въ замку его королевское милости Луцкомъ, передо мною, Яномъ Козаковичомъ, буреграбимъ и наместникомъ подстароства Луцкого, постановившимсе очевисто шляхетный Бѣриль Островский, воевннй генералъ воеводства Волинскаго, который, за показаньемъ передъ урядомъ нинешнимъ автентиву кресованя на врьдъ свой, въ моцъ правдивое своео реляции, ку записаню до книгъ нинешнихъ явне, и доброволне созналъ, ижъ онъ, за росказанемъ яснесоветоного княжати его милости Ерого зъ Острога Жаславскаго, былъ обещне въ селе Козлиничехъ, въ повете Луцеомъ лежаюе, маестности дедячное того жъ вкнежати его милости, тамъ же будучи, маючи при себе, для лепшого сведецтва, людей добрыхъ, шляхетныхъ пана Яна Крыницекого и пана Бартоша Лукговьскаго, видель и урядовне дня тринадцатого месеца квитня, римскаго календаря, въ року теперешнемъ, тисеча шестсотъ двадцать второмъ, великое спустошене того села Козлиничъ и порозгонянъе подданыхъ въ томъ селе добре оселыхъ, на воловахъ седячихъ, презъ урожопого его милость не давныхъ часовъ змерлого пана Фридриха Подгороденьскаго, подсудка Хелмьскаго, которые, для великихъ и не вносныхъ полатковъ, роботъ незвычайныхъ, и иньшихъ аньгарней, темезеня оныхъ надъ право и звычай, за причиною даня его милости пана Подгороденскаго, прочъ зъ жонами и детми и зъ быдломъ поутекали, и тое село Козлиничъ въ нивечъ спустошилъ. А меновите: Данило, сынъ Харитона, на третийни волоки седячого, зъ

жоною и зъ дѣтми и зъ бытомъ всимъ утекъ; другой Саць Салязковичъ, на пулволоци седячий, и зъ сыномъ своимъ тяглымъ и оселымъ, подданнымъ речонимъ, и Мохомъ, который зъ жоною и зъ дѣтми и зо всимъ добыткомъ утекъ; четвертый Матвий Мрозъ, на пулволоце, зъ жоною и зъ дѣтми и зъ добыткомъ; пятый Кузма Кохлаевичъ, на четвертине, зъ жоною и зъ дѣтми и зъ добыткомъ; шостый Яцко Конючичъ, на пулволоци, зъ жоною и зъ дѣтми и зъ добыткомъ; семей Тишъко Ющени, на волоце седячий, зъ жоною и зъ дѣтми и зъ добыткомъ всимъ; осмый Назаровъ сынъ молодой; девятый Хведко Кудричина, зъ жоною и зъ дѣтми; десятый Иванъ Сенковичъ, зъ жоною и зъ дѣтми; одиннадцатый Яцко Мелеховичъ, зъ жоною и зъ дѣтми; дванадцатый Панасъ Юрковичъ, зъ жоною и зъ добыткомъ; тринадцатый Мартинъ Хорбичина зъ жоною и зъ дѣтми; четырнадцатый Мисковъ сынъ Бурианъ молодець; петнадцатый Грицовъ сынъ Карпъ; оснадцатый Савка Степановичъ, на пулволоки, зъ жоною, зъ дѣтми и зъ добыткомъ всимъ; деветнадцатый Микита Ивашковъ сынъ Брухаловичъ, зъ жоною, зъ дѣтми, на пулволоки седячий, и зъ добыткомъ всимъ; двадцатый Стасъ Приступа, на полволоки, зъ жоною и зъ дѣтми и зъ добыткомъ всимъ; двадцать первый Шихъ, осочникъ; двадцать второй Семень, сынъ осочника, зъ жоною и зъ дѣтми и съ конемъ однимъ; двадцать третий Павлюкъ Хорбацовичъ, на полволоки, зъ жоною и зъ дѣтми и зъ добыткомъ всимъ; двадцать четвертый Хведко Ноинка, на полволоки, зъ жоною и зъ дѣтми и зъ бытомъ; двадцать пятый Юхимъ Конючичъ, на пулволоки, зъ жоною и зъ дѣтми и зъ добыткомъ; двадцать шостый Васко Розлада, зъ жоною и зъ добыткомъ, двадцать семей Ярошовъ сынъ Иванъ отъ жоны прочъ пошоль; двадцать осмый Панасовъ сынъ Кожуливъ Явдей молодець; двадцать девятый Остаповъ сынъ Васко, зъ жоною; тридцатый Стасювъ Винниковъ Хведко, зъ жоною, зъ дѣтми; тридцать первый Левко Мрозина Иваничичъ, зъ жоною, на полволоки седячий; тридцать второй Ярошъ Карповъ сынъ молодець. И иншие шгоды надъ повинность чинилъ, а меновите: у войта яловицу надъ слушность безправне вгвалтомъ взялъ за золотыхъ десеть Полскихъ; у Барпа Поповича вола за копь чотыри Литовскихъ; у Семена Мелеховича вола за копь чотыри Литовскихъ; у Грицка Кожулича вола

за вошь чотыри Литовскихъ взялъ; у Назара вола—вошь три Литовскихъ; у Давида Микха има за золотыхъ десеть Полскихъ; у Харути вола за вошь три Литовскихъ; у Миска Головчичъ яловицу за золотыхъ шесть Полскихъ; у Андрея Мелеховича яловицу за золотыхъ шесть Полскихъ, у Ивана Лачевича вола за вошь три Литовскихъ—квалтовне взялъ и на свой пожитокъ обернулъ; у Уляна вола за вошь три Литовскихъ; у Парькома яловицу за золотыхъ шесть Полскихъ; у Тимоша яловицу за золотыхъ шесть Полскихъ;—орачи ихъ припушалъ; надъ повинности оныхъ гналъ до села своего блика миль до Вербое, подъ Володимерь; одъ каждого подданого, надъ звычай и повинность, по куру зъ дышу выбиратьъ рассказалъ,—а кгда самъ его милость панъ Подгороденский чинши приехалъ выбирать, завъне перемешивалъ две недели, зъ слугами своими и зъ жоною, зъ шкодою велешофъ убергъхъ подданныхъ: першого часу десеть вошь Литовскихъ навилъ, а другого часу семь вошь Литовскихъ, яловицу взялъ и до дому повезлъ и нашии стравные речи, што не могъ съ челядю стравити, до дому своего села Вербое казалъ отпровоадити; слуги его милости гусей осмеро, по селу ходячи, свеволне и квалтовне били и брали. О вторыхъ вси шводи, укывишона и уругана, тавъже анкарне вшезакне, урожонный панъ Матей Барчевский, слуга аснесвещонного княжата его милости Ерого зъ Острога Жиславского, именемъ тогожъ княжата его милости, пана своего, мною, прерочоннымъ вознымъ, Карикомъ Островскимъ, и шляхтою вышней поменешю, кротиво урожоннымъ его милости пану Фридрикови Подгороденскому, подсудкови Холжскому, недавного часу змерлого, тавъже сукъцесоромъ позосталымъ его милости: ее милости панее Александре Шотесовне Подгороденской и Владиславови, Станиславови и инымъ смномъ, которые въ позвахъ по имени и прозвису будутъ выражоны, соленитеръ се протестовалъ, оферручи вяжати его милости о те все правные чинити часу своего инъ форо форм. Што такъ а не нячей быти сознаваю, просечи, абы тая реляция моя до книгъ внешнихъ была записана и принята,—што есть записано и принято.

Книга Луцкая градская, попомная, № 2444, годъ 1622, листъ 77.

СХХХІ.

Жалоба пана Марка Гулевича на Минскаго воеводича, Казимира Паца, о томъ, что онъ, собравъ толпу около тысячи человекъ людей изъ шляхты, писовчиковъ, бояръ, мѣщанъ и крестьянъ своихъ имѣній Чорторыйска и Володымерки напалъ на село жалобщика называемое Окно, оное взялъ штурмомъ, сжегъ панскій дворъ, корчму и крестьянскіе хаты, убилъ нѣсколькихъ слугъ—шляхтичей, при чемъ одному изъ нихъ велѣлъ отрубить голову, ограбилъ имущество какъ жалобщика, такъ и крестьянъ села Окна и оное совершенно разорилъ и опустошилъ; кромѣ того убилъ нѣсколькихъ крестьянъ, трупы которыхъ были брошены въ огонь, а другихъ изъ крестьянъ велѣлъ повѣсить. 1622 г., июля 8 дня.

Донесеніе вознаго, производившаго дознаніе по вышеозначенному дѣлу. 1622 г., июля 21 дня.

а) Реку тысяча шестесть двадцать второго, месеца июля осмого-надцать дня.

До уряду и книгъ нынешнихъ вгородскихъ, Луцкихъ, до мене Яна Козаковича, буркграбего и наместника подстароства Луцкого, обличъне, заледво приходши, урожоный панъ Марко Гулевичъ именовемъ своимъ и именовемъ малжонки своее, панее Изабелы Раецкого, протестовалъ и зъ великимъ жалемъ скаржилъ и оповедель се на пана Яна—Казимира Паца, воеводича Минскаго, яко принцапала нижей менованого злого и непристойного учинку, о то: ижъ тотъ то принцапалъ, панъ воеводичъ Минский, взявши передъ себе злый а непристойный замысль, препомънявши боязни Божое и сробгость права посполитого, и згордивши тымъ всимъ, што се шляхте учтливой заховати пристойтъ, прибравши себе на помочъ помочниковъ не мало, меновите: Николаевую Кграбовецкую, которая радою и за шшигга даючи ему о мне знати где ся оборочаю и резидую, и сыновъ ее, яко помочниковъ, меновите Яна и Адама Кграбовецкихъ, ку тому немало всю шляхту, которые въ Чорторисчине мають держать, меновите пановъ: Миколаи Трацевского, возного Дужого, Мордвиновъ двоухъ, Ивана, Александра, Григоря Колибинскихъ, людей своволныхъ, л-

совчивовъ чоловѣка петдесять, и иного розмаитого служалого люду езды, пехоты, бояръ, стрелцовъ, месчанъ и подданныхъ зъ мести своихъ Чорториска и Володимерка и съ приселковъ, до нихъ належачихъ, собе имены и прозвискы лепей знаемыхъ, которыхъ всихъ до бою было болшь тисеча чоловѣка, набравши дель зъ замку Чорториского, гаковницъ и иншое огнистое стрелбы, неодповедне року теперешнего, тисеча шестсотъ двадцать второго, месеца июля осмо-го дня, наехавъши мощно, квалтомъ, коньно, збройно, яко якие неприятели крижа светого, съ тымъ всимъ войскомъ на маетность нашу, село Овно, называемое Волю Кукольскую, и на дворъ нашъ, въ ней будучий, въ которомъ мене зъ малжонкою моею, яко безпечного чоловѣка, несподиваючогось не толко то одъ того то пана Паца, але и ни отъ кого жадное неприязни, заставши, и дворъ вколо людомъ огорнувши, онимъ зъ дель и зъ гаковницъ казалъ стрелять, а самъ до двора съ килкосетъ езды зъ окрыкомъ великимъ впадши, зъ ручное стрелбы у вокна до избъ, не хотечи ниекого живити, стрелялъ; а ижемъ мелъ вони седланые у дворе, бомъ мелъ на тотъ часъ на Волянъ ехати и зъ челедю, штомъ мелъ при собе у дворе, яко могучи, борониломъ се; которой навалности войска великого, не могучи се у дворе оборонити, въ тыле двора одъ лиса проламавши плоть, самошость оборонною рукою, будучи одъ стреляня ображовый, и ухоженю раньный, до леса ушоль. Тогда тотъ то панъ Казимеръ Пацъ, зъ помочниками своими и зо всимъ войскомъ, яко вышей уламавшись и впадши въ дворъ, челядь мою, шляхтичовъ учтивыхъ, забияли, били, мордовали, секали, трохъ шляхтичовъ на смерть забияли, меновите: одного Яна Заливаку ростреляли и голову его му утали, другого шляхтича учтывого Павла Нетелского, третьего Андрея Гуляницкого, возницъ, машталеровъ, Василья возницу, Грицка кухара, Андрея боярина, — тыхъ всихъ побили и помордовали, такъ тежъ и приятеля моего, шляхтича учтываго, Петра Гуляницкого, — того збивши, змордовавши и поранивши, звезавши, зъ собою взяли, и не ведаю до того часу — где онъ есть; а малжонку мою, панью Изабелу Раецкого, которая только въ сподничъце зъ двора уходила, Кграбовецкие припадши до малжонки моее, то есть Янъ Кграбовецкий — перстенки съ пальца, одинъ зъ диамептомъ, другий изъ шафи-

ромъ—воштовали полтора ста золотыхъ Полскихъ, а другой Стефанъ Кграбовецкій—изъ шини ланцюжковъ, въ которомъ было тридцать червонныхъ золотыхъ,—зорвали и межи себе все розделили. Тамъ же у дворе, што одно было убогого скарбцу грошей готовыхъ, взяли три тысячи золотыхъ Полскихъ, шкатулку, клейноты взяли, ланцюжковъ золотыхъ пять: у одномъ ланцюху золотыхъ червонныхъ было сто тридцать, въ другомъ было деведьдесятъ червонныхъ золотыхъ, въ третемъ было червонныхъ осмьдесятъ и два, въ четвертомъ было золотыхъ червонныхъ пятьдесятъ, въ пятомъ сорокъ шесть было червонныхъ золотыхъ, корону, штуками саженую,—штукъ сорокъ и зъ каменьями, купленую за полтретяста золотыхъ Полскихъ, мавели, которые важили двадцать полтретя золотыхъ червонныхъ, другие мавели изъ штуками, купленные за десять золотыхъ червонныхъ, шаты изъ скрини, одлуцывши скрынню, побрали: шаты, копенякъ мой аксамиту зеленого, локоть по девяти золотыхъ куплено, въ которомъ было ушито локоть осмьнацать, рысами подшитый, пултора блама футра было ножкового, купленого за полчетвертаста золотыхъ Полскихъ, петлицъ две великихъ злотыхъ зъ вгузами перловыми, купленные за шестдесять золотыхъ Полскихъ, шпурекъ злотый въ коло локоть по пулъзолото, фerezию вгранатовую, белымъ атласомъ подшитую, изъ шнуркомъ золотымъ, петлицы золотые, вгузы перловые коштовали полтора ста золотыхъ Полскихъ, доломанъ аксамиту червоного кармазину, локоть въ немъ польосма, локоть по десети золотыхъ куплено, златоглавомъ червонымъ подшитый локоть пять по дванадцать золотыхъ локоть куплено, вгузиковъ золотыхъ пултора тузина и зъ рубинками, за осмьдесятъ золотыхъ куплено, доломанъ белый, атласовый, китайкою червоною дуплею подшитый, увесь шнурокъ злотый, вгузиковъ серебряныхъ позлотистыхъ пултора тузина, коштовала доломанъ осмьдесятъ золотыхъ Полскихъ, фerezию фалендышовую лазуровую, лисими хрибьтами подшитую, съ петлицами, коштовала семдесять золотыхъ Полскихъ, фerezийку лазуревую фалендышовую, зъ белыми петлицами, подшитую баею, коштовала тридцать пять золотыхъ Полскихъ; въ той же скрини рядъ срибный позлотистый съ туркусами, купеный за триста золотыхъ Полскихъ, палашъ тогожъ ряду, сребромъ оправный, съ туркусами, за сто золотыхъ Полскихъ

купленный. Пансе скриню другую одлушвыши, хусты бѣлыя, хусты гафтованные вломъ, шетые едзабемъ, постель, насыпъки китайчанне, шаты,—то все побрали, меновите взяли: летникъ аксамитный, кармазиновый, и штальт и рукавы съ перлами гафтованно, пасаманы злотые, широкые, въ килка рядовъ на доле брамованный, коштоваль полтретдста золотыхъ Полскихъ, летникъ аксамитный, чорный, пасаманы серебряными обложоный, коштоваль сто золотыхъ Полскихъ, летникъ синий китайки душли, коштоваль осмъдесять золотыхъ Полскихъ, пласть чорный, аксамитный, соболцами подшитый, обложоный пасаманами серебряными, съ петлицами серебряными, коштоваль двесте золотыхъ Полскихъ, плащиковъ два аксамитныхъ, чорныхъ, одинъ рысами подшитый, другой соболцами, коштовали оба два сто золотыхъ Полскихъ, шапъва боброва тридцать золотыхъ Полскихъ, другую шапъку соболцовую, купленую за петдесать золотыхъ Полскихъ, коберцовъ адрямевихъ (sic) шесть, по сороку золотыхъ Полскихъ купленые; ку тому, цинъ, мидъ, бани гориччанне, пивный вотель—болшей ста золотыхъ коштовало, возникоу сивыхъ шесть взяли, купленыхъ за шестсотъ золотыхъ Полскихъ, кариту за сто золотыхъ купленую взяли, шоръ тридцать золотыхъ Полскихъ коштоваль, стрелба: мушкеты, яничарки, кроткие ручницы штукъ двадцать—полтора ста золотыхъ Полскихъ; въ стани коней езныхъ взяли чотыри: конъ сивый, турскый, купленный за триста золотыхъ Полскихъ, дригавтъ вилчатый, турскый, купленный за двесте золотыхъ Полскихъ, вадахъ сивоябъковитый, купленный за полтора ста золотыхъ Полскихъ, конъ вороный, купленный за сто золотыхъ Полскихъ. У дворе на гори взято солонины полтей петнадцать, полоть по два золотыхъ, салъ осмъ по два золотыхъ Полскихъ; на фолварку взяли быдла рогатого семьдесять: воловъ дванадцать, каждый волъ по десети золотыхъ стояль, коровъ шестнадцать и съ теляти, шацункомъ по десети золотыхъ Полскихъ, телиць третячокъ двадцать, шацункомъ по шести золотыхъ, быковъ дванадцать, шацункомъ по шести золотыхъ, озимковъ десеть, шацункомъ каждое по три золотыхъ, свиней бутанъскихъ (sic) петнадцеть, шацункомъ каждая по три золотыхъ Полскихъ, гусей петдесать по шести грошей Полскихъ,—то все зъ двора и зъ дворца выбравши, вылупивши, выхалупивши, дворъ

знамши,—трупы побитыи, возницу, вулара и боярина у въ огонь уметали, а троухъ шляхтичовъ побитыхъ тела до Чорторыйсна отвезли и не ведати где подивали. Тамъ же, впадини другии до села, подданныхъ—одни въ остраху въ лесъ поутекали, другие, которые не поутокали, на смерть позабиаи, корчму заналивши, тела побитыхъ подданныхъ въ огонь повядали и спалили, и што одно было у подданныхъ маестности, таеъ въ коморахъ, яко и въ оборахъ, выбрали, выхалупили, халуны инъшие попалили, другихъ подданныхъ поймавши, повешали, ово незвычайные морды, розянтъ крве, тираньско округне чинили, же турчинъ бесурменинъ того не чинить. А то меновите: самого подданого моего Анътона, поймавши за селомъ мовимъ, повесили, маестность его побрали, вылутили: воловъ чотыри взяли, по няти копъ грошей Литовскихъ купленные, коровъ две съ теляты, по десети золотыхъ Полскихъ купленные, овецъ сорокъ, кожда овца куплена по петдесать грошей Полскихъ, ковъ десеть по польькопы грошей Литовскихъ, коня за двадцать золотыхъ Полскихъ купленого, вепровъ два по пяти золотыхъ Полскихъ, грошей взяли въ комори, скриню одбивши, двадцать копъ грошей Литовскихъ, хустъ белыхъ, сермягъ, кожукъ, плахотъ, начинья,—тое все, въ япу скупивши, стояло сорокъ золотыхъ Полскихъ; Труна поймавши, обили, зранили, а по збитью, вышедши за село, повесили, маестность што одно было въ дому у того подданого, вылутили, выхалупили, отбивши скриню въ комори, готовыхъ грошей взяли копъ сорокъ, кгермакъ луньскый коштовалъ двадцать золотыхъ, кожухи, плахты, копули, сермяги, постель, начинье домогое, все посполу скупивши, на сорокъ золотыхъ Полскихъ; въ оборе взяли: воловъ шесть, кождый волъ купленный по шести копъ грошей Литовскихъ, коровъ три съ теляты, купленные кожда по десети золотыхъ Полскихъ, овецъ двадцать, купленная кожда по петдесать грошей Полскихъ, ковъ десять, по польькопы грошей Литовскихъ кожда купленная, клячь две, по двадцати золотыхъ Польскихъ купленные, жеребца четвертака, стоялъ десети ковъ грошей Литовскихъ; Васка Свисчяка збили, зранили и съ собою, звезавши, повели, и не ведати еше где его подели; маестности, што было въ дому, выграбили, вылутили, уламавшись въ бодни готовыхъ грошей взяли копъ осмъ, хусты белыя, кожухи, сер-

мяги, постель, плахты, начинье домовое—все, посполу скупивши, на тридцать золотыхъ; у въ оборе взяли: воловъ чотыри, кождый воль купленный по шести копъ грошей Литовскихъ, коровъ две съ теляты, купленные по десети золотыхъ Полскихъ, овецъ двадцать, кожда купленная по петъдесять грошей Полскихъ, козь дванадцать, кожда купленная по полъкопы грошей Литовскихъ, вепровъ два по пети золотыхъ Полскихъ, коня взяли, за десеть копъ грошей Литовскихъ купленного,—и тое все выбравъши, выхалупивши, и халупу ему спалили; у Васка Жигаровича, въ комори отбивши скриню, взяли: грошей готовыхъ копъ дванадцать, егермакъ луньскій, коштовалъ петънадцать золотыхъ Полскихъ, хусты белыя, кожухи, плахты, сермяги, постель,—то все, посполу скупивши, на двадцать золотыхъ Полскихъ; въ оборе взяли: воловъ чотыри, кождый воль купленный по шести копъ грошей Литовскихъ, коровъ съ теляты две, купленные по десети золотыхъ Полскихъ, овецъ двадцать, кожда купленная по петъдесять грошей Полскихъ, козь десеть, купленные кожда по полъкопы грошей Литовскихъ, влячу купленную за десеть копъ грошей Литовскихъ; у войта, отбивши въ комори скриню, взяли: грошей готовыхъ копъ петъдесять, егермаковъ луньскихъ два, коштовали по двадцати золотыхъ Полскихъ, хусты белыя, кожухи, сермяги, постель, плахты, начинье домовое, скупивши все посполу, на сорокъ золотыхъ Полскихъ; въ оборе взяли: воловъ шесть, купленные по шести копъ грошей Литовскихъ, коровъ съ теляты пять, кожда куплена по десети золотыхъ Полскихъ, овецъ сто, кожда овца по петдесять грошей Полскихъ, козь двадцать по полкопы грошей Литовскихъ, влячь две, кожда купленная по десети копъ грошей Литовскихъ, быковъ треяковъ чотыри, кождый коштовалъ по шести золотыхъ Полскихъ, вепровъ три, кождый по пети золотыхъ; у Паценячь, отбивши скриню въ комори, взяли: грошей готовыхъ копъ тридцать, хусты белыя, кожухи, сермяги, плахты, постель, начинье домовое, все посполу скупивши, на тридцать золотыхъ Полскихъ; въ оборе взяли: воловъ чотыри, кождый воль купленный по шесть копъ грошей Литовскихъ, коровъ съ теляты три, кожда купленная по десети золотыхъ Полскихъ, овецъ сорокъ, кожда по петъдесять грошей Полскихъ купленная, козь дванадцать, кожда по полкопы грошей Ли-

готовыхъ, коня, купленого за дванадцать копъ грошей Литовскихъ, вепровъ два, по пяти золотыхъ Полскихъ коштовали; у Войгната, въ комори бодню одбивши, взяли: готовыхъ грошей копъ шесть, хусты белые, кожуки, сермяги, постель, плахты, начинье домовое, все посполу скупивъши, на дванадцать золотыхъ Полскихъ; въ оборѣ взяли: воловъ два, купленные по шесть копъ грошей Литовскихъ, корову съ телямъ, купленную за десеть золотыхъ Полскихъ, быковъ трятковъ два, купленные по шести золотыхъ Полскихъ, влячу, купленную за осмь копъ грошей Литовскихъ, овецъ тридцатеро, кожда куплена по петъдесять грошей Польскихъ, вепра за пять золотыхъ Полскихъ; у Дрѣня, въ комори бодню отбивъши, грошей готовыхъ взяли копъ осмь, хусты белые, кожуки, сермяги, плахты, постель, начинье домовое, посполу все скупивъши, на тридцать золотыхъ Полскихъ, вгермакъ лунский, коштоваль двадцать золотыхъ Полскихъ; въ оборѣ взяли: воловъ три, купленные по шести копъ грошей Литовскихъ, коровъ две съ теляти, купленные по десети золотыхъ Полскихъ, овецъ десетеро, купленные по петъдесять грошей Полскихъ, ковъ шестеро, купленные по полконы грошей Литовскихъ, коня, купленого за десеть копъ грошей Литовскихъ; у Павла, въ комори скриню разбивши, взяли: готовыхъ грошей копъ двадцать, хусты белые, кожуки, сермяги, плахты, постель, посполу все скупивъши, на двадцать золотыхъ Полскихъ; у въ оборѣ взяли: воловъ шесть, кождый купленный по шесть копъ грошей Литовскихъ, коровъ съ теляти три, по десети золотыхъ Полскихъ купленные, овецъ тридцать, кожда купленная по петъдесять грошей Литовскихъ, ковъ дванадцать, по полкопы грошей Литовскихъ купленные, влячу, за двадцать золотыхъ Полскихъ купленную, вепра, за пять золотыхъ Полскихъ купленого; у Илка, въ комори бодню разбивши, взяли: готовыхъ грошей копъ десять, хусты белые, кожуки, сермяги, плахты, постель, въ вуну все злучивъши, на петнадцать золотыхъ Полскихъ; въ оборѣ взяли: воловъ два, купленные по шесть копъ грошей Литовскихъ, коровъ съ теляти две, купленные по десети золотыхъ Полскихъ, овецъ дванадцать, кожда купленная по петъдесять грошей Полскихъ, ковъ десеть, купленные по полкопы грошей Литовскихъ; у Ренутника—самого вранила, вбани, домъ сшалле, дитину малую въ кольце спа-

лили, и што одно въ дому томъ было, выбрали, выхалупили, меновите, въ комори, бодячо разбивши, взяли: грошей готовыхъ копъ десять, хусты белыя, кожухи, сермяги, плахты, посгель, начинге домовое, все посполу злуивъши, на двадцать золотыхъ Полскихъ; въ оборѣ взяли: воловъ чотыри, купленые по шесть копъ грошей Литовскихъ, коровъ съ теляты две, купленые по десети золотыхъ Полскихъ, овецъ двадцать, кожда купленая по петдесать грошей Полскихъ, козь дванадцать, купленые по полкопы грошей Литовскихъ, вепровъ два, по пети золотыхъ Полскихъ. До того, пославши въ поле, где одно было быдла хлопъского—воловъ, коровъ, телятъ, овецъ, козь, свиней,—тое все взяли и пограбили, въ нивечъ село все обернули, злупили и сплюдровали, — и хлоповъ, однихъ повезавъши, зъ собою до Чорторыска попровадили, а другые зъ голоду прочъ се розошли, а село пустяками учинили. Яко жъ и теперъ, на каждый день, подсылаеть подъ село, — где што найдуть остатковъ, берутъ, плюндруютъ; а мало есче на томъ маючи, впадши до Куколь старого села, тамъ же што мое подданыя, которые не естъ въ поссессии Кграбовецкый, зъ паводу и увазываня самыхъ Кграбовецкихъ, где который подданный мой мешкаеть, оныхъ, которыхъ застали въ дому, побили, помордовали, маестности ихъ, такъ въ коморахъ яко и въ оборяхъ, почупили, побрали, жито на полю, такъ мое дворное яко и хлопъское, пожали, побрали, и зъгола маестность намъ всю въ нивечъ обернули. И то все тотъ то панъ воеводичъ Миньскый, принципаль, съ тыми всеми помочниками своими, побравши, полупивши, домъ мой шляхетскый окрвавивши, и дворъ самый, корчму, и халупъ билка на селе огнемъ умыслъне до счету спаливши, одповедъ и пофалку на здоровье мое учинивши, тотъ грабежъ место лупу до замку своего Чорторыского отпровадилъ и на пожитокъ свой обернулъ. Чимъ есче не контентуючись, о самого мене проважне се стараеть и шпекговъ мети не переставаетъ, передъ которыми заледве зъ лесовъ тамошнихъ, за охороною Божюю, ночьюми укрываючися, до вряду вашей милости теперъ доставъшись, то все такъ, яко се стало и деяло, вашей милости доношу, съ которымъ и съ кимъ будетъ належало, за взятъемъ ведомости достаточное о иншихъ помочникахъ и вридахъ — хто бы ему на помощь посылалъ, бо теперъ,

для небезпечнаго здоровья моего, не могу взяти жадное ведомости о именахъ и прозвисксахъ тыхъ помочниковъ, собе и малжонце своей оставивши волное чиненъе правомъ въ судехъ належныхъ, яко справа прыйдетъ и поправу протестацїи, была ли бы того потреба. Теперь прошу о приданъе возныхъ на огледанъе спаленья двора, корчмы и килка халупъ на селе, сплюнъдрованья села, побитя, помордованья и повешанья людей. Которому я на то все возныхъ енераловъ, съ повинности своее, водле права, придавъ есми. По написанью тое протестацїи дано ми зъ Гуляниевъ знать, же малжонка моя есть борзо хора, невемъ—если будетъ жива, а то отъ тыхъ страховъ и утронъченья на тотъ часъ,—бомъ есче ее самъ до того часу не видель. И просить помененый его милость панъ Гулевичъ, абы тая протестацїя его принята и до книгъ вписана была; которую я, врядъ, принявши, до книгъ вгородскихъ, Луцкихъ, записати казаль,—и есть записано.

в) Року тисеча шестсотъ двадцать второго, месеца июля двадцать перваго дня.

На вряде вгородскомъ, въ замку его королевское милости Луцкомъ, передо мною, Яномъ Козаковичомъ, буреграбимъ и наместникомъ подстароства Луцкого, постановившимсе очевисто возный енераль, шляхетный Семень Яроцкий, ку записанью до книгъ вгородскихъ, Луцкихъ, созналъ тыми словы: маючи я при собе шляхту людей добрыхъ, пановъ Захаряша и Яна Гуляницкихъ, будучи мне придапымъ отъ уряду вгородского, Луцкого, на справу и потребу пана Марка Гулевича, року теперешнего, тисеча шестсотъ двадцать второго, месеца июля тринадцатого дня, ездиломъ до маетности его милости села Окна, называемую Волю; тамъже, колимыъ приехалъ до села, не засталомъ никого въ селъ—якъ пустыи было. Потомъ, севши намъ на коней, почали волаты: же бы се не бояли, абы вышоль хто до насъ; тогда, по маюй фили, зъ огорода, зъ конопель, вышоль до насъ урядный его милости пана Марка Гулевича, панъ Войтехъ Карпиньский, ранъный, и дворничка Каска,—почалихмо пытати: што се то дееть?—видимо яко перестрашонные люди ледво могли мовити,—и поведили передъ нами: ижъ панъ Казимерь Паць, воеводичъ Мипъ-

снѣи, нажавъши нана нашего зъ войскомъ водивить, такъ пешимъ
 модомъ яко и ездою, зъ делми, въ гавовницами, до двора штурмо-
 вали, челдѣ, нахолковъ посабняли, другихъ поранили и тела зъ со-
 бою до Чортѣриска попровали, а другихъ тела побитыхъ тамъже
 варазъ въ огонь повидали, а панъ нашъ, яко маемъ ведомость, же
 ушолъ ранъный,—маѣтности, што одно было панъское у дворе, по-
 брали, такъже ижъ на дворци и теперь, повелили передъ нами,
 десеть ихъ было, остатки выбираютъ, што се остало: гуси, куры,
 телата, свини; и такъ уже вилка день воюють,—не маемъ воюю
 и врьемся предъ ними. И потомъ килка подданныхъ вышло до насъ
 зъ села,—ныталисмо кого бы забито?—повелили передъ нами, ижъ за-
 бито: Яна Заливаку, Павла Нетельского, Андрея Гуляницкого. Васили
 вовницу, Градца кухара, Андрея боярина, — тыхъ трохъ побивши
 въ стайни у дворе, въ огонь тела повидали и помалили. И указалъ
 намъ дворъ спаленый, который то дворъ спаленый видили есмо до
 счету—куль на кулу се не осталь, ено есче на пожезе огонь кур-
 риль. Потомъ привелъ насъ до мѣста того, где корчма стояла, и
 указалъ, ижъ тугъ корчма была и спалили; видились есмо огниско
 пе малое,—есче се огонь куриль, печи попаданные, поливаемъе, где
 пекарня была и тамъ печь стояла, столпы есче недогорелые кури-
 ли сс. Потомъ повелъ насъ на село, и указалъ намъ халупу спаленую,—
 повелилъ хлопъ передъ нами, Решотникъ Сенко: ижъ нѣтъ мель
 маѣтности, такъ въ комори яко и въ обори, одъ мала до веля, то
 ми все побрали и домъ спалили, дитя ми въ петюхахъ съ корчмою
 спалили. Потомъ привелъ насъ до Анътона Трача; указалъ ми ха-
 лупу его спаленую на корень, где повелила жона того Анътона,
 ижъ мужа ее поймали и тамъ въ пусчи его повесили, маѣпность
 усю забрали. У Труша Хилченята указалъ намъ урядникъ халупу
 до счету спаленую, и жона его повелила: ижъ маѣпность ми, счо
 одно было въ дому, то ми побрали, и мужа моего, звезавъши, взяли,
 и поведаютъ, же его повесили. До того тежъ ми урядникъ и мужеве
 повелили, ижъ Миска Чолника а другого Васка Терешковича поб-
 ли и помордовали, и тела ихъ, зацаливши корчму, въ огонь повъ-
 видали и поналили. Видиломъ тежъ у Ядца рану кривавую на го-
 ловѣ, у другого Шимка, подданого Воленского, на позе рану, на

волеи тятую. Потомъ насъ водиль урядникъ тамошний по всему селу, где есмо видели у каждой халупе и въ дому, въ коморахъ, двери выбитые, скрини, бодни порубано, праве все село до кгрунту спустошно и выбрано,—жехмо не застали въ жадной халупе ничего, ено жонки, дети, крикъ а плачь. Потомъ поехали есмо до старого села Куволь; тамъ же есмо на часть его милости пана Марва Гулевича въ селе Куляяхъ видели есмо у подданныхъ его милости у халупахъ, въ коморахъ, двери полупаные, которые подданне поведили: ижъ за наводомъ панее Кграбовецкое и сыновъ ее, слуги и гайдуки пана Казимера Паца, штохъ мы одно мели въ коморахъ, то все выбрали, выграбили; тажъ тежъ што есмо мели быдла, тажъ рогатого яко и не рогатого, то все въ насъ побрали и ни при чомъ насъ zostавили,—аедво есмо сами отъ тавого квалту въ жонами, въ детми, въ лесъ повтекали. Указоваль ми тежъ панъ Марво Гулевичъ рану въ боку стриленую, которую есмо видели на правомъ боку не барзо шкодливую. Въ Гуляничвахъ намъ указоваль до Куволь поехали; якожъ на Воли Кувольской урядникъ пана Маржовъ, указавши намъ и самъ Карпинский голову, гдехъ мы видели у него въ голове, на правомъ боку, рану барзо шкодливую,—и поведиль намъ: ижъ тотъ то наездъ и квалтъ, побите слугъ и подданныхъ, вображъ маестности, тажъ панское яво и силское, спаленъя двора, ворчмы и села, стало се то за наездомъ квалтовнымъ самого пана Казимера Паца, воеводича Меньского. Притомъ тежъ поведиль намъ тотъ урдникъ, ижъ ми пришла вистъ теперь, ижъ нана Петра Гуляницкого, который приехалъ былъ изъ Серкова и отпочиваль воню и себе у ворчме, на тотъ часъ поймано его было, и тамъ до Чорторыска попровадено, и праве подъ Чорторыскомъ его стято, и тило его у болото утопано. Што не иначе было, штохми видели и слышали отъ урядника и мужиковъ, правдиве до уряду ванней милости довошгу. И просиль вышъменованый возный, абы тая его реляция до книгъ была принята и записана; што я принявши, записати казаль,—и естъ записано.

Книга Луцкая городская, поточная, № 2444, годъ 1622, листы 549 и 563 на оборотъ.

СХХІV.

Жалоба пані Чолганской на старосту Межирицкаго, пана Радзимиинскаго, о томъ, что онъ не оказалъ помощи людямъ, посланнымъ въ погоню за крестьянами Чолганской, уведенными неизвестными людьми, когда ихъ догнали въ Межиричѣ. Возный подтверждаетъ справедливость жалобы. 1623 г., февраля 7.

Року тисеча шестсотъ двадцать третего, месеца февраля семого дня.

Писала и прислала на врьдъ вгродскій, Лудцай, до мене, Александра Малиновского, будучого на тотъ часъ наместника подстароства Луцкаго, урожоная ее милость паня Маруша Боговитиновна со Козыродь Адамовая Чолганская шляхетного Миколая Сычевского, возного енерала воеводства Волынского, жалуючи и протестуючи се на урожоного папа Яна Радзимиинского, старосту Межирецкого, о томъ: ижъ року теперешнего, тисеча шестсотъ двадцать третего, месеца генвара зъ дня двадцать первого на день двадцать вторый, въ ночи, праве о полночи, вылкадесять чоловика выкотцовъ зъ рознымъ оружемъ, войне належачимъ, знать откуль зъ Украины, не ведати съ чиего росказаня, приехавши до мастности ее милости панее Чолганское дедичное, до села Колесникъ, одни верхами, а други санями, по именахъ и прозвисяхъ скаржучой незнаемыхъ, для выкоченя подданныхъ ее милости панее Чолганское Колесницкихъ; яко жъ подданныхъ ее милости пяти Колесницкихъ, зъ жонами, зъ детми и зо всеми ихъ мастностями, тые выкотцы выкотыли и зовсимъ забрали, меновите Валенту и сыновъ его чотырохъ: Сергия, Тишка, Ивана и Олексу. А вгды южъ день былъ двадцать третий генвара, постерсгши о таковомъ выкоченю и шкоды ее милости панее Чолганское, урядникъ ее милости Колесницкий, Миколай Жирицкий, взявши в следъ и ведомость о тыхъ подданныхъ и о выкотцахъ, на которые местца ихъ провадили, взявши зъ собою вышъменованого возного, и тылко двоухъ бояровъ Колесницкихъ, Васка и Исая, въ погоню се

за теми поддаными и выкотцамп пустиль; которыхъ то подданныхъ Колесницкихъ, вышъменованныхъ, зъ жопами, зъ детми и зо всеми ихъ маетностями, и тыхъ всехъ выкотцовъ въ самомъ месте Межиречу, маетности княжны ее милости Яхимовое Корицкое и потомковъ его милости княжати Яхима Корецкого, княжатъ Корецкихъ, застали; которыхъ то подданныхъ и зо всеми ихъ маетностями и тыхъ выкотцовъ презъ возного, вышъменованого Миколая Сычевского, вышъменованому пану Радзиминскому, старосте Межирецкому, урядовне припоручали, и зо всеми ихъ арештовали, и о помочь просили; который то панъ Радзиминский, жадного припоручения и арештования тыхъ подданныхъ и выкотцовъ не принявши, и жадное помочи не давши, и овшемъ еще помочи болшей тымъ выкотцамп придаль, и тыхъ усихъ пяти подданныхъ вышъменованныхъ, зъ жопами, зъ детми и зо всеми ихъ маетностями, выпровадити зъ места казалъ, а въ преречного урядника протестующее и въ тыхъ двоухъ бояровъ копи и пулгаки въ месте Межиречу побрати казалъ и не ведати—если на свой пожитокъ обернулъ, албо тымъ выкотцомъ копи и пулгаки подавалъ; а одного боярина, на име Исая, тые выкотци, не ведати съ чиего розказаня, поймавши и руки назадъ зевезали, и зъ места Межиреча посередъ дня повели, и не ведати и до сего часу—где его подели. О што все ее милость пани Чолганская оферовалась съ паномъ Радзиминскимъ, иле съ права приидеть, правне чинить. А объясняючи тую протестацию ее милости панее Чолганское, тужъ очевисте передъ мною на вряде ставши, вышъменованый возный, Мильолай Сычевский, то все, яко се вышъней въ протестации поменило, такъ а не иначе, правдиве быть до книгъ созналъ, и то все очевистымъ сознанемъ своимъ ствердилъ. И просилъ помененый возный, абы тая протестация и его релация до книгъ была принята и записана,—што есть записано.

Книга Луцкая городская, поточная, № 2445, годъ 1623, л. 143.

СХХХV.

Жалоба пана Незабитовского, войта ииѣнія жены Виленского воеводы Анны Ходкевичевой и Краснаго Ставу, на урядника ииѣнія Волинскопо воеводы, князя Януша Жаславского, Григорія Могульского, о захватѣ земель и уничтоженіи большой дороги, причеѣтъ, въ видѣ угрозы для желающихъ ѣздить по этой дорогѣ, поставлена выѣлица. Важный подтверждаетъ справедливость жалобы. 1623 г., іюня 1.

Рокѣ тисеча шестсотъ двадцать третего, месеца іюня першого дня.

Присылаѣтъ на врьдѣ вгородскій, Луцкій, до мене, Александра Малиновского, будущого на тотъ часъ намѣстника подстароства Луцкого, и книгѣ виненпныхъ, вгородскихъ, Луцкихъ, возного енерала, шляхетного Мартіана Хицеого, шляхетный панъ Миколай Незабитовскій, войтъ местечка Краснаго Ставу, и слуга ясневелможное еѣ милости панее Анны на Острогу Яновое Кароловое Ходкевичовое, воеводиноѣ Виленское, именемъ еѣ милости панее своеѣ пререченоѣ, оповедаючи и осведчаючи кривде еѣ милости нижеѣ менованные, въ тотъ способъ: ижѣ шляхетный Кгревгоръ Мочулскій, урядникъ Малого Корчика, маѣтности ясневелможного пана еѣ милости, пана Януша княжати Жаславского, воеводы Волинского, тутъ въ повете Луцкомъ лежакого, ижѣ за волею и росказанемъ еѣ милости пана воеводи Волинского, пана своеѣ, въ рокѣ теперешнемъ дорогу стародавнюю звыкшую и гостинець, зъ розныхъ мѣстцѣ черезъ мѣсто Красный Ставъ, а передѣ тымъ Хлапотитѣ названого, идучую до мѣста Жаславлѣ и на Украину, черезъ село Хоровецъ и далѣй на села волостей Заславскихъ, на урочисча певные, которыми здавно еждывавно, то еѣтъ на урочисче Идруку, albo речку, названую Калиновеку, до Менковецъ, а зъ Менковецъ до Заславлѣ,—зарубаѣтъ и закопаѣтъ и ездити онымъ такъ людемъ гостинымъ, яко и месчаномъ Красноставскимъ забороняѣтъ, чинечи имъ розмаитые кривды; и тую дорогу и гостинець одѣ пререченого мѣста Краснаго

Ставу одворочаеъ и губить, а до мѣстечка пререченого Малаго Корчика и на ивъшии села наворочаеъ, ку великой кривде и шкюде и знисченю места пререченого Красного Ставу, и ку затлумену границы зъ мѣстечкомъ Корчикомъ, маѣтности пана своего, а мѣстомъ пререченымъ Краснымъ Ставомъ еѣ милости панѣе воеводиноѣ Виленское. Шибеницу на помененомъ урочищу и вгрунтѣ Красноставскомъ поставити казаль; который вгрунтъ и урочище належитъ до маѣтности Берездовское, а на другомъ урочищу, у речки Свидовки, вгрунтъ, который такъ по ричку Свидовку отъ Красного Ставу, яко и на другую сторону ажъ до городиска, подле Корчика новоосаженого, лежитъ, ку Козловому борку, здавна былъ въ уживанью славное памѣти княжати еѣ милости пана воеводи Клевского, а теперъ, за держаня еѣ милости панѣе воеводиноѣ Виленское, въ року прошломъ, тисеча шестсотъ двадцать второмъ, розными днями на весне, за росказаньемъ и ведомостю княжати еѣ милости, пана воеводи Волинского, отъ того мѣстечка Красного Ставу черезъ речку тую Свидовку мѣщанѣ Корчиковские поорали, и такъ тотъ вгрунтъ власный еѣ милости панѣе воеводиноѣ Виленское, до маѣтности еѣ милости до замку и мѣста Берездовского и Красноставского належачий, одымуеъ. О што все именемъ еѣ милости панѣе воеводиноѣ Виленское, панѣе своеѣ, противку еѣ милости пану воеводи Волинскому, яко пану и дѣдичови пререченоѣ маѣтности Корчиковское, светчилъ се, заховуючи ширшую и достаточнейшую протѣстацию о то все еѣ милость панѣи воеводиноѣ Виленской, панѣи своеѣ. Яко жъ и тоѣ заборонене дороги и отняте еѣ и тотъ вгрунтъ, здавна еѣ милости панѣи воеводиноѣ Виленской наложачий, однятый, и урочище пререченоѣ вознымъ енераломъ воеводства Волинского, шляхетнымъ Мартиномъ Хицкимъ, обвелъ. А тутъ же тотъ менованный шляхетный Мартинъ Хицкий, енераль воеводства Волинского, ставши на вряде при томъ оповедану, созналъ тымъ способомъ: ижъ въ року теперешнемъ, месеца мая двадцать шостого дня, былемъ везванный отъ шляхетного пана Миколая Незабытовского, слуги и войта ясневелможное панѣе, еѣ милости панѣе Анны на Острогу Яновоѣ Кароловоѣ Ходкевичовоѣ, воеводиноѣ Виленское, мѣстечка Красного Ставу, въ поветѣ Луцкомъ лежачого;

который по мань Миколай Незабитовский, войтъ Красноставский, мене сторону людей добрыхъ, двухъ шляхтичовъ Миколая Залуского а пана Ивана Юревича, бывъ въ нами на згрунте томъ, то есть на урочисчу у речки Калиновки, тамъ же я возный съ тоєю стороною шляхтою бачилемъ закопанье и зарубанье рознымъ деревомъ дорогу, которая етъ значная и гостиниць здавна идучий одъ села Ходовца до Менквоецъ, жадного села не займучи, тамъ же и шибенциу поставленую обачилемъ, которая, яко ми дано справу, же тая шибенциа етъ доставлена на пострахъ тымъ, которые бы тоєю дорогою ехали, або затлумяючи границу стародавнюю; и тою тою же мань Миколай Незабитовский провадилъ насъ до згрунту у Свидовки, который идетъ одъ Букаловки урочисча, едучи ку Корынку, по левой стороне, ажъ ку урочисчу Козлову борку, и тамъ видлемъ у самое речки Свидовки згрунтъ посаенный збожемъ рознымъ зъ оубу сторонъ; который то згрунтъ мань Миколай Незабитовский меноватъ быть въ року прошлымъ, лисена шестсогъ двадцать второмъ, побраный одъ подданныхъ Корчиковскихъ князати его милости Заславского, воеводы Волынского въ осады Городисча, а вилжить здавна до волости ее милости мань воеводиное Виленское Берездовское, местечка Красноле Ставу. Которая жъ то протестация и возного реляция, за принятемъ моимъ урядовымъ, до книгъ згородскихъ, Луцкихъ, етъ записана.

Книга Луцкая городская, поточная, № 2445, годъ 1623, листъ 665.

СХХХVI.

Жалоба пановъ Павловичей, заставивъ владѣцвъ, нѣтвй Волынскаго каштеляна, князя Кароля Корецкаго, сель: Большаго Хручого, Коловерта и Харлуки, на Корецкаго, о томъ, что посланные имъ вооруженные люди освободили изъ тюрьмы и увели съ собой крестьянъ села Коловерта, виновныхъ въ разныхъ преступленяхъ, которые должны быть осуждены на смерть. Жалоба подтверждается свидѣтельствомъ возного. 1623 г., августа 12.

Року тисеча шестсотъ двадцать третего, месеца августа дванадцатого дня.

Писали и прислали на врьдъ вгредскый, въ замокъ его королевское милости Луцкый, до мене, Яна Вылежиньского, подстаростего Луцкого, урожонные ихъ милость панове Михайль, Иванъ, Константинъ и Александръ Павловичове слугу своего, шляхетного пана Коньстантего Лисечинского, сваржучи се и осповѣдаючи противко лешевелможнымъ княжати его милости Каролови Корецкому, каштелянови Волынскому и противко лешевелможной паней Анъне Ходкевичовне княжне ее милости Корецкой а то, изъ што небожничъ княжа его милость Корецкый, воеводитчъ Волынскый, посполу зъ малъжонкою своею, княжною ее милости Анъною Ходкевичовою, небозце паней Маруше Витонизского Прокоповой Павловичовой, матцетыхъ протестующихъ, въ сумѣ одинадцати тисечи и семсотъ золотыхъ Полскихъ, заставили маетность свою, въ повете Луцкомъ лежащую, село Хручое Большое, село Коловертъ и село Харлукучу, облигуючи се съ потомками своими кредиторку свою, вышъменованую, и сукцесоровъ ее отъ вышележихъ импедиментовъ боронити и заступовати, подъ заруюкою такового сумы и подъ нагорѣженьемъ шведъ на голое речене слова; то пакъ ихъ милости, препомнявши того запису, место обороны, въ року теперешнемъ, тисеча шестсотъ двадцать третемъ, июля четвертого дня, учинивши зъ собою порозумене, слугъ своихъ, которымъ ихъ милость прозвиска лешей знаютъ, а при нихъ гайдунъвъ его съ хоругвою и бубнами, такъ же татаровъ и стращовъ

сто зъ арматою, яко до бою, на тую державу протестуючому, до двору Харучи, мощно, кгвалтомъ наслали, которые, за власнымъ росказаньемъ и насланемъ ихъ милости, кгвалтомъ и зъ окривомъ на дворъ протестуючихъ наехавши, а самыхъ тольо протестуючихъ двоухъ Михайла и Константого Павловичовъ покоемъ обезпечонныхъ, безъ челяди, тольо зъ однимъ хлопцемъ заставши, злочинцовъ протестуючимъ съ тое жъ маестности, подданныхъ ихъ власныхъ, въ вязепю въ дворе Харучи седячихъ, на йме: Иванъ Хитрий, Хведоръ Рудичичъ, Охримъ Беленя, Архипъ Карпеня съ Фастова, которые въ року теперешнемъ, тисеча шестсотъ двадцать третемъ, утекли прочъ зъ маестности протестантовъ до Хвастова, а зась на весну въ въ року томъ же, взявши передъ себе злыи умыслъ, ночнымъ обычаемъ до тое жъ маестности Коловерть, для злодейства и лупу, нашедши, въ селе Коловерте дванадцать подданныхъ, што набогатшихъ, на волокахъ седячихъ, меновите: Васка Жданового сына, Саву Жданового сына, Яника Горбача, Павелъ Соничъ, Трохима Деревянъка, Стецка Зенковъ, Микула Воробевичъ, Устяна Степанъчичъ, Семена Кравца, Грицка Степанъчичъ, Лопутченя воваля,—у Харлана комору выкрадено, умыслне огонь потаемне заложивши, зо всею маестностю до кгрунту спаливши, и при той пожозе, презъ лупъ, обычаемъ злодейскимъ пенези готовые, маестность ихъ, што лепшую, покравши и позабиравши, и оныхъ во всемъ зубоживши, знову до Хвастова на свой бытъ поутекали были. А зась, за инстанцією тыхъ подданныхъ протестуючихъ, тоєю пожогою зубожонныхъ, за пилнымъ старанемъ протестантовъ и накладомъ, зъ уряду тамошнего Фастовского, яко злочинцы, выданы, и южь, за высаженемъ околичныхъ суседовъ на горло, ижь се до злочинства доброволне признали, сужоны бытъ мели,—съ того везеня съ кайданами и ланъцухами тыхъ то злочинцовъ силомоцю, погрозки на протестантовъ чинячи и мовячи—не выдасте ли тыхъ хлоповъ, теде мусите,—зъ двору, съ посесми протестантовъ зъ собою взяли и до Корца, до ихъ милости отпровадили, и теперь ихъ въ себе мають. Яко жъ протестантове, на доводъ того, ставили возного шляхетного, Филипа Котелевського, который очевисто передо мною станувши, дпя десятого августа, въ року тисеча шестсотъ двадцать третемъ, доброволне созналъ: ижь въ року томъ же, дня шес-

того июля, за обводомъ тыхъ протестующихъ, маючи при себе шляхту, пана Якуба Понятовського, Кгабриеля Додовського, былъ въ селе Коловерты, видель дванадцеть дворисчъ влочныхъ до вгрунту спаленныхъ и спустошонныхъ, и тыхъ злочиньцовъ въ Межиричу у везеню видель; о чомъ таковое сознание учиниль. Которое то сознание возного и протестация до книгъ принята и записана была,— што есть записано.

Книга Луцкая гродская, поточная, № 2445, годъ 1623, листъ 888 на оборотъ.

СХХХVII.

Донесение возного о томъ, что онъ былъ въ селѣ Охматковѣ, гдѣ крестьяне объявили ему, что вслѣдствіе угнетеній ихъ со стороны подсудка (*) и осужденія имъ на смертную казнь невинныхъ, десять крестьянскихъ семействъ ушли изъ села, причемъ оставленное крестьянское имущество было ограблено. 1624 года, іюля 3 дня.

Рову тисеча шестьсотъ двадцать четвертого, месеца іюля третьего дня.

На вярде вгродскомъ, въ замьку его королевское милости Луцкомъ, передо мною, Яномъ Козаковичомъ, бурьеграбимъ и наместникомъ подстароства Луцкого, ставши очевисто возный енераль воеводства Волинского, шляхетный Миколай Залевский, для записания до книгъ нынешнихъ созналь тыми словами: ижъ рову теперешнего, тисеча шестьсотъ двадцать четвертого, месеца іюня дня двадцать девятого, маючи при себе шляхту людей добрыхъ, пана Яна Дембинского а пана Себестяна Берлинського, былемъ на справе и потребе урожного его милости пана Романа Загоровскаго въ селе Охматкове; тамъ же, за показаньемъ его милости, напродь видиломъ ставъ Охматковский спустошальный, незанятый, осьхлый, которого гребля незанятая,—ву пустомъ прочъ вода идетъ; видилемъ млынъ тамошний Охматковский барзо спустошальный, въ которомъ колъ три, желизъ и каменный наветъ въ немъ немашь; а потомъ ви-

(*) Фамилія въ актѣ неозначена.

дилемъ запусъть Охматковскій, названый Десятина, барзе вырубаныи и пневь рубаныхъ немало, которыхъ и перелити: трудно, дерева дубового и березового на будованье, на сохи, влючища и на пали згожого; другую дуброву видлемъ выпаленую, згорелую въывечъ. А потомъ, за показованьемъ его милости, урядовне видлемъ въ селе Охматьове подданныхъ немало попустошалыхъ халушь, и мещца — знати где хюпи мешкали; тамъ же, вгдымъ пыталъ подданныхъ тамошньныхъ Охматковскихъ, веле бы подданныхъ за деръжанья его милости пана подсудковаго прочъ пошло?—повелили: ижъ за тяжкими роботами и незвычайными податками, и вытаньемъ повиностий незносныхъ, и забытемъ невиннымъ, пошли прочъ: лерший Сидоръ, другий Сенько, третий Соколовскій, четвертый Хомиха вдова, пятый Климъ, шостый Яско Болбасъ, семый Стецко Демковичъ, осьмый Кондрать Демковцъ, девятый Грицко Фастунъ, десятый Федько Блошеа,—тые вси зъ жонами, зъ детми и зъ маетностями прочъ пошли; а що по которомъ коней, быдла, овецъ, свиней, збожа, воловь остало, то панъ подсудокъ побралъ и на свой пожитокъ обернулъ. Которое спустошенье тое маетности Охматьова я, видечи, шляхтою менованю осветчиломъ. А потомъ его милость панъ Романъ Загоровскій, заховуючисе водлугъ права и статуту, тудежъ до декрету кгородского, Луцкого, положивши пинезий у суду за тую маетность урожоному его милости пану Александрови Загоровскому, стриеви своему, належачие, тогожъ дня, выпшьменованого, урядовне презъ мене возного подданныхъ тамошньныхъ Охматковскихъ, што се ихъ трохи остало, до посесии своее обиялъ; которое посесии оному ни хто не боронилъ. А я то все тоеюжъ шляхтою осведчилъ, въ дворъ и мешъканье дворное жадного вступу не чинечи, а ни тамъ посилаючи, и овшемъ цало во всемъ оный zostавуючи, до которого двору, а ни на тотъ часъ, а ни теперь и до того часу не посталь а ни самъ панъ Загоровскій а ни жаденъ зъ челяди оного,—што я все шляхтою менованю осветчилъ. И просить менованый возный, абы то его сознанье до книгъ было записано,—што есть записано.

Книга Луцкая городская, поточная, годъ 1624, № 2447, листъ 41 на оборотъ.

СХХХVІІІ.

Допасеніе вознаго о томъ, что онъ ввелъ пана Войтеха Ромера во владѣніе двумя крестьянами изъ имѣнія Остриева, заложенными ему панами Корытинскими. 1624 г., августа 13 дня.

Року тисеча шестьсотъ двадцать четвертого, месеца августа тринадцатого дня.

На вряде вгородскомъ, въ замку его королевское милости Луцкомъ, передо мѣною, Александромъ Малиновскимъ, будучимъ на тотъ часъ наместникомъ подстароства Луцкого, и книгами нынешними вгородскими, Луцкими, возный енеральный, шляхетный Станиславъ Пановскій, бу записаню до книгъ вгородскихъ, Луцкихъ, тыми словы созналъ: ижъ въ року теперешнемъ, тисеча шестьсотъ двадцать четвертомъ, месеца августа дванадцатого дня, былъ есми на справе и потребе его милости пана Войтеха Ромера въ имену Остриеве на части его милости пана Ивана Корытенского и панее Корытенское Федоры Свнчовского; тамъ же ихъ милостей, черезъ мене возного и черезъ шляхту людей добрыхъ, при мне на тотъ часъ будучихъ, пана Андрея Чувата Туличовскаго а пана Станислава Завишу, водле листу добровольного запису своего, его милости пану Войтехови Ромерови подданныхъ чоловековъ двоухъ во имену Остриеве на части своей: Матѣфея сывачого зъ водами двома, а Сенка зъ воломъ—полуволочныхъ, заставою въ певной суме пенезей, у трохъ сотъ золотыхъ Полскихъ, уступили зъ дворомъ Тимошинскимъ, зъ оселею и зъ огородами, к въ вождую руку поля оремого по резу зъ засекомъ на зиму полъ риза, а на весну тежъ полъ риза овсомъ, и травы въ дуброве на чотыри косари, и дровъ зъ дубровы Остриевское по два возы въ вождый тыждень возити на опаль до двора пана Ромерова тамошнего, и што потреба на оселю до року и часу певного, до светое Пречистое першое, въ року пришломъ, тисеча шестьсотъ двадцать пятимъ, припадаючого. А въ неотданю на часъ пенезей, теди до другого року, а потомъ ровъ по рову, ажъ до выбугна,

такъ яко о томъ ширей тотъ то запись ихъ милости, пану Ромери даный, въ себе обмываетъ. Зачимъ я, возный, заховавшисе воделе уряду своего, тыхъ подданныхъ двоухъ, передъ собою маючихъ, его милости пану Ромерови подавши, у въ оные увезалъ, въ моцъ, держанье и послушенство подаль, и того всего тамъ заживати маеть, яко ся въ записе меновало въ неотданью пенезей; якожь панъ Ромеръ, державъцюю зоставши, на роботу свою розказалъ и робили. И просилъ преречоный возный, абы то было принято; што я, урядъ, принявъши, до книгъ вгородскихъ, Луцкихъ, записати есми казалъ, — и есть записано.

Книга Луцкая вродская, поточная, годъ 1624, № 2447, листъ 327 на оборотъ.

СХХХІХ.

Донесеніе возного о допросахъ съ пыткою, произведенныхъ въ его присутствіи паномъ Вишневскимъ двумъ крестьянкамъ, обвиняемымъ въ колдовствѣ и попыткѣ отравить самого Вишневскаго. 1624 г., августа 22.

Рову тисеча шестьсотъ двадцать четвертого, месеца августа двадцать второго дня.

На вряде вгородскомъ, въ замку его королевское милости Луцкомъ, передо мною, Александромъ Малиновскимъ, будучимъ на тотъ часъ наместникомъ подстароства Луцкого, и книгами нынешними, вгородскими, Луцкими, станувши очевидно возный енераль воеводства Волинскаго, шляхетный Филипъ Кутеловский, урядови нынешнему въ его авътенътику и присяги на урядъ возновский добре знаемый и ведомый, явне, ясне и доброволне, ку записаню до книгъ нынешнихъ, вгородскихъ, Луцкихъ, созналъ и на писме подаль въ тие слова: изъ онъ въ рову теперешнемъ, тисеча шестьсотъ двадцать четвертомъ, месеца июля двадцать второго дня, маючи при себе двоухъ шлятичей, людей добрыхъ, себе для лепшого певности прилучонныхъ,

милостныхъ пана Яна Кетлинского и пана Войтеха Лешневского, бытъ на справе и потребе урожного его милости пана Самуеля Вишневецкого въ селе Малой Харучой, въ повете Луцкомъ, въ ключу Межирецкомъ лежащей, которую маетность его милость панъ Вишневецкий правомъ заставнымъ тримаеть, а то на инквизиции чаровъ-ницъ о трутизну и чары одъ подданныхъ Харуцъскихъ, женокъ, где, за высажениемъ и ужалениемъ одъ его милости пана Вишневецкого на тую справу людей запыхъ, а особливо якъ милостей: пановъ Ерога Залесского, Адама Бряновского, Яна Радзиминского, Счесного Смачшовского и Яна Лопидьского, передъ тыми жъ особами была скарга и осведченъе одъ его милости пана Самуеля Вишневецкого на противко невестомъ зъ села Харучое, держави своежъ, же му трутизну задали, ажъ зъ него робакъ, яко ящорки, падали, которые робакъ вси ихъ милость при мне, возномъ, въ схованомъ статку видели; до которе справы невестъ две обвинено и кожое зъ нихъ зъ особна пытано: если же суть причиною задали тое трутизны его милости пану Вишневецкому, пану своему, за которою трутизною барзо се зле мель? Съ тыхъ невестъ одна, именемъ Анънуша Трохимовая, отповедала, же «я о томъ не ведаю, хто то пану задалъ»; але, тамъ же стоячи, Лавринъ Ждановичъ очевисто въ ои ей поведиль: «наметаешь ты, Анънушу, жесь ты потъ и волосы зъ тела дочки моее брала, — на штось то брала и гдесъ то подела? Видени помененая Анънуша светъя очевистого прогивко себе, передъ якъ милостю признала: «справа то естъ, жемъ я волосы и потъ твоеи дочки брала, которые же въ вористи бабе отдала, которая баба южъ умерла». Тая жъ помененая Анънуша потомъ поведила: же «Солоха, жона Лавринова а матка Вовдина, будучи зо мною въ Межиричу, у жидовки Хорошецкое брала зеле, названое Приворотень, и тымъ зелемъ дочку свою Вовдю омывала, а то для того, абы прутней заможъ пойти могла». До чего и тую Солоху призвано а пытано ае: «еслись тое зеле въ тое жидовки брала и на што? которая помененая Солоха доброволте поведиль, ижъ тое зеле веспаль съ тою Апанушою въ тоей жидовки брала для дочки своее, Вовдъ, абы ее люде мобили; кто бы вась мель пана струти, того не ведаю. Пытано тежъ Лаврица и тое Солохи жоны его: поневажъ для тое дочкы своее Вовди тое зеле брано, теди подобенство, ижъ

тая Вовдя, которая, служаи и наймующи се ве дворе у ее милости панее Вишневское, подь часъ неурожаевъ и дорогости по две лете, ладный приступъ до того мела и пана Вишневского струти мела; если же родичи ее не ведаютъ, где бы она зель яеиъ набывала, и если о томъ ведееть? на што помененый Лавринъ и зъ жоною своею Солохою поведили, ижъ «тая дочка наша Вовдя была свовольною, не маючи мужа зъ роду, насъ тежъ, яко отца и матки, слухати не хотела, по розныхъ селахъ по своей воли, где хотела, тамъ ходила и туляласе яко люзная, и егды до дому воли пришла, где была и о чомъ ходила, намъ непедала, и хотай есми пытали, поведати ни хотела; може и то быть, же она съ кимъ иншимъ то справовала, же пана струто, але мы не ведаемо, зъ неюсъ мы ничего не робили, а ни ей до того допомагали». А по выслуханю, съ тыхъ инъквизиций припатрившисе, его милость панъ Вишневский знакомъ и конектуромъ бачачи то, ижъ тая помененая Анънуша зъ очевидное повести своее признала, же потъ и волосы брала для чаровъ, и у жидовъи тие зела брала тежъ для обмывана яеогось, которые чарами пахнуть,—зъ ихъ милости паны а приятели своими, на тую справу ужитыми, порадавшисе, и добре въ тую справу веизривши,—поведажъ се таковые чары показують, а онъ самъ есть барзо струтый и презъ трутизну и чары зепсованный, помененую Анънушу на далшую квестию росказалъ подати кату въ руки, которую взявши мистръ на влюбы, тягнулъ разовъ два, пытаючи: если же она пана Вишневского струла? а егды се знати не хотела, тотъ же мистръ огня ей до боку егды приложилъ,—поведала, и тую Солоху Лавринову зъ дочкою ее, Вовдею, поволивала тыми словы: «ижъ власне тая Вовдя зъ маткою своею пана Вишневского струли, и въ квасе грушковомъ то сама Вовдя задала пану Вишневскому зеле любше, абы родъ ее любилъ». Яеожъ разъ, другой и третий тожъ поведили о нихъ, поволиваяючи, же никто инъший, толко тая Вовдя зъ маткою своею, намовивъши се, тое любше зеле пану задала. Што, яко въ муце разъ, другой и третий, такъ потомъ доброволие, по, муце, тожъ поведила, же помененая Вовдя задала пану Вишневскому тое зель зъ маткою своею, а до того ижъ первой, пробуючи того зеля, тая жъ помененая Вовдя, весполекъ зъ маткою своею, Солохою, въ дому своемъ

въ молоку слуге его милости пана Вишневского, Семенови Москалеви, тоещъ зде любше задали, а то для того, абы былъ тую Вовьдю понялъ; за котормъ заданьемъ тотъ же слуга барзо се зле мелъ, тескнилъ, до нее бегалъ и мало не умеръ, ажъ его ледво вылечоно. Которые то вси речи много вознымъ и шляхтою помененою, при мне будучою, такъ же и ихъ милостей паны приятели одъ его милости пана Вишневского есть осведчоно. Который то помененый возный, же такъ а неиначей было, правъдиве быть созналъ, и просилъ, абы та я релация инквизиция принета и до книгъ вгородскихъ, Луцкихъ, записана была; которая за приятемъ моимъ урядовымъ есть записана.

Книга Луцкая городская, поточная, годъ 1624, № 2447, листъ 367 на оборотъ.

СХІ.

Жалоба пана Бельскаго на пана Гдешинскаго о уводѣ войтомъ послѣдняго крестьянъ с. Щитиня, заставленнаго Гдешинскимъ Бельскому, и объ оставленіи имъ безнаказанными виновныхъ въ этомъ дѣлѣ, хотя виновность ихъ была доказана копнымъ судомъ. 1623 г., января 3.

Року тисеча шестсотъ двадцать пятого, месеца генъвара третьего дня.

На вряде вгородскомъ, въ замѣу его королевское милости Володимерскомъ, передо мною, Юремъ Закгорскимъ, буреграбимъ и наместникомъ староства Володимерского, и книгами нынешними вгородскими, старостинскими, становши очевисто урожоный панъ Ярошъ Белский светчиль и оповедалъ се на противво урожоному пану Адамови Кдешинскому и малжонце его милости, паней Зофии въ Модрыня, въ тые слова: ижъ ихъ милость заведши и заставивши певную честь маестности своее, села Щитиня, съ подданныи и ин-

шими пожитками, въ запнее мѣшованными, записали се помещенного протестующого въ помененой маестности и просеши его ни въ чомъ въ доходахъ и провентахъ, сами презъ себе, также подданныхъ и слугъ своихъ, не кривдяти и вступу жадного не жети и причиною жадною до перешкоды уживаня его не быти, овинемъ оного одъ вшлявеху импедиментовъ боронити и заступовати. За вторымъ записомъ помененый панъ Белскый, будучи въ уживаню тое маестности, великие перешкоды и уймы пожитковъ отъ подданныхъ пана Кгдешинского и малжонки его, съ причины ихъ милостей обойга, терпитъ и поноситъ: напередъ ихъ милость сами по смерти Савки Забродного, подданого потяглого, пану Белскому заставленого, вгды сынъ его Уласъ зъ жоною и зъ детми на тымъ вгрунте и на повинности осель, тому подданому халупу ихъ милость на збудоване собе алыера знесли и оному самому похваляи и погрозки, обещуючи его бѣги и у везене сажать, чинили, который, не маючи где мешкати и тыхъ погрозокъ се обавляючи, въ року прошломъ, тисеча шестсотъ двадцать четвертомъ, прочъ отшоль зо всею маестностию своею, и воловъ двоухъ, которые у протестующого на боргъ въ петидесять золотыхъ взялъ зъ собою, не заплативши завель, зъ шкодою немалою протестующого. Потомъ въ томъ же року тисеча шестсотъ двадцать четвертого, нитого дня сентебра, подданный ихъ милостей зъ села Считина, на име Филипъ Слюсаръ, пахолка рунодайного, пану Белскому служачого, на име Мартина Качаровского, зъ велью речей, въ дворе покраденыхъ, и зъ барвою каразиною новою, которые стояли золотыхъ сорока, выкотилъ и одмовилъ, и оного у себе килка дней тримаючи, вси тые речи отъ него побралъ и оного зъ дому своего выправилъ, которого то челядника, вгды помененый панъ Белскый шукаючи, и всему селу Считиневи вину давши, вопъное право, водлугъ звычайю, зъ розныхъ сель звелъ, теды, вгды того слюсара винили тое справы выкотцу того челядника учинило, помещеный его милость панъ Кгдешинскый зъ малжонкою своею справедливости не узинилъ, жу шводе помененного протестующого. Который потомъ слюсаръ прочъ отъ него отшоль. Потомъ знову, въ томъ же року тисеча шестсотъ двадцать четвертомъ, подданого просеши пана Белскаго, на име Савку Павача, подданный ихъ милостей, на име

Кгерешко, зо всею маестности выкотилъ, што кгда се презъ копное право на того Кгерешка показало, его милость панъ Кгдешинский зъ малжонкою своею справедливости не учинилъ; за котрымъ не учиненешъ справедливости помененый Кгерешко чимъ далей, тымъ барзей свою волю предъ се взявши, и збутовавшисе зъ войтомъ его милости пана Кгдешинского, теперь въ року теперешнемъ, тисеча шестсотъ двадцать четвертомъ, месеца ноября десятого дня, поданныхъ державы протестующого часть села Считиня, одного Буковича, а другого Сергея, зо всею ихъ маестности выкотили и сами зъ ними прочъ пошли. Што все збунтована, таетъ же тежъ и для пригрозокъ его милости пана Кгдешинского учинили, зъ великою шкодою протестующого; котрыхъ шкодъ въ неуживаню въ тыхъ звышъменованныхъ подданныхъ и податковъ ихъ—на золотыхъ триста; о таковне шкоды, такъ же о закладъ шестъсотъ и двадцати золотыхъ Полскихъ, взглядомъ имъпедименту, на противко его милости пану Кгдешинскому и малжонце его милости, помененый его милость панъ Белский светчилъ и оповедать се, оферуючи се о то правне чинити. И просилъ, абы таковая протестація до книгъ принята и записана была, которая есть принята и записана.

Бица Владимирская иродская, записовая, поточная и декретовая, юдъ 1625, № 991, мѣтъ 16 на обратѣ.

СХІ.

Донесеніе взаныхъ о происходившемъ въ присутствіи ихъ судъ надъ крестьяниномъ пана Костошковича-Хоболтовскаго, Петромъ Рачикомъ; виновный, сознавшійся въ многочисленныя кражаы, былъ приговоренъ къ смерти. 1625 г., февралѣ 10.

Року тисеча шестсотъ двадцать пятого, месеца февралѣ десятого дня.

На уряде вградскомъ, въ замку его королевской милости Володимирскомъ, передо мною, Юриемъ Завагорскимъ, буреграбимъ и

наместникомъ староства Володимерскаго, и кнѣгами нинешними вгородскими, старостинскими, становши очевидно. урожонный его милости Петръ Костюшковскій Хоболтовскій, реляцію шляхетныхъ Василя Ковырскаго и Яна Кервовскаго, вонныхъ енераловъ воеводства Волинскаго, въ справе працовитого Охрима Ярмоловича, подданого урожонного князати его милости Адама Ружинскаго, съ Петромъ Рачикомъ злоднемъ, подданнымъ урожонного его милости пана Петра Костюшковича Хоболтовскаго, подъ датюю въ селѣ Ружиню, року прошлого, тисеча шестсотъ двадцать четвертого, месеца октября тридцатого дня, написаную, для вписаня до книгъ нинешнихъ вгородскихъ, Володимерскихъ, перъ обятамъ податъ такъ въ себе маючую: Roku tysiąc sześćset dwudziestego czwartego, miesiąca octobra trzydziestego dnia. Przy bytności wszystkich panów Rużyńskich, poddany xięca jego mości Adama Rużyńskiego, na imię Ochrym Jarmołowicz, uskarżał się na poddanego jego mości pana Piotra Kościuszkowicza Chobolowskiego, na imię na Piotra Raczika, którego Raczika mianowany Ochrym pojmał był z hreczką, na drodze w polu, z własną swoją hreczką, krórego to, jako złodzieja i z licem, do pana jego oddał był; tedy jego mość pan Kościuszkowicz, bacząc uczynek złodziejski poddanego swego, wydał go do więzienia temu Ochrymowi, do dalszej exekucyi, nie chcąc onego u siebie mieć. A gdy mianowany Ochrym stawił onego więznia, jako złoczyńcę swego, przed panem jego i wielą zacnych ludzi, tedy jego mość pan Piotr Kościuszkowicz, odstąpiwszy onego, jako złodzieja, nie chcąc tej sprawy sam sądzić, wziął pana Prokopa Sołowickiego i pana Bohdana, wojta Toryskiego, przy których było woznych dwaj: pan Jan Karwowski i pan Wasili Kowyrski, jenerałowie wojewodztwa Wołyńskiego; a gdy był stawiony przed on sąd, pytali go, za skargą onego Ochryma, tego to złoczyńcę: jeśli tę hreczkę Ochrymowi pokradł? tedy się sam dobrowolnie przyznał: »żem ja i z Prokopem Steszczyszynym synem, kradliśmy na różnych pofach i nosiliśmy na swoje pola«. Do tego też jegomość pan Piotr Kościuszkowicz i sam skarżył się i powiedział, że i u mnie samego z kłuni zamczystej w nocy siermięgę czeladniczą ukradł, do czego się sam przyznał dobrowolnie, o którą kradzież przed tym postronkami bito, tak też i o owies i o żyto, także i o pasiekę, którą mi wydarto; gdyśmy pytali o te szkody, który zeznał przed nami: »że ja z pomocnikami swemi, mianowicie z Siemionem Senkowiczem i z Chweśkiem Naumowiczem, z tej kłuni kradliśmy;« a o pasiekę, gdyśmy pytali, tedy powiedział: »żem ja nie darł, ale gdym przyszedł do kłuni Siem-

kowej, tamże zastałem Siemiona i Chwieśka mianowanych, a oni miód jedli i mnie samego onym częstowali, a gdym ich pytał z kąd by ten miód mieli, tedy powiedzieli, »że z pasieki pana twego, boć ty taki kozak, jako i my;« potym Hryć Szabelny powiedział; «zem go z żytem pojmał tego Raczyka, z półkopkiem, do którego się przyznał». Potym Kuryło powiedział, »że mi chomąt ukradł, za którego zapłacił;« potem Jacko Makarowicz o barany skarżył o dwa, do których się przyznał; parobek Bohdanow o siekierę skarżył się, do której się przyznał; »z tymże Semenem Sienkowiczem żyta zwiercé suchego ze młyna ukradliśmy--przyznał; z strony zboża pana Jana Piotrowskiego, gdy się pytał wojt z Turowicz o szkodach pana swego tegoż Raczyka, tedy wyznał: »żem ja nie jest szkodcą tego zboża i innych rzeczy, ale wiem kto, mianowicie: Juchim Porydubiec, Chwedko Steszczyszyniec i Semen Senkow syn, do którego Senka do kłuni wożąc młocowali.« Tedy my, słysząc wyznanie tego złoczyńcy i skargę wielu ludzi za dowodami słusznymi, według prawa pospolitego, wskazaliśmy na gardło, a na powołanych wyżmianowanych wolnie czynić prawem każdemu, komu będzie należało, gdyż przed prawem pouciekali. Gdy po dekrete mistrzowi do rąk podany, tedy, przy woźnych panu Wasilu Kowyrskim i gromadzie wszystkiej sicła Rużynia, przy ostatecznej eksekucyi, mianowany złoczyńca wyznał: »że tak było, a nie naczej jest, jakom powiadał pierwej;« dotego się przyznał, że komorę bednarzową z Chwedkiem Steszczyszynym synem wykradli; tenże złoczyńca wyznał o żyto mieszczanina turzyskiego, kop półtrzecia, »że się przede mną wyżmianowani zeznali, żeśmy sobie zdobyli na miód, Chweśko i Semion młócili w kłuni u Chwedka Pryhodycza; u Klimy Lahodycza baranów dwa Chweśko Klimowicz i Juchym Porydubiec pokradli; owies i jęczmień ich mościów panów Rużyńskich z polswych mianowany Semion i Juchym Chweśko, nosząc do kłuni Chwedka Pryhodycza, młócili. Działo się to w Rużynie, roku i dnia wyżmianowanego. У тоє реляции печать притиснена одна, и подписа рукъ твоих словы: Piotr Kościuszkowicz, рęką swą; Василий Ковирский, енераль, рукою власною; Jan Karwowski, generał woiewodztwa Wołyńskiego, рęką własną. А такъ я, буркграбя, тую реляцію, за поданемъ и прозбою пререченого подаваючого, принявши, спочатку ажъ до конца до книгъ егродскихъ, Володимерскихъ, самый оригиналь еє тому жъ подаваючому выдати росказавши, уписати есьми казаль, и есть вписана.

Книга Владимирская гродская, записовая, поточная и декретовая, № 992, годъ 1625, листъ 160.

СХІІ.

Донесеніе возного о томъ, что онъ присутствовалъ при допросахъ съ пыткой, снятыхъ въ присутствіи мужей изъ окольныхъ сель и громады села Твердыня съ Льва Рокицкаго, обвиненнаго въ воровствѣ разныхъ вещей у паніи Гулевичевой; Рокицкій, сознавшійся въ преступленіи и указавшій на своихъ соучастниковъ, былъ приговоренъ къ смертной казни. 1623 г., марта 5 д.

Року тисеча шестсотъ двадцать пятого, месеца марьца пятого дня.

На вриде вгородскомъ, въ замку его королевьское милости Володимирскомъ, передо мною, Яномъ Олшовскимъ, на тотъ часъ наместникомъ бурвграбства и замку и староства Володимирского, и книгами нинешними вгородскими, старостинскими, ставши очевисто возный енераль воеводства Волинского, шляхетный Касперъ Петровский, для записана до книгъ нинешнихъ вгородскихъ, Володимирскихъ, созналь тыми словы: ижъ року теперешнего, тисеча шестсотъ двадцать пятого, месеца генъвара двадцатого дня, маючи я при себе на тотъ часъ шляхту людей добрыхъ, то есть: пана Петра Новоселецкого а пана Стефана Витвинского и иныхъ людей, такъ обчаль, яко и Твердинскихъ, былемъ на справе и потребе урожоное ея милости панев Маруши Павловичевны Михайловое Гулевичовое въ селе Твердиняхъ, въ воеводстве Волинскомъ а въ повете Володимирскомъ лежащего, тамъ же, въ томъ дворе Твердинскомъ, слуга ея милости, шляхетный панъ Швайомъ Шванявский, при мне, возномъ, и шляхте, вышейменованой, именемъ ея милости панев Гулевичовое, панев своее, чинилъ скаргу на някагось Леска Рокицкого, а то о выкрадене скарбьцу ея милости, въ томъ дворе Твердинскомъ будущого, о речн розныи тамъ въ золоте въ срибрѣ, яко въ шатахъ, въ футрахъ, и хустъ бѣлыхъ рознымъ шитемъ; который тотъ то поменованый Леско Рокицкий, тамъ же будучи очевисто, второгомъ пыталъ: если бы се до того зналъ о што на него

стару чыпать? теды доброволне, еще не будучы на жадныхъ вѣсти-
яхъ, призналъ: »ижъ я тые речы, о которые слуга ее милости пове-
даетъ, зъ соботы на неделю, року недавно прошлого, тисеча шест-
сотъ, двадцать четвертого, месеца декабря чотырнадцатого дня, съ
помочникомъ своимъ, низкимъ Иваномъ Дирбахомъ съ Крупое, поддан-
нымъ его милости пана Гаврила Госого, ваштеляна Киевскаго, тые речы
побралъ«. А потемъ, хотечи ведомость достаточную о тыхъ ре-
чахъ покраденыхъ—где и на которомъ месцу были бы схова-
ные—взяты, вгдыжъ такъ доброволне самое правды поведыти
не хотель, теды, за таковымъ его добровольнымъ признанемъ, по
мисгра Ковелскаго послала, который, приехавши, того Рокицкаго,
яко предъ тымъ подовраного, и на тотъ часъ доброволне до тыхъ
речей признавающогоса, водлугъ права и статуту въ томъ себе по-
ступивши, перный разъ на квестию тому мистрови взять росказали;
который и повторе поведилъ: »ижъ тые речы ее милости панее Гу-
левичовое—презь мене и презь помочниковъ моихъ, то есть Ивана
Дирбаха съ Крупое и другого Ивана Кузьку зъ Оздова, подданого
ясневельможного его милости пана воеводы Браславскаго«; другой и
третий разъ—такожъ тые слова потвержалъ. А хотечи мети ведомость
яко: до тыхъ речей пришолъ, который поведилъ тыми слова: »ижъ
служаи мѣ еще у ее милости панее Гулевичовое, мѣломъ зъ ними,
тими то Иваномъ Дирбахомъ и Иваномъ Кузькою, порозумене о
скарбцу ее милости, ижъ тотъ Иванъ Кузька носилъ отъ мене ве-
домость до того Ивана Дирбаха—где и на которомъ месцу и кото-
рого часу змыстѣлися мѣи; теды одного часу, коли мѣ ехалъ съ Хми-
лева, отъ ее милости зъ веселя до Твердинъ, доведуючыся—што се
въ дому деетъ, и такъ поткаломъся съ тымъ Кузькою на гребли
Твердыньской; и розмавляломъ зъ нимъ о томъ скарбцу,—яко бы
до того прийти могли,—и учинили есмо такую намову: ижъ скоро бы
далъ я знати, абы ся заръзъ знесъшися, и съ тымъ то Дирбахомъ до
мене на боли на мѣстце названчоное пришли; потомъ върыхле ишолъ
шепчахъ Сялюска, который мешкаеть у Оздове у вдовы шевцовое,
презь которого всказаломъ, абы тотъ Кузька Иванъ пришолъ до
мене тутъ до Твердинъ; тамъ же тотъ Иванъ Кузька, взявши
ведомость отъ мене, безъ омешивана пришолъ до Твердинъ, и че-

каль на мене въ корчме Твердынской пустой; и тамъ выломъ до него зо двора, и намовилисмося зъ собою, же мѣль дати знати Иванови Дирбахови Крупъскому, взявши певную намову—где быхмося зыйти могли на тотъ часъ, розышлисмося. А потомъ, вгды по даню знати Иванови Дирбахови, приехалъ до Оздова до того Кузьки, а я южъ отъставши отъ ее милости, шоломъ до нихъ до Оздова, которыхъ поткаломъ едучыхъ на коню и возе того Ивана Дирбаха власне подъ гайкомъ Оздовскимъ, тамъ же зъ ними, ижъ еще часу потому небачили есмо, ямъ ся толко самъ до Оздова отъ нихъ пошоломъ до тютки своее Воеводское, а имъ казалоу на певномъ местцу себе чевати; тамъ жъ я, бывшы у тютки своее, маломъ што замешкаль, поведаячи ей потребу пильную до Луцка, скоро толко на смерканю пошоломъ до нихъ, которые на мене южъ власне чевали,—зъ оными, всѣвши на возъ того Ивана Дирбаха, ехалисмо просто на ту справу, предъ се взятую, до Твердинъ. И приехавши подъ самый дворъ ее милости Твердинский, въ которомъ обачили есмо огонь въ лазни, бомъ ся на тотъ часъ его милость панъ Александеръ Гулевичъ мылся, боялихмо се заразъ до скарбъцу ити, и долго преслухъ чынили есмо; а вгды се услокоили вси во дворе, шоломъ заразъ самъ до скарбъцу зъ Ивановъ Кузкою, а Ивана Дирбаха при вози и коню оставили есмо подъ острогомъ въ рови, за дворомъ; и такъ пришли есмо до першихъ дверей, отомкнуломъ и засъ до другихъ дверей шедломъ, але не замкнено было; тамъ же, съ тамтое коморы выбираючи, давалоу до першихъ дверей Иванови Кузци, а Кузка носилъ за острогъ Иванови Дирбахови, который скриню розбидаль и до вору кладучы у возъ; и такъ тне речы, выградшы зъ скарбъцу ее милости панее Гулевичовое, отъехали есмо до Оздова, и въ Оздове дѣль межы себе на три части подѣляли есмо,—двѣ части намъ зъ Ивановъ Кузкою, и въ земли тне двѣ части по середъ езереда соломы поклади подъ вулѣ, и оны закопали, то есть въ гумне того Ивана Кузки, напродъ: чамаръ две, одна чырвоная фалендышовая, лисами подшитая, а другая баевая чоръная, кролявами чорными подшитая, ланцухъ, въ которомъ чырвоныхъ золотыхъ пятьдесятъ штукъ осмъ, пять съ камени а три такъ просто безъ камений, и хусты белне, розмантые, едвабемъ чырвоныи и было

шитые: а при Крупскомъ остаю и зъ собою повезъ до Крупое Иванъ Дирбахъ: чарку сръбрьную и вухоль сръбрьный, плащъ кировый, чорный, лисами подшитый, шафранъ, перецъ, цукоръ и иншое корене, которыхъ не могу паметати, тотъ Крупский побралъ, Иванъ Дирбахъ, подданный его милости пана Гаврила Гоского, о чомъ поведиломъ и швабгрови своему Воеводскому, который мешкаетъ въ Оздове, жесмо съ тыми вышъменованными то товаришами своими, сварбець ее милости панее Гулевичовое vybrали есмо; на што поведилъ швабгеръ мой, же »я о томъ не хочу ведати,—яко себе розумнете, алемъ не поведилъ—где есмо сховали«. А потомъ, яко се вышей поменило, разъ, другой и третий, водлугъ права, былъ пробатусъ,—ничого а ни чого не отменяль,—и на томъ стануло. И просилъ насъ, мене, возного, и шляхты, такъ же и сторону, приналежающую ее милости паню Гулевичовую, абы съ приятелемъ якимъ тамъ на местце и съ тымъ то злочынцю до Оздова, до гумна Ивана Кузки, кого послали; теды я, возный, и зъ шляхтою вышейменованою, водлугъ повисти и знаку того то злочынцы, тамъ до Оздова поехали есмо; где есмо приехавши, я, возный, зъ шляхтою вышъменованою, до того Ивана Кузки, до гумна его, где есмо реквизиовали, показавши поволанге знакъ и местце, презъ злочынцу означоное и овананое, урядника тамошнего Оздовского, на ймя Яна Скипора, который, неведати для якое причины, трести и шукати у того Ивана Кузки дать не хотель. Я, возный, тою шляхтою, которая на тотъ часъ при мне была, осветчившыся, съ тамтоля пречъ зъ ницимъ отъехали есмо. И приехали есмо знову до Твердинъ, и тую справу стороне и тому злочынцы оповедиломъ, на што тотъ то злочык ... поведилъ: »ижъ тыхъ речей, безъ бытности моее, опубаны и знайдены быти не могутъ, толко нехай я самъ тамъ поѣду и съ тымъ своимъ помощникомъ розмовлю«. И такъ, хотечи безъ далшое отъволоки тые речы презъ него ее милости отыскати, уживши въ томъ приятеля своего, урожоного его милости пана Яроша Павловича, писара земского Володимерского, абы тамъ и съ тымъ злочынцю поехалъ, который на жадане ее милости, его милость панъ писаръ, взявши насъ зъ собою и того злочынцу, тамъ ехалъ, пытаючи оного, абы трудъ и праца наша въ томъ невинная небыла; на што подъ присягою

тотъ то злочинца призналъ и поведилъ: «ижемы, яко разъ, другой и третій и четвертый еще въ дворе Твердискомъ поведать, такъ и теперь вашей милости поведаю, же скоро толо ваша милость поедешъ, теды тые речы всѣ ошуданые быти могутъ и власне вѣдѣваны презъ мене будуть». На которую таковую повесть его милость панъ писарь ехалъ; и прѣхавши тамъ до Оздова и съ тымъ злочинцою, тамъ же, въ дорозе, я, возный, оного злочинца пыталомъ: ежели такъ есть, яко поведаешъ? — на што поведалъ, же такъ есть а: ве иначе; месце и знаки, на которомъ ся зышли, оказовалъ, и тыми речы мовами въездчаючи до Оздова, поткади есмо того Ивана Кузку, которому казаломо о чомъ едемо. Въ томъ часе его милость панъ писарь надбехалъ, съ которымъ я, возный, и зъ шляхтою до двора прѣехали, оставившы оного злочинцу въ госпоре; а тамъ въ томъ дворе урядникови тамошнему Оздовскому его милость панъ писарь оповедилъ, и поволаия на писме оказавши, просилъ и реक्варовалъ, абы справедливость слушную съ того подданого учинилъ, на што и листъ его милости пана воеводы Браславского оказавши, на который листъ и жалобу заразъ, оного Ивана Кузку привести казалъ, такъ же и того злочинцу, абы ся съ собою устне о тыхъ речехъ розмовили. Которые заразъ были приведеные, и очевисто и зъ тымъ злочинцою тотъ Кузка зведење, тамъ же, для якобось чару на оного, першихъ словъ своихъ поведати не хотелъ; што выдечи, лето милость панъ писарь, столь прочъ, отбехалъ, взявши зъ собою знову оного злочинцу до Твердинъ, и до веселья звынайного одавши. А потомъ дня, на дате вышписаного, то есть двадцать осмого месяца февраля, знову хотечи его славъ варящи, которую самъ презъ себе учинилъ, знову презъ вѣстѣю на дѣнь оказати, собравши людей и мужовъ обчихъ, то есть: зъ села Осмиговичъ, наѣхавши Марка Биршевича, и зъ Сеялѣи двоухъ, Федю Короля и Сеню Клыслена, маѣтности его, милости пана Яна Фирлея, а зъ Моковичъ — Остапа Скрыпѣку и Ивана Луччедля, подданые его милости пана Роватавского, и при всей друмади Твердиской, до тое справы, вышкѣменованое, зобраныхъ, и выслонныхъ, теды, станувши, олевестомъ шляхецкий панъ Шимонъ Шаневскій, именемъ ей милости пана Бузлевичево, знову туу, справу реветруючи, вершумо поспрашна того

то Лесьба Рокицкого, который такъ былъ отмененую вариацию учинилъ, одного предъ нихъ, тыхъ то мужей и инъшихъ людей шляхту, людей добрыхъ, а меновите пана Юря Посавца, того злочынку привести казали; который публице, безъ жадного еще примушенъя, ставши очевисто, созналъ: «ижъ якомъ первый поведиль, и теперь тое власне, а не иначе, поведаю, же тые речи, вышъменованые, суть презъ мене и презъ помочниковъ моихъ Ивана Дирбаха и Ивана Кузки, повраденные; а ижемъ на тотъ часъ при бытности его милости пана писаровой, презъ чары якиесь, правды самое поведити не могломы, а другая ухваючи въ томъ, же мене мѣли отгромити, и для того тому Кузцы правды самое поведити не могломы»; и просиль, абы южь, водлугъ учынку своего, карность на горле отнесль. Про то тые мужове, такъ чужоселцы, громада вся Твердынская, яко и инъшие приятели ее милости панее Гулевичовое, видечи быть таковое его повторъное признанье, а вариацию значную не ведати для чого чынячи, даючыся самъ быть винимъ и съ тыми помочниками своими, одного на горло, водлугъ права, всказали. Предъ которую то смертью, для взята остатное ведомости и съ кимъ то покралъ и где подѣль, знову на квестию, для вариации повести его, всказали и нистрови въ руки отдали; где, будучы разъ, другий и третий на тыхъ квестияхъ, тоежь власне, яко и перве, поведалъ: «ижъ тые речи зъ Иваномъ Кузкою и зъ Иваномъ Дирбахомъ зъ скарбцу ее милости покрали есмо и до гумна Кузчыного двѣ части въ озерѣ поховали, а третюю часть тотъ Дирбахъ до себе взялъ». Што все твердечи при остатнемъ стопню смерти своее, то все поведалъ и твердилъ, ижъ такъ есть, а не иначе. Што все я, возный, слышачы яко было, правдиве сознаваю, и просиль, абы тое его очевистое сознание до книгъ вгородскихъ, Володимерскихъ, записано было, — што есть записано.

Книга Владимирская городская, записовая, поточная и декретовая, годъ 1625, № 991, листъ 229 на оборотъ.

СХІІІ.

Инвентарь села Городка, принадлежащаго соборной Владимирской церкви Богоматери, съ исчисленіемъ крестьянъ и ихъ повинностей 1626 г., іюня 24 дня.

Рокѣ тысяча шестсотъ двадцать шостого, месеца іюня девятото дня.

На вряде вгородскомъ, въ замъку его королевское милости Володимерскомъ, передо мною, Анъдреемъ Мисевскимъ, буреграбимъ Володимерскимъ и книгами нынешними, вгородскими, старостинскими, становъши очевисто висоце въ пану Бозе велебный его милость отецъ Іоавимъ Мороховъскій, Божою милостію епископъ Володимерскій и Берестейскій, прототронный митрополии Киевское, и велебные отцове: Григорей Лозовичъ и ихъ протопопъ, а Тимофей Симановичъ, архидіаконъ епископии Володимерское, капитула его милости, инъвентарь маетности церкви соборное Володимерское, Пречистое Богородицы Дѣвы Маріи, сельца Городка, лежачого въ повете Луцкомъ, презъ помененого его милости отца епископа урожоному его милости пану Федорови Линевъскому на летъ три, зуполне по собе идучыхъ, за певную суму пенезей арендованого, по даного тутъ въ месте Володимиру, рокѣ и месеца теперешнего, вишей на акте менованныхъ, двадцать четвертого дня, написанный и данный, во всемъ и вшелякихъ его пунктахъ и паракграфлахъ, артыкулахъ, клявзулахъ и обовязкахъ, очевистымъ, устнымъ и добровольнымъ сознанъемъ своимъ ствердивши и змоцнивши, для вписаня до книгъ нынешнихъ, вгородскихъ, Володимерскихъ, явне, ясне и доброволне, на телѣ и на умысле добре будучи здоровы, подали и признали такъ ся въ собе маючий: »Инвентарь маетности церкви соборное, Володимерское, Пречистое Богородицы Дѣвы Маріи, сельца Городка, лежачого въ повете Луцкомъ, которое сельце арендовалемъ урожоному его милости пану Федорови Линевъскому на летъ три, зуполне по собе идучыхъ, за певную суму пенезей, яко ширей ин-

терцияза тоа аренда въ себе маеть; которая то аренда починатиса маеть въ року теперешнемъ, тисеча шестьсотъ двадцать шестомъ, месеца июня двадцать четвертого дня, на светый Янъ, а кончитиса маеть, дастъ Богъ, въ року пришломъ, тисеча шестьсотъ двадцать девятомъ, месеца июня двадцать четвертого дня, таеъ же на светый Янъ, свято римское, зо всеми пожитками и принадлежностями, яко се тая маетность, сельце Городокъ, въ широкости и долгости своей маеть и завираеть, съ подданными тяглыми, зъ огородниками и подсосудками и зъ ихъ вшелякими роботами и повиностями, съ полми пашными и не пашными, зъ запустами, дубровами, зъ млынами и ихъ вымелками и зъ засевами дворными, и зъ дворцомъ на Городищу будучимъ, таеъ же зъ сеножатми и речъкою, названою Полоньною, на которой вышпречонные млыны Городицкие уфундованы суть,—въ тыхъ млынехъ три кола мучные, добре направленные суть; въ которомъ селцу Городку подданныхъ дворншныхъ, щоденныхъ тринадцать, меновите: Федоръ Вишенъва, Уласъ и Пархомъ Джуровичи, Мартинъ Приступа, Иванъ Тлушко, Тимошъ Аущикъ, Михно Боярчикъ, Ониско и Герасимъ Тушчичи, Иванъ Гайдукъ, Трохимъ и Сергей Паферичичи, Юхимъ Вишенъва другой, Климъ Боярченя, Хвеско Михченя,—тые що день повини робити. А загородниковъ того сельца шесть: перший Ярмоль Дереча, Лукашъ Логвиновичъ, Андрей Гомонъка, Потапъ Гальченя, Назаръ Мосуръ,—тые по три дни въ тый день повини робити. А подданные вси Городецкие, кгда одну роботу роблять, другое роботы не повини робити; то есть; коли пойдетъ зъ косою—зъ серпомъ не повиненъ, албо зъ плугомъ—зъ цепомъ не повиненъ; таеъ же инъшихъ роботъ, одну отправуючи, другое не повини; млынаръ, бояровъ два, тые, водлугъ повинности своее стародавное, счо повинъни, до двора отпраовати мають, стороны засъ толокъ, на сѣно повини ити, а на жито и овесъ—тыхъ наболшей—толко десеть толокъ быти маеть, однакъ не егвалтомъ и на голову всихъ велянати, оставуючи челяди и подданнымъ на ихъ власную роботу и потребу домовую. А тые толоби вси мають быти за хлибомъ и стравою дворною. То тежъ особливе варуючи, же тыхъ толокъ и кождое потаглое роботы, презъ увесъ рокъ, въ неделю и свята урочистые дни сеятые, рововые, не повинни роботъ жадныхъ до

двора полнити, окромъ сторожи звычайное и где бы послати въ якої потреби, а то для того, абы тежъ набоженства, яко христіане, зажили. Засевку дворного, озимого: жита маць двадцать и чотыри, пшеницы маць дви, а весенного зась ярого: овса маць двадцать, гречки маць чотыри. Чинъши тыхъ подданныхъ дворничныхъ: овса по чотыри маци, по грошей пяти Полскихъ; а полдворищныце: по две маци овса, по грошей полтрета; а тотъ овесь отдавати мають мѣроу Володимерскою. Въ томъ сельци Городку: дворець на городищу збудованый, светлица добрая зъ комнатоу тогожь дерева; въ той светлицы оконъ а ни лавъ немашь, двери на завесахъ—обоє до светлицы и до комнаты добрыє, сѣнь рубленая, пекарня въ сѣняхъ зъ дерева старого, добрая, другая светлица въ тыхъ же сѣняхъ старая, — поправы потребуєтъ; накрите того дворца драницами, доброе; клуни на томъ же городищу дворная, лѣсеная, безъ верха. А що се тинєтъ священника, тотъ до жадныхъ повинностей, станови его не належачихъ, немаєтъ быти поволоканъ, окромъ своего священического уряду и повинности пиловати маєтъ. Боярове тежъ до жадныхъ подводъ, панъщинъ и оранъя, вшелякое работы, примушены быти не мають, а за то повинностъ свою боярскую, водлугъ стародавнего звычайу, отпраовати и полнити повини. Тую жъ вышей менованую маєтностъ Городекъ, съ тыми всеми вышей выражонными пожитъками, зъ засевками, поддаными и ихъ повинностями, съ полми, сеножатми, млынами, дворцомъ, боярами, млынаромъ и зовсимъ и вшелякими вышей менованными пожитками, арендовалемъ урожоному его милости пану Федорови Линевьскому за суму, въ интерцизе выражоную; которую маєтностъ его милостъ, презъ тые три лета, во всеми менованными пожитками, спокойне выдержавши, по еспирации тоє трилетное аренды въ цалости, во всемъ съ тымъ, яко въ инътерцизе в томъ инъвентаре моемъ, подати и уступити мнѣ, albo суцесорови моему, епископови Володимерскому, маєтъ и будетъ повиненъ, ни кого не контрадикуючи. А уховай Боже смерти его милости пана Федора Линевьского, теди додержаное тоє аренды сельца Городка, во всемъ тымъ, малжонце его милости, урожоной паней Катерине Парисовнѣ Федоровой Линевской, albo тому, кому то отъ его милости правне належати бу-

дѣть, такимъ же правомъ, водле тое интерцизы и инвентара поданого, позволяемъ, и варуемъ и прирекаемъ, а то заплативши, водлугъ интерцизы, другую рату аренды Городецкое шести сотъ золотыхъ Полскихъ, розумено быти масть. А для лепшого веры до тое интерцизы моее печать мою притеснуги казалисми, и руку свою подписалъ. И просилемъ ихъ милости пацовъ приятелей моихъ, нижей на подписе менованыхъ, о подпись рукъ и приложене печатей; што ихъ милость на просьбу мою учинили, печати свои приложити и руки подписати рачили. Писанъ у Володимере, року Божого Нарожня тисеча шестсотъ двадцать шестого, месеца июня двадцать четвертого дня. У того инвентару печатей притесненыхъ чотыри, а подпись рукъ тыми словы: Иоакимъ Мороховский, епископъ Володимерский и Берестейский, власною рукою, manu propria; Григорій Лозовицкий, протопопъ Володимерский; Тимофей Симановичъ, архидиаконъ епископии Володимерское, manu propria; Andrzej Misiowski, явиндек, manu propria; Stephan Mikołajowski, ręką awą, manu propria. А такъ я, буркграбл, тотъ инвентаръ, за поданемъ очевистымъ, доброволнымъ признанемъ и прозбою вышъменованыхъ ихъ милостей зознавающихся, принявши, съ початку увесъ ажъ до вонца, такъ яко ся въ себе масть, написаный, поданый и признаный есть, до книгъ нинешнихъ кгородскихъ, Володимерскихъ, самый орыналь его вышъменованому его милости пану Федорови Линевскому, яко его милости власне належачый, выдати розказавши, уписати есми казаль,—я есть уписанъ.

Книга Владимирская городская, записовая, поточная и декретовая, годъ 1626, № 992, мѣстъ 665.

CXLIIV.

Жалованная грамота папа Андрея Кашовскаго мѣщанамъ и купцамъ, христіанамъ и евреямъ, поселяющимся въ имѣніи его м. Острожцѣ, на свободу отъ повинностей, магдебургское право и другія вольности; на старожилыхъ же Острожецкихъ жителей грамота эта не распространяется. 1630 г., января 1.

Року тисеча шестсотъ тридцать первого, месеца мая пятого дня.

На рочвахъ судовыхъ, кгородскихъ, Луцкихъ, отъ дня двадцать четвертого месеца априля, въ року звышънаписаномъ припадлыхъ

и судовне отправовати печатыхъ, передъ нами, княземъ Павломъ Друцкимъ Любецкимъ, подстаростимъ, а Гелияномъ Бротницкимъ, судею, владиками судовыми крродскими, Луцкими, и установивши се очевидно уржотный его милость панъ Андрей зъ Высочого Кашовьскый для вписаня до книгъ нижепныхъ, крродскихъ, Луцкихъ, подалъ листъ свой и очевидно призналъ местаномъ и подданнымъ своимъ, въ местечку Острожку мешкающимъ, на вписавую волность въ томъ листе меновите выражоную, данный, съ печатомъ и съ подписомъ руки своею, о чомъ тотъ листъ шире въ себе обьявляетъ; которого во всемъ устными очевидно и добровольными признаньемъ своимъ ствердившии и змощившии, просилъ, абы признанъ и до книгъ уписанъ быть. А такъ мы, судя, оному для вписаня до книгъ признуючи, передъ собою читати казали сему, и такъ се въ себе пискомъ полекимъ писавый листъ: *Andrzej z Wysokiego Kaszowsky, waszem wobec u kôzdemu nosobna, Notna by tyldo o tym wiadziec nalezala, teraz u na potomne wieki. Oznajmuje, iż ja, chcąc maigtaość mą Ostrożecką, dziedziczną, gotną praw, odmianę, aż. też na ostatek u przez nieprzyjaciela koronnego nadpastoszona, do pierszey przywjęsć nie tylko osady ale y osady, dla zaciagnienia ludzi wolnych, tak kupcow, iako y rzemieśnikow, tak żydow, iako y chrzescian, do gotowych gruntów dla obudowania się ich porządne, — pozwoliłem im woli od daty listu ninieyszego na lat dwanaście, wolne piw warzenia, gorzałek, z strony kupnemi drwami kurzenia, miodów sypenia im popuściwszy, od wszelakich ich powinności ochiliwszy, a przywrociwszy im dawne prawa Maydeburskie, od najśnieyszich królów Polskich, ieszcze za xiaząt Ostrożeckich miastu temu nadane, tak i żeby iuz nie tylko teraz, ale y zawsze ludzmi sobie wolnemi zostawali y w dispozity, arendzie, zastawie y wyprzedaniu, tak gruntów iako y posiad swóich, bezpiecznemi, aż też y w odmianie pomieszkania, iezeli by im ze mną lub z successorami memi żyć było nie lubo, a iż życze tego, aby ta moia osada, w budynkach, miastom przyzwoitych, swe brała pomnożenie, prozba zgromadzonych iuz mieszczan niektórych ludzi pociwych y obowiazek ich w przestrodze tego porządku tę u mnie poniosła waga: że którym z zwykłych okolicznych, aż też y własnych, lub odlegleiszich mych y rodzonych mych miasteczek w powinnościach ich po wysiedzeniu woli brać chciał y mam w niedosyć temu uczynieniu słuszną miarę, tandem ia, upatrując koszt ich w tej mierze, który w nieprzednim ode mnie im dostatku ukazany drzewa podymować muszą, iesli obowiazkowi swemu y sami y po nich następnicy*

na grunty tuteczne używać dosyć, wyciągać ich nad tę powinność, którą sami na się dobrowolnie zaciągają: odzynania kop dwóch oziminy, dwóch jarzyny, košby iednego dnia w rok sianozęci, im ukazanych, y sprzątnienie bez pańskiej szkody wygotowanego, siedmi złotych roczney płace z włoki, za się y za namieśniki swe tym listem mym, który swych czasow gotowym y actami Łuckiemi dla następującego wieku zmocnić obowiązuję się, vice versa, mimo szarwarki y porządki wszytkimi, zwyczajne miastom podymne jego krolewsoj mości, płatowe, folwarkowe y zagrodnicze płace y ich samych ochotę potwierdzając im wiecznymi czasami wolne piw warzenia, miodow sycenia za zwyczajną miarkę y browarczyzną pańską, według inszych miast porządku, przy tym sądy y dozory miestkich porządków przez burmistrze y łucze, s porządku siebie wybrane, przysięga z wolną appellacją do zamku y ochroną żydów, którzy pod zamkowy tylko urząd mają podpadać, waruję iednak sobie w tym że liście moim to, aby na dawno zasiedziały y sielakich mych poddanych ta się wolność nie ściagała, którzy, pospołu z ynszemi nowo na wsi przysiadającymi, przy dawnych awych prawach y powinnościach zostawać mają. Na co wszytko daję im ten fundusz, otworzysty mój list, ręką y pieczęcią mą utwierdzony. W Ostroźcu, prima januarij, anno domini millesimo sexcentesimo trigesimo. У того листу печать притисненая одна, а поднись рукъ теми словы: Andrzej z Wysokiego Kaszowsky, manu propria. Который же то листъ, за подашемъ и очевистымъ признаньемъ вышгъ менованое особы, а за принятемъ нашимъ судовымъ увесь съ початку ажъ до коньца до внигъ кгородскихъ, Луцкихъ, словъ въ слово есть уписанъ.

Книга Луцкая городская, записная и поточная, № 2144, годъ 1631, листъ 635 на оборотъ.

СХІV.

Жалоба всего шляхетства Вольнскаго воеводства на сборщика подышной полати пана Михаила Ливскаго о притисненіяхъ и взыскаіи ишлишнихъ податей. 1630 г., марта 9.

Року тысяча шестьсотъ тридцатого, месяца марта девятого дня.

На рочки судовные, кгородские, Луцкие, отъ дня двадцать есмого февраля, въ року звышънаписаномъ принаме и судовне од-

правовать зачатые, передь нами, княземъ Павломъ Друцкимъ Любецкимъ, подстаростимъ, а Гелиашомъ Бронницкимъ, судею, вранниками судовыми, кгородскими, Луцкими, очевисте у суду будучи, особы нижеменованные, ихъ милости панове обыватели воеводства Волынского, одны сами черезъ себе и именемъ иишпхъ, а отъ другихъ ихъ милости умоцованные ихъ, именемъ пановъ и принцпаловъ своихъ, а меновите очевисте: яснесвещеного княжа его милость Александръ Октавианъ Пронский, его милость панъ Ерыъ Гулевичъ, подкоморий Луцкий, его милость панъ Казимеръ Паць, воеводичъ Минский, его милость панъ Адамъ Рудацкий Урсуль и его милость всендзь Войтехъ Милачевский, каноникъ Плоцкий и Луцкий, священъ и вицецвелебного въ Богу всендза Ахацого Кгреховского, зъ ласки Божои бискупа Луцкого, и капитулы Луцкой именемъ, его милость панъ Станиславъ Рей, столникъ Любелский, княжа его милость Григорий Четвертинский, его милость панъ Андрей Оссолинский, панъ Себестианъ Коморовский, Лаврыъ Князский, Иванъ Гулевичъ Порокальский, Александръ Малиновский, Марко Криницый, Томило Войничъ, панъ Марцианъ Олшамовский; а умоцованные отъ принцпаловъ своихъ и именемъ ихъ, и слуги именемъ пановъ своихъ, меновите панове: Крыштофъ Витковский и именемъ велможныхъ пановъ: Гаврила, каштеляна Киевского, а Романа, старосты Володимерского, Гостскихъ; панъ Симонъ Велевский и именемъ велможной пани Анны зъ Острога Ходкевичовой, воеводиной Виленской; панъ Павелъ Вышковский и именемъ яснесвещеного княжати его милости Ерого зъ Острога Заславского и велможного пана Рафала Лещинского зъ Лешна, воеводы Белского; панъ Ерыъ Бажаевичъ и именемъ яснесвещеного княжати его милости пана Албрыхта Станислава Радывила, княжати на Олыци и Несвижу, канцлера великого князства Литовского, Гиевскою, Тухолского, Вацюнского старосты, и яснесвещеного княжати его милости Миколая на Клевани Чарторыйского, также велможного пана Владислава Монвида на Дорогостаяхъ и опекуновъ его милости, и его милости пана Людвика Мелницеого, панъ Валентий Бузский и именемъ велможныхъ паней Изабеллы зъ Служова Миколаевое Семанковое, каштеляновое Браславское, старостинное Луцкое, а пана Станислава

се Журова Даниловича, старосты Червоногородского; панъ Лахновичъ отъ ихъ милостей: пановъ Яловицкихъ, пана Яна Потея, подсудка Берестейского, пана Марцина Домбровского, скарбника Волинского, пана Михала Завядского и пана Станислава Поплавского именовъ; панъ Прекгалинский именовъ велиможныхъ ихъ милостей: пановъ Фирлеювъ, ихъ милостей пановъ Кашевскихъ и князятя его милости Стефана Четвертепского, подкоморого Браславского, его милости пана Станислава Вилана, ихъ милостей пановъ Гулевичовъ и висоце велебного въ Бове Еремнаша Поповского, владыки Лудского, и капитулы Луцкой; панъ Войтехъ Камснскій именовъ ясневельможного пана Томаша на Замостю Замойского, подканцлерого коронного и малжонки его милости; панъ Ремианъ Рудзий самъ одъ себе; Войтехъ Циминскій, возный, именовъ его милости пана Андрея Циминского; панъ Кондратъ Миловскій самъ одъ себе; панъ Юзефъ Семницкій именовъ ясневельможного князятя его милости Кароля Корецкого, каштеляна Волинского, и именовъ его милости князя Ерого Пузыны, ловчого Волинского; панъ Александеръ Соколдскій именовъ князятя его милости Доминика на Острогу Заславского и опекуновъ его милости; панъ Еронимъ Нецевичъ именовъ пана Самуеля Марушевского; о што и вси на тотъ часъ люде стану шляхетского, немалое згромадене, у суду будучое, и всего воеводства Волинского, поветовъ Луцкого, Володимерского, и Кременецкого обывателей именовъ, очевисто противво урожоному, его милости пану Михалови Диневскому, поборца на тотъ часъ двойга подымного Волинского, соденнитеръ сведчили се и протестовади: ихъ его милость панъ поборца въ домовъ и дворовъ шляхецкихъ, также поповъ духовныхъ, и съ тыхъ поповъ, которые на власныхъ кгрунтахъ дворныхъ шляхецкихъ а не на рояхъ хдопскихъ мешкають, яко тежъ зъ шпиталевъ въ местехъ, местечкахъ и селахъ будущихъ, и дымовъ пустыхъ, въ которыхъ жадень не мешкаеть, съ пустохъ по селахъ, где се подданне разошли и черезъ вторжение неприятеля крыжа светого татаровъ спустошали, и черезъ огонь припадковый погорелыхъ, также съ корчомъ, зъ которыхъ чоповое идеть, подымное и податки вшедякне вытегаеть, также съ спустошалыхъ дворякъ и маестностей, а юраментовъ не приймають, и о то обыватели

воеводства тутошняго, повестовъ нижеменованныхъ, на делении до куду подасть. Постерегаючи целюсти и утяжоння всего воеводства, теперъ и напотомъ наступующаго, повестовъ такову протестацию задосать, декларуючи се часу и мѣста своихъ о тую кривду на каждомъ пляду мовити. И просили ихъ милость панове обыватели воеводства Воднянского, абы таа ихъ протестация до книгъ была принята и записана, — што юдержалъ.

*Книга Луцкая градская, записовая и дотошная, № 2459, 1907.
1630, мѣстъ 470.*

СXLVI.

Жалоба пана Андрея Фирлея на пана Андрея Линеваго о томъ, что послѣдній угнеталъ крестьянъ арендусмыкъ имъ у Фирлея имѣній. 1630 г., апрѣля 17.

Рову тисеча шестьсотъ тридцатого, месеца апрѣля семнадцатого дня,

На вряде вгородевомъ, въ замку его королевское милости Луцкомъ, передо мною, вышешь Павломъ Друцкимъ-Любецкимъ, подстаростнимъ Луцкимъ, ставшимъ очевисто шляхетный панъ Федоръ Вищый, возный, именемъ велиможного его милости пана Андрея въ Домбровицѣ Фирлея сведчилъ и протестовалъ се на уржонного его милости пана Андрея Линеваго о то: имъ его милости панъ Линеваго, арендуючи мастьность на чотыри мѣста у его милости пана Фирлея, Фолваркъ и село Романовъ, апречь чисти певное, Фолваркъ и село Воротневъ, въ рову пропшомъ, тисечу шестьсотъ двадцать омомъ, месеца сѣнтєбра одинадцатого дня; записомъ интердиксую своею записатъсе и обливговалъ — чюдданыхъ, въ той мастьности помененой будучихъ и до носсесии взятыхъ, тыхъ тамъ волочныхъ, пультвочныхъ, подуседковъ, ино и бояровъ, въ ихъ повинности и въ послушенствѣ ни въ чомъ падъ инвентаръ не утяжати, а ни тѣмъ под-

данных титлах, до податковъ, подводъ и работъ, такъ же и чиншова, въ борзавъ до послугъ — не примунуть, подъ закладомъ девяти тысячей золотыхъ. Подсвяхъ и нагородженьемъ нѣкогда голымъ рече-ниемъ слова, промъ присать омацованныхъ, въ недосити учиненю которою милости кондидии; въ той интерцисе выраженной; которому то записви интерцисе сей, такъ же и кондидию, въ ней описа-ннхъ, ето милость павъ Диневский, ничего се неогледаючи на закладъ, въ интерцисе описаной; а на на право посполитое, и ошннхъ те все легче себе ваячати, и тому се всему епротывиточи; а слову своему, котормъ се епротъ запису сублитовать еро милости чину Фарлеса, ни въ чемъ не досити чиничи, зарать, ежоро одне обннхъ тую вышнкомепеную маетность; подданныхъ такъ въ работахъ, въ титвахъ, въ податкахъ и въ повинностяхъ; яко и въ поковозныхъ фурахъ, нидъ инвентаръ и занявъ свой, а борзавъ, мимо ихъ повинности, сама черезъ себе; малкону, уряднивовъ и слугъ, своихъ; утяжати пошлы, котормъ ш до того часу утишавъ, и великую ервиду такъ подданыхъ яко и борзавъ чинить; а невоинте борзавъ Вороневскихъ и Роминовскихъ до уставичинныхъ подлуть своихъ дворныхъ и за собю въ дорожити иншия послуги; также неоторыхъ на коняхъ се збожемъ до Литвы, а на инпутачъ до Ирутъ и Пдансиа ходитъ, чинечи ихъ шафарами, и до податковъ, ораня и работы нидъ инвентаръ примунуть; а подданныхъ титлахъ такъ во ючннхъ ляхъ и повьячнхъ и иннхъ; почлвнн одъ чинль промнхъ анем до дати тое протестациа; жало не што деня до работи своихъ дворной примунуть; а робечи нини черезъ увесъ тнхъ деня, потому въ субботу, протавно неделя, до торговъ ошолчнхъ, где потреба уналетъ; на подвуду выраннхъ казетъ; а если съ чинъ не на торговъ, то до Толмокова, маетности обден; и збожемъ; або ко иншия явне рети не слылетъ; которме то подданные и въ недлю не порожняютъ, чиннн у ннхъ нидъ повинности брачи казетъ; до того теперешнне вннн фуръ, повозныхъ ихъ, се збожемъ до Изова (sic) — пошнволочные шестъ; и волючные и болней; такъ же и тннн, которме вошолъ не маютъ; подводъ нннн одвенти примунуть; а тнннхъ ошолчнхъ дорбчъ и фуръ; яко до Лубова; до Лоблиня и инннхъ шестъ; по внннн и по повьячнхъ востовъ; яко которого часу, немало одравили; и збожемъ всякое не

тляво съ помеенныхъ фолварковъ вывозять, але наветь и тое збожье, которое съ Толмахова до Романова и до Воротнева привезуть, и тое збожье, где имъ его милость панъ Линеvский кажетъ, вывозять; правдо въ терлицахъ терти и прясти тымъ подданнымъ надъ повинность ихъ нажетъ; жито у некоторыхъ невинно побралъ, а другимъ понаверчоватъ казалъ. А не тилко, жито въ подданныхъ побралъ, але наветь и самого его милости пана Фирдьева жито, въ фолварку Воротневскомъ будучое, которое подданнымъ и месчаномъ своимъ Юзискимъ продать, такъ немолочное, язо и молочное побралъ и вралтовне пограбилъ. А который подданный, мимо повинность свою, не хотеть бы розказаню его досыть чинить, такъ боемъ, грабежами, язо и везенемъ, черезъ урядниковъ своихъ, трапятъ; у бояровъ Романовскихъ: у некоторыхъ воли побравши, по кылка дни оними оратъ казалъ, а ившихъ и до ораня дворного, хоть не повинны, примусалъ; поданныхъ Воротневскихъ, тыхъ што въ Отавчичъ пришли, не чекаючи нямъ имъ роуъ вышолъ, до роботы примусалъ; а въ Романове Ярколову матку, которая въ сынами до пилнована лесовъ эксципована, впередъ двбизни и зранивши, до роботы своен дворной примусалъ, и теперь панцину роблять; подъ который часъ ихъ южъ сыны тое то поддавецъ лесовъ и уусчи не пилнуютъ. Раку теперешнемъ, тысяча шестисотъ тридцатомъ, месеца априля десятого дня, уусча Звиревская, Синаковская, которая до Воротнева належитъ, и Отавецкая мало не вся черевъ пожаръ, за непилнованемъ ихъ, згорела; черезъ што помеенный протестующийсе пану своему менуетъ шкодо на три тисечи золотыхъ Полскихъ. Презъ которое то надъ инвентаръ утажена, презъ его милости пана Линеvского и ее милость панкою малжонку его, черезъ урядниковъ и слугъ его, съ годъ давности подданныхъ длана въ рону теперешнемъ розными часи прочъ пошло, а меновите: въ села Романова — Миско а Раско Велиски, бадрове, Сасько Куприйъ, Миско и Лавринъ Баконъченята, Кудъ Дудка. О што все, язо се выжей помеенило, и повторе именовъ его милости пана Фирлея противко его милости пану Линеvскому оветчалъ се и протестовалъ, оферуючи его милости пана Фирдея въ его милостю паномъ Линеvскому инъ foro фори правне поступить. А верификуючи тую протестацию свою, тотъ же воаный вышъпомеенный, Федоръ

Висоцкий, передо мною, урядомъ, стоячи, сознавъ тѣми словами: *нхъ я, возный, въ року теперешнемъ, тысяча шестьсотъ тридцатомъ, мѣсяца апрѣля одинадцатаго дня, будучи въ селе Вороневе и въ селе Романове, пыталомъ се одъ его милости пана Фирлея урядовне подданныхъ: для чого прочъ утемають и теперь на ярину въ полю себе не орутъ?—теды подданные повѣдали передо мною, вознымъ: «якъ же маемъ орать, коли устаничне на пансчину робымъ и иншия повинности надъ инвентаръ чинимо.» И то, што помененый возный видѣлъ и слышалъ, то признавае; и просилъ, абы тая протестацня и релация его были принята и до инриъ записана,—што, за приязнею моимъ врядовнымъ, есть записано.*

Книга Луцкая вродская, записовая и поточная, годъ 1630, № 2458, мѣста 672.

СXLVII.

Жалоба отъ имени пана Балабана на пана Беневскаго о угнетеніи послѣднимъ крестьянъ въ арендуемомъ имъ имѣніи Балабана, с. Хорошовъ. 1630 г., мѣста 28.

Року тысяча шестьсотъ тридцатого, мѣсяца мая двадцать пятого дня.

*На рочкыахъ судовыхъ, вродскихъ, Луцкихъ, отъ дня двадцать третего мѣсяца мая, въ року звышъ написаномъ врицалыхъ и судовне одправоватъ зачатыхъ, передъ нами, княземъ Павломъ Друцкимъ Любецинымъ, подстаростимъ, а Галишомъ Бронницкимъ, судей, врицннеами судовыми, вродскими, Луцкими, воставившиое отъ висте шляхетный панъ Стефанъ Величевичъ и слуга урожоного его милости пана Даниеля Балабана, именемъ помененого его милости пана своего, сведчилъ и протестовалъ се на урожоного его милость пана Бажилого Беневскаго о то: *нхъ помененый панъ Беневский,**

арендовавши у протестующаго маетность его дедвчную, дворъ и село Хорохоринъ, интерцизою, межи протестующимъ а собою зъ обохъ сторонъ тое аренды учиненою, варовалъ во всемъ водлугъ помененой интерцизы и инвентаря, собе поданого, захвати, то есть: подданныхъ надъ звычай роботами не утяжати, въ подводы надъ повинность не выганяти, въ свята подданными не робити, запустовъ на иншомъ местцу, тылко на томъ, где интерцизою указано, не рубати, во млине на дню, протестующому оставленнымъ, не пересказать и въ жадные се пожитки и вгрунты, собе не належачие, не вдавать, то подъ закладомъ и шкодами, въ той интерцизе выражонными, о чомъ тая интерциза ширей въ собе опеваеть. Которое его милость панъ Беневский препомневши, и на закладъ, въ ней заложонный, ничего не огледаючисе, умыслне чинечи протестующому и подданнымъ его великую кривду и шкоду, розными способами подданныхъ, собе арендовныхъ, утяжаетъ, и маетность пустошитъ, а то есть меновите: подданныхъ до незвычайного орана и роботы примушаетъ; албовемъ, водлугъ инвентаря, польволочни повинни тылко одного тыждня чотыри дни, а другого тыегодня три дни на перемены орати, а помененый его милость панъ Беневский три дни въ каждый тыждень полволочному зъ волами орать, а другие три дни робити тыми-жъ волами, любо пепо робити кажетъ и примушаетъ; а вгдн хлопъ прочъ для незносной кривды идетъ, теда, што бы мель оного шукать, и овшемъ другимъ мовить: »хоть вси идте, я и ввити вамъ дамъ,« — што: все ку шкоде протестующого се чинить; другая: подданныхъ въ подводу, не водлугъ инвентаря, до Люблина албо до Лвова, але есче и въ дальние дороги выганяеть, а выгнавши въ подводу, дома зособна робити кажетъ; третья: въ неделю и въ свята и иншие, которые суть интерцизою варованые, на остатокъ и въ самый день Великой Ночи робити розсказуетъ и примушаетъ; четвертая: подданнымъ албо ихъ жонамъ, надъ стародавний звычай и интерцизу, прясти накидаеть на пасма явиесь незвычайные, которые по два дни, будучи притисненые, прясти мусять, ажъ то тылко за оденъ день приймуеть; пятая: вгрунты церковные, которые отъ давного часу, есче одъ предковъ протестующого се на церковь Божую суть наданые и подъ аренду не подлежатъ, безиправне забравши,

оныхъ заживаетъ; шостая: огороды, которые себе протестующий специifice въ интерцизе вынялъ, упорне на себе поорать и посеати росказавъ; семая: умислене протестующому чинечи шкоду, и хотечи маетность спустошити, не водлугъ инвентара заховуетъ, албовемъ не на томъ мѣстцу, где ему инвентаромъ указали, рубати кажетъ, але въ што найгуштномъ запусте, и которыхъ протестующий интерцизою съ той аренды вынялъ, къ своему заведованю оставилъ,—рубати и спустошити кажетъ; осмая: день поделковый въ каждомъ тыггодню, который протестующий во млине на потребу свою оставилъ и интерцизою варовалъ, теда его милость панъ Беневский не тылко перешкоду чинить, але и мелти забороняетъ, же ажъ протестующий до иншихъ млыновъ молоти на потребу свою посылаетъ, зъ великимъ утяженемъ своимъ; девятая: такъ великими и неznосными кривдами и роботою незвычайною, такъ же битиемъ и мордованемъ подданныхъ, килку арендовныхъ въ року теperпнемъ прочъ одогналъ, которые не могли таковыхъ кривдъ вытерпети, прочъ одойти мусили, а то естъ меновите: Семень Кистеня, Костешенять два браты, также Ивко Ифеникъ, Чекало Остапъ. Чимъ все, яко се поменило, его милость панъ Беневский не тылко интерцизе се своей арендной спротивилъ, але и въ закладъ, въ ней заложный, попалъ и до шкодъ протестующого се приправилъ и приправуетъ; презъ што его милость панъ Балабанъ, маючи кривду и шкоду, а видечи такъ великое спустошене маетности своей, розогнане подданныхъ, таковую протестацию занеслъ, оферуючисе зъ его милостью паномъ Беневскимъ о таковыя кривды и шкоды своей, затымъ и о закладъ перепалый, въ суде належномъ правне чинити. И просилъ помененый панъ Беличевичъ, абы тая протестация, именемъ его милости пана Балабана занесенная, была принята и до книгъ записана,—што, за принятиемъ у суду нынешнего, естъ записана.

Книга Луцкая городская, записовая и поточная, № 2459, годъ 1630, листъ 920.

panu Szymonie Napirskim, panu Janie Nakielskim, w roku tysiąc sześćset trzydziestym pierwszym, miesiąca maja dnia szesnastego spisany. Włoczny: pop, Demid Szpak, Fedko Dmitroszenie, Dacik, Mizko Zabusky, Jarmoł Jasiozenie, Kuzma Chitczenie, Fedor Przyhalica, Szpak Iwan, Soroka Awdziey, Mikita Spak, woyt, Iwan Sawczenie, Prokop Saszko, Iwan Sosnowik, Moysy Jusszenie, Jurko Narywonowicz, Onacko; powinność tych: czynszu piątnego złoty ieden, żyta mace iedne, owsa mac cztery, kapłunow cztery, gęś iedna, kury czynszowe, rostwiane, gruszkowe, jajec jedenaście. Półwłoczni: Jarosz Awdijuk, Tymko Nagurny, Ihnat Wasyczenie, Fedor Owadycz, Sawka Sawczenie, Wasko Arapczuk, Iwan Waskowicz Sawczycz, Iwan Połowczenie, Kudka Haliczenie, Iwan Puzaczienie, Denis Dudka, Omelko Praydatek, Senko Wysozka, Wasko Szpak, Senko y Pawel Kisieliki, Stepan Hri-nieszik, Jakim Szeserhalenie, Misko Mison, Lesko Przyhrebiczenie, Kurib Spiewak, Jarmoł Prystupa, Jasko Nalewayko, Demko Prochowicz, Misko Wiłik, Fedko Seplicky, Martin Drzugamaroż, Iwan Nikiporenie, Jarmoł Hrzycej-kowicz, Demko Bielik, Maxim Sołod, Demko Erud, tiwon, MysakStepan, Łobczenie Klim, Rerys Łobczenie, Hawriło Ouadczenie, Onisko Omel-czenie, Chweś Harasimczenie, Wasko Kudzinezyk, Klim Makarčenja, Paweł Zahareyczenie; powinność tych: czynszu piątnego po groszy piętnastu, żyta po półmacy, owsa po dwie mace, kapłunow po dwa, gęś, składają dwa iedne jajec welikodnych po pięciu, kury czynszowe, rozstwiane, welikodne, gruszkowe. Czetwertnicy: Fedko Boszezenie, Hrić, Skoro-chodicha wdowa, Ulas Szolostyn, Ihnat Kon, Martin Połowczenie, Jarosz Sus-czenie, Andrzej Werhun, Serhey Pobereźnik, Ihnath Boszczenia, Wysocky, Martin Bakowczenie, Michno Szczerbal, Sacz Chortik, Hurin, Senko Bułaka, Marko Seliwonowicz, Zawren Karaban, Wasko Slepjy, Wasko, Linko, Chwa-lina, Chwedko Bielik, gumiannik, Wasko Nikiporenie, Jakim Czobotarewicz, Kirik Krawiec, Mikita Mały, Wereda, mielnik, Kuzma Puzaczenie; powinność tych: czynszu piątnego po groszy półośmu, żyta po czwiercy, owsa po mace jedney, kapłunow po iednemu, gęś powinni oddać czterech iedne, jajec welikodnych po trzy, kury czynszowe, rozdzwiane, welikodne, gruszkowe. Za-gronicy: Fedko Kohordyniec, Pobereźnik, Fedko Łysak, Siemion Szwiec, Iwan Łazaczyn, Ihnatko Narywonowicz, Ostap Prasoł, tiwon, Jarosz Szwiec, Tyszko, Slipey, Paweł Płaksicz, Kondrat Piatka, Panas Korzeniecz, pastuch, swiniarz, Micz Chidrzewiecin, Dmitr Kowal, Jasko Bielik, stadnik, Siemon Kudra, Martin Budz, Nazar Pasiecznik, Piotr Bodnarz, Łukaszycha wdowa, Piszczaycha wdowa, Roman Skoworodka, Misko Ladnisyk, Zawrin Dmitroszenie, Horba-czycha wdowa, Stepan Hulenie, Misko Bazarab, szwec, Sawka Bondareczuk,

Mitko Czobotarenie, Harasim; powinność tych: czynszu pieniężnego po groszy półłósmu, żyta po czwierci, jaiec po trzy, kury czynszowe, rozdwane, wielikodne, gruszkowie. Komornicy: Osacka Korkodiwianka, Prowołoczyczna, Demko Krawczuk, Wowdia Spetrika, Iwan Klebanczuk, Woyciechowa Masztalierowa, Juchim Kwitoczka, Pastuszka wdowa, Jarmoł Wercmczuk, Pilij Nikiporczuk, Karabanowa newistka, pastuszka, Ladnizycha, Prochor Łobczenie, Łuczka Kotek, Klim Rybołow, Bodeyka wdowa, Hawryło Naidun, Błaszko, Jaruszka, Łucia, Hasia Kreselicha, Domacha wdowa, Żynczycz, Utakowski, Misko Horbaczuk, Hasia Medwedycha, Maruszka Korczycha, Jakubicha Saśka, Omelko Kudra, Lesko Lepeyko. Karczma w Radomyszu, w której yzba i z komnatą, z stainią, piwnica, do tej ogrod. Młyn w Radomyszu, jedno koło, który tylko na wiosne mielie. Staw w tymże Radomyszu,—ten niespusny, na wychowanie dworskie zawsze zażywany; włok pustych na Radomyszu piętnaście, s każdej dają po kopie Litewskiej y dzieięcinę. Osiewek w tym folwarku ozimy: żyta wysiano mac torczyńskich dziewięćdziesiąt, przynicy ozimey mac torczyńskich dwadzieścia y dwie; osiewek jarzynny: owsa mac torczyńskich osmdziesiąt, grochu mac torczyńskich trzy, jęczmienia mac torczyńskich piętnaście, pszenice jarey mac torczyńskich półtory, siemienia lnianego maca torczyńska jedna, siemienia konopnego mac torczyńskich półtory, prosa mac torczyńskich półtory; ogrod, jarzyną zasiany, jeden. Budowanie w folwarku Radomyszlskim: naprzód dom, słomo nakryty, w tymże domu sień, z teyże sieni yzdebka, w niej okien trzy, piec zielony, z yzdebki komora chrościana, glino obliepiona; pod komorą lioch dla piwa. W tymże domu piekarniczka mała, podle niey komora s chrostu, glino obliepiona; w podwurzu sernik, podle niego kurnik, glino obliepiony; w tymże podworzu komor dwie chrościanych, trzecia komora glino obliepiona, piwnica, gdzie nabiół chowaią. W tymże folwarku browar zły, do którego kotła niemasz, słodownia, winnica, gdzie gorzałke paliono, do której banie żodney nieoddano, stajnia dla konij chrościana, glino obliepiona, piekarnia dla komornich (sic) s chrostu, glino obliepiona; podle niey: chliwow dwa chrościanych, złych, obora dla bydła y szopa, obora dla owiec y szopa, obora na stado y szopa; w gumnie stodoła s chrostu, barzo zła, szpiechlierz chrościany, stary, szopa dla siana, chrościana; stada, bydła, owiec, swini, także y inszego domowstwa nic a nic nieoddano, tylko sam goły y pusty folwark. Działo się w Radomyszu dnia cztyrnastego miesiąca maia, roku tysiąc szescset trzydziestego pierwszego. У того инвентара при печатехъ подишь рукъ тыхъ словы: Za oczewistą prozbą pana Mikołaja Worotniewskiego, jenerała woiewodstwa Wołyńskiego, isz sam pisać nie umie, przy pieczęcy jego własney,

na miejscu jego podpisuiesie: Krzysztoph Waskowsky; Jan Rosinsky, rękę swą; Sebestian Polakowsky, rękę swą. Который же то инвентарь, за подаемъ и провбою вышменованныхъ особъ, а за приняемъ моимъ урядовымъ, увесь, слово въ слово, до книгъ вгородскихъ, Луцкихъ, есть уписанный.

Книга городская Луцкая, записовая и поточная, 1631 года, № 2144, листъ 737.

СХLIX.

Инвентарь половины с. Шпакова, съ перечисленіемъ крестьянъ и ихъ повинностей. 1631 г., іюня 23 д.

Року тисеча шестсотъ тридцать первого, мѣсяца іюня двадцать третьего дня.

На вряде вгородскомъ, въ замку его королевское милости Луцкомъ, передо мною, Александромъ Малиновскимъ, буреграбимъ и наместникомъ подстароства Луцкого, постановившимъ очевидно урожонный его милость панъ Иванъ Козинъскій—зъ одное, а панъ Станиславъ Колячковичъ—зъ другое стороны, для вписаня до книгъ нинешнихъ, вгородскихъ, Луцкихъ, подали инвентарь списанья маетности половици села Шпакова, съ печатми и подписами рукъ своихъ, о чомъ тотъ инвентарь ширей въ себе маеть; которого во всемъ устнымъ очевиднымъ сознаньемъ своимъ ствердивши и змоцнявши, просили, абы принять и до книгъ уписанъ былъ; а такъ я, врьдъ, для вписаня до книгъ оногъ приймаючи, читалемъ, и такъ се въ себе, писмомъ полскимъ писанный, маеть: »Inwentarz spisania poddanych moich w selie Szpakowie, tak też zasiewku zboża ozimego, pszenicy, żyta, y jarego zasiewku, owsa, jęczmienia, na połowicy pol dwornych sioła Szpakowa. Napierwey zasiwek:—ozimego zboża, żyta, pszenice mac dwadzieścia zasiano na obszarach moich dwornych dwoch, od Hruszwice y za przednim lasem Szpakowskim; owsa mac czternaście zasiano; jęczmienia trzy mace zasiano za okopem bez przedziwa (sic); pola na paranine dwa obszary dworne pod lasem przednim, Szpakowskim; w trzecią rękę pol w Dworowiczach za

Mielnikiem y nad Janiewiczami,—te wszystkie obszary dworne owsem zasiano, oprócz okopu y ostrowa s pasieczyskiem, y pola między rowami na parenine; te pola, obszary dworne, które teraz w tym roku pan Kołaczewicz bierze, w tysiąc szesćset trzydziestym pierwszym (roku) zasiane, powinia będzie przy wyjściu arędy, da Pan Bog, z takim zasiewkiem oddać y utąpić; który zasiewek ma być wcześniej zasiany przy widzu moim zasiewki. Parobka y pastacha mego wolne zostawie w obszarze moim dworczym, za lasem przednim. Poddani włoczne: pierwszy Andrzej Jwaszkowicz na włoce, ma wołow cztery, koni troie; drugi Siemion Morozowicz na włoce, wołow trzy, koni troie; trzeci Julij Hryceykowicz na włoce, koni trzy, wołow troie; czwarta Kirilicha wdowa z synami na włoce, wołow dwa, koni dwoie; piąta Hudrnicha wdowa z synami na włoce, wołow dwa, koń ieden; ci poddani łanowe powinni z włoki co dzień robić koniem, y pieaso ieden, orać powinni po cztery dni z włoki na parenine, na wiosne orać także powinni po cztery dni z włoki, powinien dać z włoki gęś i dwa kapłuny, podwodę z zbożem fur dwie, bądź do Lwowa albo do Buga, we żniwa powinni żąć po dwoie z włoki—w poniedziałek, we środek, y w piątek,—we wtorek, we czwartek y w sobotę—po iednemu, tłuka w sobotę o moim chlebie y piwie. Poddani na połwłocie: pierwszy Biruk na połwłoku, koń i wołow dwa; wtory Misko Worobey na połwłoku; koni dwoie, wołow dwa; trzeci Swita na połwłoku, koń i wołow dwa; czwarty Hrycko Rewczenia na połwłoku, koni dwoie, wołow dwa; piąty Lipski, krawiec, na połwłoku, koni dwoie, wołow dwa; szosty Trochimenia Dudka na połwłoku, koń y woł; siodmy Demidemia na połwłoku, koń y woł; ósmy Jwan Zduchoweic na połwłoku, koń ieden; dziewiąty Jacenia Zduchowicz na połwłoku, koni dwoie, woł; dziesiąty Jwaszko Daszczenia na połwłoku, koń, woł; jedenasty Szemriło na połwłoku, koń, woł; dwanasty Petryk na połwłoku, wołow dwa; trzynasty Przychodko na połwłoku, wołow dwa; czternasty Naum na połwłoku, wołow dwa; piętnasty Iwan Omelczenia na połwłoku, woł; ci poddani połwłoczni po trzy dni w tydzień robić powinni, po iedney furze bo Lwowa albo do Buga raz w rok z zbożem powinni odwieźć; powinni dać ich dwa z włoki gęś y po kapłunu; we żniwa w poniedziałek—po dwa żencow, we wtorek—po iednemu, we szrodek—po dwoie, we czwartek—po iednemu, w sobotę tłuka o moim chlebie y piwie; orać z połwłoki każdy powinien na parenine dni dwa, a na wiosne na owies dwa dni. Młyn na rzece Stuble, klatka,—wktórey dwie kołe mącznych, y w połowicy stawa część na mnie należąca, to iest wszystkiego stawu spólnego Zarzeckiego y Szpakowskim czwarta część, ktorego stawu spust przypada w roku terażniejszym tysiąc szesćset trzydziestym pierwszym, o świętey

Pekrowie, ruskim święcie, a zajęcie tego stawu po spuszczeniu ma być o frzędopodociu; w którym spólnym stawie zostawię sobie wolne łowienie ryb, tak przed spustem, iako y po spuszczeniu, na potrzebę moją dworną; tak też w tym młynie moim, który arendował, wolne mliwo w tych trzech leciech na potrzebę moją dworną; tak też y w dworowickim stawie wolne łowienie ryb na potrzebę moją dworną, y we młynie dworowickim wolne melcie na dworną potrzebę moją; młynarze obydwaj powinni robotę moją dworną robić y odprawować według powinności dawney, co kolwiek potrzeba będzie; ogrody moje dworne wolnie sobie zostawię przy dworze i mieszkaniu moim; spust stawu dworowickiego przypada w roku, da Bog przyszłym, tysiąc sześćset trzydziestym trzecim w Piotrow post, a po spuszczeniu sześć niedziel zajęcie tego stawu, iako pierwey bywało, tak ma być; w dąbrowie, zapusty y lasy pan Kołaczkowski żadnego wstępu nie ma mieć w tych trzech leciech dzierżawy swey tej arendy, y kto by inszy, od pana Kołaczkowskiego trzymał, żaden do zapustow wstępu nie ma mieć. A na tom dał ten mój inwentarz, ręką moją pisany, s pieczęcią y s podpisem ręki moiey, tak też s pieczęcią y s podpisem ręki pana Stanisława Kołaczkowskiego. Pisan w Łucku, roku tysiąc sześćset trzydziestego pierwszego, miesiąca juny dwudziestego trzeciego dnia. Pobory, com ja nie płacił, powinni zapłacić y oddać na święty Siemion—iarmark Łucki, w roku teraznicyszym, tak też y długi moje inne powinni mi płacić. У того инвентара при печатехъ подписъ рукъ тыхъ словы: Іванъ Козинскі, река; Stanisław Kołaczkowski, шапа propria. Который же то инвентаръ, за поданьемъ и очевистымъ признаньемъ вышменованое особы, а за принятиемъ моимъ урядовымъ, увесь, отъ початку ажъ до конца, до книгъ вгородскихъ, Луцкихъ, есть уписанъ.

Книга Луцкая вродская, записовая и поточная, 1631 года, № 2144, листъ 927 на оборотъ.

CL.

Ивентарь с. Богурина, съ перечисленіемъ крестьянъ и ихъ повинностей. 1631 г., июля 1.

Року тисеча шестсотъ тридцать первого, месеца июля девятого дня.

На вряде вгородскомъ, въ замку его королевское милости Луцкомъ, передо мною, Костантиномъ Хорошомъ, будучимъ на тотъ

часть наместникомъ подстароста Луцкого, и книгами нынешними, вгородскими, Луцкими, постановившись очевидно урожонные ихъ милость, панъ Войтехъ Рогуский и пани Катарина Каршницкого Рогуцкая, малжонкове—зъ одное, а ее милость пани Анъна Ярошева Станишевская и панъ Станиславъ Хлебовъскій—зъ другое стороны, для вписаня до книгъ нынешнихъ, вгородскихъ, Луцкихъ, подаи инвентаръ списаня маетности села Богурина и зъ приселками и зо всеми принадлежностями, съ печатми и съ подписами рукъ своихъ, о чомъ тотъ инвентаръ ширей въ себе маеть; которого во всемъ очевидно, устнымъ и добровольнымъ признаньемъ своимъ зъ обохъ сторонъ ствердивши и змоцнивши, просили, абы принять и до книгъ уписанъ былъ. А такъ я, врядъ, оного для вписаня до книгъ примуючи, читаемъ, и такъ въ себе, писмомъ полскимъ писаннымъ, маеть:

»Inwentarz majątności Bohurzynskiej, ze wszystkimi przynależnościami, na części jego mości pana Woyciecha Roguskiego, woyskiego Latyczowskiego, należący, przez pomienionego jego mości pana woyskiego ich mościom paniey Annie Staniszowskiej i Stanisławowi Chlebowskemu w roku terazniejszym, tysiąc szesćset trzydziestym pierwszym, dnia pierwszego miesiąca lipca, arędowany. Naprzod: zamek, w któym zamku brama pobita dobrze porządnie, zupełnie, wał zupełny nie naruszony, parkan nowy, budowanie dwoie,—w pierwszym budowaniu: swietlica porządna z alkirzem y s kownatą porządną, zamkami, zaszczepkami, zupełnemi oknami, z obiciem sukiennym, z piecem dobrym y z kominem murowanym, z krato, z ławami około yzby, żydlami ze dwoma wielkimi, a z trzecim małym, stołami dwiema; znowu swietlic cztery, oprócz tey, porządnych, z oknami z ławami, stołami, z piecami porządnie oddane, ganek, przed pierszą swietlicą będący, stajnia, łaznia y kuchnia—tak że porządnie, baszta druga za stajnią, nowo zbudowana, porządna, szpichlirz, syrnik y komora; pod nim ogrodek ogrodzony pod swietlicą y ziołami, piwnic dwie, trzecia na jarzynie na przygrodku, parkan od wrot aż do szańcu, ostrog z drugiey strony wrot aż do pastewnika, ostrogiem ogrodzony od szańcu, częstokoł aż do gumna; na tym przygrodku stania lisą zapleciona, poszyta słomą; browar s kotłem dobrym nienaruszonym, miedzianym, wielkim, y s korytem, y s kadziami dwiema, y s przykadkami dwiema gorzałczanemi; słodownia s korytem y s piecem zo zdebnym; u tego browaru skobel żelazny; ku gumnowi idąc, chliwow dwa, kłunia krzyżowa, ze czworgiem wroty, u iednych skobel żelazny, a drugie sie zewnątrz zamykaią; wozownia y plewnik; ogrody ogrodzone dobrze,

zasiane, dwa,-- obadwa na przygodku a trzeci zgotowany na rzepe. Poddani tej maiećności, naprzod włóczni: Nester, pługiem swym orze; Kuzmenia, pługiem swym orze; Rudyka, pługiem swym orze. Powinność włocznych: podwodę do Kazimierza raz, albo do Buga --dwa razy—na woli pańskiej będzie, po pięć czwirci mają brać Torczyńskiej miary na woz; co dzień robić tak ziemie jako y lecie powinni; kapłunow po dwa dawać, a po czwirci chmielu, po dwoie kur, to jest na Wielkanoc kure a na Boże Narodzenie kure. Półwłóczni: Chmara Lewosz, Makar Szamunka, Jwaszko Lesniczy,—ten tylko orać powinien, a w podwodę gdzie drudzy poiadą—daley nic, Andrzej Tonszy, syn Naum, Jasko, pasynek Lewoszew, Grześ Szamunka, Olexy Kula, Onisko Goy, Kostiuk, Lawrysz Denisowicz, Deszko Wegera, Huryn, Jwan Denisowicz, Hryńczuk Winnik, Piotr, Jacko, Hasanow zięć, Lysy, Towsty, Misko Lobko, Mikołaj, Ciesczyn syn, Jusko Bedrey, Pilipenia, Marcinko, Omelan. Powinność tych półwłocznych: mają dawać po kapłunowi y po ósmace chmielu, powinni robić po trzy dni. a czwarty dzień tłuکی, lecie podwoda do Kasimierza iedne w rok, albo do Buga dwie,—których półwłocznych y włocznych podwod ma być trzydzieści pomieniono; a co nalepszych koni, powinien wybierać tak z włocznych, jako y z półwłocznych, a drudzy słabszy powinni sie doma zostawować; Kotek półwłoczny powinien robić dwa dni a trzeci dzień tłuке; Serhiy powinien dwa dni a trzecią tłuке; Semen Krzysztofh po dwa dni, a trzecią tłuке; Szamuńkow syn,—ten powinien dwa dni robić aż od Wielkiej Nocy, a teraz jeden dzień, poki żniwa, a drugi na tłuке,—od podatkow wolen aż do Wielkiej Nocy; Dziedziurka, Borszczewsky—ci po dwa dni, a trzeci dzień tłuکی. Co po dniu robią: Hubarycha—dzień a lecie dwa dni, Daniło —dzień, tak że Moysiey—dzień, Lewon—dzień, Hawryło—dzień,—ci wszyscy powinni po dniu robić a trzeci dzień lecie na tłuке, a podatkow żadnych nie powinni; Paweł na woli, boiarzyn, nie powinien, iedno na mil cztery, kiedy konia ma, y piechotę za mile, jednakże na tłuке dzień powinien posłać. Rzemieśnicy: kowal za chlebem y węglem pańskim powinien darmo do dwora robić, Kalitka tak że za chlebem y za dratwami y na dziegeć dawszy mu, za robotę nie płacić Kary, szweć, tak że, za wszystkim pańskim, powinien darmo robić do dwora. Szlachta: Karmański, Grzegorzowski, Kaczanowski, Krasowski—od wszelakich podatkow y roboczyzny wolni, a przy wszystkich polach y sianożęciach zostawać mają. Krasowski lasow powinien pilnować, a od wszystkich robot wolny, to jest Kozinszczyzny lasu ma pilnować, żeby nierąbano; Kaczanowski—od Hlinek powinien, żeby nie rąbano, a gdy potrzeba będzie—ten powinien y z listem iachać na Podole; Stanisławowa Wola: ci wszyscy powinni, oprócz Koczanowskiego, na zażyńki, na zakosky,

na obkosy y na obżytki powinni; podatków żadnych, a ni robot, a ni podwód nie powinni odprawować. Jch mości panowie arządarze też pola powinni zasiać: pierszy naprzód na Podliskach łąn, pszenicą zasiany; drugi łąn od Babina, w spuścizynie, żytem zasiano; trzeci na od kopców, łąn, żytem zasiany; czwarta włoka w Kozinszczyźnie, żytem zasiana; piąty łąn w Kozinszczyźnie, pszenicą zasiano; szesty łąn na Panasowszczyźnie, żytem zasiano; siódma włoka na Kozinszczyźnie, co Żarski trzymał, żytem zasiano; ósme dwa łąnki na Hasanowszczyźnie, pszenicą zasiano; dziewiąty, co zasiano wedle Ratay, łąn; dziesiąty znowu na Hasanowszczyźnie na iedney niwie, pszenicą zasiano; jedenasty znowu na Hasanowszczyźnie—łąn, żytem zasiano; dwunasty łąn na Hasanowszczyźnie, żytem zasiano; przeieżdżając do pareniny, trzynasty łąn wielki u Gruszki, żytem zasiano; czternasta na Baszynie, na Opanasowszczyźnie—niwa, żytem zasiana; piętnasty na Kudrawy—łąn, żytem zasiano, włoce Koziańskiego; szesnasty na Szamuńkowej niwie, posiano żytem; siedemnasta na Opanasowszczyźnie, zasiano żytem; ósmnasty na Baszynie łąn wielki, żytem zasiano; dziewiętnasty pod Kipczem—zascianek, pszenicą zasiano. Pola od bieskie, naprzód: w Kreczczyszczach, Hasanowskie dwa łąny; znowu wedle tych że Hasanowskich łąnow cztery; Jaroszowa—łąn jeden; Hasanowsky znowu łąn wielki; między drogami Hasanowsky u kurhana łąn wielki Hasanowsky, pustowsky; y k stowpu idąc, łąn wielki Hasanowsky; wedle tegoż, w tym że mlyseu, Hasanowskich łąnow dwa; włoka za stawem Manasowska do dwora należy. Registr jarzyny: naprzód obszar w Hatyszcz, owsem zasiano na tym że y igczmieniem pospołu posiano; na Hasanowszczyźnie, wedle tego łąnu, owsem posiano; znowu wedle tegoż łąnu, hreczko zasiano; ta, pode wsią, wedle groble, owsem zasiano; hreczki posiano łąnow trzy, za gurą, pode wsią, prosa włukę w dąbrowie posiano, obszary w paraniņa, obszar od grobli wielki; z nowuż, wedle tego, u nowy grobli, łąn wielki; wedle tych że łąnow — w Kreczczyszczach łąn wielki; znowu, wedle tych że łąnow, ku głębokiey dolinie, łąn; pleso u kurhana wielkie; pleso na kropiwie do dwora należy; łąn nad Czarnołożo dworny; łąn, co chłopi Dorohobuscy posiali, mają żać teraz za pańskimi łąnami; w kącie niwa do dwora należy. Sianożęci dworne: sianożęć do dwora na Kozinszczyźnie, sianożęć na Lysey Gurze—do dwora należy; sianożęć na Hatyszcz—do dwora należy; sianożęć za rzeką, u Kruty Gury, do dwora należy; sianożęć za rzeką, za gajem, do dwora należy; w Ostrowie sianożęć pod Nowostawcami, tam że y łąnek na ostrowni, y niwa — do dwora należy; na Błudecku sianożęć—do dwora należy; na Głębokiey dolinie sianożęć, począwszy od nowy

grobli, sianożęci dworne, aż do krinicy bezedno brzeg, gdzie wola się sadzi, począwszy od Haidukowego ogroda, aż do Demisowiczowey sianożęci; na kurhanie, nad stawem Chocimem, sianożęć wielka dworna; sianożęć Hasanowska na Kudrawey; jeśli by zamiana nie doszła, tedy y za dworem sianożęć wielka, pod dworem pana Hrebtowiczowym, ich mości panowie arędarze też pola powinni arędować; także też y zaprzedać, które są zaprzedane y arendowane y to aż w trzecim roku y dziesięciny dać. Nowin na Kosinszczyźnie nie powinni kopać, tylko na podliskach od granicy Glinieńskijey. Gumno, siane, pola pustowskie,—tedy to wszystko czternaście set złotych położyliśmy ich mościom panem arędarzom aręda, młyny, karczmy, przewuz—złotych pięć set, stawy na każdy rok dwieście złotych, y do tego sadzawka pod dworem; jeziora trzy: Kotowskie, Suprunowskie y Wołczkowskie; podwoda—pułtorasta złotych; a kolejna podwoda niema być na dali, jedno za mił trzy albo cztery; miodu pułbeczek, w którym ma być wiader dwie Ostrowskich, to jest: na wieśnie powinien sobie jego mość wziąć; a jeśliby czego do tych dwóch wiader niedostało, powinniśmy dodać, a ich mości panowie arędarze powinni mieć swego bartnika, y co osadzi w barciach, powinien tego używać a do tych dawnych barciach ich mości nie nalięzą bo śmy to sobie wolno zostawili. Stróżowszczyzny złotych dwadzieścia chłopci powinni dawać na każdy rok, na tłukę powinni przez zime trzy razy prząć; orać powinni wszystkimi pługami na parne dni dziesięć, a na wiosnę ośm, a na ziobli pięć dni powinni; na panszczyzne tak chodzić jako u pana Hrebtowicza; jezior kilka spolnych, którą wolno będzie ich mościom łowić, y ~~raczyć~~—spólnie s panem Hrebtowiczem. Folwark na podliskach, gdzie było bywało, naprzud: piekarnia, z sień piekarnia, komora rębiona, piwnica, kłunia, chlewy, ogrody, obory, dobrze ogrodzone, y ogrod dobrze zasiany. W Bohurynie na ogrodzie cybule grzęda sadzoney, marchwi grząd dziewięć, pasternaku grząd sześć, cwikły grząd dwie, cybule grzęda siane, kapusty grząd ośm; na drugim ogrodzie pozniejszy jarzyny: cybule grząd siedm siane a marchwie cztery, pasternaku cztery, kapuste dwanaście, pietruszky siane grzęda, cwikły grzęda. Na tym że ogrodzie grzędok sześć ogurków, pastewnik w koło, porządnie ogrodzony, aż do młyna; w tym że młynie dwa kamienie y stępy y folusz,—młyn porządnie pobity, y skrzyniami wymiarnemi y spytłowiami. Na Komatkowia karczma, swietlica s kownato, piwnica, sień dobrze ogrodzona z żłobem y z drabino; młyn drygi na Chociniu, w którym kamień jeden a stępy, powinien naprawić mielnik; karczma na goscincu od Ostroga pobita o dwóch wirzachach y z rynami nowemi, swietlica z oknami, stołami, z ławami y s kownatą, s piecem y s piwnicą, z żłobami, z drabinami,—obiedwie karczmy

porządnie oddane ze wszystkim, tak że też y groble porządnie oddane trzy, y dobrze obwarowane, beczek wielkich siedm, pułbeczkow mniejszych siedm, ostrowek znowu siedm, baryl trzy, beczek o jednim dnie cztery, probnic wynicych trzy, kapusnych beczek ośm, kadłubow dwa, dziezczka dębowa, cebrow trzy, liiek trzy, koryto wielkie na wieprze, konwy na wodę trzy, beczek, co na ssypanie sboża, dwie, bednia jedna. U Juska w karczmie: beczek dwie, czwerci dwie y ośmaka, co niemi mierzą, kociel wielki, drabina do komina wielka, łuzek dwie, zydłów bez poręczow dwa; w spiżarnie zasięgow cztery y żłob, schody na gure, skrzynia na ryby, czołnow dwa, skrzynka sieczkowa, u sieczkowej skrzynki y stalnica; w pierwszy bramie w zwysz mianowany zwod w bramie z łancuchami dwoma y z hakami y s powrozami. W bramie działo spiżowe okowane; na stakiecie orkanki czworo; w drugiey brami zwod ku pastownikowi. U kazdego chłopu kobyła, y powinien mieć po dwa funty prochu, pod winą nie powinni nigdzie uciekać, jedno do dwora strzeć, (uchowaj) Boże nieprzyjaciela, koždy dziesiątnik swoim dziesiątkiem (sic), bęben haiduczy. У того инвентара при печатехъ подписъ рукъ тыми словы: Woyciech Rogusky, woysky Łatyczowsky; Katarzyna Roguska; Stanisław Chlebowsky imieniem swym y paniey matki swey, jey mości paniey Anny Staniszowskiey. Который же то инвентаръ, за поданемъ и очевиднымъ признанемъ вышъ менованыхъ особъ, а за принятемъ моимъ урядовымъ, увесь, съ початку ажъ до конца, до книгъ вгородскихъ, Луцкихъ, есть уписанъ.

Книга Луцкая городская, записовая и поточная, № 2144, годъ 1631, листъ 1019.

СЛІ.

Жалованная грамота короля Сигизмунда III скарбовому писарю Филону-Петру Мировицкому на два пустые городища надъ р. Ворсклюю. 1632 г., февраля 16.

Року тисеча шестсотъ тридцать третего, месеца марца дванадцатого дня.

На вряде вгородскомъ, въ замку его королевское милости Володимерскомъ, передо мною, Андреемъ Мисевскимъ, буреграбимъ зам-

ку Володимерского, и книгами нынешними вгородскими, старостинскими, становши очевидно шляхетный панъ Бартошъ Павловский, листъ привлекъ отъ светое памяти Жигимонта третего, зъ ласки Божое короля Польского, урожоному пану Филонови Петрови Мировицкому, писарови своему скарбовому, подъ датою въ месте Варшаве дня шестнадцатого месеца лютого, року прошлого, тисеча шестсотъ тридцать второго, написанный и даный, именемъ урожоного его милости пана Теодора Мировицкого для вписаня до книгъ нынешнихъ, вгородскихъ, Володимерскихъ, перь облятамъ подалъ, такъ се въ себе мающій:

»Żygmont trzeci, z łaski Bożey król Polski, wielkie xięże Litewskie, Ruske, Pruskie, Mazowieckie, Żmudzkie, Inflanskie, Szwedski, Gotski, Wandalski, dziedziczny król. Oznaymuemy tym listem naszym wszem wobec y każdemu zosobna, komu to wiedzieć należy, iż my, mając wzgląd y miłościwie baczenie na zasługi szlachetnego Phiłona Piotra Mirowickiego, pisarza naszego skarbowego, które nam y rzeczy pospolitey od wielu lat nieprzestając służyć wiernie y zyczliwie, y do tąd dalszych czynić nie ustawa, onemu y potomkom jego własnym pewne dobra nasze to iest Horodyszczą pustą, dwoie, Hlinską u Bielską nazwane, wyżej Połtawy, nad rzeką Worsklem podle mogiły y Skorobora nazwaney, za rzeką Pszłem, na Ukrainie, w woiewodztwie Kiowskiem leżące, przychilając do constitutietey, w tey mierze uchwaloney, prawom dziedzicznym dać umysliliśmy, iakoż ninieyszym listem z łaski naszej daiemy y konferuiemy. Które to dobra wzwysz pomienione szlachetny Piotr Mirowicky ze wszystkimi gruntami, polami, łąkami, sianożęciami, borami, lasami, pasiekami, rzekami, ieziorami, stawami, młynami, karczmamy, ze wszystkimi innemi przynależnościami, które się, iedno w granicach swych zawieraią, w possessje y wżywanie swoje obiąwszy, wolno mu ich będzie de eruda radice osadzać, iakoż sioła, folwarki y siołka poddanemi zasadzać y wszelakie pożytki, kturę jedno przemysłem jego wymyślione być mogą, wyiowsy iednak saletry y towary lesne, które tam bez osobliwego pozwolenia naszego robione być nie mogą; których dobr pomienionemu Piotrowi Mirowickiemu wolno będzie, iako swoich własnych, prawem dziedzicznym s potomkami jego wiecznemi czasy zażywać, dać, darować, frymarczyć y wszelakie pożytki, według podobania swego, w nich sobie przywodzić, żadnych nam z tąd y rzeczy pospolitey powinności nie odprawuiąc, oprócz takich, jakim ludzie szlacheccy, dobra za takim prawem trzymaiący, podlegaią, prawa naszego, rzeczy pospolitey y kościoła katholicckiego wcale iednak zachowuiąc. Na co, dla lepszey pewności, ręką naszą ten list podpisuiemy, y pieczęć ko-

ronno przycisnąć rozkazaliśmy. Pisan w Warszawie dnia szesnastego miesiąca lutego, roku pańskiego tysiąc sześćseth trzydziestego wtorego, panowania krulestw naszych—Polskiego czterdziestego piątego, Szwedzkiego trzydziestego ósmego roku. У того привилею печать коронная большое канцелярии притисненная, а подпись руки святое памяти найяснейшого короля его милости Жикгимонта и писарское теми словы: Sigismundus rex; Lukasz Zdroiewski. А тавь я, бурьграбя, тотъ привилей, за подаемъ и прозбою вышъ менованого подавающого принявши, съ початеу увесь ажъ до конца, такъ яко се въ себе маеть, написанный и поданный естъ, до книгъ пинешнихъ, вгородскихъ, Володимерскихъ, самый оригиналь его милости пану Петрови Мировицькому, яко его милости власне належачий, выдати росказавши, уписати есми каваль,—и естъ уписанъ.

Книга Владимирская городская, записовая, поточная и декретовая, № 1000, годъ 1633, листъ 182 на оборотъ.

СЛІІ.

Инвентарь имѣній Владимирско-Берестейской епископии, съ перечисленіемъ крестьянъ и ихъ повинностей. 1633 г., марта 30.

Рову тысяча шестсотъ тридцать третьего, месеца апрѣля второго дня.

На вряде вгородскомъ, въ замку его королевское милости Володимерскомъ, передо мною, Андреемъ Мисевскимъ, бурьграбимъ замку Володимерского, и енигами нынешними, вгородскими, старостинскими, стажовими очевисто шляхетные панове: Самуель Яеликовъский, Григорей Завалский и Криштофъ Метелский, возный, подали инвентарь маестностей невныхъ, одъ высече велебного въ Христуе его милости отца Иосифа Мокосля Бажовецкого, Епископа Володимерского и Берестейского и капитули тобе

жъ церкви соборное Володимерское, яснеосвещеному внемати его милости Юреви зъ Острога на Жаслави Жаславскому способомъ арендовнымъ, подъ датю въ селе Петиднахъ, року теперь идучого, вышей на акте менованого, месеца марца тридцатого дня написаный, для вписаня до книгъ нынешнихъ, вгородскихъ, Володимерскихъ, такъ се въ себе мающий: »Inwentarz maiętności pewnych od wielobnego w panu Chrystusie jego mości оуца episkopa Włodzimierskiego y Beresteyskiego y kapituły Włodzimierskiy xięzenciu jego mości Jerzemu z Ostroga na Żasławie Żasławskiemu sposobem arendownym ustąpionych. Na przod Piatidny; w tych Piatidnach: dwor, za którego xięże jegomość urodzonemu panu Stephanowi Mikołajowskiemu, który tam był possessorem zapłacił; do tego dworu wiezdżaiąc wrota starcie na biegunach, w tych wrotach fortka z zaszczepką, u tych wrot zamek drzewniany; po prawey stronie chliw, podlie tego chliwa drugi chliw; w budowanie dworne wchodząc drzwi sienne na zawiasach, w tych sieniach dwie okna bez błon, w sieniach ława; swietlica—w tey swietlicy drzwi na zawiasach s kłamką y z zaszczepką, okien trzy szklannych w оłów робione, piec z kaflów zielonych, зły, s kōminkem марowanym, w tey izbie ławy około y stoł z skrzynką, podle pieca komora, drzwi na zawiasach z zamkiem wnątrznym; s tey komory komorka potrzebna,—drzwi na zawiasach z zaszczepkami y kłamkami; u tey że komorze znowu komora,—drzwi na biegunach z zaszczepką; s tey komory snowu drzwi do sieny na biegunach z zaszczepką y przyboiem; w komorze okna szklanne w оłów uprawione; s tey же komory alkirz, w którym drzwi na zawiasach z zaszczepkami, kłamkami, przyboiami, y okien dwie szklannych, w оłów uprawionych; z tey бiałей izby, ydąc ku ogrodowi, drzwi на biegunach, podle tych drugie drzwi на zawiasach z zaszczepką y przyboiem; piekarnia зła, drzwi на zawiasach, okien чтыри bez błon; podle tey piekarni w sieniach komora, drzwi на zawiasach s przyboiem y zaszczepką; w piekarni stoł y ław trzy; на podwórze syrnik s komorą, pod nim będącą; komora za syrnikiem,—drzwi на zawiasach z zamkiem wnątrznym; chliw на swinie; chliw на геси; chliw на owce; chliw на cełęta; stainia, obora, szplichlirz, drzwi на biegunach z zaszczepką y przyboiem; podle obory siennik; за oborą, u bok po lewey stroni, stadnica, do gumna wrota starcie на biegunach,—te chliwy wsziatkie y płoty koło dwora y ogrodow z chrostu; stodoła drzewniana; u niey wrot двоie на biegunach; szopa dla złożenia źboza y schowania słomy, lisiana; wrota s tey szopy на polie starcie на biegunach; на podwórzу piwnica,—do niey drzwi на zawiasach; tam же, на podwórzу,

loch. W tej wsi Piatedniach młyn jeden drzewniany, u niego koł trzy, ale pustnie od roku, y teraz nie miele dla złej grobli y zerwania iey, młynarzow dwa, obadwa Mikołaje, miarka im trzecia y trzeci grosz kosztu do naprawowania młyna y groblie ich mielnicky, a pańskich dwa grosza; powinność tych młynarzow: piechotą, siekirą do budowania, więcy nic. Poddani w tej wsi Piatedniach, mianowicie: Hrić Chomenia, Sienko Jaroszenia, Sienko Chomienia, Kuc Chomienia, Łukasz Zaško, pastuch Kirik, Polikar, Wasko, Iwan bartnik, Dobysz szwiec,—w tych wszistkich poddanych pługow dwa. Chripalicze, — poddani w Chripaliczach: Malosz Huscza, Jasko Tedorowicz, Kornily Żukowicz, boiarzyn, Iwan Zasiadko, Iwan, Klimko, Jesko Nizky, boiarzyn, Wasko Łazkowicz, Jesko, syn Waska, boiarzyn, Iwan Hańczenia, Andruszko Sacewica, Hrić Hańczenia, Wasko Nizky, Fedko Burda, Stecko Kudin, Abram, mielnik; w młynie Chripalickim koł dwie, groblia bardzo zła; temu mielnikowi trzecia miarka; powinność—jako inszy. U poddanych Chripalickich pługow dwa; a boiarowe z listami, gdzie im każą, powinni iechać. Wieś Mikulicze; poddani w tej wsi: Dmiter Piszczymuka z bratem, Hawryło Pikalena, Kondrat Kutifenie, Hrić Pastuszek, Dacko Baran, Iwan Łutik, Andruszko Mielech, Jasko Czykiłda, Oleszko Ostapenia, Iwan Osienia, Melech Ostap, Łewko Jowtuszek, Iwan Dubinka, Zińko Pachocky, Hrić Piszczymuka, Iwan Kozarin. W ty wsi pługow cztyri y wołów dwa zostaiąc sie. Powinność tych poddanych: z włoki cały—dni pięć, poniedziałek im wolny robić, czynszu złoty, owsa dwa korca miary włodzimierskiej, kapłunow dwa, iaiec pułkopy. Połowczni: owsa korzec, kapłun ieden, groszy piętnaście, iaiec piętnaście, roboty połowica, jako włoczni pelnio; we żniwa włoczni po dwoie pięć dni, półwłoczni po iednemu trzy dni; tłuca w koždy tydzień w żadny wsi; karczmy niemasz,—u chłopow szynkuie. Olszanka; na tej Olszance żadnego chłopu niemasz, a ni młynarza, y młyn bardzo zły, pustnie,—trzeba naprawy. Młyn Weresowsky, w który Weresowce młynarzow tylko dwa, a poddanego żadnego niemasz do roboty; młynow dwa na Białych Brzegach,—kol cztyri do mielcia zboża, piąte stempe, młynarz tylko sam; żadnego poddanego niemasz do roboty; powinność tych młynarzow jako y w Petedniach, miarka trzecia jemu; pustych włok w Mikuliczach pułjednaści;—kożda włoka na wiosne po dwa złote, oprócz sianozęci. We wsi Chripaliczach pustych włok cztyri, po temuż na wiosne ich przedaią, jako y w Mikuliczach; na parenine te włoki przedaią po złotych cztyri, oprócz sianozęci y dziesiąta kopa tak iarego sboża, jako y ozimego,—te przedaie Piła, powicz Mikulinsky. Który inwentarz tych maiętności, wyżey mianowanych, za pozwoleniem y zapisem oczewisto w grodzie Włodzimirskim przez jego

mość oycа еpіскопа Włodzimіrskiego у капітулы его мо́щи зezнаным, my, niżej mіanowane о́собы, przy woznym jenerale woiewodztwa Wołyńskiego, od urzędu grodzkiego, Włodzimіrskiego, oczewіsto przydanym, szlachetnym Krzysztofіe Mіetelskim porządnie śpіsawszy onego, przy possessей, do xiąg grodzkich Włodzimіrskich przy possessyj w te maіętnoścі добrowolnie xięciem jego мо́щи позволіoney, podalísmі. Działo się w dworzу Pіatedeńskim, roku Panskіego, tysiąg szescset trzydziestego trzeciego, mіesiąca marca trzydziestego dnia, y ten inwentarz rękoma śwemi własnemi podpisawszy, zapечętowalísmу. У того инвентару печатей притисненихъ три, а подпись рукъ тыми словы: Samuel Jaslikowsky, manu propria; Hrehory z Boryzowa Zawalsky, ręką moiey podpisuіe; Krzysztof Mіetelsky, wozny, jenerał woiewodztwa Wołyńskiego. А такъ я, бургрэбѧ, тотъ инвентарь, за подаемъ и прозбою вышъменованыхъ подаваючихъ прінявши, съ початку увесъ ажъ до конца, такъ якъ се въ себе маеть написанный и поданный, есть до книгъ нинешнихъ вгродскихъ, Володимерскихъ, самый ориналъ его тымъ же подаваючимъ выдати росказавши, уписати есмі казаль, — и есть уписанъ.

Книга Владимірская гродская, записовая, поточная и декретовая, № 1000, годъ 1633, листъ 289

СЛШ.

Жалоба отъ имени пана Іеронима Харлезскаго на пана Михаила Ливевскаго о томъ, что онъ, арендовавъ у жалобцика имѣніе Бужаны, оное, во время аренды, розорилъ, притѣснилъ крестьянъ и присвоилъ ихъ имущество, вслѣдствіе чего одни изъ крестьянъ совершенно обѣднѣли, а другіе разошлись прочь. Жалоба подтверждается свидѣтельствомъ возныхъ. 1633 г., іюля 23 дня.

Року тисеча шестсотъ тридцать третего, месеца іюля двадцать третего о дня

До уряду и автъ нинешнихъ вгродскихъ, Луцкихъ, до мене Андрея Хоецького, наместника подстароства Луцкого, прішедши

персоналитеръ шляхетный панъ Янъ Хроновскій, слуга его милости пана Гieronима Харлевского зъ Харлежа, Луцького, Калевского старосты, именемъ того жъ его милости пана своего на противку уроженому его милости пану Михайлови Линевскому сведчить и протестовался о то: изъ помененый панъ Михайль Линевскій, арендовавши отъ его милости пана старосты Луцького добра Бужаны зъ дворомъ, зъ будованемъ, зъ фольваркомъ, зъ бограми и поданными всеми, засевами озимыми и ярми, зъ млынами, ставами, пасеками, лесами и во всеми принадлежностями, до Бужанъ належащими, и съ пожитками до троухъ летъ, по себе не розделне идучихъ, то есть отъ дня и свята святое Марие Магдалены въ року прошломъ, тисеча шестсотъ тридцатомъ, до такового дня и свята въ року теперешнемъ, тисеча шестсотъ тридцать третемъ, близеу пришлого, записалъ се, изъ, по выстю аренды, то все, съ чимъ одно колвекъ обнялъ, подать и уступити мялъ,—о чомъ ширей интерциза тое аренды и инвентаръ, который до интерцизы, а интерциза до инвентара стягаются—въ себе опевають; второе интерцизы и инвентара помененый панъ Линевскій припомневши, и ни чого на закладъ въ той интерцизе менованный, не дбаючи, тое маестности Бужанское, яко быль повиненъ, протестующому слуге его милости пана старосты Луцького на тое отъ его милости зъ возными, нижеименованными, и шляхтою, восланому, оддать не хотель, яко жъ не оддалъ и жадныхъ речей, на инвентару списаныхъ, рукою пана Линевского подписанными, а ни тыхъ, которые надъ инвентаръ при пану Линевскому были востали, оддать и указать не хотель, а ни обойзрити, што есть ведлугъ инвентара а чого не маеть,—не допустилъ и заборонилъ, яко двора, будованя, дерева, въ дворе зложеного, готового, и што колвекъ въ дворе было пасекъ, пчоль, ставовъ, лесовъ и всихъ речей, въ инвентару описаныхъ, и громады зобратъ не допустилъ, и овшемъ удорна заборонилъ, хотячи и усилюючи, абы презъ тое панъ протестующого не доведася о шводахъ, которые въ той маестности панъ Линевскій за державы своее починилъ, а меновите: изъ ставы, частью презъ выловене варунковъ, интерцизою охороненыхъ, частью презъ спусчене надъ звычай воды въ ставе середнемъ на зиму, а за тымъ презъ выморожене и выморожене рыбъ поустоинилъ, вышшого ставу не занялъ; лесовъ,

надъ описане инвентаризую уживалъ и на сторону приходамъ и хлопкомъ общимъ, меновите: дубы великие на будоване и березы и иные деревья, розными часы роздаючи, понустишилъ; дерево, которое на стаино и млинь готовое въ млину было оставленное, не ведать где поделъ, подданныхъ бытемъ, вытеганемъ необычайныхъ работъ и фуражи надъ инвентаръ, тамъ же и розными анегариями розогналъ, и што колвекъ по нихъ zostало, на себе обернулъ; а меновите: першого Грицька Дятъка, боярина, по которомъ одештю вялъ волоку и придатомъ поля, житомъ засеяное, и жита нажатъ копъ сто, овней двое старыхъ, которые стоять по золотыхъ три; другою Павла Бенгея, по которомъ жита его польволоки съ придаткомъ вялъ, где копъ тридцать жита на себе нажалъ; третьего Ивана шурина, albo инвагра Богачового, по которомъ жита его польволоки и чертъ волоки засеяно вялъ, и того жита копъ чотырдесять нажалъ; четвертого Оношка Белобродика зъ зятемъ, по которыхъ zostало жита ихъ польволоки, на которомъ копъ тридцать и две нажалъ, и яловину, которая стояла золотыхъ десять; пятого Остафа Гречена albo Гречена, по которомъ жита его польволоки вялъ и того копъ двадцать и девять нажалъ; шостого Андрея Калиту зъ сынами двома, по которомъ жита его польволоки вялъ и нажалъ копъ двадцать шесть; семого Феска Калите; осмого Андрея Ванчева, по которомъ жита его, на третьей части волоки засеяного, вялъ, и того жита копъ двадцать нажалъ; девятого Галазу Гаврилу зъ сыномъ, по которомъ жита его, на черти волоки засеяного, вялъ, и того жита нажалъ копъ пятнадцать; десятого Васка Рабьчена, по которомъ жита польволоки засеяного вялъ, и того жита нажалъ копъ тридцать; оденадцатого Пархома Рабьчена, по которомъ жита вялъ, польволоки засеяного и того жита нажалъ копъ двадцать и пять; дванадцатого Левна Рабьчена, по которомъ zostало жита польволоки вялъ и того жита нажалъ копъ двадцать семь; тринадцатого Тинна Тригуба, по которомъ жита zostало, чертъ волоки засеяное, вялъ, и того жита нажалъ копъ чотырнадцать; чотырнадцатого Петра Юненена, по которомъ жита zostало, чертъ волоки засеяное, вялъ и того жита нажалъ копъ пятнадцать; пятнадцатого Стецьва Гупала, по которомъ zostало чертъ волоки, житомъ засеяное, — того жита

нажавъ копь осмнадцать; шестнадцатого Ивана Потасина, по которомъ осталось четверть волоки, жита готового, нажалъ копь тринадцать; семнадцатого Кондрата Дахнена, по которомъ осталось четверть волоки, жито засеяное, того жита нажавши копь пятнадцать, взявъ, и овецъ чотыри, вождая стояла по золотыхъ полътрета; осмнадцатого вятя Дацъвового, Андрея Сушка, который по смерти тестя своего на его мѣстѣ на польволочку седель, у того готового жита намолотилъ маць десять, а засеяного польволоки взявъ, на которомъ вжалъ копь тридцать; девятнадцатого Игната Михнина; двадцатого Фесеа Шинкара; двадцатого першого Тишка Бондара; двадцать второго Тимоша Бенчива; двадцать третьего Яцъка; двадцать четвертого Жуцька; двадцать пятого Илька Яценя; двадцать шестого Кирька; двадцать сегого Лавърина а двадцать осмого Харка,—тыхъ усихъ прочъ розогналъ великими кривдами; а другихъ обрутне зубожилъ же дома свое опустивши,—одны служити и наймучись за паробъки, а другие въ суседахъ мешкать мусать. До того халушь нустыхъ до десети внесено въ нивечъ, другимъ шкоды починилъ и оныхъ покривдилъ; а меновите, которыхъ се шкоды на тотъ часъ доведать могли: у дачъка Стефана коня сивого за пятьдесятъ и чотыри золотыхъ, зъ седломъ за семь золотыхъ, съ пистолетомъ за шесть золотыхъ, зъ уздечкою, за золотый купленую, презъ челядника своего, Жележовского, взявъ и пограбилъ, за што му толко самъ панъ Линевский тридцать золотыхъ за певный долгъ дефалговалъ; у Потя съ поля Ласковсчизны безъ причины жито побралъ, съ которого вымолотилъ маць дванадцать,—а маца жита на той часъ по осми золотыхъ продавана была; у Ласчика жита копь пятнадцать взявъ; у Феска сына съ Корчанинового жита копь пять; у Юзефа вола кормного, за тридцать два золотыхъ купленого, взявъ, пограбилъ и забилъ, и коня за шестдесать золотыхъ купленого; иншихъ кривдъ, и другимъ подданнымъ починеныхъ, изъ панъ Линевский заборонилъ подданнымъ до протестующого ходити, списати не могъ. О которыхъ однакъ протестующий, которые своего часу по обьянито тое маестности презъ его милость пана старосту Луцького, пана протестующого, протестациею и позвами спецификованые будутъ, такъ же о пасеку, улъе съ пчолами и безъ пчолъ, прилодди, засев-

ки, будована, и чога бы коллекъ ведлугъ инвентара не доставало на тотъ же часъ, будетъ спецификовано. За што, взглядомъ вождое шкоды и кривды, панъ Ливевскій, ведлугъ интерцизы и инвентара, попалъ въ особый закладъ,—дванадцати тисечей золотыхъ. По искахъ, и до шкодъ его милость пана протестующого, которыхъ себе на дванадцать тисечей золотыхъ шацуетъ, приправилъ. Зоставивши теда протестантъ волное поправене и одменене тое протестация его милости пану своему и иншое учинене, такъ же и о иншие кривды волное чиненъе протестация по взятю ведомости о оную, и до тое протестаци о кривды и шкоды, въ ней пемененые, волное чинене правомъ, протестансъ теперь о спротивене се интерцизе и инвентарови, такъ же о заклады и шкоды, именемъ его милости пана старосты Луцъкого, пана своего, итерумъ аткве итерумъ соленитеръ се сведчилъ и протестовалъ, оферуючи, же его милость панъ староста Луцкый, панъ его, о то все правне чинити не занехаеть. А при томъ ставилъ двоухъ возныхъ енераловъ, урядови нинешнему добре ведомыхъ, шляхетныхъ Томаша Суету а Яцька Василевского, для стверженя тое протестации; которые очевидно ставши передъ урядомъ и книгами нинешними вгородскими, Луцъкими, сознали: ижъ они дня двадцать второго юлий, року теперешнего, тисеча шестсотъ тридцать третего, были на справе и потребе его милости пана Иеронима зъ Харлежа Харлезьского, Луцъкого, Каневского старосты, въ селе Бужанахъ, при шляхетнымъ паву Яну Хроновскимъ, слуге его милости пана старосты Луцкого, где, маючи при себе шляхту, людей добрыхъ, пана Иеронима Белостоцького и пана Александра Рапштынского, мснованый панъ Хроновскый, слуга его милости пана старосты Луцъкого, до двора Бужаньского вгды приехалъ, тамъ пана Михала Ливевского заставши, оного презъ нихъ, возныхъ, реквизиравалъ, абы онъ, ведлугъ интерцизы, дня выжей написаного, двадцать второго юли, то есть въ день светое Марии Магдалены, тую маестность Бужаны зъ дворомъ его, будованемъ, съ подданными, и во всемъ такъ, якъ се былъ самъ обнялъ, его милости пану старосте Луцъкому, ведлугъ инвентара, отдадъ; которую знову обойзравши—ежели бы зупельне зовсимъ, ведлугъ инвентара, се налезло, альбо не оферовалъся отдать тому, кому, ведлугъ записовъ, належала; а

панъ Диневскій не только отдать не хотеть и пану Хроновскому, слуге его милости пана старостиному, на то зосланому, отбирать заборонилъ, але и громады збирать и жадное речі огледать, ведлугъ инвентара, не допустилъ, и речей, надъ инвентаръ зоставилъ, яко котла и иншихъ речей, отдать не хотеть и не отдалъ, подаючи: ижъ «не маю, што подавати, бо его милость панъ старосте южъ одъ дванадцати неделъ тую маетность подаль до посесии ее милости панее судиной Белзькой, которая зась право свое спустила и до посесии подала его милости пану подкоморему Луцькому, а я одъ его милости тылько, ваглядомъ румандей, до середности тримаю». А слуга его милости пана старости, вышьменованный панъ Янъ Хроновскій, ими возными и шляктою, протестовался именовъ его милости пана старости Луцького, ижъ панъ Диневскій, зоставуючи въ своей посесии спокойне до дня того, двадцать второго юли, то есть до светое Марии Магдалены, року теперешнего, за остороженемъ его милости пана старости Луцького, и при зозначю запису на заставу тыхъ добрь, и теперь еше есть, тылько интерцизе арендовной и инвентарови спротивляючыся, тыхъ добрь Бужанъ, въ дворомъ, будованемъ, ставовъ, пасени, водданныхъ и всего, яко обнялъ, ведлугъ инвентара, одъдать его милости пану старосте не хотеть и не отдалъ, а ни огледать—если то есть, што на инвентару описано, и яко обнялъ, не допустилъ, наветь и громады зобрати заборонилъ. При томъ протестовалъ се тотъ же панъ Хроновскій, именовъ менованого его милости пана своего, о шкоды, въ протестацни выписанные, и о иншие шкоды, вторыхъ на тотъ часъ за недопусчанемъ одбирани, огледани, ведлугъ инвентара, видети не моглъ, и которые, за обнятемъ тыхъ добрь презъ его милость пана старосту, або за взятемъ ведомости, специфированные будутъ. А панъ Диневскій тежъ протестовалъ се: «ижъ не маю чого отдавати, бо подано имене судиной Белзькой»,—и неведаль, «же тамъ, ведлугъ инвентара, отдалъ все, и съ тымъ ея протестовалъ, же я не бороню квалтомъ одбирать и не допусчаю, але самъ оддать жадное речі, водле инвентара, не буду». А панъ Хроновскій знову ее протестовалъ, ижъ ведлугъ интерцизы и инвентара иоряченъ былъ панъ Диневскій оддать, што взялъ при ексцира-

дни аренды на день светое Марии Магдалены, и поданных ставить и зобратъ до громады — если суть все, егдажъ ведаеть о томъ, же ихъ двадцати и дилку не достаеть, а того упорне будучи самъ въ посесии спокойной и на той часъ тыхъ добръ, — учинить не хотеть, и у шкоде великой его милость пана старосты Луцкого, которыхъ на дванадцать тисечей золотыхъ шацуетъ, и за томъ о пропаденъе закладовъ, взглядомъ каждое кондиции и кривды, дванадцати тисечей золотыхъ, соленитеръ протестовалъся; и такъ осветчившись ими возными и шляхтою, съ тамътоль одехалъ. О чимъ оны възные, яко ено деалось и одправовало, тую реляцию свою до книгъ учинили и вознали. Которое осведчене и реляции возныхъ, за принатемъ урядовымъ, до книгъ вгородскихъ, Луцкихъ, есть записаные.

Книга Луцкая градская, потанная, № 2464, года 1635, листъ 617, на оборотъ.

СЛУ.

Объявленіе пана Яна Кашевского о томъ, что новоосаженное мѣстечко Кашово не подлежитъ уплатѣ подымной подати на основаніи льготы, дарованной королевскою привилегіею. 1634 г.; мая 16 дня.

Року тисеча шестсотъ тридцать четвертого, месеца мая шестнадцатого дня.

На вряде вродскомъ, въ замку его королевское милости Луцкомъ, передъ мною, Иваномъ Выговскимъ, наместникомъ подстарства Луцкого, ставши очевисто угрожоный его милость панъ Янъ въ Высокого Кашевский, прихляючисе до першого оповедана своего словного есче инъ реценъти заравъ въ коле на сеймику Луцкомъ, недавно будучимъ, учиненного, итерумъ, яко и перве, такъ и теперь, сведчить се о то, ижъ яко на помененомъ сеймику, на бо-

торымъ уфаленое есть подымное зо всякъ маестностей зъ дому по золотому, теперешний протестантъ, остерегаючи заразы целости своее са коньдиционе дати позволилъ подымное, абы толко водлугъ пернихъ квитовъ его милости папа Михала Ляневского подымныхъ, подымное тое, которое теперь есть уфаленое, отдаваное было, а право, которое перъ ебъспресумъ новые осады, которые бы леть чотырохъ не выседали есче, одъ того податву увольняетъ, инъ суо роборе цале оставало; такъ и теперь цале хотечи оставати въ пророгативе своей шляхетской, которая не минить инъ литолеемъ приватамъ контралеемъ публикамъ имъ понере можетъ; а остерегаючи повою своего, абы взглядомъ осады своее Кашовъ, вгродомъ названого, местечка, за привилеемъ светое памяти найяснейшого Жикгимонта третего, короля Полского, которому есче леть чотыри не вышло, ново се садячого, правомъ одъ кого не былъ турбованый при одданю подымного, водлугъ давнихъ квитовъ его милости пану Михалови Пузыне, съ тымъ се декляруеть: же яво передъ тымъ осады такые уволенные мети хотель, такъ доперо своее сусплице хоронить. И абы то ничого на потомъ праву его милости и привилеюмъ, на тое местечко служаачому, не шводило, тую протестацию свою для целости своее заносить, просечи, абы была принята и записана,—што отрымалъ.

Книга Луцкая вродская, поточная, № 2466, годъ 1634, листъ 148 на оборотъ.

CLV.

Жалоба отъ имени Августинскаго Затурецкаго монастыря на пана Андрея Лагодовскаго о томъ, что онъ, собравъ толпу крестьянъ, ворвался въ монастырь, подъ предлогомъ отысканія будто бы скрывшагося въ костелъ своего челядника, выломалъ двери въ костелъ и произвелъ въ немъ обыскъ, при чемъ избилъ монастырскаго казначея. 1634 г., октября 7 дня.

Року тысяча шестсотъ тридцать четвертого, месеца октября сего дня.

На рочкахъ судовыхъ вгородскихъ, Луцкихъ, отъ дня пятого, месеца октября, въ року звышняписаномъ припалыхъ и судовне одправоватъ зачатыхъ передъ нами, княземъ Павломъ Друцкимъ-Любецкимъ, подстаростимъ, а Гелияшомъ Бронъницкимъ, судею, вридниками судовими вгородскими, Луцкими, очевисто становипи велебные ойцове Миколай Стоклоса, вазнодея кляштору Затурецкого, и всендзъ Симплициянъ, закристиянъ, рекгулы светого Августина, своимъ и всего конвенту именовъ Затурецкого, прихилиячусе до очевистого оповеданя своего першого, на копии поданого, которое есть въ року теперешнемъ, тысяча шестсотъ тридцать четвертомъ, дня двадцатого июня, передъ урядомъ нинешнимъ вгородскимъ, Луцкимъ, учиненое, жалобливе се сведчили и протестовали напротивю урожному его милости пану Андрееви Лагодовскому, яко пр.. ыципалови факти инъфра шврипта алиоскве вомплидесъ кооператоресъ, кворумъ номина есть ковгномина постъбвамъ инъ ноту ерунтъ спецификабунтъ етъ цитационибусъ ексыприментуръ салва таменъ номинации еорумъ розерватуръ, квось таменъ протестанътесъ, про екъспресисъ габере волюнтъ, о то: ижъ помененый его милость панъ Андрей Лагодовский, способивши себе веле помочниковъ, себе лепей по имени и прозвиску ведомыхъ, казавши въ цереви у дзвоны ударить на квалтъ и до купы вси села збивши, запомневши боязвни Божое и права посполитого и вины срокгие, въ немъ описаные, контра гуось— моди патраторесъ севере санцятасъ, легце себе поваживши, часу пев-

ного, то есть въ недѣлю инфра октавась корпорисъ Христи, где се соленнитатесь презацного свята отправовали, не патречи на безпеченство костеломъ и вляшторомъ завоинныхъ подъ небытность на тотъ часъ ойца преора, который на кашитуду Варшавскую былъ одехаль до Варшавы, самъ вечоръ, южь по пацерахъ, пиегате прокуль пудса, згромадивши не малую купу, хлопства пяного, и на вгвалтъ збидиши, зо вслкъ маедностии своикъ на костель ойцовъ Августинновъ Затурецкихъ, вгвалтовне, пяный будучи, нашедши, тамъ же заразь тыми же помочниками боярами, стрелцами на цминтару циркумъ цирка кумъ варно арморумъ еиере, костель обступитъ казаль и тымъ хлопствомъ поосажаль,—самъ теды до костела зъ други кумъ магно тумулту етъ стрепиту, нуля габита рационе етъ реверенция лоци саякты етъ соленнитатисъ фѣсти сакратиссимй корпорисъ Христи имунитатиске екълезие еюдемъеве копъвенътусъ, двери до костела выбйвши, за претекъстоми—яво бы збглого челядника своего, съ помочниками и хлопствомъ пянымъ, инъ маіоремъ контемптумъ венерабилисъ сакраментй етъ соленнитатисъ фѣсти, которого свята такъ презацного акция въ томъ костеле се отправовала, переводочаючи лажки и по олтаряхъ шукать казаль. Кгды былъ одъ ойца казнадея прошоний, абы такого вгвалту и спрофанованя костелови не чиниль, але се рачей до завтрея затрималь, розгневаный килка поличковъ передъ насветшимъ сакраментомъ оверутныхъ задалъ и головою вилка разый о стѣну удариль, а потомъ ногою у перси далъ; одъ которого удареня, вгды ему се кровъ губюю, носомъ и ушима лить почала; на землю палъ, и такъ зась некоторыхъ съ тыхъ же помочниковъ зело дукти мизерикордие, на цминътеръ на витерь выпровадили, который виекъ есми вивусъ зосталь, авъ гувъусъеве темпусъ де вита суа переклитатуръ одъ ойца; теды, у закристиана вгвалтомъ ключи выдарши, и оному по губоубъ, вгды ему ключей дати не хотель, задавши, до закристии отвориль; тамъ же скрини и всъ апарамента костелные выгрести и переводочати казаль, а поменепогач оца закристиана хлопству, выпровадивши съ костела на цминтаръ, презъ годину тримать казаль. Презъ што теды покой посполитный месца светого, где се хвала Божий не инъ соленцие отправаютъ; вгвалтили; костель изокривали, спрофановаль, для ко-

торого окривленя, спрофанована до того часу костель есть замвненый, а набоженство се не одправуеть,—презь тое въ вини срокгие, въ конституцияхъ коньтра еюсьмоди инвасоресъ еклесиарумъ, егъ монастериорумъ впадль,—о што помененый протестантъ зо всимъ конвентомъ обещуеть се зъ нимъ правне чинить. А да болший доводъ того ставили помененые протестантесъ возного шляхетого, Криштофа Метелского, еперала воеводства Браславского и Волинского, который, становши очевисто, созналь: ижъ оны въ понеделокъ второй по святкахъ, дня двадцатого июня, року теперешнего, тисеча шестьсотъ тридцать четвертого, маючи при себе шляхту людей добрыхъ пана Стефана Витвицкого, Войтеха Чернышевского, съ повинности уряду своего и за реквизицию ойцовъ Августиниановъ Затурецкихъ, былъ въ кляшторе и костеле въ Затурцахъ, где костель окривленый, двери повыбланны, ойма казнодея, на лужку хоръ барзо, и тварь спухлую, и ность такъ же маючи, и габить, хустку окривленую, габить на обидвахъ пошарпанные,—поведали: ижъ се презь его милость пана Андрея Лагодовского дня вчорашнего вечеромъ стало помененому костелови, кляшторови, казнодеи и всенду закристианови; который весь выстунокъ, найсте на кляшторъ и костель окривленые, мною и шляхтою осведчилъ,—што се такъ а не иначе было, въ мощъ правдивое релации, сознаваеъ. Которое жъ то оповедане и возного сознане, за принятемъ нашимъ судовымъ, до книгъ вгродскихъ, Луцкихъ, есть принято и записано.

Книга "Лудная вгродская", подочная, № 2486, годъ 1634, листъ 818.

CLVI.

Рѣшеніе Владимірскаго градскаго суда по жалобѣ Владимірскаго и Берестейскаго епископа Іосифа Баковецкаго на князя Владислава-Доминика Жаславскаго о томъ, что онъ наслагъ вооруженныхъ Татаръ, Волоховъ и Сербовъ и другихъ націй людей, на монастырскіе села Карасинъ и Сушичавы, которые поставивъ въ этихъ селахъ болѣе сорока заостренныхъ кольевъ, угрожали схватить на оныя крестьянъ и кромѣ того вѣшать ихъ, и затѣмъ нѣкоторыхъ изъ крестьянъ ограбили, другихъ предали истязанію, часть же изъ нихъ, связавъ, отправили въ Дубно, и насильно поселили на монастырскомъ грунтѣ крестьянъ «слобожанъ». 1637 г., апрѣля 27 дня.

Рову тисеча шестсотъ тридцать семого, месяца апрѣля двадцать семого дня.

На рочкахъ судовыхъ вгородскихъ, Володимерскихъ, дня двадцать третего месяца и рову теперъ идучихъ, вышей на акте менованныхъ, припалыхъ и судитись початыхъ, передъ нами, Биллианомъ Вилгорскимъ, подстаростимъ, а Михайломъ Збаразскимъ, судею, урядниками судовыми вгородскими, Володимерскими, вгды справа висоце превелебного въ пану Богу отца Іосифа Мовосія Баковецкаго зъ Божое и апостолское столицы ласки епископа Володимерскаго и Берестейскаго, прототрония Метрополии Киевское, и велебныхъ отцовъ капитулы Володимерское, церкви головное катедральное Володимерское, заложена въ Небо Взятя Насвятшого Панны Марии Богородицы, поводовъ, зъ яснесведоннымъ впежатемъ Владиславомъ Доминивомъ на Острогу и Жаславу, грабею на Тарнове, конюшнимъ вкороннымъ, позванымъ зъ реестру судового, за приволанемъ шляхетного Миколая Закревского, взнаго енерала, порядкомъ своимъ до суженя припала, теды, по одозваню се до тое справы урожоного пана Павла Вышковского, умоцованого позваного, очевисто велебный въ пану Богу отецъ Янъ Тимофей Симановичъ, писаръ капитульный епископии Володимерское, умоцованный поводовъ, тежъ очевисто передъ нами, судомъ, становши, поднесль позовъ отъ пово-

довѣ принципаловъ своихъ по князати его милости позваного, на
 рочки теперешние виданыи и вынесенныи, автентичныи, такъ се въ
 собе мающыи: Владиславъ четвертыи, Божю милости король Пол-
 ский, великий князь Литовский, Руский, Пруский, Жомонтский,
 Мововецый, Инфлянтский а Шведский, Кгодский, Вандальский де-
 личный король, яснесведоному князати Владиславоу Доминикови
 на Острогу и Жаславу, грабе на Тарнове, вонюшому коронному,
 во всихъ добръ верности твоей, лежачихъ и рукомыхъ, привазуемо,
 абысь верность твоя передъ судомъ нашимъ вгородскимъ, Володи-
 мерскимъ, старостинскимъ, на рочкахъ вгородскихъ, Володимерскихъ,
 которые дня двадцать третего месеца априля, въ року теперешнемъ,
 тисеча шестсотъ тридцать семомъ, припадуть, и презъ велможного
 Кгабриеля Стемпковского, каштеляна Браславского, на староство
 Володимерское зверхностю нашою королевскою поданого, албо презъ
 урядъ, отъ него постановленный, сужоны будутъ, самъ очевисто, яко
 на року завитомъ, станомъ и въ справе нижеи менованой, которая
 водлугъ описана конституция, року тисеча шестсотъ тридцать пер-
 вого, ухваленое, зволюи терпяти не можетъ, свутечне се усправед-
 ливиль, за симъ позвоомъ нашимъ по верность твою, подъ титуломъ
 нашимъ королевскимъ, и подъ печатью земскою и съ подписомъ руки
 писара земского того жъ повету Володимерского, съ тое причыны:
 поневажъ велможный вышъменованныи каштелянъ Браславский на
 помененое староство, такъ же и урядъ его вгородский, присяги на
 уряды свое есче не выконали, по верность твою вынесеннымъ, на
 жалобу и правное попарте высоце превелебного въ пану Богу отца
 Иосифа Мокосия Бавовецкого, зъ Божое и апостольское столицы
 епископа Володимерского и Берестейского, прототрония ме-
 трополия Киевское, и велебныхъ отцовъ капитулы Володимерское,
 церкви головное катедральное, Володимерское, заложена въ Небо
 Взята Насвятное Панны Марии Богородицы,—поводовъ, которые,
 прихидяючись до конституция сеймовое въ року тисеча шестсотъ
 тридцать первомъ, подъ титуломъ о добрахъ церковныхъ, влады-
 чихъ, описаное и ухваленое, позывають верность твою симъ позвоомъ
 о наказана заплачена вины тою конституциею обостроное и зало-
 жное, троухъ тисечей гривень Полскихъ, по половици судоуи и сто-

роне платити повинное, также до отложени и заплачени твоя
 на речы побраныя, ниже описаное, и до нагорожена шкель двад-
 цати тысячей и пяти гривенъ Литовскихъ, презъ поводовъ отъ верно-
 сти твоей подвѣтыхъ, а то за то: ижъ верность твоя, не обав-
 ляются права посылитого и онымъ се не контентуючи, а ни тежъ
 респектуючи на конституцие о добрахъ церковныхъ ужаленое, и
 шны на таковыхъ обостроное, завзявши якуюсь нехуть и ранворъ
 къ невинности поводовъ, розныя кривды, шкелды незносныя, бите
 и бданныхъ и слугъ стброны скаржачое, теми часы въ добрахъ цер-
 ковныхъ, презъ насылане людей своихъ, починивши, и на томъ се
 не заставаючи, але кривду до кривды, жалъ до жалу придаваючи,
 а не респектуючи на остатокъ на жалосныя скарги и прозбы не
 поеднокротныя до верности твоей презъ особы самыя скаржачныя,
 презъ листы и тежъ презъ людей задныхъ доношонныя, але, место
 уфолгованя и респекту на ихъ плачливые и жалосныя скарги, тымъ
 большыя утрапены, кривды, утиски и зничены подданнымъ и добрамъ
 церковнымъ чинячи, смель и важились верность твоя въ року
 прошломъ, тысяча шестьсотъ тридцать постомъ, дня четвертого
 ноября, татаровъ своихъ и при нихъ сербовъ, волоши и иныхъ
 рбзныхъ нации людей, коней подъ двесте, арматныхъ, зъ оружемъ
 розматнымъ, яко до войны споражонныхъ, преложивши надъ ними
 старшимъ Алия Маленовского, татарина Острозского, на добра под-
 данныя и вгрунты церковныя, до епископии Володимерское належа-
 чныя, село и дворъ Карасинъ, и на подданыя Сушичанскыя, въ томъ
 селе Карасине, надъ озеромъ Карасиномъ, названымъ Оселье, и
 тамъ мешкаючы, моцю и вгвалтомъ наслати, и не погледаючи ни-
 чего на привилея, права и фундуши церковныя, на право и посе-
 сию спокойную скаржачихъ, которая такъ на подданныхъ, яко и на
 вгрунты твоя, одъ зопшого князати его милости Ерого Жаславского,
 старосты Володимерского, правне одысканыя и до церкви Божое
 поводомъ присужонныя, и за декретами трибунальскими урядовне до
 держаня поданыя, служить и належитъ, ты добра преречонныя и
 вгрунты Карасинскыя, въ округу вгрунтовъ Сушичанскихъ лежачныя,
 презъ скаржачихъ за декретами трибунальскими поприсяжонныя, и
 въ посесси скаржачихъ дотолъ будучыя, способомъ вгвалтовнымъ

однати. Яко жъ, не мають до тыхъ добръ подданныхъ и вгрунтовъ
 жадного права а ни претексту слушного, способомъ квалтовнымъ
 одиалесь, подданныхъ церковныхъ, презъ тыхъ татаровъ своихъ, за
 вгрунтовъ розогнались, которые татарове испирате напавши въ
 яркомъ, згукомъ вольдимъ, подданныхъ не толко въ села Карасина,
 але и въ села Сунинина старозитного, розогнавши съ ихъ домовъ,
 рочи и сырты ихъ, такъ же абыя и лавгумина ровные съ коморъ,
 съ стадолъ коний, быдла въ оборъ розманты, мамы и вельки, и
 добытки ихъ назабираи, подданныхъ нилку воймали, зсвали и до
 Дубна послали, тесловъ и розныхъ ремесниковъ, дворъ въ томъ
 селе Карасине для егъ милости отъ епископа будущныхъ, напавши
 на дворъ, побили и оныхъ розогнали, —ледве до леса адровомъ
 переходили, а тые вгрунты, въ спокайшой посесии поведомъ ажъ до
 томъ будучие, навъшии людей розныхъ, волягъ и свободныхъ, —хло-
 повъ, которыхъ амежа егъ милость небожель намъ староста Во-
 лодимерскый, и ее милость мати подкоморина Володимерская, съ
 навазана деврегу трибуналевого, въ тыхъ вгрунтовъ знесли были, а
 которые съ тое слободы Карасина, по авсению се, яко люди зва-
 ны, свободные, ровню розошлись были, знову назабраши ихъ фе-
 рецныхъ местнахъ, слободахъ и селахъ, и квалтомъ пфранки,
 тие татарове яржили, а на тыхъ вгрунтахъ церковныхъ, Кара-
 синскихъ, презъ поведомъ пратье одисваныхъ, на спордахъ, и
 хутарахъ и фолваркахъ, подданныхъ церковныхъ, Карасинскихъ, же
 длаво овера Карасина, квалтовнымъ способомъ, за розказанемъ
 вярности твоей, осадили и Волку навази, и вгрунты тие церковные,
 въ посесии поведомъ будучие, за засевлами подданныхъ церковныхъ,
 Сунининскихъ и Карасинскихъ, власное праца и работи ажъ, самъ
 же въ засивлами дворными надъ реками Блосяницю, Любарсков и
 Одианкою, около овера Стобухова, у вречисъ Матвишового степя
 и Спородныхъ горъ, житомъ повасованамъ, болше нилки на спо-
 мацъ, а ящце не вясавные однали, и тимъ зовинномъ, —хлоповъ,
 квалтомъ враскомномъ, роздали и намерали, и на тыхъ волягъ и
 слободахъ, такъ свободныхъ, але и на подданныхъ поведомъ, тие татарове
 паворъ поострешныхъ, болшой чтырцесяти, доставляли и накутовали,
 градчи и адновадомы, же на тие мале подданныхъ Сунининскихъ

и Карасинскихъ вбить, а другихъ вешати будутъ. Которымъ то таковымъ способомъ и поступкомъ кгвалтовнымъ, верность твоя поводовъ зъ тыхъ добръ Карасина подданныхъ и кгрунтовъ церковныхъ выбилесь и вытиснулесь, и добра тые съ посесии и влады поводовъ однялесь, инъ нулло юре себе не маючи до нихъ жадного права и претевсту слушного, забралесь, и привласчилесь села тые церковные, не толко Карасинъ, але и Сушино. Презъ таковой кгвалтовный наездъ, розныхъ виоленций и шкодъ подданнымъ починена, побитя оныхъ, розогнанье, снустошенье, и подданные церковные, презъ забране коней, быдель, збожъ и розныхъ речей и спрятовъ ихъ, зничные суть, и поводи не зносне шкожонне въ добрахъ церковныхъ zostали. Што противко конституции и праву, о добрахъ церковныхъ уфаленое, верность твоя учинилесь, и за тымъ вины правные, три тисечей гривень Полскихъ, и въ нагорожене шкодъ, которыхъ себе поводе добръ тыхъ кгрунтовъ и подданныхъ однятыхъ и забранныхъ въ то не инь.подуючи, шацують на двадцать тисечей копъ грошей Литовскихъ, такъ же и въ заплачене таксы за речи, коний, быдла, збожа и спряты домовые побранные, ниже меновите описанные, верность твоя попалесь; а меновите: при томъ кгвалтовномъ наезде и тыхъ добръ одняту, тые татарове кривды, побитя подданныхъ починили, и шкоды, то есть: Федину самого улапивши, до дуба увезавши, окрутне збили, змордовали и за умерлого zostавили, а маетность его забрали; такъ же и жону его окрутне збили киями, покалечили и здорова збавили, а взяли у нихъ: воловъ два по золотыхъ тридцати, кожухъ новыи за золотыхъ десеть, а збожа: гречки копъ двадцать, ячменю копъ петнадцеть, овса копъ петнадцеть, проса копъ десеть, кождую копу того всего збожа огуломъ по золотыхъ три себе онъ шацуетъ; у Хведка Сушчива взяли грошей готовыхъ золотыхъ петдесять и пять, воловъ чотыри по золотыхъ тридцати, коний два по золотыхъ семъдесять, хустъ белыхъ, пачиня и спрятовъ домовыхъ розныхъ на золотыхъ сто; въ стоделе збожа поличноного-ячменю четверть за золотыхъ два; въ коморе сименя осмачу за золотыхъ два, жита копъ осмъдесять—вопа по золотыхъ чотыри, гречки копъ шестдесять, овса копъ сорокъ, ячменю копъ двадцать и пять, проса копъ двадцеть, вторые вси збожа яринные кождую копу шацують себе по золотыхъ три;

у Ивана Папенка взяли быдла рогатого семеро, которое шацуется на золотыхъ сто, овецъ осмь по золотыхъ чотыри, жита копъ семьдесятъ, каждая копа по золотыхъ чотыри, гречки копъ сорокъ, овса копъ сорокъ, ячменю копъ двадцеть, проса копъ десять, которые збожа яринные шацуется кожда копа по золотыхъ три; у Давида взяли вола за золотыхъ тридцеть, косу за золотыхъ пултрета, сошниковъ три, сокирь две, што коштовало золотыхъ семь, жита копъ петнадцеть по золотыхъ чотыри, овса копъ семь, гречки копъ двадцать по золотыхъ чотыри; у Корисы пчоль трое выдерли на голову, которые шацуетъ на золотыхъ тридцать, Куриса самого окрутне побили нападши, и взяли сокиру за золотыхъ два, садъ рожайный высекли и вънивечъ спустошили — шацуетъ себе шкоды на золотыхъ сто; Омелька Ковача сыновъ двоухъ окрутне а нелютостиве збили, змордовали и поваличили, и взяли у него: жита копъ петдесятъ по золотыхъ чотыри, овса копъ двадцать, гречки копъ шестдесятъ, ячменю копъ двадцать, проса копъ тридцать, кожда копа яринная шацуется по золотыхъ три, пчоль въ пасици его збили на голову чворо, которые шацуетъ на золотыхъ сорокъ, хустъ белыхъ, жоноцехъ и музскихъ, на золотыхъ семдесятъ побрали; у Хведчуна, сына Папенкового, спряты домовые, начиня розные, хусты белыя, полотна, кожухи, плахты, железа — згола все домовство забрали, што все шацуетъ себе на золотыхъ пултораства; Дежа, Вакулиного сына, окрутне а нелютостиве збили, змордовали, грошей готовыхъ копъ десять Литовскихъ взяли, и спалили его зъ домомъ и будинками всеми, зъ гумномъ, съ стололами, и зо всемъ на всемъ, што одно въ дому мель, презъ што шацуетъ себе шкоды на золотыхъ шестсотъ; у Пилипа, Ивашкова сына, побрали жита копъ тридцать по золотыхъ чотыри, овса копъ петнадцать, гречки копъ сорокъ, проса копъ дванадцеть, ячменю копъ десять, кожда тыхъ всехъ яринныхъ збожъ шацуется по золотыхъ три, пчоль въ пасице выбито на голову улевъ чотыри за золотыхъ сорокъ; у Грицка — воловъ два по золотыхъ тридцати, иншаго быдла четверо, шацуется на золотыхъ петдесятъ, хустъ белыхъ, спрятовъ домовыхъ и начиня розного побрано за золотыхъ семьдесятъ; троухъ подданныхъ найми: Васка Олейника, Грицка и другого Васка, зъ жонами и зъ детми, таеже и двоухъ

нарубить въ Карасине при томъ квалтовномъ наезде вяти, и оныхъ всякъ орудие збиши, вмордоваши, повезали, до весны впродъ побрали, а потомъ до места Дубна, до маестности верности твоей, одировавши, у которыхъ взяли: быдль рогатого двадцатеро, которое шацуется на вототыхъ триста, овецъ троедцатеро по золотыхъ чотыри, хусты белыя, начина розныя, железа, спряты домовые,— все огуломъ въ домахъ ихъ въ Карасине побрано, што шацуется на золотыхъ триста; а зособна пинювъ бортныхъ съ пчолами на голову выбили въ ливче семьдесятъ, и медъ побрали, въ чомъ шводи на золотыхъ тысячу новодове шацуютъ. Въ томъ селе Карасине у подданныхъ новодовыхъ въ домахъ ихъ лежгумина, речи стравные, огородныя, ярины, куры, гуси, качи, свини, порослята, сена презъ недель чотыри тые татарове насланы тамъ положившися и лежу отираютьчи, и подданные воляне съ татарами посполу побрали, одно пошлы, нищо попродали по торгахъ и по розныхъ селахъ порезвозили, и на свой пожитокъ обернули,—чого всего огуломъ кладется шацуютъ на золотыхъ Полскихъ пятьсотъ. О чомъ всемъ заравомъ, за свежа протестацне и возныхъ обдукцне, презъ поводовъ урядовне и правно учиненныя суть; которые протестацне и возного релация до позву сего, а позавъ до протестацни и релация, деферуется. Прото поводове, прихилиючись до помененое конституции року тисече шестсотъ тридцать первого, о добрахъ цервовныхъ владичныхъ ухваленое, позывають верность твою, симъ позвомъ до прислухалы се наказаня, отложена и заплачена презъ верность твою вниы, томъ конституциею на таковыхъ, которые добромъ цервовнымъ насады и квалты чинять, збожа и спряты домовые забирають, въ маестности церковныя веждкають, и оныя безъ правне себе принасачаютъ, задолжоное и описаное, трохъ тисечей гривень Полскихъ новодовой стороне, и судови по половицы платити повинное, и презъ верность твою перепалое, такъ же заплачена тансы за речи побранные, вышней описаное, и въ позве томъ выраженое, и тежь нагорожены и заплачена шкоды, которыхъ новодове, за таковыи квалтовнымъ поступкомъ верности твоей, и зничешемъ добръ тыхъ цервовныхъ едла Карасина, шацуютъ себе на двадцать тисечей вопъ гроней Лятовскихъ, такъ же приварнена и подана въ новесию поводомъ добръ тыхъ,

вышешенныхъ, во всѣхъ ихъ вгрунтахъ, пожитками, бортями, пасеками, сеножатми, озерами, полми, збожемъ озимимъ и ярымъ, засеваемымъ и незасеанымъ, водлугъ правъ, фундушовъ, декретовъ трибунальскихъ, и посѣсни поводовъ правне и урядовне поданое, въ которыхъ о томъ всемъ ширей описано естъ, и знесеня тое Волки на тыхъ вгрунтахъ церковныхъ, Сушичанскихъ и Карасинскихъ, презъ тыхъ татаровъ, отъ верности твоей насланныхъ, способомъ вгвалтовнымъ осаженое, и присужена се зъ вгрунтами всеми и зъ людьми, на той Волце седачни, стороне поводовой, а одсужена верности твоей тое Волки и вгрунтовъ и людей, тамъ оселыхъ, яко жадного права и претекстѹ до тыхъ добръ не маючого и вгвалтовне оныя посигаючого. А такъ, абы верность твоя на термине, вышозначономъ, станоль, на то все, што ширей выведено будетъ, судовне одповедать, и во всемъ случечии поводомъ се усправедливилъ. Писанъ у Володимеру, дни двадцатого месеца марта, року панского тисеча шестсотъ тридцать сегого. Миколой Горавиъ, писарь». На которую то такуюю рѣшеницю стороны поводовое, яко неправную и неслышную, умоцованый позваного, заховавши принципалови своему вышелевие оббруи и добродѣйства правнише, въ цале форумъ автора аиди и тое самое иннианое кривды за належныхъ не признаваючи, повѣдилъ же на тотъ позовъ на мембране земскомъ и подъ титуломъ его королевское милости до вгроду выданный, справовати се повиненъ; а збожемъ право посполитое добре то оцекловало и выразилю—якне мають бити позовы до вгроду выдаваные и на нихъ мембранахъ подъ титуломъ его милости пана старосты и печать его до вемства васъ подъ титуломъ его королевское милости, и такъ кождий судя земский за своими мембранами земскими, а вгродъ—за вгродскими мембранами и позовы, на нихъ писанными, судити звыкли, и тотъ порядокъ обсервующи оденъ въ другою юриздивцию не вступетьсе, якъ теде противко . . . ному праву, поводовая сторона позовъ свой, на мембране земскомъ, до вгроду выдала; теде тотъ позовный за такимъ позовомъ жадного термину мети не можеть, не готово справоватисе не естъ повиненъ. Такъ теде то пленити позовного, выведши и правне указавши, домавляетьсе и просиль; абы судъ, за такимъ позовомъ на мембране земскомъ вы-

данымъ, термину не узнавши, позваного одъ тое справы, яко не слушне заданое, волнымъ учинилъ, далши обороны и добродейства правные до тое справе потребные, въ цале себе заховавши. А сторона поводовая, заховавши себе вшелякие бенефиция и доводы правные, въ цале по показаню презъ пленипотента пленипотенци одъ позваное стороны, поведила, же терминъ есть, на передъ, ижъ положени позву правне доводитъ реляцією возного; другая, же сторона ведаеть о термине, бо ведаеть о вписаню въ реестръ, ведаеть о протестацияхъ, ведаеть о положонныхъ повахъ и о зложономъ презъ позовъ термине на рочкахъ теперешнихъ, фактумъ нонъ негать добра одняла, контроверсуеть, декрету слушаеть, што быти инъ контумациямъ не можетъ; а што сторона ведаеть, же на рочки старостинские есть выданный позовъ подъ титуломъ короля его милости, а не подъ титуломъ его милости пава старосты Володимерского, тую рацию съ права посполитого такъ акторове репликовали: поневажъ тая справа есть виоленте инвазионистъ, водлугъ описания позву до конституции року тисеча шестьсотъ тридцать первого, подъ титуломъ о добрахъ владычихъ и церковныхъ интентованая, которая морамъ нонъ патитуръ, а до того—ижъ его милость павъ староста звыкъ викгоре реию суды свое одпрововати, на которые теперь присягу выконалъ, взглядомъ чого слушне же подъ титулемъ короля его милости позовъ, передъ выконанемъ присяги выданный, при томъ же конституция, для прудное справедливости такимъ справомъ въ суде головномъ трибуналскомъ, по отправеню скрутивниумъ, инъ дуабусъ терминъ и форумъ пазначила, а скрутивниумъ на першихъ рочкахъ выводити кажетъ, а рочки теперешние суть першие постъ фактумъ, о которое идетъ, сколь се показуеть, же тая справа морамъ нонъ патитуръ,—теды, яко въ справе целерисъ езекуционистъ, просили акторесъ, абы судъ езекуцию позваныхъ о термине одтавши, терминъ узналъ, и тую справу, яко зволови не терпячую, инъ привипали ремиттовалъ до трибуналу, водлугъ описания конституции кумъ префикционе термини, инъ дуабусъ въ каждомъ воеводстве и повете, любо консерватахъ. А при томъ офероватъ се пленипотентъ дефектумъ цитационистъ суге, если бы былъ явий, водлугъ звычайу, скотисъ, поправити. Мы судъ, вгродский, Володимерский,

контроверсий одъ стороны обохъ внопоныхъ выслухавши, поневажъ сторона поводовая позовъ на мембране земскомъ подь титуломъ короля его милости, а не на старосты, месца того передь судомъ нынешнимъ противко праву и звычайемъ всимъ подноситъ, отъ него пропонуеть,—теды мы, судъ, позваного отъ термину теперешнего волнымъ учинилисмо. А умоцованый поводовъ того декрету нашего за правный не принявши, одъ него до суду головного трибуналу Любелского, интеръ кавзасъ композити юдиции куюскуневе палятинатусъ етъ дистриктусъ юеста конституционемъ инъ дуабусъ апелеваль. Мы, судъ, ему тое апелляции допустивши, терминъ за нею, передь менованнымъ судомъ головнымъ, трибунальскимъ, короннымъ, въ Люблине одправуючимъ се межъ справама консерватными Браславского, Черниговского, Киевского и Волинского воеводствъ, порядкомъ иншихъ воеводствъ коронныхъ, скоро по одсуженюе власного воеводства Браславского, до суженя припадаючими и судячимсе, обомъ сторонамъ, ку росправе правной завитый, безъ припозву стаповитись—зюжили и назначилисмо. А умоцованый поводовъ о попарте тое апелляции межъ справама композити юдиции куюськуневе палятинатусъ етъ дистриктусъ, такъ же и о утяжене противко намъ, судови, протестовать. А мы судъ тежъ се противко нему, же те не упорне, але такъ ведле права и слушности быти розумеючи, учинили и всказали, рспротестовалисмо; а умоцованый позваного одъ префиксии межъ справы консерватные допусчоное поводомъ апелляции на власное воеводство Волинское, повець Володимерский, апелеваль. Мы, судъ, ему тое апелляции ве танте конституционе не допустилисмо; а онъ о попарте се межъ справы власного воеводства Волинского противко намъ, судови, протестоваль се. Што все для памяти на потомные часы до внигъ нынешнихъ етъ записано.

Книга Владимірская городская, записовая, поточная и декретовая, № 1004, годъ 1637, листъ 46 на оборотъ.

CVII.

Присяжное показаніе «тамана с. Городища, принадлежащаго пану Николаю Пржезовскому, о числѣ опустѣвшихъ дымовъ въ означенномъ селѣ. 1638 г., іюля 14 дня.

Року тысяча шестсотъ тридцать осмого, мѣсяца іюля чотыр-
надцатого дня.

На вряде вгородскомъ, въ замку ево королевское милости Жи-
томирскомъ, передо мною, Станиславомъ Дрековскимъ, ведстарос-
тымъ Житомирскимъ, становивши очевисто роботный Мойсей, ата-
манъ зъ села Городища, маестности уроженного ево милости пана
Миколая Пржезовского, именемъ того жъ пана своего оноведилъ:
въ тымъ селе Городищу подданныхъ и дымовъ болшей немашь—
тылко двадцать, а спустошоныхъ дымовъ двадцать. Хотючи тогда при-
сеги ликвидовать, просилъ помененыи Мойсей атаманъ о придане
возного. На которую афектацію я, врьдъ, для вынонана того кре-
менту придаломъ возного енерала воеводства Киевского, шляхетного
Яна Вишинского; который Мойсей, за выданемъ себе роты, въ кие
слова присягль: »я, Мойсей, присегаю пану Богу на тымъ, икъ въ
тымъ селе, въ Городищахъ, на тотъ часъ немашь болшей подда-
ныхъ—тылко двадцать, а спустошоныхъ подданныхъ двадцать,—такъ
ми, Пане Боже, поможь,—о чимъ тебе, возный, релацию достаточ-
не учинилъ«. Про тоте жъ тотъ юраментъ до зныгъ есть внесаныи.

*Книга Житомирская градская, записовая и поточная, № 8,
гобъ 1590—1644, листъ 341.*

CLVIII.

Жалованная грамота короля Владислава IV полковнику Станиславу Потоцкому на имѣніе Максимовку. 1639 г., июня 30 дня.

Рову тисеча шестьсотъ чотырдесятого, месеца июля третего дня.

На вряде вгородскомъ, въ замку его королевское милости Киевскомъ, передо мною, Петромъ Брудновскимъ, намесникомъ замку Киевского, ставши очевисто шляхетный панъ Даниель Мошенский, слуга уроженого его милости пана Станислава съ Потока Потоцкаго, воеводича Браславского, полковника его королевское милости квартадного, для уписанья до книгъ нынешнихъ перъ облатамъ подавъ облату екстрактъ зъ книгъ вгородскихъ Каменца Подолского, зъ уписанемъ въ немъ привилею одъ его королевское милости поменерому пану Потоцкому на речъ, въ томъ екстракте нижей выражоную, даного, съ печатю вгородскою Каменца Подолского, и съ подписомъ руки писарское, о чомъ тотъ екстрактъ шырей въ себе маеть, просечи, абы принять и до книгъ уписанъ былъ; которого я, врядъ, приймучи, читаломъ, и такъ се въ себе маеть: Actum in castro Camenecensi Podoliae, feria sexta ante festum nativitatis sancti Ioannis Baptistae proxima, anno Domini millesimo sexcentesimo quadragesimo. Ad officium et acta praesentia, castrensia, capitanealia, Camenecensia, personaeter veniens nobilis Ioannes Skotnicky, magnifici Stanislai a Potok Potocky, pallatinidis Braslawiensis famulus, nomine ejusdem magnifici domini sui, obtulit eidem officio presenti ad acticandum prywilegium sacrae regiae majestatis, predicto magnifico Potocky super bona infrascripta a sacra regia majestate benigniter collatum, manu ejusdem sacrae ac serenissimae regiae majestatis propria subscriptum et sigillo majoris cancelariae regni communitum, petens hoc idem prywilegium a se suscipi, cujus affectioni officium praesens annuendo, hoc idem prywilegium summa cum reverentia, uti sanum et illaesum, suscepit et actis suis ingrossavi demandavit; cujus prywilegii tenor de verbo ad verbum sequitur estque talis: »Władisław czwarty, z Bożej łaski król Polski, wielkie xiążę Litewskie, Ruskie, Mazowieckie, Żmudzkie, Inflants-

tskie, Smoleńskie, Czernihowskie, a Szwedzki, Godzki, Wandalski dziedziczny król. Oznajmujemy tym listem naszym wszem wobec i każdemu z osobna, komu to wiedzieć należy, jakoś my, rząd, y sprawowanie tey rzeczy-pospolitey z woli Bożey, y wolnych głosów oboiga narodow, na sie wzięli pierwsze w tym pieczołowanie, na sie kładziemy, aby cnocie powinny dank, y zasługom za równe nagrody dawane od nas bywali, za czym poglądaiąc na zasługi urodzonego Stanisława z Potoka Potockiego, pułkownika naszego, który idąc tropem dzielnych przodków swych, dobrze rzeczy-pospolitey i przodkom naszym zasłużonych, w różnych expedicjach woiennych z odwagą zdrowia i dostatkow znacznych swych, przez lath dwadzieścia służący kosztem swym, półki wodząc często na mieisću wielmożnych hetmanow naszych nad woyskiem naszym Ukrainnym zostawiony, dzielność y umiejętność swą w regimentowaniu oświadczal; w którey ochocie swey do usług naszych y rzeczy pospolitey, yż y teraz statecznie zostaje, — przeto z chencią sie, co kolwek, nie tylko do przymnożenia honorów i dostatkow jego ustawiczną w woisku ressidencją nie szczupłą nadwątlnych należy, sklaniamy, a chcąc mu łaskę nasze oświadczyć, pewne dobra nasze, w wojewodztwie Kiiowskim, za Dnieprem, leżące, mianowicie: Maximowkę z Horodiszczem y z slobodami, która ma swoje granice z Piwami, Hermanem, Jordanką rzeczkami, a z Kuroślawem i Białojeziorem, jeziorami, do tego Buzyn i Woronowkę nazwane, slobodki, ktore graniczą z Krzywym, i Domanowką, jeziorami po Bystrzyk rzekę, po Starzec, Strzelnikow przewos i po Sawinoce (sic), ze wszystkimi inszymi slobodami, ostrowami, uchodami, siołami, jakim kolwiek nazwiskiem nazwanemi, teraz założonemi, i na potym zakładanemi, poddanemi, rolami, gruntami oranemi i nie oranemi, polami, łąkami, pastwiskami, sianozęćiami, lasami, chróstiami, pasiekami, barciami miodowemi, jeziorami, stawami, młynami, kryniami, rzekami, rzeczkami, brzegami, gony bobrowemi, łowy zwierzynnemi y rybniemi, danią miodową, y ze wszystkimi i wynaidzionemi pożytkami, jakim kolwiek słowem nazwanemi, nic na nas, a ni do skarbu naszego nie zostawiając a ni zachowując, pomienionemu urodzonemu Potockiemu prawem lennym samemu, żenie i potomkom jego płci męskiej, poki jey stawać będzie, tym listem naszym dajemy i conferujemy. Które to dobra wyrażone urodzony Potocki wolen będzie dać, darować, frymarczyć, przedać, nie bez osobliwego, jednak, consensu naszego, względem którego lennego prawa, on sam, żona i potomkowie jego, płci męckiej, poki ich stawać będzie, do obrony tamtych kraioiw od nieprzyiaciela, pod wagą tego prawa obowiązani będą; a nadto nam żadney inszey i skarbowi naszemu oddawać niebędzie powinności. Na co, dla lepszey wiary,

рęką sie naszą podpisali, i pieczęć koronną przycisnąć rozkazaliśmy. Dan w Wilnie, dnia trzydziestego miesiąca Juny, roku pańskiego tysiąc sześćseth trzydziestego dziewiątego, panowania naszego: Polskiego siódmeo a Swiedzkiego osmeo roku. Maximowka z slobodami, w wojewodztwie Kiiowskim, za Dnieprem leżące, urodzonemu Stanisławowi Potockiemu, połkownikowi. Wladislaus Rex (locus sigilli maioris cancellariæ regni). Offerens authenticum originale recepit. Ex actis castrensibus capitanealibus Camieniensibus-Podoliæ extractum. У того екстрактъ Каменца-Подолского печать вгородская его прятиснена, а подпись руки писарское и коректа теми словы: Heronimus Konarzewsky, wicescapitaneus castrensis Kamienecensis et iudex causarum officii. Correxix Sulaticki. Который же то екстрактъ, за поданьемъ и прозбою вышъ реченое особы, а за принятьемъ моимъ урядовымъ, до книгъ нынешнихъ есть уписанъ; съ которыхъ и сесь выпись подъ печатю вгородскою, Киевскою, есть выданъ. Писанъ въ Клеве. Коривговаль Выговский, manu propria.

М. П.

Настоящій актъ хранится въ собраніи документовъ, принадлежащихъ Временной Коммисіи для разбора древнихъ актовъ, и значится по дополнительной описи подъ № 107.

СЛІХ.

Универсалъ Киевскаго воеводы Януша Тышкевича приглашающій всѣхъ обывателей Киевскаго воеводства собраться съ оружіемъ для принужденія короннаго стражника Самуила Лаща къ исполненію состоявшихся противъ него судебныхъ рѣшеній. 1640 г., января 25 г.

Рову тисеча шестсотъ чотырдесятого, месяца февраля осмого дня.

На вряде вгородскомъ, въ замку его королевское милости Житомирскомъ, передо мною Миколаемъ Вышпольскимъ, подстаростымъ Житомирскимъ, постановившимся очевисто шляхетный панъ Кгабриель.

Балыка, для записаня до книгъ внешнихъ, вгородскихъ, Житомирскихъ, подаль перъ облятамъ универсалъ одъ ясневельможного его милости пана Януша зъ Логойска Тишкевича, воеводы и енерала земель Киевскихъ, Житомирского, Снятинского, етс. старосты, екстра-томъ съ книгъ вгородскихъ, Киевскихъ, а то, приводечи речъ осужо-ную до скутку въ справе урожного пана Александра Олекшича Люшни—Кгеранойского, противко его милости пану стражнивови корунному выданный, просечи, абы тотъ универсалъ въ вгороде ту-тошнемъ былъ публикованъ и до книгъ вписанъ; которого я, урядъ, приймаючи, читаломъ; и оною публиковать росказаломъ, и такъ се въ себе писанный маеть: >Впишъ съ книгъ вгородскихъ воеводства Киевского, року тисеча шестсотъ чотырдесятого, месеца генваря двадцать сѣмого дня. На рочкахъ судовыхъ вгородскихъ, Киевскихъ, дня четвертаго месеца генваря, въ року, звышъ на акте писаномъ, припалыхъ и судовне отпавовать зачатыхъ, передъ нами, Яномъ Липленьскимъ, подвоеводимъ, а Теодоромъ Гуменичеймъ, судею, урядниками судовыми вгородскими, Киевскими, постановившисе оче-висто урожоний панъ Александеръ Олекшичъ Люшня—Кгеранойский, для вписаня до книгъ внешнихъ подаль перъ облятамъ универсалъ одъ ясневельможного его милости пана Януша зъ Логойска Тишке-вича, воеводы и енерала земель Киевскихъ, Житомирского, Снятинского етс. старосты, до всихъ ихъ милостей пановъ обывателей воевод-ства тутощного Киевского, въ справе вышъменованого урожного пана Александра Олекшича Люшни Кгеранского зъ урожонимъ его милости паномъ Самуеломъ съ Тучаць Лацомъ, стражнивомъ корон-нымъ, въ речи нижей менованой, съ лечатю и съ подписомъ руки его милости пана воеводы выданный, о чомъ тотъ универсалъ ширей въ себе описуеть, просечи, абы до книгъ принято, и возный до публикованя оногo приданный былъ; которого мы, судъ, для вписа-ня до книгъ принявши, возного судового, шляхетного Якуба Остров-ского, для публикованя того универсалу придавши, оный до книгъ уписать казалисмо, и такъ се въ себе, писмомъ полскимъ писанный, маеть: Janusz z Lohoyska Tyzkiewicz, woedoda y general ziem Kiiow-skich, Żytomirsky, Sniatinski etc starosta, ich mościom panom digni-tarzom, urzędnikom ziemskim, grodzkim, y wszystkim rycerstwa obywatelom

województwa Kiiowskiego, moim y mościwym panem y braciey. Waszem wobec y każdemu zosobna wiadomo czynnie, iż urodzony pan Samuel s Tuczap Kaszcz, strażnik koronny, roku niedawno przeszłego, tysiąc sześćset trzydziestego piątego, miesiąca aprilia trzydziestego dnia, kilka set człowieka zebrawszy, na maigtność urodzonego pana Alexandra Ołexiczę, Kuszni Geranolskiego, miasteczko Borodiankę, y wsi, do nego należąca, mecao gwałtem ze waszstkimi pożytkami, pieniędzami gotowemi, srybrem, złotem, klejnotami, szatami, y inszym waszstkim ogółem gospodarstwem domowym, w profestacyi y w processie prawnym mianowanym, one gwałtowne s posesnyi pana Ołexiczowey wsiął, y gdy pan Ołexicz eo nomine do groda Kiiowskiego causam expulsionibus, y inne różne actie, tak o te expulsia, jako y o insze rzeczy, onego yntentował, tedy po różnych terminach różne dekreta grodzkie y trybunałskie przeciw panu strażnikowi forewase są, których dekretów on żadnemu dosyć czynić nie chciał, zatym luora per luora, a naknieć banitiy cztery, infamią piątą, w sądzie głównym trybunałskim y w grodzie Kiiowskim otrzymać na sobie dopuścił, jako procesy prawne o tym waszstkim szyrzy awiadczą. A iż do tego czasu przerwczony pan strażnik w rzeczy osądzoney y dekretom dosyć czynić nie chciał y nie chce, owszem lekce waząc prawo pospolite, we waszstkim upornie się stał y sprzeciwia, przetoż, po takowych otrzymanych processach prawnych, banitiach, ynfamiey, publikowanych, jego królewaka mość pan nasz miłosciwy, jako supremus princeps, s cancellaryi swoiey wielkiey do mnie przysławszy, rokazać mi raczył mocno exequią na panu strażniku czynić. Będąc ia tedy stróżem prawa pospolitego y pierwszym w tym wojewodstwie senatorem y osobe jego królewskie mości, jako w odprawowaniu sądow, czynienia exequy, na sobie nosząc, ten list na seymiku, blisko przeszłym Żytomirskim, w kole rycarskim publikować rokazawszy, deteminowałem był czas na rozesłanie uniwersałow swoich do tey exequitiei po seymie przysłym Warszawskim, (adverso fato) nieskonczonym, we cztery niedzieli po konkluxy pomienionego seymu, (ieśli by była stała), odprawienie. Jednak, życząc tego, aby strona ukrzywdzona mogła być w sądu, zniwagach y szkodach swoich bez tey exequitiei ukoiona, pomienionego pana strażnika, prawem przekonanego (tą którą mam od jego królewskiey mości daną swirzchnością), przez przyiaciela upeminałem, aby tey exequitiei przez satisfactią stronie powodowey zabiezał, y oney na sobie y dobrach swoich wykonać nie dopuścił, do czego y rokazanie jego królewskiey mości (przez ymsy uniwersał w teyże sprawie do mnie z małej cancellaryey coronney przysłany), abym się zatrzymał, nastąpiło. Lecz gdy pomieniony urodzony pan strażnik a ni na przewode prawne, także banitie, ynfamią, na sobie

otrzymane, a ni na napomnienie moje, a ni naostatek na mandat jego królewskiej mości, pana mego miłościwego, o odprawieniu tey exekucie wydany, respektował, owszem, jako prawo pospolite znieważył, tak y na napomnienie moje nie dbał, a nakoniec łaską y miłosierdziem jego królewskiej mości, pana mego miłościwego, pogardził. Za tym, gdy po seymie pomienionym nieskonczonym, czas naznaczony nastąpił, ia, respektując wprzod na chwalebne święta narodzenia Pana Zbawiciela naszego, potym zaś na cadentią rókow grodzkich y ziemskich Kiiowskich, kturę sie y ten raz odprawiają, odrpzeć sie wzięty exequutiei supersedować musiałem; ale że teraz znowu jego królewska mość, pan nasz miłościwy, za instantią y żałosną strony powodowey, uniwersał s cancellary małej koronney do mnie przysłać raczył, abym, bez dalszjy odwłoki uniwersałe swoje do waszmość, moich miłościwych panow obywatelow tego woiewodstwa, rozesałwszy, dekreta pomienione do exequutiy prywid, także maiętności mianowane, pomienionemu urodzonemu panu strażnikowi odebrawszy, one powodowi pomienionemu panu Alexandrowi Olekszyczowi Łuszni Geranoyskiemu w possessią, jako jego własne, podał, o czym te uniwersały jego królewskoie mości szyrzy swiadczą. Ja tedy, roskazaniu jego królewskoie mości, pana mego miłościwego, y powinności urzędu mego, także affectacyi strony powodowey, dosić czyniąc, y te exequutią do skutku przywieść usiłując, o woley y roskazaniu jego królewskoie mości waszey mości, moich miłościwych panow, obwieszczam, y władzą tą, która mi jest od jego królewskoie mości dana, waszey mości, moim miłościwym panom, roskazuie, aby sie wasza mość, moi miłościwy panowie, na dzień dwudziesty piąty, miesiąca lutego, blisko przyszły (gdy ż jeszcze teraz sądy pomienione ziemskie y grodzkie Kiiowskie, które sie o raz odprawiają, są przeszkodą) pod Żytomirz, gdzie y ia yn persona mea, da Bog, stawie sie, wszyscy osobami swemi, zbroyno, iako do woyny, stawili sie, y tam pospoł ze mną y z urzędnikami memi sądowemi, grodzkimi, Kiiowskimi, tamque cum brachio regali, tam jako dalsza rezolutia moja nastąpi, y prawo opisane droge poda, przeciwko panu strażnikowi, jako banitowi y infamisowi, prawem przekonanemu, y z panstw koronnych wywołanemu, postąpili, pod winami, w prawie pospolitym na nieposłusznych opisanemi. A lubo to prawem pospolitym y dekretami, tak grodzkimi, jako trybunalskimi, surowie obwarowano iest, aby z banitem y cej odsądzonym żaden nie conwersował (co y w tey sprawie teraznieyszey przeciwko pomienionemu urodzonemu panu strażnikowi dostatecznie opisano); iednak ia, aby nic na powinności moie y urzędu mego nie szkodziło, zwirzchnością moją

upominam y przestrzegam, aby sie żaden przy przereczonym urodzonym panu Łaszczu, strażniku coronnym, wiązać, bawić, rady y pomocy iakim kolwiek sposobem dawać, nie ważył, gdyż s takim koźdym, jako s pomocnikiem ynfamisa y banita, wedle opisania prawa pospolitogo, bez wszelkich dillaty postąpić przydzie. Dan w Kiiowie, dnia dwudziestego piątego miesiąca january, roku pańskiego tysiąc szescset czterdziestego. У того унівесалу печать его милости пана воеводы Киевского притиснена, подпись руки тыми словы (?) гекą swą. По прочитаню того унівесалу возный вышьменованный, шляхетный Якубъ Островский, чинечи досить росказаню нашому судовому и повинности уряду своего возновъского, унівесаль тотъ тутъ на замбу, таь въ избе судовой, яко и на бганку, при той избе будучомъ, при бытности велю людей зацныхъ, въ розныхъ воеводствахъ згромажонныхъ, справъ своихъ у суду шилнучихъ, голосомъ вынеслымъ, ижъ тотъ унівесаль въ справе урожоного пана Акександра Олевшича Люшине Кгеранойского, повода, съ паномъ Самуеломъ Лашчомъ, стражникомъ короннымъ, яко правомъ превонанымъ, позванымъ, въ речи вышьменованой выданный и до всехъ ихъ милостей пановъ обывателей воеводства тутошнего писанный, обволаь и публиковаль, приводечи то всямъ до ведомости, абы зъ преречонымъ паномъ стражникомъ, яко зъ иньфамисомъ и чти одсужонымъ, съ панствъ коронныхъ и великого княжества Литовского выволанымъ, жадного сполеу а ни обцованя не мели, рады и помощи оному ни въ чомъ не додавали, въ домахъ, маетностяхъ своихъ не переховывали, але се зъ нымъ, яко правомъ превонанымъ, во всемъ, водле сробгости права посполитого заховали, подъ винами въ праве описанными. О чомъ тотъ возный, ижъ тотъ унівесаль обволаь и публиковаль, очевисто передъ судомъ нынешнимъ ставши, о томъ реляцию свою учиниль и сознаь,—што для памети до книгъ нынешнихъ есть записано, съ которыхъ и тотъ выписъ подъ печатью вгродскою, Киевскою, есть выданъ. Писанъ у Киевѣ, кориеговаль Чапъчинский. У которого екстракту печать вгродская, Киевская, а подпись рукъ тыми словы: Woyciech Rylsky, woyski Żytomirski, pisarz grodski, Kiiowski. Который то екстрактъ унівесалу, за принятемъ моимъ урядовымъ и за афектацьею вышьменованое особы, и за приданемъ моимъ урядовымъ,

престъ возного енераля, шляхетного Яна Вышневецкого, есть публикованный и до книгъ вписанный.

Книга Житомирская городская, записовая и поточная, № 15, годъ 1640, листъ 33.

СЛХ.

Донесеніе вознаго о доставленіи имъ мздата, требующаго на королевскій судъ княгиню Домонтовую, князя Іеремію Вышневецкаго и другихъ лицъ, по жалобѣ короиншого стражника Самуила Лаща о наездѣ на его имѣнія Домонтовъ, Песчаную и Золотоношу, разнаго рода насильствъ, грабежатъ и о совершенномъ отнятїи этихъ имѣній. 1640 г., апрѣля 17.

Року тисеча шесть сотъ чотырдесятого, месеца апрѣля семнадцатого дня.

На вярде вгородскомъ, въ замку его королевское милости Житомирскомъ, передо мною Миколаемъ Вышьполскимъ, подстаростымъ Житомирскимъ, становшы очевисто шляхетный Александръ Костюшковскій, возный енераль воеводства Киевского, Волинского, Брацлавского и Черниговского, для записана до книгъ нынешнихъ вгородскихъ, Житомирскихъ, въ тые слова созналъ: якъ онъ въ року теперешнимъ, тисеча шесть сотъ чотырдесятомъ, месеца феврала чотырнадцатого дня, маючи при себе сторону шляхту, шляхетныхъ пановъ Явуба Кендзиринского и Томаша Стацьковского, мандать его королевское милости авътентичный, съ печатю коронною меншое канцелярии до места Доумонтова, въ воеводстве Киевскомъ лежачого, однесши, оцый въ браму замку тамошнего вотенуль, о положеню того мандату челяди и строжомъ, въ тамтымъ замку будучимъ, также войтови и бурмистромъ оповедалъ; писанный тотъ мандать по урожонныхъ пановъ Александра и Богуфала Олекшичовъ, княгиню Полонію Домонтовую, яко принципаловъ, а по осветчонного княжати его милости Еремия Корыбута Вышневецкого, яко по того, который людей своихъ служалыхъ далъ на помощь особомъ вышьменованнымъ, на

попелене учинку, ниже менованого, и по слугъ а ротмистровъ его внежаты милости, по пановъ: Коленоте, Войне, Кашвовского, Турского, Домарацкого, ротмистра першаго Судыцкого, Вишневецкого, Белского, Пирского, Павловского, компрынцыпаловъ учинку, въ тымъ тамъ мандате ширей описаного, въ жалобе инстингатора коронного и его делятора и велможного его милости пана Самуеля Ласча Тучапъскаго, стражника коронного, Овруцкого, Каневъского старосты, а то такъ по отрыманю контумацый на сейме близко прошлымъ, и яко и справы оджывяючи по смерти зопшого пана Андрия Халаима, до готового процесу, въ той справе зачатого, а то о ввалтовное наехане на добра его королевское милости, державы его милости пана стражника коронного: места Домонтова, Песчаной, Золотоношы, о позабыяне слугъ, япчаровъ и гайдукровъ и подданныхъ, въ тыхъ маестностяхъ подъ тотъ наяздъ бытыхъ и мешкающихъ, о побране речи немало, такъже воней, стрельбы розное, быдла, стада, о згвалцене дивокъ, невясть, о одбране и одняте тыхъ добръ всякъ вышъ помененыхъ съ посесыи его милости пана Самуеля Ласча Тучапъскаго, стражника коронного, и о вси виоленции и учинки въ протестации о то учиненой, и въ тымъ мандате о тожъ вынесенымъ и поданымъ ширей описуетъ, о чимъ тотъ тамъ мандатъ ширей въ себе обмовляетъ. За вторымъ то мандатомъ ровъ сторонамъ обема, такъ поводовой, яко и позванный, на сейме валнымъ Варшавскимъ, шестьнеделнимъ, въ Варшаве, албо тамъ, где на онъ часъ его королевская милость зъ дворомъ своимъ счастье будетъ, передъ судомъ его королевское милости, паны радамы, при боку его королевское милости будучими, найпервей объ положеню того мандату, до сужена припадающимъ и одправующимъ се, становитьсе зложилъ и назначилъ. Што такъ власне, а неиначей бытъ, менованый возный призывавъши, просилъ, абы тое его вознана до внигъ записано было, што и отрималъ.

*Книга Житомирская вродская, написовая и поточная, годъ 1640,
№ 15, страница 336.*

CLXI.

Жалоба пана Калускаго на крестьянъ им. Старого и Нового Коростешова о томъ, что они привели нападеніе на живущихъ тамъ шляховъ, а при проѣздѣ Калускаго черезъ мѣстечко напали и на него, одного изъ слугъ его избили, изранили и ограбили. Донесеніе вознаго объ осмотрѣ имъ ранъ. 1640 г., апрѣля 17.

Року тисеча шестсотъ чотыредесятого, месеца апріля семнада-
того дня.

На вряде вгородскомъ, въ замку его королевское милости Житомирскомъ, передо мною Николаемъ Вышъполскимъ, подстаростымъ Житомирскимъ, становши очевисто урожонный панъ Адамъ Циприянъ Калускій, противько славетнымъ: Скарженкови, Положенскому, Петрови Дорошенкови, Ярмоле шевъцови, Дуткови, Дымитрови волчячникови, Шырку гайдукови, шахварови, сыномъ Лазарчовымъ, зятю Исаянкови, твачови Рудобрудому, Кондрату, шевъцу и ковалови и иньшимъ всимъ мещаномъ и посполству, также войтомъ, бурмистромъ, мещъ Старого и Нового Коростышова, яво принципаломъ и компринципаломъ, которыхъ имена и прозвиска, хотъ не суть есь-пресе выражонны, однакъ оныхъ протестантъ зъ выражонныхъ мещъ хоче, и, за взятемъ ведомости, въ дальшимъ процесѣ меновать будеть, светчилъ и протестовалъ о то, ижъ они, ничего се не огледаючи на право посполитое и вины, описаные въ нымъ, препомневши боязни Божое, есче въ небытности протестанта, въ року теперешнимъ, тисеча шестсотъ чотыредесятомъ, месеца kwietня шестнадацатого дня, въпродъ во дзвононь на вгвалтъ ударивши и тумултъ всчавши,—одъ дому до дому ходечы, где бы одно коловець веры католицкое вого зналезли, питаючи се, и жиды, который бы смель явого заховать, биючи,—урожонныхъ пановъ, Карказана и Хмеловского, округне а нелицотстве кийми збили, одъ которого збитя неведать если живы остануть, а хотя и живи будуть, вечное хромоты не уйдуть,—которымъ волне право о ихъ удесьпекътоване заставаеть, яво шляхте. И такъ, одъ дому до дому ходечы, где одно коловець явого ляха

налезли, были и мордовали, пьяные будучи,—о которомъ тумулте протестантъ не ведалъ; але, яко человекъ сповойнцій, побоемъ права посполитого и безпеченствомъ приѣздячихъ и одъездячихъ на суды будучи обварованный, на сеймъ близъе припадающий, такъже и трибуналь Любелский, на справы жолнирскіе, съ справами до Люблина едучи, до Коростишова приезжаючи, въпередъ челядника, шляхетного Язуба Денбъского, для господы послать, который, вгды до места приехалъ, поставивши коня у хлопа, зъ господы поль до места шувать; которые помененные принципалове зъ компринципалами, на улицы обскочившы, округне а нелитостиве збили, змордовали, вийми, жердами, друками, раны сыние, спухлые, кровью набеглые, по плечахъ, по рукахъ, по крыжахъ и голове позадавали и мало на смерть не забили, вгды бы не одинъ месчанинъ Старого места, якисъ человекъ добрый, отратоваль, оного не оборонилъ, удаючи, же ничего онымъ невиненъ и допюро приехалъ до господы, для пана своего шуваль. При которимъ збитю, округнымъ мордованю, шаблю, за золотыхъ петнадцать кушленую; чапъка, вгардлами подшитая, вармазыновая, за золотыхъ десеть; поесъ чырвоный волошовый, за золотыхъ дванадцать, пенезей протестантовыхъ, которые мель на справы и на страву ихъ милостей пановъ юристовъ присланые въ тросе на тымъ же челяднику мелвовыхъ сто, а бытыхъ двадцать, такъже справы и вьвиты, реляксацые, его милости пана стражника коронного скрутиниумъ, пана Себестияна Кграсовскаго зъ паномъ Кгумовскимъ справы и ины справы и документа, въ способъ лупу взяли и межи себе розделили. А вгды протестантъ приѣхаль до места и о таковымъ збитю и мордованю челядника, такъ же и лупахъ доведавшы се, до старосты тамешнего, до его милости пана Русецкого, пошоль, которого на месте стоячого и тые тумулты усмераючи заставши, и жалъ свой оповедавши, и о учинене сираведливости жадалъ, где помененные хлопы, невоонтентуючи такими деспектами, збитемъ и лупами, слудзе почыненными, оного протестанта, впередъ словы ушчицливими, гонорови его шведячими, зесромотивши, ку болшей зневазе и обелженю окрывъ учынивши: »бийми, забийми того собаку, ляха, зъ его челядю,—што позабывавши, разомъ одбудемы«. И певне бы забили были, вгды бы въпродъ не Панъ Богъ, а самъ

панъ староста, его милость панъ Русецкий, до господы вель протестанта, где се и самому пану старосте мало недостаю, егдажъ хлопство пьяное, кого колвецъ тылко подкали, то зневажали. На остатокъ его милости ксендза Танскаго, который, яко капланъ почтливый, забитыхъ по улицахъ бралъ и до господъ односитъ базаль, оного мало незневажали, — якожь некоторые въ тымъ тумулте волали: »забить и того, бо то ляхъ.« А протестантъ въ господа, посполу зъ челядю и слугами его милости пана стражника коронного: съ паномъ Войтехомъ Кглембовскимъ, Миколаемъ Лусчникомъ и зъ вознымъ, который на онъ часъ посполу съ протестантомъ до Жытомера ехалъ, шляхетнымъ паномъ Александромъ Костюшковскимъ, зоставшы, и въ господа, замкнувши се, зоставалъ страхомъ накарменный, выглядючи и сподивачючи се тиранского забитя одъ хлоповъ, кровю шляхецкою закошанныхъ, которые то хлопн господа обступивши, протестанта добывать одни хотели, а другие на тымъ были, абы не добывали, але брамы стражою осадывши пилновали, абы нхтъ не выѣхалъ зъ места, даючи знать о зневазе и злупеню слуги протестующого се и самому его милости пану стражникови коронному, которые, презъ годинъ две за онымъ обступенемъ и вартованемъ, нигде съ дому вынхсть не смели и такъ (у) везеню зоставали. Которые протестанта вартуючи зъ его челядю и товариства, южь передъ заходомъ слонца учинивши намову, — же: »волемы оныхъ, въ ноци спячихъ, побравши, же бы о тымъ нхтъ не видалъ, позабиятъ любо утопить«; леть протестантъ, по уступеню по той раде хлопства, обачивши его милость ксендза Танскаго, который, яко капланъ почтливый, и перестрегаючи уряду своего капланскаго, до збитого, а праве коначного пана Хмеловскаго, шоль, оному жалъ свой и деспектъ и тавовую опресню оповедавши, который, выдечи такыне бунты, самъ просилъ и персвадовалъ, абы принажней у него съ тыми всеми слугами и товариствомъ переночовалъ, — тылко, абы, яко на цршей зъ оного дворку, где сталъ, любо речы вынесоно, любо, по усмереню тумулту, привезоно до плебани оного. Якожь протестантъ самъ вифодъ до него пришло, а шотымъ колясу и другие колясы, такъ возного коменскаго, яко и свою, который ехалъ посполу съ протестантомъ до плебани въ ноци зъ паномъ канторомъ, который

былъ одъ его милости есендза Танскаго за стража его самого, слугъ и товариства и возного приданый, якожь самъ помененый канторъ въ ночи, кгда се хлопн зашени кровю шляхетскою, за сполною радюю своею, маючы брамы и форты добре, абы нихътъ зъ места не виеджалъ, опатренные, розумеючи, же самъ протестантъ мель въ той-господе ночовать, посполу съ товариствомъ, слугами своими и вознымъ помененымъ, абы его, знать самого и всихъ, при нимъ будущихъ, спячихъ, таеъ здрадецьи и нотаемне побравши, не забили и потопили, до плевании ушли. Которые хлопн, того будучи розуменя, же онъ въ той господе мель ночовать, лечъ же за Боскимъ презрениемъ зъ оное господы выехалъ ц у его милости есендза Танскаго ночовалъ, ошукане на голову забита душъ шляхетскихъ о нимъ зостало, а бовемъ розумеючи, же тамъ есть посполу (зъ) своимъ товариствомъ, на то пилювали и черезъ ночь всю вартовали коло господъ, абы жадень, для даня ведомости пана протестуючого, не выехалъ, который домъ, где сталъ самъ, посполу съ товариствомъ и вознымъ, хлоповъ сто, двесте и далей, яко маеть ведомость, вартовали. А кгда до господы виедши, протестанта, же его тамъ не зналезли, жаловали, выкрикаяючи: >идыжь, ляше, штось утеклъ, бо бы и тебе то было!—мовилъ, же тымъ хлопомъ шию поттинають за зневаги шляхетские и твою господу обступене,—нашъ панъ Олизаръ насъ неодступить, а мы заплатимъ, бо есть чымъ, а жадному Олизарчикови, который есть его милости подданный, шию не утнуть и оныхъ невыдасть». Итакъ протестантъ, посполу съ помененною шляхтою, слугами его милости пана стражника и самъ въ везню зоставши, а по уступению тумулту, до его милости есендза Танскаго, до его мешкана плебани ледво живъ утевлъ, которую ночь, не малъ цалую, ажъ до самого дня хлоповъ до двоух сотъ вартовали; аже его въ господе рано не обачили—одешли. А на заютрь, видечи дня семнадцатого априля же, его милость панъ Людвикъ Олизаръ Волчевичъ есть той маестности дедичомъ, поневажь его милость панъ Русецкий справедливости самъ безъ его милости пана Адама Вилки, пана своего, его милости пана Олизара, яко дедича, чинить не хотель, допюро протестантъ на иривздъ его милости пана Олизара чинилъ на нерсвазиею его милости пана Мерсина, которому далъ знать его милости пану Олизарови о та-

ковыхъ тумултахъ, сподиваючись его не выехать, до места, чебаль, а дочевать се немогши, до маестности оного, Студеное Воды, запустиль се, которого въ полю упилновали, одъ Коростишова подзавши, и жалъ свой и деспевтъ такъ же слугъ его милости панувъ стражниковыхъ, яко своихъ товариства, оповедивши, его милости пана Олизара справедливости жадалъ, который, пожаловавши зневаги протестантовое и товариства его, справедливость учинить обещалъ; протестантъ, дуфаючи обытницы его милости пана Олизаровой, завернулъ се знову, ачъ пилю дорогу маючи, сподиваючи се справедливости, завернулъ се до Корестышова, — вгды приехалъ, тамъ справедливости съ товариствомъ жадалъ. Его милость панъ Олизаръ поведиль; же «ажу тые лупы и забраня речей и пенезей поворочатъ, учинивши инквизицию; але о збите челядника и зневаги протестантовой, чинить немогу, для тыхъ причинъ, же тую маестность заставиль; а до того, вгды быхъ мель справедливость ретелную чинить, мусель быхъ тыхъ хлоповъ всіхъ выстинать, чого учинить немогу, бо быхъ маестность спустошилъ, которую протко вывуплю». А такъ протестантъ, послулу съ товариствомъ, съ плачомъ одехать мусель, вознымъ, шляхетнымъ Александромъ Костюшковскимъ, осведчивши. Его милость панъ Олизаръ, поведиль: же «то не Чернецка маестность, але моя и такій учинокъ, же пана Карказана и пана Хмелевского здеспетовали, похвалилъ жалуючого зневаги протестантовой, слугъ и товариства его, яко невинныхъ; где протестантъ зъ жалемъ своимъ немалымъ, вознымъ помененнымъ осведчивши, одехать мусель. Которымъ таковымъ поступкомъ помененные мещане право посполитое зневажили, станъ шляхетский, въ побитю помененого Денбьского, яко шляхтича, въ зневагахъ, такъ самого протестанта, яко и товариства и слугъ его, шляхты добре урожоной, вартою и везенемъ, и луповъ, побранихъ у пана Дебского, зневажили, а за тымъ вини правные заслужили; которыхъ протестантъ всіхъ впродъ у его милости пана Русецкого, яко старосту, на месте его милости пана Вильги будущого, а потымъ у его милости пана Олизара самого, яко дедича тое маестности, арештоваль до росправи правное, о што все нитъ форо фори правне чинить оферовавши се, мелиорацыю той протестацыи, если бы того потреба укаже, волне себе зоставивши, на верификацыю того

всего, ставилъ возного, шляхетного Александра Костюшбовскаго, который, въ мощь правдивое свое реляции, зезналъ: ижъ онъ былъ при вартованю протестанта и его товариства, выжей выражонного, въ месте Коростешове, и вси зневаги и збите слуги протестуючогосе самого и слугъ его, на завтрее выдель дня семнадцатого априля, маючи при собе шляхту, шляхетныхъ пановъ Яна Оборского и пана Адама Мосчинского у его милости пана Русецкого, до справы правное арештоваль ве сту тисечи гривенъ; которого арешту его милость панъ Русецкий принять не хотель, поведаячи, жемъ я дочасный староста, а его милость панъ Вилега, панъ заставный,—можетъ мя пренътго одменить; тыхъ хлоповъ затримать не могу, егдыжъ и мене дня вчорайшого мало хлопи, посполу съ паномъ Калускимъ и товариствомъ, слугами не забили, егды быхъ былъ оного до господы не ведлъ, а въ остатку сами видите, пане возный, якие были тумулты дня вчорайшого, же мене и пана Калуского, зъ его товариствомъ, мало не позабияно, чога самъ тылко Панъ Найвышшый былъ обронцою, егды бы—сте, за персвазыню его милости ксендза Танского, не почували у него въ плебании, ноцою тихо выехавши. А потымъ, панъ Калуский у его милости пана Мерешки будучи и свои зневаги оповедаючи, его милость панъ Мерешка поведиль, пожаловавши деспекту оного и его товариства, писалъ до его милости пана Олизара за сее, што година сподиваетъ,—которого часъ немалый въ Коростышове очекивалъ; а немогше се дочеать и фхаль до Студеное Воды; которого, влулъ дороги поткавши, при мне, вознымъ, шляхте о учинене справедливости жадалъ, где его милость панъ Олизаръ учинить обецавши, до места се завернуть казалъ, обещаючи въ Коростешове справедливость учинить. Где протестантъ, панъ Калуский, завернувши до Коростешова, становши въ госпде, самъ шоль до его милости пана Олизара, до плебании, где на онъ часъ его милость стануль, о учинене справедливости жадалъ, которую его милость панъ Олизаръ учинить обецаль былъ въ дорозе. На которое жадаие поведиль: же я жалую зневаги и деспектовъ его, такъ товариства, яко в слугъ его, и кажу, што колвевъ хлопи забрали и злупили—пошлю до старосты его милости пана Видзминога, абы казалъ поворочать хлопомъ тымъ; еле што о збитье и такые зневаги, которые онъ въ невинности поцель,

хлоповъ на вгарло карать хотяй мусель быхъ, а то не учиню, бо што се стало, то се стало въ тумулте и вгвалте, вгды пана Карказана и пана Хмиловского добывано и его слугу на онъ часъ потымъ тумулте, розумѣючи, же не пана Калуского, але пана Хмилевьского, который челядникъ шоль, оного збили и што колвекъ побрали при нимъ, каже поворочать. А што се тѣне зневагъ самого, слугъ и товариства его, же хлопи, яко пьяни, загневанные на пана Хмилевьского и пана Карказана, на немъ се, слугахъ и товаристве его помстили и же здоровъ zostалъ, нехай Пану Богу давуеть, а верненемъ трудности речей, всихъ и злупенныхъ и забранныхъ нехъ се контентуеть, бо, ачъ мой добрый приятель, але я для него всего места выстинать некажу, до чого бы пришло, вгды бымъ скутечную справедливость мель чинить въ десепкте оного, который его потвалъ. Которую справедливостю панъ Калуский въ своихъ обелыгахъ не контентуочи се, зъ жалемъ немалымъ одехать мусель, за збите слуги и свои зневаги, такъ и товариства и слугъ своихъ справедливости не учинивши, речи полупеныхъ и забранныхъ не одобрывши, але мною, вознымъ, о то все, а я шляхту, при себе будучую, осветчилемъ, и заразы до Житомира, посполу съ паномъ Калускимъ и тымъ товариствомъ, паномъ Кленбовскимъ и Лусчыкомъ, и слугами его поѣхаломъ, где дня сегодняшого панъ Калуский слуги збитого при мне, вознымъ, у его милости пана подстаростего презентовалъ, а потымъ о придане мене, возного, просилъ; где я, возный, за приданемъ того жъ уряду, съ тоєю шляхтою, выжей выражоную, гдемъ быхъ арештуючи тыхъ подданныхъ у его милости пана Русецкого, его милости пана Олизара, выделемъ пана Якуба Демьского збитого въ Житомеру, въ госпде, знаки киеве збитые, спухлые, кровю набеглые на голове, рукахъ, раменахъ, крижахъ, хрибте, и не малъ одъ стопы тело ногъ, ажъ до самое головы збите, одъ которого збитя вутпливость абы живъ zostалъ, а хотя буде—хромоты вечное не уидеть. При которомъ збитю и змордованю меновалъ собе помененый панъ Демьский шаблю, шагъву и пенезей, справы некоторые побранные. Што все возный помененый шляхтою, при себе будучою, осведчилъ, и то, што колвекъ въ протестации есть написано, и што видель и слышалъ, такъ власне, а не иначе, быть признавши, и тую

протестацію о збите, лупы, везеня и вартована затвердивши и апробовавши, просилъ, абы все до книгъ записано было, што отрималъ.

Книга Житомирская городская, записовая и поточная, юды 1640, № 15, стр. 339.

СЛХІІ.

Приговоръ Люблинскаго трибунала, осуждающій на банницію дѣлу роту Черниговскаго воеводы Мартина Калиновскаго, за мезьку обвиняемыхъ къ суду, по дѣлу о грабежахъ и насиліяхъ, произведенныхъ ими въ имѣніяхъ Кіевскаго хорунжича Реміана Ельца. 1640 г., апрѣля 18 дни.

Року тисеча шестьсотъ чотыридесятото, месеца юня двадцать шостога дня.

На вряде вгородскомъ, въ замку его королевское милости Житомирскомъ, передо мною Миколаемъ Вышполскимъ, подстаростнымъ Житомирскимъ, становши очевисто шляхетный панъ Лукашъ Трачевский, подаль перъ облятамъ баныцью на товариство корогни его милости пана воеводы Черниговьского въ речи и кривде, нижей менованой, въ суде головномъ трибунальскомъ, коронномъ, Любельскомъ, въ року нинешномъ, тисеча шестьсотъ чотыридесятотомъ, въ справе урожного его милости пана Еремьяна Ельца, хоружица воеводства Киевского, отриманую, просечы, абы была до книгъ нинешнихъ принята и въписана, которую я, врьдъ, оную примуючи, читаломъ, и таеъ се въ себе, писмомъ полскимъ писаная, маеть: »Actum Lublinij in judicijs ordinarys generalibus trybunalis regni, feria tertia post dominica boni conductus proxima, anno domini millesimo sexcentesimo quadragesimo. Urodzony jego mość pan Remian Jelec, chorążyc wojewodstwa Kijowskiego, dowodząc sprawiedliwości poddanym swoim z miasteczka Łomli y z miasteczka Kamienki y wsi, do nich należących, powód, urodzonych Jerzego Kalinowskiego, miecznika wojewodztwa Braclawskiego, porucznika rotы wielmożnego Marcina na Basiatynie Kalinowskiego,

wojewody Czernihowskiego, Andrzeja Sokolnickiego, chorążego, Jarosza Grochowskiego, Dobrogosta Skarbka, Samuela Merezke Osiemborowskiego, Marcina Sokołowskiego, y waszytkę kompanię, towarzystwo z pod teyże chorągwie jego mości pana wojewody Czerniechowskiego, ze wszystkich dóbr pozwanych do sądu ninieyszego, głównego trybunału koronnego, Lubelskiego, przez woznego generała, uczciwego Matiasza Wilskiego, cztery nad prawo razy wołanych a niestawionych się, w zysku nagrodzenia szkod rejestrem przez poddanych liquidowanych, zaraz y nieodwłocznie, pod winą banitij wieczney, wyiowszy samego pana wojewode Czerniechowskiego, sądownie wzdął, ato na pozew swój przeciwko nim, w te słowa pisany: »Władysław czwarty, z Bożey łaski król Polski, wielkie xiążę Litewskie, Russkie, Pruskie, Mazowieckie, Inflanskie, Smolenskie, Czernihowskie, a Szwedzki, Gotski, Wandalski dziedziczny król. Urodzonym Jerzemu Kalinowskiemu, miecznikowi wojewodztwa Braclawskiego, porucznikowi roty wielmożnego Marcina na Husiatynie Kalinowskiego, wojewody Czernihowskiego, Andrzejowi Sokolnickiemu, chorążemu, Jaroszowi Grochowskiemu, Dobrogostowi Skarbkwowi, Samuelowi Merezke Osiemborowskiemu, Marcinowi Sokołowskiemu y waszytkiej kompaniei towarzystwa z pod teyże chorągwie jego mości pana wojewody Czernihowskiego, ze wszystkich dóbr wierności waszey, leżących y ruchomych. Przykazujemy, abyście wierność wasza przed sądem naszym głównym trybunalskim, koronnym, Lubelskim, w roku blisko przyszłym, tysiąc sześć set czterdziestym, między sprawami żołnierskimi, skoro po zaczęciu trybunału po niedzieli przewodney, gdy ta sprawa z rejestru spraw żołnierskich, wiedle ordynaty tego sądu, trybunału Lubelskiego, z rejestru sądowego przywołana będzie, sami oblicznie y zawicie, iako na roku zawitym, stanowilisie y skutecznie usprawiedliwili na żalobe y prawne poparcie urodzonego jego mości pana Remiana Jelca, chorążycza wojewodztwa Kijowskiego, króry po translatitie terminu za omieszkaniem y niewpisaniem sprawy pomieniony, za zawarciem rejestru spraw żołnierskich, na przeszłym trybunale koronnym Lubelskim sądzących, wierność wasze pozywa, dowodząc sprawiedliwości poddannym swoim z miasteczka Łomli y z miasteczka Kamienki, wsi do nich należących, ato o niesłuszne y gwałtowne wyciągnięcie stacij y inszych wiele krzywd poczynienia, iako o tym rejestr, przez poddanych miasteczek y wsi naszy mianowanych tych szkod comprobowany, szyrzey w sobie ma; przeto abyście na roku wzwyż oznaczonym stali, szkody, na rejestrze osobliwym spisane y przez pomienionych poddanych powodowych w grodzie poprzysiężone, z sowitością y winami prawnymi instantum zapłacili, poddanym zbitym, wedle stanu każdego, rany, pódług prawa, nagrodzili,

y na wszystko prawnie odpowiadali. Pisan w Kijowie, roku tysiąc sześćset trzydziestego dziewiątego, miesiąca decembra wtórego dnia. A na umocowanie zysku pomienionego na przerze czonych pozwanych sposobem wyżej opisanym otrzymanego, sąd niniejszy główny trybunalski, koronny Lubelski, na przerzeczonych pozwanych wine nagrodzenia szkod, przez poddanych powodowych registrem liquidowanych, powodowi ninieyszemu do zapłaczenia zaraz nakazuje, ato pod winą wieczney banity, którą, w niedosyć uczynieniu przez nich decretowi temu, zaraz na pomienionych pozwanych (wyiowszy samego pana wojewode Czerniehowskiego), wskazuje y do publikowania winy tey banity wieczney woznego generała, ucciwego Matiasza Wilskiego, przydaie y naznacza, a sprawe te do starostw mieyscych urzędow należnych, pod których iurisdictioną dobra pomienionych pozwanych leżą, y sami w osobach swych, gdzie kolwiek będą, mogli bydź zatrzymani, do czynienia na nich y dobrach ich, według prawa pospolitego, nieodwłoczney executij odsyła; iakoż tenże wzwysz pomieniony wozny generał, ucciwi Matiasz Wilski, z mieysca publicaty wracaiąc się, przed sądem ninieyszym iawnie zeznał: iż on pomienoną banitią wieczną na przerzeczonych pozwanych, sposobem wyżej pisanym otrzymaną, na ratuszu Lubelskim, przy bytności wielu ludzi na ten czas zgromadzonych, publikował y do wiadomości wszystkich, podług prawa, podał. У тоє банити при печати, подпись руєть тыемы словы Nicolaus Słoinski которая жъ то банитица, за поданемъ вышъ реченоє особы, а за принятемъ моимъ урядовымъ, до книгъ нинешньихъ, слово въ слово есть уписана.

Книга Житомирская городская, записовая и поточная, годъ 1640, № 15, стр. 1096.

СЛХІІІ.

Объявленіе отъ имени крестьянъ с. Кошара о томъ, что паны Пясецкіе своими угрозами воспрепятствовали имъ произвести судъ надъ задержаннымъ ими воромъ, который вслѣдствіе этого бѣжалъ. 1640 г., сентября 18.⁴

Рову тисеча шестьсотъ чотырдесятого, месеца сентебра осмнадцатого дня.

На вряде вгородскомъ, въ замку его королевское милости Володимерскомъ, передо мною Петромъ Сосновскимъ, буреграбимъ замку Володимерского, и книгами нинешними, вгородскими, старостинскими, постановившисе очевисто учствивый Богданъ, войтъ Кошарский и Михалъ Савчене, подданые яснесвещеного виежати его милости Адама Александра Сангушка, воеводы Волинскаго зъ Кошара, имеемъ своимъ и имеемъ всее громады Кошарское зъ великимъ жалемъ и плачомъ зъ притомностю виежати его милости, яко пана своего дедичного, светчилися и протестовали на противко урожонныхъ пановъ Александра отца и Яна сына Пясецкихъ, о то: ижъ вгдн они въ рову теперешнемъ, тисеча шестьсотъ чотырдесятомъ, месеца августа девятого дня, съ повинности уряду своего зъ громадою заседши, злочинцу некаго Яска Служку Омелянового, боярина Кошарского, на крадежи пойманого и зъ лицемъ презентованого, по славши по ексекутора, вкрати хотели, таеъ якобы сваволя могла быти гамованая а злустъ (sic) заплату свою однесла, пререченые ихъ милости панове Пясецкие, неведати для чого, и овшемъ зъ якоеъ конвенции, а меновите панъ Янъ Пясецкий дня девятого августа, приехавши до Кошара, до войта, где тотъ злочинца осаженный былъ, не заставши есче всее громады толко вилку и сторожу, при томъ злочинца будучую, одповедаючи: «ижъ праве, ежели его будете на горло судити, теда васъ всихъ и ката постриляю и позабиваю»,— и съ тымъ одехалъ. Потомъ на завтрее, вгдн тая справа припала, и юже громады болшая часть зошла се была, толко очекивали на

пана старосту Кошарского и иных слугъ внемати его милости, приехалъ самъ панъ Александеръ Пясецкий, отецъ, съ такоужь одповедю: «нижъ праве, радъ на тое буду патраль, коли будете его судити», — тнежъ слова, што и сынъ, повторяючи. За чимъ протестантесъ, обавляючись, абы, нижъ староста и слуги внемати его милости приедуть, неіпришло до якихъ галасовъ, зъ громады се розошли, а суды свое до завтрія рознесли и одложили. А тымъ часемъ, нимъ тая справа на завтрее припала, злочинца тотъ зъ везеня утеклъ, зачимъ протестантесъ, обавляючись, абы зась суседы досторонные не хотели якихъ вридъ, презъ того злочинцу починеныхъ, на нихъ доходити, тую свою протестацию заносять, оферуючись зъ ихъ милостю паны Пясецкими правне, яко съ права прийдегъ, поступити, на тотъ часъ просили, абы тая ихъ протестация была принята и записана, — которая есть принята и записана.

Книга Владимирская вродская, записовая, поточная, и декретовая, годъ 1640, № 1007; листъ 427.

CLXIV.

Заявленіе пана Прежевскаго о нападении на его имѣние хорунжаго Браславскаго (фамилія не обозначена), который проивзвелъ тамъ разнаго рода насилія и грабежи и поставилъ возлѣ дома Прежевскаго висѣлицу. 1643 г., іюня 22.

Року тисеча шестсотъ сорокъ третего, месяца іюня двадцать третего дня.

До уряду и книгъ вивещникъ, вгородскихъ, Житомирскихъ, до мене Марциана Корвовьскаго, подстаростего Житомирского, писалъ и присылаъ листъ урожоный его милость панъ Миколай Прежевский, въ способъ авту въ тые слова писанный: «Mościwe panie kumie, opowiedamsie waszmości, meци mościwemu panu, że mie dnia dziesiątego

pan chorąży Brasławski nastąpił, że mie na dom strzeliano y zapust wyrombano, y jeszcze, na większą moię zniewagę szliachecką, y szybienica pod dworem moym kazał postawić; a tak waszmość proszę, aby ta kartka moja w sposob aktu do xiąg była podana, bo iade jutro do Liublina, a prosze przyszli (mi) waszmość woznego na oglądanie porąbmania gaju y postawienia szybienicy y o podeptanie zboża, prosze y powtore o woznego, nie będzie tego szkoden, co do muie przyedzie. Za tym sie łascie waszmości oddaje. Dan w Horodyszczu dnia dwudziestego wtorego miesiąca juny, anno tysiąc sześćseth czterdziestego trzeciego. Wielmożnego mego mościwego pana kum y sługa, Mikołaj Przeżewsky. Который то листь въ способъ акту до книгъ внѣшнихъ есть уписанъ.

Книга Житомирская вродская, записовая и поточная, № 16, годъ 1643, листь 73 на оборотъ.

СЛXV.

Жалоба пана Тумовскаго на пановъ Олизаровъ, наслѣвшихъ на его имѣніе Мвиньки четырехтысячный отрядъ, который произвелъ тамъ разнаго рода насилія, убійства и грабежи. 1643 г., августа 29.

Робу тисеча шестсотъ сорокъ третего, меслца августа двадцать девятого дня.

На вряде вгородскомъ, въ замку его королевское милости Житомирскомъ, передо мною Марциномъ Карвовскимъ, подъстаростимъ Житомирскимъ, становши очевисто шляхетный панъ Семень Станьковскый, слуга урожного его милости пана Оста Тумовскаго, прихляючисе до акту черезъ пана своего передъ судомъ вгородскимъ, Кневьскимъ, на рочкахъ, отъ дня петнадцатого месеца июля въ робу теперешнемъ судить зачатыхъ, дня чотырнадцатого месеца августа занесеного, солепитеръ се светъчилъ и протестовалъ противко урожонимъ ихъ милости паномъ Людвикови Олизарови Вольчькевичови и Францишце зъ Дембянъ Людвиковой Олизаровой Вольчькевичовой,

малъжонкомъ , за которыхъ волею и ведомостью , посланемъ и устнымъ росказанемъ учинокъ нижей выраженный сталъ се, о томъ ихъ милость, не контентуючися розными такъ аятецессорови пана его, яко и пану протестуючого, въ забираяню егрунтовъ чинячими кривдами, але тымъ барзей хотечи пана протестуючого зъ егрунтовъ, до села Миниевъ належачихъ, вытиснуть, а до места Коростешова и волости, до Коростешова належачей, сель Нового и Старого городисковъ, привернуть, року теперешнего, тысяча шестсотъ сорокъ третего, месеца августа десятого дня, сполне се зъ собою нарадивши, а збивши до громады такъ даракгановъ, козаковъ, яко и подданныхъ зъ маестностей своихъ местъ Коростешова, Студеной Воды и волости, до тыхъ местъ належачихъ, которымъ ихъ милость панове Олизарове малжонкове имена и прозвиска, яко которого зовутъ, ведають и о оныхъ лепей знаютъ, зъ рознымъ оружьемъ, до войны належачимъ: шаблями, луками, даракганы съ кобылами и кнотами запалеными, хлопы зъ ручницами, косами и иншимъ оружьемъ, до войны належачимъ, которыхъ было чоловікъ болшей чотырохъ тысячей, надъ которымъ то людомъ починивши старшими слугъ своихъ: надъ даракганами пана Марка Подгаецкого, старосту Коростушовского, а надъ тыми людьми пановъ Яна Паръневского, Казимера Козича, Самуеля Мережку, Ерого Подгаецкого, Горькушу Волошина и иншихъ слугъ своихъ, о которыхъ именахъ и прозвискахъ панъ протестуючого видать не можетъ, однакъ за взятъемъ ведомости въ дальшимъ процессе спецификовать не занекаетъ, которымъ ихъ милости панове Олизарове, малжонкове, росказали, абы одни на село пана протестуючого наехали, другие, на егрунтъ наехавши, збожа такъ пана протестуючого, яко и подданныхъ его, подоптали, о которое подоптанье збожа особная протестация есть учиненая; теде тые насланцы, чинечи досытъ воли и росказанью ихъ милости пановъ своихъ, розделившисе на вилка пульковъ, корогве розвененые, яко до потреби маючи, одна короговъ даракганская, надъ которою былъ старшимъ и привойцою панъ Марекъ Подъгаецкий, дня вышей менованого десятого месеца августа, наехавши на маестность пана протестуючого, селого Минийби, ледво есче было годинъ пулторы на день, а заставши подданныхъ пана протестуючого всихъ въ селе

убезпечонихъ, жадного наяду ни одъ кого несподеваючихъ, ударивши въ бубонъ, учинивши окривъ, съ кобыль стрелять и волатъ: «бий, забий!» почали; а подданные пана протестующого розумеючи, же южъ неприятель який пограничный наяхалъ, одъ всего зъ домовъ утекатъ почали, а белые головы и дети, одни въ хворосты, другие, которыхъ одъ хворостовъ заскочоно, въ ставъ топиться почали, яко жъ тые насланцы, бегаючи по селу и по домахъ хлопскихъ, подданныхъ, где которого улапить мали, были, шаблями секли, зъ сирмягъ, шапокъ, поесовъ одирали, мешки одъ поесовъ съ пенезми одривали, вонь, хомуты, совиры, серпы, косы, а дѣти Ивана Денисенка коньми рострутили, которое дня третего по тымъ наяздѣ умарло; малжонку пана протестующого, зъ наведеня Божого парализемъ заражоную и ничего се токового небезпечного несподивающую, страхомъ набормили, которая панъ Богъ ведаеть если жива будетъ; шляхтянку потъстивую паню Приборовскую, которая зъ села до двора шла, окрутне шаблями плазами, обухами збили, которой, яко шляхтянце, волное чинене правомъ зостаеть. А то большая, халупу Гришка Лозовика во всимъ домовствомъ спалили, —ледво што тилко живо зъ душею, зъ жоною и зъ детвами съ халупы утекли; а меновите: Ивана Денисенка окрутне а не лютостве шаблями плазами, обухами, и чимъ который зъ насланцовъ могль и мель, и ранъ сине кривавыхъ спухлыхъ сорокъ задали, же ажъ въвесь хрибетъ, ноги, руки спухлы, который одъ такъ сробого збитя неведать, если живъ зостане, и сермягъ три, одну въ него самого, другую зъ брата его Семена Денисенка, третью зъ жоны, такъ же пасы и мешки у поясовъ съ пинезми пооддирали, возовъ два посекали; Тимоша самого окрутне а не лютостве збито, и ранъ синекривавыхъ двенадцать по хрыбте, по рукахъ обохъ и по голове задано, зъ жоны его сермягу, плахту здарто, серповъ три взято; Данила самого окрутне збито и ранъ синекривавыхъ петнадцать по всимъ теле, по хрыбте, по рукахъ, ногахъ позадавали, сермягу, поесъ зъ мишвомъ, и въ мишку золотый пинезей было, зъдарли, серповъ два взяли; Гараска шаблями посекали и ранъ три, одну въ раме правое руки, другую въ бокъ левый, а третью съ тылу въ шию, шаблями татые, задали; у Вороны хомуть взяли; у Ильясченка коня тисавого, который

коштоваль золотыхъ двадцать пять, сермягу, серповъ два и косу зъ воза взяли; Силу, Сидоренкового сына, окрутне и нелюстостиве збито и шаблю въ руку правую, вышей локтя, на которую далекою будетъ, тятую, сермягъ три, шапожь две съ челяди здарто, влячу гредую, которая коштовала золотыхъ сорокъ и пультрети, взято, хомуть, возъ, секиру и косу, тоіе (sic) коштовало золотыхъ десять; а взято у Мойсея Жирки влячу гредую, которая коштовала золотыхъ тридцать пять, взято, сермягъ три зъ сыновъ здарто, секиру, серповъ два, хомуть взято, возъ въ нивечъ порубано, што все коштовало золотыхъ шесть. У Леска Кривъчениа сермягъ два, одну зъ самага, другую зъ жоны, и поесь зъ него самого зъ менцкомъ, въ которомъ было пенезей золотыхъ пультора, здарто, влячу гредую, которая коштовала золотыхъ сорокъ, взято; у Мартина Браченеа сермягъ две зъ него и зъ жоны здарто, которые коштовали золотыхъ пятьдесятъ, таь же косу, секиру и хомутовъ два, што коштовало золотыхъ пять, взято. И таь тые насланцы ихъ милости пановъ Олизаровъ, малжонковъ, которые на село пана протестующого, село Минийви, зъ росказани ихъ милости наехали, халупу до всимъ домовъствомъ спаливши, вышъменованые речи побравши и пошарповавши, до места Студеное Воды, до замку, въ Студеной Водѣ будущого, запровадивши, ихъ милости паномъ Олизаромъ, малжонкомъ, отдали; которые то черезъ насланцовъ ихъ милости побравши речи, одны ихъ милости, одъ тыхъ своихъ людей побравши, на своей власной пожитокъ обернули и привласчили, а другое тымъ людемъ въ поделъ подавали. О што все оферуючи, протестующий пана своего зъ ихъ милостями паны Олизарами, малжонками, правне чинить, и повторе светчилъ и протестоваль се, оставивши однакъ волюю по праву тое теперешнее протестации и учинене инное ширшов, если бы того потреба указовала, на тотъ часъ просиль, абы тая теперешняя принята и до книгъ записана была. Которая, за принятемъ урядовымъ, до книгъ есть записана.

Книга Житомирская городская, записовая и поточная, № 16, годъ 1643, мистъ 264.

Жалоба пановъ Замойскихъ на пана Душу-Подорецкаго и жену его о томъ, что они, взявъ въ аренду шибніе жалобщиковъ Новую Волю, вслѣдствіи угнетали тамошнихъ крестьянъ и совершенно разорили шибніе. 1646 г., января 29.

Робу тисеча шестсотъ сорокъ шостою, месяца генъваря двадцать девятого дня.

На вярде вгородскомъ, въ замку его королевское милости Житомирскомъ, передо мною Криштофомъ Цысовскимъ, подстаростымъ Житомирскимъ, становши очевисто шляхетне урожонный панъ Самуель Гуляницкій, слуга урожонныхъ ихъ милости пана Александра Замойского и панее Ефросины Олизаровны Волчкевичовны Александровой Замойской, малжонковъ, именемъ тыхъ же ихъ милости панства своего, прихилияючисе до акту протестаціей, до книгъ вгородскихъ, Киевскихъ, часу и дня въ тымъ же акте выраженого, соленно на противво урожоннымъ ихъ милости папу Станиславоу Душе-Подорецкому и паней Катерине Кгдешинского Станиславовой Подорецкой, малжонкомъ, заносить протестацію о то, ижъ вышъ помененые ихъ милости панове Подорецки, малжонкове, маючи певный контрактъ арендовный зъ ее милостю панею Замойскою теперешнею, а на онъ часъ прими воти зъ ее милостю панею Марциновою Ходоровскою, и съ тымъ же помененнымъ небожчикомъ его милостю паномъ Марциномъ Ходоровскимъ, яко малжонкомъ ее милости, на летъ по себе непрерыване вдучихъ тры, взглядомъ певныхъ добрь местечка названого Новой Вилли завартый, которымъ добре тое ваврвала была себе преречоная ее милостъ пани Замойская, пани протестантисъ, абы надъ тотъ и поданный при тымъ инвентарь жадное безправе подданнымъ ее милости Виллинскимъ не деялосе (яко о тымъ тотъ помененный контрактъ албо интерцыза деакуеть, дата въ робу тисеча шестсотъ сорокъ второго, въ тыхъ же добрахъ Вилли дня осмнадцатого сентебра справена, ширей и достаточней въ себе опеваеть); нижли помененые ихъ милостъ панове Подорецъцы, намъней на такову ю мощную облигацию контракту своего не респектуючи,

надъ преречонный инвентарь черезъ тотъ всей декурсъ трылетный своей арендовней державы преречоного местечка подданныхъ, екстра омнемъ фасъ, тяжькими роботами ку доброму пожитковы своему, а къ шводе и знишченю панства протестантисъ, акгравуючи, до розныхъ повинностей потегали, а некоторыхъ тежь бытемъ и иншою цеменжою о смерть и злое здорове приправили; яко то въ року прошлымъ, бондара тамечного, на имя Тимоша, билъ княми самъ его милость панъ Подорецкий, одъ которого рукъ и такового бита, мало што хоруючи, съ того света смертью зшедь, а по себе въ тяжькимъ сиротстве, убозстве и великихъ долгахъ утрапеныхъ потомковъ позоставилъ; повотелшъчизну, спеціальней и великой въ тыхъ добрахъ пожитокъ, праву своему неналежный, а ни инвентаромъ до уживаня себе поданный, тое презъ летъ три одъ котловъ шести, десяти и чотырохъ горедчаныхъ, нуллитеръ, ви етъ виолентеръ, отъ тыхъ хлоповъ, которые горилки пиятъ, по золотыхъ десети на каждый рокъ одъ кожного котла выбирали; десетину пчолвую, себе до интраты не показано, черезъ тые летъ три инювъ зъ пчолами и медомъ въ личбе пятьдесятъ на пожитокъ свой забравши, оное (до) Шъчешевское державы его милости пана Яна Творковского запровадили; якожь мимо тое, значне утяженые было хлопкомъ, же они роботизну мимо належность въ маетности, до права арендовного нестегачийсе, въ селе Зарубилцахъ, за милъ килка, а не на кгрунте арендовнымъ, надъ повинность, мимо инвентарь, частокротнымъ зъ великимъ своимъ уприкрнемъ одъправовали. А што болшая и жалоснейшая, же тыхъ же убогихъ подданныхъ жидомъ Котеленскимъ зъ належною ихъ роботизною, такъ пешихъ, яко и коныхъ, праве въ неволи неприятелской запродалъ былъ, которые тяжькие зъ великимъ своимъ утяженемъ роботизны вшелякие, за милъ чотыри, тамъ и сямъ сздячи, и надъ повинность по дни два въ кождымъ тыждню трачечи, одправовали; а мимо тое паншъчину на месцу по дней чотыри, а не по два, водлугъ инвентару, одправоватъ мусели; а што се тъкне подводъ, тые и безъ личбы, мимо постановене, инвентаремъ описаные, за милъ килканадцать часто-густо зъ розными лиггуминами помеченные ихъ милость панове Подорецъцы одправоватъ приневоляли; якожь поневолие, уходечи вшелякого небезпеченства своего, убогие

Подданные отправовать мусели. А вгды такъ великое хлопкове видѣти свою кривду, и не хотечи таковой въ дальшій часъ терпеть цимязи, для такого, яко се вышь поминило, утяжена, прочь се ити некоторые, яко то: Давидъ Курило сподарокъ, Гриць Кравецъ, Андрей Посийкъ и инше разошли, теды ихъ милость панове Подореццы позосталые ихъ халупы до села Зарубинець некоторые, а иншия тежъ до Волицы, маетности урожного его милости пана Мацея Души Подорецкого, отца своего, звезли и праве фундитусъ мешкана вышь менованныхъ хлоповъ знесли; а што колвекъ позостало было по ныль одъбегшчыны, тое на свой власный пожитокъ обернули; пустъчи, такъ лесы, яко и дубровы, до преречонныхъ добръ належныя, инъ абузумъ уживеня своего, чинечи великие дворы, бровары, солодовни, озовне, столды, стайни, хлевы, коморы, шпихляре и иншыя домовые потребные будинки, въ маетности вышь помененого отца своего будучи и некоторымъ приятеломъ своимъ волного урубубу въ оныхъ позволяючи, спустошилъ, а на остатокъ гай, къгвули рознымъ потребамъ при дворцу будучий, ночнымъ способомъ подданымъ Зарубинскимъ высечи и до Зарубинцу спровадитъ позволилъ,—якожъ высечено и праве въ неветъ той гай обернено. Але немнейшая и и стуль патетъ значная ихъ милость пановъ Подорецкихъ нехуть и дезоляция, во всею огороде такъ коло огородовъ, яко тежъ и фолварку будучое, яко то тынь дубовый, забрать и до Зарубинець запровадитъ казалъ, а позосталые на мейсцахъ своихъ оборы, столы и иншыя до фолварку належачие будинки, огнемъ знесли и зничьчили, начиня броварныя и виничныя, властнымъ коштомъ пановъ протестантисъ справленые, а помененымъ ихъ милости паномъ Подорецкимъ до вживаня подане, такъ тежъ броваровъ мейскихъ, кади, прикадки, и разныя корита, одно явно, а другое ночнымъ способомъ до тыхъ же Зарубинець спровадили; коня подданному Вилейскому, на име Тимошови, за золотыхъ осмьдесять купленого, што ведеть зъ якои причины квалтовне взявши, на свой власный пожитокъ обернули; лое одъ резниковъ Вилейскихъ, неналежный собе пожитокъ, презъ мусъ по вси лета державы своей выбирали; вепрн надъ повинность млываромъ для карменя подъ часъ телути своей квалтовне накидали; бондаровъ и иншихъ ремесниковъ квалтовне до

того привели, же намней розныхъ работъ, вшеякого пачина, на золотыхъ триста, мимо належную повинность, подъ часъ тоей арендованной ихъ милости пановъ Подорецкихъ державы, онымъ преробили, а особливие одъ хлоповъ праве всихъ на такъ же великую суму волось, возовъ, саны, ободовъ, осей етъ идипусъ (sic) завзяли и на пожитовъ свой обернули; лесъ, Холопчу названный, на вшеякую потребу и будинки выгодный, въ нивечъ праве, даючи волю околничнымъ сусеedomъ върубубу, и самыя ихъ милость панове Подгорецки на потребу Зарубинскую заживаючи, спустошили; але не меншую межъ инными и тое чинить подданымъ Вилейскимъ шкodu, вгды спустошанъ было и свиня свое въ засеви оныхъ пушъчаючи, розного рожая збожа вытравляли, и презъ тое праве въ нивечъ убогихъ хлопковъ оборочали, а такъ барзо, же некоторые зъ менчанъ, для великого въ полю збожа спашеня, и одного снопу часомъ взять не могъ; на остатокъ выдомымъ шкoдцомъ, людямъ лознымъ, которыхъ право посполитое переховывать заказуе, значно личбу цыгановъ, праве годечи на шкodu хлопскую, по тотъ часъ арендовное державы своей въ преречонныхъ добрахъ мешканя ихъ милости панове Подоредки позволяли, за чимъ тежъ въ рознымъ крадежу убогие мешчане Вилейски значне шкoды понести мусели. А вгды южъ експиртумъ тое державы ихъ милость подлугъ контракту вышъ преречонного въ року недавно пройшмъ, тисеча шестсотъ чотырдесятъ пятимъ приходитъ мело, и часъ румации одъ светого Михайла до светого Марцина наступовалъ, теды преречонныя ихъ милость панове Подоредки ставовъ два, до пожитку себе не малежныхъ (о што особливия етъ передъ судомъ головнымъ трибунальскимъ, короннымъ, Любелскимъ, учиненая протестация), ктъвѣли пожиткови своему, а шкoде панства протестантисъ, спустасали. А хотечи болшую есче тымъ же ихъ милости паномъ Замойскимъ, малжонвомъ, учинить приврость, рѣзныя корогвѣ до тыхъ вышъ пожененыхъ дѣбрь, такъ въ войска квартяного, яко и Запорозского, для спустошеня тоей маенности и темѣжи хлопское умисътне затѣтали, якожъ, за таковою ихъ милости пановъ Подорецкихъ явъстанцио, впередъ короговъ его милости пана Балабанова презъ дпий вилка, такъже тежъ его милости пана воеводы Подолского кознания, албу рачый корнетъ реименту пана

Малрвого, тудежъ тежъ компанія его милости пана Думинского, полковника Переясловского, становиско свое пезвычайное за таковымъ жаданемъ и дирекцию ихъ милости пановъ Подорецкихъ одправуючи, значпе и барзо великие шкody мешчапомъ Вилейскимъ починили (о што противко вышъ помененымъ корогвамъ сеорсивамъ аеъ специалистамъ протестанционемъ чинить и стальныхъ шкody инъ форо компетенти репетицию презъ помененыхъ ихъ милости пановъ Замойскихъ, малжонковъ, оферовалъ). А на остатокъ, съ помененыхъ добръ водлугъ назначеного интерцивою часу румуючи се, въ замочку Вилейскимъ коморы, дворъ, што ведеть ближе, презъ самыхъ ихъ милости пановъ Подорецкихъ, чили тежъ за ведомостю albo мимо ведомостъ челядь ихъ милости, поотбиано, и въ оныхъ розные речи, въ схованю будучие, а особливе въ скарбцу одбитымъ порохъ, олово, кули, селстру, сирку и розмаитые штуки стрелбы побрано, а надъ тое еише шафу, алясаъ аштычку, въ алыру стоячое, добре замчиство розными ароматами и лекарствами для поратована вутлого здоровья, также тежъ розмаитыми наполнено вышменитыми водками и конфектами, до шчиту што ведеть, если же при самой румацней, чили тежъ предъ тымъ, а если же черезъ самыхъ ихъ милости пановъ Подорецкихъ, чили тежъ презъ челядь ихъ милости злушено и праве пусто учинено. Ово згола такъ великая нехоть и неприязнь ихъ милости пановъ Подорецкихъ противко панство протестантись тое справила, же праве фундигусъ тые добра суть знишчоные и спустошоные, яко жъ при еъспирацией и румацней, громады водлугъ правного бегу и посполигого звычайу, видечи знать въ оней великий дефектъ для розойстя подданныхъ и починена шкody вышъ менованныхъ, а ни самы черезъ себе, а ни урядника своего, паномъ протестантись ихъ милости папомъ Замойскимъ не отдавши, а все пенитусъ, што волвекъ имъ належало и не належало, яко столы, зыде, зыделки, позабравши, окъна и печи презъ самую злость потовеъши, по еъспирацией и румацней, а праве ипса дне румацниось, зъ рознеми одповедми и пофалками при значной люду служаго куне одехала; а хотечи еише болшого жалю придаючи до жалю и сродзе жалосне въ сердцу ихъ милости пановъ Замойскихъ, панства протестантись, чинечи зрапене, протестацию, яко досить пра-

ве самую неистостью етъ ирреалитате надейную, на уйме доброй славы подаючи, светови инъ синистрамъ репутаціонемъ передъ книгами вгородскими, Житомирскими, черезъ слугу своего, Александра Дидковского, яко бы о егвалтовное съ преречонныхъ добрь Вилейскихъ експулсію и забране при ней розныхъ речий, учинили, при которой, абы тежъ реляція сознана была возного, найме Яна Снецинского, адъ еасдемъ ирреалитатемъ и хотечи знать вышь менованыхъ почипеныхъ шкодъ и хотечи дохожена оныхъ укывжонимъ загородить дорогу привели. За чимъ помененый протестантъ, такъ о починене верху спецификованое шкоды, яко тежъ и о утворене науиму добрей панства своего екзистимацией ирреалитатеръ и неслушне вышь помененые ихъ милости пановъ Подорецкихъ учиненые протестаціей и при ней возного сознаной реляціей, тудежъ тежъ помененому возному Снецинскому, яко кооператорови еюздемъ ирреалитатись, а немней и противко пану Александрови Дидковскому, тое неслушне чинячому, протестацію аткве итерумъ осведчивши, инъ форо фори тыхъ же ихъ милости паповъ Замойскихъ, малжонковъ, панство свое, проугъ де юре комъпецнерить, чинить офероваль. И просилъ помененый протестантъ, абы тая протестація его милости принята и записана была,—што отрималъ.

Книга Житомирская, городская, записовая и поточная, № 17, 1646 годъ, листъ 96 на оборотъ.

СLXXVII.

Жалоба пана Станислава Гурскаго на «хлоповъ» Черкаскаго староста, Омельяна Краповича и Радка Василевича, о томъ, что они, назвавшись шляхтичами, совершили актъ уступки пану Стаиславу Потоцкому на имѣніе жалобчика надъ р. Ворсклою, отданное имъ въ залогъ Кіевскому подкоморію, Юрію Немиричу. 1646 г., января 13.

Року тисеча шестсотъ сорокъ шостого, месеца генваря тринадцатого дня.

На вrade вгородскомъ, въ замку его королевское милести Житомирскомъ, передо мною Диопизимъ Высоцкимъ, наместникомъ Жи-

томирскимъ, ставши очевидно шляхетный панъ Петръ Пресмидки, именемъ урожанаго его милости пана Станислава Кгурского, пана своего, скоро тилею по взятыю найпервшой ведомости съ книгъ вгородскихъ, Киевскихъ, же некаясь Омелянъ Брановичъ и Радю Василевичъ, хлопи простые зъ староства Черкасского, не ведать за чью информациею и за чимъ подусченемъ, менячи се быть шляхтою, и претендуючи собе право до добръ, которое правомъ дедичнымъ пану протестуючого слугою названыхъ, землею входною северу лежащихъ, за Черкасы въ двадцати миль, то есть почавши одъ Шандбароваго превозу на реце Ворскле, шляку татарского, на низъ тое реки Ворскли, ку устью реки положонной, которая съ поля зъ Москвы съ правое стороны реки приходить, а въ Ворсклю рекою впадаетъ, а съ тамътоль Ворсклемъ до речки Кустовой, которая тежъ съ поля отъ Орды, зъ левое тамже впадаетъ, и знову Ворсклемъ, ажъ до рубежа Стефана Задъевича, Арьтемовыхъ пясковъ, по обоихъ сторонамъ тое речки Ворскля ростегаетьсе, смели и важилисе въ року недавно прошлымъ, тисеча шестсотъ тридцать осмымъ, месяца ноября двадцать втораго дня на тые добра цесие явнесь безъ подписей и печатей своихъ, бо, яко хлопи простые, писать не умели, на особу велможного его милости пана Станислава съ Потока Потоцкого, воеводича Браславского, пулковника и комъмисара его королевское милости, чинить и сознавать соленитеръ, противко пререченому Омелянови яко бы Ивановичови, и Радкови яко бы Василевичовы, сынови и потомкови яко бы Василя и жоны его, именемъ черъни а мнеманому а змысленому внукови Омеляна Иванова, протестовалъ се ото: ижъ они, ничего не дбаючи на боязнь Божую и сурокость права посполитого, противко фальширомъ постановленого, не ведать за чимъ подусченемъ и информациею, будучи хлопями простыми зъ староства Черкасского, смели и важилисе шляхтою и при тымъ и дедичами выжей менованыхъ добръ пана протестуючогосе власныхъ учинить, а учинившисе на великую и не змервную шквуду оного, который, иродавши тые вышей менованые добра его милости пану Ерому зъ Чернехова Немировичови, подкоморому Киевскому, инъ онере евикционисъ, зостаеть фалшивую цесью рукъ своихъ не подписуючи, а ни о подписы на месце свое никого не про-

сечи, водлугъ права и звычайу тутощного воеводства Киевского, передъ урядомъ вгородскимъ, Киевскимъ, въ року вышей менованомъ, тисеча шестсотъ тридцать осмымъ, месеца ноября двадцать второго дня, созывавать фалшиве, а тые вышей менованные добра пана протестуючого се власные, дедичные, перъ спадиемъ тотъ анънорумъ (въ) сводной посесии будучые, преречоному его милости пану Станислави съ Потока Потоцкому, воеводичови Браславскому, пульковничови и комиссарови его королевское милости, заводить; за чимъ помененый протестующий, постерегаючи цалости пана своего, урожного его милости пана Станислава Кгурского, который, яко се вышей номенило, инъ омере евиционисъ zostаетъ, о неважность тоеш фалшивое цесней, скоро тилко по взятю той первой ведомости и повъторе соленитеръ протестовальсе, оферуючи о то все инъ форо фори, проутъ де юре венерить, такъ зъ Омеляномъ Ивановичомъ и Радкомъ Василевичомъ, яко тежъ и зъ инъшими особами, которые, по взятю доскопалое ведомости, до тоей справы будутъ належати, правъне чинить; а zostавуючи пану своему волную дорогу до поправеня тое протестации и учиненя ширъное, если того потреба уважеть, просиль, абы то все принято и до книгъ записано было, што отрималъ.

Книга Житомирская вродская, записовая и поточная, № 17, годъ 1646, листъ 32.

CLXVIII.

Донесеніе вознаго о ввводъ имъ пановъ Чечелей во владѣніе имѣніями Вырицею и Козакомъ, заставленными имъ княземъ Самуиломъ-Карломъ Корецкимъ. 1647 г., марта 20.

Року тисеча шестсотъ чотырдесять сегого, месеца марца двадцатого дня.

На рочки судовые, вродские, Луцькие, отъ дня сегого месеца марца въ року звышъ написаномъ припалые и судовне отпра-

вовать зачатые, передо мною Счастливымъ Збожнимъ Ласчевскимъ,
 подсудкомъ Охачевскимъ, подстаростымъ Лудкимъ, становъши оче-
 висто возный енераль воеводства Волинъского, шляхетный Юзефъ
 Дьяковский, для записаня до книгъ нынешнихъ, кгродскихъ, Луд-
 кихъ, созналъ въ тотъ способъ: ижъ онъ въ року нынешнемъ, тисе-
 ча шестсотъ чотырдесятъ семомъ, месеца генваря шостога дня, маю-
 чи при себе шляхту, людей добрыхъ, пана Ставислава Зименского
 и пана Стефана Лозивъского, былемъ на справе и потребе урожо-
 ныхъ пана Ерого Чечеля Новоселецького и панее Марины Пасъков-
 ского Чечеловое Новоселецькое, малъжонковъ, въ селе Вырицы и
 и въ селе Козаку, за добровольнымъ поданемъ и уступенемъ ясне
 освещеного кнежати его милости Самоеля Кароля на Корцу Корець-
 кого, подле запису, паномъ малъжонкомъ менованымъ отъ кнежа-
 ти его милости учиненого, способомъ заставнымъ, пускаючи тое селце
 Вырице и дванадцать четвертьтениковъ, то есть три волоки осельхъ
 въ селе Козаку, въ повете Луцкомъ, а волости Корецькой, въ пев-
 ной суме пинезий, то есть двоухъ тисечахъ золотыхъ польскихъ, одъ
 троухъ летъ до другихъ троухъ летъ, неровдельне по себе идучихъ,
 если бы пинезей не отдалъ паномъ малъжонкомъ помененымъ, яко
 тотъ записъ заставный ширей а достаточней въ себе объмвляетъ;
 которое то селце Вырице съ поддаными и вшелякыми ихъ пожитъ-
 вами и повинностями оныхъ и тыхъ дванадцати четвертьтениковъ
 села Козака, меноваными и неменоваными, волости Корецькое, въ
 записе положеными и на инвентару отъ кнежати его милости па-
 номъ малъжонкомъ помененымъ подаными, и по имену вождьдого тыхъ
 четвертьтениковъ и прозвисконъ выражонными, и рукою власною кне-
 жати его милости подписаными, въ тень сеньсь: перший Тymoшъ
 Вабинъский четвертинныкъ; по нимъ Грицко Дацень, Стасько Пет-
 реня, Андрей Петреня, Михно Копиль, Мацько Ляхъ, Бутромий
 Павельво, Миколай Лемишъка, Миволаиха вдова, Оленко Наумена—
 всихъ до нихъ дванадцати увезалемъ и ведлугъ запису кнежати его
 милости Корецького въ посессию, громаду первой у Вырицы зобравъ-
 ши, потымъ въ селе Козаку, ведлугъ инвентару кнежати его ми-
 лости, подписаного рукою власною, до вшелякихъ пожитъвъ и по-
 винности, ведлугъ права заставного, паномъ малъжонкомъ поданемъ

и послушенство отдавати приказалемъ, которого увезана ни хъто онимъ не боронилъ, а ни зъ жаднымъ правомъ, такъ перъшимъ, яко и последнимъ, не отъзывалъ, и о томъ тую свою правдивую реляцію поменевый возный чинить и сознаваетъ, просечы, абы была до книгъ принята и записана,—шъто отрималъ.

Книга Луцкая городская поточная, годъ 1647, Л. 2488, листъ 702 на оборотъ.

CLXIX.

Ръшеніе комиссарскаго суда, освобождающее бояръ Овруцкаго старства, Грезлянъ, отъ различныхъ повинностей, неправильно наложенныхъ на нихъ старостою. 1647 г., сентября 10

Року тисеча шестьсотъ осмъдесятого мѣсяца априля двадцать шостого дня.

На вярде вгородскомъ, въ замку его королевское милости Овруцкомъ, передо мною Теодоромъ Леввовскимъ, наместникомъ подъяства Овруцкаго, и книгами нинешними, вгородскими, Овруцкими, stanowszy oczewisto szlachetny pan Daniel Usarewicz, dla wpisania do xiąg niniejszych, grodzkich, Owruckich, podał per oblatam dekret komisarsky, na rzecz, w tym dekrete, niżej inserowanym, mianowicie wyrażoną, Hrezlanom, boiarom jego krolewskiegъ моści, do starostwa Owruckiego, służący, o czym ten decret szyrzezy w sobie opisuie, ktorego podawszy, prosił, aby przyięty у w xięgi niniejsze wpisany był; ja tedy, urząd, dla wpisania do xiąg przyimuiąc, czytałem, ktory tak się w sobie ma: Działo się w Owruczu, mieście jego krolewskiegъ моści, dworze szlachetnego Samuela Rudzkiego, w dzień czwartkowy po święcie narodzenia naświetszej Panny прѣтко przypadający, roku pańskiego тисячъ szesćset czterdziestego siódmeго, przed urodzeniem Heronimem Duninem, woyskim Opoczyńskim, Gabrielem

Zubowickim y Krzysztofem Trzeciakiem, do starostwa Owruckiego komisarzami i inquisitorami, od króla jegomości pana naszego miłościwego naznaczonymi y zesłanymi. Na terminie dzisieyszym stawając oczewiście przed sądem naszym komissarskim Hrezlanie, boiarrowie jego krolewskiej mości do starostwa Owruckiego należące, jako strona powodowa, uskarżali się naprzeciwko urodzonemu Władysławowi Niemirzyczowi. staroście na ten czas Owruckienu, tudzież arędarzom y namieśnikom iego, zapozwanym, o to: iż oni ych, tak sam przez się, iako y przez pomienionych namieśników, przy prawach y wolnościach ych, tak od antecessorow teraznieyszego urodzonego starosty nadanych, iak y od najjaśnieyszich królów ich mościow, podpsem ręki i pieczęcią koronną potwierdzonych, nie zachowując, do niezwykanych ciężarow, to iest stacj oddawania, straży odprawowania, grobel naprawowania, także y do iazdy za karytą swoją, pan starosta, na swoją, a nie na rzeczy-pospolitey usługę przymuszaia, piw, miodów, warzenia y gorzałek na ych że potrzebę palenia zabrania ą, suchomerszczyzną, zmysłowanąad prawo y wolność ych, co rok, która dopiero za pana Łaszczu, przeszłego starosty Owruckiego nastala, przez gwałt wybiraia, co się wszystko przeciwko prawom y wolnościom ych, od najjaśnieyszich krolow jch mościow nadanym, dzieie, które to prawa y wolności swoje przed tymże sądem produkowali; na co zapozwana strona, ozywaiąc się przez plenipotentow swoyich, żadnych defensy prawnych nie wniosła, samą się tylko rewisią nie awtentyczną, nie pokazuiąc oryginału teyże rewisiei, według prawa na seymie uchwalonego, zadawała; sąd tedy komissarski, pilno z obudwuch stron controwersiei wysłuchawszy, prawa y przywileie strony powodowej, tudzież y rewisią, którą się bronila zapozwana strona, pilno frutinowawszy, pomienionych aktorow, ponieważ się to pokazało z ich praw, że nigdy do takich ciężarow nie należeli, przy prawach, ym że nadanych, zachowuiąc, od stacyi, straży zamkowej, grobelney naprawy, suchomirszczyzny y dani miodowej y iazdy za karytą uwalnia, zachowuiąc jch tvlko przy samey służbie rzeczy pospolitey; piwo, miód y gorzałkę, aby na swoją potrzebę, a nie na szynk, warzyli y palili, pozwala; a że się pomienieni boiarrowie jego krolewskiej mości oraz y o to uskarżali, że od nich pan starosta pobory, na seymie uchwalone, wybira, o które zaś od pana poborce Kiiwskiego na trybunale koronnym turbatię ponoszą, tedy tenże sąd nakazuje, aby pomienieni boiarrowie nikomu inszemu, tylko do rąk własnych pana poborce Kijowskiego oddawali. Ktorem dekretem kto by się chciał sprzeciwić y onych wcale do ostatniey decisiei krola jegomości pana naszego miłościwego nie zachował, na takim winy nakazuiemy, cztery tysiąca grzywien

fisco, et parti permedium, zakłada(my). No co dla lepszej wiary ten list comiaziey podpisami rąk naszych y pieczęciami utwierdzamy. У того декрету комисарского при печатехъ подписъ руць комисарскихъ тыми словы: Героимъ Данин, woyski Орослуьски, комисаръ jeho krolewskiej mości. Gabriel z Lubowicъ Lubowicki, jeho krolewskiej mości комисаръ. За апелатию od tychъ декретовъ, стронемъ sąd termin od daty za niedziel dwanaście waznacza. G. Lubowicki, jeho krolewskiej mości комисаръ. Который же то декретъ комисарский, за поданемъ звышъреченое особы и за прозбою, а за принятемъ монимъ урядовымъ, до внягъ нынешнихъ слово въ слово есть уписанъ.

Книга Овруцкая іродская, затисовая и потоцная, 1678—1780 годовъ, № 3209, листъ 319 на обор.

CLXX.

Арендная запись отъ князя Іеремія Вишневецкаго коронному стражнику Александру Замойскому на городъ Лубны. 1647 г., ноябрь 1.

Roku pańskiego tysiąc sześćset piędziesiąt pierwszego, miesiąca septembra czternaście dnia.

Na urządz'e grodzkim, w zamku jego królewskiej mości Żytomirskim, przede mną, Mikołajem Kotużyńskim, podstarościm Żytomirskim, stanowszy oświadczysto szlachetay pan Ostaphiey Kubiliński, dla wpisania do xiąg niniejszych, grodzkich, Żytomirskich, podał per oblatam intercyze, od jaśnie oświeconego Jeremia Michała Korybuta, xięcia na Wiszniowcu y Lubniach, wojewody ziem Russkich, Kaniowskiego starosty, y od jaśnie oświeconey Gryzelly Konstantiey z Zamoyscia, xiężny Wyszniwieckiey, małżakow, z pieczęcią y podpisem ręki xięcia jego mości, o arędę miasta Lubien, wielmożnemu jego mości pana Alexandrowi z Zamoyscia Zamoyskiemu, strażnikowi koronnemu, y iey mości panley Efruzynie Zamoyskiey, małżakom, daną y służącą; którą podawszy, prosił, aby była do xiąg przyjęta y wpisana, którą ja, urząd. przymiając czytałem, króra tak się w sobie, pelskim piśmem pisana, ma: «Między jaśnie oświeconym Jeremijem Michałem Korybutem, xięciem na Wiszniowcu y Lubniach, wojewodą ziem Russkich, Kaniowskim starostą, y jaśnie oświeconą, Gryzellą Konstantią z Zamoyscia, xiężną, Wiszniwiecką, małżakami, z iedney, a wielmożnemi jego mością pa-

nem Alexandrem z Zamoyścia Zamoy skim, strażnikiem koronnym, y iey mością panią Efruzyną Zamoy ską, małżakami, z drugiey strony, stanół takowego postanowienia sposób: xiąże jego mość dobra swoje dziedziczne, w wojewodztwie kijowskim leżące, miasto Łubnie, samo szczegulnę, ze wszystkimi jego pożytkami, prowentami y zwyczajnymi w tych tu maiętnościach dochodami, ze wszystkimi miasta tego okolicznościami, folwarkami, sianozęciami, miastu zdawna należącemi, jego mości panu strażnikowi koronnemu y małżące jego mości do lat trzech zupełnych, po sobie idących, od daty terazniejszego contractu rachuiąc, w arędowną puścił defacto possessyą, a to za summę dwudziestu tysięcy złotych polskich y iednego na koždy rok (według rat) po siedmiu tysięcy złotych polskich, monety w koronie zwyczajney, licząc, którą to summę na koždy rok według rat, oycom Łubieńskiego conventu Bernardynom ordynowanych, płacić jego mość pan strażnik obligatur, tak, aby sine omnimora postponenilo, wszystkie, lubo y iakie zaszi na te tam summę ordynanse, naprzód satisfactia na każdą assignatią czasu oycom Łubieńskim nie chibiała, nad którą, cokolwiek przychodzić będzie z każdej raty, według porachowania reszty, to już do skarbu mego y do dyspositiey moiey curret; a że zachowa powinność, świezo na poddanych włożoną, znosi niektóre od prowentu, który się w arędę rachują jego mości panu strażnikowi; pożytki, iako mianowicie siano, y w użęciu dwóch kóp roboczne, tedy respectem tego xiąże jego mość, z swoim mając sprawę, co kolwiek od arędy przez szachową powinność znajdzie się odeszłego pożytku, defalcate słuszną uczynić obiecuie, ponieważ tę szachi do skarbu xięcia jego mości są obrocone, to iest jego mość pan strażnik ex nexu contractu obserwabít, aby mieszczanie przy świezo nadanych sobie od xięcia jego mości w listach ex integro zachowani byli y libere łaski xiążęcney mości zażywali, powinnościamy żadnemi agrawowani, nie nie mając nad tę, ktore się uniwersałami xięcia jego mości świezo o szachach wydanemi, wyrazili, drew iednak wywoz według órdynansu osobnego poddani przywieść, iako wiele assignatia nastąpi, będą powinni; do młyna także fury niemają zbraniać na potrzebę własną jego mości pana strażnika domową. ponieważ iem to, przy blizkich młynach, bez wielkiej przychodzić może przykrości; poddany iezeli by który dla win zbytecznych, dla bicia y znacznych krzywdy, z dania przyczyny jego mości pana strażnika precz poszedł, a taxa prawa pospolitego płacony ma być; iezeli by też z swey woli albo z uporu iakiego, nie mając sobie daney przyczyny, za dzierzawy jego mości uszedł, za to jego mość turbowany być nie ma; mostowę, wagowę, warzenie piw wolne przy mieszczanach xiąże jego mość zachowuje, czego

jego mość pan strażnik coronny ultro ustępuje, obiecując tego tak dotrzymać onym, oprócz tego, że podczas jarmarków każdy szynkarz pułwara piwa wyszynkować do arędy jego mości sobie żadnego będzie powinien, niedrożej iednak płacona być ma tylko po pułtrzenasta złołego gorzałka, iednak targowę myta, jarmarczne y inne zwyczajne prowenta do arędy jego mości tedere mają, a że tę dobra, iako slico (sic) są położoną, tedy xiąże jego mość wszelakie casus fortuitos od nieprzyjaciela coronnego y od innych przypadków, nawet y dla tych, strzeż Boże, w niedobraney summie defalcategę obiecuię, prepedicią wszelaką ex re et persona sui xiąże jego mości, także in forma amplissima waruie, przy spokoyney jego mości pana strażnika zachowując possessiey, oprócz statiey, powołszczyzny y szachów, tych excepsiey xiąże iego mość plenam już przy sobie zachowuję, dla których iezeli by poddani znacznie roziść się mieli, szkodować na tym jego mość pan strażnik przez uymie proweću swego nie będzie; do grobel włóści okoliczne, które przedtym należały, xiąże jego mość incorporuie, aby równo z mieszczanami, dzielnicami swemi, one naprawowali, każda wieś; a który by z poddanych wieskich, za obwieszczeniem przed trzeciem dniem jego mości pana strażnika, albo namieśnika jego, do naprawy nie przybył, tedy poddany szostak winy albo osmaczkę owsa przepada, a pan dzierzawca niełaską moją karany będzie; o karczmę, za mostem Łubeńskim zostawiającą, że teraz controwersia z panem Woyną y iego mością panem strażnikiem zachodzi, tedy mają w to weyrzyć panowie administratorowie moy, iezeli wyraźnie pan Woyna pokaże na mie prawo, sin minus, gdzie zdawna należała, tam ją incorporować będą; jeśli by też jego mości panu strażnikowi arędy tej contract niepodobał się, od roku liberum arbitrium dzierzawy dalszey tey maiętności przy sobie zachowuię. Które to conditię y kożdą z nich zosobna obiecują sobie strony obiedwie nienaruszenie dotrzymać, pod zakładem dwudziestu y jednego tysięcy, który in casu contrawentionis strona delinquens popadać ma, na co dla lepszey wiary rękami własuemi podpisując się, w Łochwicy dnia pierwszego nowembris, anno tysiąc sześć set czterdziestego siedmego. U tey interczy pieczęć iest przyciśniona a podpis ręki w te słowa: Jeremij Michał Korybut, xiąże na Wiszniowcu y Łubniach, wojewoda ziem Russkich, Kaniowsky starosta. Która to interczyza, za podaniem wysz mianowaney osoby, a za przyjęciem moim urzędowym, do xiąg ninieyszich, grodzkich, Żytomirskich słowo od słowa iest wpisana.

Книга Житомирская городская, записная и поточная, годъ 1851—1852, № 20, стр. 161.

СЛХІ.

Жалоба пани Смятковской на крестьянъ с. Болболъ, о томъ, что они напали на нее въ лѣсу, гдѣ она скрывалась отъ козаковъ, изранили ее и ограбили, одного сына ея убили, а другой бѣжалъ отъ нихъ и неизвестно куда дѣвался. 1649 г., марта 3.

Року тисеча шестсотъ чотырдесять девятого, месеца марта третего дня.

На вряде вгородскомъ, въ замку его королевское милости Володимерскомъ, передо мною Анѣдреемъ Абрамовичомъ Бурчакомъ, наместникомъ подстароства Володимерского, и книгами нынешними, вгородскими, старостинскими, становши очевидно урожоная ее милость пани Іелѣбета Мешъковъского, першого малъженства Самуелевая Пулъковская, а второго Станиславовая Смятковская, первой протестуется противко урожоному его милости пану Захариови Малушицкому, буркграбему Луцкому, о то, ижъ панъ буркграбя Луцкій, ничого не дбаючи на право посполитое и вины, въ немъ на недбалые урядники описаны, року теперешнего, тисеча шестсотъ чотырдесять девятого, месеца февраля двадцеть шостого дня, гдѣ протестующая ниже менованую толко самую протестацику безъ релации, въ вгороде Луцкомъ хотячи учинити, подавала, его милость панъ буркграбя Луцкій, не ведати зъ ляхихъ причинъ, не хотеть ее принять, о неприняте теды тое протестации и о вины правные протестующая зъ паномъ буркграбимъ Луцкимъ офероваласе правне чинити; такъ же противко урожоному его милости пану Михайлови Лавгановскому, економови влости Турыйское и старосте Турыйскому маетности яснесведоного кнежати его милости Владислава Доминика на Острогу и Жаславу, граби на Тарнове, воеводы Сандомирского, Луцкого.... старосты, дедичныхъ, о неучиненъе съ принципаловъ ниже менованыхъ справедливости, за тымъ о вины правные и о шькоды зътоль походячие; а потомъ противко роботнымъ Данилови войтови, Иванови Куросчулюови. Семенови Листоладкови, вовалеви, Лавришовцомъ двомъ, брати рожонымъ, двомъ,

брати двомъ, Терешъкови Чоснычъкови, лесничому, и всей громаде села Болболъ, въ ключу Турьскомъ будучое, маестности того жъ вышъ реченого внемати его милости пана воеводы Сеньдомирскаго, которыхъ скаржучая именъ и прозвискъ не могучи другихъ завзяти, волную однако спецификацию въ позвахъ оныхъ zostавуючи, принципаломъ, компринципаломъ и умыслнымъ подъ часъ своеволи козацкое бунтовъникомъ и збойцомъ, жалосне се сведчила и протестовала о то: вгды року свижо прошлого, тисеча шестсотъ чотырдесять осмого, своеволя несчастного гультайства козацкаго, уже на тую сторону Луцка ку Володимеру рушивъши, розширила се, скаржучая зъ детками своими и зо всею одъ мала до велика субъстанцією своею, ухороняючи здоровья своего, до монастыра Туровинскаго, маестности его милости пана Федора Яловицкаго, зъехала была, а обавяючись въ томъ монастыре Туровинскомъ zostавати, до леса тоещъ вси Туровина уѣхала и въ ономъ презъ недель килка, а мало не презъ всю козацьчину въ томъ лесе zostавала, о которой скаржучой менованая громада Болболская ведомость завзавши, же въ томъ лесе zostать, вси згодную межи собою раду и намову учинивши, вгды уже козаки назадъ на Украинну поворочали, помененая громада Болболская, покочачивъшися, взявши собе умыслъ алыи а непристойный, пропомневши боязни Божое, срогости права посполитаго и винъ въ немъ на таковыхъ описаныхъ, вси скупившисе на тотъ лесъ, где протестуючая zostавала, зъ стрельбою огнистою, косами, сокирами, осчепами, киями, цепами и съ чимъ который могль, яко на неприятелей якихъ, вгвалтовъне нападши, заразы губъ и бривъ учинивъши, первой самую протестуючую оденъ зъ тыхъ принципаловъ косою въ голову зверху тьял и рану кровавую, шкодливую задалъ, а другие синихъ, спухлыхъ, киевыхъ, кровью отежлыхъ, по всемъ теле позадавали были и уже неживою быти розумели. А то тожъ урожоного пана Марцина Смитковскаго, сынчюка скаржучое молодшого, одъ нихъ пехотою уходичого, улапивши, первой оного зъ ручницы вдолшь твари постреляли; а вгды, уже пострелоный, на землю палъ, окрутне, нелѣтостиве а праве тирансьо, безъ вшелякого милосердя, косами, сокирами, почавши голову, ажъ до ногъ, мало не въ штуви зъсекли, одъ которого такового ти-

ранского зъсеченя заразъ на томъ же мѣстцѣ пану Богу духа од-
далъ. А другой старшій сынъ скаржучое, съ першимъ малжонькомъ
сплохонный, урохонный панъ Михаль Тульвовскій, вгды его, хотечи
тыя принципалове улапнати, за нымъ гонили, за чимъ заедве . . .
. . . ушоль. Тамъже, заразъ маетность протестующое жаковати по-
чели,—яво жъ барзо сила въ разныхъ речахъ и достаткахъ шляец-
кихъ пожаковали: готовыхъ пинезей въ таларахъ битихъ тисечу зо-
лотыхъ; зъособна въ шкатуле золотыхъ триста; адамашку бленкит-
ного локтей пулъдевета локоть по золотыхъ пяти; китайки на лишт-
вы жолтое локтей пулътора; жупанъ зеленый, атласовый, зъ вгзуами
сребрными позлоцистыми—золотыхъ сто тридцеть; катанъеа карма-
зиновая съ петлицами кгришпановое масти—золотыхъ пятьдесятъ;
контушъ фалендышовый зеленый съ петлицами зелеными, зъ лишт-
вами атласовыми, кармазиновое масти — золотыхъ сто; контушъ
пушкарлатный, съ петлицами шварлатными, адамашкомъ шварлатнымъ
увесь подшитый, золотыхъ триста; сукна фалендышу, облочистого,
локтей пулъпети—по золотыхъ осми локоть; туркусовое масти сукна
локтей пулъпета, по золотыхъ шести локоть; вгзукии турькусовые,
едвабные, зъ зарабаньками—золотыхъ три; шнурка тое жъ масти
штучоужъ дви—золотыхъ десеть; футра лисого. бламъ—
золотыхъ пятьдесятъ; соболь—золотыхъ тридцать; обгонки соболовые—
золотыхъ осмнадцать; шлямового лисого футра бламъ—золотыхъ
тридцеть; котового футра бламъ—золотыхъ пятнадцать; чамара са-
евая черная; понелицами подшита, —золотыхъ сто; сая черное лок-
тей осмнадцать, локоть по грошей чотырдесять; пулъпласче гладкои
сая, черными сибирками подшитый—золотыхъ осмдесять; сподница
перпетуановая, черная, коштуючая золотыхъ осмьдесяти; сподница
саевая, черная—золотыхъ чотырдесять, мухашровая черная спод-
ница, золотыхъ тридцеть; кабатъ саевый, черный, зъ рукавами, золо-
тыхъ двадцеть; кабатъ перпетуановый, черный—золотыхъ двадцеть;
кабатъ перпетуановый, черный—золотыхъ двадцеть; кабатъ сая глэд-
кое, черный, зъ штапованъемъ—золотыхъ десеть; фартухъ адамаш-
ковый, черный—золотыхъ двадцеть пулъпета; буна одъ шапки вели-
кое белоголовское—золотыхъ тридцеть; килимовъ турецкихъ, пест-
рыхъ, тыхъ два, вождыи зъ нихъ по золотыхъ петьнадцать; про-

стыхъ вилмовъ пять, по золотыхъ пять, полотна тонкого пулъсет-
 ковъ двадцеть, грубшого пулъсетковъ пятнадцать, коня
 сто таларовъ битыхъ, глиняныхъ коней пару—золотыхъ двисти
 чотырдесятъ; влячъ три зъ жеребяти розное масти, по золотыхъ
 сто вождую; колясу кованую—золотыхъ шестьдесятъ, коберцовъ
 пара, вождый коберецъ по золотыхъ тридцети; коней подводныхъ
 два, конь по золотыхъ шестдесятъ, скрынъ три, зъ белыми розными
 речами; бочка съ полотнами; мухаеру червоного шерокого, простое
 роботы, локоть тридцеть,—локоть по грошей двадцети; белого муха-
 еру простого локтей двадцеть локоть—по грошей осмънадцеть;
 камлету червоного локтей осмъ, по грошей чотырдесятъ; насаману
 штука зеленого—золотыхъ шесть; шкатула зъ розными речами; бань-
 долетъ, — золотыхъ двадцеть; тлумокъ зъ постелю и инъныхъ ре-
 чей не мало, которые се паметати не могутъ, которые, дастъ панъ
 Богъ, часу права у суду особными реестрами ширей спецификованы
 будутъ. То все, въ способъ лупу побравши, межи себе поделили.
 Справы розные, записы, такъ самые орииналы и ексътракты, реке-
 гницие отъ розныхъ особъ и на розные долъги, такъ одъ хрестиянъ,
 яко и одъ жидовъ, квиты, реестра и иншыя sprawy, то все посежли,
 пошарпали и неведати где позадевали. А потомъ, вгды принципа-
 лове, тотъ експесъ зробивши и тотъ лупъ забравши, одехали, вышъ
 речовый панъ Михайлъ Тулъковский, сынъ протестующое, упатривъши
 часть способный, пришедши зънову на тое местце, скаржучую панюю,
 матку свою, ледве што дышачую, а праве въполъмерлую заставши,
 зъ милости своее сыновское взявши ее, до монастыра Туровицкого
 запровадитъ, и самъ тамъ же zostавалъ. А вгды тыежъ принципа-
 лове, доведавшисе, же живая скаржучая есть и въ монастыре Ту-
 ровицкомъ зъ тымъ же паномъ Михаломъ Тулковскимъ, сыномъ
 своимъ, zostаетъ, теды по вилка разовъ на тотъ монастырь хотечи
 находити, жебы могли зъ паномъ Тулъковскимъ, сыномъ ее, нежи-
 вити; за чимъ панъ Тулъковский мусель, на коня вседши, уежжати,—
 о которомъ и теперь протестующая ведати не можетъ—ежели живъ
 где есть, albo нитъ. Потомъ знову оденъ зъ тыхъ принципаловъ,
 Семень Листопадикъ, коваль, умыслне козаковъ на протестующую,
 въ монастыре zostаваючую, на тотъ монастырь, абы скаржучую въ

обставу вдорозья неживили, напроводили, которые козани направи-
 жонны скаржучую, хотечи стати, уже на пляць были вывели, и толю
 за стьгульною ласкою Божою и за усилюю прозбою чернца, въ
 томъ монастыре Туровицскомъ будучого, ледве одь статья ушла.
 Прездь который то таковой кгвалтовный, непрстойный учинокъ свой
 выпышей менованые принципалове, громада Болъбольская, право по-
 сполитое згвалтили, въ вини, въ праве о таковыхъ ребеллиантахъ
 описанные, попали и оные на себе заслужили; о што въсе протесту-
 ючая себе самую и того, кому съ права дорога до чиненя правомъ
 належати будетъ, въ суде належномъ правне чинити оферовала, зо-
 ставуючи однакъ волну мелiorацію тое теперешнее албо поданье
 ивное ширше, такъ себе самой, яко и кому належати будетъ, про-
 тестацией, если того потреба будетъ. А на большій доводъ тое те-
 перешнее протестации протестующая ставила шляхетнаго Януша
 Смидецкого, возного енерала воеводства Волинского, который, зъ
 приданья моего урядового, маючи при себе шляхетныхъ пановъ
 Яна Жуковського и Павла Бовецького, сторону, шляхту, веры год-
 ныхъ, року теперешнего, тисеча шестсотъ чотырдесять девятого, ме-
 сца марта третего дня, видилъ за показаньемъ у ее милости па-
 ние Елшбеты Смитковское на верху головы любо юже згойный, але
 великий шрамъ. Тотъ же возный зозналъ, ижъ зъ приданя уряду
 моего, року теперь идучого, марта третего дня, въ замку его во-
 ролевское милости, Володимерскомъ, трумьну отворивши, тѣло небож-
 чика пана Марциана Смитковского, сына панее Станиславовое Смит-
 ковское, голову и всего зъ ногами мало не въ штуки зъсеченого,
 видилъ и урядовне огледалъ, которое заданье себе раны и сына
 забитье меновала ее милость пани Смитковская презъ всю громаду
 Болъбольскую, принципаловъ, часу и способомъ выжей въ протеста-
 ции менованными. Тотъ же возный зозналъ, ижъ онъ, зъ приданя
 моего, выжей менованыхъ, року тисеча шестсотъ чотырдесять девя-
 того, марта третего дня, первой въ томъ же замку Володимерскомъ,
 другой разъ передъ замкомъ, третимъ противко канцелярии передъ
 замкомъ стоячое, а четвертымъ въ рынъку миста тугопного, Воло-
 димерского, при згромаженю вело зацѣныхъ розного стану, такъ
 шляхецкого, яко и посполитого, людей, голосомъ вынеслымъ, всякъ

людемъ вырозумелымъ, иже небожчикъ панъ Марцинь Смитвовский есть тыраньско забитый презъ хлоповъ и всю громаду Больбольскую, подданныхъ вьнежати его милости, пана воеводы Сендомирского, принципаловъ, часу и способомъ вышь въ протестации менованными, объволашь и публиковалъ. А потомъ тотъ же возный возналъ, иже онъ року теперешнего, фебруаря шестнадцатого дня, зъ приданя уряду моего, маючи при себе шляхетныхъ пана Яна Савицького и Пражминьского, шляхту, веры годныхъ, былъ въ месте Туриску, въ замку, маетности вьнежати его милости, пана воеводы Сендомирского, въсполъ зъ ее милостью панею Смитвовскою, вгды ее милость въ споль зъ его милостью, паномъ Самуелемъ Курцевичомъ, до его милости пана Михаила Лакгановского, старосты Туриского, и економа волостей Туриськихъ, реввируючи учинена справедливости во вьсее громады Болболское, принципаловъ и забойцовъ, за експедишь, въ протестации менованый, презъ тую громаду пополненный, вгды его милость пана Лакгановского въ замку Туриськомъ заставши, реквизиовала; на которую такову реквизицию панъ Лакгановский зборонялъ се справедливости учинити и не учинилъ. Тогожь, теперь идучого року, фебруаря двадцать третего дня, подъ бытность того жъ пана Лакгановского тутъ у Володимери, зъ тымъ же его милостью паномъ Курцевичомъ и зъ вознымъ, вознавающимъ, въ госпде пана Лакгановского реквизиовали учинена тое жъ справедливости; теды панъ Лакгановский одповедилъ, же «безъ ведомости вьнежати его милости не учиню». А потомъ, тогожь року и месеца, а дня двадцеть сегого, съ приданя уряду моего звышней менованогъ, (зъ) шляхтою паномъ Садвцикимъ и паномъ Пражъпинскимъ, тотъ же возный, будучи въ замку Туринскомъ и самого пана Лакгановского заставши, громаду всю Больбольскую, принципаловъ, въ винахъ правныхъ, за експедишь, въ протестации менованый, презъ нихъ пополненный, и въ десяти тисечей копъ грошей Литовьскихъ, абы ихъ дотрымалъ и на кождомъ термине правномъ ставилъ, арештовалъ; который арештъ панъ Лакгановский принявши, доброволне субмиттовалъ себе самого, и вьнежати его милости, пана воеводу Сендомирского, яко пана тыхъ подданныхъ дедичного, же тую громаду Больбольскую ее милости и кому належати будетъ до усправедливена въ томъ учиниву

на каждомъ термине правномъ ставити, оферовалъсе, и то дежаровалъ, же уже тихъ злочинцовъ въ замку Турискомъ у везеню туромномъ маеть. Счо зознавши возный реляции, просили ея милость пани Смитъковская—протестацию, а возного—реляцию о записанъе до книгъ,—што отрымали.

Книга Владимирская и одская, записовая, поточная, о крестовая и кондемятовая . № 1017, годъ 1649, листъ 4.

СЛХИИ.

Жалоба отъ имени жены Виленскаго воеводы, Анны Алоизии Ходкевичевой, на аренднаго владѣльца м. Вильска, пана Александра Цеклинскаго, и на слугу его Бѣлецкаго, о увозѣ изъ ея имѣній нѣсколькихъ сотъ крестьянъ, которые и были потомъ совершенно ограблены. 1650 г., января 7.

Року Божого нарожения тысяча шестсотъ пятидесятого, месяца генваря сегого дня.

На вrade кгородскомъ, въ замку его королевское милости Житомирскимъ, передо мною Яномъ Чайковскимъ, подстаростымъ Житомирскимъ, становши очевасто урожоный его милость панъ Щасный Вонсовскій, слуга и памѣстникъ всѣхъ маетностей ясневельможной ея милости паней Анны Алоизией Ходкевичевой, воеводиной Виленской, гетмановой великой великаго княжства Литовскаго, на тотъ часъ будучой, именемъ своимъ и именемъ тоижъ ясне велможное ея милости паней воеводиной Виленской, паней своей, сведчиль и соленитеръ, зъ великимъ жалемъ оповедаючи, протестовалса напротивко шляхетному пану Янови Белецкому, слуге и намесникови урожоного его милости пана Александра зъ Цеклина Цеклинскаго, Вилскому, въ тотъ способъ и о то: изъ менованный панъ Белецкий, будучи межи возаками писарчикомъ, а маючи знаемость зъ Иваномъ Водяниковомъ, войтомъ Черницкимъ, зъ которымъ змовившися и нарадивыпися добре, подданныхъ паней протестантисъ зъ розныхъ маетностей, то есть зъ месгечка Черници, зъ села Бровникъ,

зъ села Старыковъ, зъ села Немилной, зъ села Филиповичъ, зъ села Лупъчиць, и зъ иныхъ веле волостей Звъягелской, до места Звъягла належачихъ, южъ по завартю пакътъ, подъ Збаражемъ постановленыхъ, а праве подъ часъ конклюдией и конченю сейму теперешнього, не мало намовивши человека сто двадцать зъ менованыхъ сель, зъ маестностей паней протестуючого, обезпечючи оныхъ, зо всеми маестностями выпровадить. А потымъ, теперь свѣжо и не давно, тотъ же то панъ Белецкий, не респектуючи ничего на право посполитое и выны въ немъ описаные, але праве левце собѣ важечи, подъехавши въ ночи потасмъне подъ менованые маестности паней протестантисъ Звъягелские, не тылко тыхъ подданныхъ сто двадцать, але и зъ иныхъ сель не мало, о которыхъ протестантъ и не ведаеть, до осмыдесять чолоска зъ собою намовивши, дня двадцать девятого месеца декабра, року тисеча шестисотъ чотырдесять девятого, до мѣста Вилска припровадить и оныхъ, сумненемъ своимъ обезпечючи, же ихъ зъ мѣста Вилска волно пустить обещовався, на тымъ присягъ; а потымъ, не дотримавши имъ слова, и присягу свою опустивши, до места Вилска въведши и упровадивъши, у оныхъ конѣ вгвалтовне поотбираль, возы, скринѣ и всю субстанцию и маестность ихъ, иле одно бытъ могло, побравъ, пошарпавъ. А напродь у Ивана, Водянюка, войта Черницъкого, пинезей готовыхъ чиншовыхъ, который (зъ) зъмечена пана протестуючого зо всѣхъ сель и волости Звъягелской выбираль, золотыхъ шестнадцать сотъ полскихъ, а его власныхъ дви тысячи золотыхъ полскихъ—взявъ и вгвалтовне выдравъ; у того жъ шабель добрыхъ три, палаши, луковъ два, пистолетовъ пара, сукень разныхъ паръ пять, волдра турецкая, матераць атласовый, сукню одну зъ срыбрьными петлицами, бутовъ турецкихъ паръ пять, вилчуръ двѣ, сукъмановъ бѣлоголовскихъ два, летниковъ пять: одинъ турецкий, желтогоронций, другой червоный турецкий; коней семь, бахмата строкатого власного протестуючого, коневъ мѣдяную, мисъциновыхъ тры, кухель-одент, талировъ шесть, плахоть осмнадцать, сукна простого лавоть пядесять, хустъ билихъ пять скринъ, котловъ два, котелковъ три, паневовъ двѣ, быдла сорокъ. У Сухоносенка,—жупановъ два, делѣя третя, кожихъ новый, хустъ билихъ скриня, катанка вграйбринова (sic), сподныхъ речей двое, фален-

дышовые одни, другие пакляковые, пинезей золотыхъ сорокъ; у Олешка: коня лысого, вороного, доброго, пенезей золотыхъ два, обрусоевъ коленскихъ чотыры, кошуль едwabныхъ две, жупановъ два—одинъ вгрубриновый, другой лунский, плахта едwabная, рогатина, срибромъ набиваная, шапокъ две, одна оксамитная соболцовая, другая лисья фалендышовая; у Назара коня, зовсимъ доброго, жупановъ два, кожуховъ два, сукманъ белоголовский, плахотъ чотыры,—одна едwabная и лужникъ, масла ведро, хустъ белыхъ скрыня и бочка забитая; у Микиты: шкапу тисавую, пенезей золотыхъ пять и лужныхъ; у Русачька: готовыхъ пенезей золотыхъ тисечу и тридцать золотыхъ полскихъ, делия блакитная, кунътушь чорный, лисами подшитый, делия фалендышовая, бабаками подшитая, шапокъ две, одна куня, другая мрамурковая, обрусоевъ осмъ, плахотъ пять, хустъ белыхъ скрынь две, сукна простого локотъ двадцать, лужниковъ чотыры, полотца суроваго локтей пятьдесятъ, коня вилятого зо всимъ—да на золотыхъ осмъдесять, ложовъ срибныхъ две, которые важили лутовъ чотырнадцать, пулчмарокъ золотыхъ пять, сукня белоголовская съ пасаманомъ оксамитнымъ; у Миска Шевца: шкапу зовсимъ половую, другую гнедую, хустъ белыхъ скрыня, жупанъ шиптуховый, колпакъ лисий, чинкатору, лужникъ одинъ, пенезей золотыхъ осмъ, кожуховъ два; у въ Омеленяты Мартина: коня пленивого, вола полового, пенезей золотыхъ двадцать и два, жупанъ синий, перстепювъ три, монисто, золотыхъ шесть, кожуховъ два, сукманъ белоголовский, шапка фалендышова, вабать турецкий, мухояровый, поесовъ чинкаторовыхъ два, серпанковъ два; у Игната Волошеняты: ложниковъ два, кожухъ одевадный, серпанокъ одинъ, хустокъ две; у Микиты Турчына: коня рыжого—за золотыхъ сто, шабель две, кордъ, срибромъ оправный, сагайдакъ, жупановъ три синихъ, сукманъ белоголовский одинъ, пенезей золотыхъ сто, плахотъ чотыры, лужныковъ чотыры, хустъ белыхъ скрыня, оксамиту чорного штука, атласу штука чирвоного, борошна, и иного немало, самопаль, пистолетувъ два; у Сидора Черницкого: золотыхъ пять готовыхъ пенезей, колпакъ лисий фалендышовый, червоный, поесовъ чинкаторовыхъ два, хустъ белыхъ вуръ набитый пельный; у Дании Ярмака: сподние речи одни, сувонные, шиптуховые, обрусоевъ два,

полотна кудиноного локоть чотырнадцать; у Васка Крушчы, пенезей готовыхъ золотыхъ чотыры, лужникъ одинъ, самопаль, кулбаку одну, сукна простого локоть семь, сермягу одну, обрусось два; у въ Уласа Щчерниці кожухъ нсвнй одевалный, хустъ белыхъ скрыню одну, сукна простого локоть чотыры; мимоходщизны у тыхъ же подданныхъ паней протестуючого одъ возомъ ста двадцати по золотыхъ полтрета одъ кожного взялъ и на пожитокъ себе, чыли тежъ пану своему, обернулъ. А большая, не контетуючисе тымъ, тотъ же панъ Белецький зъособна зъ Звягли, учинивши коньдиктаменъ, яко козавъ передъ тытъ будучый, зъ адгерентами и помочниками своими, ему самому по имену кожного добре ведомыми и знаемыми, подехавши подъ села: Филиповичи, Князь, Бронники, Романовку, Лубечи, Могильную, также подданныхъ власныхъ паней протестуючого, болшей нижи до трохъ сотъ господаровъ, до тогожъ мѣста Вилска перевабивши, зо всего пообдиралъ и хлоповъ, што тылко зъ душами пускаючи, праве наго починивши, зъ места повиганялъ; о што теды менованый протестуючий, постерегаючи целости добръ ясневельможной ее милости паней воеводиной Виленской, паней своей, яко тежъ и своей, и повторе противко тому пану Янови Белецькому, слуге и намесникови его милости пана Цеклинъского, и адгерентомъ его сведчи и оповедается, оферуючися зъ нимъ самымъ, любо тежъ съ тымъ, съ кимъ право дорогу укаже, въ суде належынымъ правне инъ форо фори чинить, зоставуючи тоей своей протестацией волную мелиорацию, любо тежъ инъшой, ширшей учинене, если бы того потреба, водлугъ права, указывала. А на доводъ тоей своей теперешней, ставилъ возного снерала воеводствъ, Киевского, Волинского, Браславъского и Черниговского, шляхетного Антона Трубелского, который, въ моцъ правдивой реляцией своей, явнє, яснє и добровольне въ тые слова созналъ: ижъ онъ, будучи съ приданя урадового возваный на справу и потребу урождного его милости пана Счастливого Воньсовъского, слуги и намесника ясневельможной ее милости паней воеводиной Виленской, а маючи при себе сторону шляхты, людей добрыхъ, шляхетныхъ пановъ, себе для лѣпыного сведцества зъ ураду тутощнего вгородского, Житомирского, приданыхъ, съ которыми ездилъ до места Вилска, маєтности на тотъ часъ его

милости пана Александра Цеклинскаго арендовъней, а дедичной яснесведоного княжати его милости Владислава Домъника на Острогу и Заславу, граби на Тарнове, конюшого коронного, Луцкого, et caetera старосты, тамъже приехавъши до замочку тамошняго зъ менованою шляхтою, самого его милости пана Александра Цеклинскаго въ тымъ замочку въ светлицы за столомъ сидячого, и при нимъ пана Яна Белецкаго, слугу и намеснива его милости Вишевого, иредъ нимъ стоячого, заставши, во сту тысячахъ копъ грошей литовскихъ арештоваль и, жебы до права оного ставиль, припоручиль; который арештъ его милость панъ Цеклинский принявши, до права ставиль оферовалъсе, што менованый возный, того арешту добровольное принятъе отъ его милости пана Цеклинскаго менованою шляхтою, при себе будучою, осведчивши, съ тамътоль одшедши съ тою жъ помененою шляхтою, пытався въ тымъ же месте Вилску подданныхъ паней протестующого, зъ розныхъ сель и волости Звагелской будучихъ, о побраню речей, въ протестацией вышъ помененныхъ; которые всѣ разомъ поведили: же ихъ панъ Янъ Белецкий, слуга и намесникъ его милости пана Цеклинскаго, зъ менованныхъ маестностей и сель выбавиль, и до места Вилска припровадивъши, зо всего пообдыриваль и пооббириваль. Такъ тежъ и то слышалъ, же одъ войта Черницкаго, Ивана Водяника, пенезей чыльшовыхъ золотыхъ шестнацать сотъ полскихъ, а его властныхъ дви тисечи золотыхъ полскихъ тотъже, панъ Белецкий гвалтовне поддѣймоваль и до себе пообдыриваль. Тедыжъ я, менованый возный, штомъ справоваль, очима видель и ушима слышалъ, менованою шляхтою осветчивши, правдыве о тымъ реляцыю свою сознаваю, и до книгъ нынешнихъ вгородскихъ, Житомирскихъ, занисую. И просиль менованый возный, посполу съ подавцою тоей протестацией, абы такъ тая протестация, яко и возного реляция зъ арештомъ, до книгъ были приняты и записаны,—што отримали.

Книга Житомирская вродская, записовая и поточная, юдъ 1649—1650, № 19, листъ 15.

CLXXIII.

Жалоба Ковельскаго ксендза Петра Козаковича-Прошицкаго на мѣщанъ Ковельскихъ объ ограбленіи и совершенномъ опустошеніи ими мѣстнаго костела во время перваго козацкаго возстанія. 1650 г., марта 14.

Року тисеча шестсотъ пятьдесятого, месеца марта чотырнадцатого дня.

На вряде кгородскомъ, въ замку его королевское милости Володимерскомъ, передо мною Андреемъ Абрамовичомъ Бурчакомъ, наместниковомъ подстароста Володимерского, и внигами нинешними, кгородскими, старостинскими, становнии очевисто велебный въ Богу ксендзъ Петръ Козаковичъ Прошицкий, плебанъ Ковельскій, на противко славетнымъ, то есть: Федорови Свинъчикови, лентвойтови, Петрови Лихванчикови, Андрееви Кгарбарчови, Андрееви Малярови, Потееви Римарови, Тимошови Девясьчикови, Грыцови Коновалчикови, бурмистромъ, лавникомъ, мешчаномъ и всему посполству места его королевское милости Ковля, светчилъ се и протестовалъ о то: ижь помененые мешчане субъ темъиусть инътеррекгни, въ самую ковачину, року прошлаго тисеча шестъсотъ чотырдесять осмого, заразь по забитю и тыранско замордованю велебного ксендза Якуба Косинского, плебана Ковельского, антецесьсора протесьтанътисъ, препомневши права посполитого, на випелякую своеволю и роспусту вынуждавписе, розные ексьцесьса посполу зъ козаками, рознымъ тежь католикомъ злости розмаитые выражали, до веры своее приневоляли, въ воде такъ католиковъ, яко и жыдовъ позосталыхъ, для убозства велького уходиги немогучихъ, топили, а надто костель тамошній, дверы вырубавши, злупили, то есть меновите въ костеле келихи, патыны, монъстранци и янъшое сребро костельное законаное, орнаты, апъпараты, албы и што кольвекъ ено спрату костельного было, все тое выкопавши, въ способъ лупу побрали и межи себе поделили. А я тымъ се неконътенътующы, инъ конътемъптумъ романе еклезиє атъвє дивине маєстатисъ, олтаровъ два, где санъ-

в тиссяме мисъсе сакрифиция одправоваласе збурили, зъ великого зась олтаря, анъгелки на нимъ будучие, злотивые, презъ сыновъ а хлопцовъ тамешнихъ позъбияли и въ нивечъ попъсовали; особамъ на великомъ олтару стоячимъ, светого Станислага и Войтеха и иншихъ светыхъ головы постынали и поперетинали, позытивъ на штучки потлукли, двери костелные побрали, окна вси повыбияли, завесы одъ внъшнихъ дверей пообъдерали, дзвонкъ, въ посродку костела высачый, сикгнатъ, взяли, круцификсъ на болшую взгарду, на цментару стоячый, ст.лукли, таъ же толко руки а ноги оногo круцификса висять; плебанию зась въ нивечъ а въ нивечъ обернули, таъ же лавы не оставили,—все розобрали, въ которой и сумму, костелови, зъ легать належачую, взяли и межи себе поделили,—што все особнымъ реестромъ у суду будетъ верификовано. А надто тыежъ мешчане борокъ, до костела валежачый, вырубали, выпустошили подъ тотъ часъ и въ нивечъ обернули, же толко пне сосенъ зостають, которыхъ и зличити трудно, и шкодъ на тисечу золотыхъ учинили. Што се и повторе осветчивши, а оставивши себе салве до учиненя ширшое албо мелiorации тое теперешное, была ли бы того потреба, верификуючи контента протестационисъ сусе, протестансѣ ставилъ возного енерала воеводства Володимерского, шляхетного Андрея Колодежинского, который, въ моцъ правдивое реляции своее призналъ: вѣжъ онъ року прошлаго, тисеча шестъсотъ чотырдесятъ девятого, месеца новембра третего дня, маючи при себе шляхту, людей добрыхъ, пана Яна Сколимовьского, былъ на сираве и потребе велебного ксенъдза Петра Козаковича Прошицкого, плебана Ковелского, въ месте его королевское милости Ковлю, въ плебании тамошное, где, за показаньемъ оногo, видель въ нивечъ спустошоныи костель, овна вси потлучоны, олтари буроны, фигуры посечоны, святыхъ Божихъ позытивъ до шченту знесеный, у дверей завеси поодиранные некоторыхъ, а некоторыхъ дверей и немаешъ, круцификса на цментару тилко руки и ноги высачые, плебанию барзо спустошону, а на остатокъ борокъ за местомъ заразъ въ нивечъ висечонный, въ которомъ пневь сосенъ и зличити трудно,—видель и оглядалъ. Которую то таковую шкodu меновалъ быти стагую тотъ же ксендзъ плебанъ одъ всихъ мешчанъ тамечныхъ Ковелскихъ, подъ

часть ребелъни и своеволи козацкое. Што устнымъ своимъ вознаемъ ствердивши, просиль, абы тая реляция, посполу съ протестацією, была принята и до книгъ записана, — што отримали.

Книга Владимірская вродская, записовая, поточная и декретовая, 1650 г., № 1018, листъ 83.

СЛХХІV.

Жалоба пана Юрьевича на крестьянъ Кіевскаго подкоморія, Юрія Немирича, ограблявшихъ, во время козацкаго возстанія, имѣніе жалобщика Зарубинцы. 1650 г., мая 6.

Року тисеча шестсотъ петдесятого, мѣсеца мая шостого дня.

До уряду актъ нынешнихъ вгородскихъ, Житомирскихъ, до мене Андрея Аслановича, подстаростега Житомирскаго, перьсоналитеръ пришедши урожоный его милость панъ Вацлавъ Юрьевичъ протестовалсе соленитеръ и жалобливе опобедалъ на славетныхъ и правцовитыхъ: Андрея Асавулку Ковалевого сына Валкового, Антона Шипляка, стражника, Шипошика Волчого Зуба сына, Солусчика Кгглия, Ювка Бучного, Стецька Захарчука, Стуйка и инъшихъ месчанъ и обывателовъ места Горошковъ, тудежъ противько: Каленниченкомъ, Шабальтасови, Корецникомъ, Якубенкомъ Иванови, Салькови, Плосене сынови Сепьковому, Чернолозикови, Слововъчикови, Суируникови Бондарчикомъ, и инъшимъ месчаномъ и подданымъ места Рафалова велможьного его милости пана Ерого Немирича, подкомореге Кіевьскаго, власнымъ, въ тотъ способъ и о то: ижъ тые менованые подданые, подъ часъ инъбурсии до короны презъ неприятеля крижа святого и своевольной ребеліей козацкой, зобравъписе вси способомъ, якобы козацкимъ, моцно, кгвалтовъпе на дворъ и мешканъе села Зарубиньки протестуючого, власный, паехавъши, замъкя внутрьные и завесы одъ коморъ и одъ избъ поодъбывавъши, и пооддуплювавъши, въ способъ зъдобычи непристойное, вси спряты

домовые, кони, быдло, овъцы, свинье и што колвекъ ено въ тотъ дворе налезтисе могло, меновите: котловъ горелчанныхъ дванадцать и одинъ затиральный, железа, коней пять, быдла рогатого двисте петдесять, вепровъ кормныхъ и свиней надворныхъ въ личбе сто шестдесять, и иншие спраты домовые и збожа розные, яко то: масла, сыра, полти солонины, пшевицы, солоды, муки, жита молоченые, куры, качки, гуси, яко тое особьнымъ реестромъ тотъ забюръ и шькоды сиецификованые и часу права показаные будутъ, — вгвалтовые позабиравъши и на возы свои повкладавъши, и тымже подданнымъ Зарубинскимъ и Кропивенскимъ до Горошковъ, и до вуйта на тотъ часъ, Марушенки названого, отвезти и запровадити розказали; а въ мисте Горошьякахъ тые быдла и забюры — одны до вуйта старого, а другие межи себе розобрали и розделили. Также заразомъ подъ тотъ часъ и гречки тыежъ наездники Рафаловские стыртъ две, при частыхъ на тотъ дворъ Зарубинский наездахъ, и при иншихъ забюрахъ до сотника своего, Крука, збожа молоченые, меновите жита — вожували, перевезли и межи себе розобрали. О который таковой наездъ, шькодъ починеные, также и о тые вышменованые забюры у дворе Зарубинскимъ, кгда его милость панъ Юревичъ, пришедши до посесей тыхъ добръ, о справедливость съ таковыхъ наездниковъ у его милости пана подкоморего просилъ и реквировалъ, — на которую реквизицію не тилко панъ подкоморий съ подданныхъ своихъ выступныхъ справедливости не учинилъ, але еше инъ сумумъ преюдициумъ и шькоде невносной протестуючогосе тые быдла, которые въ селе Зарубинцахъ и у дворе тамошнимъ протестуючогосе, властнымъ, тые наездники забрали, петнованого, въ личбе семдесять одъ тыхъ наездниковъ и подданныхъ своихъ менованныхъ Горошевскихъ и Рафаловскихъ его милость панъ подкоморий позабиравши, черезъ слугу своего, урожоного пана Чарновского, на Волянъ, до маетности своей одослалъ. Которое то быдло свое протестующий въ оборе его милости пана подкоморего, нимъ было на Волянъ отосланое, въ вознымъ и шляхтою огледавъши, водлугъ науки правное, до аеть нынешнихъ записать чрезъ возного розказалъ. Презъ который то таковой неслупный и несправный поступокъ, за неучивненемъ справедливости съ подданныхъ своихъ, его милость панъ подкоморий

до великихъ шкодъ протестующегося приправилъ. О што все и повторе протестансь освѣдчаеть и оповедаеть, оферуячись въ суде належномъ о тое правне чинить. А теперь просилъ, абы тая его протестация (которой вольную мелиорацию себе инъ того заховуеть) до книгъ была принята и записана, — што отрималъ.

Книга Житомирская, городская, записовая и потоочная, 1649—1650 г., № 19, л. 210 на об.

CLXXV.

Жалоба отъ имени княгини Катерины Четвертинской и пановъ Харлинскихъ на хоругвь Волинского подстоля, Тимофея Карпиньскаго, о нападеніи на имѣніе ихъ Новый Островъ, ограбленіе и истязаніе крестьянъ и священника, «хотя онъ и унѣтъ». 1650 г., мая 20.

Року тисеча шестсотъ пядесятого, месеца мая двадцатого дня.

На вряде кгородскомъ, въ замку его королевское милости Луцкомъ, передо мною Ильяшомъ Малюшицкимъ, буркграбимъ Луцкимъ, становши очевисто шляхстный панъ Янъ Лещинский, слуга освещеное княжны ее милости Катаринны зъ Лешънева Стефановое Четъвертенское, подкомориное Браславское, и передъ тымъ бывшее Еронимовое Харьленское, старостиное Луцкое, именовъ которое, яко панее оправъное и доживотное добръ всихъ по запломъ негдъ велможномъ его милости папу Ерониме зъ Харлежа Харлинскимъ, старосте Луцкимъ, прошломъ малжонку ее милости, позосталыхъ, тудежъ именовъ велможныхъ ихъ милости пана Адама сына и панны Анны, цурки, Харлинскихъ, нотомковъ и сукцесоровъ добръ тогожъ его милости пана Харлинскаго, старосты Луцкого, яко дедичовъ, прихилияючись инъ того до салвы въ протестации подъ актомъ року прошлого, тисеча шестсотъ девитого, месеца июля чотырнадцатого дня, именовъ тое жъ княжны ее милости, панее подкомориное Браславское, презъ пана Яна Камодзелского на противько нижей менованымъ особомъ въ кгороде тутошнемъ, Луцкимъ, занесенное до попра-

веня ее албо занесеня ширшое зоставленое, меморуючи оную теперь, меновите въ томъ: ижъ дедичовъ въ прошлой протестации не доложено, а до того, же фальшо вводамъ, дѣя невзяты ведомости, место Томаша Шимона, имя урожоного его милости пана Томаша Козиви, подстолего Волинского, положоно, противко тымъ же особомъ, въ первой протестации положонимъ, то есть урожонимъ: ихъ милости пану Томашови, подстолему Волинскому, ротмистрови, а Шимонови, поручникови, Козивомъ, такъ же противко ихъ милости паномъ Курдавановскому, Лиховскому, Рылскому, Езерскому, Цешановтскому, Олевинскому, Милевскому, Кореневскому, Корбутови, Чапскому, Станиславскому, Страпови, Вербовскому, Ясинскому и иншимъ всимъ товариству и компании, челяди ихъ милости, тое жъ хорогвы его милости пана подстолего Волинского, самому его милости пану ротмистрови и поручникови зъ именъ и прозвискъ лепей ведомимъ и зваемимъ, которыхъ, еднакъ, за взятемъ далшее ведомости, салва еорумъ номинацио, а такъ же воггноминацио часу права позвомъ резерватуръ, соленитеръ етъ кграви кумъ квереля повторе на тотъ часъ, инъ вимъ префате мелиорационисъ сус, сведчалъ и протестовалсе о то: ижъ ихъ милость, не огледаючись на право по сполитое, и овънемъ оное левъце себе поважаючи, року прошлого, тисеча шестьсотъ чотырдесять девятого, дня второго июля, зъ хорогвою своею менованою наѣхавши на маестность княжны ее милости, панее подкоморийное Браславское, и ихъ милости пановъ Харленкихъ, местечко Новый Островъ, тамже приехавши, стацие незносные у месчанъ тамошнихъ и шляхты, тамъ же мешкаючи, беручи, кривды и шкоды великие чинячи, на продъ Андерея Ждановского, шляхтича доброго, не маючи жадное до него причины, впадши до двору его, сами особами своими и зъ челядью своею, и оного окрутне звязавши, яко лотра якого по месте по улицахъ водили, обухами и клями бьючи, мордуючи, и до господы помененого выжей пана Ясинского приведши, за ноги обвесивши до горы, а на доль головою, допюро задавали муки незносные, яко се имъ подобало, же ледве живого отпустили, на остатокъ у слуга, выведши его на рынокъ, увязали, хотячи его разстреляти, где посполство всего места оного невинности его высведчали. Тымъ се не

контентуючи мордованъемъ, казали ему шлю окуповати, где люди увесь, патрачи такъ на его великие муки, окупуючи его, дали золотыхъ семдесятъ, и тые пинези узявши, а сами впадши до двору его, вси речи рухомые и шаты позабирали. Зьнову до Федора Тьачи, нападъши въ ночи, сплячого заставъши, округне посекали, которне раны и разы въ реляции возного суть спецификованные, увторого побрали сермяги, желъза, свердлы, и што колвекъ было въ дому его речей рухомыхъ; Васка, месчанина, челядъ пана Козики, зъ голыми шаблями гонечи его, которого не договивши, до дому оного впадши, взяли жону его, которую звязавъши, округне мордовали, бючи, мучачи, мовячи: «поведай пинези, сребро»; которую змучивъши и збивши, покинули за умершую; отца священъника Новоостровского, любо униата, не маючи респекту на духовънюю особу, челядъ пана Страшова, словы неучтивыми зневажаючи, зъ дому выгнавши, полотно взято аршиновъ тридцать пять, побили окна, и двери выламали, на остатокъ и до церкви хотели двери одбивати, даючи тую причину, жебы мель въ церкви сребро и шаты поховати; у Яна Томеовича, зъ росказаня его милости пана Курдвановъскаго, челядъ взяла полотно локтей тридцать, убиоровъ двое, кошулъ две белоголовъскихъ, и фартухъ полотно ткацкого, и колпакъ, за который далъ золотыхъ три, подвижъ две; у Фила, месчанина, взяли сермягу; у Андрея Крутъва взяли кожухъ новый и рядно; у Матяша, слюсара замъкового, взяли пару банъдолетовъ, цыны фунтовъ пять, колодокъ двадцать, молотовъ два, цороху фунтовъ два, жону збили и зъ дому выгнали; у арендара челядъ пана поручниковая обрусъ, фартухъ штытый, коптовный, мыхтаръ мосенъдзовый—взяли, окна высекли въ ночи, пива две бочки, горилки кварть шесть аквавитон взяли; У Яна Слоневского, бурмиистра, скрынку, зъ справами местскую полупали, права местские на ладунки побрали и домъ оного въ нивечъ спустошили. Не досытъ на томъ маючи, же такъ великие кривды и шкоды починили, едли и пили, до возовъ брали, але есче, место другой стации, яловицы, бараны, гуси, куры, павъ, горилки знову, выежъджаючи, до возовъ брали; а то на большое спустошенъе чинячи, кони свои въ огороды пусчали и ячмени попасли и незъносныхъ врывдъ и шкодъ починили. Презъ который таковой свой

поступокъ, и же противко праву посполитому выкрочили, а затѣмъ въ винѣ, въ немъ описаные, попадали, и до шведъ не малыхъ, которые часу прада позвами ликвидованые будутъ, привели и приправили; о што все, итерумъ етъ итерумъ компаренсъ менованый протестующийсе, оферуетъ о то, ижъ ихъ милость пановъ своихъ ивъ форо компетенти правне поступити, а на тотъ часъ просилъ, абы тая принята и до внигъ записана была,—што отрымалъ.

Книга Луцкая городская, поточная, № 2493, годъ 1650, листъ 564 на оборотъ.

CLXXVI.

Присяжное показаніе крестьянъ изъ имѣній Тышей-Быковскыхъ о уменьшеніи числа жителей въ ихъ селахъ, вслѣдствіе козацкихъ войнъ. 1650 г., июня 15.

Roku tysiąc sześćset, pięćdziesiątego miesiąca junia piętnastego dnia.

Na urządzie grodzkim, w zamku jego krolewskiej mości Żytomirskim przede mną Marcinem Karwowskim, podstarościm Żytomirskim, stanowszy oczewiście sławetny Hrehory, ataman Horbolewsky, Trochim Czekanienko, ataman z siola Mołodyłowa, Wasko Zanczenko, ataman z siola Osieczy albo Zankow y siola Wirowki, Szyleyko, ataman z siola Wydybora y siola Swidy, Nester Sasienko, ataman siola Nianiewszczyzny y siola Horynia, prosili mnie, urzędu, o przydanie woznego ua wydanie rothy a to w sprawie oddawania troyga podymnego z wyszpomienionych majątnościey dziedzicznych urodzonych ich mościow panow Michała y Gabryela Tyszow Bykowskich, y jch mościowie, panowie Tyszowie, panowie jch, według ufaly seymu walnego Warszawskiego y laudum na seymiku relatyjnym Żytomirskim, w roku teraznieyszym, tysiąc sześćset pięćdziesiątym, zgodnie przez jch mościow panow obywatelow woiewodztwa Kiiowskiego troyga podymnych oddawać postanowionych y ufalonych według kwitow poborowych albo podymnych y rejestrow skarbowych, nie mogą troyga podymnych do skarbu jego krolewskiej mości wydać, bo mało się co poddanych w zwysz pomienionych ma-

iętnościach po tej rebelii kozackiej zostało: co możniejsze, wszystkie precz się rozeszli; czego przerweczeni wierzchu atamani przysięgą tego chcą comprobować. Przeto ja, urząd, woznego generała województwa Kiiowskiego, Wołyńskiego, Braclawskiego, szlachetnego Marcina Kamińskiego, przydałem, które w te słowa, za wydaniem sobie roty przez woznego, jurament wykonali: «My, Hrehory Klimenko, ataman sioła Horbolewa, Trochim Czekanenko, ataman sioła Mołodyłowa, Wasko Zanczenko, ataman sioła Wyrowki, Iwan Szyleyko, ataman sioła Widybora y sioła Swidy, y ja, Nester Sasienko, ataman sioła Nianiewszczyzny y sioła Horyni, przysięgami Panu Bogu, w Troycy świętej iedynemu, na tym: iż w siele Horbolowie dymow ciągłych dwadzieścia pięć, w siele Mołodyłowie dymow dwadzieścia dwa, w siele Widyborze dymow dwanaście, w siele Swidy dymow pięć, w siele Horyni dymow sześć, w siele Osieczy dymow sześć, a w siele Nianiewszczyzny dymow pięć, w siele Wirrowce dymow ciągłych trzy, a więcey nad to niemasz,—tak nam Panie Boże pomóż y niewinna męka Pana Jezusa Christusa». Po ktorego wykonaniu juramentu, wyszrzeczony wozny, stanowszy oczewisto przede mną, urzędem, y rellacją swoją uczynił, iż wyszrzeczeni atamani jurament na tym wykonali, jako więcey w tych majątnościach ichmościow panow Tyszow poddanych y dymów niemasz, tylko tak jch jest siła, jako się wyżej w juramencie wyraziło; y prosili mnie spólną s przerweczonym woznym wyszpomienieni atamani, aby iako wykonany jurament przez atamanow. tak też y woznego rellacya przyjęto było y do xiąg niniejszych, grodzkich, Żytomirskich, zapisano,—co otrzymali.

Книга Житомирская городская, записовая и поточная, № 19, 1649—1650 и., листъ 299.

CLXXVII.

Жалоба Полонскаго мѣщанина Ивана Шоловскаго на пана Станислава Славецкаго о томъ, что послѣдній схватилъ его съ товарищемъ на дорогѣ, заключилъ въ тюрьму и, принявъ ихъ за козацкихъ шпионовъ, хотѣлъ казнить. 1650 г., августа 9.

Anno 1650, mensis augusti 9 dnia.

Stanowszy oczewisto Iwan Połoński, przezywaiący Póhaczykow zięć, mieszczanin z miasta Wielkiego Połonnego, poddany wielmożnego jegomości

Konstantego Lubomirskiego, Białocerkiewskiego etc. starosty, zwierzchnością pana swego, iako prędko z więzienia i s tarasu od urodzonego iego mości pana Stanisława Sławeckiego z siola Połowieckiej uść mógł, imieniem swoim i imieniem Adama Panczeniaty, rzeźnika i mieszczanina z tegoż Połownego, załobnie protestował się i obciążliwie opowiadał naprzeciwko temuż urodzonemu iego mości panu Stanisławowi Sławeckiemu o to: iż pomieniony pan Sławecki, przeciwko prawu pospolitemu, nieoglądając się nic na winy, przeciwko takowym opisane, w roku niniejszym 1650, miesiąca augusta 7 dnia, gdy protestujący, mianowany Iwan i Adam, rzeźnicy, poddani wysz pomienionego jegomości pana starosty Białocerkiewskiego, zabiegając chleba sztuki z rzemiosła swego rzeźniczego, po targach i po iarmarkach bydło skupując, rzeź odprawowali, i od miasta Kotelni dnia pomienionego do Berdyczowa ku jarmarku, dla odprawowania rzemiosła swego. przez wieś Połowiecką zwyczajną drogą szli, tamże idąc na noc zostali; tedy jego meść pan Sławecki, niemając żadnej przyczyny do nich, niewinnie, kazawszy do więzienia pobrać y onych powrozami i styczkami skrępowawszy, za wartę, mieniąc ich być szpiegami i kozakami swawolnemi, oddawszy, na garle karać umyślił był, iakoż pewnieby teje nocy owych by nieżywiono, gdyby za Bożą pomocą z tego więzienia i z za warty nie pouchodzili; przy których protestujących co kolwiek pieniędzy naleziono, mianowicie złotych sto i dziesięć w różnej monecie, między któremi i ieden czerwony złoty, czapke łazurową, futrem obłożoną, pas dziany, robiony, łazurowy, piersień sribrny, musat wielki buty, to wszystko jegomość pan Sławecki sobie kazał czeladzi swojej odbierać; a tak protestujący, mianowany Iwan, uszedszy z tego więzienia, a niewiedząc dostatecznie, iezeli towarzysz jego ze zdrowiem uszedł, czyli też tam znowu pojmany i stracony; i powtore o takowy gwałtowny na drodze zastęp, o więzienie swoje i y pobranie pieniędzy i rzeczy z wielkim żalem, a prawie płaczkliwie do urzędu donosi i uskarża się, ofiarując o to jegomości pana swego mianowanego i siebie samego z towarzyszem swoim prawnie czynić w sądzie należnym. A teraz prosił, aby te jego opowiadanie do xiąg przyjęto i zapisano było,—co i otrzymał. Pisać nie umiejący protestans.

Книга индуктовая городская, Киевская и Житомирская, записовая, поточная и декретовая, № 317, годъ 1598—1773, листъ 94

СЛХХVIII.

Универсалъ гетмана Богдана Хмельницкаго, которымъ онъ предписываетъ, чтобы крестьяне по прежнему повиновались и отбывали повинности панамъ. 1650 г., сентября 20.

Року тисеча шесть сотъ пятидесятого, месеца октября третего дня.

Передъ урядомъ и актами нынешними, вгородскими, Житомирскими, передо мною Марциномъ Карвовскимъ, подстаростымъ Житомирскимъ, становши очевисто урожонный панъ Стефанъ Висоцкий, слуга вельможного его милости пана Криштофа зъ Логойска Тишкевича, Житомирского, Нефоросского еіс. старосты, для вписаня до книгъ нынешнихъ, вгородскихъ, Житомирскихъ, подалъ перъ облятамъ универсалъ одъ его милости пана Богдана Хмельницкого, гетмана войска Запорозского, съ печатью войсковою и съ подписомъ руки его власное, въ речи, нижей въ томъ универсале описанной, до ихъ милостей пановъ обивателей воеводства Киевского въ левной речи выданный, который такъ се въ себе, писмомъ рускимъ писанный, маеть: »Богданъ Хмеляницкий, гетьманъ, зъ войскомъ его королевское милости Запорозскимъ. Ознаймуемъ симъ писанемъ нашимъ, кому бы о томъ ведати належало, такъ старшинѣ и чернѣ товариству войска его королевское милости Запорозского, яко тежъ мешъчаномъ и селяномъ, подданымъ всимъ, въ воеводстве Киевскомъ знайдующимся. Допля насъ вѣдомость, же некоторые свовольные подъ часть теперешней, вгды войско наше до земли Волоское рушило, тые меновите, которые до подданства належать, не будучи паномъ своимъ послушными и зычливими, и овшемъ неприятelmi, много шляхты, пановъ своихъ, потопили, позабивали, и теперь, не устаючи въ передсевзятю своею, на здорове панское наступуютъ и послушными быти не хотятъ, але бунты и своеволю вчинають,—прото симъ универсаломъ нашимъ повозаемъ (ижъ если бы ещъче таковыя своевольники знайдовалися, которые бы на здорове пановъ своихъ наступовали и послушными быти паномъ своимъ не хотели), жебы сами панове, весполъ съ пол-

ковниками нашими, Белоцерковскимъ або Киевскимъ, сурово бы и на горле карали; а тые зась, которые кровь невинную пролели и покой нарушили, горлового караня не уйдуть, яко жъ и тутъ за тое не одного на горло скарали есмо. Данъ въ Ямполе, дня двадцатого сентебра, року 1650*. У того универсалу при печати подпись руки тыми словы: Богданъ Хмельницкий рукою власною. Который же универсаль за поданемъ и очсвистымъ признаемъ вышменованое особы, а за првнятемъ моимъ урядовымъ, до книгъ есть уписант.

Книга Житомирская городская, записовая и поточная, 1649—1650 г., № 49, л. 550 на оборотъ.

CLXXIX.

Жалоба пановъ Яна и Габріеля Аксаковъ на свою вачиху, Екатерину Аксакову, о томъ, что она, съ помощью козаковъ, захватила ихъ вѣтня. 1651 г., января 23.

Roku tysiąc sześćset piędziesiąt pierwszego, miesiąca styczni dwudziestego trzeciego dnia.

Na urządzie grodzkim, w zamku jego królewskiej mości Żytomirskim, przede mną, Marcinem Karwowskim, podstarościm Żytomirskim, oblicznie przyszedszy urodzony pan Andrzej Czerchawski, sługa urodzonych ich mościów panów: Jana, stolnika Kijowskiego, rotmistrza jego królewskiej mości, Gabryela Aksaków, braci rodzonych, synów zeszłego niegdy świętej pamięci jego mości pana Stephana Aksaka, sędziego ziemskiego Kijowskiego, Ostrowskiego, Bobrownickiego etc. starosty, imieniem tychże ich mościów panów Aksaków, panów swoich, referując się do aktu protestacyej w grodzie Żytomirskim w roku terazniejszym, tysiąc sześćset piędziesiątym (sic), miesiąca septembra dwudziestego czwartego dnia zanesionego,—świadczyl solenniter naprzeciwko urodzonej jej mości paniey Katarzynie z Ciołchan Aksakowej, sędzinej Kijowskiej ziemskiej, małżonce wtórej tegoż zeszłego jego mości pana łowcego (sic) ziemskiego Kijowskiego, protestował się o to: iż

pomieniona jej mość pani sędzina ziemska Kijowska, nie nie respektując na prawo pospolite i winy, w nim opisane, nie mając żadnego nie tylko prawa, ale i pretextu do dobr i majątności panów protestantis dziedzicznych, w roku niedawno przeszłym, tysiąc sześćset pięćdziesiątym, zaraz po śmierci rodzica ich mościów, pana małżaka swego, wyprawiwszy sobie uniwersał od pana hetmana wojska Zaporozkiego i załogę kozacką, wszystkie majątności ich na panów protestantis dziedziczne, tak za Dnieprem, jako i z tej strony Dniepra, za linią kozacką z tamtej strony będące, mianowicie: za Dnieprem—miasto Chohołów, miasto Switilniow, miasteczko Rozówkę, wsi do nich należące: Zdymorskie (sic), Starycze, Bohdanówkę, Krasifówkę, Bobryki Rudnia, Płosko i Rusanow; a z tej strony Dniepra: miasto Kniażyce, miasteczko Sołtanówkę, Zysówkę, i wsi do nich należące, mianowicie: Zaborze, Daniłówkę, przez sług swoich: panów Piotra i Jana Wyhowskiego i pana Jana Andruszewicza—z załogą kozacką pozajeżdżała; którzy to słudzy jej mości paniej, sędziny ziemskiej Kijowskiej, za własnym rozkazem i posłaniem jej mości paniej swojej, poczowszy od dnia piętnastego miesiąca Junii, aż do dnia dwudziestego siódmego miesiąca Julia, w tych majątnościach zostając, wszystkie czynsze, dziesięciny i insze intraty i pozytki, z tych majątności przychodzące, powyberawszy, gotowe pieniądze zaraz do jej mości paniej sędzinej, pani swojej, do Polski odesłali, a zboża i insze rzeczy—jedne spieniężyli i prędko tamże do jej mości do Polskiej odesłali, a drugie do Hulanik, majątności dożywotnej, posprowadzali, a jej mość to wszystko na własny swój użytek obróciła. Zaczyn jej mość, pani sędzina ziemska Kijowska, ich mościów panów Aksaków, panów protestantis, do szkod nie małych, których sobie być mienia na sto tysięcy złotych, samych intrat wybranych w to nie including, przyprowadziła. A tym się jeszcze nie kontentując, w roku tymże tysiąc sześćset pięćdziesiątym, miesiąca oktobra trzeciego dnia, ich mość panowie protestantis factorow swoich—Dmitra Woskobojnika z Huholowa i Ihnata Klinczanina, mieszczanina Kniażyckiego, dla kupienia futer i inszych rzeczy, dawszy im dwa tysiące złotych posłali byli,—pan Piotr Wyhowski, starosta Hulanicki, tedy, z własnego rozkazania jej mości paniej swojej, na dobrowolnej drodze pod Kijowem ułapiwszy, pieniądze wszystkie i kwity różne, od różnych creditorów panow protestantis służące, pobrawszy, a samych do Hulanik zaprowadziwszy, w więzieniu prywatnym czas niemały trzymali. O co wszystko, jako o winy prawne i szkody, stąd pochodzące, iterum atque iterum świadczył i protestował się, wolną melioratią tej protestaciej, abo uczynienie inszej i specyficacią intrat i inszych rzeczy, w tych majątnościach pobranych, w in-

szej protestacyi, abo czasu prawa w pozwach, będzie li tego według prawa potrzeba ukazywała, ich mościom panom Aksakom, panom swoim, zostawiwszy, a na ten czas prosił, aby ta jego protestacya do xiąg przyięta i zapisana była,—co otrzymał.

Книга Житомирская городская, записовая и поточная, № 20, годъ 1651—1652, стр. 59.

CLXXX.

Объявление отъ имени Киевскаго подкоморія, Юрія Немирича, о числѣ разбѣжавшихся во время козацкаго возстанія изъ Лугинскаго имѣнія крестьянъ, съ поименнымъ ихъ перечислениемъ. 1651 г., августа 21.

Roku tysiąc sześć set piędziesiąt pierwszego, miesiąca augusta dwudziestego pierwszego dnia.

Na urządzie grodzkim w zamku iego królewskiej mości Żytomirskim, przede mną Mikołajem Kotuzynskim, podstarościm Żytomirskim, y xięgami ninieyszemi, grodzkiemi, starościnskimi, stanowszy oczewiście urodzony pan Stephan Wodrackij, imieniem iego mości pana Jerzego Niemirycza z Czerniechowa, podkomorzego Kijowskiego, pana swego, niżej opisaną zanoił manifestatią, iż iako prędko po szczęśliwey jego królewskiej mości pana naszego miłosciwego nad rebellizantami kozakami wiktoryiey, jego mość pan podkomorzy Kijowsky, pan protestantis, przyjechał do majątności swey, od jego mości pana starosty Owruckiego w summie pięćdziesiąt czterech tysięcy złotych polskich sobie zastawioney, to iest: miasta Łuhin, wsi Tesnowki, Głuchowey, Łuhinek, Terechow, Diwłina, tak zaraz rewizią uczynił y spuściznienia tey majątności. Z miasta Łuhin ci poddani przez poszli: Marko, Serhey Kosacz, Artuszenia, Chiton, Stepan Primacharko, Rybczenia, Zdanko Krawiec, Misko Krzywopust, Michalec Czerednik, Andrzej Woronenko, Jasko Szapował, Andrzej Szczasko, Illa Kowzyk, Serhey Roszko, Chweder Junakow, Opanas Kotlarz, Omelian Howik, Buraczko Ostap, Paweł Kotlarzenia, Iwan Będnarz, Denis Kosacz, Wasko Zbarazki, Mikita Krasnoszyiow, Moysiey Swiec, Ostap Krawiec, Hryszko Pryma, Iwan Woron, Jakób Kortel, Swiec, Olexey Susło, Wasyl Tymoszenia, Iwan Kirykow zięć, Horey

Litewczyn, Ostap Winnik, Stephan Dołhinowiec, Ohej Deniskowicz, Iwan Marczaninow, Perechrysta Stephan, Wasiko Szapował, Opanas Szczasny, Henczar, Ianko Żdanenia, Stepan Neradek, Jarema Kowal, Trochim Swiec, Dmiter Kowal, Karp Łukaszow, Samuś Patrenia, Dothepoły Chilkó, Iwan Jałowy, Omelian Rochowicky, Klimasz Szewcow, Żitkowa doczka, Serhey Junak, Iwan Szyło, Janczycha wdowa, Roman Szepiel, Szczon wrótny, wdowa Belalycha, Andrzej Byczko, Matfey Kiryłow, Stephan Ganczarz, Lewon Wysoki, Martia Suchy, Iwan Szapował, Harasko Nowak, Mikołaj Sakojad, Dawid Pryma, Stephan Zoniserow, Demid Marcirzyn Łysy, Iwan Sby, Daniło, Demian Daniłów, Iwan Hrebenik, Parchoń Pochyły, Kostink Owniacw, Ghoma Winnik, Szczasny Litwinowicz, Daniło Zbarański, Opanas Szabelnik, Feder Moskal, Iwan Miałko, Roman Miałky, Hastwicha wdowa, Jakim Czortak, Michał Zima, Trochim Kolesniczenia, Marcjin Szerbaszyn, Rawlicha wdowa, Pilił Oydeienia Jaroszowski, Iwan Jaroszowski, drugi Dasjuk, Wodijata Lew, Wasiko Trybuszek, Miakołowczyk Makar, Iwan Kozusako, Wasiko Oskrahow, Jakób Szapował, Kostiak Kudakulo, Stephan Zayko, Iwan Zubczenko, Iwanko Owsejów, Ostap Bogdanowic, Titko Perodczenia, Iwan Litwin, Matfey Bolsun, Hryszko Dabowik, Olexey Socky, Jurko Holadko, Hricko Rochowniczenia, Iwan Nikonczyków, Nikon Horbaczyk, Tymosz Szerbaszy, Denis Sobota, Stasycha wdowa, Hanneczka wdowa, Iwan Kucego syn, Semen Woyt, Chwiesko Kliłun, Pilił Hreczenia, Karp Mokijenia, Fedor Sawostianenia, Opanas Homezyszyn, Semen Pohorłko, Semen Nienka, Masiuczycha wdowa, Jacko Łarzyc, Prokop Bibosz, Jakub Bibosz, Semen Krawiec, Artin Czewerko, Łukasz Ołiferow, Jachim Krawiec, Łazar Dubelena, Ostapicha, Jasko Litwin, Michał Bobosz, Ostap Prozowicz, Bohdan Harzynsky, Ihnat Golan, Paweł u Pinczakowey chaće, Lewko Sowczenia, Iwan Tołsty, Hryszko Czysteński, Kiryło Nowik, Olexey Netreba, Pilił Łobiszenia, Krysztoph Kozłowski, Kotok strzelec, Weluczenia strzelec, Szłomija, Leyba Abramowicz, Azyk, Icko Dawidowicz, Icko Wielky, Morduchay Chaim, Sowa Zelmanyha, Abram Rzeznik, Korobeyka Icko, Swinia Coska, Leyb Rzeznik, Rabięńky Jasko, Chaim Dawidowicz, Abram Zielmanik, Jusko Penko, Nochim Jakuchno, Jakub Szłomiszyn brat. Summa poddanych, ktorzy przecz poszli z miasta Łuhin, sto sześć dziesiąt y dziewięć; z tych wytrąciwszy tych, co świeżą powchodzili w chałupy, czterdzieści i sześć, zostaje pustek realiter sto dwadzieścia y trzy, na których odchodzi czynszu trzysta osmdziesiąt złotych y groszy pułtrzecia, podwodszczyzny odchodzi na tych że sto dziewięćdziesiąt złotych; ze wsi Łuhinek y Terechow poszedz przecz Maxim Bumarenko, na którym odchodzi czynszu zło-

tych siedm y groszy pietnaście. Ze wsi Głuchowey ci poddani przez poszli: Andrzej Radiwonow, Ihnat Sydorow zięć, Fedor Winnik, Kuźma Makarow, Jacko Ganczarz, Roman Metenenia, Fedor Berestenko, Sawa Berestenko, Jachim Koliły, Jowsey Lewonowicz, Fedor Berdniczenia, Jachim Chwedczenia, Jakow Panczenia, Iwan Opanasenia, Olexy Opanasenia, Andrzej Hawrylenko, Taras Kotow, Opanas Żółto brzuch, Timosz Czerwa, Jochim Holakow, Maxim Stolarz, Trochim Petrenia, Piotr Moskal, będnarz Staś, Iwan będnarzow, Bogdan będnarzow, Hawrył Chomenko, Lewko Kozakowicz, Radko Kudelczyk, Koziel Petrenia, Hryszko Czerlezko, Iwan Holanka, Iwan Czeredniczenia, Jowdak Karmnego syn, Trochim Żółto bruzenia, Serhy Dolenczuk, Czerednik Szypiło, Daniło Trochim; summa chłopów, co przez poszli z Głuchowey, czterdzieści y jeden, z którey summy wytrąciwszy tych, co swią powchodziło w chałupy, iedynascie, zostaje pustek realiter trzydzieści, na których czynszu odchodzi złotych dwieście dwadzieścia y sześć, podwodziwszy złotych trzyrdzieści y pięć. Ze wsi Tesnowki ci poddani przez poszli: Wasil Sorodczuk, Hryszko Wydowczenia, Fesko Wyhowczenia, Jowchim Kowal, Szyłka Dołhinowiec, Kondrat Leszczenko, Trochim Sierkowiec, Maciej Daniakiewicz, Filon Wychowczenia, Matfey Olichwerow, Opanas Koliły, Onanko Sirkowiec, Karp. Serhejow zięć, Hryszko Chwostiński, Radko Chochol, Jacko Chochol, Fedor Dolhinowiec, Roman Naczanin, Markijan Bolsun, Borys Teresenia, Stephan Klimowicz, Fedor Sycz, Szostak Socky, Hryszko Krawiec, Kuzma, Jakim, Hryszko, Misko Kotasenia, Opanas Klimenko, Opanas Romanow Deduszenia, Iwan Klimienia, Riaby Semen Jaroszenia, Borys Jaroszow zięć, Iwan Juskiwicz, Hawryło Dokadko; summa chłopow, co przez poszli z Teśnowki, trzydzieście y pięć, z których wytrąciwszy tych, co swią powchodzili w chałupy, iedynasta, zostaje pustek realiter dwadzieścia cztery, na których odchodzi czynszu złotych dwadzieścia y dwa y groszy pułpięta, podwodziwszy złotych szesnaście. Ze wsi Diwlina poszli przez ci poddani: Sawon Safanowicz, Prokop Będnarz, Kalenik Hłuszkowski, Trochim Chocinieć Chwedor Kaska, Chocinieć Serhy, Semen Kaszczyk, Misko Szynkarz, Demid Czechowicz, Olexy Moroz, Hryszko Morozenia; Roman Kuzmicz, Hawryło Miakałowicz, Wasko Onisczenia, Łukasz Kalko, Pilip Misko Jarowiec, Piotr Topiecha; summa chłopów, co przez poszli z Diwlina, dziewiętnaście, z których liczby, wytrąciwszy tych, co swią powchodzili w chałupy, dwuch, zostaje pustek realiter siedmnaście, na których odchodzi czynszu złotych czterdzieści y jeden y groszy piętnaście, podwodziwszy odchodzi złotych czternaście. Suma sumarum pustek we waszystkim kluczu Zubinskim sto dziewiędziesiąt

y pięć, a zosobna tych, co nowo osiedli, ośmdziesiąt, summa czynszu, który odchodzi na pustkach, złotych sześćset siedmdziesiąt y ośm y groszy cztery; podwoszczyzny odchodzi na pustkach złotych dwieście piędziesiąt y pięć. Nadto względem tego spustoszenia, arędą karczem y młynow taniey sześćset złotych puścić się musiała. Która to manifestatia, aby do ziąg zapisana była, prosił,—co otrzymał.

Книга Житомирская городская, годъ 1651, № 20, стр. 134.

CLXXXI.

Жалоба паніи Потоцкой на пана Бачинского о томъ, что онъ, собравши отрядъ своевольныхъ людей, наѣзжалъ на ея имѣнія, грабилъ и вѣстязалъ крестьянъ, подвергалъ ихъ пыткамъ и съ одного содралъ кожу. 1651 г., сентября 23.

Roku tysiąc sześćset piędziesiąt pierwszego, miesiąca septembra dwudziestego dnia.

Na urzędzie grodzkim, w zamku jego królewskiej mości Żytomirskim, przede mną Mikołajem Kotużyńskim, podstarościm Żytomirskim, stanowszy oczewisto szlachetny pan Jan Wieląga, sługa urodzonych ich mościów paniey Katarzyny Jankowskiego Floryanowey Potockiey y panow Jana Karola, rotmistrza jego królewskiej mości, y Konstantego Potockich, dziedziców dóbr Narodycz, jmieniem panów swoich pomienionych, jako skoro acta grodu ninieyszego Żytomirskiego po woynie kozackiey są odwarte, y protestuiący przyść mógł, soleniter świadczył y protestował się naprzeciwko panu Bazylemu Baczyńskiemu o to: yż pomieniony pan Baczyński, nie kontentuiąc się pirwszemi krzywdami, przykrościami, poddanych mordami, które, mieszkaiąc przy jeymości paniey Parchomowey Trypolskiey, jako pokrewney swoiey, poddanym jeymości paniey Potockiey y synom jeymości, także y samym, ale zaciągnowszy się pod chorągiew wołoską, tym lepiej y więcey y bezpieczniej —czynił; a potym, po rozgromieniu tey chorągwie, przywiązał się do chorągwie pana jana Ostrowskiego, rotmistrza, z którym, pod czas zpalenia y zplądrowania miasta Narodycz, zostawał y compryncypałem między drugimi uczynku tego był; ale iuż i po rozpuszczeniu chorągwie tey, nie dbaiąc nie

zgola na boiazń Bożą, ani ostrość y srogość prawa pospolitego y na winy prawne, owo zgola piściwszy się na wszelaką swawolą, na ucciwe swe (?) mie respektując, w roku tysiąc sześćset pięćdziesiątym pierwszym, w miesiącu juni dwudziestego dnia, różnych przybierając do siebie ludzi swawolnych, jako ktorego czasu wiele mógł, coraz czaty po maiełtności pomienionych protestujących odprawując, we wsi Nozdryszu Maxima Łukienka, Byska Dziegciarza, na śmierć pozabiał; we wsi Stawku, pitając się o pieńgędzach y maiełtności, poddanego Michałka starego męczył, skore z niego od szyie aż do pasa, od piąt aż do kolan złupił, także i po rękach, y insze tyraństwa zadawał, aż umrzeć musiał; w Narodyczach Iwana Płakunienka w bok postrzelił y razów dwa w głowę ciął, który pod wątpieniem, aby żyw został; y insze wielkie, ośkłbia y nieznośne contempy, poddanych bicie, mordy, męki zadawał, czynił, czyni y czynić nieprzestae na wielki žal y contempt panów protestującego; który to žal, despect, utrapienie swoich urzędowi ninieyszemu opowiedziawszy, obiecując o to prawie czynić, panom swoim salwa melloratione ejusdem protestationis reservata, pro sił, oby ta do xiąg przyięta była,—co otrzymał.

Книга Житомирская городская, записковая и поточная, № 20, годъ 1651—1652, стр. 182.

CLXXXII.

Жалоба пана Стефана Жабокрицкаго на пана Станислава Скоповскаго объ угнетеніи крестьянъ въ арендуемомъ имъ имѣніи жалобцѣна и о принужденіи священника къ отправленію крестьянскихъ повинностей. 1652 г., марта 1.

Roku tysiąc sześćset pięćdziesiąt drugiego, miesiąca marca pierwszego dnia.

Przed urzędem i aktami niniejszemi grodzkiemi, Winnickiemi, i przede mną, Semenem Postołowskim, burgrabią Winnickim, stanąwszy oczewiście urodzony jego mość pan Stefan Żabokrzycki, świadczył i manifestował się przeciwko urodzonym ich mościom panom Stanisławowi i Maryannie Działowskiego Skopowskim, małżonkom, w ten sposób: iż ich mość panowie

Skopowscy, małżonkowie, trzymając od manifestującego się pewną część we wsi Żabokrzyczu, Torkowie i Sielnicy, zastawnym sposobem, gdzie nie powinni byli ich móc panowie Skopowscy, małżonkowie, powołowyszczyzny, do której nie należeli, u poddanych tych brać, którą, w roku niedawno przesakym, tysiąc sześćset pięćdziesiąt pierwszym pobrali różnego bydła, tak krów, jako i wołów, sto podwód, i z tychże majątności, tak w roku tysiąc sześćset pięćdziesiąt pierwszym, jako i w roku tysiąc sześćset pięćdziesiąt drugim, poddani nie powinni byli odprawować najdalej mil siedm, którzy teraz odprawują mil trzydzieści. Popa, mieszkającego we wsi Torkowia, do którego nie należało, do swych posłuszeństw przyniewolają i przyniewolili,—któremu osobna wolne prawo zostawują. W ostatku, gdy odpowiadający się, chcąc, aby uboga majątność, przez te uciążenie poddanych, nie była spustoszona i i do szczytu zniszczona, upominał się u jego mości pana Skopowskiego, żeby poprzestał tych krzywd poddanym Żabokrzyckim i innym nad inwentarz czynić; naco iego mość pan Skopowski powiedział: «wolno mi nad poddanymi co chcieć to czynić;» nawet powiedział przed wielu ludźmi szlachcie dobrej: «że niech się ze mną i sam pan Żabokrzycki gdziekolwiek me spotyka.» O co się manifestujący przede mną, urzędem, opowiedziawszy, a zostawiwszy sobie wolną melioracyą i uczynienie protestacyej, prosił, aby ta jego manifestacya i opowiadanie do xiąg było przyjęte i i zapisano,—co i otrzymał.

Книга Винницкая городская, записовая и попомная, № 4598, годъ 1652, листъ 38 на об.

GLXXXII.

Жалоба пана Станислава Сарнецкого на пана Александра Бочковского о томъ, что послѣдній началъ на арендное его имѣние Яковъ, которое совершенно разграбилъ а крестьянъ всѣхъ разогналъ. 1652 г., марта 25.

Roku tysiąc sześćset pięćdziesiąt drugiego, miesiąca marca dwudziestego piątego dnia.

Przed urzędem i aktami niniejszemi grodzkiemi, Winnickiemi, i przede mną Sememem Podolowskim, burgrabią Winnickim, stanowszy oczewiście

urodzony jego mość pan Stanisław Sarniecki. Załobliwie świadczył i protestował się naprzeciwko urodzonym ich mościom panom: Alexandrowi Boczkowskiemu i Annie, pierwszego małżeństwa Alexandrowej Komarowej a terazniejszego tejże Boczkowskiej, jako pryncypałom uczynku niżej mianowanego, w ten sposób: iż przereczeni małżakowie, nic się nie oglądając na prawo pospolite i winy w nim opisane, nie wiedząc (quo jure?) najechawszy na majątność, nazwaną Jankow, w roku przeszłym, tysiącnym sześćsetnym pięćdziesiątym pierwszym, miesiąca julii dwudziestego dnia, protestującemu się od zeszłego niebożczyka pana Jana Komara prawem zastawnym od trzech lat do trzech lat zawiedzione i służące, zajechał, tak szkody nieznosne poczynił, to jest: bydło, owce, konie, tak chłopskie jako i dworskie, samego protestanta, jako też i zboża gołe, tak chłopskie iako i dworskie, tysiąc kop, kociel piwny ze wszystkiin warsztatem, który kosztował sto i dwadzieścia złotych polskich, kotłów ośm gorzałczanych, dziewiąty zacieralny, bydła rogatego półtorasta, krów, drobiazgów i przybytków, owiec dwieście, pasieki półtrzecia stą pniów, świni ośmdziesiąt, insze rzeczy ruchome, domowe, mianowicie: masła, syry, przędzywa i insze rzeczy domowe, koło gospodarstwa należące, wołów dworskich szesnaście, co w pługach dwornych chodzili; chłopów wszystkich rozegnali, których rozegnawszy, zboża wszystkie odbiegłszy kop czterysta, młóconego zboża miarek sto, bydła u tychże chłopów wziął trzydzieści, pszczoł u tychże chłopów sto pniów, owiec pułtorasta, stada klacz dwadzieścia wziął, stada młodych źrebiąt, roczniaków, dwuletnich, sześćdziesiąt, skrzynię wielką z płótnami i inszym rzeczami, pazona miarek dziesięć, jako o tym osobny registr tego wszystkiego opiewa—zabrali i na swój pożytek obrócili; chłopów wszystkiej tej majątności, prawem zastawnych protestantowi służącej, rozegnali i porozpędzali; owo zgoła wszystkie wieś, nieinaczej jakoby się nieprzyjaciel trzymał, spustoszyli. O co wszystko protestans iterum atque iterum opowiedziawszy się, a zostawiwszy sobie salve do czynienia szerszej protestacyej lubo poprawy tej terazniejszej inquantum by tego potrzeba ukazała, ofiarując się z nim o to in foro fori prawnie postąpić, teraz, na dowod tego wszystkiego, stawił woznego generała województwa Braclawskiego, Jana Osieckiego, który, w moc prawdziwej relacyi swojej, przyznał: iż on roku terazniejszego, tysiąc sześćset pięćdziesiąt drugiego, miesiąca januarii dwudziestego dnia, był na sprawie i potrzebie jego mości pana Sarnowskiego, nazwanej Jankowie; tamże, mając przy sobie szlachtę ludzi dobrych: Andrzeja, Panasa i pana Jana Niezłotowskiego, do majątności mianowanej przyjechawszy, spustoszenie tej majątności, które się stało przez ich mościów panów Alexandra Boczkowskiego i małżonkę jego,

w tej protestacyej, wyżej opisanej, stało się, widział, oglądał i to do ich mościów panów Boczkowskich, małżonków, osiąglych; co iż tak a nie inaczey było, mianowane osoby prosili, aby to było przyjęto i do xiąg zapisano,— co i otrzymali. Stanisław Sarnowski.

Книга Винницкая гродская, записовая и поточная, № 4598, годъ 1652, листъ 75.

СІХХІV.

Присяжное показаніе крестьянина пана Мясоцкаго о томъ, что въ селѣ Волицѣ изъ шести дворовъ остался жилымъ только одинъ. 1653 г., апрѣля 21.

Року тысяча шестсотъ петдесать третего, месеца априля двадцать первого дня.

На вряде вгродскомъ, въ замку его королевское милости Луцкомъ, передо мною Еронимомъ Шалайскимъ, буркграбимъ Луцкимъ, и книгами нынешними, вгродскими, Луцкими, становивши очевисто робочий Хвеско Вудничени, подданный державы его милости пана Адама Мясоцкаго, въ села Волицы, аиасъ Оличовьки, для записаня до книгъ нынешнихъ вгодскихъ, Луцкихъ, на одно подымное присегу выконалъ въ тые слова: «иждь въ селе Волицы, аиасъ Оличовьце, большей дымовъ нимагъ, одно оденъ, а по квите его милости пана Бокия, поборцы прошлаго, убыло шесть, съ которыхъ подданне одни вымерли, а другие прочъ пошли, такъ ми Пане Боже помози и невинъная мука Христуса Пана». А просилъ при томъ, абы тая присега его была принята и до книгъ записана,— што отрымалъ.

Книга Луцкая гродская, поточная, № 2496, годъ 1653, листъ 741.

СЛХХV.

Объявленіе отъ имени наследниковъ Быдгощскаго каштеляна, Станислава Соколовскаго, о запустѣніи имѣній ихъ Шепля и Войсича вследствие мороваго повѣтрія и бѣгства крестьянъ отъ жолнерскихъ притѣсненій. 1653 года, іюня 21.

Рову тисеча шестсотъ пятьдесятъ третего, месяца іюня двадцетъ перваго дня.

На вряде кгородскимъ, въ замку его королевское милости Луцкимъ, передо мною Іеронимомъ Шалайскимъ, буръеграбимъ Луцкимъ, и книгами нынешними, кгородскими, Луцкими, становши очевисто шляхетный панъ Даниель Рафаловский, именемъ вельможныхъ ихъ милости: панее Ядвиги Соколовскаго Станиславовое Цюсновское, подчашинное Брысѣтя Куявскаго, старостинное Дыбовское, и ее милости гансе Анны Соколовскаго, малюпки позосталое зошлого съ того света вельможного негда его милости пана Станислава Заполскаго, старосты Дыбовскаго, цоревъ, потомбовъ и субцесоровъ добръ зошлого негда вельможного его милости пана Станислава Соколовскаго, каштеляна Бидъгоскаго, старосты Дыбовскаго, а посесорокъ добръ села Шепеля и Войсича, манифестацію въ тотъ нижей описаный способъ заносилъ: ижъ по пернихъ тыхъ добръ, которые въ рокахъ прошлыхъ, то есть тисеча шестсотъ чотырдесятъ осмымъ, тисеча шестсотъ чотырдесятъ девятымъ, тисеча шестсотъ пятьдесятымъ, тисеча шестсотъ пятьдесятъ первымъ, стали се, дезоляцияхъ, о чимъ манифестацие, инъ реценти въ кгороде Луцкимъ занесены, и возныхъ объдукциі ширей въ себе мають, тыежъ преречонне добра, село Войсичъ и село Шеплю, съ приселками, до нихъ належачими, въ року свижо прошлымъ, тисеча шестсотъ пятьдесятъ вторымъ, въ месяцахъ сентебру, октобру, ноябру и декабру, подъ часъ срогого на Волюню пануючого повитря, што колеккъ еше было людей по пернихъ инъвурьсияхъ козацкихъ и татарскихъ и частыхъ переходахъ жолнерскихъ позостало, вси немаѣ вымерли, а меновите въ селе Шеплю и селе Воляца вымерли тыи подданыи, го-

сподари: Макаръ Кулицкий зъ сыномъ, Ясъченатовъ двухъ, Хома и Трохимъ, Степанъ Свиридко, Гаврило зъ сынами двома, Илько мельникъ Шепелский зъ сыномъ, Мойсей зъ сыномъ, Якимъ Рыбакъ зъ сынами двома, Яско Блошка, Хоць Баевъский, Данило зъ сыномъ, Грыцько Нагайчукъ зъ сыномъ, Грыцько Баевъский зъ сыномъ, Стефанъ Кгилась зъ сыномъ, Миско Поповичъ, Захарко Баевъский, Харво, Якимъ Бакульчикъ, Андрей Юркасъ, Иванъ Мелникъ, Вульченятовъ трохъ, Семень Юхненя зъ братомъ, Ониско Ветошка; а въ селе Войсечу: Тимошь Васъченя. Презъ частые зась переходы жолънирские, такъ въ року тысяча шестсотъ пятьдесятъ вторымъ, яко и теперешнимъ, тисеча шестсотъ пятьдесятъ третимъ, въ томъ же селе Войсечу господаровъ осмъ, презъ забранье быдла и всихъ зберовъ и господарства, въ нивечъ спустошало, и пречъ се розошли для великого зничена. Въ томъ же селе Войсечу жолънире розныхъ хорогвей, часто нападаючи, въ тыхъ же рокахъ, кони выбрали, меновите: у Ивана Марковича коня взяли, у Мартина Струганька взяли коня, у Ивана Стругека коня, въ Опанаса Цепоровъца коня, у Стецихи клячу, у Ласина Голодка клячу, у Васька Масъченяты клячу, у Сырычка коня; быдла зась вси, же и ничего не востало, такъ же жолънире у подданныхъ побрали. Презъ которое вымартъе подданныхъ и презъ зубожене некоторыхъ, еше отъ поветра восталыхъ, тые добра, село Войсиче и село Шепле, до остатнего пришли зничена. А на доводъ того всего ставиль комъпаренсъ возного енера-ла воеводства Волинъского, шляхетного Парфена Паниковъского, который, въ моць правдивое реляция своее, ку записаню до аеть нынешнихъ доброволне тыми словы созналъ: ижъ онъ такъ року прошлого, тисеча шестсотъ пятьдесятъ второго, въ месецу декабру двадцать третего дня, яко и въ року теперешнемъ, тисеча шестсотъ пятьдесятъ третимъ, месеца априля осьмнадцатого дня, маючи при себе сторону, шляхту, людей добрыхъ, пана Яна Сроггонъского а пана Омбрыхта Мивулицкого, былъ въ селе Шепълю, въ селе Войсечу, тамъ же видиль и огледалъ халуны пустые, въ которыхъ люде въ року прошлымъ, тисеча шестсотъ пятьдесятъ вторымъ, въ мѣсяцу июлю и августу, мешкивали, а теперь пустыми стоять, а налициль тыхъ халупъ пустыхъ трыдцеть осмъ. А вгды хлоповъ, тамъ

позосталыхъ — презъ што бы тые халупы поустошали? выгаль,—
 повидали: ижъ презъ вымартъе подданныхъ, а другие презъ частые
 переходы жольнирские, вгьднжъ у подданныхъ кони, быдо выбрали,
 за котормъ таковыиъ вымартъемъ подданныхъ, зубожетъемъ оныхъ
 презъ частые переходы жольнирские и презъ выбранъе быда,
 въ нивечъ, а въ нивечъ тые добра слустошали. Которое спустошенье
 тыхъ добръ онъ, возный, видечи, шляхтою, на тотъ часъ при себе
 будучою, осведчивши, съ тамътоль одъехалъ, о чомъ реляцію свою
 сознавши, о принятъе ее посполу зъ манифестацнею до яеть про-
 сить,—што отрималъ.

Книга Луцкая городская, записовал, № 2496, годъ 1653, листъ 1340.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стр.
I. Сознаніе Овручскаго намѣстника, Сенка Полозовича, о томъ, что дѣйствительно умершій панъ Левъ Тышкевичъ при жизни записалъ Николо-Пустынному Кіевскому монастырю четырехъ данниковъ, изъ имѣнія Скороднаго. 1498—1513 г., іюня 6 дня.	1
II. Инвентарь города Житомира, съ исчисленіемъ приписанныхъ къ нему селъ и земель, а также крестьянскихъ повинностей и дани. (1501) г.	2
III. Запись Щастнаго Федоровича Полозовича Николо-Пустынскому Кіевскому монастырю на данница съ землею и данью грошевою и медовою. Привилегія короля Сигизмунда, подтверждающая означенную запись Щастнаго Полозовича. 1514—1529 года, октября 15 дня	6
IV. Запись отъ Ивана Немирича Николо-Пустынскому Кіевскому монастырю на <i>человѣка</i> Алексѣя и земли. 1514—1559—1548 г., ноябра 17 дня	7
V. Листъ старосты Луцкаго, князя Федора Михайловича Чарторыйскаго, четырехъ мужамъ господарскимъ, Подгаецкимъ, объявляющій имъ, что «зъ розказа гоподарскаго» они, вмѣстѣ съ ихъ дворами и повинностями, отдаются пану Ивану Подолянину. 1526 г. марта 1 дня	8
VI. Листъ Луцкаго ключника, Богуша Мордвиновича, и Василя Шунки, опредѣляющій количество земель, слѣдующихъ въ одному изъ дворницъ с. Подгаецъ, пожалованныхъ королемъ въ вотчинное владѣніе пану Ивану Подолянину. 1528 г., сентября 21.	9

- VII. Уставъ короля Сигизмунда I, данныйъ державцамъ и урядникамъ королевскихъ имѣній, находящихся въ Виленскомъ и Троцкомъ повѣтахъ, съ изложеніемъ правъ и обязанностей ихъ относительно управленія этими имѣніями, а также сбора и распредѣленія доходовъ, и съ исчисленіемъ повинностей подданныхъ и взимаемыхъ съ нихъ поборовъ. 1542 года, между 27 мая и 15 июня 11
- VIII. Опись Брацлавскаго замка, съ исчисленіемъ приписанныхъ къ нему сель и земель, а равно земянъ, бояръ и мѣщанъ, и съ указаніемъ на повинности, отправляемыя ими въ пользу замка. 1545 г., августа 21 дня 18
- IX. Уставная грамота Луцкаго епископа, Юрія Фальчевскаго, опредѣляющая повинности крестьянъ Витебскаго костела (соразмѣрно съ повинностями другихъ крестьянъ Полоцкаго повѣта): денежные, хлѣбомъ и другими продуктами и издѣльями, а также и платежъ въ пользу урядника, съ тѣмъ, однако, чтобы послѣдній не судилъ старцевъ и мужей, и чтобы всякіе вины назначались съ ихъ вѣдома. 1547 г., сентября 8. 28
- X. Уставъ о волокахъ чиншовыхъ и тяглыхъ, данный для имѣній королевы, находящихся въ великомъ княжествѣ Литовскомъ. 1552 года, между 12-мъ августа и 5 сентября 30
- XI. Предъявленіе паніей Ириной Болбасовной закладной записи умершаго мужа своего, Провопа Матвѣевича Угриновскаго, на имѣніе и крестьянъ, въ селахъ Котицахъ и Велавску. 1554 г., октября 10 дня. 31
- XII. Привиллегія короля Сигизмунда Августа князю Александру Ѳедоровичу Чорторыйскому на право заводить въ имѣніяхъ его Столовичахъ и Хиновичахъ мѣстечка, съ установленіемъ въ нихъ по одному торговому дню въ недѣлю, съ тѣмъ однако условіемъ, чтобы эти мѣстечка заселялись людьми вольными, похожими, а не отчичами и не невольниками. 1561 г., юня 15 дня 34
- XIII. Сознаніе вижа предъ урядомъ въ томъ, что онъ производилъ дознаніе по дѣлу о пяти крестьянскихъ семействахъ, бѣжавшихъ изъ имѣнія пана Николая Дубровскаго, Моквичъ, въ имѣнія пана Петра Кир-

- дея, Киселино и Твердыню, при чемъ вижъ объявляетъ, что на требованіе его о выдачѣ этихъ крестьянъ, урядникъ Киселинскаго имѣнія отказался исполнить оное. 1561 г., іюля 11 дня 36
- XIV. Объявленіе землянина Романа Гулевича о бѣжавшихъ въ имѣніе княгини Любецкой его крестьянхъ. Урядъ посылать вижа вмѣстѣ съ урядникомъ Радошинскаго имѣнія, принадлежащаго Гулевичу, съ требованіемъ отъ Любецкой о выдачѣ бѣжавшихъ крестьянъ; но урядникъ Любецкаго замка отказался исполнить таковое требованіе. 1562 г., генваря 26 дня 38
- XV. Жалоба землянки Анны Койлецкой на пана Михайла Ощовскаго за насильное отнятіе двухъ воловъ, которые по распоряженію жалобщицы были заграблены у двухъ крестьянъ ея «за выступокъ». 1562 г., іюня 8 дня 39
- XVI. Закладная отъ Михаила Ивановича Ощовскаго и жены его Маріи пану Гостирадовскому и женѣ его Аннѣ на крестьянъ имѣнія Ощова. 1562 г., декабря 24 дня. 40
- XVII. Жалоба землянина Михаила Лабунскаго отъ себя и отъ имени брата своего, Криштофа, на Кременецкаго старосту, князя Николая Андреевича Збаражскаго, о томъ, что онъ дѣлаетъ наѣзды на ихъ имѣнія и разоряетъ ихъ, и, наконецъ, наславъ вооруженную толпу людей, въ нѣсколько сотъ человекъ, которые сожгли дворъ со всѣми постройками въ имѣніи жалобщицовъ, Микулинѣ, разорили мельницу, и затѣмъ опустошили села Микулино и Исачково, при чемъ захвачены были изъ этихъ сель крестьяне съ ихъ семействами и имуществомъ. Жалоба подтверждается свидѣтельствомъ урядоваго вижа. 1563 г., февраля 24 дня 43
- XVIII. Объявленіе вдовы пана Матѳея Сениоты и донесеніе уряду вижа о томъ, что крестьяне Сениоты, взбунтовавшись, убили его, а сами съ семействами и имуществомъ убѣжали. 1563 г., іюля 7 дни. 45
- XIX. Жалоба отъ имени паніи Федоры Загоровской на подстаросту Владимірскаго, Василя Гулевича, о томъ, что онъ незаконно присвоилъ себѣ право суда надъ крестьянами, дапными отъ мужа Загоровской на Владимірскую богадѣльню, сажаетъ въ тюрьму и притѣсняетъ ихъ. 1565 г., мая 2 дня 47

- XX. Жалоба отъ имени ротмистра, Мишки Варковскаго, на княгиню Анну Збаражскую о томъ, что по ея распоряженію, урядникъ ея, Станиславъ Усь, ночью сдѣлалъ наѣздъ на имѣніе жалобщика, Серняки, въ которомъ захватилъ пять крестьянскихъ семействъ, со всѣмъ ихъ имуществомъ и переселилъ въ имѣніе Збаражской, Берестце; а затѣмъ когда былъ посланъ къ уряднику Усу слуга Мишки Варковскаго съ требованіемъ о выдачѣ бѣжавшихъ крестьянъ, то былъ избитъ, заключенъ въ оковы и посаженъ въ тюрьму. 1565 г., іюня 6 дня. 49
- XXI. Жалоба землянъ Креминецкаго повѣта Бловицкихъ на князей Михаила, Максима и Александра Вишневецкихъ за самовольное устройство на ихъ земляхъ четырехъ селеній, разореніе ихъ имѣнія, наѣздъ сдѣланный княземъ Александромъ Вишневецкимъ на села, принадлежащія жалобщикамъ, Лановцы, Забужаны и Орѣшковцы, при чемъ крестьяне этихъ селъ избиты и изувѣчены, одни изъ нихъ, въ числѣ семи человекъ, были захвачены и уведены Вишневецкимъ, другіе же разбѣжались, а крестьянское имущество было ограблено. 1565 г., іюня 10 дня 52
- XXII. Запись отъ князя Александра Андреевича Сангушко-Коширскаго слугѣ своему, Перевѣскому, на имѣніе и крестьянъ, въ благодарность за вѣрную его службу, оказанную семейству кн. Сангушко-Коширскихъ. 1565 г., октября 2 дня 55
- XXIII. Объявленіе земанина Ивана Ленева о томъ, что панъ Иванъ Чапличъ Шпановскій, получивъ съ него подать «серебщину», слѣдующую съ имѣній Лынева, Цегова, Серхова и Колнытова, не возвратилъ ему оной, какъ бы слѣдовало на основаніи королевскаго листа, по которому повелѣно «серебщину» не взимать, а брать вмѣсто нея «ноголовщину». 1566 г., мая 21 д. 58
- XXIV. Рѣшеніе коннаго суда по дѣлу о воровствѣ, произведенномъ у крестьянъ имѣнія Любча, принадлежащаго подканцлеру великаго княжества Литовскаго, Евстафію Воловичу и женѣ его Аниѣ. Копя, для разслѣдованія этого дѣла, собиралась три раза и приговорила оказавшихся виновными въ воровствѣ: Любчскаго урядника, Яна Негецкаго, жену его Анну, а также Лаврика, изъ Богушовки, — къ повѣшенію. 1568 г., марта 6 дня 59

- XXV.** Донесеніе вознаго о томъ, что онъ вмѣстѣ съ урядникомъ князя Романа Сангушка, священникомъ Іоаннимомъ, ѣздивъ въ имѣніе княгини Настасіи Козиви, ной гдѣ удостовѣрился, что дѣйствительно внягиня Козика велѣла схватить принадлежащаго Сангушкѣ крестьянина, Богдана, посадить въ тюрьму и предать его пыткѣ, при чемъ ограблены были находившіеся при немъ деньги. 1568 г., мая 1 дня. 64
- XXVI.** Жалоба пана Николай Харлинскаго на княгиню Анну Соколинскую о томъ, что она въ половинѣ имѣнія Любча, купленномъ Харлинскимъ, притѣснила и грабала крестьянъ, вслѣдствіе чего многіе изъ нихъ разбѣжались. Жалоба подтверждается свидѣтельствомъ вознаго. 1568 г., ноября 14 д. 66
- XXVII.** Жалоба отъ имени пановъ Войтеха и Яна Каменецкихъ на Кременецкаго старосту, князя Михаила Збаражскаго, о томъ, что онъ, вопреки заключенному съ жалобщиками условію, выдавая бѣжавшихъ отъ Каменецкихъ въ его имѣніе 50 крестьянъ, задержалъ жонъ и дѣтей, а также и ихъ имущество; и когда крестьяне возвратились за своими семьями и имуществомъ, то Збаражскій и ихъ задержалъ, отпустивъ только изъ нихъ 18, самыхъ бѣднѣйшихъ, при чемъ взялъ у нихъ по волу и по копѣ грошей Литовскихъ съ каждаго, и отнял у нихъ послѣднее имущество. 1570 г., апрѣля 2 дня 70
- XXVIII.** Приговоръ къ повѣшенію крестьянина Волинскаго воеводы, князя Александра Чарторыйскаго, Куца, за воровство рогатаго скота; казнь сопровождалась пыткой, на которой онъ указалъ на сообщниковъ въ этомъ воровствѣ. 1570 г., апрѣля 19 дня. 72
- XXIX.** Донесеніе вознаго о томъ, что онъ былъ въ имѣніяхъ Оврадскаго воеводы, Альбрехта Ласкаго, въ селахъ Постойномъ, Чудлѣ и Бармакахъ, бывшихъ прежде во временномъ владѣніи пановъ Федора и Яцка Гурковъ — Омелянскихъ, при чемъ мужи и подданные означенныхъ селъ объявили, что Гурки, узнавъ о предстоявшемъ переходѣ этихъ селъ къ Ласекому, отогнали въ свое имѣніе, Омеленое, скоть и лошади, и захватили разное имущество. Кромѣ того мужи и подданные заявили жалобу, что Гурки дѣлали имъ притѣсненія и грабежи, вслѣдствіе чего они пришли въ бѣдность и разореніе. 1570 г., апрѣля 22 дня. 74

- XXX.** Листъ короля Сигизмунда-Августа Луцкому магистрату, предписывающій ему ненарушать прежнихъ привиллегій, на основаніи которыхъ подданные, принадлежащіе Луцкому костелу, изъяты изъ подъ его юрисдикціи. 1570 г., іюня 26 78
- XXXI.** Актъ продажи земляниномъ Владимірскаго повѣта, Тихномъ Васильевичемъ Радовицкимъ и женою его, Екатериною, дворянину Станиславу Краевскому части имѣнія Радовичь. Въ числѣ документовъ, приведенныхъ въ этомъ актѣ, включена, между прочимъ, привиллегія короля Владислава отъ 1441 года, данная Дементию Тириву-Русину на село Родовичи. 1570 г., іюля 1 дня. 80
- XXXII.** Донесеніе возного по дѣлу о женщинѣ Улисѣ, обвиняемой въ покушеніи на отравленіе пана Андрея Добрянскаго и жены его. Обвиняемая объявила возному, что она взвела на себя это преступленіе вслѣдствіе истязаній и пытки, которой подвергнула ее Добрянскій. 1571 года, іюня 12 дня. 88
- XXXIII.** Жалоба отъ имени стольника великаго княжества Литовскаго, Николая Дорогостайскаго, на подкомораго Владимірскаго, Александра Семашка и жену его, Варвару, о томъ, что они переселили въ свое имѣніе, Коблино, два принадлежащія жалобщику крестьянскія семейства. 1572 г., апрѣля 16 д. 89
- XXXIV.** Дарственная запись отъ Холмскаго каштеляна, Николая Лысаковского, боярину Карпу Вакуличу на Супруновское дворце, съ освобожденіемъ его отъ всякихъ повинностей и работъ, кромѣ одной боярской службы. 1572 г., іюля 10 дня 91
- XXXV.** Илвентарь имѣнія Вышковскаго, съ исчисленіемъ бояръ и крестьянъ, а также ихъ дворовъ и огородовъ. 1572 г., октября 11 дня. 92
- XXXVI.** Допесеніе возного о томъ, что панъ Марко Борейко не допустилъ грабить крестьянъ священника Луцкаго, Герасима, за не отдачу «поседельного». 1572 г., декабря 24 д. 94
- XXXVII.** Закладная на десять крестьянъ отъ землянина Луцкаго повѣта, Ивана Ивановича Ощовскаго, старостѣ Звинячскому, Леонарду Якубовскому. Въ закладной исчислены повинности этихъ крестьянъ, а также дани, съ нихъ взимаемыя. 1573 г., мая 7 дня. 97

- XXXVIII.** Донесеніе вознаго о томъ, что онъ производилъ дознанія по дѣлу о наѣздѣ, произведенномъ паномъ Малхеромъ Еронимовичемъ Крупскимъ на Бортновское имѣніе, принадлежащее Холмскому капittelану, Николаю Лысаковскому, при чемъ оказалось, что во время наѣзда Крупскій захватилъ съ собою одного панцирнаго боярина и отрубилъ ему голову, а также избилъ и изувѣчилъ крестьянъ, одного изъ нихъ заключилъ въ тюрьму, а имущество ихъ ограбилъ. 1577 г., генваря 11 дня 99
- XXXIX.** Донесеніе вознаго, о томъ, что онъ присутствовалъ при повѣшеніи крестьянина Васка, обвиненнаго въ воровствѣ и намѣреніи сжечь дворъ судьи земскаго Владимірскаго, Богдана Костюшковича. 1577 г., августа 1 д. 102
- XI.** Королевскій листъ, освобождающій крестьянъ князя Константина Острожскаго, въ опустошенныхъ татарами его имѣніяхъ, находящихся въ Кіевскомъ, Луцкомъ и Кременецкомъ повѣтахъ, отъ всякихъ поборовъ и податковъ на восемь лѣтъ. 1578 г., марта 27 д. 104
- XLI.** Рѣшеніе гродскаго суда, присуждающее слугу пана Холоневскаго, Долмата, причинившаго побои и раны Владимірскому еврею, Хаиму Зетицу Хакову, къ уплатѣ послѣднему «наезки»—30 копъ грошей Литовскихъ; но такъ какъ Долмать относительно этой уплаты оказался несостоятельнымъ, то, приговоромъ этимъ, онъ долженъ быть выданъ на выслугу еврею, на основаніи арт. 7., розд. 12. Литов. Стат. 1578 г., апрѣля 21 дня 106
- XLII.** Объявленіе пана Мартина Жулипскаго о томъ, что онъ освобождаетъ отъ крѣпостной зависимости своего крестьянина «отчича», Хведка Павловича, такъ какъ послѣдній далъ ему за себя окупъ. 1579 г., марта 24 дня 107
- XLIII.** Актъ ввода подстоля Волянскаго, Гаврила Прусинскаго, во владѣніе имѣніемъ Григоровичами, съ исчисленіемъ крестьянъ этого имѣнія, а равно ихъ повинностей и даней. 1582 г., генваря 13 д. 108
- XLIV.** Актъ ввода пана Александра Вороны Боротинскаго во владѣніе селомъ Мытищами. Въ актѣ этомъ исчислены крестьяне этого села и ихъ повинности. 1582 г., генваря 30 дня 110

- XLV. Инвентарь имѣній: Конюховъ, Млынова, Бѣлополя, Бутъ, Деречина и Завидова, съ перечисленіемъ крестьянъ, ихъ повинностей и давней. 1582 г., марта 19 д. 111
- XLVI. Списокъ крестьянъ «засѣлхъ» и «данныхъ», переступленныхъ паномъ Станиславомъ Вороничемъ пану Богдану Стрибылю. 1582 г., марта 20 116
- XLVII. Жалоба писаря земскаго воеводства Брацлавскаго, Северина Судимонтовича Кропивницкаго, на старосту Брацлавскаго и Винницкаго, Юрія Струся, о томъ, что онъ, съ вооруженнымъ отрядомъ въ числѣ 2000 человекъ, напавъ на принадлежащее ему село Скуринцы, выгналъ изъ него жалобщика, причинилъ побой женѣ его, ограбилъ имущество, и деньги «поборовые», собранные съ обывателей Брацлавскаго воеводства, убилъ слугу жалобщика, и затѣмъ помянутое село Скуринцы, съ крестьянами тяглыми и огородниками, присоединилъ къ Брацлавскому старостству. 1582 г., марта 20 д. 117
- XLVIII. Указъ Короля Стефана Баторія о томъ, что-бы старосты Кременецкій, Владимірскій и Луцкій, ополчивъ шляхту всего воеводства Волынскаго, вооруженною рукою произвели взысканіе съ Адама, Станислава, Мартина и Яна Лащовъ—Стремслецкихъ для удовлетворенія князя Александра Пронскаго. 1582 г., іюня 9 дня. 126
- XLIX. Объявленіе слуги князя Марва Сокольскаго, пана Матыса Хорковскаго, о томъ, что крестьяне села Кобча, ночью, заперевъ его жену, дѣтей а также челядь дворовую въ коморахъ и избахъ, сожгли дворъ, при чемъ сгорѣло его имущество, но семейство Хорковскаго и челядь спаслись,—сами же крестьяне, въ числѣ пятнадцати семействъ, со всемъ своимъ имуществомъ бѣжали. 1582 г., ноября 4 д. 128
- L. Закладная отъ князя Юрія Чарторыйскаго пану Валентію Понятовскому и женѣ его, Маринѣ, на имѣніе Дѣбовъ. 1583 г., апрѣля 5 д.
- LI. Указъ короля Стефана Баторія о томъ, чтобы старосты Кременецкій, Владимірскій и Луцкій, ополчивъ шляхту всего воеводства Волынскаго, двинулась въ имѣніе князя Михаила Жаславскаго и вооруженною рукою произвели взысканіе съ него для удовлетворенія пана Яна Комницкаго и жены его, Екаторины, у которыхъ Жаславскій отнял имѣніе Оженино,

- и кромѣ того, когда, въ слѣдствіе невыполненія судебного приговора объ удовлетвореніи Комниціхъ, двинулась, вмѣстѣ съ Лудкимъ намѣстникомъ, повѣтовая шляхта, то Жаславскій выстрѣлами отразилъ ее. 1583 г., юня 20 дня 137
- LII. Донесеніе возного о томъ, что онъ производилъ дознание по дѣлу о нападеніи на жолнѣровъ, сдѣланномъ урядникомъ мѣстечка Березнаго, Парфеномъ Новосельскимъ, священникомъ Березинскимъ, Григоріемъ, а равно крестьянами мѣстечка Березнаго и села Холоповъ, при чемъ оказалось, что одинъ изъ жолнѣровъ былъ убитъ, а нѣсколько слугъ были изранены. 1584 г., марта 15 д. 140
- LIII. Жалоба хорунжаго земли Кіевской, Григорія Бутовича, на судича земскаго Кіевскаго, Матвѣя Немирича, о томъ, что Немиричъ, собравъ своихъ слугъ и крестьянъ изъ имѣнія Чернеховскаго, вооруженныхъ разнымъ оружіемъ, съ двумя гаковницами, наѣхалъ ночью на имѣніе жены жалобщика, мѣстечко Топорище, въ которомъ сжегъ фольварки и гумна, причемъ многие крестьяне были убиты, одному крестьянину отрублены руки, имѣніе же было ограблено. 1584 г., сентября 16 дня 143
- LIV. Жалоба Звегольскаго намѣстника, Василя Богдановича Ильинскаго и войта Корецкаго, Томила Манцевича, на Берестейскаго воеводича, Фридриха Тышкевича, о томъ, что онъ переманиваетъ къ себѣ изъ имѣнія Пулинъ крестьянъ, на условіяхъ двадцатилѣтней льготы отъ повинностей. 1585 г., марта дня 145
- LV. Списокъ крестьянъ Житанскаго имѣнія, находящагося въ Владимірскомъ повѣтѣ, съ исчисленіемъ крестьянскихъ повинностей и даней. 1585 г., мая 26 дня 148
- LVI. Жалоба поповичей Луки и Ивана изъ мѣстечка Межирича принадлежащаго Троцкому воеводѣ, князю Стефану Корыбуговичу Збаразскому, о томъ, что когда они возвращались вмѣстѣ съ своими семействами домой изъ Волини, гдѣ они находились на службѣ, то по приказанію пана Григорія Колмовскаго, войтъ принадлежащаго послѣднему имѣнія Сервизова задержалъ ихъ со всѣмъ имуществомъ. 1585 г., юля 12 д. 150
- LVII. Жалоба отъ имени воеводича Волинскаго, князя

- Иоахима Богусевича Корецкаго, на войта и урядника имѣнія Вильска, принадлежащаго князю Константину Острожскому, о томъ, что когда бояре, гайдуки и слуги Корецкаго препровождали черезъ Вильскъ бѣжавшихъ отъ Корецкаго въ имѣніе Острожскаго крестьянъ, то упомянутые войтъ и урядникъ, съ Вильскими мѣщанами, перебили, утопили, а другихъ изъ этихъ бояръ и слугъ Корецкаго изувѣчили,—находившееся же при нихъ оружіе и лошади были ограблены. 1586 года, іюня 21 дня 152
- LVIII. Рѣшеніе гродскаго суда, приостанавливающее исполненіе приговора копы, составленной изъ Житомирскихъ мѣщанъ, по дѣлу Василя Случанина съ Ѳеодоромъ Лукашевичемъ Случаниномъ о воровствѣ первымъ у послѣдняго денегъ. Урядъ постановляетъ это рѣшеніе на томъ основаніи, что право суда по этому дѣлу, по силѣ Литовскаго статута, принадлежитъ ему, уряду, а не копѣ. 1586 г., августа 24. 155
- LIX. Объявленіе пана Мартина Межинскаго о томъ, что крестьяне села Колпытова, убившіе урядника Озерецкаго имѣнія, принадлежащаго Межинскому, Мартина Витеовскаго, и причинившіе раны слугѣ Межинскаго, Григорію Костинскому, уплатили братьямъ Витеовскаго гоювщину, а потому и возникшее по поводу этаго убійства дѣло—прекращается. 1586 г., сентября 24 дня 156
- LX. Подписка, данная крестьяниномъ землянина Богдана Ивановича Стрибыла, Санковичемъ и его насынкомъ Антономъ Марковичемъ, землянину Богдану Щеніевскому въ томъ, что, въ благодарность за освобожденіе послѣднимъ Санковича отъ смертной казни, которой онъ подлежалъ за воровство у Щеніевскаго жеребца, они обѣщаютъ на будущее время не дѣлать зла ни Щеніевскому, ни его пріятелямъ, ни крестьянамъ его, отдавая себя, въ случаѣ нарушенія этой подписки, въ полное распоряженіе и власть Щеніевскаго. 1587 г., марта 19 дня 158
- LXI. Закладная старосты Луцкаго, князя Александра Пронскаго, данная князю Янушу Жаславскому на мѣстечко Жуковъ и села къ нему принадлежащія, съ передачею Жаславскому права судить и казнить крестьянъ. 1587 г., апрѣля 13 дня. 160

- LXII.** Запись князя Станислава Радзивила слугъ своему, Яну Горайну, на село Дубищи, два острова и восемь волокъ. 1587 г., апрѣля 14 дня. 166
- LXIII.** Жалоба отъ имени землянина земли Кіевской, Василя Сурина, на воеводу Волинскаго, князя Януша Острожскаго, и на князя Михаила Евстафіевича Ружинскаго, поссессора имѣнія Острожскаго, села Рублевки, о томъ, что Острожскій наслалъ Ружинскаго съ большимъ числомъ вооруженныхъ бояръ и крестьянъ на имѣніе Колодежное, принадлежащее Константину и Ѳеодоръ Шауламъ, находящееся въ онекъ у Сурина, которые выстрѣлами изранили Сурина и слугъ его, при чемъ произвели грабежъ и, захвативъ двадцать четыре семейства крестьянъ, перевели ихъ со всѣмъ имуществомъ въ село Сапогово. 1587 г., апрѣля 29 дня 170
- LXIV.** Жалоба отъ имени воеводы Берестейскаго, Гавриля Горпостая, на воеводича Берестейскаго, Фридриха Тышкевича, о томъ, что онъ, собравъ толпу своихъ слугъ и крестьянъ, въ числѣ около шестисотъ человѣкъ, вооруженныхъ разнымъ оружіемъ, напалъ на имѣніе Горпостая, истопталъ лошадыми и возами хлѣбъ на полѣ, билъ и увѣчилъ крестьянъ, однихъ вѣшалъ, другихъ утопилъ, нѣсколько же крестьянъ пропало безъ вѣсти. При жалобѣ находится свидѣтельство вознаго отъ 4 августа, удостовѣряющее справедливость оной. 1587 г., августа 1 дня 175
- LXV.** Сознаніе вознаго по дѣлу о крестьянахъ нана Андрея Сынгуря изъ села Ноздрыша, ушедшихъ въ имѣніе князя Константина Острожскаго, мѣстечко Бѣлогородку. Одинъ изъ нихъ показалъ возному, что дѣйствительно, онъ, вмѣстѣ съ другими четырьмя крестьянами, уходилъ въ мѣстечко Бѣлогородку, но возвратился оттуда такъ какъ тамъ пануть плугами и для него по его бѣдности, это было отяготительно; подкоморій же Кіевскій, Харлинскій, ихъ не перезывалъ, и въ имѣніе его, Хабенское, они не заходили, а даже миновали его ночью, изъ опасенія, чтобы съ нихъ не взяли «мимоходчины». 1587 г., ноября 13 дня . . . 188
- LXVI.** Закладная подстолія Волинской земли, Криштофа Витвинскаго и жены его Александры, пану Максиму Ивановичу Лудовичу на имѣніе Хреново, съ передачею

- ему права казнить крестьянъ смертию. 1588 г., февраля 9 дня 190
- LXVII. Объявленіе сборщика чоповой подати, Якуба Лысковскаго, о томъ, что вслѣдствіе наѣзда войскаго Луцкаго, Яна Журавницкаго, на мѣстечко Свинюхи, жители оногo разбѣжались и мѣстечко опустѣло, почему и подать чоповая не можетъ быть съ означенныхъ жителей собрана. 1588 г., сентября 5 дня.
Донесеніе вознаго по этому же дѣлу. 1588 г., сентября 5 дня 199
- LXVIII. Инвентарь имѣнія Верхова, съ исчисленіемъ крестьянъ, ихъ повинностей и даней. 1589 г., сентября 7 дня 200
- LXIX. Объявленіе пана Кирилла Зубцовскаго о бѣгствѣ священника изъ принадлежащаго ему имѣнія Подгайцовъ, Василя Владычки, который при этомъ захватилъ съ собою евангеліе, ризы и другія церковныя принадлежности; кромѣ того, увелъ съ собою урядника Подгаецкаго имѣнія съ его семействомъ. 1590 г., генваря 4 дня 202
- LXX. Инвентарь имѣній: Коильпа, Свойчова, села Волицы и двора, находящагося во Владимірѣ, съ исчисленіемъ крестьянъ, ихъ повинностей и даней. 1590 г., февраля 12 дня 203
- LXXI. Рѣшеніе гродскаго суда по дѣлу о бояринѣ Сакѣ, жаловавшемся на пана Ивана Волицца Черныцкаго о томъ, что послѣдній причинилъ ему побой, присвоилъ себѣ его имущество и заключилъ жалобщика въ тюрьму. Судъ, выслушавъ показанія пана Ивана Волицца Черныцкаго, отрицавшаго за бояриномъ Сакомъ право иска, тотъ какъ онъ собственный его крестьянинъ, а равно и возраженія на это уполномоченнаго отъ упомянутаго боярина, опредѣлилъ—передать дѣло на рѣшеніе Люблинскаго трибунала. 1590 г., августа 14 дня 208.
- LXXII. Приговоръ къ повѣшенію крестьянина князя Константина Острожскаго, Ювка, за покупку завѣдомо краденой лошади, принадлежащей крестьянину имѣнія Суходольскаго, Гацу Борисовичу. Въ судѣ участвовали кромѣ шляхты, «вѣрные», мѣщане Владимирскіе. 1590 г., ноября 18 дня 211

- LXXXIII.** Показаніе крестьянъ сель: Порца, Жмучи, воли Жмуцкой и др. по дѣлу, возникшему между панами Василиемъ Еловичемъ Малипскимъ и Павломъ Вышинскимъ о спорной нивѣ, находящейся въ урочищѣ Бабыя Криница; крестьяне, между прочимъ, указываютъ на то, что за нѣсколько лѣтъ назадъ, была собираема громада изъ околичныхъ сель, которая производила «опытъ» по дѣлу оворовствѣ на этой нивѣ рѣпы и пшеницы. 1591 года, ноября 20 дня 215
- LXXXIV.** Жалоба отъ имени епископа Луцкаго и Острожскаго, Кирилла Терлецкаго, на князя Григорія Сангушка Коширскаго о томъ, что онъ наслалъ Каменецкаго арендатора, еврея Шейсаха, на находящееся у Терлецкаго въ залогъ отъ Сангушка Коширскаго село Ворокомлю, который арендаторъ, находясь въ этомъ селѣ нѣсколько дней, грабилъ у крестьянъ деньги будто бы за раны, причиненныя одному изъ крестьянъ. 1592 г., октября 25 дни 217
- LXXXV.** Жалоба отъ имени епископа Луцкаго и Острожскаго, Кирилла Терлецкаго, на князя Григорія Сангушка Коширскаго о томъ, что онъ наслалъ своего Каменецкаго арендатора, еврея Песаха, на находящееся въ залогъ у Терлецкаго село Ворокомлю, который еврей въ этомъ селѣ производилъ судъ надъ крестьянами, отобралъ у одной вдовы крестьянки землю и отдалъ ее другимъ крестьянамъ. 1592 г., ноября 15 дня. 219
- LXXXVI.** Запись землянина Павла Тимофеевича Пузовскаго, которую онъ освобождаетъ отъ крѣпостной зависимости своего крестьянина Федора Даниловича. 1593 г., марта 15 дня 221
- LXXXVII.** Инвентарь имѣній, принадлежащихъ панамъ Евстафію, Юрію, Петру и Александру Тышкевичамъ Логойскимъ, находящихся въ Житомирскомъ повѣтѣ, Киевскаго воеводства, съ исчисленіемъ крестьянъ и мѣщанъ и ихъ повинностей. 1593 года, октября 7 дня. 223
- LXXXVIII.** Запись отъ князя Петра Владиславовича Збаражскаго пану Николаю Вонсовичу и еврею Ново-Збаражскому, Евфраиму, на отдачу имъ въ арендное содержаніе мѣстечка Новаго Збаража и сель, къ нему принадлежащихъ. 1593 года, декабря 27 дня 233
- LXXXIX.** Листъ воеводы Киевскаго, князя Константина Острожскаго, митрополиту Киевскому и Галицкому, Ми-

- хавлу Рогозѣ, о томъ, чтобы онъ явился къ суду по дѣлу о бѣжавшихъ отъ маршалка Рѣчицкаго повѣта, Андрея Халецкаго, трехъ крестьянскихъ семействахъ, поселенныхъ въ Кіевѣ, на горѣ, возлѣ церкви св. Софіи. 1594 г., февраля 25 дни 240
- LXXX. Донесеніе вознаго о томъ, что онъ производилъ дознание по дѣлу о воровствѣ разнаго имущества, сдѣланномъ въ селѣ пана Пересецкаго, Скалинѣ, крестьянами имѣнія Красносельскаго, находящагося во владѣніи пана Филона Ласка. Возный доноситъ, между прочимъ, что прежде по дѣлу о воровствѣ разныхъ вещей въ мельницѣ, находящейся въ селѣ Шепетовѣ, громада этого села дѣлала «слѣдъ», и пришла было къ дому Ласка, находящемуся въ с. Скалинѣ; по панѣ Ласко сталъ грозить громадѣ, и, оскорбивъ ее бранными словами, «слѣдъ» уничтожилъ. 1594 г., сентября 1 дня 241
- LXXXI. Инвентарь м. Веледникъ и принадлежащихъ къ нему селъ, составленный при отдачѣ этого имѣнія княгиней Богданой Филоновной Друцкой-Горской въ залогъ мужу своему, князю Юрію Друцкому-Горскому. 1595 г., іюня 17. 244
- LXXXII. Жалоба слуги князя Януша Острожскаго, Стапислава Ножовскаго, на управляющаго имѣніемъ Луцкаго городского судьи Матвѣя Стемпковскаго, Чаруковымъ, Матвѣя Яроцкаго, о томъ, что онъ напалъ на Ножовскаго при проѣздѣ его черезъ Чаруковъ, заключилъ въ тюрьму нѣсколько крестьянъ Острожскаго, а двухъ сжегъ на вострѣ въ полѣ, на курганѣ. 1596 г., марта 10. 254
- LXXXIII. Слѣдствіе и распросъ громадъ по дѣлу объ убитомъ панцирномъ бояринѣ Бакшіѣ. Приговоръ къ уплатѣ громадами, неявившимися на копу, головщицны брату убитаго Бакшія 1596 года, апрѣля 17 дня 255
- LXXXIV. Королевскій указъ коморнику Яну Чернчицкому о томъ, чтобы онъ произвелъ дознание по дѣлу о разореніи и сожженіи княземъ Кирикомъ Ружинскимъ «осадъ» принадлежащихъ Кіевскому епископу. 1596 г., сентября 7 дня 258
- LXXXV. Королевскій указъ князю Кирику Ружинскому, состоявшійся по жалобѣ епископа Кіевскаго, Іосифа Верещинскаго, о томъ, чтобы Ружинскій сдѣлалъ надлежащее удовлетвореніе по дѣлу объ ограбленіи иму-

щества Верещинскаго, а ровно и церковныхъ вещей изъ костела въ селѣ Новошъ Верещинѣ; сожженіи мѣстечка Плисова и ограбленіи крестьянъ. 1596 г., сентября 7 дня. 260

LXXXVI. Запись Кіевскаго епископа Іосифа Верещинскаго пану Николаю Шадурскому на урочище Дорогинку. Шадурскій этою записью назначается »осадцею« и войтомъ слободы, учреждающейс я на этомъ грунтѣ. 1598 г., генваря 1 дня 261

LXXXVII. Запись отъ пана Яна Дмитріевича Курцевича - Булыги еврею Авраму Якубовичу на отдачу ему въ арендное содержаніе селъ: Туранъ, Вербнаго и Новоселокъ, съ передачею ему права казнить крестьянъ смертію. 1598 года, марта 11 дня 263

LXXXVIII. Объявленіе Черничцкихъ крестьянъ о томъ что по дѣлу о воровствѣ лошади у крестьянки Пелагеи Сачковой была собираема копа, которая не постановила своего окончательнаго приговора, такъ какъ Сачкова объявила, что переноситъ дѣло на рѣшеніе гродскаго уряда. 1598 г., іюля 6 дня 270

LXXXIX. Объявленіе судьи гродскаго Владимірскаго, Демьяна Павловича, о томъ, что слуга его, Станиславъ Доманскій, обокравъ какъ его, такъ равно и другого слугу, Мартина Ястрембскаго, бѣжалъ въ Венгрію. Павловичъ проситъ о выдачѣ означеннаго Доманскаго, для совершенія надъ нимъ казни, бдущему въ Венгрію пану Луцѣ Вилковскому. 1599 г., апрѣля 27 дня 272

XC. Жалоба слуги Виленскаго тіува Яна Паца, пана Мартина Сташкевича, на пана Вацлава Еловича-Малинскаго о томъ, что урядникъ имѣнія его Ивачковскаго, Вербята, съ боярами, слугами, цыганами и крестьянами, ночью переселилъ изъ села Волицы въ имѣніе Малинскаго, Ивачвово, девять крестьянскихъ семействъ, и что когда послана была за ними погоня, вмѣстѣ съ вознымъ, то Вербята вооруженною рукою отразилъ оную а означенныхъ крестьянъ ограбилъ. 1600 г., іюля 22 дня 274

XCI. Рѣшеніе копнаго суда по дѣлу о воровствѣ у мѣщанина Клима Трушковскаго стога ржи. Копна опредѣлила: взыскать убытки, понесенные Трушковскимъ отъ этого воровства, съ крестьянъ села Козина, какъ

- неявившихся на вопу и отказавшихся вывести »слѣдь«. 1601 года, марта 10 дня 280
- ХСП. Арендный листъ князя Григорія Сангушка Кошир-скаго и жены его Софіи евреямъ Авраму Шмойловичу Турейскому и Гецу Перцовичу Торчинскому на городъ Гороховъ и села: Старый Гороховъ, Озерцы Рачинь, Марковичи, Конюхи, Куты, Бѣлое Поле, м. Перемиль, села: Смоляву и Вербыни, съ передачею этимъ евреямъ права казнить крестьянъ смертью. 1601 года, августа 29 дня 283
- ХСПІ. Донесеніе возныхъ Луцкому гродскому суду объ осмотрѣ ими мѣстечекъ и сель Луцкаго повѣта, опустошенныхъ и сожженныхъ татарами; по свидѣтельству возныхъ въ этихъ поселеніяхъ жителей вовсе нѣтъ. 1601 года, декабря 7 дня 289
- ХСІV. Жалоба князя Юрія Воронцакаго на князя Матуса Воронцакаго, жену его Настасію и зятя ихъ Ивана Болбаса о томъ, что они ограбили и разогнали крестьянъ села Щурина и самое село сожгли. 1604 г., января 24 дня 292
- ХСV. Жалоба отъ имени Волынскаго каштеляна, Михаила Мишви Варковскаго на пана Албрехта Речицкаго о томъ, что послѣдній разорилъ находившееся въ заставномъ его владѣніи имѣніе Серники, угнеталъ крестьянъ, вслѣдствіе чего они разбѣжались. 1604 г., мая 11 дня 295
- ХСVІ. Копной судъ по дѣлу о воровствѣ у крестьянина села Домашева, Ивана Крачковича, коня. 1604 г., іюля 8 д. 296
- ХСVІІ. Жалоба Соколовскихъ и Михалевскихъ крестьянъ на пана Александра Воронича и жену его Евдокію о томъ, что они наслали сына своего Филона съ толпою вооруженныхъ людей въ нѣсколько сотъ человекъ, который ограбилъ ихъ имущество, истязывалъ крестьянъ, повѣсилъ нѣсколько крестьянъ и бояръ, вслѣдствіе чего села Михалково и Соколово опустѣли. 1605 года, мая 9 дня. — Донесеніе возныхъ по тому же дѣлу. 1605 г., мая 13 дня 302
- ХСVІІІ. Донесеніе вознаго по дѣлу объ опустошеніи села Молчановскаго, сожженіи хуторовъ, истязаніи и ограбленіи крестьянъ; возный удостовѣряетъ, что это сдѣлано по распоряженію старосты Грѣжанскаго, пана Мартина Миховскаго, и что независимо всего этого поставлены были еще на дорогѣ висѣльницы. 1605 г., іюня 11 дня 308

- ХСІХ. Объявленіе пановъ Щеніевскихъ о томъ, что они не могутъ внести съ своего имѣнія Щеніева опредѣленнаго Варшавскимъ сеймомъ 1606 года подати съ крестьянъ, такъ какъ татары опустошили ихъ имѣніе, при чемъ одни изъ крестьянъ погибли, другіе же захвачены въ плѣнъ. 1606 года, іюля 3 дня . . . 310
- С. Объявленіе отъ имени пана Александра Орды о бѣгствѣ крестьянъ изъ его имѣнія Цмина въ Степанскую волость, принадлежащую князю Константину Острожскому. 1606 г., іюля 12 дня 311
- СІ. Автъ измѣренія имѣнія Ружинскаго, съ исчисленіемъ крестьянъ и ихъ повинностей, 1606 г., августа 28 дня 313
- СІІ. Инвентарь села Витковичъ, съ исчисленіемъ даней взимаемыхъ съ крестьянъ. 1606 г., сентября 21 дня 337
- СІІІ. Донесеніе вознаго о томъ, что онъ собиралъ свидѣнія относительно участи бѣглыхъ слугъ пана Войтеха Крешковскаго; оказалось, что одинъ изъ нихъ, Павелъ Ложковскій, былъ пойманъ въ с. Сатыевѣ и выданъ Крешковскому, который собралъ сосѣднихъ пановъ для суда надъ нимъ, и они приговорили Ложковскаго къ смертной казни, вслѣдствіе чего онъ и былъ повѣшенъ. 1606 г., декабря 10 дня 338
- СІV. Арендный листъ пани Александры Еловицкой Дубенскимъ евреямъ, Мопку Ицковичу и Айзику Юсовичу, на имѣніе Микитичи, съ крестьянами, мельницами, ставами и корчмами. 1607 г., января 1 дня . 340
- СV. Донесеніе вознаго о томъ, что по дѣлу о воровствѣ крестьянами пана Ивана Кукольскаго у крестьянъ Брацлавскаго воеводы, Яблонецкихъ, свиней, и у крестьянъ брата Кукольскаго, Петра, овецъ, былъ собранъ копный судъ; но упомянутый Иванъ Кукольскій обвиненныхъ въ этомъ воровствѣ своихъ крестьянъ на копу не поставилъ и, кромѣ того, причинилъ Петру Кукольскому, ѣхавшему на копу, побой. 1607 года, февраля 9 дня 345
- СVІ. Объявленіе пана Бабинскаго о томъ, что онъ собиралъ третейскій судъ надъ слугою своимъ Станиславомъ Пяновскимъ, обвиняемымъ въ сожженіи двора крестьянина Шулгана; судъ постановилъ, чтобы Пязовскій принялъ очистительную присягу, но обвиняемый этого не выполнялъ. Возный подтверждаетъ всѣ эти обстоятельства. 1609 года, января 13 дня 347

- CVII.** Жалоба князя Іоакима Корецького и жены его, княгини Анны, на князя Романа Ружинскаго и жену его, княгиню Софію, о томъ, что они, соединившись съ другими панами и собравши шеститысячный вооруженный отрядъ, напали на имѣніе Корецькихъ, мѣсто Черемошку, взяли приступомъ тамошній замокъ, убили многихъ жителей, а остальныхъ ограбили, мѣстечко же и замокъ сожгли дотла. 1609 года, февраля 3. 349
- CVIII.** Донесеніе вознаго о томъ, что онъ былъ въ с. Сернивахъ, принадлежащемъ пану Гулевичу и находящемся въ арендѣ у пана Идзиковскаго; здѣсь онъ засталъ и Гулевича, а Идзиковскій заявилъ ему жалобу на Гулевича, что послѣдній поселился въ имѣніи, отданномъ имъ въ аренду, неправильно пользуется разными его доходами и заставляетъ крестьянъ работать на себя, грозя въ противномъ случаѣ вѣшать ихъ по окончаніи срока аренды. 1607 г., іюля 14. . . . 353
- CIX.** Жалоба отъ имени Жидичинскаго архимандрита Гедеона Балабана о томъ, что крестьяне князей Юрія и Криштофа Збаражскихъ выселили изъ монастырскаго села Жидичина два крестьянскія семейства, причемъ, когда были посланы за бѣглецами въ погоню шляхтичъ съ тремя боярами, то крестьяне Збаражскихъ избили ихъ и ограбили у нихъ лошадей, а равно находящееся при нихъ имущество. 1609 г. марта 10 дня 355
- CX.** Объявленіе отъ имени пана Стефана Немирича о томъ, что крестьянинъ села Вересовъ, Грицко, оказался по распросу его предъ копнымъ судомъ невиновнымъ въ покражѣ коня у почевавшаго у него слуги Немирича, и что Немиричъ никакой претензіи объ этомъ къ нему не имѣетъ. 1609 г., іюля 5 360
- CXI.** Объявленіе вдовы крестьянина Грицихи о томъ, что она получила головщину съ убійцы своего мужа и освобождаетъ его, поэтому, отъ всякой отвѣтственности за убійство, съ тѣмъ однако условіемъ, чтобы онъ, сверхъ уплаты головщины, выполнялъ за убитаго всѣ его повинности въ теченіи четырехъ лѣтъ. 1611 г., февраля 24. 361
- CXII.** Рѣшеніе Люблинскаго трибунала, осуждающее пана Мартина Межинскаго на смертную казнь, за нападеніе на имѣніе пана Вилгорскаго с. Капустынъ, истязаніе и ограбленіе крестьянъ, разрушеніе ихъ хатъ, и

- за нападеніе потомъ въ дорогѣ на самаго Вильгорскаго, ограбленіе его и убійство его слуги. 1611 г., апрѣля 13 362
- CXIII.** Условіе объ отдачѣ Львовскимъ подкоморіемъ, Станиславомъ Каменецкимъ, въ аренду панамъ Ганецкимъ своего имѣнія, сс. Жуковецъ и Горзвина. 1611, апрѣля 18 368
- CXIV.** Арендный листъ отъ Брестскаго воеводича, Фридриха Тишкевича, папу Григорію Чернику, на городъ Бердичевъ и села Быстрикъ и Жидовцы. 1611 г., сентября 1 371
- CXV.** Жалоба Брестскаго воеводича, Фридриха Тишкевича, на Краковскаго каштеляна, князя Януша Острожскаго, о томъ, что Острожскій наслалъ вооруженный отрядъ на земли Тишкевича, которыми онъ самовольно завладѣлъ и осадилъ тамъ слободу „Новый Пыковъ“, чѣмъ совершенно преградилъ всѣ выѣзды изъ города Махновки. 1611 г., октября 22. 376
- CXVI.** Объявленіе отъ имени Краковскаго каштеляна, князя Януша Острожскаго, о томъ, что во время набѣга татаръ ими опустошены и разорены его имѣнія въ Острожской волости, а жители ихъ частію убиты, частію уведены въ плѣнъ. Донесеніе вознаго объ осмотрѣ опустошенныхъ имѣній. 1617 г., октября 12. 380
- CXVII.** Жалоба отъ имени князей Константина и Януша Острожскихъ на поручика роты Тлумацкаго старосты, Яна Потоцкаго, — Росновскаго и другихъ жолнеровъ той же роты, о нападеніи на имѣніе Острожскихъ, мѣстечко Козминъ, при чемъ мѣщане тамошніе были ограблены, избиты и изранены, а два изъ нихъ убиты. Донесеніе вознаго объ осмотрѣ имъ убитыхъ и раненыхъ. 1617 г., декабря 1. 383
- CXVIII.** Жалоба пана Василя Вороны на пана Семена Городискаго о нарушеніи послѣднимъ контракта, по которому онъ отдалъ Воронѣ въ аренду имѣніе свое Городище. Донесеніе вознаго о убыткахъ, понесенныхъ Вороною. 1618 г., марта 12 387
- CXIX.** Жалоба отъ имени пана Рафаила Лещинскаго на князя Януша Острожскаго о томъ, что онъ наслалъ урядника своего, Ивана Грузевича, съ толпою слугъ, бояръ и мѣщанъ Лугинскихъ, на принадлежащую жалобщику слободу Ушицу, который урядникъ, поставивъ въ слободѣ двѣ висѣльницы, велѣлъ бывшимъ съ нимъ

- боярамъ таскать къ ней привязанныхъ веревками за шею Ушицкихъ крестьянъ, которые здѣсь же подъ вистѣльницами подверглись жестокому истязанію; кромѣ того—имущество крестьянъ было ограблено, а сѣнокосы, поля и руды затоплены. 1618 г., іюня 3 дня. 390
- CXX.** Донесеніе вознаго о томъ, что онъ ввелъ пана Матчинскаго во владѣніе имѣніемъ Бѣлымъ-Стокомъ, отданнымъ ему въ аренду паномъ Бялостоцкимъ. 1619 года, февраля 22. 393
- CXXI.** Заявленіе поручика Барапа и другихъ служилыхъ татаръ о томъ, что князь Янушъ Острожскій, нанявъ ихъ на время на свою службу, не хочетъ отпускать ихъ отъ себя и желаетъ ихъ за собою »заневолить». 1619 г., апрѣля 2 396
- CXXII.** Жалоба пана Чолганскаго на панію Капешскую о нарушении ею контракта, по которому она арендовала ему свои имѣнія Острожець и Заболотье и о притѣсненіи ею тамошнихъ крестьянъ, которые вслѣдствіе того стали разбѣгаться. 1619 г., апрѣля 24. 398
- CXXIII.** Жалоба отъ имени Жидичинскаго архимандрита, Гедеопа Балабана, и всей братіи Жидичинскаго монастыря на князя Самуила Корецкаго о нападеніи на монастырскія имѣнія: Буремець, Подгайцы и Сапоговъ, и ограбленіи тамошнихъ крестьянъ. Донесеніе возныхъ, подтверждающее жалобу. 1619 г., апрѣля 26 399
- CXXIV.** Донесеніе возныхъ объ осмотрѣ ими опустошеній, произведенныхъ панами Ганецкими въ имѣніи Новоселкахъ, арендуемомъ ими у Луцкаго земскаго писаря, Войтеха Станишевскаго, и объ угнетеніи ими тамошнихъ крестьянъ. 1619 г., мая 14. 409
- CXXV.** Объявленіе внягини Анны Порицвой объ опустошеніи татарами имѣній ея: Буглова, Охришвовичъ, Плиски, Кутыщъ, Коростовы и Печорной. Донесеніе вознаго объ осмотрѣ имъ этихъ опустошенныхъ имѣній. 1619 г., мая 14. 412
- CXXVI.** Присяжное показаніе атамановъ изъ имѣній жены Волынскаго воеводы, князя Острожскаго, объ опустошеніи татарами Полонской и Остропольской ея волостей. 1619 г., мая 15 413
- CXXVII.** Донесеніе вознаго объ опросѣ имъ пойманныхъ крестьянъ села Терешковца о причинѣ бѣгства ихъ оттуда, при чемъ крестьяне эти показали, что они

ушли вслѣдствіе притѣсненій ихъ арендаторомъ, паномъ Ржичовскимъ. 1619 г., мая 15 414

СХХVІІІ. Присяжное показаніе атамановъ изъ имѣній Краковскаго каштеляна, князя Януша Острожскаго, объ опустошеніи татарамъ его имѣній, волостей: Острожской, Дубенской, Базалійской, Красяловской и Константиновской. 1619 г., мая 18 415

СХХІХ. Объявленіе отъ имени князя Януша Острожскаго объ опустошеніи татарами имѣній его въ Острожской и Березовской волостяхъ. Донесеніе вознаго объ осмотрѣ пмъ опустошенныхъ имѣній. 1619 г., мая 22 417

СХХХ. Жалоба пана Адама Кукольскаго на пана Матвѣя Тиминскаго о томъ, что онъ, арендовавъ имѣніе жалобщика, село Кононичи, притѣснялъ и угнеталъ крестьянъ, вслѣдствіе чего многіе изъ нихъ разбѣжались. 1620 г., февраля 29 дня 419

СХХХІ. Жалоба отъ имени Луцкаго епископа, Андрея Липскаго, на пановъ Юрія и Василя Микулинскихъ—Мелешковъ о томъ, что они съ жолнерами сдѣлали набѣздъ на принадлежащія Луцкому капитулу волости Торчинскую и Садовскую, въ которыхъ били, увѣчили и грабили крестьянъ, вслѣдствіе чего многіе изъ нихъ разбѣжались. 1620 г., апрѣля 25 дня 421

СХХХІІ. Донесеніе вознаго о томъ, что онъ былъ въ селѣ Козлиничяхъ, принадлежащемъ князю Юрію Жаславскому, при чемъ удостовѣрился, что вслѣдствіе угнетенія и ограбленія крестьянъ со стороны подсудка Хелмскаго, Фридриха Подгороденскаго, они съ семьями и имуществомъ ушли изъ села, и оное опустѣло. 1622 г., апрѣля 14 дня 424

СХХХІІІ. Жалоба пана Марка Гулевича на Минскаго воеводича, Казимира Паца, о томъ, что онъ, собравъ толпу около тысячи челоѣкъ людей изъ шляхты, лисовщиковъ, бояръ, мѣщанъ и крестьянъ своихъ имѣній, Чорторыйска и Володимерки, напалъ на село жалобщика, называемое Окно, оное взялъ штурмомъ, сжегъ панскій дворъ, корчму и крестьянскія хаты, убилъ нѣсколькихъ слугъ — шляхтичей, при чемъ одному изъ нихъ велѣлъ отрубить голову, ограбилъ имущество какъ жалобщика, такъ и крестьянъ села Окна, и оное совершенно разорилъ и опустошилъ; кромѣ того убилъ

нѣсколькихъ крестьянъ, трупы которыхъ были брошены въ огонь, а другихъ изъ крестьянъ велѣтъ похоронить. 1622 г., июля 8 дня 427

CXXXIV. Жалоба паня Чолганской на старосту Межирицкаго, пана Радзимиинскаго, о томъ, что онъ не оказалъ помощи людямъ, посланнымъ въ погоню за крестьянами Чолганской, уведенными неизвѣстными людьми, когда ихъ догнали въ Межиричѣ. Возный подтверждаетъ справедливость жалобы. 1623 г., февраля 7 438

CXXXV. Жалоба пана Незабитовскаго, войта имѣнія жены Виленскаго воеводы, Анны Ходкевичевой, м. Краснаго Ставу, на урядника имѣнія Волинскаго воеводы, князя Януша Жаславскаго, Григорія Мочульскаго, о захватѣ земель и уничтоженіи большой дороги, при чемъ, въ видѣ угрозы для желающихъ ѣздить по этой дорогѣ, поставлена висѣлица. Возный подтверждаетъ справедливость жалобы. 1623 г., юня 1 440

CXXXVI. Жалоба пановъ Павловичей, заставныхъ владѣльцевъ имѣній Волинскаго каштеляна, князя Кароля Корецкаго, сель: Большаго Хручого, Коловерта и Харлукчи, на Корецкаго, о томъ, что насланные имъ вооруженные люди освободили изъ тюрьмы и увели съ собой крестьянъ села Коловерта, виновныхъ въ разныхъ преступленіяхъ, которые должны быть осуждены на смерть. Жалоба подтверждается свидѣтельствомъ вознаго. 1623 года, августа 12 443

CXXXVII. Донесеніе вознаго о томъ, что онъ былъ въ селѣ Охматковѣ, гдѣ крестьяне объявили ему, что вслѣдствіе угнетеній ихъ со стороны подсудка и осужденія имъ на смертную казнь псвинныхъ, десять крестьянскихъ семействъ ушли изъ села, при чемъ оставленное крестьянское имущество было ограблено. 1624 года, юля 3 дня 445

CXXXVIII. Донесеніе вознаго о томъ, что онъ ввелъ пана Войтеха Ромера во владѣніе двумя крестьянами изъ имѣнія Остриева, заложеными ему панами Корытинскими. 1624 г., августа 13 дня 447

CXXXIX. Донесеніе вознаго о допросахъ съ пыткой, произведенныхъ въ его присутствіи паномъ Вишневскимъ двумя крестьянкамъ, обвиняемымъ въ колдовствѣ и попыткѣ отравить самого Вишневскаго. 1624 г., августа 22 446

- CXLI.** Жалоба пана Бельскаго на пана Гдешинскаго о уводѣ войтомъ послѣдняго крестьянъ с. Щитина, заставленнаго Гдешинскимъ Бельскому, и объ оставленіи имъ безнаказанными виновныхъ въ этомъ дѣлѣ, хотя виновность ихъ была доказана копнымъ судомъ. 1625 года, января 3 451
- CXLI.** Донесеніе возныхъ о происходившемъ въ присутствіи ихъ судѣ надъ крестьяниномъ пана Костюшковича-Хоболтовскаго, Петромъ Рачикомъ; виновный, сознавшійся въ многочисленныхъ кражахъ, былъ приговоренъ къ смерти. 1625 г., февраля 10 453
- CXLII.** Донесеніе возного о томъ, что онъ присутствовалъ при допросахъ съ пыткой, снятыхъ, въ присутствіи мужей изъ окольныхъ селъ и громады села Твердыня, съ Льва Рокицкаго, обвиненнаго въ воровствѣ разныхъ вещей у пани Гувевичевой; Рокицкий, сознавшійся въ преступленіи и указавшій на своихъ соучастниковъ, былъ приговоренъ къ смертной казни. 1625 г., марта 5 д. 456
- CXLIII.** Инвентарь села Городка, принадлежащаго соборной Владимірской церкви Богоматери, съ исчисленіемъ крестьянъ и ихъ повинностей 1626 г., іюня 24 д. . 462
- CXLIV.** Жалованная грамота пана Андрея Кашовскаго мѣщанамъ и купцамъ, христіанамъ и евреямъ, поселяющимся въ имѣніи его м. Острожць, на свободу отъ повинностей, магдебургское право и другія вольности; на старожиловъ же Острожецкихъ жителей грамота эта не распространяется. 1630 г., января 1 465
- CXLV.** Жалоба всего шляхетства Волинскаго воеводства на сборщика подымной подати пана Михаила Линевскаго о притѣсненіяхъ и взысканіи излишнихъ податей. 1630 г., марта 9. 467
- CXLVI.** Жалоба пана Андрея Фирлея на пана Андрея Линевскаго о томъ, что послѣдній угнетаетъ крестьянъ арендуемыхъ имъ у Фирлея имѣній. 1630 г., апрѣля 17. 470
- CXLVII.** Жалоба отъ имени пана Балабана на пана Беневскаго о угнетеніи послѣднимъ крестьянъ въ арендуемомъ имъ имѣніи Балабана, с. Хорохоринѣ. 1630 года, мая 25 473
- CXLVIII.** Инвентарь с. Радомышля, съ подробнымъ перечисленіемъ крестьянъ и ихъ повинностей. 1631 г., мая 16. 476

- CXLIX.** Инвентарь половины с. Шпакова, съ перечисленіемъ крестьянъ и ихъ повинностей. 1631 г., іюня 23 д. 479
- CL.** Инвентарь с. Богурина, съ перечисленіемъ крестьянъ и ихъ повинностей. 1631 г., іюля 1. 481
- CLI.** Жалованная грамота короля Сигизмунда III скарбозому писарю Филону-Петру Мировицкому на два пустыя городища надъ р. Ворскломъ. 1632 г., февраля 16 486
- CLII.** Инвентарь имѣній Владимірскаго-Берестейскаго епископів, съ перечисленіемъ крестьянъ и ихъ повинностей. 1633 г., марта 30 488
- CLIII.** Жалоба отъ имени пана Іеронима Харлезскаго на пана Михаила Ливевскаго о томъ, что онъ, арендовавъ у жалобщика имѣніе Бужаны, оное, во время аренды, розорилъ, притѣснялъ крестьянъ и присвоилъ ихъ имущество, вслѣдствіе чего одни изъ крестьянъ совершенно обдѣли, а другіе разошлись прочь. Жалоба подтверждается свидѣтельствомъ возныхъ. 1633 года, іюля 23 дня 491
- CLIV.** Объявленіе пана Яна Кашевскаго о томъ, что новоосаженное мѣстечко Кашово не подлежитъ оплатѣ подымной подати на основаніи льготы, дарованной королевскою привилегією. 1634 г., мая 16 дня 497
- CLV.** Жалоба отъ имени Августинскаго Затурецкаго монастыря на пана Андрея Лагодовскаго о томъ, что онъ, собравъ толпу крестьянъ, ворвался въ монастырь, подъ предлогомъ отысканія, будтобы скрывавшагося въ костелъ своего челядника, выломалъ двери въ костелъ и произвелъ въ немъ обыскъ, при чемъ избилъ монастырскаго проповѣдника. 1634 г., октября 7 дня 499
- CLVI.** Рѣшеніе Владимірскаго городскаго суда по жалобѣ Владимірскаго и Берестейскаго епископа Іосифа Мукоція-Баковецкаго на князя Владислава-Доминива Жаславскаго о томъ, что онъ наслалъ вооруженныхъ Татаръ, Волоховъ, Сербовъ и другихъ націй людей, на монастырскія села Карасинъ и Сушичаны, которые, поставивъ въ этихъ селахъ болѣе сорока заостренныхъ вольевъ, угрожали сажать на оныя крестьянъ и бромъ того вѣшать ихъ, и затѣмъ нѣкоторыхъ изъ крестьянъ ограбили, другихъ предали иставанію, часть же изъ нихъ, связавъ, отправили въ Дубно и насильно

- поселили на монастырскомъ грунтѣ крестьянъ «слобожанъ». 1637 г., апрѣля 27 дня 502
- CLVII. Присяжное показаніе атамана с. Городища, принадлежащаго пану Николаю Прежевскому, о числѣ оцутѣвшихъ дымовъ въ означенномъ селѣ. 1638 г., іюля 14 дня 512
- CLVIII. Жалованная грамота короля Владислава IV полковнику Станиславу Потоцкому на имѣніе Максимову. 1639 г., іюня 30 дня 513
- С IX. Универсалъ Кіевского воеводы Януша Тышкевича, приглашающій ~~всѣхъ~~ обывателей Кіевского воеводства собраться съ оружіемъ для принужденія воеводнаго стражника Самуила Лаща къ исполненію состоявшихся противъ него судебныхъ рѣшеній. 1640 г., января 25 дня 515
- CLX. Донесеніе вознаго о доставленіи имъ мандата, требующаго на королевскій судъ княгиню Домонтову, князя Іеремію Швишевецкаго и другихъ лицъ, по жалобѣ короннаго стражника Самуила Лаща о наѣздѣ на его имѣнія Домонтовъ, Песчаную и Золотоногу, разнаго рода насилійхъ, грабежахъ и о совершенномъ отнятій этихъ имѣній. 1640 г., апрѣля 17 520
- CLXI. Жалоба пана Калускаго на крестьянъ мм. Стараго и Новаго Воростешова о томъ, что они произвели нападеніе на живущихъ тамъ «ляховъ», а при проѣздѣ Калускаго черезъ мѣстечко напали и на него, одного изъ слугъ его избили, изранили и ограбили. Донесеніе вознаго объ осмотрѣ имъ равъ. 1640 г., апрѣля 17. 522
- CLXII. Приговоръ Люблинскаго трибунала, осуждающій на банницію цѣлую роту Черниговскаго воеводы Мартина Калиновскаго за неявку обвиняемыхъ къ суду, по дѣлу о грабежахъ и насиліяхъ, произведенныхъ ими въ имѣніяхъ Кіевскаго хорунжика Реміана Ельца. 1640 г., апрѣля 18 дня 529
- CLXIII. Объявленіе отъ имени крестьянъ с. Кошара о томъ, что паны Пясецкіе своими угрозами воспрепятствовали имъ произвести судъ надъ задержаннымъ ими воромъ, который вслѣдствіе этого бѣжалъ. 1640 г., сентября 18. 532
- CLXIV. Заявленіе пана Прежевскаго о нападеніи на его имѣніе хорунжаго Браславскаго (фамилія не обозна-

- чена), который произвел тамъ разнаго рода насилія и грабежи и поставилъ возлѣ дома Пржевскаго вѣстлицу. 1643 г., іюня 22 533
- CLXV. Жалоба пана Тумовскаго на пановъ Олизаровъ, наславшихъ на его имѣніе Минійки четырехтысячный отрядъ, который произвелъ тамъ разнаго рода насилія, убійства и грабежи. 1643 г., августа 29. 534
- CLXVI. Жалоба пановъ Замойскихъ на пана Дугу-Подоренскаго и жену его о томъ, что они, взявъ въ аренду имѣніе жалобщиковъ Новую Вилу, вслѣдствіи угнетали тамошнихъ крестьянъ и совершенно разорили имѣніе. 1646 г., января 29. 538
- CLXVII. Жалоба пана Станислава Гурскаго на «хлоповъ» Черкаскаго староства, Омельяна Ивановича и Радка Василевича, о томъ, что они, назвавшись шляхтичами, совершили актъ уступки пану Станиславу Потоцкому на имѣніе жалобщика надъ р. Ворсклою, отданное имъ въ залогъ Кіевскому подкоморію, Юрію Немирчу. 1646 г., января 13. 543
- CLXVIII. Донесеніе вознаго о ввѣдѣ имъ пановъ Чечелей во владѣніе имѣніями Вырицію и Козакомъ, заставленными имъ княземъ Самуиломъ Каріомъ Корецькимъ. 1647 г., марта 20 545
- CLXIX. Рѣшеніе комиссарскаго суда, освобождающее бояръ Овручскаго староства, Грезяпль, отъ различныхъ повинностей, неправильно наложенныхъ на нихъ старостою. 1647 г., сентября 10. 547
- CLXX. Арендная запись отъ князя Іереміи Вишневецкаго коронному стражнику Александру Замойскому на городъ Дубны. 1647 г., ноября 1. 549
- CLXXI. Жалоба пани Смитковской на крестьянъ с. Болболъ, о томъ, что они начали на нее въ дѣсу, гдѣ она скрылась отъ козаковъ, изранили ее и ограбили, одного сына ея убили, а другой бѣжалъ отъ нихъ и неизвестно куда дѣвался. 1649 г., марта 3 552
- CLXXII. Жалоба отъ имени жены Виленскаго воеводы, Анны Алозій Ходкевичевой, на аренднаго владѣльца м. Вильска, пана Александра Цеклинскаго, и на слугу его Бѣледскаго, о увозѣ изъ ея имѣній нѣсколькихъ сотъ крестьянъ, которые и были потомъ совершенно ограблены. 1650 г., января 7 558

- CLXXIII. Жалоба Ковельскаго ксендза Петра Козаковича-Пропицкаго на мѣщанъ Ковельскихъ объ ограбленіи и совершенномъ опустошеніи ими мѣстнаго костела во время перваго козацкаго востанія. 1650 г., марта 14. 563
- CLXXIV. Жалоба пана Юрьевича на крестьянъ Кіевскаго подкоморія Юрія Немирича, ограбившихъ, во время козацкаго востанія, имѣніе жалобщика Зарубинцы. 1650 г., мая 6 565
- CLXXV. Жалоба отъ имени княгини Катерины Четвертинской и пановъ Харлинскихъ на хоругвь Волинскаго подстоля, Тимофея Карпинскаго, о нападеніи на имѣніе ихъ Новый Островъ, ограбленіи и истязаніи крестьянъ и священника, «хотя онъ и уніать». 1650 г., мая 20 567
- CLXXVI. Присяжное показаніе крестьянъ изъ имѣній пановъ Тышей Быковскихъ о уменьшеніи числа жителей въ ихъ селахъ, вслѣдствіе козацкихъ войнъ. 1650 г., іюня 15 570
- CLXXVII. Жалоба Полонскаго мѣщанина Ивана Полонскаго на пана Станислава Славецкаго о томъ, что послѣдній схватилъ его съ товарищемъ на дорогѣ, заключилъ въ тюрьму и, принявъ ихъ за козацкихъ шпионовъ, хотѣлъ казнить. 1650 г., августа 9 571
- CLXXVIII. Універсаль гетмана Богдана Хмельницкаго, которымъ онъ предписываетъ, чтобы крестьяне попрежнему повиновались и отбывали повинности панамъ. 1650 г., сентября 20 573
- CLXXIX. Жалоба пановъ Яна и Габріеля Аксаковъ на свою мачиху, Екатерину Аксакову, о томъ, что она, съ помощію козаковъ, захватила ихъ имѣнія. 1651 г., января 23. 574
- CLXXX. Объявленіе отъ имени Кіевскаго подкоморія, Юрія Немирича, о числѣ разбѣжавшихся во время козацкаго востанія изъ Лугинскаго имѣнія крестьянъ, съ поименнымъ ихъ перечисленіемъ. 1651 г., августа 21. 576
- CLXXXI. Жалоба пани Потоцкой на пана Бачинскаго о томъ, что онъ, собравши отрядъ съвольныхъ людей, наѣзжалъ на ея имѣнія, грабилъ и истязалъ крестьянъ, подвергалъ ихъ пыткамъ и съ одного содралъ кожу. 1651 г., сентября 23 579
- CLXXXII. Жалоба пана Стефана Жабокрицкаго на пана Ста-

- нислава Скоповскаго объ увѣщеніи крестьянъ въ арендуемомъ имъ имѣніи жалобщика и о принужденіи священника къ отиравленію крестьянскихъ повинностей. 1652 г., марта 1. 580
- СЛXXXIII. Жалоба пана Станислава Сарцецака на пана Александра Бочковскаго о томъ, что послѣдній нападъ на арендное его имѣніе Ликовъ, которое совершенно разграбилъ, а крестьянъ всѣхъ разогналъ. 1652 г., марта 25 581
- СЛXXXIV. Присяжное показаніе крестьянина пана Мясоцкаго о томъ, что въ селѣ Волицѣ изъ семи дворовъ остался жилимъ только одинъ. 1653 г., апрѣля 21 583
- СЛXXXV. Объявленіе отъ имени наслѣдниковъ Быдгоцскаго каштеляна Станислава Соколовскаго о запусѣніи имѣній ихъ Шепля и Войсича вслѣдствіе мороваго повѣтрія и бѣгства крестьянъ отъ жолнерскихъ притѣвленій. 1653 года, іюня 21 584

О П Е Ч А Т К И:

Стр.	7,	строка	15	сверху	НАПЕЧАТАНО:	ДОЛЖНО БЫТЬ:
—	20	—	1	—	Жигмонть	Жигимонть
—	—	—	1	снизу	землевладѣцамъ	землевладѣльцамъ
—	23	—	4	—	права	права
—	31	—	10	—	позднѣйшему	позднѣйшему
—	66	—	4	—	приездяючн	приездяючи
—	74	—	2	—	ее	се
—	77	—	12	сверху	око	яко
—	84	—	3	снизу	XVIII столѣтія	XVII столѣтія
—	88	—	16	—	породившися	нерадившися
—	91	—	6	—	ихъ	якъ
—	—	—	5	—	Потемкиъ	Потемкинъ
—	—	—	4	—	которыхъ	которыя
—	100	—	2	—	1872 г. № 8	1869 г., стр. 920
—	111	—	15	—	стр.	стр. 41, 51
—	113	—	14	—	1/2	1/10
—	117	—	1	сверху	не лучше, порядки	не лучше порядки, в
—	141	—	7	—	Сигизмунда I	Сигизмундомъ I
—	144	—	11	снизу	характеристити	характеристия
					inculpatus	inculpatus.

